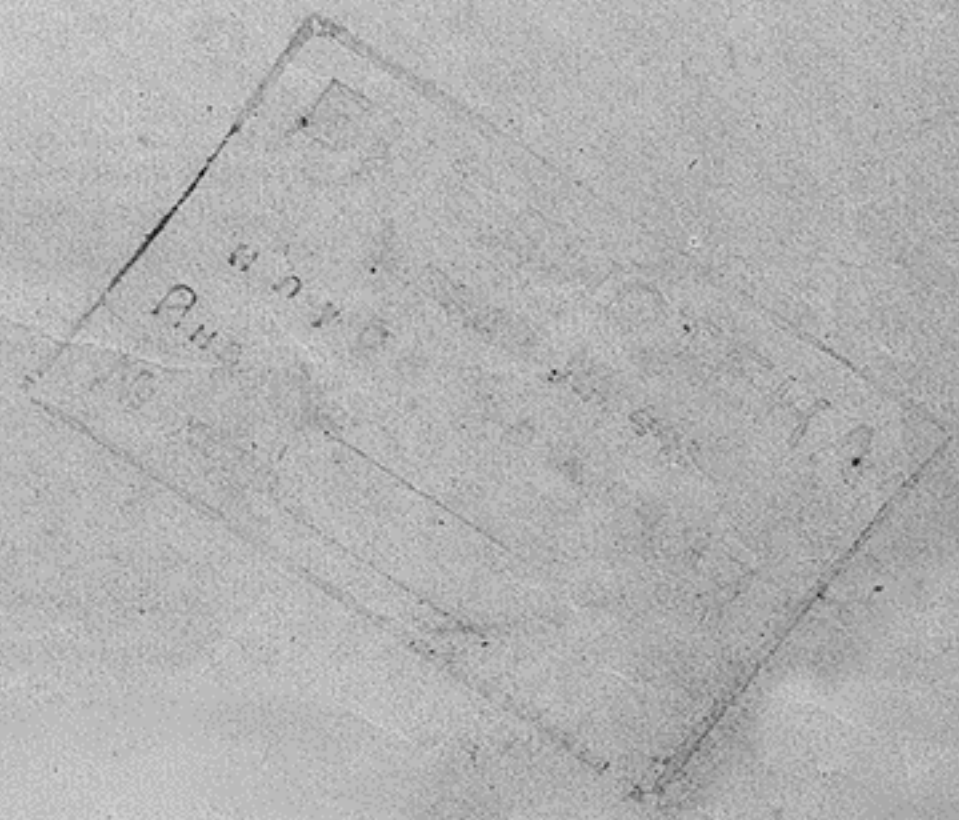

Юлій Липпертъ.

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ

ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ ОЧЕРКАХЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

П. И. Гиберманъ-Лурье и **С. А. Ратнеръ**

подъ редакціей и съ примѣчаніями

Д. А. КОРОПЧЕВСКАГО.

Съ 120 рисунками въ текстѣ.

Муниципальное казённое учреждение культуры Муниципального образования город Ирбит «Библиотечная система»

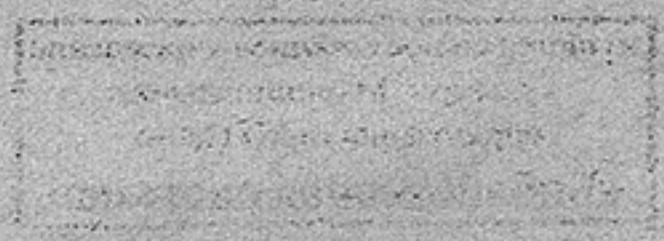
92905

Муниципальное казённое учреждение культуры Муниципального образования город Ирбит «Библиотечная система»

БИБЛИОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„С.-Петербургская Электропечатня", Вознесенскій пр., 53.
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 октября 1902 г.

Исторія культуры.

ОТДѢЛЪ I.

Забота о пищѣ. Одежда и жилище [1]).

Исторія культуры [1]) есть исторія того труда, благодаря которому человѣчество изъ низкаго и бѣдственнаго состоянія поднялось на ту высоту, на какой оно находится въ настоящее время.

Человѣкъ обязанъ, тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ теперь, главнымъ образомъ, совокупности этой работы; правда, немалую роль играли при этомъ его природныя способности, первоначальнаго развитія которыхъ исторія культуры не въ состояніи прослѣдить. По сравненію съ животными, силы человѣка слабы и ограничены, но умственныя способности его могутъ развиваться безпредѣльно. Въ этомъ и заключается причина его возвышенія. Большое разнообразіе мѣстныхъ жизненныхъ условій понуждало человѣка испытывать свои способности. Ближайшимъ толчкомъ къ тому служили постепенное расширеніе области его обитанія и медленныя измѣненія, происходившія въ обитаемой имъ мѣстности подъ вліяніемъ геологическихъ преобразованій. О вліяніи этихъ послѣднихъ на судьбу многочисленныхъ животныхъ видовъ свидѣтельствуютъ ископаемые остатки «вымершихъ видовъ». Животныя, развившіяся подъ болѣе теплымъ небомъ, не могли перенести «ледниковаго періода» нашихъ широтъ; точно также животныя сѣверныхъ странъ не могли приспособиться къ климату, который становился все теплѣе и теплѣе. Одинъ и тотъ же видъ не могъ сперва питаться плодами пальмъ, а затѣмъ перейти къ рыбной пищѣ, добываемой изъ ледниковыхъ озеръ. Во время геологическихъ измѣненій, виды, по большей части, «вымирали», и новые виды возникали изъ стоявшихъ на болѣе низкой ступени животной лѣстницы. Но «ископаемый человѣкъ», какъ особый вымершій видъ, до сихъ поръ еще не найденъ. Геологическіе перевороты для человѣка послужили школой развитія его разнообразныхъ способностей. Вслѣдствіе упражненія въ разрѣшеніи постоянно возникавшихъ новыхъ задачъ, сила его мышленія возрастала, и дѣятельностью своего разума онъ побѣдилъ враждебную природу, въ борьбѣ съ которою погибали цѣлые роды животнаго царства. Прослѣдить этотъ процессъ въ его отдѣльныхъ проявленіяхъ и составляетъ задачу исторіи культуры.

Работа, результатомъ которой явилась нынѣшняя культура, не шла по заранѣе намѣченному плану. Она началась прежде, чѣмъ человѣческое мышленіе стало способно къ такимъ обобщеніямъ. Многіе

---

[1]) Примѣчанія приложены въ концѣ каждаго отдѣла.

изъ современныхъ народовъ представляютъ краснорѣчивыя доказательства того. Мотивы человѣческой дѣятельности, повидимому, безконечно разнообразны и даже полны противорѣчій, но всѣ они сводятся къ заботѣ о поддержаніи существованія. Въ этихъ цѣляхъ природа создала тѣсную связь между матерью и ребенкомъ; эта же забота побуждала человѣка придумывать способы добыванія и приготовленія пищи, изобрѣтать орудія и утварь, соединяться въ общества; она же способствовала развитію языка, какъ необходимаго средства для взаимнаго пониманія и просвѣтлѣнія умственныхъ способностей, и создала точныя, опредѣленныя формы мысли. Предусмотрительная забота объ обезпеченіи своего существованія создала понятія и учрежденія собственности, мира и права и, косвеннымъ образомъ, понятія о числахъ и искусство письма; подъ ея же вліяніемъ человѣкъ пытается угадывать причины явленій и, по сходству съ пріобрѣтеннымъ запасомъ понятій, создаетъ представленія о мірѣ духовъ, а также формы культа и религіозныя идеи. Эта работа развиваетъ силу творческаго мышленія и, передаваясь наслѣдственно, постоянно увеличиваетъ духовныя силы человѣчества.

Мы указали лишь немногія изъ нитей, образующихъ пеструю ткань культурной работы. Въ дѣйствительности, всѣ нити съ быстро вращающихся веретенъ переходятъ въ многообразныхъ сплетеніяхъ на ткацкій станокъ жизни, и притомъ не одна вслѣдъ за другой, а одновременно всѣ вмѣстѣ. Никакое человѣческое воображеніе, однако, не въ силахъ охватить всю картину этого сложнаго движенія, и мы должны довольствоваться тѣмъ, чтобы прослѣдить ходъ отдѣльныхъ нитей, предоставляя читателю постоянно имѣть въ виду связь ихъ съ общей дѣятельностью всего механизма. Хотя заботы о матеріальномъ благосостояніи въ дѣйствительности неразрывно связаны съ той или другой ступенью духовной дѣятельности человѣка, мы, тѣмъ не менѣе, ради ясности изложенія, вынуждены раздѣлить и эту нить.

Въ первомъ отдѣлѣ мы изложимъ развитіе матеріальной культуры человѣчества, имѣя въ виду всѣхъ представителей его, во второй—исторію его общественныхъ учрежденій, и въ третьей — развитіе языка и письменности, религіи и миѳологіи.

Изложеніе этой первой части нашего труда мы начнемъ съ того, съ чего въ дѣйствительности и началась работа человѣчества, а именно съ заботы о «хлѣбѣ насущномъ», и закончимъ указаніемъ изобрѣтеній и техники, къ которымъ постепенно привела эта забота о поддержаніи жизни. Мы начнемъ съ изложенія самыхъ основныхъ элементовъ борьбы человѣка за существованіе, когда человѣчество стояло еще на такой ступени развитія, на какой въ настоящее время находятся лишь самые отсталыя племена, и прослѣдимъ развитіе этихъ элементовъ приблизительно до уровня, достигнутаго человѣчествомъ въ средніе вѣка.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы не видимъ никакого основанія къ отдѣленію «первобытной исторіи» человѣчества отъ послѣдующихъ періодовъ его развитія, такъ какъ на протяженіи всей исторіи дѣйствуютъ одни и тѣ же факторы. Племенныя и расовыя отличія также не могутъ служить основаніемъ для подобнаго раздѣленія исторіи человѣчества, далеко уступая по своему значенію вышеуказаннымъ болѣе

общимъ факторамъ. Отличія эти, по большей части, сами являются лишь продуктомъ вліянія средствъ, въ томъ или иномъ видѣ доставляемыхъ природой, съ помощью которыхъ человѣческія племена и расы стремились къ достиженію одной и той же цѣли—къ поддержанію своего существованія.

Распространеніе человѣчества.

Бэкеръ, въ описаніи своего путешествія, изобразилъ типъ философа-дикаря, въ лицѣ африканскаго начальника Комморо. Этотъ чернокожій мыслитель ставилъ быка, за нѣкоторыми исключеніями, выше человѣка на томъ основаніи, что быкъ, не сѣя, всюду находитъ себѣ пропитаніе, тогда какъ человѣкъ кормится лишь съ помощью значительныхъ усилій. Здѣсь справедливо только одно: главное различіе между этими двумя группами существъ заключается въ большемъ ограниченіи человѣка въ выборѣ пищи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ большей его одаренности; но въ томъ и въ другомъ кроется и главный стимулъ человѣческаго прогресса. Человѣку, правда, отказано природой въ способности жвачныхъ животныхъ—превращать почти любую растительную пищу въ матеріалъ, годный для возстановленія потерь своего организма. Онъ лишенъ и мускульной силы, и прирожденнаго оружія, и ловкости, какія присущи хищнымъ звѣрямъ и помогаютъ имъ обезпечивать свое пропитаніе. Поэтому человѣкъ легко можетъ испытывать нужду въ томъ или другомъ направленіи.

Въ этомъ смыслѣ философъ съ истоковъ Нила вполнѣ правъ; мы и не рѣшаемся оспаривать его мнѣніе о людяхъ, но должны замѣтить, что въ свѣдѣніяхъ его изъ естественной исторіи быка существуетъ пробѣлъ. И это животное, одаренное столь счастливой пищеварительной способностью, можетъ подвергаться лишеніямъ; африканскій видъ его даже несомнѣнно пережилъ такой періодъ, когда въ началѣ нашей геологической эпохи африканская пустыня получила свои настоящіе размѣры. Тогда неминуемо долженъ былъ погибнуть весь рогатый скотъ, жившій здѣсь раньше; видъ, насколько порода его заслуживала такого названія, вѣроятно, здѣсь вымеръ. Между тѣмъ человѣкъ отстоялъ свое, хотя и жалкое, существованіе въ этой пустынѣ какъ и среди полярныхъ льдовъ, и сохранилъ свой видъ, отыскавъ новые источники пропитанія, когда прежніе изсякли.

Въ настоящее время твердо установлено геологіей, что подобныя перемѣщенія климатическихъ поясовъ дѣйствительно происходили на земномъ шарѣ и что человѣческій родъ былъ уже свидѣтелемъ этихъ перемѣщеній, хотя, благодаря той медленности, съ какой они совершались, они проходили незамѣтно для отдѣльныхъ поколѣній и для всего человѣчества доисторическихъ временъ. Во время подобныхъ геологическихъ и климатическихъ превращеній, когда совершенно измѣняются жизненныя условія, особенно ярко проявляется способность человѣка шагъ за шагомъ, ощупью, отыскивать новыя средства къ поддержанію своего существованія. Однако, не всякій индивидуумъ, не всякая общественная группа или раса способны въ такихъ случаяхъ отстоять его, особенно, когда перемѣны наступаютъ непосредственно, какъ, напр., при переселеніяхъ; тогда больше всего страдаютъ именно тѣ, которые были всего лучше приспособлены къ прежнимъ условіямъ: имъ труднѣе приноровиться къ новымъ условіямъ существованія.

Умѣнье приспособляться развивается только упражненіемъ; оно всего сильнѣе у тѣхъ, которые, живя на окраинахъ странъ съ болѣе благопріятными условіями, вынуждены были съ нѣкоторымъ трудомъ вести борьбу за существованіе. Къ переселенію на эти окраины или даже за предѣлы ихъ понуждали не только геологическіе перевороты, но и постепенное размноженіе людей. Чѣмъ условія существованія въ данной мѣстности были благопріятнѣе для человѣка, лишеннаго какихъ-либо средствъ культуры, тѣмъ быстрѣе должно было идти его размноженіе въ силу естественныхъ законовъ. Какой бы райскій уголокъ на земномъ шарѣ мы ни представляли себѣ, онъ все-таки долженъ былъ имѣть свои предѣлы. Всѣ, кому приходилось жить на границахъ этой наилучше надѣленной природою области, при сгущеніи населенія въ срединѣ ея, должны были приходить къ заключенію, что имъ легче вести борьбу съ менѣе благопріятными условіями за ея предѣлами, чѣмъ съ избыткомъ населенія. Въ исторіи мы находимъ не мало фактовъ существованія именно такого процесса. Западное побережье Норвегіи гораздо удобнѣе для человѣческаго населенія, чѣмъ безлѣсная Исландія; тѣмъ не менѣе, уже съ конца IX вѣка многіе норвежцы начали переселяться туда. Хотя они уже испытали всю трудность борьбы въ сѣверномъ климатѣ, они все таки предпочитали вести борьбу съ еще болѣе суровой природой, чѣмъ оставаться на родинѣ среди чрезмѣрно скученнаго населенія. Потомки ихъ отважились даже переселиться на ледяной берегъ восточной Гренландіи, гдѣ приходится бороться противъ наихудшихъ климатическихъ условій.

Выводы, сами собой вытекающіе изъ всего вышесказаннаго, вполнѣ совпадаютъ со взглядами антропологовъ и съ историческими свидѣтельствами, относящимися къ самой глубокой древности. Отдѣльныя расы замѣтно отличаются одна отъ другой ростомъ, отношеніемъ длины конечностей къ туловищу, строеніемъ черепа и лица, свойствомъ волосъ и цвѣтомъ кожи, этимъ хотя и не самымъ существеннымъ, но наиболѣе бросающихся въ глаза признакомъ, представляющимъ всевозможные оттѣнки, начиная отъ нашего, такъ называемаго бѣлаго цвѣта до бураго и почти чернаго. Но современная наука не придаетъ ни одному изъ этихъ и подобныхъ имъ отличительныхъ признаковъ существеннаго значенія, такъ какъ всѣ они могли развиться въ теченіе продолжительнаго времени подъ вліяніемъ особыхъ климатическихъ условій и особаго образа жизни, изъ случайныхъ физическихъ отличій древнѣйшихъ обитателей страны, подобно тому, какъ развиваются особыя черты въ нѣкоторыхъ семьяхъ, гдѣ браки заключаются въ извѣстномъ ограниченномъ кругу. Людямъ непосвященнымъ это можетъ казаться неправдоподобнымъ лишь при сравненік самыхъ отдаленныхъ членовъ одного и того же ряда; въ дѣйствительности, мы въ каждой расѣ можемъ найти множество индивидуумовъ, которые тѣмъ или инымъ признакомъ до такой степени сходны съ типомъ ближайшихъ къ нимъ расъ, что принадлежность ихъ къ той или другой расѣ трудно опредѣлить даже и спеціалисту.

Если признать единство человѣческаго рода и постепенное измѣненіе отдѣльныхъ его вѣтвей, то древнѣйшимъ мѣстообитаніемъ человѣка пришлось бы считать одну какую либо страну на земномъ шарѣ, гдѣ плоды растутъ или расли тогда въ дикомъ состояніи и притомъ въ такомъ коли-

чествѣ, что человѣкъ находилъ въ нихъ если не слишкомъ обильный, то, во всякомъ случаѣ, достаточный источникъ пропитанія, достававшійся ему безъ труда. Такія мѣста мы и теперь еще находимъ на земномъ шарѣ и могли бы считать ихъ колыбелью человѣчества, если бы не было извѣстно, что человѣкъ оставилъ слѣды своего существованія еще въ ту эпоху, когда геологическое строеніе и распредѣленіе климатовъ на землѣ были совершенно иными. Но гдѣ бы ни находился въ ту геологическую эпоху этотъ благодатный поясъ, мы знаемъ изъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, что человѣкъ и тогда распространялся далеко за его предѣлы.

Люди жили, напр., и въ нашихъ странахъ въ тѣ времена, когда ихъ климатическія условія были почти такими же, какъ въ нынѣшней Гренландіи и Исландіи. Мы не знаемъ, имѣемъ-ли мы право допустить, что эти люди попали сюда, благодаря естественному перемѣщенію границъ области распространенія человѣчества; возможно также, что переселеніе произошло еще въ ту эпоху, когда въ нашихъ странахъ произросталъ древовидный папоротникъ. Затѣмъ медленно, едва замѣтными шагами сталъ надвигаться ледниковый періодъ, и сыну приходилось придумывать такія средства самозащиты, которыя еще были неизвѣстны его отцу. Постепенно накопившійся запасъ привычки и умѣнья заботиться о себѣ далъ возможность тѣмъ немногимъ, которые перенесли наступленіе ледниковаго періода, продолжать свое существованіе среди ледяныхъ пустынь и бороться за пищу съ пещернымъ медвѣдемъ.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что наибольшій запасъ умѣнья поддерживать свое существованіе и духа предпріимчивости накапливался за предѣлами той области, гдѣ жизнь была болѣе пріятной, но и болѣе легкой. Раса будущаго должна была въ менѣе счастливыхъ странахъ пройти суровую школу, пока не закалилась въ ней. Тогда она могла переселиться и въ болѣе богатую страну съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ это возможно было для уроженцевъ даже окраинъ этой послѣдней. Такимъ образомъ, человѣчество въ своемъ движеніи должно было совершать круговоротъ, сходный съ круговоротомъ воды, которая, испаряясь у экватора, притекаетъ къ полюсамъ, а оттуда, перейдя снова въ жидкое состояніе подъ вліяніемъ холода, возвращается по опредѣленнымъ путямъ къ экватору. Дѣйствительно, вторую половину этого движенія мы уже ясно видимъ въ историческомъ освѣщеніи. Но, какъ извѣстно, сцена, на которой разыгрывается исторія человѣчества, занимаетъ лишь одну сторону земного шара. Она сосредоточивается въ сѣверномъ полушаріи; міръ южнаго полушарія какъ бы не существуетъ для насъ. Поэтому обратное движеніе этого круговорота, первая часть котораго предшествуетъ какой бы то ни было исторіи, представляется намъ въ видѣ теченія, съ силою направляющагося отъ сѣвера къ югу.

Нынѣшняя граница между болѣе темными тропическими расами и болѣе свѣтлыми сѣверными расами еще во времена историческія лежала гораздо ближе къ сѣверу, а теперь замѣчается уже, если не распространеніе по всему земному шару, то, по крайней мѣрѣ, всеобщее господство бѣлой расы. Малорослый, бурый бушменъ южной Африки, это безпечное, не знающее никакой культуры дитя, считается многими остаткомъ древнѣйшаго, оттѣсненнаго къ югу населенія чернаго материка. Мнѣніе это находитъ себѣ под-

тверждение въ томъ, что мѣстами и теперь еще встрѣчаются на материкѣ Африки разсѣянные остатки этой малорослой расы. Распространеніе собственно негрской темнобурой расы до предѣловъ частью безплоднаго, частью сравнительно бѣднаго юга Африки, происходило, вѣроятно, на счетъ этого первобытнаго населенія, готтентотовъ и бушменовъ, которые были оттѣснены за указанные предѣлы. Между тѣмъ, на сѣверѣ же, близъ нильскихъ пороговъ, у самыхъ воротъ Египта, также обитали черные эѳіопы, о чемъ свидѣтельствуютъ древнія изображенія египтянъ. Въ долину нижняго Нила съ нильской дельты или, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, съ сѣвера, проникла новая раса красноватаго [2]) цвѣта кожи, не негрскаго типа; къ этой красновато-бурой расѣ принадлежатъ египтяне. Къ сѣверо-западу отъ нихъ жили «ливійцы»—авангардъ бѣлой расы со смуглымъ цвѣтомъ кожи и голубыми глазами, согласно описанію древнихъ авторовъ. Съ того времени чистокровная негрская раса была оттѣснена далеко вглубь материка и уже не касается области сѣверной пустыни Африки. Здѣсь господствовала смуглая вѣтвь бѣлой расы и другая, болѣе темная, но не негрская раса. Красновато-бурая раса распространила свое господство далеко за предѣлы Нубіи, а съ восточнаго берега проникли вглубь материка смуглые представители бѣлой расы—арабы.

Вопросъ о томъ,—испытывала ли и Европа подобное перемѣщеніе расъ, былъ ли въ ней когда-либо періодъ господства черной или хотя бы красноватой расы, если не считать финикійскихъ колоній,—остается открытымъ. Что касается Азіи, то не подлежитъ сомнѣнію, что она пережила подобный процессъ. И на побережьи Персидскаго залива, и на берегахъ Средиземнаго моря жилъ народъ красной или смугло-бѣлой расы, который назывался «финикіянами»; вслѣдъ за ними выступили на арену исторической жизни смуглые представители бѣлой расы, евреи и арабы. Далѣе къ востоку, въ низовьяхъ Евфрата и Тигра, во времена доисторическія лежала пограничная линія расы, несомнѣнно, черной, хотя ее и называли до- или пра-кушитской, въ отличіе отъ настоящихъ эѳіоповъ, которыхъ Библія называетъ кушитами. Но исторія говоритъ намъ, что сюда проникли съ сѣвера представители желтой расы — сумерійцы и аккадійцы, сыгравшіе по отношенію къ чернокожимъ ту же роль, что и представители бѣлой и красноватой расы по отношенію къ ихъ африканскимъ родичамъ.

Отсюда пограничная линія черной расы перерѣзывала всю Азію вплоть до побережья Великаго океана; въ историческія времена она вездѣ все дальше отступала къ югу. На крайнемъ востокѣ Азіи и теперь еще господствуетъ желтая раса, но на всѣхъ остальныхъ пунктахъ указанной пограничной линіи побѣда осталась за бѣлой расой или, вѣрнѣе, послѣдовательно за смуглой и свѣтлой вѣтвями этой расы. Такъ, аккадійцы, которыхъ причисляютъ къ туранцамъ, побѣждены были семитическими вавилонянами и ассиріянами, а тѣ, въ свою очередь, арійцами-персами. Но и эти послѣдніе были уже знакомы съ темнокожими первичными обитателями страны, вслѣдствіе чего исконный врагъ, дьяволъ, представлялся имъ всегда чернымъ. Одинъ потокъ этой бѣлой расы направился въ Индію, гдѣ до того времени вполнѣ господствовала черная раса. Послѣдняя частью, болѣе или менѣе, смѣшалась съ господствовавшими надъ нею арійцами, образовавъ низшую, такъ называемую «цвѣтную» касту, частью, какъ,

напр., дравиды, отступила въ болѣе отдаленныя мѣстности, подобно бушменамъ Африки. Тотъ же процессъ произошелъ на югѣ и востокѣ Азіи и на островахъ Тихаго океана, гдѣ предпріимчивые малайцы или вытѣснили, или подчинили себѣ болѣе темныя расы.

Америкою, начиная съ сѣвера, вплоть до самаго юга, завладѣла, какъ полагаютъ, лишь одна краснокожая раса, которая, повидимому, была тамъ пришлою, и лишь впослѣдствіи сюда переселилась, въ лицѣ эскимосовъ, еще новая раса. Но и здѣсь, въ предѣлахъ одной и той же расы, происходили подобныя передвиженія.

Темная раса тропическихъ странъ имѣетъ, впрочемъ, одно важное преимущество надъ болѣе свѣтлыми расами, хотя тѣ на сѣверѣ были болѣе закаленными. Преимущество это заключается въ способности, передававшейся наслѣдственно въ длинномъ рядѣ поколѣній, приспособляться къ тропическому климату, тогда какъ бѣлые лишены этой способности. Такъ, напр., климатъ Остъ-Индіи оказываетъ такое пагубное дѣйствіе на живущихъ тамъ англичанъ и вообще бѣлыхъ, что для спасенія жизни своихъ дѣтей въ возрастѣ отъ десяти до двадцати лѣтъ имъ приходится переселять ихъ въ другой климатъ. Особенно губительное дѣйствіе на бѣлыхъ оказываютъ злокачественныя лихорадки, свирѣпствующія почти повсемѣстно въ тропическихъ странахъ и всего болѣе въ мѣстностяхъ сырыхъ, съ богатой растительностью, между тѣмъ, какъ темныя расы почти не воспріимчивы къ этой болѣзни [3]).

Невоспріимчивость эта находится въ связи съ темными пигментными зернами, которыя у нихъ во множествѣ залегаютъ въ мальпигіевомъ слоѣ кожи. Для людей, распространившихся за предѣлы тропическихъ странъ, потеря или ослабленіе этого сомнительнаго украшенія кожи не могла имѣть никакого значенія, но для жителей тропиковъ оно являлось необходимымъ условіемъ существованія. Такимъ образомъ, сама природа кладетъ предѣлъ вытѣсненію черной расы бѣлою, но это отнюдь не мѣшаетъ дальнѣйшему распространенію господства бѣлой расы или опеки ея надъ черной.

Это великое передвиженіе человѣчества, о первомъ фазисѣ котораго мы можемъ только догадываться, напоминаетъ намъ, если дозволительно проводить параллели между крупными и мелкими явленіями, процессъ образованія нѣкоторыхъ болѣе извѣстныхъ намъ государствъ. Такъ, въ настоящее время доказано, что древній Египетъ, сыгравшій впослѣдствіи такую крупную историческую роль, началъ свою исторію мирнымъ, счастливымъ существованіемъ нѣсколькихъ мелкихъ племенъ на плодородныхъ островахъ устьевъ Нила. Однако, тѣ, которые жили за предѣлами этого земного рая, будучи оттѣснены силой обстоятельствъ къ окраинѣ пустыни, менѣе всего пользовались естественными благами счастливой природы. Имъ приходилось, съ одной стороны, добывать трудомъ, организованной работой то, чѣмъ ихъ надѣляла прежде сама природа, а, съ другой стороны,—вести упорную борьбу противъ набѣговъ сосѣднихъ племенъ, населявшихъ пустыню. Отсюда, изъ областей Геліополиса и Мемфиса, вышли первые властители надъ всѣми народами, населявшими благословенную низину. Изъ этихъ пограничныхъ областей, сходныхъ съ германскими «марками» или маркграфствами, лежавшихъ на границѣ «красной земли», или пустыни, названной такъ египтянами въ отличіе отъ ихъ собственной «черной» земли, почти всегда исхо-

дило господство надъ Египтомъ; отсюда, а впослѣдствіи изъ ѳивской и ѳіопской земли направлялись въ болѣе счастливыя и ранѣе заселенныя страны тѣ силы, которыя, пройдя суровую школу жизни, сумѣли организовать здѣсь рабочій порядокъ жизни. Точно также и въ Германіи господство принадлежало нѣкогда юго-восточному маркграфству, а теперь ея центръ, ея новая столица, сосредоточивается на территоріи сѣверо-восточнаго. Въ основѣ всѣхъ этихъ явленій, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, обнаруживается одинъ и тотъ же могущественный двигатель, который проходитъ черезъ всю исторію культуры, отъ самаго зарожденія до высшихъ ступеней ея,—именно, нужда и успѣшная борьба съ нею.

Пища первобытнаго человѣка и преданіе объ употребленіи молока.

Вопросъ о первичной пищѣ древнѣйшаго человѣка легко разрѣшается, если стать на точку зрѣнія современнаго вегетаріанства; не мало нашлось бы и фактовъ, подтверждающихъ такое рѣшеніе въ духѣ этого благомыслящаго ученія, но, какъ мы увидимъ, оно было бы одностороннимъ и неправильнымъ рѣшеніемъ поставленнаго вопроса. Только тѣ, которые представляютъ себѣ первобытныя времена въ видѣ пріятной идилліи, могутъ думать, что древнѣйшій человѣкъ питался молокомъ, какъ самой естественной, здоровой пищей, всего болѣе соотвѣтствующей младенческому состоянію человѣчества. Въ дѣйствительности, однако, человѣкъ употреблялъ въ пищу все, что попадалось ему, и разнообразіе того, что способствовало такъ или иначе утоленію голода, было особенно характерно для него. Именно эта способность приспособляться къ самымъ различнымъ пищевымъ веществамъ, не связывая своего существованія съ какимъ либо однимъ родомъ пищи, добывать и усваивать какъ растительную, такъ и животную пищу, умѣнье довольствоваться, въ случаѣ надобности, только однимъ изъ этихъ родовъ пищи, или одновременно тѣмъ и другимъ, является однимъ изъ важнѣйшихъ преимуществъ, способствовавшихъ распространенію и развитію человѣческаго рода.

Отсюда не слѣдуетъ, конечно, что пищеварительные органы человѣка такъ устроены, что переходъ отъ одной пищи къ другой не имѣлъ бы для его организма никакихъ послѣдствій. Однако именно въ измѣненіяхъ, происходившихъ въ человѣческомъ организмѣ, благодаря перемѣнѣ и разнообразію пищи, и заключались причины успѣха, позволявшаго человѣку побѣдоносно подвигаться впередъ, захватывая все новыя и новыя области. Поэты, съ непреклоннымъ убѣжденіемъ, но, къ сожалѣнію, въ разрѣзъ съ истиной, утверждали, будто молоко животныхъ принадлежало къ числу первыхъ пищевыхъ продуктовъ, которыми питался первобытный человѣкъ. О кроткихъ, мирныхъ пастухахъ первобытныхъ временъ, которые на лонѣ природы питались молокомъ овецъ, не можетъ быть и рѣчи. Употребленіе въ пищу молока должно быть отнесено къ гораздо болѣе послѣдней эпохѣ, и къ нему пришла лишь нѣкоторая часть человѣчества. Правда, переходъ отъ молока матери къ молоку животныхъ долженъ былъ казаться весьма естественнымъ, но неприрученныя животныя не могли не сопротивляться этому. Миѳъ о волчицѣ, вскормившей Ромула и Рема, исходитъ уже изъ нѣкоторой идеи о культѣ и не имѣетъ ни-

какой связи съ жизнью первобытныхъ временъ. И послѣ приученія животныхъ, человѣкъ долгое время не зналъ еще искусства доенія и, въ особенности, сохраненія прѣснаго молока. Такъ, напр., зулусы вполнѣ справедливо считаются одними изъ лучшихъ скотоводовъ среди чернокожихъ, но въ искусствѣ доенія они и до настоящаго времени ушли недалеко. Они высасываютъ молоко ртомъ и затѣмъ выливаютъ его въ сосудъ, роль котораго обыкновенно исполняютъ кожаные мѣхи. При такомъ способѣ доенія и сохраненія, молоко не можетъ долго оставаться въ свѣжемъ видѣ, и потребленіе его вовсе не доставляетъ такого удовольствія, какъ обыкновенно думаютъ. Кафры совершенно отказываются отъ него и пьютъ только кисловатую сыворотку. По обычаямъ сосѣдняго зулусамъ племени Амахоза, употребленіе прѣснаго молока строжайше воспрещается всѣмъ, вышедшимъ изъ дѣтскаго возраста. Въ большей или меньшей степени обычай этотъ распространенъ у всѣхъ народовъ южной Африки, у которыхъ процвѣтаетъ скотоводство; только ничѣмъ не брезгающій готтентотъ употребляетъ прѣсное молоко, будучи и взрослымъ. Ливингстонъ разсказываетъ, что видѣлъ у начальника племени Муази, въ Казунгу, къ западу отъ озера Ньяссы, великолѣпныя стада горбатаго рогатаго скота, но никому не приходило въ голову доить ихъ. И въ сѣверо-западной Африкѣ, напр., у бамбарровъ на р. Нигерѣ, до недавняго времени соблюдался старинный обычай, воспрещавшій употребленіе молока. Мало того,—по всему материку Африки распространенъ предразсудокъ, исходящій изъ глубокой древности, будто молочное хозяйство приноситъ вредъ скоту, откуда можно заключить, что примѣненіе молока для питанія едва-ли когда-нибудь играло тамъ существенную роль. Въ восточной Африкѣ кипяченіе молока считается большимъ грѣхомъ, такъ какъ это вредно для коровы; а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ употребленіе молока дозволяется, оно не должно быть смѣшиваемо съ такими веществами, которыя могутъ оказать на корову вредное вліяніе. Такъ, напр., негръ изъ Карагвы никогда не дастъ молока отъ своей коровы тому, кто употребляетъ въ пищу соль или бобы. Возможно, что нѣкоторые запреты еврейской кухни являются остаткомъ подобныхъ воззрѣній.

Трудно допустить, чтобы и древніе египтяне въ отдаленныя времена держались на этотъ предметъ иного взгляда. Насколько по дошедшимъ до насъ изображеніямъ можно судить о послѣдовательныхъ попыткахъ ихъ приученія животныхъ, они, какъ мы увидимъ ниже, начали приученіе не съ тѣхъ животныхъ, молоко которыхъ можно было употреблять въ пищу. Правда, широкимъ распространеніемъ въ древности пользовалась молочная пища въ Остъ-Индіи, особенно среди браманновъ. Браманъ—настоящій потребитель молока: онъ готовъ пить его въ кипяченномъ видѣ во всякое время дня. Но это объясняется совершенно особыми обстоятельствами: браманъ живетъ исключительно подаяніями благочестивыхъ индусовъ и избѣгаетъ занятія земледѣліемъ даже тогда, когда оно находится въ цвѣтущемъ состояніи. Онъ предпочитаетъ принять въ даръ скорѣе корову, чѣмъ клочекъ земли, такъ какъ священная корова жреца вездѣ находитъ себѣ достаточную пищу и снабжаетъ своего тунеядца-хозяина молокомъ, а землю приходится обрабатывать въ потѣ лица.

Такое отношеніе къ молоку и такая оцѣнка его со стороны брамана развились, однако, лишь съ теченіемъ времени; арійцы, переселившіеся въ Индію съ воз-

вышенныхъ азіатскихъ степей, были кочевниками-коневодами; но и въ позднѣйшее время доить кобылицъ и пользоваться молокомъ умѣли только не многіе. Даже у этихъ послѣднихъ высоко цѣнившееся кобылье молоко вовсе не было народнымъ пищевымъ средствомъ: оно, какъ кисловатая молочная сыворотка у зулусовъ, считалось лакомствомъ, доступнымъ только богатымъ людямъ. Обычай этотъ распространенъ былъ до самой Литвы: по сказаніямъ эстовъ, медъ былъ у нихъ въ такомъ изобиліи, что его пили только бѣдные и рабы, а король и богатые люди лакомились кобыльимъ молокомъ. Такимъ образомъ, оно не служило питательнымъ продуктомъ, а былъ лишь прохладительнымъ и въ то же время опьяняющимъ напиткомъ, наряду съ медомъ; да оно и употреблялось не въ свѣжемъ, а въ перебродившемъ видѣ, когда оказывало опьяняющее дѣйствіе.

Все сказанное выше относится къ той части земного шара, гдѣ молоко сравнительно всего раньше вошло въ употребленіе; многочисленные народы Америки, Австраліи и острововъ Тихаго океана совершенно не знали его до знакомства съ европейцами и даже послѣ того пользовались имъ не совсѣмъ охотно, а отчасти вовсе отказывались отъ него. У американцевъ вообще не было настоящихъ домашнихъ животныхъ, кромѣ собаки; жители Океаніи считали собакъ и свиней домашними или полудомашними, а крысъ—дикими мѣстными животными, т. е. такими, которыхъ можно употреблять въ пищу; слѣдовательно, въ предпрошломъ столѣтіи они вовсе не знали употребленія молока. Мало того, когда англичане пытались поднять благосостояніе островитянъ,—жизнь которыхъ, близкая къ природѣ, занимала въ то время европейскихъ мыслителей,—распространеніемъ среди нихъ рогатаго скота, эти попытки окончились полной неудачей. Правда, ввезенный скотъ весьма успѣшно размножался на нѣкоторыхъ островахъ, но лишь въ видѣ одичалыхъ стадъ, жившихъ въ горахъ. Лишь время отъ времени темнокожіе властители этихъ острововъ отдавали приказаніе настрѣлять этой «дичи», чтобы сбыть соленое мясо на европейскіе корабли.

Объ употребленіи въ пищу молока они и слышать не хотѣли; они находили его отвратительнымъ по вкусу и съ насмѣшкой спрашивали европейцевъ—почему они не пьютъ заодно и молока свиней?

Плоды и мясо.

Какъ читатель могъ убѣдиться изъ предыдущей главы, мы должны прежде всего оставить въ сторонѣ употребленіе въ пищу молока животныхъ и способы его полученія, если хотимъ узнать, къ какимъ средствамъ прибѣгалъ первобытный человѣкъ для своего пропитанія. Если мы припомнимъ, что даже чернокожіе народы Африки, которые въ настоящее время вполнѣ освоились съ скотоводствомъ, пользовались далеко не лучшими способами добыванія молока, а также и то, что, стоявшіе гораздо выше ихъ, болѣе свѣтлокожіе египтяне, во времена своего переселенія въ Африку, начали попытки приученія животныхъ не сразу и не съ настоящаго молочнаго скота, тогда намъ станетъ ясно, что только лишенія, которыя испытывалъ человѣкъ, оттѣсненный въ менѣе гостепріимныя страны сѣвера, научили его искусству доенія. Но и тамъ человѣчество додумалось до этого изобрѣтенія лишь послѣ того, какъ бурая раса могучимъ пото-

комъ направилась въ вытянутую въ длину Америку, которая, какъ можно предполагать, имѣла тогда болѣе прочное сообщеніе съ Азіей. Какъ бы малъ или великъ ни былъ этотъ промежутокъ времени, мы все-таки можемъ заключить отсюда, что употребленіе молока не играло никакой роли въ настоящей первобытной исторіи человѣчества.

Такимъ образомъ, мы должны обратить наше вниманіе лишь на двѣ главныя группы питательныхъ веществъ, растительную и мясную пищу въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Сторонники вегетаріанства утверждаютъ, что человѣкъ—прирожденный вегетаріанецъ и что растительная пища предназначена ему самой природой, болѣе всего подходя къ его организму. Однако, историческія основаня, на которыя опираются вегетаріанцы, не затрогиваютъ сущности дѣла. Правда, «достопочтенныя травки», какъ позволяютъ себя называть бонзы въ восточной Азіи, отлично обходятся безъ мясной пищи, какъ и древнія пиѳагорейцы, которые, подобно буддистамъ, придерживались вегетаріанизма; но основной мотивъ, одинаковый въ обоихъ случаяхъ, не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ вопросомъ. Какъ пиѳагореецъ, такъ и еще болѣе строгій буддистъ отказывались отъ употребленія мясной пищи лишь изъ религіозныхъ, совершенно чуждыхъ намъ воззрѣній, по которымъ животное считалось одареннымъ душой, которая могла жить нѣкогда въ тѣлѣ человѣка; опасеніемъ потревожить эту душу и объясняется воздержаніе отъ мясной пищи. Подобныя же воззрѣнія мы находимъ у древнихъ египтянъ, но эти послѣдніе успокоивали свою совѣсть тѣмъ, что воздерживались отъ употребленія въ пищу головы животнаго, обиталища души; послѣдующія поколѣнія не заботились о томъ, чтобы головы убитыхъ животныхъ не доставались въ пищу и другимъ, и продавали ихъ греческимъ солдатамъ. Весьма близко къ этому обычаю стоитъ обычай евреевъ не употреблять въ пищу крови, такъ какъ въ ней будто бы заключается душа. За исключеніемъ этихъ запретныхъ частей, и египтяне, и евреи употребляли мясную пищу. Правда, въ Библіи сохранилось одно древнее еврейское преданіе, откуда возникло убѣжденіе, что первобытные люди не употребляли въ пищу мяса. Въ книгѣ Бытія высказывается предположеніе, что первоначально Богъ предоставилъ людямъ пользованіе лишь плодами земли, и только новому поколѣнію человѣческаго рода, родоначальникомъ котораго былъ Ной, дозволено было пользоваться и мясной пищей, предварительно лишенной крови.

Но всѣ эти и подобныя имъ воспоминанія не относятся къ настоящему первобытному времени. Основываясь на строеніи зубовъ и пищеварительныхъ органовъ человѣка, наука можетъ признать только, что, насколько ей извѣстно, онъ былъ или, по крайней мѣрѣ, могъ быть животнымъ всеяднымъ. Съ другой стороны, опытъ, въ той мѣрѣ, въ какой онъ доступенъ намъ, показываетъ, что человѣкъ вполнѣ могъ поддерживать свое существованіе одной растительной пищей, но онъ говоритъ намъ также, что люди, живущіе на крайнемъ сѣверѣ и питающіеся исключительно мясомъ, пользуются цвѣтущимъ здоровьемъ и вполнѣ приспособились къ мѣстному климату. Новѣйшая наука указала и другой путь умозаключеній, который, при болѣе широкомъ примѣненіи, можетъ разъяснить намъ, какой именно пищей преимущественно питался первобытный человѣкъ. На

основаніи ступеней развитія, которыя проходитъ зародышъ животнаго, она дѣлаетъ заключеніе относительно послѣдовательныхъ формъ, черезъ которыя проходилъ данный видъ въ прошломъ. Не можемъ-ли и мы вывести подобныя заключенія изъ дѣтскаго состоянія человѣка или другихъ животныхъ? Хотя человѣкъ въ нѣкоторыхъ странахъ питается почти исключительно, а въ другихъ преимущественно мясной пищей, мы все-таки не находимъ у него явно выраженныхъ признаковъ хищнаго звѣря, какъ, напр., у медвѣдя. Извѣстно, однако, что и медвѣдь въ первые годы жизни питается, главнымъ образомъ, растительной пищей; и вообще среди хищныхъ, за исключеніемъ семейства кошачьихъ, лишь немногіе виды не могли бы нѣкоторое время довольствоваться преимущественно растительной пищей. Собака вполнѣ хорошо развивается при такой пищѣ; мы должны заключить отсюда по аналогіи, что и человѣкъ, въ случаѣ необходимости, можетъ довольствоваться исключительно пищей этого рода. Далѣе, то обстоятельство, что въ дѣтскомъ возрастѣ мы оказываемъ предпочтеніе растительной пищѣ и лишь съ наступленіемъ юношескихъ лѣтъ обнаруживаемъ склонность къ пищѣ мясной, можетъ служить указаніемъ того, что человѣкъ, въ прежніе, неизвѣстные намъ періоды развитія, былъ приспособленъ преимущественно къ растительной пищѣ. Этотъ выводъ вполнѣ согласуется съ высказаннымъ выше взглядомъ о первоначальномъ распространеніи человѣчества. Такое заключеніе подтверждается и развитіемъ хватательной руки человѣка, и прямымъ хожденіемъ его. При всемъ различіи въ строеніи зубовъ, по устройству кисти руки человѣкъ стоитъ гораздо ближе къ лазящимъ грызунамъ, чѣмъ къ хищнымъ животнымъ.

Итакъ, мы должны признать, если не вполнѣ установленнымъ, то весьма вѣроятнымъ, что для утоленія голода человѣкъ прежде всего отыскивалъ съѣдобные растительные продукты. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ безусловно отказывался тогда отъ употребленія животной пищи; весьма вѣроятно, наоборотъ, что у него всегда была потребность время отъ времени полакомиться мясомъ. Въ пользу этого предположенія говорятъ тѣ же аналогіи изъ міра животныхъ. Такъ, мы знаемъ, что, за исключеніемъ семейства кошачьихъ, едва ли найдется хотя одно хищное животное, которое безусловно отвергало бы растительную пищу въ какой бы то ни было формѣ; точно также нѣтъ ни одного настоящаго грызуна, для котораго мясная пища не составляла бы лакомства, а подчасъ и потребности. Столь безобидная съ виду бѣлочка совершаетъ кровожадныя нападенія на птичьи гнѣзда, а мышь охотно лакомится не только саломъ, но и свѣжимъ мясомъ, которое она, въ случаѣ нужды, добываетъ путемъ каннибализма. Извѣстно, что если держать этихъ маленькихъ грызуновъ въ клѣткѣ, то, даже при не совсѣмъ скудномъ питаніи, можно быть свидѣтелемъ проявляющагося среди нихъ каннибализма: время отъ времени одна изъ мышей исчезаетъ, и отъ нея остается только шкурка и позвоночникъ.

Нѣкоторые факты изъ исторіи культуры позволяютъ предполагать, что даже при вегетаріанскомъ образѣ жизни человѣкомъ овладѣваетъ по временамъ неодолимое стремленіе къ животной пищѣ, какъ будто для пополненія недостаточности питанія одной растительной пищей. Потребность въ животной пищѣ проявляется у людей весьма различно. Нѣмецкій

крестьянинъ, который вплоть до первой половины предпрошлаго столѣтія вынужденъ былъ вести жизнь вегетаріанца, съ жадностью набрасывался на свѣжее мясо по праздникамъ; само собой разумѣется, что болѣе равномѣрное потребленіе этого продукта явилось бы большимъ успѣхомъ въ экономическомъ отношеніи. У многихъ народовъ эта долго сдерживаемая потребность въ мясной пищѣ проявляется въ болѣе ужасной формѣ, именно въ формѣ жажды крови, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. На болѣе низкихъ ступеняхъ культуры и въ особенности у натуръ болѣе энергичныхъ, горячая кровь является тѣмъ живительнымъ напиткомъ, которымъ утоляется наступающая время отъ времени жажда мясной пищи. Надо думать, что высшей, хотя и не всегда главной цѣлью этихъ кровожадныхъ стремленій была кровь человѣческая. Людоѣдство было особенно развито среди наиболѣе энергичныхъ дикихъ племенъ; только женщины не принимали въ немъ участія и довольствовались насѣкомыми и моллюсками. До какого неистовства, до какого озвѣрѣнія можетъ доводить эта безумная жажда человѣческой крови, мы видимъ на примѣрѣ ацтековъ древней Мексики, высоко стоявшихъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Эти проявленія звѣрскихъ инстинктовъ опирались на требованія культа, но и въ основѣ культа всегда лежитъ забота о поддержаніи существованія. Чрезмѣрное развитіе каннибализма въ древней Мексикѣ обусловливалось особыми обстоятельствами, сходными съ тѣми условіями, въ которыхъ находились упомянутые выше грызуны, запертые въ клѣтку. Дикіе индѣйцы американскихъ степей легко могли удовлетворять своей потребности въ мясѣ, благодаря бродившимъ здѣсь цѣлымъ стадамъ бизоновъ, но воинственное племя, покорившее себѣ мексиканцевъ, культура которыхъ основывалась, главнымъ образомъ, на земледѣліи, не имѣло въ своемъ распоряженіи такихъ стадъ. Рыба и дичь могли удовлетворять подданныхъ, но не властителей. А между тѣмъ присущая имъ жажда крови искала удовлетворенія, и, за отсутствіемъ стадъ бизоновъ, какъ на горахъ, такъ и въ воздѣланныхъ мѣстахъ, приходилось обращаться къ человѣческому мясу и для себя, и для своихъ боговъ.

Какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, особая гибкость человѣческой природы приводила къ различнымъ крайностямъ. Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ ступеняхъ ихъ и на томъ извилистомъ пути, какимъ шли эти крайности. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что если бы человѣкъ довольствовался одной растительной пищей, то онъ гораздо раньше и легче достигъ бы такой степени культуры, которой совершенно чужды отвратительныя черты звѣрской грубости. Но область распространенія этой культуры, естественно, была бы очень ограниченной. Если природная потребность человѣка въ мясной пищѣ, съ одной стороны, отдаляла его отъ культуры и даже привела его, какъ мы увидимъ ниже, къ борьбѣ съ нею, то, съ другой стороны, эта же отсталость пролагала ему дорогу въ болѣе и болѣе далекія страны и притомъ въ такія, гдѣ борьба за существованіе была труднѣе и гдѣ, слѣдовательно, человѣкъ проходилъ болѣе суровую школу жизни. Съ этимъ вопросомъ мы еще ближе ознакомимся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Мы не можемъ ожидать найти въ настоящее время какой-либо даже самый отсталый народъ, жизнь котораго вполнѣ походила бы на

жизнь первобытныхъ людей. Достаточно вспомнить, что употребленіе огня, этого драгоцѣннѣйшаго открытія первобытнаго человѣка, извѣстно было почти всѣмъ народамъ земного шара еще задолго до знакомства съ ними европейцевъ и, вѣроятно, сопровождало людей уже при ихъ разселеніи изъ первоначальнаго центра. Но именно въ тѣхъ широтахъ гдѣ, какъ полагаютъ, лежала древнѣйшая область распространенія человѣческаго рода, мы находимъ много такихъ растеній, которыя и теперь еще употребляются или могутъ употребляться въ пищу въ сыромъ видѣ и вполнѣ могутъ удовлетворить потребностямъ рѣдкаго населенія, разсѣяннаго притомъ на большомъ пространствѣ. Конечно, нашъ организмъ, приспособившійся уже къ условіямъ жизни подъ другими широтами, не могъ бы удовлетвориться такой пищей изъ дикихъ растеній; но еще во времена историческія ею вполнѣ довольствовались бушмены, готтентоты, новозеландцы, австралійцы, нѣкоторые полинезійцы, индѣйцы, открытые Колумбомъ, нынѣ почти совершенно исчезнувшіе, и нѣкоторыя другія мелкія племена, хотя и у нихъ время отъ времени просыпалась страстная потребность мясной пищи.

Первые путешественники не застали еще у готтентотовъ воздѣлыванія хлѣбныхъ растеній; эти послѣдніе отыскивали дикія съѣдобныя растенія, въ особенности клубни Cyperus usitatus, сѣмена и корни земляного орѣха (Arachis) и такъ называемую «готтентотскую смокву» (Mesembrianthemum edule). Плоды этой смоквы употребляются готтентотами для утоленія голода, а сокъ мясистыхъ листьевъ—для утоленія жажды.

Человѣкъ можетъ поддерживать свое существованіе и этими скудными пищевыми продуктами, довольствуясь корнями растеній, когда плоды ихъ еще не созрѣли. Но готтентоты, еще до открытія ихъ страны европейцами, сверхъ того употребляли въ пищу продукты скотоводства. Бушмены до настоящаго времени проводятъ всю свою жизнь въ поискахъ за такими и сходными съ ними съѣдобными растеніями; потребность въ мясѣ, до котораго они большіе охотники, они удовлетворяютъ, за отсутствіемъ скотоводства, случайно найденнымъ трупомъ животнаго или изрѣдка охотой. Такимъ образомъ, народы эти могли отстоять свое существованіе до настоящаго времени, но маленькая, невзрачная фигура бушмена, преждевременныя морщины на кожѣ готтентота и пребываніе этихъ народовъ въ пустынѣ и на окраинѣ материка Африки, куда они были оттѣснены, краснорѣчиво говорятъ намъ о томъ, какъ они поддерживаютъ свою жизнь. Путешественникамъ нерѣдко приходится слышать разсказы туземцевъ о цѣлыхъ племенахъ пигмеевъ, жившихъ или живущихъ недалеко оттуда и стоящихъ на еще болѣе низкой ступени развитія. Такъ, миссіонеръ Крапфъ слышалъ разсказы о племени доко, ростомъ всего въ 4 ф., живущемъ къ югу отъ Шоа и питающемся сырой пищей, кореньями, змѣями и тому подобными животными, добываніе которыхъ не представляетъ большихъ трудностей. Точно также племя акка и нѣкоторыя другія не знаютъ ни земледѣлія, ни скотоводства, а ведутъ бродячій образъ жизни, отыскивая себѣ пищу въ лѣсныхъ чащахъ и на морскомъ побережьи.

Въ наши дни, вообще, врядъ-ли найдется такой народъ, который въ заботѣ о поддержаніи своего существованія не шелъ бы дальше этихъ простыхъ поисковъ пищи. У однихъ женщина нашла способъ всегда имѣть

нужные ей плоды, у другихъ мужчина сталъ заботиться о мясныхъ запасахъ, у третьихъ мы встрѣчаемъ и то, и другое. Всѣ эти пріемы поддержанія своего существованія часто до такой степени несложны, что весь механизмъ экономической жизни такихъ народовъ легко разложить на его составные элементы, по которымъ мы можемъ составить себѣ понятіе о жизни первобытной эпохи.

Такъ, небольшое племя стройныхъ тиббу-решаде или «горныхъ тиббусовъ», оттѣсненныхъ въ пустынныя гористыя части юго-восточной Сахары, живетъ въ самомъ жалкомъ положеніи; оно прибѣгаетъ ко всевозможнымъ способамъ поддержанія своего существованія, но взятые вмѣстѣ, въ ихъ пустынной горной странѣ, эти способы не позволяютъ имъ выйти изъ нищеты. Тяжелая борьба съ суровой природой сдѣлала ихъ мрачными, нелюдимыми и весьма опасными для чужеземцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необыкновенно выносливыми. Свое существованіе они поддерживаютъ, главнымъ образомъ, тремя способами, изъ которыхъ два представляютъ для насъ наибольшій интересъ. Тиббу-решаде отличается той подвижностью, которая свойственна была первобытному человѣку вообще и мужчинѣ въ особенности: подобно перелетной птицѣ, съ перемѣной времени года онъ мѣняетъ мѣсто жительства, переселяясь въ тѣ страны, гдѣ къ тому времени созрѣваетъ пища для него.

Это—первая ступень къ поддержанію жизни. На юго-западномъ склонѣ гористой страны тиббусовъ, гдѣ они нерѣдко ютятся въ пещерахъ, есть нѣсколько рѣчныхъ руслъ, которыя въ извѣстное время года наполняются водой. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, болѣе состоятельные тиббусы загнали сюда нѣсколько верблюдовъ и козъ, положивъ этимъ какъ бы начало скотоводству. Ко времени созрѣванія финиковъ, это племя переселяется, далеко на востокъ отъ горъ, въ долину Бардаи, гдѣ произрастаетъ финиковая пальма. Финики и провяленное на солнцѣ мясо верблюда, павшаго отъ изнеможенія, доставляютъ тиббу-решаде минуты высшаго наслажденія. Въ промежутки между этими счастливыми моментами отысканіе пищи лежитъ на женщинѣ, которая пользуется для этого самымъ древнѣйшимъ способомъ: она собираетъ плоды дикой пальмы-думъ, ради ихъ мясистой оболочки, и съ величайшимъ трудомъ добываетъ сѣмена дикорастущаго злака Panicum tirgidum, родственнаго нашему просо и мѣстами воздѣлываемаго въ Египтѣ.

Нѣчто подобное мы видимъ и въ сѣверной Америкѣ. Ко времени открытія этой части свѣта европейцами, индѣйцы, жившіе по ту сторону Миссисипи, несмотря на то, что знали уже культуру маиса, проникшую къ нимъ съ юга, собирали готовыя сѣмена дикорастущаго канадскаго риса (Zizania aquatica L).

92905

Этотъ примѣръ показываетъ, какъ, наряду съ высшими, усовершенствованными способами питанія, уживались самые первобытные и простые. Мы видимъ въ то же время, что и сама природа давала указанія человѣку. Собственныя ощущенія должны были подсказывать ему, что тѣ или другія сѣмена лучше удовлетворяли потребностямъ его желудка, чѣмъ, напр., вышеупомянутые корни растеній. Но сѣмена созрѣваютъ только въ извѣстное время года, а корни можно было находить во всякое время. Это сравненіе еще болѣе должно было поднять цѣнность сѣмянъ въ глазахъ человѣка и должно было побудить его собирать ихъ въ количествѣ, зна-

чительно превосходящемъ то, которое требовалось въ данный моментъ, и прятать избытокъ сѣмянъ про запасъ, гдѣ-нибудь въ сухой ямкѣ, прикрывъ его камнемъ. Несомнѣнно, эта ступень снабженія себя пищей, на которой стоятъ женщины племени тиббу, хранящія, но не сѣющія сѣмянъ, предшествовала искусственному воздѣлыванію растеній. Въ сущности, это ничѣмъ не отличается отъ инстинкта тѣхъ животныхъ, которыя также питаются сѣменами, созрѣвающими лишь въ извѣстное время года. Такъ, напр., бѣлки и ящуры собираютъ орѣхи; лѣсныя мыши устраиваютъ маленькіе благоустроенные склады буковыхъ сѣмянъ, а хомяки и суслики наполняютъ свои норы сѣменами злаковъ.

Но если на этой низшей ступени обезпеченія себя человѣкъ стоитъ не выше животныхъ, въ особенности грызуновъ, то нельзя того же сказать ни объ одной изъ слѣдующихъ ступеней, которыя въ концѣ концовъ привели человѣка къ предусмотрительному земледѣлію. Эти ступени также разнообразны, и успѣхи человѣчества въ этомъ отношеніи нельзя прослѣдить въ видѣ одной непрерывной цѣпи. Забота о мясной пищѣ часто развивалась параллельно съ земледѣліемъ, и, трудно сказать, къ чему человѣкъ пришелъ раньше—къ земледѣлію или къ скотоводству. Поэтому обычное дѣленіе народовъ на охотничьи, пастушескіе и земледѣльческіе всего менѣе соотвѣтствуетъ древнѣйшимъ условіямъ существованія человѣчества. Зато многіе обычаи культа еще дальше вводятъ насъ въ глубь доисторическихъ временъ, чѣмъ нашъ непосредственный опытъ, такъ какъ человѣкъ, поставленный лицомъ къ лицу съ могучими силами міра духовъ, только съ большимъ страхомъ и съ величайшей осторожностью рѣшается на малѣйшее измѣненіе въ пріемахъ умилостивленія ихъ. Слѣдовательно, здѣсь все остается такъ, какъ было въ старину, или, по крайней мѣрѣ, старое еще сохраняется наряду съ новымъ. Отсюда мы съ полной увѣренностью можемъ заключить, что нѣкогда, почти повсюду, существовала такая стадія хозяйства, когда человѣкъ, если можно такъ выразиться, питался непосредственно со стебля или ствола: мы знаемъ, что почти повсемѣстно находится въ употребленіи обычай—не снимать съ деревьевъ плодовъ, которые желаютъ принести въ жертву духамъ и богамъ; человѣкъ считаетъ для этого достаточнымъ — просто оставлять плоды на деревѣ. Онъ не старался собирать ихъ и въ такомъ видѣ предлагать божеству: въ то время, когда возникла эта древняя форма культа, онъ не зналъ еще другихъ хранилищъ, кромѣ самого дерева или кустарника съ ихъ вѣтвями и плодами.

Такъ, безъ сомнѣнія, «абрикосовое дерево С. Доминго» (Mammea americana L.) составляло нѣкогда главный источникъ пропитанія жителей Антильскихъ острововъ, предшествовавшихъ караибамъ: когда такъ называемые колумбовскіе индѣйцы впослѣдствіи перешли въ земледѣлію, мясистый плодъ этого дерева предназначался только для умершихъ и духовъ. Первые путешественники, видѣвшіе на островахъ Товарищества кучи папоротника, сложенныя предъ идолами,—тогда у мѣстныхъ жителей былъ избытокъ пищи,—вправѣ были бы заключить, что такая жертва была воспоминаніемъ о временахъ болѣе скуднаго существованія. И дѣйствительно, путешественники вскорѣ узнали, что на многихъ другихъ островахъ Тихаго океана, въ особенности на Новой Зеландіи, произрастаетъ особый

видъ папоротника, Pteris esculenta Forst., корни котораго составляли главную пищу бѣднѣйшихъ жителей.

Острова Тихаго океана вообще изобилуютъ растеніями съ питательными корнями, такъ что сама земля тамъ можетъ прокормить невзыскательное населеніе. Тамъ найдены въ изобиліи съѣдобные корни нѣсколькихъ видовъ арума и бататовъ (таро, ямсъ, бататы) и сахарный тростникъ, который жевали въ видѣ лакомства. Далѣе, здѣсь произростали пандануcы, бананы и особенно цѣнимая кокосовая пальма; еще болѣе щедрымъ даромъ природы являлось хлѣбное дерево (Artocarpus incisa). Кромѣ того, легко доступную пищу представляютъ молодые отпрыски и сердцевина пальмъ. Первичное населеніе береговъ Ганга и Нила собирало сѣмена лотоса и еще болѣе распространенные дикіе стручковые плоды (бобы): хотя оно не сѣяло, но собирало плоды. Этимъ объясняется особая роль, какую названные плоды играли въ культѣ уже въ эпоху развитія земледѣлія.

Но и на этихъ островахъ Тихаго океана, столь щедро надѣленныхъ природою растительными богатствами, человѣкъ проявляетъ потребность въ мясѣ. Природа и въ этомъ отношеніи позаботилась о немъ раньше, чѣмъ онъ додумался до разведенія или откармливанія животныхъ. Жирныя личинки, ящерицы, молодыя птицы на сушѣ, раки, моллюски и рыбы въ морѣ составляли легко доступную пищу. На островахъ Тонга охотились даже на крысъ, но охота эта являлась привилегіей начальниковъ.

Первыя заботы объ обезпеченіи своего существованія.

Виды растеній, которые избиралъ человѣкъ для своего питанія, уже самими свойствами своими должны были привести его къ различнымъ способамъ снабженія себя пищей. Факты говорятъ намъ, что воздѣлываніе растеній началось съ тѣхъ видовъ, которые отличаются наименьшей продолжительностью жизни, и лишь постепенно перешло къ видамъ болѣе долговѣчнымъ, вплоть до древесныхъ породъ, если только въ извѣстной мѣстности оказывалось такое послѣдованіе питательныхъ растеній. Отчасти это зависѣло и отъ большей подвижности первобытнаго человѣка, который только съ теченіемъ времени привыкъ жить на одномъ мѣстѣ и заботиться относительно своего пропитанія и о болѣе отдаленномъ будущемъ. Съ другой стороны, это обусловливалось и самими растеніями. Если въ какомъ-нибудь мѣстѣ, заросшемъ папоротниками, вырѣзать даже значительное количество ихъ, то они все-таки появятся вновь, такъ какъ уцѣлѣвшіе въ землѣ остатки корней дадутъ новые отпрыски. Однако, непроницательному уму первобытнаго человѣка трудно было уловить законъ этого возобновленія; ему легче было усмотрѣть его на примѣрѣ однолѣтнихъ растеній, вродѣ проса. Не трудно было замѣтить,—и женщины, на обязанности которыхъ лежалъ сборъ сѣмянъ, вѣроятно, это замѣтили первыя,—что возобновленіе такого растенія зависитъ отъ того, если на землю упадетъ хоть одно сѣмячко. Какъ скоро ихъ заботы о пропитаніи направились въ эту сторону, былъ уже проложенъ путь къ земледѣлію. Можетъ показаться страннымъ, почему женщины тиббусовъ не сдѣлали такого шага, но это можно объяснить безплодіемъ каменистой почвы ихъ страны. Уже сама природа заботится о томъ, чтобы, съ одной стороны, часть сѣ-

мянъ всегда оставалась несобранной, а съ другой, было бы трудно найти для нихъ благопріятную почву; вслѣдствіе того, женщины тиббусовъ, вѣроятно, и не рѣшались рисковать для сомнительныхъ опытовъ даже частью своихъ запасовъ, собранныхъ ими съ такимъ трудомъ. Въ данномъ случаѣ, именно забота о продовольствіи явилась препятствіемъ къ развитію земледѣлія. Отсюда мы видимъ, что это послѣднее зависѣло не только отъ наличности подходящихъ растеній, но и отъ качества почвы.

По мѣрѣ того, какъ развивается способность человѣка обезпечивать свое существованіе, увеличивается и пропасть, отдѣляющая его отъ животнаго, но это можетъ развиваться въ разныхъ направленіяхъ, которыя не всегда ведутъ къ тому, чѣмъ для насъ опредѣляется прогрессъ. Даже и успѣхи человѣка въ этомъ отношеніи наталкиваются на своего естественнаго врага—человѣческую лѣнь. Какъ бы ни желательны были результаты работы, но каждый шагъ впередъ является нарушеніемъ блаженнаго состоянія лѣни и вызываетъ сопротивленіе. Только то, что отвоевывается у этого врага въ борьбѣ, наполняющей собою всю исторію культуры, составляетъ дѣйствительное пріобрѣтеніе этой послѣдней.

Между сторонами, ведущими эту борьбу, вскорѣ происходитъ раздѣленіе въ соотвѣтствіи съ поломъ и способомъ добыванія пищи. Забота о растительной пищѣ гораздо раньше научаетъ человѣка бережливости, равномѣрной работѣ и дальновидной предусмотрительности; забота о мясной пищѣ развиваетъ находчивость и энергію, но она не пріучаетъ къ постоянству въ трудѣ и развиваетъ привычку пользоваться минутами удачи, не задумываясь о будущемъ. Между тѣмъ, какъ сама природа собственнымъ примѣромъ научила человѣка сбереженію сѣмянъ, онъ научился сохраненію мяса про запасъ, только благодаря счастливой случайности. Въ противоположность растительной пищѣ, добыча мяса въ теченіе долгаго времени оказывала на человѣка крайне неблагопріятное дѣйствіе въ воспитательномъ смыслѣ. Всѣ путешественники единогласно разсказываютъ, какъ боятся дикари, чтобы лакомые куски ихъ не пропали даромъ; еще больше опасаются они того, чтобы остатки ихъ мясной трапезы не достались ихъ злѣйшимъ врагамъ—звѣрямъ и духамъ, что̀ послужило бы къ ихъ собственному вреду.

Жители южной Африки избѣгаютъ труда всегда, когда это возможно, и не любятъ физическаго напряженія; однако, путешественникъ Моръ видѣлъ бушменовъ и кафровъ, которые, наѣвшись послѣ охоты, задыхались подъ тяжестью огромнаго количества свѣжаго мяса; тѣмъ не менѣе, они готовы были лучше погибнуть подъ этимъ бременемъ, чѣмъ согласиться, чтобы ихъ враги, гіены, воспользовались столь цѣнной пищей. На этой ступени культуры охота доставляетъ человѣку, часто терпящему нужду и лишенія, минутный избытокъ пищи, который нисколько не обезпечиваетъ его отъ новыхъ лишеній въ будущемъ; поэтому онъ старается ловить минуты наслажденія: это—его лозунгъ. Такимъ образомъ, этотъ способъ добыванія пищи еще усиливаетъ природное легкомысліе человѣка, но дѣлаетъ его въ то же время общительнымъ, гостепріимнымъ и щедрымъ — три качества, обратной стороной которыхъ является отсутствіе хозяйственности и предусмотрительности. Свойства, пріобрѣтенныя человѣкомъ на извѣстной ступени его развитія и сросшіяся съ его существомъ, онъ не можетъ на другой

ступени сбросить, какъ платье. Наслѣдственное накопленіе этихъ результатовъ воспитанія человѣка служитъ, въ свою очередь, могучимъ рычагомъ прогресса.

Современный кафръ — отличный скотоводъ, и сохранившаяся еще у него склонность къ кражѣ скота, общая со всѣми народами на этой ступени, есть лишь остатокъ охотничьихъ привычекъ. Но вся община будетъ считать его не только обыкновеннымъ, но вполнѣ безчестнымъ воромъ, если онъ заколетъ скотину изъ своего собственнаго стада и не пригласитъ всѣхъ раздѣлить его трапезу. Тотъ же обычай признаетъ готтентотъ племени намаква, который дѣлится каждымъ фунтомъ мяса со своими соплеменниками. Повидимому, это весьма похвально, но это же развиваетъ обжорство и препятствуетъ накопленію запасовъ, вслѣдствіе чего племя это терпитъ постоянныя лишенія. Нѣчто подобное миссіонеръ Лоскиль отмѣчаетъ у индѣйцевъ-делаваровъ и ирокезовъ, несмотря на то, что въ развитіи земледѣлія и домашняго хозяйства они опередили другія племена своей расы: чрезмѣрно развитое гостепріимство дѣлаетъ и для нихъ невозможнымъ накопленіе запасовъ. По всей Америкѣ и Африкѣ распространенъ вредный предразсудокъ, вошедшій въ кругъ требованій культа, что послѣ ѣды не должно оставаться никакихъ объѣдковъ. А мы знаемъ, что обычаи или воззрѣнія, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, вездѣ пріобрѣтаютъ въ концѣ концовъ религіозную санкцію. Чего не знаетъ человѣкъ, то знаетъ, какъ ему кажется, божество, что̀ непостижимо для человѣка, то вполнѣ доступно божеству, и то, что̀ человѣкъ дѣлаетъ, слѣпо слѣдуя установившемуся обычаю, дѣлается имъ потому, что «этого требуетъ божество». Такую же религіозную санкцію получилъ упомянутый обычай индѣйцевъ ничего не оставлять отъ своей добычи. Идя дальше въ томъ же направленіи, человѣкъ даже приходилъ къ заключенію, что «великій духъ» долженъ противиться расширенію земледѣлія тамъ, гдѣ уже дошли до него, и долженъ наказывать за сохраненіе того, что̀ превышаетъ потребность данной минуты. Доказательства, подтверждавшія истинность этого положенія, не лишеннаго извѣстной логичности, всегда были на-лицо: всякое градобитіе, уничтожавшее маисовыя поля, съ такимъ трудомъ воздѣланныя ирокезскими женщинами, всякое опустошеніе полей нашествіемъ животныхъ, представляли не что иное, какъ проявленіе гнѣва «великаго духа».

Именно самая тяжелая борьба за прогрессъ начинается тогда, когда отжившее укрывается подъ защиту религіи; уже съ раннихъ временъ человѣческая мысль впадала въ этотъ безысходный кругъ. Тѣ мотивы, которые въ самомъ началѣ дѣйствовали въ этомъ направленіи и должны были дѣйствовать съ извѣстной естественной неизбѣжностью, продолжали оказывать свое вліяніе во всѣ времена. Даже въ наши дни мы видимъ, что, напр., у индѣйцевъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки самыми сильными врагами прогресса являются знахари, т. е. носители старыхъ воззрѣній культа. Повсюду обычай получаетъ силу божественнаго закона; онъ благодѣтеленъ, когда возникновеніе его относится къ болѣе высокой ступени заботы о поддержаніи жизни, и вреденъ, когда отражаетъ въ себѣ отсталый порядокъ первобытныхъ временъ.

Причина, въ силу которой индѣйцы, слѣдуя обычаю, получившему силу закона, занимались земледѣліемъ въ весьма ограниченныхъ раз-

мѣрахъ и не находили нужнымъ снискивать благосклонность своихъ бо говъ какимъ-либо инымъ способомъ, заключалась, безъ сомнѣнія, въ изобиліи мясной пищи, какую охотникъ добывалъ въ этой странѣ. Охотничьи племена внутреннихъ частей Сѣверной Америки уничтожили даже ту культуру, которая развилась на востокѣ, подобно тому, какъ культура была истреблена на Антильскихъ островахъ дикими карибами, въ эпоху открытія этихъ острововъ европейцами. Такимъ образомъ, для индѣйца С. Америки характерной чертой была его крайняя безпечность, и въ ней лежитъ главное препятствіе къ его культурному развитію. Эта безпечность и непредусмотрительность простираются даже на самую важную сферу его дѣятельности; на охотѣ индѣецъ, по удачному выраженію К. Андрее, поступаетъ почти всегда какъ нельзя болѣе неразумно, нисколько не заботясь о будущемъ: индѣйцы убиваютъ по-преимуществу беременныхъ самокъ и стрѣляютъ дичи гораздо больше того, чѣмъ способны съѣсть или сохранить про запасъ. Они не могутъ пройти равнодушно мимо птичьихъ гнѣздъ, не убивъ птенцовъ и не уничтоживъ яицъ.

Приведенная нами характеристика индѣйца отчасти выясняетъ и исторію этой расы. Избытокъ силы и отваги, направленный только на цѣли разрушенія, былъ результатомъ односторонности способовъ добыванія пищи. Нѣкогда, какъ у восточныхъ индѣйцевъ, такъ и на западѣ у кенайцевъ, главная забота о пропитаніи лежала на женщинѣ: на это указываютъ сохранившіеся до настоящаго времени слѣды древняго материнскаго права; но впослѣдствіи перевѣсъ получили способы добыванія пищи, свойственные мужчинѣ. Здѣсь является вопросъ—могло ли бы это произойти въ такихъ размѣрахъ, если бы крупная охота не сдѣлала быстрыхъ успѣховъ и если бы, наоборотъ, на первый планъ выдвинулось земледѣліе? Такого развитія земледѣлія возможно было бы ожидать лишь въ томъ случаѣ, если бы и въ Америкѣ техническія усовершенствованія съ самаго начала развивались постепенно, шагъ за шагомъ. Но этого не было. Данныя этнологіи говорятъ намъ, что раса, переселившаяся въ Америку, была вытѣснена изъ первоначальной родины человѣчества въ тѣ широты, гдѣ борьба за существованіе служитъ для человѣка суровой школой жизни. Правда, можно сказать съ увѣренностью, что раса эта не дошла еще тогда до умѣнья пользоваться молокомъ и приручать животныхъ для цѣлей своего продовольствія, но она, несомнѣнно, принесла съ собой знакомство съ употребленіемъ огня и тѣсно связанную съ нимъ извѣстную низшую ступень культуры; съ этими вспомогательными средствами въ странѣ, изобиловавшей дичью, мужчина скорѣе могъ усовершенствоваться въ охотѣ. Богатство природы вообще тормозитъ одну сторону заботы о пропитаніи, сберегающую, такъ же, какъ полная скудость ея препятствуетъ развитію другой стороны, добывающей. Такъ, негры въ Лоанго и Каконго издавна съ успѣхомъ занимались земледѣліемъ, но они не дѣлали никакихъ запасовъ на будущее, и имъ часто приходилось голодать, несмотря на богатство окружавшей ихъ природы. Наоборотъ, австраліецъ, подъ вліяніемъ болѣе скудной природы своей страны, уже давно привыкъ къ разумной предусмотрительности, которая намъ кажется даже довольно утонченной. У этихъ дикарей, напр., существуетъ обычай, запрещающій срывать или вырывать съ корнемъ растеніе, когда оно въ цвѣту

и не принесло еще плодовъ или сѣмянъ. Какъ это бывало во многихъ мѣстахъ, религія освящаетъ то, что явилось результатомъ нужды. У всѣхъ первобытныхъ народовъ мы встрѣчаемся съ религіознымъ запретомъ того или иного рода пищи,—именно мясной пищи, которая должна быть предоставлена богамъ; но запретъ этотъ касался тѣхъ животныхъ, которыя, когда человѣкъ стоялъ на низкихъ ступеняхъ культуры, всего болѣе нуждались въ защитѣ. Ваниковъ, живущихъ на восточномъ берегу Африки, Крапфъ нашелъ въ достаточно дикомъ состояніи, но порча кокосовой пальмы считалась у нихъ преступленіемъ, равносильнымъ убійству матери. Извѣстно, что финиковая пальма, которая, впрочемъ, въ Африкѣ оцѣнила лишь послѣ предшествовавшей культуры, пользуется такимъ же вниманіемъ. Но и здѣсь проявляется иногда борьба между жаждой минутнаго наслажденія и предусмотрительной заботой о будущемъ. Между тѣмъ, какъ одни не могутъ удержаться отъ выцѣживанія изъ финиковой пальмы опьяняющаго сока, другіе смотрятъ на малѣйшее поврежденіе этого полезнаго дерева, какъ на преступленіе. Даже отъ врага житель сѣверной Африки требуетъ соблюденія этого обычая. Въ Аравіи финиковая пальма доставляетъ населенію, такъ сказать, насущный хлѣбъ, и хотя она недавно пересажена туда, но растетъ здѣсь наполовину въ дикомъ состояніи. И въ Феззанѣ, и въ Тибести каждый имѣетъ право срывать отдѣльные спѣлые финики для утоленія своего голода, пока на деревѣ не созрѣли всѣ плоды, но онъ не въ правѣ унести съ собой ни одного финика.

Культурные и некультурные народы той же расы стоятъ въ этомъ отношеніи на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія; но и первые исполняютъ волю божества. Между тѣмъ, какъ дикій индѣецъ, способный проявлять энергію лишь при добываніи пищи, уничтожаетъ впослѣдствіи добытое имъ, культурный житель древней Мексики не допускалъ, чтобы хотя одно зернышко маиса пропало даромъ, изъ опасенія, «что оно будетъ жаловаться богу на пренебрежительное отношеніе къ себѣ». Такимъ образомъ, культура стремится сохранить то, что̀ уничтожаетъ божество краснокожаго индѣйца. Съ особенной строгостью соблюдается у земледѣльческихъ народовъ этотъ запретъ по отношенію къ запасамъ зеренъ, предназначаемыхъ для посѣвовъ. Такъ, у банаровъ, въ Камбоджѣ существуетъ повѣрье, что богъ наказываетъ смертью того, кто позволитъ себѣ продать сѣмена, оставленныя для посѣва.

Древнѣйшіе виды земледѣлія.

Приведенные выше примѣры показали намъ многочисленные и разнообразные пути, какими пользовался первобытный человѣкъ для обезпеченія своего пропитанія; поэтому вопросъ о томъ, какъ онъ додумался до того, чтобы бросать въ землю часть собранныхъ имъ сѣмянъ, ради обезпеченія себя полезными растеніями, не представляется затруднительнымъ. Исторія ничего не можетъ сообщить намъ объ этомъ изобрѣтеніи, такъ какъ оно не могло возникнуть лишь въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ и въ одно какое-либо время. Это доказывается уже различіемъ полезныхъ растеній, связанныхъ съ извѣстными областями распространенія. Мы видѣли, какъ близка къ земледѣлію женщина племени тиббу, соби-

рающая сѣмена дико растущаго проса; чтобы сдѣлать еще одинъ шагъ, недоставало только соотвѣтственныхъ условій почвы и произрастанія самого растенія. Каменистая почва не могла располагать человѣка къ искусственному разведенію полезнаго злака; съ другой стороны, на плодородной, необработанной почвѣ болѣе теплаго пояса такія нѣжныя растенія, какъ наши хлѣбные злаки, были бы заглушены произрастающими здѣсь въ изобиліи сорными травами. Поэтому, для первыхъ попытокъ земледѣлія въ болѣе роскошномъ климатѣ нужны были болѣе сильныя растенія, пока человѣкъ не научился справляться съ сорными травами.

Нетрудно объяснить себѣ, какъ краснокожіе индѣйцы тропическихъ странъ Южной Америки, которые вообще стоятъ довольно низко въ умственномъ отношеніи, могли напасть на мысль о воздѣлываніи дико-растущаго маиса. Початки и даже зерна маиса настолько крупны, что они не могли, подобно мелкимъ просянымъ зернамъ, незамѣтно упасть на землю изъ рукъ собирающаго ихъ дикаря; какъ скоро зерно попадало въ землю, изъ него за одно лѣто выросталъ стебель въ 8 футовъ вышиною, который былъ въ силахъ отстоять свое мѣсто среди всѣхъ окружавшихъ его сорныхъ растеній. Здѣсь весь трудъ земледѣльца сводился къ высѣванію сѣмянъ, и уже первые опыты должны были ободрить человѣка. Столь же легко обитатели тропической Азіи могли дойти до воздѣлыванія сорго (Sorghum vulgare, въ особенности видовъ его—дурра и духнъ), которое составляетъ въ настоящее время главное хлѣбное растеніе внутренней Африки. Это «негрское просо» также быстро выростаетъ до 16 футовъ вышины и, слѣдовательно, легко заглушаетъ окружающія его сорныя травы. При этомъ оно даетъ такой обильный урожай, что, какъ говорятъ, одного растенія достаточно для дневного прокормленія цѣлой семьи. Правда, изъ него получается мука черноватаго цвѣта, но первобытный человѣкъ обращалъ на это еще меньше вниманія, чѣмъ современный негръ. Другимъ способомъ охраняетъ себя рисъ, туземное растеніе южной Азіи: онъ растетъ въ водѣ, встрѣчаясь при этомъ лишь съ немногими растеніями. Выгоды, представляемыя этими растеніями, были настолько очевидны, способы ихъ разведенія настолько просты, что они должны были служить главнымъ питательнымъ продуктомъ для жителей жаркаго пояса, бывшаго, вѣроятно, центромъ распространенія человѣческаго рода.

Въ Океаніи и Австраліи мы не находимъ подобныхъ растеній, и потому тамъ не могло возникнуть такой первобытной формы земледѣлія. Зато на нѣкоторыхъ группахъ острововъ туземцы дѣлали запасы дикихъ растеній со съѣдобными клубнями, которыя они закапывали въ землю, и придумали способъ оберегать молодые отпрыски плодоносныхъ деревьевъ, въ особенности хлѣбнаго дерева. Нѣчто подобное по отношенію къ другимъ растеніямъ дѣлали индѣйцы на Антильскихъ острововъ до нашествія караибовъ.

Всѣ эти примѣры, конечно, не исчерпываютъ всего разнообразія древнѣйшихъ попытокъ земледѣлія; къ нимъ надо прибавить еще нѣсколько видовъ проса, родиной которыхъ также была Индія. Во всякомъ случаѣ, культуры этихъ растеній могутъ представить намъ начатки земледѣлія въ тропическихъ странахъ. Въ настоящее время установлено, что отдаленными другъ отъ друга центрами его были Средняя Америка и южная

Азія. Хотя воздѣлываніе маиса извѣстно было многимъ индѣйскимъ племенамъ, но онъ составлялъ главный предметъ продовольствія въ Перу и Мексикѣ. Что касается Африки, то вопросъ о томъ — произрастали-ли и въ ней въ дикомъ состояніи хотя нѣкоторые изъ тѣхъ видовъ проса, которые мы находимъ въ южной Азіи, еще не выясненъ наукой. Въ случаѣ отрицательнаго рѣшенія этого вопроса, пришлось бы допустить, что вся Африка въ далекомъ прошломъ не знала культуры хлѣбныхъ растеній, подобно островамъ Тихаго океана. Но слѣдуетъ принять во вниманіе, что между тѣмъ, какъ культурныя растенія южной Азіи нашли себѣ въ Африкѣ вторую родину, воздѣлываемыя растенія сѣверныхъ широтъ проникли здѣсь немногимъ дальше предѣловъ распространенія красной расы.

Хотя мы не можемъ указать съ точностью родину каждаго вида той группы хлѣбныхъ злаковъ, которыя воздѣлываются у насъ, мы, тѣмъ не менѣе, можемъ сказать съ увѣренностью, что культура ихъ возникла у тѣхъ расъ, которыя прошли свою жизненную школу въ странахъ съ менѣе благопріятными климатическими условіями. Особеннаго развитія воздѣлываніе этихъ растеній достигло у египтянъ, т. е. у красной, и у смуглой вѣтви бѣлой расы, для которыхъ скотоводство составляло второстепенное занятіе, между тѣмъ, какъ у свѣтлой вѣтви бѣлой и у желтой расы скотоводство долго стояло на первомъ планѣ, а земледѣліе едва поддерживалось. какъ презираемое побочное занятіе женщинъ.

Рисъ, составляющій въ настоящее время главное пищевое вещество большей части человѣчества, воздѣлывался по-преимуществу у народовъ желтой расы, обитавшихъ въ восточныхъ низменностяхъ, а просо является какъ-бы связующимъ звеномъ между продуктами земледѣлія темной и свѣтлой расъ. Весьма вѣроятно, что просо, какъ растеніе гораздо менѣе прихотливое, чѣмъ рисъ, при распространеніи человѣчества къ сѣверу было перенесено изъ болѣе древнихъ мѣстообитаній, а настоящіе сѣверные злаки были найдены лишь здѣсь въ дикомъ состояніи, и къ нимъ примѣнены были уже извѣстные пріемы земледѣлія. Въ прежнія времена просо имѣло такое значеніе, какого оно вовсе не имѣетъ въ настоящее время. Наука считаетъ не подлежащимъ сомнѣнію, что остатки населенія Европы, наиболѣе оттѣсненные на западъ,—въ то же время остатки древнѣйшаго населенія ея. Къ нимъ причисляются иберійцы Испаніи и Аквитаніи, но въ древности именно они по-преимуществу воздѣлывали просо, которое Страбонъ только и находилъ въ Аквитаніи. Его воздѣлывали, главнымъ образомъ, и кельты, и даже въ Марселѣ Цезарь нашелъ продовольствіе, состоявшее всего болѣе изъ проса. Съ распространеніемъ кельтовъ распространилась и культура проса не только по всей Галліи, но и по Верхней Италіи. Ксенофонтъ одно изъ племенъ древней Θракіи называетъ «потребителями проса». У сарматовъ и у понтійскихъ народовъ этотъ злакъ также составлялъ главную пищу, и даже нынѣшняя Венгрія во времена нашествія гунновъ, вѣроятно, по-преимуществу производила просо. Когда Прискъ проѣзжалъ черезъ эту страну въ качествѣ члена римскаго посольства, въ свитѣ Атиллы, онъ ничего не могъ достать тамъ, кромѣ проса, и провіантъ гунновъ также состоялъ только изъ этого злака. Возможно, что культура проса у славянъ была перенесена ими изъ этихъ странъ въ область ихъ позднѣйшаго мѣстообитанія; для остальныхъ на-

родовъ, какъ смуглой, такъ и свѣтлой вѣтви бѣлой расы, римлянъ, грековъ и германцевъ, названный злакъ оставался болѣе или менѣе не извѣстнымъ. Мы не должны упускать изъ виду не маловажное обстоятельство, что и въ культѣ, и въ праздничныхъ обычаяхъ, которые всегда тѣсно связаны между собой, непремѣнно выступаетъ старина. Такъ, домашніе духи у славянъ и теперь еще питаютъ особое пристрастіе къ пшенной кашѣ, а славянскія свадьбы никогда не обходятся безъ этого торжественнаго блюда, хотя славяне давно уже привыкли къ лучшимъ кушаньямъ и почти совсѣмъ оставили воздѣлываніе проса.

Изъ подобныхъ же остатковъ прошлаго мы узнаемъ, какое значеніе въ первобытныя времена имѣли бобы въ мѣстахъ обитанія болѣе свѣтлыхъ расъ. Какъ самое питательное изъ тамошнихъ дикихъ растеній, они играли такую же роль, какую у африканцевъ, до знакомства ихъ съ культурой чужеземныхъ растеній, играли собираемые ими туземные плоды, или у индѣйцевъ Колумба — абрикосовое дерево С. Доминго. Бобы составляли пищу, отъ которой можно было, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже должно было отказаться въ пользу боговъ. Позднѣйшіе виды хлѣбныхъ злаковъ всегда произростали у насъ не иначе, какъ составляя чью нибудь собственность уже на корню, и кто хотѣлъ, «пожертвовать» ихъ, долженъ былъ приносить ихъ въ даръ; но бобы, эта древняя мѣстная пища, считались уже заранѣе пожертвованными, такъ какъ ихъ не собирали и не ѣли. Такъ, египетскимъ жрецамъ воспрещалось употребленіе въ пищу бобовъ, и даже въ Германіи въ извѣстное время нельзя было безнаказанно ѣсть бобы. Очевидно, что нѣкогда съ этимъ названіемъ связывалось понятіе болѣе обширное, подъ которымъ подразумѣвались всѣ бобовидные плоды, даже и тѣ, которые въ настоящее время считаются несъѣдобными. У кельтовъ въ Верхней Италіи бобы играли такую же роль, какъ и просо; вообще, тотъ или иной видъ ихъ встрѣчается повсюду; тоже можно сказать и о рѣпѣ.

Культура хлѣбныхъ злаковъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. культура ячменя, пшеницы и полбы, съ одной стороны, и овса и ржи, съ другой, обусловила самостоятельность сѣвернаго умѣреннаго пояса. Раса, для которой эта культура является характерной, прошла здѣсь суровую школу и побѣдоносно выступила во всемірной исторіи. Воздѣлываніе этихъ растеній унаслѣдовано ею въ годы борьбы и странствованій, а не получено даромъ отъ матери-природы. Первая изъ названныхъ группъ хлѣбныхъ растеній такъ же тѣсно связана съ исторіей красной расы и смуглой вѣтви бѣлой расы, какъ вторая группа—съ исторіей свѣтлой вѣтви той же расы. Этимъ, конечно, еще не разрѣшается вопросъ о точномъ происхожденіи этихъ культурныхъ растеній, да и едва-ли онъ можетъ быть рѣшенъ когда-либо, такъ какъ самая постановка его невѣрна. Такъ, напр., овесъ, какъ культурное растеніе, могъ произойти изъ туземныхъ дикорастущихъ видовъ его. Мы знаемъ, что римляне, которые не воздѣлывали этого злака, приравнивали его, по крайней мѣрѣ, къ своему дикому овсу. Остальные злаки исходятъ, по всей вѣроятности, изъ азіатскихъ степей. Тамъ, какъ и въ Тибести, нѣкогда женщина дѣлала небольшіе запасы зеренъ, которыя она собирала изъ тощихъ колосьевъ; изъ года въ годъ то тутъ, то тамъ она разсѣвала часть зеренъ вокругъ своего шалаша, чтобы не приходилось отлучаться

далеко отъ очага для сбора сѣмянъ. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о земледѣліи; урожай получался при этомъ самый ничтожный; на тучной почвѣ сорныя травы произростали бы въ изобиліи и совершенно заглушили бы нѣжные всходы злаковъ, которые, слѣдовательно, могли выживать лишь на скудной почвѣ. Имъ приходилось спѣшить: ранней весной азіатскія степи пестрѣютъ цвѣтами и травами, которые, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, пробиваются изъ скрытыхъ въ землѣ клубней и луковицъ, казавшихся совсѣмъ мертвыми. Вскорѣ они умираютъ той же мнимой смертью; пучки травъ засыхаютъ и исчезаютъ, и почва трескается отъ засухи. Этимъ то промежуткомъ между полнымъ расцвѣтомъ и засухой долженъ воспользоваться нѣжный злакъ; чѣмъ короче его жизнь, тѣмъ вѣрнѣе онъ достигаетъ полнаго созрѣванія. Поэтому человѣкъ, вѣроятно, и обратилъ свое вниманіе прежде всего на ячмень, который отличается наименьшей продолжительностью жизни.

Исторія говоритъ намъ, что многіе племена и народы спустились изъ азіятскихъ степей на югъ и западъ въ обильно орошенныя долины. Очутившись среди этихъ безлѣсныхъ равнинъ, прорѣзанныхъ сѣтью водныхъ артерій, которыя ихъ обильно орошали и удобряли, образуя какъ бы рядъ острововъ, свободныхъ отъ сорчыхъ травъ, переселенецъ, принесшій съ собой небольшой запасъ ячменныхъ зеренъ, не могъ не замѣтить, что условія для успѣшнаго произростанія злаковъ здѣсь весьма благопріятны; зерна, брошенныя въ эту почву, давали роскошные всходы, а полученный обильный урожай долженъ былъ поощрять человѣка къ занятію земледѣліемъ въ крупныхъ размѣрахъ. Такія условія представляла вавилонская низменность. Новѣйшее языкознаніе показываетъ намъ, что сюда дѣйствительно рано проникли туранскія племена, оттѣснивъ черную расу; названныя племена, какъ мы знаемъ изъ исторіи, въ свою очередь, были вытѣснены народами бѣлой расы. Въ тоже время Страбонъ описываетъ Вавилонію въ видѣ равнины, на которой не росло никакихъ деревьевъ, кромѣ финиковой пальмы, и воздѣлывался одинъ лишь ячмень, но въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ нигдѣ. Существуетъ даже преданіе, что ячмень давалъ здѣсь урожай въ триста разъ.

Подобное же явленіе мы видимъ въ знаменитой своимъ земледѣліемъ долинѣ Нила, въ «черной землѣ», прозванной такъ египтянами, въ отличіе отъ «красной земли» пустыни и степи. Непреходящая слава Египта, какъ богатѣйшей хлѣбной страны, въ особенности по сравненію съ Европой, должна быть приписана не одному лишь плодородію почвы, а скорѣе тому, что, благодаря красной расѣ, воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній процвѣтало здѣсь, какъ образецъ для всѣхъ народовъ осѣдлой культуры, еще тогда, когда въ другихъ странахъ земледѣліе едва существовало въ видѣ разбрасыванія сѣмянъ вокругъ жилья. Поэтому Египетъ еще въ первобытныя времена назывался по преимуществу «хлѣбною страною», такъ какъ другой подобной страны не было въ области Средиземнаго моря.

На одномъ изъ египетскихъ изображеній представлено растеніе, которое принимается нѣкоторыми за негрское просо, но это мнѣніе многими оспаривается. По крайней мѣрѣ, въ позднѣйшее время этотъ грубый злакъ совершенно исчезъ изъ Египта и сохранился лишь за предѣлами его въ настоящей негрской области. Но это отнюдь не доказываетъ, что этотъ

злакъ вообще не могъ быть туземнымъ африканскимъ растеніемъ; вѣроятно, египтяне нашли его здѣсь и вытѣснили постепенно изъ области своей культуры, подобно другимъ мѣстнымъ растеніямъ, каковы, напр., папирусъ и лотосъ (Nymphaea lotus L.), которые иногда употреблялись въ пищу, но съ развитіемъ хлѣбопашества постепенно вышли изъ употребленія. Оба эти растенія принадлежатъ къ той группѣ съѣдобныхъ растеній, которыя были въ употребленіи въ Африкѣ до появленія земледѣлія, причемъ въ папирусѣ съѣдобнымъ считалось только корневище, а въ лотосѣ все растеніе до сѣмянъ включительно. Впослѣдствіи папирусъ совершенно исчезъ изъ Египта; между тѣмъ лотосъ издревле составлялъ народную пищу: это можно заключить изъ того, что онъ былъ посвященъ древними египтянами Изидѣ и Озирису, этимъ общепризнаннымъ божествамъ.

Тѣ растенія, которыя, въ противоположность двумъ названнымъ дикорастущимъ видамъ, воздѣлывались въ Египтѣ, были принесены сюда изъ болѣе сѣверныхъ странъ и никогда не переходили далеко за предѣлы южной границы этой области ихъ культуры; и теперь еще наши хлѣбные злаки не произростаютъ въ южномъ Египтѣ.

Еслибы красная раса проникла въ Египетъ изъ тропической Азіи и прежнее преобладаніе тамъ негрскаго проса стояло въ связи съ этимъ переселеніемъ, то мы имѣли бы еще больше основанія ожидать, что сюда же перенесенъ былъ и рисъ. Но рисъ никогда не произросталъ въ древнемъ Египтѣ, и вообще древній міръ до Александра Великаго не имѣлъ понятія о его существованіи, хотя на нижнемъ Евфратѣ онъ воздѣлывался уже и въ то время. Полагаютъ, что рисъ перенесенъ былъ сюда, какъ и въ область верховьевъ Аму-Дарьи, съ распространеніемъ персидскаго владычества; но на нижнемъ Евфратѣ онъ могъ воздѣлываться и чернокожей расой, жившей здѣсь раньше, и культура ячменя, проникшая въ сосѣднія страны съ сѣвера, могла явиться позднѣе. Въ томъ, что культурой риса занималась прежде черная раса, мы ясно видимъ изъ того, что арійцы-скотоводы, переселившись въ Индію, родину этого злака, долгое время отказывались отъ употребленія его; далѣе, въ сборникѣ древнѣйшей индійской поэзіи, Ригведѣ, мы не встрѣчаемъ еще названія этого злака.

Главнымъ хлѣбнымъ растеніемъ египтянъ была, напротивъ, пшеница; наряду съ нею изъ другихъ растеній воздѣлывался по преимуществу ячмень.

Культура той же группы хлѣбныхъ растеній характерна и для смуглой вѣтви бѣлой расы, для семитовъ, по скольку они занимались земледѣліемъ, и для пелазговъ. Евреи воздѣлывали только пшеницу, изъ которой изготовлялся жертвенный хлѣбъ, ячмень и полбу. Рожь и овесъ совсѣмъ не упоминаются въ Библіи. Эту же группу растеній, и преимущественно ячмень, вѣроятно, принесли съ собой пелазги въ область распространенія проса, населенную также смуглыми представителями бѣлой расы. Но въ то время, какъ эти послѣдніе направили свой путь черезъ равнины къ сѣверу отъ Чернаго моря, пелазги переселялись съ острова на островъ, пока не достигли Европы. Въ Италіи оба эти теченія встрѣтились, причемъ «потребители проса», повидимому, обошли Элладу. По мнѣнію Момзена, въ древнемъ Римѣ культура проса, какъ болѣе древняго хлѣбнаго злака, предшествовала культурѣ ячменя и полбы; на о. Критѣ и въ Элладѣ, даже

съ точки зрѣнія культа, самымъ древнимъ хлѣбнымъ растеніемъ считался ячмень. О древности культуры ячменя свидѣтельствуютъ также религіозные обряды, которые всегда являются отраженіемъ условій прошлаго времени; только стручковые плоды и въ особенности бобы, повидимому, мѣстами воздѣлывались еще раньше.

Германцы вообще или отдѣльныя племена ихъ, во время переселеній, имѣли съ собою небольшіе запасы не только ячменя, но и ржи. Возможно, что даже ячмень проникъ къ германцамъ изъ Римской имперіи, но, въ противоположность полбѣ, онъ не ограничивался предѣлами прежней римской области. Нѣмецкое названіе пшеницы—Weizen—показываетъ, что она была неизвѣстна древнѣйшимъ германцамъ, такъ какъ на готскомъ языкѣ это названіе означаетъ «бѣлая рожь» въ противоположность извѣстнымъ до тѣхъ поръ болѣе черным видамъ хлѣбныхъ злаковъ. Но эти послѣдніе не исходили изъ Рима вмѣстѣ съ другими хлѣбными растеніями; это видно изъ того, что когда римляне въ позднѣйшее время познакомились съ рожью, они нашли ее отвратительной на вкусъ и даже неудобоваримой. Такимъ образомъ, мы не имѣемъ о ней никакихъ болѣе древнихъ свѣдѣній, но она могла попасть въ Европу не иначе, какъ вмѣстѣ съ германцами и славянами, а культура овса могла возникнуть въ самой Европѣ. Съ развитіемъ осѣдлости, овесъ сталъ главной пищей болѣе бѣдныхъ и холодныхъ сѣверныхъ странъ. Характерная картина отдаленнаго прошлаго сохранилась въ древней миѳологіи скандинавовъ, боги которыхъ питались «сельдями и овсомъ».

Для кочевыхъ народовъ, поднявшихся до правильнаго скотоводства, земледѣліе такого рода было лишь побочнымъ занятіемъ, и для нихъ гораздо большее значеніе имѣли дикорастущія растенія, которыя для насъ давно уже потеряли цѣнность. Подобно древнимъ египтянамъ, не брезгавшимъ лотосомъ и папирусомъ, наши предки употребляли въ пищу плоды дикой яблони, груши, орѣшника, шиповника, терновника и бѣлаго боярышника, не говоря уже о многочисленныхъ травахъ, которыя примѣнялись въ качествѣ приправы. Они причисляли къ плодовымъ деревьямъ еще букъ и дубъ и не только потому, что плоды бука давали масло, а жолуди могли служить для откармливанія скота. Въ бургундскомъ законодательствѣ оба эти дерева называются плодовыми, а въ баварскомъ—плоды ихъ называются съѣдобными; наши предки не жалѣли труда для собиранія юридическихъ аргументовъ относительно того, кому должны принадлежать жолуди отъ свѣшивающихся вѣтвей дуба.

Славяне дольше жили въ мѣстностяхъ съ древне-скиѳскимъ населеніемъ, и этимъ объясняется то, что императоръ Маврикій, отъ котораго до насъ дошли первыя свѣдѣнія о славянахъ, называетъ ихъ народомъ, употребляющимъ въ пищу просо. Какъ указано было выше, они не измѣнили этой привычкѣ, и даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, какъ, напр., въ Нижней Лузаціи, не воздѣлываютъ проса, оно продолжаетъ считаться пищей домашнихъ духовъ.

Утварь для приготовленія пищи.

Въ нашемъ обозрѣніи питательныхъ растеній мы удалились отъ первобытнаго человѣка. Возвращаясь къ нему, мы видимъ его, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ областяхъ земли, не снабженнымъ ничѣмъ, кромѣ того,

что дала ему природа, озабоченнымъ вопросомъ о пропитаніи лишь въ томъ случаѣ, когда распространеніе его приближается къ границамъ обитаемой имъ области. Животныя, стоящія на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія, обладаютъ въ высшей степени способностью приспособлять свой несложный организмъ къ измѣнившимся условіямъ существованія. По мѣрѣ усложненія органовъ животнаго, способность эта, повидимому, совершенно исчезаетъ или замыкается въ болѣе тѣсныя рамки. Животное, стоящее на высокой ступени развитія, будучи вытѣснено изъ простыхъ условій существованія, погибаетъ. Человѣкъ достигъ большей высоты органическаго развитія, чѣмъ какое бы то ни было животное, но его разумъ открываетъ ему новые пути для преодолѣнія препятствій, съ какими онъ встрѣчается, когда переходитъ за предѣлы тѣсной области своего обитанія. Если мы прослѣдимъ сперва за проявленіями матеріальной культуры съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи разсмотрѣть въ связи съ ними важнѣйшіе моменты культуры духовной, то мы сдѣлаемъ это только ради удобства изложенія; въ дѣйствительности, ни одно колесо этого сложнаго механизма не дѣйствуетъ отдѣльно, независимо отъ другихъ.

Въ южныхъ областяхъ своего распространенія, человѣкъ не ощущалъ недостатка ни въ растительной пищѣ, ни въ мелкихъ животныхъ, которыхъ онъ могъ ловить непосредственно руками и употреблять въ пищу съ помощью пальцевъ и зубовъ. Даже зерна нашихъ хлѣбныхъ злаковъ, если они не очень сухи, могутъ быть получаемы въ сыромъ видѣ, прямо изъ колоса; правда, они не очень вкусны, но зато питательны, чего человѣкъ не могъ не замѣтить. Наша рожь, употребляемая въ такомъ видѣ, довольно вкусна; а бѣдные люди, какъ мы знаемъ, даже ѣли сырой ячмень, несмотря на его твердую шелуху. Вспомнимъ библейскій разсказъ о Руѳи (гл. II, ст. 18), которая собирала зерна изъ оставленныхъ на полѣ колосьевъ и, наѣвшись сама, приносила остатки домой своей свекрови.

Если зерна оказывались слишкомъ твердыми для зубовъ человѣка, въ первыя времена онъ прибѣгалъ къ помощи самаго простого изъ всѣхъ орудій,—камня. Съ этимъ орудіемъ въ рукахъ человѣкъ навсегда выдѣлился изъ среды своихъ соперниковъ по добыванію пищи—звѣрей. Какъ ни грубо это орудіе, но изъ него развился впослѣдствіи цѣлый рядъ другихъ. Камень и палка составляли вначалѣ все для человѣка, и изъ сочетанія этихъ двухъ первичныхъ орудій произошли всѣ орудія, которыми пользуется человѣкъ до самыхъ высшихъ ступеней культуры. Изъ этихъ двухъ орудій камень, какъ намъ кажется, древнѣе палки. Съ помощью его, человѣкъ добывалъ себѣ пищу еще въ то время, когда онъ не заботился ни о собираніи запасовъ, ни объ умноженіи ихъ путемъ искусственнаго разведенія. Съ развитіемъ земледѣлія палка начала играть роль первичнаго земледѣльческаго орудія. Первый шагъ къ употребленію камня чрезвычайно простъ и легокъ. Его самостоятельно повторяютъ всѣ наши дѣти: какъ только они не могутъ разгрызть скорлупы орѣха, они хватаются за камень. Ребенокъ не думаетъ при этомъ, что камень представляетъ его зубы, но въ болѣе твердой формѣ, и что здѣсь является «органическая нормальная проэкція». Ему и въ голову не приходитъ, что нижній камень исполняетъ роль неподвижной верхней челюсти, а камень, которымъ онъ ударяетъ,—зубы подвижной нижней челюсти; онъ

поступаетъ такъ инстинктивно, стремясь къ извѣстному результату, какъ это дѣлается въ природѣ для той же цѣли. До этого не дошли даже наиболѣе высоко стоящія животныя; находясь вполнѣ въ зависимости отъ своихъ органовъ, они не научились увеличивать ихъ силу или длину, не придумали даже самаго простого орудія. Во всякой новой области первые успѣхи являются наиболѣе плодотворными, какими бы ничтожными они ни казались, и это первое дѣйствіе свободной мысли было безконечно плодотворно. Мысль получала при этомъ одинаковый толчокъ,—было ли это открытіе результатомъ безсознательнаго поступка или предусмотрѣннымъ послѣдствіемъ намѣреннаго дѣйствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ изобрѣтенъ и молотокъ, имѣющій безконечно разнообразное примѣненіе, и ступка, и ручная мельница; то, что было нужно для нихъ,—углубленіе въ нижнемъ камнѣ образовалось само собою послѣ продолжительнаго употребленія одного и того же камня.

Благодаря этому изобрѣтенію, значительно увеличились потребленіе и цѣнность хлѣбныхъ зеренъ; ихъ можно было употреблять теперь въ пищу въ любой степени зрѣлости и послѣ болѣе или менѣе долгаго сохраненія ихъ. И дѣйствительно, въ теченіе продолжительнаго времени не было надобности въ дальнѣйшихъ усовершенствованіяхъ для того, чтобы человѣкъ могъ пользоваться хлѣбными зернами. Въ истолченномъ или растертомъ видѣ они могли служить ему безъ всякой новой обработки; даже и охотники находили въ нихъ поддержку своего существованія въ промежутки между удачами лова. Полукультурные индѣйцы сѣверо-восточной Америки уже въ предпрошломъ столѣтіи знали двѣнадцать различныхъ способовъ приготовленія маиса; однако, ирокезы и делавары, отправляясь надолго на охоту, брали съ собою запасы именно маисовой муки, которую они ѣли въ сухомъ видѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ миссіонеръ Лоскиль. Изъ размолотыхъ съ помощью камня зеренъ приготовляется и другого рода пища: индѣйцы въ пути смѣшиваютъ муку съ водой и небольшимъ количествомъ «сахару» и получаютъ, такимъ образомъ, освѣжающій и питательный напитокъ. Это кушанье, съ сладкой приправой или безъ нея, несомнѣнно пользовалось въ первобытныя времена гораздо болѣе широкимъ распространеніемъ, такъ какъ, кромѣ мельничнаго камня и сахару, для изготовленія его требуется только сосудъ. Сосуды человѣку, какъ скоро мысль его направилась на отыскиваніе подобныхъ вспомогательныхъ средствъ, сама природа доставляла въ видѣ скорлупы различныхъ плодовъ. Для этой цѣли служила, главнымъ образомъ, скорлупа. То и другое обозначается иногда и до сихъ поръ однимъ и тѣмъ же словомъ, и во всѣхъ теплыхъ странахъ, лежащихъ по сю и по ту сторону Атлантическаго океана, самымъ распространеннымъ сосудомъ служитъ «калебасса»—пустая тыква. Благодаря своей легкости, сосудъ этотъ особенно удобенъ для бродячаго человѣка. Тамъ, гдѣ растетъ кокосовая пальма, она даетъ еще болѣе удобный сосудъ, причемъ сама природа научаетъ человѣка пользоваться имъ. Незрѣлый кокосовый орѣхъ представляетъ готовую, наполненную жидкостью дорожную фляжку, которой недостаетъ только ручки или перевязи, но ее съ успѣхомъ могутъ замѣнить легко скручивающіяся волокна орѣховой скорлупы; немного нужно было догадливости, чтобы намотать ихъ на руку. У названныхъ выше индѣйскихъ племенъ тыква также произрастала въ дикомъ видѣ.

Индѣйцы уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ умѣли вываривать сахаръ и во время своихъ странствованій всегда имѣли при себѣ запасъ его въ формѣ песку или кусковъ. Но, конечно, не всегда такъ было. Сахарный сокъ они открыли впервые въ дикорастущемъ сахарномъ кленѣ (Acer saccharinum L.). Когда дерево давало трещину подъ вліяніемъ зимняго холода, весной изъ него вытекалъ въ изобиліи сладкій сокъ; насѣкомыя во множествѣ слетались на эту приманку и привлекли къ ней вниманіе человѣка. Онъ сталъ тогда умышленно дѣлать трещины въ деревѣ съ помощью камня и собирать вытекающій изъ нихъ сокъ въ подставленный сосудъ, а вначалѣ, быть можетъ, непосредственно ртомъ. Возможно, что онъ иногда прибавлялъ этотъ сокъ къ своей кашѣ.

Сборъ сѣмянъ и посѣвъ лежали на обязанности женщинъ: мужчина не могъ растрачивать свои силы на такія мелкія работы, такъ какъ на немъ лежала борьба со звѣрями не только ради добыванія мяса, но и въ цѣляхъ охраны отъ нихъ той мѣстности, въ которой онъ хотѣлъ жить. Это раздѣленіе труда продолжается въ его естественномъ видѣ, и всѣ открытія, которыя женщина дѣлала въ своей области, прежде всего увеличивали ея же трудъ. Вооруженная жерновомъ, она исполняла ту работу, которая производилась прежде челюстями человѣка, и эта обязанность остается удѣломъ ея пола до тѣхъ поръ, пока съ расширеніемъ и обогащеніемъ хозяйства, по крайней мѣрѣ, женщины, правящія имъ, не освобождаются отъ нея. Такъ, миѳическій римскій законъ освобождалъ главную жену патриція отъ обязанности размалывать зерна; но у южныхъ славянъ дѣвушки и теперь еще должны отправляться на мельницу.

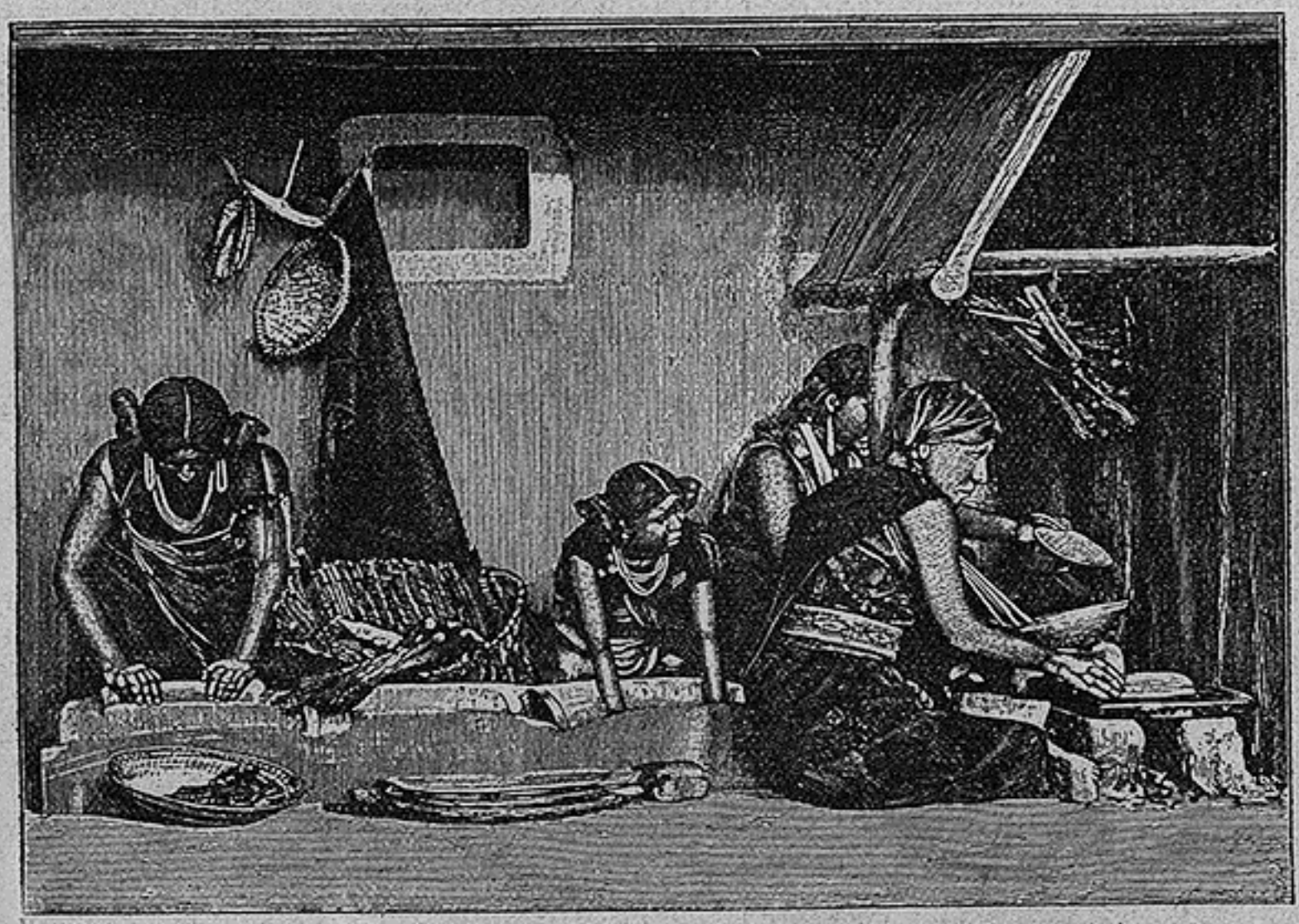
Основную часть мельницы составляетъ, какъ мы видѣли, подвижной камень. Онъ можетъ служить основаніемъ и для ступки, и для мельницы, смотря по тому, ударяютъ ли по немъ другимъ камнемъ или нажимаютъ этотъ послѣдній. Часть населенія Африки и Азіи, въ распоряженіи котораго были подходящія породы деревьевъ, оказывали предпочтеніе деревяннымъ ступкамъ. Такъ, напр., во многихъ мѣстахъ рисъ вылущивается въ деревянныхъ ступкахъ. Гораздо большее распространеніе получила каменная мельница, напоминающая въ своей первичной формѣ тѣ камни, которыя недавно еще служили у насъ для растиранія красокъ. Усовершенствованіе этой мельницы происходило естественнымъ путемъ, благодаря постепенному углубленію нижняго камня. Участіе человѣка въ усовершенствованіи этого орудія заключалось только въ томъ, что онъ старался, чтобы углубленіе доходило съ одной стороны до самаго края, такъ какъ при этой формѣ легко было собирать падающую съ камня муку. Верхній подвижный камень

Дѣвушка, растирающая зерна. Древнеегипетская статуетка изъ известника, 2000 лѣтъ до Р. Х. Королевскій музей въ Берлинѣ. (Изъ H. Schurtz, Urgeschichte der Kultur).

стало удобнѣе держать въ рукѣ, когда на немъ сдѣланы были съ обѣихъ сторонъ углубленія для захватыванія его пальцами. Такіе мукомольные камни и теперь еще находятъ во многихъ мѣстахъ. Женщина, во время работы на этихъ мельницахъ, должна была стоять на колѣняхъ или сидѣть на корточкахъ.

Дальнѣйшее усовершенствованіе этого орудія, неизвѣстно когда сдѣланное, заключалось въ томъ, что два камня гладкими или шероховатыми

Женщины, мелющія муку и изготовляющія хлѣбъ, племени Гоаи въ С. Америкѣ (Изъ H. Schurtz, Urgeschichte der Kultur).

поверхностями накладывались одинъ на другой такъ, чтобы они плотно соприкасались между собой, причемъ верхній камень приводился во вращательное движеніе. Это достигалось различными путями. Въ сѣверной Шотландіи до сихъ поръ еще встрѣчаются подобныя ручныя мельницы: именно, въ верхнемъ камнѣ, ближе къ краю, сдѣлано отверстіе, въ которое вставляется прямая палка. А для того, чтобы она держалась въ вертикальномъ положеніи и чтобы верхній камень оказывалъ нужное давленіе на нижній, весь этотъ механизмъ помѣщался подъ деревомъ, къ толстому суку котораго прикрѣплялся конецъ палки; вслѣдствіе того, механизмъ пріобрѣталъ извѣстную эластичность. Чтобы пустить въ ходъ такую мельницу, женщина опускается на колѣни и начинаетъ вертѣть палку, отъ чего верхній камень приводится во вращательное движеніе. Остается только посрединѣ верхняго подвижного камня сдѣлать отверстіе, черезъ которое

насыпаютъ зерна рукою; смолотая мука сыплется по краямъ камня на разостланный подъ нимъ холстъ. Эта основная форма мельницы сохранилась до нашего времени; сдѣланныя въ ней наиболѣе существенныя измѣненія касаются лишь способа приведенія въ движеніе верхняго камня. Сначала работа женщинъ была замѣнена работой рабовъ, потомъ—животныхъ, пока, наконецъ, стали пользоваться силой паденія воды.

Тогда какъ у арабовъ въ ихъ маленькихъ хозяйствахъ до сихъ поръ еще обходятся ступками, евреи обладали уже ручными мельницами, но съ палкой, укрѣпленной въ горизонтальномъ положеніи такъ, что мелющему приходилось постоянно бѣгать вокругъ мельницы, вслѣдствіе чего эта работа по справедливости считалась весьма тяжелой и унизительной. Тѣмъ не менѣе, шумъ мельницы казался признакомъ мирной культуры (Іеремія, 25,. 10). Съ теченіемъ времени мельницы стали необходимымъ условіемъ существованія, и законъ запрещалъ принимать въ залогъ какую бы то ни было часть мельницы, такъ какъ этимъ самымъ «берется въ залогъ жизнь человѣка». У бѣдняковъ мельницу вертѣла хозяйка дома, у богатыхъ дешевыя рабыни. Въ древности плѣнныхъ непріятелей приставляли къ работамъ на мельницахъ, подобно тому, какъ въ средніе вѣка ихъ отправляли на «галеры». Греки и римляне заставили осла двигать мельницу.

Усовершенствованіе мельницы стало, однако, возможнымъ лишь тогда, когда человѣкъ научился искусству дѣлать отверстія или углубленія въ камнѣ. Онъ очень скоро долженъ былъ замѣтить, что при растираніи между двумя камнями даже такого сравнительно мягкаго матеріала, какъ хлѣбныя зерна, въ нижележащемъ неподвижномъ камнѣ постепенно образуется углубленіе. Если взять вмѣсто зеренъ болѣе твердый предметъ, напр., кристаллическій песокъ, а вмѣсто верхняго камня—заостренную кость, то трудъ просверливанія отверстій въ нѣкоторыхъ камняхъ значительно облегчается, а при извѣстномъ навыкѣ и опытности человѣкъ могъ дойти до искусства пробуравливать даже твердыя породы.

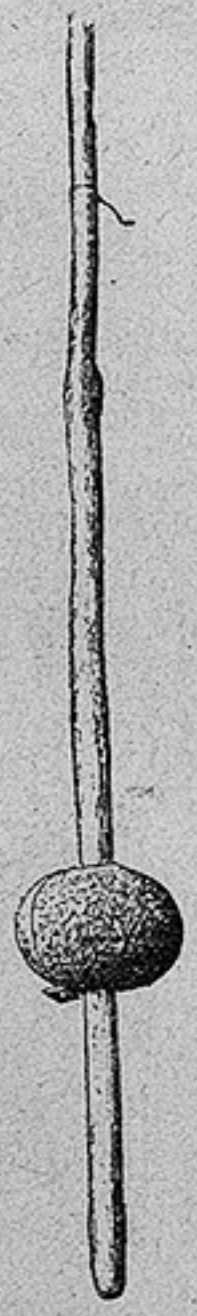
Земледѣльческія орудія.

Австраліецъ носитъ съ собой заостренную палку, съ помощью которой выкапываетъ съѣдобные корни. Бушменъ усовершенствовалъ это орудіе, насадивъ у конца его тяжеловѣсную шишку, что́ дѣлаетъ ее похожей на веретено. Благодаря тому, палка съ большей силой углубляется въ землю, и ею можно дѣйствовать, какъ рычагомъ. Нѣкоторыя племена употребляютъ съ той же цѣлью палку, имѣющую форму ходули, такъ какъ у конца ея сдѣланъ съ одной стороны вырѣзъ, въ который упираются ногой, чтобъ остріе легче входило въ землю. Орудіе это можно считать прототипомъ нашего заступа. Если бушмену нужно сдѣлать свое орудіе для копанія болѣе острымъ, не увеличивая его тяжести, онъ прибѣгаетъ къ очень простому способу: онъ раскалываетъ камнемъ трубчатую кость и насаживаетъ ее на палку. Оба вида этого первобытнаго орудія, какъ простая, такъ и насаженная палка, представляютъ, въ сущности, не что иное, какъ удлиненную руку, заканчивающуюся твердымъ пальцемъ, и могутъ развиваться въ различныхъ направленіяхъ. У индѣйцевъ Большихъ Антильскихъ остро-

вовъ, при открытіи ихъ Колумбомъ, найдено было уже довольно подвинувшееся земледѣліе: они даже пололи маисъ и маньокъ (кустарникъ кассава со съѣдобными корнями), защищали маисовыя поля, во время созрѣванія, отъ нападенія птицъ, мѣстами прибѣгали даже къ искусственному орошенію, пользуясь для всего этого лишь заостренной палкой: ею они и выкапывали коренья, и дѣлали ямы въ землѣ, въ которыя сажали зерна маиса. Для заостренія палки и приданія ей нужной формы, они строгали ее острыми раковинами. Нубійцы употребляютъ уже для разрыхленія почвы желѣзныя орудія, но затѣмъ они все таки заостренной палкой дѣлаютъ въ разрыхленной почвѣ ямки для сѣмянъ. То же мы видимъ и въ Кордофанѣ.

Соединивъ, такимъ образомъ, камень и палку, мы получаемъ орудіе, воспроизводящее поднимающуюся руку съ дробящимъ кулакомъ, но дѣйствующую съ большей силой. Смотря по тяжести и формѣ насаженнаго камня, орудіе это соотвѣтствовало то молоту, то топору, то мотыкѣ. Какъ скоро человѣкъ придумалъ такое орудіе, ему нетрудно было убѣдиться, что приходится меньше затрачивать силы, разрыхляя землю заостренной палкой, когда на нее насаженъ тяжелый камень, вродѣ молота.

Все дѣло сводилось здѣсь къ тому, чтобы прикрѣпить подъ угломъ къ палкѣ съ тупымъ концомъ острое орудіе для разрыхленія земли. Такое орудіе можно иногда найти готовымъ въ природѣ, но его нетрудно было изготовить и искусственно. Подобнымъ орудіемъ воздѣлывали въ старину землю въ Швеціи; оно и теперь тамъ еще не вывелось изъ употребленія. Его можно получить такимъ же способомъ, какимъ прежде изготовлялись мутовки изъ мелкихъ елокъ: берутъ часть ствола и заостряютъ единственный оставленный на ней сукъ.

Палка для выкапыванія кореньевъ у бушменовъ (Изъ Schurtz, Urg. d. Kult.).

Съ изобрѣтеніемъ «шведской мотыки», какъ Тэйлоръ называетъ это орудіе, первобытный человѣкъ изобрѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ и плугъ; разница между этими орудіями заключается только въ способѣ ихъ употребленія. Народы, которые воздѣлывали тропическіе хлѣбные злаки, какъ, напр., маисъ и негрское просо, не превратили мотыки въ плугъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда земледѣліе принимало очень широкіе размѣры, какъ у инковъ въ Перу. Сѣверные индѣйцы, продолжая пользоваться мотыкой, усовершенствовали ее, прикрѣпивъ къ палкѣ лопатку оленя или щитъ черепахи. Этимъ орудіемъ ирокезскія женщины не только вскапывали землю для посѣва, но и окапывали имъ растенія, когда сорныя травы начинали слишкомъ заглушать ихъ.

То же орудіе мы встрѣчаемъ и во многихъ странахъ Африки, въ особенности восточной. Если вспомнить, что одно растеніе дурры можетъ доставить дневное пропитаніе цѣлой семьѣ, и если принять во вниманіе лѣнивый, малоподвижный характеръ дикаря, то можно съ увѣренностью сказать, что дикарь не станетъ воздѣлывать растенія въ количествѣ, пре-

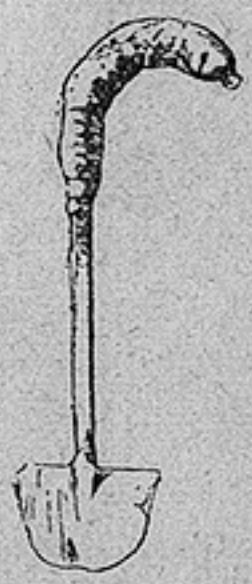
вышающемъ самыя насущныя его потребности. Такъ какъ для цѣлой семьи въ теченіе года требовалось не болѣе 400 растеній дурры, то нетрудно было обработать почву при помощи мотыки, и такъ какъ крупныя зерна разсаживались далеко одно отъ другого, — то и сдѣлать для каждаго изъ нихъ ямку въ рыхлой почвѣ.

Мотыка патагонцевъ. (Изъ сочиненія Musters'a „With the Patagonians").

При такихъ условіяхъ для человѣческой изобрѣтательности не являлось никакихъ новыхъ задачъ. Во всей юго-восточной Африкѣ до сихъ поръ еще не знаютъ плуга; несмотря на то, однако, въ нѣкоторыхъ странахъ женщины превосходно ведутъ полевое хозяйство и даже научились осушать сырые участки и дѣлать ихъ пригодными для земледѣлія, вскапывая ихъ и пересыпая пескомъ. И настоящіе негры на сѣверѣ не употребляютъ плуга; онъ встрѣчается лишь въ странахъ галласовъ и въ Абиссиніи, куда онъ, безъ сомнѣнія, проникъ изъ Египта.

Мотыка оказывается недостаточной лишь при экстенсивномъ хозяйствѣ, когда, какъ, напр., въ Перу, одинъ изъ классовъ населенія долженъ былъ обработывать землю не только для себя, но и для всѣхъ трехъ классовъ государства, или же когда приходится воздѣлывать мелкіе злаки арійцевъ. Въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ уже возможности выкапывать для каждаго зернышка отдѣльную ямку, а нужно проводить мотыкой борозду для цѣлаго ряда сѣмянъ; мотыка, приспособленная для этой цѣли, есть не что иное, какъ древнѣйшая форма плуга, соха, которая еще недавно встрѣчалась въ Европѣ. Древнеперуанскій плугъ состоялъ изъ заостренной жерди, снабженной поперечной перекладиной на заднемъ концѣ; для передвиженія этой жерди по полю требовалось отъ 6 до 8 человѣкъ. При такомъ устройствѣ, плугъ не могъ глубоко врѣзываться въ землю силой собственной тяжести; и перуанцы, и египтяне прибѣгали въ этомъ случаѣ къ другимъ пріемамъ, хотя тѣ и другіе налегали на плугъ силой своихъ мускуловъ и тяжестью своего тѣла. Перуанскій пахарь упиралъ ногой въ верхнюю часть поперечной перекладины и вгонялъ при этомъ конецъ жерди въ землю. Египтянинъ, плугъ котораго извѣстенъ намъ только по сохранившимся изображеніямъ его, удлинялъ рѣжущую мотыку вверхъ такъ, что могъ захватывать ее руками и вдавливать тяжестью верхней половины своего тѣла. Такимъ образомъ, египтяне или тѣ, которые раньше ихъ придумали это усовершенствованіе, придѣлали къ простому плугу нѣчто вродѣ рукоятки, что давало возможность пахарю спокойно ходить за плугомъ и давать ему желаемое направленіе. Усовершенствованіе это пріобрѣло еще большее значеніе тогда, когда человѣкъ научился пользоваться животными, какъ двигательной силой. Для того, чтобы заостренная часть плуга погружалась лишь на опредѣленную глубину, онъ прикрѣплялъ ее къ корпусу

Заступъ гауссовъ въ Суданѣ. (Изъ H. Schurtz, Urg. d. Kult).

посредствомъ крѣпкихъ веревокъ, изъ которыхъ одна шла къ грядилю, а другая, поперечная, къ сравнительно короткой рукояткѣ.

Греки во времена Гезіода знали еще оба вида плуга—первобытный и «сложный», который поэтъ называетъ лучшимъ. Первый представлялъ не что иное, какъ жердь съ заостреннымъ сукомъ; второй состоялъ изъ трехъ частей: изъ дубового корпуса безъ желѣзнаго сошника, изъ грядиля, сдѣланнаго изъ лавра или вяза, и изъ рукоятки изъ каменнаго дуба. За плугомъ, какъ и въ Египтѣ, шелъ человѣкъ съ мотыкой, которой онъ разбивалъ земляныя глыбы и закрывалъ въ то же время бросаемыя сѣмена. У римлянъ плугъ представлялъ уже всѣ усовершенствованія, которыя мы въ существенныхъ чертахъ находимъ въ плугахъ новѣйшей конструкціи. Ихъ плуги имѣли уже желѣзный лемехъ и рѣзецъ для разрѣзыванія дерна, а грядиль устанавливался на колесахъ; такимъ образомъ, первобытная форма этого орудія у нихъ совершенно исчезла и появилась вновь лишь съ переселеніемъ бѣлой расы въ Европу. Эти два вида легко отличить одно отъ другого: первый представляетъ плугъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, второй—соху. Мотыка—орудіе, характерное для культуры крупныхъ злаковъ тропическихъ странъ, соха—для мелкаго земледѣлія кочевыхъ народовъ, или, вѣрнѣе, для воздѣлыванія женщинами сѣверныхъ злаковъ, плугъ—для земледѣлія вполнѣ осѣдлаго мужчины. Для сохи германцы и славяне имѣютъ особое названіе (готское Hoha означаетъ, по Гену, соха, нѣмецк. Haken, а у древнихъ славянъ «соха» значитъ «колъ»), но названіе «плугъ», нѣм. Pflug, у нихъ общее и заимствовано изъ кельтской формы, которую мы встрѣчаемъ впервые у Плинія. Только переселенцы изъ Германіи занесли плугъ на востокъ; въ настоящее время граница его распространенія лежитъ въ средней Россіи: малороссы пашутъ плугомъ, а болѣе подвижные великороссы—сохой. Даже русскіе литвины до недавняго времени употребляли соху; иначе нельзя назвать ихъ деревянные плуги, которые очень скоро ломались, такъ что пахарю приходилось брать съ собой въ поле по нѣскольку экземпляровъ ихъ.

Животная пища.

Когда сѣверо-восточные индѣйцы, сознавъ угрожавшую имъ опасность со стороны бѣлыхъ, рѣшили заключить между собою мирный союзъ, они возложили на племя делаваровъ обязанности «жены», заявивъ имъ при этомъ: «Мы вручаемъ вамъ маисовый стебель и мотыку». При обмѣнѣ свадебными подарками у индѣйцевъ родители невѣсты дарятъ хлѣбъ, а родители жениха — мясо. Отсюда видно, насколько разграничены были хозяйственныя обязанности того и другого пола по отношенію къ добыванію главныхъ пищевыхъ веществъ. Но такое раздѣленіе труда не всегда существовало, и оно непосредственно не вызывается природой. Человѣкъ историческихъ временъ также охотно пользовался животной, какъ и растительной пищей, гдѣ только та и другая представлялись ему, и только особыя обстоятельства могли привести его къ исключительному употребленію пищи того или другого рода. Житель Огненной Земли питается преимущественно слизняками, такъ какъ онъ не находитъ ничего иного въ своей странѣ; по той же причинѣ эскимосъ питается почти одной только

животной пищей, хотя онъ не отказывается при случаѣ и отъ растительной. Въ противоположную крайность впали нѣкоторыя страны, богатыя рисомъ: обиліе этого растенія самымъ удобнымъ образомъ удовлетворяло насущнымъ потребностямъ населенія и мѣстами даже ограничивало въ значительной степени развитіе культуры другихъ растеній. Если къ этому присоединялось еще представленіе о тождествѣ души человѣка и животныхъ, то религіозный запретъ могъ совершенно исключать животную пищу, правда, не для всѣхъ, но, по крайней мѣрѣ, для духовнаго сословія. Всѣ подобныя ограниченія встрѣчаются, однако, лишь въ видѣ исключеній.

Точно также пища обоихъ половъ первоначально не могла быть различной. Пока человѣку приходилось довольствоваться той животной пищей, какую онъ могъ добывать невооруженной рукой, мужчина и женщина одинаково пользовались ею. Первое раздѣленіе труда возникло между ними лишь тогда, когда первобытныя орудія—палка и камень въ рукахъ мужчины обратились въ оружіе, и, наоборотъ, когда это первобытное оружіе въ рукахъ женщины стало орудіемъ. Въ наукѣ былъ даже поднятъ вопросъ о томъ, что̀ появилось раньше—оружіе или орудіе, и Нуаре придерживался взгляда, что орудіе предшествовало оружію. На практикѣ, однако, трудно различать вещи, которыя въ дѣйствительности не поддаются различенію. То самое орудіе, которымъ выбивали зерна изъ стеблей дикаго риса, немедленно обращалось въ оружіе при видѣ змѣи, и, наоборотъ, это оружіе, которымъ убита была змѣя, въ то же самое время играло роль полезнаго орудія, такъ какъ при его помощи получалось столь любимое змѣиное мясо. Поэтому, вопроса этого мы касаться не будемъ.

Охота первобытнаго человѣка за мелкими животными, какъ показываютъ его орудія, представляла такъ же мало опасностей, какъ и собираніе плодовъ. Однако, съ теченіемъ времени, съ помощью изобрѣтенныхъ имъ орудій, человѣкъ перешелъ отъ собиранія готовыхъ плодовъ къ воздѣлыванію ихъ; точно также, съ изобрѣтеніемъ охотничьихъ орудій, т. е. оружія, и съ развитіемъ извѣстной сноровки въ примѣненіи ихъ, онъ ставилъ себѣ новыя и болѣе трудныя задачи: вооруженный палкой и камнемъ, онъ, съ удивительной для насъ смѣлостью, сталъ нападать на такихъ животныхъ, видъ которыхъ и теперь еще внушаетъ страхъ. Женщина должна была оставаться при этомъ въ сторонѣ не столько вслѣдствіе физической слабости, сколько потому, что въ первые годы жизни ребенка она кормила его грудью и должна была носить у себя за спиною. Съ этой ношей она была бы плохимъ спутникомъ мужчины на охотѣ, сопряженной съ большими опасностями. Такая охота требовала обдуманной совмѣстной работы мужчинъ; дѣтей, которыхъ нельзя было разлучать со своими матерями, приходилось держать подальше, прятать ихъ. Не имѣя возможности участвовать въ охотѣ, женщина должна была заниматься болѣе безопаснымъ способомъ добыванія пищи. Съ развитіемъ и расширеніемъ этого рода дѣятельности, требовавшей большаго количества рукъ, въ немъ, весьма естественно, должны были принимать участіе и женщины, даже тогда, когда онѣ не были обременены дѣтьми. Вполнѣ естественно и то, что мужчина, который оставался дома за исключительно женской работой въ то время, какъ его товарищи оцѣпляли стадо буйволовъ, заслуживалъ презрѣнія. Такимъ образомъ, необходимость сплоченія той и другой сто-

роны способствовала раздѣленію труда между мужчиной и женщиной, о чемъ мы подробнѣе будемъ говорить ниже. По отношенію къ добыванію пищи мы видимъ два различные способа пользованія ею, изъ которыхъ одинъ мы находимъ только на островахъ Тихаго океана. На мелкихъ островахъ, при ограниченномъ районѣ охоты и при недостаточности дичи, мясомъ питаются одни мужчины: для женщинъ оно считается «табу»; поэтому женщины и мужчины питаются тамъ различной пищей и готовятъ ее на разныхъ очагахъ. Въ травянистыхъ равнинахъ Сѣверной Америки, ко времени вторженія европейцевъ, охота, напротивъ, давала столько дичи, что значительная часть ея пропадала даромъ. Здѣсь выработался другой законъ: женщина снабжала мужа, при отправленіи изъ дому, мучнымъ продовольствіемъ, а мужъ зато приносилъ женѣ мясо.

Существуетъ еще цѣлый рядъ животныхъ, способъ добычи которыхъ занимаетъ среднее мѣсто между способомъ добыванія растительной и животной пищи. Впослѣдствіи человѣчество отвыкло отъ употребленія ихъ въ пищу, но этимъ вовсе не рѣшается вопросъ о значеніи ихъ въ качествѣ пищи: они могли выйти изъ употребленія по простому капризу моды, которая и въ этой области не отдаетъ отчетовъ въ своихъ законахъ. Такъ, напр., мы брезгаемъ насѣкомыми, если они не были предварительно переварены бекасами, а первобытный человѣкъ считаетъ насѣкомыхъ и, въ особенности, ихъ личинки настоящимъ лакомствомъ. Тутъ раздѣленіе труда еще не примѣняется, и женщины занимаются ловлей насѣкомыхъ одинаково съ мужчинами, и даже больше ихъ. Силезецъ Аппунъ женился на индіанкѣ изъ Гвіаны; она была ему послушною женой и дѣлала все, чтобы ему угодить, но никакъ не могла отказаться отъ пристрастія къ жирнымъ личинкамъ жуковъ: тамъ ѣли ихъ поджаренными и смѣшанными съ тѣстомъ, и это считалось очень тонкимъ блюдомъ. Бѣдный силезецъ приходилъ въ ужасъ отъ этого деликатеса, но нужда заставила его ѣсть такія личинки... въ сыромъ видѣ. Особенно же вкусными считались въ Гвіанѣ сырыя, жирныя безкрылыя самки термитовъ; повидимому, онѣ были въ употребленіи повсюду, гдѣ водились эти насѣкомыя. На о. Явѣ ихъ продаютъ на базарахъ. Сохранившіеся остатки старинныхъ обычаевъ свидѣтельствуютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ насѣкомыя эти были предметомъ культа, подобно абрикосовому дереву С.-Доминго, лотосу и бобамъ изъ растительнаго царства. Повидимому, изъ всѣхъ представителей царства животныхъ термиты составляли тамъ самое распространенное питательное вещество. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западнаго побережья Африки, у лаосовъ въ Индо-Китаѣ, въ Сіамѣ и др. мѣстахъ они считаются священными, подобно цвѣтку лотоса въ извѣстныхъ странахъ. Мы уже выше упоминали, что въ Новой Зеландіи употреблялись въ пищу нѣкоторые виды древесныхъ червей.

Еще бо̀льшимъ распространеніемъ въ качествѣ пищи пользуется саранча, потому что она больше распространена и ее удобно засушивать и сохранять про запасъ. Даже сѣверные индѣйцы, пользующіеся избыткомъ мясной пищи, иногда, ради разнообразія, не брезгуютъ саранчей. Въ степяхъ южной Африки она считается цѣннымъ продуктомъ, и даже буры находятъ въ ней вкусъ. Изъ Библіи извѣстно, что ее употребляли въ пищу и въ Сиріи. Въ Аравіи и теперь еще ее ѣдятъ бѣдные люди и продаютъ

на рынкахъ; саранчу дозволялось ѣсть древнимъ евреямъ. «Это вы можете ѣсть изъ всѣхъ летающихъ гадовъ, ходящихъ на четырехъ ногахъ (и) имѣющихъ два бедра надъ ногами, чтобы прыгать по землѣ». Бушмены ѣдятъ муравьевъ, какъ лакомую, острую пищу, а будины, жившіе во времена Геродота (IV, 109) вмѣстѣ съ другими скиѳами въ южной Россіи, питались паразитами человѣческаго тѣла или мелкими еловыми шишками, смотря по тому, какъ понимать терминъ, приводимый Геродотомъ. Во всякомъ случаѣ, еловыя шишки менѣе удобоваримы, чѣмъ человѣческіе паразиты, и если будины употребляли этихъ послѣднихъ, то Геродотъ ошибается, полагая, что они были единственными любителями такой пищи.

Для добыванія и приготовленія указанныхъ нами видовъ животной пищи не требовалось никакихъ орудій, кромѣ пальцевъ человѣка. Правда, нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., саранча у арабовъ и евреевъ, приготовлялись искусственно, но этотъ способъ не можетъ считаться ни самымъ древнимъ, ни наиболѣе распространеннымъ. Какъ скоро человѣкъ привыкъ питаться названными выше животными въ сыромъ видѣ, ему ничего не стоило перейти отъ нихъ къ нѣжному мясу ящерицы или змѣи, убитой палкой. Ни одинъ бушменъ не побрезгуетъ ими и даже лягушкой, а многіе негры и теперь еще считаютъ мясо змѣи лакомствомъ. Индѣйцамъ Канады до такой степени нравятся моллюски и въ особенности устрицы, что они прежде по нѣскольку недѣль подрядъ питались исключительно этими животными. Въ восточной Азіи голотуріи до сихъ поръ еще считаются изысканнымъ блюдомъ; наравнѣ съ ними цѣнятся краббы, саламандры и рыбы. То, что мясо рыбы можно ѣсть въ сыромъ видѣ, доказывается потребленіемъ сельдей, которое превышаетъ потребленіе всѣхъ прочихъ видовъ рыбъ. До изобрѣтенія новѣйшихъ способовъ консервированія рыбы, высушиваніе на солнцѣ было единственнымъ способомъ заготовленія ея, но это дѣлалось скорѣе ради предохраненія запасовъ отъ гніенія, чѣмъ ради болѣе легкой удобоваримости рыбной пищи. Японцы не безъ основанія считаютъ сушеную рыбу главной пищей своихъ предковъ. У цыганъ и теперь еще заготовленіе рыбы сводится къ просушиванію ея: наворовавъ рыбы изъ чужого пруда, они разрываютъ ее пополамъ въ длину и сушатъ на разостланныхъ звѣриныхъ кожахъ.

Такимъ же способомъ заготовлялось нѣкогда мясо болѣе крупныхъ млекопитающихъ, которыхъ постепенно научались ловить и убивать хитростью или силой въ открытой борьбѣ. Carne secca, провяленное мясо, и теперь еще составляетъ самую обычную, хотя и далеко не лакомую пищу крупныхъ скотоводовъ Южной Америки. То же мы видѣли выше у африканскихъ тиббусовъ. Эти послѣдніе разрѣзываютъ мясо верблюдовъ на длинныя, узкія полоски и сушатъ ихъ на раскаленныхъ солнцемъ скалахъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не станутъ похожими на кожаные ремни. Такіе ремни очень удобно сохранять про запасъ и брать съ собой въ дорогу, но ихъ, конечно, трудно разжевывать. На обязанности женщины лежитъ подвергать такое мясо извѣстной обработкѣ съ помощью камней, на подобіе плодовъ съ твердой шелухой; отъ такого растиранія получается нѣчто вродѣ мясной крупы, которую также ѣдятъ сырою. Разминаніе и растираніе мяса подъ сѣдломъ, практиковав-

шееся, по разсказамъ, у нѣкоторыхъ народовъ, сводятся къ тому же способу приготовленія этой пищи. По свидѣтельству одного римлянина, жившаго въ III вѣкѣ, мясо употреблялось германцами въ пищу въ такомъ видѣ, что его предварительно нужно было разминать руками и ногами; очевидно, и тутъ рѣчь шла о вяленомъ мясѣ.

Это лишній разъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что прежде всего и непосредственно именно въ теплыхъ странахъ человѣкъ нашелъ большинство вспомогательныхъ средствъ къ существованію, предоставлявшихся ему природой. Жители болѣе холодныхъ странъ лишены возможности предохранять мясо отъ гніенія, подвергая его дѣйствію воздуха и солнца, такъ какъ главная добыча мяса совпадаетъ съ такимъ временемъ года, когда солнце даетъ слишкомъ мало тепла и мясо черезчуръ медленно сохнетъ. Такъ, сѣверные индѣйцы охотятся на оленя съ сентября до января, а за медвѣдемъ—съ января до мая. Поэтому въ сѣверныхъ странахъ засушиваніе мяса, за исключеніемъ рыбы лѣтняго улова, возможно лишь искусственными средствами, замѣняющими солнечную теплоту, тогда какъ въ странахъ жаркихъ и сухихъ этотъ способъ приготовленія мяса находитъ себѣ болѣе широкое примѣненіе.

Было бы, однако, ошибочно думать, что человѣкъ сталъ употреблять въ пищу мясо высшихъ животныхъ лишь послѣ того, какъ онъ научился приготовлять его извѣстнымъ образомъ. Наоборотъ, онъ никогда не дошелъ бы до этого умѣнья, если бы не употреблялъ его раньше въ сыромъ видѣ. Хотя и говорятъ, что въ настоящее время нѣтъ ни одного народа, который употреблялъ бы мясо въ сыромъ видѣ, и что даже самыя дикія племена готовятъ такъ или иначе свою пищу, тѣмъ не менѣе, такія обобщенія требуютъ болѣе точной основы. Такъ, папы долгое время высказывали сомнѣніе—не слѣдуетъ-ли признать копченое мясо, употреблявшееся германцами, сырымъ, недозволеннымъ библіей. И теперь еще мы говоримъ о «сырой» ветчинѣ, къ которой иные питаютъ большое пристрастіе. Нерѣдко употребляется въ пищу свѣжее сырое или полусырое мясо. Многіе полудикіе народы употребляютъ мясо въ полусыромъ видѣ, а нѣкоторыя племена, слѣдуя очень древнему обычаю, употребляютъ извѣстныя части тѣла животныхъ, напр., сердце, печень, почки, совершенно сырыми.

Множество старыхъ обычаевъ, сохранившихся отъ глубокой древности подъ охраной культа, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что жажда крови, испытываемая временами человѣкомъ или животными, которыя наполняли постоянно свой желудокъ холодной, прѣсной растительной пищей, вызывалась теплотой, присущей ихъ организмамъ. «Жажду крови» въ глубокой древности отнюдь нельзя считать риторическимъ выраженіемъ. Мы не будемъ здѣсь касаться вопроса объ употребленіи крови съ точки зрѣнія религіознаго культа, что, въ связи со взглядами древнихъ на мѣстонахожденіе души и жизни, привело къ каннибализму. Достаточно указать, что древнія формы жертвоприношеній, согласно духу своего времени, не поднимались выше пролитія горячей крови; была-ли то кровь человѣка или животнаго,—для первобытнаго человѣка было безразлично, такъ какъ онъ былъ одинаково безпощаденъ какъ къ своему врагу, такъ и къ пойманному на охотѣ звѣрю. Повидимому, большая страстность, присущая человѣку, заглушала инстинктъ, наслѣдуемый животными. Когда путешественники въ XVIII сто-

лѣтіи ознакомились съ взаимными отношеніями различныхъ племенъ, населявшихъ Новую Зеландію, они высказывали увѣренность, что тѣ въ ближайшемъ будущемъ совершенно поѣдятъ другъ друга; вслѣдствіе скудной пищи, каждый удовлетворялъ своей жаждѣ мяса на счетъ представителей сосѣдняго племени. Такъ называемыя войны ацтековъ, въ сущности, были не что иное, какъ охота на «человѣческую дичь»; дань, которую побѣдители взимали съ побѣжденныхъ, также состояла изъ человѣческаго мяса. Культъ впослѣдствіи придалъ ему другое направленіе и поддерживалъ этотъ обычай, когда человѣчество подъ вліяніемъ человѣколюбія пыталось подняться выше него. Когда человѣку удалось, наконецъ, стать выше этого обычая, религія потребовала «искупленія»; въ этомъ остаткѣ культа мы узнаемъ отраженіе древняго обычая. Потребленіе крови было знакомо большинству древнихъ народовъ; если же евреи отказывались даже отъ употребленія крови животныхъ, то это объясняется тѣмъ, что кровь служила у нихъ объектомъ искупленія.

Повидимому, пристрастіе къ крови, мозгу и почечному жиру, которое мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ народовъ, является естественной потребностью, какъ результатъ исключительнаго употребленія растительной пищи. На западномъ берегу Африки жрецы, вслѣдствіе множества обѣтовъ воздержанія, вынуждены ограничиться одной растительной пищей; вслѣдствіе того, обычай и теперь еще разрѣшаетъ имъ употребленіе свѣжей крови. Сто лѣтъ тому назадъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Полинезіи былъ еще въ силѣ старинный обычай, по которому побѣдитель пилъ, когда это было возможно, горячую кровь своего врага. Когда этотъ кровавый обычай сталъ достояніемъ культа, съѣдали только «сердце и глаза» врага, какъ сѣдалище души, и, конечно, въ сыромъ видѣ. «Когда скиѳъ убивалъ впервые врага, онъ пилъ его кровь», и ботокуды, на противоположномъ концѣ земного шара, сосали человѣческую кровь, какъ самое лучше лакомство. Древнія скандинавскія сказанія весьма откровенно свидѣтельствуютъ о подобномъ же обычаѣ. Такъ, Эдда одного изъ своихъ героевъ упрекаетъ въ томъ, что онъ «ѣлъ съ медомъ кровавыя сердца» своихъ собственныхъ дѣтей; далѣе тамъ же говорится: «и они принесли Гуннару на блюдѣ сердце, вынутое изъ груди Гіаллиса». Рагинъ вырѣзалъ мечомъ сердце убитаго имъ Фафнира «и напился горячей крови изъ его раны»; затѣмъ его кровью напился Сигурдъ. Смѣсь крови съ медомъ даетъ, по мнѣнію древнихъ, укрѣпляющій напитокъ. Въ мірѣ демоновъ мы видимъ отраженіе жизни древнихъ людей, правда, въ сильно преувеличенномъ видѣ. Въ сагѣ о Беовульфѣ не только герои пьютъ кровь человѣка и животныхъ, но даже «дьяволъ» Грендель высасываетъ кровь изъ жилъ. Кровь приносилась въ жертву Богу Израиля; изъ нея же древніе греки дѣлали возліяніе своимъ тѣнямъ, а римляне и сѣверные германцы поливали ее на свои алтари.

Не менѣе привлекателенъ для людей и боговъ почечный жиръ; по свидѣтельству Гомера, животныя, питающіяся падалью, съ жадностью набрасываются на жиръ, облегающій почки (Иліада, XXI, 204). Если мы вспомнимъ, что мы сами находимъ необходимымъ приправлять животнымъ жиромъ наши блюда изъ растительныхъ сѣмянъ, то мы поймемъ, какъ сильна должна была быть эта потребность у первобытнаго человѣка, не умѣвшаго приготовлять масла.

Орудія и оружіе изъ камня.

Чѣмъ болѣе добываніе мясной пищи удалялось отъ простого собиранія мелкихъ животныхъ, тѣмъ настоятельнѣе являлась для человѣка необходимость въ искусственномъ вооруженіи своей руки. Но и въ этомъ случаѣ мы не можемъ рѣшить—предшествовало-ли усовершенствованіе оружія въ тѣсномъ смыслѣ слова усовершенствованію орудій, или нѣтъ. Ударами камня и дубины можно было умертвить звѣря, величиной съ волка, и даже крупнѣе, если загнать его въ такое мѣсто, гдѣ онъ не могъ защищаться. Попытки подобнаго рода, для болѣе успѣшнаго исхода дѣла, должны были привести къ устройству западней въ видѣ ямъ. Онѣ, въ свою очередь, представляютъ прототипъ позднѣйшей западни, такъ же, какъ земляныя ямы, въ которыхъ ирокезы прятали свои маисовыя зерна, служили прототипами приспособленій для храненія запасовъ въ послѣдующія времена.

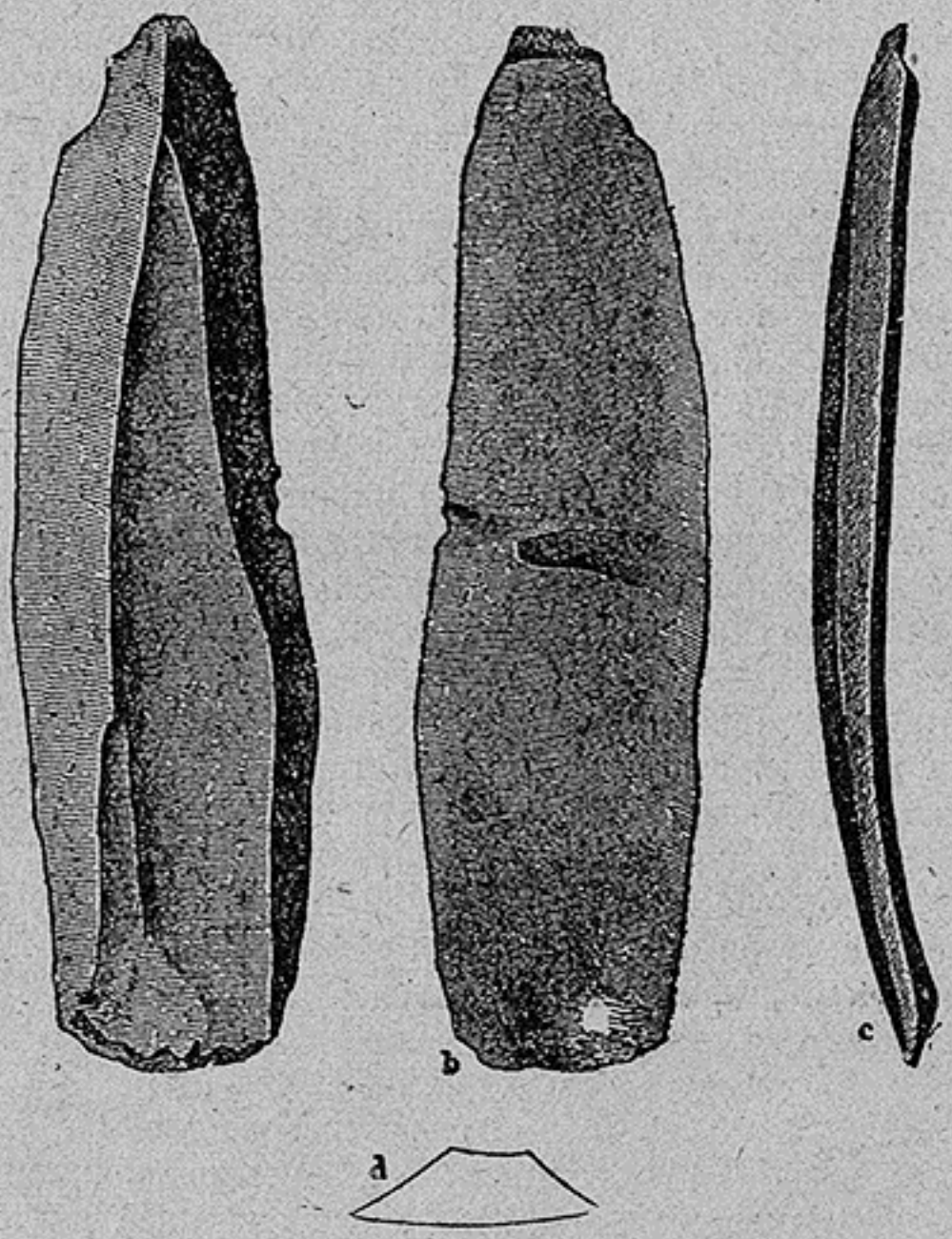

Каменный ножъ.

Напротивъ, чтобы разнять на части крупное животное, недостаточно имѣть въ рукахъ камень обыкновенной формы. Съ ящерицы или со змѣи еще можно было содрать кожу при помощи зубовъ и ногтей, и такая цѣльная кожа служила даже сумкой, мѣшкомъ для храненія зеренъ, — но содрать толстую кожу съ болѣе крупнаго звѣря при помощи собственныхъ ногтей такъ же было невозможно, какъ и убить такого звѣря ударами кулака. Но человѣкъ вступилъ уже на путь рѣшенія этой задачи: камень могъ замѣнить и острый ноготь. Такой камень послужилъ исходной точкой для цѣлаго ряда орудій и оружія. Но и въ природѣ можно было найти не мало предметовъ, годныхъ для такой замѣны: — раковины, рыбьи зубы, обломки костей, острые камни. Изъ всѣхъ видовъ камней человѣку особенно полезенъ былъ кремень, очень распространенный камень, легко отдѣляющійся отъ окружающей его массы песку и мѣлу. При всей твердости его, занимающей среднее мѣсто между твердостью стекла и рога, онъ, при вѣрномъ направленіи удара клиномъ, легко раскалывается на длинныя, плоскія пластинки, ребра которыхъ имѣютъ стекловидное лезвіе. И тупое ребро не трудно заострить, отбивая отъ него маленькіе кусочки, отдѣляющіеся съ раковиднымъ изломомъ. Въ этомъ случаѣ природа также явилась руководительницей человѣка, какъ только вниманіе его обратилось въ эту сторону. Рѣзкій переходъ температуры могъ постепенно расщепить кремневыя ядрища на поверхности земли на такіе осколки, которыми человѣкъ пользовался вмѣсто зубовъ и ногтей.

Мы будемъ называть такой рѣжущій обломокъ камня первобытнымъ клинкомъ; въ каждомъ инструментѣ, имѣющемъ какое либо лезвее, мы и теперь еще видимъ одного изъ потомковъ этого клинка. Примѣненіе его могло быть весьма разностороннимъ,—имъ можно было надрѣзать въ длину

шкуру животнаго, выскоблить снятую шкуру, острымъ концомъ проколоть въ ней дыру и, вращая его, просверлить даже кость. Но для каждой изъ этихъ работъ нужно было выбрать такой клинокъ, въ которомъ всего болѣе выдѣлялась требуемая часть; такъ явились каменные клинки, игравшіе роль ножа, скребка, долота, шила, бурава. Путемъ извѣстнаго примѣненія и соотвѣтственнаго выбора, впослѣдствіи изъ нихъ выработались хирургическіе инструменты. Подобными клинками изъ обсидіана древніе мексиканцы

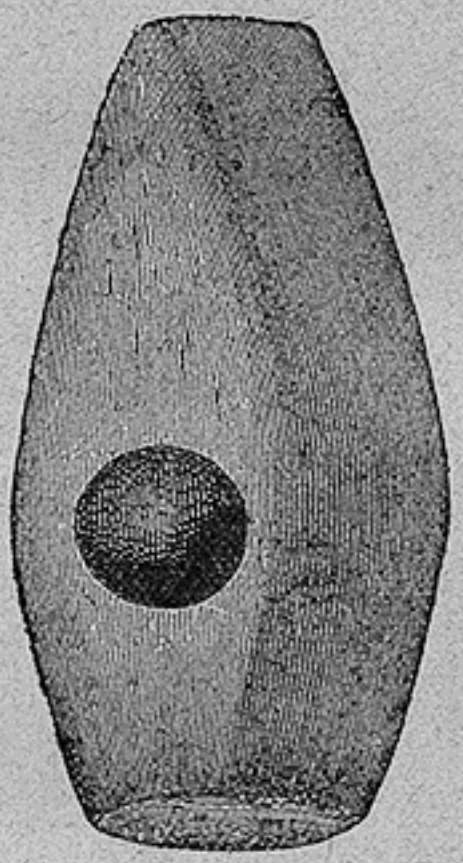
Каменные ножи.

брили себѣ бороду; заостреннымъ кремнемъ ирокезы пускали себѣ кровь, и культъ у евреевъ настойчиво сохранилъ каменный ножъ.

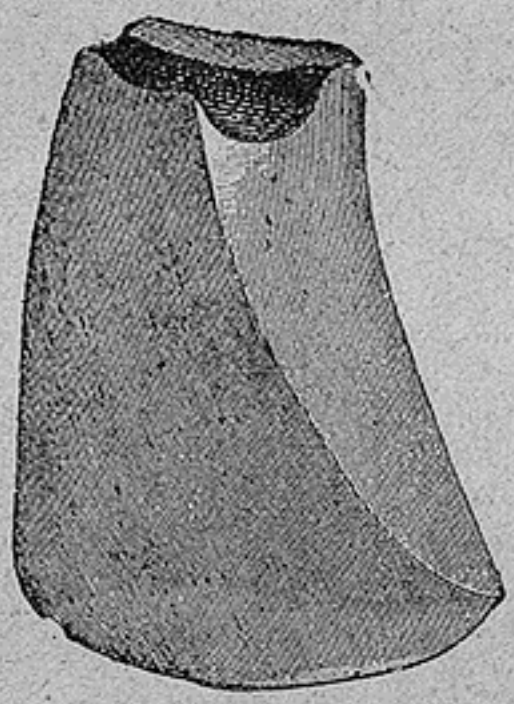
Еще болѣе блестящая будущность открылась для каменнаго клинка, когда его соединили, подобно тупому камню, съ палкой; насаженный на конецъ ея, онъ превращался въ копье или дротикъ. Древній мексиканецъ вырѣзывалъ по всей длинѣ такой палки глубокіе надрѣзы и всаживалъ въ нихъ заостренные куски камня; такимъ образомъ, онъ изготовилъ каменный мечъ, которымъ пользовался еще въ XVI-мъ столѣтіи. Молотъ превратился въ каменный топоръ, когда, вмѣсто тупого камня, стали насаживать на палку камень съ заостреннымъ лезвесмъ. Прикрѣпивъ такое лезвее попе-

рекъ рукоятки, получали тесло, которое служило сѣчкой, главнымъ образомъ, для обработки дерева.

Какъ скоро человѣкъ напалъ на мысль объ изготовленіи столь полезныхъ орудій, онъ уже путемъ наблюденія могъ додуматься до новыхъ и лучшихъ методовъ изготовленія ихъ. Такъ раскопки показываютъ рядомъ съ простыми, оббитыми формами, также и шлифованныя см. рис. ниже; затѣмъ человѣкъ узналъ, что камню можно придать болѣе совершенное и ровное лезвее продолжительнымъ треніемъ о другой камень, и нѣкоторые, дѣйствительно, доводили это искусство до поразительнаго совершенства. Читатель можетъ составить себѣ понятіе о немъ по приведеннымъ здѣсь

Шлифованный каменный топоръ. (Изъ Schliemann, „Ilios“).

Обломокъ каменнаго шлифованнаго топора. (Тамъ-же).

рисункамъ каменныхъ топоровъ, найденныхъ Шлиманомъ на раскопкахъ близь Тро и. Археологи дѣлятъ всѣ каменныя орудія, на основаніи достаточно нагляднаго признака обдѣлки ихъ, на два класса,—согласно терминологіи Лёббока,—«палеолитическія» (древне-каменнаго вѣка) и «неолитическія» (ново-каменнаго вѣка). Это опредѣленіе, безъ сомнѣнія, съ точностью обозначаетъ послѣдовательность способовъ обработки; но не слѣдуетъ думать, что повсюду за «древнимъ» каменнымъ вѣкомъ слѣдовалъ непремѣнно «новый», или что такое дѣленіе представляетъ ступень развитія всего человѣчества. Даже весь такъ называемый «каменный вѣкъ» не можетъ считаться такимъ періодомъ: между тѣмъ, какъ у однихъ племенъ онъ продолжается до настоящаго времени, у другихъ онъ закончился уже тысячелѣтія тому назадъ.

Можно предположить, напротивъ, что первоначально существовала связь между обдѣлкою камня и обработкою зеренъ. Ничто такъ легко не могло привести человѣка къ шлифовкѣ камня, какъ растираніе зерна между двумя камнями, причемъ видимо верхній камень пріобрѣталъ все болѣе гладкую поверхность, а нижній постепенно стирался и углублялся. Оставалось только воспользоваться сглаживаньемъ перваго въ извѣстномъ направленіи,—и изобрѣтеніе было сдѣлано. Но туда, гдѣ, за недостаткомъ подходящихъ камней, раздробленіе зеренъ происходило при помощи деревянной ступки и песта, шлифованныя каменныя орудія могли попасть лишь окольными путями.

Гораздо труднѣе, чѣмъ обтесываніе и шлифованіе камня, было для первобытнаго человѣка техника прикрѣпленія сложнаго орудія къ руко-

Каменные топоры. (Изъ Nadaillac „Les premiers hommes“).

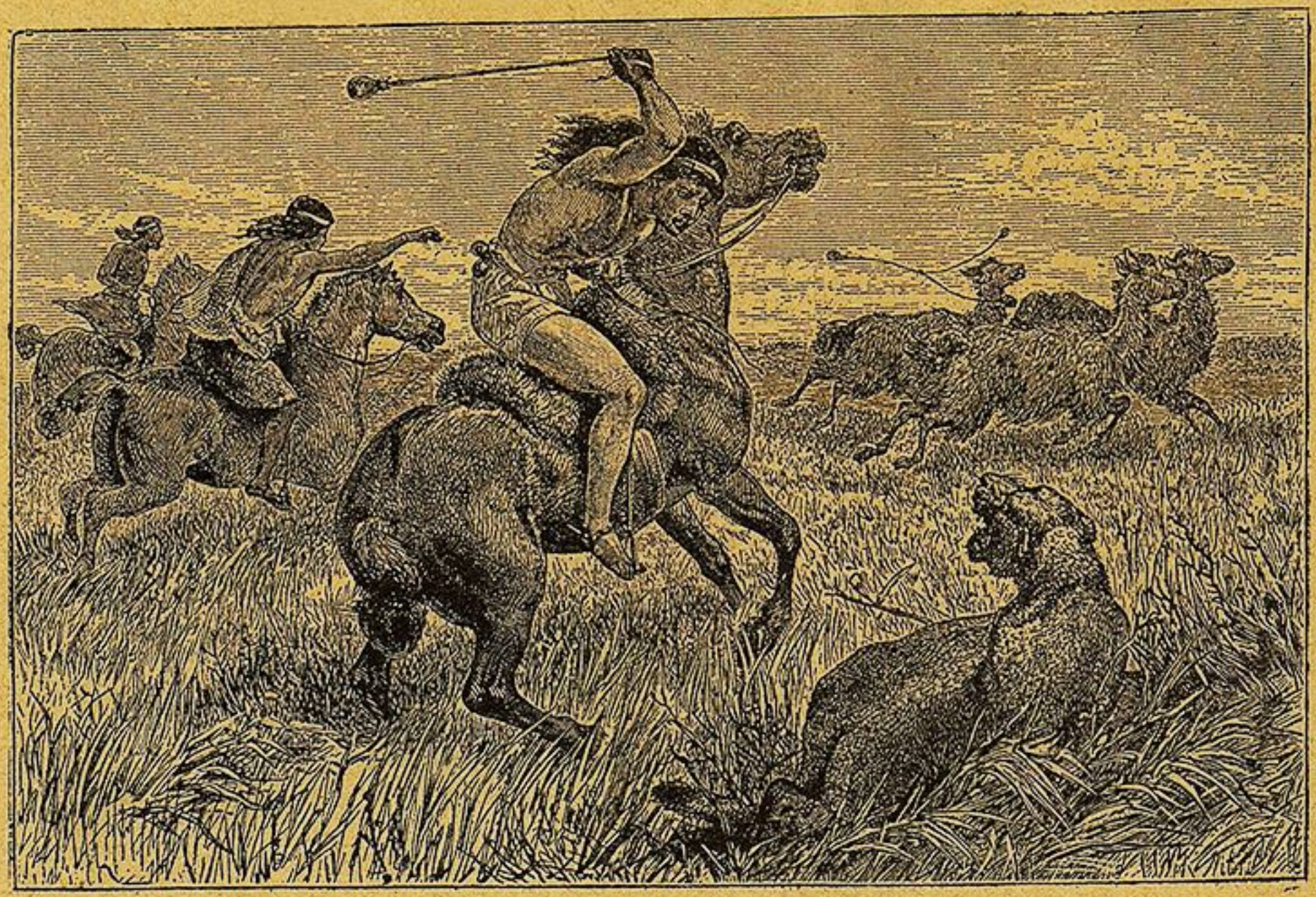
Каменный топоръ ботокудовъ (Изъ Bigg-Wither „Pioneering in South Brazil).

яткѣ. Объ этомъ можно заключить изъ различныхъ попытокъ, которые привели къ столь же различнымъ способамъ соединенія этихъ частей (см. рис. выше слѣва). Бразильскіе индѣйцы до настоящаго времени привязываютъ камень къ согнутой въ видѣ ушка вѣтви. Болѣе удобнымъ является слѣдующій способъ. Для рукоятки выбирается палка, утолщенная на одномъ концѣ, затѣмъ берутъ каменную пластинку трехъ-угольной формы; пластинка отъ лезвея постепенно съуживается въ остріе, которое и вгоняютъ въ утолщеніе палицы. Нѣкоторые индѣйцы усовершенствовали этотъ методъ, употребляя для рукоятки живое, еще стоящее на корню деревцо:

они слегка расщепляли его и въ образовавшуюся трещину просовывали неровный, бугристый конецъ камня. Если такая трещина заростала, то камень укрѣплялся такимъ образомъ неподвижно въ стволѣ дерева, и тогда изъ живого дерева вырѣзали закрѣпленную рукоятку (см. рис. стр. 46 справа). Способъ этотъ требуетъ меньшаго напряженія силъ и выдержки, но за то онъ предполагаетъ извѣстную предусмотрительность, вообще свойственную этимъ племенамъ; очевидно, однако, что только признаніе важнаго значенія этого оружія могло привести къ такой изобрѣтательности. Послѣдній и наилучшій способъ требовалъ, напротивъ, большого терпѣнія; онъ состоитъ не въ приспособленіи рукоятки къ камню, а наоборотъ, т. е. въ камнѣ пробуравливается отверстіе, въ которое вставляется рукоятка; способъ этотъ сохранился у насъ и до настоящаго времени. Только пониманіе всей важности и цѣнности подобнаго оружія могло понудить человѣка къ столь необычному и продолжительному примѣненію своей силы, какого требуетъ пробуравливаніе камня. Навести его на этотъ способъ могъ, какъ было уже упомянуто, процессъ размалыванія зеренъ, а примѣнять его онъ научился послѣ многихъ попытокъ употребленія буравовъ изъ твердаго матеріала и остраго песку. Если даже употребляли въ качествѣ бурава трубчатую кость, то и она производила извѣстное дѣйствіе на камень.

Въ наше время дѣлали опыты съ такими топорами, и оказалось, что ими можно разрубить довольно толстую жердь. Но древніе сѣверные индѣйцы, которые до прибытія европейцевъ пользовались продолговатыми трехъугольными ножами изъ кремня и каменными топорами съ крѣпко привязанною рукояткой, не пытались рубить ими деревья или даже колоть дрова, а употребляли ихъ только для очистки дерева отъ коры и въ качествѣ оружія, которымъ можно нанести смертельный ударъ. Топоры служили оружіемъ по преимуществу и у древнихъ германцевъ, а датчане еще въ XIII столѣтіи сражались съ помощью сѣкиръ; въ нѣсколько измѣненномъ видѣ сѣкира сохранялась еще гораздо дольше. Каменный топоръ не отличается существенно отъ молота, и одно и то же орудіе можетъ служить и тѣмъ и другимъ. На сѣверѣ молотъ надолго остался національнымъ оружіемъ, а въ древне-германскихъ поговоркахъ онъ упоминается, какъ самое общеупотребительное и распространенное домашнее орудіе. Употребленіе у древнихъ германцевъ каменнаго молота доказывается еще тѣмъ, что древнескандинавское слово «Hamarr» значило вмѣстѣ съ тѣмъ и «скала». Нѣкоторые полинезійцы вновь показали намъ, какое разнообразное примѣненіе можетъ имѣть такой камень, при умѣломъ пользованіи имъ. Они могли выдѣлывать имъ доски и строить лодки длиною въ 80 футовъ. Они такъ быстро высушивали сочный стволъ дерева, что онъ давалъ трещины по всей своей длинѣ. Найдя нужныя имъ трещины, они вбивали туда, посредствомъ камней, клинья все большей и большей величины, пока весь стволъ не расщеплялся на доски желаемой толщины, которыя они потомъ обтесывали каменными топорами и гладко выстругивали. Связавъ ихъ затѣмъ кокосовыми волокнами и проконопативъ смолой, они получали годныя для употребленія ладьи.

Насколько трудно иногда бываетъ отличить мечъ отъ палки, доказываютъ неясныя обозначенія ихъ. Путешественникъ Филлипсъ описываетъ первыхъ австралійцевъ, какихъ онъ видѣлъ, вооруженными «мечами»;

Тегуельчъ (патагонецъ) уби́ваетъ пойманную пуму боласомъ съ камнемъ (Bola perdita). Въ срединѣ Тегуельчъ бросаетъ боласъ въ гуанако. (Изъ Musters'a „At home with the Patagonians").

но «мечи были деревянные съ узкой рукояткой и, повидимому, меньше могли внушить страху, чѣмъ хорошая палка». Точно также у индѣйцевъ въ Виргиніи были «деревянные мечи», а жители Новой Калифорніи и Мексики насаживали вдоль лезвея острые камни. Точно также, безъ всякаго

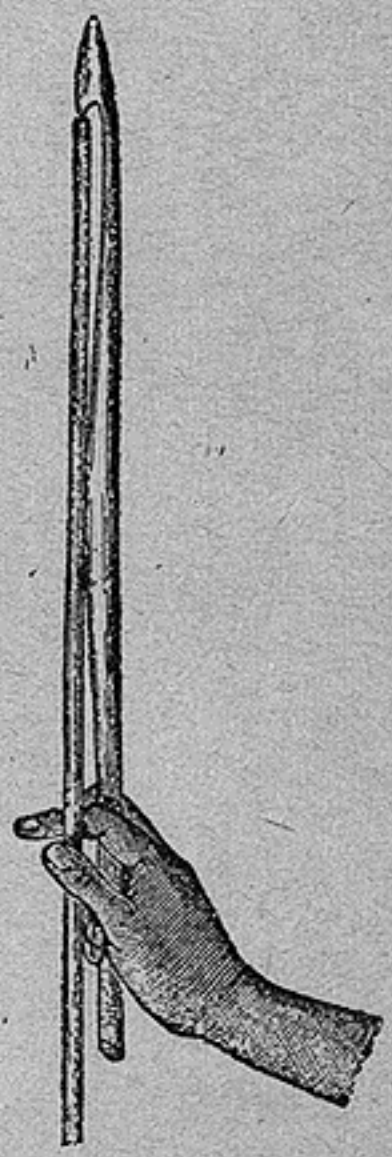

Чиліецъ, готовящійся бросить лассо. (Изъ Gay Chili).

подражанія имъ, нѣкоторыя племена Микронезіи изготовляли свои мечи, съ тѣмъ различіемъ, что они вмѣсто камней всаживали въ клинокъ зубы акулы, которые они употребляли и для другихъ видовъ оружія.

Прикрѣпивъ веревкой, смолой или инымъ способомъ такой рѣжущій инструментъ изъ кремня, рыбьяго зуба или кости къ концу палки, полу-

чали копье, которымъ можно было колоть или бросать на извѣстномъ разстояніи. Но не такимъ путемъ и не вездѣ былъ изобрѣтенъ лукъ, второстепенный инструментъ для метанія копья. Легкое метательное копье, спущенное съ тетивы лука, превратилось въ стрѣлу. Въ мѣстахъ, гдѣ камни встрѣчаются въ большомъ количествѣ и выборѣ, ими пользовались не только какъ ударнымъ оружіемъ, но и какъ метательнымъ. Сила удара камня, а также и стремительность полета его при метаніи зависятъ отъ величины радіуса размаха, т. е. отъ длины руки. Какъ рукоятка молота, такъ и праща при метаніи камня имѣютъ цѣлью удлиннить руку въ ея плечевой части, такъ какъ другая половина руки служитъ въ это время для сжиманія. Простѣйшій видъ пращи—кожанный ремень, оба конца котораго держатъ въ рукѣ, а въ сгибѣ его помѣщаютъ камень. Ремень этотъ, образующій какъ бы продолженіе руки, заставляютъ описывать круговое движеніе до той точки, откуда камень долженъ полетѣть по касательной. Когда затѣмъ рука человѣка выпускаетъ одинъ конецъ ремня, раскрывается и искусственная рука пращи, и камень летитъ по намѣченному направленію. Такъ можно не только попадать въ животныхъ на разстояніи, но и сбивать кокосовые орѣхи съ дерева. Но всѣ эти второстепенныя орудія не получили такого широкаго распространенія, какъ первостепенныя. Сѣверо-американскій индѣецъ не зналъ пращи; но она была распространена на островахъ Тихаго океана. Она рѣдко встрѣчается въ Африкѣ, у арабовъ и у позднѣйшихъ европейскихъ племенъ получаетъ важное значеніе, но областью ея распространенія по преимуществу можно назвать Анды Южной Америки.

Австралійскій снарядъ для метанія копья. (Изъ Brough Smyth).

На крайнемъ югѣ, у патагонцевъ она пріобрѣла законченную, хотя и нѣсколько иную форму. Очевидно, было весьма удобно связать летящій камень и вмѣстѣ съ тѣмъ раненое животное крѣпкой нитью съ рукою человѣка: эта нить указывала направленіе, въ какомъ находилась добыча, и, если послѣдняя не была поражена смертельно, не позволяла ей убѣжать отъ охотника. Какимъ образомъ человѣкъ додумался до такой путеводной нити, мы скажемъ ниже; пока мы отмѣтимъ только, что она была извѣстна патагонцамъ и египтянамъ; впрочемъ, первые, быть можетъ, унаслѣдовали ее отъ культурныхъ народовъ Андъ, а послѣдніе отъ племенъ своей прежней родины. Патагонецъ бросаетъ «боласы» (см. рис. стр. 48) или шары на концѣ веревки въ животное, которое опутывается этой веревкой, а на египетскомъ изображеніи мы видимъ фараона, который ту же веревку съ шарами бросаетъ подъ ноги быку. Арауканцы и другіе народы Южной Америки, перенявшіе скотоводство отъ европейцевъ, привыкли замѣнять тяжесть шаровъ тяжестью петли и самой веревки. Павзаній сохранилъ намъ извѣстіе относительно сѣверныхъ савроматовъ (сарматовъ), что они такими путами захватывали непріятелей и повергали на землю раненыхъ.

Въ то же время это былъ народъ, который тогда вполнѣ еще жилъ въ «каменномъ вѣкѣ» и питался преимущественно конскимъ мясомъ. Съ этой ступени, повидимому, лишь небольшой шагъ открываетъ намъ значительную перспективу на ближайшее будущее. Андскіе народы, у которыхъ мы познакомились съ этимъ орудіемъ лова (см. рис. стр. 49), остававшимся чуждымъ С. Америкѣ и странамъ Тихаго океана, являются единственными изъ этихъ племенъ, пользовавшихся болѣе крупнымъ полезнымъ животнымъ, ламой, въ такомъ видѣ, что у нихъ можно признать нѣчто вродѣ зачаточнаго скотоводства. Но египтяне, на другомъ полушаріи, могутъ быть названы древнѣйшими представителями скотоводства, а савроматы—прототипомъ сѣверныхъ номадовъ. Можно-ли считать слишкомъ смѣлымъ, если мы шагъ къ кочевничеству и скотоводству, сдѣланный одною частью человѣчества, свяжемъ съ свойственнымъ другой части способомъ ловли, посредствомъ котораго, повидимому, свободное животное могло оказываться неприкосновеннымъ во власти человѣка всегда, когда онъ этого хотѣлъ? И быть можетъ, въ концѣ концовъ, съ одной стороны это зависѣло отъ прядильнаго растенія, пригоднаго для изготовленія такихъ нитей.

Римскій воинъ съ пилумомъ. (Изъ Lindenschmit „Bewaffnung des römischen Heeres“).

Для метанія копья человѣкъ придумалъ разнообразныя приспособленія, которыя, повидимому, уже съ самаго начала были различными въ разныхъ областяхъ, противоположно мнѣнію Пешеля, согласно которому повсемѣстно распространенный способъ въ нѣкоторыхъ областяхъ лишь выходилъ изъ употребленія. Одно изъ этихъ орудій есть не что иное, какъ сама праща, примѣненная къ метательной палкѣ. Образцомъ этого рода можетъ служить снарядъ для метанія копья, распространенный въ Австраліи (см. рис. стр. 50). Онъ состоитъ изъ узкой дощечки или палочки, на концѣ которой выступаетъ крючокъ, представляющій сопротивленіе. Всего проще онъ дѣлается посредствомъ надрѣза. На эту палочку кладутъ копье такимъ образомъ, что конецъ древка упирается въ крючокъ, и, пока сперва то и другое держатъ въ горизонтальномъ положеніи, пускаютъ копье; затѣмъ палка съ крючкомъ нѣкоторое время летитъ за нимъ, описывая полукругъ, и, наконецъ, падаетъ въ на-

правленіи удлиненной руки. Другими словами, въ точкѣ сопротивленія она обнаруживаетъ такую же силу, какъ праща.

Этотъ снарядъ менѣе распространенъ, чѣмъ лукъ, который принадлежитъ, впрочемъ, къ другой системѣ. Онъ не является воспроизведеніемъ органа, присущаго человѣку: исходной точкой его служитъ образецъ, находящійся въ природѣ внѣ человѣка. Въ немъ можно видѣть прогрессъ мыслительной способности человѣка, и луку можно отвести мѣсто перваго орудія этого рода, подобно позднѣйшимъ машинамъ, которыя были придуманы путемъ вычисленія дѣйствія силы, помимо подражанія человѣческимъ органамъ. Этимъ объясняется то, что между тѣмъ, какъ до того времени всѣ племена шли почти однимъ и тѣмъ же путемъ, лукъ былъ изобрѣтенъ не одинаковымъ образомъ. Можно считать весьма сомнительнымъ, чтобы гдѣ-либо населеніе разучилось употребленію его, если оно было извѣстно раньше, не замѣнивъ его ничѣмъ лучшимъ; напротивъ, мы можемъ найти явные слѣды того, что лукъ, какъ высшее орудіе, вытѣснилъ пращу и снарядъ для метанія копья. Остатокъ этого послѣдняго, снарядъ, хотя почти вышедшій изъ употребленія, былъ найденъ у древнихъ мексиканцевъ, владѣвшихъ лукомъ; такимъ же остаткомъ можно считать ремень, связанный съ метательнымъ копьемъ (pilum) римскихъ воиновъ (см. рис. стр. 51).

Возможно, впрочемъ, допустить, что наблюденіе надъ упругостью древесныхъ вѣтвей, сдѣланное человѣкомъ, отыскивавшимъ пищу, дало толчокъ къ этому изобрѣтенію. Въ области Тихаго океана, Австраліи, Новой Зеландіи и Полинезіи лукъ не былъ извѣстенъ. Онъ появляется лишь въ Новой Гвинеѣ, и отсюда мы видимъ слѣды его распространенія черезъ Новую Каледонію до острововъ Фиджи. Культура колумбовскихъ индѣйцевъ на Антильскихъ островахъ, питавшихся преимущественно плодами, также не знала лука: онъ проникъ въ эту страну лишь вмѣстѣ съ караибами. Напротивъ, онъ былъ свойственъ американскому материку, Азіи, Европѣ и Африкѣ. Но и въ этихъ областяхъ лукъ употреблялся рѣже или чаще, смотря по образу жизни. Можно сказать вообще, что чѣмъ болѣе народъ переходитъ къ скотоводству, тѣмъ болѣе лукъ становится для него военнымъ оружіемъ. Средневѣковый самострѣлъ представляетъ собою лукъ съ тѣмъ выгоднымъ приспособленіемъ, что его можно натягивать и заряжать во время прицѣла, не тратя на это силы руки.

Еще въ раннюю эпоху полетъ стрѣлы старались усилить посредствомъ оперенія ея; быть можетъ, такая стрѣльба пернатой стрѣлой внушила другую мысль—выдувать ее. Если не плотно сжатый кулакъ былъ первой духовой трубой, то позднѣйшая труба была продолженіемъ отверстія въ кулакѣ. Грудная клѣтка, съ втянутымъ въ нее воздухомъ, и труба у рта образуютъ вмѣстѣ духовое ружье. Крупныя травы съ полыми стеблями обусловливаютъ распространеніе этого оружія, которое, служа у насъ только игрушкой, имѣетъ для многихъ лѣсныхъ народовъ большое значеніе. Духовому ружью принадлежатъ двѣ главныя области распространенія: первую образуютъ юговосточная Азія и прилегающіе къ ней острова со включеніемъ Новой Гвинеи, другую—лѣсистая тропическая область Южной Америки. Это орудіе, не пригодное для охоты на крупнаго звѣря, примѣняется преимущественно для охоты на птицъ и мелкихъ звѣрей. Лукъ и духовая труба не исключаютъ, впрочемъ, другъ друга. Такъ, у арекуновъ въ Гвіанѣ

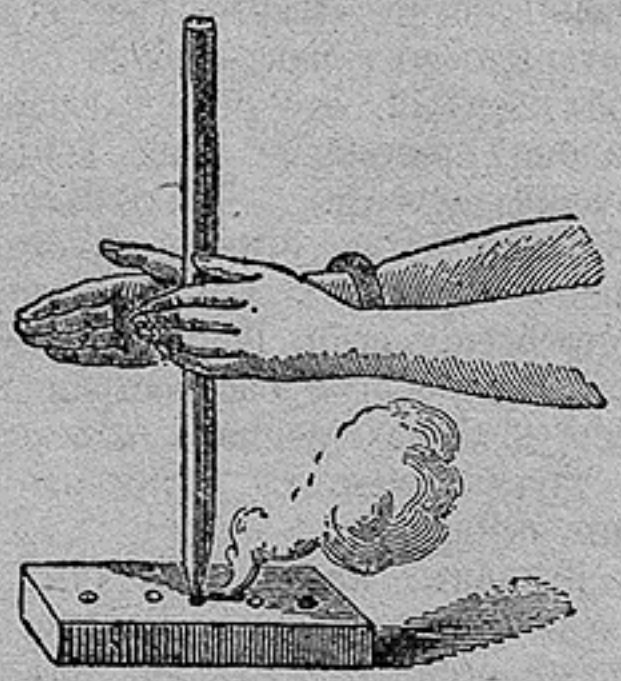
мы находимъ на-ряду съ лукомъ духовую трубу длиною въ 16 футовъ, откуда можно выпускать стрѣлы въ 6 дюйм. длины.

Огонь и его ближайшее примѣненіе.

Мы не имѣемъ ни одного факта, который служилъ бы указаніемъ на то, какъ долго человѣкъ удовлетворялъ своимъ насущнымъ потребностямъ безъ употребленія огня. Тѣмъ не менѣе, онъ могъ жить, обходясь безъ него. Почти все, что̀ мы до сихъ поръ разсмотрѣли, онъ могъ произвести безъ огня. Правда, мы почти не знаемъ такихъ племенъ, которыя ко времени открытія ихъ европейцами не были бы знакомы съ употребленіемъ огня, а тѣ, которыхъ мы знаемъ, такъ малочисленны, что ихъ существованіе совершенно отрицается, но это отрицаніе, повидимому, не совсѣмъ справедливо. Такъ, Т. Р. Тиль (въ «Американскомъ натуралистѣ» 1884 г., стр. 229) утверждаетъ, что жители острова Фануа-Лоа не были еще знакомы съ употребленіемъ огня, когда на ихъ берегъ 29 января 1841 г. высадилась тихоокеанская экспедиція Соединенныхъ Штатовъ (Wilkes, Narative vol. II, p. 10).

Тиль, принимавшій участіе въ этой экспедиціи, описываетъ туземцевъ, какъ красивыхъ, хорошо сложенныхъ людей, веселыхъ и добродушныхъ, страстно приверженныхъ къ мѣновой торговлѣ. Нигдѣ у нихъ нельзя было открыть слѣдовъ очага, углей или золы: они ѣли все въ сыромъ видѣ. Искры, вылетавшія изъ-подъ огнива, и огонь и дымъ закуренной сигары приводили ихъ въ большій ужасъ, чѣмъ громъ пушекъ.

Они, собственно говоря, не вступили даже въ «каменный періодъ», такъ какъ ихъ островъ состоялъ изъ однихъ коралловъ; ни камней, а тѣмъ болѣе металловъ не было на немъ; тамъ попадаются только обломки кораловъ. Въ качествѣ острыхъ орудій имъ служили зубы акулъ и раковины, но въ то же время ихъ дома и лодки были хорошо построены, а рыболовныя и домашнія орудія ихъ отличались тонкостью работы и изяществомъ украшеній.

Сверло для добыванія огня. (Изъ La Nature, 1879).

Впрочемъ, Полинезія и Австралія представляютъ во многихъ отношеніяхъ совершенно своеобразный міръ; въ большей своей части, это—міръ болѣе поздняго происхожденія, съ коралловой почвой, свободный отъ опасныхъ хищныхъ звѣрей—этого бича человѣчества.

Уже при помощи описанныхъ выше орудій человѣкъ вступалъ повсюду въ борьбу съ животными. Особенно полезно ему въ этой тяжелой борьбѣ было умѣніе пользоваться стрѣлами, отравленными смертельными растительными и змѣиными ядами, которыми онъ издалека могъ ранить животное. Невзрачный бушменъ не бо-

ится даже льва. Ни одинъ звѣрь не умѣетъ такъ тонко открыть слѣдъ и такъ искусно выслѣдить врага, какъ это дѣлаетъ бушменъ; но «ночь—человѣку не другъ», а для всѣхъ хищныхъ звѣрей это—самое любимое время.

Пешель вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что первый огонь ни въ какомъ случаѣ не былъ заимствованъ человѣкомъ отъ огня, зажженнаго молніей: для этого человѣкъ долженъ былъ быть знакомъ заранѣе съ благодѣтельными свойствами огня. А какъ медленно пріобрѣтается такой опытъ, можно видѣть изъ того, что полинезійцы еще сто лѣтъ тому назадъ не знали, какое дѣйствіе оказываетъ огонь на воду, хотя употребленіе огня имъ было давно извѣстно. Зато человѣкъ тотчасъ же могъ замѣтить, что огонь, откуда бы онъ ни произошелъ, внушаетъ сильный страхъ дикимъ звѣрямъ.

Древнемексиканское сверло для добыванія огня. (Изъ La Nature 1879).

Такъ же, какъ звѣри, относились къ огню и островитяне Фауна-Лоа. Весьма вѣроятно, поэтому, что первое цѣлесообразное примѣненіе огня имѣло цѣлью защиту отъ хищныхъ звѣрей.

Можетъ быть, этимъ, равно, какъ и трудностью добыванія огня, объясняется повсемѣстно распространенный и сохранившійся до позднѣйшаго времени обычай поддерживать непрерывно огонь и постоянно брать его съ собой въ дорогу.

Нужно считать наиболѣе вѣроятнымъ, что древнѣйшее орудіе для добыванія огня, «сверло» (рис. стр. 53 и 54) не было изобрѣтено человѣкомъ, а открыто имъ какъ-нибудь случайно во время сверленія при изготовленіи своихъ орудій. Это не исключаетъ предположенія, что человѣку уже было знакомо примѣненіе огня, когда онъ открылъ способъ добыванія его при помощи «сверла». Дѣйствительно, послѣ «сверла», былъ открытъ способъ высѣканія огня и много другихъ способовъ, но отсюда нельзя, однако, заключить, что до открытія этихъ способовъ человѣкъ не зналъ употребленія огня. Нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что вначалѣ употребленіе огня распространилось изъ одного какого-нибудь центра путемъ непосредственнаго перенесенія; дальнѣйшее же распространеніе его въ другихъ мѣстахъ произошло лишь съ изобрѣтеніемъ орудій для добыванія огня.

Вулканы, эти естественные источники огня встрѣчаются во всѣхъ поясахъ земного шара. Однако, предположить, что человѣкъ добылъ свой первый огонь отъ вулкана, было бы еще болѣе невѣроятно, чѣмъ думать, что онъ заимствовалъ огонь отъ молніи. Но по временамъ вулканы порождаютъ явленія другого рода, которыя легко могли научить человѣка добыванію огня. Въ Исландіи, около ста лѣтъ тому назадъ, лава залила всю горную долину рѣки Скапты до самаго края, и потоки ея, разлившіеся по острову, были шириною до пяти англ. миль. Подобные же потоки лавы уже въ историческое время время покрыли Гавайю до самаго моря

У жителей такихъ мѣстностей страхъ передъ изверженіемъ исчезаетъ раньше, чѣмъ успѣваетъ остыть ядро этихъ раскаленныхъ массъ. Между тѣмъ, подъ остывшей и затвердѣвшей корой лава часто еще остается жидкой и раскаленной. Тамъ, гдѣ она даетъ трещину, достаточно естественнаго любопытства, не сдерживаемаго страхомъ, чтобъ заставить человѣка изслѣдовать длинной палкой этотъ источникъ пара и дыма, и въ результатѣ добыть концомъ палки живой огонь. Кромѣ этого, въ разныхъ мѣстахъ происходятъ выдѣленія воспламеняющихся газовъ; таковы извѣстные «огненные источники» на Каспійскомъ морѣ. И здѣсь можно было длинной палкой поймать безсмертную искру.

Огонь, какъ средство защиты въ ночное время, долженъ былъ пріобрѣсти еще большее значеніе въ глазахъ человѣка, когда онъ сталъ держать при себѣ—изъ выгоды или ради удовольствія—мелкихъ животныхъ. Самъ онъ, въ случаѣ нужды, укрывался въ логовищѣ, устроенномъ на вѣтвяхъ дерева. Если даже теперь, по свидѣтельству Нахтигаля, въ такъ называемыхъ языческихъ государствахъ африканцы прибѣгаютъ къ такой защитѣ отъ враговъ, то, несомнѣнно, человѣку былъ извѣстенъ этотъ способъ защиты отъ звѣрей. Но этотъ способъ самозащиты становился все болѣе недоступнымъ, по мѣрѣ того, какъ первобытный человѣкъ сталъ собирать около себя все большее и большее количество полезныхъ животныхъ. Поэтому знакомство съ употребленіемъ огня должно считаться подготовительнымъ условіемъ возникновенія кочевой жизни. Мы не можемъ объяснять случайнымъ совпаденіемъ тотъ фактъ, что среднеазіатскія плоскогорія, которыя всегда кишатъ кочевыми племенами, являются въ то же время родиной культа огня. Путь, который привелъ къ созданію этого культа, вполнѣ понятенъ. Ночь—врагъ человѣка, находящійся въ союзѣ съ дикими звѣрями и духами. Чѣмъ непонятнѣе причина какого-нибудь явленія, тѣмъ болѣе основанія приписывать его дѣйствію духовъ; духъ—неизвѣстная причинность, и ночь, поэтому,—его другъ. Собственный страхъ служитъ для человѣка подтвержденіемъ реальности его представленій. Въ борьбѣ съ ужасами ночи защитой можетъ служить только духъ, дружественный духъ дома. Еще и теперь въ сѣверной Африкѣ онъ пребываетъ въ особомъ объектѣ передъ каждымъ шатромъ, отвращая отъ дома несчастье. Но какой объектъ могъ считаться первобытнымъ человѣкомъ выше огня его собственнаго очага? Онъ наводилъ страхъ въ одинаковой мѣрѣ на хищныхъ звѣрей, духовъ и привидѣній; значитъ,—заключаетъ кочевникъ внутренней Азіи,—въ немъ обитаетъ могущественнѣйшій изъ благодѣтельныхъ духовъ. Этотъ ходъ мыслей привелъ кочевника къ культу огня, который мы и теперь находимъ у бурятъ на сѣверѣ. Съ переселеніемъ арійцевъ этотъ культъ былъ перенесенъ на югъ. Для персовъ, въ ихъ борьбѣ съ первоначальными обитателями страны и родственными мидянами, онъ имѣлъ символическое значеніе; арійскими жрецами онъ былъ перенесенъ въ Индію въ видѣ культа Агни; но здѣсь новыя условія жизни взяли верхъ надъ старыми обычаями, масло и молоко вытѣснили грубый и одурманивающій напитокъ «сома», Брама, «Слово», побѣдило огонь. Только въ парсизмѣ Гуджерата и Мультана сохранился во всей чистотѣ древній культъ кочевниковъ, и въ пылающемъ кустарникѣ и въ огненной горѣ Аравійской пустыни свѣтитъ отблескъ Запада.

При такомъ почитаніи огня, вполнѣ допустимо, что тщательно охраняемый и поддерживаемый огонь могъ получить широкое распространеніе изъ одного какого-либо мѣста. Уже при первомъ знакомствѣ съ австралійцами путешественники замѣтили, что они «поддерживаютъ постоянный огонь, всегда носятъ съ собой огонь или горящій кусокъ дерева, и берутъ съ собой огонь при передвиженіяхъ съ мѣста на мѣсто и даже при переѣздахъ въ лодкахъ.» Губернаторъ Филиппъ приписывалъ это тому обстоятельству, что они не умѣютъ легко и быстро добывать огонь. Тѣмъ болѣе удивительно утвержденіе Гауксворта, будто «они зажигаютъ огонь съ большой легкостью.» Форстеръ пытался объяснить этотъ обычай лѣностью туземцевъ. Но, безъ сомнѣнія, заботу о непрерывномъ поддержаніи огня, особенно во время путешествій, еще менѣе можно объяснить лѣностью. Кромѣ того, во всей Австраліи и Полинезіи огонь не служитъ для защиты отъ дикихъ звѣрей, которые тамъ и не водятся. Кингъ свидѣтельствуетъ, что среди обитателей острова Норфолькъ «нельзя встрѣтить ни одного человѣка безъ горящаго куска дерева въ рукѣ»; онъ это также объясняетъ «невѣроятной трудностью» добыванія огня. Съ этимъ, однако, не согласуются наблюденія новѣйшихъ изслѣдователей, которые утверждаютъ, что, по крайней мѣрѣ, въ жаркихъ и сухихъ странахъ Австраліи добываніе огня по древнему способу представляется дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Обычай постояннаго поддерживанія и ношенія огня распространенъ повсемѣстно безъ всякаго отношенія къ степени трудности добыванія огня. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что въ описываемомъ обычаѣ кроется указаніе на болѣе древній способъ добыванія огня исключительно путемъ переноса.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія преданіе мёррейскихъ австралійцевъ, сообщенное К. Э. Юнгомъ. Было время, гласитъ преданіе, когда они жили безъ огня, пока огонь не принесенъ былъ съ востока въ травяномъ стеблѣ. Дѣйствительно, подобный стебель очень удобенъ для перенесенія раскаленныхъ углей, легко воспламеняющихся въ сухой травѣ. Подъ «востокомъ» должно понимать одинъ изъ вулканическихъ острововъ Тихаго океана. Въ ихъ разсказахъ объ огнѣ указывается на его значеніе въ зимнее время для согрѣванія, но не упоминается о примѣненіи его для приготовленія пищи. На древнѣйшій способъ добыванія огня посредствомъ переноса указываетъ также древній миѳъ о похищеніи огня въ стеблѣ зонтичнаго растенія.

Деревяшки для добыванія огня сверленіемъ въ Австраліи.

У древнихъ индѣйцевъ на сѣверѣ существовалъ тотъ же обычай, возникшій совершенно независимо отъ всякихъ внѣшнихъ связей. «Въ давнія времена они всегда носили съ собой огонь, пользуясь для этого трутомъ, который съ утра до ночи поддерживался въ тлѣющемъ состояніи». Обычай поддерживать въ жилищѣ неугасимымъ разъ добытый огонь принадлежалъ болѣе раннимъ поколѣніямъ человѣчества; а когда онъ сталъ выводиться, онъ продолжалъ жить въ культѣ. Алтарь Весты—тотъ же древній очагъ, и это же древнее пламя пылаетъ въ «неугасимой лампадѣ» католической церкви.

Гдѣ горитъ огонь, тамъ заложено ядро поселенія; тамъ, хотя бы на короткое время, живетъ вмѣстѣ группа людей, связанныхъ кровнымъ род-

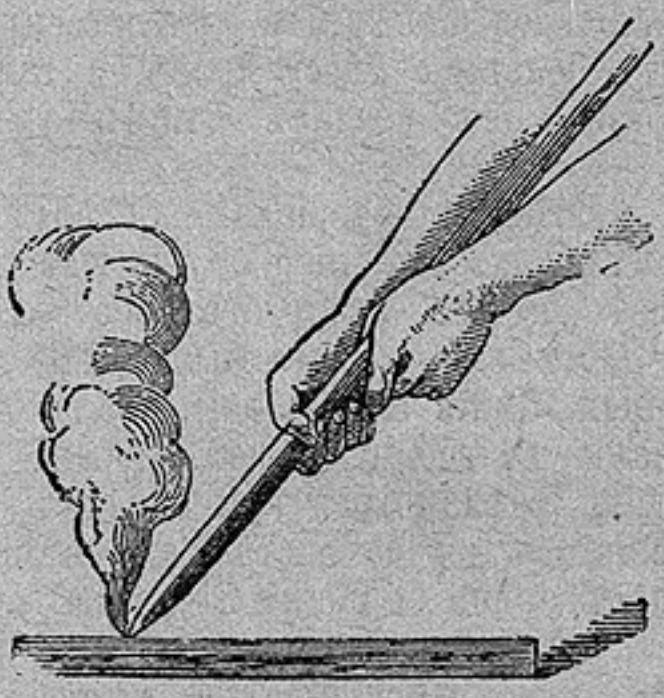
ствомъ или половымъ влеченіемъ; тамъ царствуетъ мать, имѣетъ власть жена. Мужчина долженъ уходить изъ дому для охоты, а жена съ дѣвушками и дѣтьми должны поддерживать благодѣтельный, согрѣвающій огонь, къ которому придутъ мужчины для защиты отъ холода и ночныхъ опасностей. Мѣсто около огня—первый пріютъ человѣка; забота объ его поддержаніи является естественной обязанностью женщины. Приближаясь къ селенію, первые путешественники опредѣляли по поднимающимся столбамъ дыма населеніе его, а по числу очаговъ еще въ средніе вѣка производился у славянъ счетъ семьямъ. Трудъ и значеніе женщины равномѣрно возрастали въ зависимости отъ степени распространенія употребленія огня; а въ зависимости отъ того и другого находится прогрессъ общественной организаціи. Открытый очагъ поглощаетъ большую массу дровъ, и тамъ, гдѣ онъ сталъ для человѣка потребностью, онъ создалъ дисциплину работы.

Чѣмъ меньше было въ какой-нибудь мѣстности матеріала для поддержанія огня, тѣмъ большее значеніе имѣло изобрѣтенное орудіе для добыванія его. Орудіе это, особенно въ видѣ сверла, распространено было, кажется, почти по всему земному шару. Этотъ видъ орудія былъ, тѣмъ не менѣе, не единственный, хотя самый удобный. Дикій австраліецъ зналъ три способа добыванія огня. Всѣ они основаны на треніи кусковъ дерева и, вѣроятно, явились результатомъ наблюденій, сдѣланныхъ при различныхъ работахъ. Въ трещины гнилого, свалившагося дерева австраліецъ всовываетъ пучки сухой травы, затѣмъ быстрымъ треніемъ палки о дерево, онъ добивается того, что дерево начинаетъ тлѣть и трава вспыхиваетъ. Это одинъ способъ. При другомъ способѣ онъ ставитъ на землю полѣно, упирается въ него грудью и другимъ полѣномъ водитъ по первому, какъ скребкомъ. Пользовавшійся еще бо̀льшимъ распространеніемъ буравъ для добыванія огня состоитъ изъ дощечки съ небольшой зарубкой и тупой палочки. Человѣкъ, добывающій огонь, сидитъ, придерживая ногами дощечку, и вращаетъ палочку между ладонями, какъ будто приводитъ въ движеніе мутовку (см. рис. сбоку). Пучокъ сухой травы держится на-готовѣ такимъ образомъ, чтобы онъ, какъ трутъ, могъ подхватить первую искру. Затѣмъ, быстро размахивая затлѣвшимся пучкомъ травы по воздуху, раздуваютъ пламя. Какъ при постоянномъ поддерживаніи огня, такъ и при добываніи его, требуется извѣстное развитіе общественности. Удобнѣе, если другой человѣкъ держитъ уже на готовѣ пучокъ травы; въ болѣе холодномъ и влажномъ климатѣ для полученія огня требуется столько времени, что нѣсколько человѣкъ должны смѣнять другъ друга въ работѣ сверломъ. При помощи такого же орудія добываетъ огонь и бушменъ въ Южной Африкѣ; Ливингстонъ нашелъ то же орудіе въ ходу и на берегахъ Замбези. Онъ наблюдалъ, какъ въ про-

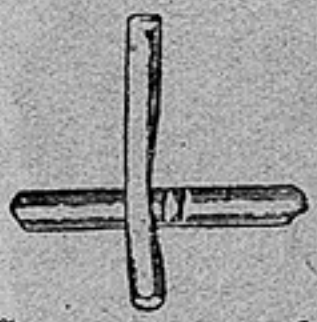
Добываніе огня австралійцами (Изъ Brough Smyth).

долженіе одной минуты былъ добытъ огонь при помощи этого сверла. Между тѣмъ, какъ у полинезійцевъ наибольшимъ распространеніемъ пользовалось орудіе съ двигающимся взадъ и впередъ штифтомъ (см. рис. ниже), сверло было въ ходу на Антильскихъ островахъ, у гвіанскихъ индѣйцевъ и дикарей Бразиліи, въ древней Мексикѣ, въ Африкѣ, равно, какъ и на Цейлонѣ и даже на крайнемъ сѣверѣ, у эскимосовъ. Въ индійскихъ гимнахъ ясно указывается на добываніе огня съ помощью двухъ кусковъ дерева. Въ греческомъ и латинскомъ языкахъ сохранились даже соотвѣтственныя названія (eschara и tabula—подставка, дощечка, и tryanon, terebra—сверло) для отдѣльныхъ частей древняго орудія добыванія огня. Римляне такъ же, какъ и германцы иногда прибѣгали къ тому же способу даже въ позднѣйшую эпоху, преданіе о которой приводитъ Плиній, когда уже было извѣстно высѣканіе огня изъ камня.

Добываніе огня треніемъ (Изъ La Nature, 1879).

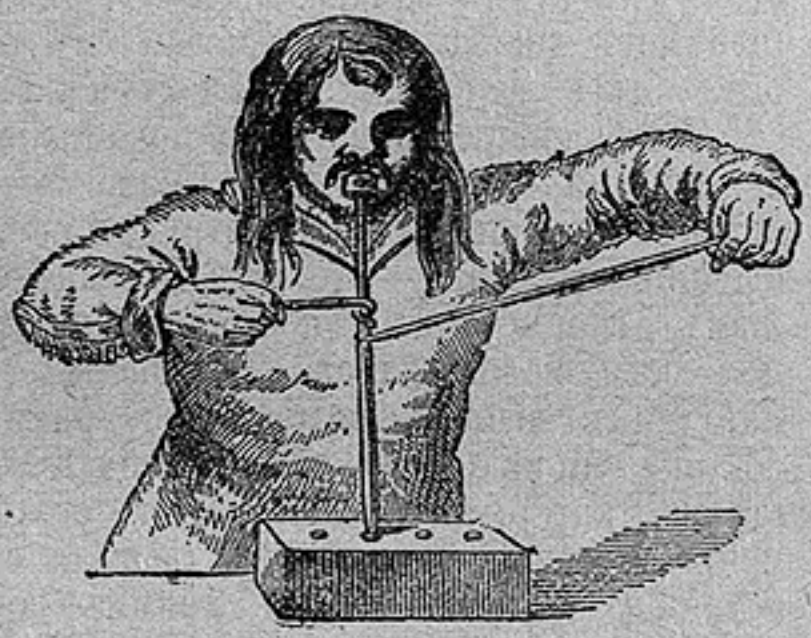
Столь противорѣчивыя сообщенія о степени трудности добыванія огня объясняются вліяніемъ климата и различными состояніями погоды, при которыхъ производились наблюденія. Въ мѣстности съ холоднымъ и сырымъ климатомъ способъ добыванія огня посредствомъ скребка не только не могъ быть изобрѣтенъ, но и не могъ найти примѣненія. Но и буравъ могъ войти въ употребленіе въ такихъ мѣстностяхъ только при тѣхъ улучшеніяхъ, которымъ онъ, какъ мы видимъ, постепенно подвергался. Уже въ разныхъ мѣстахъ Африки на сверло насаживалась трубчатая кость, чтобы ладони имѣли поверхность болѣе удобную для захватыванія. Трудъ вращенія сверла былъ значительно облегченъ, когда инструментъ стали приводить въ движеніе натягиваніемъ концовъ ремня, обмотаннаго вокругъ сверла. Этотъ способъ былъ въ употребленіи у сѣверныхъ индѣйцевъ, напр., у ирокезовъ и дакотовъ. Для выполненія этой работы, въ простѣйшемъ ея видѣ, требовались три руки: двѣ, чтобъ тянуть за оба конца ремня, и третья, чтобъ надавливать на сверло, которое было для этой цѣли снабжено утолщеніемъ на верхнемъ концѣ. Алеуты нашли способъ обходиться двумя руками и, слѣдовательно, сберегать трудъ помощника: ухватившись зубами за кнопку бурава и придавливая его къ дощечкѣ, они обѣими руками натягивали ремень (см. рис. стр. 59). При такомъ способѣ, даже въ этой холодной странѣ, сосновое дерево загорается, какъ это наблюдалъ Шамиссо, въ нѣсколько секундъ. Той же цѣли можно было достигнуть и инымъ способомъ, при которомъ оба конца ремня приводились въ движеніе одной рукой. Достигалось это тѣмъ, что

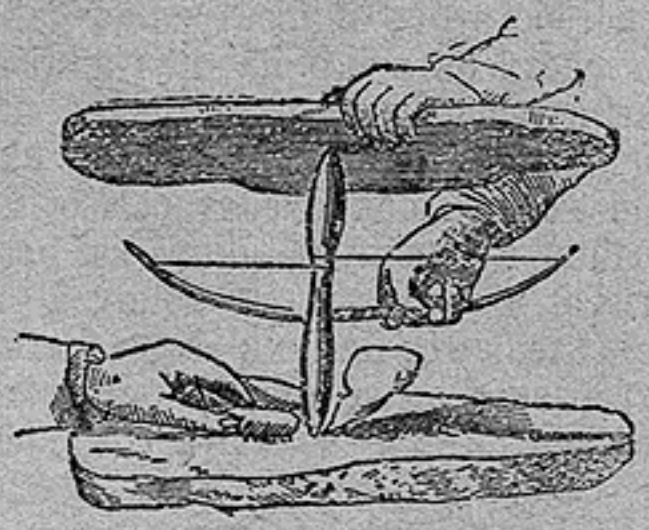
Снарядъ для добыванія огня (по способу пиленья) въ Борнео. (Изъ H. Schurtz, Urg. d. Kult.).

вокругъ сверла обматывалась тетива лука: одна рука удерживала крѣпко буравъ, а другая оттягивала лукъ взадъ и впередъ (см. нижній рис.). Такія усовершенствованныя сверла, снабженныя лукомъ, изъ точеной кости, нашелъ Норденшельдъ у эскимосовъ, у которыхъ уже были въ то время въ употребленіи и огниво, и спички.

Судя по нѣкоторымъ привычкамъ древнихъ германцевъ и сосѣднихъ съ ними народовъ, нужно думать, что у сѣверныхъ кочевыхъ народовъ съ теченіемъ времени стали примѣняться и другіе способы добыванія огня. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ мазуровъ еще и теперь разъ въ году тушатся всѣ огни въ домахъ и добывается новый огонь, отъ котораго каждый зажигаетъ огонь для себя. Громадное сверло, которымъ пользуются въ этихъ случаяхъ, имѣетъ устройство, прямо противоположное описанному выше сверлу: оно состоитъ изъ неподвижнаго штифта и подвижнаго деревяннаго круга. На вколоченный въ землю дубовый колъ надѣвается колесо; работники, постоянно смѣняющіеся, вращаютъ это колесо до тѣхъ поръ, пока колъ не загорится. Ежегодное возобновленіе огня было обычаемъ, свойственнымъ не только славянамъ, но также германцамъ и кельтамъ. Остатки этого обычая сохранились въ «Notfeuer», который еще въ настоящемъ столѣтіи возжигался въ Германіи. Для этой цѣли между двумя отвѣсными брусками помѣщали валъ и приводили его въ движеніе при помощи обмотанной вокругъ него веревки. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ одномъ случаѣ пользовались колесомъ, въ другомъ—чѣмъ-то въ родѣ оси. Возможно, что кочевые народы, употреблявшіе тяжелыя деревянныя телѣги, были наведены на мысль о другихъ способахъ добыванія огня горѣніемъ колесъ, особенно послѣ того, какъ занесенное къ нимъ сверло оказалось непригоднымъ въ ихъ климатѣ.

Сверло съ ремешкомъ для добыванія огня (Изъ La Nature, 1879).

Сверло съ лукомъ для добыванія огня (Изъ La Nature 1879).

Это, какъ намъ кажется, проливаетъ свѣтъ на своеобразный способъ полученія огня, практиковавшійся, по крайней мѣрѣ, у названныхъ народовъ. И у нихъ существовалъ основной обычай постояннаго поддержанія огня на всѣхъ очагахъ, постоянной переноски огня или раскаленныхъ углей во время странствованій по сушѣ и по водѣ. Такъ это было и въ Сканди-

навіи до настоящаго столѣтія. Если гдѣ-нибудь, вслѣдствіе небрежности, огонь потухалъ, то отправлялись «занимать» его; это практиковалось даже въ то время, когда было хорошо знакомо обращеніе съ трутомъ и стальнымъ огнивомъ: такъ сильно укоренилась привычка къ перенесенію огня. Такимъ образомъ, забота объ огнѣ явилась, повидимому, продуктомъ общественной организаціи; или, вѣрнѣе, развитію послѣдней способствовала потребность въ огнѣ. Исключенному изъ общины было запрещено давать огонь; въ этомъ заключалась вся тяжесть наказанія. Воду такой отверженный могъ достать и самъ, если ему никто не далъ ее, но источникъ огня былъ для него закрытъ; онъ жилъ вблизи людей, какъ дикій звѣрь.

Отъ времени до времени возникала необходимость всеобщаго возобновленія огня,—старый огонь казался негоднымъ. Но аппаратъ былъ неуклюжъ, пользованіе имъ затруднительно и, такимъ образомъ, огонь и добываніе его стали—что̀ кажется мнѣ очень важнымъ фактомъ—общественнымъ дѣломъ. Иначе, по какому праву община лишала отлученнаго возможности пользоваться ея огнемъ? Религіозные союзы, имѣвшіе общій источникъ огня, простирались у римлянъ и у кельтовъ далеко за предѣлы общинъ. Повидимому, неблагопріятныя климатическія условія тѣхъ далекихъ странъ, которыя должны были стать колыбелью культурныхъ народовъ, привели къ тому, что общественная организація побѣдила поставленныя человѣку трудныя задачи. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи огонь явился могущественнымъ двигателемъ цивилизаціи.

Мы должны, однако, оставить этотъ пунктъ, открывающій столь широкіе горизонты, чтобъ вернуться къ первобытному очагу. Разсмотримъ, какія ближайшія выгоды для своего пропитанія извлекъ человѣкъ изъ этого драгоцѣннѣйшаго дара на нашей планетѣ. Не трудно показать, какое вліяніе оказываетъ высокая температура огня на клѣтки питательныхъ веществъ, насколько она размягчаетъ ткани, облегчаетъ разжевываніе и способствуетъ пищеваренію, давая возможность сохранить избытокъ энергіи и употребить его на другія цѣли. Но, конечно, не эти соображенія заставили первобытнаго человѣка придвинуть пищу къ огню. Мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ указаній на то, какимъ образомъ онъ дошелъ до этого, но съ большой вѣроятностью можно предположить, что впервые онъ случайно придвинулъ пищу къ огню для просушки; при этомъ онъ замѣтилъ, что отъ жара лопнула шелуха сухихъ сѣмянъ. Съ просушкой и отдѣленіемъ шелухи первобытный человѣкъ былъ знакомъ еще до употребленія огня; теперь ему оставалось только воспользоваться для этой цѣли огнемъ, взамѣнъ солнечной теплоты.

Вполнѣ понятно, какъ важно было для охотника сохранять отъ своего избытка запасъ на случай неизбѣжной нужды. Поэтому индѣецъ такъ же, какъ и африканецъ усвоили себѣ искусство сушить мясо. Для этого они пользовались двумя способами: или подвергали мясо непосредственному дѣйствію солнечныхъ лучей, или клали его на раскаленные солнцемъ камни. Совершенно такимъ же образомъ, какъ мы видимъ, пользовались огнемъ. Не трудно было замѣтить, что непосредственное прикосновеніе огня уничтожаетъ пищу. Оставалось, слѣдовательно, только найти способъ, чтобы можно было подвергать пищу дѣйствію огня, держа ее на извѣстномъ разстояніи или отдѣливъ ее отъ огня какой-нибудь промежуточной средой. Примѣненіе

воды въ качествѣ такой среды было позднѣйшимъ открытіемъ въ этомъ направленіи. Слѣдуя другому пути, указанному природой, первобытный человѣкъ, по аналогіи со своими прежними пріемами, сталъ класть пищу для просушки на землю или камни, раскаленные въ огнѣ. Во всякомъ случаѣ, выгода этого способа заключалась въ томъ, что онъ былъ выполнимъ во всякое время, и что степень накаливанія можно было увеличивать по желанію и тѣмъ ускорять самый процессъ просушки.

Бразильскія племена пользуются для этой цѣли сплетенной изъ вѣтвей сѣткой, укрѣпленной надъ огнемъ на четырехъ кольяхъ. Мясо при этомъ способѣ подвергается дѣйствію огня, будучи въ то же время защищено отъ него разстояніемъ и вѣтвями. По свидѣтельству Тэйлора, мясо, приготовленное на такомъ «буканѣ», сохраняется долгое время, а это есть ближайшая цѣль сушки. Тѣмъ-же способомъ пользовались и вестъ-индскіе пираты при заготовленіи мясныхъ припасовъ. Менѣе совершеннымъ способомъ является подвѣшиваніе мяса на палкѣ, воткнутой въ землю косо надъ огнемъ. Такъ поступаютъ сѣверные индѣйцы, которые этимъ путемъ открыли способъ жаренія вообще, и въ частности жаренія на вертелѣ. Поджариваніе мяса удавалось хуже, но даже при такомъ приготовленіи оно представляло больше преимуществъ, чѣмъ сырое мясо. При подвѣшиваніи мяса по этому способу можно добиться дѣйствительной просушки его только при томъ условіи, чтобы до мяса доходила поднимающіеся отъ огня теплота и дымъ, что возможно только въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Это «копченіе» мяса практиковалось, главнымъ образомъ, сѣверными кочевыми народами.

До какой степени, однако, первобытный человѣкъ, несмотря на всѣ успѣхи, былъ далекъ отъ идеи варить пищу въ водѣ, свидѣтельствуетъ примѣръ обитателей острововъ Тихаго океана, сохранившихъ въ неприкосновенности многія формы, свойственныя первоначальнымъ ступенямъ развитія. Мы уже упоминали о незнакомствѣ австралійцевъ съ явленіямъ кипѣнія воды. Туземцы Новаго Южнаго Уэльса, пожелавшіе украсть рыбу изъ котла, были очень непріятно поражены неожиданными свойствами кипящей воды. То же наблюдается и на Полинезійскихъ островахъ. Даже, до извѣстной степени, культурные таитяне не имѣли никакого понятія о варкѣ пищи. Капитанъ Саймонсъ разсказываетъ, что обитатели Палаускихъ острововъ, попавъ на Филиппины, отказались даже попробовать вареный рисъ.

Въ названныхъ странахъ примѣненіе огня для обработки пищи ограничивалось только поджариваньемъ, поскольку оно было необходимо для просушки. Въ этомъ направленіи эти племена достигли своего рода прогресса. Они не подвергали пищу непосредственному дѣйствію огня, а клали ее на раскаленную въ огнѣ землю или камень, или въ горячую золу. Даже народы, успѣвшіе научиться варкѣ пищи, не отказывались отъ этихъ способовъ; такихъ примѣровъ мы знаемъ много.

Пастухи въ Восточномъ Суданѣ бросаютъ въ костеръ камни, и когда огонь потухнетъ, они кладутъ на эти камни мясо, нарѣзанное тонкими ломтиками. Менѣе удачные результаты даетъ примѣненіе для этой цѣли золы; полезно и соединеніе обоихъ этихъ способовъ. Чтобы приготовить для ѣды желудокъ казуара, патагонцы, какъ это наблюдалъ Мустерсъ, клали внутрь его раскаленный на огнѣ камень и зарывали его затѣмъ въ

золу. Этотъ способъ, вполнѣ подходящій въ данномъ случаѣ, навелъ патагонцевъ на мысль приготовлять въ пищу такимъ-же образомъ цѣлаго казуара. При обработкѣ передней половины казуара, очень удобной для такого пріема, они вкладывали въ грудную полость раскаленный камень. Съ задней половиной, которая была слишкомъ мясиста для такой манипуляціи, поступали такимъ образомъ: позвоночникъ удаляли, а въ мышцахъ дѣлались разрѣзы, которые наполнялись горячими камнями. Обработанныя такимъ образомъ части завертывались въ кожу ногъ, какъ въ мѣшокъ; мѣшокъ завязывался, причемъ узелъ закрѣплялся небольшой костью. Затѣмъ его клали въ золу, чтобы поджарить снаружи.

Во многихъ странахъ этотъ способъ подвергался усовершенствованіямъ, но особеннаго совершенства въ этомъ отношеніи достигли жители острововъ Тихаго океана, вѣроятно, потому, что это былъ единственный извѣстный имъ способъ. Приспособленіе, которымъ они пользуются, носитъ по справедливости названіе полинезійской или австралійской «печи».

Фиг. 18.—Полинезійская печь на о. Тонга. (Изъ L'Univers pittoresque).

Она представляетъ собой яму, въ которую кладутъ пищу послѣ предварительнаго накаливанія стѣнъ и дна. Этотъ способъ примѣнялся на островахъ Тихаго Океана почти повсемѣстно, съ незначительными видоизмѣненіями въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ большинствѣ случаевъ приготовленіе пищи по этому способу производилось слѣдующимъ образомъ. Дно вырытой ямы обкладывалось камнями, на которыхъ разводили огонь. Когда огонь потухалъ, золу сгребали къ стѣнкамъ и въ согрѣтое со всѣхъ сторонъ углубленіе опускали предметы, предназначенные для приготовленія,—собакъ, поросятъ и цѣлыхъ свиней, при чемъ все это тщательно завертывалось въ банановые листья. Такъ же поступали и съ рыбой, папоротниковыми и др. кореньями, плодами хлѣбнаго и другихъ деревьевъ. Нѣкоторыя племена,

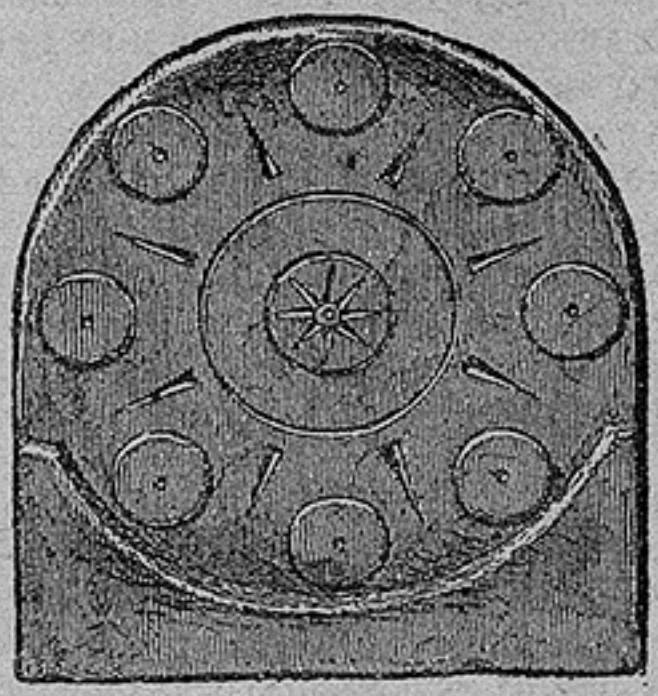
какъ, напр., обитатели Тонганскихъ острововъ, къ этому присоединяли еще пріемъ патагонцевъ: передъ тѣмъ, какъ опустить животное въ яму, они начиняли его раскаленными камнями. Затѣмъ сверху тѣло животнаго обкладывали камнями и золой и въ заключеніе засыпали землей. Черезъ часъ или черезъ нѣсколько часовъ все оказывалось прекрасно поджареннымъ. Если приходилось жарить по этому способу нѣсколько мелкихъ предметовъ заразъ, то ихъ укладывали въ нѣсколько слоевъ. Этотъ способъ практикуется въ Новой Зеландіи и въ Австраліи до самой южной части ея. Австралійцы, живущіе на рѣкѣ Мёрреѣ, питающіеся преимущественно корнями одного изъ видовъ рагозы, сдѣлали шагъ къ переходу отъ жаренья къ варкѣ: они отъ времени до времени обливаютъ содержимое печи водой, пары которой размягчаютъ твердую пищу.

Впрочемъ, подобная «печь» составляетъ принадлежность не однихъ только жителей Тихаго Океана. Ливингстонъ нашелъ, что тотъ же способъ практикуется въ южной Африкѣ, на рѣкѣ Замбези, съ тою разницей, что тамъ помѣщаютъ въ печь гораздо болѣе объемистые предметы, напр., ноги слона; съ другой стороны, въ области Тихаго океана распространено подвѣшиваніе мяса надъ огнемъ на палкѣ, вколоченной въ землю въ наклонномъ положеніи. Тотъ же способъ, оказывается, былъ въ ходу у пурисовъ въ Бразиліи, откуда можно заключить, что онъ нѣкогда былъ широко распространенъ. Въ дѣйствительности, онъ не совсѣмъ былъ чуждъ и древнимъ германцамъ. Съ одной стороны, въ сѣверныхъ странахъ сохранился обычай наполнять вырытую передъ открытымъ очагомъ яму золой и въ ней готовить пищу. Этотъ способъ носитъ у датчанъ названіе «Grue»; то же происхожденіе имѣетъ, вѣроятно, такъ называемое, «Grudekochen»—способъ, еще и теперь распространенный въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной Германіи [4]). Съ другой стороны, наша кухонная печь, которой еще недавно пользовались не только для печенія, но и для жаренья, представляетъ собой ту же, только значительно усовершенствованную земляную яму. Главное преимущество этой печи заключается въ томъ, что отверстіе ея находится сбоку, между тѣмъ, какъ островитянамъ Тихаго океана приходится всякій разъ разбирать верхъ своей печи.

«Печеніе» и «жаренье» разнятся между собою лишь по матеріалу, который подвергается этого рода обработкѣ, и не во всѣхъ языкахъ существуютъ отдѣльныя названія для этихъ понятій. Процессъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же, и происхожденіе этихъ способовъ также общее. Въ первомъ случаѣ дѣло сводится къ тому, чтобы съ помощью жара подѣйствовать на сосуды пищевыхъ растеній, что̀ прежде лишь несовершенно выполнялось механическимъ путемъ; во второмъ случаѣ цѣль заключается въ томъ, чтобъ просушить и сдѣлать годной для храненія смѣсь муки съ водой. Первоначальные способы имѣли въ виду первую цѣль. Ирокезы и делавары особенно любили поджаренные цѣликомъ незрѣлые маисовые початки. Зрѣлый маисъ они пекли въ золѣ. Поджариваніе зеренъ сѣверныхъ хлѣбныхъ растеній было въ обычаѣ и у древнихъ европейскихъ народовъ. У нихъ новѣйшіе способы приготовленія также не сразу вытѣснили старые пріемы, и именно въ результатѣ борьбы между старыми и новыми способами могли появиться комбинаціи тѣхъ и другихъ. Поджаренныя зерна употребляли еще евреи, и «жареный ячмень» составлялъ существенную

часть греческаго жертвоприношенія, что̀ указываетъ на древность этого обычая. Если бы знакомство съ примѣненіемъ огня было болѣе древняго происхожденія, чѣмъ употребленіе въ пищу зеренъ, то все дальнѣйшее развитіе шло бы, вѣроятно, лишь въ этомъ направленіи.

Мы видѣли, что индѣецъ пьетъ на охотѣ воду, смѣшанную съ маисовой мукой. Дома, гдѣ онъ располагаетъ бо̀льшими запасами муки, онъ сгущаетъ этотъ напитокъ до состоянія киселя. Естественно, ему должна была придти въ голову мысль—сохранять этотъ столь же важный, какъ и мясо, питательный матеріалъ такъ же, какъ онъ сохранялъ мясо. Возникшій такимъ путемъ хлѣбъ первобытнаго человѣка представляетъ собой не что иное, какъ высушенное мясо растительнаго царства. Тотъ же ирокезъ и делаваръ—по ту сторону Миссисипи маисъ не воздѣлывался — смѣшивалъ маисовую муку съ холодной водой и изъ этой смѣси дѣлалъ лепешки величиною съ ладонь и пальца въ два толщиною. Затѣмъ, завернувъ ихъ въ листья, онъ клалъ лепешки въ горячую золу, а сверху покрывалъ раскаленными угольями,—«и это—его хлѣбъ», говоритъ Лоскиль. Нѣкоторые изъ читателей навѣрно знаютъ, что и германскіе крестьяне пекутъ такой «хлѣбъ», съ той только разницей, что онъ уже не называется хлѣбомъ, и что верхній слой углей замѣняется поворачиваніемъ этого «Aschenkuchen» на другую сторону. Этого рода хлѣбъ представляетъ типичный образчикъ древняго прѣснаго хлѣба, для приготовленія котораго различныя племена пользовались разными хлѣбными растеніями. Въ сѣверной Африкѣ Нахтигаль ѣлъ именно такой «ячменный хлѣбъ, испеченный въ горячей золѣ». Бедуины еще и теперь ѣдятъ преимущественно такой прѣсный хлѣбъ, а евреи несомнѣнно ѣли такой же хлѣбъ, пока вели кочевой образъ жизни. Только сдѣлавшись осѣдлымъ народомъ, они научились заквашивать тѣсто, но ихъ способъ печенія сводился къ подсушиванью «на раскаленныхъ камняхъ» (1. Кн. Царст. 19. 6) плоскихъ лепешекъ. Такъ часто упоминаемый въ библіи «хлѣбъ, испеченый въ золѣ», пекли на Востокѣ преимущественно по индѣйскому способу между двумя слоями золы, которая, въ случаѣ нужды, добывалась сжиганіемъ коровьяго и верблюжьяго помета. Кромѣ того, было извѣстно и примѣненіе земляной ямы, согрѣваемой раскаленными камнями. Большой интересъ представляютъ дальнѣйшія видоизмѣненія, которымъ подверглись оба главныхъ приспособленія—земляная яма и раскаленный камень. Первая превратилась въ духовую печь, а изъ второго выработался въ высшей степени своеобразный видъ горшка, напоминающій нашу грѣлку. Это въ сущности тотъ же горшокъ съ раскаленными углями, которымъ отапливался зимній домъ Соломона. Примѣненіе этого своеобразнаго изобрѣтенія ограничивалось, кажется, об-

Камень для печенья и жаренья, изъ Фордоуна, Англія. (Изъ Mitchell „The past in the present“).

ластью юго-западныхъ азіатскихъ степей. Если это, дѣйствительно, такъ, то мы видимъ здѣсь ясное доказательство того, что толчкомъ къ этому изобрѣтенію послужилъ недостатокъ въ топливѣ. Приспособленіе это, порожденное бережливостью, состоитъ изъ каменнаго горшка или кувшина, вышиною около 3 футовъ, внутри котораго зажигаютъ дрова или пометъ. Лишь только огонь догораетъ, отверстіе закрываютъ и горячія стѣнки облѣпляютъ лепешками изъ тѣста. Изъ Азіи же, вѣроятно, былъ занесенъ этотъ способъ и въ Грецію, гдѣ иногда попадаются такого рода горшки. Хлѣбъ, испеченный по этому способу, напоминаетъ хлѣбъ чешскихъ крестьянъ (извѣстный подъ именемъ «Dolken»), приготовляемый приблизительно такимъ же образомъ: лепешки изъ тѣста медленно подсушиваются съ обѣихъ сторонъ на открытой плитѣ.

Приготовленіе хлѣба изъ квашеннаго тѣста является открытіемъ болѣе поздняго времени, долго не имѣвшимъ повсемѣстнаго распространенія. Родиной этого открытія долженъ считаться Египетъ, гдѣ чрезвычайно развитое производство пива могло доставлять дрожжи для закваски, перешедшей затѣмъ уже въ видѣ квашеннаго тѣста въ сосѣднія страны. Грекамъ были извѣстны оба рода хлѣба, а древніе италики совсѣмъ не знали ни того, ни другого. Къ римлянамъ это искусство перешло отъ грековъ, а кельты переняли его отъ римлянъ. Отсюда оно перешло къ германцамъ и славянамъ. Греческій горшокъ для печенія хлѣба назывался «Klibanos» (клибаносъ), отсюда произошли: готское—Hlaifs (хлайфсъ), нѣмецкое—Laib, и, наконецъ, славянское—хлѣбъ. Поздній переходъ славянъ къ печенію хлѣба зависѣлъ и отъ ихъ прежняго пристрастія къ воздѣлыванію проса.

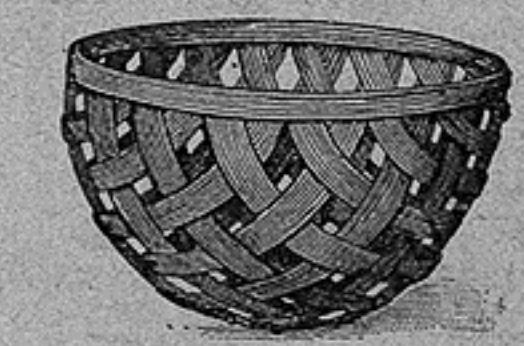
Искусство варки и нормальныя кушанья.

Не разъ люди были уже близки къ открытію искусства варки, но практически оно имъ не давалось. У большинства народовъ причина того лежала въ отсутствіи подходящей посуды, но другіе съумѣли побѣдить это препятствіе. Новозеландцы должны были имѣть понятіе о кипящей водѣ и ея свойствахъ, такъ какъ въ ихъ странѣ бьютъ горячіе ключи. Они и теперь варятъ въ этихъ источникахъ рыбу, опуская ее туда въ сѣтяхъ. Но если даже этотъ способъ былъ имъ давно извѣстенъ, то искусство варки все таки не подвинулось у нихъ впередъ. Въ другихъ мѣстахъ, напр., у патагонцевъ, пользовались для варки половинкой тыквы, которую помѣщали въ золу; тыква исполняла роль посуды. Еще ближе къ рѣшенію задачи подошли обитатели Маршалльскихъ и Джильбертовыхъ острововъ, помѣщая довольно высоко надъ огнемъ скорлупу кокосовыхъ орѣховъ. Но всѣ эти предметы, игравшіе роль посуды, не могли выдержать болѣе близкаго соприкосновенія съ огнемъ, какъ это требуется для настоящей варки пищи.

Съ другой стороны, пытались подвергнуть воду дѣйствію огня, примѣняя способы, испытанные по отношенію къ полужидкимъ веществамъ,—а именно при помощи горячихъ камней. Обливая водой раскаленные камни своей печи, австраліецъ долженъ былъ замѣтить появленіе горячихъ водяныхъ паровъ. Такъ же, какъ огонь впервые привлекъ вниманіе, благодаря его согрѣвающему дѣйствію, и водяныя пары доставляли удовольствіе многимъ первобытнымъ народамъ раздражающимъ дѣйствіемъ, какое они ока-

зываютъ на кожу. Подобныя паровыя бани являются изобрѣтеніемъ первобытныхъ временъ и пользуются большимъ расположеніемъ нѣкультурныхъ народовъ. Еще раньше, чѣмъ у русскихъ и скандинавовъ, паровыя бани были распространены у индѣйцевъ и скиѳовъ. Индѣйцы вырывали въ склонѣ небольшого холма пещеру, клали въ нее нагрѣтые камни, и сами садились туда, закрывъ за собой отверстіе. Чтобы наполнить пещеру парами и вызвать усиленное отдѣленіе пота, они отъ времени до времени обливали камни водой; желая охладиться, они выскакивали изъ ямы, окунались въ холодную воду и опять садились въ яму. «Послѣ этого они съ наслажденіемъ покуриваютъ свои трубки». По свидѣтельству Геродота (IV, 73), приблизительно такимъ же образомъ поступали скиѳы. Помѣщеніе для бани устраивалось изъ шерстяныхъ покрывалъ, протянутыхъ на кольяхъ; внутри этой палатки ставили сосудъ съ водой, въ который бросали раскаленные камни.

Этимъ путемъ можно было добиться кипѣнія воды въ любомъ сосудѣ. Такъ, индѣйцы-ассинибойны варятъ пищу въ ямахъ, выстланныхъ звѣриными шкурами; точно также варятъ и нѣкоторыя племена на дальнемъ сѣверѣ, пользуясь при этомъ деревянными сосудами. Существуютъ нѣкоторыя указанія, что и въ Европѣ нѣкогда былъ извѣстенъ этотъ способъ. Еще теперь мѣстами можно встрѣтить повѣрье, что молоко пріобрѣтаетъ силу симпатическаго лечебнаго средства, если его варить или подогрѣвать подобнымъ образомъ.

Корзины изъ Корагве въ Вост. Африкѣ (по Кольману). (Изъ H. Schurtz, Urg. d. Kult.).

Такимъ путемъ можно было постепенно дойти до понятія о варкѣ. Но варка, какъ это слово понимается теперь, возможна была лишь послѣ изобрѣтенія огнеупорной посуды. Вполнѣ понятно, что, получивъ понятіе о варкѣ, человѣкъ направлялъ свои силы къ усовершенствованію этого изобрѣтенія. Древнѣйшіе сосуды составляли, главнымъ образомъ, произведенія природы. Для бушмена единственной посудой служила скорлупа страусова яйца; въ приморскихъ странахъ вошла въ употребленіе скорлупа кокосоваго орѣха; наибольшее же распространеніе получила оболочка тыквы. Щиты черепахъ играли роль чаши, а шкурки небольшихъ четвероногихъ служили мѣхами для воды. Для этого стоило только снять цѣликомъ шкуру, надрѣзавъ ее предварительно у шеи, и завязать узломъ кожу ногъ. Съ нѣсколько бо́льшимъ удобствомъ можно было воспользоваться кускомъ древесной коры, въ видѣ корыта, и крышею черепа, въ особенности человѣческаго, въ качествѣ чаши. Уже австралійцы умѣли залѣплять смолой отверстія въ подобной чашѣ и придѣлывать къ ней ручку изъ коры.

Можетъ быть, именно эти попытки оплетать сосуды сѣтью для удобства переноски навели человѣка на мысль изготовлять плетеную посуду. Скорѣе всего на эту мысль навели плоды съ кожистой шелухой. Индѣйцы

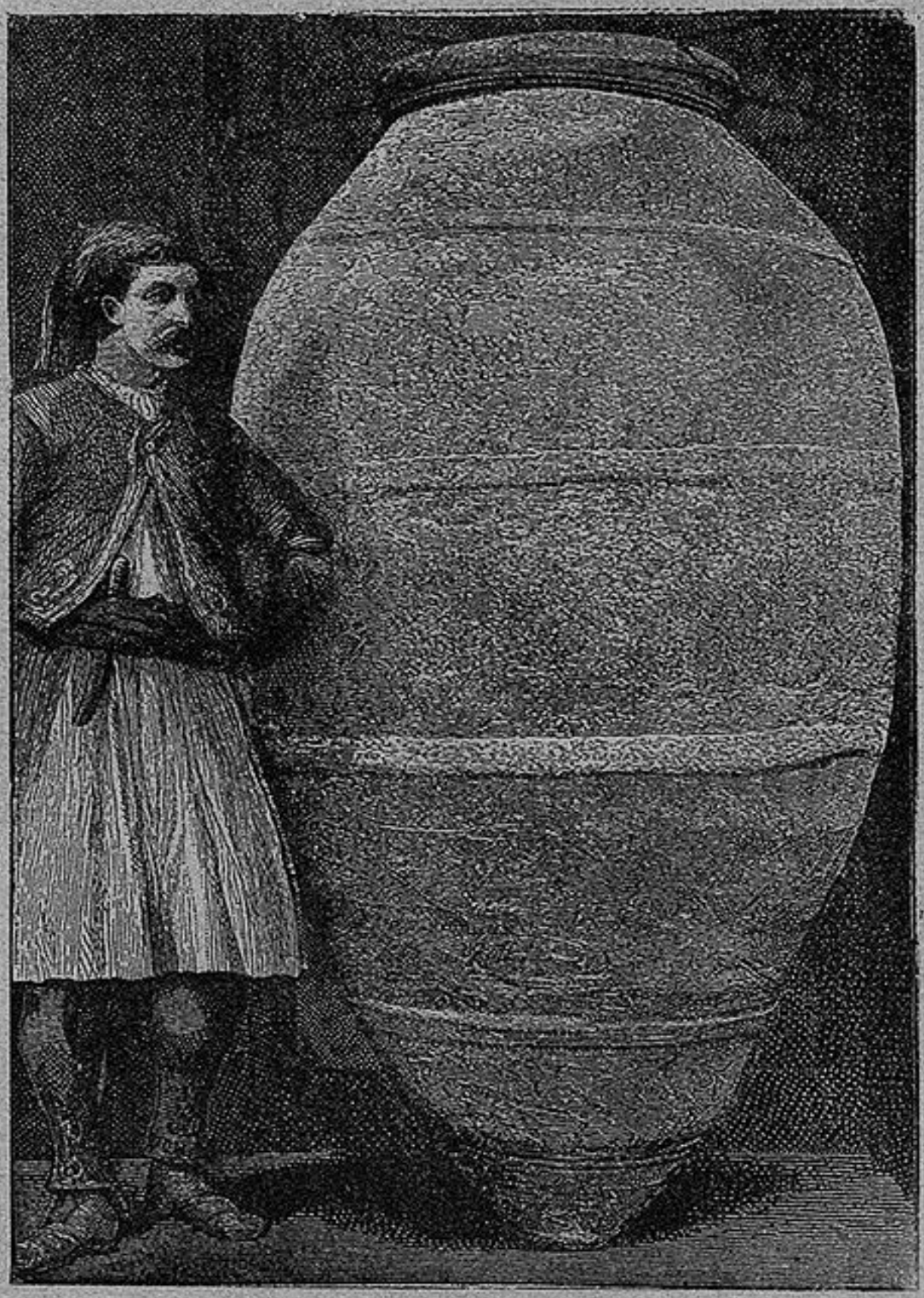
предпочитали выдалбливать такіе сосуды изъ дерева; высокаго совершенства въ выдѣлкѣ плетеной посуды достигли африканцы. Большая часть ихъ утвари и въ настоящее время состоитъ изъ плетеныхъ предметовъ, отличающихся изяществомъ и въ то же время прочностью и почти полной непроницаемостью. Для плетенія африканцы пользуются подходящими растеніями, произростающими на ихъ родинѣ. Размачиваніемъ и расколачиваніемъ они достигаютъ особенной плотности плетенія и непроницаемости его. Въ подобныхъ плетеныхъ блюдахъ, распространенныхъ почти во всей южной Африкѣ, подаютъ не только кашу, но и молоко и разные напитки. Область распространенія этой техники далеко не ограничивалась одной южной Африкой. Еще въ Одиссеѣ (IX, 247) упоминается о кисломъ молокѣ, поданномъ въ «плетеныхъ корзинахъ«.

Глиняный сосудъ со слѣдами плетенья. (Изъ Mitchell, „The past in the present“).

Если даже посуда, сдѣланная изъ кости, для увеличенія непроницаемости, требуетъ искусственной обработки, то въ этомъ еще въ большей мѣрѣ нуждалась плетеная посуда. Для этой цѣли пользовались смолой и жирной глиной. Уже въ Библіи упоминается, что плетеная корзина, въ которой былъ оставленъ Моисей, была проконопачена «глиной и смолой». Намъ извѣстны двоякаго рода факты, по которымъ можно судить о дальнѣйшемъ направленіи этого изобрѣтенія. Существуютъ указанія, что люди обмазывали снаружи глиной и деревянные, и глиняные сосуды, чтобъ придать имъ устойчивость при дѣйствіи огня. При этомъ они могли замѣтить, что огонь превращаетъ глину въ камень. Отсюда уже недалекъ былъ переходъ къ изготовленію глиняной посуды: стоило только покрыть внутреннюю поверхность сосуда глиной и подвергнуть дѣйствію огня. Такимъ образомъ, былъ изготовленъ горшокъ, украшенный снаружи рисункомъ плетенья. Наконецъ, появились попытки приготовленія небольшихъ сосудовъ безъ помощи описанныхъ плетеныхъ формъ. Въ Африкѣ женщины — на ихъ обязанности лежала подобнаго рода работа—научились дѣлать отъ руки даже большіе и изящные сосуды. Въ древнемъ Египтѣ впервые введенъ былъ въ употребленіе для этой цѣли деревянный, вращающійся вокругъ своей оси, кругъ, приводившійся въ движеніе одной рукою. Этотъ подвижный кружокъ превратился въ гончарный кругъ. Евреи были также знакомы съ этимъ способомъ, и у нихъ была уже вполнѣ годная для употребленія, даже глазированная посуда. И въ южной Азіи гончарное искусство распространилось очень рано. Въ древнихъ культурныхъ центрахъ Малой Азіи Шлиманнъ нашелъ гигантскіе сосуды, которые нѣкогда зарывались въ землю, служа вмѣстилищемъ для воды и съѣстныхъ

припасовъ (см. рис. ниже). Въ пещерахъ Франціи, въ которыхъ открыты слѣды одновременнаго существованія человѣка и оленя, остатковъ глиняныхъ сосудовъ не находятъ. Вообще же они распространены по всей Европѣ; суще-

Глиняная амфора (сосудъ). (Изъ „Ilios“ Schliemann'a).

ствуютъ, однако, указанія, что умѣнье обращаться съ гончарнымъ кругомъ лишь постепенно распространялось съ юга на сѣверъ и востокъ; въ восточную Пруссію этотъ способъ проникъ лишь одновременно съ христіанствомъ.

Изобрѣтеніе глиняной посуды подвинуло впередъ и искусство варки на огнѣ. Съ этого времени способы пропитанія человѣка измѣняются: оборвалась еще одна нить, соединявшая его съ животными. Новое изобрѣтеніе оказалось особенно примѣнимымъ къ растительной пищѣ, а это не могло остаться безъ вліянія и на развитіе земледѣлія. Этотъ подъемъ хозяйственности совершается также въ сферѣ господства женщины; на нее падаетъ вся тяжесть примѣненія новаго искусства, тогда какъ мужчина только пользуется его плодами. Но это уже послѣднее изобрѣтеніе такого рода; послѣдующія нововведенія требовали болѣе обширной организаціи,—и это уже было дѣломъ мужчины.

Остатки древняго культа еще и теперь напоминаютъ намъ время, когда ѣли молотый ячмень, поджаренныя ячменныя зерна и смѣшанную съ солью полбу, совмѣстное употребленіе которой нѣкогда являлось символомъ совмѣстной жизни; на самомъ дѣлѣ, однако, вареная каша, любимое блюдо римлянъ, становится характернымъ признакомъ кухни того времени. Еще и въ настоящее время южный славянинъ обсыпаетъ невѣсту хлѣбными зернами; а старинное франкское законодательство (Lex Salica XLVI) требуетъ отъ всѣхъ, вступающихъ въ общее владѣніе имуществомъ, поѣсть каши въ домѣ своего компаньона въ присутствіи трехъ свидѣтелей. Это—признакъ, характеризующій переходный моментъ между періодомъ, когда употреблялся поджаренный ячмень, и эпохой употребленія хлѣба. Японецъ считаетъ характерной особенностью жизни своихъ предковъ употребленіе сушеной рыбы; евреи въ этихъ случаяхъ говоритъ о прѣсномъ хлѣбѣ и не вареномъ, а лишь изжаренномъ цѣликомъ кускѣ мяса; въ сказаніяхъ и обычаяхъ германцевъ и славянъ подобную роль играетъ праздничное блюдо — каша. Славяне употребляли преимущественно пшенную кашу, а германцы и скандинавы—овсяную. Хотя постепенно, благодаря введенію новыхъ, болѣе вкусныхъ злаковъ, овсяная каша потеряла свое значеніе въ качествѣ праздничнаго блюда, но на сѣверо-востокѣ она и до сихъ поръ удержалась въ кухонномъ обиходѣ. Въ Вестфаліи и даже въ Норвегіи чужеземный рисъ вытѣснилъ съ праздничнаго стола овсяную кашу; рисовая каша съ тушеными сливами является такимъ же праздничнымъ блюдомъ на крестьянской свадьбѣ. А для домашнихъ духовъ въ Норвегіи полагается угощеніе изъ рисовой каши съ треской и колбасой. Духи знаютъ, что̀ къ чему идетъ: и впослѣдствіи отличіемъ современной кухни является стремленіе соединить всѣ прежнія, отчасти унаслѣдованныя отъ предковъ, кушанья въ видѣ нормальной ежедневной пищи. Не вездѣ, однако, это удается, такъ какъ отчасти нужда, отчасти желаніе полакомиться заставляютъ выдѣлить нѣкоторыя кушанья изъ ряда другихъ.

Глиняная корзина суньисовъ въ С. Америкѣ (по Стивенсону). Изъ H. Schurtz, Urgesch. d. Kultur).

Такимъ образомъ, идеаломъ кухни въ послѣдующее время считается каша изъ крупы или мучная похлебка съ прибавленіемъ жира и мяса, приправы изъ свѣжихъ растеній, соли или чего-нибудь сладкаго. Человѣкъ и раньше употреблялъ всѣ эти вещества, но каждое въ отдѣльности и въ разное

время, при чемъ избытокъ одного рода пищи вызывалъ потребность въ другомъ. Теперь въ каждомъ благоустроенномъ домѣ всѣ эти вещества соединяются въ опредѣленныхъ отношеніяхъ, на одномъ блюдѣ, служа другъ для друга приправой. Мы знаемъ множество національныхъ блюдъ, приближающихся къ этому идеалу. Настоящимъ образцомъ этого рода можетъ служить главное блюдо суданскихъ странъ «аишъ». Оно приготовляется не изъ одной муки негрскаго проса, а съ примѣсью разнаго рода дикихъ травъ. Мука варится въ видѣ кашицы и обливается соусомъ, который арабы и теперь еще называютъ «калу»—листъ, такъ какъ главную его составную часть составляетъ приправа изъ свѣжихъ растеній. Но, кромѣ того, въ составъ этого кушанья входитъ и мясо, которое въ сушеномъ видѣ толчется въ деревянной ступѣ и затѣмъ развaривается вмѣстѣ съ листьями, плодами, бобами и маслянистыми сѣменами. Въ эту смѣсь прибавляютъ поваренной соли, а въ случаѣ отсутствія ея—соотвѣтственный продуктъ изъ растительной золы. Каша и соусъ подаются на одномъ блюдѣ и все вмѣстѣ обливается топленымъ масломъ. Такимъ образомъ, въ ежедневное потребленіе входитъ какъ растительная, такъ и животная пища.

Подобное нормальное кушанье было въ употребленіи и у цивилизованныхъ индѣйцевъ: они варили хлѣбныя зерна съ рубленымъ сушенымъ мясомъ и сухой рыбой, или кашу со свѣжимъ мясомъ. Въ сущности, такая же смѣсь пищевыхъ веществъ составляетъ обычное блюдо китайцевъ, главной составной частью котораго служитъ рисъ. «Тѣмъ временемъ они съѣдаютъ кусокъ сала, рыбы, или красноватый плодъ...; кромѣ того, въ особой чайной чашкѣ подается зелень, которую также ѣдятъ вмѣстѣ съ рисомъ» (По Осбеку). Ту же систему питанія мы видимъ въ старину у нѣмцевъ, которые ѣли овсяную кашу съ селедкой или треской, съ колбасой или сливами; дѣйствительно, колбаса представляетъ только особый видъ консервированнаго мяса и сала.

Такимъ образомъ, открытіе варки постепенно вызвало въ жизни человѣка весьма существенную, но до сихъ поръ еще недостаточно оцѣненную перемѣну. Онъ перешелъ къ равномѣрному употребленію смѣшанной пищи, въ добываніи которой участвуютъ и мужчина, и женщина. Нельзя упускать изъ виду и того, насколько эта система должна была способствовать большей сплоченности и единенію въ домашнемъ быту. Именно, у полинезійцевъ, которые не умѣли варить пищи, возникло разъединеніе половъ за очагомъ и за трапезой.

Это нововведеніе должно было отразиться и на внѣшнихъ пріемахъ ѣды. Чѣмъ ближе къ природѣ стоялъ человѣкъ,—тѣмъ большее значеніе для ѣды имѣла рука. При мясной пищѣ невооруженная рука сдѣлалась недостаточной. Самый древній способъ ѣды, примѣнявшійся при мясной пищѣ, еще и теперь въ употребленіи у готтентотовъ, бушменовъ и эскимосовъ. Они захватываютъ одновременно оба конца куска мяса, одинъ конецъ зубами, другой—рукою, и, натягивая его въ такомъ положеніи, они свободной рукой отрѣзаютъ его непосредственно передъ ртомъ. На болѣе высокой ступени культуры, которая также, конечно, осталась позади насъ, было въ обычаѣ разрѣзать предварительно мясо на небольшіе куски, какіе можно положить въ ротъ. Таковъ обычай въ Сѣверной Африкѣ и въ Азіи. При этомъ спеціальными орудіями для принятія пищи не пользовались, и

въ нихъ не было надобности. Пасхальный агнецъ, приготовленный цѣликомъ, служилъ уже для евреевъ воспоминаніемъ о сѣдой старинѣ. Съ введеніемъ варки, вошло въ обычай разрѣзаніе мяса на куски. Но съ изобрѣтеніемъ острыхъ столовыхъ приборовъ, неразрѣзанное жаркое снова получило права гражданства въ западно-европейской культурѣ. Оба эти способа встрѣчаются въ области рѣки Лейты. Мадьяры, сохранивъ въ своихъ узкихъ брюкахъ и въ кафтанахъ со шнурками слѣды стараго франкскаго одѣянія, завязки котораго остались въ видѣ украшенія, сохранивъ въ своихъ охотничьихъ топорахъ слѣды первобытнаго оружія, сохранили и слѣды глубокой старины въ обычаѣ разрѣзать мясо, облитое острымъ соусомъ, на мелкіе кусочки.

Вышеупомянутый «аишъ» и теперь еще ѣдятъ въ Африкѣ пальцами. Миска ставится на землю, участники трапезы усаживаются вокругъ и концами пальцевъ вылавливаютъ по кусочку, который затѣмъ обмакивается въ соусъ, разминается на рукѣ, для приданія ему подходящей формы, и, наконецъ, отправляется въ ротъ. Такъ какъ Нахтигаль въ началѣ не имѣлъ необходимой для этихъ пріемовъ ловкости, то его сосѣди по трапезѣ были настолько любезны, что собственноручно разминали для него кусочки мяса и придавали имъ нужную форму. Если какая нибудь дѣятельность имѣетъ даже чисто матеріальный характеръ, она все таки развиваетъ у человѣка такіе обычаи, которые выходятъ уже за предѣлы чисто матеріальной области. Такъ и этотъ совмѣстный способъ ѣды безъ помощи орудій требуетъ взаимныхъ услугъ, выполненіе которыхъ входитъ въ обычай.

Обычай предписываетъ африканцу не торопиться во время ѣды, такъ какъ это можетъ оказаться невыгоднымъ для остальныхъ участниковъ трапезы. Точно также африканецъ долженъ, по обычаю, засвидѣтельствовать послѣ ѣды свою сытость разными громкими звуками, которые нашимъ этикетомъ не рекомендуются. Вниманіе къ сотрапезникамъ имѣло и другую болѣе полезную сторону: оно вызвало обычай мытья рукъ послѣ ѣды. Дикарь очень охотно купается для освѣженія; но эта любовь къ купанью ни въ какомъ случаѣ не указываетъ на естественное стремленіе къ чистоплотности. Отсутствіе этого качества у дикаря видно уже изъ того факта, что у многихъ расъ нельзя съ перваго взгляда опредѣлить нормальный цвѣтъ кожи. Коричневый цвѣтъ тѣла бушменовъ и готтентотовъ вовсе не тождественъ съ естественной окраской кожи. Съ введеніемъ новаго способа ѣды, становится настоятельной потребностью мытье, по крайней мѣрѣ, тѣхъ частей тѣла, которыми касаются пищи. Широко распространенный обычай мыть руки передъ ѣдой не есть еще чистоплотность: это только первый шагъ къ ней.

Нѣсколько раньше, а быть можетъ, одновременно съ этимъ обычаемъ, возникъ еще другой. У большинства народовъ произошло раздѣленіе труда между правой и лѣвой рукой. Только правою рукой позволительно было брать пищу, а лѣвая должна была служить для выполненія другихъ низшихъ физическихъ потребностей. Поэтому Нахтигаль, говоря объ ѣдѣ въ Африкѣ, замѣчаетъ: «лѣвая рука вовсе не въ почетѣ». Многіе народы какъ бы пришли къ молчаливому соглашенію относительно этого пункта. Отсюда, безъ сомнѣнія, и возникло предпочтеніе, оказываемое одной рукѣ, предпочтеніе, не имѣющее никакихъ естественныхъ основаній и не нахо-

дящее себѣ аналогіи въ животномъ мірѣ. Вполнѣ естественно, что для привѣтствія стали также употреблять правую руку, и ею же привыкли пользоваться при работахъ, требовавшихъ чистоты, какъ, напр., впослѣдствіи при рисованіи и писаніи. Весьма вѣроятно, что по той же причинѣ постепенно происходило раздѣленіе труда между обѣими руками у всѣхъ народовъ; но неизвѣстно—проявилось ли оно повсюду съ самаго начала одинаковымъ образомъ.

Народы восточной Азіи, хотя и усвоили себѣ тотъ же способъ приготовленія ѣды, но во внѣшнихъ пріемахъ ея пошли по нѣсколько иному пути. Они не только пользуются при ѣдѣ палочками, но ѣдятъ каждый изъ отдѣльной чашки. Китайскіе рабочіе держатъ лѣвой рукой чашку передъ ртомъ, а правой, при помощи двухъ палочекъ, захватываютъ содержимое. Даже знатные китайцы пользуются тѣми же орудіями для ѣды. Вслѣдъ за ножемъ, изобрѣтеннымъ для другихъ цѣлей, ложка является первымъ столовымъ приборомъ. Она сдѣлалась необходимой при употребленіи жидкой каши, напр., рисовой; уже позднѣе была изобрѣтена вилка.

Услажденіе жизни.

Обращаясь теперь къ тѣмъ веществамъ, которыя человѣкъ разыскивалъ только ради ихъ вкуса или въ качествѣ приправы, чтобъ скрасить однообразіе своей пищи, мы при этомъ не соблюдаемъ хронологической послѣдовательности. Въ дѣйствительности, человѣкъ всегда съ такимъ же стараніемъ разыскивалъ и питательныя, и вкусовыя вещества. Нѣчто аналогичное находимъ мы и въ другихъ сторонахъ человѣческаго существованія. Безконечно медленно распространялось воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній даже у народовъ, являющихся теперь носителями культуры; между тѣмъ, разведеніе табака въ самое короткое время проникло даже во внутреннюю Африку.

Самымъ древнимъ вкусовымъ веществомъ въ узкомъ смыслѣ слова былъ вырабатываемый насѣкомыми медъ. Съ той же страстной настойчивостью и находчивостью, съ какой теперь шалуны-мальчишки гоняются за шмелями или ихъ гнѣздами, чтобъ добыть ихъ медъ, охотились за сладкой пчелиной пищей пастушескія племена и тѣ народы, которые питались только тѣмъ, что находили готовымъ въ природѣ. Слава, которой пользуется страна, изобилующая медомъ, служитъ для насъ характернымъ указаніемъ стадіи развитія ея обитателей. Нѣкоторыя страны въ древности настолько изобиловали медомъ, что войска не могли проходить въ нихъ изъ-за обилія ульевъ. На языкѣ исторіи культуры это обозначаетъ невоздѣланныя страны съ бродячимъ населеніемъ.

Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что именно въ поискахъ необходимой пищи первобытный человѣкъ впервые наткнулся на это лакомство, сдѣлавшееся для него самымъ любимымъ. Мы знаемъ, съ какой страстью первобытный человѣкъ охотился за гусеницами; очень вѣроятно, что, отыскивая личинки пчелъ, онъ открылъ и ихъ сладкую пищу. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что онъ былъ настолько разборчивъ, чтобы ради одного отбрасывать другое. Дѣйствительно, если мы представимъ себѣ, какую массу негодной клѣтчатки приходится съѣдать, чтобъ изъ корня папоротника

извлечь самое незначительное количество питательныхъ веществъ, для насъ станетъ вполнѣ вѣроятнымъ, что первобытный человѣкъ, подражая пріемамъ извѣстнаго любителя меда—медвѣдя, не отдѣлялъ меда и личинокъ отъ сотовъ. Для него важнѣе было общее ощущеніе и вкусъ всего этого, взятаго вмѣстѣ. Жало пчелы не было для него непреодолимымъ препятствіемъ. Вѣдь и шмель снабженъ жаломъ, а все-таки мальчики-пастухи умѣютъ овладѣвать его сотами безъ большой опасности быть ужаленными; къ тому же нѣкоторые виды пчелъ, какъ напр., австралійская пчела, столь цѣнимая на своей родинѣ, не имѣютъ жала. Австраліецъ выслѣживаетъ ихъ гнѣзда приблизительно такимъ же образомъ, какъ это дѣлаетъ нашъ подпасокъ, разыскивая шмелиныя гнѣзда. Онъ гоняется за этимъ насѣкомымъ до тѣхъ поръ, пока оно не скроется гдѣ-нибудь въ ямкѣ. Тогда, припавъ ухомъ къ землѣ, онъ опредѣляетъ—дѣйствительно ли обитаема эта ямка. Австраліецъ, съ топоромъ въ рукахъ, точно также слѣдуетъ за пчелой на дерево, которое она ему указываетъ. Онъ дѣлаетъ ее измѣнницей, поймавъ ее передъ тѣмъ и приклеивъ ей пушинку, чтобы легче слѣдить за ней. Это и есть неправильно называемое «пчеловодство» первобытныхъ народовъ, которымъ занимались и германцы и которое достигло расцвѣта у литовцевъ и славянъ въ то время, когда у германцевъ оно уже исчезало

Евреи, когда они еще вели кочевой образъ жизни, мечтали о странѣ съ медовыми рѣками. Во времена классической древности, богатыя медомъ страны находились въ Скиѳіи и по ту сторону Дуная, т. е. за предѣлами тогдашней культуры. Тамъ разыскивали пчелъ въ скалахъ и въ дуплахъ деревьевъ; тамъ, въ свою очередь, сами пчелы находили превосходную пищу въ безконечныхъ липовыхъ лѣсахъ, которые, начиная отъ Дуная, тянулись по Карпатскимъ отрогамъ, до Богеміи, гдѣ дикія липы, растущія теперь на скалистыхъ гребняхъ горъ средней высоты, указываютъ на бывшіе тутъ лѣса. Громадное количество воску и меду, которыми славилась Литва, еще въ XVI столѣтіи добывалось, по свидѣтельству Франка, отъ дикихъ пчелъ. Тотъ фактъ, что въ средніе вѣка въ Богеміи и Германіи бѣднѣйшее населеніе было обложено налогомъ меда и воска, указываетъ, что бѣднякамъ еще и въ то время приходилось искать удовлетворенія своимъ потребностямъ въ лѣсахъ. Впослѣдствіи это стало болѣе затруднительнымъ, такъ какъ находка улья не давала права на завладѣніе имъ. Древнее германское законодательство установило, что каждый, кто открылъ пчелиный улей, имѣетъ право, отмѣтивъ дерево, пользоваться имъ. Это могло дать толчокъ къ тому, чтобъ переносить, для большей сохранности, найденные ульи поближе къ своему жилищу. Первоначально улей, вѣроятно, устраивался такъ, что выниливалась та часть дерева, въ которой находилось дупло съ пчелиными сотами, и помѣщалась близко къ жилищу, чтобъ можно было постоянно пользоваться медомъ, такъ какъ, благодаря все возраставшему выжиганію лѣсовъ, трудно было разсчитывать на легкую находку меда. Это занятіе, какъ удѣлъ бѣдныхъ людей, было не въ большомъ почетѣ, откуда и поговорка: «пчелы водятся только у бѣдняковъ». Хотя этимъ положено было начало пчеловодству, но въ древніе и даже въ средніе вѣка пчеловоды не обладали тѣми необходимыми для этого дѣла познаніями, которыми обладаемъ мы. Древніе говорили съ такой же увѣренностью о царѣ пчелъ, какъ мы говоримъ о царицѣ, а

старинные законодательные сборники, даже еще «Швабское зеркало», устанавливали раздѣленіе ульевъ безъ всякаго пониманія дѣла.

Если медъ былъ сначала самостоятельнымъ лакомымъ блюдомъ, то впослѣдствіи, въ періодъ «варки», онъ сталъ самой любимой приправой къ смѣшанной пищѣ. По крайней мѣрѣ, онъ составлялъ необходимую составную часть праздничнаго блюда: медомъ обливали пшенную и манную каши, имъ намазывали плоскія печенья, или печенья эти дѣлали изъ муки, смѣшанной съ медомъ. Такимъ образомъ создался нашъ медовый пряникъ. Помимо того, появились попытки воспользоваться туземными растеніями для удовлетворенія потребности въ приправахъ, такъ какъ даже въ началѣ среднихъ вѣковъ почти всѣ пряности нашего времени еще не были извѣстны. Изъ перечня растеній, произраставшихъ въ огородѣ Карла Великаго, мы видимъ, что у германцевъ были въ большомъ почетѣ, въ качествѣ приправъ, множество такихъ травъ, которыми мы совершенно пренебрегаемъ. За нѣкоторыми изъ нихъ и теперь сохранилась слава цѣлебныхъ растеній, и онѣ еще употребляются ежегодно ранней весной, т. е. именно въ то время, когда наши предки съ нетерпѣніемъ ожидали появленія свѣжей зелени. Въ настоящее время, онѣ находятся въ пренебреженіи, вытѣсненныя привозными пряностями, изъ которыхъ нѣкоторыя подверглись той же участи.

Сладковатый сокъ, правда, уступавшій въ достоинствѣ меду, жители тропическихъ странъ добывали изъ сахарнаго тростника; въ другихъ странахъ для этой цѣли пользовались весеннимъ сокомъ деревьевъ: клена, березы и др. Люди цѣнили нѣкогда эти соки такъ высоко, что славяне и литовцы называли начало весны по этимъ деревьямъ.

Какъ только человѣкъ получилъ возможность сохранять эти соки въ сосудахъ — хотя бы это были звѣриныя шкуры, — онъ открылъ во многихъ изъ нихъ особое свойство. Они приходили въ броженіе и, если въ такомъ видѣ не дѣлались для непривычнаго вкуса пріятнѣе, за то вызывали опьяненіе; легко замѣтить, что во всѣхъ мѣстахъ земного шара человѣкъ, насколько мы его знаемъ, всегда имѣлъ склонность искать опьяненія съ его сомнительнымъ удовольствіемъ.

Опьяняющіе напитки разнообразнѣйшихъ видовъ приготовлялись отчасти и совершенно некультурными народами и были распространены почти по всему земному шару. Тотъ фактъ, что въ мѣстахъ, гдѣ эти напитки отсутствовали, въ замѣнъ ихъ употреблялись другія вещества съ подобными же свойствами, свидѣтельствуетъ, что человѣкъ цѣнилъ въ этихъ напиткахъ именно ихъ опьяняющее дѣйствіе. Такъ, напр., опьяняющихъ напитковъ не было въ тѣхъ странахъ, гдѣ было извѣстно употребленіе табака.

Табакъ нисколько не является продуктомъ и характерной особенностью «сверх-культуры» — названіе, между прочимъ, весьма неудачное — но появленіе потребности въ немъ знаменуетъ переходъ къ извѣстной стадіи культуры, хотя съ внѣшней стороны это можетъ считаться шагомъ назадъ. Хищный звѣрь, наравнѣ съ человѣкомъ, возвысился до того, чтобъ оцѣнить вкусъ меда, но дальше онъ не пошелъ. Одинъ только человѣкъ опьяняетъ себя и ищетъ этого опьяненія—вопреки общепринятому мнѣнію—гораздо болѣе на низшихъ ступеняхъ развитія, чѣмъ на высшихъ.

Быть можетъ, сравненіе съ животными, къ которому мы часто прибѣгаемъ, поможетъ намъ найти ключъ къ этому странному и, какъ его называютъ, унизительному явленію. Въ извѣстной способности къ мышленію мы не отказываемъ и животному; но животное наслѣдуетъ вмѣстѣ съ мыслями также способъ и порядокъ ихъ сочетанія. У человѣка дѣло обстоитъ иначе: когда онъ изобрѣлъ свое первое орудіе, онъ сдѣлалъ то, чего не могъ ни унаслѣдовать, ни передать по наслѣдству, такъ какъ дополняющее его орудіе лежитъ внѣ его. Съ этого момента онъ вступилъ на путь, на нашъ взглядъ незначительной, но для него громадной и тяжелой, благодаря новизнѣ, умственной работы. Медленно и осторожно, словно нащупывая почву, подвигался онъ впередъ. Онъ то останавливался, когда наталкивался на препятствіе, то снова шелъ впередъ, когда ему казалось, что онъ нашелъ то, чего искалъ, то снова возвращался назадъ, чтобы изслѣдовать причину своей ошибки. Это—процессъ мелкій и скорый лишь для того, кто унаслѣдовалъ такую способность черезъ рядъ поколѣній, но никакъ не для первобытнаго человѣка. А между тѣмъ было время, когда человѣку пришлось впервые приступить къ такой дѣятельности: какимъ-бы одареннымъ съ самого начала мы ни считали его, орудіе потому только и есть орудіе, что оно не дается человѣку при рожденіи. Къ этой внутренней работѣ присоединилось еще, хотя и медленное, зато безостановочное развитіе внѣшнихъ формъ его жизни; это равносильно увеличенію жизненныхъ заботъ, что также являлось новымъ тяжелымъ бременемъ въ дополненіе къ умственной работѣ, которая выпадала на долю человѣка, идущаго по пути прогрессивнаго развитія. Кому не извѣстна хотя бы одна изъ многочисленныхъ неудачъ, которыми кончались благородныя, повидимому, попытки и стремленія облагодѣтельствовать дикаря поднятіемъ его на болѣе высокую степень культуры. Въ такихъ случаяхъ увеличеніе жизненныхъ заботъ являются для облагодѣтельствованнаго болѣе тяжелымъ бременемъ, чѣмъ лишеніе благъ культуры. Сотни такихъ людей сбрасывали съ себя одежду и снова обрѣтали счастье въ своей наготѣ. Счастье есть нѣчто субъективное, а не объективное, и культура сама по себѣ не есть еще счастье. Итакъ, умственная работа человѣка, по своему значенію, должна быть противупоставлена всей цѣнности разсмотрѣнныхъ нами выше пріобрѣтеній его.

Какъ бы мы ни называли умственную дѣятельность, она представляетъ для человѣка—такова она и въ дѣйствительности—тяжелую работу, и человѣкъ стремится отдохнуть отъ нея или уменьшить ея тяжесть. Легкое опьяненіе не мѣшаетъ осуществленію уже рѣшеннаго дѣла; оно освобождаетъ только отъ мучительныхъ сомнѣній въ ожиданіи результатовъ, отвлекаетъ духъ отъ тягостныхъ заботъ и даетъ возможность спокойно наслаждаться минутой,—вотъ что сулитъ ему опьяняющій напитокъ. Одинъ мой знакомый послѣ студенчества окончательно бросилъ куреніе. Черезъ много лѣтъ на него обрушились тяжелые удары судьбы и много заботъ,—онъ снова сталъ страстнымъ курильщикомъ. Сѣверные индѣйцы не умѣли приготовлять опьяняющихъ напитковъ; за то они курили табакъ. Всѣ народы искали какого нибудь средства избавиться отъ заботъ, и его не было развѣ только тамъ гдѣ природа совершенно не могла его доставить.

Этихъ средствъ существовало и существуетъ такъ много, что невозможно даже ихъ перечислить. Въ поясѣ, гдѣ произрастаютъ пальмы, въ пусты-

няхъ и степяхъ С. Африки, а также на югѣ Замбези, изъ пробуравленнаго ствола пальмы добывался сокъ, который послѣ броженія служилъ опьяняющимъ напиткомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «лагби». Такъ же поступаютъ и въ Фецданѣ; только житель Марокко считаетъ этотъ способъ, какъ портящій плодовыя деревья, грѣхомъ; а живущіе по рѣкѣ Замбези пользуются для этой цѣли вѣерной пальмой (Borassus). Сѣверные ваньоры приготовляютъ подобный напитокъ изъ зеленыхъ плодовъ райской смоковницы, обливая ихъ водой. На родинѣ восточныхъ арійцевъ приготовляли изъ какой-то неизвѣстной теперь травы очень пріятный опьяняющій напитокъ, носившій названіе «homa», а впослѣдствіи въ Индіи извѣстный подъ названіемъ «сомы». Въ Индіи этого растенія не было, и арійцы, переселившись туда, наравнѣ съ другими привычками, должны были отказаться и отъ опьяненія сомой. Но этотъ напитокъ продолжалъ жить въ культѣ и прославляться въ пѣсняхъ. Онъ по необходимости пересталъ быть напиткомъ людей, но остался любимымъ напиткомъ боговъ, и не тѣхъ боговъ, которымъ стали поклоняться въ новой странѣ, а исключительно тѣхъ, которые были руководителями народовъ во время ихъ переселенія. Вѣрный традиціямъ старины, индусъ не считалъ предосудительнымъ представлять себѣ своего Индру неисправимымъ любителемъ сомы, нерѣдко пьянымъ и всегда неразлучнымъ съ чашей этого напитка. Такъ же обстоитъ дѣло и съ «кавой», напиткомъ полинезійцевъ. Онъ приготовляется изъ разжеванныхъ корней Piper methisticum, разведенныхъ водой. Процѣженный настой вызывалъ сильное опьяненіе. Но это благодѣтельное растеніе встрѣчалось рѣдко, и потому напитокъ этотъ былъ доступенъ только «господамъ». Аналогичный способъ приготовленія опьяняющаго напитка существовалъ въ Америкѣ у гвіанскихъ индѣйцевъ. Они пекли изъ корней маніока или кассавы нѣчто въ родѣ хлѣба, разжевывали его и разжеванную кашу, разведенную горячей водой, оставляли въ пустомъ пнѣ. Послѣ трехдневнаго броженія это кислое «пайвари» оказываетъ освѣжающее дѣйствіе, а при употребленіи его въ большомъ количествѣ производитъ тяжелое опьяненіе. Еще крѣпче — «паива» тѣхъ же индѣйцевъ.

Въ это время маніокъ уже воздѣлывался, и можетъ казаться, что употребленіе опьяняющихъ напитковъ принадлежитъ періоду земледѣльческой культуры, тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ хлѣбныхъ растеній можно приготовить подобные напитки. Этому противорѣчатъ, однако, приведенные выше примѣры и широкое употребленіе для этой цѣли меда. Во всѣхъ странахъ, гдѣ водились дикія пчелы, кочевавшіе тамъ народы стали потреблять медъ (медовый напитокъ—нѣмецкое Met). Этотъ напитокъ, который вначалѣ, да и теперь у славянъ, носитъ названіе общее съ медомъ, не всегда приготовлялся по одному опредѣленному способу. Уже въ Западной Азіи у кочевыхъ народовъ любимымъ напиткомъ была смѣсь изъ меда, воды и какой-то пряности. То, что медъ въ чистомъ видѣ въ большихъ количествахъ трудно переваримъ, должно было навести на мысль разбавлять его водой. А какъ скоро это было сдѣлано, броженіе наступало уже само собой.

Отъ восточной части Африки до Скандинавіи и отъ азіатскихъ степей до Галліи медъ или медовое вино было общераспространеннымъ напиткомъ,

пока здѣсь не образовалось осѣдлаго земледѣльческаго населенія. Медовый кувшинъ можетъ служить гербомъ для пастушескихъ народовъ также, какъ пивная кружка для народовъ земледѣльческихъ. И даже тамъ, гдѣ вслѣдъ за воздѣлываньемъ злаковъ послѣ короткаго промежутка появилось и винодѣліе, слѣды употребленія меда сохранились какъ пережитки старины. Древній Кроносъ грековъ былъ, кажется, въ смыслѣ употребленія меда вторымъ Индрой; онъ, какъ показалъ Генъ на основаніи одного орфическаго фрагмента, по временамъ, если не постоянно, опьяненный медомъ, предавался отдохновенію подъ дубомъ; это—картина пастушескихъ нравовъ того времени. Въ одной древней поэмѣ, происхожденіе которой древнѣе Иліады, героевъ угощаютъ напиткомъ изъ «воды и меда».

За предѣлами Греціи, страна, изобиловавшая пчелами, была и страной меда (напитка). Аристотелю было извѣстно, что одинъ иллирійскій народъ выжималъ изъ сотовъ медъ и готовилъ изъ него напитокъ, похожій на вино; да и вообще медъ былъ извѣстенъ, какъ «скиѳскій» напитокъ. Страбонъ нашелъ, что въ Галліи напитки приготовляются отчасти изъ хлѣбныхъ растеній, отчасти изъ меда. У гунновъ, которыхъ Прискъ посѣтилъ въ нынѣшней Венгріи, были въ употребленіи оба напитка, но медъ былъ въ большемъ почетѣ. Германцы, безъ сомнѣнія, были вначалѣ также потребителями медоваго напитка, а съ переходомъ ихъ къ ячменному напитку, этотъ послѣдній былъ на первыхъ порахъ, какъ и у гунновъ, не высоко цѣнимымъ суррогатомъ. Это видно уже изъ того, что приготовленіе его лежало на обязанности женщины, между тѣмъ, какъ приготовленіе меда было дѣломъ мужчины. Плугъ разогналъ пчелъ, и на смѣну явилось пиво; нѣмецъ впослѣдствіи примирился съ его болѣе низкимъ происхожденіемъ. Дольше оставался медъ въ употребленіи въ качествѣ обычнаго напитка у сѣверныхъ германцевъ, литовцевъ и славянъ.

Только медленно и постепенно человѣкъ могъ дойти до искусства приготовленія такого напитка изъ хлѣбныхъ зеренъ. Мы знаемъ, что ирокезы въ дорогѣ смѣшивали муку съ водой и этимъ питьемъ подкрѣпляли себя. Подобный же напитокъ былъ въ употребленіи у негровъ въ Борну; они прибавляютъ къ питьевой водѣ грубо истолченныя зерна негрскаго проса. «Такимъ образомъ,—замѣчаетъ Нахтигаль,—получается очень освѣжающій и пріятный напитокъ». Стоило только приготовить нѣсколько большій запасъ такихъ напитковъ, чтобы открыть процессъ броженія и условія, при которыхъ онъ даетъ наиболѣе желательные результаты.

Во всей восточной Африкѣ мы наблюдаемъ то же явленіе: вездѣ, гдѣ ни разводили негрское просо, былъ извѣстенъ подъ различными названіями почти такой же напитокъ. Въ Средней Африкѣ онъ распространенъ подъ именемъ «помбе»; Ливингстонъ разсказываетъ объ одномъ начальникѣ Маренгѣ, такомъ любителѣ помбе, что его можно было бы показывать въ Европѣ, какъ рѣдкій экземпляръ. Онъ пилъ помбе каждый день и, когда возможно было, цѣлый день, и напитокъ все-таки всегда оказывалъ на него дѣйствіе. Способъ приготовленія этихъ напитковъ является уже успѣхомъ въ пивоваренiи. Только половина зеренъ сорго идетъ на муку, другую половину размачиваютъ, чтобы сдѣлать ее способной къ прозябанію, и затѣмъ толкутъ ее. Въ заключеніе

все вмѣстѣ два-три раза переваривают и, процѣдивъ, оставляютъ бродить; напитокъ разливаютъ потомъ въ плетеные сосуды и пьютъ черезъ тростникъ. Племена абанту и бечуаны приготовляютъ такой же напитокъ; послѣдніе называютъ его «бойальва»; у племени матебелей онъ носитъ названіе «іаллы». Моръ нашелъ этотъ кисловатый напитокъ, отзывающійся свѣжеиспеченнымъ хлѣбомъ, очень пріятнымъ на вкусъ.

Итакъ, можно сказать, что въ Африкѣ вездѣ, гдѣ только разводилось негрское просо, существовало, даже у народовъ, стоявшихъ на очень низкой ступени развитія, нѣчто вродѣ искусства пивоваренія. Должны ли мы предположить, что область Египта представляла исключеніе? Дѣйствительно, еще въ доисторическія времена южныя хлѣбныя растенія въ Египтѣ были вытѣснены растеніями умѣреннаго пояса. Но развѣ, вслѣдствіе того, должно было прекратиться приготовленіе пива? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Если изъ всевозможныхъ плодовъ приготовляли опьяняющіе напитки, то, навѣрно, пытались ихъ приготовить и изъ новыхъ сѣверныхъ хлѣбныхъ растеній. Дѣйствительно, насколько намъ извѣстно, египтяне первые стали пить ячменн'о́е пиво. Не слѣдуетъ думать, что описанные виды пива были тождественны съ нашимъ пивомъ, приготовленнымъ на хмѣлѣ: древнее пиво было скорѣе похоже на нѣмецкое, не отстоявшееся бѣлое пиво.

Памятники и писатели древности свидѣтельствуютъ о широкомъ потребленіи пива у древнихъ египтянъ, которые не были ни меланхолическимъ, ни аскетическимъ народомъ. Геродотъ утверждаетъ, что египтяне низменной, земледѣльческой части Египта, кромѣ воды, знали только одинъ напитокъ—ячменное пиво. Діонъ также разсказываетъ, что они очень любили этотъ напитокъ, и что въ бѣдныхъ общественныхъ слояхъ онъ не вышелъ изъ употребленія даже съ появленіемъ вина. Напитокъ этотъ назывался «цитосъ». Только что упомянутые жители равнинъ, которыхъ Геродотъ не безъ основанія называетъ самыми интеллигентными людьми, сдѣлали шагъ впередъ въ пивоваренномъ искусствѣ: они стали приправлять напитокъ сахарнымъ корнемъ (Siser, Sium Sisarum L.) и лупиномъ,—а если-бъ имъ былъ извѣстенъ хмѣль, они бы навѣрно уже 3000 лѣтъ тому назадъ изобрѣл наше пиво.

Какъ только среди до-кельтскаго населенія въ Испаніи стало развиваться,—быть можетъ, въ очень незначительныхъ размѣрахъ,—земледѣліе, пиво получило въ этой странѣ повсемѣстное распространеніе; вино проникло туда лишь во времена Страбона, да и то въ очень скромныхъ количествахъ. Лигурійцы, пастушескій народъ, жившій въ Верхней Италіи, пили ячменное вино. Всю Европу и Переднюю Азію, насколько тамъ было распространено земледѣліе, можно было бы назвать страной пива, если бы сюда не замѣшались греки съ ихъ виноградной лозой. Но все-таки у ѳракійцевъ и фригійцевъ пиво, какъ показалъ Генъ, не вышло изъ употребленія; Ксенофонтъ пилъ его даже у армянъ и нашелъ его совсѣмъ не такимъ отвратительнымъ. Здѣсь еще ячмень плавалъ въ напиткѣ, и его пили, какъ въ Казембе, черезъ тростникъ. Страной пива была и Венгрія уже во времена переселенія народовъ; только варвары, постоянно вторгавшіеся въ эту страну, предпочитали медъ.

Въ Галліи, кельты, съ введеніемъ земледѣлія, также стали приготовлять пиво; они были въ этомъ отношеніи предшественниками германцевъ, кото-

рые дольше оставались вѣрными своей медовой водѣ. Въ Испаніи пиво носило названіе «Cerea»; Плиній впервые называетъ его Cervesia. Въ началѣ нашего лѣтосчисленія земледѣліе у германцевъ стало прививаться въ особенности на западѣ, около римской границы. Тацитъ говоритъ, что ихъ напиткомъ было ячменное вино, про которое Цезарь еще не упоминаетъ. Только позже могъ этотъ напитокъ проникнуть и на Востокъ, и на Западъ. Предполагаютъ, что нѣмецкое слово «Bier» происходитъ отъ латинскаго bibere — пить, а употребляемый на сѣверѣ эль (oel, ale)—отъ латинскаго oleum (масло). Древніе пруссы на востокѣ не знали пива еще въ IX вѣкѣ.

Отсюда можно было бы заключить, что извѣстные виды хлѣбовъ перемѣщались вмѣстѣ съ расами, насколько это допускалъ климатъ. Для произрастанія винограда климатъ ставилъ болѣе узкія границы. Но и въ этихъ предѣлахъ виноградъ не можетъ переходить вмѣстѣ съ человѣкомъ, какъ мы это наблюдаемъ по отношенію къ хлѣбнымъ растеніямъ. Мы знаемъ даже, что древніе мореплаватели при очень долгихъ путешествіяхъ высаживались на берегъ, засѣвали хлѣбъ и ждали, пока урожай не пополнитъ ихъ хлѣбныхъ запасовъ. При благопріятныхъ условіяхъ, жатвы ячменя приходилось ждать не долго. Такимъ же образомъ, охотникамъ и пастухамъ, въ ихъ поискахъ за лучшими мѣстами, приходилось не надолго останавливаться, чтобы жены успѣли, укрывши дѣтей въ безопасное мѣсто, засѣять ячменемъ небольшой участокъ. Но посадить во время такого странствованія плодовое дерево или виноградъ никому, конечно, не могло притти въ голову. Да и невозможно было возить такія растенія съ собой. Поэтому такой позднѣйшій видъ земледѣльческой культуры могъ распространяться только совершенно иначе, переходя лишь отъ осѣдлыхъ народовъ къ осѣдлымъ. Граница полбы въ Германіи и до сихъ поръ осталась тамъ, гдѣ ее установили римляне; рожь и овесъ также не перешли за предѣлы своего произростанія. Винная же лоза была лишь дикимъ ягоднымъ кустомъ во время переселенія народовъ, и только, когда народы стали осѣдлыми, началось ея воздѣлываніе, и она стала переходить отъ одного народа къ другому; распространенію ея способствовала слава, которую ей создали, главнымъ образомъ, греки и римляне.

Область первоначальнаго распространенія винограда была не очень обширна. Европа, за исключеніемъ Греціи, такъ же, какъ Африка, восточная Азія и Индія, южныя (аравійскія) и сѣверныя (туранскія) степи Передней Азіи были лишены винограда. Остается, слѣдовательно, Малая Азія, Сирія и страна къ югу отъ Кавказа. Въ этихъ мѣстахъ и теперь еще находятъ виноградную лозу въ дикомъ состояніи; быть можетъ, она встрѣчалась во всей этой области въ мѣстахъ съ благопріятными для ея произростанія условіями; и наши дикія плодовыя деревья, будучи туземными, все-таки распространены не повсемѣстно. Когда евреи пришли изъ аравійскихъ степей въ Сирію, они нашли уже у мѣстнаго осѣдлаго населенія культуру винограда; покоривъ туземцевъ, они сами принялись за его разведеніе. Они придавали этому занятію очень важное значеніе. Мы ничего не знаемъ о приготовленіи какого либо пива у евреевъ. Какъ только они, ведя еще кочевой образъ жизни, покорили культурныхъ туземцевъ Сиріи, они тотчасъ же перешли отъ меда къ вину. Это провело рѣзкую границу между ними и родственными имъ

племенами, сохранившими кочевой образъ жизни. Послѣднія относились къ вину съ презрѣніемъ, какъ къ признаку культурнаго рабства, въ который впадаетъ и господствующій классъ, когда народъ становится осѣдлымъ. Такъ, эту черту раздѣленія сохранило и небольшое племя кочевниковъ рехабитовъ (Іеремія, гл. 35) еще во времена паденія Іудеи. Оставаясь всегда кочевниками, они презирали напитокъ городскихъ жителей; также относились неосѣдлые еще германцы къ вину римлянъ.

Несомнѣнно, еще до евреевъ, распространителями виноградной культуры были финикіяне, и отъ нихъ она перешла въ Египетъ, гдѣ вино было распространено только среди богатаго класса, тогда какъ народъ продолжалъ употреблять пиво. Чистое вино не могло замѣнить привычнаго напитка ни для тѣхъ, которые прежде пили пиво, ни для тѣхъ, которые привыкли къ меду. Поэтому оно служило только эссенціей, изъ которой получали соотвѣтственный напитокъ, прибавляя къ ней воду.

Что касается Европы, то въ доисторическомъ періодѣ употребленіе вина имѣло мѣсто лишь въ Греціи. Если древне-эллинскій Кроносъ любитъ еще опьянять себя медомъ, гомеровскіе герои, почитающіе Зевса и Аполлона, пьютъ уже вино. Мы тамъ и не знаемъ періода хлѣбнаго напитка, и въ Элладѣ онъ всегда считался чѣмъ-то варварскимъ. Но, по преданію, винодѣліе введено было не Зевсомъ и не Аполлономъ, а какимъ-то чужеземнымъ богомъ, который странствовалъ, переходя отъ народа къ народу, никому изъ нихъ не принадлежа, но всѣми принимаемый радушно. Эллины были для пеласгической Греціи не новымъ народомъ, а тѣмъ же древнимъ населеніемъ, только организованнымъ подъ владычествомъ воинственныхъ дружинъ или небольшихъ племенъ. Преданія даютъ намъ указанія на то, что вино было извѣстно еще до выступленія на сцену эллинскаго элемента; оно принадлежало еще доэллинскому періоду культуры, представительницей котораго въ греческомъ культѣ можно считать Деметру. Какой же, однако, чужеземный народъ впервые принесъ вино въ эту страну? Всѣ факты говорятъ за то, что это были финикіяне, которые, еще задолго до эллинскаго періода, организовали вокругъ своихъ факторій въ Греціи работу туземнаго населенія.

Обычаи культа всегда даютъ надежную путеводную нить. Въ Греціи вино должно было появиться вскорѣ послѣ введенія сѣверныхъ хлѣбныхъ растеній, такъ какъ умершимъ и богамъ приносили въ жертву одновременно и медъ, и вино. Въ Римѣ, по свидѣтельству Плинія, болѣе древній религіозный обычай, сохранившійся въ такъ называемомъ законѣ Нумы, запрещалъ употребленіе вина для подобныхъ цѣлей: жертвенныхъ костровъ нельзя было окроплять виномъ. Такимъ образомъ, древніе италики проявляли къ вину такое же отношеніе, какъ рехабиты и впослѣдствіи древніе германцы. Но уже во времена Софокла и Геродота нижняя Италія, покрытая греческими колоніями, является страною вина. Подобное переселеніе, завершавшееся прочной и опредѣленной осѣдлостью, способствовало распространенію винодѣлія.

Отсюда винодѣліе перешло на сѣверъ, въ ломбардскую низменность и поднялось на ретійскія горы, въ Вальтеллину и Тироль. Августъ и Виргилій были любителями именно этого вина. Уже въ эпоху позднѣйшей республики Италія стала свозить хлѣбъ изъ провинцій на рынки и занялась

винодѣліемъ отчасти и для вывоза. Эта торговля способствовала распространенію и самой виноградной лозы.

Во Франціи родиной винодѣлія является Марсель (Massilia), колонія малоазіатскихъ грековъ. Отсюда оно распространилось далѣе, сосредоточиваясь, главнымъ образомъ, въ укрѣпленныхъ торговыхъ пунктахъ, являясь скорѣе отраслью городской, чѣмъ сельской культуры. Не безъ вліянія оказалось и покореніе Цезаремъ Галліи. Въ первомъ столѣтіи императорскаго періода вся Франція стала страной винограда. Къ занятію винодѣліемъ побуждало и стремленіе къ нажигѣ, такъ какъ главными потребителями вина были богатые люди. Торговлѣ нѣсколько мѣшала трудность сохраненія южныхъ винъ; интересно, что для этой цѣли прибѣгали къ тѣмъ же средствамъ, которыми нѣкогда пользовались для заготовленія впрокъ мяса: вина кипятили, коптили и приправляли пряностями. При тѣхъ же условіяхъ произошло распространеніе винодѣлія почти по всей южной Европѣ. Въ Марокко и Испаніи область его простиралась до береговъ Атлантическаго океана. До мыса Спартель, въ Марокко, извѣстнаго въ древности подъ названіемъ Ампелузіи, «виннаго мыса», виноградная лоза рас пространилась, благодаря финикіянамъ.

По ту сторону Рейна въ римскую эпоху, какъ мы должны предположить теперь, проникло вино, но не виноградная лоза. Распространеніе виноградной культуры послѣдовало въ этой области, вѣроятнѣе всего, лишь во времена франкскихъ королей изъ рода Меровинговъ. Италія сама ревниво относилась къ развитію винодѣлія въ ея провинціяхъ, ибо вино являлось превосходнымъ средствомъ привлеченія въ избыткѣ всѣхъ продуктовъ пограничныхъ варварскихъ странъ. Въ этомъ отношеніи торговля виномъ у римлянъ напоминаетъ торговлю ромомъ среди индѣйцевъ, и народы, которые поняли значеніе этой торговли, противились ввозу вина. Такимъ образомъ, винодѣліе распространилось (еще раньше, чѣмъ въ Германіи) въ Венгріи, когда она превратилась въ римскую провинцію Паннонію.

Блага культуры достаются не даромъ; обладаніе ими покупается цѣною возрастанія труда. Всякое отдѣльное оружіе изъ ея богатыхъ доспѣховъ, если человѣкъ не умѣетъ имъ воспользоваться въ жизненной борьбѣ, теряетъ свою цѣнность или даже грозитъ обратиться противъ него самого. Никто, конечно, не станетъ утверждать, что высокая, своеобразная культура, которую мы встрѣчаемъ въ описанной нами области распространенія винодѣлія или, напр мѣръ, въ Палестинѣ и Греціи, обязана своимъ расцвѣтомъ исключительно вину. Но въ общей суммѣ причинъ, оказавшихъ вліяніе на ростъ культуры, ему несомнѣнно принадлежитъ свое мѣсто. Евреи и греки одинаково во многомъ обязаны финикіянамъ съ тою разницей, что евреи больше заимствовали и меньше вносили сами, такъ какъ они рано потеряли свою самостоятельность. Противоположность между земнымъ и небеснымъ, мысль о которой является при этихъ именахъ, нисколько не раздѣляла этихъ двухъ народовъ, пока евреи были самобытнымъ, полнымъ жизни народомъ. Только побѣдоносныя стремленія священническаго сословія къ замкнутому кастовому обособленію, уничтоженіе царской власти и утвердившееся за этой кастой вліяніе окутали теологическимъ сумракомъ этотъ народъ, который нѣкогда умѣлъ вкушать земное счастье и испытывать радость жизни не меньше, чѣмъ всякій другой. Еще въ «Книгѣ судей»

можно видѣть, какъ онъ, на зарѣ своей жизни, велъ героическую борьбу, а «Пѣсни пѣсней» говорятъ намъ о той степени жизнерадостности, о томъ высокомъ подъемѣ лучшихъ чувствъ, которыми онъ былъ исполненъ въ свои счастливые дни. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ тогда ближе къ грекамъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Оба эти народа являются представителями, правда, въ качествѣ младшихъ членовъ, культуры южнаго умѣреннаго пояса, которая, послѣ тысячелѣтій своего существованія, въ этомъ видѣ, навѣрно, проявилась впервые. Въ основѣ этой культуры лежала вся совокупность пріобрѣтеній, которыя въ отдѣльности составляли достояніе народовъ, жившихъ за предѣлами этого пояса. Въ этой общей суммѣ условій, впервые соединившихся вмѣстѣ въ жизни человѣчества, вино занимаетъ мѣсто, не лишенное значенія.

Небезразлично то обстоятельство, что въ этой культурной области мы въ первый разъ встрѣчаемъ человѣка пользующимся смѣшанной пищей, добываемой, благодаря прочной организаціи, безъ обременительной затраты силъ и времени. При этомъ, какъ мы увидимъ ниже, свою долю вноситъ и животный міръ, къ которому человѣкъ начинаетъ примѣнять способъ, аналогичный искусственному разведенію растеній. Въ этомъ отношеніи эта культура, независимо отъ различія эпохъ, стоитъ гораздо выше культуры, которая подобнымъ же образомъ развилась у краснокожихъ на плоскогорьяхъ средней Америки. Послѣдняя не дошла до того, чтобы пользоваться животнымъ, какъ регулярнымъ источникомъ продовольствія; поэтому она, при всей своей красивой внѣшности, запечатлѣна клеймомъ каннибализма, между тѣмъ, какъ на почвѣ культуры Востока постепенно развилась идея неприкосновенности человѣческой личности. Нельзя также оставить безъ вниманія того обстоятельства, что у человѣка, развившаго свои силы въ заботахъ о пропитаніи, большой запасъ энергіи сберегался, благодаря правильной организаціи питанія. Не трудно опредѣлить вліяніе, которое оказывалъ на освободившуюся энергію человѣка тотъ или другой родъ вкусового вещества. Несомнѣнно,—какъ бы это ни казалось тривіальнымъ,—что очень важное значеніе имѣло — наполнялъ ли человѣкъ свой желудокъ кислымъ «помбе», или вводилъ въ себя легкій, не столь возбуждающій напитокъ, освѣжавшій тѣло и приводившій духъ въ веселое настроеніе.

Во всякомъ случаѣ, вино было составной частью этой культуры, и потому оно осталось неразрывно связаннымъ съ нею. Отдѣльныя лица могли злоупотреблять имъ, но для культуры, вмѣстѣ съ которой оно распространялось, оно осталось благодѣтельнымъ. Греки употребляли вино только какъ приправу къ водѣ. Практичные римляне умѣли сдѣлать полезнымъ для себя даже худшій продуктъ — уксусъ, названіе котораго всѣ народы заимствовали у римлянъ или византійцевъ; римскій воинъ носилъ его съ собой и умѣлъ, при помощи его, превратить всякую воду въ здоровый и освѣжающій напитокъ. Напротивъ, за предѣлами этой области употребленіе вина уже на первыхъ порахъ почти всегда вызывало злоупотребленіе имъ. Отъ германцевъ исходитъ обычай пить вино въ неразбавленномъ видѣ, употреблять эссенцію вмѣсто освѣжающаго напитка. Это можно объяснить вліяніемъ болѣе холоднаго климата; да и мы въ сущности не отказались отъ этого обычая.

Сосудомъ для храненія вина на Востокѣ все еще служили мѣхи изъ звѣриныхъ шкуръ. Греки также пользовались мѣхами изъ козьихъ шкуръ, хотя на-ряду съ ними они употребляли и глиняную посуду. О способѣ храненія вина въ деревянной посудѣ римляне узнали только отъ кельтовъ, жившихъ въ лѣсистыхъ мѣстахъ.

Область винодѣлія образуетъ въ западной половинѣ Стараго Свѣта какъ бы особый островъ. Но характерная особенность этого острова заключалась не въ обладаніи опьяняющимъ напиткомъ и не въ привычкѣ къ нему обитателей его, а въ томъ, что здѣсь растеніе разводилось исключительно для приготовленія этого напитка. Если мы перейдемъ за предѣлы этой области на Востокъ, мы встрѣтимся, какъ съ общимъ правиломъ, съ тѣмъ фактомъ, что человѣкъ пользуется для приготовленія подобнаго напитка растеніями, предназначенными для собственнаго питанія. Уже отъ спутниковъ Александра на Западѣ узнали о томъ, что въ Индіи приготовляютъ изъ риса напитокъ, похожій на ячменное пиво. Но не въ одной Индіи, а во всей области произрастанія риса замѣчается то же явленіе, лишь съ тою разницей, что этотъ напитокъ съ примѣсью сивушнаго масла обладалъ въ разныхъ мѣстахъ различными степенями достоинства, пока не превратился въ аракъ. То же наблюдается и въ области сахарнаго тростника; рядомъ съ аракомъ выступаетъ на сцену ромъ. Маисовое пиво знали и древніе мексиканцы, но культура американскаго плоскогорья имѣла сходство съ областью виноградной культуры въ томъ отношеніи, что и здѣсь существовалъ особый напитокъ подъ названіемъ «пульке», приготовляемый изъ нѣкоторыхъ видовъ агавы.

Этихъ указаній, хотя и не совсѣмъ полныхъ, достаточно, однако, для того, чтобы отмѣтить, какъ узки были взгляды древнихъ, полагавшихъ, что «варвары» приготовляютъ свои плодовые напитки въ подражаніе ихъ вину. Въ этомъ отношеніи все человѣчество шло по одному пути; только средства, бывшія въ его распоряженіи, обусловили разницу въ результатахъ. Другая группа веществъ, которыми человѣкъ пользовался отчасти на-ряду съ опьяняющими напитками, отчасти для замѣны ихъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ поискахъ за подобными веществами главной побудительной причиной была не простая жажда, а желаніе пріятнаго одурѣнія или опьяненія.

Къ съѣдобнымъ сѣменамъ, которыя нѣкогда собирались человѣкомъ въ дикомъ состояніи, пока они, благодаря воздѣлыванію, не распространились изъ своей первоначальной родины, охвативъ болѣе обширныя области, принадлежали также льняное сѣмя, макъ и, въ извѣстной степени, коноплянное сѣмя. Свѣдѣнія объ этихъ растеніяхъ говорятъ за то, что ихъ первоначально сѣяли и собирали исключительно изъ-за сѣмянъ. Но и въ этомъ отношеніи мы на-половину можемъ считать ихъ вкусовыми веществами; для человѣка они представляли большое значеніе, благодаря содержанію масла, отсутствіе котораго въ хлѣбныхъ зернахъ заставляло прибѣгать къ жиру животныхъ, который не всегда можно было достать. Эта замѣна была тѣмъ желательнѣе для древнихъ, что они, какъ мы увидимъ ниже, даже отъ своихъ громадныхъ стадъ не умѣли добывать жира, который мы получаемъ изъ молока. Для нашихъ предковъ льняное и буковое масла были одинаково цѣнны, и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

Чехіи пироги на льняномъ маслѣ считаются лакомымъ блюдомъ. Въ Абиссиніи льняное сѣмя до сихъ поръ употребляется только для ѣды, а древніе индусы разводили его исключительно изъ-за масла. Такимъ же образомъ греки приготовляли приправу къ печенью изъ маковыхъ и кунжутовыхъ зеренъ или изъ льняного сѣмени, свареннаго съ медомъ. Въ военное время греки запасались толченымъ льнянымъ сѣменемъ въ качествѣ пищи, а въ Верхней Италіи извѣстно было также, вѣроятно, древне-кельтское кушанье изъ этого сѣмени. Такимъ образомъ, ленъ уже съ древнихъ временъ былъ извѣстенъ въ качествѣ съѣдобнаго растенія въ области нашего винодѣлія, гдѣ онъ навѣрно былъ туземнымъ растеніемъ. Но только изъ Египта и Колхиды на Черномъ морѣ распространилась впослѣдствіе техническая обработка его волоконъ.

Конопля, напротивъ, не принадлежитъ къ этому поясу культуры: она была неизвѣстна древнимъ египтянамъ, финикіянамъ, евреямъ и древнимъ грекамъ. Она скорѣе составляетъ достояніе той области, которая отдѣляется отъ описанной выше области культуры горами Арменіи, Персіи и Бактріи, иначе говоря, къ области азіатскихъ степей, которая, какъ мы увидимъ ниже, является родиной кочевого скотоводства. Она представляетъ собою болѣе сѣверную культуру. Греки, согласно Геродоту, впервые познакомились съ этимъ растеніемъ, благодаря скиѳамъ, составлявшимъ европейскій авангардъ среди кочевыхъ народовъ этихъ степей. На берегахъ Аральскаго и Каспійскаго морей конопля встрѣчается и до сихъ поръ въ дикомъ состояніи, а, по словамъ Геродота, она въ такомъ видѣ росла и во Ѳракіи, гдѣ ее разводили лишь въ незначительныхъ размѣрахъ. Скиѳы пользовались конопляным сѣменемъ въ качествѣ наркотическаго средства, способъ употребленія котораго составляетъ переходъ къ куренію; они посыпали имъ раскаленные камни въ своихъ баняхъ и въ этомъ чаду «выли отъ удовольствія». Скиѳамъ, повидимому, былъ уже извѣстенъ какой-то опьяняющій экстрактъ изъ конопли.

По всей вѣроятности, разведеніе этого растенія въ довольно суровой странѣ скиѳовъ обусловливалось первоначально тѣми же причинами, какъ и разведеніе мака и льна въ области винодѣлія: въ Россіи и теперь еще употребляютъ конопляное масло при постной пищѣ взамѣнъ жира. Подобно тому, какъ греки не знали проса и сѣверныхъ хлѣбныхъ растеній, культура которыхъ изъ сосѣдней области распространилась, вмѣстѣ съ народами, пришедшими прямо изъ сѣверныхъ широтъ, по всей Европѣ, такъ же неизвѣстна имъ была и конопля. Между тѣмъ она была въ употребленіи у всѣхъ сѣверныхъ кочевыхъ народовъ, которые, начиная отъ индо-арійцевъ, персовъ и мидянъ, черезъ туранскія и русскія степи вплоть до Западной Европы располагались большой дугой вокругъ древнихъ винодѣльческихъ народовъ. У кельтовъ, по крайней мѣрѣ, конопля появляется очень рано. Еще болѣе несомнѣнно, что въ этой группѣ она цѣнилась, главнымъ образомъ, какъ наркотическое средство. Древніе персы называли опьяненіе тѣмъ же именемъ, которое у индо-арійцевъ обозначало коноплю. Изъ Азіи конопля и употребленіе ея, какъ наркотическаго вещества, были занесены въ Африку; а теперь насчитываютъ отъ 2 до 300 милліоновъ людей, находящихся подъ властью гашиша. Главная составная часть этого экстракта, который чаще употребляется для куренья, рѣже въ видѣ ѣды, состоитъ

изъ смолистаго вещества конопли. Гашишъ для бедуина южныхъ степей Азіи служитъ замѣной запретнаго вина.

Достаточно лишь напомнить, что для той же цѣли употреблялся и растущій въ Персіи въ дикомъ состояніи снотворный макъ.

Теперь намъ не трудно будетъ понять внутреннюю связь между употребленіемъ опьяняющихъ напитковъ и куреніемъ. Только у сѣверныхъ индѣйцевъ на первыхъ порахъ одно исключало другое. Душистыя курительныя вещества пользовались большимъ распространеніемъ во всей Америкѣ, такъ же, какъ и теперь это наблюдается еще въ восточной Азіи. Въ честь гостя мексиканецъ посыпалъ уголья курительнымъ порошкомъ на подобіе того, какъ древніе германцы подносили ему напитокъ. Но на ряду съ этимъ у мексиканцевъ всегда имѣлись и опьяняющіе напитки, а въ Южной Америкѣ жевали съ той же цѣлью листья растенія кока. Въ Сенъ-Доминго, Юкатанѣ, Флоридѣ и еще дальше къ сѣверу первые изслѣдователи нашли въ употребленіи наркотическое вещество съ такимъ сильнымъ дѣйствіемъ, что съ нимъ на его родинѣ не могло конкуррировать никакое другое средство. Только европейцу впервые предоставлено было все испытывать и все удерживать; онъ могъ быть одновременно курильщикомъ, нюхальщикомъ и пьяницей. Нѣтъ ни одного растенія, которое было бы осыпаемо столькими проклятіями, употребленіе котораго преслѣдовалось бы столь суровыми законами, какъ табакъ, и въ то же время никакое другое растеніе не совершило такого тріумфіальнаго шествія по всему земному шару. Изъ этого видно, насколько человѣкъ всегда былъ и остался склоненъ больше повиноваться жаждѣ наслажденій, чѣмъ заботѣ о будущемъ. Успѣху табака не мало помогло то обстоятельство, что табакъ—растеніе однолѣтнее. Благодаря тому, онъ даже у дикарей могъ быть первенцемъ изъ всѣхъ культурныхъ растеній. Готтентотское племя Корана въ южной Африкѣ было вовсе незнакомо съ земледѣліемъ, но табакъ оно разводило. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только табакъ могъ заставить мужчину оцѣнить всю важность земледѣлія. Негръ верховьевъ Нигера очень тяжелъ на подъемъ, но свой табакъ онъ разводитъ на правильныхъ грядкахъ и не лѣнится поливать его два раза въ день.

Способъ употребленія табаку не всегда былъ одинъ и тотъ же, и способъ, практикуемый у насъ, во всякомъ случаѣ не является древнѣйшимъ. Первые курильщики на Антильскихъ островахъ употребляли тростникъ, оканчивавшійся, въ видѣ вилки, двумя полыми зубцами; они клали табакъ на уголья и дымъ проводили черезъ эту трубку прямо въ носъ. Въ южной Африкѣ табакъ клали предварительно въ выкопанную въ землѣ ямку, и, давъ ему истлѣть, нѣсколько человѣкъ втягивали оттуда дымъ черезъ тростникъ. Оставалось только придѣлать къ концу тростника маленькую жаровню или переносный курительный жертвенникъ,—чтобы произошла на свѣтъ наша табачная трубка.

Не говоря объ обычномъ также способѣ жеванія табаку, само куреніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приближалось къ употребленію напитковъ. На подобную мысль легко могли напасть народы, которые до того времени достигали опьяненія посредствомъ напитковъ. Образецъ этого способа и вмѣстѣ съ тѣмъ высокаго почитанія этого растенія и чрезвычайно бережливаго пользованія имъ даютъ ваджиджи, живущіе въ южной

Африкѣ у озера Танганьики. Повсюду, гдѣ бы они ни были и куда бы ни шли, они носятъ съ собой въ тыквѣ табакъ, а на шеѣ всегда висятъ у нихъ металлическіе или деревянные тиски. Отъ времени до времени они наливаютъ въ тыкву воды и выжимаютъ въ ладонь сокъ изъ увлажненнаго табака. Этотъ настой они втягиваютъ въ носъ, послѣ чего ноздри сейчасъ же замыкаются упомянутыми тисками, чтобъ оттуда ничего не вытекало. Этотъ примѣръ, однако, нашелъ себѣ, кажется, немного послѣдователей.

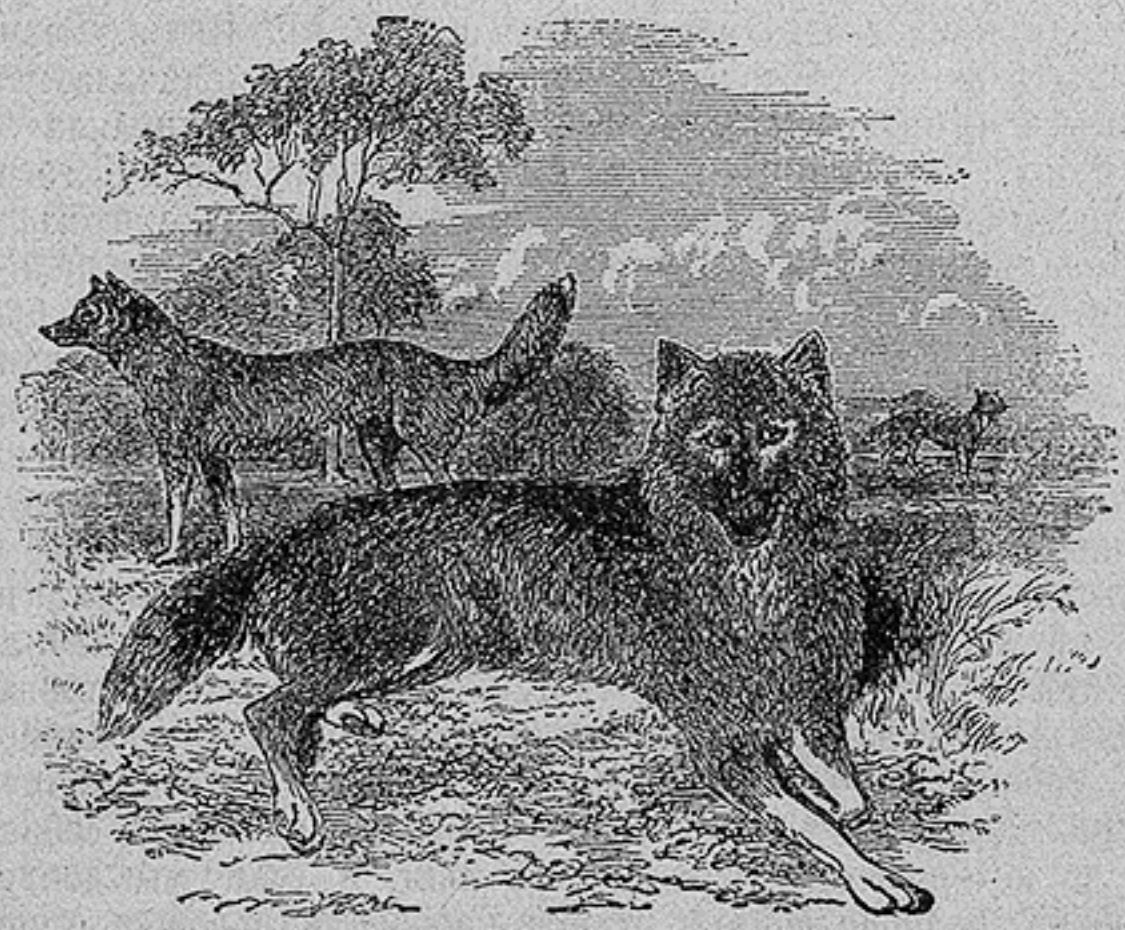
Прирученіе животныхъ.

Прирученіе и разведеніе животныхъ нельзя противопоставить воздѣлыванію растеній въ видѣ полной параллели. Едва ли человѣкъ когда-либо бралъ на себя трудъ обработыванія земли для посѣва сѣмянъ, имѣя въ виду что-либо другое, кромѣ заботы о пропитаніи. Это стремленіе, насколько намъ извѣстно изъ исторіи, влекло его къ земледѣлію гораздо болѣе, чѣмъ къ животноводству. Исходя изъ самыхъ разнообразныхъ побужденій; человѣкъ держалъ около себя животныхъ, и только позднѣйшія, болѣе предусмотрительныя поколѣнія стали, смотря по результатамъ, дѣлать между ними полезный выборъ. Поэтому въ исторію человѣческаго питанія глава о скотоводствѣ не настолько входитъ въ своемъ цѣломъ, какъ глава о земледѣліи, вслѣдствіе чего мы и отодвинули ее отчасти на второй планъ.

Стремленіе человѣка подчинить своей власти животныхъ никогда не удастся прослѣдить до его начала; оно смѣшивается вначалѣ съ дѣтскимъ пристрастіемъ дикаря къ играмъ. Совершенно дикихъ индѣйцевъ Гвіаны встрѣчали въ ихъ лѣсахъ окруженными всевозможными ручными животными, которыя питались вмѣстѣ съ ними ихъ скудной пищей, не принося имъ за это никакой пользы. Исключеніе, пожалуй, составляли пестрыя птицы куриной породы, мясо и яйца которыхъ дикари не рѣшались ѣсть, но украшали себя ихъ перьями. И теперь еще охотникъ приноситъ иногда домой молодую лисицу только для того, чтобы дать ее дѣтямъ какъ шаловливаго товарища. Дикарю, конечно, гораздо чаще, чѣмъ намъ, представлялся случай овладѣвать молодыми животными. Такіе опыты ему дѣлать было не трудно, тѣмъ болѣе, что животныя сами давались ему въ руки. Теленокъ бизона слѣдуетъ за охотникомъ, убившимъ его мать, въ его охотничью хижину и не покидаетъ его болѣе; тѣмъ не менѣе, индѣецъ никогда не имѣлъ охоты приручать эту породу рогатаго скота. Наоборотъ, въ то же время ему иногда доставляло удовольствіе воспитывать волка. На самомъ дѣлѣ, исключая нѣкоторыхъ изъ породъ крупныхъ кошекъ, немного найдется животныхъ, которыхъ нельзя было бы приручить поодиночкѣ. Разведеніе животныхъ гораздо труднѣе, чѣмъ прирученіе ихъ. Это зависитъ отъ того, что приходится бороться съ неохотой животныхъ размножаться въ неволѣ. И здѣсь вполнѣ очевидно, что первобытному человѣку это должно было удаваться сравнительно гораздо легче, чѣмъ намъ, У насъ всѣ попытки подобнаго рода не удаются потому, что при всей заботливости, мы не въ состояніи доставить пойманнымъ животнымъ тѣ жизненныя условія, которыя даетъ имъ природа на свободѣ. При

томъ самъ человѣкъ не жилъ еще тогда въ такой неволѣ, какую животному приходится дѣлить съ нами. Будучи и самъ не осѣдлымъ, онъ отрывалъ прирученное имъ животное отъ природныхъ условій лишь на столько, что пріучалъ его не бояться огня, быть можетъ, даже цѣнить его теплоту по ночамъ и ожидать для себя объѣдковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ человѣкъ совершалъ свою трапезу.

Къ такому прирученію, во всякомъ случаѣ, не былъ способенъ бизонъ; и, дѣйствительно, чѣмъ могъ бы человѣкъ привлечь его въ тѣ мѣста, гдѣ совершалъ свою трапезу? Для этого, очевидно, требовалось прирученіе совершенно иного рода. Къ такому прирученію и проистекающему изъ него разведенію преимущественно должно было быть способно

Динго (Canis Dingo).

такое животное, которое, подобно человѣку, могло привыкнуть ко всякому роду пищи. Всѣ свидѣтельства сходятся въ томъ, что собака—старѣйшее изъ всѣхъ животныхъ, которое надолго сохраняло привязанность къ человѣку, или, въ нашемъ смыслѣ, древнѣйшее изъ домашнихъ животныхъ.

Мы должны различать преимущественно троякую цѣль разведенія животныхъ, какъ скоро цѣль присоединилась къ безцѣльной забавѣ. Человѣкъ держалъ у себя собаку или для того, чтобы ѣсть ея мясо, когда это ему было нужно, или чтобы извлекать пользу изъ природныхъ способностей ея къ охотѣ. Не всегда, однако, обѣ эти цѣли являлись осуществимыми для человѣка. Напротивъ, до сихъ поръ почти не обращалось вниманія на третью цѣль, хотя она имѣетъ значеніе при разведеніи и воспитаніи не одной только собаки.

Между тѣмъ эта цѣль для цѣлыхъ крупныхъ народовъ являлась особенно важной и имѣла громадное вліяніе на развитіе свойствъ прирученныхъ животныхъ. Какъ это ни странно звучитъ для насъ, она имѣла религіозную основу.

При открытіи Новой Зеландіи тамъ оказались только два представителя наземныхъ четвероногихъ, собака и крыса. Но такъ какъ крыса по нѣкоторымъ своимъ свойствамъ приближается и къ водянымъ животнымъ, то, за исключеніемъ летучихъ мышей, нужно допустить, что эта страна сама не производила наземныхъ млекопитающихъ, и даже собака появилась здѣсь только одновременно съ человѣкомъ. Такъ же одиноко по своимъ свойствамъ стоитъ собака среди своеобразной австралійской фауны. Но собака вездѣ появляется въ обществѣ человѣка и пользуется его расположеніемъ. Австралійская собака или динго (см. рис. стр. 87) не далеко ушла отъ волка и походитъ на своего полудикаго родича въ Индіи. Возможно, что вслѣдствіе вытѣсненія обитателей, она еще болѣе одичала, такъ какъ Австралія, въ противоположность Новой Зеландіи, доставляла ей разнообразную пищу. Хотя динго и оказывала услуги своему господину на охотѣ, но преимущественно была ему полезна своимъ мясомъ, и, вслѣдствіе того; она является на различныхъ островахъ, въ большей или меньшей степени, настоящимъ убойнымъ животнымъ. Австраліецъ, бродящій по лѣсамъ со своими собаками, есть уже своего рода кочевникъ очень низкой степени: онъ водитъ за собой въ удобной формѣ живой провіантъ. Собаки новозеландцевъ показались первымъ европейскимъ путешественникамъ мелкими и некрасивыми. Онѣ «живутъ при людяхъ, и тѣ ихъ приручаютъ лишь для того, чтобы питаться ихъ мясомъ». Здѣсь онѣ питались рыбой, а на островахъ Товарищества сдѣлались вполнѣ вегетаріанцами, такъ какъ не получали «мяса, а только плоды хлѣбнаго дерева, кокосовые орѣхи, ямсъ и т. под. пищу». Но на этихъ островахъ появляется уже въ качествѣ убойнаго животнаго рядомъ съ собакой и свинья, хотя мясо собакъ предпочиталось и даже путешественникамъ казалось похожимъ на мясо ягнятъ. Отсюда этотъ родъ разведенія собакъ распространяется до юго-восточныхъ острововъ Азіи, и если мы допустимъ, что убойная собака, подобно свиньѣ, скорѣе наоборотъ, перешла отсюда черезъ Тихій океанъ въ Австралію, то на этомъ основаніи нельзя считать необходимымъ предварительное переселеніе цѣлаго народа. Въ общественныхъ слояхъ обитателей острововъ Товарищества можно было еще ясно отличить— господствующее племя побѣдителей отъ древнѣйшаго населенія. Собаки и свиньи могли появиться только вмѣстѣ съ завоевателями, какъ это видно на Таити, гдѣ свиное мясо всегда было пищей господъ.

Нельзя, однако, отрицать и того, что побудительная причина прирученія оказала замѣтное вліяніе на собаку. Собака даже въ дикомъ состояніи уже обладаетъ нѣкоторыми умственными способностями. Одичавшая въ лѣсу динго переняла нѣкоторыя охотничьи уловки у лисицы, и для пасущихся тамъ овечьихъ стадъ она вполнѣ играетъ роль страшнаго волка. Офицеры Кука замѣчали въ новозеландской собакѣ слѣды особенной привязанности къ своему хозяину. Проданныя старыя собаки очень тосковали, и только молодыя принимались за ѣду. Возможно, что въ данномъ случаѣ имѣла вліяніе и перемѣна этой послѣдней. Но какъ бы то ни

было, Георгъ Форстеръ приписываетъ домашней собакѣ острововъ Тихаго океана такія свойства, которыя, при всемъ ея видовомъ сходствѣ, отличаютъ ее отъ нашей собаки. «Въ Новой Зеландіи и, какъ сообщаютъ старинные мореплаватели, и на островахъ Тихаго океана между тропиками собаки являются самыми глупыми и безтолковыми животными, какихъ только можно себѣ представить. Онѣ тамъ не умнѣе и не развитѣе нашихъ овецъ...»

Тотъ же Форстеръ, отчасти на основаніи опыта, твердо устанавливаетъ замѣчательную разницу между новозеландской и нашей собакой: первая, подобно своему господину, отличается каннибализмомъ, вторая — нѣтъ. Этотъ опытъ легко было произвести, такъ какъ на суднѣ собакъ пробовали кормить собачьимъ мясомъ. При этомъ, если нашимъ собакамъ бросали собачье мясо или кость, онѣ не дотрогивались ни до того, ни до другого, а новозеландскія собаки съ жадностью набрасывались на эту пищу.

Эта черта, общая собакамъ и ихъ хозяевамъ, едва ли является только случайностью. На сѣверѣ Новой Зеландіи найдена была такая достойная удивленія образцовая земледѣльческая культура, настоящая кустарная промышленность, и правда, своеобразное, но въ своемъ родѣ высоко развитое искусство, что мы должны эту область юго-восточной культуры поставить рядомъ съ культурой Мексики. И именно здѣсь, какъ и тамъ, у народа стоящаго высоко, но существующаго исключительно земледѣліемъ и рыбной ловлей, господствуетъ людоѣдство въ качествѣ неизбѣжнаго жизненнаго закона, между тѣмъ, какъ на болѣе сѣверныхъ островахъ людоѣдство извѣстно еще только какъ принадлежность культа. Точно также въ своемъ родѣ каннибализмъ является и собака, для которой страна не доставляетъ никакого другого теплокровнаго животнаго.

Древніе египтяне держали въ своихъ хозяйствахъ различныя породы собакъ, и тогда какъ, по свидѣтельству памятниковъ, въ различныя времена появлялись все новыя породы собакъ, старыя исчезали, потому что на размноженіе ихъ менѣе обращалось вниманія. Нѣкоторыя изъ этихъ «собакъ» ничѣмъ, кромѣ прирученія (и то въ слабой степени), не отличаются отъ дикихъ африканскихъ видовъ рода «собаки».

Одну изъ этихъ собакъ, «собаку-лису», по мѣткому обозначенію Ленормана, мы могли бы назвать священной, вслѣдствіе особаго способа прирученія, которому она подвергалась. Египтянамъ, наравнѣ со многими другими народами свойственно было считать любимымъ мѣстопребываніемъ отдѣлившейся отъ тѣла души, помимо безжизненныхъ предметовъ, еще и опредѣленныхъ животныхъ. Вполнѣ безразлично — высоко или низко стоитъ эта душа въ іерархіи божествъ, а также признается ли вообще душа у народа, или нѣтъ. Животное окружаютъ почетомъ, если его считаютъ мѣстопребываніемъ какого-либо духа; можно, пожалуй, при желаніи назвать это «богопочитаніемъ», но это названіе будетъ не совсѣмъ точно.

Этотъ родъ богопочитанія существуетъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ; въ особенности змѣя тамъ, гдѣ она извѣстна, почти у всѣхъ является животнымъ, тѣло котораго, повидимому, лишенное потребностей и мало подвижное, съ особенной любовью избираютъ души и духи для своего мѣстопребыванія. Но индѣецъ вѣритъ или предполагаетъ тоже самое относительно во-

рона, бобра и другихъ животныхъ. Каждое племя имѣетъ въ этомъ случаѣ свое особое воззрѣніе. То же было и въ древнемъ Египтѣ, какъ говорятъ о томъ тысячи свидѣтельствъ. Но въ одномъ этотъ древній культурный народъ опередилъ первобытные народы, придерживающіеся одинаковыхъ съ нимъ взглядовъ. Дикій индѣецъ или бушменъ довольствуется тѣмъ, что боязливо уступаетъ такому «священному» животному дорогу и не употребляетъ въ пищу того животнаго, духъ котораго, какъ онъ вѣритъ, впослѣдствіи можетъ его за это отблагодарить. Древній египтянинъ въ своемъ упорядоченномъ домашнемъ обиходѣ сдѣлалъ шагъ впередъ. Если ему, напр., по стариннымъ преданіямъ, было извѣстно, что какой-либо духъ, съ которымъ связывалъ его культъ, любилъ спокойно прохлаждаться въ рѣкѣ и грѣться на солнцѣ въ тѣлѣ крокодила, то онъ ему самымъ заботливымъ образомъ доставлялъ эту возможность. Онъ бралъ избранный экземпляръ этой породы животныхъ и окружалъ величайшей заботливостью, не ожидая съ его стороны никакой услуги или пользы; уже самая близость этого животнаго была для него утѣшительна, и за все, что онъ дѣлалъ для него, онъ ожидалъ себѣ награды отъ духа или божества.

Благодаря уходу за дикими животными, произошли цѣлыя группы домашнихъ животныхъ, на унаслѣдованный характеръ которыхъ этотъ своеобразный способъ воспитанія не всегда оставался безъ вліянія. Именно египтяне, культура которыхъ заходитъ въ тѣ времена, когда такія представленія у нихъ были столь же живы, какъ и у народовъ первобытныхъ, производили въ самыхъ различныхъ направленіяхъ попытки подобнаго приручения. Но, смотря по роду животныхъ, это вліяніе сказывалось или только на отдѣльномъ индивидуумѣ, или создавало особые классы «домашнихъ животныхъ», что мы, однако, можемъ найти и у другихъ народовъ въ видѣ породъ, происшедшихъ отъ такого приручения.

Небольшое племя, жившее въ Файумѣ, настолько почитало крокодила, что божество всей ихъ области называлось по имени крокодила «Себекъ». Крокодилы, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Страбонъ, довольно легко поддавались приручению. Но если бы это мало симпатичное животное, такъ легко свыкающееся съ неволей послѣ жизни въ открытомъ морѣ, даже передало своему потомству болѣе смягченные инстинкты, то человѣчество не могло бы извлечь никакой пользы изъ этого случайнаго укрощенія, и само это укрощеніе не вышло бы изъ узкаго круга его ближайшихъ цѣлей. Съ другой стороны, если бы такіе результаты получались по отношенію къ другимъ болѣе подходящимъ животнымъ, они имѣли бы значеніе, далеко выходящее за предѣлы культа.

Переходной ступенью въ этомъ направленіи является древнѣйшій способъ разведенія собакъ у египтянъ, все еще ограничивавшійся лишь областью культа. Между тѣмъ, какъ всѣ другія породы собакъ, воспитанныя для практическихъ цѣлей, только въ послѣдующее время начинаютъ встрѣчаться на памятникахъ, наша «собака-лисица» появляется уже «на памятникахъ всѣхъ періодовъ, съ самыхъ раннихъ временъ начала существованія древняго государства». Со своей острой мордой, остроконечными ушами, пушистымъ хвостомъ и рыжеватой шерстью, она немного отличается отъ лисицы, а голова ея напоминаетъ шакала. На памятникахъ она никогда не появляется въ видѣ охотничьей собаки, а только въ

качествѣ спутника человѣка. Для положенія, которое эта собака занимала въ домѣ, характеренъ фактъ, что въ древнихъ могилахъ находятъ муміи собакъ именно этой породы. Достаточно сказать, что эта собака считалась фетишемъ въ области, божествомъ которой признавался Анубисъ; въ этой же области, наравнѣ съ описываемой собакой, священнымъ считался и шакалъ.

Отъ этихъ собакъ ведутъ свое происхожденіе тѣ полуодичавшія собачьи стаи, которыя еще теперь встрѣчаются на базарахъ въ египетскихъ городахъ, особенно въ Каирѣ. Онѣ не находятъ себѣ никакого практическаго примѣненія и, какъ истые потомки изнѣженныхъ предковъ, лѣнивы и пользуются дурной славой.

Тотъ же особый родъ прирученія собаки, въ качествѣ болѣе поздняго явленія, наблюдается и въ другой обособленной странѣ; благодаря персамъ, онъ распространился изъ верхне-азіатскихъ степей внизъ черезъ Иранъ по передней Азіи. У зендскаго народа высокій почетъ, которымъ была окружена собака, какъ фетишъ, обусловливался, во-первыхъ, тѣмъ, что собака, пожирая трупы, воспринимаетъ въ себя одновременно и души, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что она — такой же стражъ человѣка, какъ и огонь. Древній персъ могъ спокойно умереть, только видя передъ собой живую собаку, такъ какъ онъ былъ увѣренъ тогда, что благосклонный къ нему духъ, живущій въ собакѣ, защититъ его отходящую душу отъ подстерегающихъ ее злыхъ духовъ. Сила этого духа проявлялась на дѣлѣ въ томъ, что собака доставляла стаду почти такую же защиту, какъ и огонь. Для народа, живущаго исключительно скотоводствомъ, собака, наравнѣ съ огнемъ, должна была считаться охранителемъ его міра «Міръ держится ея разумомъ» (Вендидадъ XIII). Поэтому священное писаніе персовъ полно заботы и попеченія о собакѣ. Бить собакъ нѣкоторыхъ породъ—величайшій грѣхъ; дурно кормить домашнюю собаку—значитъ навлечь на себя несчастіе и болѣзни; кормить чужихъ собакъ—очень похвально. Новорожденнаго щенка должно холить и беречь, и до двухнедѣльнаго возраста должно оберегать его отъ жары и холода; дѣвушка, которая его затѣмъ продолжаетъ кормить, пріобрѣтаетъ такія же важныя заслуги, какъ если бы она охраняла священный огонь.

Поэтому и нѣкоторый остатокъ этого культа, который переняли арабы, господствовавшіе впослѣдствіи надъ египтянами и персами, составляетъ наслѣдіе персовъ или, по крайней мѣрѣ, сѣверныхъ кочевыхъ племенъ. Никто не знаетъ съ точностью, что такое обозначаютъ стаи полуодичавшихъ собакъ на Востокѣ, но, какъ и въ нищенствующихъ монахахъ, каждый чтитъ въ нихъ нѣчто «святое» и считаетъ заслугой заботу о нихъ. Вполнѣ естественно, поэтому, что въ той и другой странѣ собакъ не употребляли въ пищу. Подъ это правило подпали, быть можетъ, и тѣ собаки, которыхъ приручали не изъ-за религіозныхъ соображеній, а для практическихъ цѣлей. Въ числѣ собакъ, которыхъ держали для охоты, мы и теперь находимъ во всей южной Африкѣ весьма распространенную тамъ дикую «собаку-гіену». Ея прирученіе относится также къ древнѣйшимъ временамъ и было настолько успѣшно, что животное это стало размножаться въ неволѣ и, такимъ образомъ, превратилось въ настоящее домашнее животное. Но уже во время такъ называемаго средняго царства эта собака исчезаетъ съ памятниковъ: или ее вытѣснили другія, новыя породы, или отъ скрещиванія съ ними

произошли такія породы, въ которыхъ мы уже не можемъ узнать дикое животное.

Мы не знаемъ ни одного животнаго, прирученіе котораго было бы столь древнимъ и общимъ, было бы такъ распространено повсемѣстно и совершалось бы для столькихъ разнообразныхъ цѣлей, какъ прирученіе собаки. Въ обществѣ собаки мы раньше всего встрѣчаемъ свинью. Она имѣетъ общія съ собакой благопріятныя качества: неразборчивость въ пищѣ и большую плодовитость. Однако, попытки ея прирученія и разведенія дѣлались только мѣстами, и до сихъ поръ чрезвычайно трудно представить картину распространенія этого животнаго. Прежде всего изъ этого обозрѣнія исключается Америка. Краснокожая раса ограничилась прирученіемъ одной только собаки и въ заботѣ о постоянной мясной пищѣ не пошла дальше охоты. И въ Африкѣ преимущества свиньи оставались безъ вниманія; чернокожіе народы, за незначительными исключеніями, ограничивались также лишь охотничьей добычей. Первые слѣды разведенія свиней мы находимъ въ Полинезіи. Далѣе къ сѣверо-западу, на Маріанскихъ островахъ, путешественникъ Байронъ нашелъ дикихъ свиней въ такомъ большомъ количествѣ и настолько ручныхъ, что онъ велѣлъ ихъ поймать живыми и получилъ возможность снабдить свой корабль запасомъ мясной пищи. Такъ уживались рядомъ разведеніе животныхъ и охота. Разведеніе свиней характеризуетъ всю область распространенія малайской расы и отсюда тянется къ сѣверу до восточныхъ береговъ Африки. Предполагаютъ, что родоначальникомъ этихъ свиней является «индійская свинья».

Для арійцевъ, которые постепенно передвигались изъ Бактріи до Индіи, покоряя все на своемъ пути, свинья, найденная ими здѣсь, казалась только дикимъ животнымъ съ несъѣдобнымъ мясомъ. Въ древнемъ Египтѣ свинья вовсе была неизвѣстна, и запрещеніе ѣсть свинину, существующее у евреевъ и арабовъ, есть лишь установившійся обычай, получившій религіозную санкцію. Это запрещеніе служитъ намъ указаніемъ на то, что юго-западныя азіатскія кочевыя племена не разводили и вначалѣ, можетъ быть, совсѣмъ не знали свиньи, такъ какъ она скорѣе—животное плодоносныхъ лѣсовъ, чѣмъ открытыхъ степей. Неизвѣстной она осталась и крайнимъ сѣвернымъ народамъ; поэтому лапландецъ питаетъ такое же отвращеніе къ свининѣ норвежской кухни, какъ и еврей, котораго это отвращеніе, освященное вдобавокъ религіей, удерживало не разъ отъ искушенія принять участіе въ чужихъ жертвоприношеніяхъ.

Это было необходимо уже при первомъ разсѣяніи народа, такъ какъ тогда даже въ Египетъ проникли, неизвѣстно откуда, племена, разводившія свиней, и одно изъ нихъ прочно поселилось въ среднемъ Египтѣ, выдѣляясь этой необычайной пищей. Хотя все это мало еще выяснено въ деталяхъ, однако, достовѣрно, что это племя такъ же, какъ и сосѣдніе враждебные народы на сѣверо-востокѣ, считались поклонниками злого божества Сетъ (Тифонъ). Этотъ злой Сетъ изображался въ видѣ гиппопотама, поглощающаго души правовѣрныхъ египтянъ, но иногда онъ появляется въ изображеніяхъ и въ видѣ свиньи, а начиная со временъ XVIII династіи, въ половинѣ второго столѣтія до Р. Х., на изображеніяхъ показываются уже стада свиней.

Скиѳы, жившіе въ нынѣшней южной Россіи, по свидѣтельству Геродота, также не занимались разведеніемъ свиней. Зато свиноводство является вмѣстѣ съ началомъ культурнаго развитія у всѣхъ европейскихъ народовъ, отъ Средиземнаго моря до крайняго сѣвернаго предѣла распространенія желтой расы. Южная, болѣе темная раса, начала, повидимому, свою культурную жизнь, имѣя собаку, свинью и козу. Греческій культъ Деметры совершенно ясно указываетъ намъ, что до героическаго періода эллиновъ «пеласгическій» народъ жилъ отдѣльными хозяйствами, во главѣ которыхъ стояли женщины, и что эти женщины стали заниматься земледѣліемъ и свиноводствомъ. Поэтому свинья осталась въ этомъ культѣ жертвеннымъ животнымъ. Такъ же обстояло дѣло и у древнихъ италиковъ, хотя въ древнѣйшемъ культѣ мы встрѣчаемъ только собаку и козу. Но для древняго римлянина свинина была праздничнымъ блюдомъ, и ни одни поминки не обходились безъ закалыванія свиньи. Такимъ образомъ, свиноводство въ древне-римскую эпоху совершенно вытѣснило собаку, какъ убойное животное, и понизило значеніе козы.

Если въ древности мы видимъ почти повсемѣстное распространеніе собаки, то это объясняется тѣмъ, что она не была только убойнымъ животнымъ. Разведеніе свиней ограничивалось двумя большими областями, въ которыхъ это животное было вполнѣ туземнымъ и широко распространеннымъ. Исключеніе составляла Африка съ пограничными областями азіатскихъ степей. Не совсѣмъ ясно для насъ только, какъ и гдѣ соприкасались эти области на сѣверѣ, и откуда образовалась эта клинообразная полоса, заселенная разводящими свиней народами, та полоса земли, которая нѣкогда врѣзывалась въ древній Египетъ.

Надо думать, что такимъ же путемъ человѣкъ пришелъ къ разведенію козы. Естественная область распространенія этого вида, большею частью, лежитъ внѣ области распространенія свиньи. Однако, тамъ, гдѣ, казалось бы, эти области распространенія совпадаютъ, оба рода животныхъ рѣзко различаются другъ отъ друга въ зависимости отъ характера мѣстныхъ условій. Въ Сѣверной Африкѣ жили различные виды дикихъ козъ, между прочимъ, и каменный козелъ. Безоаровая коза живетъ еще, какъ охотничье животное, въ Малой Азіи, Персіи и на греческихъ островахъ, а винторогая коза—въ Афганистанѣ и Кашмирѣ, на Гиндукушѣ и Гималаяхъ.

Если прибавить сюда еще родственныхъ этимъ животнымъ антилопъ, то египетскіе памятники на этихъ животныхъ ясно показываютъ намъ, какъ человѣкъ учился прирученію на многихъ неблагодарныхъ породахъ, пока болѣе пригодныя для этой цѣли не размножились настолько подъ его охраной, что онъ нашелъ для себя выгоднымъ отказаться отъ прежнихъ попытокъ. Животныя, разведеніемъ которыхъ занимались древніе египтяне, вообще всѣ—туземныя дикія животныя, и разведеніе ихъ лишь постепенно, шагъ за шагомъ отдаляется отъ охоты. Оно распространяется на тѣхъ животныхъ, которыя, по природѣ своей, живутъ стаями или стадами, и мы можемъ представить себѣ этотъ переходъ, если вспомнимъ стремленіе нашихъ охотниковъ удержать дичь въ области примѣненія ихъ охотничьихъ правъ. То, что дѣлается теперь на нашей родинѣ для охраненія оставшихся еще въ дикомъ состояніи животныхъ, окружая то мѣсто гдѣ они живутъ, и превращая, такимъ образомъ, лѣсъ въ звѣри-

нецъ, — по отношенію къ стадамъ козъ достигалось однимъ лишь присмотромъ.

Во всякомъ случаѣ, изображенія показываютъ уже намъ, какъ животное получаетъ пищу изъ рукъ человѣка. Но это, конечно, еще не обозначаетъ состоянія полнаго прирученія, такъ какъ къ этому способна и наша полудикая лань. Часто пастухъ, идя за стадомъ, несетъ молодое животное, чтобъ не дать отстать матери, и такъ идетъ дѣло шагъ за шагомъ.

Такимъ способомъ древнѣйшіе египтяне приблизительно за 4000 л. до нашего лѣтосчисленія приручили каменнаго козла и три вида антилопъ, а именно газель, сабельную антилопу и дефазу. Четвертый видъ антилопъ можно найти обыкновенно только въ изображеніяхъ охотничьихъ сценъ; только одинъ разъ онѣ изображены въ видѣ ручного стада. Совмѣстно со стадами этихъ животныхъ, появляются козы и овцы, оставшіяся съ тѣхъ поръ навсегда прирученными. Но уже въ такъ называемомъ «среднемъ» царствѣ, около 3000 л. до Р. Х., практика прирученія животныхъ ограничила разведеніе этихъ видовъ. Козы и овцы остались, а газель и дефаза больше не появляются среди прирученныхъ животныхъ, въ числѣ которыхъ остается еще лишь сабельная антилопа. Въ «новомъ царствѣ», почти съ 1800 г. до Р. Х., т. е. со времени вторженія тѣхъ неизвѣстныхъ чужеземныхъ народовъ, которые привели съ собой свинью, исчезаетъ изъ стадъ и эта послѣдняя порода антилопъ, по всей вѣроятности, потому, что чужеземцы предпочли болѣе испытанныхъ и болѣе плодовитыхъ прирученныхъ животныхъ. Одна изъ этихъ породъ намъ уже извѣстна, о другой мы будемъ говорить ниже.

Въ одномъ изъ древнихъ сказаній Греціи упоминается о народѣ, который пришелъ, подъ предводительствомъ козы, на берега материка и на далекое разстояніе опустошилъ ихъ. Такія сказанія обыкновенно имѣютъ въ виду народы, у которыхъ покровительствующее божество указаннымъ уже нами образомъ связано съ соотвѣтственнымъ животнымъ. Тѣмъ вѣроятнѣе предположить, что дѣйствительно переселенцы съ острововъ привели на материкъ это животное, и что первоначально коза въ дикомъ состояніи встрѣчалась на тѣхъ островахъ. Такимъ же способомъ это животное, вѣроятно, появилось и въ Италіи. Въ обѣихъ странахъ разведеніе козы было очень широко распространено.

Исторія распространенія овцы почти та же, что и козы, вмѣстѣ съ которой мы видимъ ее во многихъ мѣстахъ; распространеніе овцы вообще шло далѣе на сѣверъ. Жителей южно-азіатскихъ степей, арабовъ и евреевъ, мы также рано видимъ обладателями овечьихъ и козьихъ стадъ. Въ Европѣ и Африкѣ была только одна порода овецъ, а въ горныхъ областяхъ Азіи ихъ встрѣчается нѣсколько. Всѣ онѣ отъ природы легко поддаются прирученію. Въ Европѣ и Азіи мы, поэтому, уже въ отдаленныя времена находимъ ихъ подъ охраной человѣка.

Домашнее хозяйство человѣка поднялось на новую ступень развитія вслѣдствіе распространенія указанныхъ способовъ прирученія нѣкоторыхъ группъ крупнаго скота. Съ постепеннымъ привлеченіемъ этихъ животныхъ къ исполненію разныхъ тяжелыхъ работъ, человѣкъ пріобрѣлъ цѣлую группу орудій и двигателей новаго рода. Но этой болѣе высокой культуры достигла только часть человѣчества; многія области остались навсегда на различныхъ низшихъ ступеняхъ.

Итакъ, мы можемъ различить три главныя группы этихъ животныхъ и столько же областей ихъ распространенія, лишь отчасти пересѣкающихся другъ съ другомъ. Область сѣверныхъ полярныхъ странъ характеризуется сѣвернымъ оленемъ, который нѣкогда былъ гораздо болѣе распространенъ, чѣмъ теперь. Изъ области первоначальнаго распространенія рогатаго скота должны быть совершенно исключены Южная Америка, Австралія и Полинезія. Въ Африкѣ и Южной Азіи встрѣчаются туземныя, маленькія, изящныя и подвижныя породы рогатаго скота; въ богатыхъ водой, болотистыхъ низменностяхъ юго-восточной Азіи буйволъ является первоначальной туземной породой, а средняя Европа и средняя Азія служатъ родиной крупныхъ и крѣпкихъ породъ рогатаго скота, которыя наполняютъ и Сѣверную Америку. Повсюду, за исключеніемъ Америки, въ то или другое время человѣкъ старался обезпечить себя этими стадами тѣмъ же способомъ, какимъ пользовался для той же цѣли древній египтянинъ по отношенію къ антилопамъ. Что касается лошади, то для отдаленнаго времени изъ области распространенія ея слѣдуетъ исключить Америку, Австралію и Полинезію, Южную Азію и Африку. По всей вѣроятности, то же было и въ большей части Европы; зато обширныя средне-азіатскія степи съ увѣренностью можно считать родиной дикихъ лошадей. Такъ какъ и здѣсь человѣкъ бралъ то, что̀ предоставляла ему природа, онъ добился приученія лошади, и по мѣрѣ того, какъ изъ этихъ областей выходили разныя племена бѣлой и желтой расъ, вмѣстѣ съ ними или черезъ ихъ посредство распространялось коневодство.

Мелкія животныя, которыхъ удавалось приручить прежде всего тогда еще безпомощному и мало развитому человѣку, были всеядныя и могли слѣдовать за человѣкомъ повсюду. Сюда можно причислить и козу, принимая во вниманіе, что она ѣстъ всякія растенія, но крупныя животныя указанныхъ породъ ищутъ для себя болѣе однообразной пищи; такъ какъ они и въ дикомъ состояніи живутъ стадами, то они употребляютъ столько корма, что въ теченіе года нѣсколько разъ вынуждены мѣнять пастбища. И такъ какъ пищу доставляетъ животному не человѣкъ, а наоборотъ, то въ тѣхъ областяхъ человѣку приходилось слѣдовать за животнымъ въ его переходахъ. Въ этомъ заключается начало кочевничества, свойственнаго только опредѣленному культурному кругу человѣчества и не представляющаго неизбѣжной ступени, предшествующей осѣдлости.

Близокъ былъ къ кочевому состоянію и индѣецъ. И ему приходилось слѣдовать за стадами бизона въ его передвиженіяхъ; но такъ какъ индѣйцу нужно было только мясо, а не молоко или услуги при исполненіи работъ, то онъ и не заботился о стадѣ; его кореннымъ занятіемъ остается охота. Въ Африкѣ и Южной Азіи человѣкъ, вслѣдствіе изобилія растеній, годныхъ для его питанія, рано пришелъ къ заключенію о необходимости ограничить свободу своего передвиженія. Ему приходилось заботиться объ удержаніи на мѣстѣ своего обитанія тѣхъ звѣрей, за которыми онъ охотился; это былъ тотъ переходъ отъ ухода за животными къ ихъ разведенію, который представляютъ намъ изображенія древняго Египта. Къ этому присоединяется, и то лишь въ этой области, пользованіе молокомъ животныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что житель Стараго Свѣта только послѣ различныхъ постепенныхъ переходовъ дошелъ до этого превосходнаго вспомогательнаго питательнаго сред-

ства. Доеніе кобылицъ такъ затруднительно, а самка бизона такое непривѣтливое животное, что едва ли человѣкъ могъ съ ихъ стороны встрѣтить какой-либо толчокъ къ тому. По всей вѣроятности, первые опыты человѣкомъ произведены были на мелкихъ животныхъ. Вѣрнѣе всего для этого послужила коза. Если бывали случаи на берегахъ Тихаго океана, что бѣдная женщина сама вскармливала дѣтенышей погибшаго животнаго, отъ котораго она питалась, то, обратно, въ противоположныхъ условіяхъ, можно было вывести наблюденіе о пригодности молока животныхъ для вскармливанія дѣтей. Какъ скоро человѣкъ позналъ эту пользу отъ укрощеннаго животнаго,—а это могло распространиться по всей Азіи, благодаря разведенію козы,—онъ могъ постараться извлечь ту же пользу изъ стадъ крупнаго рогатаго скота, что̀, наконецъ, ему и удалось.

Чѣмъ больше охрана дикихъ животныхъ приближается къ дѣйствительному прирученію, тѣмъ значительнѣе измѣняется первоначальное отношеніе между человѣкомъ и животнымъ. Опытъ показалъ, что нѣкоторыя животныя, благодаря прирученію, мѣняютъ свои инстинкты, иногда даже въ ущербъ себѣ самимъ. Прежде дикое животное постоянно отыскивало лучшія мѣста для пастбища, и человѣкъ только слѣдовалъ за нимъ; теперь этотъ инстинктъ животнаго замѣнился знаніемъ мѣстности со стороны кочевника, который долженъ, какъ пастухъ, заботиться о болѣе выгодномъ переходѣ стада съ мѣста на мѣсто. Прежде онъ слѣдовалъ за стадомъ, теперь онъ его ведетъ, и чѣмъ болѣе благосостояніе его опирается на размноженіе стада, а не на скудную сѣверную растительность, тѣмъ менѣе онъ становится осѣдлымъ. Живой провіантъ облегчаетъ ему существованіе во многихъ передвиженіяхъ, которыя онъ предпринимаетъ изъ стремленія къ обогащенію. Свободный и независимый кочевникъ признаетъ только свое право на стадо; чужія стада все еще для него предметъ добычи. Съ точки зрѣнія другихъ, эта охота часто превращается въ грабежъ, при чемъ грабежъ и война изъ-за добычи неразрывно связаны съ хозяйственной дѣятельностью настоящаго кочевника. Если охота остается при прежнихъ объектахъ, она является грабежемъ скота, и этотъ грабежъ считается честнымъ промысломъ до тѣхъ поръ, пока группы кочевниковъ не пришли къ взаимному признанію правъ владѣнія на недавно еще дикое животное, т. е. пока не заключили мирнаго союза.

Безъ сомнѣнія, иначе складывались обстоятельства тамъ, гдѣ условія страны благопріятствовали воздѣлыванію растеній, доставлявшихъ достаточное пропитаніе населенію. Здѣсь скотоводство, даже на высшей ступени своего развитія, являлось лишь вспомогательнымъ средствомъ, а не существенно необходимымъ промысломъ, къ которому населеніе, сдѣлавшись болѣе плотнымъ, вслѣдствіе осѣдлаго образа жизни, вынуждено было бы перейти. Въ такомъ положеніи находились еще въ глубокой древности жители нижняго Египта, плодородныхъ частей Ханаана, Месопотаміи и областей произрастанія риса въ Восточной Азіи. Чѣмъ интенсивнѣе занимались въ этихъ странахъ земледѣліемъ, тѣмъ менѣе развивалось въ нихъ скотоводство. Это особенно замѣтно въ Японіи, гдѣ земледѣльческій промыселъ совершенно устранилъ скотоводство, ограничивающееся только разведеніемъ крупнаго рабочаго скота, между тѣмъ, какъ убой скота ради мяса считается преступнымъ.

Эта прерывающаяся полоса древнихъ культурныхъ странъ, помимо Африки, соприкасалась съ двумя главными областями кочевничества, съ центральными пунктами въ Аравіи и Туранѣ. Этими фактами обусловливались существенныя черты послѣдующей исторіи человѣчества въ Старомъ Свѣтѣ. Земледѣлецъ, благодаря осѣдлому образу жизни, дѣлается усерднымъ пріобрѣтателемъ; онъ изобрѣтаетъ полезныя искусства и хранитъ накапливаемыя имъ богатства; но, привязанный къ одному мѣсту, онъ не можетъ внѣ его проявлять свои силы: онъ пускаетъ корни въ свою почву. Поэтому древнѣйшая культура оставалась во время своего расцвѣта совершенно замкнутой, не распространяясь, не переходя въ другія страны.

Напротивъ, кочевникъ, по самому способу добыванія своего пропитанія, вынужденъ былъ постоянно доходить до предѣловъ своей области и, если она соприкасалась съ культурными странами, хотя вторгался въ нихъ и подчинялъ ихъ своей власти, навязывая имъ свои степные законы. Такова была неизбѣжная судьба всѣхъ древнихъ культурныхъ странъ, но не всѣ кочевыя племена пріобрѣтали въ нихъ господствующее положеніе. Но тамъ, гдѣ кочевники дѣйствительно водворялись въ завоеванной ими странѣ, приходя въ соприкосновеніе съ земледѣльческимъ населеніемъ, изъ сочетанія потребителей мясной и потребителей растительной пищи возникала новая, болѣе сильная культура. При этомъ побѣдители-кочевники всегда подчинялись духовному вліянію покоренныхъ; они воспринимали ихъ образъ мыслей, ихъ стремленія и даже самый языкъ, а трудолюбивый и стойкій земледѣлецъ заимствовалъ отъ нихъ духъ предпріимчивости и силу организаціи. Кочевникъ внѣ предѣловъ своей общины является прирожденнымъ разбойникомъ, но опять-таки только у кочевниковъ получило полное развитіе понятіе о власти. На этомъ понятіи основывается организація тяжеловѣснаго древняго міра, и всѣмъ, что было сдѣлано для распространенія культуры за предѣлы отдѣльныхъ областей ея развитія, мы обязаны суровому принципу, выработавшемуся въ борьбѣ съ туромъ, зубромъ и дикой лошадью.

Если мы съ этой точки зрѣнія окинемъ взглядомъ историческіе факты, то для насъ достаточно выяснится ихъ взаимная связь. Древнѣйшій Египетъ можно представлять себѣ только какъ рядъ округовъ, изъ которыхъ въ каждомъ обитала одна большая семья или родъ. Объединившая ихъ власть исходила изъ окраинъ пустыни, затѣмъ изъ Ѳивъ въ верхней части страны, и однажды даже изъ Эѳіопіи. Но раньше всего вторглись номады съ сѣверо-востока и завладѣли страной, тѣ номады, которые привели съ собой въ Египетъ свинью и, вѣроятно, и лошадь, въ видѣ новыхъ домашнихъ животныхъ. Въ Ханаанѣ издревле жилъ промышленный народъ, занимавшійся разведеніемъ винограда, а потомъ туда вторглись евреи, кочевавшіе въ Аравійской степи, и, завладѣвъ страной, объединили отдѣльныя области въ одно государство подъ своей властью. Въ низинахъ Евфрата мы видимъ уже въ древнѣйшія времена трудолюбивое племя черныхъ «пракушитовъ»; но затѣмъ, какъ волны одна за другой, слѣдовали кочевники изъ сѣверныхъ степей, аккадійцы и сумерійцы, принадлежавшіе, какъ думаютъ, къ желтой расѣ, за ними «халдеи» неизвѣстнаго происхожденія, а еще позже конные номады, мидяне и персы. Отсюда они побѣдоносно проникли въ Египетъ и даже въ Грецію. Но напрасны было даже

культурное оружіе обращать противъ слѣдовавшихъ за ними кочевыхъ племенъ «скиѳовъ», изъ среды которыхъ они сами нѣкогда вышли. Другая вѣтвь тѣхъ же конныхъ номадовъ завладѣла равниной Индіи, а на Востокѣ ту же роль сыграли монголы по отношенію къ китайцамъ. Въ Европѣ культурные центры были еще незначительны и неразвиты; тѣмъ не менѣе, галлы повсюду переступали свои границы и совершали опустошительные набѣги. Границы Римской имперіи совпадали съ границами области культуры; вслѣдствіе того западной части имперіи не переставали угрожать германцы, а восточной—славяне. Но и германцы подчинились культурѣ и сдѣлались осѣдлыми; затѣмъ происходили нашествія аваръ, мадьяръ и монголовъ, кочевыхъ народовъ, изливавшихся волна за волной изъ неизмѣримыхъ, неисчерпаемыхъ степей. Одновременно съ этимъ происходило движеніе и въ области южныхъ степей, откуда нѣкогда евреи выселились въ плодородную «низину». Между тѣмъ изъ сѣверной степи лошадь попала и въ южную. Вся Передняя Азія, сѣверная Африка и большая часть южной Европы были покорены арабами, а въ восточной и средней Африкѣ завоеванія ихъ почти незамѣтно для насъ продолжаются и до сихъ поръ: каждый культурный оазисъ притягиваетъ ихъ къ себѣ.

Домашнія животныя кочевниковъ.

И въ настоящей, черной Африкѣ есть свое туземное кочевничество, сопровождающееся такими же явленіями. Но скотоводство тамъ ограничивается мелкой, мѣстной породой рогатаго скота, и культура осѣдлости не сдѣлала никакихъ замѣтныхъ успѣховъ. Поэтому процессъ, описанный выше, не могъ развиться здѣсь съ такой-же энергіей, и государственныя образованія рѣдко переживали своихъ основателей. Родина энергичнаго кочевого населенія находилась въ болѣе сѣверныхъ широтахъ, что объясняется болѣе суровыми жизненными условіями ихъ. То, что мы называемъ духовными признаками расы, во многихъ мѣстахъ могло сложиться лишь этимъ путемъ; въ самой расѣ не заключается какого-либо первоначальнаго предназначенія къ тому или другому образу жизни.

Измѣненія привычекъ и наклонностей племенъ и въ наше время развиваются въ зависимости отъ внѣшнихъ жизненныхъ потребностей. и, такимъ образомъ, обособленіе племенъ происходитъ еще почти на нашихъ глазахъ, такъ же, какъ и превращеніе дикихъ звѣрей въ ручныхъ. Еще сто лѣтъ тому назадъ миссіонеръ Леемъ могъ говорить о стадахъ дикихъ сѣверныхъ оленей, водившихся въ сѣверной Норвегіи и служившихъ предметомъ охоты для лопарей. На-ряду съ ними существовали и прирученные олени, и притомъ двухъ различныхъ степеней прирученія. Изъ нихъ одни оставались зимой и лѣтомъ подъ открытымъ небомъ, и забота человѣка о нихъ во избѣжаніе ущерба для самого себя, ограничивалась, только охраненіемъ ихъ, при помощи собакъ, отъ волковъ, между тѣмъ, какъ такой защитой дикія стада, конечно, не пользовались. А такъ какъ волки водились тамъ въ громадномъ количествѣ, то, благодаря этимъ охранительнымъ мѣрамъ, ручныя животныя стали размножаться успѣшнѣе дикихъ той же породы. Этимъ можно объяснить фактъ, что дикія породы животныхъ начинаютъ быстро вымирать въ извѣстной области, какъ только человѣкъ

нѣкоторую часть ихъ принимаетъ подъ свое покровительство. Вторую ступень мы находимъ у норвежскихъ крестьянъ, которые оленей, въ качествѣ упряжныхъ животныхъ, цѣлую зиму держали въ хлѣвѣ, сами собирали для нихъ бѣлый мохъ (оленій лишайникъ—Cladonia rangiferina) и кормили ихъ. Скотоводство повсюду постепенно проходило чрезъ эти ступени.

Никто не сомнѣвается, что всѣ лопари Норвегіи принадлежатъ къ одному и тому же племени; но уже въ предпрошломъ столѣтіи ихъ раздѣляли на горныхъ и приморскихъ, какъ будто это были совершенно разные люди, и, дѣйствительно, первые были настоящими номадами, а вторые—нѣтъ. Горные лопари постоянно кочевали со своими стадами и разбивали свои палатки всегда на разныхъ мѣстахъ: зимою они оставались въ горахъ внутри страны, гдѣ было всего больше моху, а лѣтомъ они спускались къ берегу моря, чтобы нѣсколько разнообразить свою пищу. Нѣкоторые при этомъ замѣтили, что море во всякое время можетъ доставить пищу, если заняться рыбной ловлей, и, хотя они все-таки пасли небольшое количество оленей и лѣтомъ ставили свои палатки то здѣсь, то тамъ, но они всегда возвращались въ одни и тѣ же зимнія жилища. Такимъ образомъ, эти «приморскіе лопари» сдѣлали шагъ къ осѣдлости, который долженъ былъ отдалить ихъ отъ своихъ соплеменниковъ.

На такой же ступени стоятъ нынѣшіе башкиры. Одна часть ихъ кочуетъ все лѣто со своими табунами, уходя весной изъ зимнихъ жилищъ; но, вслѣдствіе ограниченности доступныхъ для ихъ кочеваній земель, они уже привыкли возвращаться на зиму въ тѣ же хижины, гдѣ они оставляютъ свое достояніе—домашнихъ гусей подъ охраной стараго сторожа и нѣсколькихъ собакъ. Другая часть этого народа еще болѣе привязана къ мѣсту, собирая про запасъ на зиму кое-какія хлѣбныя растенія, вызрѣвающія на плодородной черноземной почвѣ вблизи ихъ хижинъ. Если они на лѣто выгоняютъ скотъ въ открытое поле, то пастбища ихъ простираются не дальше, чѣмъ отъ $^1/_2$ до 4 миль разстоянія отъ ихъ зимнихъ жилищъ; у нихъ, слѣдовательно, имѣются уже постоянныя жилища, окруженныя хлѣбными полями и пастбищами. Такъ, шагъ за шагомъ кочевникъ переходитъ къ осѣдлому образу жизни; пройденная имъ школа, впрочемъ, врядъ-ли могла пріучить его къ тяжелому земледѣльческому труду, но ему не трудно было въ культурной области при нѣкоторомъ умѣньи разыгрывать роль властелина.

Индійскій быкъ или зебу (Bos indicus L.) произошелъ путемъ приученія туземной породы горбатыхъ быковъ, водившихся въ дикомъ состояніи въ Бенгаліи. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что онъ не былъ приведенъ въ Индію арійцами въ качествѣ домашняго животнаго; но если онъ уже не былъ прирученъ черными туземцами, то кочевникамъ-арійцамъ, владѣвшимъ цѣлыми табунами лошадей, не трудно было приручить это небольшое животное. Хотя арійцы рано обратились къ земледѣлію, пользуясь для этого подневольнымъ трудомъ покоренныхъ чми племенъ, но все-таки многочисленная каста ихъ жрецовъ осталась вѣрна скотоводству. Изнѣженный браманъ охотнѣе предоставляетъ другимъ пахать за него, такъ какъ ему больно «ранить землю желѣзомъ!» Зато онъ охотно принималъ въ даръ коровъ, которыя сами должны были находить себѣ пастбища. Лучшая порода этого рогатаго скота еще и теперь называется

«зебу брамановъ». Такія стада составляли главное богатство древнихъ индусовъ; изъ-за обладанія ими нерѣдко происходили войны, и даже царей одно время величали владѣтелями быковъ и коровъ.

И въ Африкѣ водились въ дикомъ состояніи такіе горбатые быки, которыхъ древніе египтяне приручали, наравнѣ съ упомянутыми выше газелями, или же, оставляя ихъ на свободѣ, охраняли большія стада ихъ отъ хищниковъ. Въ настоящее время стада этого прирученнаго животнаго составляютъ главное богатство племенъ внутренней Африки. И палестинскій быкъ принадлежалъ—по крайней мѣрѣ, въ болѣе позднія времена—къ этой же породѣ. Но уже въ Египтѣ появилась болѣе крупная и сильная порода рогатаго скота безъ горба и съ длинными рогами, происхожденіе которой намъ неизвѣстно.

Въ Европѣ найдены остатки нѣсколькихъ частью еще существующихъ, а частью уже вымершихъ видовъ дикаго скота, отъ которыхъ, путемъ приученія, по всей вѣроятности, произошли всѣ нынѣшнія породы домашняго скота; но при этомъ нельзя отрицать возможности и того, что нѣкоторыя породы ручныхъ животныхъ могли быть приведены сюда народами Азіи, при ихъ вторженіи въ Европу. Во всякомъ случаѣ, кочевники эти уже знали, какъ приручать большихъ и дикихъ животныхъ. Одной изъ первобытныхъ породъ является туръ, найденные кости котораго показываютъ, что онъ, повидимому, былъ особенно распространенъ въ средней Европѣ, Скандинавіи и Шотландіи. Находки въ свайныхъ постройкахъ свидѣльствуютъ о существованіи нынѣ вымершаго «короткорогаго» быка (Bos brachyceros Ow.), который водился тогда въ горныхъ мѣстностяхъ. Въ Скандинавіи и Шотландіи найдены кости «большелобаго (лобастаго) быка (Bos frontosus Nils.); но предполагаютъ, что видъ этотъ, вмѣстѣ съ описанными выше, встрѣчался также въ Германіи и Швейцаріи. Этими европейскихи породами переселившіеся изъ Азіи кочевники, вѣроятно, пополняли свои стада независимо отъ того—привели-ли они съ собой еще другія породы ручныхъ животныхъ со своей родины, или нѣтъ.

Къ короткорогой породѣ относятъ «бурый скотъ», представители которыхъ водятся еще въ настоящее время по преимуществу въ баварскихъ и швейцарскихъ Альпахъ. Отсюда, вѣроятно, исходитъ и темношерстая порода классическихъ странъ. По крайней мѣрѣ, римскіе писатели восхваляютъ рабочую силу «галльской» породы и изобиліе молока невзрачнаго альпійскаго скота. Совершенно своеобразную породу, сохранившуюся еще и теперь въ особенной чистотѣ въ Венгріи, представляетъ степной скотъ, который естествоиспытатели считаютъ прирученнымъ потомкомъ туземнаго первобытнаго быка, тура. Шерсть этой породы сплошь бѣлаго или сѣраго цвѣта, и рога у него длинные, широко расходящіеся. Въ Россіи, Румыніи, Венгріи и прилегающей къ ней Штиріи, она находится еще въ прежней области своего распространенія, но отсюда она переселилась черезъ Ѳракію въ Грецію и черезъ Альпы въ Италію. Во Ѳракіи и въ Эвбеѣ водилась именно порода бѣлыхъ быковъ; въ настоящее время въ средней Италіи преобладаетъ разновидность этого животнаго съ большими рогами и бѣлой шерстью, между тѣмъ, какъ, по свидѣтельству Варрона, въ то время бѣлыя животныя этой породы встрѣчались тамъ довольно рѣдко. Такимъ образомъ, бѣлый быкъ появился въ Италіи съ сѣвера. отчасти благодаря сношеніямъ

римлянъ, а отчасти, быть можетъ, эта порода была впослѣдствіи приведена сюда готами или лонгобардами изъ степей Паннонiи.

Въ дѣлѣ разведенія рогатаго скота извѣстное вліяніе имѣлъ и религіозный элементъ. Но въ Индіи онъ выразился нѣсколько иначе, чѣмъ въ Египтѣ. Тамъ каждый долженъ былъ жертвовать что-либо про запасъ для своей будущей жизни, и эта жертва отдавалась жрецу для храненія и потребленія. Что лучшаго могъ придумать скотоводъ, какъ, для обезпеченія себя скотомъ въ загробной жизни, отдать жрецу на храненіе корову: это и была пресловутая небесная, божественная или жреческая корова. Но какая именно корова даннаго хозяйства лучше всего годилась для этой цѣли, этого, конечно, никто не могъ знать лучше самого жреца. Обычай по обыкновенію превратился въ законъ. Когда въ стадѣ рождался теленокъ, хозяинъ не считалъ себя вправѣ распорядиться имъ прежде, чѣмъ браманъ не осмотритъ — нѣтъ ли на этомъ теленкѣ знака, предназначающаго его сдѣлаться настоящей небесной коровой. Если это такъ и оказывалось, теленокъ оставался въ стадѣ, какъ собственность божества, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается самостоятельной дойной коровой,—тогда жрецъ бралъ ее къ себѣ, на храненіе. Намъ неизвѣстны признаки, по которымъ браманъ опредѣлялъ жертвенныхъ коровъ, но онъ зналъ въ этомъ толкъ, и брамапскія коровы, какъ мы уже говорили, представляютъ и въ настоящее время лучшую породу индійскаго скота.

Буйволъ, распространенный теперь въ обильно орошенныхъ низменностяхъ Стараго Свѣта, въ эпоху Аристотеля почти еще не переступалъ границъ своей индійской родины. Въ Италіи это животное впервые появилось около 600 года по Р. Хр., въ эпоху господства лонгобардовъ. Откуда оно явилось,—никто не знаетъ. Но посольства, которыя завоеватели посылали другъ къ другу въ эпоху переселенія народовъ, нерѣдко доставляли случай для явленій подобнаго рода. Въ настоящее время буйволы живутъ въ болотистыхъ мѣстностяхъ средней Италіи, такъ же, какъ въ Венгріи и Румыніи.

Родина дикаго осла простирается приблизительно отъ Нила до Инда. На плоскогорьяхъ Малой Азіи, Сиріи, Персіи и Аравіи, съ степными пространствами и плодородными долинами, кормились безчисленныя стада настоящаго дикаго осла (Equus Onager Briss.). Киргизы, персы и арабы и теперь еще охотятся за нимъ изъ-за мяса, или захватываютъ его живымъ, загоняя въ нарочно устроенныя для этого ямы, и имъ удается приручать непокорное, дикое животное. Такую же жизнь ведетъ, мало отличающійся отъ вышеописаннаго, африканскій оселъ (A. taeniopus Heugl.) въ степяхъ къ востоку отъ Нила.

Исторія осла въ этой области его естественнаго распространенія приблизительно сходна съ исторіей собаки въ другихъ странахъ. Сначала за нимъ охотились изъ-за мяса, затѣмъ для той же цѣли стали оберегать его въ отдѣльныхъ участкахъ, охраняя стада его, и, наконецъ, настолько приручили его, что явились отдѣльныя особи, которыя готовы были оказывать помощь человѣку ношеніемъ тяжестей. На ступени внѣшней охраны со стороны человѣка оселъ появляется въ Египтѣ еще въ глубокой древности. Ввиду того, что на египетскихъ памятникахъ упоминается о стадахъ ословъ въ 700 и въ тысячи головъ, мы должны предположить, что ихъ, подобно

антилопамъ и козамъ, держали ради ихъ мяса, которое въ древности вообще очень любили. Но чѣмъ болѣе оселъ превращался въ рабочее животное, тѣмъ болѣе человѣкъ воздерживался отъ употребленія въ пищу своего вѣрнаго «помощника». По той же причинѣ и мы не употребляемъ въ пищу мясо собакъ и лошадей, а японцы, съ еще большей послѣдовательностью, и мясо упряжныхъ быковъ. Жители береговъ Замбези, на вопросъ Ливингстона, почему они ѣдятъ мясо зебры и квагги и не прикасаются къ мясу осла, дали слѣдующій разумный отвѣтъ:

— Это было бы тоже, какъ если бы человѣкъ пожиралъ себѣ подобнаго, такъ какъ оселъ живетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ и является его вѣрнымъ товарищемъ.

Такъ человѣкъ постепенно начинаетъ человѣчно относиться и къ животному, и установившійся обычай превращается въ законъ.

Въ Европу оселъ переселился сперва изъ Малой Азіи и то лишь на болѣе теплый Югъ. Даже береговыя страны Чернаго моря временами являлись для него слишкомъ холодными; онъ никогда не принадлежалъ къ группѣ животныхъ сѣверныхъ номадовъ. Поэтому и область распространенія свиньи рѣзко отдѣлялась отъ области распространенія осла; южные кочевники—евреи и арабы—презрительно относятся къ свиньѣ, а сѣверные къ ослу, и тѣ, и другіе—къ собакѣ, какъ убойному животному скуднаго прошлаго. Какое богатство, дѣйствительно, создало съ тѣхъ поръ человѣчество въ своихъ стадахъ!

Въ то время, когда въ Греціи еще употребляли въ пищу собакъ и затѣмъ преимущественно свиней, оселъ тамъ еще совершенно не былъ извѣстенъ. Гезіодъ и «Одиссея» ни разу не упоминаютъ о немъ, а въ «Иліадѣ» встрѣчается лишь одно уподобленіе этому животному, и то, какъ полагаютъ, вставленное позже. Такимъ образомъ, это полезное вьючное животное проникло въ Грецію лишь въ позднѣйшее время; оттуда оно перешло въ Италію и дальше въ Галлію. Въ общемъ, оно не переходило границы произрастанія винограда, который столь же чувствителенъ къ холоду.

Мулъ, помѣсь осла и лошади, нѣкогда признававшихся враждебными другъ другу, упоминается впервые Гомеромъ, который говоритъ, что мысль о разведеніи этого животнаго принадлежитъ энетамъ, жившимъ въ Малой Азіи и на Черномъ морѣ.

Одногорбый верблюдъ, исключительно свойственный плоской степи и поясу бездождія или, во всякомъ случаѣ, сухимъ странамъ, появился въ сѣверной Африкѣ лишь въ III столѣтіи по Р. Хр.; онъ и теперь является самымъ полезнымъ животнымъ во всей области до границъ влажнаго Судана, но уже нигдѣ не встрѣчается въ дикомъ состояніи; однако, есть основаніе предполагать, что настоящей его родиной была Аравія. Но когда бурая раса передвинулась черезъ эту страну въ Египетъ, верблюдъ въ то время еще не былъ прирученъ здѣсь. Арабъ получалъ отъ этого животнаго и мясо, и молоко, употреблялъ въ видѣ топлива, за недостаткомъ древеснаго матеріала, навозъ его, а также пользовался этимъ животнымъ для переноски тяжестей и верховой ѣзды. И евреи держали верблюдовъ, но все въ меньшемъ количествѣ по мѣрѣ того, какъ они переходили отъ кочевого образа жизни къ осѣдлому. По возвращеніи ихъ подъ предводительствомъ Эзры, на 40.360 свободныхъ людей приходилось 6.720 ослов

и только 435 верблюдовъ. Такъ какъ они пользовались этимъ животнымъ, какъ рабочимъ скотомъ, то они отказались отъ употребленія въ пищу его мяса. Въ болѣе бѣдныхъ странахъ трудно было, конечно, соблюдать такое различіе. Въ Африканской пустынѣ даже животное, одряхлѣвшее отъ старости, идетъ еще въ пищу. Точно также калмыкъ ѣстъ мясо двугорбаго верблюда, хотя онъ является для него самымъ полезнымъ животнымъ. Этотъ послѣдній видъ, называемый также бактрійскимъ, составляетъ такую же принадлежность монгольскихъ кочевниковъ верхней Азіи, какъ одногорбый верблюдъ—аравійско-сирійскихъ.

Относительно исторіи лошади твердо установлено, что первоначальной ея не было ни у древнихъ египтянъ, ни у древнихъ арабовъ, ни у евреевъ; она одинаково отсутствуетъ и въ культурномъ кругѣ темно-кожихъ земледѣльцевъ Африки, и у смуглыхъ номадовъ юго-западной Азіи. Она не была

Вьючные верблюды изъ Бруссы въ Малой Азіи. (Изъ H. Schurtz, Urgesch. der Kultur.).

извѣстна и въ юго-восточной Азіи, въ тепломъ и сыромъ климатѣ которой погибали и введенныя туда лошади. Такимъ образомъ, черная раса вообще не приходила въ соприкосновеніе съ этимъ животнымъ, крайне важнымъ для нашей культуры. Бурая раса Стараго Свѣта, единственнымъ остаткомъ которой являются для насъ лишь египтяне, или исходила не изъ столь высокихъ широтъ, или же лошадь въ то время, когда эта раса тамъ находилась, еще не была приручена. То же можно сказать и о смуглой вѣтви бѣлой расы, непосредственно послѣдовавшей за первой. Народы, направлявшіеся всегда за этой вѣтвью изъ болѣе сѣверныхъ широтъ, являются, однако, уже не иначе, какъ въ сопровожденіи описываемаго животнаго,—одинаково принадлежатъ-ли они къ бѣлой или къ желтой расѣ. Такимъ образомъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что родина первоначальной формы лошади находилась между поясомъ распространенія верблюда и осла, съ одной, и сѣвернаго оленя, съ другой стороны. Остается открытымъ только вопросъ—живетъ-ли и теперь еще въ этой области родоначальная форма лошади, или мы должны искать ее среди

вымершихъ формъ, и была-ли она единственной, или лошадь, подобно, нашему рогатому скоту, происходитъ отъ нѣсколькихъ; не установлено также, насколько эти первичныя формы въ дикомъ состояніи распространялись изъ внутренней Азіи на западъ. Намъ достовѣрно извѣстно, что еще въ началѣ среднихъ вѣковъ «дикая лошадь» была распространена по всей средней Европѣ, но остается нерѣшеннымъ—существовали ли эти лошади здѣсь еще до появленія человѣка, или же онѣ были приведены имъ сюда съ Востока и затѣмъ одичали въ этой странѣ, что легко могло случиться при болѣе древнемъ способѣ приученія, состоявшемъ лишь въ охраненіи животныхъ.

Въ виду того, что изображенія въ гробницахъ древнихъ египтянъ рисуютъ намъ хозяйственную жизнь этого народа до мельчайшихъ подробностей, свидѣтельства этихъ памятниковъ не могутъ обманывать насъ относительно того, что лошадь была совершенно неизвѣстна въ теченіе всего «древняго царства». И даже до начала 18-й династіи, т. е. до XV столѣтія до Р. Хр., объ ней вовсе не упоминается. Между тѣмъ это умолчаніе для XIX столѣтія теряетъ уже силу доказательства, такъ какъ въ эпоху такъ называемой 15-й династіи произошло вторженіе «гиксовъ» или царей-кочевниковъ, покорившихъ Египетъ, и подъ господствомъ этихъ варваровъ художественная дѣятельность могла вообще пріостановиться. Но тотчасъ послѣ изгнанія этихъ завоевателей, приводится имя перваго царя 18-й династіи и говорится объ его «боевой колесницѣ», и съ этихъ поръ мы уже встрѣчаемъ на памятникахъ изображенія лошадей, впряженныхъ въ эти колесницы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы можемъ заключить изъ изображеній на памятникахъ послѣдующаго времени, что въ представленныхъ на нихъ боевыхъ картинахъ народы Сиріи и въ томъ числѣ хананеяне пользовались лошадьми; ассирійскія посольства приводятъ съ собой цѣнныя породы лошадей. Напротивъ, негры на югѣ не знаютъ еще никакого вьючнаго животнаго, кромѣ осла и быка, а бѣлокурые ливійцы на западѣ также еще не знаютъ лошади; но въ эпоху Геродота они уже обладали ею. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что во время господства чужеземныхъ номадовъ лошадь появилась въ Египтѣ, какъ прирученное и дрессированное животное, и болѣе, чѣмъ вѣроятно, что ими же она введена и въ Сирію, чрезъ которую они должны были проходить. Итакъ, въ лицѣ этихъ пресловутыхъ «гиксовъ», приведшихъ одновременно свинью и лошадь въ Египетъ, изъ предѣловъ котораго и смежныхъ странъ они были изгнаны въ XV-мъ в. до Р. Хр., мы имѣемъ дѣло съ конными кочевниками внутренней Азіи. Все «нашествіе гиксовъ» представляется намъ ничѣмъ инымъ, какъ вторженіемъ номадовъ, подобнымъ нашествію мидянъ и персовъ въ страны Евфрата, арійцевъ въ Индію, кельтовъ и германцевъ—въ Европу, быть можетъ, первымъ опытомъ насильственно навязать кочевническую форму культуры, основанной на приручении лошади.

Въ преданіяхъ евреевъ сохранилось воспоминаніе о томъ, что прародители ихъ кочевали въ степяхъ, не имѣя лошадей, и что они, какъ побѣдоносные кочевники южной группы номадовъ, привели съ собой въ эту страну ословъ; но древнѣйшіе обитатели ея и сосѣдніе сирійцы уже владѣли и пользовались лошадью (Кн. Суд. 4, 7 и слѣд. 5, 22, 28. 2 Сам. 8, 4). Евреямъ часто приходилось воевать съ ними, но даже, за-

хвативъ лошадей въ качествѣ военной добычи, они не умѣли обращаться съ ними. Объ этомъ свидѣтельствуетъ позднѣйшій разсказъ объ Іисусѣ Навинѣ, что онъ искалѣчилъ всѣхъ захваченныхъ въ плѣнъ лошадей и сжегъ повозки. Давидъ поступилъ такимъ же образомъ (2 Сам. 8, 4) съ тысячами лошадей и оставилъ только сто упряжныхъ лошадей, какъ бы для опыта. Но его царственные сыновья уже старались подражать своимъ сосѣдямъ. Авессаломъ «обзавелся повозками и лошадьми», а Соломонъ закупилъ большое количество ихъ въ Египтѣ. Съ тѣхъ поръ и въ Израильскомъ царствѣ завелись всадники и боевыя колесницы. Такъ некультурный народъ подчиняется побѣжденнымъ представителямъ культуры.

Такимъ образомъ, культурные круги обмѣниваются между собой своими пріобрѣтеніями. Евреи обзавелись лошадьми, чтобы сравняться съ силами сосѣдей, которые заимствовали лошадь у проходившаго черезъ ихъ страну непріятеля, а персидскіе цари пользуются ослами и верблюдами, чтобы пугать лошадей своихъ отсталыхъ соплеменниковъ.

Признаки такого заимствованія, однако, обыкновенно сохраняются. Если народъ заимствовалъ животное уже прирученнымъ и приспособленнымъ къ работѣ, то онъ не пользуется имъ для своего питанія. Народы, превратившіе дикихъ лошадей, на которыхъ они охотились, въ ручныхъ, продолжали пользоваться мясомъ и, если только знали искусство доенія, то и молокомъ ихъ, даже и тогда, когда впослѣдствіи употребляли ихъ для переноски и перевозки тяжестей. Животное, которымъ во времена Соломона обмѣнивались между собою лишь цари, потому что оно не было туземнымъ въ ихъ странѣ, пріобрѣталось, конечно, не для мяса. По этому признаку можно отличить кочевниковъ, самостоятельно приручившихъ лошадь, отъ народовъ, лишь заимствовавшихъ у нихъ коневодство. Но и способъ пользованія лошадьми былъ также различный. Правда, скиѳскими народами были очень рано изобрѣтены тяжелыя деревянныя повозки, въ которыя они впрягали лошадей для перевозки тяжестей, вмѣсто того, чтобы заставлять нести кладь на своей спинѣ, какъ осла и верблюда, но искусныя желѣзныя боевыя колесницы могли быть построены по образцу ихъ лишь въ культурной странѣ. Поэтому можно предположить, что кочевники-коневоды на войнѣ и въ передвиженіяхъ одинаково пользовались лошадьми и для верховой ѣзды, и для упряжи. Но у египтянъ и семитовъ, заимствовавшихъ прирученную лошадь, дѣло обстояло иначе: они довѣряли себя лошади только въ упряжи, а не подъ сѣдломъ, между тѣмъ, какъ для послѣдней цѣли они по привычкѣ пользовались ослами и верблюдами. Слишкомъ неопытные въ верховой ѣздѣ на лошади, египтяне и семиты въ древнѣйшія времена выступали противъ непріятеля, главнымъ образомъ, на колесницахъ. Совершенно такъ же поступали троянцы и греки. Въ гомеровскія времена лошадью никогда не пользовались для хозяйственныхъ работъ: плугъ и полевую повозку тащилъ волъ. Гомеровскіе герои не ѣздятъ верхомъ, — развѣ какой-нибудь безстрашный рабъ по дорогѣ съ купанья рѣшится испытать себя въ этомъ искусствѣ. Это благородное животное впрягается только въ боевую колесницу о двухъ колесахъ съ восьмью спицами въ каждомъ.

Кочевники гиксы прошли мимо Аравіи, славящейся теперь, какъ родина коневодства; аравійскія степи не могли привлекать къ себѣ чужезем-

цевъ. Гораздо дольше, чѣмъ еврей, арабъ продолжалъ пользоваться услугами осла и верблюда. Еще во времена Ксеркса арабы сражались на верблюдахъ; даже Страбонъ, менѣе, чѣмъ за одно поколѣніе до Р. Хр. прибывшій съ римской экспедиціей въ Аравію, не нашелъ тамъ ни лошадей, ни свиней. Только подъ римскимъ вліяніемъ коневодство распространилось изъ Испаніи по сѣверной Африкѣ. Впрочемъ, мы знаемъ только, что въ эпоху Магомета арабы уже разводили лошадей; слѣдовательно, коневодство, вѣроятно, началось тамъ въ одномъ изъ первыхъ столѣтій христіанскаго лѣтосчисленія.

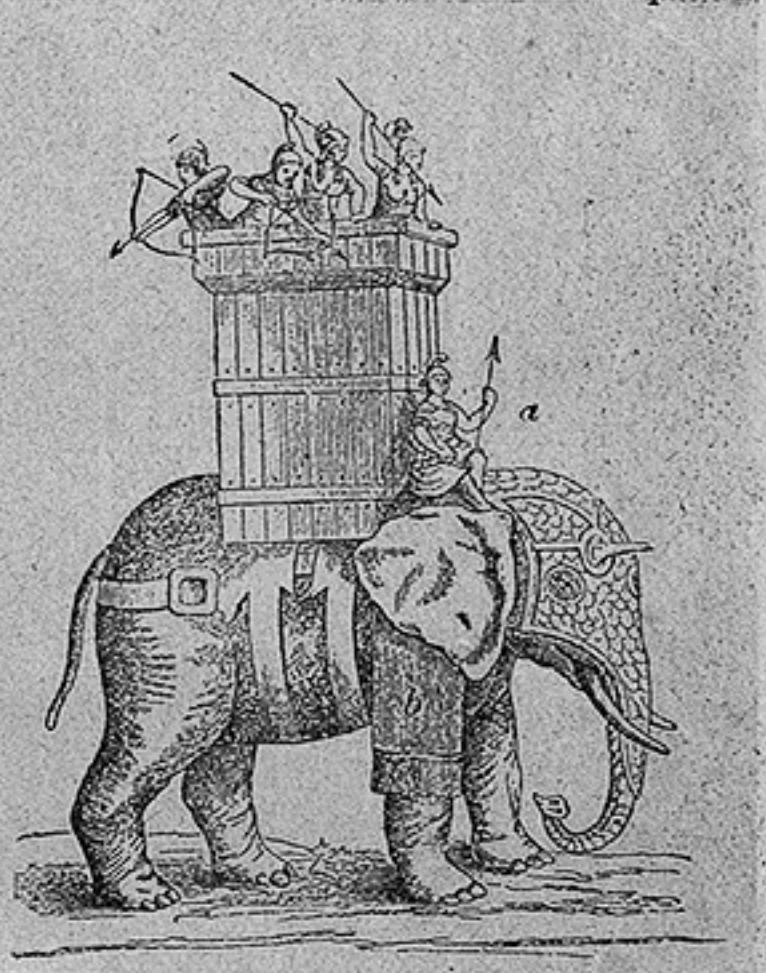
Въ Ассирію уже съ давнихъ поръ вторгались конные кочевники, и ассиріяне обязаны имъ своимъ боевымъ конемъ; именно на этой почвѣ древнѣйшей культуры и была, вѣроятно, изобрѣтена для новаго животнаго первая боевая колесница изъ желѣза. Эти номады, завладѣвшіе культурной страной, были, вѣроятно, туранскіе аккадійцы, а вѣрнѣе мидяне и персы. И арійцы появились въ Индіи въ качествѣ конныхъ кочевниковъ; это доказывается высокимъ почетомъ, какимъ пользовалась у нихъ, по крайней мѣрѣ, по преданію, лошадь, какъ жертвенное животное, даже и тогда, когда, вслѣдствіе климатическихъ условій, коневодство въ Индіи исчезло и было замѣнено разведеніемъ рогатаго скота. Уже согласно позднѣйшему ученію брамановъ, жертвенныя животныя слѣдовали по достоинству въ такомъ порядкѣ: лошадь, быкъ, коза, овца. Отсюда можно заключить, что предки арійцевъ, такъ же, какъ и иранцы, не только употребляли въ пищу мясо лошади, но и очень высоко цѣнили его.

У мидянъ и персовъ лошадь бѣлая отъ рожденія пользовалась такимъ же отличіемъ, какъ Аписъ у египтянъ. Факты свидѣтельствуютъ намъ, что у животныхъ въ прирученномъ состояніи цвѣтъ шерсти держится не такъ прочно, какъ въ дикомъ. Если родится животное съ особенно оригинальной окраской, то ей приписываютъ особое значеніе, и человѣкъ признаетъ, что отмѣченное такимъ образомъ животное избрано для себя божествомъ. Такъ, въ бѣломъ стадѣ рогатаго скота черный быкъ считается Аписомъ, а бѣлый жеребенокъ въ табунѣ темныхъ лошадей—божественной лошадью.

Какъ мы уже упоминали выше, вопросъ, о томъ—распространились-ли дикія лошади черезъ русскія, венгерскія и нижне-германскія равнины въ Западную Европу—остается открытымъ. Но достовѣрно, что съ самаго начала исторіи по сю сторону Балканъ и Альпъ было много такихъ лошадей, и народы, двигавшіеся этими путями, пользовались ими въ различныхъ степеняхъ приученія. Кельты въ искусствѣ дрессировки не уступали иранскимъ племенамъ; они впрягали лошадей въ боевыя колесницы и были искусными наѣздниками. Изъ нихъ римляне вербовали свою лучшую кавалерію. Но, по всей вѣроятности, они научились этому искусству лишь въ Европѣ, такъ какъ германцы, появившіеся вслѣдъ за ними, первоначально не были народомъ настоящихъ наѣздниковъ. Большіе табуны лошадей, которыхъ они хранятъ, служатъ имъ скорѣе въ качествѣ продовольствія, насколько они не отдаютъ предпочтенія свиному мясу. Какъ возовыхъ животныхъ, они охотнѣе употребляютъ прирученный рогатый скотъ. Поэтому можно думать, что предки германцевъ, также, какъ и грековъ, отдѣлились отъ своего первоначальнаго племени прежде, чѣмъ это послѣд-

ясе достигло высшихъ ступеней прирученія лошади. И эти первобытные греки или пелазги избрали для себя южный путь черезъ область распространенія осла, а германцы направились въ болѣе сѣверныя страны, гдѣ была распространена лошадь.

Лошадь считалась у германцевъ, включая и скандинавовъ, какъ и у арійцевъ, самымъ цѣннымъ жертвеннымъ животнымъ; отсюда можно заключить, что первоначально лошадь держали только ради ея мяса. Но германцы, какъ и позднѣйшіе славяне, почитали лошадь и за фетиша, и у послѣднихъ таковымъ также считалась бѣлая лошадь. Подобно тому, какъ персидскій царь выводилъ священныхъ лошадей на поле сраженія, жрецъ на мысѣ Арконѣ (на о. Рюгенѣ) выѣзжалъ на священномъ конѣ, а у нѣмецкихъ князей, которые по древнему обычаю считались и жрецами, отличительной мастью ихъ коня была бѣлая.

Боевой слонъ въ римскую эпоху.

Народы желтой расы, которые уже въ позднѣйшее время спускались изъ верхней Азіи въ Европу или переднюю Азію, являются всѣ настоящими наѣздниками; они принесли, по достаточному вѣроятному предположенію Тульскаго, въ Европу и стремена, которыя не были извѣстны въ древности. Такимъ образомъ, въ этой обширной колыбели человѣчества они впервые размножились настолько, что появился избытокъ населенія, и здѣсь прирученіе лошади прошло черезъ всѣ ступени своего развитія. По всей вѣроятности, разрѣдившееся населеніе, вслѣдствіе переселенія многихъ бѣлыхъ народовъ, дало имъ возможность и просторъ для постепеннаго распространенія въ этой области. Такъ иногда судьбы животныхъ являются, хотя и не вполнѣ яснымъ, отраженіемъ исторіи человѣчества. Сколько труда приходится на это время предполагаемаго дикаго состоянія! Сколько препятствій нужно было преодолѣть человѣку прежде, чѣмъ онъ очутился, наконецъ, верхомъ на лошади, охраняя свои стада рогатаго скота,—съ того времени, когда онъ, еще не зная огня, бродилъ, быть можетъ, въ сопровожденіи одной только собаки, по морскому берегу, ища раковинъ, а на сушѣ—скудныхъ плодовъ! И все-таки для совершенія этой работы нужны были не одни лишь чрезвычайныя усилія единичныхъ личностей: въ нее каждый незамѣтно вкладывалъ свою крупицу труда,—и ни одна изъ нихъ не пропала даромъ.

Въ числѣ покоренныхъ человѣкомъ животныхъ мы не назвали еще самаго крупнаго и сильнаго—слона. Изъ двухъ породъ его, африканскій нѣкогда употреблялся карѳагенянами и римлянами для военныхъ цѣлей

(см. рис. стр. 107). Въ настоящее время этотъ слонъ служитъ только предметомъ охоты для чернокожихъ, между тѣмъ, какъ индійскій слонъ позволяетъ управлять собой даже мальчику, вооруженному палкой съ желѣзнымъ остріемъ. Насъ не можетъ не удивлять, откуда у человѣка явилось столько смѣлости; но, вѣроятно, сначала приручали только молодыхъ животныхъ и такимъ путемъ было покорено человѣкомъ крупнѣйшее изъ наземныхъ животныхъ. Но правильнаго разведенія его въ неволѣ до сихъ поръ еще не удалось достигнуть.

Индійскіе слоны на работѣ. (Изъ H. Schurtz, Urgesch. d. Kultur).

Мы нѣсколько дольше остановились на исторіи домашнихъ животныхъ; сравнительный взглядъ на первоначальное распространеніе ступеней культуры можетъ показать читателю тѣсную связь той и другой. Америку и Австралію мы рано должны были оставить. Дальнѣйшіе успѣхи ограничиваются только большимъ материкомъ Стараго Свѣта. Здѣсь въ Суданѣ, въ Африкѣ, образовалась вторая граница: ни оселъ, ни верблюдъ, ни лошадь не перешли сюда съ сѣвера. Вмѣстѣ съ тѣмъ она является и границей культуры. Центромъ ея слѣдуетъ признать переднюю Азію съ прилегающими къ ней областями у Средиземнаго моря не потому, что здѣсь зародилось все полезное для культуры, а потому, что здѣсь было какъ бы складочное мѣсто, куда приносилось все, что производили въ отдѣльности сосѣднія страны, и здѣсь происходилъ обмѣнъ и уравновѣшеніе. Подвижныя, всегда готовыя въ дальній путь кочевыя орды не переставали стремиться въ плодородныя низменности рѣкъ и морей; осѣдлые народы, стѣсненные съ двухъ сторонъ надвигавшимися волнами ко-

чевниковъ, должны были на тѣсномъ пространствѣ снискивать себѣ пропитаніе трудомъ; но эти тѣснившіе ихъ пришельцы сами и приносили имъ новыя средства къ существованію. Подобно тому, какъ дюны образуются изъ песчинокъ, приносимыхъ готовыми все поглотить волнами, такъ эти варвары, безпрестанно устремлявшіеся изъ глубины материка къ берегамъ Средиземнаго моря, невольно содѣйствовали развитію здѣсь культуры.

Съ одной стороны вино и растительное масло, съ—другой пиво и животное масло.

Мы не исчерпали еще всѣхъ средствъ къ существованію, какія человѣкъ извлекалъ изъ міра растеній и животныхъ; не упуская изъ виду и менѣе значительныхъ, мы должны упомянуть о нѣкоторыхъ техническихъ пріемахъ, относящихся къ исполненію того, о чемъ мы уже говорили. При питаніи растительной пищей организмъ необходимо требуетъ прибавленія жировъ. Дикарь жадно ищетъ «крови и жира»; для добыванія ихъ, онъ знаетъ только одинъ источникъ—свѣже-убитое животное. Но дикія животныхъ, за исключеніемъ дающихъ ворвань животныхъ сѣверныхъ морей, доставляютъ только почечный жиръ. Но какъ и свѣжее мясо, такъ и этотъ продуктъ дикарь могъ добывать для себя лишь чрезъ неправильные промежутки, между тѣмъ, какъ потребность въ животной пищѣ была постоянною. Возрастающая забота человѣка о своемъ пропитаніи должна была, такимъ образомъ, побудить его дѣлать себѣ постоянные запасы этого продукта. Но въ зависимости отъ природныхъ условій страны, человѣкъ, даже и въ позднѣйшія времена, шелъ двумя путями къ обезпеченію себя этимъ веществомъ; одинъ путь привелъ его къ итальянской, а другой къ нѣмецкой кухнѣ. Одни могли добывать этотъ продуктъ для удовлетворенія названной потребности изъ растительнаго царства, а другіе — изъ животнаго.

Мы уже ознакомились выше со многими растеніями, изъ плодовъ которыхъ человѣкъ, научившись воздѣлывать ихъ, добывалъ растительный жиръ или масло; таковы ленъ, конопля, макъ и кунжутъ. Кунжутное масло служило для этой цѣли преимущественно въ Остъ-Индіи; вавилоняне и древніе египтяне также пользовались имъ. Самый обильный источникъ растительнаго масла человѣкъ нашелъ, однако, на азіатскомъ берегу Средиземнаго моря—въ масличномъ деревѣ. Но оно могло произростать только на известковой почвѣ и на берегу моря; даже въ Египтѣ его не было. Напротивъ, въ Греціи съ первобытныхъ временъ произрастало въ дикомъ состояніи масличное дерево, которое цѣнилось тамъ лишь какъ древесный матеріалъ; на островахъ очень рано появилось и оливковое дерево. Въ Элладѣ Аѳины являются первымъ городомъ, гдѣ стали разводить масличное дерево изъ-за плодовъ его; всѣ деревья считались потомками одного дерева, которое богиня принесла въ даръ жителямъ покровительствуемаго ею города.

Въ VII или VI столѣтіи до Р. Хр. берега южной Италіи покрылись греческими колоніями и вмѣстѣ съ тѣмъ масличными деревьями. У этихъ колонистовъ римляне заимствовали этотъ плодъ и его названіе. За сто лѣтъ до Р. Хр. Италія являлась богатѣйшей страной масличнаго дерева, хотя въ низменности По это нѣжное дерево уже не могло произрастать. Но въ

Марсели и Генуи культура этого дерева прочно укоренилась, такъ же, какъ въ Истріи и въ Испаніи. Такимъ образомъ, даръ Аѳины-Паллады распространился почти по всей области распространенія винограда, исключая лишь Германію. Только линія его распространенія лежала ближе къ морю; внутрь страны плоды его доставлялись путемъ торговли. За исключеніемъ Египта, страну вина можно назвать и страной растительнаго масла. Отъ меда и сдѣланнаго изъ него напитка греки и римляне разомъ перешли къ вину; отъ почечнаго жира и кунжута къ оливковому маслу. Но за предѣлами распространенія культуры этого растенія таже потребность не могла удовлетворяться растительными продуктами. Здѣсь медъ смѣнился пивомъ, почечный жиръ—саломъ и (животнымъ) масломъ.

Такъ, по направленію отъ Средиземнаго моря къ сѣверу, за страною вина и оливковаго масла слѣдовала страна пива и животнаго масла. Греки и римляне въ цвѣтущую эпоху ихъ исторіи не знали даже о существованіи коровьяго масла и тѣмъ менѣе умѣли приготовлять его. Мы уже говорили, что оно также неизвѣстно было въ Америкѣ, Австраліи и Полинезіи,—во всѣхъ этихъ далекихъ странахъ человѣкъ вообще не зналъ употребленія въ пищу молока. И эскимосы въ Гренландіи не имѣли о немъ понятія, хотя издавна охотились на оленей. Но человѣку приходится учиться не только приготовленію извѣстныхъ продуктовъ, но и самому употребленію ихъ; мы легко убѣждаемся въ этомъ, когда отъ нашей кухни переходимъ къ итальянской. Такъ, индѣецъ далеко не съ жадностью набросился на предложенное ему европейцами коровье масло; гвіянецъ и теперь еще питаетъ отвращеніе ко всѣмъ кушаньямъ, изготовленнымъ на европейскій ладъ, въ особенности, когда опасается примѣси въ нихъ коровьяго масла. Но въ Старомъ Свѣтѣ это масло имѣетъ почти всеобщее распространеніе.

На способъ выдѣленія жира изъ молока напасть было не трудно, какъ въ томъ случаѣ, когда оставляли его въ плоской посудѣ, такъ и при взбалтываніи въ привязанномъ на спинѣ осла мѣхѣ. По словамъ Кука, готтентоты «приготовляютъ масло особымъ образомъ: они взбалтываютъ молоко въ мѣшкѣ изъ звѣриныхъ шкуръ, поворачивая его во всѣ стороны». Во всей Африкѣ примѣняется тотъ-же способъ: нѣсколько отстоявшееся и слегка скисшееся молоко взбалтываютъ въ большой калебассѣ (тыквѣ). Масло это безцвѣтное и жидкое, и при заготовленіи въ прокъ оно вторично растапливается. Оно обыкновенно пріобрѣтаетъ тогда прогорклый вкусъ.

Геродотъ еще не зналъ названія этого жира, а Аристотель вообще не упоминаетъ о немъ, хотя и писалъ о пользѣ, извлекавшейся изъ животныхъ въ его время. Врачъ Гиппократъ первый употребляетъ названіе «бутиронъ» скиѳскаго происхожденія, очевидно, преобразовавшееся уже въ греческую форму. Вскорѣ уже и ѳракійцевъ въ насмѣшку называютъ «маслоѣдами». Даже въ Аравіи перестали употреблять оливковое масло и замѣнили его, по крайней мѣрѣ, за сто лѣтъ до Р. Хр., коровьимъ масломъ. Въ древнѣйшихъ сочиненіяхъ евреевъ о маслѣ нигдѣ не упоминается, и лишь въ «Притчахъ» мы встрѣчаемъ въ одномъ мѣстѣ упоминаніе о немъ. Напротивъ, изъ Индіи масло вывозилось даже въ гавани Краснаго моря. У германцевъ и славянъ существовали туземныя названія этого продукта, которыми онъ обозначался вообще, какъ смазочное средство. Скап-

динавы называли его—«Schmer»; такое же названіе существовало и у древнихъ германцевъ съ тою разницей, что послѣдніе для отличія этого жира отъ другихъ называли его «Kuhschmer»—коровье масло. И это названіе показываетъ, что германцы не знали скиѳскаго конскаго масла. Германцы, вѣроятно, заимствовали названіе «Butter» въ Галліи у римлянъ, которые, въ свою очередь, узнали его отъ грековъ.

Этотъ различный способъ примѣненія молока по сю и ту сторону границы распространенія растительнаго масла имѣлъ еще другое послѣдствіе, или, по меньшей мѣрѣ, на-ряду съ нимъ замѣчается другое явленіе: тамъ, гдѣ, вслѣдствіе употребленія оливковаго масла, не дѣлали коровьяго, пришли къ приготовленію сыра. Вопросъ о томъ, кто занялся этимъ раньше—германцы или римляне, рѣшается тѣмъ, что первые заимствовали самое названіе этого продукта у послѣднихъ. И дѣйствительно, искусство приготовленія сыра явилось у германцевъ позже. Карлъ Великій приказывалъ, чтобы въ его помѣстьяхъ изъ молока приготовляли, главнымъ образомъ, сыръ, какъ болѣе удобный для храненія продуктъ.

Таковъ извилистый путь, какимъ человѣкъ дошелъ отъ питья крови и употребленія сырого мяса и толченаго зерна до изготовленія пищи, содержащей всѣ составныя части, въ которыхъ онъ чувствуетъ естественную потребность, научившись притомъ добывать ихъ изъ естественныхъ источниковъ наиболѣе хозяйственнымъ способомъ. Трудъ, прилагаемый къ этому дѣлу, несправедливо считается низшимъ; значеніе его легко оцѣнить. Превосходную мѣрку его мы можетъ видѣть въ томъ, что намъ не вѣрится, чтобы наши предки дѣйствительно когда-либо пили теплую кровь и ѣли сырое мясо. Но для справедливой оцѣнки культурной работы человѣчества необходимо не упускать изъ виду ни этого мѣрила, ни этого воспоминанія. Можно назвать прекрасный обычай, существующій у бѣдныхъ гренландскихъ эскимосовъ: хотя они теперь употребляютъ только вареную пищу, но послѣ каждой удачной охоты они всегда вспоминаютъ о бѣдственномъ положеніи своихъ предковъ. Обычай этотъ, основанный, по мнѣнію миссіонера Кранца, «на грубомъ суевѣріи», состоитъ въ томъ, что отъ каждаго убитаго звѣря эскимосъ съѣдаетъ по кусочку сырого мяса и «запиваетъ его глоткомъ теплой крови»,—таково ихъ старинное «охотничье право».

Дубленіе и тканье.

Мы могли-бы указать такія же послѣдовательные ступени въ пользованіи звѣриными шкурами, но мы коснемся этого только вкратцѣ. Простѣйшій способъ этого пользованія мы видѣли уже у бушменовъ: шкуру, негодную для ѣды, онъ снимаетъ съ животнаго съ головы до ногъ всю и употребляетъ ее, какъ готовый мѣшокъ, который легко сдѣлать водонепроницаемымъ. Шкурой, покрытой шерстью, также легко воспользоваться для прикрытія и согрѣванія тѣла. Дальнѣйшія усовершенствованія этихъ шкуръ мы должны искать не подъ тропиками, а въ болѣе холодномъ поясѣ. Въ тропическихъ странахъ не нуждались въ такомъ одѣяніи.

Жители Огненной земли въ предпрошломъ столѣтіи позволяли видѣть у нихъ самыя низкія ступени покрытія тѣла. Снявъ шкуру съ ламы или

тюленя, они прямо, въ совершенно невыдѣланномъ видѣ, набрасывали ее себѣ на плечи и обертывали вокругъ тѣла. Изъ этой же сырой шкуры они въ случаѣ нужды изготовляли простѣйшій видъ обуви: они становились ногой на шкуру, и обвязывали края ея вокругъ лодыжки, на подобіе мѣшка.

Сосѣдніе патагонцы сдѣлали въ этомъ отношеніи шагъ впередъ. Они сшивали сухожиліями или кожаными ремешками нѣсколько такихъ шкуръ ламы-гуанако, и эту широкую одежду стягивали поясомъ вокругъ тѣла. Кромѣ того, они пытались и каждую ногу въ отдѣльности обертывать такой шкурой, вслѣдствіе чего первые путешественники, посѣтившіе ихъ страну, разсказывали, что туземцы носятъ брюки и полусапожки. Эта одежда изготовлялась еще при помощи каменныхъ орудій, раковинъ и рыбьихъ зубовъ.

Благодаря важному значенію, какое имѣетъ одежда въ холодныхъ странахъ, вопросъ о выдѣлкѣ кожи сталъ занимать человѣка въ сравнительно раннюю эпоху. Онъ различными средствами пытался очистить шкуру отъ частей жира, мяса и затвердѣвающаго слоя, и въ концѣ концовъ дошелъ до настоящаго искусства дубленія кожи. Въ этомъ отношеніи большая заслуга принадлежитъ индѣйцамъ. Ирокезы разминали кожи въ водѣ или предварительно коптили ихъ въ дыму. Другіе натирали ихъ мозгомъ или жиромъ животныхъ или кашей изъ молодого маиса, а также древесной корой. Многіе употребляли для этой цѣли гнилую мочу, какъ, напр., перуанцы, сѣверные индѣйцы и эскимосы. Жены послѣднихъ знали даже семь различныхъ способовъ выдѣлки кожи и мѣха для различныхъ цѣлей и изготовляли вполнѣ цѣлесообразную и далеко не лишенную вкуса одежду. Къ сожалѣнію, имъ для этой цѣли приходилось постоянно держать мочу въ своихъ тѣсныхъ хижинахъ; такимъ образомъ, изготовленіе мѣховой одежды сопровождается нечистоплотностью, вредной для непривычныхъ къ ней. Въ этомъ отношеніи культура различныхъ климатическихъ поясовъ шла различными путями.

Въ Японіи, гдѣ убойный скотъ совсѣмъ не разводился, земледѣльцы не вступали въ бракъ съ кожевниками, считая ихъ нечистымъ классомъ. На нихъ смотрѣли, быть можетъ, и не безъ основанія, какъ на чуждую породу людей, и заставляли ихъ исполнять обязанности палачей.

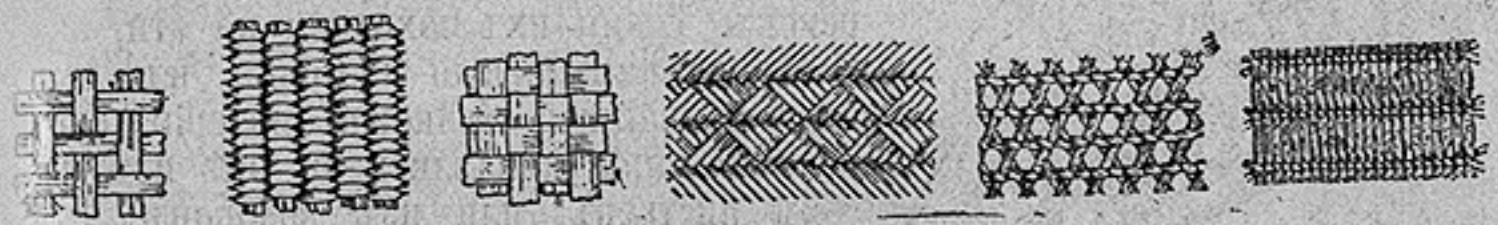
На островахъ Тихаго океана и въ Новой Зеландіи культура шла опять инымъ путемъ. Со свиньи кожи не снимали, а шкуры мелкихъ собакъ могли служить развѣ только для украшенія. Полинезійцы, благодаря климату, могли обходиться безъ одежды, но новозеландцамъ она была необходима. Нужда побуждаетъ человѣка къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ, и, вслѣдствіе того, у этихъ людоѣдовъ мы видимъ такую самобытность и такое развитіе ткацкаго искусства, какихъ не достигалъ еще ни одинъ народъ, не поднявшійся до ступени приготовленія вареной пищи.

Возможно, что отпадавшая отъ деревьевъ кора служила сначала человѣку замѣной звѣриныхъ шкуръ для прикрытія тѣла; быть можетъ, онъ научился замѣнять одно другимъ и при защитѣ огня отъ вѣтра. И въ самомъ дѣлѣ, по снятіи верхняго слоя коры съ нѣкоторыхъ деревьевъ, на нихъ остается слой луба, который можетъ замѣнить твердую невыдѣланную кожу.

Особенно счастливы были въ этомъ отношеніи полинезійцы и, главнымъ образомъ, жители острова Таити, гдѣ росли бумажная шелковица,

хлѣбное дерево и родъ смоковницы, волокнистая кора которыхъ могла способствовать развитію особой техники. Снявъ кору съ молодыхъ деревьевъ, ее мочатъ и затѣмъ эти узкія, длинныя полосы накладываютъ другъ на друга, предварительно соскобливъ съ нихъ обломками раковинъ всѣ зеленыя части. Отъ тщательныхъ и продолжительныхъ ударовъ деревяннымъ молоткомъ съ нарѣзками по этой массѣ, она уподобляется войлоку, настолько плотному и мягкому, что онъ походитъ на сукно. Отъ носки матерія эта дѣлается мягкой и гибкой, но она очень непрочна и легко пропускаетъ воду. Тѣмъ не менѣе, эта первобытная промышленность въ странѣ, гдѣ не было другихъ животныхъ, надѣленныхъ шерстью, кромѣ собакъ и крысъ, заслуживаетъ вниманія.

Нигдѣ, однако, въ другихъ странахъ этимъ путемъ не было достигнуто такихъ же результатовъ; къ нимъ приходилось идти трудными и окольными путями. Правда, природа въ подобныхъ положеніяхъ указывала человѣку растенія, но они при обработкѣ, въ лучшемъ случаѣ, давали только отдѣльныя волокна, которыя приходилось еще ссучивать въ нитки. Однако, тутъ помогло человѣку родственное искусство, о которомъ мы говорили выше, — плетеніе. Искусство тканья выработалось изъ искусства плетенія. Древнѣйшія ткани состоятъ изъ узкихъ полосъ, сши-

Плетенья различныхъ дикихъ народовъ. (По H. Schurtz, Urg. d. Kultur).

тыхъ краями вдоль. Длинныя полосы изготовлялись такимъ же образомъ, какъ плетутъ корзины, причемъ нитки основы натягивались, какъ вертикальные прутья корзины, а утокъ пропускали черезъ эту основу, какъ горизонтальные прутья. Негры западной Африки изготовляли прежде особыя циновки для одежды, и для плетенія полосъ не имѣли никакого орудія, кромѣ собственныхъ пальцевъ. Они плели «на колѣняхъ, безъ ткацкаго станка и челнока, и обладали достаточнымъ терпѣніемъ, чтобы проводить утокъ пальцами между каждыми двумя нитками, какъ это дѣлаютъ корзинщики съ помощью лишь однѣхъ рукъ. Несмотря на то, что они работаютъ такъ быстро, что нѣтъ возможности слѣдить глазами за движеніями ихъ пальцевъ, они все-таки выдѣлываютъ очень мало. Лучшіе мастера ткутъ не больше локтя въ недѣлю». При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что полосы, изъ которыхъ сшивается кусокъ матеріи, на рынкахъ западной Африки служили сами по себѣ мѣновой цѣнностью, а отчасти играютъ роль денегъ и въ настоящее время.

Трудность работы пальцами при протягиваніи утка прежде всего соотвѣтствовала древнѣйшему способу шитья. Древняя каменная иголка была не что иное, какъ шило, которымъ прокалывали отверстіе, и чрезъ это послѣднее продергивали нитку. Позднѣйшая иголка не только прокалываетъ отверстіе, но и протягиваетъ сквозь него нитку. Примѣненіе этого усовершенствованнаго способа къ искуеству плетенія полосъ или тканью при-

вело къ изобрѣтенію ткацкаго челнока, какъ иглы усовершенствованной для этой спеціальной цѣли. Усовершенствованіе состояло въ томъ, что такой челнокъ могъ захватывать болѣе длинный кусокъ нитки утка, которая обматывалась вокругъ длинной оси челнока-иголки, какъ это и теперь дѣлается при плетеніи сѣтей.

Эти предварительныя работы послужили основой для всѣхъ позднѣйшихъ усовершенствованныхъ системъ; только новозеландцы въ своей обособленности и въ этомъ отношеніи сохранили самобытность. Правда, они изъ «новозеландскаго льна»,—смотря по тому, обрабатывали-ли они размоченные листья или тонкія волокна его,—умѣли выдѣлывать три сорта матеріи, изъ которыхъ самая тонкая и у насъ можетъ быть признана работой, сдѣланной очень чисто и со вкусомъ; однако, они все-таки не дошли до искусства тканья, потому что въ странѣ, гдѣ не знали посуды, неизвѣстно было и искусство плетенія. Ихъ метода скорѣе состоитъ въ скрѣпленіи ряда отдѣльныхъ пучковъ петлями изъ нитокъ такъ, что въ промежуткѣ между одной нитью и другой образуются какъ бы отдѣльныя цѣпи изъ этихъ пучковъ. Такъ у насъ приготовляются обыкновенно плетенья изъ соломы или изъ веревокъ. Ткани ихъ походили на эти, а еще болѣе на камышевыя плетенья, или имѣли видъ тончайшей шелковой матеріи, смотря по тому, приготовлялись ли онѣ изъ полосокъ листьевъ, или изъ волоконъ. Ткани эти они прилежно продолжаютъ изготовлять и теперь, но никакихъ техническихъ успѣховъ этой въ кропотливой работѣ не достигли. И опять-таки природа вынудила ихъ заняться этой неблагодарной работой, такъ какъ шкуры мѣстныхъ собакъ были такъ малы, что онѣ шли только на украшеніе и опушку этихъ плетеній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта необходимость сдѣлала пальцы новозеландцевъ необыкновенно ловкими и способными къ тонкой работѣ. Ни одинъ народъ не обнаруживаетъ такой страсти къ украшенію рѣзьбой и рисунками своей домашней утвари и всѣхъ частей своего простого дома; но всѣ узоры, не исключая украшеній лица, основаны на извивающихся и разнообразно переплетающихся нитяхъ, какъ будто плетеніе ткани дало начало и направленіе ихъ художественному вкусу.

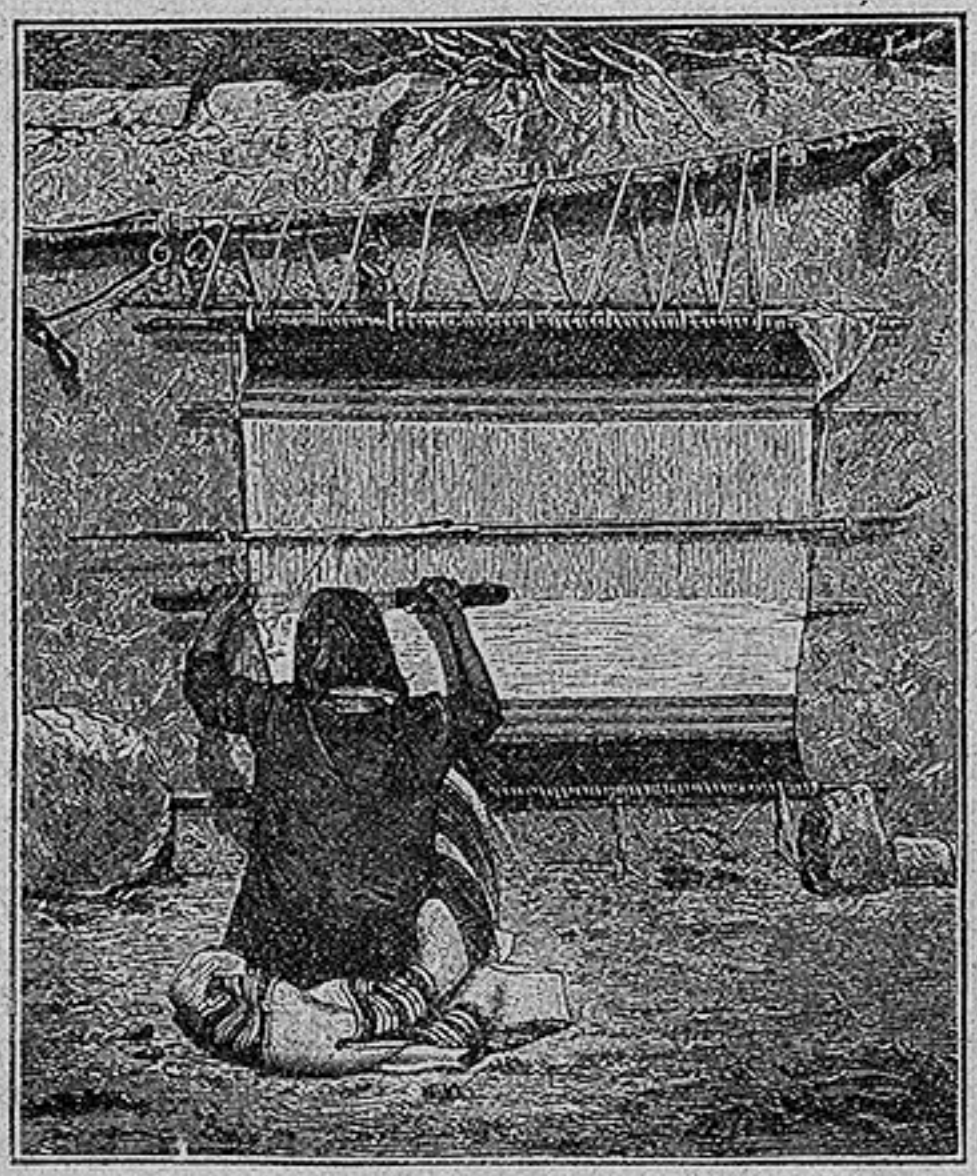

Корейскій ткачъ циновокъ (по корейскому рисунку). (Изъ H. Schurtz, Urg. d. Kult.).

Разыскиваніе подходящихъ матеріаловъ составляло немаловажную отрасль культурной работы; но легко понять, что она принадлежитъ уже позднѣйшему времени. Только въ рѣдкихъ случаяхъ человѣку посчастливилось, подобно ново-зеландцамъ, сразу найти полезное для этой цѣли растеніе, которымъ онъ не пользовался раньше, какъ предметомъ питанія или лакомства. Въ Полинезіи употребляли волокна скорлупы кокосоваго орѣха для выдѣлки корабельныхъ снастей, которыя вызывали удивленіе европейцевъ. Такъ, египтяне, употреблявшіе сначала въ пищу лишь корень папируса, впослѣдствіи стали выдѣлывать изъ коры его веревки, изъ стеблей—

корзины и циновки и, наконецъ, изъ тонкой кожицы—матеріалъ для письма.

Первоначальная исторія переработки животной шерсти въ нитки, а этихъ послѣднихъ—въ ткань покрыта для насъ глубокимъ мракомъ, но область, гдѣ она могла зародиться, можно до нѣкоторой степени опредѣлить. Изъ американскихъ народовъ она извѣстна была только перуанцамъ и, вѣроятно, была придумана ими самими. Они брали для этого шерсть ламы. Объ Австраліи и Полинезіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи, но и югъ Африки также не былъ родиной этого искусства, и еще менѣе того холодный Сѣверъ, гдѣ долго одеждой служили цѣльныя шкуры пушныхъ звѣрей. Вѣрнѣе всего предположить, что начало этому искусству положено было народомъ, пересилившимся изъ болѣе холоднаго климата въ болѣе теплый, гдѣ онъ не отказался отъ привычной для него одежды, но постарался сдѣлать ее легче. Такъ какъ, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, египтяне являются самымъ древнимъ изъ извѣстныхъ намъ народовъ, занимавшимся выдѣлкой шерсти, то можно предположить, что они первые стали примѣнять этотъ матеріалъ въ ткацкомъ искусствѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ достовѣрно установлено, они переселились изъ болѣе сѣверныхъ широтъ въ Африку, древнюю родину искусства плетенья и тканья. Такимъ образомъ, они, быть можетъ, заимствовали это искусство у коренныхъ обитателей этой страны и примѣнили его для обработки матеріала своей прежней одежды.

Тканье одѣялъ у наваховъ въ С. Америкѣ (по Стивенсону). (Изъ H. Schurtz, Urg. d. Kult.).

Но пока шерстяная матерія и изготовленіе ея стали извѣстны въ передней Азіи и въ южной Европѣ, а позднѣе проникли и въ среднюю, и въ сѣверную Европу, египтяне научились обрабатывать тонкія волокна льна, который первоначально былъ извѣстенъ имъ только, какъ пищевое растеніе. Въ Индіи еще и до сихъ поръ не пользуются волокнистымъ веществомъ льна, хотя тамъ и выжимаютъ масло изъ его сѣмянъ. Полотно сдѣлалось

настоящимъ матеріаломъ одежды египтянъ,—только верхній плащъ жреца еще дозволялось изготовлять изъ шерстяной матеріи,—и въ такія старинныя узкія полосы холста они завертывали своихъ покойниковъ. Особенно славились тонкостью египетскія «виссоновыя» ткани, — и вполнѣ справедливо. Изъ Египта финикіяне привезли полотно въ Грецію. Въ Сиріи, особенно въ Палестинѣ, рядомъ съ воздѣланнымъ льномъ, росъ дикій хлопчатникъ, и оба растенія тамъ выдѣлывались. Полотна ткали и въ Вавилоніи, и затѣмъ въ Колхидѣ, у подошвы Кавказа, гдѣ приготовлялось знаменитое сардонійское полотно. Въ то время, какъ греки въ Малой Азіи заимствовали отъ покоренныхъ мѣстныхъ обитателей ихъ льняную одежду, собратья ихъ, оставшіеся въ Европѣ, еще долго предпочитали шерстяную матерію, считая употребленіе полотняной одежды признакомъ изнѣженности. Но и здѣсь шерстяное платье сохранилось, главнымъ образомъ, у дорянъ, а іоняне гораздо раньше обратились къ полотняному. Однако, въ эпоху Пелопонезской войны мужчины въ Аѳинахъ снова стали носить шерстяное платье, казавшееся имъ болѣе мужскимъ. Притомъ греческая почва не благопріятствовала разведенію льна, любящаго болѣе сырой климатъ.

Разведеніе льна лучше удавалось въ нѣкоторыхъ областяхъ Италіи. Но и въ Римѣ полотняная одежда сперва считалась предметомъ роскоши. Однако, когда лепъ, какъ прядильное растеніе, подъ вліяніемъ Рима, распространился въ провинціяхъ съ влажнымъ лѣснымъ климатомъ, онъ тамъ росъ не хуже, чѣмъ въ низменностяхъ Евфрата и Нила, и явился конкуррентомъ шерсти. Какъ во Ѳракіи, такъ и въ болѣе сырыхъ мѣстахъ Испаніи, которая тогда еще не утратила своихъ лѣсовъ, процвѣтала культура льна. Затѣмъ и Франція стала страною льна, и, наконецъ, въ Нидерландахъ, еще при господствѣ кельтовъ, укрѣпилось разведеніе этого растенія. Даже германцы, по свидѣтельству Плинія, въ современную ему эпоху, стали заниматься этой культурою по ту сторону Рейна, и жены ихъ пряли и ткали въ своихъ зимнихъ землянкахъ. Уже въ то время полотняное платье считалось болѣе параднымъ. И опять эта работа выпадаетъ на долю женщинъ. Своеобразное отличіе египтянъ отъ всѣхъ другихъ народовъ состоитъ въ томъ, что въ Египтѣ тканьемъ занимались мужчины,—съ удивленіемъ указываетъ на это и Геродотъ,—а во всѣхъ другихъ странахъ—женщины. Но по отношенію къ германцамъ фактъ этотъ легко объясняется. Когда ленъ былъ ввезенъ въ Германію, все тогда еще незначительное земледѣліе было въ рукахъ у женщины; поэтому и эта отрасть культуры досталась на ея долю. Если въ Египтѣ дѣло стояло иначе, то это можно объяснить тѣмъ, что тамъ уже съ давнихъ временъ, по крайней мѣрѣ, среди покореннаго народа, и мужчина, и женщина одинаково занимались по преимуществу земледѣліемъ, а тѣ громадныя стада, надъ которыми производились первые опыты приручения животныхъ, принадлежали господствующимъ завоевателямъ.

Но первоначально германская женщина пряла ленъ только для себя. Тацитъ говоритъ, что одежда германскихъ женщинъ лишь тѣмъ отличалась отъ мужской, что чаще всего состояла изъ льняной ткани съ отдѣлкой краснаго цвѣта. Павелъ Діаконъ, историкъ лонгобардовъ, считалъ послѣднихъ настолько мало знакомыми съ культурой льна, что разсказываетъ о нихъ такую небылицу, будто они, увидѣвъ въ первый разъ льняное

поле въ Панноніи, приняли его за зеркальную поверхность воды—и бросились въ эту мнимую воду! Но послѣ переселенія народовъ у подвинувшихся впередъ германцевъ любимой одеждой считалась пестрая льняная; такое предпочтеніе здѣсь было даже больше, чѣмъ въ прежнее время въ Италіи. Одно изъ немаловажныхъ преимуществъ льняной одежды заключалось въ большей опрятности ея сравнительно съ мѣховой, въ которой за долгую зиму при тѣснотѣ помѣщенія кишѣли разнаго рода паразиты. Второе преимущество льняной ткани передъ шерстяной состояло въ томъ, что первая не подвергалась порчѣ отъ моли, которая при тогдашнемъ жалкомъ устройствѣ жилищъ страшно истребляла шерстяныя ткани. Этимъ льняной матеріалъ пріобрѣлъ предпочтеніе заботливыхъ хозяекъ. Наконецъ, употребленіе льна перешло и къ славянамъ. Названіе его въ такомъ же послѣдовательномъ порядкѣ заимствовалось однимъ народомъ у другого.

Для веревокъ и снастей тонкое льняное волокно не годилось. Въ эпоху Гомера корабельныя снасти изготовлялись изъ скрученныхъ полосокъ бычьей кожи или изъ стеблей папируса. Впослѣдствіи подходящимъ матеріаломъ для этой цѣли признали ковыль, росшій преимущественно въ Испаніи. Еще во времена Цезаря у кельтовъ паруса были изъ шкуръ, и изъ такого же матеріала, вѣроятно, дѣлались и веревки; норманны вырѣзывали снасти изъ тюленьихъ шкуръ. Германцы, жившіе на материкѣ, и славяне нашли полезный матеріалъ въ лубѣ липы; но и раньше этого они вили канаты изъ древесныхъ вѣтвей, какіе теперь употребляются для плотовъ. Липовымъ лубомъ массагеты и германцы пользовались для изготовленія матерій, отчасти на подобіе новозеландцевъ, употребляющихъ для той же цѣли свое волокнистое растеніе—Phormium. Но преимущественно лубъ этотъ шелъ на выдѣлку веревокъ, и въ старину веревочные мастера назывались попросту «липодралами».

Всѣ перечисленные матеріалы постепенно были вытѣснены коноплей, о которой мы говорили выше. Уже ѳракійцы обрабатывали коноплю наравнѣ со льномъ; отъ нихъ она перенесена была въ Грецію, а отсюда черезъ Сицилію—въ Италію. Этимъ ли путемъ распространилась конопля и въ Галліи, сдѣлавшейся потомъ извѣстной, какъ страна конопли, или же она была заимствована помимо классическихъ народовъ у древнихъ кельтовъ,—намъ неизвѣстно.

Украшенія и одежда.

Читателю, быть можетъ, покажется, что слова этого заглавія должны бы стоять въ обратномъ порядкѣ, но именно въ такой послѣдовательности они гораздо болѣе соотвѣтствуютъ своеобразной природѣ человѣка. Впрочемъ, кто въ настоящее время станетъ дѣлать такія тонкія различія? Если бы мы могли представить себѣ, что человѣческій родъ произошелъ на полюсахъ, тогда еще можно было бы поставить эти слова въ иномъ порядкѣ. Здѣсь суровая природа дѣствительно заставила человѣка носить одежду не только, какъ украшеніе, но, прежде всего, какъ защиту для своего тѣла. Но мы уже видѣли, почему слѣдуетъ предположить болѣе раннія проявленія жизни въ тепломъ климатѣ. Допустивъ это, мы должны сказать съ увѣренностью,—какъ бы это ни казалось несообразнымъ,—что человѣкъ придумалъ для себя украшенія

раньше одежды, и даже одежда отчасти является дальнѣйшимъ развитіемъ украшенія. Мы знаемъ достаточно народовъ, которые не носили никакой одежды, когда они впервые были открыты, но ни одинъ изъ нихъ не обходился безъ какихъ-либо грубыхъ украшеній. Это раннее стремленіе человѣка проявить себя, какъ личность, выдѣлить себя какимъ-либо индивидуальнымъ признакомъ, не полученнымъ отъ природы,—это врожденное стремленіе настолько же отличаетъ его отъ наиболѣе близкихъ къ нему животныхъ, какъ и употребленіе орудій. Даже самый грубый дикарь не

Нубіецъ (бербери) съ надрѣзами на лицѣ. (По фотографіи Сега).

довольствуется простымъ существованіемъ на подобіе животныхъ. Онъ хочетъ, чтобы его замѣчали,—хочетъ выдвинуться среди подобныхъ себѣ.

Приманивая «дикарей» ничтожными, не имѣющими никакой цѣны бездѣлушками, вмѣсто полезныхъ продуктовъ культуры, европейцы не руководились одними только корыстными разсчетами. Они въ этомъ случаѣ принимали во вниманіе ихъ дѣйствительныя наклонности. Командоръ Байронъ легко сбывалъ патагонцамъ кусочки шелковой ленты, которую онъ могъ повязать каждому изъ нихъ вокругъ головы; но кусокъ ткани, который дѣйствительно могъ имъ быть полезенъ, австралійцы отнесли въ лѣсъ и бросили тамъ. Европейцы нашли потомъ эти вещи. И такой дикарь, однако,

готовъ былъ рисковать жизнью, чтобы украсть какую-нибудь бездѣлку. Европейцы пытались сдѣлать цѣнный подарокъ дикарямъ острововъ Товарищества: они хотѣли имъ подарить пригодныхъ въ пищу животныхъ,—козъ и рогатый скотъ,—но безуспѣшно; между тѣмъ за нѣсколько красныхъ перьевъ можно было бы купить цѣлый островъ.

Поэтому происхожденіе человѣческой одежды имѣетъ два родословныхъ дерева,—оба соединяются между собой лишь послѣ того, какъ срастаются ихъ вѣтви. Одно дерево растетъ на почвѣ тщеславія и любви къ украшеніямъ, другое—на почвѣ ощутительной нужды, первое—на югѣ, второе—на сѣверѣ, одно—болѣе раннее, другое—болѣе позднее. Но если это такъ, то первое и наиболѣе старинное украшеніе должно было находиться непосредственно на тѣлѣ. Только мы, заимствовавшіе одежду у сѣверныхъ племенъ, носимъ украшенія поверхъ одежды. Наши женщины, однако, какъ болѣе консервативный элементъ, и теперь еще сохранили и старинный способъ. Этотъ послѣдній находится въ тѣсной связи съ религіознымъ элементомъ, котораго не чужда ни одна область человѣческой культуры. Мы выяснимъ эту связь въ одной изъ слѣдующихъ частей настоящаго сочиненія. Многіе виды человѣческихъ украшеній принадлежатъ первоначально къ области культа или находятся съ нимъ въ такой близкой связи, что невозможно установить, какая доля принадлежитъ въ этомъ случаѣ культу и какая—щегольству.

Татуированная нога. (Изъ Бока „Среди людоѣдовъ острова Борнео“).

Если мы представимъ себѣ, какъ всегда цѣпко держится культъ давно исчезнувшихъ жизненныхъ формъ, если вспомнимъ, что къ послѣднимъ въ особенности относится потребленіе теплой крови,—прежде всего человѣческой,—то многіе религіозные обряды первобытныхъ временъ, чуждые нашему современному образу мыслей, перестанутъ быть непонятными для насъ. Человѣкъ, не чувствовавшій единства даже въ своихъ собственныхъ поступкахъ, далекъ отъ того, чтобы признавать міровыя явленія послѣдствіемъ единой причины. Все, чего не сдѣлала видимая рука, сдѣлано, по его мнѣнію, невидимой,—и онъ связываетъ представленіе о такихъ невидимыхъ существахъ, гораздо болѣе вліятельныхъ, по его наблюденіямъ, чѣмъ видимыя, со своими религіозными понятіями и обрядами культа. Онъ старается пріобрѣсти расположеніе и защиту такого духа,—и что же лучшее можетъ онъ предложить съ этой цѣлью, чѣмъ кровь... свѣжую, горячую кровь? И что можетъ привести къ болѣе тѣсному, духовному сродству съ нимъ, чѣмъ его собственная кровь?

Каждая семья, каждый родъ и каждое развивающееся племя составляли особый союзъ, внѣшнимъ признакомъ котораго служили рубцы отъ надрѣзовъ на кожѣ. Эти надрѣзы служили, такимъ образомъ, чѣмъ-то вродѣ гербовъ, навѣки запечатлѣнныхъ на кожѣ. Наравнѣ съ другими преиму-

ществами племени, которыми всякій гордился, и эти знаки должны были сдѣлаться предметомъ гордости и украшенія. Но у различныхъ народовъ установленіе это остановилось на различныхъ ступеняхъ развитія. Большое вліяніе должны были имѣть на него болѣе высокая культура и сѣверный обычай носить настоящую одежду для защиты отъ холода. Въ однихъ случаяхъ религіозная сторона обычая совершенно забывалась и утрачивала свое значеніе, а въ другихъ только она одна и имѣлась въ виду. Наклонность къ ней обнаруживалась у народовъ, не носившихъ одежды, при чемъ знаки превращались въ болѣе и болѣе распространенныя украшенія кожи.

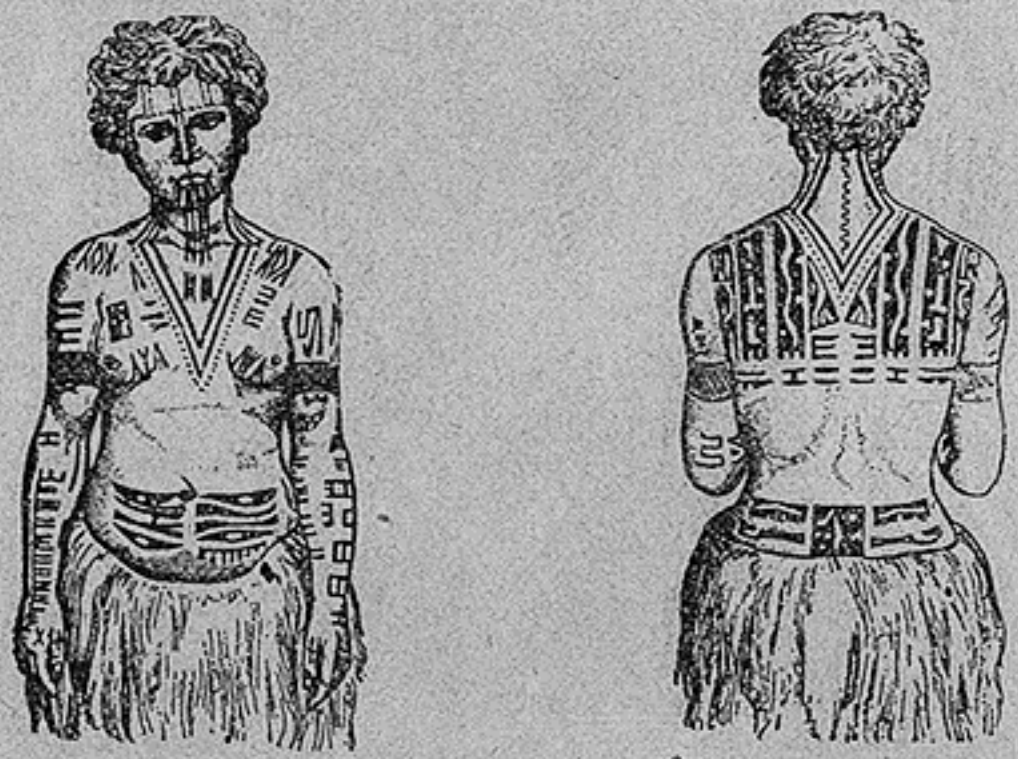

Предводитель изъ Новозеландіи (Гохштеттеръ, „Новозеландія“).

Тамъ, гдѣ употреблялась одежда, элементъ украшеній оставляется въ сторонѣ и не развивается.

Краткій обзоръ можетъ показать намъ у африканцевъ разнообразныя проявленія кожнаго украшенія на низшихъ ступеняхъ его развитія. Даже переселенные въ Америку негры часто свято сохраняли этотъ обычай, а на ихъ родинѣ можно отличить одно племя отъ другого по накожнымъ знакамъ. Два или три прямолинейныхъ надрѣза различнымъ образомъ комбинируются между собой: одни надрѣзы дѣлаются на лбу, другіе на щекахъ (см. рис. стр. 118) или на груди. Сюда же относится и такъ называемое «обрѣзаніе». У народовъ, носившихъ одежду, какъ у египтянъ, изъ него не развилось украшеніе, а за нимъ сохранилось исключительно религіозное значеніе; религіозный смыслъ обычая, впрочемъ, могъ быть забытъ, и тогда для него старались

подыскать новое объясненіе. У индѣйцевъ эстетическая сторона имѣла уже большее значеніе; но, развившись въ искусство татуировки (см. рис. стр. 119—121) она получила преобладающее значеніе въ Полинезіи и у дикихъ племенъ Индо-Китая. Настоящей родиной татуировки является Тихій океанъ, гдѣ подобное украшеніе могло привиться, благодаря наготѣ туземцевъ. Это искусство сохранило еще слѣды своего религіознаго происхожденія въ томъ, что имъ занимались только жрецы, и оно составляло соединеніе древнихъ кожныхъ надрѣзовъ съ окрашиваніемъ. Благодаря этому сочетанію, надрѣзы становились болѣе эффектными, а окрашиваніе—болѣе прочнымъ. Для этой цѣли употребляютъ нѣчто вродѣ маленькаго гребня, сдѣланнаго обыкновенно изъ зуба акулы; ударяя молоточкомъ по спинкѣ гребня, врѣзываютъ въ кожу его зубцы. Въ мѣста уколовъ втирается затѣмъ сажа, смѣшанная съ растительнымъ масломъ, или другія краски, и въ результатѣ получаются черные или цвѣтные рисунки, никогда не изглаживающіеся. Это украшеніе производится у дѣтей, начиная съ двѣнадцатилѣтняго возраста, и такъ какъ операція эта отъ времени до времени повторяется до самой старости, то часто все тѣло покрывается рисунками, формы которыхъ сами по себѣ довольно красивы, а часто даже достойны удивленія. Благодаря вліянію европейцевъ, обычай этотъ начинаетъ теперь выходить изъ употребленія.

Татуированная дѣвушка изъ Портъ-Моресби.

Во всякомъ случаѣ, до изобрѣтенія татуировки практиковалось раскрашиваніе тѣла посредствомъ цвѣтныхъ земель; манипуляцію эту приходилось, однако, постоянно повторять. Сѣверные индѣйцы почти ежедневно раскрашивали себѣ лицо, при чемъ всегда старались произвести впечатлѣніе новыми узорами. Однимъ нравилось раскрашивать себѣ всю голову въ огненно-красный цвѣтъ, другіе прибавляли къ этому черныя пятна, третьи раскрашивали себѣ лицо на-половину красной, на-половину черной краской. Гуроны пробѣгали сѣгомъ 20 миль, чтобы достать ту или другую земляную краску. Такой обычай и теперь еще существуетъ какъ въ Сѣверной,

Раскрашенные австралійцы, пляшущіе танецъ „корробори“.
(Изъ Brough Sm:th, „Australia“).

такъ и въ Южной Америкѣ. Даже бѣдные обитатели Огненной земли не отказывали себѣ въ этомъ украшеніи. Въ предпрошломъ столѣтіи, когда европейцы познакомились съ ними, ихъ мода предписывала имъ обводить вокругъ глазъ бѣлой краской, а остальную часть лица раскрашивать въ черный и красный цвѣта.

Эти цвѣта являются наиболѣе употребительными въ украшеніяхъ на островахъ Тихаго океана и у австралійцевъ (см. рис. стр. 122). Такъ какъ это раскрашиваніе имѣло цѣлью произвести впечатлѣніе, поразить, то оно примѣнялось преимущественно на войнѣ. Привыкнувъ однимъ своимъ появленіемъ наводить страхъ на животныхъ и обращать ихъ въ бѣгство, человѣкъ желаетъ пользо-

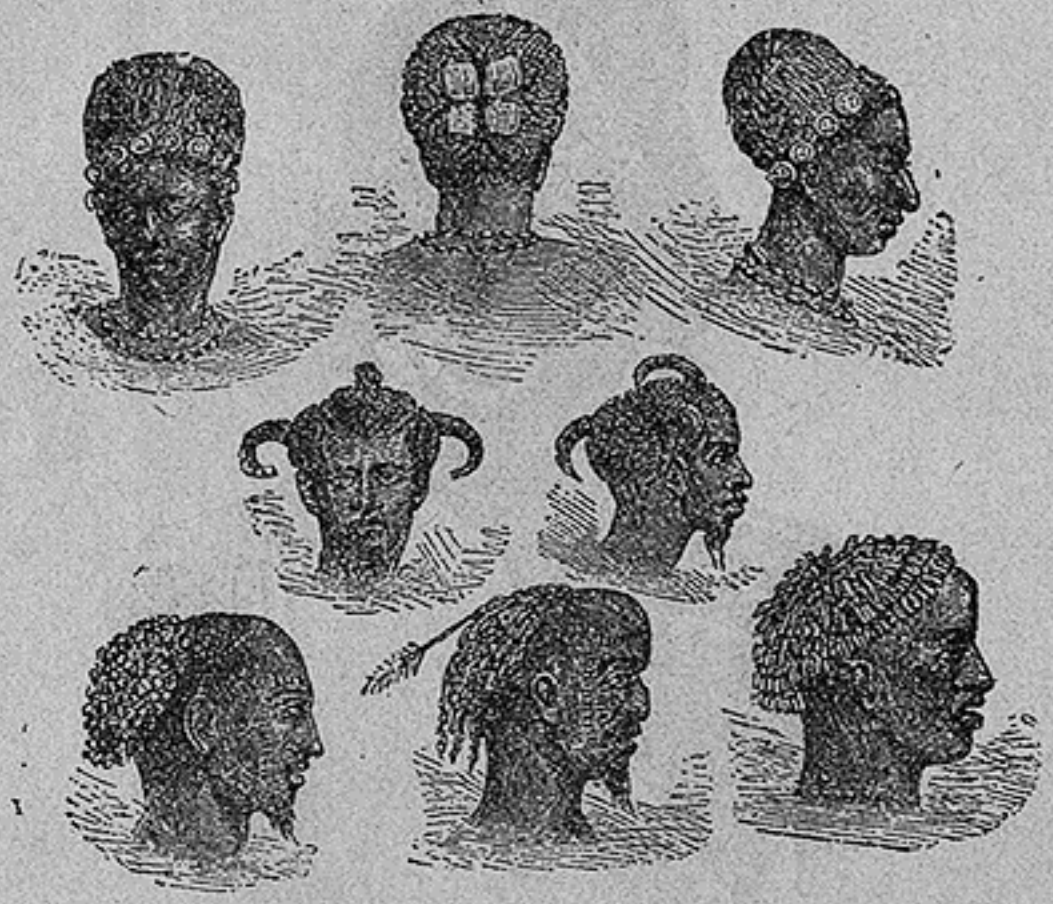

Остъ-индская женщина съ кольцомъ въ носу. (По фотографіи).

ваться такимъ же значеніемъ и среди подобныхъ себѣ; поэтому всякая война у дикарей начиналась съ того, что противники старались своимъ видомъ произвести другъ на друга устрашающее впечатлѣніе. Этотъ древній военный пріемъ оставилъ многочисленные слѣды; сюда должно причислить и перебранку, съ которой любили начинать сраженіе гомеровскіе герои. Сюда же относится и такъ называемый «танецъ вызова» новозеландцевъ, сопровождавшійся страшными гримасами и угрозами, которыя должны были наводить страхъ на противника. Той же цѣли достигали и раскрашиваніемъ лица. Но чтобы имѣть возможность раскрашивать возможно бо́льшую поверхность, естественная поверхность лица увеличивалось такъ называемыми

«боевыми масками». Раскрашиваніе тѣла было въ употребленіи еще во времена Тацита у одного небольшого сѣверо-восточнаго германскаго племени, а у южно-славянскихъ женщинъ употребляется больше красокъ для раскрашиванія лица, чѣмъ у нѣмцевъ, которые вообще стараются только придти на помощь природѣ. Это раскрашиваніе, впрочемъ, уже не имѣетъ въ виду устрашеніе.

Кровопусканіе, которое составляло первоначальную, но позабытую впослѣдствіи цѣль накожныхъ надрѣзовъ, могло быть также выполнено проколомъ губъ, ушей или носа, такъ какъ мѣсто не имѣло значенія. Затѣмъ стали стремиться къ тому, чтобы рана, какъ знакъ союза, оставалась открытой и,такимъ образомъ, тѣмъ же путемъ пришли къ новому роду «украшенія». Ботокуды съ большой торжественностью выполняли це-

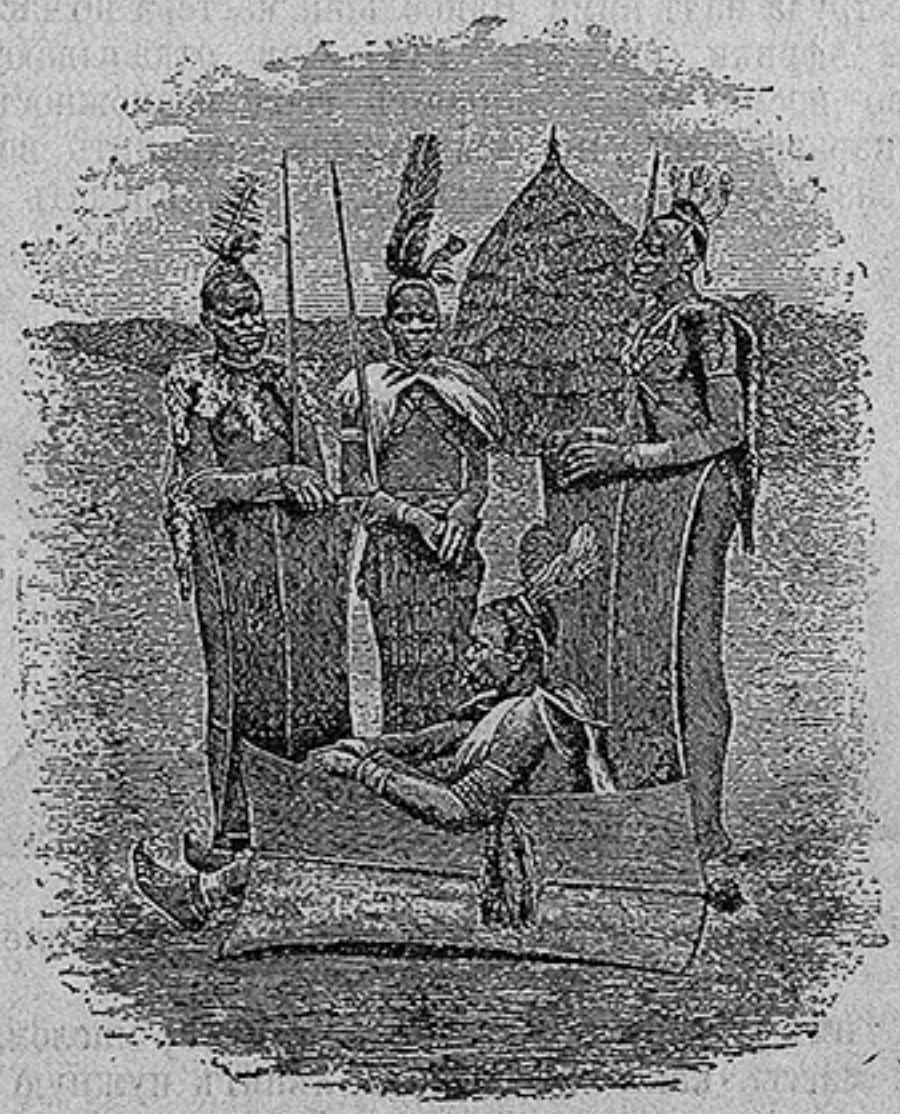

Прически въ В. Африкѣ. (Кэмеронъ, „Поперекъ Африки“).

ремонію прокалыванія нижней губы надъ всѣми своими соплеменниками, не отмѣченными еще этимъ знакомъ. Это отверстіе въ губѣ, какъ и всякое племенное отличіе, составляло предметъ большой гордости; поэтому его старались не только держать открытымъ, протыкая его заостренной палочкой, но, по возможности, и расширять. Къ подобному же идеалу красоты стремятся и мелкія африканскія племена. Болѣе распространенъ обычай пользоваться для этой цѣли мочкой или краемъ уха (см. рис. стр. 118) или мясистой частью носа. Древніе перуанцы имѣли при этомъ въ виду и древній смыслъ описываемаго обычая. Когда инки принимали юношу въ свой семейный союзъ, они прокалывали ему уши, и, чтобъ не дать отверстіямъ закрыться, вдѣвали въ нихъ кольца. У другихъ народовъ кольцо рано сдѣлалось главнымъ предметомъ украшенія. Сѣверные индѣйцы растягивали себѣ, насколько

было возможно, мочку уха, вставляя въ отверстіе всякаго рода блестящіе предметы; нѣкоторые носили кольца въ носу. И тотъ, и другой обычаи распространены въ Австраліи, Полинезіи, Остъ-Индіи (рис. стр. 123) и Африкѣ. Многіе австралійцы щеголяли большой костью, которую они постепенно протыкали сквозь носовую перегородку. Австралійцы и новозеландцы любили возможно большія ножныя кольца. Гвіанскіе индѣйцы довольствовались тѣмъ, что протыкали себѣ носъ и уши бамбуковой палочкой.

У насъ, правда, вывелся неудобный обычай носить носовыя кольца, но ношеніе ушныхъ колецъ сохранилось и теперь. Даже мужчины носятъ

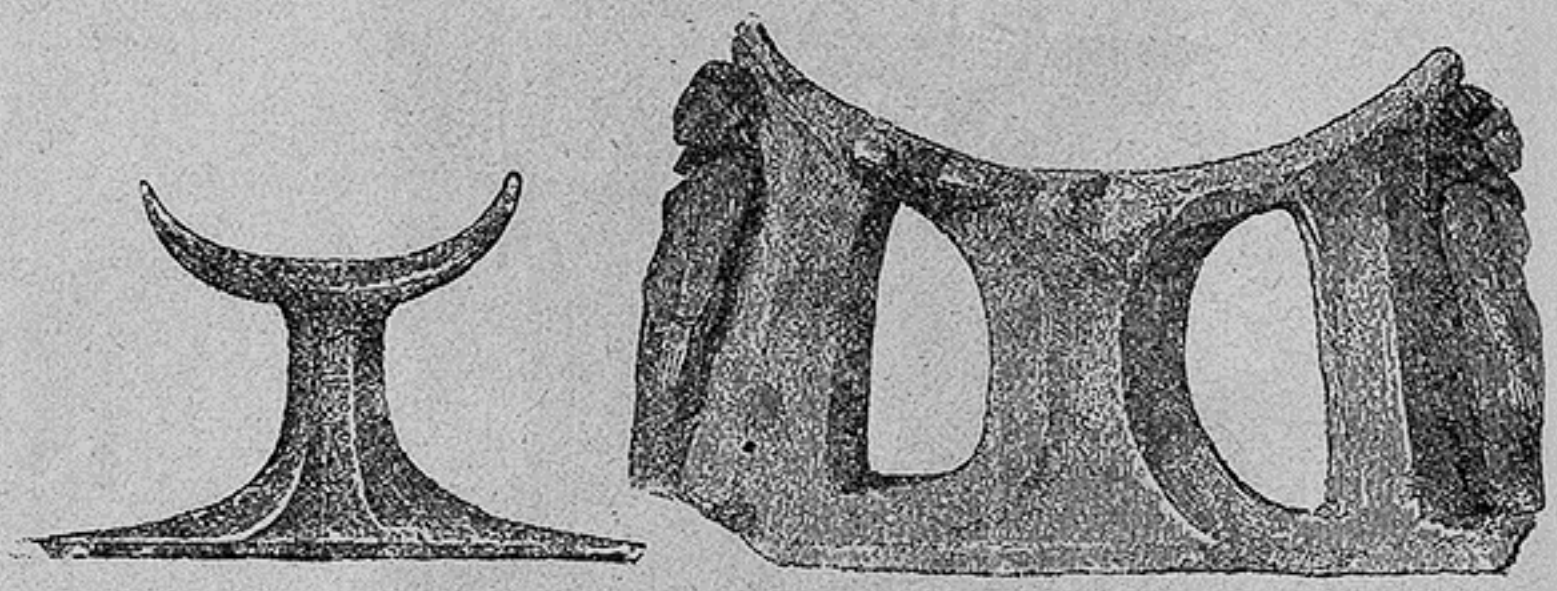
Воины изъ племени Шули. (Гартманъ, „Нильскія страны“).

еще одну сережку, что иногда связано съ обѣтомъ, даннымъ какому-нибудь покровителю-святому ради избавленія отъ болѣзни. Въ этомъ случаѣ еще сохраняется древнѣйшій смыслъ обычая.

Такъ же обстоитъ дѣло и съ прическами. Человѣкъ смотрѣлъ на свои волосы или какъ на простое украшеніе головы, или желалъ изъ нихъ сдѣлать какое-нибудь особенное и отличительное украшеніе, а также и воспользоваться ими, какъ естественнымъ мѣстомъ для украшеній. Прически имѣютъ связь и съ религіозными обычаями, и особая форма ихъ часто является такимъ же отличительнымъ признакомъ племени или орды, какъ и надрѣзы на кожѣ. Монгольско-китайская коса почти настолько же сохранила остатокъ своего священнаго значенія, какъ и плѣшь бонзъ, и, различная,

смотря по ордену, тонзура католическихъ монаховъ. У древнихъ сѣверныхъ индѣйцевъ былъ обычай остригать волосы на головѣ, оставляя лишь пучокъ на макушкѣ. Изъ этого пучка они сплетали двѣ перевитыя лентами косы, которыя свѣшивались по обѣимъ сторонамъ. На макушкѣ они втыкали въ волосы какія нибудь-бросающіяся въ глаза перья, а на косы навѣшивали, сколько у нихъ было, колецъ, коралловъ, раковинъ и серебряныхъ застежекъ.

Изобрѣтательность въ придумываніи новыхъ прическъ у африканца положительно неистощима. Исключеніе составляютъ лишь готтентоты, волосы которыхъ, растущіе пучками, на подобіе перечныхъ зеренъ, не вознаграждаютъ такого труда надъ ними. Наибольшіе мастера по части прическъ—жители Восточной Африки (рис. стр. 124). Они отказываютъ себѣ даже въ удобствахъ во время сна и лишаютъ себя возможности удалять съ головы мелкихъ паразитовъ, лишь бы дольше сохранить во всей первоначальной красѣ разъ сдѣланную прическу. Чтобы придать волосамъ опре-

Египетскіе головодержатели. (Изъ Magazin pittoresque, 1883).

дѣленную форму, ихъ густо намазываютъ глиной, масломъ и лакомъ, и изъ этой плотной массы, какъ изъ войлока, лѣпятъ нужную форму. Забота объ этомъ украшеніи привела людей къ изобрѣтенію деревянной головной подставки, которую мы часто встрѣчаемъ и среди древне-египетской утвари. Она состоитъ изъ куска дерева, вырѣзаннаго въ видѣ рога луны, на низкой ножкѣ (см. рис. выше). Это приспособленіе замѣняло подушку. Мы видимъ отсюда, какое важное значеніе имѣло для обнаженнаго человѣка украшеніе! Едва ли возможно было бы перечислить здѣсь всѣ болѣе или менѣе замѣчательныя прически, съ которыми насъ уже познакомили путешественники.

Обычай этотъ, впрочемъ, не исключительно африканскій: онъ распространенъ во всѣхъ частяхъ свѣта, хотя сѣверные народы вынуждены были носить свои племенныя и родовыя отличія, а также и украшенія, больше на платьѣ, чѣмъ на тѣлѣ. Сіамецъ бреетъ себѣ голову, оставляя лишь на макушкѣ круглый островокъ волосъ, подстриженныхъ на подобіе щетки. Древній японецъ брилъ переднюю половину головы и зачесывалъ прядь волосъ сзади напередъ. Извѣстно, что монголъ очень любитъ свою косу.

Но и у славянскаго князя Святослава, который въ 971 году велъ переговоры съ византійскимъ императоромъ, голова была, судя по описаніямъ, гладко острижена, а съ макушки свѣшивалась прядь волосъ; въ ушахъ онъ носилъ кольца. Германцы-свевы связывали свои длинные волосы на темени узломъ, и волосы ихъ свѣшивались на спину, вродѣ лошадиной гривы. Кельты также связывали волосы узломъ, какъ это дѣлаютъ теперь женщины. Такая же мода существуетъ и у сингалезовъ, а новозеландцы, такъ же, какъ наши женщины, втыкали въ этотъ узелъ высоко торчащій гребень.

Какъ ненормальное явленіе этого рода слѣдуетъ указать обычай, распространенный у разныхъ племенъ, и въ особенности у африканцевъ,— отбивать и подпиливать зубы, что также служитъ лишь отличительными знаками племеннаго единства.

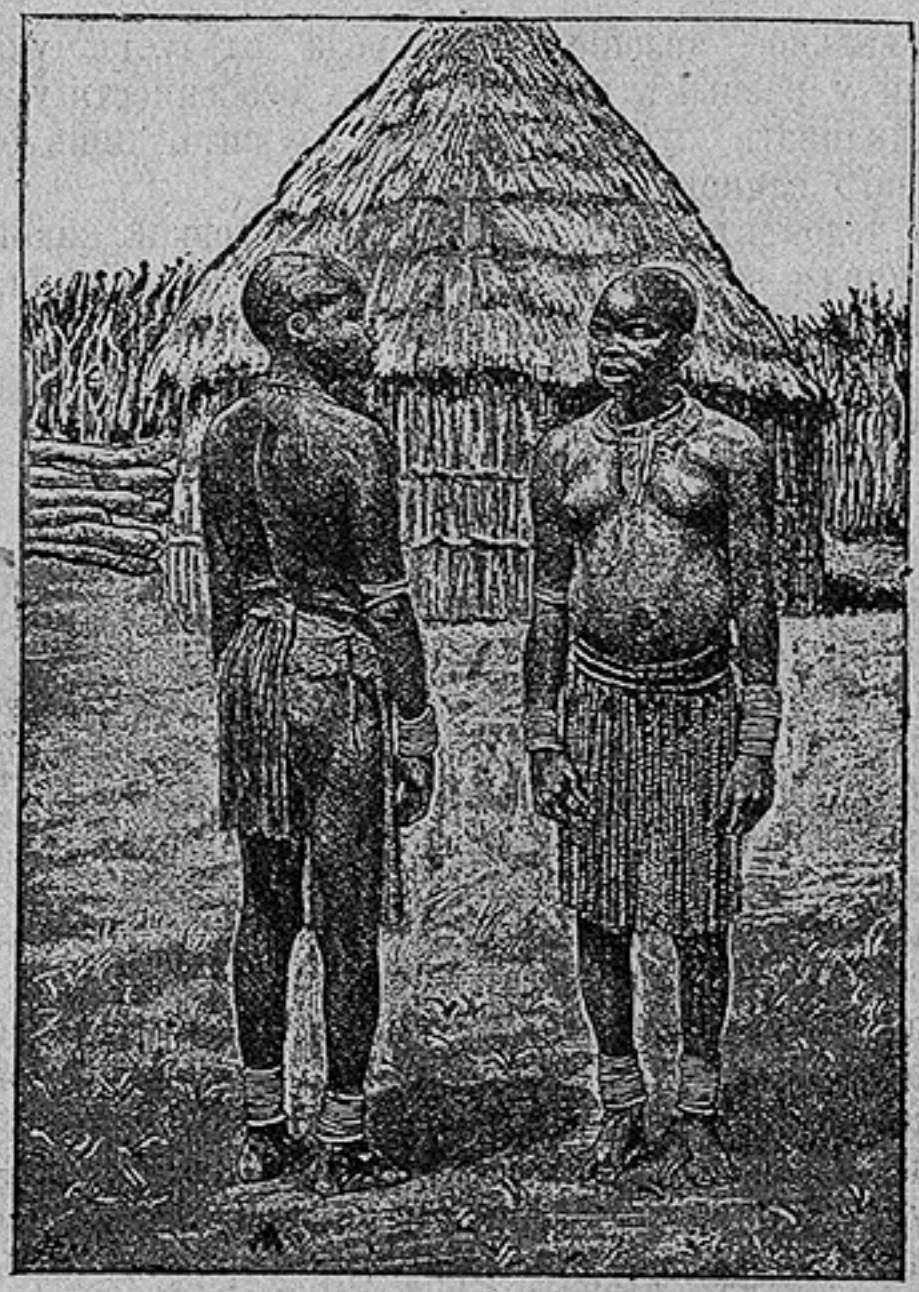
Какъ только человѣкъ сталъ пользоваться веревкой, какой бы то ни было формы, онъ получилъ возможность прикрѣплять украшенія, кромѣ носа и ушей, и ко многимъ другимъ частямъ тѣла; при помощи тесемки, можно привѣшивать предметы украшенія, и сама тесемка или повязка, будучи разукрашена, становится важнымъ предметомъ украшенія. Эта склонность оставила слѣды и въ нѣмецкомъ языкѣ: виноградная лоза (Rebe) у нѣмцевъ имѣетъ вообще значеніе гибкой вѣтви. Но, расщепляя ее, мы получаемъ дранку, которая представляетъ собой древнѣйшую тесемку. Еще и теперь нѣмцы называютъ ее «Rebschnur» (шнуръ изъ лозы), а по нижне-нѣмецки веревочный мастеръ называется «Rebschläger». Обручъ (Reif) представляетъ другое видоизмѣненіе того же слова (Rebe); такимъ образомъ, изъ шнура произошло кольцо. Намъ не приходится доискиваться, какія части своего тѣла хотѣлъ украшать первобытный человѣкъ. Для него вопросъ заключался лишь въ томъ: гдѣ возможно прикрѣпить предметы украшенія посредствомъ шнура? На этотъ вопросъ отвѣтить не трудно, и потому всѣ люди отвѣчали на него одинаково. Это — тѣ части тѣла, которыя внизу представляютъ естественную опору для повязки; — таковы голова въ области висковъ съ опорой ушныхъ раковинъ и выступа лба, шея, поясничная область, въ которой опорой служатъ бедра, сочлененія кисти руки и стопы и верхняя часть руки, гдѣ повязка удерживалась крупными мышцами.

Головная скамейка съ Замбези, въ юго-восточной Африкѣ. (Изъ H. Schurtz, Urgesch. d. Kultur).

Ко всѣмъ этимъ частямъ тѣла безъ исключенія обнаженный человѣкъ привѣшивалъ свои украшенія (рис. стр. 128), но все-таки самыми удобными для этой цѣли частями оставались плечи и бедра; отсюда возникли, съ одной стороны, шейное украшеніе, не вышедшее и до сихъ поръ изъ употребленія, а, съ другой стороны, скромные зачатки одежды, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ ношеніе одежды не вызывалось необходимостью. Предположеніе, что природное чувство стыдливости вызвало ношеніе вокругъ бедръ пояса съ подвѣсками, который постепенно превратился въ одежду, оказывается, при ближайшемъ знакомствѣ съ фактами, лишеннымъ всякаго основанія. Многіе дикари не обнаруживали никакихъ признаковъ такого чувства. Чувство стыдливости явилось лишь вмѣстѣ съ

обычаемъ покрывать тѣло одеждой, при чемъ на развитіе его съ теченіемъ времени стали оказывать вліяніе и другіе моменты. Первоначально это чувство относилось лишь къ тѣмъ частямъ тѣла, гдѣ украшеніе раньше всего превратилось въ одежду; отсюда оно такимъ же путемъ распространилось постепенно по всему тѣлу въ томъ же порядкѣ, какъ и сама одежда. Поэтому въ разныхъ частяхъ свѣта чувство стыдливости такъ же не установлено, какъ и виды одежды; и даже у насъ это чувство колеблется въ зави-

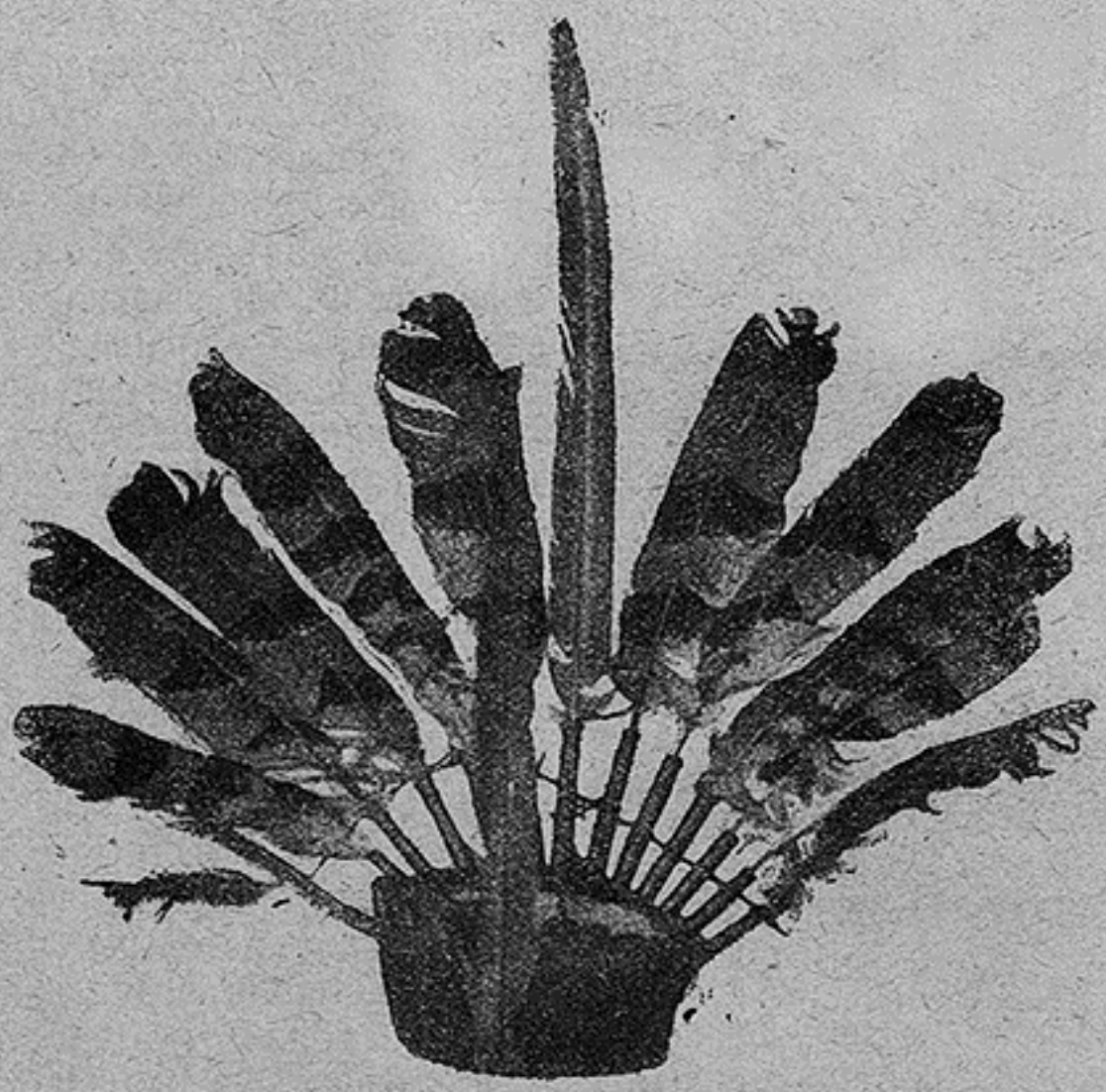

Наряженныя дѣвушки племени Бари. (Съ фот. Бухты).

симости отъ моды. Впрочемъ, у насъ имѣютъ вліяніе и другія соображенія, которыхъ не можетъ быть у дикаря.

Бэкеръ нашелъ латуковъ въ области африканскихъ озеръ совершенно обнаженными. Въ такомъ же видѣ нашелъ Ливингстонъ бавовъ на Замбези, причемъ онъ убѣдился, что они вовсе не понимали его вопросовъ относительно стыда. Повязки, которыя женщины носили на животѣ, служили, по свидѣтельству этого миссіонера, исключительно для украшенія. Такихъ примѣровъ можно привести очень много. Во всякомъ случаѣ для лучшихъ украшеній избирались предпочтительно мѣста, по отношенію къ которымъ раньше

всего проявилось чувство стыдливости; но и это правило не безъ исключеній. Кукъ нашелъ обитателей юго-восточной Австраліи безъ всякой одежды; главное украшеніе свое, кость, они носили въ носу. У другихъ на шеѣ и на рукахъ висѣли ожерелья изъ раковинъ; но вокругъ бедръ они опоясывали только шнурокъ изъ человѣческихъ волосъ. Древніе карибы ходили обыкновенно совершенно обнаженными, а если они къ поясу и привѣшивали раковину, то это дѣлалось лишь ради украшенія, такъ какъ раковину надѣвали лишь въ торжественныхъ случаяхъ. Но этотъ обычай все болѣе

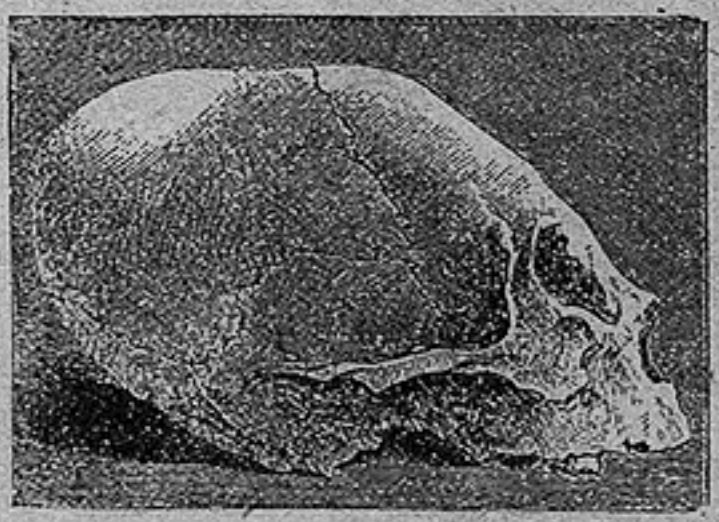
Головное украшеніе бакаиріевъ въ Бразиліи. (Изъ H. Schurtz, Urg. d. Kult.).

и болѣе распространялся. Къ поясу, который изъ всѣхъ повязокъ оказывался самой удобной, привѣшивали крупные предметы украшенія: раковины, корку тыквы, листья, звѣриныя шкуры, предметы, сплетенные изъ травы, пестрые лоскутки. Даже пестро раскрашенную матерію, которую изготовляли таитяне, они носили на бедрахъ не въ качествѣ одежды, а какъ бросающееся въ глаза украшеніе. У африканскихъ женщинъ поясъ, служившій имъ украшеніемъ, превратился въ изящный передникъ, съ которымъ они не разстаются. Другія украшали поясъ, привѣшивая къ нему еще сзади звѣриный хвостъ. Когда человѣкъ научился изготовлять матеріи, поясъ превратился въ передникъ, охватывающій все тѣло. Этимъ заканчивается одежда, которая исходитъ исключительно изъ потребности въ украшеніи.

Древніе египтяне заимствовали эти первичныя части одежды у обитателей тропическаго климата, сохранивъ и поясъ съ изукрашенными подвѣсками, въ видѣ передника, и привѣшеннымъ сзади украшеніемъ въ видѣ хвоста. Все одѣяніе часто состояло у нихъ изъ такого передника съ полотняной полоской, колецъ на верхней и нижней части руки, разукрашеннаго воротника, образовавшагося изъ ожерелья, и изъ обруча вокругъ головы.

Головной обручъ въ своемъ развитіи не пошелъ такъ далеко, какъ поясъ, но въ исторіи ихъ много сходнаго.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти украшенія получили свое развитіе преимущественно въ тропическомъ климатѣ; но свойство человѣка—хвататься раньше, чѣмъ за что-либо полезное, за суетное украшеніе—обнаруживается далеко за предѣлами тропиковъ. Жители Огненной земли въ своей бѣдной странѣ произвели на Кука чрезвычайно жалкое впечатлѣніе; тѣмъ не менѣе, у нихъ не было никакихъ желаній. «Они, казалось, не желали ничего больше того, что у нихъ было. Изъ всего, что мы имъ показывали, имъ, повидимому, понравилось только украшеніе, безъ котораго они могли бы скорѣе всего обойтись, именно стеклянные кораллы». То же самое замѣтилъ онъ и у австралійцевъ: «Они точно такъ же, какъ и жители Огненной земли, ходятъ совершенно нагими, и вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется, не менѣе послѣднихъ любятъ украшать себя. Одинъ изъ нихъ, которому я подарилъ кусокъ старой рубахи, обвязалъ имъ себѣ голову, въ видѣ тюрбана, вмѣсто того, чтобы прикрыть какую-нибудь часть тѣла». Австралійцы, которыхъ Филипъ нашелъ въ Ботанибеѣ, въ ихъ естественномъ состояніи ходили также совершенно обнаженными, но «повидимому, очень любили украшать себя». Все, что имъ дарили, они навѣшивали себѣ на голову или на шею.

Аймарскій черепъ.

Стремленіе пріобрѣсти отличительные признаки, видоизмѣняя насильственными пріемами формы тѣла, также не представляетъ единичнаго явленія; оно обнаруживается у многихъ вполнѣ чуждыхъ другъ другу народовъ. Нѣкоторымъ племенамъ сѣверныхъ индѣйцевъ въ качествѣ такого отличія нравилась высокая форма головы, и они старались добиться этого, постепенно сжимая у своихъ дѣтей лобъ особымъ аппаратомъ, прикрѣпленнымъ къ колыбели. Древніе перуанцы стремились придать головѣ низкую и продолговатую форму (см. рис. выше). Въ древнія времена подобный обычай былъ, повидимому, широко распространенъ и у другихъ народовъ. Нѣкоторыя малайскія племена точно также имѣли обыкновеніе сдавливать черепъ, и сверхъ того—впрочемъ, безъ большого успѣха,—сплющивать носъ и вытягивать уши.

Обыкновеніе китайскихъ женщинъ уродовать себѣ ноги—фактъ общеизвѣстный.

Родиной настоящей одежды является сѣверъ; но и въ умѣренныхъ странахъ встрѣчаются оба вида ея, вслѣдствіе чего невозможно бываетъ опредѣлить,—

къ какому изъ нихъ принадлежатъ, напр., египетское женское одѣяніе или древній хитонъ. Мы уже видѣли, что въ сѣверныхъ странахъ матеріаломъ для одежды служили звѣриныя шкуры. Въ южныхъ странахъ на ихъ

Справа: Чилійскій служитель въ пончо. (Изъ Гэй „Чили").

мѣсто выступаютъ матеріи, сплетенныя или вытканныя изъ шерсти животныхъ, а затѣмъ—изъ растительныхъ веществъ, похожихъ на шерсть. Форма ихъ первоначально та же, что у звѣриныхъ шкуръ въ ихъ естественномъ видѣ. Такъ, мадьярскій магнатъ и теперь еще въ торжественныхъ случаяхъ надѣваетъ поверхъ платья тигровую шкуру. Постепенно,

путемъ сшиванія отдѣльныхъ шкуръ, научаются изготовлять одежду желательной формы; такимъ образомъ, является южно-африканскій карос̀ъ или мѣховая накидка. Обычная форма ея—продолговатая, четыреугольная; на груди она стягивается съ помощью шипа или болѣе художественной застежки (фибулы). Эта форма повторяется на всемъ земномъ шарѣ, какъ общая для матерій подобнаго рода. Такой же плащъ представляютъ собой новозеландская циновка изъ мѣстнаго льна, шотландскій пледъ и восточная шаль, отличающаяся особой тонкостью работы. Такъ же, какъ на краяхъ новозеландской циновки выступали остатки листьевъ, у пледа и шали остатокъ нитей образуетъ бахрому. Римская тога отличается только болѣе удобнымъ покроемъ. Но и четыреугольный плащъ можно носить еще инымъ образомъ, если онъ достаточно широкъ и длиненъ, а именно въ серединѣ прорѣзываютъ отверстіе и просовываютъ въ него голову. Такую одежду представляетъ нынѣшній южно-американскій пончо (рис. стр. 131); риза католическихъ священниковъ также непосредственно ведетъ свое происхожденіе отъ этой формы. Вездѣ, гдѣ была въ употребленіи настоящая одежда, этотъ плащъ, какой бы формы и изъ какой бы матеріи онъ ни дѣлался, удержался въ качествѣ верхней одежды.

Тобе. (Нахтигаль, „Суданъ и Сахара“).

У многихъ народовъ такая одежда сохранилась даже въ суровомъ климатѣ. Однако, въ домашнемъ обиходѣ, а также при нѣкоторыхъ работахъ на воздухѣ, чувствовалась необходимость въ платьѣ, болѣе легкомъ и лучше охватывающемъ тѣло; такимъ образомъ, явилось нижнее платье, которое, смотря по надобности, носили отдѣльно или вмѣстѣ съ верхнимъ. Нижнее платье могло развиться и изъ передника тропическихъ народовъ, если онъ дѣлался изъ достаточно широкой матеріи и закрывалъ ноги по колѣна. Но на Сѣверѣ эта форма одежды произошла изъ стремленія не стѣснять свободы рукъ и ногъ при закутываніи въ верхнюю мѣховую одежду. На Югѣ такое же платье изготовлялось изъ болѣе мягкихъ и легкихъ матерій, и, въ особенности, на Востокѣ, оно превратилось въ широкую одежду со множествомъ складокъ. Простое нижнее платье соотвѣтствовало человѣческому туловищу и охватывало тѣло, въ видѣ трубки, отъ подмышечныхъ впадинъ до бедръ, а у женщинъ, которымъ не приходилось упражняться въ бѣгѣ, оно спускалось еще ниже. Древнѣйшая одежда этого рода состояла, безъ сомнѣнія, изъ одной только шкуры, которую обертывали вокругъ тѣла и завязывали шнурками. Въ южныхъ странахъ отсюда произошли сшитыя вмѣстѣ шерстяныя или полотняныя платья, напоминающія мѣшокъ безъ дна. Поднимая это платье до рукъ, можно было верхній край его укрѣпить въ двухъ мѣстахъ на плечахъ. Это—типъ греческаго хитона. Египетское женское

платье этого рода, относительно происхожденія котораго трудно высказаться опредѣленно, укрѣплялось на плечахъ завязками. Еще немного, и эти плечевыя завязки стали неотдѣлимой частью платья, такъ что оно скорѣе походило на замкнутый мѣшокъ, въ которомъ оставлены только отверстія для головы и рукъ. Въ этотъ періодъ мы встрѣчаемся въ Суданѣ съ арабскимъ широкимъ «тобе» (см. рис. стр. 132). По тому, какъ этимъ платьемъ пользуются, напр., жители Борну, путешественикъ можетъ заключить, что оно явилось не вслѣдствіе потребности въ одеждѣ, а какъ результатъ сѣвернаго вліянія. Если тамъ кто-либо желаетъ произвести особое впечатлѣніе на своего гостя, онъ напяливаетъ на себя весь свой запасъ драгоцѣнныхъ тобе, превращаясь, такимъ образомъ, въ гигантскій тюкъ матерій, а затѣмъ, для разнообразія, онъ снова ходитъ голымъ.

Египетское женское исподнее платье имѣетъ то общее съ передникомъ, что оно завязывается подъ грудью. Тамъ, гдѣ на низкихъ ступеняхъ культуры встрѣчается женское платье, оно завязывалось надъ грудью, подъ мышками, для того, чтобы руки оставались свободными.

Въ умѣренномъ климатѣ такой одежды, къ которой всегда прибавлялись кожаныя подошвы на ногахъ, было достаточно. Даже въ болѣе суровомъ климатѣ она была удобна для домашнихъ женскихъ работъ. Но мужчина, при работахъ на воздухѣ, одѣвалъ свои руки и ноги такъ же, какъ онъ одѣвалъ прежде туловище, т. е. обвертывалъ каждую конечность особой шкурой. Рукава и шаровары представляли вначалѣ самостоятельныя части одежды; римляне познакомились съ ними только у болѣе сѣверныхъ народовъ, а именно у галловъ. Уже наше выраженіе «пара брюкъ» свидѣтельствуетъ, что каждая половина составляла отдѣльную часть одежды. Ими плотно обертывали конечность, укрѣпляя ихъ ремнями или тесемками. Лишь послѣ того, какъ эти отдѣльныя части и одежда, покрывающая все тѣло, сообразно съ условіями климата, стали сшиваться вмѣстѣ и приготовляться изъ тканыхъ матерій, стало возможно и приготовленіе широкихъ, складчатыхъ одеждъ, а въ частности платья съ рукавами.

Новымъ видоизмѣненіямъ одежда подвергалась также на Сѣверѣ, преимущественно вслѣдствіе того, что употребленіе шерстяныхъ и льняныхъ тканей преобразовало нѣкоторыя части ея и прибавило новыя. Такъ, ни германцы въ эпоху звѣриныхъ шкуръ, ни древніе римляне не были знакомы съ нашей рубашкой, которая намъ кажется теперь столь необходимой. Это легкое одѣяніе, которое и въ лѣтнее время нисколько не отягощало человѣка, удовлетворяя вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтенному имъ чувству стыдливости, а зимой являлось промежуточной средой между тѣломъ и грубой, всегда полной паразитами, шубой, было вызвано потребностями жителя Сѣвера. Названіе camisia (chemise)—галльскаго происхожденія, и Плиній еще зналъ римскія семьи, которыя въ его время не признавали этого нововведенія.

Жилища и постройки.

Одежда и жилище нѣкогда находились въ очень близкомъ родствѣ между собою. Жилище было только болѣе обширной общей одеждой небольшой группы людей; поэтому, даже въ довольно позднія эпохи, во многихъ мѣстахъ одежду снимали въ жилищѣ или ее не давали тѣмъ, ко-

торые оставались дома. Въ Египтѣ даже дочери царей, судя по изображеніямъ, ходили дома совершенно нагими, пока онѣ не вступали въ жизнь. Однако, развитіе жилища и одежды не шло одинаковыми шагами. Во многихъ мѣстахъ можно было вполнѣ обойтись безъ одежды, но жилище стало вездѣ необходимымъ съ того момента, какъ маленькія группы людей научились дорожить благодѣтельнымъ огнемъ.

Разсматривая самые разнообразные виды постройки жилищъ, мы замѣчаемъ, что человѣкъ всегда старался приноровить постройку жилища къ поддержанію огня. Если бы человѣкъ только руководился заботой о защитѣ собственнаго тѣла, а не о поддержаніи огня, онъ, по крайней мѣрѣ, въ тропическихъ странахъ, не пошелъ бы дальше обезьяны, укрывающейся въ гнѣздѣ изъ вѣтвей деревьевъ. И здѣсь мы снова можемъ

Хижина на озерѣ Морья. (Изъ Кэмерона „Поперекъ Африки“).

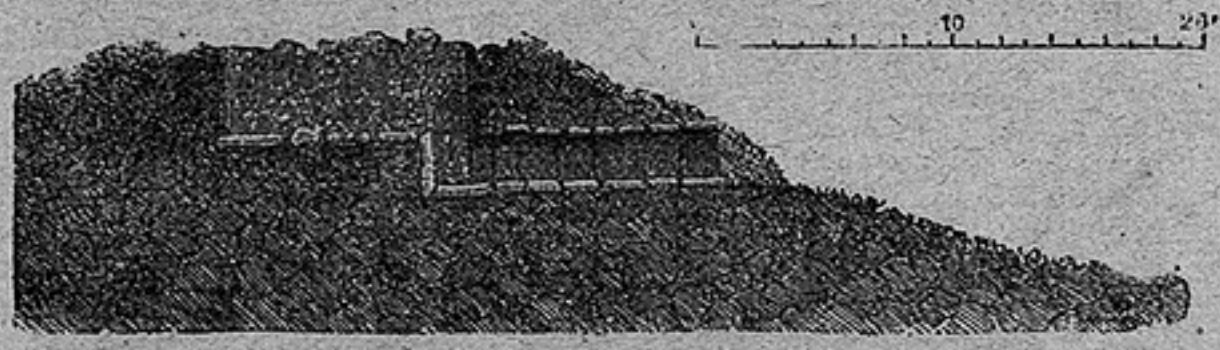
видѣть, какое значительное, почти забытое участіе въ культурной работѣ принимала женщина въ древнія времена. На ней лежала, какъ мы видѣли, забота объ огнѣ, но отсюда само собой слѣдуетъ, что и постройка жилища вошла въ кругъ ея обязанностей. Женщина является первой строительницей; подъ ея властью находится весь домъ.

Если мы оставимъ въ сторонѣ слѣды человѣческаго строительства до открытія огня, а также нѣкоторыя исключительныя условія, то мы замѣтимъ двѣ главныя формы защиты, которыя мы для краткости назовемъ *заслономъ отъ вѣтра* и *землянкой*. Та или другая форма въ зависимости отъ климата получала большее значеніе и развитіе; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обѣ формы развивались рядомъ, причемъ землянка служила зимнимъ жилищемъ, а заслонъ—лѣтнимъ.

Съ усовершенствованіемъ постройки послѣдняго, онъ соединяется съ первой или совершенно вытѣсняетъ ее, и ямы эти остаются только въ

качествѣ кладовыхъ. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, необходимо бываетъ оградить отъ нападенія дикихъ звѣрей мѣсто стоянки, домъ и кладовую. Такія приспособленія дѣлались человѣкомъ во всѣхъ странахъ, но, тѣмъ не менѣе, они не составляютъ необходимаго звена въ развитіи строительнаго искусства.

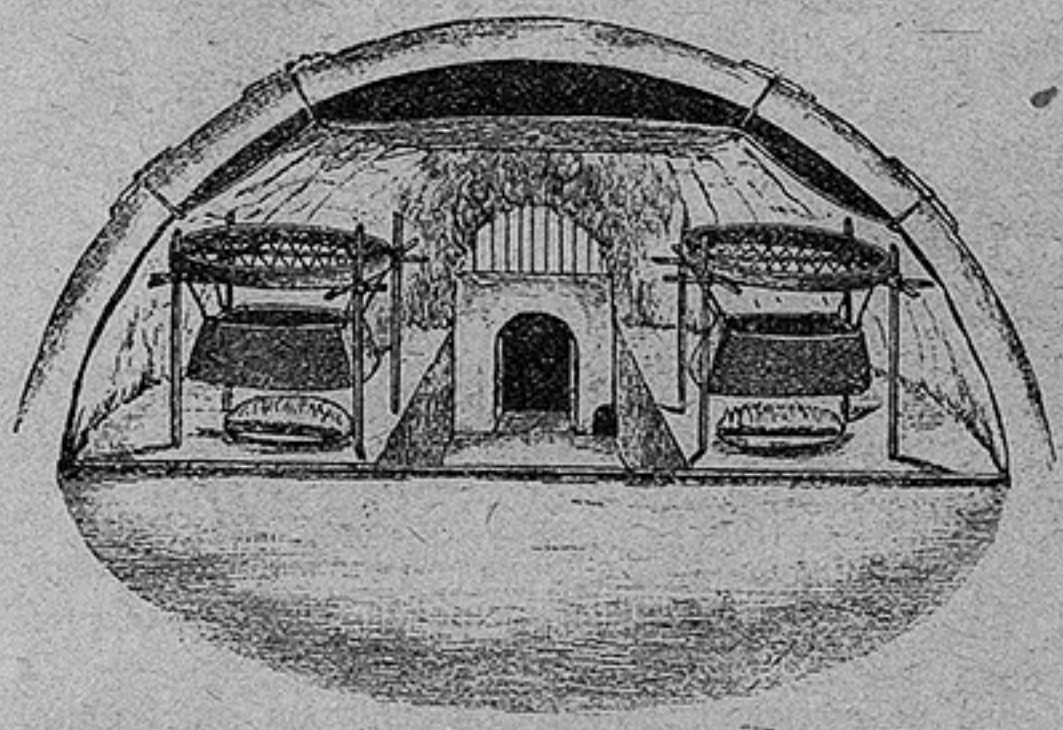
Во внутренней Африкѣ (см. рис. стр. 134) и Южной Америкѣ, гдѣ, благодаря влажному и теплому климату, существуетъ безчисленное множество опасныхъ пресмыкающихся, человѣкъ не могъ устраивать себѣ помѣщеніе для ночлега на землѣ,—и здѣсь—настоящая родина висячихъ коекъ (гамака). Дома въ такихъ странахъ строятъ на сваяхъ. Въ Индо-Китаѣ и на нѣкоторыхъ смежныхъ островахъ къ такому способу постройки вынуждаетъ жителей измѣнчивый уровень воды. И въ Европѣ нѣкогда существовали такія свайныя постройки, принадлежавшія одному развитому племени, жившему по берегамъ озеръ, а на Сѣверѣ нашли полезнымъ устраивать такимъ же способомъ житницы въ защиту отъ наводненій и грызуновъ.

Продольный разрѣзъ эскимосской хижины. (Изъ: „Второй германской экспедиціи къ сѣверному полюсу въ 1869—70 гг. подъ начальствомъ капитана Кольдевея“).

Наглядный примѣръ, если не самаго первобытнаго способа постройки, то, по крайней мѣрѣ, поперемѣннаго пользованія лѣтнимъ и зимнимъ жилищемъ, представляло намъ еще лѣтъ сто тому назадъ кочующее племя эскимосовъ въ Гренландіи. Хотя эту форму жилища мы должны считать уже болѣе высокой ступенью развитія строительнаго искусства, но въ ней мы можемъ найти исходную точку и болѣе, и менѣе совершенныхъ построекъ. Зимнія жилища гренландцевъ можно попросту назвать подземельями (см. рис. выше и на стр. 137); хотя они не выкопаны въ землѣ, а возведены искусственно надъ землей, но зимой когда толстый слой снѣга покрываетъ мѣстность, дома эти становятся подземнымъ жилищемъ и доставляютъ такую же защиту человѣку. Выкапывать ямы въ скалистой почвѣ было бы слишкомъ трудно, и при таяніи снѣга туда стекала бы вода. Поэтому, гренландецъ находитъ болѣе удобнымъ возводить такую постройку на поверхности земли: выбравъ ровное мѣсто, онъ еще лѣтомъ устраиваетъ для своего жилища каменныя стѣны въ 2 сажени шириной и 4 длиной. Промежутки между камнями онъ заполняетъ землей и дерномъ; поперекъ этихъ каменныхъ стѣнъ онъ накладываетъ балки и обломки деревьевъ, выброшенные моремъ, а поверхъ наваливаетъ вересковъ и дернъ. Въ морозную пору такая крыша держится крѣпко, но въ оттепель она обыкновенно обрушивается, и ее ежегодно приходится возобновлять. Вся эта по-

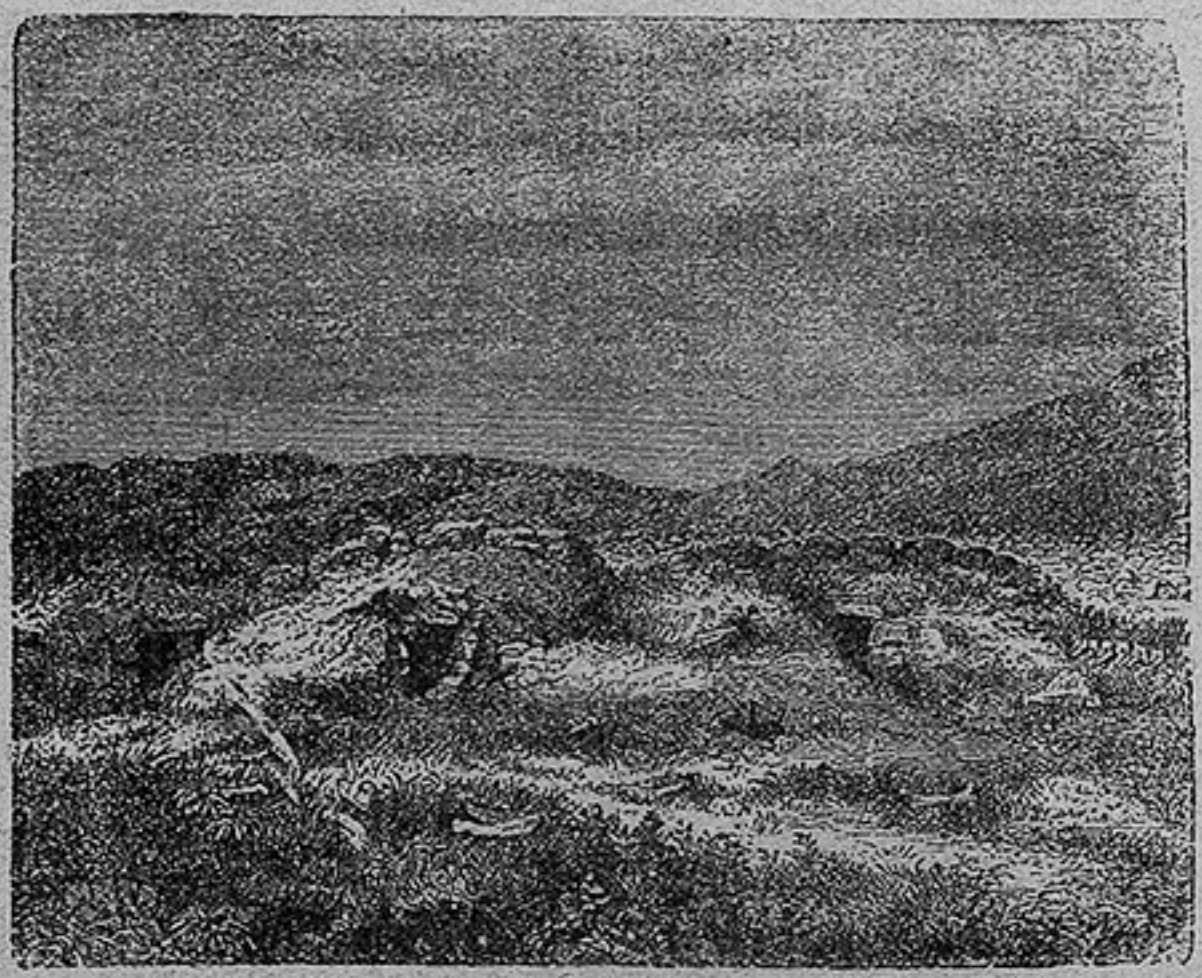
стройка, въ общемъ, представляетъ искусственный холмъ. По направленію къ берегу моря, эскимосъ строитъ такимъ же образомъ, извнутри своего «дома», узкій и длинный проходъ, черезъ который входятъ ползкомъ въ подземелье. Наружное отверстіе этого прохода является вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ проводникомъ внѣшняго воздуха внутрь жилища. Внутренность «дома» дѣлится по длинѣ на двѣ половины,—одну проходную, другую—для спанья. Полъ послѣдней, приблизительно на футъ, выше, чѣмъ въ другой половинѣ, благодаря настланнымъ бревнамъ, покрытымъ всѣми имѣющимися шкурами и шубами. Ночью обитатели здѣсь спятъ, а днемъ сидятъ. На концѣ другой свободной половины находится очагъ, состоящій изъ деревянной колоды, выложенной плоскими камнями. Но въ этой бѣдной дровами странѣ огонь поддерживается только тюленьимъ жиромъ и ворванью, которые, въ большой лампѣ со множествомъ фитилей изъ моху, горятъ день и ночь. Лампа представляетъ собой длинный узкій тазъ, высѣченный изъ «мягкаго камня»(талька)(см. рис. стр. 137 внизу); она служитъ для освѣщенія и отопленія жилища, а также и для варки пищи въ висящемъ надъ ней котлѣ. Отъ жировой лампы, полугнилого мяса въ котлѣ и тщательно сохраняемой мочи для дубленія кожъ и т. п., въ такомъ жильѣ распространяется смрадъ и вонь, между тѣмъ, какъ единственнымъ выходнымъ отверстіемъ служитъ проходъ, общій для нѣсколькихъ, построенныхъ рядомъ подземелій.

Внутренность снѣжнаго дома эскимосовъ. (Изъ H. Schurtz, Urg. d. Kultur).

Постройка этого жилища все таки лежитъ на обязанности женщины; въ сентябрѣ она приступаетъ къ работѣ, а въ началѣ ноября семья перебирается въ новое жилище и остается тамъ до апрѣля или мая, когда таяніе снѣга вынуждаетъ ихъ выбраться оттуда, такъ какъ крыша начинаетъ обваливаться. Но въ эту пору уже приходится искать защиты не столько отъ холода, сколько отъ дождя, а для этого служатъ звѣриныя шкуры. Основаніе для шалаша составляетъ четыреугольная площадка, выложенная камнями. Со всѣхъ четырехъ сторонъ вбиваются жерди, на подобіе дверныхъ косяковъ, и перевязываются ремнями. Затѣмъ, между камнями основанія вбиваются отъ 10 до 40 тонкихъ жердинъ и перегибаются черезъ косяки такъ, что образуется верхняя часть жилища, сходящаяся подъ острымъ угломъ; все вмѣстѣ это покрывается шкурами. Промежутокъ между косяками завѣшивается прозрачной занавѣсью, сшитой изъ тюленьихъ кишекъ. Кушанье варится обыкновенно передъ шалашомъ на

кострѣ, разводимомъ изъ собираемаго втеченіе всего лѣта древеснаго матеріала, приносимаго моремъ. Устройство лѣтняго шалаша, какъ и зимняго жилища,— дѣло рукъ женщины, и «въ то время, какъ онѣ носятъ тяжелые камни, отъ которыхъ у нихъ трещитъ спина, мужчины хладнокровно смотрятъ на это».

Развалины эскимосскихъ хижинъ на островѣ Сабинѣ. — Тотъ же источникъ, изъ котораго взятъ 38 рис.).

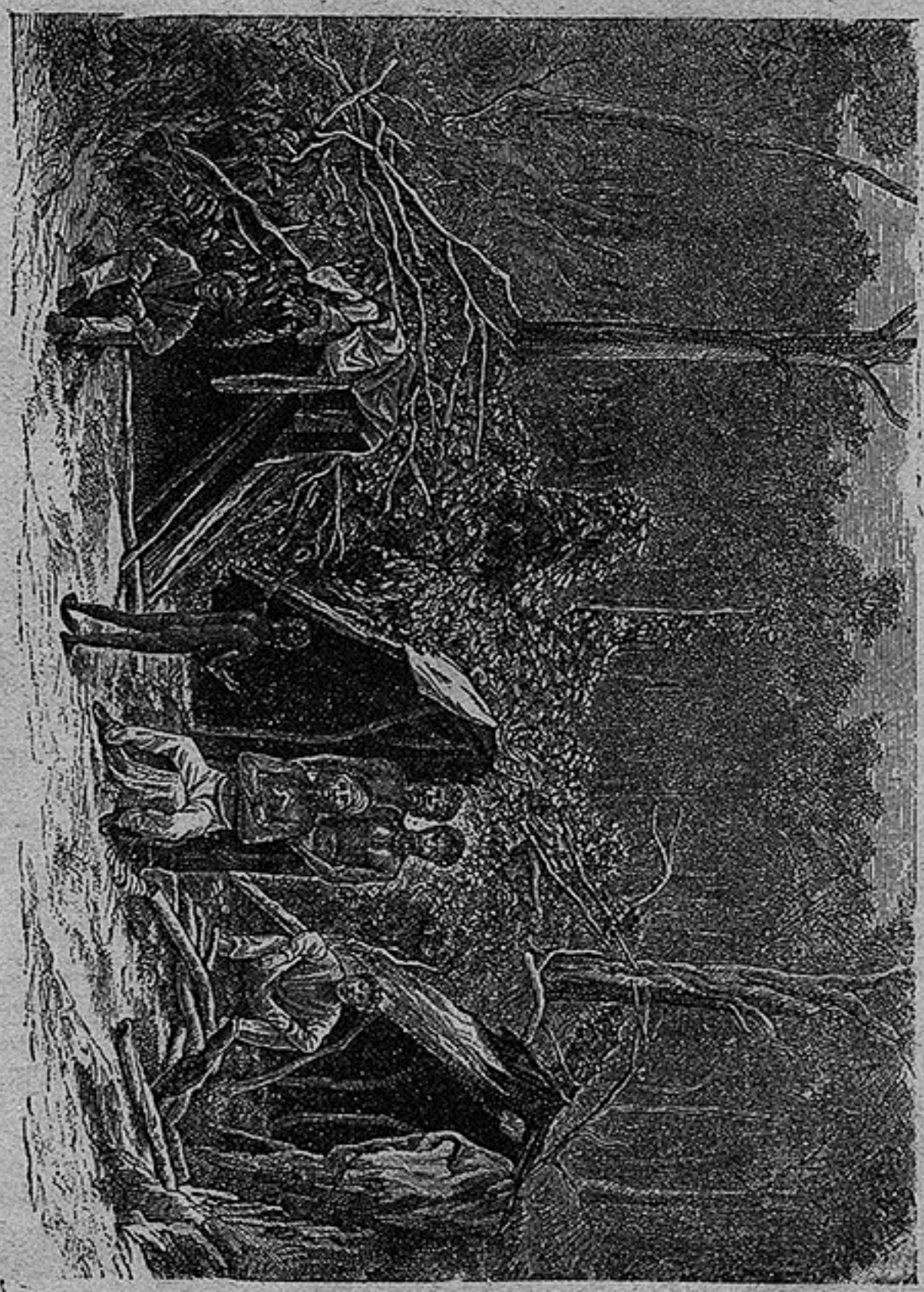
Ясно, что простѣйшей формой зимнихъ жилищъ слѣдуетъ считать естественныя пещеры, входъ въ которыя человѣкъ, вѣроятно, искусственно ограждалъ и охранялъ. Дѣйствительно, во многихъ изъ такихъ пещеръ находили несомнѣнные слѣды пребыванія первобытнаго человѣка. Но столь же несомнѣнно, что такія естественныя пещеры встрѣчаются рѣдко, и человѣкъ еще въ самыя давнія времена устраивалъ ихъ искусственно. Въ Финмаркенѣ еще въ прошломъ столѣтіи крестьяне строили свои хижины ради теплоты, большей частью, подъ землей. Въ болѣе холодныхъ странахъ, въ особенности въ бѣдныхъ лѣсомъ, эти землянки были нѣкогда широко распространены. Ксенофонтъ нашелъ такія подземныя жилища въ Арменіи, остатки которыхъ тамъ встрѣчаются еще и теперь; другіе древніе писатели указываютъ такія же жилища у скиѳовъ; валахи и въ настоящее время устраиваютъ къ осени подземныя конюшни. Подобно современнымъ африканцамъ, германцы во времена Тацита выкапывали въ землѣ ямы, въ которыхъ хранили хлѣбные запасы; въ такихъ же ямахъ они устраивали свои зимнія жилища,

Эскимосская лампа изъ песчаника. (H. Schurtz, Urg. d. Kultur).

причемъ для лучшей защиты отъ холода накладывали на крышу навозъ. То же самое упоминается и о славянахъ.

Основной формой лѣтнихъ жилищъ является шалашъ, первоначальной составной частью котораго былъ заслонъ отъ вѣтра (см. рис. стр. 141). Устройство

Стоянка австралійскихъ туземцевъ.

шалаша шло различными путями, въ зависимости отъ средствъ, доставляемыхъ природой. Въ странѣ пальмъ и банановъ достаточно было устроить частоколъ изъ листьевъ, воткнувъ ихъ черешками въ землю,—и полная защита отъ вѣтра была готова. Ее надо было ставить только противъ вѣтра, чтобы поддерживать огонь. За недостаткомъ такого матеріала, заслоны устраи-

вались изъ вѣтвей деревьевъ другаго рода, на подобіе того, какъ это дѣлаютъ наши мостовщики. Нѣкоторыя племена древнихъ калифорнійцевъ селились зимою въ подземныхъ жилищахъ, а лѣтомъ довольствовались простымъ заслономъ изъ хворосту. Первый домъ, который Кукъ видѣлъ въ Австраліи, представлялъ не что иное, какъ очагъ. «Съ той стороны, откуда дулъ вѣтеръ, передъ огнемъ была поставлена стѣнка или ставень изъ древесной коры, приблизительно въ полтора фута вышиной». Но и въ этой странѣ замѣчался нѣкоторый прогрессъ въ постройкѣ хижины (рис. стр. 138). отъ сѣвера къ югу. Такія переходныя ступени вполнѣ сходны съ тѣми, какія мы видимъ у жителей Огненной земли, и вызывались стремленіемъ оградить огонь не съ одной только надвѣтренной стороны. Постройки эти имѣли форму почти замкнутаго круга, открытаго лишь со стороны про-

Шатрообразный земляной домъ наваховъ въ Ср. Америкѣ.
(Изъ H. Schurtz, Urg. d. Kultur).

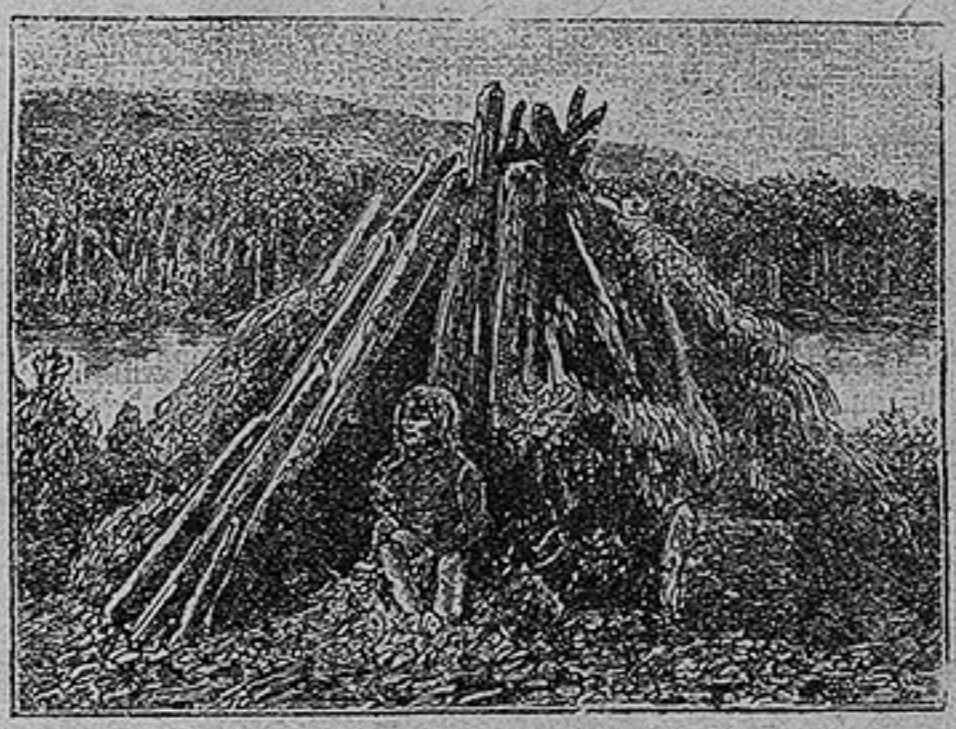
тивоположной вѣтру, на четверть или восьмую окружности, и дѣлались изъ древесныхъ вѣтвей и коры.

У этого мѣста горѣлъ огонь, и можно было лежать до свѣта въ хижинѣ, а ноги грѣть у огня. При переходѣ съ мѣста на мѣсто, эти «дома» оставлялись на произволъ судьбы. Индѣйцы въ Новой Англіи строили такія же полукруглыя хижины, которыя они покрывали частью древесной корой, частью циновками; алгонкины крыли свои «вигвамы» березовой корой; сіусы сдѣлали въ этомъ отношеніи еще шагъ впередъ, защищая свои хижины отъ дождя шкурами буйволовъ. Къ этой послѣдней ступени строительнаго искусства примыкаетъ и эскимосскій шалашъ, плоская острая крыша котораго съ надвѣтренной стороны наглядно свидѣтельствуетъ, что постройка эта является дальнѣйшимъ развитіемъ первобытнаго заслона отъ вѣтра.

Лопари, которые и зимой кочуютъ со своими стадами, устраивали первоначально свои зимнія жилища на подобіе лѣтнихъ, а болѣе осѣдлые приморскіе лопари по этому же образцу стали строить свои зимніе дома. Въ такомъ шатрѣ, который мы называемъ настоящимъ шатромъ кочевниковъ, кругъ уже вполнѣ замкнутъ, такъ что огонь

горитъ въ центрѣ его. Поэтому, кромѣ выходной двери, здѣсь необходимо отверстіе для дыма тамъ, гдѣ жерди сходятся верхними концами. На полу подъ этимъ отверстіемъ два ряда камней обозначаютъ мѣсто, гдѣ разводится огонь, на поддержаніе котораго тратится большое количество дровъ, такъ какъ костеръ горитъ весь день и лишь ночью медленно тлѣетъ. На землѣ около костра или даже въ самой золѣ его человѣкъ устраивалъ свое первобытное ночное ложе. Туписы въ Бразиліи разбрасывали къ ночи костеръ и разсыпали горячій пепелъ по землѣ, чтобы лечь на сухую и согрѣтую почву. У готтентотовъ, по свидѣтельству одного миссіонера, обыкновенно всѣ пальцы были обожжены, потому что они постоянно возились съ огнемъ.

Въ этомъ отношеніи обычай лопарей окружать мѣсто для разведенія огня камнями, которые они не забываютъ даже брать съ собой при перекочевкахъ, есть уже шагъ впередъ. Дальнѣйшее усовершенствованіе состоитъ въ томъ, что отдѣляются мѣста для спанья. Они устраиваются уже не у самаго огня, а съ правой и лѣвой стороны входной двери шалаша, причемъ спальня, отдѣленная отъ остального пространства лежащей на полу балкой, обыкновенно дѣлится поперекъ на три части и устилается оленьими шкурами. Лучшимъ мѣстомъ считается наиболѣе отдаленное отъ входной двери; оно принадлежитъ хозяину или уступается гостю.

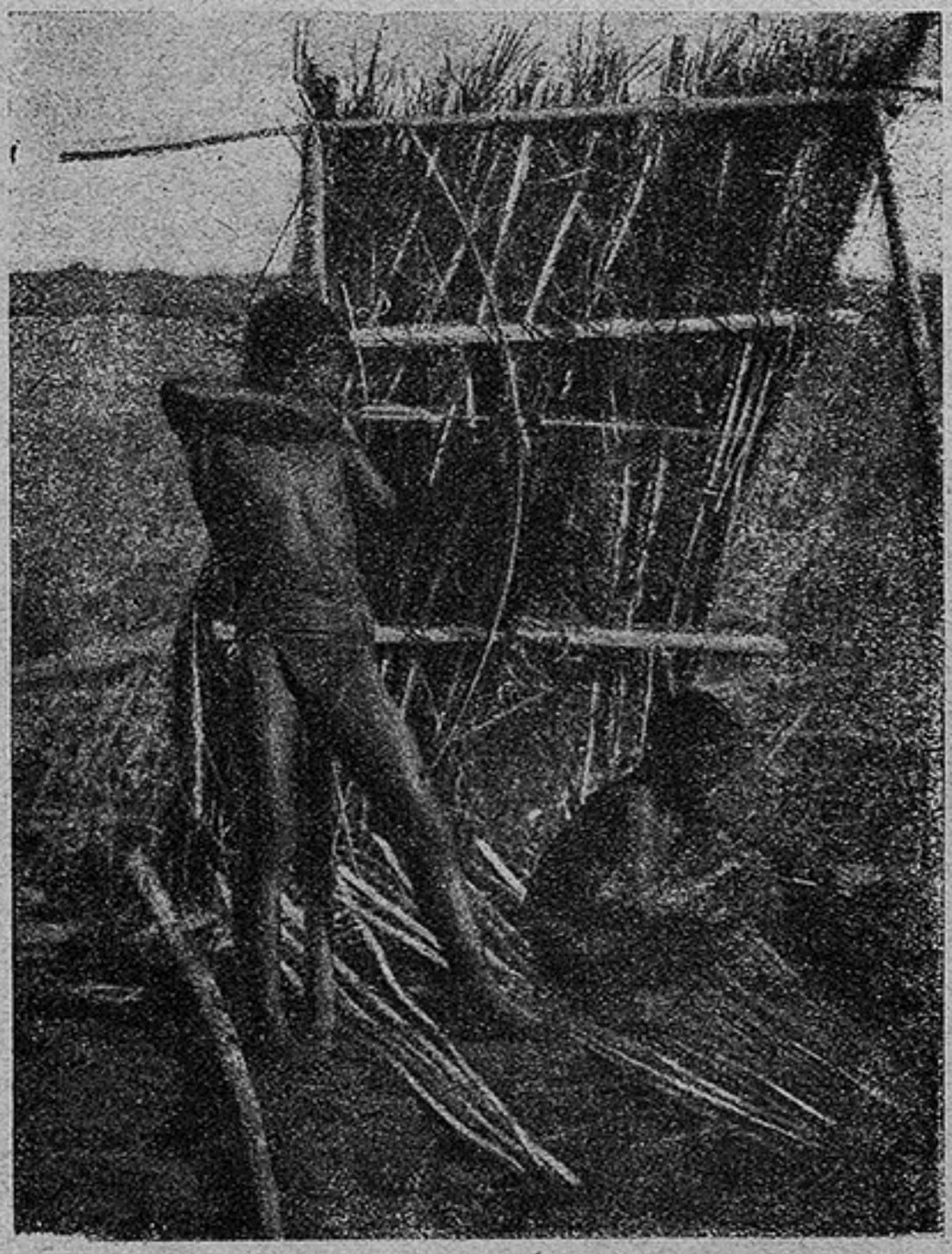
Хижина жителей Огненной земли (съ фотографіи) Изъ La Nature 1884.

Древніе славяне въ своихъ самостоятельныхъ государствахъ, какъ, напр., на островѣ Рюгенѣ, еще въ XII столѣтіи, строили крайне непрочные шалаши, и храмы ихъ, состоявшіе изъ вбитыхъ кругомъ столбовъ, покрытыхъ сверху высокой соломенной крышей, представляли по формѣ тотъ же шалашъ. Но и древніе италики, вѣроятно, строили себѣ такіе же шалаши, такъ какъ ихъ круглые храмы могли быть лишь дальнѣйшимъ развитіемъ этой формы постройки.

Такой способъ постройки можно назвать и теперь еще мѣстнымъ у туземцевъ Африки. Онъ допускаетъ нѣкоторое внѣшнее разнообразіе, смотря по формѣ увѣнчивающей его круглой крыши и бо́льшаго развитія ея или вертикальныхъ стѣнокъ. Такъ какъ сверху эти стѣны всегда плетеныя, то этотъ шалашъ напоминаетъ пчелиный улей. Всѣ такія хижины очень непрочны, но и не дорого обходятся, что̀ въ глазахъ ихъ собственниковъ является большимъ преимуществомъ. Отчасти это даетъ имъ возможность

избирать отъ времени до времени новыя мѣста жительства, а также и сжигать свою плетеную хижину, когда она, какъ это бываетъ въ тропическомъ климатѣ, настолько наполнится насѣкомыми, что не остается никакого другого средства ихъ уничтожить.

Народы, перешедшіе уже къ осѣдлости, постепенно отказываются отъ этой модели шалаша, и насъ не можетъ не удивлять, что въ этомъ отно-

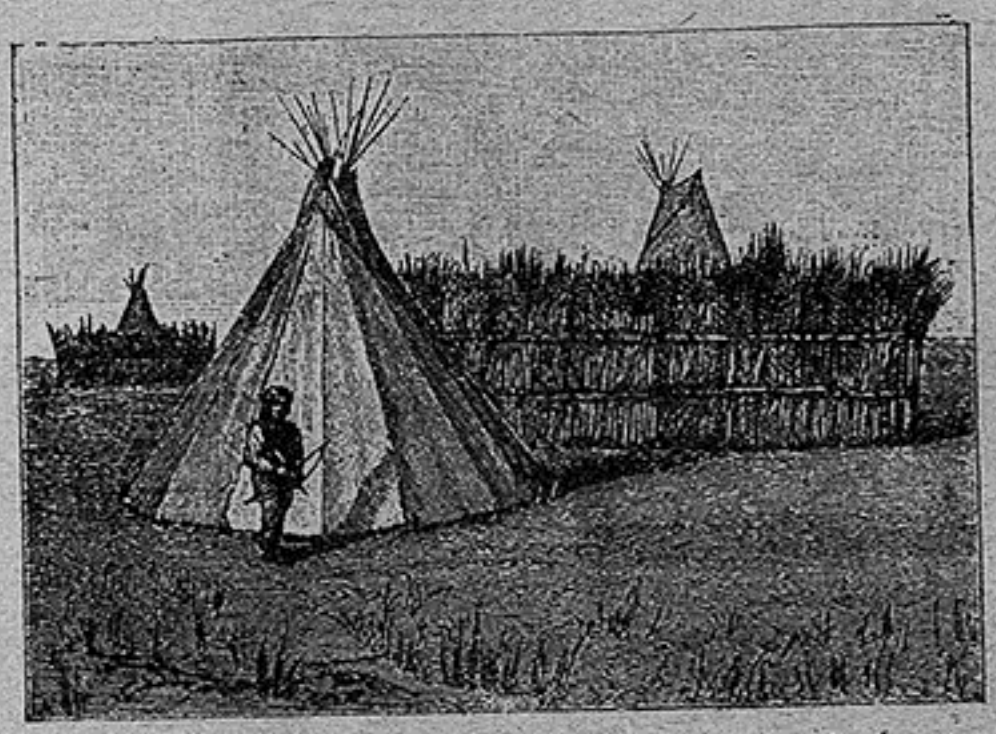

Филиппинскій негритосъ, стрѣляющій изъ лука у заслона.
(Изъ H. Schurtz, Urg. d. Kultur).

шеніи индѣйцы, новозеландцы, полинезійцы, греки и германцы шли совершенно одинаковымъ путемъ. Первое усовершенствованіе для приданія большей прочности постройкѣ состояло, конечно, въ выборѣ другого матеріала для постройки—состоялъ ли онъ, по образцу зимнихъ жилищъ, изъ глины или камня, или обтесанныхъ и подогнанныхъ другъ къ другу бревенъ, или изъ того и другого вмѣстѣ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого усовершен-

ствованія было то, что вмѣсто круглыхъ жилищъ стали строить прямоугольныя, что обусловливалось необходимостью связывать толстыя бревна. Но это искусство пошло двумя различными путями, смотря по тому—допускалъ ли климатъ удобную горизонтальную крышу, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ шатрообразная крыша оставалась, несмотря на измѣненіе формы основной части дома.

Между краснокожими предпрошлаго столѣтія делавары оказались наиболѣе склонными къ осѣдлой культурѣ. Они, поэтому, уже перешли къ постройкѣ прямоугольнаго деревяннаго дома. Они вбивали отвѣсно въ землю деревянные столбы, соединяли ихъ поперечными балками, а промежутки между ними, вмѣсто досокъ, закладывали липовой корой, которую связывали лыкомъ. Срубъ этотъ они покрывали крышей, выводя ее съ обѣихъ продольныхъ сторонъ кверху подъ острымъ угломъ, такъ что получалось два ската, а со стороны поперечныхъ стѣнъ — два конька. Эту крышу они также покрывали древесной корой. Такимъ образомъ, внутренность жилья представляла вполнѣ закрытое съ полу до потолка пространство, перегороженное только поперечными балками. Огонь горитъ посреди хижины на земляномъ полу, и дымъ выходитъ черезъ сдѣланное въ крышѣ отверстіе. Въ одной изъ стѣнъ продѣлана дверь, завѣшанная корой. Вокругъ очага нѣсколько выше уровня непокрытаго пола положены доски, на которыхъ ночью спятъ, а днемъ сидятъ. Подстилкой для спанья служатъ шкуры или циновки, одѣяломъ—платье, которое носятъ на себѣ днемъ. Если семья богата циновками, то она обвѣшиваетъ ими и внутреннія стѣны дома. Поперечныя балки внутри дома служатъ одновременно для храненія запасовъ и для сбереженія ихъ отъ собакъ, тѣснящихся къ очагу. Огонь постоянно поддерживается въ комнатѣ.

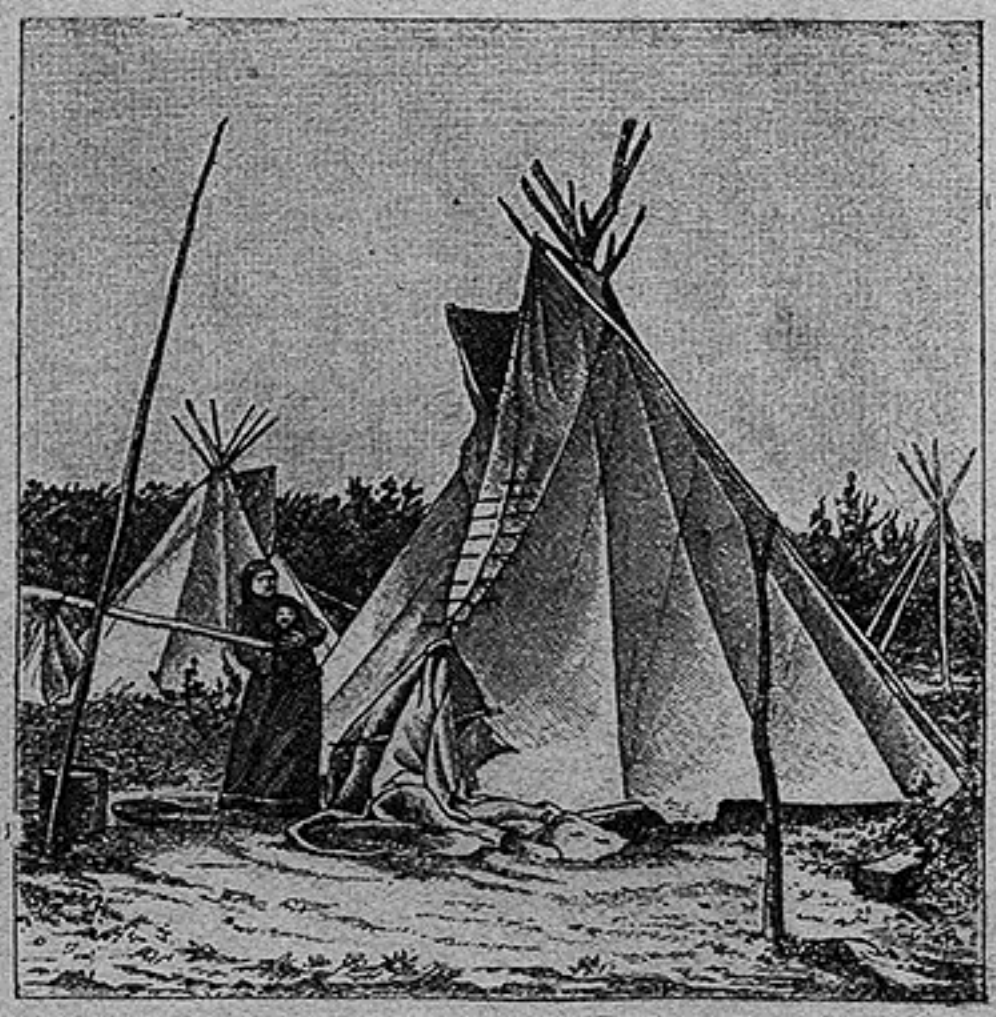
Хижина арапагосовъ Ср. Америки, съ заслономъ. (Изъ H. Schurtz, Urg. d. Kultur).

Сходство въ устройствѣ этой хижины съ древнегерманской такъ велико, что можетъ возбудить удивленіе; но это совпаденіе показываетъ только, что люди всѣхъ расъ приходятъ къ одному и тому же, если они одинаковыми средствами стремятся къ одной и той же цѣли.

На такой же ступени культуры, на которой стояли делавары въ Америкѣ, стоятъ новозеландцы по отношенію къ австралійцамъ; и у нихъ путешественники нашли постройки того же стиля, смѣнившія собою шалаши австралійцевъ. Мы поэтому укажемъ только на одну особенность новозе-

ландской хижины, которая заключалась въ томъ, что дымовое отверстіе прорѣзывалось не въ крышѣ, а въ стѣнѣ, образуя родъ окна надъ низкой дверью. Поэтому очагъ былъ не посреди хижины, а съ боку, у двери, и огораживался чѣмъ-то вродѣ перегородки изъ досокъ или камней. Кромѣ того, продольныя стѣны, вмѣстѣ съ крышей, нѣсколько выступали впередъ, вслѣдствіе чего съ обѣихъ поперечныхъ сторонъ получались открытыя веранды,—какъ въ древнѣйшихъ греческихъ храмахъ.

Такъ какъ въ Полинезіи не нуждались въ отопленіи, то пища варилась на открытомъ воздухѣ и обыкновенно тутъ же, внѣ дома, съѣдалась. Напротивъ, для освѣщенія тамъ было придумано очень остроумное приспособленіе. Въ странѣ этой произрастаетъ особый видъ гуммилаковаго дерева (Aleurites triloba), орѣшки котораго очень богаты масломъ если надѣть ихъ по нѣсколько штукъ на черешокъ кокосоваго листа—получаются одновременно и свѣтильня, и масло; загораясь постепенно другъ отъ друга, орѣшки горятъ синеватымъ пламенемъ, какъ свѣча.

Шатеръ омаговъ въ Ср. Америкѣ, по Дж. О. Дорсею. (Изъ H. Schurtz, Urg. d. Kultur).

Ни въ какой другой утвари въ этихъ древнѣйшихъ домахъ не было надобности. Досчатыя лавки, приподнятыя надъ землянымъ поломъ, устланныя сѣномъ или соломой и покрытыя сверху циновками и шкурами, служили днемъ для сидѣнья, ночью для спанья. Но полинезіецъ, какъ и туземецъ восточной Африки, кладетъ себѣ подъ голову особо приспособленную для этой цѣли деревянную подставку. Тщеславный африканецъ даже въ дорогѣ носитъ ее съ собою. Между тѣмъ, какъ африканка, даже во время работы, носитъ своего маленькаго ребенка привязаннымъ къ спинѣ, индѣйцы нашли болѣе удобное приспособленіе, бывшее нѣкогда въ употребленіи отъ сѣвера до юга Америки. На самомъ дѣлѣ, оно было ничто иное, какъ дощечка, къ которой привязывали ребенка (см. рис. стр. 145) и которую можно было прислонить къ спинѣ, или носить ее на перевязи, какъ гитару, или же на спинѣ, какъ котомку. Занимаясь работой, мать привѣшивала ребенка за привязанную къ доскѣ веревку къ дереву, и, такимъ образомъ, доска эта сдѣлалась колыбелью. У сѣверныхъ индѣйцевъ эта доска-колыбель уже лѣтъ сто тому

назадъ постепенно вышла изъ употребленія, у аракуанцевъ мы встрѣчаемъ ее и въ настоящее время, и очень вѣроятно, что и наши праматери нѣкогда употребляли такія же колыбели; по крайней мѣрѣ, у скандинавовъ уже въ позднѣйшее время существовали весьма сходныя съ ними.

У народа, жившаго въ болѣе холодномъ климатѣ, занимавшагося преимущественно скотоводствомъ и не имѣвшаго еще достаточно средствъ для постройки болѣе обширнаго жилища съ отдѣльными помѣщеніями, человѣкъ долго еще вынужденъ былъ дѣлить свое жилище съ болѣе мелкими и нѣжными животными своего стада, между тѣмъ, какъ на Востокѣ ихъ можно было оставлять на ночь на открытыхъ дворахъ. Каждый вечеръ на-

Внутренность хижины якутовъ въ Сибири. (Изъ H. Schurtz, Urg. d. Kultur).

чиналась давка и толкотня изъ-за мѣста у очага, и человѣкъ, чтобы поддержать свое достоинство, устроивалъ выше его мѣсто для сидѣнья и спанья.

Греки и римляне считались уже съ этой потребностью. Но и ихъ приспособленія не были сначала подвижными: это не была мебель въ нашемъ смыслѣ, а, какъ въ хижинѣ делаваровъ, укрѣпленныя части самой постройки. Одиссей устроилъ себѣ постель на крѣпкомъ стволѣ масличнаго дерева. Древне-римская крестьянская комната, въ виду атріума, «черной комнаты», оставалась всегда главной составной частью римскаго дома, и этотъ атріумъ въ древнѣйшей формѣ есть опять-таки первобытная хижина делаваровъ. Въ эпоху Помпея атріумъ превратился уже въ разукрашенный вестибюль, но этрусскія гробницы въ скалахъ, какъ, напр., въ Черветри (рис. стр. 146) сохранили для насъ навсегда форму римскихъ домовъ. Мы видимъ здѣсь прямоугольное пространство, которое само по себѣ не имѣетъ другихъ

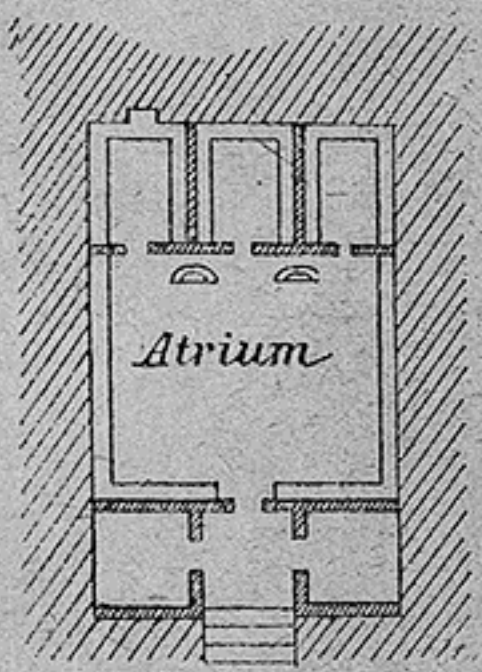
отверстій, кромѣ двери и скважины въ срединѣ крыши. Здѣсь стоялъ древній очагъ, подъ которымъ нѣкогда предполагалась гробница главы семейства; въ еще болѣе раннія времена она дѣйствительно тамъ и устраивалась, какъ мы можемъ заключить по аналогіи съ другими народами. Отъ дыма, поднимавшагося къ отверстію крыши, вся комната покрывалась копотью, отчего и произошло ея названіе—«черная». Очагъ устраивался нѣсколько выше уровня пола, что̀ уже составляло большой шагъ впередъ. Открытое дымовое отверстіе въ трубѣ не считалось большимъ неудобствомъ въ теплыхъ и сухихъ странахъ юга, даже и въ томъ случаѣ, когда у

Индѣйскій способъ ношенія дѣтей. (Изъ Harpers New Monthly Magazine 1878).

подножія очага отъ времени до времени скоплялась дождевая вода, для которой впослѣдствіи даже нарочно устраивали стоки сверху. Слѣва отъ очага мы видимъ въ черветрійской гробницѣ крѣпко прибитую къ стѣнѣ скамейку, служащую и здѣсь, какъ нѣкогда въ делаварской хижинѣ, для сидѣнья и спанья. Но въ этой гробницѣ мы уже находимъ два отдѣльныхъ, удобныя сидѣнья со спинкой, не соединенныя съ общей скамьей, а предназначавшіяся для главы дома; это уже была первая «мебель». Передъ атріумомъ этого памятника въ скалѣ, благодаря выступу стѣнъ, образуется преддверіе, подобіе которому мы уже видѣли у новозеландцевъ, и

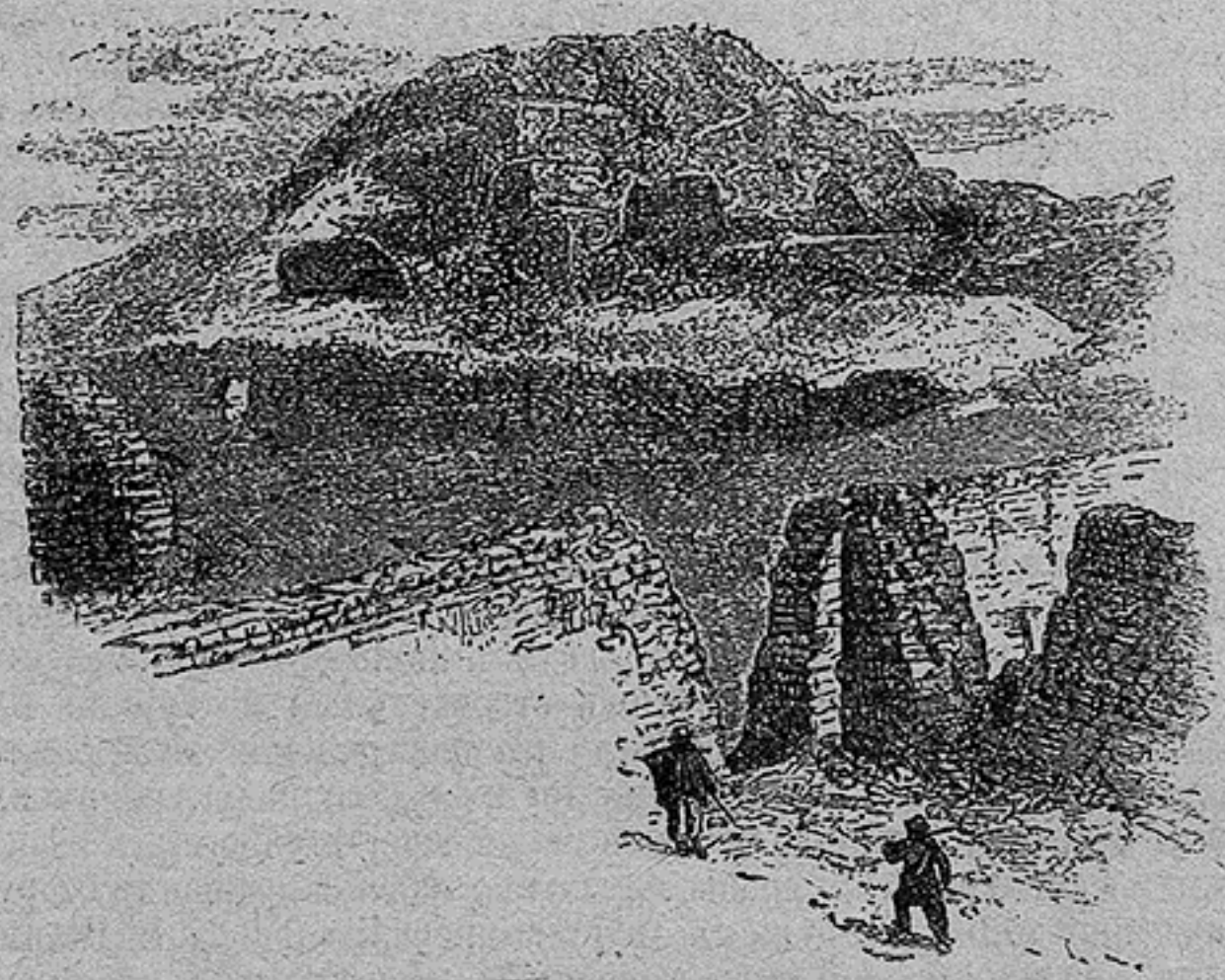
дальнѣйшимъ развитіемъ котораго являлись «анты» въ древнихъ греческихъ храмахъ. Усовершенствованіе древне-римскаго жилища,—опять-таки не самостоятельнаго образца, а лишь древнѣйшей параллели сѣвернаго дома,—состояло въ томъ, что, для удовлетворенія особыхъ жизненныхъ потребностей, къ общему помѣщенію атріума пристраивались особыя комнаты. Ближайшимъ поводомъ къ тому бывало увеличеніе семьи, вслѣдствіе женитьбы сыновей, по древнему обычаю. Эти входившія въ составъ общей семьи молодыя семьи не нуждались въ отдѣльномъ очагѣ, а лишь въ отдѣльномъ помѣщеніи для спанья. Такимъ образомъ, къ большому дому, по тому же образцу, пристраивалось меньшее помѣщеніе, въ которомъ не было очага, но вдоль стѣнъ прикрѣплена была лавка для спанья; такъ какъ въ стѣнѣ, смежной съ общимъ помѣщеніемъ, прорѣзывалась дверь, и скамьи не было, то эта комната съ тремя скамьями явилась прототипомъ позднѣйшихъ «триклиній», служившихъ мѣстомъ трапезъ и пиршествъ. Но первоначально это устраивалось исключительно для спанья. Въ описываемыхъ гробницахъ въ скалахъ, служащихъ для насъ наглядными образцомъ тогдашнихъ домовъ, такія комнаты примыкаютъ къ задней стѣнѣ атріума; такимъ же образомъ пристроены «наружныя» комнаты къ главной стѣнѣ вестфальскаго крестьянскаго дома. Въ роскошныхъ домахъ позднѣйшей римской эпохи тамъ устраивалось сообщеніе съ дворомъ, превратившимся въ залъ съ колоннами, а спальни стали устраивать по обѣимъ сторонамъ атріума. Это измѣнило прежнее устройство дома, скамья было перерѣзана дверями, и тамъ, гдѣ нѣкогда были простыя мѣста для спанья предковъ, могли быть установлены лишь подножія для ихъ статуй.

Каменная гробница въ Черветри (Схематическій рисунокъ по Деннису „Города и гробницы Этруріи“.

Мы не будемъ больше распространяться объ этой отрасли строительнаго искусства, а перейдемъ къ разсмотрѣнію другой формы его — искусства монументальныхъ построекъ. Въ нихъ человѣкъ достигъ сравнительнаго успѣха еще въ то время, когда единственной защитой его ночного ложа служили заслоны отъ вѣтра,; между тѣмъ оно обыкновенно считается менѣе древнимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Мы можемъ видѣть первобытную форму его у перуанскаго крестьянина, который повинуется въ этомъ случаѣ древнему инстинкту, самъ не понимая, зачѣмъ и почему. Каждый разъ, когда ему случается присѣсть въ дорогѣ на кучѣ камней, онъ прибавляетъ къ ней еще одинъ камень и кладетъ на него листъ коки. То же самое дѣлаетъ бедуинъ, увидѣвъ кучу камней въ пустынѣ. Первоначально камни накладывались такимъ образомъ только на могилѣ, но не съ исключительной цѣлью охранить трупъ отъ звѣрей или воздать честь умершему: этотъ благочестивый обычай обусловливался чисто эгоистической заботой человѣка, которая не оставляла его съ перваго шага культуры, послужившаго началомъ созданнаго имъ себѣ искусственнаго жизненнаго положенія.

Всѣ первобытные народы боятся мертвыхъ или, вѣрнѣе, ихъ невидимаго духа, и у всѣхъ существуетъ повѣрье, что этотъ послѣдній пребываетъ тамъ, гдѣ покоится его тѣло. Всѣ они страшно боятся какъ-либо осквернить эту святыню, чтобы, такимъ образомъ, не возбудить гнѣвъ духа противъ себя. Вслѣдствіе того, признавалось полезнымъ обозначать такія мѣста какимъ-либо видимымъ издали знакомъ; по отношенію къ умершему этотъ обычай превращался въ актъ почитанія. Между тѣмъ, какъ для себя человѣкъ строилъ еще очень непрочныя жилища, этимъ памятникамъ старались придать наибольшую прочность. Тѣло занимаетъ немного мѣста,

Ступенчатая пирамида у Неneуа, называемая Fortaleza de Tierra Firma.
(Изъ Squier „Peru incidents of travel“ etc).

но для него заботливо устраиваютъ родъ каменнаго ящика и сверхъ него насыпаютъ цѣлую гору земли и камней.

Необходимая въ такихъ случаяхъ работа, конечно, зависѣла отъ достоинства покойника. Этотъ родъ строительнаго искусства существовалъ, если не у всѣхъ безусловно, то у большинства человѣческихъ племенъ. У болѣе прогрессивныхъ сѣверныхъ индѣйцевъ найдены были во многихъ мѣстахъ коническія постройки, возбуждающія въ настоящее время любопытство бѣлыхъ. Постройка ихъ не требуетъ ни искусства, ни инструментовъ, а только упорнаго труда и большого количества рабочихъ рукъ, что было возможно лишь въ томъ случаѣ, когда воздвигался памятникъ начальнику. Полинезійцы устраивали такіе же холмы, примѣняя для нихъ, лишь съ помощью каменныхъ орудій, твердый коралловый известнякъ, который они клали въ видѣ плитъ, заполняя промежутки между ними

щебнемъ и землей. Такъ воздвигнуты были холмы съ каменными ступенями на одной сторонѣ. Такого же искусства достигли жители Перу. Архитекторы инковъ и мексиканскіе правители не щадили трудовъ подданныхъ и заставляли ихъ, съ помощью камней, шлифовать и связывать эти плиты съ удивительнымъ искусствомъ. Искусныя ступенчатыя пирамиды мексиканцы строили своимъ богамъ, въ видѣ жилищъ для нихъ.

Кельты и германцы не достигли такой художественной техники; они довольствовались тѣмъ, что на основаніи изъ громадныхъ камней или даже вовсе безъ нихъ, насыпали высокій холмъ изъ песку и земли на могилѣ вождя. И въ Греціи встрѣчаются подобнаго рода памятники древняго строительнаго искусства; но нѣчто громадное въ этомъ родѣ, заслуживающее наше удивленіе, могло быть создано только большими народными организаціями. Извѣстно, до какой высоты довелъ Египетъ эти постройки въ знаменитыхъ пирамидахъ.

Но прежде, чѣмъ стали придавать нѣкогда безформенному холму опредѣленныя линіи, складывая его изъ искусственно обработанныхъ камней, природа дала человѣку въ этомъ поясѣ бездождія болѣе легкій для обработки матеріалъ. Не трудно было замѣтить, что жирный илъ, размягченный во время половодья, на солнцѣ становится твердымъ, какъ камень. Быть можетъ, случайно на какомъ-нибудь полѣ жниво смѣшалось съ такой глиной, и человѣкъ замѣтилъ, что эта примѣсь мѣшаетъ ей трескаться. Изъ глины можно было дѣлать камни любой формы, и египтяне пользовались для этой цѣли деревянными формами, какъ и мы. Эти высушенные на солнцѣ кирпичи или «адобы» (первоначальное египетское названіе ихъ) въ мѣстностяхъ, гдѣ никогда не падаетъ ни капли дождя, давали довольно прочный строительный матеріалъ. Бѣдность Египта лѣсомъ содѣйствовала широкому распространенію этого матеріала. При сходныхъ условіяхъ обитатели другого полушарія, а именно жители побережья Перу, пришли къ такому же изобрѣтенію.

И валы—«циклопическія стѣны»—уже въ глубокой древности сооружались изъ такихъ пригнанныхъ другъ къ другу камней. Изслѣдованія Шлимана доказали, что найденныя въ Греціи сооруженія, принимавшіяся за «сокровищницы», не что иное, какъ древнія гробницы. Древнѣйшіе храмы также произошли отъ гробницъ, или иначе сказать, жилища боговъ строились по образцу памятниковъ умершимъ. Съ теченіемъ времени жилища осѣдлыхъ племенъ, въ особенности вождей и правителей, стали обширнѣе и богаче. Грубыя сваи превратились въ украшенныя рѣзьбой колонны, которыми поддерживались плоскія крыши надъ обширными галлереями и корридорами. По образцу этихъ жилищъ стали строить гробницы и храмы; древній благочестивый обычай требовалъ, чтобы эти святилища сооружались изъ прочнаго, неразрушающагося матеріала.

Такимъ образомъ, пришлось научиться обработывать камень и воспроизводить изъ него подобія деревянныхъ построекъ. Тѣмъ временемъ были изобрѣтены металлическія орудія, и трудная задача была разрѣшена. Въ Египтѣ мы еще на самомъ мѣстѣ находимъ слѣды превращенія легкихъ, разнообразныхъ формъ въ тяжелый, твердый матеріалъ. То же самое въ позднѣйшее время происходило и въ Германіи. Но и въ Малой Азіи, Греціи и Этруріи развитіе монументальнаго искусства шло тѣмъ же

путемъ. Въ Малой Азіи и въ Этруріи прорубали гробницы въ самихъ неразрушимыхъ скалахъ, съ точностью воспроизводя на наружномъ каменномъ фронтонѣ фасадъ жилыхъ деревянныхъ домовъ. Такъ образовались формы тѣхъ простыхъ храмовъ, которые и въ Греціи считаются древнѣйшими. При устройствѣ «Парѳенона» ни одно частное жилище, конечно, не могло служить готовымъ образцомъ; тѣмъ не менѣе, расположеніе его исходитъ изъ тѣхъ же мотивовъ. Изъ всего сказаннаго выше ясно, почему храмы во всѣ времена отличались отъ современныхъ или употребительныхъ свѣтскихъ построекъ; вслѣдствіе того, по внѣшности храмовъ старинаго города нельзя еще заключать объ удобствахъ человѣческихъ жилищъ его.

Евреи еще въ эпоху первыхъ царей были совершенно незнакомы съ каменными постройками. Какъ кочевой народъ, пришедшій изъ степей, они устраивали свои древніе алтари и «высоты» (тѣ же пирамиды), по-просту нагромождая кучи неотесанныхъ камней; этого религіознаго обычая держались и при устройствѣ алтаря или очага въ Іерусалимскомъ храмѣ. Дома строились изъ дерева и высушенныхъ на солнцѣ кирпичей. Постепенно,—благодаря, главнымъ образомъ, финикійскимъ мастерамъ, строившимъ царскіе дворцы,—евреи научились пользоваться известью или гипсомъ для связыванія камней; но ко времени построенія знаменитаго храма развившееся въ Египтѣ съ незапамятныхъ временъ искусство пластической обработки камня было еще неизвѣстно евреямъ. Хотя для постройки Іерусалимскаго храма выбирали прочный камень, тѣмъ не менѣе, орнаменты изъ этого матеріала не съумѣли сдѣлать иначе, какъ обшивъ каменныя стѣны деревомъ и обдѣлавъ его извѣстнымъ способомъ, т. е. прибѣгли къ пріему, для котораго въ Египтѣ не было образцовъ.

Устройство сводовъ и арокъ не безызвѣстно было грекамъ и египтянамъ, но въ подражательномъ стилѣ храма это искусство не могло найти себѣ примѣненія. Только римляне, начавъ строить изъ камня всѣ свои крупныя хозяйственныя сооруженія, стали пользоваться для этихъ построекъ искусствомъ выводить арки и своды и довели его до такого совершенства, что съ тѣхъ поръ изъ него извлекали пользу для себя всѣ культурные народы.

Обработка металловъ и ихъ распространеніе.

Каждый разъ, когда намъ приходилось отмѣчать сдѣланный человѣчествомъ шагъ впередъ въ развитіи матеріальной культуры, мы обыкновенно должны были отсавлять при этомъ позади рядъ народовъ и племенъ, не сдѣлавшихъ этого шага. И смотря потому, приходило ли какое-либо изъ этихъ племенъ впослѣдствіи въ соприкосновеніе съ носителями этой высшей культуры или нѣтъ, оно временно или навсегда оставалось внѣ «культуры» соотвѣтствующей эпохи. Чаще всего побѣжденные болѣе грубыми завоевателями являлись среди нихъ носителями культуры. Техника мирнаго времени и сила организаціи выростаютъ не на одной почвѣ: къ точкѣ своего соединенія они приходятъ издалека, и ихъ сліяніе даетъ начало новымъ областямъ культуры. Но это сліяніе сопровождается такой пестрой измѣнчивостью исторіи человѣчества, что мы не можемъ представить

себѣ ее, въ данномъ случаѣ, какъ спокойное поступательное движеніе. Однако, одна красная нить проходитъ черезъ всю исторію человѣчества: всегда и повсюду выступаетъ забота о поддержаніи жизни. Человѣкъ ставитъ для нея все болѣе и болѣе далекія цѣли, стремясь къ удобству и безопасности въ жизни, но за эту надежду на лучшее будущее онъ платитъ въ настоящемъ цѣной все болѣе и болѣе тяжелаго труда. Въ связи съ этимъ общимъ ходомъ культуры стоитъ и вышеописанная замѣна дерева камнемъ. Человѣкъ, повидимому, подражалъ въ этомъ отношеніи природѣ, которая мѣстами превратила цѣлые прежніе лѣса въ камень. Человѣкъ точно также выливалъ старыя деревянныя формы въ камень, и ему на это пришлось потратить безконечно больше труда, чѣмъ прежде, но зато этотъ потраченный трудъ предназначался для безконечно долгаго времени.

Подобное же перенесеніе новаго матеріала въ старыя формы мы встрѣчаемъ еще разъ тогда, когда человѣкъ освоился съ употребленіемъ металловъ. Первоначально это опять были старыя формы орудій и оружія, въ которыя онъ, такъ сказать, переливалъ новый матеріалъ; но болѣе напряженный трудъ, къ которому онъ при этомъ былъ вынужденъ, вознаграждался большей прочностью и совершенствомъ результатовъ. И какъ тогда, при замѣнѣ деревянныхъ формъ мраморными, эти послѣднія безконечно выиграли въ чистотѣ и прочности, такъ и теперь, при замѣнѣ камня металломъ, выдѣлка орудій и оружія достигла такого высокаго совершенства, что иногда трудно было найти связь между усовершенствованнымъ орудіемъ и первоначальнымъ его образцомъ. Герой, вѣроятно, считалъ примѣненіе руды для отливки мечей и топоровъ священнымъ подобно тому, какъ и камень первоначально употреблялся только для священныхъ построекъ. Но наступила римская эпоха, которая ввела металлы въ совершенно другую область человѣческаго хозяйства и этимъ вызвала величайшій переворотъ въ культурѣ, какой когда-либо происходилъ послѣ открытія употребленія огня. Однако, и этотъ новый путь культуры является продолженіемъ уже однажды проложеннаго пути. Такъ какъ, по мѣрѣ развитія заботы о существованіи у человѣка, растетъ и его трудъ, то онъ скоро долженъ былъ бы дойдти до предѣла своей трудоспособности: физическія силы человѣка ограничены, и границы ихъ даже могутъ быть измѣрены. Но область духовной дѣятельности человѣка, развившейся, благодаря постояннымъ заботамъ о существованіи,—безгранична. Ясно, что человѣку предстояла простая задача перенести все увеличивавшійся трудъ, вслѣдствіе развивающейся заботы о существованіи, въ свою духовную область, а недостатокъ своихъ физическихъ силъ для осуществленія творческой дѣятельности ума постараться замѣнить внѣшними матеріальными силами.

Первый шагъ на этомъ пути сдѣлалъ человѣкъ, когда онъ впервые навьючилъ осла, запрегъ вола въ плугъ. Племена, которыя, подобно индѣйцамъ, австралійцамъ и полинезійцамъ, не дошли до этого приспособленія, несмотря на всѣ свои одностороннія техническія искусства, гибнутъ въ борьбѣ съ другими народами. Слѣдовательно, рядомъ съ изобрѣтателемъ огня мы должны поставить перваго укротителя животнаго и, такимъ образомъ, оцѣнить культурное значеніе кочевничества. Но кочевничество вмѣстѣ съ тѣмъ дало начало рабству. Индѣецъ съ звѣрской радостью убиваетъ

плѣнника или, пощадивъ его, принимаетъ въ свое племя, какъ равнаго: для номада плѣнникъ—та же покорная рабочая сила, которую онъ умѣетъ оцѣнить и использовать. Такъ, за этой ступенью культуры повсюду слѣдуетъ густая, мрачная тѣнь человѣческаго рабства. Во всѣхъ древнихъ культурныхъ государствахъ властвующая организація распоряжается цѣлыми толпами безвольной двигательной силы. Древніе хорошо знали, что этотъ« божественный порядокъ» есть порожденіе скотоводства; поэтому они съ благодарнымъ почтеніемъ относились къ философамъ, которые заглушали въ нихъ совѣсть, провозглашая, что душа женщины и раба есть нѣчто, совершенно отличное отъ души мужчины. Естественно, такія низшія души принадлежатъ къ разряду душъ животныхъ, и этотъ выводъ яснѣе всего подтверждаетъ указанную выше связь.

Кто же въ концѣ концовъ освободилъ рабовъ? Въ дѣйствительности это сдѣлала не философія и не религія, а желѣзо, превращенное въ машину.

Само по себѣ искусство обработки металловъ, конечно, не заходило такъ далеко; напротивъ, оно первоначально способствовало не только удачѣ охотника, но и успѣху хищнической войны номада. Но мы, достигшіе высшей ступени, должны отдать справедливость и низшей.

Такъ же, какъ нельзя опредѣлить время, когда именно произошелъ переходъ отъ древняго, болѣе грубаго къ позднѣйшему, лучше выдѣланному каменному орудію, мы можемъ только установить порядокъ нахожденія каменныхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ орудій въ извѣстной странѣ. Но вообще не имѣемъ никакой возможности хотя приблизительно опредѣлить время, когда человѣчество переходило отъ одного орудія къ другому. Скорѣе мы должны признать, что по отношенію къ этому прогрессу люди дѣлятся на нѣсколько совершенно отдѣльныхъ группъ, и каждая изъ нихъ шла своимъ собственнымъ путемъ, пока передвиженіе народовъ не прорывало гдѣ либо старыя границы. Совершенно въ сторонѣ отъ этого движенія стоитъ группа народовъ Тихаго океана: вулканическіе и коралловые острова не содержатъ металловъ. Но изъ другихъ изолированныхъ областей слѣдуетъ разсмотрѣть отдѣльно области индѣйскую, негрскую и азіатско-европейскую.

Краснокожіе Сѣверной Америки самымъ непосредственнымъ путемъ дошли до знакомства съ мѣдью и ея употребленіемъ, но и путь ихъ въ этомъ отношеніи былъ совершенно особый. Въ своихъ поискахъ за подходящими каменными орудіями они когда-нибудь должны были обратить вниманіе и на мѣдь, попадавшуюся въ самородномъ состояніи между горными породами на берегахъ Верхняго озера и Гудзонова залива. Ударяя по куску мѣди, какъ по камню, для выдѣлки изъ него орудія, индѣецъ замѣтилъ, что онъ гнется. Такъ же, какъ прежде они ударами молота били по камню, теперь они придавали мѣди желаемыя формы, не прибѣгая при этомъ процессѣ къ помощи огня. Выдѣланныя такимъ образомъ предметы они безъ сомнѣнія сперва навѣшивали себѣ на тѣло, какъ украшенія, и только постепенно пришли къ тому, что и самый шнуръ, на которомъ они ихъ привѣшивали, стали дѣлать изъ мѣди: такимъ образомъ, получилось запястье. Но вытѣснить изъ употребленія каменныя орудія мѣдь все-таки не могла.

Въ Африкѣ нѣкоторыя племена также дошли до знакомства съ этимъ металломъ, но настоящимъ африканскимъ металломъ является желѣзо.

Многія племена средней и южной Африки никогда и не знали другого металла, кромѣ желѣза, которое они уже издревле обрабатывали. Но такъ какъ мѣста нахожденія его не были распространены по всей странѣ, а сношенія народовъ въ тѣхъ странахъ, вслѣдствіе непрерывающихся земледѣльческихъ работъ, всегда были очень незначительны, то и здѣсь желѣзо далеко не повсемѣстно вытѣснило камень. Желѣзо не встрѣчается въ самородномъ состояніи, и негръ уже при первой его обработкѣ пользовался огнемъ; поэтому онъ едва ли могъ другимъ путемъ дойти до знакомства съ этой рудой, какъ увидѣвъ ее въ перегорѣломъ видѣ на очагѣ, въ которомъ огонь былъ разведенъ на кускахъ желѣзной руды. Достовѣрно извѣстно, что многія негрскія племена совершенно самостоятельно дошли до искусства плавленія и ковки желѣза, не научившись этому со стороны.

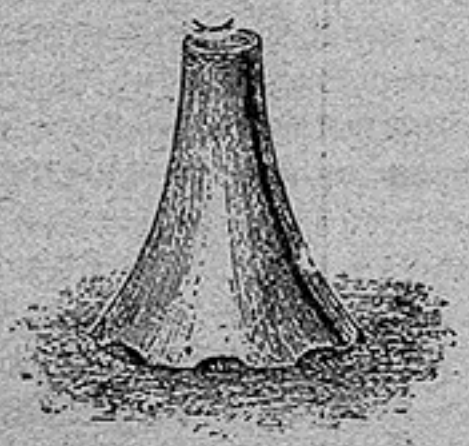

Кузнецъ изъ племени Бари (По фотографіи Бухти

Въ ихъ простѣйшихъ кузницахъ какъ молотъ, такъ и наковальня были простые камни; приспособленіе для усиленія притока кислорода къ огню, мѣха, они придумали сами хотя въ простой, но очень остроумной формѣ. (см. рис. выше стр. 153). Пробуравивъ глиняный горшокъ нѣсколько выше дна, они проводили отъ этого отверстія трубку къ очагу. Затѣмъ брали круглый кусокъ кожи и, проткнувъ черезъ центръ его палку, въ видѣ рукоятки, привязывали ее, а потомъ прикрѣпляли край кожи къ краю горшка. Если вдавливать рукояткой эту кожаную крышку внутрь горшка, то воздухъ изъ него выдувается прямо на огонь. Недоставало только, чтобы сама рукоятка была полая, какъ, напр., трубчатая кость: тогда при поднятіи кожаной крышки она служила бы клапаномъ, который при желаніи можно закрыть большимъ пальцемъ.

Изъ этого металла, добываемаго въ незначительномъ количествѣ, негры изготовляли мотыки и другія земледѣльческія орудія. При чрез-

вычайной цѣнности этихъ предметовъ и при таинственномъ способѣ ихъ изготовленія, для непосвященныхъ въ это искусство людей, добывавшихъ ихъ только путемъ обмѣна, кузнецы вскорѣ сдѣлались повсюду, и въ особенности въ Африкѣ, предметомъ суевѣрнаго страха. Этому во всякомъ случаѣ не мало содѣйствовало то обстоятельство, что кузнецамъ очень часто приходилось жить среди иноплеменниковъ съ чуждымъ языкомъ и чуждыми богами. Земледѣлецъ выискивалъ себѣ то тамъ, то здѣсь болѣе подходящую для обработки почву; пастухъ вообще не любилъ осѣдлости, и весь сѣверъ Африки, за предѣлами Судана до озера Чадъ, былъ постепенно занятъ чужими завоевательными племенами. Но кузнецъ не могъ слѣдовать за своими единоплеменниками, такъ какъ онъ самъ обрабатывалъ руду для своихъ издѣлій и былъ привязанъ къ мѣсту залежи этой руды, обработкой которой онъ жилъ. Съ другой стороны, онъ также былъ увѣренъ, что будетъ терпимъ каждымъ новымъ властителемъ, такъ какъ его столь цѣнимое искусство отнюдь не было общедоступнымъ и обычнымъ. Отсюда установилось странное отношеніе къ кузнецамъ, которое мы и въ настоящее время встрѣчаемъ преимущественно въ Африкѣ, а именно смѣсь ненависти и уваженія. Къ нимъ питали ненависть, съ которой на всѣхъ ступеняхъ древней культуры относились ко всему чужому, стоящему внѣ общества; кузнецъ возбуждалъ къ себѣ ненависть, какъ «варваръ», и уваженіе за свое искусство и приносимую имъ пользу. Какъ членъ чужого, быть можетъ, исчезнувшаго племени, кузнецъ имѣетъ своихъ собственныхъ боговъ и самъ является жрецомъ ихъ, — поэтому его кузница, представляющая собой не то своего рода храмъ, не то мѣсто для зловреднаго колдовства, служитъ постоянно предметомъ священнаго страха.

Плавильная печь въ Кордофанѣ (Изъ сочиненія Вильсона и Фелькина, «Уганда»).

Въ доказательство сказаннаго, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ. У племени тиббусовъ, внутри Сахары, кузнецы занимаются своимъ ремесломъ по наслѣдству, какъ особая каста. Кузнецъ стоитъ здѣсь внѣ общества и безконечно презирается этими гордящимися своей бѣдностью разбойниками; съ кузнецами никто не вступаетъ въ бракъ, но, тѣмъ не менѣе, ихъ считаютъ опасными колдунами, и этотъ священный страхъ, внушаемый ими, ограждаетъ ихъ отъ всякаго насилія. Для историческаго объясненія этого страннаго въ глазахъ самого народа явленія, народная фантазія придумала слѣдующій разсказъ: человѣкъ, нѣкогда оскорбившій и предавшій «пророка», былъ именно кузнецъ, и за это преступленіе они и терпятъ наказаніе.

И въ Абиссиніи «фалаши» представляютъ собой презираемую касту кузнецовъ, на которыхъ христіанскіе абиссинцы возводятъ то же обвиненіе, что и магометане-тиббусы на своихъ кузнецовъ, и на этой почвѣ явилось сказаніе, будто эти «фалаши»—евреи. Это—только христіанскій варіантъ магометанской легенды тиббусовъ.

Но, подвигаясь дальше къ югу, мы находимъ, что эти странныя отношенія существуютъ лишь до извѣстной границы. Тамъ, гдѣ одно черное

племя смѣняло другое, оставшійся кузнецъ могъ примкнуть къ новому племени; не смотря на временную враждебность, они все-таки были единоплеменники. Только тамъ, гдѣ вторгнувшаяся красная раса или смуглая вѣтвь бѣлой расы изъ Египта, Ливіи или Аравіи вытѣсняла черную расу, происходило это выдѣленіе кузнецовъ въ особую касту. Отсюда можно заключить, что искусство ковать желѣзо, въ противоположность искусству отливать другіе металлы, свойственно было тамъ только черной расѣ. Если бы оно было принесено красной расой или смуглой вѣтвью бѣлой расы со своей родины, они не преминули бы изгнать вмѣстѣ съ остальными туземцами и черныхъ кузнецовъ и замѣнить ихъ своими.

Напротивъ, въ Азіи обработка желѣза распространилась изъ другого центра или даже изъ нѣсколькихъ. Когда евреи, кочевавшіе въ Аравійской пустынѣ, покорили племена Ханаана, у послѣднихъ уже были желѣзныя повозки, а евреи еще не знали обработки желѣза. Какъ ни враждебно относились они къ филистимлянамъ, но все-таки охотно пользовались услугами ихъ кузнецовъ. Филистимляне намѣренно увели съ собой всѣхъ кузнецовъ изъ завоеванныхъ евреями областей, для того, чтобы тѣ не обзавелись желѣзнымъ оружіемъ. Но покоренное земледѣльческое населеніе, естественно, сохранило свои старыя желѣзныя орудія; такимъ образомъ, евреи-побѣдители должны были обращаться за помощью къ чужеземнымъ кузнецамъ. «И весь Израиль спускался къ филистимлянамъ, когда кому-нибудь надо было наточить свой плугъ или свой топоръ, или свой заступъ». Въ битвѣ при Михмашѣ во всемъ еврейскомъ войскѣ имѣлось только два меча, принадлежавшіе Саулу и его сыну.

Если вѣрить древнимъ китайскимъ источникамъ и толкователямъ, то въ Китаѣ, какъ и въ Африкѣ, былъ древнѣйшій центръ первобытной металлургіи, но кузнецами были не сами китайцы, а побѣжденные и вытѣсненные ими туземцы Тибета. Китайцы напали на нихъ съ каменнымъ оружіемъ и, подобно евреямъ, побѣдили ихъ. Уже за 2000 лѣтъ до Р. Хр. китайцы знали всѣ металлы, но мѣдь, серебро и золото они употребляли только для украшенія, котораго человѣкъ ищетъ прежде всего. Нѣкоторыя желѣзныя орудія они получили, какъ дань, отъ тибетцевъ. Олово тогда еще не употреблялось; но въ эпоху династіи Чеу (1123—247 до Р. Хр.) открыли способъ соединенія олова съ мѣдью въ бронзу, — и съ тѣхъ поръ этотъ легко поддающій обработкѣ, но, тѣмъ не менѣе, твердый и не подвергающійся ржавчинѣ металлъ сдѣлался обычнымъ матеріаломъ для отливки оружія и орудій. Къ концу этой эпохи въ одномъ изъ многочисленныхъ мелкихъ царствъ древняго Китая снова обратились къ обработкѣ желѣза. И лишь къ началу нашего лѣтосчисленія эта самостоятельная желѣзная промышленность Восточной Азіи достигла цвѣтущаго состоянія.

Изъ всего изложеннаго выше по этому предмету мы видимъ, какъ неточно было бы опредѣленіе, будто бронза по времени предшествовала желѣзу. Вѣрно лишь то, что сперва бронзовыя издѣлья одного и того же вида получили широкое распространеніе. Причина того, безъ сомнѣнія, лежала въ томъ, что искусство обработки бронзы, какъ скоро былъ найденъ соотвѣтственный составъ ея, было гораздо проще, и ему легче было научиться, чѣмъ ковкѣ желѣза. Если даже какой-либо народъ и не зналъ состава бронзы, то онъ могъ пріобрѣсти ее посредствомъ обмѣна и

потомъ самостоятельно обработать. Изъ обломковъ бронзоваго оружія легко было вылить по сдѣланной изъ песку формѣ топоръ или рѣзецъ. Напротивъ, только искусный кузнецъ могъ что-либо сдѣлать изъ обломковъ желѣзнаго оружія. Поэтому бронза и получила такое широкое распространеніе, продолжавшееся во всю древнюю эпоху.

Легко понять, что и эта отрасль промышленности могла получить начало въ различныхъ центрахъ; мнѣнія ученыхъ расходятся только относительно того — имѣла ли восточно-азіатская область распространенія бронзы какую-либо непосредственную связь съ другими азіатско-европейскими областями, или нѣтъ. Какъ отрицательное доказательство, приводятъ то, что составъ восточно-азіатской бронзы былъ совершенно другой, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; но, съ другой стороны, если мы, по Ружмону, обведемъ линіей общую границу областей, гдѣ распространено было употребленіе бронзы, то замѣтимъ, что она съ обѣихъ сторонъ соприкасается съ восточно-азіатской областью. Эта граница области бронзы начинается съ восточнаго берега Тигра и идетъ отъ Персидскаго залива къ Синайскому полуострову; затѣмъ она огибаетъ кругомъ весь Египетъ и проходитъ черезъ ливійскіе и мавританскіе оазисы. Въ Европѣ западная граница этой области замыкается Атлантическимъ океаномъ. Огибая Британію, линія эта спускается къ южной оконечности Норвегіи и, черезъ Швецію, направляется къ Востоку. Тутъ направленіе ея становится крайне неопредѣленнымъ, но приблизительно она проходитъ черезъ средину Сибири въ Китай. Входитъ ли Индія въ предѣлы этой границы,—также еще не опредѣлено. Но въ этихъ предѣлахъ, т. е., въ сущности, отъ Китая до Испаніи, бронза раньше или позже повсюду была извѣстна, а часто одновременно съ ней и желѣзо.

Многое говоритъ за то, что центральною областью, откуда обработка руды перешла на западъ, были страны, богатыя рудою, между Ураломъ и Алтаемъ, относительно добыванія золота въ которыхъ еще Геродотъ сообщалъ баснословныя разсказы. Искусство этой обработки было впервые перенесено на Югъ и Западъ, благодаря передвиженіямъ одного изъ народовъ, извѣстныхъ теперь въ наукѣ подъ общимъ именемъ туранцевъ [4]). Наиболѣе извѣстны родственныя племена ихъ настоящаго времени—финны, турки и мадьяры. Одно изъ первыхъ туранскихъ племенъ, путь котораго мы можемъ прослѣдить, двинулось изъ верхней Азіи на западъ и вторглось въ южную долину рѣки Евфрата, гдѣ въ то время еще жило черное земледѣльческое населеніе. Здѣсь мы встрѣчаемъ его съ древнѣйшихъ временъ вплоть до VIII столѣтія до Р. Хр., подъ именемъ аккадійцевъ—«горныхъ жителей». Кочевники эти положили здѣсь начало культурѣ, возникающей обыкновенно при соприкосновеніи побѣдоноснаго пастушескаго племени съ покоренными земледѣльцами, причемъ первымъ даромъ побѣдителей были, вѣроятно, лошадь и металлъ. Въ древнихъ могилахъ въ Халдеѣ находятъ рядомъ съ каменнымъ оружіемъ предметы изъ золота, бронзы и желѣза, но бронза все-таки преобладаетъ надъ другими металлами. Желѣзо тогда было еще такъ дорого, что оно шло не на выдѣлку орудій, а только для украшенія. Отсюда искусство это легко могло перейти къ сосѣднимъ ассиріянамъ и сирійцамъ и распространиться дальше вплоть до Ханаана, гдѣ и познакомились съ нимъ евреи, пришедшіе съ Юга.

Другую центральную область, также заселенную туранской расой, составляла область между Арменіей и Кавказомъ, знаменитая въ древности страна руды, гдѣ жило племя Тубалъ или «тибареняне», какъ называли ихъ древніе. И въ Библіи есть указаніе на этотъ фактъ въ разсказѣ о Тубалкаинѣ, т. е. о Тубалъ-кузнецѣ, какъ основателѣ металлургіи. Такъ какъ для полученія бронзы необходимо сперва имѣть олово, которое встрѣчалось только въ немногихъ пунктахъ Стараго Свѣта, то первоначальное распространеніе бронзы не могло имѣть одновременно множества центровъ, какъ это возможно было относительно желѣза, золота и серебра, и какъ, вѣроятно, было въ дѣйствительности. Изъ странъ олова, извѣстныхъ въ древности, одна, какъ полагаютъ, лежала въ кавказской Иверіи, а другая—въ Паропамизѣ. Отсюда финикіяне, а впослѣдствіи греки путемъ торговли, доставляли этотъ продуктъ на Западъ, пока, наконецъ, не были открыты оловянные рудники въ Великобританіи.

Формы для отливки изъ слюдянаго сланца и обожженой глины. Правый верхній (нѣсколько уменьш.) и лѣвый нижній ($^1/_3$ естеств. велич.). — Наконечники стрѣлъ. Лѣвый верхній и правый нижній — около $^1/_3$ ест. вел. (Изъ: Schlimann, Ilios, The city and country of the Trojans).

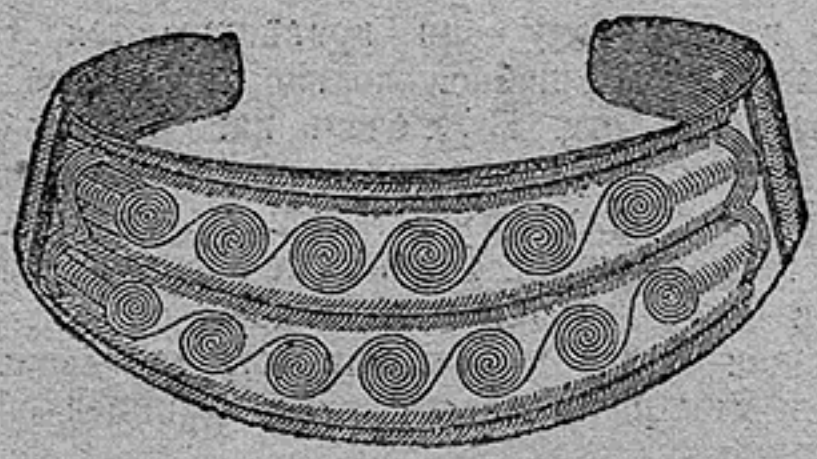
Мы не имѣемъ достаточно историческихъ данныхъ, чтобы выяснить, какимъ путемъ древніе египтяне дошли до столь распространенной среди нихъ бронзы. Во всякомъ случаѣ, примѣненіе мѣди предшествовало примѣненію бронзы. Мѣдь египтяне добывали въ рудникахъ Синайскаго полуострова, а олово, необходимое для приготовленія бронзы, они могли доставать даже въ древнѣйшія времена лишь путемъ торговли. Въ позднѣйшія эпохи богатство финикіянъ основывалось, главнымъ образомъ, на посреднической торговлѣ этимъ металломъ между всѣми народами Средиземнаго моря. Въ самомъ изготовленіи бронзовыхъ издѣлій, содѣйствовавшемъ развитію дѣйствительно широкой международной торговли, наравнѣ съ финикіянами, принимали впослѣдствіи участіе и этруски. Но уже необходимость доставки металла или части его сплава изъ чужой страны настолько поднимала его цѣну, что имъ пользовались, преимущественно лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ. Оружіе такъ называемаго броноваго вѣка, въ особенности, сдѣланное по образцу древнихъ каменныхъ рѣзцовъ и боевыхъ топоровъ (рис. выше), а также стрѣлъ и копій, поражаютъ

насъ своими маленькими размѣрами. Только мечъ, также отчасти получившій начало въ каменномъ вѣкѣ, встрѣчается чаще и въ болѣе самостоятельномъ развитіи. Онъ, поэтому, и считался очень цѣннымъ оружіемъ. Только знатные воины были въ состояніи обзавестись оборонительнымъ оружіемъ изъ бронзы; кожанная шляпа замѣняется бронзовымъ шлемомъ, употребляемое для различныхъ цѣлей полотняное верхнее платье—панцыремъ, а кожа, облекавшая голень—бронзовыми ножнями.

Шейное кольцо (Torques) изъ Крейена. Изъ „Выставки найденныхъ въ Германіи антропологическихъ и доисторическихъ предметовъ въ Берлинѣ 1880 г.“.

Ограниченное употребленіе бронзы доказывается еще тѣмъ, что рядомъ съ болѣе новымъ оружіемъ продолжало существовать и каменное. Даже въ своихъ мѣдныхъ рудникахъ, египтяне работали еще каменными орудіями, а на полѣ сраженія при Марафонѣ были найдены и каменные, и бронзовые наконечники стрѣлъ. Точно также и желѣзо входитъ въ употребленіе

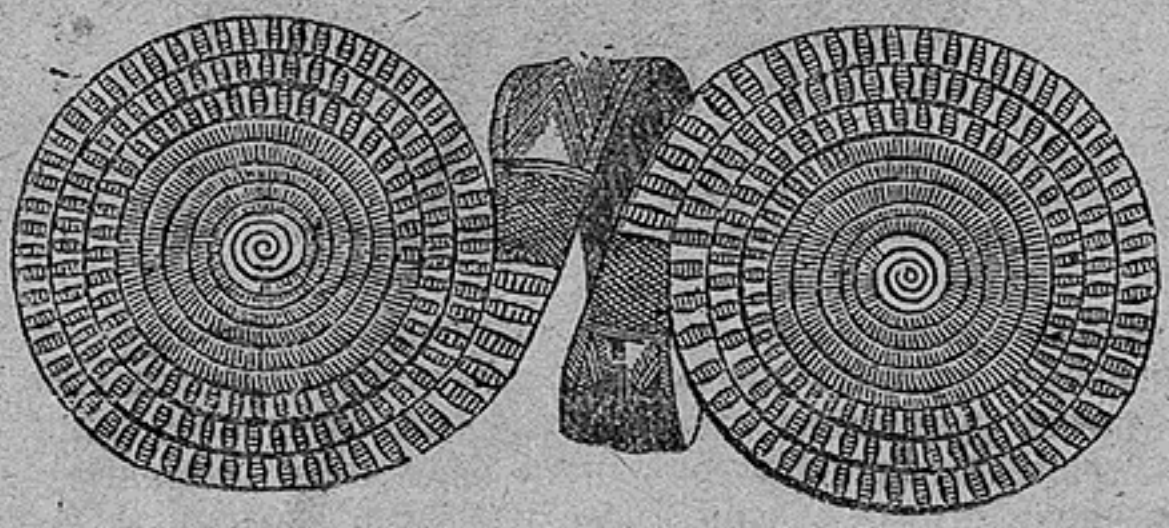

Бронзовая діадема изъ Альтсамита. (Тотъ же источникъ, что и для предыдущ. рис.)

почти всегда наряду съ бронзой, хотя оружіе классической древности изготовлялось преимущественно изъ послѣдняго металла. Греки и римляне сражались, большею частью, именно этимъ оружіемъ. Отъ послѣднихъ употребленіе бронзы перешло къ кельтамъ, которые достигли въ обработкѣ ея значительнаго совершенства, а отъ нихъ—къ германцамъ. При раскопкахъ древнихъ могильныхъ кургановъ во Франціи находятъ преимущественно бронзовыя издѣлія, а въ скандинавскихъ они еще рѣдко попадаются; въ позднѣйшихъ свайныхъ постройкахъ, наряду съ бронзой, встрѣчается и желѣзо. И въ Германіи занимались изготовленіемъ оружія и подобныхъ

предметовъ изъ бронзы: это доказываютъ найденныя тамъ во многихъ мѣстахъ формы для отливки.

Золото, серебро и бронза употреблялись преимущественно на выдѣлку украшеній; во многихъ случаяхъ это даже было первое примѣненіе, какое изъ нихъ дѣлалось. Что касается первыхъ двухъ, то народы, не имѣющіе монетъ, навряд-ли употребляли ихъ для чего-либо другого. Арауканецъ еще и въ настоящее время расплющиваетъ въ возможно болѣе плоскую форму найденный имъ кусокъ золота, чтобы повѣсить эту блестящую бляху себѣ на тѣло—въ уши, на грудь или у пояса. Въ общемъ, позднѣйшія металлическія украшенія представляютъ болѣе или менѣе точное подражаніе древнѣйшимъ украшеніямъ, съ тою лишь разницей, что и самый шну-

Бронзовое запястье изъ Фогельзанга. (Тотъ же источникъ, что и на предыд. стр.).

рокъ или кольцо, къ которому они привѣшиваются, также начинаютъ дѣлать изъ металла. Такъ, шейное кольцо, извѣстное подъ названіемъ «Torques» (см. верхн. рис. стр. 157), очень напоминаетъ шнурокъ, сдѣланный изъ скрученой вѣтки. Изъ височнаго шнура съ привѣсками развились впослѣдствіи діадема и корона, узоры которыхъ, по крайней мѣрѣ, носятъ еще слѣды этого происхожденія. Такимъ же образомъ произошли запястья для рукъ и ногъ и богато украшенный поясъ.

Кольца составляли главную драгоцѣнность въ движимомъ имуществѣ нашихъ предковъ, и ими пользовались, какъ единицей обмѣна, до введенія монетъ.

Торговля и судостроеніе.

Монета является однимъ изъ позднѣйшихъ изобрѣтеній; даже и торговля не могла развиться на низшихъ ступеняхъ культуры. Первичный способъ пріобрѣтенія всего необходимаго есть захватъ. Всѣ вещи въ глазахъ первобытнаго человѣка никому не принадлежатъ. Онъ просто забираетъ себѣ то, что ему нужно, или дѣлаетъ это обдуманно, будучи готовымъ понести всѣ послѣдствія своего рѣшенія въ случаѣ, если другой, завладѣвшій этимъ предметомъ, отстаиваетъ его, какъ свою собственность. Первобытный человѣкъ не можетъ сразу признать, что предметъ, которымъ кто либо завладѣлъ, перестаетъ быть собственностью всякаго и на него

другой уже не можетъ имѣть притязаній. Въ особенности онъ этого признать не можетъ, если такимъ собственникомъ является «чужой»; другими словами, признаніе права собственности обусловливается личнымъ отношеніемъ. Не чужимъ является для него лишь принадлежащій къ его есмьѣ или принятый въ союзъ по мирному договору. Семьи и союзы этого рода составляютъ основу всѣхъ народныхъ организацій; поэтому, и на высшей ступени каждый, не принадлежащій къ племени или народу, остается чужимъ.

То, что находится во владѣніи чужого, пріобрѣтаютъ, насколько это возможно, путемъ захвата; это—грабежъ лишь съ точки зрѣнія ограбленнаго, воровство—лишь съ точки зрѣнія обокраденнаго.

При первомъ знакомствѣ съ австралійцами, европейцы никакъ не могли склонить ихъ къ обмѣну. Предметы, которые они имъ давали, тѣ такъ мало цѣнили, что тутъ же бросали ихъ; но когда они пожелали получить отъ европейцевъ пойманную ими черепаху, они и не подумали предложить имъ что-нибудь въ обмѣнъ: они просто хотѣли взять ее себѣ и были очень возмущены, когда имъ этого не позволили. Во всей Полинезіи первые путешественники терпѣли отъ незначительнаго развитія у туземцевъ понятія о собственности и обмѣнѣ. Въ то время, какъ между собою полинезійцы свято соблюдали право собственности, они всѣ, начиная отъ начальниковъ до послѣдняго мальчика, являлись опасными ворами на корабляхъ европейцевъ. У номадовъ во всѣ времена разбойничьи набѣги считались подвигомъ удальства, которымъ они гордились, такъ какъ на этой ступени культуры за иноплеменникомъ не признается никакого права собственности.

Только невозможность получить желаемый предметъ путемъ захвата ведетъ къ молчаливому или устанавливаемому, путемъ договора, мирному союзу между отдѣльными племенами съ цѣлью взаимнаго обмѣна нужными предметами, создаетъ своего рода «commercium» (торговыя сношенія). Такіе предметы, однако, должны представлять для человѣка нѣчто особенно привлекательное и встрѣчаться лишь въ немногихъ опредѣленныхъ мѣстахъ, Къ нимъ дикій человѣкъ прежде всего относилъ предметы своего туалета, въ особености красящія земли, и нѣкоторыя приправы къ пищѣ, главнымъ образомъ, соль. Не менѣе того стремился онъ добыть подходящій матеріалъ для своихъ каменныхъ орудій. Подъ эту рубрику подходитъ въ позднѣйшее время упомянутая уже нами торговля оловомъ, а изъ предметовъ украшенія процвѣтавшая одновременно торговля янтаремъ. Всѣ эти предметы добываются лишь въ извѣстныхъ пунктахъ, и открытіе свободныхъ путей въ мѣста ихъ нахожденія ужъ издревле являлось предметомъ заботы заинтересованныхъ въ этомъ людей.

Краснокожій не останавливался передъ необходимостью пройти двадцать миль, чтобы добыть въ извѣстномъ мѣстѣ красящей земли; но ни одному изъ этихъ гордыхъ охотниковъ не пришло на умъ завладѣть этимъ цѣннымъ мѣстомъ и требовать чего-нибудь въ обмѣнъ отъ приходящихъ сюда за красящей землей,—или взять запасъ ея съ собой и пользоваться ею для обмѣна, что положило бы начало торговлѣ. Въ этомъ отношеніи даже менѣе смышленные отъ природы австралійцы сдѣлали шагъ впередъ: такъ, хотя они и бросали непонравившіеся имъ подарки европейцевъ, но, отправляясь въ своей странѣ за сотни миль для добыванія охры въ мѣстѣ ея

нахожденія, они каждый разъ запасались кускомъ зеленаго камня, годнаго для выдѣлки оружія. И хотя эти племена были людоѣдами по отношенію другъ къ другу, они, по молчаливому соглашенію, пропускали свободно нагруженныхъ такой ношей въ свою область, очевидно, лишь на основаніи опыта, что, заграждая торговые пути, они, въ концѣ концовъ, сдѣлаютъ недоступнымъ для самихъ себя это драгоцѣнное украшеніе кожи.

Многіе народы обходятся безъ соли; они или замѣняютъ ее, какъ, напр., полинезійцы, налитой въ орѣховую скорлупу морской водой, въ которую за обѣдомъ макаютъ куски мяса, или приправой изъ острыхъ травъ, или же ихъ золой. Но въ мѣстахъ, богатыхъ солью, послѣдняя становится необходимой потребностью туземцевъ, и тамошнія племена стремятся завладѣть соляными залежами. Онѣ встрѣчаются во множествѣ, напр., въ оазисахъ, лежащихъ по дорогѣ изъ Феццана въ Суданъ черезъ Мурзукъ. Кочующія въ пустынѣ племена постоянно воюютъ между собой изъ-за этихъ мѣстъ, и со всѣхъ сторонъ приходятъ туда караваны, чтобы запастить путемъ обмѣна этой драгоцѣнной приправой у тѣхъ, кто въ это время владѣетъ ея мѣстонахожденіемъ.

Остающіеся дома получаютъ соль отъ привезшихъ съ собой запасы ея, путемъ обмѣна, причемъ предметы его могутъ быть весьма различны; но если торговля переходитъ въ руки людей опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, то они, конечно, предпочтутъ такіе предметы, которые охотно принимаются и цѣнятся тамъ, гдѣ они сами получаютъ соль. Если же такая торговля распространяется на различные пункты, причемъ въ одномъ мѣстѣ достаютъ соль, въ другомъ краски, а еще гдѣ-либо кремень, то изъ предметовъ обмѣна охотнѣе всего будутъ приниматься тѣ, которые одновременно цѣнятся въ наибольшемъ количествѣ мѣстъ.

Такимъ образомъ, являются извѣстныя средства обмѣна, и ихъ пріобрѣтаютъ не съ цѣлью пользованія ими, а потому, что на нихъ можно въ различныхъ мѣстахъ пріобрѣсти желаемое. Они въ то же время становятся единицами обмѣна, такъ какъ цѣна ихъ устанавливается всеобщимъ соглашеніемъ. Сами по себѣ они могутъ быть предметами потребленія или украшенія; послѣднему, однако, въ многихъ мѣстахъ отдается предпочтеніе, потому что такое богатство можно носить на тѣлѣ, какъ украшеніе, до тѣхъ поръ, пока не окажется надобность обмѣнять его на предметъ потребленія. У многихъ племенъ мы могли видѣть, что даже холстъ и другія матеріи носились на тѣлѣ исключительно ради украшенія.

Такимъ средствомъ обмѣна служилъ у индѣйцевъ Британской Колумоіи шнурокъ съ нанизанными раковинами, которымъ они украшали тѣло и одежду; цѣна его равнялась бобровой шкурѣ. Мелкой монетой, переводя это понятіе на нашъ языкъ, служили въ С. Сальвадорѣ, Костарикѣ и Никарагуа какаовые бобы. Въ Абиссиніи и странахъ галласовъ общимъ средствомъ обмѣна служатъ куски каменной соли въ видѣ брусковъ. Мелкой монетой въ южной Азіи и во всей средней Африкѣ являются раковины каури. Въ мѣстахъ, гдѣ залегаетъ соль, единицей обмѣна служитъ платье, «тобе», или отдѣльныя полосы холста, длина которыхъ измѣряется естественной мѣрой—длиной руки отъ локтя до концовъ пальцевъ. Наше мотовило есть искусственное подражаніе этому естественному способу измѣренія. Самой мелкой единицей вѣса служили тамъ сѣмена сладкаго рожка. Такіе же

куски полотна служили единицей обмѣна у германцевъ и славянъ, и у послѣднихъ «полотно» и «плата» и теперь еще являются родственными словами. Зулусы считаютъ, а греки, римляне и индѣйцы считали единицей обмѣна голову рогатаго скота. За шесть штукъ его зулусъ покупаетъ себѣ обыкновенную жену, въ четыре головы Гомеръ оцѣниваетъ хорошую рабыню, въ двѣнадцать—красиво отдѣланный треножникъ.

Когда стали употреблять металлъ для выдѣлки украшеній, такія металлическія цѣнности стали любимымъ средствомъ обмѣна, и еще въ средніе вѣка скандинавскіе короли славились своимъ богатствомъ колецъ. И древніе египтяне пользовались для той же цѣли золотыми и серебряными кольцами, но уже точнѣе различали ихъ цѣнность по вѣсу. Съ увеличеніемъ богатства благородными металлами должно было оказаться совершенно излиш-

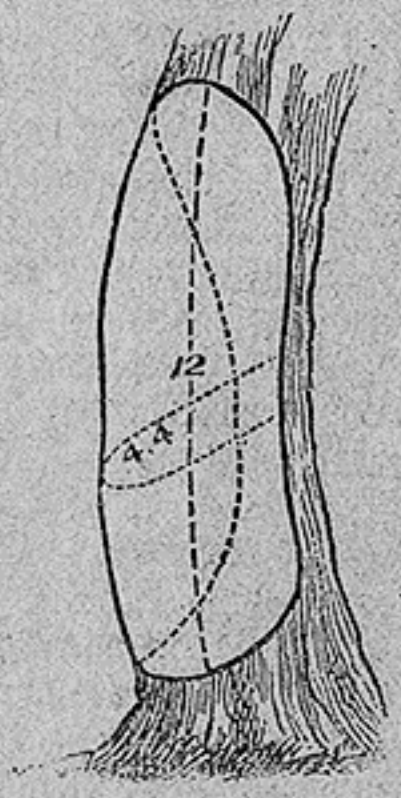
Австралійцы на своихъ челнокахъ изъ коры на рыбной ловлѣ.
(Изъ Brough Smyth, „Australia“).

нимъ обрабатывать каждый кусокъ металла для самостоятельнаго у потребленія: нашли болѣе удобнымъ опредѣлять слитки золота и серебра по вѣсу и пользоваться мии, какъ средствомъ обмѣна. Такъ, евреи до изгнанія расплачивались между собою серебромъ по вѣсу, признавая гири, употреблявшіяся въ храмѣ, установленной единицей вѣса.

Какъ скоро вѣсъ такихъ кусковъ металла былъ опредѣленъ разъ навсегда и его обозначали на самомъ кускѣ достойнымъ довѣрія знакомъ, то этимъ самымъ была изобрѣтена монета, которая должна была чрезвычайно облегчить торговлю. Говорятъ, что древнѣйшія формы такихъ чеканныхъ кусковъ металла появились въ Лидіи и Эгинѣ. Древніе римляне употребляли литыя денежныя единицы. Постепенно чеканка монетъ распространилась въ Финикіи, Греціи, Персіи, затѣмъ по всей Римской имперіи. Чеканка монетъ сдѣлалась повсюду привилегіей правительства, что и должно было быть,

такъ какъ обозначеніе цѣнности требовало признаваемаго всѣми авторитета. Германцы заимствовали чеканку монетъ у римлянъ, славяне — у германцевъ.

Для добыванія нѣкоторыхъ продуктовъ и торговли ими еще въ древнѣйшія времена были проложены торговые пути среди народовъ, въ другихъ отношеніяхъ совершенно некультурныхъ. Гостепріимное отношеніе къ чужеземцамъ, доставлявшимъ въ страну желательные предметы, переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію и даже передавалось отъ народа къ народу, если одинъ вытѣснялся другимъ. Одинъ изъ такихъ путей былъ проложенъ финикіянами отъ устья Роны черезъ Францію въ Британію, откуда вывозилось олово. Другой путь шелъ въ первобытныя времена отъ устья По черезъ горы и низменности до береговъ Балтійскаго моря, гдѣ добывали янтарь и покупали мѣха. Эти торговые пути, очевидно, намѣренно скрывали отъ чужихъ народовъ: такъ, греки долго думали, что цѣнный янтарь добывается у устья По. Но постепенно и хозяйственныя нужды въ одинаковой мѣрѣ начинаютъ пробуждать въ человѣкѣ такое стремленіе къ предметамъ удовлетворенія ихъ, какъ и къ предметамъ украшенія. Римскія завоеванія много содѣйствовали этому, открывъ новыя благопріятныя области производства и обмѣна, что̀ вызвало даже новыя отрасли промышленности, продукты которыхъ предназначались не для удовлетворенія мѣстной потребности въ нихъ, а исключительно для обмѣна. Такъ, Бельгія доставляла римлянамъ не только шерсть, но и дешевое мыло, которое, правда, находило сбытъ въ Италіи, но, при дороговизнѣ дровъ и сала, изготовленіе его тамъ обходилось бы гораздо дороже. Тамъ, гдѣ первобытные лѣса доставляли обильный горючій матеріалъ для полученія золы, а стада полудикихъ свиней — дешевое сало, производство это обходилось дешево. Въ Богеміи встрѣчаются названія мѣстностей, нѣкогда покрытыхъ первобытными лѣсами, которыя ясно указываютъ, что въ древности здѣсь занимались тѣмъ же производствомъ.

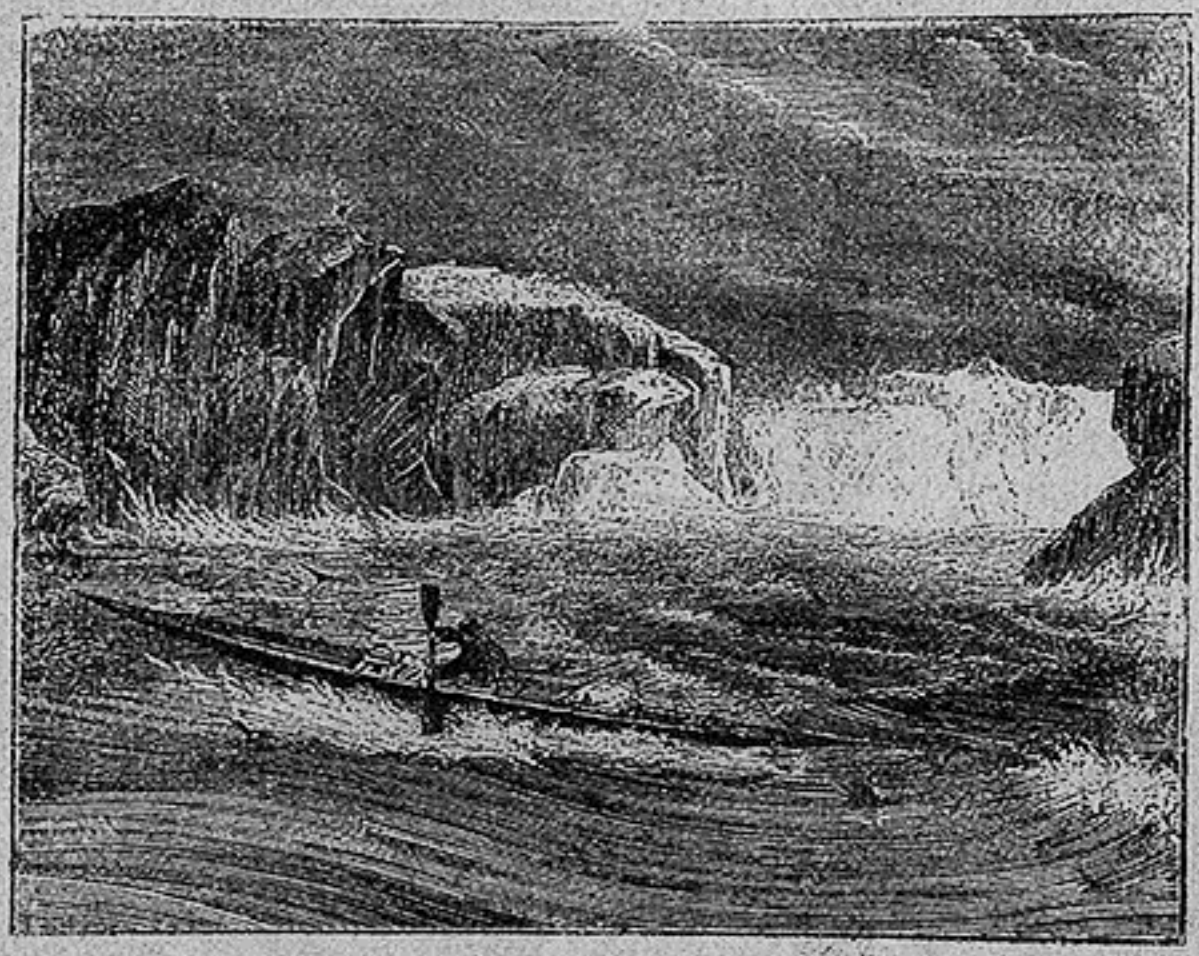

Дерево, съ котораго снята кора для челнока. Цифры обозначаютъ англійскіе футы. (Изъ „Brough Smyth, „Australia“).

Такого же рода промышленность, имѣвшая въ виду торговлю, создалась въ мѣстностяхъ, изобиловавшихъ горными породами, годными для изготовленія оружія и мельничныхъ жернововъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся еще и понынѣ названія и остатки этихъ предметовъ производства.

Въ настоящее время для того, чтобы воспользоваться полезными продуктами и техническими пріемами, свойственными какому-либо поясу, народамъ другихъ поясовъ нѣтъ надобности отправляться за ними самимъ: это достигается путемъ торговли. Послѣдняя, однако, не могла бы развиться въ такихъ широкихъ размѣрахъ безъ помощи судоходства. Первыя попытки его мы находимъ почти у всѣхъ народовъ, которымъ близость воды давала удобный поводъ къ тому. Но многіе не додумались до парусныхъ

судовъ. Первый толчокъ къ употребленію судна на водѣ легко могъ дать плавающій стволъ дерева, за который ухватился утопающій. У туземцевъ Сандвичевыхъ острововъ любимѣйшій способъ развлеченія заключался въ слѣдующемъ: съ шестомъ въ рукахъ, пловецъ то бросался на гребни волнъ, то ныряль подъ нихъ. Сидя верхомъ на бревнѣ и гребя руками, австралiецъ подплываетъ и теперь еще къ кораблямъ; для большаго удобства онъ эти бревна заостряетъ. Въ другомъ мѣстѣ дѣти учатся плавать при помощи кокосовыхъ орѣховъ, какъ у насъ еще недавно для этой цѣли служили пузыри животныхъ. Древніе индѣйцы, жившіе въ озерной области, выдалбливали простѣйшими орудіями древесные стволы, на которыхъ они

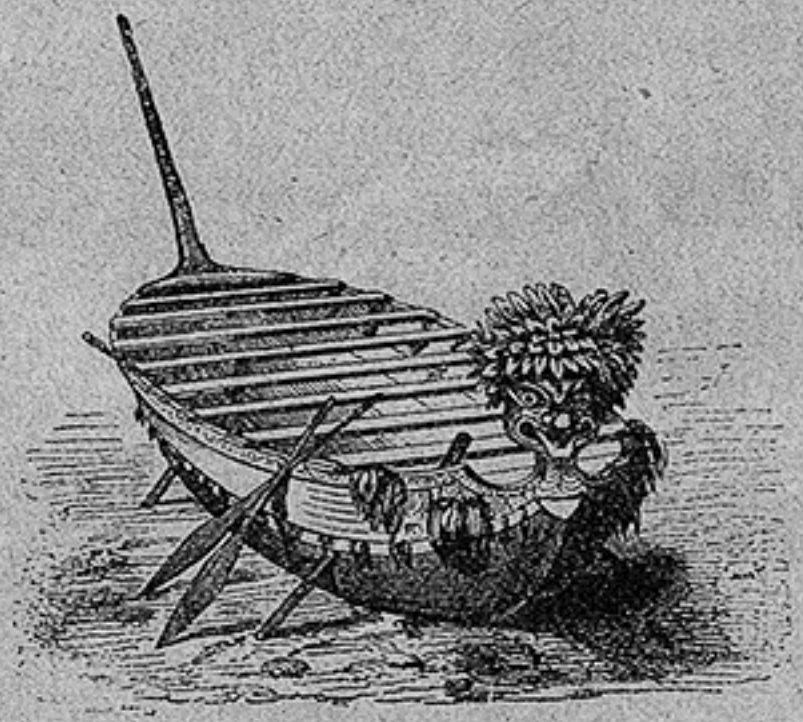

Каякъ эскимосовъ. (Изъ „Второй германской экспедиціи къ сѣверному полюсу 1869—1870 подъ начальствомъ капитана Кольдевея“).

плавали. Они осторожно обжигали стволъ съ одной стороны, постепенно выскребывая раковинами обгорѣвшія части до тѣхъ поръ, пока впадина не сдѣлается достаточно глубокой. Такой выдолбленный стволъ, съ грузомъ на днѣ, не такъ легко опрокидывался волнами. Индѣйцы и австралiйцы пытались достигнуть той же цѣли при помощи легко отдѣлимой коры деревьевъ (рис. стр. 162). Содравъ съ дерева кору кусками опредѣленной формы, они скрѣпляли ихъ у обоихъ концовъ лыкомъ и спускали въ воду. Въ водѣ отверстія забухали, и челнокъ былъ вполнѣ годенъ для непродолжительнаго употребленія. Но вскорѣ индѣйцы нашли способъ сдѣлать его годнымъ для болѣе долгаго пользованія, придавая ссохнувшейся корѣ желаемую форму при помощи деревянныхъ распорокъ. Отсюда уже не трудно было напасть на мысль замѣнить кору шкурой бизона, натя-

нувъ ее на готовый деревянный остовъ лодки. Подобныя лодки мы встрѣчаемъ уже у индѣйцевъ, а эскимосы, даже безъ помощи нашей усовершенствованной техники, достигли въ этомъ искусствѣ такого совершенства, что ихъ умяки (женскіе челноки) и каяки (мужскіе челноки), по справедливости, возбуждаютъ наше удивленіе. Орудіе для приведенія челнока въ движеніе, — деревянное весло съ плоской лопастью, — также не что иное, какъ подражаніе рукѣ съ раскрытой ладонью. Для каяка, приспособленнаго только для одного человѣка, эскимосъ придумалъ двухлопастное весло (рис. стр. 163).

Искусными корабельными мастерами, достигшими своего рода совершенства въ этомъ искусствѣ, путешественники изображаютъ намъ полинезійцевъ, техника которыхъ, безъ сомнѣнія, находится въ исторической связи съ малайской. Такъ, напр., новозеландцы, между прочимъ, продолжали

Военная лодка новозеландцевъ. (По Гохштеттеръ, „Новая Зеландія“).

пользоваться челнокомъ въ формѣ выдолбленнаго древеснаго ствола даже на открытомъ морѣ,—но они, чтобы предохранить эти легкіе челноки отъ опрокидыванія, связывали ихъ по-двое поперечными брусками и, такимъ образомъ, еще выигрывали лишнее пространство для груза. Подобный же предохранительный снарядъ они придумали и для отдѣльнаго челнока, придѣлавъ къ нему плавучую рѣшетку; такимъ образомъ, имъ принадлежитъ честь изобрѣтенія аутригера, которымъ пользуются и для нашихъ лодокъ. Но, какъ мы уже говорили выше, новозеландцы умѣли готовить доски и сшивать изъ нихъ ладьи длиною въ 60 футъ. Такая лодка, на которой могли помѣститься 80 воиновъ, роскошно украшалась въ ихъ вкусѣ. На передней части ея выступало устрашающее лицо «идола» на томъ мѣстѣ, гдѣ и въ современныхъ судахъ, именно на галіонѣ, обыкновенно выставляется скульптурное изображеніе.

Они даже придумали паруса для этихъ челновъ, разумѣется, очень несовершенные. Рогожа, надуваемая вѣтромъ, содѣйствуетъ движенію лодки,—

это могъ замѣтить каждый, кому случалось стоять на лодкѣ въ раздувае-момъ вѣтромъ плащѣ. Но на новозеландскихъ лодкахъ не было мачты; рогожа натягивалась между двумя палками, прикрѣплявшимися къ бортамъ челна. Съ такимъ парусомъ лодки эти могли только «плыть по вѣтру», но не «крейсировать».

То, что оказалось возможнымъ для новозеландцевъ,—не говоря уже о множествѣ промежуточныхъ ступеней,—тѣмъ болѣе могло быть достояніемъ древнихъ египтянъ, хозяйственная жизнь которыхъ почти неминуемо должна была направить ихъ если не къ мореплаванію, то къ занятію судоходствомъ по Нилу и его рукавамъ. И дѣйствительно, барка въ ихъ жизни играла весьма важную роль, и болѣе крупныя суда, ходившія по Нилу, имѣютъ въ своемъ устройствѣ два усовершенствованія, которыя оказались весьма существенными для дальнѣйшаго развитія мореплаванья. Египтяне, какъ это видно изъ ихъ стѣнной живописи, прикрѣпляли къ лодкамъ кольца, сквозь которыя пропускали весла, создавъ, такимъ образомъ, прототипъ позднѣйшей галеры; они ввели въ употребленіе и мачту, привязывая ее веревками, и прикрѣпляли къ ней натянутый между двумя реями парусъ. Корабль имѣлъ руль, а на переднемъ и заднемъ концахъ его устраивалось возвышеніе въ видѣ галлереи—намекъ на юты позднѣйшихъ военныхъ кораблей.

Египетскій корабль послужилъ образцомъ для позднѣйшихъ финикійскихъ, греческихъ и римскихъ кораблей. Дальнѣйшее развитіе мореплаванія мы разсматривать не будемъ. Прослѣдить отсюда за всѣми дальнѣйшими успѣхами во всѣхъ областяхъ почти нѣтъ возможности, потому что каждый новый элементъ, гдѣ бы онъ ни зародился, распространяется по всѣмъ направленіямъ и дѣйствуетъ на все о плодотворяющимъ образомъ. Если основой нашего корабля все еще служитъ старая модель,—то сколько усовершенствованій внесено въ устройство его употребленіемъ металловъ и машинъ! Но существеннѣйшимъ успѣхомъ своимъ искусство мореплаванья обязано употребленію компаса, заимствованному позднѣйшими мореплавателями у культурныхъ народовъ Восточной Азіи. Только на снаряженныхъ такимъ способомъ корабляхъ, предпріимчивая бѣлая раса могла проникнуть во всѣ части свѣта и завязать широкія культурныя сношенія, въ сравненіи съ которыми великое передвиженіе народовъ въ первобытныя времена оказывало лишь ограниченное вліяніе.

Примѣчанія къ I-му отдѣлу.

[1]) При всей употребительности термина „культура“, онъ нуждается въ точномъ опредѣленіи для полнаго пониманія его значенія. Какъ говоритъ г. Тепловъ, посвятившій этому опредѣленію особую брошюру подъ заглавіемъ „Что такое культура?“: „и въ наукѣ, и въ разговорной рѣчи мы очень часто употребляемъ слово культура въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ и видахъ. Мы говоримъ объ исторіи культуры, о культурномъ развитіи человѣчества, о матеріальной и духовной культурѣ, о малокультурности того или другого человѣка и т. д. и т. д. Но употреблять слово и даже, въ общемъ, болѣе или менѣе правильно употреблять его не значитъ еще ясно и точно понимать его и умѣть опредѣлять. И мнѣ кажется, что весьма разнообразныя явленія, въ общемъ, правильно подводятся многими писателями подъ понятіе культуры, но само понятіе остается далеко не выясненнымъ и оставляетъ очень многаго желать въ смыслѣ точности и отчетливости. Благодаря же этому, остается масса туманнаго и спорнаго и въ истолкованіи самыхъ явленій“ (стр. 3). Для выясненія того, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ культурныхъ явленій, авторъ противуполагаетъ ихъ явленіямъ біологическимъ и отмѣчаетъ существенное различіе между тѣми и другими. „Когда какой-либо признакъ, какой-либо фактъ, или какое-либо измѣненіе у животнаго или человѣка даны самою природой, говоритъ онъ, мы находимся въ области зоологіи или антропологіи въ тѣсномъ смыслѣ слова, вообще, въ области біологическихъ наукъ. Но когда совершенно аналогичный признакъ, фактъ или измѣненіе создаетъ самъ человѣкъ и при томъ такъ, что онъ можетъ и сдѣлать и не сдѣлать этого и, что особенно важно, можетъ научить этому другого человѣка, то мы имѣемъ дѣло съ культурнымъ явленіемъ“. Онъ поясняетъ это слѣдующими словами: „Всѣ тѣ явленія и измѣненія или признаки безразлично физическіе или духовные, которые передаются наслѣдственнымъ путемъ, относятся къ явленіямъ зоологическаго или біологическаго порядка; всѣ же тѣ пріобрѣтенія въ жизни, которыя могутъ быть усваиваемы человѣкомъ независимо отъ наслѣдственной передачи путемъ общенія съ другимъ человѣкомъ,—все это относится къ порядку явленій культурныхъ“ (5—6). „Съ изложенной точки зрѣнія, говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, намъ будетъ вполнѣ понятно, почему вопросъ о томъ, приспособлены ли зубы человѣка къ разрыванію мяса или растиранію травы или плодовъ. а желудокъ его—къ перевариванію животной или растительной пищи—относится къ области зоологіи или антропологіи, а вопросъ о томъ, умѣетъ ли варить человѣкъ пищу или нѣтъ, умѣетъ ли приручить козу или быка, ѣстъ ли онъ сырое или вареное мясо и плоды, какія изъ такъ называемыхъ культурныхъ растеній употребляетъ онъ въ пищу или питье, охотится ли онъ за дичью или кочуетъ со своими стадами, или же, наконецъ, осѣлъ для занятія земледѣліемъ, и какими орудіями онъ пользуется при обработкѣ земли, умѣетъ ли сшивать шкуры или выдѣлывать ткани и одѣваться, живетъ ли онъ въ земляныхъ ямахъ, строитъ ли онъ себѣ шалаши изъ прутьевъ или дома изъ дерева, камня, желѣза или стекла,—сотни и тысячи аналогичныхъ и частныхъ и общихъ вопросовъ относятся къ разряду явленій культурныхъ“ (7). Значеніе культуры, по словамъ автора, сводится къ тому, „что это есть приспособленіе къ борьбѣ за жизнь; другими словами, культура преслѣдуетъ ту же цѣль, которая составляетъ цѣль всего нашего существованія, именно жизнь, и она

есть не болѣе какъ, результатъ совокупныхъ усилій человѣческаго рода поддержать свою жизнь. Не надо только забывать при этомъ, что жизнь—понятіе очень широкое—оно охватываетъ собою не только наши тѣлесныя отправленія, но и всѣ проявленія психической жизни“ (17).

Шурцъ во вступительной главѣ къ своей „Исторіи первобытной культуры“, въ началѣ ея также ставитъ вопросъ: „Что такое, въ дѣйствительности, культура? На чемъ основывается это понятіе, о которомъ мы говоримъ такъ часто, отъ какихъ причинъ зависитъ его существованіе, ростъ и уничтоженіе? Для европейца, который хвалится тѣмъ, что живетъ среди самой высокоразвитой культуры, какая когда-либо существовала на землѣ, отвѣтъ на этотъ вопросъ не долженъ казаться затруднительнымъ. На самомъ дѣлѣ, ему достаточно только оглянуться, чтобы увидать передъ собою воочію все великолѣпіе культуры. Здѣсь возвышаются дома, дворцы или соборы, тамъ волнуются хлѣбныя поля, тамъ катятся вагоны и пыхтятъ машины, здѣсь разложены въ лавкахъ и магазинахъ безчисленные предметы, которыми человѣкъ украшаетъ себя самого и свое жилище, питательныя и вкусовыя вещества, какія онъ достаетъ изъ самыхъ отдаленныхъ странъ, и орудія, какими онъ работаетъ. Здѣсь, повидимому, онъ можетъ осязать самую сущность культуры, познать и уяснить себѣ ее во всѣхъ смыслахъ.“ (Urgeschichte der Kultur, 3).

Но онъ скоро убѣждается, что „культура, въ дѣйствительности, состоитъ не изъ матеріальныхъ предметовъ и результатовъ, а изъ силъ, вызывающихъ эти дѣйствія.“ Достаточно представить себѣ, что какой-нибудь европейскій городъ оставленъ своими жителями и наводненъ варварами и дикарями, чтобы понять, насколько все, чѣмъ можно гордиться и любоваться въ этомъ городѣ, исключительно зависитъ отъ его обитателей, отъ ихъ способностей и умѣнья производить эти чудеса культуры и пользоваться ими. Новые, некультурные обитатели не только не поддержатъ, но даже истребятъ все, что было сдѣлано ихъ предшественниками, и великолѣпный городъ, черезъ недолгое время, превратится въ развалины. Съ другой стороны, прежніе обитатели его, очутившись въ новой странѣ, въ благопріятныхъ условіяхъ, могутъ легко и быстро создать такой же городъ.

Существеннымъ признакомъ культуры является то, что представителемъ ея служитъ не отдѣльный человѣкъ, а общество. Это понятіе охватываетъ въ данномъ случаѣ не только живыхъ людей, пользующихся благами культуры, но и всѣхъ ихъ предшественниковъ и потомковъ; въ дѣйствительности, они пользуются не тѣмъ, что создано ими самими, но и тѣмъ, что создавалось безчисленными поколѣніями, предшествовавшими имъ, и все, что они сами прибавили къ результатамъ работы этихъ поколѣній, они оставятъ тѣмъ, которые послѣдуютъ за ними. Но и ихъ способность пользоваться культурнымъ достояніемъ и обогащать его собственной работою свойственна не одинаково всему человѣчеству: не всѣ люди безразлично могутъ быть ихъ наслѣдниками; для этого нужна не только культурность предшествующихъ поколѣній, но и особая даровитость, которую пока мы находимъ только у народовъ, создававшихъ или развивавшихъ культурное достояніе. Такъ, дикари воспринимаютъ, по большей части, лишь внѣшній лоскъ культуры и теряютъ его, попадая въ прежнія жизненныя условія. Въ виду этихъ фактовъ, Шурцъ даетъ слѣдующее опредѣленіе культуры: „культура есть наслѣдіе работы предшествующихъ поколѣній, насколько она воплощается въ способностяхъ, сознаніи, трудѣ и результатахъ труда нынѣ живущихъ людей“ (5). Другими словами, мы приходимъ къ убѣжденію, что „наслѣдіе, обладаніемъ котораго культурный человѣкъ отличается отъ ниже стоящихъ народовъ и человѣчество, въ его цѣломъ, отличается отъ животнаго міра, состоитъ не въ однихъ внѣшнихъ предметахъ и даже не въ одномъ только устномъ и письменномъ преданіи, но и въ „умственномъ предрасположеніи“. Въ этомъ яснѣе выступаетъ сущность культурной работы: она стремится къ тому, чтобы поставить на мѣсто безсознательной цѣлесообразности, стремленій и первичныхъ инстинктовъ ясное сознаніе причинъ и цѣлей и этимъ дать толчокъ къ сознательной цѣлесообразной дѣятельности“. (9—10).

Человѣкъ и въ дикомъ состояніи съ помощью устнаго преданія узнаетъ о томъ, что было извѣстно его предкамъ въ области умственной и практической жизни; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ поднимается даже до „образнаго письма“.

до изображенія различныхъ предметовъ, которыя дѣлаютъ его мысли или замѣтки понятными другимъ. Но только культурный человѣкъ пользуется письмомъ въ настоящемъ смыслѣ слова, т.-е. знаками, обозначающими отдѣльные звуки, изъ которыхъ состоитъ человѣческая рѣчь и которые мы называемъ гласными и согласными. Письмо служитъ могущественнымъ средствомъ распространенія культуры и не даромъ считается характернымъ признакомъ ея. Когда это письмо превращается въ механическій способъ воспроизведенія отдѣльныхъ знаковъ или буквъ, тогда дѣйствіе его увеличивается въ безчисленное множество разъ и всѣ умственныя пріобрѣтенія народа становятся достояніемъ тѣхъ, которые говорятъ на его языкѣ.

Но и помимо такого воздѣйствія, котораго лишены некультурные народы, самая жизнь въ культурномъ обществѣ воспитываетъ отдѣльную личность и прививаетъ ей взгляды и привычки, необходимыя для такой соціальной жизни. Она учитъ его любить и уважать человѣка внѣ узкаго племеннаго круга, въ средѣ котораго проходитъ все существованія человѣка некультурнаго; для послѣдняго всѣ—„чужіе“, кто не принадлежатъ къ его родовому или племенному союзу, и личныя и имущественныя права ихъ онъ можетъ нарушать, не видя въ этомъ ничего дурного или преступнаго. Понятіе о „человѣкѣ“ вообще есть отвлеченность, недоступная для некультурныхъ людей; оно устанавливается и проводится въ жизни только въ культурной средѣ. Правда, этой послѣдней не чужды и враждебныя чувства; и въ ней борьба за существованіе часто бываетъ тяжела, и побѣдители и побѣжденные питаютъ другъ къ другу недобрыя чувства, но рядомъ съ ними развиваются чувства симпатіи и состраданія, которыя становятся болѣе и болѣе обязательными по мѣрѣ роста культуры. Даже на войнѣ, когда люди видятъ исполненіе долга въ убійствѣ себѣ подобныхъ, культурный человѣкъ старается смягчить тяжелыя послѣдствія этой борьбы, переставая считать раненыхъ и плѣнныхъ непріятелей своими врагами и оказывая имъ помощь наравнѣ со своими единоплеменниками, потерпѣвшими такъ или иначе отъ ужасовъ войны. Благодаря этимъ чувствамъ симпатіи, культурная среда развиваетъ высшую нравственность, въ силу которой человѣкъ живетъ не только для удовлетворенія своихъ инстинктовъ и потребностей, но и для пользы другихъ, видя въ нихъ своихъ братьевъ, имѣющихъ право на его сочувствіе и помощь.

Правда, путешественники разсказываютъ намъ о добродушіи и незлобивости нѣкоторыхъ дикихъ народовъ, въ особенности обитателей полярнаго пояса. Они производили отрадное впечатлѣніе на европейцевъ своею мирной семейной жизнью, своею помощью нуждающимся соплеменникамъ и почти полнымъ отсутствіемъ ссоръ въ своемъ общественномъ обиходѣ. Но въ то же время, жизнь этихъ людей была очень тяжелою, и множество изъ нихъ погибало отъ суровыхъ условій, среди которыхъ они жили. Съ другой стороны, мы знаемъ дикарей, существованіе которыхъ можетъ быть названо счастливымъ, потому что они живутъ въ прекрасномъ климатѣ, среди богатой природы, одѣляющей ихъ своими дарами почти безъ всякаго труда съ ихъ стороны. Но за этой привлекательной внѣшностью скрываются многія отталкивающія стороны некультурной жизни, каково людоѣдство, убійство дѣтей и стариковъ и т. п. Не слѣдуетъ думать также, что дикари, стоя ближе къ природѣ, пользуясь постоянно воздухомъ лѣсовъ и луговъ, довольствуясь простой пищей, занимаясь исключительно физической работой, укрѣпляющей тѣло, могутъ похвалиться болѣе крѣпкимъ здоровьемъ и болѣе сильнымъ сложеніемъ, чѣмъ люди культурные, вынужденные жить въ менѣе благопріятныхъ физическихъ условіяхъ. На самомъ дѣлѣ, однако, европейцы, занимающіеся физическимъ трудомъ и въ то же время пользующіеся, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми удобствами, оказываются сильнѣе и крѣпче дикарей. Такъ матросы европейскихъ кораблей всегда брали верхъ въ борьбѣ съ дикарями, когда высаживались на какихъ либо берегахъ или островахъ другихъ частей свѣта, и европейскіе рабочіе выказывали больше силы и выносливости въ сравненіи съ туземцами во внѣ-европейссихъ колоніяхъ. Правда, они страдали отъ работы въ жаркомъ климатѣ, вообще ослабляющемъ ихъ, но за то способность негра къ работѣ меньше той же способности европейца на родинѣ послѣдняго. Это позволяетъ намъ заключить, что не сама культура, а лишь нѣкоторыя вредныя стороны ея, каково, напр., переполненіе городовъ, работа на нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ и т. п., разстраиваютъ

и разрушаютъ здоровье рабочихъ людей. Но съ принятіемъ нѣкоторыхъ гигіеническихъ мѣръ, эти вредныя стороны городской и фабричной жизни значительно уменьшаются въ своемъ вліяніи. Такъ, благодаря подобнымъ мѣрамъ къ Лондонѣ, несмотря на скученность его населенія и бѣдность значительной части его, пропорціональное число смертей гораздо менѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ.

По своему физическому развитію, культурный человѣкъ вообще стоитъ выше некультурнаго. Какъ говоритъ извѣстный нѣмецкій антропологъ Фричъ по поводу сравненія скелета южно-африканскихъ кафровъ, принадлежащихъ къ числу крѣпко сложенныхъ дикарей, со скелетомъ сооточественниковъ этого ученаго, т. е. нѣмцевъ. „полное развитіе человѣка, т. е. его мышцъ и костей... достижимо только подъ вліяніемъ культуры“ [1]). Уже отсюда мы можемъ заключить, что такъ назыв. культурная форма человѣческаго тѣла составляетъ дальнѣйшее или высшее развитіе дикой или некультурной формы.

Вся жизнь человѣчества есть усиліе облегчить и улучшить условія своего существованія и разъяснить явленія окружающаго міра и свое отношеніе къ нимъ. То и другое достигается съ помощью культуры. Поэтому зачатки ея мы видимъ уже у низшихъ дикарей, которымъ не удалось, однако, подняться выше первыхъ ступеней ея. Пройти весь длинный путь ея, встать на ея высшія ступени суждено было только немногимъ народамъ, а именно обитателямъ Европы и представителямъ европейской расы, переселившимся въ другія части свѣта. Они достигли величайшихъ успѣховъ и матеріальной и умственной культуры, оставивъ за собою въ безконечной дали своихъ некультурныхъ предковъ, походившихъ по своему образу жизни на нынѣшнихъ дикарей. Этотъ путь развитія былъ, въ своемъ родѣ, неизбѣжнымъ: вступивъ на него, та часть человѣчества, которая могла подвигаться дальше, не могла уже остановиться. Нельзя скрывать отъ себя и такъ называемой изнанки культуры, различныхъ неблагопріятныхъ сторонъ ея, выражающихся въ ослабленіи и вырожденіи слишкомъ щедро и слишкомъ скудно надѣленныхъ классовъ европейскаго общества. Въ виду того, не рѣдко можно слышать вопросъ—даетъ ли культура человѣку счастье? На этотъ вопросъ каждый долженъ отвѣтить по своему въ зависимости отъ того сколько онъ хочетъ и можетъ взять отъ умственныхъ и матеріальныхъ сокровищъ культуры. Культура много даетъ, но и много требуетъ отъ человѣка. Такъ какъ согласно приведенному выше опредѣленію она представляетъ собою работу всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній, то каждый изъ нынѣ живущихъ людей долженъ внести въ нее свою долю труда. Даже и тѣмъ, на долю коихъ выпадаетъ самый тяжелый трудъ, культура даетъ нѣкоторое вознагражденіе за него въ видѣ науки и искусствъ, которыя въ извѣстной мѣрѣ все болѣе и болѣе становятся общимъ достояніемъ. Конечная цѣль культуры—облегченіе матеріальной жизни и умственное просвѣтленіе всего человѣчества. Если это когда либо и можетъ быть достигнуто, то, безъ сомнѣнія, лишь въ весьма отдаленномъ будущемъ, но каждый по мѣрѣ силъ долженъ содѣйствовать этому конечному стремленію истинныхъ представителей культуры, и чѣмъ больше онъ будетъ способствовать облегченію жизни и просвѣщенію окружающихъ его, тѣмъ болѣе самъ онъ будетъ достоинъ названія культурнаго человѣка и тѣмъ больше счастья дастъ ему культура.

2) Названіе „красновато-бурая“ и „красная“ раса, часто встрѣчающееся у Липперта, можетъ вызвать нѣкоторое недоумѣніе у читателя, мало знакомаго съ этнографіей, и привыкшаго къ наименованію „краснокожей“ расой индѣйцевъ Сѣверной Америки. Объ этой послѣдней здѣсь, конечно, не можетъ быть рѣчи. Нѣмецкіе этнографы отмѣчаютъ красноватый оттѣнокъ кожи у такъ назыв., хамитической вѣтви бѣлой или кавказской расы. Родиною этой вѣтви считается сѣверная Африка. Какъ болѣе извѣстныхъ представителей ей, кромѣ египтянъ, можно назвать берберовъ, нубійцевъ, фулаховъ и др. Она встрѣчается и въ большемъ или меньшемъ смѣшеніи съ неграми, при чемъ эти смѣ-

---

[1]) Мы не входимъ въ подробности по этому интересному вопросу, такъ какъ читатели „Самообразованія“ могутъ ближе ознакомиться съ нимъ въ главѣ „Пропорціи человѣческаго тѣла“ въ сочиненіи Ранке „Физическія различія человѣческаго рода“, составляющемъ одно изъ приложеній къ нашему журналу за 1902 г.

шанные типы отличаются отъ негровъ бо́льшимъ благородствомъ чертъ и буровато-краснымъ оттѣнкомъ кожи.

3) Нечувствительность негровъ къ дѣйствію болотныхъ міазмовъ, вызывающихъ лихорадку, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, оказывается гораздо болѣе ограниченной, чѣмъ это предполагали прежде. Въ нѣкоторыхъ особенно нездоровыхъ болотистыхъ мѣстностяхъ Африки иногда цѣлая половина туземнаго населенія страдаетъ отъ лихорадки, но съ тѣмъ различіемъ отъ европейцевъ, что болѣзнь протекаетъ у нихъ легче и вызываетъ меньше смертныхъ случаевъ. Перемѣщеніе негровъ изъ болѣе здоровыхъ въ менѣе здоровыя мѣстности рѣдко обходится для нихъ безнаказанно. Въ этомъ убѣдился изъ собственнаго опыта Ливингстонъ, когда ему приходилось совершать съ черными спутниками далекія путешествія по Африкѣ. Попадая при этомъ въ различныя мѣста, отличавшіяся по физическимъ условіямъ отъ ихъ родины, негры настолько страдали отъ различныхъ болѣзней, что Ливингстонъ, по способности къ заболѣваніямъ, ставилъ ихъ даже ниже европейцевъ.

4) Этнографія, въ настоящее время отказалась отъ термина „туранскій“, какъ употреблявшагося въ слишкомъ широкомъ, недостаточно опредѣленномъ смыслѣ. Собственно „Тураномъ“ называется, въ противуположность „Ирану“ или Персидскому плоскогорью, страна, лежащая къ сѣверу отъ него, спускающаяся къ Арало-Каспійской низменности и совпадающая нынѣ съ русскимъ Туркестаномъ и ханствами Хивинскимъ и Бухарскимъ. Съ другой стороны, туранскими языками называются всѣ урало-алтайскіе языки, а словомъ туранскіе народы обозначаютъ всѣхъ кочевниковъ Азіи, противуполагая ихъ земледѣльческимъ народамъ арійской вѣтви.

ОТДѢЛЪ II.

Общество, семья, собственность, управленіе и судъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Развитіе общественныхъ формъ.

Въ первомъ отдѣлѣ нашей исторіи культуры мы слѣдили за человѣкомъ въ его заботахъ о пищѣ и поддержаніи жизни. Лишь въ немногихъ счастливыхъ уголкахъ земли благодатная природа щедрой рукой разсѣяла все, что нужно человѣку для этой цѣли. Въ такихъ мѣстахъ и совершенно неразвитое человѣчество, слѣдуя только животнымъ инстинктамъ, присущимъ и человѣку, могло поддерживать свое существованіе. Бо́льшая часть животныхъ видовъ существуютъ, благодаря тому, что они связываютъ свою жизнь съ подобными мѣстами: они живутъ въ строго ограниченныхъ областяхъ распространенія.

Подвижность человѣка вывела его за предѣлы такой области, указанной ему самой природой, но и въ предѣлахъ ея болѣе высокая степень измѣнчивости его организаціи вмѣстѣ съ возрастаніемъ его заботливости объ удовлетвореніи своихъ потребностей,—далеко оставившихъ за собой царство инстинктивныхъ побужденій,—повели къ многообразнымъ измѣненіямъ его природныхъ способностей.

До сихъ поръ мы слѣдили за результатами этихъ заботъ человѣка, одновременно и поддерживающихъ, и измѣняющихъ его жизнь лишь въ одномъ направленіи. Высшимъ выраженіемъ этихъ заботъ явилось изобрѣтеніе орудій и оружія, добываніе огня, развитіе земледѣлія и скотоводства. Заботы человѣка о поддержаніи своей жизни вмѣстѣ съ тѣмъ приводятъ его къ развитію общественныхъ организацій, идущихъ далѣе тѣхъ, которыя создаются природнымъ инстинктомъ. Такой способъ образованія общества приводитъ къ тому, что оно тѣмъ болѣе теряетъ свой инстинктивный характеръ, чѣмъ болѣе оно связано съ вышеуказанными пріобрѣтеніями, являющимися результатомъ заботъ человѣка о своемъ существованіи.

Всѣ общественныя организаціи, вплоть до крупныхъ государствъ, дѣлятся на двѣ группы, различающіяся большей или меньшей связью ихъ съ семейной организаціей. Первая группа развилась непосредственно изъ семьи. Представителями ея могутъ служить восточно-азіатскія государства, Японія и Китай, а также въ Россіи—Великая и Бѣлая Россія: эти государства развились непосредственно изъ зачатковъ семейнаго строя. Они представляютъ, такъ сказать, увеличенную семью древней формы, рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи отъ современныхъ государствъ Западной Европы и, въ особенности, Сѣверной Америки. Семья послужила основной формой для элементовъ организаціи и второй группы государствъ, но они не являются разросшейся до чрезвычайныхъ размѣровъ первичной клѣткой, а составляютъ органическое соединеніе многихъ такихъ клѣтокъ нормальной величины. Основная черта ихъ—союзъ (конфедерація). Но объединяющая эту конфедерацію власть знаетъ также одинъ только прообразъ общества—семью; такимъ образомъ, путемъ заимствованій и аналогій, и эта организація пріобрѣтаетъ семейный характеръ. Правда, въ различныя времена она стоитъ къ семьѣ то ближе, то дальше; всего болѣе удаляются отъ типа семьи, въ общемъ, наиболѣе молодыя общественныя организаціи, именно въ «Новомъ Свѣтѣ».

Отсюда видно важное значеніе семьи для всѣхъ человѣческихъ организацій: однѣ развились изъ нея непосредственно, другія возникли путемъ подражанія и заимствованія.

Но и семья—эта первичная и важнѣйшая форма организаціи—имѣетъ сама богатую во многихъ отношеніяхъ исторію. Ближайшей нашей задачей будетъ прослѣдить характеръ ея развитія. Простѣйшая и потому безспорно древнѣйшая форма семейной организаціи основывается еще на инстинктивной потребности, исходитъ изъ животной природы человѣка. Поэтому центръ ея занимаетъ мать. Не отношеніе мужа къ женѣ,—по природѣ своей не требующее безусловно постоянства,—нужно считать зародышемъ семьи, а отношеніе матери къ ребенку, такъ какъ этому отношенію сама природа придала извѣстную степень устойчивости. Съ развитіемъ культуры близкая связь между матерью и ребенкомъ могла увеличиваться, но извѣстная устойчивость отношеній между ними существуетъ еще и при отсутствіи всякой культуры. Мы будемъ разсматривать эти отношенія въ видѣ принадлежности ребенка матери и материнскаго права.

Разсмотрѣнныя уже нами въ первомъ отдѣлѣ условія пропитанія человѣка находятся въ самой тѣсной связи съ его общественной организаціей. Мать занимается добываніемъ болѣе скуднаго, но и болѣе вѣрнаго пропитанія. Мужъ старается добыть болѣе лакомые куски на охотѣ, съ помощью несовершеннаго еще оружія.

Мать съ нуждающимся въ защитѣ ребенкомъ избѣгаетъ опасности; мужчина стремится преодолѣть ее, чтобы удовлетворить болѣе сильнымъ своимъ потребностямъ. Мать поддерживаетъ согрѣвающій огонь, строитъ шалашъ для защиты его отъ вѣтра; она становится охранительницей очага, основательницей дома, средоточіемъ всѣхъ стремленій, направленныхъ къ поддержанію прочности отношеній. Мужъ представляетъ въ этомъ смыслѣ нѣчто противоположное ей: оружіе и охота дѣлаютъ его такимъ же неосѣдлымъ, какъ и дичь, за которой онъ гонится.

Силы его увеличились въ этой борьбѣ, оружіе сдѣлалось совершеннѣе. Онъ такъ же вѣрно попадаетъ въ дичь и убиваетъ, какъ созрѣваютъ плоды,—болѣе скудная пища, даруемая женщинѣ небомъ. Онъ начинаетъ сознавать свое превосходство. Онъ идетъ еще дальше,—хотя и не во всѣхъ поясахъ земли. Онъ научается прирученію дикихъ животныхъ и уходу за ними, чтобы, по мѣрѣ надобности и желанію, имѣть ихъ подъ рукою; пользованіе ими настолько же обезпечено для него, какъ и пользованіе плодами.

Господство надъ ними и сила, нужная для защиты ихъ отъ всякаго посторонняго посягательства способствуютъ появленію у него понятія о собственности. По отношенію къ такимъ вещамъ, исходя изъ этой идеи господства, онъ устраиваетъ свой мірокъ и создаетъ на этой основѣ новую организацію, болѣе крѣпкую, болѣе способную къ сопротивленію. Онъ становится господиномъ дома, жены и дѣтей и кладетъ начало новой формѣ семьи, основанной на правѣ отца или, скорѣе, господина.

Все въ этой большой семьѣ подчиняется ему:—не только жена и дѣти, но и всякій, побѣжденный на войнѣ и захваченный имъ въ борьбѣ за добычу, какъ желательная рабочая сила. Господство кочевника простирается и на людей. Власть, которой управляетъ при этой формѣ семьи, «отецъ», не находитъ себѣ правового обоснованія въ родственныхъ отношеніяхъ. Лишь постепенно выдвигается на первый планъ представленіе о томъ, что и отца соединяетъ съ ребенкомъ связь, подобная той, которую природа съ большой очевидностью установила между матерью и ребенкомъ и которая поэтому ранѣе была признана по отношенію къ матери. Постепенно и мужчина начинаетъ испытывать тѣ чувства, которыя природа гораздо раньше пробудила и развила въ матери.

Такимъ образомъ, возникаетъ новое понятіе объ отцѣ и, соотвѣтственно тому, болѣе поздняя форма семьи, основанная на правѣ отца. Такая семья представляетъ ближайшій и тѣснѣйшій родственный союзъ. Но суровая дѣйствительность, въ лицѣ древняго отцовскаго права, даетъ еще пока мало простора тому типу семьи, съ которымъ мы исключительно связываемъ въ настоящее время понятіе о «семьѣ». Древняя семья вмѣщаетъ много семей новѣйшей формы; она признаетъ ихъ существованіе, но не отказывается ни отъ одного изъ своихъ правъ господства въ пользу отдѣльныхъ семей. Всѣ права остаются исключительно у прежней семьи и носителемъ ихъ является во всякое данное время глава семьи, патріархъ.

Подобнаго рода учрежденіе создало почву, на которой могли развиваться человѣческія организаціи, кажущіяся намъ,—для которыхъ мѣриломъ служитъ исключительно понятіе о новѣйшей семьѣ,—далеко выступающими за предѣлы семьи. И до сихъ поръ еще существуютъ подобныя грандіозныя учрежденія. Они вездѣ носятъ, однако, печать старины и кажутся въ нашей жизни явленіями сказочныхъ временъ. Германская «королевская власть» въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, какъ понималъ ее Тацитъ, строго различая ее отъ власти герцога, представляетъ такое же учрежденіе. «Kunne» есть древне-германское обозначеніе старинной большой семьи, а «Kunning», король, ея представитель—правящій ею отецъ, патріархъ. Подобными же королями, отцами, въ отношеніи власти, являются и библейскіе патріархи. Всѣ подчиненные патріарху образуютъ одну семью, но между ними и главой семьи вовсе не существуетъ такихъ договорныхъ отношеній, какъ между вож-

демъ и его вольной дружиной. Они всѣ составляютъ предметъ его владѣнія, они принадлежатъ ему, какъ дѣти принадлежатъ отцу, и потому характеръ его власти неограниченный. Абсолютизмъ представляетъ сущность такой организаціи.

На этой ступени развитія семья кочевника, въ случаѣ завоеванія, принимаетъ къ себѣ побѣжденнаго противника, если владѣніе имъ оказывается желательнымъ, вмѣстѣ со всѣми членами его семьи, его стадами и правомъ пользованія пастбищемъ. Другой способъ соединенія имъ неизвѣстенъ. По отношенію къ отцу, къ главѣ семьи, всѣ несутъ извѣстныя обязанности. Въ такія же обязательныя отношенія къ нему становятся и посторонніе. Въ простѣйшей организаціи достаточно мѣста для всѣхъ. Она можетъ покрыть цѣлыя страны, если только глаза отца достаточно зорки, а руки простираются достаточно далеко. Но и на ранней ступени развитія онъ уже умѣетъ искусственно увеличивать сферу дѣйствія этихъ органовъ. Японскій императоръ имѣетъ по всей странѣ уши,—не въ прямомъ, конечно смыслѣ слова, но каждое, даже и самое маленькое вѣдомство имѣетъ своего шпіона, а сами вѣдомства представляютъ искусственное продолженіе его руки.

Все, что происходитъ въ такихъ государственныхъ организаціяхъ, совершается исключительно во имя отеческой власти, носитель которой есть глава государства. Въ дѣйствительности могутъ оказывать вліяніе на дѣла еще многія другія лица, стоящія къ главѣ государства ближе, чѣмъ масса народа, но всѣ они являются только орудіемъ его воли. Онъ можетъ распоряжаться ими, если и не всегда вполнѣ безопасно, то, во всякомъ случаѣ, безъ всякой отвѣтственности, такъ какъ нѣтъ другой власти, стоящей выше или на-ряду съ властью отца, а отецъ ни передъ кѣмъ не отвѣтственъ. Между нимъ и его подчиненными не существуетъ договора. Напротивъ, они всѣ составляютъ его собственность. Поэтому онъ распоряжается ими по собственному произволу. Такъ какъ никто въ семьѣ, кромѣ отца, не можетъ быть носителемъ права собственности всей семьи, то земля всего государства принадлежитъ ему одному. Обрабатывающіе землю дѣлаютъ это только по распоряженію отца, но не являются собственниками земли. Все воздѣланное ими принадлежитъ отцу, но онъ и самъ заинтересованъ въ томъ, чтобы предоставлять своимъ сыновьямъ все необходимое для поддержанія жизни, такъ какъ и живая рабочая сила составляетъ часть богатствъ его сокровищницы. Право судить и наказывать принадлежитъ ему одному, или же оно исходитъ отъ него. Рѣшенія его не объединяются какими-нибудь основными положеніями: всякое приказаніе отца есть судебный приговоръ и нормой всякаго судебнаго приговора служитъ воля отца: управленіе и судъ представляютъ одно цѣлое. Сюда присоединяется еще впослѣдствіи религіозное представленіе, связывающее древнее понятіе объ отцѣ семьи съ культомъ. Согласно этому представленію, отецъ есть не что иное, какъ живой сосудъ могущественнаго прародительскаго духа, продолжающаго свое господство надъ всей семьей, народомъ, или государствомъ, въ силу того, что духъ не можетъ быть лишенъ того, чѣмъ онъ когда-либо владѣлъ. Поэтому, отецъ народа является въ настоящемъ смыслѣ слова фетишемъ народнаго божества. Отсюда появляются божеское почитаніе и неприкосновенность и даже полное отождествленіе фетиша съ воодушевляющимъ его божественнымъ духомъ. Король-отецъ устанавливаетъ времена

года, благословляетъ жатву, посылаетъ дождь, вёдро и созрѣваніе плодовъ. Но въ этомъ обстоятельствѣ кроется также и опасность для него въ томъ случаѣ, если на-ряду съ его властью разовьется жреческая власть, также претендующая на непосредственныя сношенія съ божествомъ. Тогда неурожай можетъ послужить признакомъ того, что истинный духъ божества покинулъ его и можетъ его отвергнуть, какъ не настоящій сосудъ. Народу даютъ другого отца, а жрецъ вселяетъ въ послѣдняго духъ божества.

Такая форма расширенія древней семьи—путемъ поглощенія чуждыхъ элементовъ, а не внѣшняго присоединенія ихъ—легла въ основу первыхъ попытокъ большихъ организацій краснокожихъ племенъ Америки. Прототипомъ такихъ организацій служитъ государство инковъ въ Перу. Въ Старомъ свѣтѣ подобныя организаціи и теперь еще особенно извѣстны въ коренныхъ странахъ кочевниковъ. Въ сосѣднія страны подобное господство приносили съ своей родины завоеватели номады. Въ Японіи и Китаѣ, согласно существующимъ понятіямъ о правѣ, вся земля принадлежитъ отцу—главѣ государства. Тотъ же принципъ лежитъ въ основѣ власти царя въ Азіи, а также въ Великой и Бѣлой Россіи. Къ подобнымъ же государствамъ принадлежатъ и древнія «міровыя» державы Азіи. Великую войну между Греціей и Персіей нужно разсматривать, какъ борьбу двухъ различныхъ формъ организаціи.

Новѣйшія формы развиваются многообразными путями. На почвѣ той же древней семьи онѣ возникаютъ, преимущественно, благодаря раздѣленію отцовской власти. Неприкосновенность божества и довольство такимъ положеніемъ легко могутъ парализовать энергію, которую необходимо долженъ проявить отецъ-глава большого государства. Поэтому, стараются найти ему свѣтскаго замѣстителя. Уже библейскій Авраамъ имѣлъ своего Эліазара. Пропасть можетъ расшириться еще болѣе. Отецъ, какъ носитель или предметъ культа своего народа, все больше удаляется отъ нечестивыхъ мірскихъ дѣлъ, пока не превратится въ настоящаго идола, въ Далай-Ламу. Въ той же мѣрѣ расширяется сфера власти его замѣстителя или «царя закона», какъ называли этого дѣйствительнаго правителя древніе тибетцы.

Такимъ путемъ возникаетъ отношеніе, которое лучше всего можно представить въ противоположеніи японскаго Микадо и его Сьогуна или Тайкуна. Колебанія въ раздѣленіи власти обнаруживаются въ исторіи такихъ государствъ въ борьбѣ этихъ двухъ началъ, которая, въ свою очередь, ведетъ къ развитію многообразнѣйшихъ государственныхъ формъ. Такое раздвоеніе власти оставило по себѣ весьма распространенные и разнообразные слѣды. Подобной организаціей обладали и германскія племена во время великаго переселенія народовъ, а древніе скандинавскіе короли долгое время играли роль безсильныхъ божественныхъ королей по отношенію къ туземнымъ правителямъ государства. Во взглядахъ, существовавшихъ въ началѣ среднихъ вѣковъ на папство, королевскую власть и ихъ взаимныя отношенія, опять возродилась прежнее представленіе. Готы и бургунды снова внесли его въ сферу культуры и тому же не были чужды и франки. Церемоніалъ при испанскомъ дворѣ имѣетъ нѣчто общее съ ограничительными формами, которыми окружали Микадо.

У пелазгическихъ этническихъ группъ такое раздѣленіе власти, вызванное, конечно, естественными матеріальными потребностями, пошло въ-

сколько инымъ путемъ. Азіатскіе народы, вообще дольше придерживавшіеся фетишизма, видятъ въ отцѣ народа преимущественно сосудъ господствующаго божественнаго духа; пелазги видятъ въ немъ скорѣе носителя культа, посредника между народомъ и божественнымъ отцемъ. Вначалѣ и то, и другое не рѣзко разграничено въ человѣческомъ представленіи. Каждый жрецъ, по понятіямъ древнихъ, по временамъ является или можетъ являться и самъ носителемъ своего бога; богъ можетъ жить въ немъ. Отъ дальнѣйшаго развитія зависитъ выборъ между этими двумя понятіями, и, смотря по обстоятельствамъ, мы имѣемъ дѣло съ фетишемъ или жрецомъ. Азіатцы тяготѣли къ первому, пелазги, древнѣйшій культурный народъ Европы, постепенно склонились ко второму воззрѣнію.

Мы подошли теперь къ вопросу о развитіи греческихъ республикъ и республиканскихъ формъ вообще.

Древнегреческій царь является вполнѣ патріархомъ, въ смыслѣ вышеописанной древней семьи. Древняя семья не могла развиться здѣсь, на этой почвѣ до такихъ размѣровъ, какъ у настоящихъ номадовъ. Но вслѣдствіе чего множество греческихъ наслѣдственныхъ жрецовъ въ республиканскихъ общинахъ славится своимъ царскимъ происхожденіемъ? Въ отдѣльныхъ случаяхъ исторія намъ отвѣтила на это. Царю, какъ отцу народа, принадлежитъ преимущественная забота о культѣ; это—природное и неотъемлемое его занятіе, даже если разумъ его и помутился отъ старости. Но неотложныя нужды суровой дѣйствительности могутъ потребовать для войны или суда свѣжихъ, молодыхъ силъ. Отецъ соглашается тогда на раздѣленіе власти: къ этому принуждаетъ его необходимость. Постепенно, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, раздѣленіе власти становится окончательнымъ между большой семьей и той обособленной семьей, въ которой власть отца сдѣлалась наслѣдственной, другими словами, между общиной и царской семьей. Послѣдней остается почетная и доходная религіозная власть, причемъ для нея часто выдѣляется извѣстная часть общиннаго имущества, какъ пожертвованіе въ пользу культа. Поколебленная царская власть превращается въ прочную, стоящую выше всякой опасности, жреческую власть; община получаетъ право назначенія полководцевъ и судей. Такъ возникла республика. Если какому-нибудь счастливому полководцу и удавалось снова добиться единой власти, то онъ уже не правилъ болѣе во имя отцовской власти; онъ былъ уже не король, а тиранъ.

Аналогичнымъ путемъ превратился въ республику и Римъ, въ которомъ также былъ свой «царь, приносившій жертвы». Но здѣсь мы одновременно наталкиваемся, въ связи съ указанной, и на другую форму организаціи, развившуюся не изъ самой семьи, но подражавшую послѣдней для извѣстныхъ цѣлей поддержанія своего существованія. Не въ неизмѣримыхъ степяхъ средней Азіи, но у морскихъ береговъ, черезъ болѣе или менѣе продолжительное время, оказалось такое сгущеніе населенія, что, съ развитіемъ болѣе устойчивыхъ жизненныхъ условій, возникли новыя формы организаціи, имѣвшія въ виду порядокъ отношеній одной семьи къ другой. Для настоящаго номада понятія «чужой» и «враждебный» тождественны. Все не принадлежащее семьѣ, какъ звѣрь въ степи, составляетъ предметъ добычи. Война есть промыселъ, и на военной погѣ стоятъ всѣ, принадле-

жащіе не семьѣ, а чужому роду. Всякая побѣда, если не удастся принять побѣжденнаго сосѣдняго рода въ свою семью, можетъ повлечь за собой, въ силу обязательной кровавой мести, рядъ новыхъ войнъ, но обширная степь предоставляетъ побѣжденнымъ достаточно мѣста и защиты. Не такъ обстоитъ дѣло у ставшихъ осѣдлыми племенъ на полуостровахъ и морскихъ берегахъ, въ особенности, пока море представляетъ еще для нихъ негостепріимную стихію. Въ такомъ случаѣ развивается скорѣе потребность, чтобы сосѣди не смотрѣли другъ на друга, какъ на предметъ добычи—потребность найти такую форму общежитія, которая позволяла бы получать отъ сосѣдей необходимые предметы безъ враждебнаго на нихъ воздѣйствія, однимъ словомъ, найти организацію, допускающую сношенія между чуждыми родами внѣ военныхъ дѣйствій.

Такая организація представляетъ взаимный договоръ; цѣль ея—безопасныя сношенія между семьями, а создаваемое ею состояніе есть миръ. Ее можно назвать мирнымъ союзомъ. Впредь въ предѣлахъ союзныхъ древнихъ семей—такъ какъ рѣчь все еще идетъ именно о нихъ—все находится подъ защитой мира, и люди, и собственность, смотря по степени развитія этого понятія. Предметы, признаваемые одной семьей ея собственностью, должны признаваться такой же собственностью и другой семьей. Такими предметами уже нельзя больше завладѣть путемъ захвата; ихъ можно пріобрѣсти только посредствомъ договора.

Къ предметамъ, пріобрѣтавшимся когда-то семьями путемъ грабежа, принадлежатъ преимущественно женщины. Благодаря мирному союзу, обмѣнъ или купля во всѣхъ случаяхъ замѣняютъ похищеніе. Союзъ этотъ имѣетъ, слѣдовательно, въ виду, какъ говорятъ римляне, преимущественно «commercium» (связь) и «connubium» (бракъ).

Въ общинахъ, основанныхъ на такихъ началахъ, понятіе о собственности и о неприкосновенности ея должно складываться существенно иначе, чѣмъ въ государствахъ первой группы. Въ послѣднихъ владѣніе не нарушается только по волѣ отца. Никто не долженъ, при обработкѣ земли, вторгаться въ участокъ другого, потому что отецъ всякому указываетъ его поле для обработки и пользованія. Не такъ во второй группѣ. Здѣсь никто не долженъ врываться въ область другого не потому, что онъ могъ бы возбудить этимъ противъ себя власть отца, а потому, что, по общему соглашенію всѣхъ вступившихъ въ союзъ, собственность находится подъ защитой мира.

Для охраненія мира въ предѣлахъ союза, въ нѣдрахъ старой семьи, на ряду съ отцовскимъ судомъ, появляется еще новый, союзный судъ. Стремленія его направлены къ искорененію личной и кровавой мести, служившей признакомъ того времени, когда еще не было мира. Первоначально, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ собирались, естественно, именно отцы союзныхъ семей, чтобы наложеніемъ извѣстной кары признать нарушеніе мира, составляющее по теперешнимъ понятіямъ высшее преступленіе, искупленнымъ и воспрепятствовать всякому дальнѣйшему акту мести, какъ новому нарушенію мира. Это уже другой судъ, чѣмъ судъ отца въ предѣлахъ семьи. Подобный совѣтъ отцовъ, или старѣйшинъ, является тогда вообще высшимъ учрежденіемъ союза, высшимъ авторитетомъ такой формы государства. Это вполнѣ естественно и законно, такъ какъ онъ состоитъ

въ дѣйствительности изъ соединенія всѣхъ отдѣльныхъ властей отцовъ. Мы увидимъ еще такое учрежденіе, въ мало замѣтномъ, зачаточномъ состояніи, у сѣверно-германскихъ племенъ. Оно существовало и у союзныхъ семей евреевъ до періода царей и прославилось въ древнемъ Римѣ подъ названіемъ сената.

Но эта болѣе поздняя, западноазіатско-европейская форма организаціи не должна быть обязательно республиканской. Она не возникаетъ независимо и изолированно изъ формы древней семейной организаціи подъ властью отца. Она можетъ возвращаться къ этимъ формамъ, украшать себя ими путемъ заимствованія и подражанія, пытаться укрѣпить себя ими, можетъ, наконецъ, поставить новое учрежденіе подъ охрану какого-нибудь стараго священнаго авторитета. Такъ, напр., союзныя еврейскія колѣна, вынужденныя къ тому внѣшними обстоятельствами, пожелали имѣть «царя», какъ «другіе народы», по образцу средне-азіатскихъ государственныхъ организацій; и первосвященникъ «помазалъ» имъ царя совершенно такъ, какъ это дѣлалось въ древности для вселенія божественнаго духа. Во главѣ римскихъ союзныхъ семей мы также видимъ полу-сказочнаго царя, съ внѣшней стороны вполнѣ представляющаго фетиша божества. И сѣверные германцы ставили во главѣ своихъ мирныхъ союзовъ короля, во времена язычества бывшаго въ то-же время первосвященникомъ государства, какъ и въ Римѣ, но отъ него ожидали также, что онъ будетъ доставлять странѣ богатые урожаи. Такъ какъ римскій царь, однако, отдавался всецѣло культу, то для второй организаціи тѣмъ самымъ открывается путь къ республикѣ.

Въ другомъ случаѣ мы имѣемъ предъ собой первичную форму древнѣйшаго конституціоннаго государства. Власть раздѣляется между царемъ и совѣщательнымъ учрежденіемъ или сенатомъ. Но послѣдній является представителемъ объединеннаго мирнымъ союзомъ народа и въ основу его положены старинныя отцовскія права отдѣльныхъ частей союза. Такимъ образомъ, послѣдующія возможныя измѣненія такого строя зависятъ все-таки отъ измѣненія института отцовскаго права, къ которому поэтому намъ придется еще вернуться.

Въ организаціи древней семьи положенія отца можно было достигнуть различными путями. Различные народы въ разное время пользовались предпочтительно тѣмъ или другимъ изъ нихъ, и, по мѣрѣ того, какъ повторяющіеся случаи превращались въ обычаи, а обычай становился закономъ, возникали весьма разнообразныя формы организаціи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранился обычай назначенія главы семьи посредствомъ выборовъ членами семьи, но мы не знаемъ, насколько въ древности это явленіе было распространено. Чаще всего достигалъ положенія отца старшій членъ семьи, чѣмъ и объясняются многочисленныя наименованія его у различныхъ народовъ, называющія его «старымъ». Отсюда произошло точно также встрѣчающееся въ различныхъ языкахъ названіе совѣта «старѣйшинъ». Но возможно, что отецъ, неограниченно распоряжающійся всѣмъ и каждымъ, иногда и самъ назначалъ себѣ преемника.

Этимъ впервые устанавливается переходъ къ новымъ общественнымъ формамъ. Изъ всей древней семьи, находящейся съ нимъ въ кровномъ родствѣ, отецъ отдаетъ при выборѣ понятное предпочтеніе дѣтямъ своей

жены или женъ, устраняя болѣе дальнихъ родственныхъ членовъ. Если такой обычай перейдетъ въ законъ, то старая семья дѣлится на двѣ неравныя части: одна изъ многихъ отдѣльныхъ семей пріобрѣтаетъ теперь цѣнное преимущество въ томъ, что отецъ, повелитель, можетъ исходить только изъ ея среды, а остальныя могутъ находиться къ ней только въ отношенія подчиненности. Принципъ, по которому отецъ достигаетъ своего положенія среди господствующей семьи, въ свою очередь, можетъ быть различнымъ. Здѣсь точно также примѣнимы всѣ старинные вышеуказанные способы: отецъ можетъ избираться членами господствущей отдѣльной семьи, можетъ самъ назначать своего преемника, или же признаннымъ преемникомъ его можетъ быть первенецъ или старшій въ родѣ. Въ послѣднемъ случаѣ развивается наслѣдованіе по первородству или по старшинству.

Но если даже одинъ только членъ данной обособленной семьи можетъ достигнуть господства надъ всей соединенной семьей, то это обстоятельство все-таки должно придавать отличительный характеръ и всѣмъ остальнымъ ея членамъ, какъ одареннымъ отъ рожденія правами господства. Такимъ образомъ, изъ этихъ семей развивается патріархальное наслѣдственное дворянство, а народное представительство, образуемое главами этихъ семей, становится аристократическимъ.

Благодаря отчужденію, неизбѣжно наступающему въ этомъ случаѣ между господствующими и подчиненными семьями и измѣняющему характеръ древняго союза, захватъ отцовской власти одной отдѣльной семьей является первымъ шагомъ къ разрушенію древней семьи. Повсюду, гдѣ наступаетъ такое разложеніе, возникаютъ новыя общественныя формы, различающіяся между собою въ зависимости отъ обстоятельствъ, при которыхъ наступило разложеніе.

Результатъ преимущественно зависитъ отъ развитія понятія о собственности, обусловленнаго, въ свою очередь, характеромъ промышленной дѣятельности даннаго общества. Для болѣе древняго времени можно говорить вообще объ одномъ только понятіи владѣнія, причемъ предметомъ послѣдняго было лишь движимое имущество. Право наслѣдства не существуетъ. Все, пріобрѣтенное человѣкомъ въ собственное владѣніе, слѣдуетъ за нимъ въ могилу; иначе духъ его не будетъ спокоенъ. Послѣдствіемъ этого является бѣдность жизни. Нѣтъ накопленія имущества и средствъ производства; всякій долженъ заново создавать себѣ все необходимое для жизни; какой бы то ни было прогресъ отсутствуетъ. Постепенно нужда заставляетъ откупать у мертвыхъ все нужное для жизненной обстановки живыхъ. Возникаетъ наслѣдственная передача и накопленіе имущества. Украшенія и орудія сохраняются въ тѣсномъ кругу близкихъ. Пастбища пока не составляютъ еще чьей-либо собственности. Если же понятіе о собственности распространяется и на нихъ, когда принуждаютъ къ тому притязанія сосѣднихъ племенъ, то во владѣніе ими вступаетъ лишь вся община, вся соединенная семья: никто не владѣетъ одинъ какимъ-либо участкомъ земли. Затѣмъ все болѣе выступаетъ новое пользованіе землей: все бо̀льшіе и бо̀льшіе участки ея воздѣлываются для растеній, употребляемыхъ въ пищу. Для этой цѣли землю берутъ въ пользованіе у ея владѣльца, т. е. семьи или племени, причемъ обрабатывающему ее принадлежатъ только плоды. Впослѣдствіи земледѣлецъ окончательно осѣдаетъ на мѣстѣ, всецѣло отдаваясь

обработкѣ земли. Неужели ему не должна принадлежать и земля подъ его кровлей, подъ его хижиной? Понятіе о собственности продолжаетъ прогрессировать. Постепенно и земля превращается въ предметъ частной собственности. Вначалѣ въ частное владѣніе переходитъ только усадьба, дворъ, затѣмъ и часть общинной земли, причемъ за общиной остается лишь остальная часть.

Весьма важно, съ какимъ именно моментомъ постепеннаго развитія собственности совпадаютъ указанныя ограниченія преемственной власти отца, отдѣленіе господствующей семьи отъ подчиненныхъ, дворянства отъ подданныхъ. Если отдѣленіе это наступаетъ, когда часть земли уже находится въ раздѣльномъ владѣніи отдѣльныхъ семей, то въ непосредственномъ распоряженіи господствующей семьи удерживается во всякомъ случаѣ только остатокъ земли. Если вся земля еще представляетъ нераздѣльную собственность всего рода, то господствующая семья завладѣваетъ всей землей; остальныя семьи остаются неимущими и, продолжая подчиняться отцовской волѣ и обрабатывать землю, согласно его распредѣленію и указанію, превращаются въ крѣпостныхъ и въ рабовъ. Чѣмъ ближе народъ, во время этого превращенія, къ состоянію номада, тѣмъ вѣрнѣе постигаетъ его такая участь. Рабство можетъ принимать не одинаково суровыя формы. Оно бываетъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ легче пріобрѣтаются домашніе рабы со стороны. Такой способъ пріобрѣтенія окончательно сглаживаетъ даже и самое воспоминаніе о томъ, что господъ и рабовъ объединялъ когда-то одинъ общій семейный союзъ. Такое рабство встрѣчается, конечно, только у народовъ, прошедшихъ чрезъ ступень кочевого состоянія. Индѣйцы не знали рабства и потому, какъ необузданный народъ, не годились въ рабы бѣлымъ. Вслѣдствіе того послѣдніе брали себѣ въ рабы чернокожихъ, прошедшихъ школу рабства въ кочевомъ состояніи.

Но какъ бы дѣло ни сложилось относительно распредѣленія семейной собственности, господствующей семьѣ всегда оставалось въ наслѣдство право отцовскаго наказанія, послужившее основаніемъ позднѣйшаго «патримоніальнаго» права суда. Въ настоящее время часто обозначаютъ эти отношенія, какъ «феодальныя», но, по существу, въ основу ихъ легло патріахальное начало; они представляютъ остатокъ общественной организаціи, существовавшей въ кочевомъ состояніи. Присоединившаяся затѣмъ ленная система значительно способствовала расширенію пропасти между господами и подданными, такъ какъ лица, получавшія лены, не были связаны съ семьями подданныхъ никакими традиціями и изъ ихъ господства исчезъ послѣдній остатокъ отцовской власти.

На каждой новой достигнутой людьми ступени борьбы за жизнь, какъ въ смыслѣ промышленной дѣятельности, такъ и въ смыслѣ организаціи,—такъ какъ обѣ служатъ одной и той же цѣли,—мы видимъ, что извѣстное число народовъ остается позади, не развиваясь далѣе. То же самое мы видимъ и теперь. Не всѣ народы достигли ступени кочеваго состоянія, и еще меньшее число ихъ перешло за эту ступень. Если способы добыванія жизненныхъ средствъ, присущіе кочевому быту, и исчезли, то соотвѣтствующая имъ организація все-таки осталась, какъ одинственная основа дальнѣйшаго развитія общественныхъ формъ. Во время достиженія этой ступени развитія Новый свѣтъ остался позади Стараго. Въ настоящее время выдѣляются

только южная и западная Европа. Пограничная линія проходитъ чрезъ средину Европы, проводя новую границу между Европой и Азіей. Но родиной новыхъ формъ жизни является именно «Новый свѣтъ».

Въ своей основѣ эта болѣе поздняя форма организаціи совпадаетъ съ той, которую мы разсматривали, какъ «вторую». Это—та форма которая въ великой борьбѣ Греціи одержала побѣду надъ Азіей и ея культурными формами. Но тамъ она является уже въ законченномъ видѣ, не возвращаясь болѣе къ старому, не опираясь на него, словомъ, отбросивъ всѣ остатки старины. Къ такимъ остаткамъ принадлежатъ, съ одной стороны, выходящая за предѣлы отдѣльной семьи отцовская власть съ ея характеромъ фетиша и культа, а съ другой—рабство.

Лишь постепенно и съ большимъ трудомъ, вначалѣ только спорадически, достигла своего развитія эта новѣйшая форма общественности. Она соотвѣтствуетъ болѣе новой ступени хозяйственной дѣятельности людей, переселяющихся съ прямой цѣлью вести на новыхъ мѣстахъ осѣдлое хлѣбопашество, заниматься промыслами и торговлей. Она составляетъ специфическую общественную форму колонизаціи. На почвѣ Стараго свѣта и колонизаціи, конечно, приходится болѣе или менѣе опираться на распространенные еще повсюду остатки старины. Куда бы ни явился колонистъ-земледѣлецъ, онъ всюду находитъ, въ лицѣ игумена, епископа или короля, отца—господина, уже наложившаго запрещеніе на землю. Торговыя и ремесленныя колоніи городовъ устраиваются обыкновенно колонистами на мѣстахъ, гдѣ уже до нихъ поселились, въ качествѣ судей и правящихъ лицъ, главы прежнихъ патріархальныхъ семей. Колонисту-крестьянину приходится вести борьбу съ патримоніальной властью, колонисту-торговцу или ремесленнику—съ господствомъ «родовъ». Сѣверная Америка не знаетъ уже и этой борьбы.

Однако, колонизація проложила новые пути для общественной организаціи и въ Европѣ. При томъ способѣ, которымъ кочевникъ занимаетъ землю и пользуется ею, всего выгоднѣе было выступать сомкнутыми массами большихъ патріархальныхъ семей. Земледѣліе, торговля и промышленность не благопріятствуютъ такой концентраціи. Съ развитіемъ колонизаціи, изъ патріархальной семьи всюду выдѣляется отдѣльная семья, начинающая веденіе своего хозяйства пріобрѣтеніемъ отдѣльнаго имущества. Колонистовъ одной общины не соединяетъ никакая родственная связь, ни даже воспоминаніе о ней. Основою права и мира служитъ договоръ равноправныхъ членовъ, а гдѣ еще существуетъ право отцовской власти, тамъ права и обязанности распредѣлены согласно договору. Организація, противоположная древней, достигаетъ полнаго развитія и вполнѣ опредѣленнаго выраженія въ городскихъ общинахъ. Борьба между обѣими общественными формами постепенно распространяется по всей Западной Европѣ. Она производится при помощи самаго разнообразнаго оружія, на самыхъ различныхъ поприщахъ и часто съ колеблющимся въ ту или другую сторону успѣхомъ, утихая подъ вліяніемъ какого-нибудь компромисса. Государственное устройство, отправленіе правосудія, формы подчиненности, общинные порядки—всѣ являются ареной борьбы, отъ которой избавленъ Новый свѣтъ. Вездѣ, гдѣ возникла эта борьба, старыя общественныя формы потерпѣли значительный ущербъ. Молодая организація на многихъ пунктахъ одержала полную

побѣду, вездѣ расшатала болѣе старыя формы и, во всякомъ случаѣ, сокрушила связанное съ ними суевѣрное предубѣжденіе.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ ходъ развитія общественныхъ организацій, отдѣльныя части которыхъ мы разсмотримъ теперь подробнѣе. Мы предпослали этотъ историческій обзоръ въ виду того, что не всегда будемъ имѣть возможность вести наше изложеніе послѣдовательно во времени. Что касается различныхъ періодовъ исторіи культуры, то само собой понятно, что въ нашей области нельзя приводить точныя хронологическія данныя. Послѣднее возможно только въ исторіи отдѣльныхъ народовъ и государствъ, интересующей насъ лишь настолько, насколько она касается общаго историческаго развитія общественныхъ формъ [1]).

Древнѣйшая форма семьи.

Ни состояніе современныхъ дикарей, ни извѣстные историческіе факты, касающіеся древнихъ временъ, не позволяютъ придти къ выводу, что люди, даже на самыхъ низкихъ ступеняхъ своего развитія, жили совершенно безъ всякой общественной организаціи. Доисторическія изслѣдованія, составляющія на-ряду съ изученіемъ быта дикарей и исторіи третье главное средство для знакомства съ прошлымъ человѣчества, также не показываютъ намъ его въ такомъ состояніи.

Если бы мы захотѣли провести аналогію, сдѣлавъ еще шагъ далѣе и спустившись къ дальнимъ родственникамъ человѣка среди животныхъ, то подобное сравненіе привело бы насъ скорѣе къ обратному выводу. Большія общества низшихъ животныхъ организмовъ представляютъ, конечно, только скопленіе въ одномъ мѣстѣ многихъ индивидуумовъ, не имѣющихъ никакой организаціи. У высшихъ животныхъ просторъ для особи возрастаетъ; однако, вмѣсто простого скопища являются небольшія группы индивидуумовъ, органически связанныхъ и зависимыхъ другъ отъ друга. Если прослѣдить подробнѣе слѣды этой зависимости, обусловливающей организацію, то наиболѣе прочнымъ оказывается вліяніе тѣхъ зависимыхъ отношеній, которыя существуютъ между потомствомъ и матерью. Самка временно образуетъ со своими дѣтьми тѣсно связанную группу, и продолжительность ихъ связи зависитъ прежде всего отъ продолжительности безпомощнаго состоянія дѣтенышей. Животныя, которыя, какъ рыбы и пресмыкающіяся, вылупляются изъ яйца безъ всякой заботы со стороны родителей, сейчасъ же находятъ себѣ пищу и, благодаря ловкости особи или обильному размноженію даннаго вида, не нуждаются въ защитѣ и не боятся истребленія; такія животныя не образуютъ никакихъ организованныхъ связей, несмотря на большое мѣстное скопленія индивидуумовъ.

Напротивъ, даже среди низшихъ животныхъ, смотря по степени и продолжительности состоянія безпомощности дѣтенышей, обнаруживаются настоящія организаціи, иногда удивительно развитыя, благодаря наслѣдственной передачѣ способовъ ухода за дѣтьми. Личинка пильщика, какъ только она вылупится изъ яйца, сейчасъ же грызетъ листъ, къ которому она была прилѣплена. Всѣ заботы о дѣтяхъ сводятся въ данномъ случаѣ къ тому, чтобы выбрать надлежащее мѣсто для кладки яицъ, а потому пильщики не обнаруживаютъ и слѣда той организаціи, которой отли-

чаются другіе, близко родственные имъ виды животныхъ. Но всѣ эти виды отличаются и безпомощностью дѣтенышей. Въ послѣдней инстанціи она создаетъ организованныя группы, въ центрѣ которыхъ всегда стоитъ, въ качествѣ носительницы заботъ о дѣтяхъ, женская особь, точнѣе, мать. Между обоими полами существуетъ уже извѣстное раздѣленіе труда, причемъ мужской полъ играетъ въ дѣлѣ организаціи вполнѣ подчиненную роль. Всю заботу о пищѣ внутри организаціи несетъ самка. Если въ предѣлахъ организаціи наступаетъ еще какое-нибудь новое раздѣленіе труда, приблизительно на подобіе перваго, то развиваются долговѣчныя организаціи, которымъ мы такъ удивляемся въ государствахъ пчелъ. У шмелей основательница каждаго отдѣльнаго улья точно также женская особь, но всѣ самки, развивающіяся въ ульѣ, принимаютъ равномѣрное участіе въ уходѣ за молодымъ роемъ: всѣ строятъ ячейки, кладутъ яйца и доставляютъ молодымъ шмелямъ медъ. Организаціи эти ежегодно распадаются и снова образуются. Въ пчелиномъ ульѣ, напротивъ, размноженіе падаетъ каждый разъ на одну только самку, не исполняющую зато никакой работы по уходу за молодымъ роемъ; уходъ же этотъ всецѣло лежитъ на остальныхъ самкахъ. При такомъ распредѣленіи работы появляются запасы пищи, превышающіе потребности молодого роя, и весь улей пріобрѣтаетъ прочный составъ на продолжительное время.

У высшихъ животныхъ мы замѣчаемъ прогрессивное развитіе организацій въ другомъ направленіи. Съ одной стороны, средоточіемъ этой всегда маленькой группы опять таки является мать, съ другой, самая организація, руководимая матерью, существуетъ не дольше, чѣмъ этого требуетъ безпомощное состояніе дѣтенышей. Такъ, молодую козулю долгое время можно видѣть исключительно въ обществѣ матери. Но кромѣ такого естественнаго и древняго союза, среди хищныхъ звѣрей и дикихъ животныхъ, живущихъ стадами, встрѣчается еще другой, подъ руководствомъ наиболѣе сильнаго и опытнаго самца. Между тѣмъ, какъ первый союзъ имѣетъ свое естественное основаніе въ необходимомъ уходѣ, прокормленіи и руководствѣ дѣтенышей, второй вытекаетъ изъ потребности обезпечить добываніе пищи для взрослыхъ животныхъ. Предѣлы перваго всегда ограничены, второй можетъ расширяться до неопредѣленныхъ размѣровъ. Среди хищныхъ животныхъ такія сообщества для добыванія пищи образуютъ обыкновенно болѣе слабые виды. Такъ, африканская собака-гіена славится тѣмъ, что она устраиваетъ цѣлыми стаями, подъ предводительствомъ одного изъ животныхъ, настоящую охоту, соблюдая при этомъ удивительный порядокъ.

Оба элемента группировки, различно комбинируясь у высшихъ животныхъ, могутъ давать весьма разнообразныя формы организаціи. Самки съ дѣтенышами могутъ временно выдѣляться изъ организаціи второго рода, такъ какъ цѣли обѣихъ организацій противуположны другъ другу. Такимъ образомъ, возникаютъ, вѣроятно, съ одной стороны, союзъ матери съ дѣтенышами, съ другой, союзъ самцовъ, хорошо извѣстные охотникамъ. Можетъ, однако, случиться, что самецъ точно также принимаетъ посредственное или непосредственное участіе, если не въ уходѣ, то въ прокормленіи дѣтенышей. Примѣры перваго рода читатель найдетъ среди вьющихъ гнѣзда птицъ, примѣры второго рода—у нѣкоторыхъ высшихъ

хищныхъ животныхъ. Соотвѣтственно тому, должна возникать болѣе прочная связь между полами, какъ мы это видимъ на различныхъ ступеняхъ животной лѣстницы.

Мы считали нужнымъ обратить вниманіе читателя на эти факты не затѣмъ, чтобы, опираясь на нихъ, показать, будто семейныя организація человѣка представляетъ лишь непосредственное дальнѣйшее развитіе животныхъ формъ общественности. Мы хотѣли только отмѣтить, что естественная необходимость въ уходѣ за потомствомъ, въ связи съ инстинктивнымъ стремленіемъ къ поддержанію рода, послужила поводомъ къ организаціи даже среди неразумныхъ существъ. Мы видимъ это повсюду, гдѣ проявляется инстинктъ поддержанія рода, обусловливающій и самое существованіе послѣдняго. По сравненію съ названнымъ инстинктомъ, по самой природѣ своей, перемежающійся половой инстинктъ имѣетъ гораздо менѣе вліянія на образованіе болѣе прочныхъ организацій.

Насколько мы можемъ проникнуть въ жизнь первобытнаго человѣка, общественная организація его не примыкала исключительно къ той или къ другой формѣ. Она носила скорѣе многообразный характеръ и даже въ историческія времена въ ней совершался переходъ отъ одной формы къ другой. При всемъ томъ, всѣ онѣ были замѣтно сходны между собой, чему служитъ достаточнымъ объясненіемъ тождество дѣйствовавшихъ въ этомъ случаѣ естественныхъ причинъ.

Потребность въ уходѣ у ребенка гораздо больше и продолжительнѣе, чѣмъ у потомства какого-бы то ни было животнаго вида. Между тѣмъ вначалѣ, за неимѣніемъ искусственныхъ средствъ, выработавшихся уже съ развитіемъ культуры, одна только мать обладаетъ отъ природы способностью заниматься этимъ уходомъ. Въ этомъ кроется источникъ тѣсной связи между матерью и ребенкомъ, послужившей, и съ точки зрѣнія исторіи, основой всякой человѣческой организаціи. Но то-же самое послужило причиной того, что на этой ступени организаціи мужчина не является не только высшимъ, но даже и равнымъ членомъ ея. Постоянство брака, служащее основой современной семьи, предполагаетъ извѣстную степень развитія техники пропитанія, достигнутой лишь въ дальнѣйшемъ развитіи культуры. Нѣкоторые виды животныхъ находились даже въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ для развитія моногамической семьи и продолжительной связи половъ, чѣмъ человѣкъ, такъ какъ періодъ вскармливанія дѣтенышей не превышалъ естественныхъ перерывовъ въ половомъ влеченіи, или способъ вскармливанія вообще не находился ни въ какой физіологической связи съ другими функціями организма.

Положеніе человѣка менѣе благопріятно, и ему и въ этомъ отношеніи приходилось выбиваться, пользуясь своимъ разумомъ. Ему не скоро и не легко было достигнуть организаціи, удовлетворяющей нашимъ высшимъ матеріальнымъ потребностямъ и нашимъ нравственнымъ идеаламъ. Поэтому мы и теперь находимъ такую развитую форму организаціи исключительно только у небольшого числа наиболѣе прогрессивныхъ культурныхъ народовъ. Но и здѣсь борьба противъ переживаній старины гораздо сильнѣе, чѣмъ мы думаемъ; переходя отъ этихъ болѣе культурныхъ къ менѣе культурнымъ племенамъ, сохранившимъ еще болѣе или менѣе зачаточные нравы и обычаи, мы можемъ прослѣдить почти всѣ ступени развитія формъ брака.

Эскимосы въ Гренландіи представляютъ народъ, у котораго нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ земледѣлія. Они не умѣютъ еще приготовить пищи, которая могла бы замѣнить ребенку въ нѣжномъ возрастѣ материнское молоко. Переходъ грудного младенца отъ молока матери къ жирному мясу тюленя чрезвычайно тяжелъ и не можетъ произойти въ такое время, когда дитя у насъ привыкаетъ къ животному молоку и размолотымъ, сваренымъ до мягкости, растительнымъ зернамъ. Послѣдствія этого вполнѣ очевидны: «Матери повсюду носятъ съ собой дѣтей, при всякой работѣ держатъ ихъ въ своей одеждѣ на спинѣ, и кормятъ до трехъ, четырехъ лѣтъ и долѣе, такъ какъ не имѣютъ возможности приготовить болѣе нѣжную дѣтскую пищу. Поэтому многія дѣти умираютъ, если имъ приходится уступить мѣсто другимъ раньше, чѣмъ они могутъ выносить грубую пищу». Такъ пишетъ миссіонеръ Кранцъ въ своей «Исторіи Гренландіи». Намъ, однако, извѣстно теперь, что когда-то человѣчество повсюду страдало отъ трудности создать такую переходную пищу. Послѣдней не было вовсе до примѣненія огня къ приготовленію пищи, а лучшая переходная пища не была извѣстна, пока не научились доить животныхъ, пока номады не приручили ихъ. Поэтому все человѣчество втеченіе неизвѣстнаго намъ періода времени своего первоначальнаго развитія руководилось при кормленіи дѣтей вышеуказаннымъ правиломъ. Въ дѣйствительности, мы и теперь еще находимъ у многихъ низшихъ народовъ обычай кормленія дѣтей грудью въ продолженіе многихъ лѣтъ. И у цивилизованныхъ народовъ также часто сохраняется воспоминаніе объ этомъ старинномъ обычаѣ. Многіе современные писатели, какъ, напр., Риль, даже ставили такой атавизмъ въ заслугу нашимъ предкамъ. Исторія культуры, впрочемъ, знаетъ много такихъ вынужденныхъ добродѣтелей.

Вышеупомянутый миссіонеръ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ обращаетъ наше вниманіе на весьма печальное явленіе, связанное съ такимъ «естественнымъ» образомъ дѣйствій. «Многія дѣти умираютъ, если имъ приходится уступить мѣсто другимъ раньше, чѣмъ они могутъ выносить грубую пищу». Намѣренное лишеніе жизни дѣтей, во время или еще до ихъ рожденія, было, какъ мы увидимъ далѣе, весьма распространеннымъ средствомъ для собственнаго облегченія именно во время господства «естественнаго» состоянія, т. е. во время недостаточнаго развитія техники пропитанія. Лишь во времена римскихъ царей культура достигла того, что началась борьба противъ этого общепринятаго обычая, и только съ господствомъ христіанства удалось замѣтно его ограничить. Хотя трудность и скудость пропитанія въ безчисленномъ множествѣ случаевъ заставляла человѣка прибѣгать къ такимъ безчеловѣчнымъ средствамъ, но она-же возбудила въ матери выходящую за предѣлы инстинкта симпатію къ ребенку и научила ее смотрѣть на него, какъ на самостоятельную личность, и любить его. И въ настоящее время у многихъ племенъ существуетъ еще обычай дѣтоубійства, причемъ въ этомъ отношеніи различаютъ двѣ ступени культурнаго развитія дикарей: у однихъ дѣтоубійство разрѣшается только до момента рожденія включительно, а у другихъ судьба дѣтей еще долгое время остается нерѣшенною.

Во всякомъ случаѣ, чувство материнской любви является первымъ ангеломъ хранителемъ ребенка, и въ скоромъ времени развивается обязательный

обычай сохраненія жизни ребенка путемъ искупительной жертвы матери. Примѣняясь, однако, къ безпомощному состоянію человѣка того времени, обычай этотъ содержитъ положительное требованіе, чтобы въ теченіе многолѣтняго промежутка времени, необходимаго для вскармливанія ребенка, другой не являлся ему на смѣну. Многіе путешественники не безъ удивленія находили у дикихъ племенъ считающійся священнымъ законъ, по которому мать должна прекратить всякія супружескія отношенія на все долгое время кормленія ребенка. Нарушеніе этого закона ложится на совѣсть человѣка съ такой-же тяжестью, какъ убійство, и даже требуетъ, подобно послѣднему, кровавой мести со стороны родственниковъ ребенка. Взглядъ этотъ выражается въ восточной Африкѣ въ безчеловѣчномъ, повидимому, обычаѣ, по которому бѣдная мать, ребенокъ которой умеръ во время кормленія, вмѣсто того, чтобы вызывать сожалѣніе, подвергается публичному презрѣнію и оскорбительному наказанію. Но въ основѣ этого обычая лежитъ несправедливо обобщаемое предположеніе, что названная мать не принесла, ради жизни ребенка, требовавшейся отъ нея жертвы. Гдѣ материнская любовь—она одна только достаточно сильна для этого—приноситъ такую жертву воздержанія, тамъ она основываетъ первый прочный семейный союзъ. Отцу еще нѣтъ здѣсь постояннаго мѣста; его ничто не вынуждаетъ къ подобной жертвѣ.

Такимъ образомъ, мать первая является центромъ прочной, хотя и весьма скромной организаціи. Связь между матерью и дѣтьми у человѣка гораздо продолжительнѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ животныхъ, на что оказало благопріятное вліяніе продолжительность безпомощнаго состоянія ребенка. Матери невозможно забыть, хотя-бы она принадлежала къ самому дикому племени, всю любовь и всѣ жертвы, принесенныя ребенку; онъ остается частью ея тѣла, ея души.

Дитя развивается подъ непосредственнымъ уходомъ матери, пока не подростетъ. Когда разумъ его пробуждается, онъ начинаетъ понимать и свою зависимость, и любовь матери, и въ сердце его закрадывается чувство благодарности и взаимной любви. На путешественниковъ производило странно-трогательное впечатлѣніе, когда какой нибудь здоровенный негръ, въ минуту внезапной опасности, призывалъ имя матери, которое вылетало изъ его груди, какъ будто подъ вліяніемъ всемогущаго инстинкта. Если принять во вниманіе, какъ мало можетъ сдѣлать для ребенка при столь простыхъ отношеніяхъ отецъ, то намъ легко понять, почему и въ сердцѣ дикаря имя и память матери запечатлѣваются глубже, чѣмъ отца. И чѣмъ эти отношенія проще, тѣмъ чувства къ матери должны быть глубже и исключительнѣе.

Въ то же время женщина-мать опредѣленно является въ этой простѣйшей организаціи рѣшительной носительницей идеи постоянства и спокойствія. Мужчина, напротивъ, служитъ представителемъ подвижности и непостоянства. Пусть въ настоящее время стремятся стереть эти физіологическія различія, поскольку они проявились въ различномъ общественномъ положеніи обоихъ половъ, и пусть успѣхи культуры обѣщаютъ нѣкоторый успѣхъ и этимъ уравнительнымъ стремленіямъ: въ первобытное время извѣстны были только эти противоположности. Обострению ихъ въ значительной степени способствовало то обстоятельство, что человѣкъ, выгодно отличаясь отъ дру-

гихъ видовъ животныхъ, не связанъ однимъ какимъ-либо опредѣленнымъ способомъ пропитанія. Различные способы добыванія пищи въ неодинаковой степени доступны были обоимъ поламъ. Мужчинѣ легче было, чѣмъ женщинѣ, удовлетворить свою потребность въ мясѣ посредствомъ охоты; женщинѣ это бывало иногда и совсѣмъ невозможно. Мы должны забыть въ этомъ случаѣ наше время и выработанныя имъ понятія. Наше время знаетъ отличныхъ охотницъ, но не знаетъ матерей, вездѣ и повсюду, при всякой работѣ, носящихъ годами своихъ дѣтей привязанными къ спинѣ. Къ тому-же, при несовершенномъ оружіи, охота не разъ бывала борьбой на близкомъ разстояніи и была опаснѣе, чѣмъ теперь. Различные способы добыванія пищи, описанные нами въ другомъ мѣстѣ, должны были привести къ тому, что союзъ, организовавшійся вокругъ матери, существенно отличался отъ того, въ который вступали мужчины съ цѣлью совмѣстной охоты.

Въ противоположности обоихъ союзовъ особенно ярко обрисовываются физіологическія воззрѣнія первобытныхъ временъ. Наши представленія являются, большей частью, наслѣдственными. Поэтому, они очень часто ни съ чѣмъ не связываются изъ того, что̀ составляетъ сознательный результатъ лишь нашего собственнаго воспріятія. Первобытный человѣкъ не имѣлъ такого наслѣдства. Онъ самъ долженъ былъ выводить свои представленія изъ чувственныхъ воспріятій, вслѣдствіе чего представленія эти всегда соотвѣтствуютъ лишь внѣшней сторонѣ вещей. Это привело человѣка къ представленію о сущности родства, ставшее намъ чуждымъ, хотя оно держалось болѣе или менѣе исключительно въ теченіе всего древняго періода, вплоть до эпохи греческой культуры. Признакомъ родства для первобытнаго человѣка служило исключительно тождество крови. А такъ какъ представленіе о такомъ тождествѣ сложилось у него изъ отношеній матери къ ребенку, то послѣднія и казались ему единственными способными создать истинное и естественное родство. Поэтому и до сихъ поръ еще мы говоримъ о «кровномъ» родствѣ. Такимъ образомъ, если сообщества мужчинъ существовали уже въ раннія времена, по крайней мѣрѣ, съ начала правильной охоты, то принципъ родства не только не имѣлъ въ нихъ силы, но какъ-бы даже исключался самымъ понятіемъ о родствѣ: послѣднее могло установиться только чрезъ посредство матери. Ни одинъ изъ этихъ союзовъ не соотвѣтствуетъ вполнѣ нашимъ понятіямъ о семьѣ. Если мы, однако, спросимъ, которому-же изъ двухъ можно приписать приблизительно характеръ семейственности, то здѣсь не можетъ быть никакихъ сомнѣній: союзъ матери и ребенка—единственный, съ которымъ первобытный человѣкъ связываетъ понятіе о родствѣ,—заключаетъ въ себѣ и первые неразвитые зачатки семейной организаціи.

Эта первобытная форма семьи встрѣчается еще и теперь въ полномъ развитіи, но лишь изрѣдка, какъ-бы спасенная чудомъ. За то тѣмъ многочисленнѣе пережитки ея и воспоминанія о ней, сохранившіяся въ обычаяхъ, нравахъ, исторіи, сагахъ и миѳахъ.

Мы называемъ понятіе о родствѣ, обусловленное исключительно посредничествомъ матери, материнской родословной, а вытекающія изъ него правовыя понятія, которыя должны были имѣть силу въ этой древнѣйшей организаціи, материнскимъ правомъ. Въ такомъ же смыслѣ мы употре-

бляемъ это слово, когда говоримъ, что древнѣйшая семья находилась подъ властью материнскаго права, въ противоположность болѣе поздней формѣ семьи, подчиненной отцовскому праву. Насколько понятія того времени о родствѣ служили обоснованіемъ права въ дѣйствительности и какъ далеко простиралась дѣйствительная власть матери, между прочимъ, и надъ мужемъ, о томъ можно судить въ отдѣльныхъ случаяхъ по особенностямъ данныхъ обстоятельствъ. Но и въ предѣлахъ «материнскаго права» возможны самыя разнообразныя ступени организацій, начиная съ матери, всѣ сокровища которой заключаются въ ребенкѣ на ея рукахъ, и кончая той, которая, подобно царицѣ, повелѣваетъ сыновьями, дочерьми и дѣтьми дочерей, и составляетъ предметъ вниманія мужчинъ, заискивающихъ расположенія ея дочерей.

Но и въ послѣднемъ случаѣ мы легко можемъ себѣ представить картину такой семьи при господствѣ материнскаго права. Мать, обремененная ребенкомъ и обязанная защищать его, не можетъ вполнѣ слѣдовать подвижному образу жизни мужчинъ. Она избѣгаетъ опасностей борьбы со звѣрями, между тѣмъ, какъ мужчина ищетъ ихъ. По сравненію съ жизнью мужчины, жизнь женщины уже рано становится полуосѣдлой. Жилище, устроенное ею для ребенка, шалашъ для защиты отъ вѣтра, вѣчно поддерживаемый огонь положили начало основанію семейнаго очага, дома. А потому женщина является правительницей этого дома, и у многихъ племенъ сохранился до болѣе поздняго времени обычай,—у нѣкоторыхъ даже и до сихъ поръ,—по которому только жена занимается постройкой шалаша или хижины и только ей одной принадлежитъ жилище. Всегда поддерживая и охраняя огонь, она является госпожей домашняго очага; мужчина, занятый охотой, не имѣетъ очага. Но, въ качествѣ госпожи домашняго очага, жена въ то же время хранитъ и распредѣляетъ приготовленную пищу,—она и теперь еще царитъ въ кухнѣ, — и это господство имѣетъ гораздо болѣе почетную исторію, чѣмъ всѣ тріумфы женской свободы. Въ рукахъ женщины впервые завертѣлись жернова. Лишенная возможности охотиться, изъ-за драгоцѣнной ноши своей, она тщательно и съ трудомъ собирала питательныя сѣмена и травы, выбирала ближе къ нимъ мѣсто для жилища и первая научилась искусственно разводить ихъ по близости отъ жилья, какъ это было уже указано въ другомъ мѣстѣ. Она первая проявила предусмотрительность и трудолюбіе, работая для будущаго, и сдѣлалась матерью земледѣлія. Пища ея безвкусна и скудна, но ея запасы спасали отъ голодной смерти мужчинъ, когда ихъ постигала неудача на охотѣ.

Дѣти оставались подъ охраной и господствомъ матери, въ ея домѣ,— мальчики, пока они, не нуждаясь болѣе въ защитѣ, не принимали участія въ опасностяхъ жизни мужчинъ, дѣвочки — навсегда. Онѣ обязаны были служить помощницами матери. Рано принимая на себя материнскія обязанности, какъ мы это видимъ у болѣе безпечныхъ южныхъ народовъ, онѣ расширяютъ домъ и поколѣнія быстро слѣдуютъ одно за другимъ. Такимъ образомъ, мать можетъ господствовать надъ внуками и правнуками. Дѣвушка, отдающаяся мужчинѣ, не слѣдуетъ за нимъ въ его домъ: у него нѣтъ дома, какъ только страсть къ охотѣ отвлекла его отъ дома своей матери. Онъ постоянно переходитъ съ мѣста на мѣсто и, только благодаря предмету своихъ вожделѣній, снова находитъ себѣ болѣе прочный семейный

очагъ, по крайней мѣрѣ, на такое время, долѣе котораго рѣдко продолжались тогда брачныя связи.

Жена остается, такимъ образомъ, въ домѣ матери, а если «домъ» еще не пріобрѣлъ такой прочности, то она на всю жизнь причисляется къ материнскому роду, котораго и должна держаться, такъ какъ другихъ связей еще не существуетъ. Благодаря ей, и мужъ вступаетъ въ болѣе или менѣе зависимыя отношенія къ ея роду или къ правящей имъ матери. Какъ ни проста схема такой организаціи, она могла, однако, при появленіи въ ней новыхъ элементовъ, напр., понятія о собственности и т. д., достигнуть дальнѣйшаго развитія.

Такъ какъ дѣвушки не раздѣляли участи мальчиковъ и должны были оставаться, въ качествѣ помощницъ, въ материнскомъ домѣ, то отсюда долженъ былъ развиться обычай, напоминающій капризъ природы относительно женскихъ особей нѣкоторыхъ насѣкомыхъ. Дѣло въ томъ, что способность къ движенію у самокъ этихъ насѣкомыхъ ограничена, между тѣмъ, какъ самцы носятся взадъ и впередъ на легкихъ крыльяхъ. Такое ограниченіе подвижности женщины, вліяя на ея привычки и физическое развитіе, послужило сильнымъ толчкомъ для развитія человѣческой культуры.

Свободно развиваясь на лонѣ природы, мужчина всюду питаетъ естественное отвращеніе къ осѣдлости и постоянной работѣ, а между тѣмъ и то, и другое—въ извѣстной степени необходимыя условія высшей культуры. И если мы обязаны материнской любви первыми зачатками общественной организаціи, то женщина и любовь между полами впервые обуздали и пріучили бродячаго мужчину, на болѣе или менѣе продолжительное время, къ домашнему очагу и домашней жизни. Домъ съ его ненавистными ограниченіями сдѣлался притягательнымъ центромъ и предметомъ мечтаній мужчинъ—не потому, конечно, что въ немъ имѣлись запасы скудной растительной пищи, а потому, что онъ заключалъ въ себѣ искомыя сокровища—женскую молодежь.

Нужны-ли были еще другія обстоятельства, чтобы организація, управляемая матерью, сознала свое значеніе? Для этого достаточно было и небольшаго прогресса. Можно-ли было отдавать свои запасы безъ соотвѣтственнаго вознагражденія? Вопросъ этотъ рѣшался отрицательно даже и на самыхъ раннихъ ступеняхъ культуры. Весь домъ, или представительница его, управляющая имъ мать, ставили условіемъ *отплату*, причемъ характеръ послѣдней опредѣлялся самъ собой изъ существующихъ хозяйственныхъ отношеній. Мужчина, располагавшійся въ хижинѣ какой-нибудь семьи, или, точнѣе, правительницы-матери, былъ гостемъ этого дома, и приличіе требовало, чтобы онъ вознаграждалъ семью за приходившуюся на его долю часть потребленія, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько это дѣлали младшіе члены семьи, мальчики, не оставившіе еще дома матери и участвовавшіе подъ ея руководствомъ въ необходимыхъ работахъ. Мы увидимъ, такимъ образомъ, что пріемъ мужчины въ домъ производился на нѣкоторыхъ условіяхъ, относившихся преимущественно къ заботамъ объ очагѣ и пищѣ. На этой почвѣ рѣзко обособленная хозяйственная дѣятельность обоихъ половъ нашла себѣ общую точку соприкосновенія. Плоды охоты попадали въ домъ—мужчина пріобрѣталъ, женщина сохраняла.

Мужчины, въ противоположность всегда занятымъ женщинамъ, все еще склонны были переходить отъ одной крайности къ другой, отъ возбуждаю-

щей опасности къ лѣнивому покою, но они перестали быть безполезными для семьи трутнями. Такимъ образомъ, при извѣстныхъ условіяхъ, для материнскаго дома было весьма важно располагать возможно большимъ количествомъ мужчинъ, удерживая своихъ и привлекая чужихъ. Человѣчество идетъ по пути своего культурнаго развитія ощупью, точно слѣпой въ лабиринтѣ. Онъ радуется каждому мѣстечку, гдѣ свѣжія дуновенія предвѣщаютъ ему открытый путь, и благо ему, если запутанная дорожка снова выведетъ его на открытую дорогу! Такъ, съ высоты нашихъ современныхъ понятій, мы видимъ опасности ложнаго пути, угрожавшія человѣку.

Семейной организаціи, подъ властью материнскаго права, свойственны браки не только между родственниками, но и между братьями и сестрами. Предостерегающая совѣсть еще молчитъ въ этой области, а преимущества такихъ браковъ очевидны. Они укрѣпляютъ связь всей организаціи дома и препятствуютъ значительному выбыванію мужской молодежи, замѣна которой прибывающими всегда остается подъ сомнѣніемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно развивается и полигамическая форма брака. Если обладаніе возможно бо́льшимъ количествомъ мужчинъ должно считаться преимуществомъ дома, въ интересахъ защиты и добыванія пропитанія, то, естественно, необходимо позаботиться о томъ, чтобы удержать ихъ въ домѣ. Но на этой ступени техники пропитанія, моногамическій бракъ со своими многолѣтними перерывами никакъ не могъ-бы этого сдѣлать. Тѣмъ не менѣе, такого рода полигамія могла быть отличной отъ болѣе поздней, которую мы разсмотримъ ниже. Жена не была тогда «собственностью» мужа; мужъ только вступалъ съ нею въ бракъ. Нельзя, слѣдовательно, сказать, что мужъ по необходимости имѣлъ нѣсколько женъ одновременно. Онъ скорѣе послѣдовательно вступалъ въ бракъ съ нѣсколькими женщинами изъ одной и той-же семьи. Этой полигаміи точно-также могла соотвѣтствовать «поліандрія», такъ какъ женщина, вступая въ бракъ, не становилась «собственностью» мужа и свободно располагала собой, какъ только онъ оставлялъ ее.

Съ накопленіемъ имущества въ такомъ домѣ наступалъ еще особый моментъ. Материнская власть не была строго централистической, какъ впослѣдствіи власть мужа; мать служила, скорѣе, во всемъ посредницей и устанавливала порядокъ. Все, пріобрѣтенное для дома, мать не присвоивала себѣ одной. Въ дѣйствительности, все имущество принадлежало общинѣ и употреблялось на общую пользу. Если одинъ изъ сыновей уходилъ изъ своего дома для вступленія въ бракъ съ женщиной изъ другого дома, онъ могъ уже предложить послѣдней не только трудъ своихъ рукъ, но и приносилъ въ новый домъ имущество изъ своего дома. Уходя изъ дома, онъ отказывался отъ пользованія приходившейся на его долю частью сдѣланныхъ запасовъ, и, когда понятіе о правѣ уже было достаточно развито, онъ въ такомъ случаѣ могъ требовать вознагражденія, которое ему и должны были дать съ собой въ новый домъ. Вслѣдствіе того, этотъ первобытный семейный строй характеризуется въ различныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ долго существовалъ, совершенно непонятнымъ для насъ обычаемъ давать «приданное» мужчинѣ.

Остатки старины въ историческое время.

Мы дали общую характеристику древнѣйшей формы семьи и указали на внутреннюю связь ея, какъ съ естественными потребностями человѣка, такъ и съ внѣшнимъ положеніемъ его. Намъ остается только привести историческія доказательства существованія такой организаціи. Для этой цѣли намъ могутъ служить сравненіе послѣднихъ остатковъ еще нынѣ существующихъ формъ и историческія свидѣтельства и преданія. Послѣднія часто совершенно неузнаваемы, благодаря тому, что они маскируются миѳомъ; первыя являются намъ только въ видѣ весьма неясныхъ, рудиментарныхъ обычаевъ. Всего больше всякаго рода воспоминаній оставили намъ переходныя эпохи. Большая часть легендарной исторіи человѣчества получаетъ надлежащее освѣщеніе, если смотрѣть на остатки старины съ указанной точки зрѣнія. Читатель навѣрное не посѣтуетъ на насъ, если, вмѣсто длиннаго ряда доказательствъ, мы приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ.

У малайскихъ народовъ, какъ и у негровъ западной Африки, до сихъ поръ еще имѣетъ неограниченную силу положеніе, въ силу котораго родство и принадлежность къ роду опредѣляются исключительно по матери, вслѣдствіе чего ребенокъ всегда принадлежитъ къ роду матери. Соотвѣтственно такому взгляду устанавливаются и имущественно-правовыя отношенія. Въ виду того, можно было бы, слѣдовательно, ожидать, что мы именно здѣсь встрѣтимъ особенно замѣтные слѣды древнѣйшей семейной организаціи. Въ дѣйствительности, одинъ изъ современныхъ путешественниковъ сообщаетъ намъ изъ Голландской Остъ-Индіи о семейной организаціи малайцевъ слѣдующее: она соотвѣтствуетъ простѣйшей формѣ семейной организаціи, или даже сама еще является ею. Простая семья состоитъ здѣсь лишь изъ матери и дѣтей, отецъ которыхъ не принадлежитъ къ семьѣ. Онъ не живетъ постоянно съ семьей и находится при ней только случайно. Онъ принадлежитъ, слѣдовательно, всегда къ роду своей матери.

У другихъ малайскихъ племенъ, на ряду съ двумя болѣе поздними формами, существуетъ еще до сихъ поръ и древняя форма брака; однако, мужъ уже причисляется къ дому своей жены. При такой формѣ заключенія браковъ, жена или мать ея пріобрѣтаютъ всѣ права надъ мужемъ; не она переселяется въ его домъ, а онъ, наоборотъ, переселяется въ домъ жены, или тещи, и подчиняется ея домашнему руководству. Нисколько не удивительно, однако, что, какъ только стали извѣстны отдѣльнымъ родамъ новыя формы брака, только бѣдные люди еще продолжали нести иго стариннаго брака. Большинство предпочитало, накопивъ денегъ, покупать себѣ женъ.

Ливингстонъ нашелъ еще у балондовъ, на юго-востокѣ Африки, семьи, жившія по материнскому праву. Но онѣ не принадлежали къ номадамъ, занимающимъ сосѣднія области; напротивъ, старинная форма удержалась лишь тамъ, гдѣ люди кормятся исключительно земледѣліемъ. Между тѣмъ, какъ у сосѣднихъ номадовъ женщина всюду служитъ рабыней мужчины, у балондовъ она, наоборотъ, является управительницей дома. Мужчина, желающій жениться, и здѣсь переселяется въ жилище своей невѣсты и обязуется передъ управительницей дома, обыкновенно своей тещей, снаб-

жать постоянно дровами ея очагъ и безъ ея разрѣшенія не брать на себя обязанностей услуженія какому-либо другому лицу. На женщинахъ за-то лежитъ забота о приготовленіи пищи, и мужчина получаетъ свое содержаніе изъ ея кухни. Такой бракъ и здѣсь является полигамическимъ въ предѣлахъ одной и той-же семьи. Подобныя отношенія доставляютъ мужу извѣстныя удобства и могутъ привлекать его. Въ такомъ случаѣ энергичная женщина получаетъ возможность добиться дѣйствительной власти, которую можно свергнуть только путемъ открытаго возстанія. Послѣднее былобы, однако, нарушеніемъ освященнаго вѣками обычая, которое могло-бы вызвать месть со стороны всѣхъ духовъ порядка. Значительной подмогой въ дѣлѣ поддержанія своей власти служитъ женщинѣ право наказанія, которое можетъ сдѣлаться въ ея рукахъ, какъ управительницы дома, весьма чувствительнымъ. Такъ, одинъ изъ мужчинъ у балондовъ, сидя на деревѣ, жаловался великому путешественнику миссіонеру, что всѣ жены, одна за другой, заставляютъ его голодать.

Пока индѣйцы, преимущественно передъ всѣми другими расами, жили охотой, значеніе женщины, несмотря на нѣкоторыя сходныя естественныя условія, не могло быть особенно велико. Но какъ только человѣкъ начинаетъ питаться плодами земли, мы всюду находимъ тѣ-же отношенія, или, по крайней мѣрѣ, отраженія ихъ въ историческихъ воспоминаніяхъ. Ко времени знакомства съ дикими сѣверо-американскими индѣйцами, культура маиса была извѣстна только земледѣльческому племени ихъ на сѣверовостокѣ. И дѣйствительно здѣсь мы видимъ тѣ-же отношенія. Не мужчина, а исключительно женщина строитъ домъ, собираетъ и приготовляетъ растительную пищу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пока послѣдняя пища преобладаетъ, господствующимъ является вліяніе женщины. Пока содержаніе дома основано на добываніи растительной пищи, именно она служитъ представительницей его. Воспоминаніе объ этихъ отношеніяхъ жило еще среди индѣйцевъ и послѣ вторженія бѣлыхъ завоевателей, о чемъ свидѣтельствуетъ интересный разсказъ, переданный намъ миссіонеромъ гернгутеровъ, Лоскилемъ. Три племени, чирокисы, ирокезы и делавары, сознавая большую опасность своего положенія, вслѣдствіе разрозненнаго и лишеннаго всякаго плана образа дѣйствій, рѣшили выработать себѣ организацію. Но тутъ возникъ вопросъ: какому-же слѣдовать образцу? Люди всегда брали и должны были брать примѣръ въ такихъ случаяхъ съ уже существующихъ организацій, т. е., въ концѣ концевъ, съ семьи. Что-же сдѣлали индѣйцы? Избрали «короля»? Назначили себѣ герцога? Они несомнѣнно поступили-бы такъ, если бы дѣло касалось войны съ бѣлыми. Но они пришли къ заключенію, что война не избавитъ ихъ отъ несчастія. Они искали спасенія въ совмѣстномъ, разумномъ образѣ дѣйствій, въ упорядоченныхъ договорныхъ отношеніяхъ и избрали своей главой наиболѣе интеллигентное племя делаваровъ. Но въ какой-же формѣ выразилось у нихъ признаніе такого положенія названнаго племени? Они сказали, что дадутъ ему «въ руки стебель маиса и мотыку» и назовутъ его своей «женой». Съ тѣхъ поръ племя делаваровъ, въ качествѣ «жены», управляло союзомъ остальныхъ индѣйскихъ племенъ. «Оно стало съ указаннаго времени охранителемъ мира, которому данъ былъ на храненіе великій поясъ мира (шнуръ изъ раковинъ, какъ провозвѣстникъ его) и цѣпь дружбы».

Семейныя формы, сохранившіяся еще, по крайней мѣрѣ, отчасти, у чуждыхъ намъ племенъ, какъ признакъ низшей ступени культуры, существовали когда-то и на европейско-азіатской почвѣ. Мы имѣемъ ясныя свидѣтельства того, и достовѣрность ихъ подтверждаетея сохранившимися до сихъ поръ правовыми особенностями. Остатокъ до-кельтскаго населенія, можно видѣть въ Пиренейскихъ баскахъ, находящихся въ родствѣ съ иберами и кантабрійцами древнихъ писателей. О кантабрійцахъ географъ Страбонъ говоритъ, что они не знали другого семейнаго строя, кромѣ материнскаго права. Мужчины отличались большой храбростью и занимались защитой своей родины. Главное пропитаніе доставляло имъ земледѣліе, но имъ руководила мать. Отъ матери земледѣліе переходило къ дочерямъ, хотя братья ихъ считались членами семьи. Вступая въ бракъ, мужчины оставляли домъ матери и получали, какъ возмѣщеніе причитающейся имъ доли, «приданое», которое и приносили съ собой въ домъ жены. Такимъ образомъ, можно было, пожалуй, сказать, что сестры женили своихъ братьевъ и давали имъ приданное. Болѣе позднія описанія правовыхъ отношеній басковъ также отмѣчаютъ нѣкоторые остатки подобныхъ установленій и подтверждаютъ указанія древнихъ писателей.

Хотя эти средневѣковые законы уже давно знаютъ наслѣдственное право мужчинъ и власть отца, тѣмъ не менѣе, во всѣхъ случаяхъ, когда наслѣдство достается дочери, снова оживаютъ начала стариннаго строя. Всѣ члены семьи находятся тогда въ подчиненіи у этой женщины, и избранный ею супругъ, какъ и потомство ея, носитъ ея имя. Сыновья, не предназначенные къ полученію наслѣдства, остаются всю жизнь въ положеніи подчиненныхъ,—одинаково, въ своей-ли семьѣ или въ семьѣ наслѣдницы, съ которой они вступаютъ въ бракъ. Даже и въ настоящее время мы можемъ видѣть картину древней семейной организаціи и ея отношеній, когда въ семьѣ слѣдуютъ другъ за другомъ, по прихоти природы, нѣсколько поколѣній наслѣдницъ. Подобныя отношенія съ удивленіемъ наблюдались древними писателями у древнѣйшихъ народовъ Малой Азіи.

Кантабрійцы на западѣ, а ликійцы на востокѣ Малой Азіи представляли остатки первобытныхъ народовъ, сохранившихъ старую организацію и на позднѣйшей культурной почвѣ. Гераклитъ Понтійскій характеризуетъ ихъ слѣдующими простыми словами: «они (ликійцы) издревле управляются женщинами». Другой древній писатель, собравшій въ своемъ сочиненіи «Замѣчательные обычаи» людей, описываетъ у тѣхъ-же ликійцевъ, какъ весьма странный, обычай перехода имущества отъ матери къ дочери, а не къ сыну, какъ это было принято во всемъ остальномъ мірѣ. Вліяніе, оказывавшееся такой организаціей на обозначеніе принадлежности къ извѣстной семьѣ, указано вполнѣ опредѣленно еще Геродотомъ. Какъ внимательнаго наблюдателя, его очень поразило, «что они носятъ имя своихъ матерей, а не отцовъ». «Поэтому, на вопросъ, кто—онъ такой, ликіецъ указываетъ свой родъ по матери и перечисляетъ матерей своей матери. Если гражданка соединится съ рабомъ, дѣти ея считаются благородными. Если-же мужъ-гражданинъ, хотя бы и первый среди нихъ, вступитъ въ бракъ съ рабыней, или женщиной изъ чуждаго племени, то дѣти считаются неблагородными».

Какъ скоро мы признали указанную связь и освоились съ понятіями вначалѣ столь чуждой намъ организаціи, мы можемъ всего проще объяснить

и нѣкоторыя болѣе скудныя указанія древнихъ писателей, разсматривая ихъ съ точки зрѣнія тѣхъ же понятій. Отважные, предпріимчивые германцы вступили въ исторію уже подъ предводительствомъ мужчины, хотя остатки стариннаго строя еще долгое время оставались замѣтными въ ихъ домашнемъ быту. Но, по указанію Тацита, недалеко отъ нихъ жилъ народъ, совершенно сходный съ ними и отличавшійся только тѣмъ, «что имъ управляли женщины». То, что римскій писатель считалъ признакомъ вырожденія, было, вѣроятно, старинымъ обычаемъ, который могъ сохраниться у народа, пока послѣднему не приходилось еще вступать въ великую международную борьбу.

Высшая культура вездѣ построена на началахъ другой организаціи. Поэтому, чѣмъ болѣе мы приближаемся къ ней,—минуя тысячелѣтія и переходя къ болѣе позднему времени, или же постепенно удаляясь отъ нецивилизованныхъ странъ къ цивилизованнымъ,—тѣмъ болѣе исчезаютъ слѣды и даже воспоминанія о древней формѣ семьи. Они, однако, никогда не исчезаютъ сразу, а становятся все многочисленнѣе и яснѣе, или, напротивъ, все рѣже и слабѣе, смотря по тому, въ какую сторону направлены наши изслѣдованія.

Такъ у различныхъ племенъ еще долгое время не невѣста переселяется въ домъ жениха, а женихъ переселяется въ домъ родителей невѣсты. Такого обычая придерживалось еще около ста лѣтъ тому назадъ племя гуайкурусовъ въ Бразиліи. О другихъ племенахъ, какъ, напр., о чирокисахъ, утверждаютъ, что у нихъ существуетъ странный обычай, въ силу котораго женихъ долженъ брать въ свой домъ, вмѣстѣ съ невѣстой, и мать ея. Обычай этотъ служитъ, вѣроятно, только выраженіемъ факта, что и замужняя дочь не покидаетъ свою мать. Племя баелей во внутренней Африкѣ Нахтигаль нашелъ еще на переходной ступени развитія. Мужъ тамъ уже не вступаетъ въ домъ тещи, но и жена еще не тотчасъ переселяется въ его домъ. Вначалѣ супруги строятъ себѣ отдѣльную хижину, недалеко отъ дома матери, и живутъ въ этомъ какъ-бы нейтральномъ мѣстѣ до рожденія ребенка. На подобной-же переходной ступени находились еще въ предпрошломъ столѣтіи европейскіе лопари. Мужъ у нихъ долженъ былъ оставаться въ домѣ родителей жены, по меньшей мѣрѣ, годъ прежде, чѣмъ жена могла слѣдовать за нимъ.

Гораздо дольше и прочнѣе, чѣмъ въ указанныхъ обычаяхъ, сохранились переживанія старыхъ отношеній въ правовыхъ воззрѣніяхъ на родство, передачу наслѣдственнаго имущества и преемство наслѣдственной власти, въ которыхъ все еще сказывалось господствующее значеніе женщины. Какъ у малайцевъ, такъ и у австралійцевъ, родство, принадлежность къ роду и общественное положеніе опредѣлялись исключительно по матери. Отецъ не служитъ источникомъ родства и не принимается во вниманіе. Такія-же воззрѣнія существовали на нѣкоторыхъ островахъ Микронезіи и у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Насколько званіе начальника было наслѣдственно, оно могло переходить у гуроновъ, чирокисовъ и др. также не отъ отца къ сыну, а только по материнской линіи. У гуроновъ такимъ-же путемъ шла и передача наслѣдственнаго имущества. Подобное же преемство наслѣдованія Бёртонъ нашелъ у племени ва-

моина, въ восточной Африкѣ. У нихъ не сынъ наслѣдуетъ отцу, а племянникъ, сынъ сестры, если только эта послѣдняя и отецъ происходятъ отъ одной матери,—такъ какъ лишь тогда дядю и племянника соединяетъ кровное родство. На сколько распространено «право племянниковъ», настолько нужно допустить и существованіе принциповъ наслѣдованія по матери. Упомянутое право имѣетъ еще весьма широкое распространеніе. Оно простирается черезъ весь «темный материкъ» отъ востока до запада, и на западномъ берегу принимаетъ довольно странныя формы. Въ королевскомъ родѣ Лоанго кровное родство составляетъ препятствіе для брака; тѣмъ не менѣе, тамъ существуетъ еще право племянниковъ. Благодаря такому противорѣчію, принцы этого дома оказываются въ весьма странномъ и печальномъ положеніи: они производятъ на свѣтъ только пролетаріевъ, такъ какъ могутъ жениться исключительно на женщинахъ не изъ королевскаго рода. Принцессы же, напротивъ, продолжаютъ настоящій королевскій родъ, хотя-бы мужьями ихъ оказались, какъ это иногда бываетъ, даже рабы.

Въ дальнѣйшемъ развитіи и самая власть дяди является производной изъ материнскаго права. Она выступаетъ, какъ только организація чувствуетъ нужду въ болѣе сильной мужской защитѣ, не имѣя, однако, возможности отказаться отъ понятій о родствѣ, вытекающихъ изъ материнскаго права. По этимъ же понятіямъ ближайшимъ по крови родственникомъ и защитникомъ ребенка будетъ не отецъ, а братъ матери, одной крови съ нею, т. е. дядя. Такъ, напр., въ Анголѣ господство матери прежде всего уступило мѣсто господству защитника-дяди, которое и теперь еще тамъ въ силѣ. Отецъ не имѣетъ никакихъ правъ на сына, а сынъ—на имущество отца. Все что должно перейти отъ отца къ сыну, должно быть подарено ему при жизни отца. Остальное наслѣдуютъ, черезъ единоутробную сестру, дѣти ея, т. е. племянники. Слѣды такихъ-же отношеній найдены въ Азіи и въ Индо-Китаѣ. Они также ясно выступаютъ въ Египтѣ; на памятникахъ тамъ часто встрѣчается физіологически-вѣрное положеніе: «мое сердце (моя душа) происходитъ отъ моей матери». Какъ и въ Ликіи, выраженіе почитанія характеризуется здѣсь именемъ матери. Должность, вродѣ намѣстника египетскаго округа, главнѣйшая вслѣдъ за фараономъ, но, вѣроятно, болѣе древняя, переходила по наслѣдству не отъ отца къ сыну, а, по выраженію Бругша, «согласно древнему египетскому закону, отъ отца къ внуку по матери», что можетъ только означать переходъ отъ отца къ внуку его матери, слѣдовательно, по праву племянника. Въ сосѣдней Эѳіопіи такому-же принципу наслѣдованія слѣдовала и царская власть. «Цари передаютъ свою власть не своимъ собственнымъ дѣтямъ, а дѣтямъ сестры».

Нѣкоторыя черты этого древняго времени сохранились и у грековъ, и у древнихъ евреевъ. При дворѣ еврейскаго царя царица-мать имѣла такое значеніе, какъ ни одна женщина, тѣмъ менѣе царица. Имя ея упоминается въ историческихъ документахъ на ряду съ именемъ царя съ такой-же точностью, какъ записывали имена своихъ матерей египтяне. Мало того, несмотря на противоположныя физіологическія воззрѣнія грековъ и евреевъ, по народнымъ понятіямъ обоихъ, единственно правильнымъ признавалось лишь родство, которое коренилось въ общемъ происхожденіи отъ одной матери. То-же самое обнаруживаютъ и нѣкоторыя отдѣльныя черты

у Гомера или библейскій разсказъ о томъ, что Авраамъ могъ жениться на своей сестрѣ, такъ какъ она не была дочерью его матери. И предки германцевъ раздѣляли эти старинныя воззрѣнія. Тацитъ подтверждаетъ, что дѣти были такъ же близки дядѣ, какъ и родному отцу, и что многіе считали кровное родство съ дядей даже «болѣе близкимъ и священнымъ»; римляне руководились этими воззрѣніями германцевъ при выборѣ заложниковъ.

Подобно тому, какъ сѣверо-американскіе индѣйцы нѣкогда мирно подчинились господству другого племени и, по образцу древней семьи, поставили надъ собой «жену», такъ и въ центральной Африкѣ неоднократно приходилось встрѣчать слѣды женскаго господства, далеко выходящаго за предѣлы семьи, хотя вначалѣ къ этому необыкновенному явленію относились съ большимъ недовѣріемъ. Даже въ магометанскихъ государствахъ негровъ, какъ въ Борну, Багирми и Вадаи, царица-мать занимаетъ такое положеніе и имѣетъ такое политическое значеніе, которыя кажутся совершенно несовмѣстимыми съ обычными условіями. Въ названныхъ государствахъ постъ такой «магиры» считается народомъ на столько естественно-необходимымъ, что, въ случаѣ смерти царицы-матери ея замѣстителемъ назначается евнухъ. Подобное же положеніе сохранила за собой царица-мать и въ восточно-азіатскихъ государствахъ.

Съ представленіемъ о матери неоднократно связывалось старинное понятіе о собственности на воздѣлываемую землю. Еще старые критяне называли свое отечество «любимой материнской стороной». Въ древне-германскомъ наслѣдственномъ правѣ также сохранились нѣкоторые слѣды такихъ воззрѣній. «Дѣти слѣдуютъ утробѣ матери»,—таково было основное положеніе, къ которому право, несмотря на всѣ колебанія, часто возвращалось и впослѣдствіи. Изъ общаго наслѣдства все еще выдѣлялось особое женское имущество, переходившее отъ матери исключительно къ дочери, или къ племянницѣ по сестрѣ.

Но когда въ жизни стерлись даже и послѣдніе слѣды материнскаго права, физіологическія основанія его продолжали еще жить въ представленіяхъ народа. Такъ, арабскія племена еще и до сихъ поръ вѣрятъ, что врожденныя качества человѣка переходятъ не отъ отца, а отъ дяди по матери къ племяннику, т. е. наслѣдуются исключительно по кровному родству со стороны матери, и ребенокъ является отраженіемъ своего дяди. Раввинская мудрость сохранила для насъ доказательства того, что и евреи раздѣляли это воззрѣніе. Одинъ знаменитый толкователь Библіи замѣтилъ, что во 2-й книгѣ Моисея, при упоминаніи о женѣ Аарона, не случайно упоминается и ея братъ, такъ какъ всякій, берущій себѣ жену, хорошо сдѣлаетъ, если раньше наведетъ справки объ ея братьяхъ. Народное повѣрье евреевъ и до сихъ поръ, говорятъ, утверждаетъ, что дѣти выходятъ въ брата матери.

Раздвоеніе дома.

Рожденіе дѣтей далеко не составляетъ у первобытныхъ народовъ истинной цѣли брака; вообще они не заключаютъ союза съ этою цѣлью, а если и заключаютъ, то онъ не считается бракомъ, какъ мы это видимъ, напр., у жителей о. Таити. Вопросъ о заключеніи брака выступаетъ у нихъ

лишь послѣ рожденія ребенка, когда нужно рѣшить, долженъ ли онъ жить и у кого долженъ оставаться. Если вопросъ рѣшается въ положительномъ смыслѣ, родители вступаютъ въ договоръ, обязуясь сообща заботиться о содержаніи ребенка, такъ какъ оба они желаютъ пользоваться преимуществомъ владѣнія дѣтьми. Въ противномъ случаѣ, ребенокъ остается матери. Только такой договоръ о совмѣстномъ воспитаніи и уходѣ за ребенкомъ считается у первобытныхъ народовъ брачнымъ, въ противоположность половымъ связямъ, не имѣющимъ такой серьезной цѣли. Слѣдовательно, не половая любовь создала институтъ брака, а только забота о дѣтяхъ, хотя и не всегда, конечно, лишенная эгоизма—тайной пружины добра и зла на землѣ. Поэтому всѣ старыя формы семьи основывались не на влюбленной супружеской парѣ, а на руководящемъ значеніи господствующей половины.

Въ древнѣйшія времена господство пріобрѣтаетъ мать, благодаря зависимости отъ нея всѣхъ окружающихъ. Мы называемъ «семьей» въ современномъ смыслѣ, въ особенности, такой союзъ, который развился именно изъ этой группы, такъ какъ въ немъ существуютъ одновременно и пользуются защитой естественныя отношенія между матерью и ребенкомъ, мужемъ и женой. Но если мы оставимъ это въ сторонѣ, если мы будемъ имѣть въ виду исключительно заботы о поддержаніи жизни, составляющія цѣль этой организаціи и тѣсную зависимость ея отъ способовъ добыванія пищи, то намъ станетъ ясно, что такая организація не была необходимо единственной. Этнографія скорѣе показываетъ противное.

Она показываетъ именно, что въ различныхъ мѣстахъ и въ разныя времена существовали двѣ группы организацій. Одну мы уже изучили, другую разсмотримъ сейчасъ. Первая состоитъ изъ женщинъ, мужчинъ и дѣтей, вторая—изъ взрослыхъ мужчинъ и юношей. Существенное различіе заключается, однако, не въ этомъ, а въ различныхъ способахъ добыванія пищи и связанныхъ съ ними занятіяхъ, какъ мы уже подробнѣе объясняли въ I-мъ отдѣлѣ. Не всегда и не вездѣ существуетъ такое раздѣленіе. Его не бываетъ, если добываніе пищи одинаково доступно обоимъ поламъ, не исключая и матери, обремененной ребенкомъ. Женщины Огненной земли, имѣя ребенка за спиной, умѣютъ такъ же хорошо закидывать неводъ въ море, собирать раковины и ловить рыбу, какъ и мужчины. Бушменъ нисходитъ до того, что, подобно женщинѣ, ищетъ плодовъ и выкапываетъ клубни. Но тамъ, гдѣ развивается высшая охота, общность работы мужчины и женщины обыкновенно прекращается. Женщины съ дѣтьми выдѣляются, а мужчины образуютъ особые мужскіе союзы, продолжительность и организація которыхъ исключительно зависитъ отъ характера ихъ промысла. Если охота развивается до охраненія и разведенія животныхъ, то и мужскіе союзы совершенствуются вмѣстѣ съ промысломъ: они становятся болѣе осѣдлыми и болѣе сильными. Взаимныя отношенія обоихъ союзовъ и борьба принциповъ, лежащихъ въ ихъ основѣ, далѣе наполняютъ всю исторію семьи и опредѣляютъ дальнѣйшее ея развитіе.

Организація цивилизованныхъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, по крайней мѣрѣ, въ предпрошломъ столѣтіи, вполнѣ еще сохраняла такое раздвоеніе. Отправляясь на охоту, ирокезъ бралъ съ собой въ дорогу изъ женскихъ запасовъ маисовую муку. Затѣмъ наступала долгая разлука, во время которой онъ питался охотой, причемъ часть добычи приносилъ впо-

слѣдствіи въ домъ жены. Но во время охоты, какъ и на войнѣ, у индѣйцевъ была стройная организація, безъ которой правильная охота невозможна. Глава такой организаціи—«капитанъ». Ни родство, ни семья, ни наслѣдственныя права не играютъ роли въ полученіи этого званія: всякій можетъ пытаться добиться его. Счастливый случай и успѣхъ рѣшаютъ дѣло—въ пользу немногихъ, конечно, какъ всегда. Признанный капитанъ пользуется здѣсь абсолютной властью, но у себя, въ домѣ жены, не играетъ никакой роли.

Дома скорѣе господствуетъ «начальникъ». Мужская организація настолько уже затмила женскую, что, по крайней мѣрѣ, болѣе значительные союзы управляются мужчинами. Послѣдніе уже отняли у женщины «маисовый стебель», но сфера и характеръ ихъ господства еще совершенно женскіе и составляютъ рѣшительную противоположность власти «капитана». При выборѣ начальника, руководятся принципами кровнаго родства; но и это званіе передается не отъ отца къ сыну, а наслѣдуется по праву племянниковъ. Начальникъ продолжаетъ управлять, какъ женщина. Его задача, по словамъ миссіонера Лоскиля, заключается въ томъ, чтобы «поддерживать и заключать миръ; не отдаваться войнѣ и удерживать отъ нея народъ; всегда заботиться о благѣ своего народа и принимать, какъ должное, его напоминанія о томъ». При этомъ, «онъ не долженъ позволять себѣ приказывать или прибѣгать къ строгости, насилію и наказаніямъ». Онъ дѣйствуетъ въ своихъ распоряженіяхъ убѣжденіемъ и основательностью доводовъ. Все это представляетъ, повидимому, вѣрную картину древняго господства женщины.

Переходъ мужчинъ отъ охоты къ скотоводству могъ вначалѣ только еще болѣе усилить раздвоеніе организаціи. Въ такъ называемыхъ языческихъ государствахъ центральной Африки и спорадически также на востокѣ ея, существуютъ наряду съ семейными союзами, иногда довольно прочные особые союзы мужчинъ. Мужчины собираются для своихъ собственныхъ работъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, куда имъ доставляется продовольствіе изъ дома жены, между тѣмъ, какъ женщины и дѣти ведутъ свое отдѣльное хозяйство. Во время открытія острововъ Тихаго океана мужчины и женщины вели тамъ совершенно особыя хозяйства. Способъ, по которому они до сихъ поръ дѣлятъ между собой различныя кушанья, вполнѣ ясно показываетъ происхожденіе такого двойного хозяйства. Для мужчины нѣтъ запретныхъ кушаній, и онъ требуетъ себѣ и плодовъ, собранныхъ въ женской кладовой. Но его кормятъ, кромѣ того, сопряженная съ опасностями морская рыбная ловля, охота и составляющее предметъ его гордости разведеніе свиней и собакъ, принесенное имъ съ собой, когда онъ переселялся на острова. Они представляютъ его отдѣльную собственность, и женщина не имѣетъ въ нихъ никакой доли.

Въ Гавайѣ, напр., еще въ началѣ прошлаго столѣтія, вся пища распадалась на отдѣлы. То, что могли ѣсть и мужчины, и женщины, составляло «общую пищу», «Ai noa»; то, что ѣли одни мужчины, было «Ai tabu»—господская ѣда. Къ первой принадлежали корни папоротника, плоды хлѣбнаго дерева, бананы, раковины и обыкновенная рыба; ко второй—кокосовые орѣхи, свиньи, птицы, черепахи и избранныя породы рыбъ. Что отдѣльно

пріобрѣталось, то и потреблялось отдѣльно, и для женщины считалось невозможнымъ участвовать въ ѣдѣ мужчинъ. Такъ какъ приготовленіе пищи у нихъ еще не дошло до варки, то и мужъ не нуждался въ женской стряпнѣ и самъ приготовлялъ себѣ пищу. Такимъ образомъ, даже кухня и очагъ оставались раздѣльными.

Слѣды такого раздвоенія, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, существуютъ и въ области античной культуры. Въ Милетѣ, среди греческихъ колонистовъ, жили еще карійскія женщины, потомки прежняго сельскаго населенія. По словамъ Геродота, онѣ все еще твердо придерживались обычая «никогда не ѣсть вмѣстѣ со своими мужьями». Но и греческій Критъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими чертами первобытной культуры, сохранилъ обычай общей «трапезы мужчинъ» и отдѣльной трапезы женщинъ. Даже въ самой Греціи, по крайней мѣрѣ, въ Спартѣ, этотъ старинный порядокъ существовалъ еще въ историческое время. Домашнее хозяйство вели женщины, дѣти и рабы, а мужъ тщательно избѣгалъ домашней работы. Мужчины составляли обширный союзъ, устраивали совмѣстную трапезу и занимались исключительно другими дѣлами, не участвуя въ добываніи всего необходимаго для дома. Спартанскія «сисситіи», какъ замѣтилъ еще Страбонъ, представляютъ не что иное, какъ тѣ же мужскія трапезы критянъ. Въ противоположность скудной растительной пищѣ женщинъ, мясная пища и здѣсь, конечно, составляла главное блюдо. Такой же порядокъ существовалъ и въ Мегарѣ, а въ Коринѳѣ онъ былъ отмѣненъ только Періандромъ. Въ Гавайѣ подобная перемѣна произошла лишь въ недавно минувшемъ столѣтіи. Аристотелю было извѣстно, что такой же обычай существовалъ и въ южной Италіи. Собственно говоря, и сами Аѳины недалеко ушли далѣе въ этомъ отношеніи. И здѣсь женщина жила взаперти въ своемъ домѣ, занимаясь совершенно другими дѣлами, чѣмъ мужъ ея на торговой площади. Между занятіями обоихъ лежала такая непроходимая пропасть, что и духовныя способности обоихъ половъ развивались, повидимому, въ совершенно различныхъ направленіяхъ. Если въ наиболѣе блестящіе періоды греческой исторіи женщина и выходила иногда изъ этихъ рамокъ, то такая женщина, безъ сомнѣнія, не считалась образцомъ греческой хозяйки. Аѳинянка, правда, уже обѣдала вмѣстѣ со своимъ супругомъ, но, какъ только за столомъ появлялся гость, снова вступалъ въ свои права строгій обычай старины.

Поэтому «совмѣстная трапеза» часто обозначаетъ сліяніе и примиреніе обѣихъ организацій и заключеніе брака на новыхъ основаніяхъ. Такъ, римская патриціанка обѣдала за столомъ своего мужа, и потому брачный союзъ патриція сопровождался «confarreatio», т. е. передачей невѣстѣ древней пищи, соленой, крупно смолотой муки.

Послѣдніе остатки раздвоенія мы находимъ у германцевъ, когда мужчина силой оружія завоевывалъ воздѣланныя римскія земли. Подобно тому, какъ полинезіецъ, согласно первобытному способу добыванія пищи, дѣлилъ ее на «господскую» и «общую», и германцы раздѣляли кормившую ихъ землю на «господскую» и «общую», на «салическую землю» и «аллодъ». Послѣдняя, обработывавшаяся когда-то женщиной, могла кормить какъ женщину, такъ и мужчину и принадлежать имъ обоимъ. Земля, завоеванная мужчиной съ помощью оружія, принадлежала ему одному. Ни одна женщина не могла наслѣдовать салической земли,—такая земля осталась для нея «Ai tabu».

Патріархальная семья.

Вытѣсненіе старой формы семьи болѣе новою совершилось не на открытой сценѣ исторіи. Оно происходило за опущеннымъ занавѣсомъ, наполнивъ собою довольно продолжительный антрактъ. Но исторія человѣческой культуры столь хорошо слаженная драма, что изъ всего происходящаго на сценѣ зритель съ достаточной увѣренностью можетъ заключить о томъ, что было скрыто занавѣсомъ. По временамъ свѣдѣнія объ этомъ доходятъ къ намъ путемъ разсказовъ—миѳовъ и сагъ. Связанные съ разыгрывающимся дѣйствіемъ, они раскрываютъ намъ его истинное значеніе. Но такъ какъ мы драму превратили въ разсказъ, то мы и здѣсь должны выдвинуть на первый планъ все, что можно угадать изъ источниковъ съ помощью умозаключеній.

Несомнѣннымъ является для насъ слѣдующій фактъ. Между тѣмъ, какъ у наименѣе цивилизованныхъ народовъ мы встрѣчаемъ всего больше слѣдовъ и остатковъ «материнскаго права», народы, которые дѣйствительно жили исторической жизнью и сдѣлались носителями прогрессивной культуры, представляютъ организацію, основанную исключительно на «отцовскомъ правѣ». Она развилась изъ союзовъ, надъ которыми господствовала не кроткая власть матери, а мужчина съ властью неограниченной, какъ у военачальника. Народныя саги и миѳы разсказываютъ намъ о сѣдой старинѣ, о вѣкѣ «героевъ», уничтожившихъ старыя отношенія и создавшихъ новыя организаціи, не безъ упорной борьбы съ «героинями» и народами, подчинявшимися женщинамъ. Они говорятъ о времени, когда между мужчинами появились герои, подобно Геркулесу, считавшіе несправедливымъ, по словамъ Діодора Сицилійскаго, оставить подъ презрѣнной властью женщины хотя бы даже нѣкоторые народы.

Въ тоже время обнаруживается и другое различіе, о которомъ мы говорили подробнѣе въ первомъ отдѣлѣ.

Первая группа народовъ жила только поисками пищи и охотой, и ни одинъ народъ не поднялся до высшей культуры и высшей организаціи, не пройдя, по крайней мѣрѣ, стадіи кочевого быта или скотоводства. Одни только культурныя государства Средней Америки составляютъ, повидимому, исключеніе. Но если мы вмѣсто «кочевниковъ» будемъ говорить, какъ-бы, дѣйствительно, и слѣдовало, о «бедуинахъ», то и эти государства окажутся причастными къ общему ходу прогресса, совершившагося съ помощью составленныхъ ими не животныхъ стадъ, а человѣческихъ. Но цѣль и примѣненіе въ обоихъ случаяхъ были одинаковы.

Что же должно было произойти, чтобы вызвать такой переворотъ у цѣлаго ряда народовъ? Одно изъ другого выясняется очень легко. Переходъ мужчины отъ охоты къ кочевничеству былъ причиной постепеннаго ослабленія и, наконецъ, полнаго уничтоженія материнскаго права съ его небольшими, безсильными организаціями. Уходъ за животными и разведеніе ихъ, подобно охотѣ, отъ которой они произошли, всегда были дѣломъ мужчины. Благодаря имъ, онъ могъ добиться самостоятельности, которой не обладалъ, пока былъ нахлѣбникомъ матери. Вмѣсто непостоянной удачи охоты, временнаго излишка и болѣе частой нужды, промыселъ мужчины давалъ теперь возможность заготовленія запасовъ. Мужчина впервые

сталъ экономически независимымъ отъ женщины. Но уже сама независимость эта была ослабленіемъ прежней связи. Не могъ-ли теперь, наоборотъ, избытокъ пищи мужчины поставить въ нѣкоторую зависимость живущую скуднымъ пропитаніемъ женскую семью?

Съ низшей ступенью кочевничества неразрывно связано, какъ остатокъ охотничьихъ временъ, на нашъ взглядъ, разбойничье бедуинство. Изъ того и изъ другого развиваются, какъ мы увидимъ дальше, новыя понятія о владѣніи и собственности. Прежде живыя охотничьи животныя не принадлежали никому; только убитыя животныя становились предметомъ собственности. Но затѣмъ сфера владѣнія расширяется. Кочевникъ считалъ животныхъ охраняемыхъ имъ стадъ своими собственными и защищалъ ихъ отъ другихъ. Убійство животнаго не составляло уже существеннаго признака завладѣнія. Принимались во вниманіе и тѣ услуги, которыя могло оказать во время передвиженій живое животное, оселъ или лошадь; пользованіе этими услугами входило въ право владѣльца и даже составляло наиболѣе цѣнную часть его.

На-ряду со служебнымъ животнымъ, бедуинъ заставлялъ служить себѣ и человѣка. Внѣ союза, человѣкъ первоначально такъ же мало былъ предметомъ правовыхъ отношеній, какъ и животное въ полѣ. Но также, какъ человѣкъ, благодаря своему превосходству, подчинилъ себѣ животныхъ, онъ пріобрѣлъ власть и надъ человѣкомъ, не пользовавшимся защитой организованнаго союза. Война бедуиновъ представляетъ не что иное, какъ охоту, какъ бы ни были различны цѣли ихъ. Ацтекъ, у котораго единственной цѣлью охоты было добываніе пищи, изъ добытыхъ такимъ же образомъ людей изготовлялъ каннибальскія пиршества. Кочевникъ, заставлявшій служить себѣ пойманное животное, умѣлъ захваченнаго на войнѣ человѣка поставить въ такія отношенія, чтобы пользоваться его живой силой. Такимъ образомъ, и живой человѣкъ оказался въ рукахъ болѣе сильнаго предметомъ его владѣнія. Какъ скоро такое отношеніе возникло, понятіе о владѣніи живымъ существомъ, человѣкомъ, сдѣлалось обычнымъ явленіемъ, и оно не могло остаться безъ вліянія на отношенія обѣихъ указанныхъ выше, соперничающихъ между собой организацій.

Древнѣйшая исторія культурныхъ народовъ показываетъ намъ слѣдующіе факты. Организація дома, управлявшагося женщиной, поступаетъ во владѣніе мужчины и господство, принадлежащее ему съ тѣхъ поръ въ домѣ, основывается на правѣ собственности. Въ этомъ заключается большое и существенное различіе между обѣими семейными формами: семья подъ управленіемъ материнскаго права была основана и поддерживалась кровнымъ родствомъ и материнской любовью; семья, подчиненная отцовскому праву, опирается на право собственности властелина. «Отецъ»— въ смыслѣ патріархата—не обязанъ быть въ кровномъ родствѣ съ тѣми, кѣмъ онъ владѣетъ. Въ случаѣ удачной наживы, его семья можетъ разростись такъ, какъ прежде это было-бы немыслимо. И народныя воззрѣнія на физіологію человѣка не допускаютъ въ этой семьѣ другой связи, кромѣ владѣнія, отношенія къ господину. Отецъ, по народнымъ понятіямъ, о которыхъ сохранилось не мало свидѣтельствъ, все еще не считается состоящимъ въ кровномъ родствѣ съ ребенкомъ своей жены, т. е. со своимъ ребенкомъ. Кровное родство въ средѣ семьи все еще признается лишь по

матери. Но оно вовсе несущественно для новой семьи и касается только установленія извѣстныхъ правилъ для наслѣдованія отцовской власти. Постепенно у наиболѣе прогрессивныхъ народовъ пробуждается мысль о томъ, что собственно отецъ даетъ жизнь ребенку, а участіе матери лишь подчиненное, и его можно даже признать второстепеннымъ. Греческіе трагики относятъ этотъ переворотъ въ воззрѣніяхъ къ тому времени великихъ преобразованій, которое мы называемъ героическимъ періодомъ, и во всякомъ случаѣ борьбу этихъ противоположныхъ теченій изображаютъ довольно вѣрно въ историческомъ смыслѣ. Прежде одна только мать имѣла право на ребенка; онъ былъ одной крови съ нею и считался въ родствѣ исключительно съ ней. Въ трагедіи объ эвменидахъ поэтъ впервые заставляетъ Аполлона возвѣстить удивленному міру новый законъ:

Мать не творитъ дитя и не рождаетъ,
Но только, что посѣяно, питаетъ.
Творитъ отецъ. Она-жъ, какъ гостя въ домъ
Радушная хозяйка принимаетъ,
Воспринятый зародышъ сохраняетъ.

(Орестейя. Трилогія Эсхила въ перев. Н. Котелова. СПБ. 1883 г., стр. 293).

Такой взглядъ возвѣщаетъ въ то же время и новый порядокъ вещей, развитіе и побѣда котораго подвигаются, однако, безконечно медленно. Наряду съ отцовскимъ правомъ господства продолжаютъ существовать представленія изъ сферы материнскаго права; точно такъ же остается въ силѣ и патріархальное господство отца, и представленіе о болѣе тѣсной и естественной связи отца съ ребенкомъ не можетъ поколебать права владѣнія, основаннаго на крѣпкой власти. Старая сплоченная семья покоится на владѣніи и господствѣ. Болѣе позднее понятіе о родствѣ создаетъ внутри ея обособленныя семьи, но принципъ господства долго еще лишаетъ ихъ самостоятельности. Борьба и развитіе этой новой формы семьи относится уже къ позднѣйшимъ временамъ исторіи.

Такимъ образомъ, на основѣ этихъ представленій и отношеній, власть матери, въ доступной ей узкой сферѣ, является вполнѣ естественной, между тѣмъ, какъ власть отца оказывается пріобрѣтенной или захваченной. Спрашивается: какъ именно и чѣмъ мужчина пріобрѣлъ такое господство? Почему онъ сталъ господиномъ своей жены и «отцомъ» семьи? Способы захвата въ этомъ случаѣ представляются намъ совершенно такими же, какіе вообще употреблялъ человѣкъ на любой ступени культуры, присваивая себѣ какіе-нибудь предметы. Древнѣйшій способъ завладѣнія есть добываніе силой, обращеніе предмета въ добычу. Съ нашей, нравственной точки зрѣнія, тогда еще неизвѣстной и потому къ тому времени непримѣнимой, мы называемъ такое завладѣніе «грабежомъ». Обширное распространеніе его не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что на той переходной ступени развитія мужчина съ помощью грубой силы вмѣшивался въ распорядокъ дома матери, неспособной оказать достаточнаго сопротивленія, и добывалъ предметъ своихъ желаній единственнымъ извѣстнымъ ему способомъ. Это должно было сѣять вражду между домомъ мужчины и материнской организаціей, вражду, слѣды которой, дѣйствительно, широко распространены.

Но если мужчина постепенно становился господиномъ въ болѣе обширныхъ областяхъ, то и дѣти обоего пола должны были постепенно превращаться въ его собственность, такъ какъ они разсматривались какъ приплодъ матери, принадлежавшей теперь отцу. Домъ отца могъ, слѣдовательно, разростаться двоякимъ способомъ: естественнымъ размноженіемъ и продолжавшимся насильственнымъ завладѣніемъ. При благопріятныхъ условіяхъ онъ, очевидно, могъ достигать гораздо бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ прежній домъ, что̀ въ такой-же мѣрѣ увеличивало его силу защиты. Но добываніе женъ изъ такой семьи стало гораздо легче: явилась потребность мирнаго соглашенія и бракъ чрезъ обмѣнъ или куплю. Отецъ отдавалъ дѣвушку въ собственность другому дому за соотвѣтственное вознагражденіе, хотя бы мать и была недовольна такимъ вторженіемъ въ ея права. Но впослѣдствіи—хотя бы и путемъ молчаливаго соглашенія—сосѣднія семьи могли вступать въ договоръ, по которому онѣ разъ навсегда признавали взаимный обмѣнъ женъ. На почвѣ такого «connubium» во взаимномъ соглашеніи будущихъ супруговъ могъ открываться путь къ семейному счастью. Такимъ образомъ, возникли три формы заключенія брака: посредствомъ похищенія, купли и взаимнаго соглашенія. Но ни одна изъ этихъ формъ не исключаетъ возможности сохраненія другихъ.

Долго, пока наступитъ извѣстная степень соподчиненія обоихъ половъ при различныхъ сферахъ ихъ трудовой дѣятельности—вродѣ брака римскихъ патриціевъ при обрядѣ «confarreatio»—въ исторіи культуры господствуетъ еще безусловное подчиненіе женщины мужчинѣ. Это—ближайшая форма организаціи послѣ уничтоженія материнскаго права. При этомъ безразлично—пріобрѣтается ли женщина путемъ похищенія, купли, или подъ условіемъ извѣстнаго обмѣна: она превращается въ собственность мужчины и остается въ такомъ положеніи на всю жизнь. Вначалѣ она принадлежитъ господину своей матери, затѣмъ своему мужу; въ случаѣ смерти послѣдняго она достается наслѣднику, хотя бы это былъ ея родной сынъ. Такъ, напр., молодой Телемакъ высказываетъ притязанія на господство въ домѣ матери; въ основѣ ихъ лежитъ, однако, не жизненная опытность, а право. Авессаломъ, возмутившись противъ отца и изгнавъ его, прежде всего спѣшитъ завладѣть его женами: какъ скоро онъ побѣдилъ, онѣ принадлежатъ ему по праву. Безспорно, есть что-то грубо-животное въ этомъ новомъ порядкѣ вещей, но на немъ, тѣмъ не менѣе, возникли высшія формы культуры. Не слѣдуетъ ли намъ смотрѣть на него, какъ на рѣзкій шагъ назадъ?

Наше непосредственное чувство легко могло бы привести насъ къ такому сужденію, но исторія культуры и здѣсь идетъ впередъ по своему пути, и дѣйствительныя отступленія часто лишь усиливаютъ ея поступательное движеніе. Женщина превратилась въ служанку и, по удаленіи отъ материнскаго очага, перешла въ домъ мужа. Этимъ обозначается новая форма семьи. Въ періодъ купли женъ мужъ вознаграждаетъ прежняго владѣльца женщины и уплачиваетъ ея стоимость. Но женщина, въ свою очередь, требуетъ изъ своего дома вознагражденія за принадлежащее ей право пользованія имуществомъ и запасами семьи и приноситъ въ домъ мужа приданое. Ея собственное положеніе тѣмъ самымъ ухудшилось, но домъ, подъ защиту котораго она вступила, сталъ значительно сильнѣе. Обезпе-

ченность членовъ семьи, въ особенности по отношенію къ питанію, чрезвычайно увеличивается, и, что̀ важнѣе всего для матери, она можетъ вырастить гораздо большее количество дѣтей. Кромѣ того, съ введеніемъ настоящаго скотоводства, молоко животныхъ облегчаетъ уходъ за ними. Внѣшнимъ проявленіемъ этой перемѣны служитъ уменьшеніе дѣтоубійствъ и принесенія дѣтей въ жертву.

Многочисленныя свидѣтельства изъ области культа убѣждаютъ насъ, что принесеніе въ жертву дѣтей было особенно распространено именно при господствѣ материнскаго права: прямая необходимость превратилась въ добродѣтель. Чѣмъ больше мужчина, въ качествѣ господина, научался организаціи труда, тѣмъ больше онъ цѣнилъ большое количество рабочихъ рукъ. Рано становясь отцомъ, онъ противится принесенію въ жертву дѣтей и замѣщаетъ ее продуктами мужского труда. Такъ, въ сказаніяхъ объ Авраамѣ, Агамемнонѣ, Брутѣ и др., вмѣсто ребенка, принесено было въ жертву животное. Мать не могла, конечно, предложить требовательному божеству такой богатый выкупъ.

Далѣе порядокъ, основанный на отцовскомъ правѣ, уничтожилъ браки между кровными родственниками и поліандрію и проложилъ путь—вначалѣ, конечно, лишь односторонній—къ почитанію чистоты нравовъ. При материнскомъ правѣ въ интересахъ защиты было желательно, чтобы мужчины оставались въ домѣ, и потому оно не запрещало браковъ въ томъ же домѣ, даже и между братьями и сестрами. У инковъ такой бракъ считался нормальнымъ, такъ какъ, по старымъ воззрѣніямъ, только женщина могла способствовать сохраненію чистоты крови рода. Но, по мѣрѣ того, какъ женщина становилась предметомъ владѣнія и богатства дома, сыновья, остававшіеся въ домѣ, направили теперь свои желанія въ другую сторону, и съ тѣхъ поръ стало дѣломъ чести пріобрѣтать жену изъ чужого рода; только въ такомъ случаѣ она была вообще прибылью для дома, предметомъ гордости и тщеславія. Обычай превратился затѣмъ въ законъ, въ особенности у воинственныхъ народовъ, причемъ браки въ предѣлахъ собственнаго рода были во многихъ случаяхъ совершенно устранены. Такой порядокъ, хотя и возникшій на варварской основѣ, способствовалъ чистотѣ нравовъ.

Въ томъ-же направленіи,—хотя и не намѣренно, и даже безсознательно для людей того времени — оказывало вліяніе и зависимое положеніе, до котораго опустилась теперь женщина. Мы видѣли, какъ при материнскомъ правѣ семья должна была допускать не только полигамическій, но и поліандрическій бракъ. Отцовское право, насколько оно могло проявляться на практикѣ, отмѣнило вначалѣ поліандрію, пока требованія, предъявлявшіяся женщинѣ, по закону справедливости, не стали касаться и мужчины. Въ материнской семьѣ женщина свободно располагала собой, и мысль о предстоящихъ лишеніяхъ только усиливала ея желаніе пользоваться своей свободой. При господствѣ отца женщина потеряла, въ пользу своего господина, право располагать собой, и даже экономическій интересъ требовалъ отъ женской молодежи воздержанія до заключенія брака. Такъ принципъ нравственности проникъ въ болѣе строгую семейную организацію, сдѣлавъ ее своимъ стражемъ,—принципъ, который не могъ еще развиться изъ непосредственныхъ жизненныхъ потребностей.

Переживанія нравовъ переходнаго времени.

Въ исторіи культуры и этнографіи сохранилось такое обиліе переживаній и остатковъ всѣхъ упомянутыхъ болѣе позднихъ формъ семьи, различныхъ фазисовъ ихъ борьбы и достигнутыхъ ими результатовъ, а также и перехода обѣихъ формъ одной въ другую,—что мы должны ограничиться лишь весьма немногимъ изъ этого обильнаго матеріала. О похищеніи женъ, какъ обычаѣ древняго времени, говорятъ не только многія культурныя сказанія, но и не слишкомъ древнія законодательства. Скандинавскіе германцы даже въ концѣ среднихъ вѣковъ не легко отказывались еще отъ такого рода добыванія невѣстъ. Между тѣмъ, какъ относительно всякихъ другихъ предметовъ собственности у нихъ уже существовало «мирное соглашеніе», они все еще придерживались взгляда, что женщина составляетъ почетную добычу, и наврядъ-ли приходилось напоминать шведамъ какой-либо другой законъ чаще, чѣмъ законъ о «женскомъ мирѣ».

Противоположно съ этимъ стремленіемъ, заключеніе брака посредствомъ купли датчанамъ и континентальнымъ германцамъ казалось болѣе прогрессивнымъ. Дѣйствительно, было своего рода культурнымъ подвигомъ, когда датскій король навязалъ подчиненнымъ ему славянамъ законъ о бракѣ посредствомъ покупки, какъ устанавливающій болѣе прочную организацію, чѣмъ та, какая существовала у нихъ до тѣхъ поръ. Похищеніе или заманиваніе невѣстъ и теперь еще не совсѣмъ вывелись у южно-славянскихъ племенъ; оно еще живо не только въ ихъ преданіяхъ и пѣсняхъ, но и въ ихъ законодательствахъ. По крайней мѣрѣ, бракъ, заключенный такимъ способомъ, при извѣстныхъ условіяхъ признается законнымъ. Священная обязанность требуетъ отъ братьевъ и дядей похищенной невѣсты кровавой мести похитителю, и они могутъ, и даже должны убить послѣдняго, если онъ попадется имъ въ руки,—но лишь въ томъ случаѣ, если похищенная не выступитъ посредницей между ними и не объявитъ, что она добровольно желаетъ быть невѣстой похитителя. Тогда бракъ считается законнымъ, хотя невѣста лишается всякаго права на вознагражденіе изъ оставшагося дома имущества. Она теряетъ свое «приданое», такъ какъ не руководилась въ своемъ поступкѣ согласіемъ дома.

Многія черты еще и въ настоящее время показываютъ, что такія похищенія и заманиванія невѣстъ гораздо ближе стоятъ къ болѣе древнему и свободному союзу при материнскомъ правѣ, чѣмъ строгіе браки черезъ покупку. Извѣстно, какой свободой отличалось заключеніе браковъ у славянъ еще во времена св. Адальберта. Лѣтописецъ Несторъ признаетъ, что союзы нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ Россіи не заслуживаютъ названія брака. Онъ утверждаетъ, что у нихъ не было формальныхъ браковъ. Онъ говоритъ: «Браки не бываху въ нихъ, но игрища межю селы: схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища и ту умыкаху жены собѣ, съ нею кто совѣщашеся».

Не удивительно, что подобныя умыканія происходили именно во время «игрищъ». Съ одной стороны, только игрища и давали къ этому поводъ и возможность, съ другой, обычай этотъ, въ сущности, уцѣлѣлъ и до сихъ поръ. Одинъ бытописатель современныхъ южно-славянскихъ народовъ, согласно съ древнимъ лѣтописцемъ Нестеромъ, указываетъ на теперешніе

праздники, какъ на удобный случай, которымъ пользуются родители взрослыхъ сыновей, чтобы посмотрѣть дѣвушекъ и именно за игрой познакомиться съ ихъ ловкостью.

Такимъ образомъ, римское сказаніе о «похищеніи сабинянокъ» представляетъ не что иное, какъ картину древнихъ культурныхъ нравовъ. Все описаніе дышетъ такой правдивостью, что оно, пожалуй, и теперь могло-бы разыграться на южно-славянской почвѣ. Сначала устраиваютъ игры, во время которыхъ похищаютъ женъ. Братья похищенныхъ, исполняя обязанности кровавой мести, идутъ на похитителей войной. Тогда выступаютъ посредницами сами похищенныя, объявляютъ, что желаютъ остаться у своихъ мужей, и, браки признаются законными. Въ этомъ сказаніи, вѣроятно, вообще обнаруживается обычай, бывшій раньше въ ходу и въ Лаціумѣ, противоположно позднѣйшему времени, когда въ Римѣ при патриціяхъ уже не было похищенія женъ, но всѣ роды мирно обмѣнивались женами. Женщины, вступившія въ бракъ посредствомъ такой «confarreatio», пользовались особыми преимуществами, которыя онѣ будто-бы унаслѣдовали отъ похищенныхъ сабинянокъ, сдѣлавшихся родоначальницами римскихъ родовъ. Такимъ образомъ, сказаніе это заключаетъ ясное воспоминаніе о томъ, что и въ Римѣ патриціанскимъ бракамъ предшествовали браки чрезъ похищеніе, узаконявшіеся путемъ соглашенія. Болѣе поздняя форма заключенія браковъ между не-патриціями, какъ не принимавшими участія въ договорѣ о взаимномъ обмѣнѣ женъ, состояла въ «coemptio», т. е. въ настоящей куплѣ женъ.

Среди различныхъ «свадебныхъ обрядовъ», сохранившихся и до позднѣйшаго времени, особенно многочисленны и распространены тѣ формы, которыя ясно обнаруживаютъ свое происхожденіе во времена похищенія женъ. Во многихъ мѣстахъ они сохранились и понынѣ лишь съ небольшими видоизмѣненіями, благодаря, вѣроятно, выступающему въ нихъ рыцарскому элементу. У южныхъ славянъ свадебный поѣздъ и теперь еще представляетъ вооруженную дружину, добывающую невѣсту силою и доставляющую ее къ жениху. Во главѣ дружины стоятъ «воевода», знаменосецъ и гонецъ. Салическое народное право точно такъ же говоритъ о «трехъ мужчинахъ», принимавшихъ главное участіе въ похищеніи, и о сопровождавшихъ ихъ стрѣлкахъ. Такое прикрытіе было когда-то необходимо, чтобы, въ случаѣ преслѣдованія, оказать мстителямъ надлежащее сопротивленіе. Но впослѣдствіи роль этой свиты была исключительно почетная, и стрѣлки вооружались не луками, а пистолетами, къ которымъ прибѣгали только для выраженія своей «радости». Салическій законъ, однако, вовсе не смотритъ на такую дружину, какъ на безвредную; напротивъ, онъ преслѣдуетъ ее суровыми карами, какъ пособниковъ похитителей, и это заставляетъ насъ подозрѣвать, что дружина представляла скорѣе организованный союзъ, который предложеніе услугъ предпріимчивымъ похитителямъ невѣстъ превратилъ въ ремесло. Это воинственное дѣйствіе постепенно теряло, однако, свой кровавый характеръ. Этому способствовало, вѣроятно, то обстоятельство, что въ основѣ похищенія все чаще и чаще лежала увѣренность въ послѣдующемъ согласіи похищенныхъ на возстановленіе мира. Славянское и германское право относились, впрочемъ, къ этому обычаю совершенно различно. Между тѣмъ, какъ первое охотно признавало его, послѣднее стремилось поддержать отцовскую

власть самыми строгими мѣрами. Читатель, вѣроятно, и самъ уже установилъ связь различныхъ формъ побѣга невѣстъ съ остатками этихъ древнихъ обычаевъ.

Быть можетъ, читателю извѣстно также, что у многихъ нецивилизованныхъ народовъ «мнимое похищеніе» составляетъ обычную свадебную церемонію. Въ отдѣльныхъ случаяхъ это ведетъ еще къ настоящимъ схваткамъ, оканчивающимся не однѣми только символическими ранами, но обыкновенно это—не что иное, какъ безвредная игра. У зулусовъ невѣстѣ дается возможность уйти впередъ, чтобы успѣть добѣжать до воротъ крааля, пока женихъ гонится за ней. Если это ей, дѣйствительно, удается, то она, правда, не освобождается отъ супружескаго ярма, но ея родители могутъ потребовать отъ жениха лишней штуки скота. Арауканецъ покупаетъ себѣ невѣсту у ея родителей за опредѣленную плату; тѣмъ не менѣе, церемонія похищенія все еще продѣлывается на его свадьбѣ. Женихъ вскакиваетъ на коня, какъ будто силой хватаетъ купленную имъ невѣсту и увозитъ ее съ собой. Лишь нѣсколько дней спустя возвращается онъ съ ней въ домъ. Мексиканскій мистекъ долженъ пройти нѣкоторое разстояніе, неся невѣсту на спинѣ. Это имѣетъ, безъ сомнѣнія, тотъ-же смыслъ, такъ какъ и арауканецъ не имѣлъ прежде въ своемъ распоряженіи лошадей. Въ Полинезіи существуетъ или существовалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай, въ силу котораго церемонію похищенія разыгрывали друзья жениха, и было широко распространено, по крайней мѣрѣ, видимое сопротивленіе невѣсты.

Иногда мнимая борьба направлена и противъ самой женщины, или ей въ какомъ-либо видѣ внушается, что впредь она должна быть въ послушаніи и подчиненіи мужу. Въ Сирміи [1]) пріятели жениха приводятъ ему невѣсту, причемъ онъ встрѣчаетъ ее... палочными ударами! Этимъ онъ хочетъ ей показать, что отнынѣ онъ ея «господинъ и повелитель». Ея положеніе, какъ служанки въ домѣ, ей не менѣе ясно ставится на видъ, когда она утромъ, послѣ свадьбы, должна вымести домъ и расчесать всѣмъ гостямъ волосы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она должна подать имъ умыться. Совпаденіе такихъ обычаевъ въ наиболѣе далекихъ другъ отъ друга странахъ вытекаетъ изъ самого положенія вещей. Такъ, у фулаховъ, въ Африкѣ, отецъ въ день свадьбы выводитъ невѣсту впередъ и бьетъ ее; вслѣдъ за нимъ дѣлаетъ то же самое и женихъ,—осязательный знакъ того, что теперь власть перешла отъ отца къ мужу. И у сомаліевъ въ восточной Африкѣ свадебное торжество также начинается нанесеніемъ ударовъ невѣстѣ. Въ иныхъ мѣстахъ будто бы наблюдалось даже, что молодые въ день свадьбы торжественно царапаются.

Другое переживаніе нравовъ переходнаго времени, хотя и весьма распространенное въ другихъ частяхъ свѣта, не сохранилось въ Европѣ, если не считать народнаго предубѣжденія противъ «тещъ». У многихъ племенъ, вмѣсто такого предубѣжденія, мы находимъ странныя внѣшнія выраженія непримиримой вражды, или, вѣрнѣе, обычай требуетъ фикціи такой вражды, въ дѣйствительности едва-ли возможной, такъ какъ обѣ стороны совершенно не сталкиваются въ жизни.

---

[1]) Сирміей, по имени римскаго города Сирміумъ, называлось прежде славянское герцогство между Дравой, Савой и Дунаемъ, нынѣ хорватско-словенскіе поселенія. (*Прим. ред.*).

Чтобы спастись отъ столкновеній различныхъ обязанностей, люди дѣлали видъ, что они избѣгаютъ, не узнаютъ и игнорируютъ другъ друга. Если «сабинянки» и возстановили миръ и дружбу между своими мужьями и матерями, то далеко не всѣмъ женщинамъ земного шара удавалось примирять въ такой же степени старую и новую организаціи. Не вездѣ любовь одержала побѣду надъ болѣе могущественной, освященной религіею обязанностью—умиротворить свою кровь местью похитителю. Неотомщенная кровь является для первобытнаго человѣка предметомъ вѣчнаго страха: по его понятію, «кровь есть душа», а непримиренная душа есть источникъ всевозможныхъ страданій, могущихъ постигнуть человѣка, какъ наказаніе за неотомщенную кровь. Поэтому нецивилизованному человѣку вполнѣ невозможно отказаться отъ обязанности исполненія кровавой мести.

Прежде всего обязанность эта лежитъ на матери. У нея установленіемъ новаго семейнаго строя, подъ властью отца, похищено самое дорогое, нарушено ея право, наконецъ, произведено насиліе надъ ея собственной кровью. Отъ матери обязанность мести переходитъ по наслѣдству къ сыновьямъ и братьямъ по матери, т. е. къ братьямъ и дядямъ невѣсты. Въ сербскихъ пѣсняхъ, напр., въ качествѣ мстителей, которыхъ долженъ остерегаться похититель, называются только братья и дяди невѣсты.

„Не похищай меня! Ты погибнешь“,—предостерегаетъ дѣвушка,
Ибо у меня родныхъ братьевъ девятеро,
А двоюродныхъ—цѣлое полчище!“.

Отецъ не упоминается въ пѣснѣ: напротивъ, во время свадебныхъ церемоній жениху и теперь еще приходится имѣть дѣло съ братомъ невѣсты. Братъ загораживаетъ ему дверь въ комнату дѣвушки, пока не получитъ подарка, а подкупленный такимъ образомъ, онъ же, наконецъ, передаетъ невѣсту жениху. Съ другой стороны, дѣйствительная кровавая месть была бы совершенно несовмѣстима съ новой организаціей и привела бы къ ея гибели. Матери и ея родственникамъ остается, поэтому, только подчиниться неизбѣжному, выражая молчаливый протестъ. У многихъ племенъ Африки жены и тещи до сихъ поръ считаютъ нужнымъ выказывать такой протестъ. Месть остается невыполненной, такъ какъ никто будто бы не узнаетъ, не видитъ болѣе похитителя.

Появленіе у этихъ племенъ брака посредствомъ купли не уничтожило вышеописаннаго обычая. Купля примиряетъ съ женихомъ только отца, а по отношенію къ матери даже самъ отецъ является узурпаторомъ. Лишь мѣстами настоящій смыслъ обычая настолько сдѣлался неяснымъ, что отецъ будто бы также выражаетъ свое неудовольствіе, если это только не ошибка наблюдателей. Вообще въ домашнемъ быту неоднократно замѣчался обычай, составляющій прямое послѣдствіе обычая и домашняго церемоніала, по которому жена въ теченіе всей жизни притворяется враждебной мужу и употребляетъ всѣ усилія, чтобы скрыть отъ постороннихъ свое расположеніе къ нему. То, что основано, по старымъ понятіямъ, на нарушеніи права, все еще должно бояться дневного свѣта и общественной мести. Жена тибуса въ Тибести, въ Африкѣ, остается послѣ свадьбы въ домѣ мужа только семь дней. Затѣмъ она возвращается на продолжительное время къ родителямъ и, пока мужъ занимается своимъ тяжелымъ трудомъ, совершая

далекія путешествія по пустынѣ, она вполнѣ самостоятельно ведетъ свое хозяйство. Она никогда не говоритъ ни съ самимъ мужемъ, ни въ его присутствіи, никогда не называетъ его имени, а если и говоритъ съ нимъ, то отвернувшись отъ него. Мужъ-тиббусъ, вступая въ бракъ, до сихъ поръ еще теряетъ свое имя: онъ обозначается только именемъ своихъ дѣтей, какъ ихъ отецъ. «Для родителей жены, братьевъ и сестеръ ея онъ—все еще лицо, котораго называютъ по имени только въ случаѣ крайней необходимости и, насколько возможно, избѣгаютъ этого»... «Онъ не остается въ собраніи, гдѣ находится его шуринъ; опустивъ свой литамъ (покрывало) на лицо, онъ проходитъ мимо». Въ свою очередь родственники мужа не бываютъ въ собраніяхъ, гдѣ находятся родственники жены.

Нахтигаль, которому мы обязаны этими свѣдѣніями, нашелъ такой-же обычай выказыванія непримиримой вражды между родственниками мужа и жены во многихъ мѣстахъ внутренней Африки, напр., въ Борку и у буддумовъ, небольшого племени на островахъ озера Чадъ.

Такой-же обычай господствуетъ и на западномъ берегу Африки. Въ Лоанго зять и теща разговариваютъ между собой только на извѣстномъ разстояніи и съ опущенными глазами, не глядя другъ на друга. При неожиданной встрѣчѣ, они проходятъ мимо, отвернувшись. Такъ-же поступаютъ въ подобныхъ родственныхъ отношеніяхъ у ашантіевъ и у нѣкоторыхъ южно-африканскихъ племенъ; въ этихъ церемоніяхъ, повидимому, во всей Африкѣ сохраняется еще воспоминаніе о ниспроверженіи материнскаго господства, остатки котораго существуютъ еще въ дѣйствительности на сѣверо-востокѣ. У кафровъ зять избѣгаетъ смотрѣть на тещу или называть ее по имени.

Указанный своеобразный обычай вовсе не представляетъ, однако, особенности Африки. Слѣды его мы находимъ и въ Америкѣ, и въ Австраліи. Но вездѣ совершился одинъ и тотъ-же переворотъ, и чѣмъ моложе и менѣе развита культура даннаго племени, тѣмъ менѣе замѣтны, менѣе рѣзко выражены раны, нанесенныя старой организаціи. Въ Америкѣ не было кочевого быта, который могъ бы послужить основаніемъ для развитія правовыхъ отношеній рабства въ нашемъ смыслѣ, но чрезвычайная производительность охоты въ Сѣверной Америкѣ и здѣсь возвысила мужчину надъ женщиной. Такъ у племенъ дакота, ассинибойновъ, омаговъ и мандановъ дѣйствительно существуетъ такой-же обычай притворной вражды между зятемъ и тещей. Караибъ Антильскихъ острововъ также долженъ былъ избѣгать родственниковъ своей жены, хотя онъ жилъ обыкновенно въ домѣ тестя. Новая форма брака находилась въ соглашеніи съ отцовской властью, а не съ правомъ матери. Одинъ очевидецъ разсказываетъ объ арауканцахъ: «Мать невѣсты, притворяясь разсерженной, все время обращается къ зятю спиной, что составляетъ вопросъ чести, и иногда не говоритъ съ нимъ ни слова по цѣлымъ годамъ». Свидѣтель этой сцены объясняетъ истинную причину ея: дѣло въ томъ, что все это происходитъ на свадьбѣ арауканца, непосредственно послѣ мнимаго похищенія невѣсты.

Новые обычаи въ переходное время.

Для описываемаго переходнаго времени характерны еще нѣкоторые странные обычаи. Мужчина пріобрѣлъ власть надъ семьей по праву сильнаго, а не въ силу естественныхъ узъ, по крайней мѣрѣ, съ болѣе древней точки зрѣнія. Естественныя узы замѣнены были властью и правомъ собственности. Дѣти, достояніе матери, были отняты у нея, и многовѣковой, молчаливый протестъ не помогъ дѣлу. Такимъ образомъ, мужчина расправился съ женщиной, но не съ религіознымъ элементомъ, который, всегда охраняя существующее, освящалъ и старую организацію.

По древнему воззрѣнію, оказавшемуся на сторонѣ женщины, мужъ желалъ пріобрѣсти право собственности на ребенка, отнимая его не у матери, а скорѣе у божества. Ему, какъ истинному господину дома, принадлежалъ и ребенокъ. Божество могло его убить, до или послѣ рожденія, или оставить въ живыхъ. Жестокій обычай первобытнаго культа даже требовалъ принесенія первенца ему въ жертву. И здѣсь необходимость привела къ добродѣтели. Прерывать рано заключавшіеся браки ради воспитанія дѣтей было нежелательно, и дѣтей отдавали божеству. Послѣднее имѣло, такимъ образомъ, освященныя временемъ права на нихъ, и потому новорожденный ребенокъ и сама родильница были «священны»; они были предметомъ собственности божества, и ни одна человѣческая рука не смѣла ихъ коснуться, пока само божество не снимало запрета. Они были неприкосновенны, или, съ точки зрѣнія односторонняго практическаго соображенія, «нечисты». Когда мужчина вступилъ во владѣніе ребенкомъ, принесеніе дѣтей въ жертву стало все болѣе и болѣе исчезать. Но какимъ образомъ мужчина получилъ ребенка отъ божества, которому тотъ принадлежалъ? Какъ высвободилъ онъ его?

Сдѣлка съ обрядомъ древняго культа, въ которую превратился выкупъ ребенка въ пользу отца, мѣстами повела къ обычаямъ, создавшимъ величайшія недоразумѣнія для изслѣдователей. Весьма простая и понятная сущность дѣла заключалась въ томъ, что вмѣсто одной жертвы приносили другую, т. е. происходилъ обмѣнъ даровъ. Божество выражало на это свое согласіе. Но какъ узнавалъ объ этомъ человѣкъ?—Изъ того, что божество оставляло ребенка въ живыхъ и дарило ему радостное существованіе. На вопросъ о цѣли этого обряда, такимъ образомъ, можно было-бы отвѣтить: она способствуетъ благополучію ребенка.

Такое жертвоприношеніе, являющееся какъ-бы обмѣномъ, отличалось первобытной простотой, вполнѣ соотвѣтствующей образу жизни индѣйцевъ; этотъ обычай всего лучше сохранился именно на почвѣ Новаго Свѣта. Онъ состоитъ или въ томъ, что приносящій жертву отдаетъ собственную кровь, или-же подвергаетъ себя воздержанію, посту. Въ послѣднемъ случаѣ, отказывающійся отъ плодовъ земли предоставляетъ ихъ божеству.

Такимъ образомъ, чтобы пріобрѣсти въ собственность ребенка и спасти ему жизнь, мужчина приносилъ жертву въ такомъ видѣ, что, на долгое время отказываясь отъ добыванія и, по возможности, потребленія земныхъ плодовъ, онъ «праздновалъ» и «постился» или приносилъ въ жертву кровь изъ собственной раны. Этому древнему религіозному дѣйствію многіе

наблюдатели придавали произвольное или невѣрное толкованіе, несмотря на то, что описаніе такого обряда, при аналогичныхъ условіяхъ и для тождественной цѣли, во всей его простотѣ, находится уже въ историческихъ книгахъ Библіи. У царя Давида заболѣлъ одинъ изъ его сыновей, или, выражаясь языкомъ того времени, казалось, будто Богъ хочетъ взять жизнь у его сына. Что же сдѣлалъ Давидъ? «И молился Давидъ Богу о младенцѣ, и постился Давидъ и, уединившись, провелъ ночь, лежа на землѣ». (2-я книга Царствъ, XII, 16).

Различіе заключается лишь въ томъ, что мужчина, недавно только пріобрѣвшій власть надъ своимъ домомъ, пока онъ не приносилъ искупительной жертвы, жилъ въ вѣчномъ опасеніи, что богъ хочетъ у него отнять всякое новорожденное, или, по крайней мѣрѣ, перворожденное дитя. Ни одному ученому не приходило, однако, въ голову сравнивать царя Давида съ родильницей на томъ основаніи, что онъ «лежалъ» и постился». Между тѣмъ неразумному «дикарю» бѣлые единодушно считали нужнымъ приписать такую смѣшную несообразность, и, такимъ образомъ, общераспространенный религіозный обычай попалъ въ литературу въ видѣ, такъ называемой, «кувады», обычая, въ силу котораго мужъ послѣ родовъ жены ложился въ постель. Поводомъ для такого ложнаго толкованія послужило то обстоятельство, что у этихъ дѣтей природы женщина не лежитъ въ постели послѣ родовъ. Тѣмъ болѣе страннымъ долженъ былъ казаться противоположный образъ дѣйствій мужчины, что̀ и заставило повѣрить, будто оба пола помѣнялись ролями. Незначительныя «исправленія» факта въ томъ-же направленіи, неизбѣжно сопровождавшія каждую новую передачу разсказа, привели къ самымъ невѣроятнымъ описаніямъ его.

У самихъ дикарей, напротивъ, сохранилось вполнѣ ясное пониманіе смысла указаннаго обычая. Такъ, на вопросъ изслѣдователя, фонъ Марціуса, мундрукусы въ Бразиліи дали совершенно правильный отвѣтъ, что безъ такого образа дѣйствій мужчина не можетъ быть признанъ правоспособнымъ отцомъ ребенка, т. е. владѣльцемъ его по праву. Макузіи въ Британской Гвіанѣ объяснили путешественнику Шомбургку, что они не могутъ отказаться отъ исполненія этого обычая, такъ какъ иначе ребенку угрожала-бы смерть или болѣзнь на всю жизнь. У другихъ племенъ заболѣваніе ребенка тотчасъ-же вызывало у родственниковъ предположеніе, что отецъ не исполнилъ, какъ слѣдуетъ, религіознаго обряда во время «кувады». Поэтому въ такихъ случаяхъ постъ усиливался и распространялся на болѣе дальніе круги родственниковъ.

Такимъ образомъ, послѣ рожденія ребенка, отецъ ложится—если онъ не предпочитаетъ, подобно царю Давиду, жесткую землю—въ висячую койку и постится или же царапаетъ себѣ кожу до крови. У даяковъ, на о. Борнео, онъ можетъ питаться въ это время лишь рисомъ и солью. До окончанія обряда, т. е. пока ребенокъ не будетъ выкупленъ у божества, онъ остается для отца «нечистымъ», т. е. неприкосновеннымъ. Въ Америкѣ этотъ обычай встрѣчается почти на всемъ южномъ материкѣ. У карайбовъ по окончаніи поста устраивается для родственниковъ большой пиръ, во время котораго они заканчиваютъ жертву несчастнаго родителя, царапая его по всему тѣлу зубомъ какого-нибудь животнаго, чтобы пролить кровь. Все это производится, однако, только послѣ рожденія перваго сына

постъ продолжается 40 дней. Хотя и другимъ способомъ, евреи въ Египтѣ также производили выкупъ перваго сына; и у нихъ сохранился обычай совершать «очищеніе» посредствомъ жертвы. Сама искупительная жертва у евреевъ, конечно, была другая, такъ какъ «пролитіе крови», практиковавшееся сосѣдними племенами, у нихъ было воспрещено.

На европейской почвѣ давно исчезли даже и послѣдніе слѣды подобнаго образа дѣйствій. И только относительно того или другого мѣста сохранились намеки, слегка освѣщающіе послѣдніе остатки древняго обычая. Такъ, Діодоръ Сицилійскій замѣтилъ у корсиканцевъ своего времени весьма странный обычай: между тѣмъ, какъ разрѣшившаяся отъ бремени женщина мало берегла себя, мужчина ложился въ постель и держалъ себя, какъ больной. Страбонъ сообщаетъ такой-же фактъ о древнихъ кельтиберахъ въ Испаніи: на него это обстоятельство производитъ такое впечатлѣніе, будто дѣло идетъ о странѣ, гдѣ все «дѣлается наоборотъ». Жена сейчасъ-же послѣ родовъ готова работать въ полѣ, а мужа она укладываетъ въ постель. Наконецъ, послѣдніе остатки этого обычая сохранились и до нашего времени у басковъ, по обѣ стороны Пиренеи. Мужъ ложится у нихъ въ постель, беретъ къ себѣ ребенка и принимаетъ въ такомъ видѣ поздравленія сосѣдей. Нѣтъ ничего удивительнаго, что преданія, сообщающія нѣчто подобное о далекихъ и сказочныхъ людяхъ, въ концѣ концовъ, выросли въ басни о странахъ, въ которыхъ мужчины въ состояніи были исполнять обязанности кормилицъ.

Хотя названный обычай самъ по себѣ постепенно превращался всюду въ едва замѣтныя переживанія, тѣмъ не менѣе, отношеніе его къ культу имѣло большое значеніе, такъ какъ оно придавало религіозную санкцію положенію вещей, созданному насиліемъ. Отнынѣ отецъ не отнималъ ребенка у матери, а пріобрѣталъ его искупительной жертвой отъ божества, которое брало подъ свою защиту новыя отношенія и новой порядокъ вещей.

Подобная-же идея лежитъ въ основѣ обычаевъ другой формы, связанныхъ, впрочемъ, не столько съ первобытнымъ правомъ одного отца, сколько съ составомъ древняго двойного союза. Такой двойственный союзъ, въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ, продолжаетъ существовать и при отцовскомъ правѣ. Охота, скотоводство, хищническія экспедиціи—все это вынуждаетъ мужчинъ вступать въ сообщества, въ которыхъ женщина не можетъ принимать участія. Охотничьи племена образуютъ кратковременные союзы такого рода; у кочевниковъ эта организація принимаетъ форму семьи подъ отцовской властью. Женщины образуютъ отдѣльную группу въ этой организаціи, вслѣдствіе иного образа жизни и иного способа добыванія пропитанія. Этой то болѣе тѣсной группѣ, согласно самой природѣ, непосредственно принадлежитъ дитя и женскаго, и мужскаго пола. Дѣвочка остается въ ней, пока не уведетъ ее мужъ, а мальчикъ долженъ, въ концѣ концовъ, вступить въ союзъ мужчинъ, хотя, по старому воззрѣнію, между нимъ и этой новой для него «семьей» еще не существуетъ родства, т. е. нѣтъ кровной связи.

Между тѣмъ онъ долженъ вступить въ родство съ этой семьей: въ этомъ заключается принятіе его въ союзъ мужчинъ, къ которому онъ не принадлежитъ по рожденію. Онъ долженъ какъ-бы вторично родиться для этого союза, долженъ «переродиться». Но какъ онъ можетъ это сдѣлать? Насъ, цивилизованныхъ людей, людей компромисса, дикарь поражаетъ

прямолинейной послѣдовательностью своей логики. Онъ живетъ въ сферѣ иллюзій, но такой возможности не допускаетъ и во что бы то ни стало превращаетъ свою мысль въ дѣло. Если условіемъ и сущностью родства между различными людьми служитъ, по его мнѣнію, тождество крови, то и всякое искуственное смѣшеніе крови должно создавать родство. Къ осуществленію такого логическаго вывода человѣкъ прибѣгаетъ при заключеніи кровнаго братства, и теперь еще весьма распространеннаго въ восточной Африкѣ, на Мадагаскарѣ и въ другихъ мѣстахъ. Два человѣка вступаютъ въ родство, въ частности становятся братьями, «Fosterbrüder», какъ называли ихъ сѣверные германцы, выпуская свою кровь и смѣшивая ее съ кровью названнаго брата. При вступленіи въ составъ мужской общины необходимо прежде всего вступить въ родство съ общимъ отцомъ всей общины, т. е. съ божествомъ племени. Самый обрядъ становится, вслѣдствіе того, односторонним: только человѣкъ можетъ предложить свою кровь. Божество, принимая ее, вступаетъ при этомъ въ кровное родство со всѣми, имѣющими туже кровь, а при его посредствѣ дѣлается общимъ родственникомъ и вновь поступающій членъ общины. Такимъ путемъ и мужской союзъ вступаетъ подъ защиту естественныхъ узъ, соединявшихъ материнскую семью.

Разнообразію формъ при совершеніи обряда не ставилось этимъ никакихъ границъ. Всего дольше сохранились, когда смыслъ подобнаго акта былъ уже совершенно утерянъ, кожные надрѣзы для извлеченія крови. Впослѣдствіи они служили только знаками принадлежности извѣстному божеству, или, что было тогда тоже самое, извѣстному народу. Такіе знаки можно было налагать, впрочемъ, и иными способами. Другая группа церемоній связана съ понятіемъ о процессѣ вторичнаго рожденія. Такое обозначеніе распространено въ Африкѣ еще и теперь, и настоящій аріецъ въ Индіи гордится тѣмъ, что онъ «дважды-рожденный».

Въ западной Африкѣ жрецъ стремится воплотить этотъ взглядъ въ осязательную форму: онъ будто насильно отнимаетъ у матери вновь вступающаго въ мужскую общину юношу и увлекаетъ его въ лѣсную чащу, чтобы, по выраженію матери, «убить и похоронить» его и потомъ «оживить вновь». И дѣйствительно, подвергая юношей посту, онъ замариваетъ ихъ почти до смерти и затѣмъ только постепенно какъ бы возрождаетъ въ нихъ новый духъ. Точно также, при поступленіи въ христіанскую общину, приходилось нѣкогда окунуться съ головой въ воду, какъ бы похоронить себя, «а возродившійся послѣ крещенія» считался обновленнымъ человѣкомъ и получалъ новое имя.

Въ западной Африкѣ къ описанной церемоніи присоединялось еще кровопусканіе, а остававшіеся послѣ него знаки и надрѣзы служили признаками, по которымъ узнавалась принадлежность къ роду. Мѣсто кровопусканія не имѣло значенія, но, будучи отличительнымъ признакомъ, оно производилось у каждаго племени всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ Африкѣ мѣстомъ для знаковъ служили чаще всего плечи, виски, щеки и лобъ. Еврейское обрѣзаніе имѣетъ связь съ этими обычаями.

У индѣйцевъ надрѣзы производились преимущественно на плечахъ и груди, но ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ измѣнчивыми знаками, служившими для украшенія; и до насъ дошло даже индѣйское сказаніе, будто духъ сосетъ кровь изъ этихъ ранъ, иногда съ такой жадностью, что юноши

умираютъ. Обрѣзаніе, какъ особый видъ даннаго обряда, существуетъ далеко не у однихъ евреевъ: оно часто встрѣчается въ Африкѣ и въ области Тихаго океана и было мѣстнымъ обычаемъ у древнихъ египтянъ.

Постепенно совершались переходы и къ другимъ формамъ, въ особенности тогда, когда одежда стала полнѣе и когда человѣкъ не могъ уже обходиться безъ нея. Во многихъ случаяхъ этотъ обычай замѣняется прокалываніемъ ушей, носа и губъ, причемъ предметъ, вставлявшійся въ рану (палочка или кольцо), при помощи котораго знакъ отъ раны становился замѣтнѣе, пріобрѣталъ главное значеніе. Такъ возникло религіозное значеніе серегъ; о немъ упоминается еще въ Библіи (I. Моисея 35, 4). Относительно Перу мы знаемъ, что сыновьямъ инковъ прокалывались ушныя мочки и вдѣвались серьги именно при вступленіи ихъ въ члены племени. Серьги, которыя носятъ иногда простолюдины, еще и теперь являются знакомъ «обѣта» какому-нибудь святому. Поводомъ къ тому часто служатъ болѣзни, напр., болѣзни глазъ. Итакъ, въ концѣ концовъ остается народное «повѣрье», что прокалываніе ушей полезно для глазъ.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе подчеркивалось значеніе знака, кровавое жертвоприношеніе могло и совсѣмъ исчезнуть. Такъ оно и случилось, какъ только стали связывать знакъ съ одеждой. У воинственныхъ индѣйскихъ племенъ еще часто встрѣчаются настоящіе кожные знаки; нѣкоторыя секты прокалываютъ еще себѣ уши; но браманы надѣваютъ юношамъ только свой браманскій шнуръ и стригутъ имъ волосы. Персидскаго юношу, при поступленіи его въ религіозную общину мужчинъ, опоясываютъ священнымъ поясомъ, «кошти». Такой же обрядъ постриженія и опоясыванія юношей знали и древніе германцы. Когда на поясѣ стали носить мечъ, то главное значеніе пріобрѣло именно это оружіе, подобно тому, напр., какъ съ теченіемъ времени стала привлекать къ себѣ вниманіе не рана въ ухѣ, а продѣтая сквозь нее серьга.

Такой же прогрессъ замѣчается и у древнихъ евреевъ: какъ національный признакъ, они стали носить на платьѣ извѣстныя кисточки.

Даже Грецiя, такъ охотно отбрасывавшая всѣ суровыя древнія формы, въ консервативной Спартѣ сохранила съ поразительной точностью старинную форму обряда этой кровавой жертвы: при поступленіи въ мужскую общину, юношей бичевали до крови, причемъ жрица держала надъ ними изображеніе божества. Подобные обычаи не исчезаютъ сразу, когда утрачивается ихъ смыслъ. Напротивъ, новыя толкованія скорѣе вселяютъ въ нихъ новый духъ. Развѣ нельзя, напр., объяснить самымъ поэтическимъ образомъ, почему юноша, желающій быть мужчиной, долженъ выдержать боль бичеванія? Такой отживший и вновь одухотворенный обычай называется символомъ. Историческій и символическій смыслъ одного и того же дѣйствія—совершенно различныя вещи, и отъ второго лишь рѣдко можно дѣлать заключенія относительно перваго.

Воспоминанія въ миѳахъ и сказаніяхъ.

Если религіозный культъ всюду связанъ съ жизненными потребностями, то и въ родственныхъ ему религіозныхъ представленіяхъ людей отражается также прежняя картина ихъ жизненныхъ условій. Миѳы и сказанія сохра-

няютъ и передаютъ ее изъ одного вѣка въ другой, когда оригиналъ ея давнымъ-давно уже пересталъ существовать. Такъ, миѳы почти всѣхъ народовъ сохраняютъ воспоминаніе о фактѣ, что новому правовому порядку и новой общественной организаціи предшествовали родословная по матери и материнское право. Повсюду мы видимъ изображеніе праматери, какъ одного изъ древнѣйшихъ божествъ, и нерѣдко миѳы разсказываютъ о борьбѣ ея съ богами позднѣйшаго времени, которые свергаютъ ее съ престола или вступаютъ съ нею въ миролюбивыя отношенія.

Точно также саги вспоминаютъ время, когда, противоположно послѣдующему, дѣйствовали въ мірѣ могучія женщины и основывали большія общины; эпохѣ героевъ предшествуетъ эпоха героинь, или тѣ и другія живутъ одновременно, въ постоянной борьбѣ между собою. Блестящими представительницами такихъ героинь служатъ Семирамида и Дидона; жрецамъ-судьямъ у евреевъ предшествуетъ жрица Дебора. Въ особенности богаты именами великихъ героинь греческія сказанія, и въ началѣ всей греческой поэзіи стоитъ произведеніе, прославляющее ихъ. Героини живутъ и въ Ливіи и повелѣваютъ герою Язону чтить прежде всего мать. Геркулесъ, врагъ женщинъ, борется съ женскимъ правомъ и хочетъ освободить отъ его господства весь міръ. Онъ устраиваетъ въ честь Зевса, мужскаго бога, великія празднества въ Олимпіи и запрещаетъ женщинѣ находиться вблизи святилища; она не должна переступать чрезъ Алфей. Нѣкогда, когда Аѳина и Посейдонъ боролись за господство,—разсказываетъ другой миѳъ,—женщины еще пользовались въ Аѳинахъ правомъ голоса. Но Посейдонъ добился того, что у нихъ отняли это право, и впредь дѣти не должны были называться по имени матери. Въ трагическомъ миѳѣ объ Орестѣ греческій поэтъ изобразилъ борьбу стараго воззрѣнія съ новымъ. Молодой богъ Аполлонъ велѣлъ сыну мстить и за кровь отца и одержалъ, такимъ образомъ, побѣду надъ односторонними притязаніями материнскаго права. Богини мщенія высказываютъ по этому поводу слѣдующую жалобу.

„Попралъ ты насъ совсѣмъ, юный изъ боговъ!“
Однако, свершилось!
„Вы, боги младые, законы древнѣйшіе попрали,
Вырвали ихъ изъ рукъ моихъ“. (Орестейя, въ пер. Н. Котелова, стр. 297 и 301).

Прекраснѣйшимъ памятникомъ этой дѣйствительно величественной борьбы между старой и новой организаціями служитъ греческое преданіе объ амазонкахъ. Какъ ни измѣнилось оно отъ преобразующаго вліянія слова и рѣзца, ядро его распознать не трудно. Если отбросить чудесныя приключенія разсказа, то остается довольно вѣрное повѣствованіе объ устройствѣ организацій, въ которыхъ женщина была всѣмъ, а мужчина—ничѣмъ, о борьбѣ мужчинъ противъ этихъ организацій и объ окончательной побѣдѣ мужчинъ. Но такая борьба велась вездѣ, гдѣ водворилось отцовское право. Поэтому преданіе объ амазонкахъ и ихъ борьбѣ распространено было въ древности повсемѣстно и вылилось, наконецъ, въ поэтическое сказаніе о великомъ походѣ амазонокъ, которое привело въ связь всѣ мѣста, увѣковѣченныя воспоминаніемъ объ амазонкахъ.

Какъ уже было указано, и въ Аѳинахъ обѣ организаціи противополагались одна другой. На прежнемъ холмѣ Арея стояли лагеремъ «амазонки»,

а съ высоты крѣпости Акрополя сражался Тезей, герой новаго порядка вещей. Тезей побѣдилъ, и съ этимъ достопамятнымъ успѣхомъ связывалось въ древности начало исторіи Аѳинъ. Различныя искусства соперничали между собой, желая передать потомству это великое дѣяніе, которое, однако, вскорѣ перестало быть понятнымъ.

Но и Мегара, Трезенъ и Тиррихій также имѣютъ свои памятники амазонокъ. И здѣсь тотъ же врагъ болѣе молодой организаціи, разбитый и уничтоженный въ одномъ мѣстѣ, всплываетъ гдѣ-нибудь въ другомъ, такъ какъ всюду совершалось нѣчто подобное. Вполнѣ сообразно природѣ, остроумное сказаніе объ амазонкахъ описываетъ расколъ, наступившій среди самихъ амазонокъ. Антіопу любовь приводитъ во вражескій станъ, и она сражается рядомъ съ Тезеемъ противъ своихъ сестеръ. Она же является посредницей въ заключеніи перемирія между воюющими сторонами и своею заботою спасаетъ тѣхъ, которыхъ предала изъ-за любви.

Такая же борьба естественно разыгрывается повсюду, гдѣ новыя культурныя формы приходятъ въ соприкосновеніе и столкновеніе со старыми. Этимъ объясняется, почему всякая эпоха относитъ дѣйствія снова и снова появляющихся амазонокъ къ пограничной съ ними культурной области. Исчезнувъ въ Греціи, онѣ снова оказываются въ болѣе дальнихъ странахъ, въ которыхъ греки основывали свои колоніи, именно въ Малой Азіи, гдѣ еще дѣйствительно сохранились живучіе остатки древняго материнскаго права. Въ Милетѣ, во времена географа Павзанія, будто-бы еще жили, подъ защитой храма Артемиды, женщины изъ рода амазонокъ. Вообще карійскія женщины въ Греціи еще долго сохраняли обычаи и нравы болѣе древнихъ временъ. Впослѣдствіи первоначальное мѣстообитаніе амазонокъ искали близъ Понта и думали, что нашли ихъ организацію у скиѳскихъ народовъ въ нынѣшней южной Россіи. Точно миражъ, одна и та же картина вновь и вновь показывалась и снова расплывалась на горизонтѣ культуры по мѣрѣ того, какъ послѣдняя сама приближалась къ ней.

Тациту были извѣстны народы, жившіе подъ господствомъ женщинъ, къ востоку отъ германцевъ. Въ средніе вѣка скандинавы опять нашли въ нынѣшней Россіи «страну Квенъ» или «страну женщинъ», защитою которой служили не организованныя войска, а негостепріимная природа и женскія чары.

Позднѣйшія формы заключенія брака.

Итакъ, миръ или, наконецъ, перемиріе заключено, и, несмотря на всѣ протесты, въ основу его положено фактическое владѣніе. Въ періодѣ этого соглашенія возникаютъ новыя формы заключенія брака. Похищеніе почти повсюду замѣняется покупкой. Но такая перемѣна формы не касается сущности тогдашняго семейнаго права; она слѣдуетъ только за перемѣной въ способахъ добыванія пропитанія. То же самое относится и къ употребительнымъ въ то время объектамъ обмѣна. Чтобы отмѣтить совершившійся въ эти вѣка прогрессъ, нужно сказать, что дѣло дошло до того, что на покупную плату постепенно стали смотрѣть, какъ на подарокъ жениха. Но и до сихъ поръ еще не всѣ народы считаютъ нужнымъ прикрывать

этотъ торгъ такимъ обманчивымъ покровомъ. Восточно-азіатская культура все еще отвергаетъ подобную необходимость, и пріисканіе невѣсты всецѣло составляетъ дѣло родителей жениха. Въ Китаѣ, напр., женихъ остается въ пріятномъ возбужденіи и въ невѣдѣніи относительно внѣшняго облика своего «счастья» вплоть до момента брачнаго союза. Въ древней Греціи точно также вмѣсто сына на смотрины невѣсты отправлялся отецъ.

Другіе народы, какъ, напр., южно-африканскія племена, напротивъ, даже и на довольно низкой ступени культуры не признаютъ болѣе купли, а стараются находить себѣ женъ посредствомъ «подарковъ». Такой прогрессъ, несомнѣнно, связанъ съ существующимъ въ дѣйствительности положеніемъ женщины. О датскомъ королѣ Фротонѣ разсказываютъ, что суровый бракъ посредствомъ купли казался ему нравственно болѣе прогрессивнымъ, чѣмъ легкомысленные любовные союзы, существовавшіе у сосѣднихъ племенъ. Фротонъ былъ правъ, такъ какъ любовные браки не были направлены къ какой-либо соціальной цѣли. Но такъ-же несомнѣнно и то, что исчезновеніе брака посредствомъ покупки также составляетъ прогрессъ нравовъ, улучшающій въ особенности положеніе женщины. Нѣтъ, однако, основанія вносить поправки въ исторію, будто она нѣкоторымъ привилегированнымъ племенамъ дала возможность перешагнуть чрезъ естественныя ступени культурнаго развитія. Во время общаго господства заключенія браковъ посредствомъ купли, отдѣльные случаи брака въ видѣ безплатной отдачи невѣсты, дѣйствительно, встрѣчаются довольно часто, но они нисколько не указываютъ на улучшеніе положенія женщины и едва-ли являются болѣе достойной формой. Такъ, напр., упомянутый датскій король, послѣ побѣды надъ мужемъ своей сестры, Ульвильды, отдалъ ее одному изъ своихъ друзей въ видѣ добычи. Инки дарили дѣвушекъ своимъ сановникамъ. Въ случаѣ крайней нужды, фризы выплачивали римлянамъ дань своими женщинами.

Въ Африкѣ и у бедуиновъ южной Аравіи до сихъ поръ еще господствуетъ открытая торговля женщинами, причемъ и торгуются, и обманываютъ, какъ и въ продажѣ всякаго другого товара. Въ Суданѣ обыкновенной платежной монетой бываетъ нѣсколько штукъ быковъ, а кафръ даетъ за невѣсту отъ шести до тридцати быковъ. Во время героическаго періода въ Греціи цѣна женщины также опредѣляется по числу быковъ, но у у грековъ послѣдніе имѣли бо́льшую цѣнность. Гомеръ оцѣниваетъ въ одномъ мѣстѣ искусную въ работѣ женщину только въ четыре рабочихъ вола. Въ его время еще считалось счастьемъ быть обладателемъ дочерей, такъ какъ онѣ приводили быковъ въ домъ. «Одиссея», описывающая позднѣйшее время, является уже болѣе прогрессивной: въ ней покупная цѣна женщины разсматривается только, какъ «подарокъ». Но жизненная практика все еще возвращается къ старымъ понятіямъ, и перемѣна къ лучшему скорѣе замѣчается въ одномъ лишь названіи. Когда Гефестъ убѣдился въ невѣрности своей супруги, Афродиты, онъ требуетъ назадъ отъ ея отца «подарки невѣстѣ», какъ требуютъ обратно своихъ денегъ за фальшивый товаръ. Древніе индусы, за исключеніемъ брамановъ, также покупали себѣ женъ въ обмѣнъ за коровъ, а нѣмецкія «народныя правды» (Volksrechte) открыто говорятъ о «покупной цѣнѣ» женщинъ. Такъ же открыто говорится и въ библейскихъ текстахъ о «покупкѣ жены» и о «покупной цѣнѣ дѣвушки».

Цѣна эта можетъ, впрочемъ, состоять и въ оказаніи нѣкоторыхъ услугъ — не рыцарскаго служенія дѣвушкѣ, конечно, а въ услугъ родителямъ, которымъ она принадлежитъ. Такъ, женихъ у индѣйцевъ-сіусовъ обыкновенно служилъ своему будущему тестю въ теченіе года. Такимъ же способомъ, какъ извѣстно, пріобрѣлъ себѣ двухъ женъ одинъ изъ еврейскихъ патріарховъ, а царь Давидъ заплатилъ своему тестю, Саулу, за его дочь полевой работой.

Наконецъ, покупной цѣной женщины можетъ явиться и сама женщина: можно обмѣнять одну женщину на другую, если только уже перестали существовать материнское право и, вмѣстѣ съ нимъ, принципъ родственныхъ браковъ. Бѣдный австраліецъ у нѣкоторыхъ племенъ ничего не можетъ предложить за невѣсту, кромѣ дѣвушки своего племени. Онъ женится, такимъ образомъ, на чужой дѣвушкѣ и дастъ за нее въ обмѣнъ свою сестру или вообще какую-нибудь подвластную ему родственницу.

Изъ такихъ отношеній могли развиться формы заключенія брака, которыя всего скорѣе могли вытѣснить покупку женъ, и возможно, что нѣкоторыя историческія установленія возникли именно такимъ путемъ. Мы хотимъ указать этотъ путь читателю, по крайней мѣрѣ, какъ возможный. Не всегда женщина, назначенная въ уплату за невѣсту, находилась въ возрастѣ, пригодномъ для вступленія въ бракъ; не всегда и отецъ-собственникъ дѣвушки склоненъ былъ взять себѣ въ обмѣнъ другую невѣсту. Надо предположить, что тогда женихъ предоставлялъ свою «плату» въ распоряженіе всего рода, чтобы отданная имъ дѣвушка могла вступить въ бракъ съ кѣмъ-нибудь другимъ, кто этого пожелаетъ. Съ этою цѣлью она могла до наступленія такого момента оставаться въ домѣ своихъ родителей, и двѣ большія семьи могли вообще вступать въ соглашеніе, чтобы не продавать своихъ дочерей, а взаимно обмѣниваться ими. На такомъ соглашеніи покоится, быть можетъ, бракъ индійскихъ брамановъ, не признававшихъ браковъ посредствомъ купли. Такой же смыслъ, быть можетъ, имѣлъ и «connubium» римскихъ патриціевъ, вслѣдствіе чего употребительная у нихъ форма заключенія брака, дѣйствительно, была противоположна куплѣ, къ которой прибѣгали плебеи.

Поэтому, при заключеніи патриціанскаго брака, подчеркивалось соединеніе для общей заботы о пропитаніи и общность стола, какъ это говорилось въ многократно упоминавшейся нами «confarreatio». Это ставило римскую женщину выше греческой. Такая форма встрѣчается, впрочемъ, не въ одномъ Римѣ. Упоминаніе объ общемъ столѣ, какъ вступительномъ актѣ при заключеніи брака, напротивъ, неоднократно встрѣчается и въ связи съ болѣе старыми формами. Бразильскіе индѣйцы, позаимствовавшіе у цивилизаціи употребленіе водки, заключали бракъ за общей попойкой. У другихъ племенъ женихъ ѣстъ одинъ подаваемыя ему невѣстой кушанья. У сербовъ новобрачные трижды пьютъ красное вино изъ одного и того же стакана. Китайскіе супруги также ознаменовываютъ начало своего союза общей ѣдой и питьемъ. Но они пьютъ не изъ одного стакана, а обмѣниваются стаканами, связанными красной ниткой.

Другая форма заключенія брака, остатки которой мы находимъ преимущественно у германцевъ и славянъ, также выражаетъ собою лишь переходъ невѣсты въ собственность мужа или господина. При этомъ истиннымъ

господиномъ и владѣльцемъ оказывается, какъ и въ другихъ случаяхъ, домашнее божество. Ему то и передается въ собственность вступившая въ домъ невѣста.

Предки германцевъ имѣли, какъ и всѣ другіе народы, изображенія домашнихъ божествъ, которыя они считали главнымъ мѣстопребываніемъ этихъ духовъ. Намъ извѣстны лишь весьма немногіе виды этихъ боговъ, такъ какъ большинство ихъ устранено церковью. Къ нимъ принадлежитъ, напр., шестъ, называемый «Stete», въ вендскихъ деревняхъ Альтмарка и, какъ проявленіе болѣе подвинувшагося искусства, Роландовы колонны на базарныхъ площадяхъ старинныхъ городовъ. Въ тѣхъ и другихъ жило божество общины, представлявшей одну семью. Поэтому невѣсту всегда водили въ вендскихъ деревняхъ передъ «Stete», въ городахъ—передъ «Роландомъ», передавая ее тѣмъ самымъ въ собственность божеству семьи, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова. Когда смыслъ этого обычая былъ утраченъ, осталась только свадебная церемонія, въ видѣ «танца вокругъ Роланда».

Въ каждомъ отдѣльномъ домѣ мѣстопребываніемъ божества служилъ очагъ, который и назывался, вслѣдствіе того, «Hel», а само божество называлось «Hellja». И здѣсь также невѣста передавалась въ собственность дому, т. е. вѣчному представителю его, причемъ ее торжественно «водили вокругъ Hel'я». Выраженіе это сохранилось еще и теперь въ Вестфаліи, но самое вѣрованіе и замаскированные остатки обычая распространены въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ. Они встрѣчаются и въ Китаѣ. На печи стоитъ фарфоровое изображеніе божества дома. Женихъ и невѣста подходятъ къ нему, и невѣста, стоя на колѣняхъ, передаетъ ему связку палокъ, въ знакъ своей покорности. У евреевъ совершалось то же самое, по крайней мѣрѣ, когда они принимали въ домъ служанку въ вѣчное владѣніе. Они водили ее «передъ богами», передъ дверными косяками снаружи дома, и тамъ дѣлали ей, упомянутымъ уже способомъ, кровавый знакъ на ушахъ.

Смыслъ этого обычай исчезъ у насъ тѣмъ болѣе быстро, что и устройство очага совершенно измѣнилось, и та или другая часть его стала считаться существенной. У вестфальскихъ крестьянъ такую роль игралъ котельный крюкъ, съ помощью котораго и стала совершаться церемонія «Helleiten» («хожденіе вокругъ Геля»). Въ Богеміи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, еще водятъ невѣсту передъ печью, у южныхъ славянъ повсюду передъ открытымъ очагомъ, или же невѣста должна дотронуться до какого-нибудь гвоздя въ дымовой трубѣ.

Но очагъ прежде находился не на женской половинѣ, или не въ жилищахъ, занимаемыхъ отдѣльными семьями, а только въ хозяйскомъ домѣ, гдѣ жила семья отца. Но въ христіанскія времена у общинъ образовался новый господскій домъ—церковь, и религіозный очагъ для всѣхъ—алтарь. На это новое мѣсто и перенесена была церемонія: невѣсту вели «къ алтарю».

Полигамія.

Форма новой семьи, при отцовскомъ правѣ, не была обязательно полигамической, но она не налагаетъ еще на мужчину никакихъ ограниченій. Соціально-нравственныя требованія прежде всего предъявляются жен-

щинѣ и только черезъ ея посредство, когда она достигаетъ надлежащей высоты и свободы, въ гораздо болѣе позднее время—и мужчинѣ. Но прежде женщина должна была снова добиться того, чтобы хоть отчасти раздѣлять господство мужчины. Пока еще немногіе народы достигли такого положенія: у большинства изъ нихъ еще господствуетъ полигамія, или, по крайней мѣрѣ, допускается въ настоящее время, а существующія въ этомъ отношеніи законодательныя ограниченія носятъ не столько нравственный, сколько соціальный характеръ. За эту грань не переступали даже и самые выдающіеся по своей культурѣ древніе народы. Даже въ средніе вѣка борьба была еще въ полномъ разгарѣ, несмотря на союзника, котораго нашла моногамія въ христіанствѣ. Въ настоящее время, для болѣе или менѣе обширнаго круга, вопросъ юридически, быть можетъ, рѣшенъ, но на практикѣ борьба все еще продолжается.

Подобно другимъ, и этотъ институтъ, во всѣхъ фазахъ своего развитія, покоится на всеобщемъ двигателѣ—заботѣ о пропитаніи: законы его устанавливаются существующими въ данное время способами добыванія пищи.

Полигамія не всегда была зломъ для женщины. На извѣстной ступени общественнаго развитія женщина также поощряла ее, какъ и мужчина. Естественная причина того заключалась въ упомянутомъ выше безпомощномъ состояніи при вскармливаніи дѣтей на низшей ступени добыванія пищи. Связанный съ кормленіемъ продолжительный перерывъ брака могъ бы повести къ полному разрыву его, если бы прочному укрѣпленію дома не содѣйствовали товарки. Мы не должны судить о полигаміи по праздным наложницамъ гарема. Въ суровой борьбѣ за существованіе вырабатываются другія явленія. Ненависть и раздоры вовсе не составляютъ необходимой принадлежности полигамическихъ браковъ. Въ виду заботы о дѣтяхъ, ревность далеко не всегда проявляется въ семьѣ. Путешественникъ Мустерсъ прославляетъ трехъ женъ одного араукапскаго начальника за ту безпристрастную любовь, съ которой каждая изъ нихъ заботилась о дѣтяхъ другихъ. Жены зулусовъ извѣстны своимъ прилежаніемъ и трудолюбіемъ, но всего больше прилежанія обнаруживаетъ жена бѣднаго человѣка, когда ей нужно скопить средства, чтобы... купить мужу вторую жену! Мысль о ревности совершенно отсутствуетъ у такой женщины, видѣвшей тяжелыя испытанія въ жизни, а такимъ поступкомъ она пріобрѣтаетъ много преимуществъ для себя самой. Она облегчаетъ себѣ работу, пріобрѣтаетъ руководящее положеніе въ домѣ, становится «госпожей» наряду съ господиномъ и приноситъ дому богатство и почетъ. И тому, и другому не мало способствуетъ большое число дѣтей. Поэтому побудительной причиной для пріобрѣтенія второй жены служитъ бездѣтность первой.

Библія неоднократно приводитъ подобныя черты древне-патріархальной жизни. Рахиль даетъ своему мужу служанку Биллу, Лія даритъ своему Іакову Зельфу. Такіе поступки, вѣроятно, вмѣнялись въ то время въ большую заслугу, такъ какъ Лія ждетъ себѣ за это награды отъ Бога и надѣется, что она и сама тогда съумѣетъ подарить своему мужу ребенка. Иногда бываютъ, впрочемъ, и послѣдствія другого рода. Сарра, подарившая своему мужу Агарь, не дождалась отъ нея радости и должна была, напротивъ, опасаться, что та вытѣснитъ ее и сама займетъ первенствующее положеніе.

Не трудно замѣтить, что даже и такой видъ полигаміи былъ средствомъ для возвышенія положенія женщины,—но само собой разумѣется, что повышеніе одной чашки вѣсовъ должно было сопровождаться опущеніемъ другой. За освобожденіе и болѣе или менѣе равноправное положеніе одной господствующей женщины прогрессъ исторіи культуры расплачивался безусловнымъ порабощеніемъ всѣхъ другихъ. Вначалѣ всѣ женщины одинаково и открыто служили объектомъ собственности; не было никакого различія между супругами, женами и служанками или рабынями. Но благодаря именно многочисленности женъ, благодаря ихъ соединенной рабочей силѣ, женскій промыселъ—въ большинствѣ случаевъ какая-нибудь форма земледѣлія—снова пріобрѣтаетъ значеніе на-ряду со скотоводствомъ, угрожавшимъ ему полнымъ уничтоженіемъ. Этимъ вообще поднимается значеніе женщины. Но общая женская работа въ этой области опять требуетъ организаціи и руководства, которое можетъ принадлежать только одной изъ женъ. Обыкновенно такое положеніе успѣваетъ занять и удержать за собой первая жена, всего вѣрнѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда она сама способствуетъ пріобрѣтенію другихъ женъ. Онѣ являются тогда, какъ объ этомъ говорится и въ Библіи, какъ-бы ея рабынями, которыхъ она даетъ, въ видѣ подарка, мужу. Внѣ сферы ихъ отношеній къ мужу, она господствуетъ надъ ними.

Такимъ образомъ, естественно образуются два разряда женъ, хотя всѣ онѣ равно подчинены мужу по праву владѣнія. Не мечты, не обожаніе—одинъ только трудъ освободилъ женщину! Онъ былъ и мучителемъ, и ангеломъ-хранителемъ ея,—ему одному она должна воздвигнуть благодарственный алтарь! Путемъ организаціи труда, одна изъ женъ выступила въ качествѣ «госпожи», на-ряду съ мужемъ, какъ «жена», надъ служанками, и украсила свое положеніе всевозможными традиціями старыхъ временъ. Снова воскресла прежняя женщина-повелительница, хотя и въ болѣе узкой сферѣ.

Въ магометанскихъ государствахъ полигамія приняла жесткій характеръ, связанный съ промысломъ бедуиновъ, но и здѣсь первая жена занимаетъ особое положеніе даже въ томъ случаѣ, если она потеряла супружескую любовь мужа. Она остается госпожей и представительницей дома.

Нахтигаль съ удивленіемъ разсказываетъ, какъ самые буйные разбойники изъ племени Ауладъ Солиманъ, наполнявшіе дороги въ Сахарѣ убійствами, не умѣли подчасъ освободиться у себя дома отъ далеко не легкаго ига своихъ первыхъ женъ.

Но чѣмъ важнѣе становятся для мужчины домашнее хозяйство и промыселъ женщины, тѣмъ благопріятнѣе положеніе такой «госпожи», и взглядъ народа можетъ привести къ тому, что собственно только «первая» жена есть «настоящая», а остальныя — только служанки или наложницы. Здѣсь открывается уже путь, ведущій къ моногаміи. Благопріятнымъ обстоятельствомъ въ этомъ случаѣ можетъ явиться также и договоръ «connubium», заключаемый отдѣльными семьями, какъ это было, напр., въ древнемъ Римѣ. Тогда законной или настоящей хозяйкой въ домѣ можетъ быть только жена, взятая изъ болѣе узкаго круга равнорожденныхъ, а всѣмъ остальнымъ женамъ, пріобрѣтеннымъ другимъ способомъ, уже тѣмъ самымъ присвоивается низшее положеніе. Точно также только

первая жена, равная мужу по рожденію, дастъ ему законныхъ сыновей—liberi, свободныхъ. Всѣ остальныя производятъ для него на свѣтъ только слугъ и служанокъ. Такимъ образомъ, раздѣленіе проходитъ черезъ весь домъ, пріобрѣтая, какъ мы укажемъ, величайшее культурно-историческое значеніе.

Другимъ путемъ, который привелъ людей къ моногаміи, была бѣдность. Она явилась защитницей моногаміи, какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у цѣлыхъ народовъ. То, что создалось необходимостью и было признано въ силу своей полезности, впослѣдствіи, освященное обычаемъ, становится закономъ. Такъ, Тацитъ прославляетъ германскихъ предковъ за предпочтеніе, которое они отдавали моногаміи, но исключаетъ при этомъ знатныхъ и богатыхъ, у которыхъ ея не было. Даже государи христіанскаго образа мыслей, какъ Карлъ Великій, отказывались подавать въ этомъ случаѣ надлежащій примѣръ. Точно также индійскій законъ Ману, устанавливая наибольшее число женъ для каждой касты, возводилъ въ законъ существующій фактъ: бѣднѣйшіе осуждены были на моногамію. Древне-еврейскій законъ не зналъ въ этомъ отношеніи ограниченій, но дѣйствительность привела къ нимъ, какъ только въ Палестинѣ исчезли благословенныя времена, обильныя млекомъ и медомъ. Лишь христіанство включило моногамію въ систему своего нравственнаго ученія. Соотвѣтственно тому, оно прежде всего было религіей бѣдныхъ: возводя ихъ нищету въ добродѣтель, оно служило для нихъ утѣшеніемъ.

Родовая и отдѣльная семьи.

Мы не должны упускать изъ виду, что описанная нами форма семьи покоилась на правѣ владѣнія, которое мужчина пріобрѣлъ надъ женой и ея дѣтьми, а также — какимъ бы то ни было способомъ — и надъ нѣкоторыми другими лицами. Какъ ни близка эта форма семьи къ нашей, она далеко не тождественна съ ней. Наше понятіе о семьѣ заключаетъ родство всѣхъ членовъ ея, а та семья основана на господствѣ, и понятія «отецъ» и «сынъ» имѣютъ въ ней существенно иной смыслъ. Смыслъ этотъ точнѣе передается словомъ «патріархъ», отецъ-господинъ, и мы можемъ назвать такую форму семьи патріархальной. Въ отношеніи къ нашей ее можно называть и древней семьей (Altfamilie), а какъ противоположную нашей отдѣльной семьѣ (Sonderfamilie)—родовой или сложной семьей. «Родъ» и «кланъ» означаютъ то-же самое.

Родъ обнимаетъ женъ и служанокъ съ «чадами и домочадцами», двоюродныхъ братьевъ, внуковъ, правнуковъ, слугъ—сколько бы ихъ ни было подъ владычествомъ отца-главы, независимо отъ того, многіе или немногіе изъ нихъ находятся съ нимъ въ кровномъ родствѣ. Подобныя семьи Библія указываетъ еще у евреевъ, когда говоритъ о тысячахъ «сыновей» одной семьи, возвратившихся изъ изгнанія. Всѣ они находятся подъ властью одного «отца», въ древнемъ смыслѣ этого слова, и, не будучи съ нимъ въ кровномъ родствѣ, всѣ считаются его «сыновьями»; въ нашемъ современномъ языкѣ нѣтъ словъ для выраженія каждаго изъ различныхъ понятій того времени. Такого рода семьи составляютъ и союзы бедуиновъ, гоняющихся въ степи за добычей подъ начальствомъ одного главы. Они могутъ

вполнѣ сознавать, что, чуждые другъ другу, они подчиняются общему вождю, вынужденные къ тому обстоятельствами, или-же добровольно, ради выгоды,—тѣмъ не менѣе, или даже потому именно, всѣ они—его «сыновья», въ древнемъ смыслѣ слова.

Болѣе близкую къ намъ картину подобной древней семьи представляетъ, хотя и въ меньшемъ масштабѣ, южно-славянская «задруга» или «семейная община». Только нужда можетъ заставить выйти изъ такой семьи, но, по мѣрѣ надобности, и чужіе могутъ быть приняты въ нее. Во времена бедуинства въ такихъ случаяхъ прибѣгали, конечно, къ насилію, увеличивая, такимъ образомъ, количество необходимыхъ рабочихъ силъ. Такая семья и теперь еще можетъ достигать до 20—60 душъ и состоять одновременно изъ нѣсколькихъ супружескихъ паръ, братьевъ, сестеръ, родителей, дѣдовъ, бабокъ и холостыхъ парней и дѣвушекъ. Но у всѣхъ у нихъ одинъ «отецъ»—не въ нашемъ смыслѣ слова, а въ патріархальномъ. Въ отцы можетъ быть избранъ и болѣе молодой человѣкъ за его способности, или какъ старшій изъ всѣхъ, послѣ смерти предшественника, или же, наконецъ, какъ сынъ или ближайшій помощникъ его. Но какимъ-бы путемъ онъ ни достигъ своего положенія, онъ является «отцомъ» даже для тѣхъ, которые старше его, быть можетъ, даже своего отца или матери, въ нашемъ смыслѣ слова.

Такой отецъ распредѣляетъ работу между всѣми, опредѣляетъ въ ней участіе каждаго, собираетъ плоды общаго труда и снабжаетъ всѣхъ пищей изъ общей домашней кухни. У всѣхъ одинъ домъ и одна общая комната. Здѣсь готовятъ и ѣдятъ, здѣсь-же происходятъ совѣщанія и бесѣды, празднества и игры. Но спальней эта общая комната, настоящій главный домъ, служитъ отцу, его собственной женѣ и дѣтямъ, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова. Для остальныхъ супружскихъ паръ, принадлежащихъ къ семьѣ, устроены отдѣльныя спальни или въ видѣ особыхъ хижинъ, безпорядочно расположенныхъ вокругъ главнаго материнскаго дома, или въ видѣ каморокъ, примыкающихъ къ нему. Число ихъ увеличивается каждый разъ, какъ въ семью вводится невѣста. Но въ суровую зиму главный домъ открытъ для всѣхъ безъ исключенія, служа всѣмъ пристанищемъ и мѣстомъ для ночлега.

Подобная семья можетъ обнимать много отдѣльныхъ семей, основанныхъ на позднѣйшемъ понятіи кровнаго родства отца съ его дѣтьми. Поводы для разложенія такой семьи на отдѣльныя семьи могутъ быть весьма разнообразны, какъ и обстоятельства самого разложенія, имѣющія величайшее культурно-историческое значеніе. Мы разсмотримъ нѣкоторыя изъ нихъ съ ихъ послѣдствіями.

Изъ исторіи собственности.

Понятіе о собственности такъ-же мало врождено человѣку, какъ мало самое установленіе ея присуще всѣмъ эпохамъ и странамъ. Даже болѣе того: можно съ увѣренностью сказать, что накопленіе собственности противорѣчитъ наклонностямъ первобытнаго человѣка. Учрежденіе собственности наталкивается на такое обиліе препятствій, что оно можетъ, наконецъ, окончательно укрѣпиться лишь послѣ суровой борьбы съ наиболѣе могущественными изъ нихъ.

Особенности характера каждаго народа часто выражаются во врожденных симпатіяхъ и антипатіяхъ, являющихся, какъ результатъ воздѣйствія на него прежнихъ условій и понятій. Дѣйствительно, унаслѣдованныя привычки и воззрѣнія народа никакимъ образомъ не могутъ измѣняться такъ быстро, какъ могутъ измѣняться законы. Изъ столкновенія склонностей народа съ существующими учрежденіями часто можно, поэтому, съ увѣренностью судить о прежнихъ условіяхъ его жизни. Мы выберемъ изъ среды народныхъ привычекъ и вѣрованій нѣкоторые «остатки», объясненіе которыхъ заключается лишь въ томъ, что наши понятія о собственности отнюдь не были достояніемъ всѣхъ временъ.

Именно то, что должно было казаться первобытному человѣку наиболѣе цѣннымъ, а именно пища далеко не разомъ превратилась въ предметъ владѣнія, такъ какъ безпечный человѣкъ того времени потреблялъ ее, но не сохранялъ для пользованія въ будущемъ. Пока человѣкъ жилъ въ такихъ поясахъ земли, гдѣ сама природа доставляла ему достаточное количество пищи, до тѣхъ поръ этотъ предметъ врядъ-ли непосредственно могъ способствовать развитію понятія собственности. И дѣйствительно, народы, занимающіеся исключительно только добываніемъ пропитанія, вообще не придаютъ собственности никакого значенія. Такъ, Фритчъ, какъ характерную черту бушмена, приводитъ, что онъ «равнодушенъ къ собственности». Въ этомъ заключается причина его некультурности. Правовыя отношенія и присущія намъ нравственныя понятія не могутъ развиться при отсутствіи понятія о собственности и равнодушіи къ ней. Бушменъ ненавидитъ скотоводство, основанное на собственности и охранѣ ея, но онъ любитъ мясо и извѣстенъ своими кражами скота. Такого рода промыселъ пріучаетъ его къ насилію, а насиліе поддерживаетъ и даже усиливаетъ его природную грубость; вслѣдствіе того онъ остается варваромъ.

Аналогичныя явленія мы уже описали, по другому поводу, у индѣйскихъ племенъ. Они презираютъ запасливость бѣлыхъ, какъ грязное скряжничество, и видятъ свое достоинство въ противоположномъ образѣ дѣйствій. Необезпеченность ихъ существованія не располагаетъ ихъ къ заботамъ о собственности, а отсутствіе послѣдней еще болѣе усиливаетъ ихъ необезпеченность. Аншунъ, долго жившій среди южно-американскихъ индѣйцевъ, увѣряетъ, что ихъ натурѣ противно «сохранять въ своихъ рукахъ запасъ пищи дольше, чѣмъ на одинъ день». Поэтому тѣ же индѣйцы не уважаютъ и чужого права собственности на жизненные припасы. Совершенно безполезно отгораживать отъ нихъ воздѣланную землю: они врываются всюду, гдѣ растетъ маисъ или какое-нибудь другое пищевое растеніе, и, по понятію европейцевъ, «крадутъ». У нихъ самихъ не существуетъ такого понятія.

На подобной-же ступени развитія находились, при ихъ открытіи, полинезійцы. Они занимались, правда, земледѣліемъ, но такъ быстро уничтожали плоды его, что у нихъ каждый разъ снова наступалъ голодъ. И эти островитяне, дѣйствительно, также оказались по отношенію къ европейцамъ самыми дерзкими ворами. Они старались присваивать себѣ все, что имъ нравилось, и очень досадовали, когда ихъ ловили на этомъ. Но это не вызывало въ нихъ чувства стыда: они сожалѣли не о поступкѣ, а только о его неудачѣ.

Склонность къ воровству, или, скорѣе, столкновеніе понятій различныхъ ступеней развитія, часто указываетъ на недавно еще совершившійся переходъ отъ одного понятія о собственности къ другому. Тамъ, гдѣ общинная собственность перешла въ частное владѣніе лишь въ позднѣйшее время, человѣкъ долго еще сохраняетъ склонность, въ случаѣ нужды, позаимствовать изъ «господскихъ» запасовъ пищи. На исторической границѣ между организаціей колонистовъ и патріархальной также соприкасаются два различныхъ понятія о «моемъ» и «твоемъ». Ходячій катехизисъ давно уравнялъ ихъ, но практика жизни еще цѣпко держится старины. Еще и теперь существуютъ въ Европѣ страны, гдѣ господствующія привычки населенія дѣлаютъ невозможнымъ для отдѣльныхъ колонистовъ раціональное веденіе земледѣльческаго хозяйства. А между тѣмъ понятіе о собственности сравнительно всего раньше распространилось именно на воздѣланные плоды. Многое изъ того, что теперь является предметомъ собственности, еще долгое время не было таковымъ, но еще дольше въ этихъ областяхъ продолжались колебанія и борьба между различными правовыми понятіями. Право свободной охоты и рыбной ловли, напр., пришлось формально отнять у чеховъ уже въ XV столѣтіи: ихъ пришлось для этого насильственно обезоружить. Но сознаніе, что охота и рыбная ловля составляютъ правонарушеніе, еще долго оставалось чуждымъ народу. И даже теперь онъ все еще прилагаетъ совершенно различную мѣрку къ проступкамъ противъ закона о правѣ охоты и къ конокрадству. Точно также въ нѣмецкомъ народѣ до сихъ поръ сохранились остатки юридическихъ понятій того времени, когда лѣсъ еще не былъ частной собственностью. Поэтому народъ склоненъ считать устраненіе его отъ пользованія лѣсомъ несправедливостью, какую оказываетъ ему владѣлецъ, сохраняя лѣсъ исключительно для себя и запрещая постороннимъ даже ходить въ него. Во многихъ мѣстахъ юридическія понятія народа рѣшительно противятся такимъ постановленіямъ; все это — остатки стараго и устарѣвшаго правосознанія, такъ какъ и въ этой области совершается извѣстное развитіе. Но народные нравы хранятъ въ себѣ воспоминанія объ исчезнувшихъ отношеніяхъ дѣйствительной жизни.

Къ такого рода переживаніямъ принадлежитъ и обычай гостепріимства, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ размѣрахъ, какіе прославляются у полукультурныхъ народовъ. Не мало разносится по свѣту ложныхъ сужденій, приписывающихъ экономическія отношенія моральному состоянію людей и врожденнымъ чертамъ «народнаго духа», между тѣмъ, какъ послѣднія, наоборотъ, являются лишь отраженіемъ первыхъ. «Гостепріимство», часто описываемое такими яркими красками у полудикихъ народовъ, не есть народная добродѣтель; оно есть только проявленіе ихъ экономическаго состоянія. Оно является необходимымъ, какъ единственная развившаяся форма жизни на чужбинѣ, и излишество его возможно лишь при недостаточной оцѣнкѣ собственности. Всякій, не колеблясь, отдаетъ все, что имѣетъ, такъ какъ не придаетъ значенія запасамъ. Но зато никто не бываетъ настолько гордъ, чтобы не желать и не выпрашивать у другихъ все необходимое ему. Новозеландскіе дикари были крайне раздражены тѣмъ, что европейцы не хотѣли отдать имъ черепаху, которой сами не ѣли въ тотъ моментъ. Легкость, съ какой люди даютъ и берутъ, просятъ сами и

исполняютъ чужія просьбы, часто указываетъ только на низшую ступень развитія понятія о собственности, и далеко не всегда—на доброе сердце.

Пальгрэвъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ аналогичныя переживанія въ нравахъ арабскихъ бедуиновъ: «Ихъ щедрость чаще вытекаетъ изъ дѣтскаго легкомыслія дикарей, чѣмъ изъ истиннаго, достойнаго похвалы великодушія характера. Какъ дитя, бедуинъ въ одно и то-же время и хищенъ, и расточителенъ; онъ жаждетъ всего, что́ увидитъ, безъ различія цѣнности, и такъ же легко дѣлится съ другими всѣмъ, что́ онъ себѣ присвоилъ,—единственно лишь въ силу неспособности правильно судить о цѣнности вещей. Давать, просить, грабить — для него соотносительные поступки, вытекающіе, главнымъ образомъ, изъ полнѣйшаго отсутствія понятія о собственности, и онъ такъ же мало заслуживаетъ похвалы за одно, какъ и порицанія за другое. Однимъ словомъ, онъ не можетъ поступать иначе».

Подобно тому, какъ мы, въ своихъ сужденіяхъ о добродѣтеляхъ и порокахъ отдаленнаго прошлаго, охотно прилагаемъ нашу современную мѣрку, такъ и народъ, напротивъ, прилагалъ старинную мѣрку къ позднѣйшимъ явленіямъ. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, напр., ничто такъ не прославляется, какъ «благотворительность» князей, выражавшаяся въ неограниченной щедрости, хотя государственная жизнь того времени въ такой же высокой степени страдала недостаткомъ экономической предусмотрительности, какъ въ предшествующее время частная жизнь. Разсчетливый и экономный владѣтельный князь подвергался самому суровому порицанію. Сужденія объ этихъ вещахъ и до сихъ поръ еще не пришли, относительно нѣкоторыхъ пунктовъ, къ полному единодушію и устойчивости.

Запасы пищи, такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ не могли послужить исходной точкой для возникновенія понятія о собственности. Иначе обстояло дѣло относительно орудій, хотя бы и самыхъ простыхъ, которыя были для человѣка въ одно и то-же время и орудіемъ, и оружіемъ. Таковы заостренная палка и простой или обдѣланный камень. Чѣмъ мѣнѣе было у человѣка запасовъ пищи, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ быть всегда на-готовѣ, чтобы добыть ее себѣ. Поэтому орудія и оружіе онъ долженъ былъ всегда носить съ собой. Пока ими служили только необработанный камень и палка, сохраненіе именно того или другого экземпляра не имѣло особаго значенія: ихъ можно было найти повсюду. Но какъ только появилась даже самая незначительная ихъ отдѣлка—оббивка краевъ камня, снабженіе палки зубомъ или осколкомъ камня — орудія пріобрѣли для человѣка индивидуальную цѣнность, и онъ пересталъ отдавать и обмѣнивать ихъ съ такой же легкостью, какъ раньше. Съ орудіями связана была первая мысль о владѣніи. Древне-нѣмецкое слово Munt означаетъ въ одно и то время и руку, и обладаніе предметомъ. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми римскими аналогіями, это напоминаетъ намъ время, когда сфера владѣнія охватывала лишь предметы, которые можно было держать въ рукахъ.

Съ тѣхъ поръ эти первобытныя орудія, даже въ позднѣйшей своей формѣ, все еще пользуются особымъ почетомъ сравнительно съ другими предметами собственности. Они считались и до нашихъ временъ, даже въ зачаточномъ видѣ, знаками отличія человѣка и носились на тѣлѣ. Къ древ-

нѣйшимъ предметамъ собственности принадлежатъ посохъ, копье, мечъ, молотъ, топоръ и ножъ. Менѣе сроднился человѣкъ съ лукомъ и стрѣлами. Переживаніе древнихъ временъ составляетъ карманъ для ножа и вилки въ панталонахъ эгерландскаго крестьянина.

Этихъ орудій было достаточно непритязательному человѣку того безпечнаго времени для добыванія себѣ пищи. Только для сохраненія питья, отсутствіе котораго часто такъ болѣзненно чувствовалось человѣкомъ, недостаточно было пригоршни, и потому къ названнымъ орудіямъ вскорѣ присоединился сосудъ для питья, «скорлупа», въ самомъ широкомъ смыслѣ слова: яйцо страуса, кокосовый орѣхъ и тыква—на югѣ, черепъ и оленій рогъ—на сѣверѣ. Если считать мечъ представителемъ оружія того времени, то «мечъ и чаша» обозначаютъ вполнѣ особый, первобытный типъ предметовъ собственности: они превратились въ принадлежность человѣка, какъ бы срослись съ нимъ.

Мимоходомъ мы должны еще обратить вниманіе читателя и на тотъ фактъ, что рано наступившее раздвоеніе мужскаго и женскаго промысловъ постепенно привело къ развитію двухъ типовъ первобытной собственности: полевая мотыка постепенно отдѣляется отъ боевого топора, палка для копанья—отъ копья. Кромѣ того появляется жерновъ и, еще позже,—орудія для добыванія огня.

Къ этимъ двумъ группамъ необходимыхъ орудій присоединяются украшенія, въ одинаковой мѣрѣ у обоихъ половъ. У первобытнаго человѣка они связаны тѣснѣе и непосредственнѣе съ тѣломъ, чѣмъ въ позднѣйшее время. Мы уже видѣли это въ первомъ отдѣлѣ въ исторіи украшеній. Ихъ носятъ прямо на тѣлѣ и разсматриваютъ, какъ часть его.

Этими предметами исчерпывается сфера владѣнія первобытнаго человѣка. Но они находятся съ нимъ въ такой тѣсной связи, такъ срослись съ нимъ, что почти неотдѣлимы отъ него. Когда къ понятію о владѣніи присоединяется еще культъ, самое владѣніе становится въ этомъ случаѣ непроизводительнымъ: собственность не увеличивается, не накопляется, она должна каждымъ пріобрѣтаться вновь и всегда уходитъ вмѣстѣ съ человѣкомъ въ могилу. Отнять у человѣка мечъ — понимая подъ этимъ всю группу оружія вообще, — значитъ оторвать ему руку. Это рискованно и среди живыхъ, но уже, конечно, никто не осмѣлится сдѣлать это съ мертвецомъ, такъ какъ для первобытнаго человѣка нѣтъ ничего страшнѣе мести духа, и страхъ передъ духами господствуетъ надъ нимъ въ теченіе всей его жизни. Если въ позднѣйшее время, наоборотъ, придавали большое значеніе именно передачѣ этихъ предметовъ, то связанныя съ этимъ представленія все еще показываютъ, до какой степени неразрывными считались узы, связывавшія человѣка съ его первобытной собственностью. Кажется, будто юное, едва родившееся на свѣтъ понятіе о собственности отличается интенсивностью, которую оно теряетъ со временемъ, становясь старше. Духъ не можетъ разстаться со своимъ оружіемъ; связь ихъ принимаетъ характеръ фетиша. На этомъ основаны часто повторяющіяся сообщенія, что въ той или другой княжеской семьѣ мечъ почитался, какъ божество, или что у того или другого народа клялись исключительно оружіемъ. На этомъ же основана живая еще и теперь народная вѣра въ особую силу «наслѣдственнаго оружія», «наслѣдственнаго ключа», «наслѣдственнаго блюда», или въ позднѣйшее время—«наслѣдственной Биб-

ліи». Этимъ же мотивомъ проникнуты всѣ повторяющіяся сказанія о поискахъ сына отцовскаго меча, о геройскомъ добываніи такого оружія изъ могилъ и даже о происходящей здѣсь героической борьбѣ между духами. Въ этой борьбѣ олицетворяется разладъ временъ: молодое время стремится добыть драгоцѣнную собственность, отнять ее у земли, въ которой она закопана безъ всякой пользы, но противъ такого дерзкаго поступка возстаетъ старина со всѣми ея ужасами.

Пока прогрессъ времени не требовалъ еще такой дерзкой борьбы, все имущество, считавшееся собственностью, считалось неотъемлемымъ отъ мертвеца. При жизни можно было, конечно, дарить все, что угодно, и такимъ путемъ наслѣдственный мечъ и тогда могъ перейти отъ отца къ сыну. Но оружіе и украшенія умершаго, остававшіяся до конца его собственностью, никто не смѣлъ отнять у него: такую могущественную защиту оказывалъ молодой собственности страхъ передъ духомъ.

Поэтому культъ умершихъ заставляетъ многое давать имъ съ собой въ могилу, по меньшей мѣрѣ, «мечъ и чашу для питья». Въ дѣйствительности это все, чѣмъ «владѣетъ» дикарь. Необходимость заставляетъ живого посягать на собственность мертваго и постепенно урѣзывать ее. Но символъ ея и нѣкоторыя относящіяся сюда народныя вѣрованія уцѣлѣли до нашего времени. Бразильскія племена, вплоть до прошлаго столѣтія, дѣйствительно оставляли мертвому все, даже хижину, въ которой онъ умеръ, и мѣсто подъ нею. Лишь шагъ за шагомъ, по мѣрѣ появленія обилія собственности, этотъ скудный культъ возрастаетъ до той пышности, которую мы видимъ въ царствѣ инковъ и ацтековъ. Умершему королю оставляется его дворецъ со всѣми неизмѣримыми сокровищами. Это и послужило нѣкогда ловушкой для отряда Кортеса.

Подъ гнетомъ такихъ же представленій находились и сѣверо-американскіе индѣйцы. Когда послѣдніе достигли обладанія огнестрѣльнымъ оружіемъ, благодаря европейцамъ, обычай все еще заставлялъ сына опускать это драгоцѣнное оружіе вмѣстѣ съ умершимъ отцомъ въ могилу. Подобнымъ же образомъ поступали и эскимосы. Вліяніе европейцевъ поколебало у обоихъ племенъ цѣльность и послѣдовательность этого стариннаго обычая. Но именно здѣсь сказалось чрезвычайно ясно, что подобное внѣшнее вліяніе можетъ уничтожить смыслъ обычая, не выводя обязательно самыя дѣйствія на болѣе разумный путь. Индѣецъ убѣдился съ тѣхъ поръ на опытѣ, что нѣтъ надобности зарывать имущество мертвыхъ въ землю. Тѣмъ не менѣе, онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ вѣрованіе, что храненіе ихъ въ домѣ можетъ принести несчастье. Такимъ образомъ, у эскимосовъ и индѣйцевъ развился позднѣйшій обычай, по которому всѣ оплакивающіе покойника набрасываются на его имущество, грабятъ и разносятъ его. Результатъ получается тотъ же: оставшіеся снова начинаютъ свои заботы о пропитаніи въ той же бѣдности и нищетѣ. Американское правительство давно уже замѣтило, что главное препятствіе къ цивилизаціи индѣйцевъ заключается въ ихъ отношеніи къ собственности.

Дальнѣйшій шагъ въ развитіи института собственности обусловленъ защитой, оказывавшейся ему кочевымъ бытомъ, когда увеличилось число предметовъ, поступавшихъ во владѣніе человѣка. Животныя, за которыми прежде

только охотились, охранялись теперь, какъ запасъ пищевыхъ средствъ, и принципъ владѣнія распространился и на нихъ. Прогрессъ, заключавшійся въ этомъ явленіи, настолько великъ, что онъ проложилъ дорогу совершенно новой формѣ организаціи. Тотчасъ же стали предметомъ собственности и женщины, и слуги. Культъ еще поддерживалъ прежнія требованія: и вмѣстѣ съ господиномъ зарываютъ его лошадь и слугу, вслѣдъ за своими мужьями восходятъ на костеръ жены. Но имущество все таки сохранялось и переходило изъ поколѣнія въ поколѣніе, надолго обезпечивая человѣку необходимое для жизни обзаведеніе. Тогда развилась уже форма большой древней семьи (рода), и живые запасы пищи, животныя, находились во владѣніи всей общины. Но такъ какъ община не умираетъ, то вся собственность никогда уже не опускалась въ могилу вмѣстѣ съ умершимъ. Только отецъ уносилъ еще съ собой въ могилу значительную долю имущества, но также лишь изъ наиболѣе близкихъ ему предметовъ. Первое мѣсто между ними занимали предметы болѣе стариннаго владѣнія, какъ-то: личное оружіе и украшенія, а изъ болѣе поздней группы—верховой конь.

Имущество, такимъ образомъ, уже дѣлится: одна часть уходитъ въ могилу, другая, бо́льшая,—остается семьѣ. Послѣдняя составляетъ «наслѣдство», и непрерывность владѣнія имъ обосновывается наслѣдственнымъ правомъ. Меньшая же часть совершенно соотвѣтствуетъ тому, что̀ предки германцевъ называли «Heergewäte» и что̀ составляло, вѣроятно, личное имущество человѣка, слѣдовавшее за нимъ въ могилу, которое, какъ его долѣ выдѣлялось ему при новой формѣ организаціи. Такъ какъ совершенно аналогичное личное достояніе для женщины составляетъ «die Gerade», то и ему надо приписать такой же характеръ. Отсюда очевидно, что приростъ собственности на ступени кочевого быта, главнымъ образомъ, переходитъ въ «наслѣдство» семейной общины, причемъ остаткомъ старины является отдѣльная личная собственность, особая для мужчины и женщины. Первая часть имущества отнынѣ сохранена для дальнѣйшихъ жизненныхъ потребностей, второй смерть все еще угрожаетъ уничтоженіемъ. Отнятіе и этой части у смерти и сохраненіе ея для жизни представляютъ задачу дальнѣйшей борьбы, дальнѣйшаго прогресса. Исторія этой борьбы въ частностяхъ составляетъ предметъ исторіи культа, и, чтобы не повторяться, мы не будемъ здѣсь останавливаться на ней. Но въ этой борьбѣ дѣло идетъ о весьма важныхъ предметахъ! Какъ бываетъ нерѣдко, культъ и культура, имѣющіе въ языкѣ родственное происхожденіе, являются здѣсь сильными противниками. Борьба должна рѣшить, что̀ восторжествуетъ: эгоизмъ или гуманность? Долженъ-ли человѣкъ брать съ собой плоды своихъ трудовъ для обезпеченія своей души, или же онъ долженъ оставлять ихъ своимъ потомкамъ, существующему и грядущему поколѣніямъ, чтобы они могли, при помощи возросшаго капитала, успѣшнѣе вести суровую борьбу съ природой за лучшее будущее? Перваго требуетъ культъ, второго—прогрессъ культуры; первое есть утонченный эгоизмъ, второе—самоотверженная гуманность. Древніе и средніе вѣка носятъ еще сильный отпечатокъ эгоизма, но шагъ за шагомъ, постепенно, путемъ компромиссовъ, онъ прокладываетъ дорогу гуманности.

Поэтому читатель долженъ разсматривать сказанія, прославляющія мудрость Солона, или XII римскихъ таблицъ, за ограниченіе «роскоши» при похо-

ронахъ, въ указанномъ нами освѣщеніи. Сказанія эти обозначаютъ этапы борьбы, справедливо казавшейся первобытному міру настолько важной что онъ связалъ воспоминанія о ней съ именами лучшихъ своихъ людей. Одна нѣмецкая сага, приписывающая введеніе у нѣмцевъ «Heergewäte» императору Генриху I, также хотѣла, повидимому, связать это славное дѣяніе съ именемъ защитника государства отъ восточныхъ некультурныхъ народовъ. Подобныя учрежденія никто не вводитъ, но нельзя не назвать превосходной мысль—заставить именно этого короля отнять у мертвыхъ тысячи мечей, которые, въ рукахъ живыхъ, служили бы для защиты жизни, а не смерти.

Совершенно то же устанавливаетъ на сѣверѣ. готландскій законъ, гласящій: «повинности за наслѣдство уничтожаются; кто хочетъ отдать «въ мертвую руку» платье или башмаки, пусть дастъ ихъ бѣднымъ своего прихода». Когда уже невозможно было долѣе оставлять мертвому все имущество, развилось, такимъ образомъ, воззрѣніе, будто предоставленіе ему болѣе ветхой собственности вознаграждаетъ его за оставленное имъ наслѣдство. Послѣднее фиктивно покупалось у него, послѣ чего имъ уже спокойно владѣли и пользовались для жизненныхъ цѣлей. Постепенно эта покупка принимала все болѣе символическій характеръ, пока мертвецу не осталось, наконецъ, ничего, кромѣ савана и выкупной монеты, которую ему клали въ ротъ. Этимъ у него покупали наслѣдство, какъ это еще и теперь признаютъ въ восточной Пруссіи. Во многихъ старыхъ могилахъ найдены были такія монеты, и фантазія послѣдующихъ поколѣній старалась придать имъ новое значеніе.

Общераспространенная черта новаго времени сказывается въ стремленіи по возможности больше отвоевать у мертвеца. Страхъ еще удерживаетъ родственниковъ отъ пользованія священной когда-то собственностью, но она не должна, однако, пропадать для человѣчества вообще: пусть она покроетъ, по крайней мѣрѣ, наготу нищихъ! Имущество, достававшееся раньше «мертвой рукѣ», раздается у могилы бѣднякамъ. Мы видимъ, что предки германцевъ на сѣверѣ прошли ту-же ступень, на которой мы застали индѣйцевъ: имущество мертвой руки раздается приходскимъ бѣднымъ. Старинное готландское право, очевидно, имѣя уже въ виду хозяйственныя цѣли, прибавляетъ еще слѣдующее: «сѣдельное сукно и сѣдельныя подушки (попона?) не должны разрѣзаться болѣе, чѣмъ на четыре части». Здѣсь имѣется уже въ виду не только удалить изъ дома внушавшее страхъ имущество мертвеца, но и сохранить его для соотвѣтственнаго употребленія.

Примѣры эти показываютъ намъ, какимъ путемъ человѣчество достигло накопленія богатства, и указываютъ трудности этого пути, которыя современный человѣкъ даже почти не въ состояніи оцѣнить. Вначалѣ мертвецу предлагали часть вмѣсто цѣлаго, затѣмъ мѣсто мертвеца заступили бѣдные. Такая точка зрѣнія, въ сущности, еще твердо держалась въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ; только на ряду съ бѣдными и посредницей въ сношеніяхъ съ ними явилась церковь, какъ новѣйшая представительница культа. Заботы о душѣ вполнѣ преобразовались съ развитіемъ религіозныхъ понятій. Обстановка земной жизни не могла уже помогать душѣ: милостивый пріемъ у Бога обезпечивали ей благочестивыя дѣла. Но послѣднія вѣдала церковная организація, и потому деньги, предназна-

чавшіяся, какъ воздаяніе, вмѣсто прежняго снаряженія мертвыхъ, отдавались церкви. Эту новую форму снаряженія души называли въ средніе вѣка «Seelgeräte».

Какъ ни много поглощала еще въ средніе вѣка это «Seelgeräte», какъ ни судорожно держалась за него «мертвая рука», въ цѣломъ оно была только переходной ступенью, суммой, которая давалась въ видѣ выкупа своего права. Она сохраняла часть имущества для живыхъ. Но часть эта пока еще была невелика. Въ возрастаніи ея, въ свою очередь, сказывается экономическій прогрессъ. Картинкой нравовъ того времени можетъ служить похвала, съ которой отзывается объ императорѣ Оттонѣ II саксонскій лѣтописецъ, говоря, что онъ оставилъ половину своего состоянія, поровну, церкви и бѣднымъ, и только другую половину—своимъ родственникамъ и приближеннымъ. Въ этомъ сказаніи указывается еще, какъ выкупная сумма, половина имущества, между тѣмъ, какъ развившіяся позднѣе юридическія понятія въ городахъ ограничиваютъ ее уже только одной третью. Но повинность эта стоитъ еще такъ же твердо, какъ долгъ или установленная плата. И даже въ томъ случаѣ, когда, за отсутствіемъ другихъ наслѣдниковъ, наслѣдство доставалось какой-нибудь общинѣ, послѣдняя все еще употребляла треть его «для души». Но противъ такого ограниченія наслѣдства опять выступили города. Они дѣлали это, однако, не въ силу принципа, а будучи вынуждены къ тому экономическими причинами. Церковь не уничтожала болѣе доставшуюся ей часть имущества: она, напротивъ, спасала ее, предназначая ее снова для мірскаго употребленія. Но городскія общины испытывали потери оттого, что церковныя имущества, въ силу принадлежавшихъ церкви привилегій, считались свободными отъ всякихъ общинныхъ повинностей. Такимъ образомъ, благодаря постоянному возобновленію этихъ «Seelgeräte», съ теченіемъ времени уменьшалась податная сила общинъ. Мѣры, принятыя противъ этого общинами, не могли устранить зла, пока онѣ не попатнули самого принципа.

Эта-то незамѣчаемая обыкновенно борьба и проложила дорогу «реформаціи», интересующей насъ здѣсь только съ экономической точки зрѣнія. Реформація сломила самый принципъ и—всюду, гдѣ она побѣдила—возвратила жизни накопленныя богатства «мертвой руки». Нашли-ли послѣднія тотчасъ же болѣе цѣлесообразное примѣненіе — рѣшать здѣсь не мѣсто. Реформація возникла не на югѣ, — югъ не былъ ея колыбелью и убѣжищемъ; экономическія побужденія исходили въ этомъ случаѣ изъ болѣе развитого сѣвера, и безъ нихъ богословскій вопросъ едва-ли достигъ бы такой популярности въ народѣ. На югѣ всегда было легче поддержать свое существованіе безъ унаслѣдованнаго имущества. Время Реформаціи мы должны, слѣдовательно, разсматривать, какъ эпоху въ исторіи собственности.

Рабство.

Рабство есть характерная форма собственности второй ступени развитія, начавшейся вмѣстѣ съ кочевымъ бытомъ. Коренные обитатели Америки не знали рабства въ такой ясно выраженной формѣ, какъ Старый Свѣтъ. Въ эпоху земледѣлія и промышленности появилась смягченная форма раб-

ства, смягченная прежде всего, конечно, во вниманіе къ особой дѣятельности раба. Эту позднѣйшую форму подчиненности мы отличаемъ отъ настоящаго рабства, которое и называемъ, для отличія, домашнимъ. Та и другая болѣе поздняя форма подчиненности развивается въ тѣхъ случаяхъ, когда народы, ведущіе еще сами бедуинскій образъ жизни, покоряютъ своей власти земледѣльческіе или промышленные народы. Извѣстный примѣръ того представляетъ господство союза израильскихъ племенъ надъ болѣе культурными хананеянами и завоевателей германцевъ надъ «романцами». На нѣмецкой почвѣ то-же повторяется въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ, въ отношеніяхъ германцевъ къ «литамъ». Подобные завоеватели уже не брали подчиненнаго въ свою семью, въ качествѣ члена-слуги, такъ какъ наиболѣе цѣнныя услуги, какъ земледѣлецъ или ремесленникъ, онъ могъ имъ оказывать, лишь сохраняя связь со своей пашней, своей мастерской, рудникомъ и т. д. «Господа» не отрывали его, слѣдовательно, отъ работы, а только отнимали у него продукты труда, за вычетомъ средствъ для поддержанія его жизни. Такъ какъ въ такія отношенія къ завоевателямъ становились обыкновенно именно болѣе культурные народы, то эта позднѣйшая форма подчиненности способствовала разложенію древне-кочевого рабства.

Послѣднее есть именно домашнее рабство. Покоренный кочевникъ не связанъ ни съ землей, ни съ мастерской: онъ представляетъ свободно-подвижную рабочую силу. Завоеватель беретъ ее въ неограниченное владѣніе; на этой ступени человѣкъ самъ превращается въ предметъ захвата. Если разсматривать послѣдній съ точки зрѣнія пострадавшаго и назвать его грабежомъ, то грабежъ составляетъ одинъ изъ главныхъ источниковъ рабства. Но въ свое время такія явленія не казались предосудительными въ нравственномъ отношеніи. Понятіе о нравственной защитѣ, подъ которой находится собственность, является у человѣка не извнѣ, а развивается у индивидуумовъ, какъ членовъ данной организаціи. Поэтому вначалѣ оно не распространяется на чужихъ: чужой не находится подъ его защитой. Арійская группа словъ, къ которой принадлежатъ латинское—hostis, славянское—гость, нѣмецкое—Gast, относится ко всѣмъ «чужимъ», въ древнемъ смыслѣ этого слова. Чужеземецъ, въ качествѣ такового,—«врагъ», но онъ же и «гость», если его возьметъ подъ свою защиту миръ дома. Внѣ дома, встрѣчный не пользуется миромъ. Поэтому путешественники и теперь еще стараются незамѣтно проникнуть въ палатку сирійскаго бедуина: «врагъ» и предметъ грабежа, когда онъ встрѣтится внѣ дома, при вступленіи въ палатку, превращается въ «гостя», его обнимаетъ миръ дома. «Grüszen» (привѣтствовать) вначалѣ означало только «заговорить», но такой «разговоръ» между встрѣчными не всегда былъ проявленіемъ вѣжливости. Старинное восточное привѣтствіе «миръ съ тобой!» представляетъ весьма многозначительный пароль между встрѣчными. Никогда прежде чужеземцы не могли встрѣтиться безъ взаимнаго недовѣрія. Тиббусы въ Сахарѣ, при встрѣчѣ, очень долго наблюдаютъ другъ за другомъ прежде, чѣмъ приблизиться и пройти мимо. Обѣ стороны, еще издали завидѣвъ другъ друга, присѣдаютъ, держа впереди себя вытянутое оружіе и бросая одинъ на другого испытующіе взгляды; лица свои они прячутъ подъ покрываломъ. Постепенно между ними завязывается взаимный допросъ относительно происхожденія, намѣренія и

цѣли поѣздки, и тогда только они болѣе довѣрчиво приближаются другъ къ другу. Все это заканчивается широко распространеннымъ привѣтствіемъ: «миръ тебѣ!» Въ немъ сразу высказывается все, что составляетъ смыслъ допроса. Встрѣчные этимъ привѣтствіемъ распространяютъ другъ на друга миръ своей организаціи. Такой же смыслъ имѣетъ римское «salutare», такъ какъ здоровье и миръ въ этомъ случаѣ равнозначущи. Подаваніе руки, въ особенности привычной къ оружію, закрѣпляетъ словесныя увѣренія въ мирѣ.

Путемъ союзовъ, народы постепенно распространяютъ миръ и за предѣлы своей организаціи. Постепенно наступаетъ миръ между германскими племенами въ Галліи и Германіи. Въ предѣлахъ страны, подвластной одному королю, господствуетъ одинъ «королевскій миръ». Постепенно также наступаетъ, независимо отъ трактатовъ королей, еще болѣе широкій «миръ Божій», обнимающій всю землю. Но и онъ, въ концѣ среднихъ вѣковъ, дѣйствительно и вполнѣ обнимаетъ только землю,—море не имѣетъ мира. Море открыто для захвата каждаго, какъ нѣкогда степь: здѣсь свободно рыщетъ «викингъ», бедуинъ морей. Отсутствіе «мира» для моря служитъ причиной «берегового права», имѣвшаго силу и до позднѣйшихъ временъ. Человѣкъ пріобрѣталъ все, что̀ море выбрасывало ему, и если онъ спасалъ во время кораблекрушенія другого человѣка, то обращалъ его въ рабство. Намъ извѣстны примѣры, доказывающіе, что такое юридическое воззрѣніе существовало еще въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Но старинный семейный бытъ кочевниковъ порождалъ или могъ порождать рабство и въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ, или же могъ, по крайней мѣрѣ, создавать его у себя, подражая тому, которое создавалось внѣшнимъ путемъ. Даже и рабъ, добытый силою оружія, становился членомъ семьи въ старинномъ смыслѣ. Но при выборѣ «отца» взамѣнъ умершаго, какимъ бы это ни происходило путемъ, выборъ навѣрное никогда не падалъ на того, кто носилъ на себѣ клеймо бывшаго чужеземца и врага. Въ разросшейся семьѣ, слѣдовательно, не всѣ члены ея были правоспособны сдѣлаться когда-либо «отцомъ». Этотъ признакъ былъ достаточно существеннымъ, чтобы дѣлить семью на двѣ рѣзко отличающіяся одна отъ другой группы. Служить должны были въ семьѣ всѣ,—всѣ подчинялись неограниченной власти отца, имѣвшаго право собственности надъ женой и дѣтьми; всѣ подлежали его неограниченному праву наказанія, и онъ могъ, при самыхъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, убить или продать кого-либо изъ нихъ, не подвергаясь за это ни малѣйшей отвѣтственности. Но никогда отецъ не могъ, въ своемъ обращеніи съ членами семьи, совершенно упускать изъ виду, что одни изъ нихъ могли только служить, между тѣмъ, какъ другіе, по праву рожденія, имѣли возможность когда-нибудь господствовать. Въ этомъ заключалась разница между «ingenuus», членомъ семьи, рожденнымъ въ домѣ, и пріобрѣтеннымъ членомъ. Въ этомъ же состояло и различіе между «liberi» и «servi» у римлянъ. «Liberi» поэтому означаетъ, въ одно и то-же время, и «дѣтей» въ тѣсномъ смыслѣ, и «свободныхъ» («Freien»). Но уже и по самому языку видно, что признакомъ «свободнаго» служитъ господство, какъ это доказываетъ связь со словами «Fron» и скандинавскимъ «Freir»: свободные—это господа, господствующіе.

Но такой же процессъ долженъ былъ происходить внутри семьи, не имѣвшей пріобрѣтенныхъ членовъ, какъ только, путемъ выработки извѣстнаго порядка наслѣдственной передачи власти, господство внутри ея съ возрастающимъ постоянствомъ начало переходить къ одной и той же отдѣльной семьѣ или къ одному и тому же кругу лицъ. Для этого существуетъ много побудительныхъ причинъ въ самой природѣ вещей не тогда, конечно, когда война ради добычи составляетъ единственное занятіе мужчины и когда послѣдній въ домѣ, благодаря физическому и духовному превосходству, можетъ найти случай сдѣлаться вождемъ, а потомъ и отцомъ. Это наступаетъ, какъ только занятія становятся хотя нѣсколько болѣе мирными, однообразными и постоянными, и начинаютъ пріобрѣтать значеніе извѣстныя традиціи руководительства и распредѣленія работы. Такъ какъ всякое наслѣдство появляется раньше всего въ формѣ прижизненнаго подарка и только въ такой формѣ и возможно, то воля отца-правителя могла пріобрѣсти рѣшающее вліяніе на назначеніе ему преемника. Тѣмъ самымъ расчищенъ былъ путь для наслѣдованія исключительно кровныхъ дѣтей и для выдѣленія одной отдѣльной семьи, какъ господствующей. Когда же между обѣими образовавшимися такимъ образомъ группами, съ теченіемъ времени, наступило отчужденіе, то и это послужило причиной раздѣленія на свободныхъ и рабовъ. На самомъ дѣлѣ, не-господствующей части древней семьи въ своей работѣ оставалось только подчиняться распоряженіямъ отца и его близкихъ. Такимъ путемъ, повидимому, преимущественно развилось рабство у славянъ, которые, при захватѣ обитаемыхъ ими теперь земель, не въ состояніи были добыть себѣ рабовъ со стороны хотя въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ. Римляне, напротивъ, развивали рабство посредствомъ пріобрѣтенія рабовъ и съумѣли пріобрѣсти господствующее положеніе, благодаря рѣзко-выраженному различію ихъ, со всѣми семьями, связанными родственными узами подъ главенствомъ отца.

Во всякомъ случаѣ, подчиненность первоначально родственныхъ членовъ семьи принимаетъ болѣе суровыя формы рабства лишь тогда, когда къ нимъ присоединяются рабы, дѣйствительно пріобрѣтенные. Вся служащая масса, все еще предпочтительно называемая въ Римѣ Familia, низводится тогда до положенія рабовъ.

Несомнѣнно установленъ тотъ фактъ, что именно тѣ народы призваны были къ поступательному движенію по пути прогресса, которые прошли черезъ кочевой бытъ. На немъ исторически построена всякая высшая культура древняго міра; поэтому и рабство представляетъ необходимый факторъ всякой культуры древности. Человѣчество научилось направлять силы многихъ къ одной цѣли лишь путемъ отнятія воли у всѣхъ этихъ силъ и сосредоточенія ея въ лицѣ одного «отца». На такомъ органическомъ взаимодѣйствіи многихъ силъ основанъ, однако, прогрессъ культуры. На этой ступени развитія прогрессъ исторически возможенъ, слѣдовательно, лишь путемъ расширенія отцовской власти, съ одной стороны, и развитія рабства, съ другой.

Едва-ли можно отрицать, что такое раздѣленіе вызвало также и различіе въ самихъ способностяхъ и склонностяхъ людей, такъ что могло казаться, будто это различіе создала или хотѣла создать сама природа. «Рабскій духъ», какъ индивидуальная черта извѣстныхъ народностей, не есть пу-

стая фраза и указанія на него не всегда основаны на ложныхъ наблюденіяхъ. Основная склонность первобытнаго человѣка къ тупому холопству осталась у него еще отъ прежняго образа жизни, предшествовавшаго гораздо болѣе предусмотрительному и предпріимчивому кочевому быту. Единогласное мнѣніе всѣхъ наблюдателей указываетъ, какъ признакъ некультурности, неспособность отвлечься отъ настоящей минуты и проявить заботу о болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Исторія обращенія дикарей въ христіанство изобилуетъ примѣрами того, какъ дикіе съ легкимъ сердцемъ отказывались отъ благодѣяній культуры, если только они могли вмѣстѣ съ тѣмъ отбросить и заботы о завтрашнемъ днѣ.

Новый и болѣе обезпеченный образъ жизни номада ставитъ ему уже противоположныя требованія. Онъ требуетъ не одного физическаго труда, вродѣ охоты, но и столь невыносимаго для дикаря умственнаго труда, по крайней мѣрѣ, для вождей. Не всѣ индивидуумы, конечно, могли подняться на необходимую для этого высоту, и потому съ развитіемъ такого труда раздѣленіе людей на два класса — вождей и подчиненныхъ—создалось какъ-бы самой природой. И теперь еще такое раздѣленіе тотчасъ-же обозначается всюду, гдѣ сталкиваются въ одной и той же области труда бѣлые и чернокожіе: бѣлый становится организаторомъ, чернокожій—двигателемъ работы. Привычка къ предусмотрительности, выработанное умѣнье смотрѣть впереди и вокругъ себя дѣлаютъ бѣлаго способнымъ къ его роли. Подчиненіе цѣлыхъ цвѣтныхъ народовъ ничтожному меньшинству бѣлыхъ далеко не всегда происходило, благодаря огнестрѣльному оружію.

Такое раздѣленіе, установленное самой природой, должно было съ теченіемъ времени сдѣлаться еще болѣе замѣтнымъ: съ одной стороны, введеніе всякихъ измѣненій образа жизни брали въ свои руки исключительно болѣе выдающіеся умы, а съ другой, жизненныя привычки служатъ основаніемъ для развитія, путемъ наслѣдственности, болѣе рѣзко выраженныхъ способностей и наклонностей. Чѣмъ болѣе наслѣдственная передача отцовской власти укоренялась у какого-нибудь племени въ тѣсномъ кругу извѣстныхъ семей, тѣмъ рѣзче должна была воспроизводиться способность къ власти именно въ этомъ кругу. И это тѣмъ болѣе, что въ дѣйствительности руководительство кочевой ордой требовало не малаго количества знаній и опыта, убѣжденій и традицій, передававшихся по наслѣдству именно среди правящихъ семей.

Другая сторона, такимъ-же наслѣдственнымъ путемъ, пріобрѣтала пріятную привычку разсчитывать на то, что предметы первой необходимости, пища, будутъ ей обезпечены высшей властью; это позволяло сохранять столь любимое дикаремъ спокойствіе духа. Какъ-бы ни былъ тяжелъ физическій трудъ, его требуетъ и возлагаетъ на человѣка внѣшняя сила. Подчиненный охотно несетъ выпавшую на его долю часть работы и за то беззаботно ждетъ себѣ пропитанія и поддержанія жизни, такъ какъ въ этомъ заключается обязанность, связанная съ правомъ отца. Въ настоящее время цивилизованный человѣкъ, вѣроятно, еще чувствуетъ иногда такой переходъ отъ одной жизненной ступени къ другой, поднимаясь отъ низшаго положенія къ высшему. Несмотря на внѣшнее освобожденіе отъ тяжелой работы, онъ жалуется на потерю отмѣреннаго ему труда и на тяжесть распорядительныхъ заботъ. Иной человѣкъ даже отказывается отъ высшаго

положенія, связаннаго съ большими заботами, и, взвѣсивъ всѣ обстоятельства считаетъ, что онъ принесъ этимъ жертву своему внутреннему «счастью«. Это вполнѣ человѣческая черта, легко понятная изъ изученія и сторіи человѣчества. Но эта-же черта сдѣлала рабство одной части людей не только выносимымъ для нихъ, но даже желательнымъ и неизбѣжнымъ, если и они хотѣли пользоваться преимуществами болѣе предусмотрительной жизни.

Такъ, Ливингстонъ (Neue Missionsreisen, 52) зналъ одного негра, который самъ продалъ себя въ рабство исключительно съ горя, что у него не было ни отца, ни матери, никого, кто былъ-бы заинтересованъ въ поддержаніи его жизни въ случаѣ нужды. А между тѣмъ впослѣдствіи этотъ боязливый человѣкъ обнаружилъ большую степень предпріимчивости. Люди съ болѣе тупымъ умомъ всегда должны были находиться и дѣйствовать подъ такимъ давленіемъ. Подобное глубокое чувство зависимости, какъ весьма странное настроеніе, характеризуетъ еще и теперь рабскую жизнь многихъ народовъ и расъ. Африка не превратилась-бы во всемірный невольничій рынокъ, если-бы негру такъ-же мало было присуще чувство рабскаго подчиненія, какъ краснокожему. Но именно черная раса достигла уже ступени кочевого быта, не перешагнувъ еще черезъ нее сколько-нибудь существенно, если не считать земледѣльческаго промысла женщины. Поэтому въ душѣ негра живетъ врожденная потребность имѣть господина, и потребность эта нисколько не обманываетъ его. Именно черная раса даетъ очень мало людей, которые доросли до умѣнія пользоваться свободой и господствовать. Въ большинствѣ, масса ея экономически незрѣла и теряетъ, вмѣстѣ съ зависимостью, всякое равновѣсіе. Такимъ-же образомъ объясняется аналогичное настроеніе восточно-европейскихъ народовъ. И теперь еще иной крестьянинъ-славянинъ бываетъ неутѣшенъ, если нѣтъ у него «господина»: кто-же его накормитъ въ голодные дни? Мысль о кормильцѣ въ такіе дни и отсутствіе необходимости въ дни изобилія мучиться самому разсчетами и заботами о будущемъ гораздо утѣшительнѣе для него, чѣмъ возможность испытать счастье высшей личной заботы о поддержаніи своей жизни. Быть можетъ, оно просто незнакомо ему, или онъ не довѣряетъ въ этомъ случаѣ своимъ силамъ. Послѣднее часто сквозитъ въ смиренномъ выраженіи, будто такое счастье по плечу лишь избраннымъ. Итакъ, въ народномъ представленіи господа и рабы должны были постепенно пріобрѣсти свойства различной породы людей, испоконъ вѣку отличавшихся другъ отъ друга и уже отъ рожденія различныхъ по своему призванію и положенію. Не будемъ-же удивляться, что такое представленіе нашло себѣ выраженіе у мудрѣйшаго изъ грековъ въ его положеніи, что душа раба отличается отъ души свободнаго, такъ же, какъ душа женщины—отъ души мужчины.

Въ дѣйствительности кочевой бытъ требовалъ всюду, гдѣ онъ достигъ высшей организаціи, не мало умственной силы, опытности, осмотрительности и энергіи со стороны вождя, чтобы обезпечить и защитить жизнь всѣхъ остальныхъ. И то, и другое возможно было исключительно лишь при организаціи труда. Каждая отдѣльная личность должна была испытывать благодѣяніе, заключавшееся для нея въ обезпеченіи ея существованія, и должна была признавать превосходство того, кто умѣлъ ей

доставить его. Онъ получалъ надъ нею роковую власть, и она отдавалась ему, отказываясь отъ собственной воли.

Таковы въ общемъ естественныя основы явленія, которое мы привыкли считать заблужденіемъ и позорнымъ пятномъ извѣстной культуры, хотя они такъ тѣсно связаны между собой, что данная культура безъ этого фактора совершенно немыслима. То, что могли сдѣлать нравственныя понятія и религіозныя воззрѣнія того времени, никогда не могло пошатнуть самого принципа; оно смягчило только грубыя формы его проявленія. Но эти грубыя формы, теперь неразрывно слившіяся для насъ съ понятіемъ о рабствѣ, вовсе не стоятъ въ связи съ самимъ принципомъ. Въ нихъ скорѣе отражается вообще душевный строй человѣка того времени. У народовъ, совершенно не знавшихъ организованнаго рабства, подобная грубость существовала по отношенію къ женщинамъ и дѣтямъ, точно также составлявшимъ собственность мужа. Подобная же грубость примѣнялась и до нашихъ дней, какъ средство для поддержанія организаціи вольнонаемныхъ и служащихъ по вербовкѣ солдатъ, хотя въ основѣ этой организаціи лежитъ совершенно иной принципъ.

Прогрессъ въ добываніи жизненныхъ средствъ, создавшій рабство, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи самъ же привелъ къ его уничтоженію. Это случилось, однако, не тотчасъ послѣ перехода отъ кочевого къ земледѣльческому образу жизни. Его потрясли, конечно, и возникшія въ позднѣйшее время организаціи, имѣвшія спеціальной цѣлью обработку земли. Еще болѣе разлагающимъ образомъ дѣйствовала въ этомъ случаѣ экономическая дѣятельность, основанная на промышленности и торговлѣ, и, наконецъ, въ особенности,—прогрессъ умственнаго труда и изобрѣтеніе механическихъ двигателей.

Когда говорятъ, что такимъ путемъ трудъ шагъ за шагомъ «облагораживался», это не фраза, а дѣйствительный фактъ. Всякій рабочій, на самъ дѣлѣ, возвышался постепенно изъ роли простого двигателя до положенія господина и организатора труда, хотя-бы въ своей узкой сферѣ. Тѣмъ самымъ уничтожалась рѣзкая разница между организующими работу «господами» и исполняющими ее рабами. Съ одной стороны, высшій трудъ «благородныхъ» проникалъ все глубже и глубже въ слои народа; съ другой, благодаря разнообразію труда, отдѣльныя группы рабовъ, по роду своей работы, возвышались все больше и больше, и господа и рабы вскорѣ встрѣтились на одномъ и томъ же поприщѣ приложенія труда. Если прослѣдить исторію Греціи и Рима, начиная съ героической эпохи, легко замѣтить, что мы приближаемся къ этому переходу по мѣрѣ того, какъ мы удаляемся отъ кочевого быта.

Въ государствахъ послѣ-героическаго періода на физическомъ трудѣ лежало позорное клеймо. Физическая работа считалась постыдной потому, что, при существовавшемъ тогда раздѣленіи труда, она всегда доставалась на долю несамостоятельныхъ рабовъ. Когда въ греческихъ государствахъ, на-ряду съ отцовской властью, выступила власть союзовъ мира, организація работы еще вполнѣ соотвѣтствовала образцу, созданному кочевымъ бытомъ. То, что составляло раньше обязанности отца, перешло теперь къ союзу господствующихъ семей; если прежде обязанности эти состояли въ распредѣленіи и охранѣ работы и продуктовъ ея, то теперь

онѣ охватывали все управленіе государствомъ и политику. Поэтому достойное занятіе свободнаго грека, т. е. принадлежащаго къ господствующимъ семьямъ, составляли только политика и государственная служба. По существу, это была прежняя работа отца. Въ противоположность работѣ подчиненной части народа, эта «благородная» дѣятельность перестала считаться трудомъ. Въ древней Греціи понятіе о «гражданинѣ» не связывалось съ понятіемъ о среднемъ классѣ. Оно выражало скорѣе лишь понятіе о господствѣ. Это не было «Bürgertum», «гражданство» въ нашемъ смыслѣ, а скорѣе—въ смыслѣ средневѣковыхъ «родовъ». По этому такіе мужи, какъ Аристотель и Платонъ, совершенно одинаково смотрятъ на позорный характеръ физическаго труда: послѣдній служитъ признакомъ рабства. Но насколько былъ необходимъ этотъ трудъ, настолько же необходимо было на этой ступени организаціи его и рабство.

Способъ добыванія рабовъ зависѣлъ, конечно, вообще отъ способа добыванія жизненныхъ средствъ и измѣнялся вмѣстѣ съ нимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ развилось наслѣдственное право, вначалѣ относительно отцовской власти, а потомъ относительно всякаго званія вообще, дальнѣйшій переходъ въ рабство членовъ семьи, находящихся въ кровномъ родствѣ съ отцомъ, пересталъ быть возможнымъ. Рабство расширялось еще лишь въ предѣлахъ самого сословія рабовъ, и только люди смѣшаннаго происхожденія, большей частью, попадали въ рабство. Свободный человѣкъ могъ попасть въ рабство только за долги, такъ какъ тѣло его считалось послѣднимъ залогомъ, обезпечивающимъ долгъ. Съ членомъ еще сохранившейся древней семьи—патриціемъ—ничего подобнаго не могло случиться, если онъ не былъ исключенъ изъ семьи, или если вся семья не впала въ нищету. Отдѣльно стоящимъ простымъ семьямъ плебеевъ такая опасность угрожала, и именно, она оказала большое вліяніе на соціальную борьбу въ древней римской республикѣ.

Когда источникъ рабства внутри семьи, раздѣленіе въ самихъ нѣдрахъ ея, изсякъ, тогда возможно было пріобрѣтеніе рабовъ лишь со стороны. Главной побудительной причиной къ тому все еще была война, хотя и не всегда съ цѣлью добычи. Большей частью, она даже велась съ цѣлью образованія новыхъ, лучше укрѣпленныхъ организацій, съ болѣе выгодными границами. Но и сама война все болѣе и болѣе расширяла границы, за предѣлами которыхъ можно было добывать рабовъ. Чѣмъ большее количество странъ и народовъ вступали въ союзъ, во главѣ котораго стоялъ Римъ, и чѣмъ больше было занимаемое ими пространство, тѣмъ все дальше отодвигалась область добыванія рабовъ. Во времена процвѣтанія Рима она ограничивалась, съ одной стороны, Германіей и Скиѳіей, а съ другой—Африкой. Въ средніе вѣка, наконецъ, на континентѣ Европы и Германія вступила въ мирный союзъ. Добываніе рабовъ ограничивается только войнами между германцами континента и родственными скандинавскими племенами, съ одной стороны и славянами, съ другой. Въ первомъ случаѣ потерпѣвшей стороной являются чаще всего континентальные германцы, во второмъ—славяне (склавоны, склавы). Нынѣшнее нѣмецкое названіе рабовъ, «Sclave», ведетъ свое начало со времени этихъ войнъ. Постепенно миръ распространяется на всю часть свѣта; восточные и юго-восточные народы также образуютъ замкну-

тыя организаціи. Тогда неизсякаемымъ источникомъ рабства, отчасти и до нашихъ дней, остается еще только Африка.

Въ предѣлахъ все расширяющейся организаціи являются лишь тѣ средства для добыванія рабовъ, которыя допускаетъ мирное состояніе, именно обмѣнъ и купля. Внутри организаціи рабъ превращается, такимъ образомъ, въ товаръ, который продаютъ и покупаютъ на рынкѣ. Человѣческій товаръ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ товаровъ древности, и торговля невольниками и невольничьи рынки имѣли громадное значеніе. Съ прогрессомъ жизни спросъ на рабовъ сперва даже усиливался. Всякое новоизобрѣтенное искусство, требующее болѣе или менѣе обширнаго приложенія труда, приводитъ въ движеніе рабочія руки рабовъ. Къ земледѣлію въ Греціи вскорѣ присоединились различныя отрасли быстро развивающейся крупной промышленности: какъ въ помѣстьяхъ, такъ и на фабрикахъ работали рабы. Предприниматели принадлежали къ свободнымъ. Отдѣльныя лица занимали работой тысячи рабовъ. Но нигдѣ не скоплялось такого обилія человѣческаго товара, какъ въ Римѣ. Весь древній міръ долженъ былъ доставлять туда свои рабочія силы, и изумительныя улицы Рима пропитаны потомъ милліоновъ рабовъ. Но именно Римъ довелъ злоупотребленія рабствомъ до крайнихъ предѣловъ.

Весьма мало обуздываемая немногочисленными законами, изданными въ интересахъ общаго блага, или даже совершенно неограниченная свобода господина въ распоряженіи своимъ рабомъ юридически основана на власти отца. Часто повторяющееся грубое обращеніе съ рабами составляетъ наслѣдіе предшествующихъ варварскихъ временъ; но многія вопіющія злоупотребленія такого рода коренятся, впрочемъ, и въ страшномъ консерватизмѣ культа. Наиболѣе извѣстные ужасы, въ сильной степени запятнавшіе величіе Рима, объясняются именно этой послѣдней причиной.

Человѣческія жертвы, какъ мы видѣли, не были чужды почти всѣмъ первобытнымъ племенамъ. Это было послѣдствіемъ если не каннибализма, то развившагося понятія о правѣ владѣнія человѣкомъ. Рабы слѣдовали за господиномъ въ могилу, какъ и всякая другая собственность въ древности, и именно въ этомъ качествѣ. Въ качествѣ же дѣтей дома, они приносились въ жертву богамъ. Какой-бы жестокой ни казалась намъ широко распространенная торговля жертвенными рабами, надъ ней все-таки мерцаетъ загорающаяся искра человѣчности. Но съ какимъ трудомъ пролагаетъ она себѣ путь! Человѣкъ совершенно хладнокровно убиваетъ для своей надобности животныхъ; по отношенію къ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ, однако, постепенно выпускаетъ ножъ изъ своихъ рукъ. Что его удерживаетъ? Одно только воспоминаніе о болѣе близкихъ отношеніяхъ къ нимъ. Человѣкъ получалъ симпатію къ тому или другому индивидуумму, которой у него не было ко всему виду. Іегова, напр., требуетъ животной жертвы; но онъ не желаетъ принять вола, носившаго ярмо и пріобрѣвшаго, въ качествѣ помощника въ работѣ, дружбу и расположеніе человѣка. Та же симпатія служитъ прежде всего защитой роднаго, кровнаго ребенка, затѣмъ рожденнаго въ домѣ раба. Тяжесть жертвы падаетъ, такимъ образомъ, всецѣло на добытаго или купленнаго раба, пріобрѣтеннаго въ чужой странѣ. По отношенію къ этому «врагу» изъ чужой организаціи, приносящій жертву не связанъ никакой симпатіей. Жизнь побѣжденнаго въ рукахъ побѣди-

теля; онъ оставляетъ ее лишь до болѣе удобнаго времени и болѣе торжественнаго случая. Однако, на-ряду съ такимъ смягченіемъ и прогрессивнымъ ограниченіемъ убійства врага идетъ, въ свою очередь, колоссальное расширеніе возможности и средствъ для добыванія рабовъ. Такимъ образомъ, блескъ Рима сочетается съ позоромъ человѣческой рѣзни и съ возвращеніемъ къ самому дикому варварству. Но Римъ не сознаетъ, не видитъ этого: священной дѣвѣ, охраняющей очагъ города, культъ надѣлъ на человѣчески глядящія очи темную повязку.

Уже языческіе императоры Римской имперіи сильно и успѣшно боролись противъ ужасовъ человѣческихъ жертвоприношеній на кельтской почвѣ. Но у нихъ, занимавшихъ въ то же время мѣсто верховнаго жреца въ государствѣ, жреческая повязка лежала вокругъ глазъ, когда дѣло касалось Рима: здѣсь въ культѣ свирѣпствовали убійства цѣлыми тысячами.

Двѣ пары гладіаторовъ.—Гладіаторъ побѣжденъ и поднятіемъ руки проситъ о помилованіи, которое ему дается, такъ какъ служитель цирка мѣшаетъ его противнику нанести ему смертельный ударъ.—Справа одинъ изъ сражающихся гладіаторовъ, напротивъ, уже смертельно раненный падаетъ на землю. (Изъ Duruy, „Histoire des Romains“).

Убійства эти превратились въ забаву и потребность и находились подъ двойной защитой—религіозной совѣсти приверженцевъ культа и весьма условныхъ привязанностей и страстей плебея. Различными путями, но въ циркъ стремились и весталка, и Юлій Цезарь, въ качествѣ верховнаго жреца, и жаждущій грубыхъ зрѣлищъ рабъ-солдатъ.

Близкое родство римскихъ игръ съ кровавыми религіозными жертвоприношеніями кельтовъ было забыто, но въ сознаніи народа все еще оставалось религіозное отношеніе къ этимъ играмъ, что и проявлялось въ самыхъ различныхъ формахъ. Во многихъ случаяхъ это, дѣйствительно, были еще искупительныя жертвоприношенія. Таковы, напр., секулярныя празднества, подававшія поводъ къ такимъ-же жестокимъ играмъ. Выдающееся участіе въ нихъ жрецовъ сохранилось до самыхъ позднихъ временъ. Отцы христіанской церкви совершенно справедливо смотрѣли на эти представленія, какъ на обряды языческаго культа, и удерживали отъ участія въ нихъ христіанъ.

Дѣйствительно, связь ихъ съ культомъ чрезвычайно тѣсная. Еще греки временъ Гомера, напр., чтили своихъ великихъ покойниковъ. Культъ ихъ вы-

ражался въ томъ, что они, во-первыхъ, давали знатнымъ покойникамъ съ собой, для загробной жизни, плѣнныхъ враговъ, т. е. приносили ихъ въ жертву; вовторыхъ, они устраивали въ присутствіи души, и ради ея увеселенія состязательныя игры, носившія военный характеръ. Съ прогрессомъ гуманности, культъ перваго рода исчезъ въ Греціи, а состязательныя игры не были обязательно сопряжены съ опасностью для жизни и могли сохраниться въ видѣ упражненій свободныхъ людей. Въ Римѣ, напротивъ, оба элемента соединяются и сохраняются въ совершенно иномъ видѣ. Римлянинъ не отказался отъ кровавой игры, но сдѣлалъ носителемъ ея и безъ того обреченную на гибель жертву.

Совершенно такъ же въ древней Мексикѣ человѣкъ, приносимый въ жертву, долженъ былъ раньше доставить удовольствіе божеству своими танцами, а потомъ уже отдать ему свое сердце. Но въ Римѣ привлекало все больше и больше вниманія зрѣлище борьбы, а сама жертва постепенно была забыта.

Однако, сходство между Римомъ и Мексикой существовало и въ этомъ отношеніи. И въ Мексикѣ даже лично кроткій правитель способенъ былъ на выдающуюся жестокость, когда дѣло касалось культа. Чѣмъ больше плѣнныхъ онъ приносилъ въ жертву, тѣмъ вѣрнѣе было ему обезпечено расположеніе народа, такъ какъ богатая искупительная жертва должна была принести его правленію благословеніе боговъ. Въ Римѣ не гнушались этого кроваваго служенія даже и тонко образованные люди, которыхъ человѣчество причисляетъ къ своимъ героямъ, и довѣріе народа къ нимъ росло вмѣстѣ съ количествомъ гладіаторовъ, поставлявшихъ ими для этого выродившагося культа. Мы находимъ въ обѣихъ странахъ одинаково утонченный уходъ за обреченными въ такомъ видѣ на смерть. Не только въ Мексикѣ, но и въ Перу, и во многихъ другихъ мѣстахъ, предназначенныя въ жертву люди прежде, чѣмъ ихъ вели на закланіе, часто подвергались самому тщательному уходу въ теченіе цѣлаго года.

Между тѣмъ, какъ культъ создалъ именно здѣсь самыя варварскія формы человѣческаго рабства, жизненный прогрессъ стремился сгладить существующія крайности при посредствѣ труда. Съ расширеніемъ власти богатство властителей чрезвычайно возросло; развилась крупная земельная собственность необъятныхъ размѣровъ и чрезвычайно разнообразныхъ культурныхъ формъ. Мѣсто кустарной домашней промышленности во дворѣ крестьянина заняла фабрика разнообразнѣйшихъ предметовъ, удовлетворявшихъ вновь народившимся потребностямъ. Домашняя обстановка богачей достигла царской роскоши. Имѣнія, фабрики и придворный штатъ возвысили множество рабовъ до высшаго положенія управителей и надсмотрщиковъ, работа которыхъ не заключалась уже въ физическомъ трудѣ и была тождественна съ работой самихъ господъ. Это подняло ихъ значеніе, а, благодаря своимъ профессіональнымъ знаніямъ, они стали незамѣнимы. Даже воспитаніе дѣтей и преподаваніе сплошь и рядомъ находились въ рукахъ такихъ рабовъ. При такомъ положеніи, они, однако, неизбѣжно должны были пріобрѣсти вліяніе на своихъ господъ; эти измѣнившіяся отношенія часто находили себѣ соотвѣтственное выраженіе въ «отпущеніи на волю». Бывшій рабъ не становился, впрочемъ, равноправнымъ господину отъ рожденія, — онъ находился съ того времени лишь въ болѣе мягкой зависимости отъ него, пользуясь его патронатомъ.

Дѣло дошло до того, что въ рукахъ рабовъ часто сосредоточивались не только необходимыя ремесла, но и науки и искусства. При томъ высокомъ значеніи, которое тѣ и другія пріобрѣли постепенно и въ Римѣ, это естественно должно было поднять положеніе рабовъ и уваженіе къ нимъ. Отношенія эти особенно бросались въ глаза въ Римѣ потому, что именно свободные старые граждане Рима всего менѣе занимались такими предметами. Такимъ образомъ, лучшіе врачи, наиболѣе выдающіеся ваятели и т. п. оказались въ классѣ рабовъ, и къ рабамъ принадлежали мѣстные и привезенные изъ Греціи писатели, впервые развившіе среди римлянъ вкусъ къ литературѣ.

Прежде предметомъ хвастовства служило поголовное число рабовъ, а теперь тщеславились высшимъ ихъ качествомъ. Болѣе близкія отношенія такихъ рабовъ къ ихъ господамъ вызывали послѣднихъ желаніе сдѣлать ихъ болѣе достойными такой близости путемъ отпущенія ихъ на волю, тѣмъ болѣе, что съ патронатомъ зависимость не уничтожалась: она исчезала вполнѣ только въ третьемъ поколѣніи. Такимъ образомъ, прежде всего «облагородилась» извѣстная работа рабовъ, а потомъ работа вернула имъ и свободу. Римляне позднѣйшаго времени особенно гордились тѣмъ, что за ихъ гробомъ могло слѣдовать большое количество «вольноотпущенниковъ». Благодаря тому, отпущеніе на волю путемъ завѣщанія достигло такихъ размѣровъ, что Августъ нашелъ нужнымъ прибѣгнуть къ ограниченію его: впредь никто не могъ отпустить на волю путемъ завѣщанія болѣе ста рабовъ.

Ограниченія эти не положили, однако, предѣла броженію, охватившему соціальный организмъ того времени. Въ дѣйствительности, трудъ, побѣдоносно добивавшійся своихъ правъ, устранилъ старыхъ господъ, точно куколъ, и поставилъ на ихъ мѣсто новыхъ. Но на этотъ разъ то былъ не физическій трудъ, а организующій, умственный. Нѣкоторое время казалось, что все государство должно перейти въ руки отпущенниковъ. «Со времени Калигулы, въ теченіе нѣсколькихъ царствованій, наиболѣе вліятельными гражданами были отпущенники, занимавшіе главныя мѣста во дворцѣ и пользовавшіеся обыкновенно полной властью надъ императоромъ. Прошенія подавались только черезъ нихъ. Только при ихъ посредствѣ происходила раздача знаковъ императорской милости. Иногда они даже лишали императора трона. Они сохраняли свою власть несокрушимой въ теченіе цѣлаго ряда переворотовъ. Богатствомъ, властью, количествомъ свиты, роскошью дворцовъ при жизни и памятниковъ послѣ смерти они затмѣвали всѣхъ, и наиболѣе гордые римскіе патриціи добивались милости тѣхъ людей, отъ которыхъ древніе римляне отвернулись бы съ презрѣніемъ». Такъ говоритъ Лекки въ своей «Исторіи нравственности». Въ лицѣ Пертинакса сынъ вольноотпущенника даже взошелъ на императорскій тронъ.

Еще болѣе разлагающимъ образомъ дѣйствовалъ подобный прогрессъ экономической жизни, когда Римская имперія распалась, и германскія племена сдѣлались господствующими въ странѣ. Въ своей родной странѣ завоеватели эти сжились съ кочевымъ образомъ жизни скотоводовъ; жалкимъ земледѣліемъ занимались только женщины. Они не знали ни винодѣлія, ни оливковыхъ плантацій, получали свои украшенія и лучшее оружіе изъ чужихъ странъ, и домашняя обстановка ихъ отличалась чрезвычайной про-

стотой даже въ княжескихъ домахъ. Вся семья спала вокругъ очага, а дѣти росли голыми и грязными. Теперь эти побѣдители поселились въ мраморныхъ дворцахъ и жили доходами отъ тщательно воздѣлываемыхъ земель. Имъ не только нравился образъ жизни побѣжденныхъ, но они даже считали нужнымъ подражать имъ, чтобы внушать уваженіе своимъ новымъ подданнымъ. Они вынуждены были продолжать въ помѣстьяхъ чуждое имъ хозяйство, если не хотѣли лишиться доходовъ, цѣнность которыхъ они научились понимать очень скоро. Но во всѣхъ этихъ дѣлахъ имъ пришлось пользоваться знаніями своихъ новыхъ слугъ, вслѣдствіе чего значеніе этихъ послѣдвскорѣ превзошло значеніе бывшихъ ихъ господъ. Даже свободные члены господствующаго племени поневолѣ не могли занимать наиболѣе вліятельныхъ должностей, такъ какъ необходимыми знаніями обладалъ только туземный рабъ.

Такимъ путемъ часть рабовъ достигла болѣе вліятельнаго и, поэтому, болѣе почетнаго положенія, чѣмъ то, какое занималъ свободный франкъ, оставаясь въ помѣстьи при своемъ плугѣ. Въ особенности такіе слуги могли разсчитывать на отличіе ихъ при дворѣ, и писанные законы подтверждали ихъ преимущества. Въ то же время легко могло случиться, что старая семья свободнаго члена распадалась такимъ образомъ, что послѣдствіемъ того являлось продолжительное рабство подчиненныхъ членовъ. Но и въ этомъ случаѣ отношенія трудовой организаціи разбивали установившіяся кастовыя рамки и создавали новыя группировки людей. Процессъ этотъ, въ измѣненной формѣ, продолжается и понынѣ.

Не менѣе разлагающимъ образомъ дѣйствовала на старыя кастовыя отношенія церковь — не словомъ и поученіями, а въ качествѣ собственницы, принимавшей участіе въ трудовой организаціи. Въ качествѣ владѣтельницы богатыхъ имѣній, церковь нуждалась въ рабочей силѣ слугъ, какъ и всякое господское хозяйство. Несмотря, однако, на то, что она владѣла откровеніемъ, она также мало знала другія трудовыя организаціи, не включавшія рабства, какъ и всякое другое древнее общество. Тѣмъ не менѣе, именно ея способъ управленія заключалъ сравнительно большое число переходныхъ ступеней отъ рабства къ свободѣ. Между прочимъ, и безбрачіе, не безъ основанія столь осуждаемое съ другой точки зрѣнія, въ этомъ случаѣ не разъ открывало доступъ къ господству человѣку, который, при условіи наслѣдованія церковныхъ имѣній, навсегда долженъ бы былъ остаться слугой.

Первые священники въ сѣверо-германскихъ государствахъ, большею частью, повидимому, происходятъ изъ сословія рабовъ. Даже будучи священниками, они остаются въ зависимости отъ предпринимателей, отъ позднѣйшихъ «патроновъ» богоугодныхъ заведеній. Но картина постоянно мѣняется. Вся церковь, въ цѣломъ, борется за свободу своихъ слугъ и предназначеннаго для религіозныхъ цѣлей имущества. Постепенно священникъ является всюду равноправнымъ съ господиномъ старой семьи, представителемъ общины—независимо отъ своего происхожденія. Монтескьё говорилъ о древнемъ Римѣ, что всѣхъ стекавшихся къ нему людей онъ «принималъ рабами и отсылалъ обратно римлянами». То же самое можно сказать и о церковномъ Римѣ. Онъ принималъ рабами мальчиковъ, которыхъ такъ часто дарили ему княжескія фамиліи, и отпускалъ ихъ епископами и аббатами. Но и по управленію обширными имѣніями многіе рабы, оставшіеся у церкви,

достигли выдающихся должностей. Не одинъ изъ болѣе молодыхъ дворянскихъ родовъ произошелъ отъ подобныхъ фогтовъ или бургграфовъ. Наконецъ, церковь ввела и различныя формы умѣренной и условной подчиненности и тѣмъ создала болѣе мягкія переходныя формы. Многіе свободные люди для спасенія души добровольно предлагали себя церкви въ рабство, выговаривая, однако, при этомъ извѣстныя условія для себя и своихъ дѣтей. Церкви невыгодно было отказываться отъ такихъ предложеній, какъ бы ни были малы ихъ выгоды. Она еще смотрѣла, правда, на такихъ людей, какъ на рабовъ, но бывала довольна, если рабство ихъ проявлялось въ какомъ-нибудь приношеніи хотя бы разъ въ годъ. И такое приношеніе доставляло кое-какую пользу!

Такимъ образомъ, въ качествѣ собственницы, церковь существенно содѣйствовала введенію болѣе мягкихъ и ограниченныхъ формъ подчиненности и расчлененію древняго рабства, замѣнивъ его цѣлымъ рядомъ другихъ, болѣе достойныхъ отношеній. Но самого принципа она коснулась такъ же мало, какъ и всѣ древнія религіи. Равенство всѣхъ людей передъ Богомъ, общимъ Отцомъ, нисколько не исключало отцовской власти и рабства на землѣ. Церковь тѣмъ болѣе признавала ихъ право на существованіе, что въ ученіи о загробной жизни она обладала средствомъ для вознагражденія за всѣ несправедливости земной. Церковь, сама употреблявшая въ своихъ имѣніяхъ и на своей службѣ безчисленное множество рабовъ, рада была прекратить вывозъ христіанскихъ рабовъ на языческіе, иностранные рынки. Эту цѣль преслѣдовали многія синодальныя постановленія, напр., составленное въ 1005 г. въ Арнебургѣ, въ присутствіи императора Генриха II. Обоснованіемъ для такихъ постановленій служило, однако, не осужденіе рабства, какъ юридическаго института и не намѣреніе подавить торговлю невольниками вообще, а исключительно забота о томъ, чтобы христіанскіе рабы не могли служить жертвами для язычниковъ. Въ дѣйствительности такія жертвы продолжали еще существовать въ началѣ среднихъ вѣковъ въ странахъ, куда не проникло христіанство, и именно смягченіе нравовъ привело къ тому, что для такой цѣли примѣнялись исключительно рабы, добытые на чужой сторонѣ. Понятно, что такое сосѣдство внушало христіанамъ неопреодолимый страхъ и заставляло ихъ вступать путемъ подобныхъ синодальныхъ постановленій во взаимныя обязательства, по крайней мѣрѣ, самимъ не содѣйствовать такимъ ужасамъ, несмотря на выгоды торговли невольниками.

Къ тому-же времени относится происхожденіе злой клеветы, направленной противъ не-христіанъ, жившихъ по сосѣдству, или среди новообращенныхъ христіанъ. Не безъ основанія характерной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гнусной чертой ихъ считалось, что, ради своего культа, они обагряютъ руки въ человѣческой или дѣтской крови. По мѣрѣ того, какъ христіанство подвигалось все далѣе и далѣе, одни сосѣди взводили эту хулу на другихъ, пока она, наконецъ, не повисла надъ евреями, какъ единственными нехристіанами, жившими среди христіанъ.

Указанныя выше запрещенія не относились, однако, къ самому рабству и къ торговлѣ рабами. Подобно тому, какъ въ VII столѣтіи римскіе рынки преимущественно наполнялись германскими рабами, такъ и на рубежѣ тысячелѣтія продолжительныя войны со славянами доставляли все

новый матерьялъ для торговли. Въ XIV столѣтіи въ Германіи еще можно было открыто говорить о торговлѣ рабами, какъ это доказываютъ нѣкоторыя свидѣтельства. Въ 1311 г. въ одномъ случаѣ была куплена цѣлая семья, мужъ, жена и дѣти, за 300 регенсбургскихъ пфенниговъ, что мы узнаемъ изъ случайно сохранившагося документа.

Церковь не только признавала правомѣрность института рабства, но представители ея, папы, гораздо болѣе способствовали его расширенію, чѣмъ нѣкоторые изъ нихъ могли помочь дѣлу выкупомъ и отпущеніемъ рабовъ на волю. Во время одной распри съ Флоренціей папа Григорій XI, 22 марта 1376 г., разрѣшилъ «вѣрующимъ» хватать отлученныхъ отъ церкви флорентинцевъ и «обращать ихъ въ своихъ рабовъ», «безъ права, однако, умерщвленія и изувѣченія». То, что было возможно по отношенію къ христіанамъ, могло считаться вполнѣ законнымъ, когда дѣло касалось язычниковъ. Булла «Romanus Pontifex» Николая V уполномочивала короля Альфонса Португальскаго завоевать всѣ государства сарациновъ и западно-африканскихъ язычниковъ и «обратить населеніе ихъ въ вѣчное рабство». Въ этихъ воззрѣніяхъ не произошло еще никакой перемѣны и тогда, когда папа Александръ VI подарилъ королю испанскому Фердинанду новооткрытый свѣтъ къ западу отъ установленной имъ демаркаціонной линіи. Такимъ образомъ, введеніе рабства въ Америкѣ произошло не вопреки христіанской церкви.

Новая постановка труда частью превратила рабовъ въ господъ, частью привела вообще къ новымъ формамъ распредѣленія и организаціи труда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сломила принципъ вышедшей за предѣлы семьи отцовской власти и принципъ рабства и крѣпостничества. Совершившійся переворотъ обозначается возвышеніемъ буржуазіи, освобожденіемъ крестьянъ и борьбой съ притязаніями, основанными на происхожденіи. Буржуазная промышленность первая указала путь къ распредѣленію работы, основанному не на приказаніи отцовской власти, а на взаимномъ соглашеніи и, смотря по качеству работы, на различномъ участіи въ продуктѣ труда. Съ тѣхъ поръ время продолжаетъ работать надъ установленіемъ по возможности справедливаго и правильнаго распредѣленія прибыли, между тѣмъ какъ принципъ отеческой власти и взглядъ на рабочаго, какъ на собственность, уничтожены навсегда.

Наступленіе такого переворота, въ свою очередь, связано съ повышеніемъ качества человѣческаго труда, такъ-же, какъ въ древности приблизился къ свободѣ и, наконецъ, окончательно сумѣлъ пріобрѣсти ее, рабъ, возвысившійся до организующаго умственнаго труда. Въ данномъ случаѣ стимуломъ послужило изобрѣтеніе машинъ и пользованіе паровой силой. Вся исключительно двигательная работа отошла отъ человѣка, и впослѣдствіи человѣческій трудъ всегда былъ связанъ до нѣкоторой степени съ работой мысли. За этимъ новымъ «облагороженіемъ» труда послѣдовало освобожденіе человѣчества отъ рабства во всѣхъ областяхъ, гдѣ основой организаціи перестала быть древне-отеческая власть. Эта перемѣна провела на земномъ шарѣ, между Западомъ и Востокомъ, гораздо болѣе важную демаркаціонную линію, чѣмъ проведенная нѣкогда папами «отъ сѣвернаго къ южному полюсу», для ограниченія португальскихъ рабовъ отъ испанскихъ. При разсмотрѣніи государственныхъ организацій мы еще встрѣтимся съ этой пограничной линіей.

Она все еще проходитъ черезъ Европу, хотя и колеблемая вѣяніями времени; но сѣверъ Новаго свѣта всецѣло принадлежитъ новому времени. Медленно проложила она себѣ дорогу въ Англіи и Германіи; во Францію она вторглась ураганомъ во время Великой революціи. Борьба Англіи во всѣхъ частяхъ и моряхъ свѣта за подавленіе рабства и вспыхнувшая въ Соединенныхъ Штатахъ война между сѣверомъ и югомъ, связанная съ вопросомъ о невольничествѣ,—стояли обѣ въ тѣсной связи съ указаннымъ развитіемъ культуры. Насколько можно судить, историческая вѣроятность обѣщаетъ въ будущемъ свободу, за которую съ такимъ невыразимымъ трудомъ, хотя и не безуспѣшно, боролось человѣчество своей культурной работой.

Поземельная собственность.

Человѣку уже извѣстно было право собственности на оружіе, украшенія и орудія, а на высшей ступени развитія—и на животныхъ и людей, но онъ все еще не зналъ права собственности на землю. Это должно казаться намъ теперь тѣмъ болѣе непонятнымъ, что и хижину человѣка мы должны относить къ его орудіямъ. Могла ли быть хижина собственностью, а земля, на которой она стояла,—нѣтъ? Какъ это ни кажется намъ противорѣчивымъ, но такъ оно было въ дѣйствительности. Еще и теперь многія некультурныя племена строятъ свои хижины, не думая о владѣніи землей; когда они перестаютъ пользоваться ею, они перестаютъ и «владѣть» въ буквальномъ смыслѣ слова. Поэтому у всѣхъ мало-культурныхъ народовъ, включая сюда и древнихъ германцевъ, хижина считается «движимымъ имуществомъ».

Вскорѣ въ этомъ отношеніи наступаетъ различіе между домомъ мужчины и женщины. Но такое раздвоеніе уже не относится къ наиболѣе древней ступени: первоначально, насколько мы можемъ заглянуть вглубь исторіи, хижина всюду находится подъ охраной и во владѣніи одной только женщины. Такъ какъ женщина является со своими дѣтьми хранительницей постояннаго очага, въ то время, какъ мужчина еще блуждаетъ въ погонѣ за дичью, то заборъ и кровля надъ очагомъ — единственное, что представляетъ изъ себя древнѣйшая хижина—находятся въ рукахъ, во владѣніи женщины. Этимъ объясняется, почему обязанность строить хижину лежитъ у всѣхъ дикихъ племенъ на женщинѣ, даже и тогда, когда, какъ, напр., у эскимосовъ, жилище представляетъ уже сравнительно прочную и искусную каменную постройку. Эскимосъ готовъ подвергнуться всѣмъ лишеніямъ и опасностямъ охоты, но онъ тщательно избѣгаетъ того, чтобы нагнуться и поднять камень, предназначенный для постройки дома: это было бы ниже его достоинства. Домъ и постройка дома — женское дѣло.

Незначительный остатокъ такого воззрѣнія сохранился и у древнихъ германцевъ. По свидѣтельству «Саксонскаго зерцала», домъ точно также былъ собственностью женщины, но не земля подъ домомъ. Строила она его, впрочемъ, уже не сама, а, согласно деревенскому обычаю, мужчина дарилъ своей невѣстѣ такой деревянный домикъ, въ качествѣ «свадебнаго подарка». Въ случаѣ смерти мужа, жена могла дѣлать со своимъ домомъ все, что хотѣла, но земля, находившаяся подъ нимъ, принадлежала новому хозяину: она переходила «по наслѣдству». Жена могла только взять подвижный еще въ

то время домъ и поставить его на какомъ-нибудь участкѣ земли, принадлежавшемъ ея роднымъ.

Итакъ, мы видимъ, что и тогда еще возможно было владѣніе домомъ безъ собственности на землю. На-ряду съ этимъ уже и тогда были дома съ правомъ собственности на землю; каковы именно дома, принадлежавшіе всей семьѣ, представителемъ которой былъ отецъ. Древніе германцы называли такіе дома «Sala» (залъ) или палатой (Halle), въ отличіе отъ упомянутыхъ «деревянныхъ каморокъ» (Zimmern) женщинъ. Но такіе менѣе подвижные дома съ правомъ поземельной собственности существовали не всегда.

Кочевникъ болѣе древняго времени не зналъ такихъ домовъ и, останавливаясь въ какомъ-нибудь мѣстѣ, жилъ въ хижинѣ женщинъ. Но и женщины еще продолжали странствовать; поэтому не было никакой надобности въ собственности на землю для жилья. Номаду нужны только свободныя пастбища, и онъ не сдѣлаетъ, конечно, попытки превратить ихъ въ собственность, если имѣетъ ихъ въ достаточномъ количествѣ. «Смотри, земля лежитъ предъ тобой»,—повторяется часто въ исторіи библейскихъ патріарховъ. Возможенъ также и другой исходъ: «если ты пойдешь направо, я пойду налѣво»! Но въ спорѣ за какое-нибудь пастбище у побѣдителей можетъ развиться нѣчто вродѣ понятія о собственности, которое, естественно, связывается въ такихъ случаяхъ съ существующими уже аналогичными понятіями. Эти старинныя понятія о собственности связывались, однако, съ вопросомъ не о правѣ, а о силѣ. Человѣкъ владѣлъ лишь тѣмъ, что̀ могъ охранять и защищать своей рукой. Никому не могло, поэтому, придти въ голову сдѣлаться «владѣльцемъ» участка свободнаго пастбища. Но цѣлое собраніе людей, съ соотвѣтственнымъ количествомъ рукъ, могло отстоять для своего исключительнаго пользованія извѣстную полосу земли, и въ такой только формѣ возникла первая поземельная собственность.

Внутри общины никто не имѣетъ отдѣльнаго права на землю, но всѣмъ принадлежитъ одинаковое право пользованія ею. Пока племя ведетъ вполнѣ кочевой образъ жизни, пользованіе землей происходитъ сообща, и для этой цѣли нѣтъ даже повода дѣлить ее между отдѣльными членами. Только женщины, охотно сохраняющія одинъ и тотъ-же очагъ на болѣе продолжительное время,—что̀ вполнѣ возможно, благодаря медленному передвиженію пасущагося скота,—выбираютъ поблизости подходящій участокъ земли, чтобы развести какое-нибудь быстро созрѣвающее растеніе. Владѣніе ихъ ограничивается, однако, только продуктами урожая и не простирается на воздѣланную землю. Зачѣмъ имъ нужна собственность, какъ скоро онѣ вскорѣ послѣ жатвы отправятся далѣе? И если-бы имъ даже вскорѣ пришлось вернуться на старое мѣсто, опытъ убѣждаетъ ихъ, что обработка новой земли даетъ лучшую жатву. Заботы ихъ направлены исключительно на то, чтобы защитить воздѣланный участокъ отъ пасущагося скота. Какъ они этого достигаютъ, это ихъ дѣло. Вообще поле еще не защищается въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ общими силами, а ему служитъ только естественной защитой изгородь, заборъ.

Изъ этихъ простыхъ отношеній выросъ институтъ поземельной собственности, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ странахъ. Необходимыми предварительными условіями для его развитія были прекращеніе кочевничества,

преимущественное развитіе земледѣлія и, наконецъ, перевѣсъ послѣдняго надъ скотоводствомъ вообще.

Пастбище уже не мѣняется болѣе или, по крайней мѣрѣ, мѣняется не въ такихъ размѣрахъ, чтобы все, нуждающееся въ защитѣ, не могло оставаться изъ года въ годъ на одномъ и томъ-же избранномъ мѣстѣ. Не слышно болѣе далеко въ воздухѣ пронзительнаго скрипа тяжелыхъ повозокъ, на которыхъ германцы, по свидѣтельству римлянъ, перевозили когда-то свое имущество и даже свои хижины. Степь затихла и въ то же время стала оживленнѣе. Каждый родъ отстаиваетъ свои пастбища, по возможности, до какой-либо естественной границы. Хвойными лѣсами и болотами никто еще не умѣлъ пользоваться, никто не добивался и не боролся за владѣніе ими, и потому они остаются естественными границами между пастбищами. На послѣднія уже предъявляетъ нѣкоторыя права собственности, по крайней мѣрѣ, вся община въ цѣломъ, готовая, въ случаѣ надобности, защищать ихъ руками и оружіемъ. Пограничнымъ лѣсомъ еще никто не владѣетъ.

Въ предѣлахъ этой первоначальной поземельной собственности избрали себѣ постоянное мѣстожительство и мужчины. Сперва это было только расположенное близь женскихъ хижинъ жилище патріарха, «Sala» или «Halle» (залъ, палата), гдѣ отецъ семьи жилъ самъ и собиралъ мужчинъ для распредѣленія работы, для совѣта, для пирушекъ. Съ разложеніемъ патріархальной семьи, подобный господскій домъ появляется въ каждой отдѣльной семьѣ. Но въ началѣ осѣдлое мѣсто жительства заключается не въ деревянныхъ, легко сколоченныхъ стѣнахъ, которыя сами представляютъ нѣчто подвижное. Въ качествѣ отдѣльной собственности, изъ общиннаго участка (марки) выдѣляется теперь скорѣе дворъ, и признакомъ его, какъ частнаго владѣнія, служитъ опять-таки то же огражденіе, или обнесеніе заборомъ. Заборъ («Zaun» или «Gard») пріобрѣтаетъ громадное значеніе въ исторіи владѣнія и заселенія страны, доказательствомъ чего служатъ выраженія, сохранившіяся въ языкахъ среднеевропейскихъ народовъ. Нѣмецкія обозначенія «забора»—«hag», «gart»—послужили для названія многочисленныхъ населенныхъ мѣстностей. Англійское «Yard» обозначаетъ какъ составную часть забора, такъ и дворъ. Въ датской деревнѣ дворъ, а въ городѣ большой домъ называются «Gaard», именемъ, сохранившимся въ славянскомъ «городъ» или «hrad». Въ такомъ-же родствѣ съ нижненѣмецкой формой «Zaun» (на англійскомъ языкѣ «Town» значитъ городъ) находится славянское «тынъ», что въ Прагѣ еще и теперь означаетъ старинный закрытый торговый дворъ, а въ другихъ мѣстахъ—просто замокъ.

Такое обнесенное изгородью мѣсто, въ предѣлахъ котораго древніе германцы складывали свое движимое имущество и устраивали свои жилища, они называли «Hofreite», а въ документахъ, написанныхъ по латыни—«Агеа». Кромѣ «агеа», огороженнаго двора, въ предѣлахъ котораго каждый могъ располагаться, какъ хотѣлъ, въ нѣмецкихъ поселеніяхъ не было другой поземельной собственности, даже вначалѣ среднихъ вѣковъ. Только «агеа» крестьянинъ могъ дарить или продать; только этимъ маленькимъ участкомъ земли онъ располагалъ такъ же, какъ древнимъ движимымъ имуществомъ, и только на него распространилось впослѣдствіи понятіе о собственности. Это мѣсто мужчина имѣлъ право самъ выбирать, охранять и защищать. Вся земля

въ предѣлахъ марки находилось въ такомъ же отношеніи только ко всей общинѣ: ее защищали и ею владѣли всѣ члены общины. Всякій, обладавшій такимъ дворомъ, «Hofreit», въ предѣлахъ марки, тѣмъ самымъ являлся уже членомъ общины и имѣлъ право на свою долю пользованія землей, безразлично какими бы правилами ни устанавливался порядокъ этого пользованія. Поэтому крестьянинъ, продавая свой «агеа», какъ бы молча передавалъ и свои права на пользованіе общинной землей, такъ какъ онъ еще не имѣлъ на нее права частной собственности.

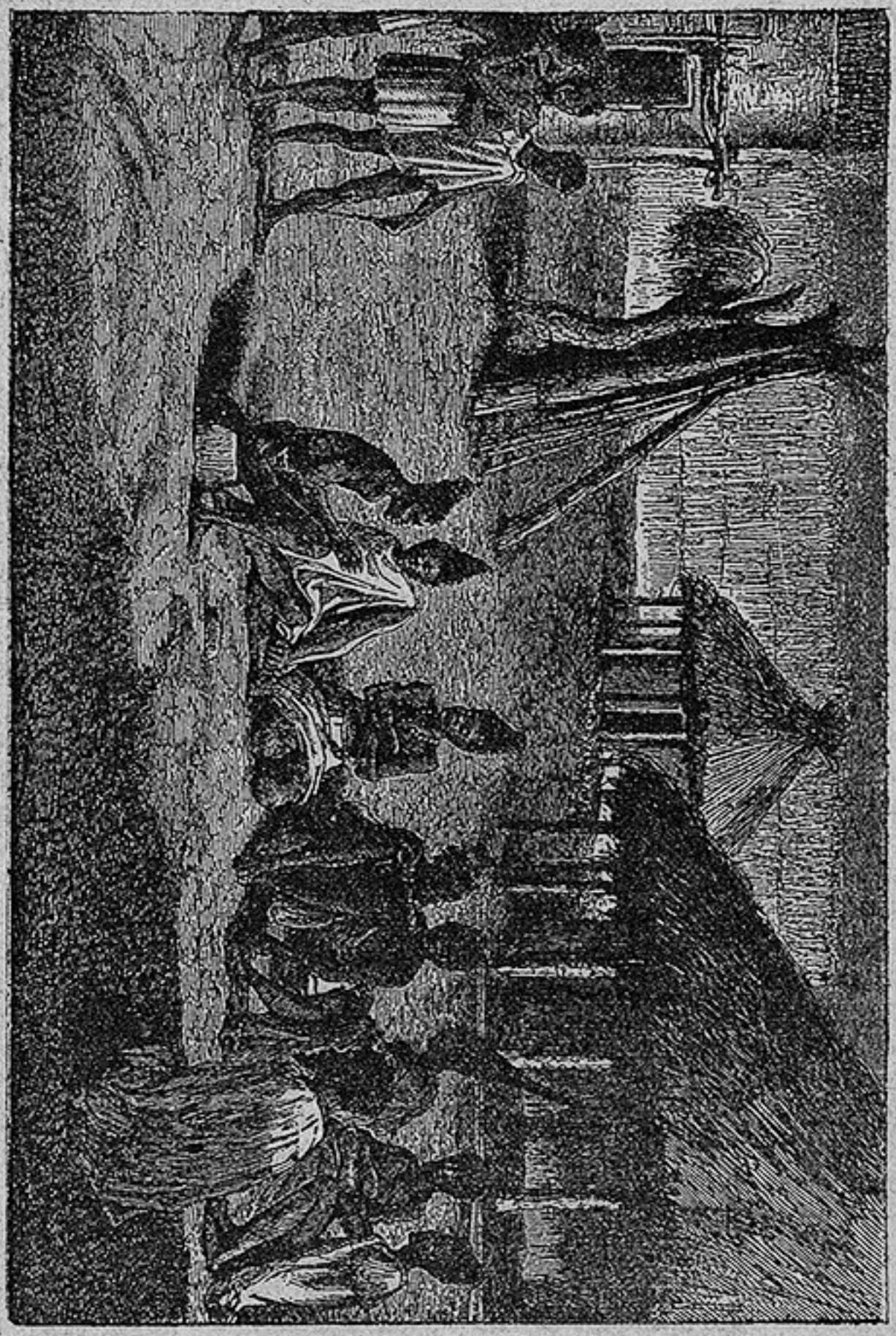
Такой ходъ развитія, повидимому, настолько вытекаетъ изъ самой природы вещей, что отдѣльныя стадіи его повторяются почти повсюду. Если бы имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи источники позволили намъ заглянуть въ глубь германской исторіи, мы навѣрное нашли бы тамъ «Hofreiten» весьма похожими на то, что въ центральной Африкѣ теперь называется «сериба», а въ южной Африкѣ — «коралъ» или «крааль». Изгородь образуется или непосредственно самими жилищами, расположенными кругомъ, со входными отверстіями въ сторону свободнаго пространства для скота, или предпочтительно устраивается живая изгородь изъ терновника, или же и то, и другое соединяется, для большей прочности. Размѣры и расположеніе такихъ поселеній у народовъ, лишь недавно перешедшихъ къ осѣдлости, естественно зависѣли отъ того—предназначалось-ли огороженное мѣсто для сложной семьи, или аналогичной общинной организаціи, или же оно должно было служить защитой только отдѣльнымъ семьямъ. Въ послѣднемъ случаѣ возникаютъ группы отдѣльныхъ дворовъ, въ первомъ—замкнутая деревня. Существованіе подобныхъ поселеній, имѣвшихъ общую изгородь для принадлежавшей имъ общинной земли, и въ Германіи доказываютъ еще и теперь нѣкоторые остатки подобныхъ сооруженій въ западной Германіи: нѣкоторыя деревни сохраняютъ до сихъ поръ остатки прежнихъ общихъ защитныхъ валовъ. Въ низменныхъ мѣстностяхъ сѣверной Германіи, подобно древнему Египту, вмѣсто защитныхъ оградъ существуютъ водяные рвы, или, для большей прочности, встрѣчается и то, и другое.

Въ славянскихъ земляхъ, гдѣ патріархальный бытъ и отсутствіе поземельной частной собственности сохранялись гораздо дольше, мы находимъ еще и теперь поселенія, кругообразнымъ расположеніемъ домовъ и многими частностями живо напоминающія упомянутыя южно-африканскія поселенія.

Подобныя сооруженія встрѣчаются не только въ Богеміи, но они частью сохранились и въ Альтмаркѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя раньше населены были славянами. Дома вмѣстѣ съ садами при нихъ образуютъ тамъ иногда поразительно правильный кругъ, къ которому обращены всѣ калитки. Прежде существовалъ одинъ только входъ въ эти «круглыя деревни», содержавшія все, что́ люди признавали тогда предметомъ собственности: отдѣльную отъ марки землю «агеа», движимое имущество и скотъ, не выгонявшійся на пастбище. Въ центрѣ замкнутого круга находится обыкновенно прудъ для птицъ и для купанья, или церковь, какъ новѣйшая форма господскаго дома.

Огораживаніе еще долго считается существеннымъ условіемъ для признанія частной собственности. Когда общество начинаетъ допускать и охранять по-

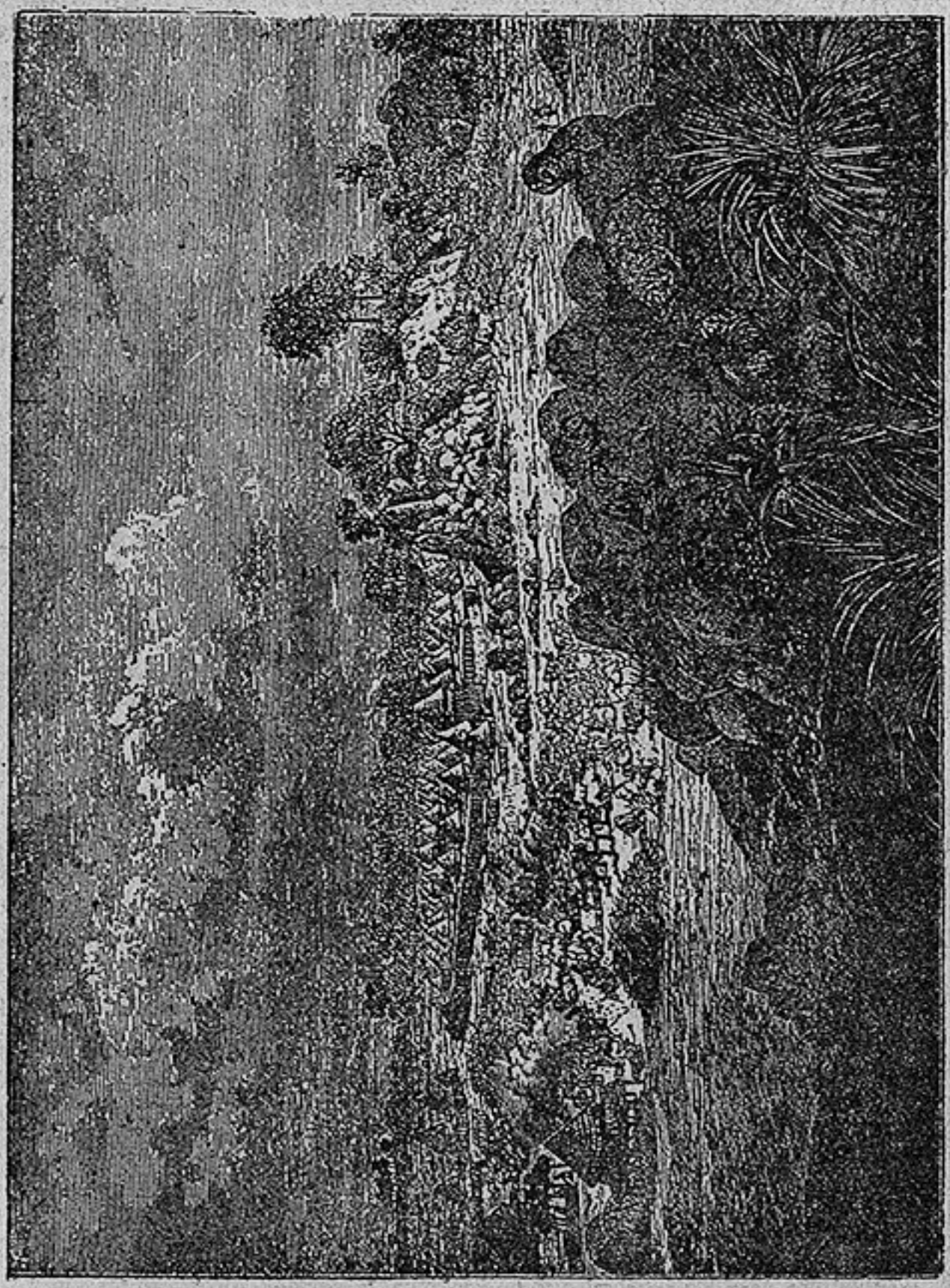
слѣднюю, характеромъ ограды опредѣляется и охрана, оказываемая собственности. Въ періодѣ появленія такъ называемыхъ «народныхъ правдъ», еще не совсѣмъ прошло то время, когда пасущійся скотъ былъ до извѣстной

Въ готтентотскомъ краалѣ (по Голубу).

степени въ положеніи дикихъ животныхъ. Прирученныя животныя, по крайней мѣрѣ, свиньи, все еще смѣшивались съ дикими, несостоявшими еще ни въ чьемъ владѣніи. Кто ихъ убивалъ, тому они и принадлежали. Поэтому, право собственности на свинью, бродившую на свободѣ, было вообще недостаточно

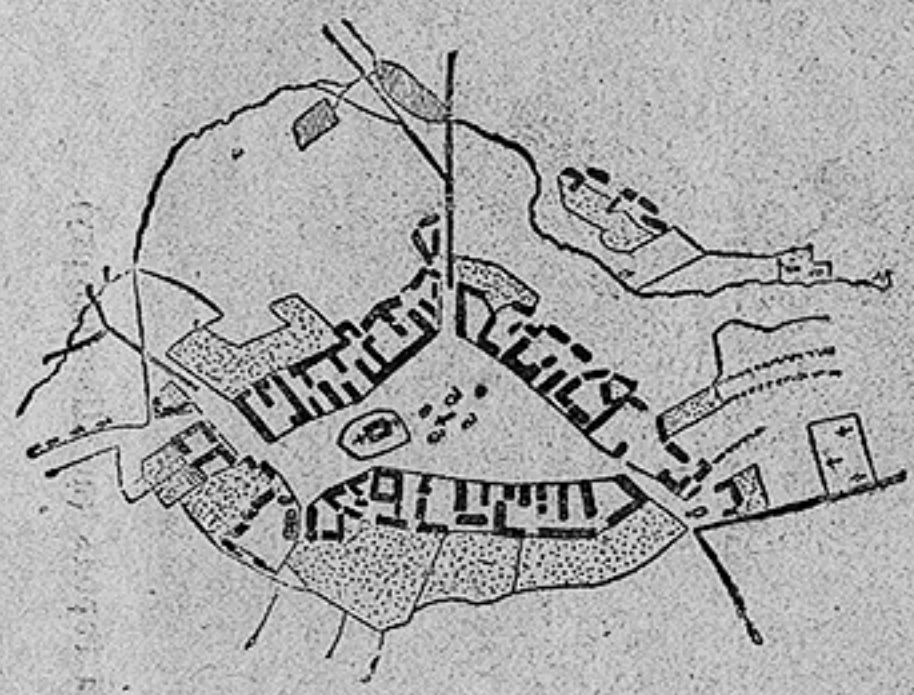
обезпечено, и община почти не вступалась въ такихъ случаяхъ, такъ какъ подобное животное легко могло потеряться. Всякая изгородь или замокъ, напротивъ того, обезпечиваютъ охрану собственности, не только сами по себѣ, но и потому, что община начинаетъ признавать все огороженное или за-

Зулусскій городъ (по Швейнфурту).

пертое собственностью и соглашается охранять ее. Впослѣдствіи заборъ или замокъ остается лишь въ видѣ указанія, символа; тѣмъ не менѣе охрана общины становится слабѣе. Этому принципу соотвѣтствуетъ «салическій законъ», устанавливающій различныя наказанія за животное, уведенное изъ внѣшней или изъ внутренней загородки двора.

Выйдя изъ предѣловъ двора и распространившись на всю марку, частная собственность могла сдѣлать дальнѣйшій шагъ впередъ только постепенно и опять лишь путемъ огражденія. Народы, не вышедшіе изъ состоянія номадовъ, не пошли далѣе указаннаго пункта, и мы должны ихъ оставить здѣсь. Прошлое германцевъ, напротивъ, даетъ въ этомъ отношеніи довольно ясныя указанія на дальнѣйшій ходъ развитія. Наиболѣе древнее и общее пользованіе маркой заключалось въ пользованіи ею, какъ пастбищемъ и, по мнѣнію древнихъ германцевъ, она для того и предназначалась. Всякое другое примѣненіе ея долго служило и признавалось исключеніемъ. Каждый членъ общины могъ также, по желанію, воспользо-

Деревня Мракотинъ въ Моравіи. (Образецъ „круглой деревни“).

Деревня колонистовъ, въ противоположность „круглой“. (Gebirgsneudorf bei Katharinaberg).

ваться участкомъ земли для того, чтобы взять растущую на немъ траву къ себѣ домой, или посѣять на немъ какое-нибудь особенное растеніе и воспользоваться плодами его для себя. Но и тогда онъ пріобрѣталъ въ собственность не землю, а только траву или плоды. Защищать и оберегать послѣдніе вначалѣ долженъ былъ онъ самъ, и потому онъ могъ обнести такой выдѣленный изъ общей марки участокъ изгородью. Если она разрушалась, никто не вознаграждалъ его за потери, которыя ему причинялъ пасущійся скотъ. Этотъ участокъ земли вообще былъ настолько обезпеченъ отъ потравы, насколько такое обезпеченіе дѣйствительно было во власти даннаго человѣка.

Поэтому ежегодно со дня св. Георгія, когда начинали выгонять скотъ, снова «огораживались луга», т. е. защищались тѣ участки марки, траву которыхъ нельзя было травить. На Ивановъ день, напротивъ, когда сѣнокосъ кончался, всѣ эти изгороди должны были сниматься, такъ какъ луговая земля все еще не была частной собственностью. Когда же кончалась и полевая жатва, что̀ совпадало съ днемъ арх. Михаила, то снимались и полевыя

изгороди, и скотинѣ снова былъ открытъ свободный путь по всей маркѣ, какъ въ древнѣйшія времена. Даже средневѣковыя юридическія постановленія «Саксонскаго зерцала» защищаютъ отъ проѣзда только «огороженные» луга; воздѣланное поле, согласно тому же законодательству, охраняется и безъ изгороди, по одному признаку обработки. Но осень и здѣсь опять выбрасываетъ всѣ частныя права за бортъ. Кто оставилъ на полѣ хлѣбъ, когда другіе уже убрали свой, тотъ не пользуется больше ничьей защитой, и никто не обязанъ вознаградить его за причиненныя ему скотомъ потравы.

Такимъ образомъ, и въ этой области совершается постепенный прогрессъ въ направленіи развитія собственности. Въ началѣ даже и плоды на полѣ обезпечиваются для частнаго лица только путемъ дѣйствительнаго огражденія, подобно двору. Впослѣдствіи одного признака обработки земли уже достаточно для ея защиты. Но кто же взялъ на себя эту защиту, вмѣсто забора? Она возникла, благодаря общему соглашенію и круговой порукѣ. Легко себѣ доставить, что такое соглашеніе могло состояться и безъ взаимныхъ договоровъ, такъ какъ оно было одинаково выгодно для всѣхъ. Впредь юридической защитой земельной собственности служило возмѣщеніе потерь и пени, взыскиваемые, по общему соглашенію, съ того лица, который не стѣснялся знаками обработки. Мы стоимъ здѣсь на порогѣ правосудія и видимъ связь его съ развитіемъ собственности.

Теперь, наконецъ, находила себѣ защиту и луговая трава, не обнесенная изгородью; пастухъ долженъ былъ считаться съ знакомъ охраны. Отъ изгороди остался только колъ съ пучкомъ соломы («Hegewisch»), до сихъ поръ еще указывающій мѣста, не подлежащія общему пользованію.

Переходъ отъ такого пользованія къ частной собственности на землю совершился легко. Непрерывность воздѣлыванія является почти единственнымъ, необходимымъ въ этомъ случаѣ, предварительнымъ условіемъ. Но съ закрѣпленіемъ осѣдлости, постоянная обработка земли составила настоятельную жизненную потребность. Въ каждомъ общинномъ участкѣ постепенно появляется неизмѣнная граница между полосой земли, пригодной, въ силу почвенныхъ условій и болѣе удобнаго положенія для обработки и той, которая остается для выгона. Позднѣйшее раздѣленіе земли, на распахиваемую для посѣва и остающуюся подъ паромъ, совершается въ предѣлахъ уже указаннаго разграниченія; введеніе удобренія позволяетъ только чаще производить эту смѣну. Традиція, однако, такъ твердо держалась этихъ передѣловъ, что именно послѣдніе явились препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія частной собственности на землю. Въ Великоруссіи и Бѣлоруссіи до сихъ поръ еще существуетъ обычай передѣла земли, а на сѣверо-западѣ Германіи онъ сохранился въ различныхъ формахъ, мѣстами до передпрошлаго столѣтія. Но гдѣ такой передѣлъ, производимый часто по жребію, продолжалъ существовать,—все равно, производился ли онъ чрезъ одинолѣтніе или многолѣтніе періоды,—тамъ не могла образоваться частная собственность на землю, а должны были крѣпко держаться традиціи общинной собственности и права общаго пользованія землей. Но тамъ нельзя искать и успѣховъ земледѣлія. Гдѣ они настолько подвинулись, что одинъ и тотъ же участокъ, при плодосмѣнномъ хозяйствѣ, долгое время сохраняетъ одинаковую производительность, тамъ продолжительное пользованіе однимъ и тѣмъ же участкомъ могло совершенно утратить свой харак-

теръ, и отношеніе земледѣльца къ обработываемому имъ участку должно было стать тѣмъ же, какъ и къ его двору. Поле сдѣлалось дополненіемъ двора, его «потребностью» («Behufe») и отводилось двору въ видѣ надѣла («Hufe»), т. е. въ частную собственность, — если только справедливо современное предположеніе о связи словъ «Hufe» и «Behufe». Въ Германіи такому превращенію способствовало, быть можетъ, римское вліяніе; не нужно, однако, забывать, что таковъ долженъ былъ быть раньше ходъ развитія и на римской почвѣ.

Но гдѣ и возникала такимъ образомъ поземельная частная собственность, нѣкоторые народные обычаи и законоположенія еще долгое время сохраняли воспоминанія о старинныхъ отношеніяхъ. Такъ, Я. Гриммъ сообщаетъ, напр., законоположеніе изъ «Weistümer», по которому крестьянинъ теряетъ свое право на поле, если онъ такъ долго не обрабатывалъ его, что на немъ выросъ кустарникъ до шпоръ всадника, или такой, въ которомъ могли укрыться два вола. Здѣсь сказывается воззрѣніе, что необработанная земля можетъ принадлежать только общей маркѣ. Точно также и теперь еще сохранилось унаслѣдованное законоположеніе изъ старыхъ временъ,—даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ качествѣ поселеній колонистовъ, не знавшихъ такой формы владѣнія — что ко дню св. Михаила всѣ пастбища становятся свободными, и желающіе сохранить свою частную собственность должны выставить колъ съ пучкомъ соломы.

Лѣсъ самъ по себѣ всего позже сдѣлался предметомъ частной собственности. По мнѣнію народа, онъ и теперь еще не вполнѣ считается ею; всякій признаетъ за собой нѣкоторое право на лѣсъ. Такое унаслѣдованное правовое чувство, однако, уже не соотвѣтствуетъ положительному законодательству. Эстетическая оцѣнка лѣса совершенно отсутствуетъ на низкой ступени культуры; справедливо было замѣчено, что наши понятія о «прекрасномъ ландшафтѣ» совершенно противоположны тому, что понимали подъ этимъ во времена Карла Великаго. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ переходитъ отъ охоты къ скотоводству и отъ послѣдняго къ земледѣлію, цѣнность лѣса въ глазахъ его все падаетъ, и лѣсъ остается цѣннымъ лишь для того, кто не вынужденъ собственноручно сообразоваться съ этими новыми требованіями, т. е. для привилегированныхъ лицъ. Они преимущественно и перенесли понятіе о собственности на лѣсъ и постепенно завладѣли послѣднимъ.

Скотоводству лѣсъ служитъ лишь отчасти—именно дубовые и буковые лѣса,—а для земледѣлія, онъ является препятствіемъ. Поэтому именно болѣе культурные народы, пока хозяйственные взгляды ихъ не развились, особенно разрушительно поступали съ лѣсомъ. Такъ, прилежные китайцы совершенно истребили лѣса даже тамъ, гдѣ они не могли ввести земледѣлія; они вели противъ лѣсовъ такую же войну, какъ противъ дикихъ звѣрей. Самыя культурныя древнія страны, Передняя Азія Греція, Италія, Испанія лишились своихъ лѣсовъ. Германія, по старымъ понятіямъ, отличалась отъ нихъ въ дурномъ смыслѣ, благодаря обилію лѣсовъ, признаку некультурности.

Для начинающейся осѣдлой культуры и развивающейся собственности на землю, лѣсъ вначалѣ не имѣлъ значенія. Когда пастбища находились по крайней мѣрѣ, уже въ общинномъ владѣніи, никто еще не заявлялъ своихъ притязаній на лѣсъ. Можно ли было удержать въ видѣ собственности иногда безграничный лѣсъ? Какъ можно было его «охранять»?

По возможности, большіе лѣса марки составляли, однако, гордость древнихъ германцевъ: лѣса сами по себѣ уже служили болѣе или менѣе непроницаемой оградой для обладаемой ими земли.

Постепенно передъ нами открываются пути, по которымъ понятіе о собственности, переходя черезъ понятіе пользованія, могло распространиться и на лѣсъ. Лѣсъ давалъ возможность пользованія дичью, медомъ, желудями и буковыми орѣшками для откармливанія свиней, и деревомъ для постройки домовъ и изготовленія орудій. Все это, въ концѣ концовъ, постепенно такъ же превратилось въ собственность, какъ и свободныя поля. Дерево въ лѣсу вначалѣ вызываетъ совершенно такое же отношеніе къ себѣ, какъ трава на лугу: имъ можетъ пользоваться всякій, кто хочетъ, но онъ самъ долженъ защищать его, какъ свою собственность. Для этого здѣсь необходимо не огораживаніе, а какая нибудь мѣтка, какъ мы узнаемъ это изъ Франкскаго права. Дерево, выбранное кѣмъ нибудь для собственной надобности, мѣтится имъ какимъ нибудь значкомъ, совершенно такъ же, какъ лѣсничій дѣлаетъ теперь зарубки на деревьяхъ, подлежащихъ вырубкѣ. Но, подобно тому, какъ по окончаніи лѣта луговая трава опять принадлежитъ маркѣ, такъ и дерево снова становится свободнымъ, если сдѣлавшій на немъ мѣтку не используетъ его втеченіи года. Подобно тому можно было завладѣть, при помощи мѣтки, и ульемъ въ лѣсу.

Если кто нибудь желалъ завладѣть исключительно для себя дичью на цѣломъ участкѣ лѣса, онъ долженъ былъ поступить совершенно такъ же, какъ съ лугомъ: онъ долженъ былъ дѣйствительно огородить весь участокъ. Такимъ образомъ, впервые возникли заказные или заповѣдные лѣса (Forste und Bannforste)—понятіе, смыслъ котораго впослѣдствіи измѣнился. Подобное удовольствіе могли себѣ доставлять лишь очень богатые люди; тѣмъ не менѣе это бывало настолько часто, что возникшіе отсюда споры за право пользованія лѣсомъ не мало способствовали дѣйствительному завладѣнію имъ. Первоначально такіе заповѣдные лѣса учреждались лишь франкскими королями, а когда этому примѣру послѣдовали многія частныя лица, то Людовикъ Благочестивый въ 819 г., оказался вынужденнымъ потребовать отъ тѣхъ, у кого не было особаго на то разрѣшенія отъ его предшественника, снять запрещеніе съ захваченныхъ ими лѣсовъ.

Подобного рода притязанія и распри сосѣдей за лѣсъ—какъ прежде бывало за пользованіе маркой—должны были привести, въ свою очередь, къ раздѣлу и болѣе точному разграниченію первобытныхъ лѣсовъ; вслѣдствіе того, развившееся уже право собственности на поле легко могло быть перенесено и на извѣстный участокъ лѣса. Но и въ такомъ случаѣ лѣсъ все еще оставался собственностью общины. Никто не могъ владѣть имъ иначе, какъ будучи представителемъ или уполномоченнымъ общины.

Это, повидимому, незначительное ограниченіе сыграло громадную роль въ исторіи развитія собственности. Что собственно представляетъ, по своему происхожденію, та «община», о которой мы столько разъ говорили? Она является непосредственно патріархальной семьей, или же развившейся изъ нея болѣе свободной организаціей, или же, наконецъ, такой, которая образовалась по ея образцу изъ равноправныхъ элементовъ. Чѣмъ ближе организація къ первому типу, тѣмъ неограниченнѣе отцовская власть главы ея, тѣмъ рѣшительнѣе внѣшній міръ, какъ и сама данная

общественная группа, признаютъ въ представителя всѣхъ правъ, а слѣдовательно, и права общинной собственности.

Дѣйствительность соотвѣтствовала такому понятію во многихъ отношеніяхъ. Представитель старинной отцовской власти, господинъ — различіе названій не имѣютъ отношенія къ дѣлу—распредѣлялъ работу и наблюдалъ за работой отдѣльныхъ членовъ семейной общины. Онъ, слѣдовательно, на самомъ дѣлѣ располагалъ отдѣльными участками земли, какъ бы она была его собственностью, а отдѣльные члены рода обязаны были только работать. Чѣмъ сильнѣе было въ отдѣльныхъ членахъ сознаніе своего права только на пользованіе своей долей, тѣмъ болѣе распредѣлявшій эти доли господинъ долженъ былъ считаться истиннымъ ихъ владѣльцемъ. А все то, что̀, казалось, первоначально никому не принадлежало — пастбище и лѣсъ—принадлежало всецѣло господину, взявшему на себя зато обязанность каждому отдѣльному члену, смотря по его потребностямъ, предоставить въ пользованіе извѣстную долю.

Такія воззрѣнія вполнѣ соотвѣтствовали исторически установившимся отношеніямъ, по которымъ собственникомъ имѣнія была община, господиномъ надъ всѣми былъ отецъ. Отношенія эти подверглись,, однако, существенному измѣненію, благодаря тому, что, по весьма естественнымъ побужденіямъ, всюду обнаружилось стремленіе сохранить званіе отца въ болѣе тѣсномъ кругу его ближайшихъ родственниковъ. Гдѣ стремленіе это увѣнчивалось успѣхомъ, тамъ изъ числа отдѣльныхъ семей общины выдѣлялась одна господствующая семья, члены которой пользовались исключительнымъ правомъ занимать руководящее положеніе отца. Къ этой семьѣ переходило вмѣстѣ съ тѣмъ и право владѣнія, принадлежавшее прежде общинѣ въ цѣломъ. Непосредственно ей принадлежащими должны были казаться въ особенности тѣ земельныя угодья, которыя не подвергались раздѣлу и не попали подъ плугъ отдѣльныхъ членовъ,—прежде всего, слѣдовательно лѣсъ, затѣмъ пастбище и, наконецъ, та пахатная земля, которую эта семья взяла въ свое владѣніе, какъ одна изъ семей общины, только пользуясь привилегіей выбора.

Не вездѣ отношенія поземельной собственности развивались именно такимъ образомъ. Другой путь развитія наблюдается преимущественно при колонизаціи, имѣющей чисто земледѣльческія и буржуазныя цѣли. И тѣ, и другія общины колонистовъ не исходятъ изъ древней патріархальной семьи; онѣ только подражаютъ ей, подъ условіемъ сохраненія взаимнаго равноправія. Тамъ гдѣ землю захватывалъ народъ, уже привычный къ земледѣлію, онъ обыкновенно садился отдѣльными семьями. Кочевыя племена захватывали въ свою собственность землю почти всегда еще при господствѣ древней семьи. Поэтому и здѣсь развивающееся понятіе о собственности связывалось обыкновенно съ личностью господствующаго патріарха. Слѣды подобныхъ отношеній мы находимъ разсѣянными во всей Европѣ, такъ какъ древнѣйшій захватъ земли произведенъ былъ номадами. Но наиболѣе рѣзкую печать наложили они на позднѣйшее населеніе, на славянское населеніе Европы.

До 1861 г. въ Великороссіи и Бѣлоруссіи не было вообще другой земельной собственности, кромѣ принадлежавшей господину (помѣщику). «Господамъ» принадлежала вся земля, даже тотъ участокъ, на ко-

торомъ стояла жалкая изба крестьянина. Имъ принадлежала вся пахотная земля, въ болѣе благопріятныхъ мѣстахъ все еще подвергавшаяся ежегодному передѣлу, всѣ обширныя пастбища и пограничныя съ ними лѣса. Крестьянинъ имѣлъ только право пользованія всѣмъ этимъ, въ той мѣрѣ, конечно, въ какой разрѣшалъ это ему «господинъ». «Гдѣ существуетъ лѣсъ, тамъ, смотря по обилію его, крестьянину дается дерево для домашнихъ надобностей, для построекъ или для отопленія». (Гакстгаузенъ). Такое ограниченіе существуетъ, однако, только въ средней Россіи, гдѣ дерево уже больше цѣнится; «въ сѣверной лѣсистой мѣстности крестьяне, напротивъ, могутъ неограниченно пользоваться лѣсомъ и для своихъ промышленныхъ цѣлей».

Такое отношеніе къ лѣсу и къ пользованію имъ существовало когда-то во всей Европѣ. Даже колонизація, внесшая такъ много новаго во всю Германію до бывшихъ западно-славянскихъ земель включительно, въ этомъ отношеніи не оказала большого вліянія, такъ какъ землевладѣлецъ обыкновенно отказывался дѣлить лѣсную марку, предоставляя ее въ общее пользованіе, согласно старому обычаю. Колонистамъ обыкновенно разрѣшалось, согласно договору, неограниченное пользованіе топливомъ для собственнаго употребленія и пользованіе въ извѣстномъ размѣрѣ строительнымъ матеріаломъ. Съ повышеніемъ цѣнности дерева, за это требовались извѣстныя повинности—старѣйшая форма продажи. Обычай собирать дрова въ «господскомъ» лѣсу сохранился еще и до сихъ поръ, и въ народѣ и теперь существуетъ въ этомъ отношеніи неискоренимое сознаніе своего права. Лишь въ наше время такое собираніе дерева ограничено извѣстными днями и связано съ разрѣшеніемъ и нѣкоторыми повинностями. Наконецъ, въ самое позднѣйшее время поставлены подъ священную охрану собственности даже грибы и лѣсныя ягоды.

Подобнымъ же образомъ, не безъ сильной борьбы, еще гораздо ранѣе утвердилась частная собственность на лѣсныхъ и полевыхъ звѣрей; борьба эта составляетъ содержаніе исторіи права охоты и продолжается еще отчасти и въ наши дни. Въ Чехіи, въ концѣ среднихъ вѣковъ, чтобы пріобрѣсти это право собственности, «господа» должны были разоружить всѣхъ крестьянъ. Печальнымъ послѣдствіемъ этого было то, что тогда право охоты «господина» распространилось и на воздѣланную землю крестьянина. Бѣднякъ могъ какъ угодно сопротивляться этому, ссылаться на христіанскія чувства и «естественное право»: это былъ только логическій выводъ, второй шагъ, вытекающій изъ перваго. И пахотная земля не принадлежала крестьянину: она была собственностью «господина», который далъ ему ее въ пользованіе, насколько позволяли его охотничьи забавы.

Такія же отношенія мы видимъ и въ Россіи до 1861 г. «Господинъ» давалъ ежегодно крестьянину въ пользованіе участокъ, за что крестьянинъ долженъ былъ обрабатывать ему другой, назначенный господиномъ. Дальнѣйшій ходъ развитія, то болѣе медленный, то болѣе быстрый, мы можемъ указать лишь въ общихъ чертахъ, такъ какъ послѣднія стадіи его еще очень близки нашему времени. Что могло еще продолжаться на благодатной почвѣ Россіи, то, при болѣе ограниченномъ пространствѣ, вскорѣ должно было прекратиться. Хотя крестьяне еще періодически передѣляли

землю, тѣмъ не менѣе, между землями, обработываемыми въ пользу господъ, и тѣми, которыя предназначались для пользованія обрабатывающихъ ее крестьянъ, разъ навсегда установилась раздѣлявшая ихъ граница. Вся земля, такимъ образомъ, раздѣлена была на крестьянскую и господскую, «рустикальную» и «доминикальную». И та, и другая была собственностью господина, но первая находилась въ пользованіи крестьянъ. Дальнѣйшій прогрессъ труда и открытіе новыхъ выгодныхъ поприщъ для приложенія его всюду заставили признать организацію рабскаго труда невыгодной для обѣихъ сторонъ. Духъ времени, вслѣдствіе того, привелъ въ западной Европѣ къ обращенію крестьянской земли въ частную собственность земледѣльцевъ. Цѣль эта была достигнута въ различной степени, въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. Дорогу къ такому преобразованію проложило устройство многочисленныхъ деревень колонистовъ, разсѣянныхъ всюду въ Германіи, отъ Вестфаліи, черезъ славянскія земли, до границы Россіи. Колонистъ, правда, владѣлъ своей «гуфой» только по праву пользованія, но введенная въ Германіи «наслѣдственная аренда» сдѣлала это владѣніе почти тождественнымъ съ правомъ собственности и установила прежде всего опредѣленный размѣръ повинности, частью уже выражавшейся въ денежной суммѣ. Въ то же время между «господиномъ» и его подданными сталъ наслѣдственный судья, какъ стражъ ихъ договорныхъ отношеній. Тѣмъ самымъ неограниченная «отцовская» власть была окончательно сломлена.

Къ установленію подобныхъ отношеній современныя государства стремились сперва путемъ измѣненія неопредѣленныхъ повинностей въ опредѣленныя, а затѣмъ выкупомъ этихъ повинностей вмѣстѣ съ повинностями колоній за денежное вознагражденіе. Только благодаря совершившемуся въ послѣднее время выкупу изъ отеческой власти, сущность и происхожденіе которой давнымъ давно затерялись на практикѣ въ многообразіи охраняемыхъ ею правъ,—только благодаря этому выкупу, возникла въ современныхъ государствахъ свободная поземельная собственность. Исторія даетъ намъ возможность судить, насколько при этомъ справедливость соблюдалась въ частностяхъ.

Россія вступила на этотъ культурный путь развитія западно-европейскихъ народовъ лишь въ позднѣйшее время, но, остановившись пока на этапѣ другого пути, она не достигла еще института частной собственности на землю. Прогрессъ выразился лишь въ томъ, что произвольное надѣленіе крестьянъ землей, существовавшее до 1861 г., замѣнено раздѣленіемъ всей земли на общинную собственность крестьянъ и господскую землю. Тѣмъ самымъ въ жизни снова появились отношенія, существовавшія приблизительно еще до закрѣпленія отцовской власти въ отдѣльныхъ семьяхъ, до возникновенія наслѣдственнаго господскаго сословія, причемъ «господская семья» удержала за собой львиную долю. Право собственности на землю принадлежитъ все таки только общинѣ, выдѣляющей всѣмъ своимъ членамъ, смотря по надобности, отдѣльные участки въ пользованіе; отъ общины же зависитъ—производить-ли вообще и часто-ли традиціонный передѣлъ. Все сказанное, впрочемъ, не относится къ Польшѣ и Прибалтійскимъ провинціямъ.

Дворянство.

Съ однимъ изъ главныхъ источниковъ происхожденія дворянства мы уже ознакомились. Мы можемъ назвать относящуюся сюда часть дворянства патріархальнымъ, въ противоположность служилому. На ряду съ ними можно было-бы еще поставить родовое дворянство, происходящее отъ завоевателей данной страны, не говоря уже о болѣе поздней формѣ — жалованнаго дворянства. По своему происхожденію, всѣ эти виды дворянства ясно различаются другъ отъ друга, но, въ дѣйствительности, эти различія можно распознать лишь въ единичныхъ случаяхъ. У чешскихъ славянъ они сохранялись въ большой простотѣ еще втеченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Родоваго дворянства, какимъ были нѣкогда господствующіе «арійцы» въ Индіи и евреи въ Палестинѣ, у нихъ не было, такъ какъ у нихъ не было покореннаго племени; но въ средѣ ихъ собственнаго дворянства существовало ясное и строгое раздѣленіе на два класса, «господъ» и «рыцарей». Настоящее, славянское дворянство образуютъ «господа», несомнѣнно происшедшіе отъ главъ отцовъ патріархальныхъ родовъ, развившихся въ маленькія племена. Въ качествѣ потомковъ «отцовъ», въ ихъ распоряженіи иногда оказываются, въ особенности у тѣхъ изъ нихъ, которые жили въ мѣстахъ, болѣе удаленныхъ отъ сѣверныхъ, всего раньше захваченныхъ областей, громадныя пространства земли, на которыхъ остальные члены древней, патріархальной семьи живутъ въ качествѣ подданныхъ. «Рыцари» представляютъ служилое дворянство, возникшее не безъ германскаго вліянія; условіями его появленія были необходимость защиты страны и организаціи труда въ такихъ обширныхъ областяхъ.

Вѣрное въ общемъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ не всегда строго существуетъ такое раздѣленіе дворянства на «господъ» и «рыцарей» или на патріархальное и служилое дворянство. Съ одной стороны, господа могли прежде всего пріобрѣтать въ предѣлахъ молодой государственной организаціи наиболѣе выдающіяся служебныя мѣста; съ другой, многія «рыцарскія» семейства могли принадлежать къ семействамъ незначительныхъ господъ, вынужденныхъ къ нѣкоторому подчиненію болѣе счастливымъ собратьямъ. Распри между сосѣдями постоянно давали къ тому поводъ, и только такимъ путемъ отдѣльныя патріархальныя семьи могли разростаться до размѣровъ цѣлыхъ племенъ.

Не вездѣ, однако, почва была одинаково благопріятна для выдѣленія патріархальнаго дворянства. Прежде всего ему становится на пути вездѣ, гдѣ оно существуетъ, племенное дворянство. Пусть читатель представитъ себѣ, для примѣра, евреевъ, которые навязали свой протекторатъ и свое господство осѣдлому культурному народу, какъ это и теперь еще дѣлаютъ бедуины въ Африкѣ. По отношенію къ этимъ подданнымъ, они всѣ являлись дворянами, даже тѣ изъ нихъ, которые не пользовались положеніемъ отца. Главы же ихъ сохранили только привилегію общаго обсужденія и распорядка общественныхъ дѣлъ всего народа. Подобное-же положеніе занимали, по отношенію къ народной массѣ плебеевъ, римскіе патриціанскіе роды. Безспорно, и здѣсь въ древнѣйшее время въ составъ сената входили только отцы древнихъ семействъ, но печать знатнаго происхожденія лежала на

всѣхъ, принадлежавшихъ къ этимъ господствующимъ семействамъ, въ противоположность плебеямъ. Позднѣйшее римское дворянство было служилое и для обозначенія его приводилось званіе, котораго достигали отдѣльные члены данной семьи. Подобнымъ-же образомъ и нѣмецкое дворянство частью получило свои названія отъ различныхъ должностей, каковы графъ, герцогъ, маркграфъ. Въ нѣкоторыхъ старыхъ государствахъ все господствующее племя составляло, въ качествѣ «военной касты», племенное дворянство.

Препятствіемъ къ развитію патріархальнаго дворянства служила также старая система государственнаго устройства, по которой отцовскія права сосредоточивались только въ одномъ лицѣ. Мы встрѣтимся съ этой системой въ восточной Азіи, откуда она черезъ Россію перешла въ Европу. По сравненію съ этимъ единственнымъ главой, главы поглощенныхъ государствомъ родовъ потеряли всякое значеніе и силу. Этимъ объясняется, напр., почему въ Китаѣ нѣтъ потомственнаго дворянства. И въ Россіи также современное дворянство происходитъ отъ служилаго, хотя главы, или родственники господствующихъ фамилій всегда могли получать высокія должности предпочтительно предъ другими лицами. Сами по себѣ они должны были совершенно стушеваться передъ единственнымъ «отцомъ» всего народа. Но тамъ, гдѣ составныя части государства находились въ менѣе тѣсной связи, господствующія семьи, какъ только званіе отца становилось наслѣдственнымъ въ какой либо изъ нихъ, пріобрѣтали громадное значеніе, и развивалось многочисленное патріархальное дворянство, какъ это было, напр., въ Польшѣ или еще ранѣе—въ Шотландіи.

На основаніи всего вышеизложеннаго, мы легко можемъ себѣ представить происхожденіе такого патріархальнаго дворянства. Картина польской деревни съ господскимъ домомъ въ центрѣ и маленькими избами рабочихъ вокругъ можетъ значительно оживить наше представленіе объ этомъ процессѣ. Всюду, гдѣ господствующія семьи достигли до нѣкоторой степени опредѣленной функціи, опредѣленнаго труда, предварительнымъ условіямъ для наступленія такого процесса является наслѣдственная передача отцовскаго званія въ тѣсномъ кругу его кровныхъ родственниковъ. Но такое положеніе вещей составляло цѣль стремленій каждаго отца, и къ нему-же приводилъ общій интересъ всѣхъ трудящихся. Распредѣленіе работы и руководство ею въ многочисленной семьѣ само по себѣ составляетъ видъ труда, требующій подготовки, какъ всякій другой, и люди, занимавшіеся работой только по указанію другихъ, могутъ оказаться къ нему непригодными. Съ другой стороны, даже въ томъ случаѣ, когда преемникъ отца выбирается всѣмъ союзомъ, отецъ съумѣетъ сообщить нѣкоторыя преимущества тому лицу, избраніе котораго ему желательно, постепенно пріучая его къ данному труду. Взаимность интересовъ должна была способствовать въ этомъ случаѣ ограниченію преемственности отцовской власти все болѣе и болѣе тѣснымъ кругомъ, пока не устанавливалась, наконецъ, наслѣдственная передача ея въ предѣлахъ какой-либо отдѣльной семьи, безразлично,—являлся-ли преемникомъ старшій въ родѣ, или старшій родной сынъ отца.

Но къ этому первому условію развитія патріархальнаго дворянства необходимо должно было присоединиться и другое. Ограниченіе права наслѣдованія отцовской власти одной семьей и исключеніе изъ него большаго числа другихъ отдѣльныхъ семей должны были произойти въ то

время, когда понятіе о поземельной частной собственности еще не было развито, въ то время, слѣдовательно, когда народъ еще стоялъ ближе къ кочевому быту. Если переходъ земли въ частную собственность предшествовалъ развитію права наслѣдованія отцовской власти, чему должно было способствовать преимущественное занятіе земледѣліемъ, то положеніе отца сводится исключительно къ роли администратора и судьи, причемъ съ его личностью связывается только его частная собственность. Въ такомъ положеніи мы находимъ древнегерманскихъ «Domare» на островѣ Готландѣ и «Godar» въ Исландіи. Въ соотвѣтствіи съ такимъ положеніемъ вещей, тамъ не было дворянства. Служилое дворянство могло, конечно, развиться и въ этомъ случаѣ, такъ какъ мѣста судей также доставляли почетъ, но такому дворянству не доставало бы признака исключительнаго владѣнія землей. Тамъ, гдѣ мы находимъ такое владѣніе и у служилаго дворянства, нужно допустить, что послѣднее имѣетъ какое либо отношеніе къ дворянству патріархальному; оно могло, напр., получать свои должности отъ послѣдняго вмѣстѣ съ земельнымъ надѣломъ.

Само собой понятно, что едва-ли могли сохраниться документальныя данныя о тѣхъ временахъ, когда происходили всѣ эти внутреннія перемѣны въ предѣлахъ человѣческихъ организацій. Единственное, что намъ осталось, это различныя аналогіи такихъ древнихъ отношеній и готовая форма, въ которую вылились послѣднія. Тѣмъ не менѣе, намъ не трудно представить себѣ, какъ это все происходило.

Пусть какая нибудь древняя семья состоитъ изъ двадцати отдѣльныхъ семействъ, въ составъ которыхъ входитъ всего 200 человѣкъ. Они всѣ сообща владѣютъ примыкающимъ къ лѣсу пастбищемъ и обрабатываютъ свое поле по близости отъ главнаго дома семьи, величина котораго соотвѣтствуетъ числу ея членовъ, мѣняя сѣмена, смотря по качеству почвы. Жилище состоитъ — мы будемъ говорить теперь о видахъ его, уже извѣстныхъ читателю, — изъ болѣе обширной постройки, палаты, или зала, предназначенной для всѣхъ, и приблизительно изъ двадцати маленькихъ хижинъ, неправильно разбросанныхъ вокругъ нея на мѣстахъ, въ свое время почему-либо выбранныхъ тѣмъ или другимъ изъ жениховъ.

Хижины, изъ которыхъ нѣкоторыя пристроены къ палатѣ, служатъ только спальнями и кладовыми для сохраненія пріобрѣтеннаго отдѣльной семьей скарба. Очагъ находится въ общей залѣ и тамъ готовится пища для всѣхъ. Здѣсь всѣ собираются для обѣда по возвращенію съ работы, здѣсь же они бесѣдуютъ и справляютъ свои прадники. Зимой, когда въ маленькихъ нетопленныхъ хижинахъ холодъ слишкомъ жестокъ, здѣсь также находятъ себѣ ноглегъ у очага матери съ дѣтьми. «Отецъ», еще въ молодости избранный общиной за свои выдающіяся способности, живетъ съ своей семьей въ палатѣ и лѣтомъ, и зимой, и днемъ, и ночью, и имѣетъ у очага свое мѣсто для ночлега. Онъ уже состарился и не покидаетъ болѣе этого мѣста. Члены общины избѣгаютъ ворчливаго старика и рѣдко появляются теперь въ этой залѣ, особенно лѣтомъ. Хозяйка дома передаетъ каждой семьѣ, по числу ея членовъ, запасы хлѣба, испеченнаго или сваренаго ею на очагѣ, и каждая семья съѣдаетъ свой скромный обѣдъ или на солнечномъ дворѣ, или въ тѣни собственной хижины.

Только въ тѣхъ случаяхъ, когда закалывается какое нибудь животное изъ общественнаго стада и всѣхъ привлекаетъ лакомый кусокъ свѣжаго мяса, всѣ снова собираются въ закопченной палатѣ. Подобное торжество должно быть отпраздновано именно въ палатѣ, такъ какъ въ немъ принимаютъ участіе духи очага, домашніе боги, и старикъ отецъ долженъ быть ихъ жрецомъ. Онъ приноситъ имъ первые дары и передаетъ всѣмъ рогъ или кубокъ, чтобы они выпили за расположеніе къ нимъ боговъ.

Во время работы на полѣ старика замѣняетъ теперь его сынъ. Отецъ уже давно привлекъ его къ этимъ занятіямъ, познакомилъ его съ частностями работы и развилъ въ немъ правильный взглядъ на все хозяйство въ цѣломъ. Онъ распредѣляетъ между всѣми работу во время посѣва и жатвы, и никто не умѣетъ такъ хорошо раздавать работу всѣмъ, никого не обременяя, какъ онъ. Онъ умѣетъ также распредѣлять, согласно потребностямъ каждаго, охраняемые имъ плоды жатвы: онъ наблюдаетъ, чтобы никто не терпѣлъ недостатка и никого не поощряетъ къ мотовству. Благодаря ему, вся семья еще держится, когда сосѣди уже терпятъ нужду, и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что этотъ человѣкъ когда нибудь займетъ мѣсто отца.

Такъ одно поколѣніе слѣдуетъ за другимъ, и всякому извѣстно, что въ палатѣ всегда жила одна и та-же семья; только въ одномъ случаѣ преемникомъ умершаго «господина-отца» бываетъ его младшій братъ, а въ другомъ, болѣе частомъ—его старшій сынъ.

Послѣдствіемъ такого порядка вещей явилась между тѣмъ еще одна незначительная перемѣна. Съ тѣхъ поръ, какъ запомнятъ старики, всегда существовалъ и, по справедливости, долженъ существовать слѣдующій порядокъ: подобно тому, какъ маленькія хижины всегда предназначаются для каждой отдѣльной семьи, господствующей семьѣ, естественно, подобаетъ имѣть большой домъ. Это не мѣшаетъ послѣднему по прежнему служить убѣжищемъ для всѣхъ. Всякій можетъ согрѣть въ немъ свои окоченѣвшіе члены; иногда какая нибудь мать наскоро согрѣваетъ на очагѣ господскаго дома ѣду для своего ребенка,—все это еще охотно допускается. Обыкновенно огонь также «занимаютъ» съ господскаго очага, такъ какъ въ маленькихъ очагахъ, устроенныхъ въ хижинахъ, нѣтъ слуги, какъ въ большомъ домѣ, для постояннаго поддержанія огня. Для удобства отдѣльныхъ семей, снабженіе пищей упрощается,—кстати и господину не приходится тогда имѣть надзоръ за этимъ дѣломъ: господинъ выдаетъ каждой семьѣ въ отдѣльности (или всѣмъ вмѣстѣ) участокъ земли, который она можетъ засѣвать, чѣмъ хочетъ, унося урожай къ себѣ домой, чтобы приготовлять изъ него пищу на собственномъ очагѣ. На такомъ участкѣ всякій работаетъ для себя, какъ какой нибудь мелкій землевладѣлецъ. Остальная пахотная земля все еще обрабатывается всѣми сообща, и господинъ распредѣляетъ и распоряжается работой, надзирая за всѣмъ и дѣйствуя, въ случаѣ надобности, угрозой или даже отеческими наказаніями. Къ нему поступаетъ на сохраненіе вся жатва. Онъ покрываетъ отсюда потребности господскаго дома, но, по старинному обычаю, онъ обязанъ также—за этимъ наблюдаютъ домашніе боги—оказывать помощь изъ этихъ запасовъ всѣмъ, у кого жатва недостаточна: въ качествѣ отца, онъ обязанъ, насколько возможно, заботиться о пропитаніи своихъ дѣтей.

О скотѣ, пасущемся на общинномъ пастбищѣ, заботятся отдѣльныя лица по порученію господина. Скотъ продолжаютъ закалывать въ господской палатѣ, и члены семьи дружески приглашаются принять участіе въ пиршествѣ. По праздникамъ все еще открываются господскія ворота, но въ будни они уже закрыты: нужно и господамъ имѣть покой!..

Вскорѣ ворота, однако, закрываются и въ праздничные дни. Въ домашнемъ быту людей того времени совершился весьма важный переворотъ. Появился новый сострадательный богъ, приблизившійся именно къ бѣднымъ, не живущимъ въ господскомъ домѣ, и подавшій имъ руку помощи; онъ основалъ для нихъ новый «господскій домъ», двери котораго постоянно открыты для всѣхъ желающихъ: «кіріаке», «кирка» (церковь) буквально означаетъ «господскій домъ».

Въ скандинавской семьѣ легко прослѣдить весь ходъ этого превращенія. До сихъ поръ отецъ самъ умилостивлялъ боговъ въ залѣ господскаго дома. Теперь будетъ приносить счастье дому новый богъ, требующій собственныхъ жрецовъ. Такіе жрецы, часто низкаго происхожденія и весьма непритязательные, ходятъ по всей странѣ и нанимаются къ господину за дешевое вознагражденіе. «Отецъ» нанимаетъ такого жреца, быть можетъ, только въ видѣ опыта, но жрецъ утверждаетъ, что новый, истинный богъ не желаетъ, чтобы его умилостивляли у очага палаты, оскверненнаго служеніемъ «идоламъ»: онъ требуетъ новой палаты, собственнаго очага. Это ему разрѣшается. Отецъ замѣчаетъ, что счастье его растетъ и не отпускаетъ болѣе жреца. Онъ настойчиво удерживаетъ его и даже строитъ ему каменный домъ, такой же большой, какъ господская палата. Народъ ищетъ благословенія новаго бога посредствомъ богатыхъ подарковъ, и предпріимчивый жрецъ извлекаетъ при этомъ свои земныя выгоды. Онъ постепенно освобождается отъ зависимости: и онъ тоже «отецъ», «патеръ»; къ нему перешла часть отцовскаго достоинства. Онъ требуетъ жертвъ и даровъ — не для себя, конечно, а для той большой общины, «церкви», которой онъ служитъ и которая доставляетъ ему побѣду въ этой борьбѣ съ мірскими господами.

Такимъ образомъ, древняя семья пріобрѣтаетъ двухъ отцовъ, въ старомъ смыслѣ, господина и патера, и два «господскихъ дома». Двери одного изъ домовъ закрыты для служащей части древней семьи: господа оттолкнули ее отъ своего очага. Другой домъ, напротивъ, согласно доброму католическому обычаю, и теперь открываетъ двери настежъ во всякое время дня, служа даже и бѣднѣйшему разукрашенной, родной палатой. Протестантская церковь стерла эту исторически сложившуюся черту; католическая и греческая остались, въ этомъ отношеніи, поистинѣ болѣе народными. Въ русскомъ простолюдинѣ все еще течетъ кровь номада; онъ не знаетъ постоянства и тоски по родинѣ и скоро забываетъ свой господскій домъ, но сердце его рвется къ родной церкви. Здѣсь, въ новомъ господскомъ домѣ, духовный отецъ общины учредилъ въ алтарѣ новый очагъ, надъ которымъ горитъ неугасимый огонь, и вокругъ него довѣрчиво собираются всѣ дѣти. Здѣсь, у этого новаго очага, передаютъ теперь невѣсту ея мужу, сюда приносятъ новорожденныхъ дѣтей общины, здѣсь-же отпускается на волю рабъ и находятъ себѣ покой, какъ и въ древности, останки усталаго отъ трудовъ отца. Въ народѣ безсознательно сохранилось совершенно вѣрное

дѣйствительности воспоминаніе изъ старыхъ временъ: его жалкія хижины кажутся ему только спальнями, не требующими особыхъ издержекъ, а все, что у него есть болѣе красиваго, хотя бы то была жалкая мишура, — онъ съ радостью жертвуетъ своей новой отцовской палатѣ; старую охраняетъ херувимъ, расхаживающій передъ ней съ булавой въ рукахъ.

Церковь предложила утопающему руку помощи; она несомнѣнно хотѣла ему помочь, хотѣла вознаградить за угрожавшія ему потери, но возможно, что именно эта помощь способствовала разложенію патріархальной семьи, столь невыгодному для одной изъ сторонъ.

Если мы еще разъ взглянемъ на нашу деревню и разсмотримъ тѣ отношенія, которыя въ восточной Европѣ продолжались еще до 1848 г., частью даже до 1861 г., то окажется, что все въ ней обусловливается описаннымъ ходомъ развитія. Господскій домъ и церковь все еще образуютъ двойное ядро деревни; вокругъ нихъ расположены маленькія хижины, нѣкогда сооруженныя на счастье молодой четы. Но теперь каждая изъ нихъ имѣетъ свою дымовую трубу и свой скудный очагъ. Господскій очагъ больше, и онъ сохранилъ, въ качествѣ стараго центральнаго очага, не старинное гостепріимство, но нѣкоторыя привилегіи. Привилегіи эти приняли, конечно, совершенно другую форму — онѣ превратились въ исключительное право варить пиво и продавать его. Право это принадлежало исключительно помѣщику; крестьяне могли, правда, варить въ своихъ домахъ пищу, но не пиво, и не могли также торговать имъ.

Отношенія между людьми здѣсь—мы говоримъ о прошедшемъ для насъ времени—совершенно «патріархальныя». Такое обозначеніе вполнѣ правильно и соотвѣтствуетъ исторіи. Тогдашній «помѣщикъ» это—«патріархъ», господинъ-отецъ. Его вниманію поручено общее благосостояніе, и онъ отвѣтственъ передъ государствомъ за все, что касается податей, передъ Богомъ—за все остальное. Онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы никто не умеръ съ голода, въ чемъ онъ, впрочемъ, и самъ заинтересованъ—насколько это допускаютъ имѣющіяся въ его рукахъ средства. Въ качествѣ отца, помѣщикъ является также судьей своихъ подданныхъ, такъ какъ ему принадлежитъ право отеческаго наказанія. Подданные вообще всецѣло находятся въ томъ состояніи рабства, которое развилось внутри патріархальной семьи, когда отеческое званіе сдѣлалось наслѣдственнымъ. Распредѣленіе земли для собственной обработки, вмѣсто снабженія пищей изъ господскаго дома, придаетъ исключительный характеръ этой формѣ рабства, извѣстной подъ именемъ «крѣпостничества» и обозначаемой именемъ «подданства», если она смягчается точнымъ опредѣленіемъ размѣра повинностей крестьянина. При такой формѣ рабства между крестьяниномъ и землей устанавливается извѣстная связь, соотвѣтствующая развивающейся земледѣльческой культурѣ и совершенно отсутствующая при другихъ формахъ рабства.

Если не принимать во вниманіе случаевъ исключительной нужды, голода, то пользованіе «рустикальной землей» есть все, что получаетъ на свою долю крестьянинъ. Онъ же, напротивъ, по прежнему обязанъ обрабатывать господскую землю, отправлять «барщину». Обязанность кормить, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько штукъ скота и куръ, несущихъ яйца для господскаго стола, представляетъ лишь новый видъ тѣхъ услугъ, которыя онъ

исполнялъ еще когда-то въ области скотоводства. Онъ еще пользуется правомъ общаго выгона, но вся земля—охота, рыболовство, лѣсъ—принадлежатъ исключительно господину. Слово «отецъ» исчезаетъ и замѣняется болѣе выразительнымъ словомъ «господинъ», «государь». Отъ отца осталась только «милость», и потому настоящимъ титуломъ господина является «милостивый государь». Такова сущность патріархальнаго дворянства.

Въ силу экономическихъ условій среднихъ вѣковъ, вознагражденіе служилаго дворянства за оказанныя имъ услуги производилось не иначе, какъ создавая ему положеніе патріархальнаго дворянства, т. е. ему жаловали такія же господскія мѣста. Если служба и такое «ленное» владѣніе становились затѣмъ наслѣдственными, что обыкновенно и бывало, то всякое различіе между патріархальнымъ и служилымъ дворянствомъ совершенно исчезало, если только здѣсь не исключалось само собой чувство дружеской связи между господской и подчиненной семьей. Такимъ образомъ, при всеохватывающей ленной системѣ, рабскія отношенія подданныхъ выступали наружу безъ всякихъ прикрасъ.

Если бы въ старой земельной маркѣ не нашлось мѣста для развитія института земледѣльческихъ колоній и если бы человѣчество въ нашихъ областяхъ не пошло впередъ въ развитіи труда и промысла, допускавшихъ или даже предполагавшихъ новую организацію, то описанное положеніе дворянства осталось-бы несокрушимымъ и продолжало бы служить основой общества. Но тѣ же причины, благодаря которымъ оказался устарѣвшимъ институтъ рабства, расшатали и старинное положеніе дворянства. Наше время заимствуетъ отъ этой прошедшей эпохи только формы для новыхъ организацій.

Древнѣйшая форма правительства [3]).

Основной формой всякой человѣческой организаціи является семья, въ древнемъ смыслѣ слова. Иногда такая организація представляетъ лишь дальнѣйшее развитіе и расширеніе семьи, иногда же сознательное подражаніе ей, такъ какъ человѣкъ того времени не зналъ никакого другого образца.

Дѣйствительно, это были единственные два пути, которые привели ко всѣмъ возможнымъ формамъ организаціи. Всякое государство или представляетъ не что иное, какъ одну чрезвычайно расширенную семью, или же нѣсколько древнихъ семействъ соединяются, съ цѣлью мира и защиты, подъ условіемъ равенства положенія, образуя организацію, на подобіе семьи.

Древнѣйшія человѣческія государства принадлежатъ, повидимому, къ первой группѣ, отличающейся повсюду поразительнымъ однообразіемъ явленій. Такое однообразіе характера обусловливается ихъ простотой. Эту форму государства можно назвать патріархальнымъ абсолютизмомъ. Основаніемъ ея служитъ единственно только отцовская власть, которой она соотвѣтствуетъ также и по формѣ. Степень развитія абсолютизма бываетъ различна, смотря по степени расширенія семьи. Чѣмъ меньше послѣдняя, тѣмъ легче взрослымъ членамъ ея пріобрѣсти нѣкоторое вліяніе на рѣшенія отца и тѣмъ безопаснѣе для послѣдняго допускать такое вліяніе. Такимъ образомъ, наряду съ отцомъ образуется нѣчто вродѣ семейнаго совѣта, который не нужно, однако, смѣшивать съ законодательными коллегіями второй группы государствъ. Напротивъ, чѣмъ больше разростается семья,

тѣмъ больше несовершенная техника управленія требуетъ примѣненія абсолютной власти отца, тѣмъ рѣзче увеличивается раздѣленіе между управляющими и управляемыми отдѣльными семьями, и если упомянутый совѣтъ и существуетъ, то въ него допускаются только члены правящей семьи О какомъ-либо участіи «народа» въ правленіи, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи.

Формы такого правленія до мелочей тождественны съ тѣми, какіе мы видѣли въ патріархальной семьѣ уже при выдѣленіи изъ нея отдѣльной господствующей семьи. Подобно тому, какъ тамъ «господинъ» сдѣлался единственнымъ носителемъ права собственности всей общины, послѣ того, какъ онъ уже раньше былъ для всѣхъ повелителемъ и судьей, такъ и правитель абсолютнаго государства является единственнымъ владѣльцемъ всей земли, которую онъ предоставляетъ въ пользованіе отдѣльнымъ подданнымъ. Онъ распоряжается жизнью и смертью всѣхъ, опредѣляетъ всякому его работу и положеніе, и только отъ его имени можетъ производиться отправленіе правосудія. Исторія не проникаетъ въ глубь временъ, когда образовались древнѣйшія государства. Но мы не можемъ себѣ представить ихъ возникновенія иначе, какъ въ видѣ бо́льшаго или меньшаго поглощенія каждой покоренной семьи семьею побѣдителя, причемъ послѣдняя лишала ихъ главы и сливалась съ ними безъ всякаго слѣда, какъ будто связь была не внѣшняя, а внутренняя. Понятіе о древней семьѣ допускало такое явленіе, которое должно было казаться наиболѣе простымъ.

Достоинство отца освящалось и возвышалось уже и въ болѣе простомъ домѣ близкимъ отношеніемъ его къ религіознымъ моментамъ, съ которыми мы уже отчасти познакомились. Но несравненно большее значеніе имѣлъ этотъ моментъ въ семьѣ, разросшейся до стадіи государства. Божество, руководящее судьбой цѣлаго государства, цѣлаго народа, ни въ чемъ не уступающаго, какъ ему казалось, другимъ народамъ земного шара— окружено совершенно другимъ ореоломъ могущества и величія, чѣмъ то, которое считается представителемъ простой семьи. И, однако, отецъ государства находится къ такому божеству въ томъ-же близкомъ, родственномъ отношеніи, какое существуетъ и въ маленькой семьѣ и которое мы можемъ вообще назвать жреческимъ. Но, по древнимъ народнымъ представленіямъ, жреческія обязанности гораздо шире, чѣмъ это принято думать въ настоящее время. На извѣстной ступени развитія культуры, жрецъ не только служитель и исполнитель воли божества, но, по еще болѣе фетишистскому воззрѣнію ст араго времени, онъ—хранитель и носитель божества. Истинный преемникъ и наслѣдникъ отцовскаго званія именно и характеризуется подобнымъ качествомъ. Собственно говоря, всѣми дѣлами племени и государства руководитъ и управляетъ само племенное божество, но носителемъ божественнаго духа является изъ среды людей его наслѣдникъ и преемникъ. Истиннымъ наслѣдникомъ, истиннымъ правителемъ можетъ быть лишь тотъ, кому принадлежатъ предметы культа, съ которыми связано представленіе о присутствіи божества.

По вѣрованію народа, и теперь еще имѣетъ большое значеніе какой нибудь наслѣдственный ключъ, наслѣдственная Библія и т. п. предметы, тѣсно связанные съ душами ихъ умершихъ владѣльцевъ. Такое-же громадное значеніе имѣло для наслѣдника отцовской власти

владѣніе всѣми фетишистскими предметами, съ представленіемъ о которыхъ всегда связывалась близость господствующаго племеннаго духа. У германцевъ къ такимъ предметамъ принадлежалъ въ особенности мечъ, переходившій всегда отъ отца къ сыну, какъ святыня: вмѣстѣ съ мечемъ передавалась власть. Этимъ легко объясняется, почему древнія саги часто говорятъ о томъ, что многія германскія племена считали мечъ божествомъ. Еще болѣе старинное положеніе занимаетъ въ этомъ отношеніи посохъ, передаваемый изъ рукъ одного господина въ руки другого, въ видѣ скипетра, какъ настоящаго носителя правительственной власти.

Но положеніе жреца во многихъ случаяхъ вело къ еще болѣе тѣсной и непосредственной связи человѣка съ божествомъ. Жрецъ сохранялъ не только тѣ предметы, которые считались прикосновенными къ божеству въ обыкновенное время. По временамъ, по крайней мѣрѣ, въ моменты извѣстныхъ функцій, онъ даже самъ становился сосудомъ и носителемъ божественнаго духа, который проявлялъ себя въ немъ и чрезъ него. Многіе обычаи культа служатъ доказательствомъ такого воззрѣнія. При исполненіи нѣкоторыхъ обрядовъ, жрецы являлись иногда въ одѣяніи божества, будто само божество. Подобно тому, какъ въ до-христіанскія времена отецъ самъ исполнялъ въ своемъ маленькомъ домѣ обязаности жреца, такъ и правитель государства, представляющаго разросшуюся древнюю семью, точно также исполняетъ всѣ указанныя функціи жреца. Онъ носитель культа и хранитель предметовъ культа, или же онъ самъ живой сосудъ господствующаго надъ его племенемъ духа, причемъ господство человѣка сохраняется до тѣхъ поръ, пока не нарушается эта связь. Господство связано съ обладаніемъ предметами культа и вселеніемъ духа: тогда правитъ собственно не человѣкъ, а богъ при посредствѣ человѣка. Исторія показываетъ, какъ опасно такое воззрѣніе для правителя, но, съ другой стороны, оно несомнѣнно доставило ему такой авторитетъ и такую полноту власти, которыя должны были сдѣлаться самой дѣйствительной опорой отцовскаго абсолютизма. При охраненіи его одной человѣческой силой, ему угрожала тѣмъ бо́льшая опасность, чѣмъ больше была подчиненная ему масса. Поэтому нечего удивляться, если и теперь еще существуютъ государства, въ которыхъ правильное наступленіе временъ года, своевременное появленіе дождя, благопріятная жатва или удачная рыбная ловля ставятся въ зависимость отъ дѣйствій правителя. Правитель, въ качествѣ исполняющаго жреческія функціи, является косвенной причиной всѣхъ явленій, или же непосредственной ихъ причиной, какъ носитель божества — все равно приносятъ-ли они счастье или несчастье его народу. Онъ — самъ богъ, что́ безконечно возвеличиваетъ блескъ его могущества; но онъ же—преходящій сосудъ вѣчнаго властелина, что́ нерѣдко сопряжено съ опасностью для его жизни.

Остатки такого воззрѣнія или замирающій откликъ его мы находимъ, конечно, не только въ государствахъ первой группы, такъ какъ и болѣе молодая группа—какъ это всегда бываетъ въ сферѣ культуры—заимствовала нѣкоторыя отдѣльныя формы у болѣе древнихъ учрежденій. Но въ совершенно чистомъ, несмѣшанномъ видѣ мы встрѣчаемъ въ цѣломъ рядѣ государствъ принципъ патріархальнаго правленія. Мы приведемъ лишь наиболѣе извѣстныя читателю государства.

Патріархальными государствами, выросшими путемъ расширенія одной древней семьи, были греческія государства, до и во время героическаго періода. Весьма многія изъ нихъ были расположены одновременно на материкѣ нынѣшней Греціи и на ея островахъ. Многія, по ихъ объему, можно было бы сравнить только съ современной большой общиной; поэтому обозначая греческаго «Basileus», главу такой организаціи, словомъ «царь», вызывающимъ представленіе о чемъ-то великомъ и возвышенномъ, мы создаемъ несоотвѣтствующую дѣйствительности ассоціацію идей. Нѣмецкій «kuning», король обозначалъ также только представителя «Kunne», рода, т. е. древней семьи. Греческое патріархальное царство относится ко времени простой, древней, осѣдлой культуры, въ противоположность болѣе молодымъ организаціямъ, основаннымъ въ такъ называемую героическую эпоху, характеризующуюся возникновеніемъ племенного дворянства. Древній «царь» является самъ не только организаторомъ, но и руководителемъ работы. Какъ настоящій отецъ, онъ совѣтуется со своими относительно распредѣленія работы и даже самъ берется за плугъ, чтобы показать болѣе молодымъ людямъ, какъ слѣдуетъ съ нимъ обращаться. Въ болѣе молодой организаціи, создавшей «геройство»,—въ Индіи существуетъ соотвѣтствующее ему «арійство»,—господское племя гордо выступаетъ противъ чуждаго ему покореннаго племени, и приложеніе рукъ къ работѣ уже считается для него позорнымъ: онъ хочетъ и можетъ только господствовать.

Древній «Basileus» является вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецомъ для своихъ близкихъ: каждая отдѣльная семья можетъ почитать собственное божество, но культъ божества, господствующаго надъ всѣмъ племенемъ, совершаетъ только отецъ или царь. Это служитъ существенной опорой для его авторитета: тѣсная связь съ божествомъ дѣлаетъ его неприкосновеннымъ. Онъ охраняетъ святыни, близъ которыхъ паритъ духъ божества; въ его рукахъ находится священный посохъ, обладаніе которымъ онъ умѣетъ возвести черезъ цѣлый рядъ властителей до высшаго божества рода.

Совершенно аналогичную фигуру представляетъ и древне-римскій «Rex». Исторія показываетъ намъ его, конечно, какъ принадлежность болѣе стараго времени, перешедшую по наслѣдству въ новую организацію съ тѣмъ, чтобы совершенно исчезнуть при дальнѣйшемъ прогрессѣ. Но самъ по себѣ онъ еще вполнѣ служитъ представителемъ древнѣйшей формы государства. Онъ не только первый государственный жрецъ, не только держитъ въ своихъ рукахъ посохъ Юпитера, но его священная особа даже сама является воплощеніемъ божества. Онъ носитъ такую-же одежду, какъ и статуя Юпитера, и, подобно тому, какъ лицо послѣдняго разрисовывается сурикомъ, такъ и царь, единственный изъ всѣхъ мужчинъ, является съ нарумяненнымъ лицомъ.

Въ Римѣ и Элладѣ побѣдила вторая, болѣе молодая форма государственнаго устройства. Германцы, подобно скиѳамъ, въ исторіи являются лишь отчасти подчиняющимися королевской власти; но по скольку она существуетъ, мы должны признать, согласно Тациту, за ней патріархальный характеръ. Объемъ ея былъ еще очень незначителенъ, на подобіе древнегреческой царской власти, а значеніе ея для исторіи культуры было даже гораздо меньше, такъ какъ тогда только постепенно сталъ возникать вопросъ о правѣ собственности короля на землю. Въ древнихъ культурныхъ государствахъ

Азіи, напротивъ, благодаря своеобразному рѣшенію этого вопроса, царская власть достигла такого значенія, что мы и до сихъ поръ еще находимъ тамъ самые разительные примѣры такого строя.

Подобный же примѣръ представляютъ и американскія культурныя государства, тогда какъ индѣйскія общины на сѣверѣ скорѣе устроены по образцу древне-материнской формы правленія. Въ Перу побѣдители, отличительнымъ признакомъ которыхъ служило поклоненіе солнцу и которые поэтому носили названіе «сыны солнца», образовали родовое дворянство, отношеніе котораго къ покоренному племени было такое-же, какъ нѣкогда отношеніе господствующей семьи къ остальнымъ. Родъ побѣдителей составлялъ въ одно и то-же время и военную, и жреческую касту. Надъ всѣми—и надъ дворянствомъ, и надъ народомъ—царилъ инка, воплощеніе божества солнца на землѣ. Форма правленія инковъ прославлялась, какъ высокая ступень развитія, и нашему времени, начинающему сознавать процессъ образованія соціальныхъ формъ, указывали ее, если не прямо, какъ примѣръ для подражанія, то, по крайней мѣрѣ, какъ предметъ для возбужденія нашего удивленія. Дѣйствительно справедливо, что они находятся на высокой ступени развитія по сравненію съ индѣйскими общественными формами. Что же касается существа всѣхъ учрежденій инковъ вообще, то они рѣшительно тождественны съ тѣми, съ которыми мы познакомились, разсматривая славянское владѣніе. Разница заключается лишь въ томъ, что здѣсь, благодаря завоеваніямъ, это помѣстье и вообще вся семейная организація чрезвычайно разрослись, и распредѣленіе земли между крестьянами находится еще въ томъ состояніи подвижности, которое изъ всѣхъ европейскихъ странъ мы видѣли въ одной только центральной Россіи.

Инка есть воплощеніе государственнаго бога, его эмблема, и требуетъ божественнаго культа. Такъ какъ мѣстопребываніе божества есть солнце, то и инка является солнцемъ на землѣ, по крайней мѣрѣ, болѣе молодымъ солнцемъ—сыномъ солнца, и въ своихъ женскихъ покояхъ онъ держитъ взаперти «невѣстъ солнца». Родственники солнечнаго рода, соплеменники — его воины, или въ ихъ рукахъ находятся всѣ древнѣйшіе культы страны. Отцы, главы покоренныхъ племенъ, вполнѣ утратили такое званіе, но они нашли примѣненіе своимъ силамъ въ вѣ[illegible]ственной организаціи труда, въ качествѣ подчиненнаго служилаго дво[illegible]ства. Собственникомъ всей земли является одинъ инка, но она [illegible]лится между всѣми для пользованія и различается, смотря по тому, для какихъ цѣлей она предназначается.

Доминикальная земля состоитъ изъ двухъ частей, такъ какъ новые господа, по весьма понятнымъ причинамъ, взяли весь публичный культъ на себя. Всѣ затраты на культъ берутся изъ доходовъ «земли солнца», вся остальная доминикальная земля есть «земля инки». Приблизительно одну треть всей земли составляетъ «земля народа», т. е. та рустикальная земля, которая передается въ руки народа, для поддержанія его рабочей силы. Но выдѣленія опредѣленныхъ земельныхъ участковъ тамъ не было, совершенно такъ же, какъ во многихъ областяхъ Россіи до 1861 г. Инка передавалъ въ пользованіе народа каждый годъ другую часть земли, смотря по тому, гдѣ требовалось скопленіе бо́льшаго количества рабочихъ для государственныхъ цѣлей. Онъ надѣлялъ также различными участками отдѣльныхъ

ицъ, въ зависимости отъ измѣненія численности ихъ семьи. Въ то-же время перуанецъ обязанъ былъ отправлять барщину и разныя дворовыя повинности совершенно такъ-же, какъ нашъ крѣпостной: только въ этомъ и заключается смыслъ выраженія, что дѣломъ народа была обработка, какъ народной земли, такъ и земли солнца и инки, не говоря уже о громадныхъ сооруженіяхъ дорогъ, храмовъ и дворцовъ, предпринимавшихся инками. Излишки продукта инки собирали въ хлѣбныхъ магазинахъ, чтобы, въ случаѣ нужды, оказывать поддержку голодающему рабочему населенію. Когда народу удавалось, наконецъ, обрабатывать предоставленные въ его собственное пользованіе участки, онъ соединялся группами для взаимопомощи, какъ это и теперь еще въ обычаѣ у южныхъ славянъ—остатокъ старинныхъ семейныхъ отношеній.

На такой-же основѣ покоилась царская власть и въ древнемъ Египтѣ, съ той, однако, разницей, что здѣсь временно пріобрѣтали надъ ней громадное вліяніе жрецы, сдѣлавшіеся независимыми, благодаря богатству и наслѣдственности большей части ихъ должностей. Царь, на ряду съ солнцемъ и священными изображеніями боговъ, былъ мѣстомъ пребыванія, сосудомъ государственнаго божества. Онъ былъ «живымъ изображеніемъ» всѣмъ управляющаго Аммонъ-Ра, или-же болѣе молодой формой проявленія его на землѣ, его «сыномъ». Логическимъ послѣдствіемъ этого было то, что ему принадлежалъ также культъ этого бога, въ чемъ и кроется причина своеобразности церемоніала при дворахъ подобнаго рода. Придворный церемоніалъ именно является здѣсь культомъ. Личность египетскаго царя такъ-же священна, какъ и всякой другой статуи божества, и подданные говорили о немъ, что онъ благословляетъ жатву и даетъ преуспѣяніе, что онъ даже властелинъ всего міра, которому обязано своимъ существованіемъ все, что «живетъ и дышетъ» на землѣ! Это—не льстивыя фразы, а обыкновенный способъ выраженія, примѣнявшійся къ живому божественному образу, или къ живущему въ немъ божеству.

Логическое послѣдствіе такого воззрѣнія приводило къ громадному вліянію жрецовъ государственнаго бога, Аммона-Ра. Не всякое изображеніе, предназначенное человѣкомъ для мѣстопребыванія божества, по существующему вѣрованію, дѣйствительно одухотворяется имъ. Только жрецъ, путемъ профессіональнаго опыта, нашелъ дѣйствительное средство вселить духъ божества въ его каменное изваяніе: средство это — «помазаніе». Точно также находилось во власти жреца одухотвореніе духомъ Аммона и «живого изображенія» божества, т. е. царя, который безъ помазанія не былъ царемъ въ томъ смыслѣ, какъ указано выше.

И въ Египтѣ настоящему царю непосредственно принадлежала вся земля со всѣми людьми, поскольку отдача земель въ наслѣдственное пользованіе, примѣнявшаяся особенно часто въ области культа, не создала нѣчто вродѣ ленной системы, уже болѣе близкой къ свободной собственности. Вся народная земля оставалась бозспорной собственностью царя. У евреевъ существовала легенда, будто такія своеобразныя отношенія собственности созданы путемъ хитрости, въ интересахъ царской власти, однимъ изъ ихъ соплеменниковъ, «египетскимъ Іосифомъ», который воспользовался голоднымъ временемъ, чтобы закупить всю землю въ частную собственность и затѣмъ снова раздать ее подъ условіемъ различныхъ

обязательствъ. Однако, Перу, восточная Азія и германское патріархальное устройство въ средніе вѣка не знали никакого Іосифа, но имѣли такія же отношенія собственности.

До сихъ поръ мы говорили о примѣрахъ изъ историческаго прошлаго, но тѣ-же патріархальныя отношенія сохранились нетронутыми и до нашихъ дней. Китайскій богдыханъ—единственный, неограниченный и дѣйствительный владѣлецъ всей необъятной Китайской имперіи. Онъ собственникъ всей земли въ совокупности, отецъ всего народа. Въ его рукахъ находится вся неограниченная власть древняго отца и жизнь всѣхъ его подданныхъ. Никто не обработываетъ свой земельный участокъ иначе, какъ на правахъ пользованія и на извѣстныхъ условіяхъ, обязательныхъ по отношенію къ милостивому отцу въ Пекинѣ, который даруетъ ему землю и жизнь. Эти современныя патріархальныя государства экономически опередили государство инковъ только въ одномъ отношеніи: повинности за право пользованія землей во многихъ случаяхъ, или даже въ большинствѣ случаевъ, превратились въ подать, и мы, съ нашей точки зрѣнія, впадаемъ въ искушеніе понимать эти отношенія въ цѣломъ, какъ арендныя. Но, разсматриваемыя съ такой точки зрѣнія, они не приблизились еще и къ наслѣдственной арендѣ, такъ какъ подданный каждую минуту можетъ быть изгнанъ съ своего участка; въ дѣйствительности это случается, конечно, только при небрежной обработкѣ земли.

Отношеніе правящаго государственнаго божества — почти міроваго божества для китайцевъ, считающихъ весь остальной міръ крайне ничтожнымъ — къ императору совершенно такое-же, какъ въ Перу и древнемъ Египтѣ. Только названіе нѣсколько измѣнилось. Между тѣмъ, какъ египтяне и перуанцы искали сверхземное мѣстопребываніе божества на солнцѣ, китаецъ предназначаетъ ему для жительства все «небо». Поэтому имперія, находящаяся въ его непосредственномъ управленіи, есть «небесная» имперія, а земные обитатели ея — «сыны неба». Китайскій императоръ также отвѣтственъ за благословеніе жатвы и теченіе временъ года, и при дворѣ его господствуетъ во всей строгости церемоніалъ культа. На той-же основѣ покоится и государственное устройство Японіи. Микадо есть сосудъ божества, окруженный благоговѣйнымъ страхомъ, и владѣлецъ всей земли. Божественность такихъ властителей и связанная съ нею отрѣшенность ихъ отъ жизни могутъ повлечь за собой необходимость обзаведенія ихъ несвященной, «мірской рукой», которая несла бы на себѣ заботы обо всѣхъ низменныхъ и, тѣмъ не менѣе, неотложныхъ мірскихъ дѣлахъ и которая не должна была бы бояться соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ. Въ такомъ случаѣ не исключается, однако, опасность, что этотъ свѣтскій правитель не достигнетъ дѣйствительнаго могущества, на ряду съ которымъ власть повелителя превратится лишь въ священную тѣнь. Такую форму приняло нѣкогда въ Японіи отношеніе «тайкуна» къ микадо, или въ Тибетѣ — отношеніе «царя закона» къ Далай-Ламѣ. Пока Тибетъ былъ самостоятеленъ, и тамъ существовала такая-же система правленія, и Далай-Лама считался воплощеніемъ управляющаго государствомъ божества. Теперь онъ сохранилъ только жреческое достоинство, хотя отношеніе его къ божеству не измѣнилось.

Изъ восточной Азіи тотъ же государственный принципъ проникъ въ чистомъ видѣ въ Европу, черезъ Россію.

Въ западной Европѣ болѣе быстрый ходъ прогрессивнаго развитія оттѣснилъ принципъ патріархальнаго государственнаго устройства; тѣмъ не менѣе, остатки старины часто охраняются здѣсь довольно тщательно, именно въ высшихъ слояхъ общества.

Исторія Скандинавіи вначалѣ новаго времени постоянно вращается вокругъ безконечной борьбы, знакомство съ которой было-бы для читателя столь-же утомительно, сколько и непонятно, если-бы ее нельзя было объяснить съ точки зрѣнія борьбы обоихъ указанныхъ принциповъ. Скандинавы ни за что не хотятъ отказаться отъ счастья имѣть короля. Они отправляются въ поиски за нимъ во всѣ стороны, на чужбину, привлекаютъ его всевозможными увѣреніями въ свою страну, но, какъ только это имъ удастся, снова начинается старая борьба. За королемъ никакъ не хотятъ признать круга опредѣленной дѣятельности; онъ не долженъ вмѣшиваться ни въ какія практическія дѣла, не долженъ имѣть совершенно никакой власти и, по возможности, меньше доходовъ. Но какъ только король бѣжитъ отъ напастей негостепріимной страны, пораженный народъ снова съ отчаяньемъ зоветъ его. Зачѣмъ ему, однако, нуженъ подобный «король»? Дѣло въ томъ, что при болѣе молодой организаціи въ народѣ все еще оставались нетронутыми старыя, унаслѣдованныя представленія, въ которыхъ одинъ только отецъ-король могъ быть посредникомъ между государствомъ и божествомъ, или вообще вершителемъ судебъ человѣческихъ, и что поэтому король необходимъ государству для его счастья и благополучія, для благословенія работы и жатвы, но не для заботъ о дѣлахъ правленія. Для послѣдней цѣли существовала болѣе поздняя система распредѣленія, по которой носителемъ власти служилъ совѣтъ, съ мѣстнымъ представителемъ государства во главѣ. Важнѣйшая обязанность, возлагаемая на короля Кальмарскимъ рецессомъ 1483 г., заключается въ томъ, что онъ долженъ жить по одному году въ каждомъ изъ трехъ государствъ, добросовѣстно соблюдая очередь. Единственно желательно— почти одно его присутствіе. Безъ короля государство, по понятію скандинавовъ, не можетъ устранить даже элементарныхъ бѣдствій, и потому наступленіе ихъ ложится всей своей тяжестью на короля. Мысль эта, только въ болѣе христіанской формѣ, выступаетъ, напр., изъ слѣдующаго замѣчанія Рюса о королѣ Христоферѣ, призванномъ изъ Баваріи. «Народъ приписалъ нужду, испытанную въ его царствованіе, гнѣву Божьему на поведеніе правителя». Въ глазахъ народа, судившаго еще съ точки зрѣнія старинныхъ, унаслѣдованныхъ понятій, онъ былъ не настоящій король, а «голодный» (Hungerkönig), и потому получилъ нелестное прозвище «лубочнаго короля» Вся древняя исторія сосредоточивается въ этихъ государствахъ на борьбѣ представителя государства съ необходимой еще королевской властью. Борьба эта вполнѣ подобна той, которая велась между тайкуномъ и микадо въ Японіи.

Совершенно такое же положеніе, какъ микадо, умѣряемое только христіанскими понятіями, занималъ король франковъ. Франкъ противополагалъ своего «военнаго короля» полководцу и дѣйствительному повелителю и не могъ себѣ представить его иначе, какъ въ видѣ изображенія божества въ

извѣстномъ убранствѣ, разъѣзжающаго въ своей колымагѣ, запряженной быками, для благословенія страны, не заботясь о правительственныхъ дѣлахъ, пока одинъ франкскій тайкунъ, «мажордомъ», не упряталъ своего микадо въ монастырь. Отъ этихъ-то живыхъ изображеній божества короли Франціи и унаслѣдовали, вѣроятно, чудесный даръ исцѣленія больныхъ однимъ прикосновеніемъ. Они раздѣляли его съ королями Англіи. Спросъ на приложеніе этой чудесной силы бывалъ по временамъ необыкновенно великъ. Карлъ II совершилъ актъ исцѣленія, въ одномъ только 1682 г., надъ 8500 лицами, а за все время своего царствованія онъ повторилъ эту церемонію сто тысячъ разъ.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существовала такого рода королевская власть, между нею и божествомъ, представителемъ котораго она служила, нерѣдко становилось сильное жреческое сословіе. Поводомъ къ тому могла служить частая смѣна династій и лицъ, тѣмъ болѣе, что королевская власть часто бывала выборной, подобно тому, какъ въ древней семьѣ «отецъ» иногда назначался по выбору. Во многихъ случаяхъ, жизни короля угрожали войны, заговоры и возстанія, между тѣмъ, какъ положеніе жрецовъ было вполнѣ безопаснымъ и, при сколько нибудь упорядоченныхъ экономическихъ отношеніяхъ, независимымъ отъ колебанія выборовъ, благодаря наслѣдственности жреческаго званія. Каковы бы ни были бреши въ непрерывной преемственности королевской власти, культъ государственнаго божества не долженъ былъ при этомъ страдать. Мѣняется только одинъ изъ сосудовъ божества, а почитаніе и умилостивленіе его есть дѣло жрецовъ, не подверженныхъ никакимъ случайнымъ опасностямъ.

Въ такомъ приблизительно отношеніи ко многимъ династіямъ находились верховные жрецы Аммона въ Ѳивахъ въ Египтѣ. Храмъ со своими сокровищами самъ по себѣ составлялъ неприкосновенное царство мира, въ которомъ одинъ жрецъ безпрепятственно являлся на смѣну другому. Между тѣмъ, какъ царскій тронъ подвергался самымъ тяжелымъ потрясеніямъ, культъ, совершаемый жрецами, не прекращался. Верховный жрецъ посвящалъ новаго царя въ его санъ помазаніемъ; царь становился тогда сосудомъ божества. Когда жрецъ, по обычаю, передавалъ при этомъ царю солнечный дискъ и провозглашалъ его царемъ — не должно ли было казаться, что божественная власть царя находится въ рукахъ и въ распоряженіи жреца, къ предметамъ культа котораго божество возвращалось каждый разъ, какъ оно оставляло тѣло царя? Не должно ли было казаться, что жрецъ ссужаетъ короля властью, которая, собственно, заключается въ немъ самомъ, тѣмъ болѣе, что, при посвященіи, жрецъ могъ ставить извѣстныя условія и предписывать избраннику законы культа? А когда божество оставляло царя, если ему не нравился этотъ сосудъ, — кто долженъ былъ это удостовѣрить? Въ исторіи Египта извѣстны тяжелыя столкновенія такого рода, хотя слѣды ихъ, въ видѣ іероглифовъ, попадаются только въ сочиненіяхъ Телль-эль-Амарна.

Аналогичный характеръ носила также царская власть, установленная союзомъ еврейскихъ колѣнъ, какъ заимствованное извнѣ учрежденіе. Первосвященникъ Самуилъ, стоявшій во главѣ народа и не желавшій дѣлить своего вліянія, вначалѣ противодѣйствовалъ ей, но затѣмъ онъ избралъ будущаго царя, заключилъ съ нимъ договоръ, который положилъ у под-

ножія божества, послѣ чего помазалъ его на царство. Затѣмъ тотъ же первосвященникъ объявилъ, что божество покинуло этотъ сосудъ, и помазалъ другой, для служенія Богу и себѣ. Совершенно такъ же магометанскій міръ еще и теперь понимаетъ отношенія шейха-уль-ислама, или великаго муфти, къ свѣтскому правителю, и на нашей уже памяти муфти только использовалъ свое право, когда свергнулъ съ престола Абд-уль-Азиса и Мурада V.

Подобнаго процесса развитія не чужды были во времена язычества и германскія племена. О бургундцахъ сообщаютъ, что у нихъ существовало два высшихъ званія, причемъ званіе короля пользовалось преимуществами не во всѣхъ отношеніяхъ. Несокрушимо прочнымъ было только положеніе верховнаго жреца, а королю часто угрожали опасности, такъ какъ ему приписывались всѣ народныя бѣдствія. Разсказы, циркулировавшіе о древнихъ готахъ, утверждаютъ въ сущности то же самое. Когда христіанство уничтожило верховныхъ жрецовъ, франкскій король Хлодвигъ упрекалъ вестготовъ, что у нихъ продолжаетъ еще существовать фактъ частаго сверженія королей. Бургундцы и вестготы образовали потомъ ядро господствующаго населенія въ южной Франціи и Испаніи, но здѣсь мы видимъ еще въ концѣ среднихъ вѣковъ придворный церемоніалъ, указывающій близкое родство съ восточно-азіатскими патріархальными государствами. Учрежденіе руководящаго сословія духовныхъ лицъ, въ качествѣ толкователей воли Божьей, избирающаго и низвергающаго королей, сдѣлалось предметомъ стремленій римской церкви. Стремленія эти нашли свое теоретическое выраженіе въ ученіи лже-исидоровыхъ декреталій о двухъ мечахъ. Остатки такой формы организаціи сказываются и теперь въ непонятной современному человѣку святости нѣкоторыхъ знаковъ царскаго достоинства. Въ нѣкоторыхъ государствахъ придается еще громадное значеніе владѣнію этими знаками, помазанію или коронованію, какъ необходимому условію полученія царской власти, и титулу «Божьей милостью». Исторія рѣдко уничтожаетъ свои созданія, но человѣчество наполняетъ унаслѣдованныя формы новымъ содержаніемъ, соотвѣтствующимъ его измѣнившемуся міровоззрѣнію.

Новѣйшія формы государственнаго устройства и правительства.

Новѣйшія формы организацій возникли или путемъ разложенія старыхъ, или путемъ новой комбинаціи первичныхъ элементовъ, т. е. древнихъ родовъ или непосредственно отдѣльныхъ семей. Поводомъ для уклоненія отъ старыхъ формъ всегда служитъ измѣненіе промышленной и трудовой дѣятельности человѣка. При кочевомъ бытѣ, во всякомъ случаѣ было легче, чѣмъ при развитіи земельной собственности, слиться съ покореннымъ племенемъ, лишивъ его предварительно главы, подобно тому, какъ маленькое стадо присоединяется къ большому подъ однимъ общимъ руководительствомъ. Въ земледѣльческихъ странахъ представлялись большія трудности для подобнаго поглощенія. Мы находимъ его еще въ древнихъ государствахъ центральной Азіи—въ Ассирійско-Вавилонскомъ и Персидскомъ. Но они вскорѣ оказались вынужденными отрывать покоренный народъ отъ земли и переселять его въ чужія мѣста, если нужно было удовлетворить притязаніе «великаго царя» на исключительное право собстве-

ности на землю. Но изъ за этого приходилось безъ всякой пользы уничтожать часть имущества, которое могло бы пригодиться побѣдителю: это показываетъ исторія Галилеи, Самаріи и Іудеи. Кромѣ земледѣлія, и многіе другіе промыслы не допускали такой системы поглощенія, иногда съ успѣхомъ для себя. Іудеи нашли среди покореннаго племени рудокоповъ и оставили ихъ на мѣстахъ. Такъ же поступили и вавилоняне: оторванная отъ почвы, эта цѣнная рабочая сила пропала бы даромъ!

Измѣненіе хозяйственной жизни обусловливало и другую перемѣну. Грабежъ неразрывно связанъ съ бедуинствомъ, и мы даже могли бы сказать, что онъ составляетъ законный промыселъ бедуина. Но такое состояніе предполагаетъ полное отрицаніе владѣльческихъ правъ всѣхъ сосѣдей. Только при такой враждебности, владѣнія сосѣдей могутъ сдѣлаться поприщемъ для пріобрѣтенія добычи. Здѣсь нѣтъ мирнаго житья рядомъ, нѣтъ общности интересовъ: тутъ возможно или полное раствореніе одного въ другомъ, образованіе одного цѣлаго, или же обѣ стороны остаются врагами; одинъ служитъ предметомъ добычи другаго, по прихоти счастья: приходится быть или молотомъ, или наковальней. Совершенно иначе складываются потребности общества съ хозяйственной точки зрѣнія при развитіи права собственности на землю. Продолжительность владѣнія зависитъ скорѣе отъ взаимнаго признанія сосѣдями ихъ правъ въ этомъ отношеніи. Ни семья, занимающаяся долгое время грабежемъ, ни другая, служащая объектомъ его, не могли бы поддержать своего существованія землей, которую нельзя отнять у врага, подобно движимому имуществу, и нельзя обработывать, если этому мѣшаютъ враждебныя дѣйствія сосѣда. Миръ между двумя земледѣльческими семьями можетъ, однако, поддерживаться только союзами, и такимъ путемъ возникла организація семействъ на равныхъ правахъ. Государство перваго порядка образуетъ, если можно такъ выразиться, единичную ячейку, которая при каждомъ поглощеніи новаго содержимаго все разрастается до безконечности. Государство второго порядка похоже на соты, на тѣсно прилегающія другъ къ другу ячейки. При этомъ не исключается, однако, возможность того, что единство болѣе молодой организаціи приметъ внѣшнія формы старой и поставитъ надъ собой патріархальную королевскую власть, такъ какъ это—единственный извѣстный ей образецъ.

Мы уже видѣли, какія новообразованія должны развиваться путемъ разложенія старыхъ организацій. Они были вызваны настоятельной необходимостью для божественнаго главы государства обзавестись, для реальныхъ сношеній съ здѣшнимъ міромъ, менѣе священнымъ посредническимъ органомъ. Такой «органъ» мы находимъ въ тайкунѣ, въ тибетскомъ «царѣ закона» и въ различныхъ визиряхъ, «опорахъ», въ арабско-турецкихъ областяхъ. Смотря по положенію свѣтскихъ дѣлъ, они могли захватить въ свои руки всю дѣйствительную власть, и могло даже произойти отдѣленіе религіозныхъ функцій отъ свѣтскихъ. То, что повторялось въ большихъ государствахъ Востока толчками и не давало прочно установленнаго порядка, привело въ маленькихъ эллинскихъ государствахъ, съ ихъ разнообразными свѣтскими отношеніями и формой хозяйства, болѣе близкой къ современной, къ весьма рано установившимся и важнымъ новымъ организаціямъ.

Исторія показываетъ много реальныхъ примѣровъ того, какъ возникали такія новыя организаціи. Старинная патріархальная власть ко-

роля сдѣлалась наслѣдственной. Не всегда, однако, бремя правленія ложилось на подходящихъ людей, между тѣмъ, какъ правительственныя заботы становились гораздо сложнѣе, требованія шире. Въ особенности веденіе войны часто требовало выбора другого человѣка, чѣмъ тотъ, которому случай доставилъ наслѣдственное преемство, и успѣхъ предпріятія не разъ зависѣлъ отъ довѣрія народа къ вождю. Въ то же время жреческое званіе короля требовало отъ него защиты мира. Однимъ словомъ, существовало достаточно общихъ мотивовъ, которые въ каждомъ частномъ случаѣ могли бы объяснить постоянно повторяющееся явленіе, что формальный договоръ между народомъ и королемъ частью упразднялъ старинную королевскую власть.

Запутанная въ разнообразныя внѣшнія отношенія община обезпечивала своему королевскому дому сравнительно блестящее жреческое положеніе въ государствѣ, надѣляя его земельной собственностью, но за то требовала для себя права отправленія правосудія и предводительства на войнѣ. Такъ возникло «свободное государство», маленькая республика съ жреческимъ королемъ; такъ же возникли тѣ многочисленные наслѣдственные греческіе жрецы, которые называли своими предками царей. Подобныя явленія, лишь въ нѣсколько измѣненной формѣ, повторились и въ средніе вѣка. Города, служащіе представителями болѣе поздней формы хозяйственной дѣятельности, возникли на германской почвѣ всего раньше и развивались всего успѣшнѣе въ мѣстахъ жительства духовныхъ князей. Послѣ перенесенія на послѣднихъ королевскихъ правъ, они явились неограниченными господами городовъ. Но большинство городовъ пріобрѣло впослѣдствіи свободу, благодаря тому, что они, путемъ такого же договора, выкупили для себя у своихъ господъ право суда и, построивъ городскія стѣны, несмотря на возраженія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, взяли на себя свою защиту. И здѣсь, съ одной стороны, возникли «вольные города», а съ другой, возникли бы такія же независимые жреческіе роды, какъ въ Греціи, если бы Григорій VII не пріобрѣлъ этого наслѣдія для всей церкви въ совокупности, введя безбрачіе.

Государственное устройство Аѳинъ и Рима покоится на той же основѣ, но и здѣсь, и тамъ особенно выдѣляются два момента. Во первыхъ, здѣсь уже выступила болѣе молодая форма организаціи — союза семей на равныхъ правахъ; кромѣ того, традиціи Рима были тѣсно связаны нѣкоторымъ образомъ съ выборной царской властью, въ Аѳинахъ—съ выборной властью жрецовъ. И та, и другая община присваиваютъ себѣ право суда и представительства на войнѣ и оставляютъ царю только обязанности государственнаго жреца. Такъ въ обѣихъ общинахъ продолжала жить тѣнь царя, въ Римѣ— въ качествѣ «царя для принесенія жертвъ», Rex sacrificulus, въ Аѳинахъ—въ качествѣ «Archon Basileus».

На ряду съ болѣе старыми описанными формами организаціи, постепенно стали развиваться и указанныя новыя формы, по крайней мѣрѣ, на европейской почвѣ. Подобно тому, какъ война является потребностью для номадовъ и бедуиновъ, такой же потребностью для осѣдлой культуры является прекращеніе войны. Этому не противорѣчитъ фактъ, что во время могучаго прогресса человѣческой культуры, характеризующаго исторію Римской имперіи, война велась почти непрерывно. По истинѣ неизбѣжныя войны Рима въ дѣйствительности велись за прекращеніе войны, за наступленіе мира, и необходимость принудить къ миру путемъ войны продол-

жается во всѣхъ случаяхъ, какъ только приходятъ гдѣ либо въ непосредственное соприкосновеніе обѣ указанныя, столь различныя культуры. Стоило Риму принудить къ миру одного сосѣда, какъ у него тотчасъ же являлся другой, еще болѣе опасный, пока онъ, наконецъ, не сдѣлалъ попытки подобно сынамъ Небесной имперіи, оградить себя стѣной отъ непобѣдимой бедуинской культуры. Но стѣна не выдержала напора и рухнула.

И такъ, несмотря на безконечныя войны, лозунгомъ новаго порядка вещей является «миръ». «Нарушеніе мира» сдѣлалось основнымъ признакомъ всякаго преступленія. «Миръ» защищалъ собственность, и мѣсто изгороди и загражденія заняла болѣе дѣйствительная охрана признанія взаимныхъ правъ и взаимопомощи, союзъ всѣхъ. Если война и продолжаетъ еще существовать, то цѣль ея уже другая. По словамъ Цицерона и Саллюстія, цѣль ея—обезпечить миръ, между тѣмъ, какъ для старыхъ организацій война составляетъ промыселъ. Молодой организаціи, напротивъ, важно найти новыя формы пріобрѣтенія. Таковы именно купля и продажа, стоящія въ такомъ же отношеніи къ бедуинскому способу пріобрѣтенія, какъ новая организація къ старой.

Настоящая бедуинская семья имѣетъ, конечно, понятіе о правѣ собственности, но оно не выходитъ за предѣлы ея организаціи: внѣ ея нѣтъ ни права, ни имущества. Порожденное организаціей понятіе это только на нее и распространяется: она эгоистична до жестокости, благодаря отсутствію широкаго кругозора. За все, что́ она пріобрѣтаетъ, она не даетъ никакого вознагражденія: принципъ взаимности отсутствуетъ. Она не стремится признаніемъ этого принципа установить миръ, такъ какъ сознаетъ, что живетъ войной, и называетъ это своимъ правомъ.

Вполнѣ противоположны стремленія новой организаціи. Уже при небольшихъ и менѣе могущественныхъ семейныхъ союзахъ, она ставитъ себѣ цѣлью защиту гораздо болѣе обильной собственности. Она сознаетъ, что достиженіе этой цѣли зависитъ отъ того, насколько ей удастся склонить сосѣда къ признанію ея владѣльческихъ правъ. Само собой разумѣется, что и здѣсь встрѣчаются многочисленные случаи, когда удовлетвореніе существующихъ потребностей возможно только при посредствѣ предметовъ, находящихся во владѣніи сосѣда. Но, пріобрѣтая ихъ, новая организація предлагаетъ сосѣду вознагражденіе, имѣющее цѣлью сохранить миръ, несмотря на перемѣщеніе собственности. Мирный порядокъ можетъ создаться, однако, только путемъ договоровъ, покоящихся на открытомъ заключеніи извѣстныхъ условій, или хотя бы на молчаливомъ признаніи ихъ. Объекты новаго способа пріобрѣтенія распадаются на двѣ главныя группы. Во-первыхъ, каждая семья нуждается въ полученіи отъ сосѣдней цѣлаго ряда предметовъ; во вторыхъ, она нуждается преимущественно въ женщинахъ. Нужно, слѣдовательно, установить, на какихъ условіяхъ можно пріобрѣтать впредь и тѣхъ, и другихъ, не нарушая мира, а также нужно найти средства, не позволяющія никому преступать мирныя условія договора и нарушать миръ осуществленіемъ мести, недопустимой при новомъ порядкѣ. Поэтому римляне очень мѣтко назвали цѣлью этихъ мирныхъ союзовъ «commercium et connubium», т. е. взаимность торговли и заключенія браковъ. Но такой союзъ самъ по себѣ содержалъ только зачатки новой организаціи. Для его развитія требовалось учрежденіе общаго или единаго органа,

который завѣдывалъ бы защитой общихъ цѣлей союза. Начиная съ этого пункта, пути дальнѣйшаго прогресса снова расходятся въ различныхъ направленіяхъ.

Наиболѣе простыя формы процесса развитія новой организаціи мы находимъ въ скандинавскихъ колоніяхъ на Готландѣ и въ Исландіи. По крайней мѣрѣ, относительно острова Исландіи достовѣрно извѣстно, что, при открытіи его, на немъ не было мѣстныхъ животныхъ. Поэтому германцы не вернулись здѣсь къ кочевничеству, а тотчасъ же завладѣли землей для хлѣбопашества. Позднѣйшій «церковный приходъ» представлялъ древнюю семью. Но такъ какъ земельная собственность сейчасъ же была распредѣлена между отдѣльными семьями, то отцу, въ древнемъ смыслѣ слова (домару и годи), остались только обязанности жреца и распорядительная и судебная власть, а впослѣдствіи, когда первая перешла къ церкви,—только судебная.

Нѣсколько церковно-приходскихъ общинъ образовали впослѣдствіи ближайшій и тѣснѣйшій союзъ. Сюда прежде всего принадлежали, безъ сомнѣнія, именно тѣ, которые нуждались въ непосредственныхъ взаимныхъ отношеніяхъ и собирались для этой цѣли на опредѣленныхъ общихъ мѣстахъ въ обычное время. Такое мѣсто служило тогда мѣстомъ общаго суда, торговли и культа и, смотря по надобности, и общаго очага, «Kochgesellschaften», какъ называетъ эти собранія скандинавскій юридическій памятникъ. Имена, смотря по мѣсту, мѣняются, но сущность остается та-же. На островѣ Готландѣ мирный союзъ ближайшихъ сосѣдей назывался «Hundari», въ Даніи—«Häred», въ Исландіи—«Tinglag», въ Германіи—«Zend», въ Римѣ—«Curia». Каждая изъ тридцати римскихъ курій имѣла до Сервія Туллія свой собственный алтарь для богослуженія.

Теперь открывался двойной путь для образованія какого-либо представительнаго учрежденія, въ которомъ нуждалось, между прочимъ, и подобное объединеніе. Можно было, подражая отдѣльнымъ древнимъ семьямъ, создать одного представителя союза (Hundari), или же такое представительство естественно могло развиться изъ коллегіи отцовъ древнихъ семей. Въ Исландіи, во времена ея независимости, произошло послѣднее. Каждые три церковныхъ прихода (Godorde) образовали одинъ союзъ (Tinglag) и представителями его служили всѣ три отца (Godar).

Дальнѣйшій ростъ такого, повидимому, мозаично составленнаго и все таки хорошо организованнаго государства за указанными предѣлами происходитъ лишь косвеннымъ образомъ. Если бы мы захотѣли прибѣгнуть къ прежнему сравненію, мы сказали бы: въ одни соты можно непосредственно соединить лишь ограниченное число ячеекъ. Когда разростаніе продолжается, то возникаетъ образованіе, подобное улью или гнѣзду шмелей. Если первые соты имѣли опредѣленную величину, то прибавляющіяся новыя ячейки должны образовать и новые соты, которые могутъ примыкать къ первымъ только, какъ цѣлое и т. д., пока они, наконецъ, всѣ не охватываются однимъ общимъ покровомъ. Причина такого своеобразнаго явленія вполнѣ реальна. Единеніе, выросшее на почвѣ общихъ интересовъ, возможно лишь при существованіи мѣста, гдѣ данныя общины могли бы встрѣчаться. Но только ограниченное число областей можетъ непосредственно прилегать къ такому центральному пункту. Остальныя общины отдѣляются отъ него чужими областями: имъ выгоднѣе, поэтому, заключить особый союзъ съ

другими смежными общинами. Затѣмъ уже эти союзы низшаго порядка опять вступаютъ въ сосѣдскія отношенія, пока, наконецъ, на извѣстной ступени развитія не произойдетъ окончательнаго объединенія. Простая и естественная причина развитія данной организаціи объясняетъ намъ, почему оно наблюдается даже среди совершенно чуждыхъ другъ другу народностей. Каждыя двѣ «гундари» образовали на Готландѣ «тритингъ» а три «тритинга»—«ландестингъ». Въ Римѣ нѣсколько gentes (родовъ) составляли курію, нѣсколько курій—«трибу», а три трибы—древне-римское «патриціанское» государство.

Верховная власть надъ такой общиной, или, если считать ее союзомъ, представительство ея отдѣльныхъ частей различно на разныхъ ступеняхъ организаціи. Наиболѣе распространенной формой является, однако, представительство, состоящее изъ главъ всѣхъ древнихъ семей. Въ Римѣ подобный «сенатъ» состоялъ изъ «Patres conscripti», число которыхъ раньше точно соотвѣтствовало числу gentes. Еврейскія господствующія колѣна точно также образовали союзъ, въ которомъ общія дѣла, до эпохи царей, находились въ рукахъ «старѣйшинъ»,—названіе почти повсюду соотвѣтствовавшее званію древняго отца. У древнихъ чеховъ, соединившихся на новыхъ началахъ въ общій союзъ съ нѣкоторыми западно-славянскими племенами, подобный совѣтъ составляли мѣстные «кметы». Но и это названіе имѣетъ то-же значеніе.

Въ такихъ собраніяхъ правителей-отцовъ нужно видѣть корень позднѣйшаго парламентаризма, испытавшаго, конечно, не мало преобразованій прежде, чѣмъ онъ явился въ формѣ стараго шотландскаго парламента, или современной англійской верхней палаты, не говоря уже о позднѣйшихъ «палатахъ господъ», которыя учреждались въ подражаніе послѣдней. Англійская верхняя палата только отчасти представляетъ теперь такой правящій сенатъ. Большинство мѣстъ въ ней находится въ наслѣдственномъ владѣніи наиболѣе знатныхъ дворянскихъ семействъ, въ которыхъ владѣльцемъ такого мѣста, или пэромъ, является старшій въ родѣ, представитель семьи. Верхняя палата служитъ въ то-же время высшимъ судебнымъ мѣстомъ Великобританіи. Тѣмъ не менѣе, въ ней уже довольно рано комбинируются двѣ разнородныя ступени соціальнаго развитія. Собраніе равноправныхъ, на что указываетъ самое слово «пэръ», коллегіальное обсужденіе и рѣшеніе дѣлъ принадлежитъ болѣе поздней организаціи; сами же пэры, ихъ выборы и положеніе всецѣло еще опираются на старинную патріархальную организацію. Они сами по себѣ являются представителями не какихъ-либо организованныхъ группъ, а древнихъ родовъ, съумѣвшихъ сохранить отъ болѣе старой организаціи, по крайней мѣрѣ, свои господскія права и привилегіи. Не всѣ господствующія семьи древнихъ родовъ имѣли возможность занять такое положеніе; это было доступно лишь тѣмъ изъ нихъ, которыя, поглощая другихъ, сами достигли особаго могущества. Исторически извѣстнымъ поводомъ для учрежденія обширныхъ господскихъ владѣній послужило завоеваніе Англіи норманнами, подъ предводительствомъ Вильгельма Завоевателя, и большинство лордовъ прежде, дѣйствительно, могли вести свой родъ отъ вассаловъ норманскаго завоевателя.

Еще сильнѣе потрясена была старая система въ Шотландіи. Тогда какъ во времена независимости парламентъ ея состоялъ изъ всѣхъ главъ дворянскихъ родовъ, въ парламентъ Соединеннаго королевства изъ нихъ допущен

были только 76; кромѣ того, какъ «представители» всѣхъ, они впредь должны были избираться всѣми.

Отсюда видно, что новая организація не могла избѣжать сліянія съ нѣкоторыми частями старой, если только она не развивалась на необитаемомъ до того времени островѣ, какъ это было въ Исландіи или на Готландѣ. Это въ особенности замѣтно въ выборѣ лицъ, которымъ приходилось довѣрять въ большей или меньшей степени исполнительную власть. Если въ Германіи члены союзныхъ общинъ завѣдывали сами охраненіемъ мира и отправленіемъ правосудія, то ни одно судебное мѣсто не могло, однако, обойтись безъ «тунгина» или «графіо»—все равно, какъ бы его ни называли,—который долженъ былъ во всякое время стоять на стражѣ мира, въ особенности же въ затруднительныхъ случаяхъ. Но въ лицѣ этого тунгина или судьи снова возрождается отеческая власть бывшей древней семьи, видоизмѣненная согласно духу времени. Ближайшая группа высшаго порядка поставила надъ собой подобнаго же главу въ лицѣ «графа», и такимъ же образомъ появляется, наконецъ, «князь» или «король», стоящій во главѣ всѣхъ соединенныхъ группъ, какъ цѣлаго. Первоначально и сложные союзы римскихъ родовъ также не могли обойтись безъ царя, и отдѣльные союзы, по преданію, поочередно назначали его, какъ общаго главу. Но затѣмъ, когда обязанности царя ограничивались только жреческими обязанностями, «отцы» дѣлили исполнительную власть въ различныхъ сферахъ дѣятельности между собой, причемъ они занимали мѣста лишь на короткіе сроки и по выбору.

Но тамъ, гдѣ учрежденіе королевской власти, какъ исполнительнаго органа, было прочно связано съ союзной организаціей, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, въ лицѣ короля должна была каждый разъ снова оживать старинная патріархальная власть, которая теперь, повидимому, должна была дѣлить или дѣйствительно дѣлила сферу своихъ полномочій съ новой правительственной формой. Поэтому королевская власть здѣсь крѣпко держалась за свои отношенія къ культу и, насколько это допускалось ея организаціей, опиралась на нихъ. На почвѣ того же древняго патріархата, королевская власть вступила въ такія отношенія къ собственности, развитіе которыхъ мы видѣли при разложеніи древней семьи. Подобно тому, какъ выступавшій изъ семейнаго союза «господинъ» бралъ въ свое непосредственное владѣніе всю землю, не обрабатывавшуюся подданными, такъ источникомъ богатствъ королевской власти сдѣлалась обширная, богатая лѣсомъ земля марки, не превращенная еще въ частную собственность и расположенная между различными областями, постепенно соединившимися въ одно государство, подъ властью короля. Подобно «господину» помѣстья, короли присвоивали себѣ такія лѣсныя угодья въ собственность. Съ тѣхъ поръ народъ привыкъ не такъ строго различать государство отъ государя, какъ это дѣлается теперь. Старинныя извѣстія, хотя почти миѳическія, сообщаютъ о Швеціи, будто такой переходъ собственности отъ общины къ королю произошелъ въ ней съ согласія общины. Народъ самъ будто бы присудилъ своему королю Магнусу Ладуласъ, въ 1282 г., «всѣ обширные, невоздѣланные лѣса, всѣ земельные участки, не имѣвшіе до того времени господина, всѣ озера и рѣки».

Въ Англіи, благодаря завоеванію норманновъ, королевская власть уже гораздо раньше побѣдоносно вернулась къ тѣмъ понятіямъ о собственности,

которыя существовали при патріархальныхъ королях. Въ Англіи и до сихъ поръ существуетъ положеніе, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, что кэроль—единственный собственникъ всей завоеванной въ Англіи земли, и что никто не можетъ владѣть тамъ землей иначе, какъ получивъ ее отъ короля. Даже такое раздѣленіе земли, какъ въ государствѣ инковъ, можно было снова найти въ англійскомъ дѣленіи на три части, о которомъ говорится въ знаменитой англійской поземельной книгѣ за 1086 г. 1422 «рыцарскихъ лена», находящихся въ непосредственномъ владѣніи короля, соотвѣтствуютъ «землѣ инковъ»; 28, 115 леновъ, отданныхъ церкви, соотвѣтствуютъ «землѣ солица», а 30, 678 участковъ—перуанской «народной землѣ». Вообще по сравненію съ англо-саксонской, норманнская организація относится къ болѣе древней общественной ступени.

Завладѣвъ землей, королевская власть, по крайней мѣрѣ, въ Германіи, косвеннымъ образомъ оказала громадное содѣйствіе развитію новыхъ общественныхъ формъ. Лишь незначительную часть лѣсныхъ угодій короли обращали въ «заповѣдные» лѣса для развлеченія охотой. Значительно бо́льшую часть они дарили различнымъ духовнымъ учрежденіямъ, ради спасенія своей души, или же отдавали колонистамъ за денежное вознагражденіе. Впрочемъ, къ колонистамъ она попадала и въ первомъ случаѣ; расчищенные лѣса сдѣлались пріютомъ новыхъ общественныхъ формъ, свободныхъ отъ опаснаго гнета древней семьи.

Напротивъ, новѣйшему времени принадлежитъ понятіе, что король является воплощеніемъ идеи мира, именно того «мира», который сдѣлался цѣлью и основою вообще всей позднѣйшей организаціи. Король есть въ одно и то-же время и источникъ, и хранитель мира. Онъ одинъ только призванъ мстить за его нарушеніе, изъ чего слѣдуетъ, что ему одному должно принадлежать и право наказанія. Поэтому судебная власть находится въ его рукахъ, и всѣ законные судьи дѣйствуютъ въ качествѣ его органовъ. Мы видѣли, какъ человѣкъ постепенно устанавливалъ миръ для охраны своей собственности: вначалѣ для своего двора, затѣмъ для луга и поля. Но гдѣ этого «мира» было недостаточно, тамъ охранялъ жизнь и собственность «королевскій миръ»: въ странѣ, имѣвшей короля, всюду господствовалъ миръ. Общественныя мѣста, не принадлежавшія никому въ отдѣльности, охраняются «миромъ короля». Подъ охраной этого же мира творится судъ и процвѣтаетъ торговля; онъ же охраняетъ никому не принадлежащія дороги. Онъ защищаетъ и чужеземца, незнакомаго странника. Всякій, странствуя по «королевской» дорогѣ, находится подъ его охраной,—все равно, какъ всякій чужеземецъ находится подъ охраной того дома, къ очагу котораго онъ прикоснулся.

Чѣмъ дальше мы слѣдимъ за соціальнымъ развитіемъ, тѣмъ все болѣе оно оставляетъ простой, прямолинейный путь поступательнаго движенія, и на мѣсто единства выступаетъ чрезвычайное многообразіе. Но тамъ, гдѣ вообще, прогрессъ не прерывается слишкомъ рано, постепенно возникаетъ борьба между элементами стараго и новаго порядка. Населеніе, ведущее свое начало отъ древнихъ родовъ, или отъ выдѣлившихся изъ нихъ господствующихъ семей, имѣетъ то громадное преимущество, что оно прочно владѣетъ, по большей части, богатой поземельной собственностью и пользуется наслѣдственнымъ вліяніемъ.

Какъ-бы для равновѣсія, на долю другой части населенія, лишенной наслѣдственныхъ благодѣяній, но, подъ вліяніемъ новой общественной организаціи, въ которую она вступила, не страдающей болѣе отъ гнета и опеки— на долю этой части населенія достается болѣе сильный стимулъ предпріимчивости въ новыхъ мѣстахъ обитанія и подчасъ счастливый успѣхъ. Постоянное преимущество ея составляетъ менѣе ограниченный приростъ населенія. Существованіе ея вообще связано съ жизнью въ городахъ, такъ какъ прежде только здѣсь можно было найти заработокъ независимо отъ земледѣлія и только города могли оказать защиту новой организаціи, часто вызывавшей, при ея возникновеніи враждебныя отношенія. Въ Чехіи, гдѣ въ германскихъ и славянскихъ порядкахъ встрѣтились два такихъ противоположныхъ теченія, во время великой борьбы сословій въ XV вѣкѣ, постоянно всплываетъ вопросъ: можетъ ли вообще человѣкъ существовать, не имѣя господина? И господа всегда отвѣчаютъ на него отрицательно. Во Франціи до великой революціи господствовало такое-же мнѣніе. Въ то время казалось совершенно непостижимымъ, чтобы человѣкъ, не будучи «господиномъ», могъ жить самостоятельно внѣ древней семьи, продолжавшей еще держаться въ господскихъ помѣстьяхъ. Но эта новая общественная форма нашла себѣ защиту въ нѣмецкомъ, перенесенномъ также въ славянскія земли, городскомъ строѣ и въ его, добытыхъ съ такимъ трудомъ, вольностяхъ. Тѣмъ не менѣе, города, тамъ, гдѣ они возникали на туземной почвѣ, все таки основывались прежде всего путемъ соединенія старыхъ родовъ, и только впослѣдствіи позднѣйшее городское населеніе и здѣсь добилось своихъ правъ путемъ борьбы.

На этомъ основана была борьба патриціевъ и плебеевъ въ Римѣ, аристократіи и демократіи въ греческихъ городахъ и «родовъ» и цеховъ— въ средневѣковыхъ городахъ. Завоевавъ себѣ право на существованіе, молодые элементы продолжали борьбу за участіе въ управленіи общественными дѣлами. Борьба плебеевъ заслужила славу въ этомъ смыслѣ. Въ XIV в. города Германіи, включая и Чехію, не безуспѣшно добиваются политическаго равноправія съ дворянствомъ, а въ Англіи въ 1265 г. впервые были выбраны представители общинъ въ парламентъ. Къ этому времени относятся возникновеніе англійской «палаты общинъ» и дѣленіе парламента на двѣ палаты; такое дѣленіе послужило образцомъ для многихъ позднѣйшихъ конституцій съ преобладаніемъ системы представительства. Подобно тому, какъ Азія характеризуется своей патріархальной царской властью, общественная исторія Европы отражается въ ея системѣ «двухъ палатъ». Сѣверная Америка знаетъ одно только представительство Соединенныхъ Штатовъ («сенатъ») и общее представительство всего населенія (палата депутатовъ), безъ различія дворянскаго, мѣщанскаго и крестьянскаго сословій.

Судъ.

Отправленіе правосудія, по своему происхожденію и развитію, тѣсно связано съ указанной двойственной формой организаціи и непосредственно слѣдуетъ за всѣми ея разнообразными комбинаціями. Когда библейскій патріархъ, или еврейскій «отецъ-глава» садится у воротъ своего жилища, чтобы судить и рядить о дѣлахъ, представляемыхъ на его усмотрѣніе чле-

нами семьи, онъ исправляетъ судейскую обязанность на основаніи своей отеческой власти. Если же, какъ это было въ обычаѣ у евреевъ со временъ Моисея, тотъ же отецъ, для обсужденія народныхъ дѣлъ, сходится съ отцами союзныхъ семейныхъ группъ, то мы уже имѣемъ предъ собой судъ болѣе поздней организаціи.

Патріархальный судъ нельзя отдѣлить отъ той сферы въ цѣломъ, въ предѣлахъ которой отеческая власть оказывается дѣйствительной. Примѣненіе карательной власти обособляется лишь постепенно. Первоначально она по праву такъ же неограниченна, какъ и отцовская власть, изъ которой она вытекаетъ. Лишь постепенно традиціи и обычаи ставятъ ей границы, и смягченіе нравовъ пріобрѣтаетъ нѣкоторое вліяніе. Въ этихъ патріархальныхъ судахъ въ началѣ не можетъ быть и рѣчи о рѣшеніи на основаніи права, въ нашемъ смыслѣ этого слова; здѣсь исполняется лишь воля отца, цѣлью которой должно быть, конечно, общее благо. Лишь по скольку такое совпаденіе дѣйствительно существуетъ, онъ въ своемъ рѣшеніи руководится не произволомъ, а принципомъ.

Но не отвлеченный принципъ общаго блага является мѣриломъ для развивающагося правосознанія народа: оно развивается и питается воспоминаніями о повторявшихся случаяхъ его реальнаго примѣненія. Содержаніемъ права служитъ лишь то, что рѣшили и постановили отцы. Только такимъ путемъ постепенно выясняется это содержаніе и понятно, поэтому, что, хотя забота о поддержаніи жизни и представляетъ импульсъ, а благосостояніе—цѣль всякаго права, но не всякое право ведетъ къ этой цѣли и соотвѣтствуетъ этому импульсу.

Въ концѣ концовъ, и въ патріархальной семьѣ разростаніе ея до размѣровъ обширнаго государства должно было привести къ установленію отдѣльныхъ правовыхъ положеній: хотя всякій судъ основанъ былъ исключительно на власти отца, но прозводить его лично повсюду онъ уже не могъ. Отецъ ни передъ кѣмъ не былъ отвѣтственъ за свои рѣшенія; но сдѣлавшіеся необходимыми замѣстители его, судившіе по его порученію и отъ его имени, были отвѣтственны передъ нимъ, и эту отвѣтственность всего лучше могли имъ облегчить установленныя нормы.

Карательная система этого рода отличается чрезвычайной суровостью. Смертная казнь и искалѣченіе слѣдуютъ часто за незначительными проступками, и пока еще нѣтъ стремленія взвѣшивать отношеніе между преступленіемъ и наказаніемъ. И здѣсь еще сказывается источникъ этого уголовнаго права. Наказаніе служитъ преимущественно проявленіемъ неудовольствія отца, вызваннаго сопротивленіемъ его повелѣнію, но проявленіе это не связано никакими рамками. Поэтому отецъ можетъ въ каждомъ частномъ случаѣ прибѣгать къ самымъ строгимъ мѣрамъ, не принимая во вниманіе причиненный вредъ или вызванную опасность, а стремленіе предупреждать преступленія устрашеніемъ еще болѣе усиливаетъ эту строгость. Не только объектъ преступленія не имѣетъ особаго значенія для такого уголовнаго судопроизводства: наказаніе не должно ограничиваться субъектомъ. Неудовольствіе отца можетъ быть направлено на все, что связано съ оказаннымъ ему противодѣйствіемъ, хотя бы только внѣшнимъ образомъ, безъ всякаго отношенія къ отвѣтственности за проступокъ. Отцовскій гнѣвъ можетъ поразить цѣлый родъ, цѣлое поселеніе, даже животныхъ и

неодушевленные предметы. Библія часто указываетъ намъ, какъ на идеалъ, на карающее правосудіе того патріархальнаго времени, а Ксерксъ, какъ извѣстно, велѣлъ высѣчь море. Если въ такихъ дѣйствіяхъ, кромѣ естественнаго и необузданнаго взрыва неудовольствія, есть еще какое-либо сознательное намѣреніе, то это — устраненіе сопротивленія волѣ отца, а сопротивленіе это и есть именно то, что наказуемо въ поступкахъ.

Гораздо сложнѣе основа правосудія въ болѣе позднихъ организаціяхъ. Правда, отцовское право наказанія продолжаетъ существовать и здѣсь, но оно не распространяется за предѣлы семьи, на все государство, а ограничивается одной семьей. Напротивъ, теперь государственный интересъ вторгается и во внутренніе распорядки семьи и постепенно и въ ней ограничиваетъ отцовское право. Прежде всего онъ отнимаетъ у отца право убивать сына, жену и т. п., затѣмъ право продавать ихъ и, наконецъ, ограничиваетъ даже его право наказанія рабовъ, какъ мы это видимъ въ исторіи Рима.

Благодаря новой организаціи, возникли новыя правовыя отношенія, внѣшняя защита которыхъ могла быть возложена на высшую инстанцію отцовской власти, но источникъ которыхъ заключался въ мирномъ союзѣ равноправныхъ членовъ. Исторія нашихъ предковъ отчасти позволяетъ намъ бросить взглядъ на развитіе права на низшихъ ступеняхъ, о которыхъ только и идетъ здѣсь рѣчь.

Мы естественно встрѣчаемся при этомъ съ тѣмъ, что уже видѣли, разсматривая отношенія собственности. Вмѣстѣ съ расширеніемъ собственности, прекращается возможность защищать ее физическими силами одного человѣка, и выступаетъ болѣе нравственная защита ея всей союзной группой. Поэтому впредь рѣшеніе спорныхъ вопросовъ собственности зависитъ отъ признанія и защиты ея всей общиной; другими словами, въ дѣлахъ, касающихся собственности, община въ началѣ сама образуетъ «судъ», причемъ въ тѣхъ общинахъ, въ которыхъ земля распредѣлена между отдѣльными семьями, патріархъ является только распорядителемъ, «судьей». Но для того, чтобы всякое пріобрѣтеніе или передача собственности были вѣдомы всѣмъ и признаны всѣми, они должны производиться публично, въ какомъ нибудь опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время, если только не требуется чрезвычайнаго и особаго приглашенія всѣхъ членовъ общины.

Такое мѣсто у древнихъ франковъ называлось «Malberg». Во времена язычества это—общее мѣсто совершенія религіозныхъ обрядовъ, во времена христіанства—церковная площадь. «Malberg» отдѣльныхъ общинъ долженъ былъ прилегать къ палатѣ отца, теперь—судьи. Такъ, на островѣ Исландіи культъ, какъ и судъ, происходилъ еще въ домѣ «годи». Въ деревняхъ колонистовъ на мѣсто послѣдняго выступала палата старѣйшины, но во времена христіанства богослуженіе уже совершалось въ церкви, на церковной площади. Въ старыхъ городахъ послѣдняя служитъ въ то-же время и судебнымъ мѣстомъ. Такъ, и нѣмцы въ Прагѣ, въ старинныя времена, пользовались, какъ судебнымъ мѣстомъ, площадью передъ церковью св. Петра на Порпичѣ; въ Берлинѣ «Роландъ», предъ которымъ творили судъ, стоялъ передъ церковью св. Николая, и то-же самое было въ Галлѣ, Бременѣ и др. мѣстахъ.

Только то, что передавалось, дарилось, продавалось и обмѣнивалось на этомъ мѣстѣ, передъ лицомъ всего собравшагося народа, — только то, по засвидѣтельствованію присутствующихъ, находило себѣ защиту, какъ вновь состоявшееся отношеніе собственности. Первоначально такое участіе народа было необходимо не только для засвидѣтельствованія, но и для утвержденія состоявшихся сдѣлокъ. Въ Готландѣ, по крайней мѣрѣ, по старинному закону нельзя было продать землю иначе, какъ съ разрѣшенія всего «прихода», т. е. бывшей древней семьи. Такой порядокъ имѣлъ свое логическое основаніе и помимо прежнихъ семейныхъ отношеній. Обязанность защиты собственности лежала на всѣхъ членахъ общины, которые и могли требовать себѣ права высказаться прежде, чѣмъ брать на себя извѣстную обязанность. Но по этой-же причинѣ судебныя мѣста были и рынками, такъ какъ только здѣсь можно было получить мирную охрану для всякой перемѣны владѣнія и совершить покупку, имѣющую юридическую силу.

Подъ рубрику передачи права собственности попала и покупка рабовъ и даже жены. Поэтому браки и брачные контракты могли заключаться только здѣсь. Этимъ объясняется, почему тамъ, гдѣ старый «Роландъ» обозначалъ бывшее судебное мѣсто, невѣсту часто водили вокругъ «Роланда», или-же, какъ это дѣлали въ Вендскомъ Альтмаркѣ — вокругъ «крестнаго древа». А когда мѣсто культа перешло по наслѣдству къ христіанской церкви, свадьбы и отпущенія рабовъ на волю такъ-же совершались передъ церковнымъ алтаремъ; даже и приращеніе семейства приносилось туда-же.

Еще болѣе широкую охрану должны были, конечно, давать договоры, которые заключались на общихъ собраніяхъ древнихъ семей, или общинъ, соединившихся въ высшую мирную организацію—«Häred», «Zente», «Haue», или какъ-бы она ни называлась. Нѣкоторые договоры безусловно нуждались въ этой санкціи, такъ какъ они касались мирнаго состоянія не одной, а всѣхъ союзныхъ общинъ. Общины вступали въ союзъ не только для мирнаго обмѣна собственности, но и для взаимнаго connubium. Пока были еще живы старинныя понятія древней семьи, взаимному обмѣну невѣстъ придавалось большое значеніе. Но такъ какъ обязанности кровавой мести, какъ и кровная связь, и родство считались по матери, то почти всякое преступленіе, требовавшее кровавой мести, тотчасъ-же отражалось въ другой общинѣ. Если въ одной общинѣ, напр., совершалось убійство, причемъ мать убитаго происходила изъ другой общины, то обязанность кровавой мести сейчасъ-же вооружала братьевъ матери въ этой послѣдней. Слѣдовательно, въ предѣлахъ одной общины невозможно было заключить мирный договоръ о прекращеніи кровавой мести, который имѣлъ-бы силу. Поэтому свидѣтельства и признанія того собранія, предъ которымъ успѣшно и мирно могла происходить передача дворовъ и поземельной собственности, для многихъ другихъ случаевъ было недостаточно, и тогда, смотря по обстоятельствамъ, приходилось прибѣгать къ болѣе обширнымъ собраніямъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ низшими, должны были возникнуть, слѣдуя различнымъ ступенямъ организаціонныхъ группъ, высшіе суды.

Но такіе суды должны были угрожать опасностью непосредственному участію всѣхъ, которое шагъ за шагомъ должно было превратиться въ

систему представительства. Подобные союзные суды, такъ-же хорошо извѣстные грекамъ и римлянамъ, какъ и древнимъ германцамъ, происходили на общихъ мѣстахъ, по возможности всѣмъ одинаково доступныхъ, первоначально едва-ли представлявшихъ какое-нибудь поселеніе. Знаменитымъ мѣстомъ такого рода, гдѣ собирался «латинскій союзъ», было Монте-Каво въ Албанскихъ горахъ. Во времена Людовика Благочестиваго, въ мѣстахъ франкскихъ собраній еще не было кровли для защиты отъ непогоды, и приходилось много разъ повторять предписаніе—устроить галлереи для суда. Ярмарка, праздникъ, пиршество, судъ—все происходило до тѣхъ поръ подъ открытымъ небомъ.

Но потому-то и трудно было не только удержать народъ впродолженіе всего времени, пока совершался судъ, но и вообще собрать его. Только на представителей или «судей» отдѣльныхъ общинъ можно было разсчитывать съ увѣренностью. Этимъ объясняется уже рано появившійся въ скандинавскихъ странахъ обычай, въ силу котораго судья выбиралъ себѣ изъ числа членовъ общины нѣсколько «памятныхъ» людей (Gedenkmänner), съ которыми и отправлялся на мѣсто союзнаго суда. Всѣ они служили нѣкоторымъ образомъ представителями мнѣнія и совѣсти своихъ общинъ, т. е. общественными представителями. Чѣмъ болѣе расширялось дѣло союзныхъ судовъ, тѣмъ болѣе казалось необходимымъ, чтобы особыя лица спеціально занимались выясненіемъ фактовъ, необходимыхъ для засвидѣтельствованія въ спорныхъ случаяхъ, и въ этомъ отношеніи, конечно, не всѣ люди были одинаково надежными. Тотъ изъ нихъ, который обладалъ наибольшими знаніями этого рода, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе пригоднымъ, въ случаѣ новыхъ комбинацій, найти рѣшеніе согласно духу стараго права. Такое рѣшеніе считалось, однако, только предложеніемъ; для того, чтобы оно пріобрѣло юридическую силу, необходимо было по прежнему признаніе всѣхъ.

Здѣсь уже сказывается система стараго суда шеффеновъ. Такъ называемый судья—только распорядитель и руководитель судопроизводства: рѣшенія онъ не произноситъ. Избранные имъ люди (Gedenkmänner) также лишь приводятъ свидѣтельства изъ прошлаго, или дѣлаютъ какія-нибудь предложенія; рѣшеніе все еще принадлежитъ народу. Тѣмъ не менѣе, направленіе дальнѣйшаго развитія уже ясно. Требованія, прилагаемыя къ такимъ «свѣдѣніямъ», все увеличиваются, а число удовлетворяющихъ имъ людей уменьшается. Сдѣлавшіяся необходимыми свѣдѣнія, удлинняли срокъ ихъ дѣятельности, что, въ свою очередь, опять увеличивало «знаніе». Такимъ образомъ, «шеффенъ» все болѣе и болѣе отдѣляется отъ «окружающихъ» и права, принадлежавшія первоначально послѣднимъ, переходятъ постепенно къ первому, пока окружающему народу (Umstand) остается одно только право одобренія, которымъ онъ обыкновенно надѣлялъ рѣшенія шеффеновъ.

Какъ эта новая форма организаціи отличается отъ патріархальнаго устройства, такъ и развившаяся въ ней основа правосудія существенно отличается отъ старой. Въ особенности начатки германскаго уголовнаго права показываютъ намъ, какъ возникли новыя понятія. И здѣсь судъ такъ же, какъ и вообще союзъ, преслѣдуетъ мирныя цѣли. Признавая какъ-бы естественное право кровавой мести, онъ стремится выдать повинную жертву, но вслѣдъ затѣмъ сохранить, или сейчасъ-же возстановить миръ. Поэтому и такой

судъ можетъ исходить, въ сущности, только отъ всего общества, такъ какъ всякое новое рѣшеніе на него именно возлагаетъ обязательства. Греческія преданія еще довольно вѣрно разсказываютъ, какъ возникъ первый уголовный судъ, чтобы отмѣнить кровавую месть, и какъ онъ состоялъ изъ отцовъ патріархальныхъ семействъ.

Германскій уголовный судъ не производилъ самъ акта наказанія, какъ это дѣлалъ патріархальный царь. Вначалѣ онъ даже не поручалъ этого своимъ служащимъ; весьма знаменательно, что старинные Weistümer сохранили извѣстія о томъ, какъ, несмотря на вмѣшательство суда, обиженный самъ приводилъ въ исполненіе наказаніе. До того времени, когда королевская власть, подобно патріархальной, всюду ставила своихъ замѣстителей и распространяла свой авторитетъ, дѣломъ обиженнаго было и привлеченіе обидчика къ суду.

Что же, собственно, дѣлалъ такой судъ?—Онъ давалъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ два объясненія: одно онъ высказывалъ вполнѣ опредѣленно, другое подразумѣвалось само собой, какъ повторяющееся во всѣхъ случаяхъ. Признавъ, что обиженный соблюлъ всѣ формальности вызова и т. д. и сдѣлалъ все необходимое для законнаго привлеченія обидчика къ суду, судъ объявлялъ, что обвиняемый своимъ поступкомъ по справедливости заслужилъ кровавую месть и что никто не долженъ препятствовать обиженному въ исполненіи его естественной обязанности, мести. Въ этомъ заключался судебный приговоръ. Другое постановленіе суда, подразумѣваемое само собой, должно было гласить: за актомъ наказанія не должна слѣдовать месть обиженному, и мы всѣ будемъ защищать того, кто за исполненіе нашего рѣшенія подвергнется нападенію.

Такова была охрана, которой пользовался обиженный. Въ противоположность ей, преступника лишали преимуществъ мирнаго союза. Въ качествѣ «опальнаго», осужденный переходилъ въ такое юридическое положеніе, какое можно вообразить себѣ внѣ семьи и союза: онъ становился безправнымъ. Ему отказываютъ въ огнѣ, водѣ и пользованіи имуществомъ семьи; у него нѣтъ больше собственности: его имущество такъ-же свободно, и всякій такъ-же можетъ завладѣть имъ, какъ птицей, летающей въ воздухѣ; его личность и его жизнь не пользуются покровительствомъ и защитой мира. Миръ и право собственности охраняются лишь круговой порукой всѣхъ.

Подобнымъ-же образомъ и на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и жизнь, судъ защищаетъ личность и собственность, всегда имѣя въ виду возстановленіе мира и мирнаго состоянія. Виновный не только присуждается къ возмѣщенію убытковъ, но и къ штрафу за нарушеніе мира и къ уплатѣ «заклада» («Gewett») судьѣ. Присвоеніе чужой собственности, за которое судило общество, сдѣлалось преступленіемъ противъ него только потому, что такое присвоеніе нарушало миръ. Спорныя дѣла въ старомъ нѣмецкомъ судѣ приняли характеръ заклада, причемъ каждая сторона ручается судьѣ за справедливость своихъ притязаній извѣстной суммой. Неправая сторона теряетъ свой «закладъ».

Характернымъ для германской старины, но вполнѣ вытекающимъ изъ основной мысли о мирѣ, является учрежденіе такъ называемой «композиціи». Если судъ вообще прекратилъ кровавую месть, ограничивъ ее первымъ

дѣяніемъ, то «композиція», или мировая сдѣлка дала возможность предотвратить даже и этотъ первый кровавый поступокъ. Первоначально, однако, не сама человѣческая жизнь является предметомъ денежнаго вознагражденія: для убитаго ничто не можетъ послужить вознагражденіемъ, даже и смерть убійцы. Денежная сумма предназначается скорѣе для того, чтобы предотвратить вредъ, который могли бы причинить допущенныя судомъ враждебныя отношенія, и для возмѣщенія тѣхъ выгодъ, которыя могъ бы принести метителю счастливый исходъ его вражды. Поэтому, «композиція», или «вира» (Wergeld) достается не только семьѣ убитаго, потерявшей въ немъ кормильца, и еще менѣе того вдовѣ его; ее получаютъ всѣ, на комъ лежитъ обязанность кровавой мести. Первоначально мститель, однако, не обязанъ былъ соглашаться на предложенную ему «композицію»: онъ могъ также настоять на мести.

Противорѣчіе между этимъ уголовнымъ правомъ и тѣмъ, какое существовало въ патріархальномъ государствѣ, кажется съ перваго взгляда непримиримымъ. А между тѣмъ дальнѣйшее историческое развитіе права у германцевъ представляетъ сочетаніе этихъ двухъ принциповъ. Если-бы государственное устройство большинства германскихъ племенъ было основано съ самаго начала на патріархальной королевской власти, то оно никакимъ образомъ не могло-бы достигнуть развитія тѣхъ формъ «народной правды», которыя мы описали выше. Объединеніе германскихъ племенъ подъ одной королевской властью, сохранившей свои патріархальныя притязанія, произошло лишь постепенно; такимъ образомъ, произошло сочетаніе обѣихъ формъ. Король, какъ воплощеніе охраны мира, былъ носителемъ и судебной власти; всякаго рода судьи, какъ и въ патріархальномъ государствѣ, сдѣлались лишь служебными органами его власти, но съ этой системой соединились формы и принципы древняго народнаго суда. Различіе обѣихъ системъ сказывается при сравненіи коллегій шеффеновъ съ руководствующими «судьями». Послѣдніе чинятъ судъ, объявляютъ и приводятъ въ исполненіе его рѣшенія силой королевской власти. Шеффены «находятъ» свое рѣшеніе согласно древнему народному обычаю. «Судьи» являются прямо и косвенно чиновниками короля, чего нельзя сказать о шеффенахъ. Всего яснѣе такая комбинація двухъ началъ выступаетъ въ вольныхъ нѣмецкихъ городахъ. Весь судъ учреждался городомъ; городъ назначалъ даже судью, если только онъ имѣлъ право выбирать себѣ фогта, но право производства «уголовнаго суда» дается королемъ.

Судебныя доказательства на низшихъ ступеняхъ культурнаго развитія являются повсюду гораздо болѣе однородными, чѣмъ всѣ прочія правовыя формы. Такъ какъ для болѣе древняго времени не можетъ быть рѣчи о документахъ, то остаются, главнымъ образомъ, двѣ группы свидѣтельскихъ показаній: показанія живыхъ и, можно даже сказать, показанія мертвыхъ; по мнѣнію древнихъ и полукультурныхъ народовъ, убитые сами могутъ свидѣтельствовать о близости убійцы. Но какъ только мы поднимемся на болѣе высокую ступень культуры, мы должны раздѣлить свидѣтельскія показанія на показанія живыхъ и показанія духовъ и боговъ, которымъ извѣстно многое, скрытое отъ людей. Къ такого рода показаніямъ относятся ордаліи и, какъ частный видъ ихъ, простая клятва. Изъ принудительныхъ показаній произошла пытка.

Чтобы располагать, въ случаѣ спора, показаніями свидѣтелей передъ судомъ, древніе гораздо больше, чѣмъ мы теперь, заботились о наличности свидѣтелей при всякой передачѣ собственности и въ случаяхъ всякаго правонарушенія. Привлеченіе въ свидѣтели, извѣстное такъ-же хорошо евреямъ, какъ и германцамъ, называлось у послѣднихъ «Gerüffte» («призываемые»). Являться на «Gerüffte» считалось всѣми гражданской обязанностью, не только для оказанія помощи зовущему, но и для засвидѣтельствованія, что такое то дѣяніе дѣйствительно совершилось, или, что тѣ, которые призваны были раньше, дѣйствительно, были свидѣтелями его. Такимъ образомъ, каждый призываемый былъ связанъ съ другими и, наконецъ, всей общинѣ, къ которой тотчасъ-же обращались «призванные», начинало казаться, будто все дѣло происходило у нея на глазахъ. Такой «ославленный» фактъ судили тутъ-же на мѣстѣ, какъ будто народъ дѣйствительно поймалъ преступника съ поличнымъ.

При отчужденіи собственности всегда привлекали свидѣтелей. Если отчуждаемый предметъ нельзя было передать непосредственно, подобно древнѣйшимъ объектамъ собственности, то все-таки старались изобразить передачу какимъ-нибудь напоминающимъ ее дѣйствіемъ. Отсюда возникло множество «юридическихъ символовъ»—передача земли, дерна, ломаніе палокъ, прыганіе черезъ заборъ и т. п. Они имѣли то преимущество, что свидѣтелю приходилось запоминать не произнесенную рѣчь, а типичное дѣйствіе на извѣстныхъ мѣстахъ, которое гораздо легче и прочнѣе запечатлѣвалось въ его умѣ.

Главными свидѣтелями были тѣ-же Gedenkmänner, которые всегда являлись въ мѣстахъ собраній и которые впослѣдствіи составляли замкнутыя коллегіи свѣдущихъ «шеффеновъ». Поэтому всякій значительный обмѣнъ собственности рекомендовалось производить въ присутствіи шеффеновъ на судебномъ мѣстѣ: они служили живой поземельной книгой и живымъ архивомъ.

Если какая-нибудь покупка, исправленіе границъ владѣнія и т. п. совершались не предъ судомъ, то старались, по крайней мѣрѣ, оповѣстить о совершившемся по возможности большее количество лицъ, причемъ самое событіе старались имъ внушить какъ можно убѣдительнѣе—часто, впрочемъ, совершено ребяческими способами. На этомъ основаны еще и теперь остатки «Leinkauf'a (вѣрнѣе, Leitkauf—Weinkauf, покупка вина). Эти «Leinkafleute», помнившіе, что ихъ угощали по извѣстному поводу, привлекались впослѣдствіи, какъ свидѣтели заключенной сдѣлки. Древніе баварцы брали свидѣтелей за уши, чтобы настойчивѣе привлечь ихъ вниманіе къ объявленному предмету сдѣлки. При опредѣленіи границъ, на извѣстныхъ пунктахъ молодыхъ людей сѣкли, благодаря чему пограничная линія, отъ мѣста до мѣста, очень сильно запечатлѣвалась въ ихъ памяти. Еще и въ глубокой старости они могли давать по этому поводу свидѣтельскія показанія.

Для полученія свидѣтельскихъ показаній отъ рабовъ, которые считались упрямыми и хитрыми, ихъ били, все равно, требовались-ли отъ нихъ показанія, касающіяся другихъ, или ихъ самихъ,—когда нужно было вынудить у нихъ признаніе своей вины. Въ такой простой, но отнюдь не мягкой формѣ, пытка существовала еще у франковъ. И въ Римской имперіи уже найдены были, на ряду съ побоями, болѣе утонченныя истязанія, при помощи которыхъ въ особенности старались вынудить у рабовъ признанія

противъ ихъ господъ. Средневѣковая королевская власть, все болѣе и болѣе возвращаясь къ патріархальнымъ порядкамъ, слѣдуя ихъ принципу, окончательно перестала дѣлать какое либо различіе между рабами и свободными—и при отправленіи правосудія придавала самымъ разнообразнымъ и жестокимъ формамъ пытки гораздо болѣе универсальное значеніе, чѣмъ это было раньше. Нахлынувшая азіатская волна снова поглотила Европу, эту спорную область двухъ соціальныхъ системъ. Подавая примѣръ другимъ, инквизиція въ Испаніи и Римѣ отвела пыткѣ первое мѣсто въ судѣ, примѣняя ее ко всѣмъ безъ различія: рѣчь шла здѣсь о преступленіяхъ «противъ Бога», а «рабами Божьими» были всѣ!

Вторая группа свидѣтельскихъ показаній, подъ вліяніемъ измѣнившихся религіозныхъ воззрѣній, приняла другую форму, болѣе соотвѣтствующую понятіямъ новаго времени, и въ такомъ видѣ остатки ея сохранились еще и понынѣ. Согласно понятію, которое имѣли древніе о духахъ и божествахъ, боги ихъ стояли гораздо ближе къ человѣческимъ дѣламъ, чѣмъ у насъ. Приписывая все, что мы считаемъ дѣйствіемъ силъ природы, особой дѣятельности духовъ и боговъ, древніе были убѣждены, что божества весьма склонны активно вмѣшиваться во всѣ людскія дѣла. Судъ, какъ казалось имъ, представлялъ для этого тѣмъ болѣе удобный случай, что старинныя судебныя мѣста были вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстомъ культа, постояннымъ мѣстомъ жительства боговъ. Дѣяніямъ боговъ должно было приписываться все, что̀ по нашимъ понятіямъ составляетъ результатъ сцѣпленія цѣлаго ряда естественныхъ причинъ и что̀ мы называемъ «случаемъ», если связь отдѣльныхъ моментовъ намъ неизвѣстна.

Этими наклонностями духовъ и божествъ люди всюду старались воспользоваться на своихъ судахъ, чтобы пополнить такимъ образомъ свои несовершенныя свѣдѣнія. Мы привыкли называть такія «вызванныя» заявленія боговъ оракуломъ. Люди прибѣгали, слѣдовательно, къ оракулу, призывая духовъ въ помощь для выясненія истины.

Внѣшнія средства, при помощи которыхъ божеству дается возможность отвѣтить на предложенный ему вопросъ, совершенно безразличны и потому крайне разнообразны. Наиболѣе обыкновенное и распространеное изъ этихъ средствъ — жребій. Онъ былъ извѣстенъ и древнимъ евреямъ, которые прибѣгали къ нему, чтобы найти вора. Для этой цѣли должны были поочередно бросать жребій относительно виновности, или невинности сначала всѣ роды, потомъ всѣ дома и, наконецъ, отдѣльныя лица. Египетскіе жрецы, исполняя судейскія обязанности, также носили съ собой сумки съ жребіями. Понятно, такимъ образомъ, почему въ число судей попадали именно жрецы. Древніе франки употребляли жребій съ тою же цѣлью, но примѣняли его исключительно къ рабамъ. Въ Африкѣ и теперь еще пользуются славой многія средства для открытія преступника, и всѣ они сводятся къ тому-же. Одно такое средство для установленія невѣрности жены употреблялось еврейскими жрецами; другія обращаются еще и среди насъ, въ видѣ народныхъ суевѣрій.

Если положительный или отрицательный отвѣтъ божества проявляется непосредственно на обвиняемомъ, который, съ своей стороны, самъ требовалъ такого отвѣта, то подобный оракулъ мы называемъ «судомъ божьимъ», или ордаліей, а самое требованіе—въ связи съ ордаліей или независимо отъ

нея—клятвой. Но, какъ показываетъ намъ древне-индійское право, нѣкогда то и другое было неразрывно связано между собой: по понятіямъ людей того времени, клятва всегда сопровождалась божественнымъ приговоромъ, и то, что̀ мы называемъ ордаліей въ спеціальномъ смыслѣ, было только дополненіемъ и подтвержденіемъ клятвы.

Чтобы оправдаться отъ обвиненія, древній индусъ прикасался въ судѣ къ изображеніямъ боговъ, какъ бы призывая живущихъ въ нихъ боговъ наказать его, если показанія его ложны. Народъ былъ убѣжденъ въ этомъ случаѣ, что въ теченіе года правда должна выйти, такимъ образомъ, наружу, такъ какъ божество, дѣйствительно, накажетъ того, кто святотатственно взывалъ къ нему. Индусы, слѣдовательно, вѣрили, что въ теченіе года дававшаго клятву постигнетъ какое-нибудь особенное счастье или несчастье, и считали таковыми болѣзнь, смерть, неудачу или, наоборотъ, удачу въ дѣлахъ. Существованіе подобныхъ понятій и у германцевъ ясно видно еще и теперь изъ остатковъ ихъ вѣрованій. Такъ, они вѣрятъ, что клятвопреступникъ не проживетъ дольше года.

Чтобы дать божеству еще большій просторъ для его рѣшенія, древній индусъ подвергалъ опасности клятвы и весь свой домъ, кладя во время присяги свою руку на жену и дѣтей. Смертный случай въ его семьѣ являлся тогда приговоромъ противъ него. Можно было, однако, привлекать къ клятвѣ и болѣе далекіе предметы или существа; мы и теперь еще клянемся «всѣмъ, что̀ намъ мило и дорого». Древніе арабы клялись «семью» предметами, и такая же клятва была не безызвѣстна и древнимъ евреямъ. По судьбѣ этихъ предметовъ можно было узнать истину.

Въ истиности такого рѣшенія не сомнѣвался никто; однако, время его наступленія было такъ неопредѣленно, что подобная клятва могла, пожалуй, служить опорной точкой для общественнаго мнѣнія, но для текущаго суда она оказывалась слишкомъ длительной. Здѣсь дополненіемъ къ клятвѣ является собственно ордалія, искусственно подвергающая обвиняемаго нѣкоторой опасности еще въ день суда, причемъ помощь или, наоборотъ, месть со стороны вызваннаго божества должны сказаться тотчасъ же. Существующіе для этого способы безразличны и потому весьма разнообразны. Древніе индусы знали ихъ столько же, если не больше, чѣмъ современники нашихъ среднихъ вѣковъ.

Любимымъ способомъ рѣшенія у свободныхъ германцевъ былъ поединокъ. Это была опасность, наиболѣе близкая свободному человѣку, которой его можно было подвергнуть безъ особыхъ приготовленій каждую минуту. По тому, кого сразилъ мечъ, сейчасъ было видно, кому помогалъ и кого наказывалъ Богъ. Но ордаліей считается борьба не сама по себѣ, а только въ связи съ предшествовавшимъ клятвеннымъ призывомъ божества. Этимъ объясняется, почему «Саксонское зерцало», въ противоположность нашему обыкновенію, заставляетъ присягать обоихъ борцовъ, причемъ одинъ изъ нихъ уже непремѣнно долженъ оказаться клятвопреступникомъ. Въ этомъ именно и заключается логическій смыслъ такого рѣшенія. Таково же происхожденіе и сохранившихся клятвенныхъ формулъ, вродѣ слѣдующей: «So wahr mir Gott helfe zu diesem Kampfe» (какъ истинно то, что Богъ поможетъ мнѣ въ этой борьбѣ). Такимъ образомъ, для судей истинность показаній зависѣла отъ исхода борьбы. На-ряду съ поединкомъ, существовали и

другія средства для той же цѣли. Таковы испытанія каленымъ желѣзомъ, горячимъ сошникомъ, холодной водой, и въ Индіи — поѣданіемъ риса, не говоря уже о многихъ другихъ. Христіанская церковь нисколько не подорвала принципа такого сужденія и даже сама прибавила къ ордаліямъ еще одну — ордалію св. Причастія. Она только стремилась — и не безъ успѣха — уничтожить среди ордалій поединокъ, частью потому, что она вообще хотѣла ограничить воинственныя наклонности народа, частью же потому, что могло казаться, будто при всякой другой формѣ участіе человѣка исключается больше, чѣмъ при этой.

Такимъ образомъ, прежде всего произошло отдѣленіе клятвы отъ поединка. Затѣмъ поединокъ былъ совершенно изгнанъ изъ суда и сохранился только въ видѣ лишеннаго смысла, изуродованнаго пережитка «рыцарскихъ» нравовъ. Клятва, въ болѣе ограниченной формѣ, осталась однимъ изъ существенныхъ судебныхъ доказательствъ. Вмѣсто значительной, отпадавшей теперь части Божьяго суда, имѣвшей рѣшающее значеніе для выясненія истинности показаній, соотвѣтственно возросла сила клятвы, благодаря христіанскому ученію о вѣчности блаженства рая и мукъ ада. Такой переворотъ находитъ себѣ соотвѣтственное выраженіе и въ измѣненной формулѣ клятвѣ. «So wahr mir Gott helfe» осталась, но выраженіе «zu diesem Kampfe» или другое, тому подобное, долгое время замѣнялось словами «zur ewigen Seligkeit» (какъ истинно то, что Богъ мнѣ поможетъ получить «вѣчное блаженство»). Хотя рѣшеніе Божье здѣсь и не очевидно для судей, но дѣло идетъ не о какой-нибудь ранѣ или обожженной ногѣ для привычныхъ къ суровой борьбѣ людей: здѣсь благочестивые христіане должны промѣнять вѣчное блаженство на какое-либо преходящее зло. Такое усиленіе клятвы заставляло предполагать, что ни одинъ христіанинъ не прибѣгнетъ къ ней для подтвержденія лжи, и въ этомъ именно и заключалась убѣдительная сторона позднѣйшей присяги.

Подобнымъ образомъ формы клятвы переходили изъ одной стадіи культуры въ другую. По древнему ограниченному понятію о Богѣ, клятва могла произноситься только на мѣстѣ суда, такъ какъ оно считалось мѣстомъ жительства божества, или только прикасаясь къ тому предмету культа, который преимущественно считался мѣстомъ пребыванія божества, наиболѣе близкаго присягающему. Этимъ объясняется, почему при произнесеніи клятвы обязательно было прикосновеніе къ изображеніямъ боговъ, или же къ жезламъ, представлявшимъ, подобно скипетру, такія же изображенія. Многіе воинственные народы, чтившіе въ особенности наслѣдственный мечъ, часто клялись оружіемъ. Учители церкви часто жаловались на древнихъ франковъ, что они непремѣнно хотѣли клясться не христіанскими святынями, а своими мечами, какъ это они дѣлали въ старину. Въ дѣйствительности, клятва, по привычкѣ, и въ церкви еще долгое время связывалась съ какой-нибудь конкретной святыней. Такой святыней прежде всего служили переносные ящички съ реликвіями святыхъ и прикосновеніе къ нимъ при произнесеніи клятвы долгое время считалось чрезвычайно существеннымъ. Такъ, франкскіе послы, не задумываясь, признали не дѣйствительной присягу, произнесенную ими надъ ящикомъ съ реликвіями, предварительно тайно лишеннымъ святыни. Епископъ, чистосердечно повѣствующій объ этой дипломатической продѣлкѣ, не находитъ нужнымъ сдѣ-

лать при этомъ какое-либо замѣчаніе: такой поступокъ совершенно соотвѣтствовалъ понятіямъ того времени. Въ дѣйствительности, святые, понятіе о которыхъ связывалось съ извѣстнымъ мѣстомъ и извѣстными знаками, были гораздо ближе къ древнимъ богамъ, принимающимъ участіе во всѣхъ людскихъ дѣлахъ, чѣмъ къ возвышенному, болѣе позднему понятію о Богѣ. Поэтому къ новой формулѣ присяги прибавляется—«So wahr mir Gott helfe—und seine lieben Heiligen» (какъ истинно то, что мнѣ поможетъ Богъ и его милостивые святые).

Постепенно, вмѣсто реликвій, или на ряду съ ними, появились книги Новаго и Ветхаго Завѣта, или же одно только Евангеліе, и съ тѣхъ поръ стало возможнымъ болѣе идеальное понятіе,—къ формулѣ присяги прибавились слова: «Святымъ Евангеліемъ». Подъ этими словами вскорѣ стали понимать не самую книгу, или конкретную форму реликвіи, а спасительную силу ея содержанія. Такъ мѣняются формы и понятія.

Примѣчанія ко 2-му отдѣлу.

[1]) Главныя положенія Липперта, относящіяся къ началу общественности и образованію первичныхъ общественныхъ формъ, остаются въ своей силѣ при сравненіи ихъ съ воззрѣніями новѣйшихъ соціологовъ, опирающихся на данныя этнологіи. Но мы находимъ дальнѣйшее развитіе ихъ въ нѣкоторыхъ трудахъ по этому предмету, появившихся въ послѣднее время. Полагая, что въ такомъ болѣе распространенномъ видѣ эти положенія могутъ послужить къ разъясненію идей, излагаемыхъ авторомъ настоящей книги, мы приведемъ относящіяся къ нимъ мѣста изъ „Исторіи первобытной культуры“ Шурца. Изъ соображеній Шурца, которыя онъ излагаетъ еще подробнѣе въ недавно вышедшемъ сочиненіи его „Возрастные классы и мужскіе союзы“ (Die Altersclassen u Männerbünde“), особеннаго вниманія для нашей цѣли заслуживаютъ слѣдующія. Признавая всю трудность изслѣдованія общественныхъ формъ первобытнаго человѣка, Шурцъ считаетъ, однако, возможнымъ установить, что даже самая первичная орда не состояла изъ совершенно одинаковыхъ, равноцѣнныхъ и равноправныхъ членовъ: уже сама природа разлагала ее на группы и вела къ раздѣленію труда, этого необходимаго и предварительнаго условія каждаго культурнаго прогресса.

Главнѣйшее различіе между людьми, которое дѣлитъ ихъ на двѣ большія группы съ неодинаковыми свойствами, есть различіе половъ. Прежде всего участіе мужчины и женщины въ произведеніи и поддержаніи потомства не одинаково, и роли ихъ на этомъ поприщѣ, имѣющемъ первостепенную важность для человѣчества, неминуемо должны быть различны. Женщина связана ребенкомъ, котораго она должна кормить и оберегать, и, кромѣ того, она физически слабѣе мужчины. Хотя первоначальныя семейныя узы были не прочны и легко расторгались, именно мужчиной, но, тѣмъ не менѣе, онъ всегда былъ хотя и временнымъ защитникомъ женщины, которая среди трудностей и опасностей первобытной жизни всегда нуждалась въ защитѣ для себя и для своего ребенка. Отдаваясь преимущественно интересамъ подростающихъ дѣтей и заботѣ о снабженіи ихъ всѣмъ необходимымъ, женщина гораздо болѣе мужчины развивала въ себѣ сторону чувства, тогда какъ мужчина бралъ на себя такое участіе въ борьбѣ за существованіе, которое способствовало развитію и физической, и умственной энергіи его. Поэтому едвали можно предположить, какъ утверждаютъ защитники

теоріи матріархата, что когда либо существовало настоящее господство женщины. Правда, заботы о домашней жизни лежали на женщинѣ, и мужчина постоянно нуждался въ ея попеченіи о немъ, въ видѣ доставленія ему готоваго крова и пищи въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не могъ добыть ея, но, тѣмъ не менѣе, женщина всегда сознавала его силу и подчинялась ей. На самомъ дѣлѣ, общественныя отношенія, даже на самой низшей ступени, не могутъ ограничиваться лишь одною семейною жизнью: для нихъ нуженъ представитель передъ другими группами, который сумѣлъ бы постоять за себя, и такимъ представителемъ могъ быть только мужчина, всегда свободный и сильный.

Различіе между мужчиной и женщиной было наиболѣе важнымъ, но не единственнымъ для первобытнаго общества. На ряду съ нимъ выступало различіе возраста отдѣльныхъ членовъ группы; хотя составъ возрастныхъ группъ постоянно мѣняется, но въ каждое данное время во всякомъ обществѣ можно найти и дѣтей и юношей, и зрѣлыхъ и старыхъ людей, которые имѣютъ естественное тяготѣніе другъ къ другу вслѣдствіе общности многихъ интересовъ. Эти группы, впрочемъ, связываются между собою не одними экономическими выгодами: онѣ соединяются и чувствомъ симпатіи, которая, такимъ образомъ, проявляетъ себя даже и въ первобытномъ обществѣ, независимо отъ чувства любви, связывающаго мужчину и женщину. Дальнѣйшая группировка общества создается неравномѣрнымъ распредѣленіемъ собственности между богатыми и бѣдными, а также и войной, когда одинъ классъ населенія становится господствующимъ надъ другимъ, подчинившимся ему въ силу военнаго успѣха перваго. Всѣ упомянутыя группы сплачиваются въ большей или меньшей степени чувствомъ симпатіи и, вмѣстѣ съ естественными союзами родителей и дѣтей, ведутъ къ образованію болѣе крупныхъ общественныхъ союзовъ. Поэтому едва ли возможно утверждать, чтобы семья, въ томъ видѣ, напр., въ какомъ мы находимъ ее у бродячихъ народовъ, могла быть признана „первичной клѣткой человѣческаго общества“. Безъ сомнѣнія, человѣчество было бы немыслимо, еслибы мужчина и женщина не вступали въ такой союзъ между собою, въ которомъ возможно воспитаніе дѣтей до извѣстнаго возраста. Однако, если мы посмотримъ на настоящее состояніе семьи даже у культурныхъ народовъ, мы увидимъ, что она имѣетъ наклонность замыкаться въ своемъ кругу и что истинныя соціальныя стремленія всего живѣе проявляются въ группахъ съ членами равноправными по возрасту или по общественному положенію. Такіе союзы образуютъ между собою молодые люди въ своихъ кружкахъ, люди зрѣлаго возраста въ клубахъ и т. п., люди одной профессіи въ обществахъ и ферейнахъ. Женщины, за немногими исключеніями, только въ молодомъ возрастѣ выказываютъ наклонность къ такимъ союзамъ, изъ которыхъ исключены участники другого пола; обыкновенно онѣ довольствуются кругомъ семьи и немногихъ знакомыхъ или примыкаютъ къ союзу мужчинъ. У дикихъ народовъ семья, въ особенности состоящая изъ нѣсколькихъ поколѣній и принимающая въ свою среду постороннихъ лицъ, выступаетъ всего замѣтнѣе, какъ общественная группа, но какъ бы такая семья ни разросталась, изъ нея не могутъ развиться высшіе общественные союзы. Поводомъ къ образованію этихъ союзовъ служатъ, какъ мы уже говорили, не взаимныя отношенія родителей и дѣтей, а симпатія между лицами одного возраста, преимущественно мужской молодежи. Эти крайне важныя стороны развитія первобытнаго общества указаны были самимъ Липпертомъ, и новыя изслѣдованія все болѣе и болѣе подтверждаютъ ихъ. Порядки, о которыхъ мы говоримъ, продолжаютъ еще существовать у дикихъ народовъ. Такъ, въ Австраліи молодые люди живутъ отдѣльно отъ прочихъ, въ особыхъ хижинахъ, гдѣ сами приготовляютъ себѣ кушанье, пока не наступитъ время принятія ихъ въ среду взрослыхъ. Эти союзы молодежи не такъ замѣтны у австралійцевъ, вслѣдствіе ихъ бродячаго, неустойчиваго образа жизни, какъ у меланезійцевъ и микронезійцевъ. Мы точно также встрѣчаемъ ихъ на Малайскомъ архипелагѣ, въ Индіи, Африкѣ и Ю. Америкѣ. Поэтому въ союзахъ холостой молодежи мы должны признать такія общественныя формы, которыя свойственны были многимъ народамъ и у многихъ уцѣлѣли еще до сихъ поръ.

Существованіе такихъ группъ легко замѣчается даже и при бѣгломъ наблюденіи, благодаря особымъ домамъ, которые служатъ общимъ жилищемъ холостой мужской молодежи. Иногда этими домами пользуются и взрослые мужчины, пре-

доставляя свои тѣсныя хижины для ночлега женщинамъ и дѣтямъ. Тамъ они проводятъ время, свободное отъ работы и ѣды, отчасти въ совѣщаніяхъ о своихъ дѣлахъ, отчасти въ простой болтовнѣ. Мужскіе дома пріобрѣтаютъ тогда значеніе нашихъ клубовъ или коллегіальныхъ учрежденій. Доступъ женщинамъ въ эти дома строго воспрещенъ. Союзъ мужчинъ можетъ обходиться, впрочемъ, и безъ такого общаго дома. Во всѣхъ случаяхъ онъ является выраженіемъ извѣстнаго общественнаго состоянія, и въ основѣ его лежитъ причина экономическаго характера. Ядро союзовъ составляютъ мужчины охотники, которые въ то же время бываютъ и воинами. Ихъ господствующій характеръ, болѣе или менѣе, воинственный, въ значительной степени опредѣляетъ судьбу общества и положеніе его среди сосѣдей. Преобладаніе энергичныхъ и задорныхъ людей въ этомъ союзѣ можетъ направить его на путь хищническихъ нападеній на сосѣдей, предпочтительно передъ мирной производительной работой.

Образованіе возрастныхъ классовъ или группъ, вѣроятно, исходитъ изъ описанныхъ выше мужскихъ союзовъ, при чемъ эти классы выступаютъ не всегда съ такою очевидностью, какъ эти послѣдніе. Обыкновенно молодые люди живутъ вмѣстѣ въ особыхъ домахъ лишь до своего вступленія въ бракъ, но въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напр., въ Новой Гвинеѣ, гдѣ женятся очень рано, только женатые мужчины входятъ въ союзъ, тогда какъ холостая молодежь исключается изъ него. Не только юноши и люди зрѣлаго возраста: и мальчики, и старики могутъ образовать союзныя группы. Примѣръ того мы находимъ у восточно-африканскихъ кочевниковъ, масаевъ. У нихъ мальчики остаются до 14 лѣтъ въ домѣ родителей и пасутъ скотъ подъ присмотромъ отца; въ названномъ возрастѣ они получаютъ оружіе и поселяются вмѣстѣ со своими сверстниками, при чемъ находятся въ свободномъ общеніи съ дѣвушками своего племени и занимаются военными упражненіями и грабежомъ, подъ властью избраннаго ими самими военоначальника. Масай женится между 30 и 40 годами; тогда онъ переходитъ въ группу женатыхъ людей и больше занимается хозяйствомъ, чѣмъ войной. Мы видимъ здѣсь, такимъ образомъ, три ясно разграниченные возрастные класса.

Весьма любопытно, что, на подобіе этихъ мужскихъ союзовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на такихъ же началахъ сложились и женскіе союзы; вѣроятно, они образовались въ подражаніе мужскимъ, а, быть можетъ, и въ видѣ противодѣйствія деспотизму этихъ послѣднихъ. Но женскіе союзы нигдѣ не были многочисленными и нигдѣ не имѣли замѣтнаго вліянія; поэтому въ нихъ можно видѣть лишь второстепенныя и подражательныя явленія. Женскіе союзы можно было встрѣтить у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, напр., у мандановъ, а также въ Меланезіи и въ западной Африкѣ.

Пріемъ въ мужскіе союзы, которые часто превращались въ тайные союзы, въ родѣ полинезійскихъ „ареоевъ“ или меланезійскихъ „дукъ-дуковъ“, обставлялся различными обрядами и условіями, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимали истязанія, которымъ подвергались юноши для доказательства своей смѣлости и выносливости. Только требованіями этихъ сильныхъ мужскихъ организацій и можно объяснить голоданіе, бичеваніе и др. добровольныя пытки, которыя долженъ былъ претерпѣвать юноша, желавшій вступить въ союзъ мужчинъ. Однако, хотя мы и находимъ еще формы мужскихъ союзовъ или, по крайней мѣрѣ, замѣтные слѣды ихъ у нынѣ живущихъ дикихъ народовъ, мы должны признать, что тѣ и другіе уцѣлѣли лишь случайно, такъкакъ мужскіе союзы отошли къ давно уже исчезнувшимъ бытовымъ формамъ. Имъ соотвѣтствовало и свободное общеніе съ молодежью другого пола, предшествовавшее болѣе прочнымъ бракамъ людей зрѣлаго возраста. Постепенно бракъ сумѣлъ заявить свою силу и создалъ новую матріархальную форму, которая мало-по-малу перешла въ патріархальную. Таковъ былъ въ общемъ ходъ развитія общества, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ различныя вліянія задерживали этотъ прогрессъ или направляли его въ одну какую либо сторону, способствуя крайнему развитію тѣхъ или другихъ формъ (H. Schurtz, Urgesch d. Kultur, 95—108).

[3]) Липперту принадлежитъ честь выясненія тѣхъ чисто экономическихъ причинъ, которыя повели къ упроченію семьи съ главенствомъ женщины. При этомъ снова взяла верхъ древнѣйшая общественная форма—семья, но теперь эта по-

слѣдняя группировалась уже около матери. При существованіи мужскихъ союзовъ, женщина могла пользоваться вліяніемъ только въ своей семьѣ, но не въ обществѣ. Тѣмъ не менѣе, большимъ преимуществомъ ея было то, что она непрерывно и усерно занималась земледѣліемъ и домашнимъ хозяйствомъ и созидала основу мирнаго союза, между тѣмъ, какъ мужчина велъ жизнь непостоянную, продолжая охотиться, воевать и проводить время въ веселой болтовнѣ, пляскахъ и т. п. Поэтому значеніе женщины все болѣе и болѣе возрастало, и во многихъ случаяхъ мужчина являлся лишь нахлѣбникомъ въ ея домѣ, который онъ снабжалъ, по мѣрѣ возможности, продуктами своей охоты. Впрочемъ, лишь въ немногихъ странахъ дѣло доходило до настоящаго женскаго господства. Мы слышимъ это о вабумахъ на Конго и о жителяхъ острова Юля у юговосточнаго берега Новой Гвинеи. Женщина, достигнувъ болѣе важной роли въ семьѣ сравнительно съ первобытными временами, всетаки нуждалась въ защитникѣ и, въ виду своей физической слабости и обязанностей материнства, должна была фактически подчиняться мужчинѣ. Вслѣдствіе того, какъ мы видимъ въ обручальныхъ и свадебныхъ обычаяхъ, женщина захватывалась силою, вымѣнивалась или покупалась, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ, помимо своего желанія. Покупка женщинъ существовала и у высшихъ культурныхъ народовъ; у семитовъ и арійцевъ мы находимъ ее еще въ историческое время. Она исчезаетъ не одновременно съ появленіемъ семьи, основанной на отцовскомъ правѣ, а почти самостоятельнымъ путемъ, вслѣдствіе побѣды моногаміи. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что превращеніе родственныхъ формъ далеко не вездѣ одинаково дѣйствуетъ на усиленіе или ослабленіе вліянія женщины. Борьба за освобожденіе ея всего болѣе происходитъ на экономической почвѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ на религіозной и умственной; такъ, напр., если женщинѣ удавалось захватить положеніе жрицы, она этимъ поднимала въ значительной степени свое положеніе среди суевѣрнаго общества. Вообще, положеніе женщины не находится въ прямой зависимости отъ измѣненія общественныхъ формъ и въ особенности отъ разложенія родоваго быта, основаннаго на материнскомъ правѣ, и отъ появленія семьи, находящейся подъ властью отца. Нельзя даже сказать, что патріархатъ имѣлъ цѣлью ограниченіе правъ женщины; онъ вытекаетъ изъ другихъ мотивовъ, зависѣвшихъ отъ расширенія политическаго горизонта, отъ увеличенія численности населенія и отъ стремленія создать болѣе крупные общественные союзы, чего не могъ сдѣлать родъ въ его первоначальной формѣ.

Въ это время настоящая общественная жизнь происходила исключительно въ кругу рода, который представлялъ собою замкнутое цѣлое, совершенно подавлявшее отдѣльную личность. Во время войны, всѣ члены рода, способные носить оружіе, составляли отряды подъ властью особыхъ начальниковъ. Роды соединялись въ союзы, которые назывались племенами. Связь племени едвали была когда либо крѣпкою, и отдѣльные роды никогда не теряли своей самостоятельности; дѣла племени рѣшались начальниками родовъ, если только не сохранилось отъ прежнихъ временъ союза мужчинъ и воиновъ. Равновѣсіе родового быта могло нарушаться и значительнымъ возрастаніемъ числа его членовъ, и образованіемъ спеціальныхъ различій между ними, вслѣдствіе появленія различныхъ профессій, скопленія богатствъ въ нѣкоторыхъ рукахъ и т. д. Поэтому родовая организація для быстро прогрессировавшихъ народовъ, рано или поздно, должна была оказаться недостаточной и должна была исчезнуть такъ же, какъ и дѣленіе по возрастнымъ классамъ. Родъ слишкомъ замкнутъ, чтобы давать просторъ общественному дифференцированію; онъ слишкомъ великъ, чтобы принимать на себя, при раздѣленіи труда болѣе мелкія опредѣленныя задачи, а съ другой стороны, слишкомъ малъ и слишкомъ недоступенъ внѣшнимъ вліяніямъ, чтобы служить основой болѣе крупнаго политическаго союза: и въ войнѣ, и въ мирѣ онъ можетъ удовлетворять только скромнымъ требованіямъ. Поэтому желанія отдѣльныхъ лицъ расторгнуть обременительный для нихъ родовой союзъ, соотвѣтствовавшія стремленію народныхъ вождей воспользоваться силами массы для созданія новыхъ формъ организаціи, вели къ разрушенію рода, что облегчалось одинаково и чрезмѣрнымъ разростаніемъ, и значительнымъ уменьшеніемъ послѣдняго. Такимъ путемъ крайне размножившіеся роды распадались на болѣе мелкія группы, во главѣ которыхъ оказывался о т е ц ъ. Въ результатѣ появляется семья въ болѣе узкомъ смыслѣ слова :: отдѣльныя лица, освободившіяся отъ стѣсняв-

шихъ имъ узъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, положеніе женщины въ соціальномъ и нравственномъ отношеніи поднимается выше, и бракъ, переходя къ моногамической формѣ, основывается уже не на половомъ влеченіи, а на симпатіи, которою, какъ мы видѣли, въ дѣйствительности, скрѣпляется всякій союзъ. Лишь послѣ того, какъ симпатическая любовь одержала побѣду въ брачной и семейной жизни, родовой бытъ могъ исчезнуть безъ всякаго вреда для культуры, и моногамическая семья могла сдѣлаться общественной единицей у прогрессивныхъ народовъ (тамъ-же, 108—134).

³) Каждое человѣческое сообщество должно имѣть вождя или начальника для успѣха въ борьбѣ за существованіе. Власть надъ женщинами и дѣтьми даже въ самомъ мелкомъ обществѣ бываетъ въ рукахъ мужчины; что касается до цѣлой орды, то у многихъ дикихъ народовъ потребность имѣть начальника вовсе не проявляется или обнаруживается только въ случаѣ опасности. Бразильскія лѣсныя племена, австралійцы и др. низко стоящія человѣческія группы не ведутъ открытыхъ войнъ, и общественныя дѣла у нихъ рѣшаются стариками. Иначе дѣло обстоитъ тамъ, гдѣ мы видимъ рядомъ родовую организацію и мужскіе союзы, какъ, напр., въ Меланезіи. У обѣихъ этихъ организацій могутъ быть свои начальники, которые нерѣдко входятъ въ состязаніе между собою. Смотря по тому, какой изъ нихъ одержитъ верхъ, усиливается власть родового или военнаго начальника. Въ томъ случаѣ, однако, когда побѣда останется на сторонѣ главы рода, можетъ произойти дробленіе этого послѣдняго, тогда какъ побѣда предводителя мужского союза можетъ повести къ образованію болѣе крупныхъ государственныхъ организацій. Пока главы родовъ занимаютъ первое мѣсто, общественная жизнь сохраняетъ демократическій и, если можно такъ выразиться, мелкій характеръ; торжество вождя мужской организаціи,—все равно основывается ли оно на дальнѣйшемъ развитіи возрастныхъ классовъ мужчинъ или на возникновеніи патріархата,—придаетъ прирожденнымъ властнымъ характерамъ просторъ для развитія своей энергіи, которая болѣе или менѣе сознательно стремится къ усиленію власти за предѣлами рода, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ созданію болѣе крупныхъ государственныхъ союзовъ. Когда власть такого военоначальника исходитъ изъ мужского союза, она можетъ еще усиливаться религіознымъ элементомъ, такъ какъ мужскіе дома, служащіе жилищемъ или мѣстомъ собранія мужчинъ, часто бываютъ и мѣстомъ отправленія культа. Такъ какъ власть начальника исходитъ изъ различныхъ источниковъ и поддерживается разнообразными условіями, дѣйствующими то отдѣльно, то совмѣстно, то этимъ объясняется крайнее разнообразіе ея силы, колебаніе между полною разнузданностью и насиліемъ и между болѣе или менѣе безсильнымъ представительствомъ ея. У нѣкоторыхъ народовъ власть начальника основывается лишь на личныхъ качествахъ его, при чемъ не можетъ быть и рѣчи объ унаслѣдованіи ея; у другихъ мы видимъ даже воиновъ въ полномъ подчиненіи у женщинъ или несовершеннолѣтнихъ мальчиковъ, сила которыхъ заключается въ богатствѣ и колдовствѣ, т. е. въ знаніи различныхъ тайныхъ средствъ.

Соотвѣтственно большей или меньшей власти начальника измѣняется и участіе подчиненныхъ въ правленіи. Когда власть правителя исходитъ изъ общества мужчинъ и преимущественно воиновъ, то первоначально собраніе этихъ послѣднихъ во всѣхъ вопросахъ имѣетъ рѣшающее значеніе; мужской домъ является въ то же время мѣстомъ народнаго совѣта, куда женщины и дѣти не имѣютъ доступа. Если же начальнику рода удастся стать во главѣ племени, то рѣшающая власть переходитъ къ совѣту родовыхъ старшинъ, который лишь въ особенно важныхъ случаяхъ обращается къ народной массѣ (тамъ-же, 136—142).

ОТДѢЛЪ III.

I. Языкъ, письмо и счетъ.

«Первичный языкъ» человѣчества.

Съ изобрѣтеніемъ перваго орудія, человѣкъ вступилъ на путь своего высшаго развитія. Своеобразнымъ и особенно важнымъ орудіемъ является языкъ [1]); онъ ведетъ къ развитію общественности и способствуетъ всѣмъ успѣхамъ человѣчества, достигнутымъ, благодаря этому развитію.

Способность общенія посредствомъ звуковъ существуетъ и у людей, и у животныхъ, и, въ сущности, даже поводъ къ примѣненію этой способности, въ частности, и у тѣхъ и у другихъ бываетъ однимъ и тѣмъ же; но у животныхъ развитіе ея, или останавливалось на самой низкой ступени, или шло по совершенно иному направленію. Обращать на себя вниманіе звукомъ, выражать имъ ощущеніе и желаніе—свойственно и людямъ, и животнымъ; но связать форму звука съ внѣшнимъ предметомъ и отсюда сдѣлать шагъ къ подобной же связи звука съ общими понятіями и идеями было характернымъ отличіемъ одного лишь человѣка. Эта связь придаетъ его рѣчи содержаніе, отсутствующее въ пѣніи птицъ.

Даже при самыхъ тщательныхъ наблюденіяхъ для насъ является невозможнымъ опредѣлить въ каждомъ случаѣ, почему птица подаетъ голосъ, почему напѣваетъ человѣкъ наединѣ? Менѣе непонятнымъ кажется намъ крикъ птицы въ обществѣ другихъ птицъ; точно также и звукамъ, съ которыми одинъ человѣкъ обращается къ другому, онъ придаетъ опредѣленное значеніе: онъ напѣваетъ потому, что его побуждаютъ къ тому данный природою голосъ и голосовой органъ, но говоритъ онъ потому, что желаетъ быть понятымъ.

Подобно тому, какъ прыжки ребенка или молодого животнаго служатъ сами себѣ цѣлью,—и крикъ первоначально является лишь проявленіемъ жизни. Но опытъ связываетъ съ этимъ факты, которые, какъ желательные, можно постепенно пытаться вызвать крикомъ,—одинаково, дѣйствуетъ-ли при этомъ разсудокъ или «инстинктъ». Проявленіемъ такой зачаточной способности рѣчи служитъ осенній призывный крикъ перелетныхъ птицъ. Лѣтомъ птицы распредѣляются семейно, парами; но осенью, когда является необходимость отыскивать кормъ въ извѣстныхъ мѣстахъ и находить опредѣленный путь

къ мѣстамъ зимовки, онѣ чувствуютъ преимущество пользованія коллективнымъ опытомъ и путешествія возможно большими стаями. Средствомъ къ объединенію въ такихъ случаяхъ служитъ призывъ, которымъ птицеловъ злоупотребляетъ для своихъ коварныхъ цѣлей. Совершая свой путь въ это время года вдоль рѣчной долины и перепархивая съ ольхи на ольху, чижъ при всякой работѣ неустанно издаетъ одинъ и тотъ же звукъ. При этомъ у него нѣтъ никакого ясно сознаннаго намѣренія. Онъ кричитъ, потому что чувствуетъ потребность къ тому, и крикъ его звучитъ именно такъ, а не иначе, потому что къ этому приспособлены его голосовые органы. Тѣмъ не менѣе, летящимъ на зимовку птицамъ этотъ крикъ приноситъ существенную пользу, и если-бы даже птица обладала способностью мышленія, она все-таки не имѣла-бы повода заботиться о томъ, чтобы придать этому крику какое-либо особое содержаніе. Дѣйствительно, если перевести его на человѣческій языкъ, то онъ выражаетъ не что иное, какъ «здѣсь находится чижъ!» Но это именно и слышатъ въ немъ другіе чижи. Руководимые стремленіемъ къ общественности, они летятъ на этотъ крикъ и при этомъ кричатъ сами; хотя они, если можно такъ выразиться, не измѣняютъ грамматической формы крика, но другіе чижи, пролетающіе вдали, слышатъ уже крикъ: «здѣсь находятся чижи!»

Если-бы сама птица своимъ крикомъ хотѣла сказать только одно, именно это, тѣмъ не менѣе, другія птицы могутъ услышать въ немъ и многое другое. Изъ крика, все болѣе и болѣе удаляющагося, птица слышитъ вѣсть: «мы улетаемъ, лети за нами!»,—а приближающійся крикъ говоритъ ей: «вотъ и мы!»

И первобытный человѣкъ, безъ сомнѣнія, не отказывался отъ столь выгоднаго пользованія голосомъ, если даже и допустить, что онъ былъ лишенъ дара слова. Подобно тому, какъ поступки человѣка, несмотря на то, что онъ обладаетъ способностью сознательнаго мышленія, не вполнѣ утратили инстинктивный характеръ, наряду съ высоко развитымъ даромъ рѣчи у него сохранились и болѣе простые способы взаимнаго пониманія. Когда, напримѣръ, люди въ лѣсу потеряютъ другъ друга изъ виду, они начинаютъ кричать какъ можно громче, хотя крикъ ихъ самъ по себѣ не имѣетъ никакого значенія. Крикъ этотъ оказываетъ то же дѣйствіе и имѣетъ тотъ же характеръ, какъ и языкъ птицъ; но обстоятельства придаютъ ему нѣсколько болѣе опредѣленное содержаніе. Голоса различныхъ людей звучатъ для внимательнаго слушателя различно. Поэтому крикъ изъ лѣсу говоритъ не только: «здѣсь находится человѣкъ», но: «здѣсь А или Б». Вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ еще болѣе, чѣмъ животное, можетъ измѣненіемъ голоса выражать свои ощущенія. Онъ дѣлаетъ это даже безъ намѣренія быть кѣмъ-нибудь услышаннымъ и понятымъ; онъ испытываетъ естественную потребность кричать отъ боли, громко ликовать отъ радости. Выраженіе, заключающееся въ голосѣ, всѣ люди понимаютъ и съ своей стороны; такъ, мы безъ труда отличаемъ жалобный крикъ животнаго отъ всѣхъ другихъ звуковъ.

Опредѣлить степень участія преднамѣренности въ этихъ проявленіяхъ у животныхъ, намъ уже, конечно, труднѣе; но какъ скоро слѣды этого участія замѣчаются у животнаго, мы тѣмъ менѣе имѣемъ основанія отвергать преднамѣренность дѣйствій у человѣка, удерживающаго въ памяти

данныя опыта. Поэтому, подражая понятнымъ для всѣхъ звукамъ удовольствія или страданія, онъ и тому крику, которымъ онъ извѣщаетъ о своемъ мѣстонахожденіи, сумѣетъ придать выраженіе своего состоянія въ данный моментъ. Для слышащихъ этотъ крикъ, онъ будетъ означать: «А тамъ въ лѣсу очень весело, или А въ лѣсу чѣмъ-то сильно опечаленъ». Мы отправляемся въ лѣсъ съ самыми разнообразными цѣлями: собирать растенія, гулять, охотиться и т. п., и насъ не покидаютъ тамъ наши мысли и заботы, напр., о нашей шляпѣ и т. п. вещахъ; для насъ поэтому крикъ этотъ мало понятенъ. Ожиданія и заботы въ жизни бушмена гораздо проще: въ лѣсу онъ ищетъ пищи и опасается опасныхъ хищныхъ звѣрей. Смотря по тому, найдетъ-ли онъ первую или встрѣтитъ послѣднихъ, онъ издаетъ тотъ или другой крикъ. Конечно, радостный крикъ его не опредѣлить съ точностью, желательной для ботаника, что̀ именно нашелъ онъ; но для другихъ бушменовъ, слышащихъ его, этого вовсе и не нужно: они спѣшатъ на крикъ и видятъ, въ чемъ состоитъ находка.

Если-бы, положимъ, въ томъ лѣсу имѣлся всего одинъ съѣдобный видъ плодовъ, то крикъ, который издаетъ нашедшій его, получилъ-бы столь узкое значеніе и звукъ до такой степени связывался-бы въ памяти этихъ людей съ предметомъ, что первый могъ-бы обратиться въ названіе послѣдняго. Понятно, жители другой страны съ другими плодами не представляли-бы себѣ этой связи, и потому «не понимали-бы» этого «языка». Чернокожій любитель ящерицъ, при видѣ этого маленькаго животнаго, издаетъ совсѣмъ иной звукъ, чѣмъ дѣвушка бѣлой расы, и такимъ образомъ, вавилонское смѣшеніе языковъ могло-бы получить начало уже въ весьма отдаленную эпоху.

Привычка сохранила въ нашемъ языкѣ звуки, выражающіе ощущенія, которыя сама природа исторгаетъ изъ человѣческой груди. Въ грамматикѣ они составляютъ лишь одну изъ десяти частей рѣчи, но въ обыденной жизни имѣютъ гораздо бо́льшее значеніе. Чѣмъ менѣе развитъ языкъ, или чѣмъ менѣе умѣло кто-нибудь пользуется имъ, тѣмъ чаще примѣняется этотъ древнѣйшій способъ обмѣна мыслей. Еще и теперь среди народа можно слышать такіе діалоги, въ которыхъ одинъ изъ разговаривающихъ ограничивается почти исключительно подобными восклицаніями, выражающими то одобреніе, удивленіе, состраданіе, то ужасъ, отвращеніе, недовѣріе и т. д. Даже въ древне-германскомъ обычномъ правѣ сохранился остатокъ этого языка восклицаній. Крикъ: «Io, io!» не былъ самъ по себѣ какимъ-либо словомъ; но тому, кто его слышалъ, онъ говорилъ очень много. Простое «io!» говорило ему: здѣсь совершено преступленіе, и ты обязанъ поспѣшить на помощь или хотя бы для показанія въ роли свидѣтеля. Только послѣ того, какъ съ этимъ междометіемъ стали соединять въ одно слово названіе преступленія, образовались извѣстныя восклицанія: «Dieb—io!» (воры!), «Mord—io!» (убійство!) (въ Вюртембергѣ также «Feuer—io!» (пожаръ!), откуда произошли до сихъ поръ употребительныя выраженія «Zeter-und Mordio-Schreien» (кричать караулъ).

Но все это мы не можемъ, по справедливости, назвать человѣческимъ языкомъ, отъ котораго мы должны требовать, по крайней мѣрѣ, такой связи между звукомъ и понятіемъ о предметѣ или дѣйствіи, чтобы въ каждомъ, слышащемъ эти звуки, эти послѣдніе вызывали соотвѣтствующее

представленіе. При изслѣдованіи происхожденія такого языка мы подходимъ къ вызвавшему нѣкогда столь много споровъ вопросу о существованіи «первичнаго языка». Иными словами: называло ли когда-нибудь человѣчество каждый изъ извѣстныхъ ему изъ опыта предметовъ однимъ и тѣмъ же, общимъ для всѣхъ людей, именемъ, и выражало ли оно когда-нибудь совершенно одинаково взаимоотношенія между вещами? Сравнительное языкознаніе не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что этого никогда не было. Различныя группы языковъ человѣчества тѣмъ именно и отличаются другъ отъ друга, что онѣ пользуются совершенно различными средствами для выраженія отношеній между понятіями, которыя составляютъ содержаніе нашей рѣчи, какъ это мы покажемъ ниже на нѣсколькихъ примѣрахъ. Если бы способъ выраженія взаимоотношенія двухъ понятій, заключающійся, напримѣръ, въ соединеніи понятій «человѣкъ» и «бить» въ одно слово «бьетъ», былъ свойственъ уже «первичному языку», то различныя отрасли этого языка, какъ показываетъ сравнительное языкознаніе, не могли бы пойти совершенно различными путями.

Остается, правда, возможность допущенія существованія первичнаго языка въ отношеніи запаса звуковъ, связанныхъ съ однимъ и тѣмъ же понятіемъ, но онъ долженъ былъ быть гораздо бѣднѣе большинства современныхъ намъ языковъ, такъ какъ ему не доставало упомянутаго выраженія отношеній. Языкъ можетъ не имѣть способовъ выраженія подобныхъ соотношеній и въ то же время можетъ служить для обмѣна мыслей; это доказываютъ намъ очень древніе языки, какъ, напримѣръ, китайскій, не образовавшіе особыхъ формъ для подобнаго обозначенія, и нѣкоторые изъ новѣйшихъ языковъ, какъ, напримѣръ, англійскій, которые вновь отбросили многія изъ этихъ формъ выраженія. Послѣдній процессъ легче всего совершается тогда, когда большой запасъ словъ языка какого-нибудь народа заимствуется народами, говорящими на другихъ языкахъ. Послѣдніе при этомъ легче удерживаютъ произношеніе словъ, обозначающихъ понятія, чѣмъ перенимаютъ формы отношеній чужого языка, почти всегда искаженныя и потому сами по себѣ безсмысленныя. Мы сами какъ-то непроизвольно избѣгаемъ ихъ, когда объясняемся на родномъ языкѣ съ иностранцемъ, плохо знающимъ его. Мы думаемъ облегчить ему пониманіе тѣмъ, что употребляемъ существительныя въ томъ падежѣ, который, какъ намъ кажется, звучитъ наиболѣе сходно съ ихъ первоначальной формой, а глаголы ставимъ въ неопредѣленномъ наклоненіи. При этомъ отношенія между понятіями мы выражаемъ только извѣстнымъ порядкомъ словъ. Такъ, латинскій языкъ имѣетъ обиліе формъ соотношеній въ своихъ склоненіяхъ и спряженіяхъ и нѣмецкій языкъ также довольно богатъ ими; поэтому названные языки представляютъ наибольшую свободу для разстановки словъ; между тѣмъ французскій или англійскій языки, сохранившіе лишь незначительный остатокъ этихъ формъ, имѣютъ строго установленный порядокъ словъ.

Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, новѣйшіе языки вновь приблизились къ древнѣйшимъ, не имѣя при этомъ неудобствъ послѣднихъ. Какъ образчикъ древняго языка, можно указать на слѣдующую китайскую фразу, приводимую Тэйлоромъ: «Kou chi shi jin sse»; фраза эта совершенно не имѣетъ словъ, выражающихъ отношеніе между понятіями, и буквально

должна быть переведена такъ: «собака, свинья, ѣсть, человѣкъ, пища». Но для китайца порядокъ словъ придаетъ этой фразѣ вполнѣ опредѣленный смыслъ: «собаки и свиньи ѣдятъ пищу человѣка». Точно также въ классическомъ древнекитайскомъ языкѣ отсутствуютъ и особыя формы для обозначенія различныхъ отношеній одного и того же понятія, которыя мы выражаемъ посредствомъ формъ имени существительнаго, прилагательнаго и глагола для удобства тѣхъ, къ кому мы обращаемся. Thwan означаетъ: шаръ, круглый, округлять, сидѣть вокругъ и т. п.; только мѣсто, занимаемое словомъ въ предложеніи, указываетъ его значеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, и притомъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ болѣе разговоръ вращается около окружающихъ конкретныхъ предметовъ.

Такимъ образомъ, отъ «первичнаго языка» до насъ могъ дойти лишь общій для всѣхъ запасъ звуковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ для всѣхъ были связаны съ одними и тѣми же представленіями, такъ какъ формы для выраженія отношеній между понятіями могли образоваться лишь въ позднѣйшее время. Посмотримъ теперь—распространяется-ли это положеніе на всѣ разряды словъ, раздѣляемыхъ обыкновенно на части рѣчи. Кромѣ словъ, связанныхъ съ самостоятельными понятіями, въ каждомъ языкѣ существуетъ цѣлый рядъ такихъ, которыя мы называемъ «грамматическими» частями рѣчи; въ предложеніи они служатъ не главными, а лишь соединительными членами, и, тѣмъ не менѣе, безъ нихъ мы не могли бы говорить стройными предложеніями. Къ такимъ словамъ причисляемъ мы, напр., предлоги—въ, на, съ и т. п. и мѣстоименія—я, ты, онъ.

Сравнительное языкознаніе показываетъ намъ въ какой тѣсной связи стоитъ послѣдняя группа словъ съ разсмотрѣнными формами выраженія взаимоотношенія понятій, и какими самостоятельными путями шли въ этой области различныя группы языковъ. Нѣмецкому слову «mit» соотвѣтствуетъ въ латинскомъ языкѣ шестой падежъ, а въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ седьмой; нѣмецкому «in» въ послѣднихъ соотвѣтствуетъ шестой падежъ. Упомянутое развитіе совершалось, слѣдовательно, въ одной и той же семьѣ языковъ. Обращаясь снова къ китайскому языку, мы увидимъ, что этотъ языкъ, принадлежащій къ числу древнѣйшихъ, вовсе не имѣлъ особаго разряда такихъ словъ, и китаецъ для этой цѣли пользовался запасомъ словъ, обозначающихъ дѣйствительные предметы или дѣйствія. Такъ, вмѣсто того, чтобы сказать: «убить человѣка палкой», китаецъ говоритъ по своему: «убить человѣка употреблять палку». Подобно этому негръмандингъ, по свидѣтельству Тэйлора, представленіе о нахожденіи одного предмета внутри другого соединяетъ съ представленіемъ о желудкѣ и вмѣсто того, чтобы сказать: въ домѣ, говоритъ: «домъ животъ»; вмѣсто «на столѣ», онъ говоритъ: «столъ затылокъ». Частое пользованіе подобными оборотами, говоритъ упомянутый лингвистъ, повело къ тому, что первоначальныя существительныя коно (животъ) и кангъ (затылокъ) мало-по-малу превратились въ предлоги.

Столь же самостоятельно шли различныя отрасли языковъ и въ образованіи мѣстоимѣній, и тотъ или иной языкъ показываетъ намъ, что это образованіе могло совершиться въ немъ только послѣ того, какъ культура народа достигла довольно высокой ступени развитія. Гренландскій эскимосъ образовалъ слово «ты» изъ «тамъ», а «я» изъ «здѣсь»; малайцы

должны были выработать цѣлый церемоніалъ вѣжливости къ тому времени, когда они стали обозначать лицо говорящее и то, къ которому обращаются, исключительно на основаніи этихъ взаимныхъ людскихъ отношеній. Подобно тому, какъ въ Библіи употребительный способъ выраженія вѣжливости состоитъ въ томъ, что говорящій называетъ себя «слугой» того, къ кому онъ обращается; подобно тому, какъ мы съ такимъ же искреннимъ увѣреніемъ обращаемся, въ концѣ письма къ кому придется, съ привѣтствіемъ— такъ точно и малаецъ изъ слова âmba (слуга) образовалъ свое «я», и изъ tuwan (господинъ)—свое «ты». Пониманіе измѣняющихся отношеній между лицами вообще затруднительно для неразвитаго ума и потому можетъ явиться лишь довольно поздно; въ этомъ мы легче всего можемъ убѣдиться, слѣдя за развитіемъ нашихъ дѣтей, которыя проходятъ въ уменьшенномъ масштабѣ весь процессъ образованія языка. За простымъ крикомъ, какъ проявленіемъ жизненности и выраженіемъ ощущеній, слѣдуетъ—не безъ нашего, конечно, руководства—установленіе опредѣленной зависимости между звуками и различными предметами и лицами. Дѣйствія и предметы, между которыми существуетъ тѣсная связь, получаютъ при этомъ одинаковыя названія; такъ, напр., по-нѣмецки какъ дѣйствіе «ѣсть» такъ и предметъ его «ѣда» обозначаются однимъ словомъ «essen». Но если лицо имѣетъ опредѣленное имя, то оно сохраняетъ его за собою, — все равно является ли это лицо въ рѣчи говорящимъ или рѣчь обращается къ нему. Подобно этому, ребенокъ, говоря о себѣ, всегда употребляетъ свое имя; онъ говоритъ: «Коля даетъ это Ванѣ» въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, спустя нѣсколько лѣтъ, благодаря нашему постепенному руководству, онъ скажетъ: «я даю тебѣ». Умъ его воспринимаетъ довольно медленно, какимъ образомъ тотъ же самый Коля, какимъ онъ себя знаетъ, вслѣдствіе весьма тонкаго отвлеченія, въ различные моменты долженъ быть кѣмъ-то инымъ, то я, то ты, то, наконецъ, онъ. Какъ трудно было бы ему, если бы онъ говорилъ на малайскомъ языкѣ, освоиться съ мыслью, что, обращаясь къ кому-нибудь съ рѣчью, онъ является его «слугою» и во время отвѣта послѣдняго вновь становится его «господиномъ». Ребенокъ при нашемъ руководствѣ преодолѣваетъ эту трудность въ теченіе немногихъ лѣтъ; но первобытное человѣчество, лишенное какого бы то ни было руководительства, не могло преодолѣть ее такъ быстро, и потому мы должны допустить, что ему понадобился значительный періодъ времени для такого развитія языка. Но за это время люди могли разойтись далеко другъ отъ друга и притти къ цѣли совершенно различными путями.

Итакъ, мы не можемъ допустить, чтобы «грамматическія» части рѣчи входили уже въ составъ «первичнаго языка». Вслѣдствіе того, содержаніе его тѣмъ болѣе уменьшается, чѣмъ болѣе мы хотимъ ясно представить его себѣ. Единственно возможнымъ содержаніемъ этого языка является лишь запасъ однихъ и тѣхъ же звуковъ для обозначенія представленій о предметахъ, дѣйствіяхъ и качествахъ, т. е. именъ существительныхъ, глаголовъ и именъ прилагательныхъ. Но и отсюда мы должны многое исключить. Имена прилагательныя совпадали въ немъ съ именами существительными, какъ, напр., въ китайскомъ словѣ, обозначающемъ «шаръ», или образовались путемъ сравненія съ какимъ-нибудь видимымъ предметомъ; такимъ образомъ, только названіе этого послѣдняго составляло самостоятельную

часть въ составѣ языка. Такъ, тасманіецъ на своемъ языкѣ сравнивалъ все твердое съ камнемъ, все круглое съ луной. Древне-еврейскій языкъ далъ поводъ предположить, что способность различенія цвѣтовъ у древнихъ евреевъ была не вполнѣ развита, такъ какъ одинъ и тотъ же цвѣтъ обозначался у нихъ сравненіемъ съ небомъ и съ травой. Но, въ сущности, въ каждомъ сравненіи заключается различеніе и вообще всякое опредѣленіе качества основывается на сравненіи. Множество нѣмецкихъ словъ все еще окружено этой предательской скорлупой. Окончаніе «lich», прежнее «lîch», прибавленіемъ котораго образуются эти слова происходитъ отъ нѣмецкаго слова «gleich», на средне-верхне-нѣмецкомъ нарѣчіи «gelich» (похожій); послѣднее, въ свою очередь, образовалось изъ слова «Lieh», что значитъ Leib (тѣло). Такимъ образомъ, то, что нѣмецъ теперь обозначаетъ кратко словомъ «herrlich» (прекрасный), отдаленные предки его въ состояніи были выразить лишь описательно, указывая, что нѣкто «тѣломъ», т. е. внѣшнимъ своимъ видомъ,—господинъ (Herr), «похожъ на господина».

Итакъ, основнымъ содержаніемъ «первичнаго языка» остается лишь возможное нѣкогда одинаково для всѣхъ звуковъ обозначеніе предметовъ и дѣйствій; отсюда возникаетъ вопросъ—заключалось-ли, какъ полагаютъ нѣкоторые, въ самихъ предметахъ и дѣйствіяхъ, составляло-ли, такъ сказать, часть ихъ сущности, то, что̀ побуждало человѣка назвать ихъ именно тѣмъ, а не другимъ звукомъ первичнаго языка. Для извѣстной группы словъ это было вполнѣ возможно. Слова «жужжаніе» и «пискъ» даны самими обозначаемыми ими дѣйствіями такъ же, какъ названіе птицы «кукушки». Одно время старались положить въ основу исторіи языка эти «естественные звуки» и образуемую ими «звукопись». Хотя и вѣрно, что многія слова произошли такимъ путемъ и теперь еще образуются такъ, тѣмъ не менѣе, такое словообразованіе, вполнѣ естественно, можетъ совершаться въ области лишь тѣхъ предметовъ и дѣйствій, которые связаны съ ощущеніемъ звука. Но при этомъ, какъ это можно показать на многихъ примѣрахъ, воспріятіе и передача одного и того же звука такъ существенно различны у различныхъ людей, что подражаніе естественнымъ звукамъ и шумамъ не могло сдѣлаться единымъ закономъ образованія языка.

Какимъ же путемъ пришелъ человѣкъ къ обозначенію различными словами прочихъ предметовъ и дѣйствій? Положительный отвѣтъ или, по крайней мѣрѣ, указаніе на это можетъ дать намъ исторія языка, если мы обратимся къ ней съ правильно поставленными вопросами. Прежде всего мы должны допустить, что человѣкъ на низшей ступени своего развитія, когда забота о добываніи пищи чередовалась у него съ лѣнивымъ отдыхомъ и сномъ, долженъ былъ оставлять безъ названій множество предметовъ, о которыхъ мы говоримъ теперь. Онъ не былъ естествоиспытателемъ, и ему не зачѣмъ было сообщать другимъ обо всемъ, что̀ попадало въ кругъ его наблюденій. Языкъ служилъ ему сперва лишь пособіемъ въ удовлетвореніи жизненныхъ потребностей и соотвѣтствовалъ развитію послѣднихъ. Только то, что въ этой области возбуждало въ немъ радость или озабоченность, исполненія или неисполненія чего желалъ онъ отъ товарищей,—обозначалъ онъ звуками, которые превращались въ названія предметовъ и дѣйствій, какъ скоро другіе замѣчали эту связь и также начинали пользоваться ею. Но кругъ примѣненія подобнаго простѣйшаго языка

ограничивался лишь тѣми лицами, которые находились въ непосредственномъ соприкосновеніи между собою, т. е. жили вмѣстѣ. Въ чемъ же заключалась причина перваго выбора звуковъ? Такъ какъ звуки, согласно сказанному выше, являлись первоначально подъ вліяніемъ извѣстнаго возбужденія, то послѣднее, понятно, имѣло участіе въ выборѣ звука; но отсюда еще вовсе не вытекаетъ естественнаго единства первичныхъ словъ. Индивидуальность человѣка обнаруживается и въ отношеніи его голосовыхъ органовъ, и едва-ли найдутся двое людей, которые выражали-бы радость или ужасъ одними и тѣми же звуками

Такимъ образомъ, уже для небольшого круга лицъ возможенъ выборъ различныхъ звуковъ для обозначенія одного и того же явленія, и это составляетъ второй шагъ въ развитіи языка. Какъ только среди хотя-бы маленькой группы людей, напр. семьи, какой-нибудь звукъ сталъ обозначать не просто возбужденіе, вызванное радостью или испугомъ, но опредѣленный предметъ, то это восклицаніе превращалось въ настоящее названіе предмета. Такое превращеніе было въ большинствѣ случаевъ дѣломъ взаимнаго соглашенія, и отсюда начинается настоящая исторія языка. Въ самихъ предметахъ, помимо упомянутой звукописи, нѣтъ ничего, чтó понуждало-бы къ выбору опредѣленнаго звука для ихъ обозначенія. Гораздо большее вліяніе на этотъ выборъ могло оказывать положеніе говорящаго. Члены одной и той же семьи употребляли, вѣроятно, тѣ же слова приказанія, что и глава семьи; подобнымъ же образомъ и животныя, за которыми охотились, обозначались тѣми же звуками, какими обозначалъ ихъ глава семьи. Такое же вліяніе на выборъ словъ должна была оказывать въ домашнемъ кругу личность матери; ребенокъ, естественно, прежде всего въ этомъ кругу научался связывать звуки съ представленіями, и передававшійся, такимъ образомъ, языкъ вполнѣ справедливо называется роднымъ или «материнскимъ языкомъ» (Muttersprache).

Такимъ путемъ легко объясняется слѣдующій поразительный фактъ. Между тѣмъ, какъ названія большинства предметовъ на различныхъ языкахъ весьма разнообразны, обозначенія отца и матери почти на всемъ земномъ шарѣ одни и тѣ же, какъ будто они являются послѣднимъ наслѣдіемъ, перешедшимъ къ намъ отъ первичнаго языка. Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи этого обстоятельства, мы убѣждаемся, что оно должно имѣть совершенно иное объясненіе. Эти распространенныя повсюду имена образуютъ группу звуковъ: «ma-ma, pa-pa, ba-ba, ab-ab, ta-ta, at-at, na-na» и т. п. Очевидно, эти имена придавались родителямъ и другимъ наиболѣе близкимъ людямъ («ba-ba» на нѣкоторыхъ языкахъ значитъ «бабушка», «nana»—старшая сестра) совершенно такъ, какъ было указано, съ тою лишь разницею, что здѣсь лицомъ, дававшимъ ихъ, являлся ребенокъ. Онъ вовсе не имѣлъ намѣренія позвать родителей; онъ просто дѣлалъ первыя попытки образованія звуковъ, и отсюда возникли названія тѣхъ лицъ, къ которымъ эти звуки могли относиться; а такими лицами могли быть, естественно, только самыя близкія. Тотъ фактъ, что эти обозначенія, въ противоположность всѣмъ другимъ, одинаковы во всѣмъ свѣтѣ, вполнѣ объясняется неразвитостью дѣтскихъ голосовыхъ органовъ, между тѣмъ, какъ голосовые органы взрослаго человѣка приспособлены для всевозможныхъ тоновъ. Ребенокъ, начиная сознательно открывать для дыханія

сжатыя до того времени губы, издаетъ только эти звуки. Дѣломъ окружающихъ было распредѣлить этотъ небольшой выборъ звуковъ между отдѣльными лицами, т. е. и въ этой части языка существенное значеніе имѣло взаимное соглашеніе; это доказывается фактомъ, что это распредѣленіе не вездѣ вполнѣ одинаково. Тогда какъ въ большей части языковъ болѣе легкій для произнесенія звукъ «ма» присваивается матери, существуютъ, однако, народы, у которыхъ замѣчается обратное явленіе, а именно звукъ «па» относится къ матери, а «ма»—къ отцу. Итакъ, рѣшающая роль въ созиданіи языка принадлежитъ всегда выбору и взаимному соглашенію.

Какое важное значеніе имѣетъ моментъ выбора въ дальнѣйшемъ ходѣ образованія языка, показалъ намъ К. Абель на примѣрѣ древнѣйшаго изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ языковъ—древне-египетскаго. Языкъ, первоначальное образованіе котораго мы до сихъ поръ пытались выяснить, могъ быть только семейнымъ языкомъ, никакъ не болѣе. Только люди, жившіе въ непосредственномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ, могли установить (не договоромъ, конечно, а практикой) по выбору общія для нихъ всѣхъ зависимости между извѣстными предметами и звуками. Но мы знаемъ, что подобныя древнія семьи, достигнувъ послѣдняго періода кочевой жизни, должны были сильно разростаться, превращаясь даже въ небольшія племена и народцы. Двѣ семьи, живущія вдали одна отъ другой, не на долго удержатъ одинъ и тотъ-же языкъ, даже если онѣ составляютъ отрасли одной и той-же болѣе древней семьи. Общее сходство между ихъ языками, конечно, сохранится, но прежнее соглашеніе будетъ распространяться лишь на очень немногіе предметы и явленія, такъ какъ языкъ и жизнь древнѣйшаго времени мы должны представлять себѣ очень бѣдными; впрочемъ, и тотъ, и другая постепенно все болѣе и болѣе обогащались. Соотвѣтственно тому, какъ позднѣйшее богатство вытѣсняло прежнюю бѣдность, необходимо должно было возрастать различіе между семейными языками, хотя въ нихъ и сохранились кое-какіе остатки ихъ общаго наслѣдія.

Намъ уже отчасти извѣстно теперь, какимъ путемъ подобныя семьи образуютъ народы и государства. Преимущественно это совершается тѣмъ или другимъ изъ слѣдующихъ путей: или двѣ сосѣднія семьи заключаютъ между собою мирный союзъ, какъ это показываетъ намъ исторія образованія мелкихъ государствъ Готланда и Исландіи, или одна семья подчиняетъ другую отеческой власти своего главы, какъ происходило преимущественно въ древности образованіе азіатскихъ государствъ, а въ средніе вѣка—русскаго.

Возможно, что въ Египтѣ и то, и другое совершилось въ послѣдовательномъ порядкѣ. Древнія семьи, жившія волостями въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, вѣроятно, уже въ самой глубокой древности заключали между собою мирные союзы, между тѣмъ, какъ въ началѣ исторіи мы застаемъ ихъ соединенными подъ общею властью одного главы волости.

Въ первомъ случаѣ между раздѣленными прежде семьями завязывались на общей территоріи мирныя сношенія, заступавшія мѣсто вражды и насилія между не находившимися въ мирномъ союзѣ сосѣдями. Во второмъ случаѣ по странѣ разливался цѣлый потокъ органовъ власти; но въ обоихъ случаяхъ неизбѣжными слѣдствіями являлись взаимный обмѣнъ языковъ и новый выборъ словъ изъ сильно умножившагося матеріала языка.

Всѣ эти отношенія яснѣе всего отражаются въ древнѣйшихъ формахъ египетскаго языка, болѣе древнихъ, чѣмъ какого бы то ни было языка, какіе мы можемъ прослѣдить. До насъ этотъ языкъ дошелъ лишь въ томъ видѣ, какимъ онъ былъ послѣ соединенія семей, и въ этомъ состояніи онъ одновременно является и богатымъ, и бѣднымъ. Разсчетливыхъ, хозяйственныхъ египтянъ можно было бы упрекнуть въ излишней расточительности въ области языка, если не принимать во вниманіе указаннаго способа образованія языка. Языкъ этотъ, съ одной стороны, до того бѣденъ, что почти каждое слово обозначаетъ въ немъ множество самыхъ различныхъ предметовъ, а съ другой стороны, до того богатъ, что почти для каждаго предмета имѣетъ цѣлый рядъ совершенно различныхъ названій. Укажемъ лишь одинъ примѣръ изъ приводимыхъ К. Абелемъ: Слово «áb» обозначаетъ одновременно танцовать, сердце, известь, стѣна, уходить, требовать, лѣвая рука и фигура. Напротивъ, для слова «мазать» можно было бы насчитать десять соотвѣтственныхъ египетскихъ словъ, а для другихъ дѣйствій и предметовъ даже еще больше; въ то же время для каждаго изъ только что перечисленныхъ русскихъ словъ, кромѣ áb, существуетъ еще много другихъ соотвѣтствующихъ словъ, а каждое изъ десяти словъ, соотвѣтствующихъ русскому «мазать», имѣетъ еще множество другихъ значеній.

Дѣло не станетъ для насъ яснѣе, если мы скажемъ, что древне-египетскій языкъ былъ языкомъ богатѣйшихъ «омонимовъ» и «синонимовъ». Нѣсколько ближе приводитъ насъ къ пониманію его слѣдующее ограниченіе: «не всѣ многозначащія слова употреблялись во всѣхъ своихъ значеніяхъ одновременно и въ тѣхъ же мѣстахъ; не вездѣ одинъ и тотъ же предметъ имѣлъ одновременно такую чрезмѣрно богатую номенклатуру». Предъ нами, слѣдовательно, является на исторической почвѣ процессъ образованія народнаго языка изъ древнихъ семейныхъ языковъ.

До того времени ни одна семья при выборѣ звуковыхъ обозначеній понятій не обращалась къ языку другой семьи; каждая совершала при этомъ самостоятельный процессъ, сохраняя съ остальными лишь основное сходство. Но впослѣдствіи сперва небольшія группы, соединившіяся въ волости, въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ стали пускать въ обращеніе добытые ими самостоятельнымъ путемъ запасы словъ и, такъ сказать, обмѣниваться ими. Затѣмъ этотъ обмѣнъ принималъ все бо́льшіе и бо́льшіе размѣры,—и такимъ путемъ образовался столь поразительный для насъ языкъ, на которомъ каждое слово имѣетъ множество значеній; и для каждаго предмета существуетъ множество различныхъ словъ, хотя на практикѣ, вѣроятно, ни одинъ человѣкъ не овладѣвалъ всѣмъ этимъ словеснымъ багажемъ.

Однако, несмотря на эти ограниченія, мы, при нашемъ понятіи о языкѣ, не можемъ не удивляться, какимъ образомъ люди могли при этомъ понимать другъ друга. Попытка уяснить себѣ это явленіе приводитъ насъ къ ознакомленію съ большими несовершенствами, присущими человѣческому языку даже послѣ того, какъ звуки его стали обозначаться письменными знаками. Египетское письмо не даетъ читающему повода къ недоразумѣнію относительно произношенія написаннаго слова; но писавшій вполнѣ понималъ, что одинъ звукъ съ нѣсколькими значеніями не можетъ дать читающему точнаго представленія о предметѣ. Поэтому рядомъ съ письменными обозначеніями звуковъ, составляющихъ слово, помѣщался рисунокъ, который

указывалъ читателю, въ какой группѣ понятій долженъ онъ искать названный предметъ. Если, напр., за написаннымъ словомъ «áb» помѣщено было изображеніе животнаго, то не было никакого сомнѣнія, что это слово въ данномъ случаѣ употреблено въ значеніи «теленокъ». Но если въ письмѣ прибѣгали къ такому средству для облегченія пониманія, то и устная рѣчь нуждалась въ немъ, и, вѣроятно, оно существовало въ дѣйствительности.

Во многихъ случаяхъ внѣшнія обстоятельства, въ которыхъ находились разговаривавшіе, замѣняли упомянутые «объяснительные рисунки». Когда пастухъ приносилъ хозяину какое-нибудь извѣстіе, то хозяинъ зналъ, въ какомъ кругу понятій онъ долженъ искать тѣ предметы, о которыхъ говоритъ пастухъ. Кромѣ того, жесты и тонъ также составляли существенную часть языка. И теперь еще мы опредѣляемъ степень умственнаго развитія человѣка по тому, въ какой мѣрѣ онъ прибѣгаетъ въ разговорѣ къ подражательнымъ и описательнымъ жестамъ. Но и въ самомъ развитомъ человѣкѣ сохраняется еще остатокъ этой унаслѣдованной привычки. Едва ли найдется кто либо, который, описывая испугъ, причиненный ему змѣею длиною въ метръ, воздержался бы отъ нагляднаго представленія этой длины, хотя она и безъ того извѣстна каждому. Языкъ жестовъ, развившійся нынѣ въ сношеніяхъ между глухо-нѣмыми въ цѣлую систему, вѣроятно, еще въ разговорѣ древнихъ египтянъ оказывался существеннымъ вспомогательнымъ средствомъ. Слово и жестъ въ своемъ развитіи, очевидно, шли противоположными путями. Нѣкогда роль произносимаго человѣкомъ слова соотвѣтствовала роли сигнала, который подаетъ телеграфистъ, чтобы предупредить объ отправленіи депеши; самое сообщеніе передавалось жестами. Но мало-по-малу, съ возрастаніемъ запаса словъ, смыслъ сообщенія сталъ излагаться звуками, а жесты сдѣлались объяснительными знаками. Наконецъ, образованный человѣкъ сталъ стремиться къ тому, чтобы объясняться лишь словами, но задачу эту разрѣшаетъ только высоко-развитый языкъ.

Къ этой категоріи объяснительныхъ знаковъ принадлежитъ и тонъ произносимаго слова, хотя первоначально онъ, главнымъ образомъ, служилъ выраженіемъ возбужденія. Его исторія одинакова съ исторіей жестовъ. Дикарь не способенъ произнести оскорбительное слово иначе, какъ соотвѣтствующимъ тономъ; оскорблять вѣжливо произносимыми словами свойственно уже высокому образованію. Въ этихъ вспомогательныхъ средствахъ нуждались въ высшей степени и древнѣйшіе языки восточной Азіи. Подобно древне-египетскому, китайскій и сіамскій языки обладаютъ словами, изъ которыхъ каждое имѣетъ нѣсколько, иногда очень много значеній. Но говорящіе на этихъ языкахъ умѣютъ придавать одному и тому же звуку столько различныхъ интонацій, что значеніе звука различается по тону, какимъ онъ произносится. Едва ли богатство языка омонимами можетъ быть объяснено исключительно односложностью словъ. На тибетскомъ языкѣ имѣются чрезвычайно длинныя слова, и, тѣмъ не менѣе, ихъ письменное начертаніе указываетъ на существованіе подобнаго же отношенія; именно передъ различными словами пишется цѣлый рядъ буквъ, которыхъ вовсе не выговариваютъ, только для того, чтобы различить значеніе словъ.

Итакъ, мы видимъ, что языки сѣверной вѣтви желтой расы, не изыскивая новыхъ путей и обходясь лишь самыми первобытными вспомога-

тельными средствами, развивались въ томъ же направленіи, какъ и языкъ изолированнаго египетскаго народа.

Развивавшійся народный языкъ не могъ оставаться при томъ неограниченномъ разнообразіи, примѣры котораго мы привели. Выборъ словъ для обозначенія предметовъ, упоминаемыхъ въ общественныхъ сношеніяхъ, долженъ былъ быть ограниченнымъ уже въ весьма раннюю эпоху. Когда одно племя подчиняетъ себѣ другія племена, отдѣльныя покоренныя семьи вскорѣ начинаютъ называть общаго царя не каждая по своему, но такъ, какъ называетъ его собственное племя. Подобнымъ же образомъ совершается выборъ между множествомъ другихъ словъ, и тѣ люди, которые больше другихъ вращаются въ сферѣ общественныхъ сношеній, раньше всѣхъ приходятъ къ твердо установленному выбору. Процессъ этотъ уже начался, когда появилось древне-египетское письмо. Нѣкоторыя слова перестали быть омонимами и не всегда имѣютъ даже одинъ синонимъ. Такія слова образуются вначалѣ лишь въ очень небольшой области понятій, общей для всѣхъ семей; затѣмъ общность выбора идетъ все далѣе и далѣе. На основаніи взаимнаго соглашенія, изъ многихъ имѣющихся на лицо словъ одно выбирается сначала предпочтительно передъ другими, а затѣмъ для исключительнаго пользованія. «Но этого соглашенія первоначально не было, какъ мы видѣли; поэтому оно должно было быть результатомъ продолжительнаго подбора».

Процессъ этотъ никогда не прекращался. Письменный языкъ, предназначавшійся и для священныхъ цѣлей, конечно, твердо держался старины, но народный языкъ былъ подвиженъ. Конечный пунктъ этого движенія мы видимъ въ коптскомъ языкѣ, народномъ нарѣчіи египтянъ позднѣйшаго времени. Этотъ языкъ—за періодъ въ три тысячелѣтія—настолько освободился отъ синонимовъ и омонимовъ, что слова въ немъ распредѣляются по предметамъ почти такъ же, какъ и въ нашемъ языкѣ; и если все таки одно и то же слово служитъ для обозначенія нѣсколькихъ, теперь лишь родственныхъ другъ другу понятій, то здѣсь древній стволъ языка пустилъ отростки, по которымъ можно точнѣе опредѣлить значеніе слова въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Подобное же явленіе наблюдается и въ новыхъ языкахъ; такъ, по-нѣмецки: Grab, Grube, Gruft—въ сущности одно и то же слово, но понятія, обозначаемыя каждой изъ этихъ формъ, имѣютъ нѣкоторое различіе. На этой ступени развитія языка ни жесты, ни интонація не обладаютъ уже прежнимъ значеніемъ и мало-по-малу отступаютъ на задній планъ; послѣдняя, впрочемъ, можетъ сохраниться и въ самыхъ звуковыхъ измѣненіяхъ.

Такимъ образомъ, разсматриваемый нами процессъ образованія языка стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ развитіемъ соціальныхъ отношеній и находится въ зависимости отъ него. Языкъ на высшей ступени своего развитія подобенъ густому высокоствольному лѣсу: стройныя, равномѣрно размѣщенныя деревья увѣнчаны великолѣпнымъ зеленымъ куполомъ; каждое даетъ тѣнь своему клочку земли, и вѣтви ихъ сплетаются между собой. Но такое образцовое состояніе есть лишь результатъ постоянной чистки. Сначала почва здѣсь была покрыта частымъ, низкимъ кустарникомъ всевозможныхъ породъ. Каждый, во всякомъ случаѣ, каждая семья выбирала совершенно произвольно выраженія для взаимнаго пониманія. Затѣмъ явился лѣсничій—

необходимость взаимнаго пониманія между болѣе отдаленными группами, сдѣлавшаяся настоятельною вслѣдствіе развитія мирныхъ сношеній. Изъ этого хаоса кустовъ и деревьевъ лѣсничій отмѣчалъ привлекавшія его вниманіе деревца, которыя подавали надежду лучше всѣхъ сохраниться и разростись. Другія онъ вырубалъ. Оставшіяся пользовались, такимъ образомъ, воздухомъ и просторомъ для своего роста и тѣнью своею заглушали вновь выроставшія лѣсныя сорныя растенія. Но эти деревья растутъ не всѣ равномѣрно и все еще слишкомъ густо. Лѣсничій постоянно долженъ слѣдить за лѣсомъ и, удаляя болѣе слабыя деревца, очищать мѣсто для лучшихъ. Такъ мало-по-малу окончательно образовался сводъ этого прекраснаго лѣса; лѣсничій — «общеніе» — очистилъ корни древняго языка отъ зарослей, и немногіе живучіе стволы, какъ бы по строго обдуманному хозяйственному плану, своими вѣтвями заняли всю область языка: такъ образовался языкъ.

Въ подтвержденіе того, что примѣръ египетскаго языка даетъ намъ право вывести такое общее заключеніе, можно привести еще различные факты. Однимъ изъ такихъ краснорѣчивыхъ фактовъ является нынѣшнее распространеніе языковъ. Въ этомъ отношеніи языки дѣлятся на двѣ главныя группы. Среди однихъ народовъ и племенъ одинъ и тотъ же языкъ распространенъ въ весьма обширныхъ областяхъ; такъ, зная одинъ лишь нѣмецкій языкъ, можно въ теченіе добрыхъ 50 дней путешествовать по Европѣ, не встрѣчая, въ отношеніи языка, никакихъ затрудненій; напротивъ, путешествуя по странамъ, обитаемымъ другими народами, хотя бы и принадлежащими къ одной и той же расѣ, чуть-ли не каждый день слышишь другой языкъ. Языки народовъ первой группы сравнительно закончили свое развитіе и установились; а языки второй группы еще и понынѣ подвижны и неустойчивы. Границы этихъ группъ — азіатцевъ и европейцевъ, съ одной стороны, и индѣйцевъ, съ другой—вполнѣ совпадаютъ съ границами распространенія способовъ общественной организаціи человѣчества; этотъ фактъ служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что связь между языкомъ и общественнымъ строемъ, съ которою на одномъ примѣрѣ мы познакомились выше,—явленіе общее, а не единичное. На пространствѣ Европы и Азіи не существуетъ уже ни одной группы людей, вовсе лишенныхъ какой бы то ни было организаціи; поэтому здѣсь не можетъ быть возникающихъ и исчезающихъ семейныхъ языковъ; въ Америкѣ же, пока она находилась во власти индѣйцевъ, замѣчалось и то, и другое, хотя также въ полной зависимости отъ степени развитія общественнаго строя. Говоря словами Пешеля, «необычайное разнообразіе языковъ въ Америкѣ вполнѣ зависитъ отъ непостояннаго образа жизни кочующихъ охотничьихъ племенъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ жили народы съ развитой общественной организаціей, какъ, напримѣръ, въ древнемъ Перу, могло быть такое явленіе, какъ распространеніе языка кечуа на пространствѣ болѣе двадцати градусовъ широты». Между тѣмъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этимъ древне-индѣйскимъ государствомъ—въ Бразиліи и Гвіанѣ—существовало и существуетъ величайшее смѣшеніе языковъ, изъ которыхъ каждый до сихъ поръ понятенъ лишь одному маленькому племени. Тотъ фактъ, что по мѣрѣ приближенія къ океану одинъ языкъ становится мало-по-малу понятенъ нѣсколькимъ мелкимъ племенамъ, отчасти долженъ быть приписанъ вліянію миссіонеровъ.

Но такіе языки все еще необыкновенно подвижны и легко и часто измѣняются. Пешель указываетъ на примѣръ дѣтей, которыя сами, безъ посторонняго вліянія, создаютъ для обозначенія отдѣльныхъ предметовъ удобныя для ихъ голосовыхъ органовъ группы звуковъ, которыя затѣмъ, снисходя къ ребенку, принимаетъ и вся семья. То же самое происходитъ у мелкихъ племенъ. «Дѣтская выдумка становится привычкой у взрослыхъ бразильскихъ охотниковъ, у которыхъ не только отдѣльныя племена перестаютъ понимать другъ друга вслѣдствіе быстраго развитія нѣкогда общихъ нарѣчій, но у которыхъ каждый изъ упрямства твердо держится своего особаго произношенія». Такой измѣнчивости языка не мало способствуетъ религіозное опасеніе произносить вслухъ имя недавно умершаго, чтобы не вызвать появленія его духа. Если звуки имени этого человѣка входятъ въ другія слова языка его семьи, то слова эти надолго должны быть изъяты изъ употребленія, и вмѣсто нихъ должны быть придуманы новыя. Когда область распространенія языка достаточно обширна, слова, изъятыя изъ употребленія въ семьѣ покойнаго, остаются въ языкѣ семей, не имѣвшихъ никакого отношенія къ умершему, и отъ нихъ спустя нѣкоторое время вновь возвращаются въ семью. Но пока языкъ служитъ лишь языкомъ семейнымъ, прежнія слова въ подобныхъ случаяхъ предаются забвенію и окончательно замѣняются новыми. «По» на языкѣ таитянъ означало раньше «ночь»; послѣ смерти короля Помаре слово «по» исчезло изъ языка этихъ островитянъ. Подъ такимъ же вліяніемъ находятся и въ наше время языки папуасовъ на Новой Гвинеѣ, австралійцевъ, тасманійцевъ, масаевъ и зулусовъ въ Восточной Африкѣ, абипоновъ, жителей Огненной земли и мн. др. У абипоновъ изобрѣтеніе новыхъ словъ предоставлено было остроумію женщинъ.

Итакъ, чѣмъ легче весь кругъ пользующихся однимъ языкомъ лицъ усваиваетъ извѣстную связь между словомъ и предметомъ, тѣмъ болѣе подвижнымъ и измѣнчивымъ является матеріалъ языка. Этотъ фактъ почти вовсе исключаетъ возможность существованія первичнаго языка человѣчества, откуда послѣдующія поколѣнія могли бы заимствовать матеріалъ для дальнѣйшаго развитія своего языка; если даже онъ и существовалъ, то онъ могъ оставить потомству лишь такое незначительное и непрочное наслѣдіе, что нѣтъ ничего удивительнаго, когда наши филологи нигдѣ не могутъ открыть слѣдовъ его. Едва-ли можетъ быть оспариваемо и слѣдующее заключеніе: образованіе языка не зависитъ отъ образованія и разграниченія расъ. Изъ всѣхъ расъ американская менѣе всего возбуждаетъ сомнѣнія въ своей однородности, и заселеніе ею материка Америки должно было, судя по всему, совершиться уже послѣ того, какъ ея расовые признаки ясно опредѣлились. Несмотря на это, ея нарѣчія и въ наше время не имѣютъ еще ни одного признака единства, и многія изъ нихъ находятся какъ бы въ зачаточномъ состояніи. Этимъ объясняется и то, что темная и свѣтлая отрасли бѣлой расы, несмотря на несомнѣнную родственность своего происхожденія, могли по языку раздѣлиться на двѣ совершенно различныя группы: семитическую и индійскую; при этомъ разграниченіе областей этихъ языковъ обыкновенно вовсе не совпадаетъ съ расовыми подраздѣленіями. Греки, вѣроятно, ближе стоятъ къ семитамъ, чѣмъ къ бѣлокурымъ германцамъ, но по языку они принадлежатъ скорѣе къ семьѣ

послѣднихъ, чѣмъ первыхъ. Языкъ опредѣляется вовсе не расовыми признаками, а въ большинствѣ случаевъ неизвѣстной намъ первобытной исторіей народа. Предки тѣхъ, которые съ незапамятныхъ временъ были связаны родствомъ языка, во всякомъ случаѣ, и тогда, вѣроятно, находились въ извѣстныхъ общественныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. При этомъ нѣтъ никакой необходимости предполагать, что у нихъ было общее правительство; скорѣе это былъ миръ, заключенный по договору, и общеніе на мирной почвѣ. Если-бы коренное населеніе внутренней Азіи было только еще охотничьимъ народомъ въ то время, когда отъ него отдѣлялись племена арійцевъ, иранцевъ, кельтовъ и т. д., то языки названныхъ племенъ не могли бы сохранить столько остатковъ общаго первичнаго языка, какъ мы видимъ это въ дѣйствительности. Наоборотъ, родственные между собою семиты не могли уже находиться къ тому времени въ столь близкомъ общеніи со своими соплеменниками; они раздѣлились, вѣроятно, еще тогда, когда люди бѣлой расы жили отдѣльными семьями, т. е., когда они находились въ такомъ же состояніи, какое нынѣ наблюдается у нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ.

Сдѣланное нами выше сравненіе, заимствованное изъ области лѣсного хозяйства, можетъ быть проведено нѣсколько далѣе, потому что въ дѣйствительности оно, пожалуй, нѣчто большее, чѣмъ простое сравненіе. Каждому извѣстно, какая роскошная флора развивается въ лѣсу въ первые годы его культуры. Но чѣмъ выше растутъ деревья, избранныя для насажденія, тѣмъ больше исчезаетъ это обиліе растительныхъ видовъ, пока, наконецъ, сплошной лѣсъ не сдѣлаетъ окончательно невозможными произрастаніе какого бы то ни было подлѣска и растительнаго покрова. Дальнѣйшій ростъ лѣса можетъ состоять теперь лишь въ образованіи новыхъ вѣтвей на оставленныхъ стволахъ. Точно такъ же и на первобытной ступени развитія языка для каждаго новаго явленія составлялось новое названіе, хотя бы оно состояло въ примѣненіи омонима съ измѣненной интонаціей и иной жестикуляціей. Но по мѣрѣ того, какъ языкъ становится болѣе устойчивымъ, прекращается мало-по-малу и созиданіе новыхъ словъ. Теперь является необходимость каждому названію новаго предмета дать, если можно такъ выразиться, метрическое свидѣтельство, которое даже отдаленнѣйшимъ членамъ племени указало бы путь къ его пониманію,—и такимъ свидѣтельствомъ явилось сближеніе новаго названія съ существующими словами; подобнымъ языкомъ пользуется уже не такъ, какъ прежде, небольшая группа людей, которые при ежедневныхъ встрѣчахъ обмѣнивались почти всѣмъ запасомъ своихъ словъ, а весьма обширный кругъ лицъ. Поэтому на разсматриваемой ступени развитія языка выступаетъ на сцену словообразованіе, и начинается этимологическій процессъ. Языкъ широкаго круга лицъ облегчаетъ для себя введеніе новаго понятія и новаго слова тѣмъ, что приводитъ послѣднее въ связь со словомъ, уже существующимъ для обозначенія понятія, близкаго къ новому; связь эта можетъ состоять, во первыхъ, въ томъ, что измѣняется нѣсколько лишь произношеніе слова, при чемъ самый остовъ слова остается неизмѣннымъ, или же для образованія новаго названія соединяются два или больше прежнихъ слова. Примѣромъ послѣдняго способа можетъ служить упомянутое слово «herrlich» изъ «Herrn gleich» и тому подобныя производныя или,

вѣрнѣе, составныя слова, а примѣрами перваго, кромѣ упомянутыхъ уже нами словъ «Grab» и «Grube», могутъ служить также слова «Berg» и «Burg», «Hecke« и Hag» и т. п.

Однако, для подобнаго словообразованія не существуетъ опредѣленнаго и неизмѣннаго закона даже и въ одномъ и томъ же языкѣ. Мы встрѣчаемся въ области развитія языка съ тѣмъ же явленіемъ, какое мы наблюдали при возникновеніи позднѣйшихъ видовъ украшенія и оружія: новый матеріалъ вытѣсняетъ прежній, перенимая его форму. Нѣмецкое слово Klinge и теперь еще имѣетъ два значенія: утесъ и клинокъ. Можно предположить, что совпаденіе этихъ двухъ понятій въ одно слово произошло въ эпоху каменныхъ орудій. Тэйлоръ приводитъ изъ недавняго времени нѣсколько примѣровъ того, какъ проявляется жизнь языка, когда опытъ говорящаго на немъ народа обогащается новыми понятіями. Гидатсы (на Миссури) вплоть до нашихъ дней знали только камень, какъ матеріалъ для оружія; когда они познакомились съ желѣзомъ и мѣдью, какъ первое, такъ и вторая, естественно, было для нихъ «камнемъ», но желѣзо они стали называть «чернымъ камнемъ», а мѣдь «краснымъ камнемъ». На бѣдномъ фауной островѣ Таити главнымъ животнымъ была свинья: сіусы, какъ и другіе индѣйцы, знали лишь одно домашнее животное—собаку; когда, благодаря европейцамъ, въ названныхъ странахъ появилась лошадь, таитяне называли ее свиньей, а сіусы—собакой, съ прибавленіемъ отличительныхъ признаковъ.

Одновременно съ этимъ, мы наблюдаемъ въ языкѣ процессъ образованія названій для абстрактныхъ понятій, напр., для понятія рода. Въ первичномъ языкѣ совершенно отсутствуютъ какія бы то ни было обозначенія абстрактныхъ понятій, и только уже достаточно развитый языкъ даетъ человѣку средства къ образованію подобныхъ словъ. Австралійцы имѣютъ названія для каждаго извѣстнаго или отдѣльнаго вида деревьевъ, рыбъ и птицъ, но словъ для обозначенія понятій «дерево», «рыба» и «птица», на ихъ языкѣ еще не существуетъ. Любое племя краснокожихъ вполнѣ точно различаетъ бѣлый, красный и черный дубъ, но слова для понятія «дубъ» оно не знаетъ.

Если-бы, напр., познанія таитянина о четвероногихъ продолжали расширяться, причемъ названія для нихъ по прежнему составлялись-бы упомянутымъ способомъ, и онъ путемъ абстракціи пришелъ-бы, наконецъ, къ понятію «четвероногаго домашняго животнаго», то насъ не должно было-бы удивить, если-бы онъ для обозначенія послѣдняго выбралъ слово «свинья». И дѣйствительно, подобныя соотношенія между словомъ и понятіемъ часто устанавливаются въ языкѣ какъ-бы скачками.

Совершенно такіе же скачки совершаетъ языкъ, идя отъ конкретнаго къ абстрактному въ области обозначенія дѣйствій. Гуроны никогда не имѣли выраженія для понятія «ѣсть», но обозначали это дѣйствіе каждый разъ иначе, въ зависимости отъ предмета ѣды. Мы уже вовсе не замѣчаемъ, что такія понятія, какъ «дѣлать» и «творить», совершенно отвлеченны; мы не знаемъ также—откуда нашъ языкъ заимствовалъ слова для нихъ, но, по всей вѣроятности, и они первоначально обозначали вполнѣ конкретное дѣйствіе. Такъ, на языкахъ Банту (въ Ю. Африкѣ) названіе дѣйствія «ткать» послужило для обозначенія понятія «дѣлать»; точно также слово

«bârâ», которое употребляетъ Библія, говоря о «сотвореніи» неба и земли, означаетъ собственно «рѣзать» или «рубить».

Итакъ, убѣдившись въ томъ, что объемъ «первобытнаго языка», по самой природѣ послѣдняго, не поддается никакому опредѣленію, мы должны признать также, что и наше довѣріе къ искусству этимологическаго словообразованія должно имѣть свои границы. На извѣстной глубинѣ общія положенія, которыми руководствуется этимологія, могутъ оказаться обманчивыми; дальше области простыхъ корней языка этимологическое изслѣдованіе звуковъ уже непримѣнимо. Для выбора 37 установленныхъ іероглифически различныхъ словъ для понятія «рѣзать», египетскій языкъ не могъ привести никакого другого основанія, кромѣ того, что каждый звукъ годится для обозначенія всякаго понятія. Если коптскій языкъ изъ этихъ 37 словъ удержалъ всего десять и каждому изъ этихъ словъ, въ свою очередь, придалъ различные оттѣнки смысла, то въ основаніи этого лежитъ тотъ процессъ подбора, частности котораго не поддаются никакому изслѣдованію.

Языки и племена.

Въ настоящей главѣ мы займемся изученіемъ отличительныхъ признаковъ наиболѣе важныхъ изъ тѣхъ семействъ языковъ, отрасли которыхъ достигли внутренней устойчивости и внѣшняго распространенія.

Мы видѣли, что, по мѣрѣ распространенія какого-либо языка, необходимо изучать все, что первоначально было въ немъ непостояннаго и измѣнчиваго. Языкъ не могъ-бы служить для сношеній между большимъ числомъ живущихъ вдали другъ отъ друга людей, если-бы онъ, какъ это бываетъ у лишенныхъ всякой организаціи охотничьихъ племенъ, каждый день измѣнялся въ своемъ составѣ, и если-бы каждая семья при введеніи новыхъ словъ слѣдовала лишь собственному выбору. Прекращеніе такого неустойчиваго состоянія языка мы назовемъ фиксаціей (упроченіемъ) его. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ, что фиксація языка не могла наступить до тѣхъ поръ, пока не произошло нѣкоторымъ образомъ какъ-бы смѣшеніе многихъ семейныхъ языковъ: для отдѣльныхъ семей не было повода къ фиксаціи своего языка.

Имѣя въ виду и то, и другое, мы легко поймемъ то важное значеніе, которое имѣетъ для всей будущности языка періодъ его фиксаціи. Если этотъ послѣдній наступалъ рано, то такъ же рано долженъ былъ прекращаться для него и періодъ свободнаго развитія; если же, напротивъ, семейные языки сохраняли за собой возможность самостоятельнаго развитія въ продолженіе долгаго времени, то разнообразіе словъ, которыми начинали обмѣниваться и сообща пользоваться сближавшіяся, наконецъ, между собою семьи, должно было быть значительно больше.

Новыя формы выраженія, какъ, напр., различеніе предмета отъ дѣйствія или качества, различеніе дѣйствія настоящаго отъ прошедшаго прибавленіемъ новаго звука къ соотвѣтствующему корню или измѣненіемъ какого-либо звука въ послѣднемъ,—могутъ быть разсматриваемы лишь какъ изобрѣтенія отдѣльныхъ семей: среди многочисленнаго народа всѣмъ или многимъ не могло одновременно придти на умъ, напр., для дѣйствія, обозна-

чаемаго словомъ «graben» (копать), выражать прошедшее время болѣе глухимъ звукомъ «и», а настоящее время или приказаніе болѣе звучнымъ—«а»; гораздо правдоподобнѣе, что этотъ способъ выраженія вошелъ въ употребленіе въ какой-нибудь одной семьѣ и затѣмъ, при дальнѣйшей «расчисткѣ» языка, былъ сохраненъ ради своего видимаго преимущества. Но подобныя изобрѣтенія могли быть тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ позже наступала упомянутая фиксація языка. Такъ, молодая зелень на лужайкѣ кажется состоящей изъ одинаковыхъ стебельковъ; для полученія такого ровнаго зеленаго ковра дернъ нужно подрѣзывать рано. Если дать ему свободно разрости́сь, лужайка покрывается пестрой смѣсью цвѣтовъ и травъ.

Изъ всѣхъ сохранившихся до нашего времени языковъ, для китайскаго языка, повидимому, всего раньше наступила фиксація въ широкихъ размѣрахъ; это не противорѣчитъ и исторической правдоподобности. При своей фиксаціи, онъ не могъ получить въ наслѣдіе отъ тогдашняго состава своихъ семейныхъ языковъ ничего, кромѣ самыхъ простыхъ, сплошь и рядомъ односложныхъ, коренныхъ словъ для обозначенія предметовъ и дѣйствій: онъ, не могъ позаимствовать отъ нихъ никакого внѣшняго средства для различенія обѣихъ группъ, ни для выраженія отношеній частей рѣчи, ни для ограниченія или измѣненія смысла слова путемъ измѣненія звуковъ, даже словъ для абстрактныхъ родовыхъ понятій и т. п. Кромѣ однихъ несложныхъ словъ съ нѣсколькими значеніями, онъ не пріобрѣлъ иныхъ средствъ, помимо измѣненія тона и порядка словъ; несмотря на то, китайская нація съ этими болѣе, чѣмъ скудными средствами достигла поразительныхъ результатовъ.

Впрочемъ, изолированность китайскаго языка отъ прочихъ группъ языковъ вовсе не такъ велика, какъ это кажется на первый взглядъ. То, что корни языка не совпадаютъ съ корнями другихъ языковъ, не должно удивлять насъ, если только мы вообще правильно представляемъ себѣ образованіе установившагося (фиксированнаго) языка. Первобытное китайское населеніе во многомъ похоже на египетское. Есть три большія рѣчныя области, въ которыхъ люди вынуждены были для перехода къ осѣдлому образу жизни, и для борьбы съ рѣкой, и для пользованія ея силою, прибѣгнуть къ общей планомѣрной работѣ, и образовали древнѣйшія общественныя организаціи: это—область обѣихъ большихъ китайскихъ рѣкъ, междурѣчье Евфрата и Тигра и долина Нила. Область Евфрата была открыта для вторженія сосѣднихъ варваровъ; ея исторія это—наслоеніе другъ на друга различныхъ народностей: за черными кушитами послѣдовали желтые туранцы, за ними семиты и, наконецъ, бѣлые арійцы, приручившіе лошадь. И населеніе Китая не оставалось неподвижнымъ; но здѣсь движеніе совершалось исключительно въ предѣлахъ желтой расы, и, кромѣ того, страна, подобну Египту, изолирована горами и пустынями. Поэтому, при переходѣ корней китайскаго языка къ устойчивому состоянію не могъ имѣть вліянія ни одинъ чужеземный народъ.

И тѣмъ не менѣе, относительно принциповъ болѣе тѣснаго ограниченія смысла какого-нибудь слова или выраженія отношеній между словами китайскій языкъ шелъ по тому же пути, по которому пошли и другіе языки съ болѣе высоко развитыми формами; его особенностью является лишь заботливость, съ какою онъ охраняетъ древній запасъ словъ отъ всякихъ

искаженій, въ то время, какъ для другихъ языковъ именно подобное искаженіе и составляетъ новую категорію вспомогательныхъ средствъ.

Китайское слово «sin» имѣетъ слѣдующія значенія: «честный, быть честнымъ, честно поступать, честность». Интонаціей, а также тѣмъ или инымъ мѣстомъ слова въ предложеніи, китаецъ показываетъ—въ какомъ изъ указанныхъ значеній нужно понимать это слово. И онъ, повидимому, умѣетъ такъ повышать и понижать тонъ, что звукъ «i» при этомъ неизмѣнно сохраняется. На самомъ дѣлѣ, низкое i мало отличается отъ e, а это послѣднее, въ свою очередь, отъ другого звука! Всѣ гласныя составляютъ до извѣстной степени скàлу тоновъ. Итакъ, дѣйствительно ли между вспомогательными средствами китайскаго языка и, напр., нѣмецкаго, существуетъ такое коренное различіе, когда нѣмецъ отмѣчаетъ разнообразныя значенія одного и того же корня тѣмъ, что говоритъ: «trink, Trank, Tränke, Trunk»?

Чтобы отличить предметъ отъ дѣйствія, обозначаемаго тѣмъ же корнемъ, или, что̀ тоже самое, чтобы отмѣтить его въ своей рѣчи, какъ «имя существительное» (Hauptwort), нѣкогда, быть-можетъ, говорящій указывалъ жестомъ на свою голову, такъ какъ видимымъ отличительнымъ признакомъ предмета (по крайней мѣрѣ, одушевленнаго) отъ дѣйствія служитъ то обстоятельство, что первый имѣетъ голову. Впослѣдствіи такой способъ обозначенія перешелъ въ самый языкъ, и въ сомнительныхъ случаяхъ къ слову, которое должно было обозначать предметъ, стали прибавлять слово «thau» (голова). Такъ, слово «tschi» можетъ обозначать или дѣйствіе «указывать», или также «указательный палецъ»; но «tschi-thau» всегда имѣетъ только послѣднее значеніе. Читатель легко можетъ видѣть, что и новымъ языкамъ вовсе не такъ чужда эта китайская особенность. Нѣмцы изъ корня «Zeig» образуютъ имя существительное, прибавляя къ нему окончаніе «er» (Zeiger—указательный палецъ); но, между тѣмъ, какъ китаецъ знаетъ, что̀ онъ прибавляетъ, и произноситъ этотъ неупотребляющійся болѣе самостоятельно звукъ такъ, какъ его, вѣроятно, произносили и отдаленнѣйшіе предки его,—для нѣмцевъ окончаніе «er» является лишь искаженнымъ стариннымъ словомъ, о которомъ никто уже не знаетъ, какъ̀ оно нѣкогда звучало и что́ оно значило. Римлянинъ поступалъ совершенно такъ же; къ корню «cant» (пѣніе) онъ прибавлялъ окончаніе «or», и выходило существительное «cantor» (пѣвецъ). Но для подобнаго обозначенія онъ имѣлъ различныя формы: такъ, «cantus» значитъ спѣтое или пѣсня. Здѣсь снова наблюдается различіе между родственными языками. Тогда какъ нѣмецъ въ послѣднемъ случаѣ прибѣгаетъ къ измѣненію звука въ самомъ корнѣ, римлянинъ въ обоихъ случаяхъ предпочитаетъ прибавленіе особаго окончанія. Въ латинскомъ языкѣ, какъ извѣстно, почти каждое существительное, за весьма немногими исключеніями, имѣетъ такой признакъ въ видѣ окончанія, которое мѣняется сообразно отношеніямъ между понятіями, какъ если-бы по-нѣмецки мы говорили: gut — er, gut — ihm, gut — ihr (или по-русски: добр—онъ, добр—ему, добр—ей). И въ нѣмецкомъ языкѣ каждое существительное имѣло прежде свое особое окончаніе, какъ это показываютъ готскій и скандинавскій языки; теперь эти окончанія во многихъ случаяхъ снова отпали.

Итакъ, развитіе китайскаго языка шло вообще тѣмъ же путемъ, какъ и развитіе болѣе близкихъ къ намъ языковъ, только не заходило такъ

далеко; оно остановилось на первыхъ же шагахъ. Новые языки пошли дальше и по другому направленію. Китаецъ довольствовался тѣмъ, что прибавлялъ отличительные знаки въ видѣ окончаній лишь къ именамъ существительнымъ; глаголъ того же корня онъ узнавалъ лишь по отсутствію окончанія. Но языки европейскаго семейства прибавляютъ особое окончаніе и къ глаголу, говоря zeig-*en* и Zeig-*er*, cant-*are* и cant-*or*, ход-*ить* и ход-*окъ*,— чѣмъ было нѣкогда нѣмецкое глагольное окончаніе «en», латинскія «are» и «ire», и русское «ить» или «ать», и что они обозначали, мы уже не знаемъ; вѣроятно, значеніе ихъ соотвѣтствовало одному изъ видовъ понятія «дѣлать». Но какое именно изъ названій конкретныхъ дѣйствій избралъ народъ для обозначенія абстрактнаго понятія о дѣятельности вообще, это опять-таки могло зависѣть отъ самыхъ различныхъ причинъ.

Звукъ «tsz» по-китайски значитъ «сынъ»; подобно тому, какъ по-нѣмецки слово «der Kleine» (малый) употребляется въ значеніи «сынъ», такъ, наоборотъ, китаецъ, прибавляя звукъ «tsz» къ названію какого-нибудь предмета, обозначаетъ предметъ, меньшій по сравненію съ первымъ; такъ, для него «мечъ-сынъ» значитъ «ножъ». Такъ же образовались и наши «уменьшительныя слова». Чтобы указать полъ животнаго, китаецъ прибавляетъ къ его названію слово, обозначающее мужчину или женщину. Если онъ произноситъ названіе предмета безъ всякихъ приставокъ, значитъ, онъ мыслитъ о немъ въ единственномъ числѣ; когда же онъ хочетъ выразить множественное число, онъ прибавляетъ слово, выражающее понятіе «много» или «всѣ».

Для обозначенія родового понятія, китаецъ избираетъ обходный, но совершенно правильный путь, называя по порядку тѣхъ недѣлимыхъ, совокупность которыхъ, согласно его опыту, образуетъ родъ. Такъ, «добродѣтель» онъ обозначаетъ, какъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ видовъ добродѣтели, tschun hyau tsye i, т. е. «вѣрноподданность, почитаніе родителей, умѣренность, справедливость». Точно такъ же нѣкоторыя понятія онъ выражаетъ изображеніемъ самого процесса. Ni wen wo ta значитъ: «Ты спрашивать, я отвѣчать», т. е. разговаривать. Ни одинъ изъ этихъ методовъ словообразованія не чуждъ и новѣйшимъ языкамъ. Даже такой, повидимому, чуждый для нихъ способъ словообразованія, какъ послѣдній, не только замѣтенъ въ нѣмецкомъ языкѣ въ такихъ, напр., словахъ, какъ «Springinsfeld» (веселая, удалая голова, вѣтренникъ; буквально: прыгай-въ-поле), «Störenfried» (задорный человѣкъ, мѣшающій веселиться, буквально: нарушать-миръ), но и понынѣ еще въ народѣ живетъ способность къ образованію подобныхъ словъ, примѣромъ чего можетъ служить провинціализмъ «Rot-mach-gelb» (красный-дѣлай-желтый), появившійся для обозначенія шафрана, когда тотъ только что началъ входить въ употребленіе. Указаннымъ выше способомъ и мы, путемъ прибавленія группы звуковъ, образуемъ множественное число и обозначаемъ полъ.

Характеристическая особенность китайскаго языка заключается лишь въ томъ, что онъ сумѣлъ сохранить чистыми, неискаженными, самостоятельными и равноцѣнными всѣ корни, чему, быть-можетъ, не мало способствовало раннее примѣненіе письма. Мы, напротивъ, нанесли большой ущербъ первоначальному матеріалу нашего языка тѣмъ, что раздѣлили его на различныя, самостоятельно развивавшіяся слова; но, съ другой сто-

роны, такой путь развитія языка имѣетъ и свои преимущества: благодаря ему, наша рѣчь пріобрѣла богатство оттѣнковъ и, такъ сказать, ясную перспективу. Китайскую фразу можно сравнить съ картиной, многочисленныя фигуры которой одинаково тщательно вырисованы, одинаково освѣщены и изображены такъ, что всѣ кажутся находящимся въ одной плоскости. Зрителю ничто не облегчаетъ пониманія этой картины; онъ долженъ разсматривать одну фигуру за другой, чтобы мало-по-малу понять, какое дѣйствіе здѣсь изображено. Подобныя картины на самомъ дѣлѣ изображали и египтяне, и, вѣроятно, они сознавали указанный ихъ недостатокъ, такъ какъ, для устраненія его, они примѣняли нѣсколько насильственныя мѣры. Желая, напр., нарисовать богатую фигурами картину такъ, чтобы зрителю сразу бросалось въ глаза, что центральной фигурой ея является царь, они изображали послѣдняго въ удвоенномъ и даже въ утроенномъ масштабѣ; рядомъ съ колоссальными фигурами царя и его семьи, толпа подданныхъ кажется муравейникомъ.

Наши языки, противоположно китайскому, различаютъ главныя и подчиненныя части рѣчи и умѣютъ выдвигать первыя передъ вторыми менѣе насильственно, чѣмъ дѣлали это египетскіе художники. Для этого они ставятъ ихъ на первый планъ, ближе къ зрителю, въ полномъ освѣщеніи, а все второстепенное оставляется въ тѣни. Сначала опредѣляющія другъ друга слова не отдѣлялись и стояли рядомъ совершенно самостоятельно, или даже соединялись между собою, но затѣмъ одинъ членъ этого союза становится главой и господиномъ, а другой — слугою. Господствующіе классы крѣпко хранятъ память о прошедшемъ, но кто интересуется происхожденіемъ раба? Наши суффиксы и флексіи — именно такіе рабы, уже рожденные въ рабствѣ, которые не могутъ указать никакихъ предковъ.

Въ другой области языковъ желтая раса также сдѣлала нѣкоторые шаги въ только что отмѣченномъ направленіи. Эта область языковъ лежитъ на сѣверъ и западъ отъ Китая, простираясь до Скандинавіи въ Европѣ. Смотря по тому, принимаютъ ли за исходный пунктъ этихъ языковъ пространство отъ Урала до Алтая или болѣе южный Туранъ, они называются урало-алтайскими или туранскими. Къ нимъ относятся группы: тунгусская, собственно монгольская, самоѣдско-финская и тюркская. Къ предпослѣдней группѣ принадлежитъ и венгерскій языкъ. Какъ нынѣ установлено, этой же области языковъ принадлежалъ вообще и народъ аккадійцевъ, покорившій въ доисторическія времена черную расу у устья Евфрата; затѣмъ онъ самъ былъ покоренъ и передалъ побѣдителямъ свой языкъ подъ именемъ «древне-вавилонскаго». Въ предѣлахъ этихъ племенъ совершается вмѣстѣ съ тѣмъ переходъ отъ желтой къ смуглой вѣтви бѣлой расы; лапландецъ и финнъ по цвѣту кожи и физическимъ признакамъ такъ же близко стоятъ къ славянину, какъ венгерецъ и турокъ къ жителю европейскаго юга. Только языкъ соединяетъ эти племена, представляющія пѣлую лѣстницу ступеней развитія человѣчества, и выдѣляетъ ихъ среди другихъ племенъ съ такимъ же цвѣтомъ кожи.

Прогрессъ и характерная особенность этихъ языковъ, не принимая во вниманіе иначе подобраннаго основного состава корней, состоитъ въ томъ, что въ нихъ слова, употребляемыя для ограниченія смысла коренного слова,

уже примыкаютъ къ этому послѣднему, хотя они, подчиняя себѣ эти слова, еще не подвергли ихъ искаженію. Поэтому эти языки называются связывающими, сливающими, аглютинирующими. Ихъ составныя слова относятся къ нашимъ производнымъ словамъ или къ образованнымъ посредствомъ флексій приблизительно такъ же, какъ слова «gast-frei» и «gastlich» [1]). Въ этихъ языкахъ не наблюдается такого полнаго отсутствія связи между словами, какъ въ китайскомъ, но всѣ слова еще сохраняютъ свою самостоятельность. Такъ, по-турецки изъ корня «dog» прибавкой слова «mak» образуется глаголъ «dog-mak» (бить), а прибавкой слова «ur»—существительное «dog-ur», соотвѣтствующее нѣмецкому слову «Schläger» (боецъ). Турецкій языкъ въ своемъ развитіи еще не дошелъ до настоящихъ глагольныхъ флексій, но умѣетъ обходиться имѣющимися у него средствами. Присоединяя къ слову dog-ur слова «-um» (я) или «-lar» (они), онъ говоритъ «Schäg-er-ich» (бьющій-я) вмѣсто «ich schlage» (бью) и «Schläg-er-sie» (бьющій-они) вмѣсто « sie schlagen» (они бьютъ).

Вышеупомянутымъ языкамъ не чуждо и измѣненіе коренныхъ гласныхъ; но они не пользуются имъ для ограниченія смысла словъ или выраженія отношеній, что̀ могло бы случиться при взаимномъ соглашеніи. Въ этихъ языкахъ измѣненіе коренныхъ гласныхъ является лишь естественной уступкой голосовымъ органамъ, такъ какъ удобнѣе произносить такіе два слога одного и того же слова, заключающіе звуки одинаковой высоты. Поэтому гласная приставного слова всегда измѣняется, сообразно съ гласной перваго слова. Наши языки также представляютъ примѣры подобнаго процесса, какъ, напр., нѣмецкій языкъ, но здѣсь, наоборотъ, измѣняется коренная гласная, приближаясь къ гласной окончанія. Такъ, на древневерхне-нѣмецкомъ нарѣчіи къ корню глагола во второмъ и третьемъ лицѣ единственнаго числа прибавлялись окончанія «is» и «it», а во множественномъ числѣ — «ames», «at» и «ant». Тамъ, гдѣ въ этихъ слогахъ гласныя «a» или «u» слѣдовали за коренными «a», послѣднее не подвергалось измѣненіямъ, и такъ осталось до сихъ поръ, когда всѣ гласныя окончаній перешли въ неопредѣленное «e». Говорятъ «ich fahre (var-u), wir fahren, ihr fahret, sie fahren». То же самое происходитъ въ томъ случаѣ, когда «i» въ окончаніи слѣдуетъ за кореннымъ «i». Отъ корня «gib» образуются слова «du gibst, er gibt». Напротивъ, если за «a» въ корнѣ слова «fahren» слѣдуетъ «i» въ окончаніи, или наоборотъ, то, для удобства произношенія, коренная гласная по возможности приближается къ гласной окончанія, и потому говорится: «du fährst, er fährt—wir geben, ihr gebet, sie geben». Такимъ естественнымъ путемъ, общимъ для нѣмцевъ, туранцевъ и черныхъ народовъ Индіи, создались въ нѣмецкомъ языкѣ измѣненія коренныхъ гласныхъ, извѣстныя подъ названіемъ «Umlaut» (смягченіе) и «Brechung» (переходъ одной гласной въ другую).

Въ чемъ же въ данномъ случаѣ заключается различіе между туранцами и нѣмцами? Въ томъ лишь, что послѣдніе изъ этого измѣненія гласныхъ, къ которому они пришли тѣмъ же путемъ, что̀ и первые, извлекли нѣкоторую пользу для своего языка, а туранцы—никакой. Нѣмцамъ казалось удобнымъ все болѣе и болѣе сокращать окончанія, служащія для выраженія отношеній,

[1]) Оба слова означаютъ „гостепріимство“.

и потому отъ «it» въ третьемъ лицѣ единственнаго числа, какъ и отъ «at» во второмъ лицѣ множественнаго числа, осталось лишь безразличное «t», при чемъ оказалось полезнымъ для различенія ихъ измѣнять гласныя въ самомъ корнѣ слова: «er fährt—ihr fahrt».

Сходство этимологіи и словъ туранскихъ языковъ наводитъ на мысль, что предки живущихъ нынѣ вдали другъ отъ друга туранскихъ народовъ нѣкогда—на Алтаѣ-ли или въ Туранѣ, находились въ дружественныхъ отношеніяхъ и составляли извѣстнаго рода организацію, основанную на мирномъ соглашеніи. Въ подобной организаціи рядомъ съ людьми желтой расы могли находиться и представители смѣшанной или чисто бѣлой расы; возможно, впрочемъ, и другое предположеніе, а именно, что нѣкогда на этой древней родинѣ одно изъ племенъ подчинило своему господству другія племена, и обстоятельство это, подобно тому, что произошло въ Египтѣ и въ Вавилонѣ, повліяло на объединеніе языковъ. Но и при такомъ предположеніи возможенъ еще вопросъ—не являются ли всѣ многочисленныя видоизмѣненія расоваго типа въ предѣлахъ этой группы языковъ результатомъ дифференцированія расъ, медленно совершавшагося на упомянутыхъ азіатскихъ плоскогорьяхъ.

Запасъ словъ древне-египетскаго языка заставляетъ ученыхъ считать его вполнѣ изолированнымъ; фиксація его несомнѣнно могла произойти лишь на египетской почвѣ. По своему строенію, онъ стоитъ выше всѣхъ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ нами языковъ. И въ немъ, правда, преобладаютъ еще односложные корни словъ, и у него нѣтъ настоящихъ флексій, и здѣсь, какъ въ китайскомъ языкѣ, многіе корни въ одно и тоже время могутъ выражать и существительное, и глаголъ, и прилагательное. Но языкъ этотъ обладаетъ уже множествомъ корней, предназначенныхъ для служебныхъ цѣлей и потому настолько искаженныхъ, что они не могутъ служить ни для чего другого. Такъ, на египетскомъ языкѣ существуетъ особый классъ словъ—предлоги. Первоначально, вѣроятно, произнося эти слова, желали указать вообще на отношеніе между двумя предметами, причемъ болѣе точное обозначеніе этихъ отношеній производилось жестами. Поэтому-то, какъ доказалъ К. Абель, эти слова соединяютъ въ себѣ иногда прямо противоположныя значенія. Предлогъ «m» имѣлъ не менѣе, чѣмъ три слѣдующихъ значенія: «въ чемъ-нибудь», «по направленію къ чему нибудь» и «отъ чего нибудь». Говорящій желалъ, вѣроятно, этимъ звукомъ только указать слушателю, что онъ хочетъ выразить пространственное отношеніе между двумя предметами, а болѣе точно обозначить видъ этого отношенія ему уже легко было помощью опредѣленнаго жеста рукою. Въ писанномъ предложеніи значенія этого предлога различались по смыслу. Какъ ни несовершенны были отдѣльные предлоги, но подобная категорія словъ приносила языку большую пользу.

И египтянинъ обыкновенно, обозначая особымъ способомъ корень слова, употреблялъ его въ значеніи имени существительнаго; но опредѣлительный слогъ ставилъ не послѣ слова, а передъ нимъ, и выбиралъ для этого звукъ, который, подобно члену въ нѣкоторыхъ новыхъ языкахъ, употреблялся только передъ существительными, утративъ всякое самостоятельное значеніе. Дальнѣйшія отношенія выражались не «окончаніями», а предлогами. Склоненіе, слѣдовательно, было еще незнакомо египтянамъ. Одни и

тѣ же предлоги въ соединеніи съ глаголомъ обозначали лицо, а въ соединеніи съ существительными—принадлежность. Оставалось поэтому неизвѣстнымъ—говорилъ ли египтянинъ, напр., «я хвалю» или «моя похвала». Времена обозначались вспомогательными словами. И этотъ языкъ, слѣдовательно, не обладалъ еще настоящими флексіями, хотя въ немъ уже имѣлись исключительно «грамматическія» части рѣчи.

Всѣ эти далекіе отъ насъ языки представляютъ различныя стадіи на пути развитія, которое вполнѣ закончилось въ двухъ другихъ группахъ языковъ. Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ то обстоятельство, что народы, говорящіе на этихъ языкахъ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ носителями болѣе молодой культуры, чѣмъ китайская, древне-вавилонская (аккадійско-туранская) и древне-египетская. Предѣлы распространенія этихъ языковъ не совпадаютъ съ границами расъ. Обѣ онѣ, взятыя вмѣстѣ, не обнимаютъ предѣловъ бѣлой расы, и въ этихъ предѣлахъ они разграничиваются между собою безъ всякаго соотвѣтствія съ различными расовыми оттѣнками. Мы называемъ обѣ эти области языковъ семитической и арійской въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. Семитическая, какъ болѣе древняя, ограничивается народами болѣе темнаго оттѣнка бѣлой расы, арійская же обнимаетъ и темныя, и свѣтлыя племена этой расы.

Семитическая область въ пространственномъ отношеніи ограничиваетъ переднюю Азію къ югу отъ Армянскихъ горъ до границы черной расы въ Южной Аравіи, куда эта послѣдняя была оттѣснена, вѣроятно, самими семитами. Аравія сдѣлалась отчасти какъ бы второй колыбелью этой группы народовъ; изъ своей первой колыбели, указаніемъ которой можетъ служить сказаніе о горѣ Ноя (Араратѣ), эти народы пришли на югъ нагими и безпомощными. Если предки этихъ народовъ, повидимому, жили еще за этой горой прежде, чѣмъ они пришли въ страну винограда и маслинъ, то они, вѣроятно, ушли оттуда раньше, чѣмъ была приручена лошадь, которая явилась оттуда вмѣстѣ съ позднѣйшими выходцами. Для хозяйственныхъ нуждъ они употреблялиословъ и верблюдовъ, т. е. именно тѣхъ животныхъ, какихъ они могли встрѣтить лишь въ своей новой родинѣ. На западъ они достигли до сирійскаго берега, на востокъ до Евфрата и отсюда, изъ Ниневіи, они свергли туранское господство въ древнемъ Вавилонѣ, сохранивъ языкъ побѣжденныхъ, какъ языкъ культурный. Представителями кореннаго языка въ этой области является ассирійскій языкъ ниневійскихъ надписей и арабскій. Сюда же относятся затѣмъ языки сирійскій и финикійскій или иначе языкъ возвышенности и языкъ низменности, арамейскій и ханаанскій и, приближающійся къ послѣднему, древне-еврейскій языкъ.

Неприступная съ юга и окруженная остатками чернаго населенія, область эта на востокѣ и на сѣверѣ примыкаетъ къ предѣламъ народовъ бѣлой расы, которые, какъ побѣдители, отдѣлились отъ первичнаго народа съ общимъ языкомъ. Это—арійскіе или «индоевропейскіе» народы; предполагаемый, общій для нихъ всѣхъ, неизвѣстный языкъ называютъ праарійскимъ. Какъ далеко на этомъ языкѣ доведенъ былъ процессъ подбора корней, можно судить по числу тѣхъ корней, первоначальная общность которыхъ для всѣхъ отраслей этого языка болѣе или менѣе достовѣрна. Ко времени отдѣленія послѣднихъ процессъ образованія формъ былъ еще въ полномъ ходу. Поэтому для предположенія полнаго единства первичнаго

арійскаго языка столь же мало основаній, какъ и для подобнаго же предположенія относительно египетскаго языка временъ первыхъ надписей. Въ Южную и Центральную Азію изъ этой области проникли языки санскритскій, или древне-индійскій, и зендскій, или древне-персидскій; въ переднюю Азію, отсюда въ Грузію и далѣе въ Италію—основные діалекты позднѣйшихъ древне-греческаго и латинскаго языковъ. По тому пути, который ведетъ изъ внутренней Азіи непосредственно на западъ, распространялись послѣдовательно языки кельтскій, германскій, литовскій и славянскій.

Запасы словъ семитовъ и арійцевъ, оставляя въ сторонѣ заимствованія, совершенно различны; поэтому, хотя обѣ эти группы принадлежатъ къ одной и той же расѣ, однако, процессъ фиксаціи языка долженъ былъ происходить тогда, когда они уже не имѣли никакихъ сношеній между собою. Отъ первоначальной общности у нихъ остался только навыкъ составленія односложныхъ корней и знаніе различныхъ путей для ограниченія и различенія смысла и для выраженія отношеній. При изслѣдованіи тѣхъ средствъ, какими пользовались для достиженія послѣднихъ цѣлей первобытные народы, мы познакомились съ двумя различными способами: съ измѣненіемъ гласной внутри слова и съ приставками въ началѣ и въ концѣ слова флексіонныхъ слоговъ и звуковъ. Оба способа знакомы были уже древнѣйшимъ предкамъ и арійцевъ, и семитовъ, и обѣ группы пользовались ими въ большей или меньшей мѣрѣ, хотя, быть можетъ, и различнымъ образомъ въ отдѣльныхъ семьяхъ; для опредѣленія и выраженія отношеній измѣняли гласную въ корнѣ путемъ флексіи.

Само собою разумѣется, что при фиксаціи языка мало-по-малу и способъ пользованія этими средствами долженъ былъ сдѣлаться предметомъ выбора. Отсюда началось дальнѣйшее расхожденіе обѣихъ группъ: семитическая группа предпочла измѣнять произношеніе беззвучнаго остова слова посредствомъ измѣненія коренной гласной, не пренебрегая при этомъ и флексіями; арійская развивала, главнымъ образомъ, флексію, не отказываясь, однако, окончательно отъ преимущества, представляемаго измѣненіями коренной гласной.

Вслѣдствіе такого расхожденія образовалось полное внѣшнее раздѣленіе обоихъ языковъ. Мы поясним это примѣромъ изъ еврейскаго языка, приведеннымъ у Тэйлора. Безгласный остовъ семитическихъ корней состоитъ обыкновенно изъ трехъ согласныхъ, между которыми лишь въ двухъ мѣстахъ могутъ быть вставлены гласныя; занимая оба эти мѣста или одно изъ нихъ гласными, и притомъ различными, можно получить множество комбинацій, которыя, при раціональномъ взаимномъ соглашеніи, даютъ возможность выражать многочисленныя отношенія и измѣненія смысла. Если языкъ прибѣгаетъ и ко второму средству, прибавляя къ этимъ всевозможнымъ комбинаціямъ звуки въ началѣ или въ концѣ, то онъ пріобрѣтаетъ богатѣйшій матеріалъ для выраженія самыхъ тонкихъ оттѣнковъ мысли. Между тѣмъ, какъ арійскіе языки, въ особенности греческій, въ этомъ отношеніи отличаются крайнимъ богатствомъ формъ, семитическій языкъ выказываетъ признаки обдуманной бережливости.

Все, что относится къ понятію «правленія»,—будетъ ли это лицо, вещь или дѣйствіе,—можетъ быть выражено корнемъ «m-l-ch», въ зависимости отъ того, какими гласными заполнимъ мы промежутки между этими тремя

согласными и какіе звуки прибавимъ съ той или съ другой стороны. «Melech» значитъ правитель, царь; «mâtach» — онъ царствовалъ, «mâlchû—они царствовали и т. д. Измѣненіемъ гласной и флексіей образованы слова: «melâchim»—цари, «malchenû» — нашъ царь, «malchâh — царица, «mamlâchâh» — царство, «timloch»—ты долженъ царствовать и т. д.

По-арабски группа «k-t-l» (причемъ мы ставимъ здѣсь k вмѣсто q) обозначаетъ понятіе убіенія. «Uktul» значитъ убивать, «katil» — убивающій, «kuatl» — убійство, «kitl» — врагъ, «kutl» — убійственный и т. д. Языкамъ нашей группы, напр., нѣмецкому, такой способъ ограниченія не всегда былъ такъ чуждъ, какъ это намъ кажется теперь, такъ какъ мы привыкли считать возникшія, такимъ образомъ, слова различными созданіями первобытныхъ временъ. На примѣрѣ: «trinken, Trank, Trunk» мы уже указали нѣчто подобное; но здѣсь, повидимому, можно заполнять гласными лишь одно мѣсто въ корнѣ. Однако, сравненіе разныхъ арійскихъ языковъ убѣждаетъ насъ, что нѣкогда дѣло обстояло иначе. Такое сравненіе показываетъ, что и мы знали нѣкогда упомянутые простые корни изъ трехъ согласныхъ, между которыми различными способами вставлялись гласныя. Въ концѣ концовъ, однако, въ однихъ языкахъ сохранились одни, а въ другихъ иные способы заполненія этихъ промежутковъ. Такъ, образованныя отъ одного и того же корня слова: «Hals»—(шея) по-нѣмецки и «Hlas»—(голосъ) по-чешски удержали различные способы заполненія, между тѣмъ русское слово — «голосъ» сохранило обѣ комбинаціи. Въ такомъ же отношеніи другъ къ другу находятся слова: русское — «городъ», чешское — «Hrad» (градъ) и нѣмецкое «Gart» (въ словахъ «Stuttgart», «Garten» и пр.). Въ томъ же корнѣ и въ нѣмецкомъ языкѣ заполненіе гласными совершается различно, сопровождаясь измѣненіемъ его смысла. «Gart» (какъ и «Hrad») значитъ ограда, изгородь (отсюда «Garten» — садъ), «Gert» — прутъ для плетня, «Grat» — верхушка плетня (отсюда «Rückgrat» — спинной хребетъ и «Gräte» — рыбья кость), и, можетъ быть, сюда же относится слово «Gurt» — поясъ. Слово «Gert» въ нѣмецкомъ народномъ правѣ значитъ еще колъ отъ забора; у славянъ комбинація «hrot» значитъ копье, а «hort(-us)» по-латыни значитъ огороженное пространство, садъ.

Такимъ образомъ, въ семитическихъ языкахъ нѣтъ никакой обособленности; они отличаются лишь тѣмъ, что вырабатывали по преимуществу одно вспомогательное средство и примѣненіе его возвели въ законченную систему, тогда какъ арійскіе языки предпочли этому средству другое и, противоположно семитическимъ языкамъ, развили, главнымъ образомъ, способъ флексій. Арійцы совершенно исказили множество словъ до того, что они потеряли всякое самостоятельное значеніе и превратились въ безсмысленные сами по себѣ звуки, съ помощью которыхъ коренныя слова измѣняются для выраженія самыхъ разнообразныхъ отношеній. Нѣмецъ отъ корня «w-s» производитъ слова «weise» (мудрый) и «wissen» (знать), отъ нихъ «Gewissen» (сознаніе), «gewissenhaft», «gewissenhaftig» (сознательный), «Gewissenhaftigkeit» (сознательность) и т. д. Рядомъ съ этимъ онъ составляетъ и такія сложныя слова, какъ «Fischleim» (рыбій клей), «Baumwolle» (древесная шерсть, хлопокъ), «Schaumweinflaschenkork» (пробка для игристаго вина) и т. п.

«Первичный арійскій языкъ» не могъ еще сдѣлать окончательнаго выбора между этими двумя способами словообразованія; его единство скорѣе всего заключалось лишь въ общемъ признаніи извѣстныхъ значеній корней, необходимость чего была вызвана отчасти торговымъ обмѣномъ. Что касается производства новыхъ словъ отъ старыхъ, то въ этомъ отношеніи для отдѣльныхъ семейныхъ группъ, этихъ настоящихъ созидателей языка, не могло быть никакихъ ограниченій, такъ какъ отдѣльные языки, отдѣлившіеся отъ первичнаго арійскаго, шли каждый своимъ особымъ путемъ. Между тѣмъ, какъ въ нѣмецкомъ языкѣ въ широкомъ масштабѣ сохранилось упомянутое выше агглютинированіе, въ славянскомъ языкѣ оно, въ сущности, совершенно исчезло, такъ какъ здѣсь къ существительнымъ можно присоединять лишь зависящія отъ нихъ опредѣлительныя слова. Славянинъ не можетъ, подобно нѣмцу, сказать: «дерево-стулъ» (Holzstuhl), а долженъ сказать: «деревянный стулъ».

Тоже самое замѣчается и въ области флексій; здѣсь отдѣльныя вѣтви языка еще болѣе существенно расходятся между собою. Тогда какъ славянская вѣтвь путемъ вставки или прибавленія слоговъ нашла средство точно опредѣлять — выражаетъ ли коренное слово, которымъ обозначается дѣйствіе, его законченность, или продолжительность, или же многократность, съ указаніемъ даже степени послѣдней, — въ то же время языки этой вѣтви не создали формы для выраженія того, что дѣйствіе даннаго глагола относится къ будущему времени. Только необходимость заставила ихъ примкнуть въ этомъ отношеніи къ прочимъ языкамъ. Отъ этой безпомощности, наряду, впрочемъ, съ избыткомъ, даже роскошью формъ въ другихъ отношеніяхъ, далеко до способа различенія греческаго языка. Во всемъ этомъ, слѣдовательно, въ «первичномъ языкѣ» арійцевъ единства еще не существовало.

Можетъ показаться страннымъ, что подобныя различія обнаруживаются даже въ одномъ и томъ же языкѣ. Такъ, напр., по-нѣмецки у нѣкоторыхъ глаголовъ прошедшее время можетъ быть образовано путемъ измѣненія коренной гласной: schlage — schlug, esse — ass, thu — that, а у другихъ это невозможно; тогда прибѣгаютъ къ другому средству, говоря: «ich lern — that» — «ich lernte». Какъ это объяснить? Всего проще предположить, что во время фиксаціи языка, продолжавшейся еще долгое время послѣ раздѣленія арійцевъ, семейныя группы обмѣнивались и пользовались сообща не только своимъ запасомъ словъ, но и достигнутыми успѣхами въ умѣніи имъ пользоваться. При этомъ за общепринятымъ словомъ, возникшимъ въ той или иной народной группѣ, могли сохраниться и особенности способа его употребленія, практиковавшагося въ этой семьѣ; и эти особенности были приняты, такъ какъ процессъ образованія формъ все еще продолжался. Такимъ путемъ могли проникнуть въ языкъ параллельныя формы склоненій и спряженій и такъ называемыя «исключенія».

Подобныя же измѣненія, и притомъ не только въ формахъ словъ, но и въ самомъ ихъ запасѣ, совершаются еще и въ настоящее время, хотя предъ нами лишь эпилогъ великаго процесса развитія. Теперь никто уже не сомнѣвается, что нѣмецкіе «діалекты» произошли вовсе не вслѣдствіе искаженія общаго нѣмецкаго языка. Они не представляютъ продуктовъ подобнаго разложенія; напротивъ, они являются первоначальными жизне-

способными элементами, между которыми до сихъ поръ совершается подборъ для созиданія общаго языка и которые мало-по-малу растворяются въ образующемся такимъ образомъ «нѣмецкомъ языкѣ». «Діалекты» эти— не что иное, какъ остатки языковъ различныхъ семейныхъ группъ, которые на ряду съ запасомъ словъ, доставшимся имъ еще въ первобытную эпоху фиксаціи, не переставали вырабатывать свои собственныя слова. Этотъ семейный запасъ словъ они и теперь, какъ въ доисторическія времена, выносятъ на словесный рынокъ общественныхъ сношеній, и обмѣнъ совершается по-прежнему: новыя слова или отвергаются, или принимаются.

Часто высказывалось ошибочное мнѣніе, будто средне-верхне-нѣмецкій и древне-верхне-нѣмецкій языки нѣкогда составляли одинъ общій языкъ, а именно еще болѣе древній верхне-нѣмецкій. Не слѣдуетъ забывать, что упомянутое названіе опредѣляетъ лишь средній и болѣе древній верхне-нѣмецкій языкъ, какъ одинъ изъ различныхъ діалектовъ, и лишь то обстоятельство, что на немъ въ данное время говорили германскіе князья, не могло еще превратить его въ обще-нѣмецкій языкъ. Процессъ образованія «нѣмецкаго» языка начался лишь очень недавно, и только за послѣднее время стали исчезать діалекты, эти древніе семейные языки.

Итакъ, не всѣ первобытныя семьи и племена бѣлой расы жили въ тѣсномъ общеніи между собою и обмѣнивались запасами своихъ словъ; обстоятельства эти, столь сильно вліяющія на образованіе языка, не для всѣхъ, слѣдовательно, были одинаковы; въ этомъ уже убѣждаетъ насъ различіе между семитическими и арійскими языками, если даже не причислять къ бѣлой расѣ западную вѣтвь туранцевъ, что, собственно говоря, было бы справедливо. Но, кромѣ того, сохранились такіе народы бѣлой расы, какъ, напр., грузины на Кавказѣ, баски въ Пиренеяхъ и др., языки которыхъ совершенно не сходны съ арійскими. Послѣдніе изъ перечисленныхъ народовъ представляютъ остатокъ тѣхъ племенъ, которые выселились въ Европу еще до кельтовъ и пеласговъ. И кельтскіе языки обнаруживаютъ лишь самое отдаленное сходство съ прочими арійскими языками. Нужно предположить, слѣдовательно, что первичный европейскій народъ вышелъ изъ Азіи въ то время, когда тамъ не успѣли еще развиться общественныя сношенія, способствующія фиксаціи языка; кельты, вѣроятно, послѣдовали за этимъ народомъ тогда, когда вліяніе этихъ сношеній коснулось лишь весьма незначительнаго запаса словъ.

Письмо.

Языкъ можетъ служить людямъ средствомъ для обмѣна мыслей лишь въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Поэтому, уже съ древнѣйшихъ временъ дѣлались попытки найти для этого другія средства, помимо языка. То обстоятельство, что древне-египетскія письмена, которымъ обязаны своимъ происхожденіемъ многіе изъ современныхъ шрифтовъ, находятся преимущественно въ мѣстахъ отправленія культа и касаются, главнымъ образомъ, предметовъ послѣдняго, не должно быть приписано случаю. Первые грубые памятные знаки имѣли здѣсь религіозное назначеніе. Курганъ и каменная пирамида надъ могилой умершаго прикрываютъ, конечно, его жилище, и въ этомъ ихъ ближайшая цѣль; но когда путникъ въ степи

оглядывалъ мѣстность, ища предмета, который помогъ бы ему оріентироваться, для него они были говорящими, напоминающими знаками, «памятниками» въ собственномъ смыслѣ. Однако, они говорили лишь скуднымъ языкомъ первобытнаго человѣка, они, такъ сказать, издавали только кличъ, привлекавшій вниманіе, но получавшій опредѣленный смыслъ, лишь благодаря извѣстному истолкованію его. Путникъ долженъ былъ знать: это курганъ надъ могилой N: только тогда онъ указывалъ ему путь. Такимъ образомъ, явилась потребность въ особыхъ отличительныхъ знакахъ для указанной цѣли. Въ этомъ случаѣ часто довольствовались камнемъ, столбомъ или даже палкой. На островѣ Пасхи сохранилось съ древнихъ временъ множество такихъ камней, и еще въ наше время туземцы называютъ каждый изъ нихъ по имени. Незначительныя различія въ формѣ для нихъ служатъ такими же вѣрными признаками, какъ для насъ имена, вырѣзанныя на надгробныхъ плитахъ.

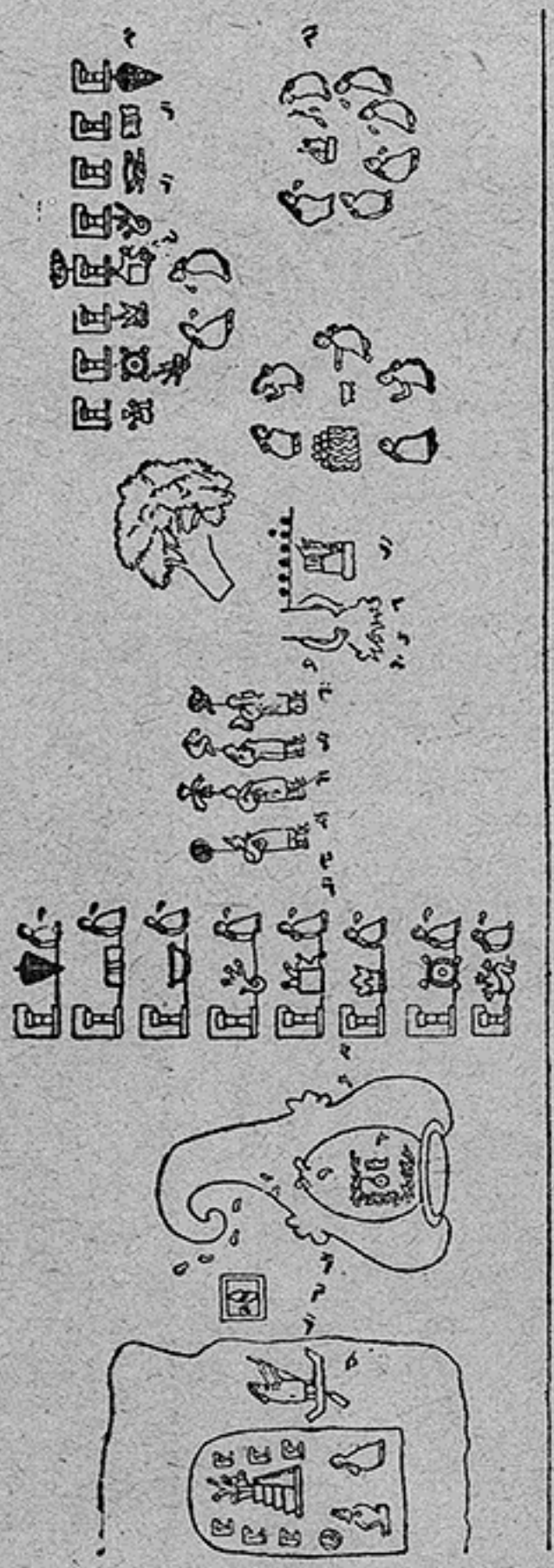
Жрецъ въ Западной Африкѣ втыкаетъ палку возлѣ плодоваго дерева, и каждый знаетъ, что этотъ «жезлъ запрещенія» обозначаетъ недоступный для него, священный плодъ. Въ Германіи подобный же шестъ съ пучкомъ соломы ставится въ полѣ, оставляемомъ подъ паромъ, для того, чтобъ показать, что оно не принадлежитъ къ общему выгону и, слѣдовательно, становится «табу». Соломенное помело на деревѣ говоритъ прохожему, что плоды его уже имѣютъ хозяина; зарубка на деревѣ говорила нашему предку, что улей въ немъ кто-то другой открылъ еще раньше и завладѣлъ имъ. Такъ какъ число такихъ знаковъ владѣнія постепенно увеличивалось, то каждый долженъ былъ найти способъ отличить свой знакъ отъ чужого. Отсюда, казалось бы, не далеко до изобрѣтенія простыхъ письменныхъ знаковъ; но мы должны отмѣтить значительное препятствіе, лежащее на этомъ пути.

Ниже этой ступени мы имѣемъ дѣло лишь съ такими знаками, которые могутъ напомнить намъ только то, что мы уже знали, или то, что въ связи съ этими знаками сообщалось намъ устно; здѣсь знаки непосредственно связаны съ мыслями. Выше этой ступени знаки говорятъ уже сами за себя, такъ какъ они, на основаніи всеобщаго и ко всѣмъ случаямъ относящагося соглашенія, соединены съ звуками, и изъ этого сочетанія непосредственно выясняется для насъ мысль, даже если она прежде и не была намъ извѣстна. Только съ переходомъ человѣчества черезъ эту ступень начинается изобрѣтеніе настоящаго письма.

Нижней ступени достигли многіе народы даже съ низкой степенью развитія; на вторую ступень почти вступили древніе мексиканцы; настоящее письмо самостоятельно выработали китайцы, древніе египтяне и древніе вавилоняне; финикіяне привели изобрѣтенное до нихъ въ болѣе раціональную систему, и въ этомъ отношеніи всѣ мы являемся ихъ учениками.

Изображенное здѣсь (стр. 327) древне-мексиканское образное письмо изъ рукописи Боттурини пытался разобрать Кинсборо, но сущность такихъ письменъ и заключается въ томъ, что всѣ попытки разобрать ихъ не приводятъ ни къ чему, если какое-нибудь преданіе не дастъ ключа къ ихъ разгадкѣ. Несомнѣнно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ изображеніемъ какого-то переселенія, похода: направленіе пути указываютъ изображенія слѣдовъ, получившія уже опредѣленныя, неизмѣнныя формы. Исходнымъ

пунктомъ является островъ съ изображеніемъ шести дворцовъ, храма царя и царицы. Отсюда по водѣ переправляются къ горѣ, служащей мѣстопребываніемъ бога; затѣмъ слѣдуетъ вопрошеніе оракула и отвѣтъ его, на что

Древне-мексиканское образное письмо.

указываютъ знаки разговора. Тогда поднимаются въ путь—по приказанію ихъ властителей?—восемь племенъ, точно отмѣченныхъ своими тотемами, или гербами. Во главѣ войска идутъ четыре жреца съ изображеніями боговъ. Войско приходитъ въ страну, гдѣ деревья болѣе обхвата въ толщину. Возникаетъ раздоръ—двое обвиняютъ другъ друга, — происходятъ

совѣщанія и жертвенныя пиршества, четверо мужчинъ остаются, а четверо продолжаютъ путь со жрецами впереди. Новыя изображенія обозначаютъ

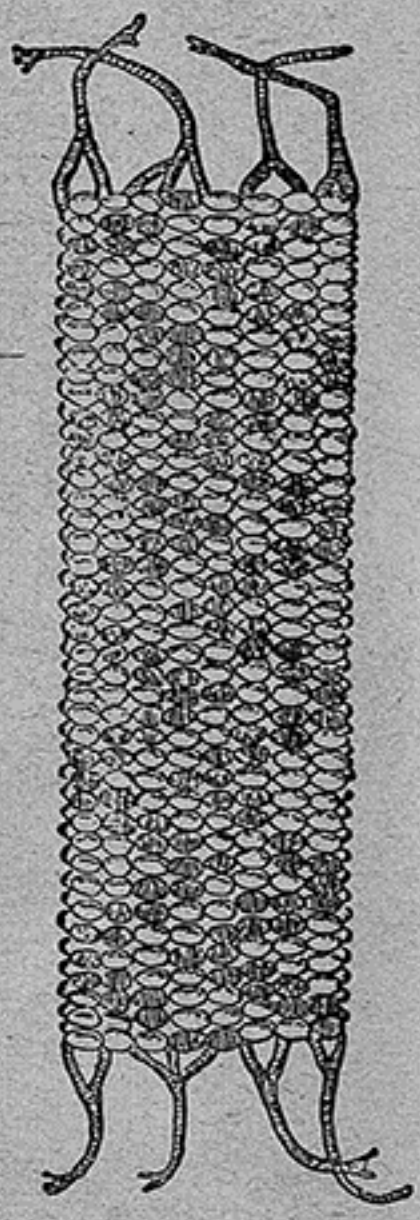
Прошеніе индѣйцевъ (по Леббоку).

встрѣчныя страны, горы, обитаемыя фетишами; затѣмъ войско (по точно указанному пути) проходитъ черезъ 28 мѣстностей или городовъ, обозначенныхъ одинаковыми фигурами, и идетъ все дальше и дальше... Для современниковъ тотемы племенъ, изображенія боговъ и обитаемыхъ богами горъ должны были быть совершенно понятны. Для того, кто могъ соединить историческія имена съ тѣмъ, что и для насъ ясно въ этомъ изображеніи, эти письмена должны вызывать въ его памяти цѣлый рядъ историческихъ фактовъ.

Перуанскій счетный шнуръ (по Фаульману).

Подобнымъ же образомъ въ прошеніи, поданномъ сѣверо-американскими индѣйцами президенту Соединенныхъ Штатовъ, изображеніе нѣсколькихъ озеръ обозначаетъ предметъ просьбы, между тѣмъ, какъ сами просители изображены съ помощью своихъ тотемовъ, а ихъ единодушіе представлено линіями, идущими отъ глаза

Раковинный шнуръ (по Фаульману) (Belt of wampums).

и сердца предводителя (изъ племени «журавля») къ глазамъ и сердцамъ его товарищей.

«Бирка» также служитъ документомъ: она указываетъ число единицъ, наименованіе которыхъ должно быть заранѣе извѣстно обѣимъ сторонамъ. «Четки» помогаютъ еще болѣе; онѣ даютъ возможность отличать различныя единицы, расположенныя въ опредѣленномъ порядкѣ: но тотъ, кто ими пользуется, долженъ уже заранѣе знать молитвы. Таковъ же въ общемъ и принципъ начальническихъ «жезловъ» и «счетныхъ шнурковъ» (стр. 328), которые были въ употребленіи у различныхъ полуцивилизованныхъ народовъ. Посредствомъ самихъ узловъ различались единицы, а форма и окраска этихъ узловъ обозначали разряды. Носовой платокъ съ завязаннымъ на немъ узелкомъ представляетъ собою пережитокъ счетнаго шнурка. Онъ служитъ превосходнымъ средствомъ для напоминанія, — если только завязавшій его помнитъ, что онъ имъ замѣтилъ.

Нельзя не удивляться, насколько пользованіе такими простыми средствами изощряло память людей, незнакомыхъ съ письмомъ. Довѣріе къ послѣднему ослабляетъ память. Государственные и договорные документы сѣверо-американскихъ индѣйцевъ представляли собою шнурки съ нанизанными на нихъ раковинами (стр. 328). Они различались между собою величиною и цвѣтомъ раковинъ, а также сочетаніями разноцвѣтныхъ шнурковъ. Ни одинъ посолъ не обращался къ индѣйцамъ иначе, какъ держа передъ собою соотвѣтствующій шнурокъ съ раковинами, съ обычнымъ вступленіемъ: «этими шнурками съ раковинами я открываю ваши глаза, очищаю ваши уши и т. д.»; онъ старался обратить вниманіе слушателей одновременно и на шнурокъ, и на свои слова. Если его предложеніе принималось, то шнурокъ, въ качествѣ документа, передавался вождю. И сколько бы шнурковъ ни хранилъ у себя вождь, онъ точно помнилъ, кто принесъ каждый изъ нихъ и что онъ при этомъ говорилъ. Мало того, время отъ времени онъ собиралъ вокругъ себя молодежь своего племени, показывалъ имъ шнурки и заставлялъ ихъ твердо усваивать значеніе каждаго изъ нихъ. Такимъ образомъ, каждый по коллекціи такихъ шнурковъ могъ прочесть живую исторію племени, — если онъ предварительно ознакомленъ съ нею.

Если мы разсмотримъ процессъ обученія азбукѣ нашихъ дѣтей по старой методѣ, намъ сразу бросится въ глаза сходство и отличіе его отъ только что описаннаго. Почему мальчикъ произноситъ звукъ «а», когда ему указываютъ на букву а? Потому лишь, что однажды учитель, впервые показывая ему эту букву, произнесъ «а». Совершенно такъ же и индѣецъ связываетъ въ своей памяти видъ раковиннаго шнурка съ извѣстной рѣчью. Но шнурокъ этотъ служитъ обозначеніемъ всего содержанія рѣчи. Если изъ тѣхъ же раковинъ, перемѣшавъ ихъ между собою, составить новый шнурокъ, то этотъ послѣдній ничего не могъ-бы сказать индѣйцу. Рѣчь и шнурокъ должны быть вполнѣ связаны другъ съ другомъ. Ребенокъ лишь однажды заучиваетъ букву «а» и затѣмъ находитъ ее въ тысячѣ мѣстахъ; индѣецъ долженъ заучивать текстъ къ каждому новому шнурку.

Это объяснитъ намъ, въ какомъ направленіи должно прогрессировать письмо; оно совершенствуется въ зависимости отъ того, насколько удастся замѣнить знаки, служащіе для напоминанія цѣлой рѣчи, знаками слова,

слога и, наконецъ, звука. Зачатками письма являются знаки, дѣлаемые для памяти. Не только индѣйцы, даже бушмены пытаются срисовывать на камнѣ видѣнные предметы. Но если посредствомъ такихъ изображеній записываются происходившія событія, то память, кромѣ того, должна хранить ключъ къ ихъ пониманію. Напримѣръ, переправа индѣйцевъ черезъ Верхнее озеро изображена посредствомъ рисунка, на которомъ мы видимъ вождя, пять лодокъ, 51 вертикальную черточку и т. п. Отсюда легко узнать, что нѣкогда 51 индѣецъ подъ предводительствомъ указаннаго вождя предприняли эту достопамятную переправу. Имя этого вождя должно было храниться въ памяти туземцевъ. Но такъ какъ индѣйскія имена заимствуются только отъ названій конкретныхъ предметовъ, главнымъ образомъ, животныхъ, то работа памяти сильно облегчалась, если удавалось изобразить рядомъ съ фигурою вождя соотвѣтствующій его имени предметъ или животное.

Дальнѣйшій прогрессъ въ этой области долженъ былъ совершаться также, какъ и въ области развитія языка. Изъ многочисленныхъ рисунковъ, служившихъ для обозначенія одного и того же предмета, нѣкоторые пріобрѣтали преимущество болѣе частаго и общаго примѣненія; поэтому вскорѣ перестали заботиться о томъ, чтобы дать наиболѣе вѣрное изображеніе предмета, а старались изображать именно тотъ рисунокъ, который, вслѣдствіе взаимнаго соглашенія, получилъ предпочтеніе. Уже мексиканцы пришли къ мысли поставить эти рисунки въ болѣе близкую связь съ языкомъ, тогда какъ первоначально они служили только для обозначенія опредѣленныхъ предметовъ. Въ этихъ рисункахъ уже не только видѣли предметъ, но устанавливали связь между нимъ и звукомъ того слова, которое обозначало этотъ предметъ. Этотъ шагъ очень важенъ. Есть множество понятій, вовсе не поддающихся изображенію рисункомъ; но обозначающія ихъ слова можно было разбить на звуковыя группы, поддающіяся изображенію, и изъ этихъ отдѣльныхъ рисунковъ составлять полное слово, такъ же, какъ составляются ребусы. Неудобство подобнаго письма испытывали миссіонеры, желая передать, при его помощи, слова чуждаго языка. Такъ, «pater noster» писали четырьмя знаками мексиканскаго образнаго письма, названія которыхъ при связномъ произношеніи давали сочетаніе звуковъ: pan-te-nosch-te. Читателя эти звуки лишь наводили на воспоминаніе о настоящихъ словахъ. Если и это «письмо» нужно, собственно говоря, разсматривать лишь какъ пособіе памяти, то все же оно вполнѣ было пригодно, напримѣръ, для посольскихъ вѣрительныхъ грамотъ.

Выше мы высказали предположеніе, что ранней фиксаціи китайскаго языка помогло, быть можетъ, то обстоятельство, что на немъ очень рано стали писать. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло и съ обратнымъ явленіемъ, т. е. вліяніемъ языка на письмо. Такъ какъ китайцы уже давно начали писать на своемъ языкѣ, то имъ было легче придать своему письму законченность, чѣмъ народамъ съ болѣе развитымъ языкомъ. Къ числу звуковыхъ сочетаній, не поддающихся изображенію на рисункѣ, прежде всего относятся слова для выраженія отношеній, суффиксы и флексіи: ни этого и нѣтъ въ китайскомъ языкѣ. Есть, однако, довольно много и самостоятельныхъ понятій, для которыхъ трудно подыскать рисунокъ, наприм., «болтливость», обозначаемая по китайски словомъ «tschou». Но, если чита-

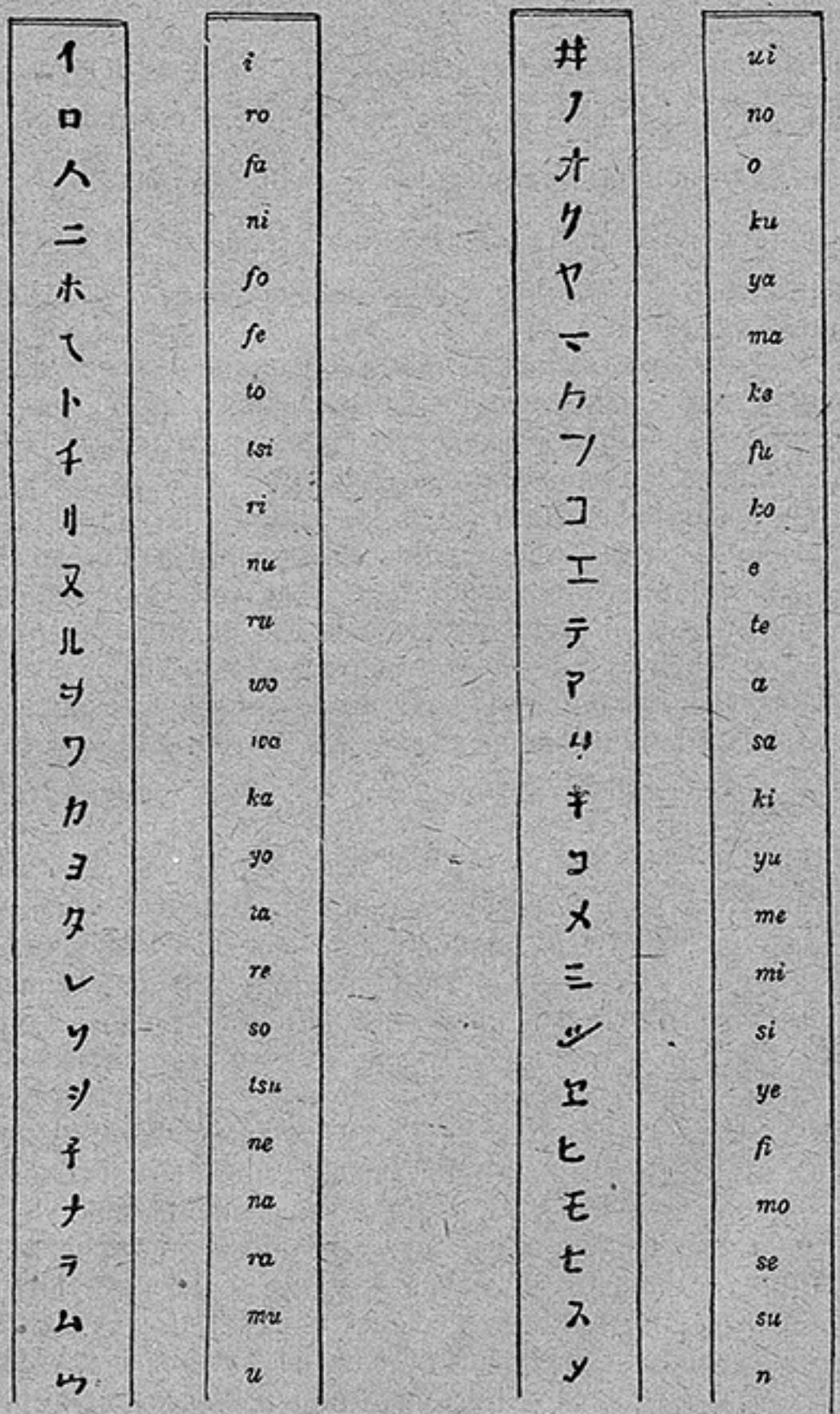
тель не забылъ, китайскій языкъ остановился въ своемъ развитіи на ступени омонимовъ и синонимовъ; быть можетъ, и слово «tschou» обозначаетъ, кромѣ того, нѣчто, поддающееся изображенію на рисункѣ. Дѣйствительно, оно значитъ еще: корабль, пухъ, пылающій и водоемъ. И китаецъ выбралъ значеніе «корабль» для изображенія звука «tschou» и затѣмъ, сокращая и упрощая проводимые кисточкой штрихи, получилъ условный знакъ 舟, напоминающій, пожалуй, еще парусъ на мачтѣ. Древнѣйшія формы другихъ письменныхъ знаковъ, напримѣръ ⊙ для «солнца», ☽ для «луны», ⛰ для горы (теперь пишутъ скорописью 日 月 и 山), не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они произошли отъ рисунковъ, изображавшихъ самые предметы.

Какъ мы уже знаемъ, китаецъ, мѣняя интонацію своего голоса, опредѣляетъ, въ какомъ изъ пяти различныхъ значеній употребляетъ онъ въ данномъ случаѣ слово «tschou»; такое же вспомогательное средство должно было имѣть и письмо, и оно состояло въ томъ, что къ рисункамъ прибавлялись значки, которые должны были обозначать, въ какой группѣ нужно искать изображенное здѣсь понятіе. Эти необходимые для точнаго пониманія «объяснительные рисунки», или «опредѣлители», первоначально были настоящими рисунками, но затѣмъ исказились до неузнаваемости и удержались только благодаря взаимному соглашенію. Такъ, извѣстный знакъ означаетъ «корабль», если рядомъ нѣтъ другого, относящагося къ нему знака; если же прибавить къ нему «опредѣлитель», который долженъ изображать два пера, то 舟羽 получаетъ значеніе «пухъ»; если прибавить знакъ воды, то 舟水 значитъ «водоемъ» и т. д. Письмо это, въ связи съ такимъ простымъ языкомъ, отличается совершенной точностью и ясностью, но оно требуетъ столько же простыхъ знаковъ, сколько есть словъ, и почти столько же комбинацій съ объяснительными знаками, сколько значеній могутъ имѣть всѣ эти слова. Во всеобщемъ употребленіи должно находиться отъ 4000 до 5000 такихъ знаковъ; всего же ихъ должно быть около 100000.

Для китайцевъ, при богатствѣ ихъ древней литературы и томъ значеніи, какое имѣютъ ея сокровища для всей общественной жизни, было бы весьма трудно отказаться отъ этой древней, неуклюжей системы письма. Система эта, однако, допускаетъ кое-какія усовершенствованія, выгодою которыхъ и воспользовались японцы, переходя отъ «словеснаго» письма къ звуковому. Они установили 47 звуковъ и звуковыхъ группъ, какъ i-ro-fa и т. д. (такъ называютъ они свою азбуку), изъ которыхъ и составляются по звукамъ всѣ слова ихъ языка. Для каждой звуковой группы они заимствовали знакъ изъ китайскаго письма. Такимъ образомъ, оставивъ въ сторонѣ форму знаковъ, японская система письма приближается къ нашей (см. стр. 332).

У древнихъ египтянъ одна изъ этихъ ступеней явилась даже развитіемъ другой. И они, безъ сомнѣнія, подобно китайцамъ, начали съ того, что каждое понятіе изображали отдѣльнымъ рисункомъ, и нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ употреблялись всегда въ одномъ и томъ же значеніи. Такъ,

⊙—изображеніе солнца,—значитъ «Ra»; этимъ словомъ обозначали и бога, и солнце; точно такъ же ⊂⊃ значитъ «Ro»—ротъ. Но такъ какъ египетскій языкъ въ своемъ развитіи пошелъ дальше односложныхъ корней,

Японскій шрифтъ.

обогатившись многочисленными словообразованіями и пріобрѣтя настоящія грамматическія части рѣчи, то рисунки эти примѣнялись приблизительно такъ, какъ то пытались дѣлать мексиканцы. Произносились только начальные звуки обозначаемыхъ этими рисунками словъ, а остальные звуки от-

брасывались, и рисунки помѣщались одинъ за другимъ въ такомъ порядкѣ, чтобы начальные звуки образовали слово, которое желали написать. Такимъ образомъ, знакъ ○ въ «словесномъ» письмѣ надо было читать «Ro»—ротъ, въ звуковомъ же письмѣ онъ имѣлъ лишь значеніе звука «R», онъ превратился, слѣдовательно, въ букву. Смыслъ написаннаго и сочетаніе этого знака съ другими каждый разъ указывали, чѣмъ нужно считать его, словомъ или буквой. Точно также знакомъ дома служитъ его упрощенный планъ , и посредствомъ одной, двухъ или трехъ черточекъ надъ этимъ знакомъ писецъ указываетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ—нужно ли произнести это слово въ единственномъ, двойственномъ или

Іероглифы (Птоломей и Клеопатра).

множественномъ числѣ. Если же употреблялись для обозначенія звуковъ оба рисунка , то произносились лишь начальные звуки, и оба вмѣстѣ они образовали слогъ «р-г»—«рег». Но на древне-египетскомъ языкѣ, какъ и на китайскомъ, слогъ «рег» можетъ имѣть различныя значенія; поэтому, если онъ въ извѣстномъ случаѣ долженъ значить именно «выходить», то такъ же, какъ и въ китайскомъ письмѣ, къ нему нужно прибавить соотвѣтствующій «объяснительный рисунокъ» съ цѣлью показать, что слово

Образецъ іероглифическаго письма.

обозначаетъ понятіе движенія; такимъ простымъ «опредѣлителемъ» служитъ изображеніе двухъ шагающихъ ногъ, такъ что слово «выходить» пишется: .

На одномъ изъ «царскихъ перстней» (см. выше) написано имя Птоломея, а на другомъ—Клеопатры. Если читатель оставитъ безъ вниманія во второмъ имени два послѣдніе знака, изъ которыхъ верхній, t, служитъ членомъ женскаго рода, то изъ сравненія обоихъ словъ Ptolmees и Kleopatra онъ можетъ установить звуковое значеніе каждаго рисунка-буквы. Знаки, поставленные одинъ надъ другимъ, читаются сверху внизъ, а стоящіе рядомъ (въ данномъ случаѣ)—слѣва направо. Звукъ t обозначается двояко или полушаріемъ, или протянутой ладонью.

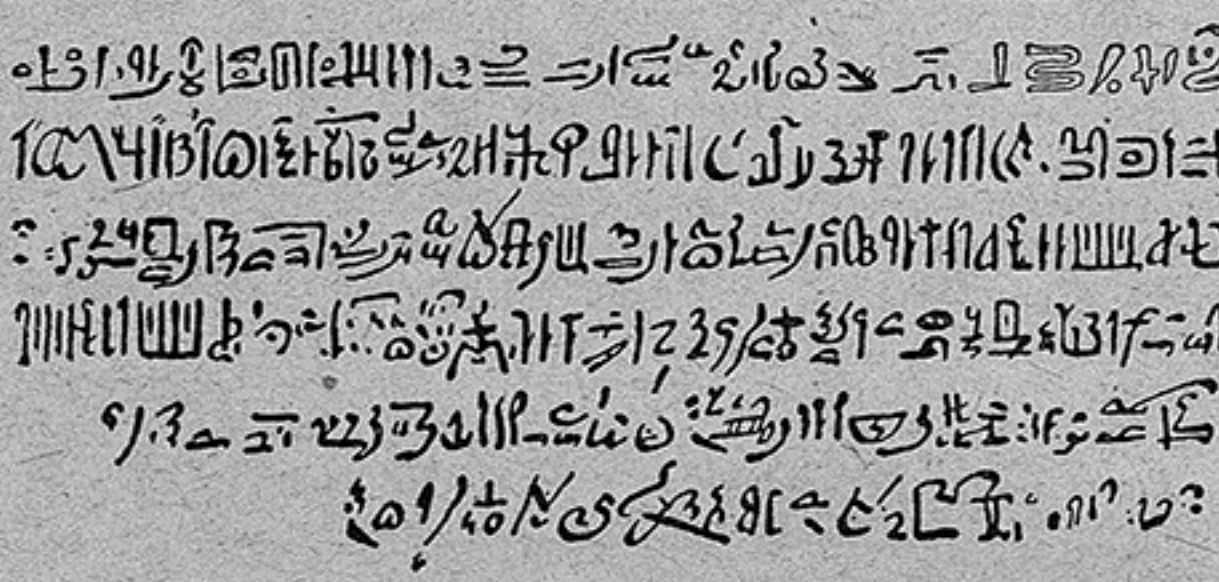
Итакъ, существенное различіе между обѣими разсмотрѣнными системами состоитъ въ томъ, что китайцы обозначали каждое слово отдѣльнымъ рисункомъ; у египтянъ, кромѣ этого способа, существовалъ еще другой, развившійся

изъ него, причемъ знакъ служилъ для изображенія звука, а не слова. Объяснительные рисунки примѣняются какъ въ той, такъ и въ другой системѣ. Другія отличія, хотя и рѣже бросаются въ глаза, несущественны. Китайскія письма бѣгло набрасываются тушью посредствомъ мягкой кисточки, и контуры ихъ очерчены, поэтому, необыкновенно мягкими линіями, сдѣлавшимися типическими; египетскіе же іероглифы чрезвычайно старательно высѣкались на камнѣ, и поэтому контуры ихъ удивительно тверды и точны. Но когда египтяне стали писать на папирусѣ, эти рѣзко очерченные знаки превратились мало-по-малу въ бѣглую и расплывчатую скоропись, создавшую въ концѣ концовъ общепризнанные, но сами по себѣ безсмысленные знаки. Это превращеніе коснулось какъ звуковыхъ знаковъ, такъ и «опредѣлителей». Такъ, египетскій писецъ на папирусѣ обозначалъ объяснительный рисунокъ говорящаго лица лишь нѣсколькими штрихами .

Именно такое письмо при сношеніяхъ съ иностранцами могло быть перенято этими послѣдними. Въ данномъ случаѣ финикіяне, находившіеся, какъ торговый народъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ египтянами, стояли въ такихъ же отношеніяхъ къ нимъ, какъ японцы къ китайцамъ. Но финикіяне нашли у египтянъ уже готовое звуковое письмо: отбросивъ параллельные и объяснительные знаки, они легко могли примѣнить его къ своему языку, перешедшему уже въ устойчивое состояніе. Финикіяне, слѣдовательно, должны были только установить, сколько отдѣльныхъ звуковъ на ихъ языкѣ, и затѣмъ заимствовать для нихъ уже сокращенные и упрощенные къ тому времени египетскіе знаки или же самимъ изобрѣсти подобныя комбинаціи штриховъ, такъ какъ теперь ужъ не заботились о томъ, чтобы дать вѣрное изображеніе предмета. И, дѣйствительно, приблизительно въ X вѣкѣ до Р. Х. финикіяне создали для своего языка алфавитъ изъ 23 буквъ, часть которыхъ носитъ на себѣ видимые слѣды подражанія гіератическому скорописному письму египтянъ, хотя, конечно, о точной передачѣ не могло быть и рѣчи. Затѣмъ, подвергшись вторичному выбору и внѣшнимъ примѣненіямъ, знаки эти переходятъ, съ одной стороны, въ еврейскій языкъ, а съ другой—въ греческій, и отсюда, постоянно преобразуясь и распространяясь по двумъ направленіямъ, они проникаютъ къ намъ и къ индусамъ. Такъ, изъ приведеннаго выше гіероглифа получился скорописный знакъ , отсюда финикійская буква и греческая P, обозначающія одинъ и тотъ же звукъ «р»; изъ получилась скоропись , финикійская буква и еврейская (для «с» и «ш»); изъ —скоропись , финикійская буква , древне-еврейская , греческая , латинская E и т. д. Какъ скоро принципъ звукового письма былъ данъ, изобрѣтеніе буквъ, даже безъ подражанія имѣющимся образцамъ, не составляло ужъ особаго труда. Фактъ, что буквенное письмо перешло къ намъ черезъ семитовъ, проще всего доказывается словомъ «алфавитъ» (Alphabet), происхожденіе котораго несомнѣнно семитическое. По-гречески слова alpha, beta, gamma, служившія для обозначенія буквъ (но не

звуковъ), не имѣли никакого смысла, но по-еврейски aleph значитъ быкъ, beih—домъ, gimel—верблюдъ и т. д. Евреи, слѣдовательно, знали еще, что эти знаки первоначально были изображеніями предметовъ, и давали имъ названія по сходству ихъ съ послѣдними. То обстоятельство, что мы находимъ эти названія у грековъ, для которыхъ они должны были быть совершенно непонятны, подтверждаетъ несомнѣнно справедливость преданія, приписывающаго изобрѣтеніе буквъ семитамъ-финикіянамъ.

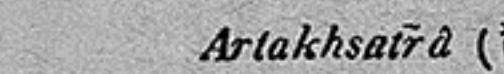
У семитовъ-ассиріянъ и арійцевъ-персовъ алфавитъ вытѣснилъ болѣе древнее письмо, третье по счету, самостоятельно возникшее на почвѣ Стараго Свѣта. Это то письмо, которое, по всей вѣроятности, изобрѣтено было аккадійцами, народомъ туранскаго племени, употреблялось древними вавилонянами, отъ нихъ перешло къ ассиріянамъ, а затѣмъ къ персамъ; то самое письмо, которое ради своеобразной формы своихъ знаковъ называется «клинообразнымъ». Китайцы, какъ намъ извѣстно, рисовали свои письмена мягкой кисточкой; но если бы они въ теченіе столь же долгаго

Образцы гіератическаго иисьма.

времени высѣкали ихъ на твердомъ камнѣ или выдавливали острымъ рѣзцомъ на глиняныхъ пластинкахъ, то линіи ихъ потеряли бы свою мягкость и округленность и стали бы такими же твердыми и прямолинейными, какъ и черты клинообразнаго письма. По сравненію съ египетскимъ, это послѣднее относится къ эпохѣ болѣе низкаго развитія искусства. Вѣроятно, и эти письмена должны были представлять собою изображенія предметовъ, напримѣръ, знакъ для руки еще указываетъ на подобную попытку. Но отъ всего этого не осталось ничего, кромѣ опредѣленной группировки извѣстнаго числа отдѣльныхъ штриховъ такой формы, въ которой ихъ быстрѣе всего можно высѣкать рѣзцомъ или выдавливать гвоздемъ на глинѣ. Въ отношеніи своего внутренняго развитія болѣе древнее клинообразное письмо стояло на одной ступени съ гіероглифическимъ письмомъ, такъ какъ на ряду со знаками для обозначенія словъ оно располагало также знаками для отдѣльныхъ слоговъ; впослѣдствіи, войдя въ употребленіе у персовъ, оно развилось въ звуковое письмо. Мало-по-малу письмо это исчезло, уступивъ мѣсто алфавитамъ, развившимся изъ финикійскаго. Такое происхожденіе имѣютъ прежде всего еврейскій, арабскій и

сирійскій алфавиты. Послѣдній, въ свою очередь, является родоначальникомъ алфавитовъ персидско-иранскихъ, индійскихъ и тюркскихъ языковъ;

Artakhsatrâ () Artaxerxes.

Клинообразное письмо.

отъ него же ведетъ начало и появившійся въ Индіи, въ III вѣкѣ до Р. Х., древній санскритскій алфавитъ, позднѣйшіе потомки котораго распространились вмѣстѣ съ буддизмомъ по Тибету и Индо-Китаю.

Всѣ эти азіатскія письмена носятъ на себѣ слѣды своего семитическаго происхожденія въ томъ отношеніи, что они имѣютъ настоящія буквы лишь для согласныхъ звуковъ, тогда какъ гласные обозначаются точками и черточками. Греки усовершенствовали финикійскій алфавитъ, сдѣлавъ изъ семитическихъ знаковъ придыханія гласныя буквы и прибавивъ къ нему нѣсколько новыхъ знаковъ. Это письмо, въ свою очередь, послужило источникомъ для алфавитовъ всѣхъ европейскихъ націй — римлянъ, этрусковъ, галловъ; даже «руны» германцевъ были подражаніемъ тому же письму, насколько этого можно было достигнуть такимъ орудіемъ, какъ каменный ножъ. Подобнымъ же образомъ подражалъ греческому алфавиту и епископъ Ульфила, составившій въ IV вѣкѣ собственный алфавитъ для готовъ, а много позже и св. Кириллъ, сдѣлавшій тоже самое для славянъ. Отъ послѣдняго произошелъ русскій алфавитъ, которымъ пользуются также сербы, румыны и русины. Всѣ прочіе европейскіе народы получили свои алфавиты черезъ Римъ, и отсюда, а не отъ готскаго алфавита, произошелъ «нѣмецкій», или «ломаный шрифтъ», который первоначально служилъ, вѣроятно, только для украшенія гладкой латинской строки.

Въ области чиселъ.

Считать и измѣрять можно двояко, въ зависимости отъ того, заимствуемъ-ли мы мѣру отъ предметовъ внѣшняго міра или отъ самихъ себя. Первоначально человѣкъ, естественно, во всѣхъ своихъ заботахъ и соображеніяхъ исходилъ отъ самого себя; поэтому прежде всего онъ употребилъ второе мѣрило и пользовался исключительно имъ однимъ въ продолженіе весьма долгаго времени. Лишь весьма недавно мы нашли въ метрѣ единицу измѣренія, связанную съ величиной земнаго шара; до того времени единицу измѣренія искали на тѣлѣ человѣка, т. е. самого измѣрителя. Пока дѣло не касалось космическихъ измѣреній, это было естественно и практично. Выраженіе: «комната въ 20 футовъ длины и 2 сажени вышины» дастъ вполнѣ точное представленіе о ея обитаемости; оно говоритъ, сколько шаговъ человѣкъ можетъ сдѣлать въ этой комнатѣ, и указываетъ ему, что пространство воздуха надъ нимъ имѣетъ такую же высоту, какъ и онъ самъ,—и это вполнѣ практично, такъ какъ комната предназначена для него. Онъ получилъ бы о ней далеко не столь ясное понятіе, если бы зналъ, что комната его, длиною въ пять метровъ, зани-

маетъ какъ разъ одну двухмилліонную часть разстоянія отъ экватора до полюса.

Поэтому вполнѣ естественно, что человѣкъ сначала заимствовалъ единицу для счета и измѣренія отъ самого себя. Весьма рѣдко уже можно встрѣтить народы, представляющіе низшую ступень счетнаго искусства; тѣмъ не менѣе, изъ наблюденій надъ подобными немногочисленными народами, а также изъ тѣхъ остатковъ, которые еще кое-гдѣ сохранились въ нашихъ языкахъ, можно съ нѣкоторою увѣренностью заключить объ очень несложномъ пути развитія этого искусства. Въ нѣмецкомъ языкѣ еще сохранились два выраженія такого рода: «да онъ, кажется, не умѣетъ и трехъ перечесть»—или «до пяти сосчитать!». И, дѣйствительно, это—двѣ низшія, а потому и самыя важныя ступени, на которыя поднялся человѣкъ въ области чиселъ; каждая изъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ образуетъ единицу для одной изъ двухъ различныхъ системъ счисленія, которыя и у насъ до сихъ поръ перемѣшиваются между собою.

Первая оцѣнка однородныхъ предметовъ внѣшняго міра не дала, конечно, человѣку ничего, кромѣ неопредѣленнаго понятія о «множествѣ». Понятіе о единицѣ, противоположно этому понятію о множествѣ, дается человѣку имъ самимъ. Онъ — «одинъ»; всѣ остальные вмѣстѣ образуютъ множество. Но, благодаря сношеніямъ, съ помощью различенія лицъ «я и ты» образовалось понятіе двойственнаго числа; противоположно двумъ, является множество «три». На этой ступени развитія принцъ Нейвидскій засталъ ботокудовъ. Лишь эти три численныхъ понятія умѣли они выражать словами: «mokenam» — одинъ, «hentiata»—два, все же остальное—«uruhû»; послѣднее слово служило имъ для обозначенія всего того, что̀ больше двухъ; оно значило «больше или много». Конечно, они продолжали счетъ далѣе и въ этомъ множествѣ, но не словами, а жестами, указывая число пальцевъ на рукахъ и на ногахъ. Въ языкахъ сохранились еще воспоминанія объ этой ступени. Въ гіероглифическомъ письмѣ I обозначаетъ единственное число, II—двойственное, а III—множественное число вообще. Подобное же явленіе наблюдается и въ египетскомъ языкѣ, пытавшемся выражать числа съ помощью флексій именъ существительныхъ и глаголовъ; онъ образовалъ числа единственное и двойственное, но дальше тройственнаго не пошелъ; оно уже является и «множественнымъ числомъ».

Такимъ образомъ, и при дальнѣйшемъ развитіи счета число «три» оставалось въ нѣкоторомъ родѣ основнымъ числомъ и единицей счисленія, подобно нашему числу «десять». Если же для обозначенія болѣе, чѣмъ одной такой общепонятной группы, человѣкъ, подобно нынѣшнимъ ботокудамъ, прибѣгалъ къ помощи рукъ и ногъ, то онъ могъ обозначать этимъ способомъ двѣ, три и четыре такихъ основныхъ группы, и наивысшей единицей, которую человѣкъ могъ выразить словами или жестами, было, слѣдовательно, число «двѣнадцать». И, дѣйствительно, эту численную группу мы находимъ у нѣкоторыхъ народовъ въ качествѣ высшей единицы, преимущественно или исключительно положенной въ основаніе всего дальнѣйшаго счета; у другихъ она удержалась, по крайней мѣрѣ, въ системѣ мѣръ, какъ, напримѣръ, въ дюймовой системѣ мѣръ длины, въ монетной—гульденъ и въ счетѣ дюжинами. Такъ какъ двѣнадцать составлено изъ наименьшихъ группъ, обозначающихъ нѣсколько предметовъ, (двѣ руки,

двѣ ноги, число три), то эта единица счисленія имѣетъ преимущество большей дѣлимости передъ единицею той системы, въ основаніе которой положено пять пальцевъ въ соединеніи съ числомъ два.

Насколько человѣку естественно желаніе отсчитывать по пальцамъ отдѣльные предметы для болѣе точнаго опредѣленія ихъ количества, подтвердитъ каждый учитель, если онъ вспомнитъ, какихъ усилій стоитъ отучить дѣтей отъ пользованія при счетѣ этимъ вспомогательнымъ средствомъ. То обстоятельство, что на первыхъ порахъ люди остановились на основной группѣ, которую возможно образовать съ помощью одной руки, объясняется весьма просто тѣмъ, что сначала, пока долговременное упражненіе не упростило и не ускорило дѣла, вторая рука была занята откладываніемъ пальцевъ на первой. Вслѣдствіе того, сосчитавъ до пяти, нужно было каждый разъ снова начинать съ единицы.

Весьма возможно, что названія чиселъ свыше трехъ заимствованы отъ названій руки, этой природной счетной машины, хотя мы уже не узнаемъ ихъ въ нынѣшнемъ рудиментарномъ состояніи. На языкѣ тамановъ и теперь еще «вся рука» значитъ пять; абипоны въ Южной Америкѣ обозначаютъ число четыре выраженіемъ «страусовая лапа», такъ какъ эта послѣдняя имѣетъ соотвѣтствующее число пальцевъ. Быть можетъ, и въ славянскомъ языкѣ сохранилась подобная же связь; весьма вѣроятно, напр., что числительное пять и слова пята, пятить, пясть, имѣютъ родственное происхожденіе. Кромѣ того, замѣчательно наблюдаемое въ этомъ языкѣ различіе въ употребленіи именъ числительныхъ ниже и выше пяти; начиная съ пяти, славяне имѣютъ дѣло лишь съ единицей мѣры, въ противоположеніи которой названіе «множества» они употребляютъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа, тогда какъ послѣ числительныхъ меньше пяти они ставятъ единственное число, разсматривая считаемые предметы, какъ отдѣльные индивидуумы («три всадника», «пять всадниковъ» или «пятеро всадниковъ»).

Процессъ образованія чиселъ сохранился въ римскихъ цифрахъ, которыя, впрочемъ, до XVI столѣтія были въ употребленіи во всей Западной Европѣ. Римляне каждую единицу обозначали чертой I, II, III, IIII; но для пяти они имѣли особый знакъ V, сдѣлавшійся, въ свою очередь, основнымъ; знакъ этотъ, по всей вѣроятности, изображая крайніе пальцы, долженъ былъ представлять всю руку. Дальнѣйшій счетъ начинался съ другой руки, причемъ къ V послѣдовательно прибавляли по одной чертѣ (пальцу)—VI, VII и т. д. Наконецъ, пальцы обѣихъ рукъ обозначались двойнымъ V, т. е. X. Это число, въ свою очередь, сдѣлалось единицей счисленія, и подобный процессъ повторялся по мѣрѣ того, какъ человѣкъ оріентировался все въ бо́льшихъ и бо́льшихъ количествахъ. Въ то время, когда «десять» было наивысшимъ числомъ, такія слова, какъ «сто», «тысяча» могли служить лишь для выраженія неопредѣленнаго понятія множества, пока они не получили значенія, опредѣляемаго съ помощью десяти, т. е. 10×10 и $10 \times 10 \times 10$. Греки имѣли еще особое названіе, миріада, для $10 \times 10 \times 10 \times 10$; вмѣстѣ съ тѣмъ слово миріада, стоящее, какъ казалось имъ, на границѣ исчислимаго, служило для обозначенія не только десяти тысячъ, но и вообще «великаго множества». Слова «милліонъ» древніе еще не знали.

Менѣе развитые народы даютъ матеріалъ для наблюденія подобнаго же

явленія. Зулусы обозначаютъ 6 словомъ, имѣющимъ смыслъ «взять большой палецъ», 7—формой отъ глагола «указывать». Этимъ они хотятъ сказать, что число обнимаетъ, кромѣ всѣхъ пальцевъ одной руки, еще большой и указательный пальцы другой руки. Къ подобному же способу прибѣгаютъ и упомянутые таманаки, дойдя до него вполнѣ самостоятельно; напр., 6 они обозначаютъ выраженіемъ, собственно значащимъ: «одинъ палецъ другой руки» и т. п. «Обѣ руки» значитъ 10, «одинъ палецъ ноги»—11, «вся нога»—15, «одинъ палецъ другой ноги»—16, а «весь человѣкъ»—20.

Точно такъ же у абиноновъ выраженіе «пальцы обѣихъ рукъ» значитъ 10, а «пальцы рукъ и ногъ»—20.

Если въ нашихъ языакхъ имена числительныя, повидимому, совершенно свободны отъ такихъ соотношеній, то система счисленія осталась, тѣмъ не менѣе, та же; только за единицы принимаются различныя группы единицъ — 5, 10, а мѣстами даже 20. Сенегальскіе негры до сихъ поръ остались при 5 и считаютъ «пять и одинъ», «пять и два» и т. д. Тоже самое дѣлаемъ мы съ десятью, считая «тринадцать», «четырнадцать», затѣмъ снова «двадцать одинъ», «двадцать два» и т. п. На многихъ языкахъ единицу счисленія образуетъ «весь человѣкъ», т. е. число двадцать; слѣды этого замѣчаются и въ нѣкоторыхъ европейскихъ языкахъ: датчане, напр., 60 обозначаютъ словомъ «tredsindstyve», т. е. «трижды двадцать», а французы 80 называютъ «quatre-vingt» — «четырежды двадцать». Но и отъ троичной системы, которая при «всемъ человѣкѣ», какъ единицѣ счисленія, должна была перейти въ двѣнадцатеричную, сохранились нѣкоторые остатки, по крайней мѣрѣ, въ старомъ нѣмецкомъ языкѣ, на которомъ отъ десятеричной сотни отличали подобнымъ образомъ составленную «большую сотню» («Grosshundert») въ $12 \times 10 = 120$ единицъ. Но здѣсь имѣетъ мѣсто уже сочетаніе обѣихъ системъ; правильнѣе счетъ на гроссы въ $12 \times 12 = 144$ единицы. Выборъ этой системы въ связи съ нашимъ письменнымъ счисленіемъ (писать 10 вмѣсто 12 и вставить два новыхъ числа передъ 10) былъ бы гораздо удобнѣе для счета.

Человѣкъ въ самомъ себѣ и въ своихъ дѣйствіяхъ нашелъ и первоначальную мѣру для всего окружающаго. При этомъ повторился такой же процессъ, какъ и при образованіи языка. Сначала для обозначенія разстояній и величинъ каждый выбиралъ тѣ сравненія, которыя казались ему наиболѣе подходящими, и, какъ вспомогательнымъ средствомъ, пользовался членами своего собственнаго тѣла. Необходимо допустить, что слѣдствіемъ этого сначала было большое разнообразіе въ мѣрахъ, пока люди, благодаря сношеніямъ, не пришли постепенно къ выбору одной изъ нихъ, наиболѣе удобной. «Локоть» можетъ послужить отличнымъ примѣромъ для уясненія сказаннаго. Длину поля не измѣряли «локтями», а матеріи—очень часто. Почему? А потому, что въ старину матеріи изготовлялись въ видѣ очень узкихъ полосъ, которыя для измѣренія обматывали около предплечья, или нижней части руки, т. е. отъ сочлененія большого пальца до локтя и, перекинувъ черезъ локоть, обратно. Единицей при этомъ служитъ образующееся, такимъ образомъ, кольцо изъ ткани, или двойная длина человѣческаго предплечья, которое вмѣстѣ съ тѣмъ, и притомъ еще гораздо раньше, чѣмъ стать мѣрой, было одѣто этой самой тканью.

Вполнѣ естественно, что эта мѣра была различна у разныхъ лицъ, такъ какъ локти бываютъ короткіе и длинные. Двойная длина локтя человѣка средняго роста должна быть равна приблизительно 74 сант. Но помимо расоваго различія, должно быть принято ко вниманіе и то, кто измѣрялъ: мужчина или, въ среднемъ, болѣе низкорослая женщина. Но, это является, однако, не особенно важной помѣхой для торговли. На рынкахъ въ Суданѣ и теперь еще полотно продается такимъ образомъ: покупатель сначала оглядываетъ продавца, опредѣляетъ длину его локтя и затѣмъ предлагаетъ ему больше или меньше въ зависимости отъ этой длины. Но съ изобрѣтеніемъ деревяннаго мотовила взамѣнъ быстро устающей руки, въ интересахъ торговли было установить повсюду одну и ту же среднюю мѣру, для чего опредѣляютъ длину нитки, которая должна составить мѣру мотка. Такъ возникаютъ постоянныя мѣры въ торговыхъ пунктахъ, но въ различныхъ мѣстахъ онѣ могутъ быть весьма неодинаковы. Такъ, существовали локти франкфуртскій, нюрнбергскій, вѣнскій, пражскій. Первоначально наблюдалось большое разнообразіе въ мѣрахъ въ зависимости отъ мѣста, и лишь постепенно въ торговлѣ стала примѣняться предпочтительно та или другая изъ нихъ. Наконецъ, подобный выборъ распространился на цѣлыя мѣстности и государства съ дальнѣйшими ограниченіями. Древне-египетскій локоть былъ очень малъ, всего 52,4 сант. въ длину; въ Германіи франкфуртскій въ 54 и саксонскій въ 56 сант. длиною принадлежали къ числу самыхъ малыхъ, а австрійскій въ 78 и баварскій въ 83 сант.—къ самымъ большимъ. Если бы въ послѣднее время не была введена искусственная метрическая мѣра, то въ Германіи движеніе въ сторону однообразія мѣры, навѣрное, дошло бы до образованія обще-германскаго локтя.

Болѣе мелкія мѣры представляютъ пядень, ширина ладони, большого пальца (дюймъ), суставъ пальца, ноготь; наибольшей изъ подобныхъ мѣръ является длина человѣческаго роста, которая приблизительно измѣряется разстояніемъ между концами двухъ раскинутыхъ въ противоположныя стороны рукъ. Ей соотвѣтствуетъ нѣмецкая сажень (= 6 фут.) и, приблизительно, обыкновенная сажень. Разстоянія на земной поверхности измѣрялись, естественно, «шагами» или, болѣе точно, длиною ступни (футъ), большія— «привалами» и «днями пути». Римляне употребляли еще единицу мѣры въ тысячу (mille) двойныхъ шаговъ, откуда мы заимствовали слово «миля». Чѣмъ больше проникаемъ мы въ своихъ наблюденіяхъ въ глубь вѣковъ, тѣмъ произвольнѣе, а потому и разнообразнѣе становятся мѣры. Древніе германцы говорили, какъ о мѣрѣ разстоянія, о верженіи камня и полетѣ стрѣлы; позднѣе стали употреблять для той же цѣли такія выраженія, какъ ружейный выстрѣлъ и «трубка табаку». У японцевъ встрѣчаемъ даже такую мѣру, какъ «лошадиный башмакъ»; дѣло въ томъ, что у нихъ лошадей не подковываютъ, а въ путешествіяхъ, какъ это дѣлалось раньше и въ Германіи, имъ подвязываютъ подъ копыта соломенные башмаки, которые нужно мѣнять по мѣрѣ того, какъ лошадь дѣлаетъ извѣстное разстояніе, называемое, поэтому, «лошадинымъ башмакомъ». Изъ такого неограниченнаго разнообразія, путемъ все болѣе суживавшагося выбора, образовались единицы, примѣняемыя въ болѣе обширныхъ районахъ.

II. Область культа.

Культъ, миѳы и религія.

Съ теченіемъ времени, параллельно съ развитіемъ общественныхъ отношеній, понятіе религіи все болѣе и болѣе расширялось, и нынѣ, вслѣдствіе этого расширенія, оно не поддается уже точному опредѣленію. Сперва религіей была лишь ощущаемая человѣкомъ связь его съ духомъ или съ міромъ духовъ внѣ его. Теперь, желая узнать отъ кого-нибудь, какой онъ «религіи», мы стараемся опредѣлить его взгляды на астрономію, геологію, біологію и многое другое. Такъ какъ нынѣ уже не каждый отдѣльный человѣкъ, а весь міръ, по нашему мнѣнію, находится въ постоянной связи съ властвующимъ надъ нимъ духовнымъ существомъ, то все міровоззрѣніе современнаго человѣка составляетъ содержаніе его понятія о религіи. Это измѣненіе или, вѣрнѣе, постепенное расширеніе описываемаго понятія вполнѣ естественно и объяснимо; оно идетъ параллельно съ переходомъ человѣчества отъ первобытной изолированности къ общественности, параллельно съ созданіемъ формъ организацій и съ проникновеніемъ въ сознаніе понятія о вселенной.

Ясно, что понятія религіи на обоихъ конечныхъ пунктахъ пути этого развитія діаметрально противоположны. Поэтому, если мы займемся вопросомъ о происхожденіи религіи, то результаты нашихъ изысканій будутъ, безъ сомнѣнія, различны въ зависимости отъ того, какое изъ этихъ понятій положимъ мы въ основаніе нашихъ изслѣдованій Въ этомъ читатель можетъ найти объясненіе того несогласія между изслѣдователями, которое не могло ускользнуть отъ его вниманія, если онъ знакомъ съ литературой этого вопроса. Когда изслѣдователь исходилъ изъ современнаго понятія о религіи, то его разспросы и наблюденія надъ «дикарями» давали ему основаніе утверждать, что и теперь еще существуетъ на земномъ шарѣ, если не много, то, во всякомъ случаѣ, нѣсколько племенъ, у которыхъ незамѣтно и слѣдовъ религіи. Напротивъ, изслѣдователи, которые соотвѣтственнымъ образомъ расширяли понятіе о религіи, приходили къ убѣжденію, что у каждаго народа, какъ бы низко ни стоялъ онъ въ своемъ развитіи, можно найти въ его мышленіи нѣкоторый религіозный элементъ, хотя бы въ самомъ зачаточномъ состояніи [2]).

Изслѣдователи того и другого направленія въ подтвержденіе своихъ выводовъ могутъ привести вполнѣ достовѣрныя свидѣтельства. Бывали случаи, что люди на вопросъ, кто создалъ небо, отвѣчали, что они этого не знаютъ и никогда не задавались подобнымъ вопросомъ. Отсюда слѣдуетъ только, что религіозныя представленія исходятъ не изъ такихъ вопросовъ. Если изъ предыдущаго изложенія читатель составилъ правильное представленіе о томъ, какъ первобытный человѣкъ, лишенный всякихъ культурныхъ средствъ, заботится о поддержаніи своего существованія, онъ пойметъ, какъ мало было у него времени и возможности заниматься разрѣше-

ніемъ отвлеченныхъ вопросовъ. До изобрѣтенія орудій и добыванія огня, даже въ самыхъ благословенныхъ странахъ, забота о пищѣ и потребность въ отдыхѣ, смѣняя другъ друга, должны были заполнять всю жизнь человѣка. Кромѣ того, развѣ мало умственныхъ силъ потрачено было первобытными людьми на обдуманное употребленіе орудій, на развитіе языка и выработку формъ общественности? Такимъ образомъ, у древнѣйшаго человѣка не было и внутренняго побужденія къ подобнымъ умозрѣніямъ. Нашимъ дѣтямъ мы вообще довольно рано начинаемъ говорить о небѣ и о землѣ, соединяя съ этимъ понятіе о вселенной и вызывая у нихъ дальнѣйшіе вопросы изъ той же области; но какъ могъ придти къ такому понятію и къ такимъ вопросамъ человѣкъ прежде, чѣмъ закончился чрезвычайно медленный процессъ образованія и развитія общественной организаціи?

Гораздо вѣроятнѣе, что самъ человѣкъ на первыхъ порахъ является центромъ своего мышленія подобно тому, какъ первоначально онъ сосредоточивалъ всѣ свои заботы на самомъ себѣ; робкая, безпомощная попытка къ размышленію зарождается не только въ немъ, но и около его, и уже отсюда начинаетъ она распространяться концентрическими кругами все шире и шире. Тотъ фактъ, что человѣкъ, стоящій даже на самой низкой ступени цивилизаціи, размышляетъ о себѣ и себѣ подобныхъ, не ускользнулъ ни отъ одного изслѣдователя. Всѣ они согласны между собою въ томъ, что даже у тѣхъ «дикарей», у которыхъ, по мнѣнію однихъ, нѣтъ «ничего», относящагося къ религіи, можно найти различныя «суевѣрія». Но они будто бы не имѣютъ между собой никакой связи и не обнаруживаютъ даже слѣдовъ какой-либо «системы». Мы видимъ при этомъ передъ собой тоже явленіе, что и при образованіи языка.

Всѣ первыя попытки человѣка — не что иное, какъ акты его индивидуальнаго произвола; система извѣстныхъ положеній можетъ быть создана лишь взаимнымъ соглашеніемъ. Произволу отдѣльнаго лица границы ставятся только самимъ дѣломъ. «Суевѣріе»—вообще довольно шаткое понятіе; но въ данномъ случаѣ оно примѣняется прямо-таки ошибочно; оно выражаетъ лишь наше мнѣніе о чужихъ представленіяхъ, значеніе которыхъ само по себѣ совершенно не зависитъ отъ этого сужденія. Мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ установленіемъ различія между вѣрой и суевѣріемъ, но съ представленіями людей въ ихъ исторической послѣдовательности.

Основой всѣхъ религіозныхъ представленій, встрѣчаемой нами всюду безъ исключенія, слѣдуетъ считать то невидимое начало, видимымъ проявленіемъ котораго является человѣческая жизнь. Умозаключенія, съ помощью которыхъ каждый человѣкъ приходитъ къ этому представленію, до того просты, что кажется, будто они даны ему самой природой; каждый смертный случай вызываетъ ихъ въ человѣкѣ. Вотъ раненъ мужчина, полный жизни, и спустя короткое время онъ уже представляетъ изъ себя окоченѣвшій трупъ. Тѣло осталось то же; но въ томъ, въ комъ только что была жизнь, теперь уже нѣтъ ея. Въ подобныхъ случаяхъ у всѣхъ людей сама собою напрашивалась мысль: тѣло можетъ быть съ жизнью и безъ нея; жизнь, слѣдовательно, нѣчто другое, чѣмъ тѣло. О томъ, что она такое? — могутъ быть самыя разнообразныя понятія. Мы ограничимся пока фактомъ, что человѣкъ именно этимъ путемъ получилъ представленіе о жизненномъ началѣ, не тождественномъ съ тѣломъ. Представленіе это,

впрочемъ, могло быть весьма неопредѣленнымъ, какъ это можно видѣть изъ попытокъ языка, какъ бы ощупью добиравшагося до соотвѣтствующаго обозначенія. Объ этомъ жизненномъ началѣ говорили, какъ о настоящей личности человѣка, какъ о «немъ» самомъ, считая тѣло лишь служебнымъ органомъ; или же начало это называли особымъ именемъ: «душа» или «духъ». Первый, болѣе неопредѣленный способъ выраженія—вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе древній: еще въ египетскихъ надгробныхъ надписяхъ довольно часто говорится о «немъ» или его «личности», вмѣсто того, чтобы говорить о душѣ, для которой въ позднѣйшемъ языкѣ уже существуетъ особое слово. И у насъ сохранился еще древній способъ выраженія въ такихъ, напр., оборотахъ, какъ «онъ внѣ себя», «онъ пришелъ въ себя» и т. п. Итакъ, и мы словомъ «онъ» обозначаемъ то духъ человѣка, то покинутое духомъ тѣло, то всю личность обитаемаго духомъ тѣла; и это служитъ доказательствомъ того, что человѣкъ лишь постепенно болѣе точно ограничивалъ созданныя имъ представленія.

Къ этимъ ограниченіямъ принадлежатъ, между прочимъ, и слѣдующіе вопросы: изъ чего состоитъ эта «душа», и безсмертна она или нѣтъ? На первый вопросъ человѣкъ пытался найти отвѣтъ въ очень раннюю эпоху, причемъ, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣты были въ высшей степени разнообразны, что̀ мы еще укажемъ ниже. Второй вопросъ въ поставленной нами формѣ не могъ пробудиться въ человѣкѣ, пока онъ не пришелъ къ понятію безконечности; а для этого вначалѣ у него не было никакого повода. Для него не подлежало сомнѣнію лишь то, что душа въ моментъ смерти тѣла еще живетъ, такъ какъ именно самый фактъ ея отдѣленія отъ тѣла былъ съ ея стороны проявленіемъ жизнедѣятельности. Но долго ли она еще живетъ послѣ этого?—на этотъ вопросъ не давалъ отвѣта никакой опытъ, по крайней мѣрѣ, доступный для всѣхъ. Лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ человѣкъ могъ вѣрить, что онъ видитъ проявленія такихъ душъ, откуда онъ долженъ былъ заключить о продолженіи ихъ существованія.

Наибольшее единогласіе существуетъ у всѣхъ народовъ относительно того, что душа, или духъ, какъ предпочитаютъ называть ее, послѣ отдѣленія отъ тѣла можетъ жить лишь при соблюденіи извѣстныхъ условій, а также относительно самихъ этихъ условій. Ходъ умозаключеній человѣка при этомъ былъ очень простъ и повсюду одинъ и тотъ же. Для чего мы ѣдимъ и пьемъ?—Чтобы жить. Но жизнь заключается въ душѣ; слѣдовательно, душа нуждается въ пищѣ и питьѣ—или ѣстъ и пьетъ бездушное тѣло? Такой выводъ дѣлали люди повсюду на низшей ступени развитія вѣры въ существованіе души. Отчего же могла зависѣть жизнь духа послѣ его отдѣленія отъ тѣла? Отъ того, будутъ ли предоставлены ему необходимыя для жизни условія, или, называя соотвѣтственное отношеніе со стороны человѣка попеченіемъ, можно сказать, что непремѣннымъ условіемъ дальнѣйшей жизни духа, покинувшаго тѣло, является попеченіе, забота о немъ со стороны живыхъ людей. Душѣ, составляющей предметъ заботы, дальнѣйшая жизнь обезпечена. Эта забота о душѣ умершаго и есть культъ на низшей ступени развитія.

На комъ же лежитъ обязанность такого попеченія? Если бы исходнымъ пунктомъ первыхъ попытокъ умозрѣнія человѣка повсюду не былъ онъ

самъ, то на этотъ вопросъ мы могли бы дать различные отвѣты. Быть можетъ, духъ и безъ тѣлесныхъ органовъ могъ бы самъ заботиться о себѣ? Намъ извѣстны лишь отдѣльныя указанія, что мѣстами у народовъ, стоящихъ на низкой ступени развитія, найдены слѣды подобнаго воззрѣнія. Но говоря вообще, человѣкъ повсюду считалъ себя самого обязаннымъ заботиться о духахъ, такъ какъ чувство зависимости, какое заставлялъ испытывать его жизненный опытъ, онъ относилъ къ этимъ духовнымъ существамъ внѣшняго міра. Для явленій, не касающихся его непосредственно, принося ему пользу или вредъ, некультурный человѣкъ не ищетъ объясненія. Ему не приходитъ въ голову анализировать явленіе града, но боль, причиняемая его кожѣ, можетъ вызвать его на размышленіе. Въ основаніи многихъ явленій онъ долженъ предполагать присутствіе какой-то силы, которая, несмотря на ощутительность своихъ дѣйствій, остается невидимой для него. Но въ области его дѣтскаго еще опыта имѣется лишь одна категорія существъ, невидимыхъ и въ то же время способныхъ проявлять свою силу: это—души или духи; отсюда человѣкъ неизбѣжно долженъ придти къ такому выводу: человѣкъ предоставленъ дружественнымъ или враждебнымъ вліяніямъ именно такихъ существъ. При этомъ возможны два случая: или эти духовныя существа совершенно тождественны въ представленіи первобытнаго человѣка съ тѣми, которые извѣстны ему, какъ человѣческія души, покидающія тѣло въ моментъ смерти; или же онъ воображаетъ, что за явленіями, не имѣющими никакой видимой причины, скрываются существа, совершенно неизвѣстныя ему и лишь сходныя съ душами умершихъ. Первый случай имѣетъ мѣсто у народовъ съ зачаточной культуры; второй выступаетъ все болѣе и болѣе, по мѣрѣ увеличенія круга человѣческаго опыта и расширенія общественной организаціи. Послѣднее представленіе слѣдовало за первымъ, а не предшествовало ему; это доказывается культомъ, заимствованнымъ у первой ступени и сохранившимся на слѣдующихъ высшихъ ступеняхъ, чтб указываетъ на первичную форму представленій.

Дикарь отличается отъ культурнаго человѣка, главнымъ образомъ, тѣмъ, что первый можетъ пользоваться лишь воспоминаніями собственной жизни, а послѣдній владѣетъ духовнымъ наслѣдіемъ предшествовавшихъ поколѣній. Разница эта особенно рельефно выражается въ религіозныхъ представленіяхъ. Всѣ предыдущія поколѣнія, о длинномъ рядѣ которыхъ сохранились воспоминанія у культурнаго человѣка, становятся между нимъ и упомянутыми, первоначальными духами, которые, возвысившись вслѣдствіе такого отдаленія и развитія, могутъ уже быть съ нѣкоторымъ правомъ названы богами; но этотъ же культъ остается краснорѣчивымъ свидѣтелемъ первичной связи представленій. Поэтому и культъ долженъ отступить на задній планъ, или формы его должны уступить мѣсто символическому толкованію, какъ скоро понятіе о божествѣ освободится отъ упомянутой прежней зависимости и достигнетъ высоты, предполагающей болѣе широкое міросозерцаніе.

На этой ступени содержаніе понятія «религія» должно быть уже совершенно инымъ, чѣмъ на самой низшей. Первой формой религіознаго сознанія всегда было выражавшееся въ культѣ чувство обязательства и вытекавшее изъ выполненія послѣдняго притязаніе на содѣйствіе и помощь. Миѳологія далеко не въ такой степени является первоначальной

составной частью религіи и еще менѣе ея источникомъ; ее скорѣе можно сравнить съ плескомъ и журчаніемъ, съ какимъ ручеекъ вытекаетъ изъ источника. И здѣсь журчаніе ручейка и теченіе воды тѣсно связаны между собою; но какъ безъ текучей воды не было бы и шума, такъ и миѳологія, вопреки распространенному противоположному мнѣнію, отнюдь не создаетъ религіозныхъ представленій. Тамъ, гдѣ ручеекъ еще не течетъ, т. е. при однообразной, не имѣющей исторіи жизни докультурнаго человѣчества, миѳъ совершенно отсутствуетъ или является въ скудныхъ образахъ; но страхъ передъ духами, стараніе ихъ умилостивить, словомъ, дѣйствія культа замѣтны и на этой ступени. Однако, чѣмъ обильнѣе становится теченіе исторіи религіозной жизни, еще прежде, чѣмъ она станетъ доступной перу дѣйствительнаго и настоящаго историческаго описанія, тѣмъ ручеекъ миѳологіи громче журчитъ и тысячи прибрежныхъ цвѣтковъ, безпечно глядѣвшихся въ зеркальныя воды его, срываетъ и уноситъ въ своихъ волнахъ.

Провести границу между религіей и миѳологіей, повидимому, очень трудно; но съ помощью культа, въ качествѣ пробнаго камня, легко можно отличить истинное ядро религіозныхъ представленій отъ мишурныхъ украшеній миѳологіи. Создавъ культъ, человѣчество возложило на себя бремя, почти непосильное, именно потому, что попеченіе о душахъ умершихъ шло впередъ, все болѣе и болѣе распространяясь; богатыя, наполненныя приношеніями гробницы, относящіяся къ эпохѣ скуднаго существованія, милліоны капель пота, скрѣплявшихъ пирамиды, кровь жертвъ, отреченіе отъ жизненныхъ благъ,—все это лишь отдѣльныя, далеко не полныя доказательства тяжести этого бремени. Никогда человѣкъ, которому съ такимъ трудомъ приходилось добывать себѣ самое необходимое, не возложилъ бы на себя такой подавляющей ноши для того только, чтобы выразить «символами» свой поэтическій взглядъ на этотъ предметъ. То, что такъ глубоко захватывало и захватываетъ жизнь человѣчества, не есть религія миѳологіи или философіи, а религія культа. Поэтому, мы дадимъ сперва нѣсколько больше мѣста разсмотрѣнію этого послѣдняго и исторіи его развитія, а затѣмъ прибавимъ необходимыя свѣдѣнія объ его отношеніи къ миѳологіи

Вѣра въ души и духовъ.

Хотя, какъ сказано выше, культъ и религія культа повсюду на всемъ земномъ шарѣ вытекаютъ изъ одного и того же первичнаго источника, тѣмъ не менѣе, уже съ самаго начала возможно нѣкоторое разнообразіе въ ихъ формахъ. Культъ въ простѣйшемъ его видѣ можетъ быть опредѣленъ, какъ «попеченіе о душахъ»; поэтому форма культа обусловливается современнымъ ей представленіемъ о душѣ и соотвѣтственнымъ характеромъ этого попеченія. Представленія о связи души съ тѣломъ, которыя существуютъ у народа на извѣстной ступени его культурнаго развитія, мы назовемъ «народной физіологіей»; что же касается самаго характера все возрастающихъ попеченій, то онъ во всѣхъ случаяхъ зависитъ отъ состоянія матеріальной культуры; иначе сказать, форма культа опредѣляется народной физіологіей въ связи со степенью матеріальной культуры.

Вполнѣ это относится, впрочемъ, лишь къ самой ранней эпохѣ, когда жизненныя условія были наиболѣе простыми; въ послѣдующія времена къ указаннымъ факторамъ присоединяется еще преобразующее дѣйствіе наслѣдія прошлаго. Именно въ культѣ человѣкъ наиболѣе консервативенъ, причина чего заключается въ самой сущности дѣла. Отошедшая отъ тѣла душа нуждается въ попеченіи; человѣкъ долженъ заботиться о ней не только ради благочестія, но и ради собственной выгоды. Благочестіе можно было бы разсматривать, какъ естественное для всѣхъ людей чувство долга, какъ развитіе той обязанности, которая лежитъ на всѣхъ членахъ семьи по отношенію къ матери или къ отцу при ихъ жизни; но мы знаемъ уже, что во времена некультурныя печальная необходимость часто вынуждала человѣка покидать на произволъ судьбы стариковъ для того, чтобы имѣть возможность удовлетворять потребностямъ собственнаго существованія. По этому, нить благочестія легко могла бы порваться, если бы ее не скрѣпляло сознаніе собственной выгоды. Выразителемъ той точки зрѣнія на этотъ вопросъ, на которой стоитъ весь первобытный міръ, можетъ служить африканскій начальникъ племени, покинувшій путешественника, когда головная боль напомнила ему, что онъ остался въ долгу передъ душой своего умершаго отца, не оказавъ ей достаточнаго попеченія. Такъ какъ первобытный человѣкъ не знаетъ вообще иной невидимой силы помимо той, которая, по его мнѣнію, должна исходить отъ духа, то эта ограниченность его опыта и въ области духовъ не ведетъ его дальше душъ ближайшихъ его родственниковъ, отъ которыхъ онъ находился въ зависимости, опредѣляемой извѣстнымъ укладомъ семейной жизни. Поэтому всякую боль или вредъ, причиняемые человѣку невидимыми силами, онъ считаетъ дѣломъ одного изъ этихъ ближайшихъ духовъ. Такъ, духъ отца причинилъ упомянутому африканцу головную боль; другими словами, онъ можетъ причинить живому человѣку болѣзнь, даже умертвить его. Его власть гораздо могущественнѣе, чѣмъ власть какого бы то ни было духа, связаннаго съ тѣломъ; онъ можетъ свободно носиться по воздуху, и, по вѣрованіямъ бразильскихъ индѣйцевъ, именно духи и производятъ грозу. Они могутъ также бросать градъ на землю, уничтожать посѣвы, предостерегать дичь отъ охотника, насылать на людей голодъ и нужду, словомъ, причинять имъ всевозможный вредъ.

Но зачемъ они дѣлаютъ это? Отвѣтъ на этотъ вопросъ человѣкъ находитъ въ своемъ собственномъ житейскомъ опытѣ. Они, думается ему, выражаютъ свое неудовольствіе по поводу испытываемыхъ ими лишеній, вслѣдствіе небрежнаго отношенія къ нимъ со стороны человѣка. По этому, если человѣкъ, придя къ такому выводу, желаетъ быть свободнымъ отъ всякой бѣды, если онъ хочетъ, чтобы плоды его полей благополучно созрѣвали, чтобы дичь не ускользала отъ его копья и чтобы самъ онъ оставался цѣлъ и невредимъ, то онъ по необходимости долженъ заботиться о духахъ умершихъ и умилостивлять ихъ приношеніями. Если этимъ приношеніямъ мы дадимъ особое названіе «жертвы», то мы получимъ нѣкоторое объясненіе того, какимъ образомъ индусъ уже на самой низкой ступени развитія могъ придти къ принципу: «міръ держится жертвами».

Но если для первобытнаго человѣка столь многое зависитъ отъ его попеченія о духахъ, то онъ долженъ былъ тщательно остерегаться, какъ-бы

не упустить или не измѣнить чего-нибудь въ унаслѣдованныхъ имъ обязанностяхъ культа. Поэтому именно въ культѣ и сохранились для насъ тѣ нравы и обычаи, о которыхъ не имѣется никакихъ историческихъ свѣдѣній. Время, конечно, и на него накладываетъ свою печать, прибавляя къ этимъ обычаямъ и кое-что новое, но оно все-таки избѣгаетъ вполнѣ уничтожать старое, столь ревниво всѣми оберегаемое. Эта неизмѣнная приверженность къ старинѣ способствуетъ тому, что культъ часто дѣлается непонятнымъ для тѣхъ, кто его соблюдаетъ, и, тѣмъ не менѣе, онъ остается неприкосновеннымъ. Но если уже рѣшаются дѣлать попытки къ его истолкованію съ точки зрѣнія подвинувшихся впередъ нравовъ, то къ двумъ упомянутымъ элементамъ только присоединяется третій, ничего въ сущности не объясняющій.

Представленіе о душѣ, какъ о краеугольномъ камнѣ всего зданія, осталось въ основѣ человѣческаго умозрѣнія и на высшихъ ступеняхъ культуры. По наивному понятію древняго времени, въ человѣческомъ тѣлѣ двѣ вещи находятся въ непосредственной связи съ жизнью: кровь и дыханіе. Вытекаетъ кровь—отлетаетъ и душа; слѣдовательно, заключалъ первобытный человѣкъ, жизнь и душа должны заключаться въ крови. Паръ поднимается отъ теплой крови, и пока человѣкъ живъ, изо рта его постоянно вылетаетъ дыханіе: отсюда выводилось заключеніе, что паръ, выдыхаемый человѣкомъ, его дыханіе и есть, именно, его душа. Читатель, быть можетъ, припомнитъ изъ Библіи нѣкоторыя выраженія, указывающія на всѣ эти представленія. Человѣку, сотворенному изъ глины, Богъ вдохнулъ дыханіе жизни; Духъ Божій неоднократно уподобляется дыму или дымному облаку. Точно такъ же и на египетскихъ изображеніяхъ божество даруетъ человѣку «вторую» жизнь, поднося къ его носу кольцо жизни.

Для народнаго міровоззрѣнія и для культа, столь приверженнаго старинѣ, это представленіе остается господствующимъ; но ни научное мышленіе, ни народная фантазія на этомъ остановиться не могутъ. Первое стремится все глубже уяснить себѣ основу жизни, вторая старается, не сходя съ извѣстнаго пути, охватить все расширяющійся кругъ явленій. Что такое въ сущности дыханіе?—Воздухъ. Можно-ли, однако, остановиться на этомъ? Являются-ли свойства воздуха существеннымъ признакомъ дыханія и пара, поднимающагося отъ теплой крови? Быть можетъ, влажность и въ томъ, и въ другомъ является основной причиной жизни? Но и это предположеніе не исчерпываетъ всего возможнаго. Въ свернувшейся крови нѣтъ жизни; душа, слѣдовательно, покинула ее; но не исчезло-ли изъ нея, кромѣ влажности, и тепло. Развѣ дыханіе не теплое? Быть можетъ, именно тепло и является основнымъ началомъ жизни? Эти изслѣдованія своимъ методомъ нѣсколько отличаются, конечно, отъ нашихъ химическихъ и физіологическихъ опытовъ, но въ свое время вопросъ о сущности души неотступно преслѣдовалъ безпомощнаго человѣка, а между тѣмъ, найти иное рѣшеніе его онъ былъ не въ состояніи. То, что въ библейскихъ выраженіяхъ отражается, какъ древнее народное представленіе, все, съ чѣмъ мы встрѣчаемся во всѣхъ обрядахъ культа дикихъ народовъ, занимало равнымъ образомъ и пробуждавшееся мышленіе, «философію» грековъ въ ея младенческомъ возрастѣ. Чѣмъ же, какъ не попыткой разрѣшить вопросъ о сущности души, слѣдуетъ считать то, что Θалесъ суб-

станціей души называлъ «воду», Анаксименъ—«воздухъ» и Гераклитъ—«огонь»? Еще Сократа въ юности занималъ вопросъ—кровь, воздухъ или огонь дѣлаютъ насъ разумными существами? Такъ какъ древнѣйшая греческая философія представляла весь міръ обладающимъ одной божественной душой, надѣленной всѣми свойствами человѣческой души, этого исходнаго пункта народнаго умозрѣнія, то она въ одно и то же время пришла къ тремъ возможнымъ отвѣтамъ на вопросъ о первопричинѣ всего существующаго; одни считали таковой—воду, другіе—огонь, а третьи—воздухъ.

Но къ культу подобныя умозрѣнія не имѣютъ никакого отношенія; онъ остался при своемъ узкомъ представленіи о свойствахъ индивидуальной души и лишь дополнилъ его цѣлымъ рядомъ отчасти фантастическихъ идей. Душу представляли себѣ въ видѣ тѣни или въ видѣ туманнаго существа, подобно тому, какъ средневѣковые монахи воображали ее въ видѣ прозрачнаго, какъ стекло, предмета; часто ей придавали форму птицы, но всего чаще—форму змѣи. Конечно, душа, согласно народнымъ вѣрованіямъ, покинувъ человѣческое тѣло, можетъ, вслѣдствіе своей необыкновенной тонкости, вселиться во всякій предметъ или животное; первобытные народы считали змѣю не только тѣлесной оболочкой души, но и видимою формой ея самой. Очевидно, кажущаяся таинственность этого животнаго привела къ такого рода предположенію, превратившемуся затѣмъ въ вѣрованіе. Пока человѣкъ спалъ на землѣ, нерѣдко на его ложѣ оказывалась змѣя, подобно тому, какъ и нынѣ ужи любятъ забираться въ наиболѣе укромные уголки человѣческаго жилища. Блестящіе глаза и проворство этого лишеннаго членовъ животнаго вполнѣ убѣждали человѣка, что въ этомъ животномъ есть что-то особенное.

Образованію такихъ представленій о душѣ не мало помогали сновидѣнія. Толкованія, даваемыя первобытнымъ человѣкомъ этому явленію, и теперь еще не вполнѣ разъясненному, сохранялись въ полной чистотѣ своей въ средневѣковыхъ монастыряхъ. Согласно этому толкованію, картины, создаваемыя грезами, могутъ имѣть двоякое происхожденіе. Или душа покидаетъ тѣло спящаго человѣка и въ то время, какъ онъ лежитъ, будто мертвый, странствуетъ по отдаленнымъ мѣстностямъ и наблюдаетъ тѣ предметы, воспоминаніе о которыхъ, по ея возвращеніи, составляетъ то, что называютъ сновидѣніемъ; или, наоборотъ, въ тѣло или въ отдѣлившуюся отъ него душу входитъ чужая душа и показываетъ ей подобныя картины или же разсказываетъ ей о такихъ предметахъ. Набожный пріоръ Цезарій фонъ-Гейстербахъ различаетъ (въ Діалогѣ, II, гл. IV) шесть родовъ сновидѣній въ зависимости отъ вызывающихъ ихъ причинъ; изъ числа ихъ одно является «откровеніемъ Святого Духа», дающаго видѣть образы душѣ спящаго «внѣшняго человѣка». Но еще выше, по мнѣнію пріора, тѣ изъ сновидѣній, которыя происходятъ «per mentis excessum», такъ какъ при нихъ душа, покидая тѣло, дѣйствительно посѣщаетъ тѣ мѣста, великолѣпіе которыхъ она должна видѣть. Такой сонъ «правдоподобнѣе, рѣже и восхитительнѣе». Въ монастыряхъ, впрочемъ, онъ, вѣроятно, былъ не такою уже рѣдкостью, такъ какъ самъ Цезарій разсказываетъ намъ множество отдѣльныхъ случаевъ его. Такимъ именно путемъ и сдѣлалась извѣстной въ средніе вѣка бо́льшая часть тайнъ загробной жизни. Такое знаніе считалось вполнѣ достовѣрнымъ уже потому, что душа видитъ

при этомъ не образы, которые могутъ быть призрачными, а самые предметы откровенія непосредственно въ мѣстѣ ихъ нахожденія.

Для индѣйца и теперь еще подобныя сновидѣнія имѣютъ чрезвычайно важное значеніе. Они, правда, не открываютъ передъ нимъ тайнъ «загробной жизни», понятіе о которой у него еще и не сложилось, но зато они показываютъ ему тѣ предметы, въ которыхъ поселился духъ, склонный отблагодарить его за оказываемыя ему попеченія.

И въ нѣмецкихъ преданіяхъ и народныхъ воспоминаніяхъ живетъ еще подобное толкованіе сновидѣній такъ же, какъ и представленіе души въ видѣ змѣи, птицы, мыши и т. п. Такъ, существуетъ нѣсколько различныхъ варіантовъ лонгобардскаго сказанія о спящемъ королѣ Гунтрамѣ, изо рта котораго выползла змѣя и на глазахъ присутствовавшаго при этомъ оруженосца продѣлывала все, что̀ снилось въ это время королю; змѣя эта была душа его. Не совсѣмъ чужды были подобныхъ воззрѣній и философы. Когда умеръ знаменитый философъ Плотинъ (въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х.), по свидѣтельству другого философа, подъ его кроватью показалась змѣя, скрывшаяся сквозь щель въ стѣнѣ: это была душа. Еще въ XVII-мъ вѣкѣ изо рта вѣдьмы время отъ времени душа выползала въ видѣ мыши, и въ то время, какъ она отправлялась плясать, вѣдьма лежала пластомъ на постели безъ признаковъ жизни.

Почему подымается сильный вѣтеръ каждый разъ, какъ кто-нибудь повѣсится? Потому, что вѣтеръ и есть сама душа повѣсившагося. Упомянутый пріоръ фонъ Гейстербахъ, вѣроятно, зналъ это достовѣрно, такъ какъ, по его мнѣнію, души умершихъ появляются въ видѣ вихря; иногда онѣ, воплотившись въ вороновъ, собираются вокругъ души, которая должна вскорѣ къ нимъ присоединиться,—вотъ почему считается зловѣщимъ предзнаменованіемъ, если вороны и тому подобныя птицы летаютъ вокругъ дома больного. Народъ можетъ разсказать объ этомъ много интересныхъ исторій.

Пока мы не будемъ, однако, останавливаться на всемъ разнообразіи формъ этихъ представленій о душѣ и разсмотримъ лишь въ общихъ чертахъ, какихъ именно изъ этихъ безчисленныхъ духовъ и душъ касался въ древности культъ. Сама по себѣ не можетъ быть исключена изъ него ни одна душа, оставившая по себѣ какую-нибудь память, или же существованіе которой заставляютъ предполагать нѣкоторыя внѣшнія явленія, обращающія на себя вниманіе человѣка. Но въ дѣйствительности многія души вовсе лишены культа, да и изъ остальныхъ далеко не всѣ души пользуются одинаковымъ культомъ: между тѣмъ, какъ по отношенію къ однимъ онъ упалъ до степени самыхъ несложныхъ заботъ, по отношенію къ другимъ онъ возвысился до культа въ нынѣшнемъ значеніи этого слова.

Когда японка-мать въ годовщину смерти своего ребенка посѣщаетъ его могилу и кладетъ на нее новую красивую игрушку, то это, безъ сомнѣнія,—прекрасный актъ попеченія о душѣ умершаго, но мы не назовемъ его актомъ культа въ нашемъ смыслѣ слова. Мать думаетъ своимъ подаркомъ доставить удовольствіе душѣ дитяти, порхающей между цвѣтами и кустами кладбища или обитающей въ залѣ изъ бамбуковыхъ колоннъ, но она не ждетъ никакой взаимной услуги отъ души, не имѣющей никакой силы. Когда мазуръ и теперь еще въ случаѣ смерти кого-

нибудь изъ членовъ своей семьи устраиваетъ пиршество и ставитъ у стола особый стулъ для души умершаго, то это, какъ и всякія поминки, также, конечно, представляетъ заботу о душѣ или, по крайней мѣрѣ, нѣкогда понималось въ этомъ смыслѣ, но мы опять-таки не можемъ назвать это «культомъ». По нашимъ понятіямъ, душа умершаго вполнѣ безпомощна—«arme Seele», какъ говорятъ о ней нѣмцы,—и потому сама больше нуждается въ помощи, чѣмъ способна оказывать ее. А тамъ, гдѣ нѣтъ этой взаимности, не было, по воззрѣнію древнихъ, и понятія «религіи», или культа, по нашему воззрѣнію.

Малаецъ называетъ тѣхъ духовъ своихъ предковъ, съ которыми онъ, согласно его вѣрованію, находится въ религіозныхъ отношеніяхъ, своими «анитами» («anitos») и полагаетъ, что дѣти, женщины, рабы и молодые люди вообще не становятся анитами; онъ, слѣдовательно, не приписываетъ ихъ душамъ никакого могущества и не тратитъ на нихъ попусту своего культа. Отсюда мы видимъ, какъ много въ своихъ представленіяхъ о загробномъ мірѣ нынѣшій малаецъ заимствовалъ изъ окружающей дѣйствительности, такъ какъ не всегда существовали безвластные рабы и, тѣмъ болѣе, не всегда была безвластна женщина. Но весьма возможно, что несамостоятельные члены семьи никогда не имѣли никакого или почти никакого значенія въ сравненіи съ главами семьи, въ рукахъ которыхъ сосредоточена была власть надъ всѣми остальными членами. Къ этимъ послѣднимъ и относился, главнымъ образомъ, древнѣйшій культъ, и подобный «культъ предковъ» былъ распространенъ среди всѣхъ некультурныхъ народовъ земного шара. Но изъ исторіи «общества» мы уже знаемъ, что мужчина не всегда былъ главой семьи. Прежде, въ теченіе всего неизмѣримо долгаго періода, пока человѣчество оставалось на первой ступени своего культурнаго развитія, главою семьи была женщина.

Обычаи, предшествовавшіе культу.

Бѣглый взглядъ на представленія людей о духахъ, которыхъ они считали нужнымъ умилостивлять, позволяетъ намъ не считать ихъ неизмѣнными; но самое отправленіе культа, тѣ дѣйствія, въ какихъ онъ выражался, не подвергались никакимъ измѣненіямъ. Въ этомъ отношеніи допускались только дополненія, но никакъ не сокращенія. Система культа, достигшая извѣстной степени развитія, подобна дереву, не потерявшему, несмотря на свой столѣтній возрастъ, ни одного листа; но листья его могутъ настолько засохнуть и сморщиться, что не легко бываетъ опредѣлить ихъ формы.

Если культъ появился не одновременно съ первыми представленіями о душѣ, продолжающей жить послѣ смерти тѣла, то ему могли предшествовать лишь такіе обычаи, которые впослѣдствіи удержались рядомъ съ культомъ, какъ средства для устраненія безпокойства, причиняемаго душою.

Представленіе о безпокойствѣ, возможномъ со стороны духовъ, заложено въ первобытномъ человѣкѣ самой природой. Оно чаще возникаетъ и принимаетъ болѣе интенсивный характеръ вскорѣ послѣ смертнаго случая и спустя болѣе или менѣе короткое время совершенно исчезаетъ,—короче говоря, представленіе это непосредственно связано съ самымъ воспоминаніемъ

объ умершемъ. Пока послѣднее еще живо, всякій пугающій человѣка шумъ, всякое несчастіе приписываются недавно отошедшей душѣ; но лишь воспоминаніе устанавливаетъ причинную зависимость между этими обоими представленіями. Когда исчезаетъ воспоминаніе въ силу психологической необходимости, исчезаетъ и забытый умершій изъ круга невидимо дѣйствующихъ силъ, изъ круга причинъ, которымъ человѣкъ приписываетъ совершающіяся передъ нимъ явленія. Силѣ и продолжительности воспоминанія вполнѣ соотвѣтствуетъ степень страха, внушаемаго мѣстами и признаками смерти, а также степень живости и ужаса сновидѣній, которыя, съ своей стороны, являются для человѣка подтвержденіемъ его вѣры въ духовъ.

Такимъ образомъ, съ древнѣйшихъ временъ человѣку свойственно было желаніе, если не умилостивить умершаго, что̀ сдѣлалось, вѣроятно, предметомъ позднѣйшаго культа, то, во всякомъ случаѣ, желаніе всѣми мѣрами способствовать тому, чтобы духъ умершаго помогалъ его дому, «нашелъ бы успокоеніе» самъ и давалъ бы покой другимъ, чтобы онъ не «возвращался», не «пугалъ бы» живыхъ, не вредилъ бы имъ. Что же могъ сдѣлать для этого человѣкъ независимо отъ умилостивительнаго культа? Средства, примѣняемыя имъ съ этой цѣлью отчасти и понынѣ, или, по крайней мѣрѣ, вымирающія формы ихъ, сохранившіяся до настоящаго времени, ясно обнаруживаютъ предъ нами всю дѣтскую наивность представленій первобытнаго человѣка. Укажемъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ первобытныхъ средствъ, удержавшихся до нашего времени. Такъ, и у насъ еще, въ видѣ остатка давней старины, послѣ чьей-либо смерти открываютъ окна, чтобы душа могла отлетѣть. У римлянъ выметали комнату, чтобы душа гдѣ-нибудь не осталась; у насъ стучатъ по посудѣ и другой домашней утвари, чтобы душа не укрылась въ нихъ. Послѣ выноса гроба изъ дому, согласно народному повѣрью, надо плотно притворить ворота и не отворять ихъ вплоть до окончанія погребенія, чтобы душа не возвратилась; лишь только гробъ вынесутъ изъ дверей, тотчасъ же порогъ обливаютъ водою, причемъ вода служитъ самымъ вѣрнымъ средствомъ противъ возвращенія души. Если не исполнять упомянутыхъ и подобныхъ имъ обычаевъ, то душа можетъ бродить въ домѣ.

Такъ какъ душа, по древнѣйшему народному представленію, витаетъ около тѣла до тѣхъ поръ, пока остается хотя одинъ кусокъ мяса на костяхъ, и даже эти послѣдніе покидаетъ неохотно, то многое, естественно, зависитъ отъ того, что̀ произойдетъ съ тѣломъ. Если оно уничтожено, напр., съѣдено звѣрями, то и душа не можетъ продолжать своего существованія; она переселяется въ этихъ животныхъ. Поэтому для тѣхъ, кто желалъ для своей души дальнѣйшей жизни, гомеровская угроза — бросить ихъ тѣла на растерзаніе собакамъ и хищнымъ птицамъ — должна была быть самой страшной, вслѣдствіе чего и считали, что жажда мести можетъ быть утолена лишь приведеніемъ угрозы этой въ исполненье. Но для живыхъ людей такое обращеніе съ тѣломъ умершаго являлось вѣрнымъ средствомъ противъ возвращенія души. Нѣкоторыя племена Южной Африки держатся, вѣроятно, подобнаго воззрѣнія, бросая трупы своихъ близкихъ въ кусты на съѣденіе дикимъ звѣрямъ. Но чтобы душа не вернулась прежде, чѣмъ тѣло будетъ найдено и растерзано звѣрями, человѣкъ употребляетъ хитрость. Сперва онъ обноситъ трупъ нѣсколько разъ вокругъ

хижины и уже затѣмъ бросаетъ его въ кусты; вслѣдствіе того, душа, подобно ребенку при игрѣ въ жмурки, теряетъ способность опредѣлять направленіе и не можетъ уже найти обратнаго пути въ хижину. Съ той же цѣлью избѣгаютъ выносить трупъ изъ шатра или хижины черезъ настоящую дверь; чаще въ стѣнѣ продѣлываютъ отверстіе и сквозь него просовываютъ трупъ наружу; отверстіе затѣмъ задѣлывается, и душа уже не въ состояніи найти его. То, что намъ можетъ казаться до невѣроятности страннымъ и дѣтски-наивнымъ въ понятіяхъ дикихъ племенъ, можно встрѣтить иногда и у насъ. По нашимъ воззрѣніямъ, погребеніе, совершенное по церковнымъ обрядамъ въ освященной землѣ, даетъ душѣ умершаго успокоеніе; но самоубійцамъ въ такомъ погребеніи отказываютъ. Поэтому души самоубійцъ продолжаютъ посѣщать, по народному повѣрью, свое прежнее жилище и являться людямъ,—и даже въ наше время встрѣчаются такіе случаи, что домохозяинъ не позволяетъ вынести изъ своего дома черезъ дверь трупъ повѣсившагося. Подобныя представленія нѣкогда могли существовать и у насъ такъ же, какъ въ Индо-Китаѣ и Южной Африкѣ.

Самымъ невѣроятнымъ, конечно, должно показаться читателю предположеніе о существованіи такихъ народовъ, которые были убѣждены, что лучшимъ средствомъ противъ возвращенія душъ было—съѣдать тѣла умершихъ родственниковъ, обгладывая при этомъ кости до чиста. Между тѣмъ, въ подтвержденіе этого предположенія можно привести самыя неопровержимыя доказательства. Это людоѣдство изъ благочестія исходитъ изъ той мысли, что душа умершаго охотно отказывается отъ самостоятельности, чтобы служить для усиленія душъ родственниковъ, оставшихся въ живыхъ. Наконецъ, не всѣ народы думали, подобно грекамъ и другимъ, что душа человѣка уничтожается, если трупъ его поѣдается животнымъ. Многіе полагали, что душа продолжаетъ жить въ этомъ животномъ, и тѣ народы, вѣрованіямъ которыхъ это предположеніе не противорѣчило, или тѣ, которые считали подобное «переселеніе душъ» вообще неизбѣжнымъ, такимъ именно путемъ и старались обезопасить себя отъ безпокойства со стороны враждебныхъ духовъ. Такъ, у аріискаго племени древнихъ персовъ собака пользовалась величайшимъ почетомъ и самою внимательною заботливостью со стороны людей, такъ какъ она представляла собою животное, въ которое переселялась человѣческая душа. Передъ лицомъ умирающаго держали собаку, и тѣла землѣ не предавали съ тою цѣлью, чтобы оно было съѣдено собаками, большими стаями бродившими повсюду.

Посты и праздники.

Среди чешскихъ крестьянъ существуетъ одно интересное повѣрье, которое можно, пожалуй, отнести къ области культа. Мать, у которой смерть похитила уже одного ребенка, никогда не должна собирать земляники или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока та не появится въ большомъ количествѣ и сдѣлается общедоступной. Почему? Въ отвѣтъ на это народъ теперь можетъ разсказать только небольшой миѳъ. Души умершихъ дѣтей живутъ въ раю подъ материнскимъ присмотромъ Дѣвы Маріи. Души живутъ тамъ такъ же, какъ дѣти на землѣ, и для нихъ

также составляетъ большое удовольствіе ходить лѣтомъ «по землянику». Однажды онѣ отправились за ягодами во главѣ съ Пресвятой Дѣвой; въ то время, какъ всѣ дѣти лакомились земляникой, одинъ ребенокъ долженъ былъ стоять въ сторонѣ и не смѣлъ ѣсть ягодъ, такъ какъ Марія сказала ему: «Для тебя нѣтъ ягодъ, твою долю съѣла твоя мать». Поэтому каждая любящая мать, потерявшая ребенка, воздерживается отъ собиранія земляники.

Древній обычай, лежащій въ основаніи этого повѣрья, живетъ еще и понынѣ среди дикихъ народовъ, а переживанія и слѣды его распространены по всей землѣ; нужно только умѣть находить вѣрную нить къ разгадкѣ этихъ слѣдовъ и пережитковъ.

На островахъ Тихаго океана мореплаватели иногда около дома, хозяина котораго уже не было въ живыхъ, находили участокъ земли, коимъ, повидимому, никто не пользовался, имъ объясняли, что этотъ участокъ неприкосновененъ и вполнѣ предоставленъ духу умершаго. Они думали, что духъ такъ же питается плодами, какъ и человѣкъ, и такъ же, какъ и этотъ послѣдній, собираетъ ихъ въ полѣ; поэтому они считали лучшимъ средствомъ обезпечить ему пищу — предоставить въ полное его пользованіе участокъ земли. Жители острова Гавайи вовсе не ѣли одного изъ видовъ съѣдобныхъ ягодъ, а, именно, «огело», такъ какъ эта ягода росла на томъ мѣстѣ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, обитало извѣстное божество. Такимъ образомъ, въ отношеніи культа между духами и богами не дѣлалось никакого различія. На американскомъ островѣ Гаити открывшіе его мореплаватели встрѣтились съ такимъ же явленіемъ. С.-Домингскихъ персиковъ, растущихъ на этомъ островѣ, туземцы не ѣли, такъ какъ, по ихъ словамъ, уже предки ихъ предоставили эти плоды въ пищу умершимъ, духи которыхъ лакомятся ими спускаясь по ночамъ съ горъ въ долины. Еще недавно на островѣ Пасхи въ Тихомъ океанѣ нашли подобный же обычай, нѣсколько измѣненный лишь вслѣдствіе того, что населеніе успѣло уже перенять отъ европейцевъ воздѣлываніе растеній, главнымъ образомъ, картофеля. Когда здѣсь кто-либо умираетъ, родственники умершаго предоставляютъ его духу весь урожай картофеля. Въ то время, какъ они сами, вслѣдствіе этого, голодаютъ, плоды въ полѣ, на самомъ дѣлѣ, гибнутъ, а они думаютъ, что духъ какимъ-нибудь образомъ пользуется ими и впослѣдствіи возмѣститъ имъ этотъ убытокъ самыми разнообразными услугами, на какія только способенъ духъ. Весьма возможно, что вѣрованіе, будто духъ, подобно человѣку, можетъ пользоваться урожаемъ картофеля, при дальнѣйшемъ наблюденіи и опытѣ, пришло въ колебаніе; но этого еще не достаточно, чтобы исчезъ укоренившійся обычай. При этомъ разсуждаютъ приблизительно такъ: возможно, что духъ не пользуется картофелемъ, что онъ духу вовсе не нуженъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ принадлежитъ ему, согласно старинному обычаю, и, предоставляя картофель духу, мы тѣмъ самымъ выражаемъ нашу готовность служить ему и почитаемъ его. Послѣднее слово и у насъ имѣетъ двоякое значеніе: «оказывать почести» и «дѣлать подношенія», такъ какъ съ незапамятныхъ временъ послѣднее было обычнымъ видимымъ проявленіемъ перваго.

Когда на островѣ Гавайи умиралъ король, народъ долженъ былъ прекращать свои занятія, которыя на этой ступени культурнаго развитія состоятъ въ однихъ лишь поискахъ пищи; онъ не смѣлъ срывать плодовъ,

ловить и убивать животныхъ, и все это для того, чтобы, голодая или еле поддерживая свою жизнь скудными запасами, предоставить духу всю пищу, какую только можно добыть на островѣ. Дать кому нибудь что-либо во владѣніе полинезіецъ называетъ «посвятить» ему это; для подобнаго посвященія, онъ употребляетъ выраженіе «табу», перешедшее и къ намъ. Говорили, поэтому, что послѣ смерти короля на Гавайи наступало «всеобщее табу».

Возможно, что если населеніе приготовлялось къ нему заранѣе, то такое «табу» затягивалось на цѣлые дни и недѣли. Но сказаніе о томъ, будто въ первобытныя времена то или иное «табу» соблюдалось годами, нужно отнести къ области преувеличеній, тѣмъ болѣе, что большое «табу» отличалось вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайной строгостью: никто не смѣлъ выйти изъ своей хижины, нельзя было подавать никакихъ признаковъ существованія возней, или шумомъ. Островъ долженъ былъ имѣть видъ вымершаго, и этотъ видъ долженъ былъ свидѣтельствовать, что все на островѣ въ то время принадлежитъ одному только духу. Такъ «посвящали» ему дни и недѣли.

Для насъ развитіе культа оставалось бы непонятнымъ, если бы мы не имѣли при этомъ постоянно въ виду изложеннаго раньше хода соціальнаго развитія. Мы знаемъ, что люди не сразу стали засѣвать поля и строить житницы, но долгое время безпомощный человѣкъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что ему удавалось найти за день. Вся страна, по которой онъ бродилъ въ поискахъ за пищей, была его житницей. Онъ ничего не собиралъ, и у него не было, изъ чего отдавать; его способъ подношенія состоитъ тогда въ воздержаніи отъ исканія. Онъ даритъ духамъ для ихъ умилостивленія свою долю такимъ же образомъ, какъ мать не собираетъ ягодъ, чтобы оставить ихъ своему ребенку. Этотъ видъ заботы о душахъ умершихъ—несомнѣнно наиболѣе древній, такъ какъ онъ указываетъ на самое первобытное, близкое къ природѣ состояніе человѣка.

Но и это попеченіе о духахъ является въ совершенно измѣненной формѣ, въ видѣ культа въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ скоро мы его объекту—духу придадимъ аттрибутъ божественности. Только въ этомъ послѣднемъ, отнюдь не въ формѣ культа, лежитъ различіе. Но переходъ отъ одной ступени къ другой совершается незамѣтно. При этомъ измѣняется не самый культъ, тѣмъ менѣе его форма, а лишь его пониманіе. Вмѣсто того, чтобы прослѣдить весь этотъ переходъ, мы укажемъ только на противоположность, замѣчаемую на обоихъ конечныхъ пунктахъ этого процесса. Сначала на первомъ планѣ стоитъ убѣжденіе, что дѣло идетъ объ удовлетвореніи потребностей духа, который, совершенно аналогично человѣку, долженъ находить себѣ пищу, если онъ хочетъ существовать,—и такъ какъ онъ этого хочетъ, то онъ будетъ мучить и «наказывать» человѣка, если тотъ отниметъ у него пищу. Но чѣмъ болѣе въ представленіи прогрессирующаго человѣчества величіе божества возвышалось надъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе утрачивала значеніе мысль объ аналогичности свойствъ бога съ человѣческими. Мысль эта, ведущая свое происхожденіе отъ самыхъ первобытныхъ временъ, постепенно блѣднѣла, пока, наконецъ, на крайнемъ пунктѣ того пути, по которому шло развитіе понятій, не исчезла совершенно; тогда объясненія сохранившимся обычаямъ древняго культа надо искать въ самомъ человѣкѣ. Если мы назо-

емъ первоначальный смыслъ отправленія культа объективнымъ, то можно сказать, что все высшее развитіе культа состояло въ выдвиганіи на первый планъ субъективнаго начала. Дать выраженіе своему сознанію зависимости сдѣлалось для человѣка врожденной потребностью, и формы этого выраженія передавались по наслѣдству отъ одного періода культуры къ другому, но мѣсто объективнаго почитанія заняло субъективное. Человѣкъ уже вовсе не думаетъ о томъ, что̀ можетъ дѣлаться съ той пищей, которую онъ посвящаетъ божеству или непосредственно изъ запасовъ, собранныхъ имъ, благодаря воздержанію, или прерывая на время добываніе пищи для самого себя; въ этихъ актахъ воздержанія онъ видитъ только выраженіе готовности приносить жертвы ради почитанія божества; онъ постится и празднуетъ въ честь бога.

Посты и дни, посвященные божеству, или праздники принадлежатъ, слѣдовательно, къ древнѣйшимъ установленіямъ культа. Но они не исчезли, когда, въ связи съ развитіемъ хозяйственной жизни, къ нимъ присоединилась группа обычаевъ болѣе позднихъ. Посты, напримѣръ, распространены по всей землѣ. Къ нимъ прибѣгаютъ послѣ устрашающихъ несчастій или готовясь вступить въ общеніе съ духами или съ богомъ. Несчастія для первобытнаго человѣка, по скольку отъ него сокрыта связь между первичными причинами и дѣйствіями, всегда кажутся слѣдствіемъ гнѣва кого-либо изъ духовъ; воздержаніемъ онъ пытается умилостивить его. Поэтому, относительно народа, стоящаго на высшей ступени развитія, можно сказать: постъ въ этомъ случаѣ является выраженіемъ печали и «покаянія».

Предоставляя плоды земли въ пользованіе духовъ, нѣкогда думали этимъ привлечь ихъ на свою сторону и получить отъ нихъ пользу; на высшей ступени культурнаго развитія постъ имѣетъ значеніе «очищенія», къ которому прибѣгаетъ человѣкъ, готовясь къ достойному принятію приближающагося божества. Такъ, католическая церковь все еще предписываетъ посты, какъ подготовленіе къ великимъ праздникамъ, во время которыхъ, по болѣе древнему вѣрованію, боги посѣщали людей.

Постъ является особенно распространеннымъ установленіемъ культа среди индѣйцевъ; у болѣе дикихъ племенъ онъ соотвѣтствуетъ самому образу ихъ жизни. Постъ былъ знакомъ и язычникамъ-германцамъ; извѣстно, что и суровые норманы, подобно индѣйцамъ, постились обыкновенно передъ большими военными предпріятіями.

Праздники, установленіе, родственное постамъ, приведены были древнееврейской религіей въ законченную систему, которую мы переняли отчасти съ нѣкоторыми ограниченіями, отчасти съ расширеніями и дополненіями. Наши праздники, конечно, имѣютъ уже позднѣйшее значеніе, и отъ прежняго сохранились лишь слабые слѣды. Въ пустынѣ евреи въ субботу не должны были собирать манну, которой они раньше питались, а въ годъ отпущенія всѣ поля оставались необработанными, подобно полямъ, которыя на островахъ Тихаго Океана посвящались духамъ умершихъ. Но въ то же время праздникъ въ честь Бога былъ у евреевъ днемъ отдохновенія для самаго человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаніемъ о днѣ отдыха, которымъ Богъ завершилъ сотвореніе міра; отдыхъ былъ особенно необходимъ для исполнявшихъ всѣ работы слугъ и скота, хотя человѣкъ, давая имъ отдыхъ, тѣмъ самымъ лишалъ себя части дохода.

И германцамъ-язычникамъ знакомо было подобное установленіе культа. Древнѣйшіе виды работъ и употребленіе такихъ же видовъ пищи запрещалось, по народнымъ вѣрованіямъ, въ тѣ дни, когда боги посѣщали людей; въ такіе дни нельзя было въ особенности прясть и ѣсть бобы. Боги посѣщаютъ людей по праздникамъ, когда при позднѣйшей формѣ культа имъ совершаютъ приношенія.

Позднѣйшая форма культа.

Позднѣйшая форма культа соотвѣтствуетъ тому времени, когда человѣкъ уже собиралъ запасы въ житницы и кладовыя. Теперь онъ уже не предоставлялъ въ пользованіе почитаемаго имъ духа плоды своего поля, но приносилъ ему «дары» изъ собственныхъ запасовъ.

Не нужно, однако, упускать изъ виду, что и на этой ступени первобытный человѣкъ преслѣдовалъ, главнымъ образомъ, цѣль поддержанія существованія души, могущей быть ему полезной. Слѣдовательно, все, что онъ приносилъ ей въ даръ, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, въ чемъ нуждался человѣкъ для своего собственнаго существованія, а средства пропитанія людей бывали, конечно, очень разнообразны, смотря по времени и мѣсту. Вмѣстѣ съ тѣмъ культъ этотъ сначала вовсе не былъ рядомъ торжественныхъ дѣйствій; напротивъ, формы его были до невѣроятности просты. Благосклонный духъ, который продолжаетъ обитать въ жилищѣ и которому, какъ старѣйшему изъ предковъ, предоставлено самое почетное мѣсто у очага, невидимо принимаетъ участіе въ каждой трапезѣ покровительствуемой имъ семьи.

Тѣмъ духамъ, которые обитаютъ внѣ человѣческаго жилища, будь это духъ героя въ могилѣ, обоготворяемый родоначальникъ племени или божественный властитель острова или страны, этимъ духамъ люди, зависящіе отъ ихъ милости, должны приносить дары. Народъ, незнакомый съ обычаемъ совмѣстной ѣды или мало примѣняющій его, отправляетъ культъ подобнаго рода довольно скудно. Таитяне ограничивались тѣмъ, что клали передъ смертнымъ одромъ древесные плоды, а для духовъ складывали въ своихъ огороженныхъ жилищахъ папоротникъ со съѣдобными корнями. Тѣ народы, у которыхъ существуетъ обычай совмѣстной трапезы, полагаютъ, что и боги во время ѣды больше всего цѣнятъ именно ея общественность. Когда европейцы открыли островъ Тонгатабу, одинъ офицеръ, приглашенный туземцами на религіозное празднество, былъ изумленъ его простотою. Празднующіе усѣлись въ кругъ и каждому данъ былъ въ кубкѣ изъ банановаго листа ихъ любимый напитокъ; каждый выпилъ его,— и въ этомъ состоялъ весь праздникъ. Не менѣе, пожалуй, удивлены были члены одной изъ германскихъ экспедицій, когда они впервые присутствовали въ Индо-Китаѣ при церемоніи китайскаго культа. Китайцы принесли въ храмъ зажареннаго молочнаго поросенка, гостепріимно пригласили присутствовавшихъ чужестранцевъ принять участіе въ ихъ трапезѣ, и съѣли жаркое за оживленной бесѣдой. Въ обоихъ случаяхъ праздновавшіе предполагали, что духъ невидимо принимаетъ участіе въ пиршествѣ, и чествовали его этимъ пиршествомъ совершенно такъ же, какъ мы чествуемъ кого-нибудь торжественнымъ обѣдомъ. Разница въ томъ,

что мы устраиваемъ такой обѣдъ, не думая доставить чествуемому лицу удовольствія самыми кушаніями, предлагаемыми во время обѣда, тѣмъ болѣе, не думая, что существованіе его зависитъ отъ этого обѣда.

Эта же форма культа сохранялась, какъ выраженіе почитанія и благоговѣнія, и тогда, когда представленія о Богѣ въ сравненіи съ другими духами сдѣлались до того различными, что едва-ли даже могутъ быть сопоставляемы. Знаменитое отправленіе культа въ Іерусалимѣ было то же домашнее хозяйство, только въ огромномъ масштабѣ, и даже въ книгахъ Св. Писанія сохранилось обозначеніе «жертвы», какъ «пищи» Бога. Какъ въ царскомъ домѣ, въ храмѣ дважды въ день готовили трапезу: утреннюю и вечернюю. Каждая трапеза состояла изъ ягненка, изъ обычной въ странѣ смѣси муки съ масломъ и изъ опредѣленнаго количества вина. Каждую недѣлю пекли свѣжій хлѣбъ и приносили его въ храмъ. По субботамъ къ обычной трапезѣ прибавлялись еще два ягненка и соотвѣтствующее количество муки и вина, подобно тому, какъ и народъ по субботамъ обѣдалъ лучше обыкновеннаго. На ряду съ субботой древнѣйшимъ большимъ праздникомъ былъ все еще день новолунія. Въ этотъ день для надобностей храма приготовлялись два быка, баранъ и семь ягнятъ съ соотвѣтствующими приправами. Мы уже познакомились съ тѣмъ, какое удовольствіе доставляли большинству народовъ возбуждающіе запахи, испускаемые самыми разнообразными ароматическими веществами; послѣдними пользовались и для того, чтобы заглушить запахъ чада отъ домашнихъ очаговъ. Поэтому и въ домѣ Бога, храмѣ, долженъ былъ куриться ѳиміамъ, а чтобы не было недостатка ни въ чемъ, что услаждаетъ людей за обѣдомъ, во время каждой жертвы играла музыка.

Въ дни самыхъ важныхъ праздниковъ, когда люди, полные надеждъ, принимались за жатву и когда они свозили къ себѣ хлѣбъ — Пасхи и Пятидесятницы—и послѣ сбора плодовъ и винограда—праздника Кущей—возрастала соотвѣтствующимъ образомъ и въ храмѣ пышность жертвоприношеній и празднествъ. Обычай сжигать во время жертвоприношеній часть кушаній, какъ это дѣлали евреи и греки, не имѣлъ особенно широкаго распространенія. Повсюду распространена лишь совмѣстная веселая трапеза, въ которой, по мнѣнію пирующихъ, принимаетъ участіе и божество. Этотъ видъ жертвоприношеній сохранился и у евреевъ рядомъ съ «жертвами всесожженія», составляющими отличительную черту еврейскаго культа. Семьи, приходившія въ храмъ для жертвоприношеній, сами обѣдали при этомъ. Обыкновенные расходы храма покрывались всѣмъ народомъ; при такихъ жертвоприношеніяхъ священники являлись за трапезой замѣстителями Бога; участіе въ жертвенныхъ трапезахъ было для нихъ средствомъ пропитанія. Жидкости, какъ вино и кровь, предназначаемыя для принесенія въ жертву, выливались на землю или разбрызгивались въ воздухѣ.

О томъ, какъ можетъ измѣняться пониманіе формъ культа, хотя формы эти остаются неизмѣнными, мы знаемъ изъ исторіи борьбы пророковъ Исаіи и Іереміи, которые придавали всѣмъ упомянутымъ отправленіямъ культа лишь символическое толкованіе и настаивали на отсутствіи у Бога человѣческихъ потребностей, тогда какъ все еще существовала противная партія, смотрѣвшая на сохранившіяся издревле формы глазами предковъ.

Въ Аѳинахъ у городского очага велось такое же хозяйство. Но здѣсь властвовало женское божество, богиня-мать, управлявшая, по мнѣнію народа, всей общиной, которая по отношенію къ ней считалась какъ-бы единой семьею. Поэтому, какъ полагали аѳиняне, она должна была принимать участіе въ ихъ ежедневной трапезѣ. Подобная трапеза въ дѣйствительности устраивалась ежедневно въ ратушѣ или Пританеѣ, гдѣ, какъ и въ каждомъ исправномъ древнемъ хозяйствѣ, поддерживался постоянный огонь на очагѣ; къ участію въ ней, въ качествѣ представителей отъ всей общины, приглашались выборные граждане, не имѣвшіе права отказываться отъ приглашенія. Отказъ разсматривался, какъ безбожіе, какъ преступленіе противъ боговъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ дѣло касалось культа. Предупредить такое преступленіе или искупить его строгимъ наказаніемъ было въ интересѣ всей общины; на самомъ дѣлѣ, если божество, разгнѣванное такимъ небрежнымъ къ себѣ отношеніемъ, насылало на людей голодъ и заразныя болѣзни, то всѣ страдали изъ-за одного; поэтому всѣ считали своею обязанностью слѣдить за приверженностью къ культу каждаго отдѣльнаго члена общины.

Юпитеръ, какъ высшее божество Римскаго государства, имѣлъ полный царскій штатъ придворныхъ, служителей и даже парикмахеровъ; въ то же время сохранился обычай раскрашиванія лица, ведущій свое начало отъ самой первобытной дикости: древній римскій царь, подобно нынѣшнимъ индѣйцамъ, раскрашивалъ свое лицо красной краской. Однако, всѣ такіе вкоренившіеся обычаи указываютъ въ то же время на высокую организацію общества, среди котораго они установились, на то, что придерживающійся ихъ народъ достигъ прочнаго государственнаго строя; эти внѣшнія измѣненія культа идутъ рука объ руку съ развитіемъ организаціи. Напротивъ, отдѣльные виды приношеній ведутъ свое начало отъ временъ самой первобытной организаціи; поэтому мы часто видимъ, что богамъ предлагаются такія яства, которыя человѣкъ цѣнитъ весьма низко или которыя онъ даже вовсе отвергаетъ.

Такъ, обычай принесенія собакъ въ жертву богамъ существовалъ еще и въ Греціи, и въ Римѣ, когда люди давно уже съ омерзѣніемъ отворачивались отъ такой пищи. Правда, какъ въ Спартѣ, такъ и въ Римѣ, собака приносилась въ жертву божеству, сохранившемуся здѣсь и тамъ, какъ предметъ почитанія болѣе древняго народа, но это еще не было поводомъ къ полному пренебреженію имъ, и оно хотя изрѣдка, но все-таки время отъ времени получало свою умилостивительную жертву. Изъ числа плодовъ, бобы и вообще стручковыя растенія также играли въ культѣ особую роль, какъ самые древніе предметы человѣческаго питанія. Затѣмъ къ нимъ присоединился позднѣйшій родъ пищи—хлѣбныя зерна, приготовленныя самымъ первобытнымъ способомъ, въ жареномъ или вареномъ видѣ.

Въ Индіи, въ качествѣ приправы, главную роль игралъ кунжутъ, благодаря обилію содержащагося въ немъ масла; для куреній у индѣйцевъ употребляется табакъ, у перуанцевъ—кока, въ Восточной Азіи—сандаловое дерево, на Востокѣ—ладанъ и т. д. Евреи, въ качествѣ приправы къ мучнымъ кушаньямъ, употребляли оливковое масло; но повсюду излюбленной приправой былъ медъ. Такъ какъ первоначально его, безъ сомнѣнія, при-

носили въ даръ въ естественномъ состояніи, въ сотахъ, то и воскъ сдѣлался необходимой принадлежностью каждаго культа. Вообще, въ подобныхъ приношеніяхъ ничего не исключалось изъ того, чѣмъ люди уто-

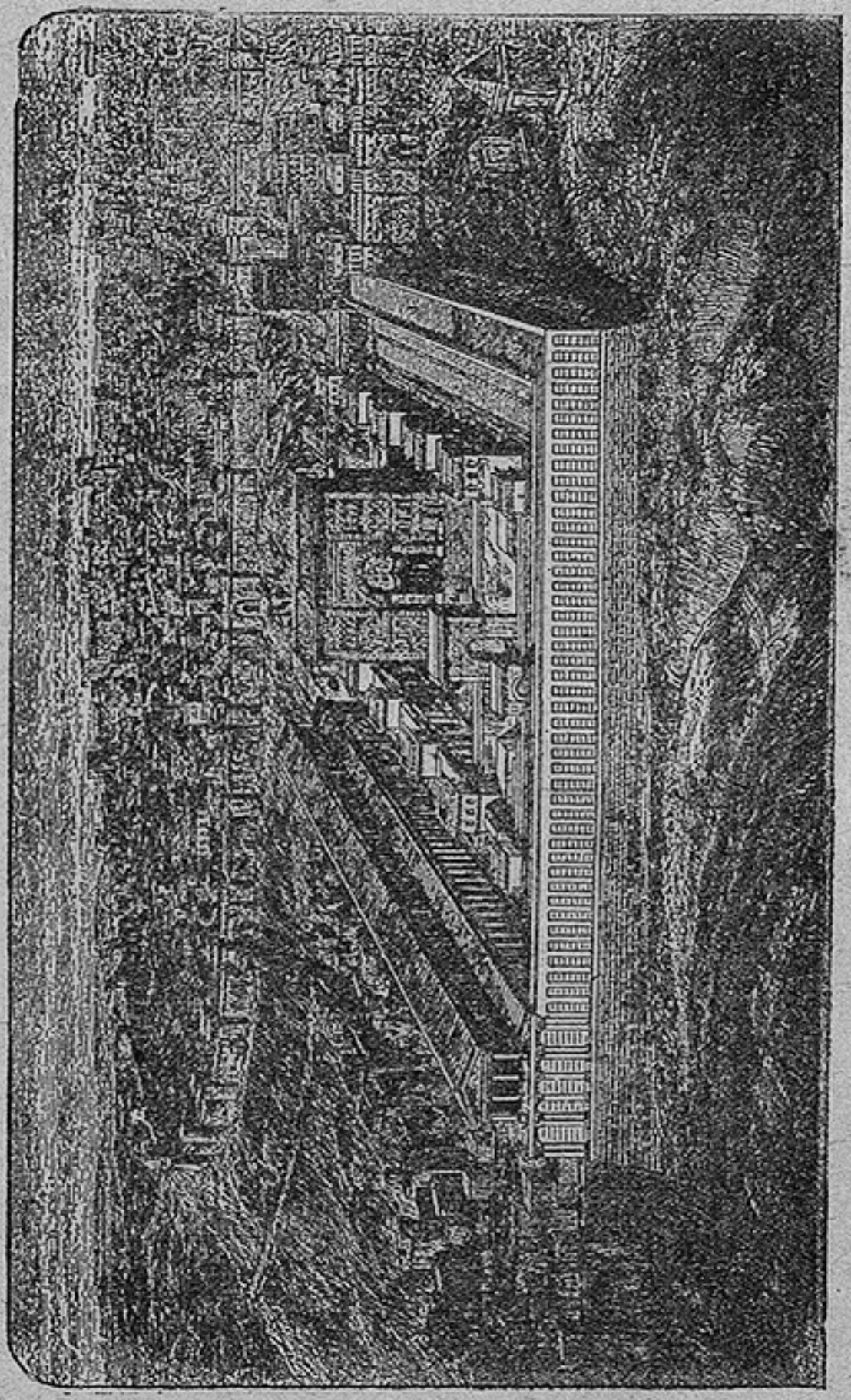

Рис. 10.—Храмъ въ Іерусалимѣ. (По возстановленію Фергюссона).

ляли свой голодъ или просто лакомились, хотя-бы въ самыя первобытныя времена.

Между тѣмъ, какъ душа новозеландца довольствовалась корнями папоротника, душа египтянина предпочитала говядину или гуся. Египтяне и евреи совершенно исключили свинью изъ числа жертвенныхъ животныхъ,

подобно тому, какъ и живые люди съ давнихъ поръ не ѣли ея мяса; напротивъ, малайцы и вообще жители Восточной Азіи, и греки послѣ появленія культа Деметры, римляне и германцы предпочтительно приносили въ жертву именно это животное. Такое же положеніе занимала лошадь у приручившихъ ее номадовъ: германцы, древніе персы и индо-арійцы эпохи переселенія чествовали своихъ боговъ, принося имъ въ жертву лошадей. При этомъ они не сжигали конины, какъ это дѣлали евреи и греки съ частью жертвеннаго мяса рогатаго скота, но приготовляли мясо совершенно такъ же, какъ для человѣческой трапезы, и приглашали боговъ принять въ ней участіе. Тамъ, гдѣ люди не употребляли конины въ пищу, не существовало и обычая приносить ее въ жертву.

Извѣстныя части животнаго предпочитались остальнымъ потому ли, что въ первобытное время люди поѣдали ихъ обыкновенно тотчасъ же послѣ убіенія животнаго, или потому, что они считали эти части мѣстопребываніемъ души. Слѣдуя затѣмъ грубымъ пріемамъ мышленія, приходили къ заключенію, что, поѣдая эти части, можно вселить въ себя и самую душу, и считали это лучшимъ средствомъ для увеличенія собственныхъ силъ, такъ какъ именно душа и была носительницей дѣйствующихъ въ тѣлѣ силъ. Такимъ образомъ, вѣрили не только въ возможность поѣданія души, но и въ благопріятныя послѣдствія того. Такъ какъ первобытный человѣкъ считалъ настоящимъ мѣстопребываніемъ души въ тѣлѣ кровь, которая, кромѣ того, вообще, цѣнилась, какъ превосходная пища, то кровь, естественно, предпочиталась всему остальному. Древніе скандинавскіе герои, какъ разсказываютъ легенды, пили свѣжую кровь убитыхъ животныхъ для увеличенія своихъ силъ. Тѣмъ менѣе могли люди отказывать въ этой пищѣ духамъ умершихъ и богамъ впослѣдствіи, когда они потребляли ее уже только въ исключительныхъ случаяхъ, или даже когда она имъ внушала отвращеніе.

Обряды жертвоприношеній соотвѣтствуютъ самымъ древнимъ представленіямъ. Негры, обитающіе на западномъ берегу Африки, со времени своего прискорбнаго знакомства съ европейскимъ ромомъ, считаютъ этотъ огненный напитокъ лучшимъ даромъ, какимъ только они могутъ почтить душу своихъ покойниковъ. Они считаютъ могилы настоящимъ мѣстопребываніемъ ихъ и поэтому для упомянутой цѣли выливаютъ напитокъ на могилу, чтобы онъ просочился сквозь землю къ духу. Ради того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ держатъ свободнымъ отъ травы соотвѣтствующее мѣсто на могилѣ и выростающую траву выпалываютъ. Другіе негры поступаютъ еще лучше: они продѣлываютъ въ землѣ отверстіе вглубь могилы и черезъ эту естественную земляную воронку вливаютъ ромъ.

Подобныя же представленія, вѣроятно, существовали нѣкогда и у грековъ при ихъ жертвоприношеніяхъ душамъ умершихъ; но греки не руководствовались при этомъ какими либо соображеніями, а просто соблюдали издавна установившуюся традицію. Они выкапывали въ землѣ ямку и вливали туда кровь убитыхъ животныхъ. Также нужно понимать и существовавшій у древнихъ евреевъ обрядъ выливанія крови къ подножію большого жертвеннаго очага или алтаря. Эти обычаи можно считать болѣе древними; позднѣйшіе должны были соотвѣтствовать мысли, что духъ божества обитаетъ не подъ землей, а въ воздушномъ пространствѣ внутри

храма. Извѣстно, что евреи считали мѣстомъ пребыванія Бога пространство подъ крышей ковчега завѣта и потому въ извѣстное время тамъ кропили кровью.

Въ отношеніи крови, считавшейся лучшею пищей, евреи соединили обѣ формы жертвоприношеній: болѣе древнюю—воздержаніе, съ новѣйшею—приношеніемъ въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ они вообще всю кровь посвящали исключительно божеству. Только оно одно должно было принимать обратно жизнь, которая покидала его твореніе. Поэтому еврейская религія запрещала употребленіе крови во всѣхъ ея видахъ. Все, на чемъ была кровь, тѣмъ самымъ уже было посвящено Богу и оставалось неприкосновеннымъ для людей до тѣхъ поръ, пока установленными обрядами культа это запрещеніе не снималось.

Соотвѣтственно тому, и сердце, какъ сосудъ, вмѣщающій кровь и жизнь, безусловно должно было принадлежать къ частямъ, приносимымъ въ жертву. Мексиканскіе жрецы вскрывали у жертвенныхъ животныхъ грудь, вынимали еще бьющееся сердце и протягивали его по направленію къ своему божеству—солнцу—или вкладывали его въ открытый ротъ идола.

На ряду съ сердцемъ, и голова считалась мѣстопребываніемъ души; полагаютъ, что глазами человѣка глядитъ на міръ его душа. Отсюда возникъ обычай чествовать вождя головой убитаго животнаго или врага; поэтому, и за жертвенной трапезой, люди не смѣли прикоснуться къ головѣ приносимаго въ жертву животнаго, которая предназначалась исключительно для божества. Въ этомъ смыслѣ у германцевъ-язычниковъ игралъ видную роль лошадиный черепъ. Древніе египтяне поступали съ головой убитаго животнаго такъ же, какъ евреи съ кровью: людямъ вообще воспрещалось употреблять ее въ пищу.

На основаніи такихъ же соображеній, лучшими жертвенными частями считались и нѣкоторыя внутренности животнаго; на самомъ дѣлѣ, физіологическія понятія разныхъ народовъ въ разныя времена были различны. Нецивилизованные народы, подобно греческимъ философамъ, считали возможнымъ объяснить многое во внутренней жизни человѣка, допуская существованіе нѣсколькихъ душъ въ одномъ и томъ же тѣлѣ; такъ, одна школа греческихъ философовъ предполагала въ головѣ умственную, въ груди или въ сердцѣ—животную и въ органахъ питанія—растительную душу. Поэтому преимущества головы и сердца раздѣляли и различные другіе органы животнаго. Такъ, у многихъ наиболѣе дикихъ народовъ, почечный жиръ имѣетъ почти такое же значеніе, какъ и кровь: «кровь и жиръ» служитъ у нихъ выраженіемъ для всѣхъ вообще внутреннихъ органовъ человѣка. Возможно, что первобытный человѣкъ находилъ особое удовольствіе приправлять свою сухую пищу почечнымъ жиромъ, или что этому веществу, какъ и сосѣднимъ съ нимъ почкамъ, приписывалось физіологическое значеніе, какого современная наука за ними не признаетъ. Какъ бы то ни было, этотъ жиръ на ряду съ кровью считался лучшею жертвенною частью, и поднимающійся отъ сжигаемаго жира дымъ считался нѣкогда буквально, а затѣмъ фигурально—лучшимъ средствомъ привлеченія боговъ.

У грековъ въ особенности развилась цѣлая система указаній, какимъ образомъ по внутренностямъ жертвеннаго животнаго судить о результатѣ

жертвоприношенія. Но такъ какъ поводъ для жертвоприношенія обыкновенно относился къ тому, что̀ предстояло въ ближайшемъ будущемъ, или что̀, по желанію человѣка, должно было быть устранено или, напротивъ, вызвано, то могло возникнуть убѣжденіе, что люди, посвященные въ искусство «наблюденія внутренностей» жертвеннаго животнаго, въ состояніи вообще узнавать будущее. Такъ возникло искусство «гаданія», а отсюда недалеко уже было до принесенія жертвъ именно съ этой цѣлью.

Принципъ гаданія вполнѣ понятенъ и, подобно всѣмъ такимъ обычаямъ, имѣетъ совершенно логическое основаніе для людей, стоящихъ на извѣстной ступени развитія. Принципы эти въ сущности были двоякаго рода. Простѣйшее разсужденіе было таково: божество пойдетъ на встрѣчу человѣческимъ желаніямъ только тогда, когда оно найдетъ пріятной приносимую ему жертву; жертву съ изъянами и недостатками оно отталкиваетъ отъ себя и скорѣе можетъ разгнѣваться на человѣка за нее, чѣмъ умилостивиться ею. Тогда человѣкъ можетъ быть увѣренъ въ неблагопріятномъ результатѣ своего жертвоприношенія. При выборѣ жертвеннаго животнаго, человѣкъ не можетъ знать состоянія его внутренностей; но посвященный въ это дѣло, разсмотрѣвъ ихъ, сейчасъ же можетъ вывести заключеніе—было ли животное хорошимъ или плохимъ; отсюда онъ заключаетъ о томъ, исполнится или нѣтъ то, что̀ онъ имѣлъ въ виду, совершая жертвоприношеніе, и, слѣдовательно, до извѣстной степени можетъ «предсказывать будущее». Легко понять, что подобное мнѣніе, будто на рѣшеніе каждаго божества можно повліять качествомъ жертвеннаго животнаго, относится къ очень отдаленной эпохѣ, когда идея о божествѣ находилась еще на весьма низкой ступени развитія. Но обычай этотъ со свойственною всѣмъ религіознымъ и другимъ обычаямъ живучестью сохранился и тогда, когда понятія людей достигли высшей ступени, и сдѣлалось возможнымъ дать ему толкованіе, соотвѣтствующее новому состоянію понятій. Не являются ли—стали тогда думать—подобнаго рода предзнаменованія слѣдствіемъ соглашенія, состоявшагося между божествомъ и людьми въ незапамятныя времена? Въ такомъ случаѣ возможно, что не качества дѣлаемаго приношенія вліяютъ на рѣшеніе божества, но, напротивъ, оно само направляетъ человѣка при выборѣ имъ жертвы для того только, чтобы, согласно договору, дать человѣку то или иное предзнаменованіе.

Нѣсколько сложнѣе былъ принципъ гаданія по внутренностямъ животныхъ, вытекавшій изъ физіологическихъ представленій. Существовало мнѣніе, что за веселой жертвенной трапезой людей въ обществѣ божества, послѣднему достается самая лучшая доля—душа жертвеннаго животнаго. Подобное мнѣніе дѣйствительно существовало; это можно подтвердить примѣрами изъ самыхъ различныхъ мѣстъ земного шара, и намъ еще придется имѣть дѣло съ нѣкоторыми изъ такихъ фактовъ. Но, какъ мы видѣли, существовало мнѣніе о тѣсной связи души съ извѣстными внутренними органами, и потому отсюда вполнѣ естественно возникло предположеніе, что на внѣшнемъ видѣ этихъ органовъ можно прочесть отпечатки, которые оставила на нихъ душа въ моментъ своего отдѣленія отъ тѣла. Платонъ, напримѣръ, полагалъ, что печень, физіологическое значеніе которой было въ то время еще такъ неясно, служитъ настоящимъ зеркаломъ души, какъ будто сохраняя всѣ ея впечатлѣнія даже послѣ того, какъ душа отдѣли-

лась отъ тѣла; селезенка, роль которой была еще болѣе загадочна, предсгавляетъ, по мнѣнію Платона, не что иное, какъ тряпку для чистки печени; послѣдняя, будучи начисто вытерта селезенкой, отражаетъ всѣ образы души. Пока человѣкъ живетъ, образы эти обусловливаютъ его настроеніе въ различные моменты, и подобное предположеніе находило подтвержденіе въ дѣйствительно наблюдаемомъ вліяніи печени на настроеніе человѣка. Мы должны согласиться, слѣдовательно, что въ данномъ случаѣ предположенія философовъ довольно близко совпадали съ народными воззрѣніями.

Такимъ образомъ, дѣло заключается въ томъ, чтобы правильно прочесть отпечатки на печени только что убитаго животнаго и по нимъ судить о пріемѣ, оказанномъ душѣ божествомъ. Намъ съ читателемъ было бы, конечно, не по силамъ разрѣшить эту задачу, но обучавшимся этому дѣлу жрецамъ она была вполнѣ доступна. Какимъ образомъ?—спроситъ читатель; это зависѣло отъ школы и ученія. Но какъ скоро такимъ путемъ узнавали настроеніе божества въ моментъ жертвоприношенія, легко уже было сдѣлать заключеніе—будетъ ли исполнена или отклонена просьба приносящаго жертву, а, слѣдовательно, и вообще предсказывать ближайшее будущее.

Трудно рѣшить—считалъ ли первобытный человѣкъ кровь ѣдою или питьемъ. Въ Библіи постоянно говорится о запрещеніи «ѣсть» кровь. Достовѣрно и, на основаніи изложеннаго выше, вполнѣ объяснимо, что какъ боги, такъ и души умершихъ сильнѣе всего жаждутъ крови. По описанію Гомера, души влачатъ въ подземномъ царствѣ безсмысленное существованіе, безъ воспоминаній, безъ представленій, до тѣхъ поръ, пока онѣ не получатъ этой пищи, содержащей въ себѣ душу. Когда Одиссей принесъ для нихъ крови, онѣ съ невѣроятной жадностью набросились на нее, и едва только выпили ее, какъ память и мышленіе вернулись къ нимъ, и ихъ жизнь-тѣней снова сдѣлалась осмысленнымъ и сознательнымъ существованіемъ.

Это воззрѣніе распространено по всей землѣ. Но если кровь, по народнымъ понятіямъ, обязана своей великой силой содержащейся въ ней душѣ, то человѣкъ, понятно, больше всего долженъ бы жаждать крови себѣ подобныхъ. И дѣйствительно, первобытному времени слишкомъ хорошо знакома забота людей о томъ, чтобы имѣть человѣческую кровь для отправленія культа. Однако, мало-по-малу обычай этотъ становился менѣе строгимъ, хотя нѣкоторыя малайскія племена еще недавно соблюдали его во всей его силѣ. Какъ только кто-нибудь изъ нихъ умиралъ, душа требовала крови: и оставшійся послѣ него ближайшій родственникъ отправлялся на охоту за людьми и охотился до тѣхъ поръ, пока ему не удавалось предательски напасть на кого-нибудь и убить его. Тогда истекающую кровью голову онъ клалъ на могилу. Поэтому племена эти назывались «охотниками за головами». Въ Полинезіи сто лѣтъ тому назадъ на дѣло смотрѣли уже не такъ строго, но и у нихъ существованіе этого обычая не подлежитъ сомнѣнію. Въ случаѣ чьей-либо смерти ближайшій родственникъ умершаго закутывался въ особое одѣяніе, сохранившееся и до настоящаго времени въ нашихъ музеяхъ подъ названіемъ полинезійскихъ «траурныхъ одеждъ», и вооружался длиннымъ шестомъ съ зубами акулы на утолщенномъ концѣ. Гдѣ бы онъ ни появлялся, всѣ бѣжали отъ него куда кто только могъ, даже забирались на деревья; но тѣхъ, кого ему удавалось настичь, онъ избивалъ немилосердно: онъ искалъ крови (рис. стр. 365).

Прибѣгать къ такимъ варварскимъ способамъ полученія крови стало излишнимъ послѣ того, какъ человѣкъ рѣшился приносить въ даръ умершему или духу (въ культѣ между ними не дѣлалось никакого различія) часть своей собственной крови. Таитяне при смертномъ случаѣ, вообще при каждомъ событіи, требовавшемъ обращенія къ божеству, наносили себѣ зубами акулы раны, въ особенности на лбу и на груди. Въ случаѣ чьей-либо смерти, они пропитывали вытекающей кровью тряпки, которыми постоянно во множествѣ покрывали могилы. Кладя ихъ туда, туземцы тѣмъ самымъ предлагали умершимъ подкрѣпляющій сокъ; рубцами отъ такихъ ранъ они гордились, какъ доказательствомъ своихъ благочестивыхъ подвиговъ.

Такой же обычай установился и въ древней Мексикѣ съ тою разницей, что здѣсь, при отправленіяхъ государственнаго и общиннаго культа, проливалось огромное количество крови недобровольныхъ жертвъ. Какъ только мексиканца, какъ частное лицо, постигало какое-либо несчастіе, онъ прибѣгалъ къ кровопусканію, какъ къ религіозному средству для умилостивленія духовъ. Въ случаѣ чьей-либо смерти, кровь проливалась для утоленія жажды только-что умершаго. Такъ какъ прежде каждая болѣзнь приписывалась вліянію какого-нибудь злого духа, требовавшаго умилостивительныхъ жертвъ, то болѣе, чѣмъ вѣроятно, что появленіе кровопусканія, примѣнявшагося прежде, какъ цѣлительное средство противъ всякихъ болѣзней, произошло на почвѣ культа, хотя невозможно точно установить зависимость между этимъ средствомъ и культомъ.

Доказательства того, что подобные обычаи примѣнялись и въ культурныхъ странахъ древняго міра, мы находимъ въ Библіи, которая запрещаетъ избранному народу дѣлать на кожѣ надрѣзы и знаки по поводу чьей-либо смерти. Но столь древніе обычаи не легко искореняются даже путемъ запрещеній, и нѣкоторые, невинные, правда, слѣды ихъ все-таки сохранились. Подобно тому, какъ малаецъ выставлялъ въ своемъ домѣ всѣ головы, добытыя имъ во время «траура», гордясь ими, какъ трофеями, и какъ фарисеи временъ Іисуса Христа угрюмымъ выраженіемъ лица старались выставить на показъ свое благочестіе, такъ и остальные народы сохраняли на своемъ тѣлѣ знаки такихъ религіозныхъ заслугъ, какъ бы затѣмъ, чтобы когда-нибудь при встрѣчѣ напомнить о нихъ духу. Въ тѣсной связи съ этимъ находится обычай посыпанія подобныхъ ранъ пепломъ для того ли, чтобы ослабить тѣмъ кровотеченіе, или для того, чтобы на кожѣ остались цвѣтные знаки, какъ при татуировкѣ. Хотя евреи, какъ мы сказали, и не били себя по головѣ зубами акулы, въ случаѣ чьей-либо смерти, но обычай посыпать голову пепломъ они все-таки сохранили.

Когда въ Мексикѣ одна издревле чтимая богиня посѣщала праздникъ людей, всѣ дома наполнялись трепетнымъ страхомъ, такъ какъ богиня, по существовавшему преданію, похищала жизнь у дѣтей. Въ основѣ этого преданія лежалъ, повидимому, отжившій къ этому времени свой вѣкъ обычай принесенія дѣтей въ жертву этой богинѣ. Такъ какъ подобныхъ жертвъ болѣе ужъ не приносили, то полагали, что богиня сама проникаетъ въ дома за своей жертвой,—и тогда дѣти заболѣвали и умирали. Поэтому въ день посѣщенія богини пускали себѣ кровь, собирали ее въ сосудъ изъ листьевъ и вѣшали его на дверномъ косякѣ. Богиня принимала эту жертву и не переступала порога дома. Подобное же преданіе и такой же обычай

сохранились, какъ извѣстно, и у древнихъ евреевъ. Однажды въ праздникъ божество явилось къ народу, чтобы умертвить всѣхъ первенцовъ. Тогда (и съ тѣхъ поръ это вошло въ обычай) каждый еврей, намочивъ въ крови пучокъ листьевъ, мазалъ ею косякъ у дверей,—и умилостивленное божество проходило мимо. При этомъ, однако, евреи употребляли уже кровь, не человѣка, а ягненка.

Геродотъ разсказываетъ, что еще въ его время у карійцевъ, небольшаго азіатскаго народа, существовалъ обычай съ религіозной цѣлью «бить себя

Рис. 11.—Гирараи (помѣщеніе для истлѣванія труповъ) на островѣ Таити въ прежнее время; слѣва родственникъ умершаго въ траурномъ одѣяніи, справа островитянинъ спасается отъ него, взбираясь на хлѣбное дерево. (Изъ „Путешествія Кука“ по Гауксворту).

ножами въ лобъ». Онъ видѣлъ такъ же, что и египтяне, подобно карійцамъ, при подобныхъ обстоятельствахъ поступаютъ такъ же, съ тою лишь разницей, что египтяне не наносили себѣ «въ честь бога» кровавыхъ ранъ, а только били себя кулаками по лбу. То же самое дѣлали и спартанцы, справляя тризну по своему умершему царю; и «мужчины, и женщины усердно били себя по лбу». Читатель припомнитъ, что въ этой безвредной формѣ обычай существуетъ еще и теперь. Люди ударяютъ себя въ голову и особенно въ грудь, чтобы выразить этимъ свое раскаяніе въ сознанной винѣ, между тѣмъ, какъ раньше эту самую вину искупали потоками крови.

Этотъ примѣръ лучше всего можетъ показать читателю, какимъ обра-

зомъ возникаютъ вообще «символы» и символическіе обряды. Человѣкъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ изобрѣтаетъ ихъ такъ, какъ, напр., языкъ изобрѣтаетъ тропы въ случаѣ отсутствія слова, достаточно наглядно обозначающаго требуемое понятіе. Самый обрядъ человѣкъ обыкновенно наслѣдуетъ отъ предшествовавшихъ поколѣній, и единственное, что онъ прибавляетъ къ нему отъ себя, есть пониманіе и толкованіе, соотвѣтствующее понятіямъ его времени. Такимъ путемъ находитъ онъ мирный исходъ изъ той борьбы между старымъ и новымъ, которая неминуемо должна существовать, пока существуетъ развитіе. На поприщѣ религій побѣда остается всегда за болѣе молодымъ факторомъ, субъективнымъ элементомъ въ человѣкѣ, постепенно вытѣсняющимъ изъ этой области элементъ болѣе древній. Послѣдній требовалъ отъ человѣка объективнаго отправленія культа извѣстнаго божества ради удовлетворенія потребности этого послѣдняго, а не ради самого человѣка. Приведенный выше примѣръ указываетъ и на самый ходъ борьбы, охватывающей всю область религіи. Никто изъ нынѣшнихъ культурныхъ народовъ не вѣритъ болѣе въ существованіе божества, которое жаждало бы крови для собственнаго подкрѣпленія. Поэтому обряды, которые нѣкогда вполнѣ соотвѣтствовали такому грубому понятію о божествѣ, служатъ теперь со стороны человѣка только выраженіемъ субъективнаго признанія долга и готовности ко всякой жертвѣ.

Но этотъ прогрессъ въ пониманіи формъ культа отражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прогрессъ идеи божества въ сознаніи человѣчества. Возвращаясь мысленно по пройденному этой идеей пути, мы придемъ къ ея исходному пункту, относящемуся къ тому отдаленному и туманному прошлому, когда человѣческая душа и божество, по вѣрованію человѣка, предъявляли къ нему тождественныя требованія. Но мало-по-малу, по мѣрѣ расширенія умственнаго кругозора человѣка, расходятся между собой и его понятія о томъ и другомъ объектѣ культа; и тогда лишь символическое толкованіе культа можетъ согласовать его съ позднѣйшимъ представленіемъ людей о божествѣ.

Каннибализмъ.

Ничто съ такимъ трудомъ не поддается нашему пониманію, какъ холодное равнодушіе и жестокость первобытнаго человѣка по отношенію къ жизни ближняго. Здѣсь, повидимому, сочетаются два момента: положительный и отрицательный. Мы видимъ, какъ животныя безстрашно идутъ навстрѣчу такимъ опасностямъ и страданіямъ, одно представленіе о которыхъ можетъ причинить намъ истинныя душевныя страданія. Весьма вѣроятно, что приговоренному къ смертной казни представленіе о предсмертныхъ мукахъ причиняетъ болѣе страданія, чѣмъ самая смерть. Но сила такихъ страданій, какъ показываютъ наблюденія, весьма различна въ зависимости отъ развитія силы воображенія и способности представлять себѣ тѣ или другія ощущенія. Степень этого развитія и въ настоящее время поразительно слаба у нѣкоторыхъ грубыхъ натуръ, но отъ нея несомнѣнно зависитъ пробужденіе въ человѣкѣ чувства состраданія. Это чувство свойственно лишь тѣмъ, у кого достаточно сильно развита способность представлять себѣ извѣстныя ощущенія, и сочувствіе къ чужимъ страданіямъ возбуждается въ человѣкѣ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ живѣе въ немъ соотвѣтствующее предста-

вленіе. Такимъ образомъ, область чувства въ человѣкѣ вовсе не находится внѣ всякой связи съ его умственными способностями. Но такъ какъ эти способности находятся въ постоянномъ развитіи, постепенно совершенствуются, то нужно предположить, что въ первобытномъ человѣкѣ жилъ только зародышъ чувства.

Съ другой стороны, развитіе силы воображенія, ведущее къ состраданію или во всякомъ случаѣ являющееся необходимымъ условіемъ его возникновенія, идетъ параллельно съ расширеніемъ общественнаго кругозора людей. И насъ еще извѣстіе о гибели человѣческихъ жизней трогаетъ въ различной степени въ зависимости оттого, постигло ли несчастіе людей того круга, которому преимущественно посвящены наши мысли, или болѣе отдаленнаго, а слѣдовательно, и рѣже занимающаго нашъ умъ. Люди, погибшіе при какой-нибудь катастрофѣ въ Вѣнѣ, могутъ быть такъ же незнакомы намъ, какъ и тѣ, которые могли бы погибнуть при подобныхъ обстоятельствахъ гдѣ-нибудь въ Шолапурѣ; между тѣмъ въ первомъ случаѣ извѣстіе о катастрофѣ вызоветъ въ насъ больше состраданія къ погибшимъ, потому что здѣсь мы живѣе можемъ представить себѣ всю картину бѣдствія. Но чѣмъ дальше углубляемся мы въ исторію, тѣмъ болѣе изолированнымъ видимъ мы человѣка, тѣмъ уже его общественный горизонтъ, и тѣмъ слабѣе въ немъ способность къ состраданію и сочувствію. Эту послѣдовательность въ развитіи чувства мы узнаемъ по проявленіямъ его на той или иной ступени. Сначала только материнская любовь можетъ быть причислена къ альтруистическимъ чувствамъ, затѣмъ слѣдуетъ чувство родственной любви; еще далѣе мирный договоръ вноситъ сюда новое чувство— любовь человѣка къ своему народу или племени; но всякій, не принадлежащій къ нему, остается «врагомъ». Религія культа во всемъ этомъ ничего не въ состояніи измѣнить, такъ какъ она сама возвышается вмѣстѣ съ расширеніемъ человѣческаго кругозора. Любовь ко всему человѣчеству, какъ и высшее понятіе о Богѣ, появляются лишь на высшей ступени развитія; дѣйствительное царство ихъ и до сихъ поръ еще не наступило для человѣчества: мы пока только говоримъ о томъ, исполненіе чего есть дѣло будущаго. Что касается нашего собственнаго чувства состраданія, то мы весьма часто и сильно ошибаемся относительно его характера. Даже самое сантиментальное выраженіе его не всегда свободно отъ оттѣнка эгоизма. Иногда намъ хотѣлось бы устранить несчастіе, постигшее другого, но не всегда при этомъ руководитъ нами чувство состраданія къ пострадавшему: часто мы хотимъ этого ради собственнаго настроенія, омрачаемаго зрѣлищемъ несчастія. Въ культѣ, иногда столь суровомъ и жестокомъ, зародилось безконечно много хорошаго; но не альтруизмъ, а эгоизмъ породилъ всѣ тѣ блага, колыбелью которыхъ служилъ культъ. Это должно смягчить нашъ приговоръ надъ дикаремъ: всѣми дѣйствіями его руководитъ единственно лишь мысль, суровой логикѣ которой онъ совершенно подчиненъ,— и мысль эта: самосохраненіе!

Читая хронику какого-нибудь средневѣковаго города, можно получить понятіе о промежуточной стадіи въ развитіи альтруистическихъ чувствъ. То обстоятельство, что рыночная площадь вмѣстѣ съ тѣмъ служила мѣстомъ частыхъ казней нисколько не обезцѣнивало окружавшихъ ее домовъ— напротивъ, цѣнность ихъ отъ этого даже повышалась, и только городская

знать обитала въ нихъ. Не особенно обширный «Новый рынокъ» въ Берлинѣ видѣлъ однажды, какъ медленно задыхались отъ дыма въ одно и то же время сорокъ жертвъ, и это, быть-можетъ, привлекло сюда лишь еще бо́льшую толпу жадныхъ до зрѣлищъ людей. Эти сорокъ человѣкъ принесены были въ жертву вѣрованію, теперь ужъ болѣе не существующему. Авторы старинныхъ хроникъ не описывали ничего съ такимъ удовольствіемъ, какъ тѣ случаи, когда пріобрѣтенная людьми способность состраданія снова вытѣснялась проснувшимся въ нихъ съ приближеніемъ опасности чувствомъ самосохраненія. Но именно это чувство и побуждало всегда людей къ человѣческимъ жертвоприношеніямъ. Въ новѣйшее время инстинктъ самосохраненія кажется намъ то политической, то религіозной необходимостью; иногда обѣ онѣ совпадаютъ, и человѣческія жертвы падаютъ даже во времена, наиболѣе гордыя своею гуманностью. И въ наше время не спорятъ, что въ подобныхъ случаяхъ состраданіе должно быть изгнано изъ числа мотивовъ, руководящихъ нашими дѣйствіями,—но первобытные люди постоянно видѣли себя въ такомъ положеніи, и этимъ объясняется вся разница между нашимъ человѣколюбіемъ и жестокостью дикаря. Къ этому присоединяется еще недопускавшая никакихъ сомнѣній вѣра первобытнаго человѣка въ истинность его міровоззрѣнія. Это была не та вѣра, ради которой человѣкъ днемъ приноситъ гекатомбы, а ночью въ кельѣ молитвой старается заглушить возникающія въ немъ сомнѣнія. Какъ ясно мы видимъ солнце и ощущаемъ теплоту его лучей, такъ же несомнѣнны были для первобытнаго человѣка его представленія о жизни души. И если бы кому-нибудь пробудившееся сознаніе и подсказало мысль о томъ, что эти представленія унаслѣдованы имъ отъ предковъ, то представленія эти были настолько просты, что ихъ всегда можно провѣрить и подтвердить рядомъ самыхъ простыхъ разсужденій. Это придавало обрядамъ культа первобытнаго человѣчества желѣзную послѣдовательность, нарушить которую не могло никакое состраданіе.

Поэтому человѣческія жертвоприношенія въ какой бы то ни было формѣ существовали повсюду. Если древне-еврейская религія и борется протихъ нихъ, то эта борьба свидѣтельствуетъ о томъ, что нѣкогда они совершались у евреевъ. Въ Африкѣ обычай этотъ примѣняется еще и теперь; въ Австраліи онъ существуетъ въ видѣ принесенія въ жертву дѣтей; въ Новой Зеландіи и Полинезіи онъ изчезъ только въ прошломъ столѣтіи. Не въ меньшей степени знакомъ онъ былъ и красной расѣ въ Америкѣ, а древніе мексиканцы довели свой культъ до ужасающихъ кровопролитій. Такую же печальную славу пріобрѣлъ въ Европѣ культъ кельтовъ своимъ обиліемъ человѣческихъ жертвоприношеній; примѣняли этотъ обычай также греки и римляне, германцы и славяне, а у родственныяхъ имъ арійцевъ въ Индіи развился особенно сильно одинъ видъ человѣческихъ жертвоприношеній. То же значеніе, какое въ настоящее время Англія имѣетъ для Индіи, Римъ имѣлъ для подвластныхъ ему народовъ; особенно сильное вліяніе оказалъ онъ на смягченіе галльскаго культа, но, по свидѣтельству Порфирія, только при императорѣ Адріанѣ (около 280 г. по Р. Х.) удалось окончательно уничтожить человѣческія жертвоприношенія среди подвластныхъ Риму народовъ, тогда какъ въ самомъ Римѣ все еще ежегодно приносилась одна

такая жертва, что́ подтверждаетъ и Лактанцій, одинъ изъ отцовъ церкви, жившій уже въ IV столѣтіи.

Слѣдуетъ различать двѣ главныя группы человѣческихъ жертвоприношеній, весьма различныя по своему назначенію. Въ основѣ одной группы лежитъ стремленіе съѣсть душу самаго умершаго, а въ основѣ другой— желаніе дать этой душѣ спутника или оказать ей вообще какую-либо услугу. Въ обоихъ случаяхъ могло существовать мнѣніе, что́ тѣмъ, кого приносили въ жертву, этимъ самымъ оказывали особый почетъ.

Какъ на самый извѣстный примѣръ второй группы человѣческихъ жертвоприношеній, указываемъ читателю на обычай сожиганія вдовъ въ Индіи, противъ котораго англійское правительство боролось вплоть до послѣдняго времени, пока, наконецъ, не преодолѣло его. Этотъ обычай слѣдованія вдовъ за умершими мужьями является слѣдствіемъ весьма распространеннаго представленія, будто отдѣлившійся отъ тѣла духъ долженъ сохранить для себѣ всѣхъ, кѣмъ онъ владѣлъ при жизни; иначе онъ станетъ мучить и преслѣдовать того, кто завладѣетъ ими. Если души и производятъ громъ и градъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что дикарь представляетъ себѣ ихъ дальнѣйшее существованіе въ видѣ нѣкоторой физической силы, по той простой причинѣ, что онъ не имѣетъ о послѣдней никакого представленія. Наоборотъ, въ дѣйствіяхъ физическихъ силъ онъ видитъ проявленіе дѣятельности духовъ, такъ какъ только о нихъ однихъ составилъ онъ себѣ представленіе изъ наблюденія надъ кругомъ наиболѣе близкихъ къ нему предметовъ и явленій.

Поэтому его духи живутъ не сомнительной жизнью физическихъ силъ, но вполнѣ человѣческой жизнью. Жены и рабы составляютъ собственность умершаго, и онъ нуждается въ нихъ на томъ свѣтѣ совершенно такъ же, какъ нуждался и на этомъ. Поэтому вмѣстѣ съ умершимъ погребались и рабы, рабыни и жены въ числѣ, соотвѣтствующемъ его земному богатству и положенію; души ихъ продолжаютъ жить съ нимъ и въ загробномъ мірѣ. При извѣстныхъ обстоятельствахъ въ этомъ можно видѣть своего рода отличіе для жертвъ. Народъ не скупится на жертвоприношенія духу своего почитаемаго вождя; часть этихъ приношеній достается и рабамъ, которымъ ни одинъ человѣкъ не пожертвовалъ бы и пригоршни воды, если бы они умерли естественной смертью. Попасть въ общество властителя боговъ Одина у скандинавскихъ народовъ составляетъ завѣтное желаніе каждаго мужчины, и потому они стараются предупредить свою естественную кончину, такъ какъ эта послѣдняя вела души въ преисподнюю, гдѣ обитали всѣ, не попавшіе въ число избранныхъ.

Сожиганіе вдовъ въ Индіи есть лишь незначительный остатокъ нѣкогда гораздо болѣе распространеннаго обычая, ключъ къ которому лежитъ въ непоколебимой, недопускающей никакихъ сомнѣній вѣрѣ первобытнаго человѣка. Обычай слѣдованія живыхъ людей за умершими существовалъ и у грековъ временъ Гомера, и у германцевъ, и у славянъ. У насъ имѣются достовѣрныя свѣдѣнія объ этомъ относительно германскихъ руссовъ; а что касается славянъ, то еще христіанскіе миссіонеры сообщаютъ, что у нихъ жены слѣдовали въ могилу за своими мужьями. Въ Гренландіи эскимосы еще въ XVIII вѣкѣ погребали вмѣстѣ съ матерью ребенка, если она уми-

рала до отнятія его отъ груди, что́ происходило въ большинствѣ случаевъ лишь на четвертомъ году.

Исходя изъ такихъ представленій о духахъ, нѣкоторые народы послѣдовательно вывели даже такое заключеніе, что можно убить человѣка не только для служенія какому-либо духу, но просто для того, чтобы дать полезное для людей назначеніе освобожденной отъ тѣла душѣ убитаго. Еще въ минувшемъ столѣтіи европейцы были свидѣтелями подобнаго обычая въ Сіамѣ. Дѣло было въ слѣдующемъ: для вновь выстроенныхъ воротъ туземцамъ понадобилось пріобрѣсти невидимаго духа-покровителя, который знаками предупреждалъ бы людей о грядущей опасности, что́ считалось обязанностью каждаго добраго духа. Тогда король назначилъ для этой цѣли перваго попавшагося ему на глаза человѣка, и всѣ считали это высокимъ отличіемъ для него. Съ нимъ тотчасъ же стали обращаться, какъ съ божествомъ; въ честь его устроенъ былъ блестящій обѣдъ, во время котораго король изложилъ ему его будущія обязанности въ роли духа-охранителя воротъ, и затѣмъ этого человѣка убили. Сообщающіе это извѣстіе не упоминаютъ о томъ—были ли обѣщаны ему на будущее время періодическія жертвы, но это не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ только въ этомъ можно найти объясненіе того, что отъ убитаго человѣка ожидали не мести, а услугъ. Согласно съ народнымъ вѣрованіемъ, человѣку этому выпало на долю необыкновенное счастье. Этотъ пролетарій и бродяга (такимъ именно онъ и былъ) умеръ бы гдѣ-нибудь подъ заборомъ, и никому изъ людей не пришло бы въ голову хотя разъ принести ему какую-нибудь жертву. Такимъ образомъ, проклятіе бѣдности не было бы снято съ него даже послѣ смерти; теперь же ему предстояла самая завидная участь: дорожа своею безопасностью, туземцы непремѣнно будутъ приносить жертву своему духу-охранителю.

Многія нѣмецкія легенды указываютъ, что и въ Германіи нѣкогда существовалъ такой же обычай; но мы ни въ какомъ случаѣ не считаемъ достовѣрнымъ, что этотъ обычай существовалъ въ теченіи всего времени, какое приписываютъ ему легенды: такія легенды нѣмецкій народъ создавалъ еще въ минувшемъ столѣтіи по поводу возведенія большихъ сооруженій, напр., желѣзнодорожныхъ мостовъ и т. п. Въ Германіи можно слышать много легендъ на одну и ту же тему, связанныхъ съ тѣмъ или инымъ замкомъ, будто въ фундаментѣ замка замурованъ живой ребенокъ, или будто владѣтель замка, по окончаніи его постройки, убилъ самого строителя. Во многихъ изъ этихъ легендъ сохранилось еще довольно ясное указаніе на цѣль такихъ поступковъ. Замки, городскія стѣны, мосты и плотины особенно нуждались въ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ для ихъ защиты и прочности. Какъ разсказываютъ легенды, часто для этихъ цѣлей покупали дѣтей у бездомныхъ матерей или, въ особенности при возведеніи плотинъ, убивали нищаго, напоивъ его предварительно до-пьяна.

Второй видъ человѣческихъ жертвоприношеній имѣетъ совершенно иной смыслъ и иную цѣль, чѣмъ первый. Лучше всего было бы назвать его каннибальскимъ, такъ какъ онъ находится въ такой же связи съ каннибализмомъ, какъ упомянутыя раньше жертвоприношенія съ тѣмъ или инымъ родомъ человѣческой пищи.

Каннибализмъ или людоѣдство еще и въ наше кремя существуетъ во многихъ уголкахъ земного шара, и тѣ племена, которыя сохранили этотъ древній варварскій обычай, въ отношеніи жизненной энергіи вовсе не стоятъ

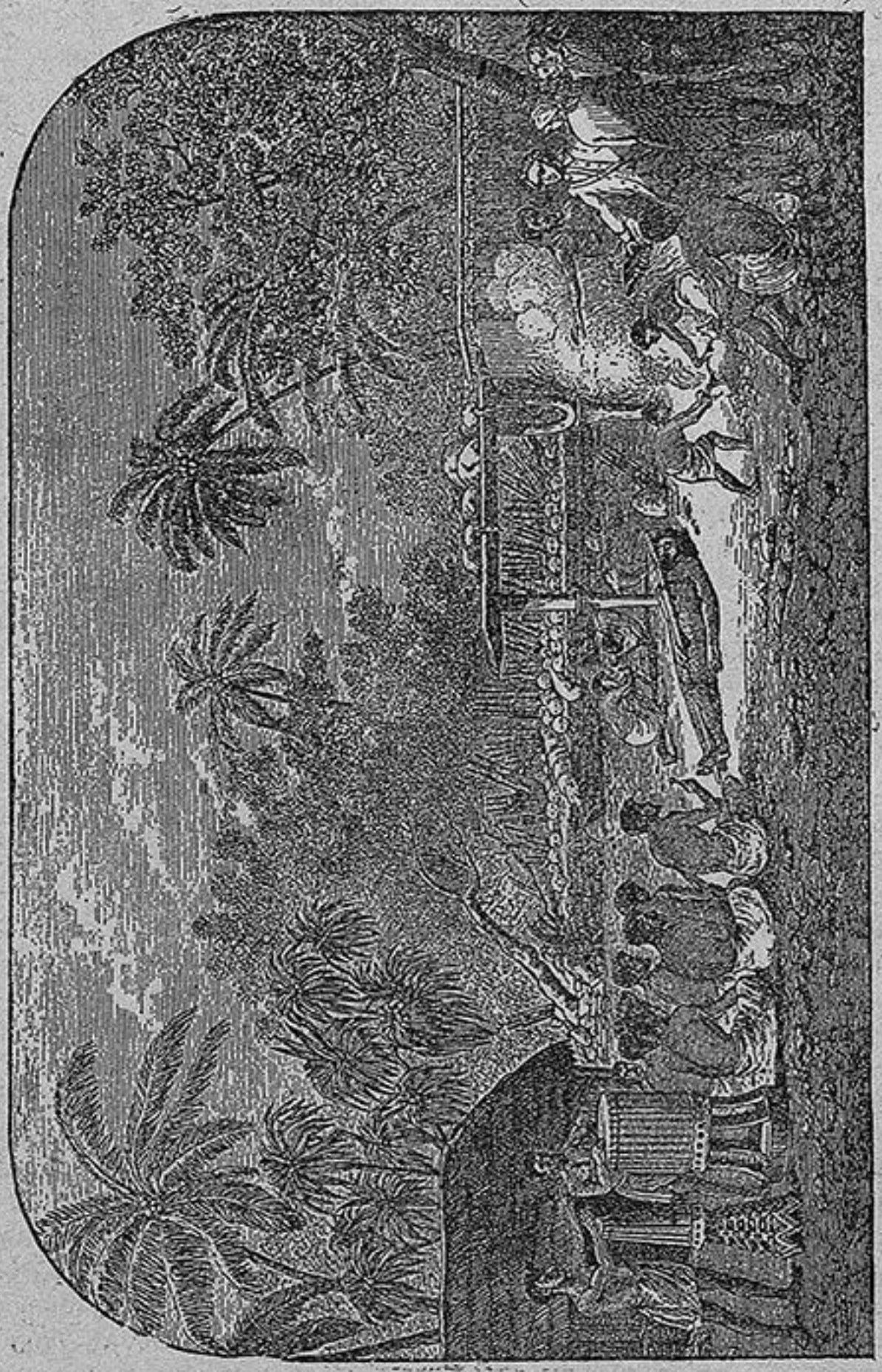

Рис. 12—Человѣческія жертвоприношенія на островѣ Таити. (по Лёббоку)

ниже всѣхъ другихъ племенъ. Судя по оставшимся слѣдамъ, обычай этотъ нѣкогда былъ распространенъ почти по всей землѣ. Высшаго развитія достигъ онъ въ древней Мексикѣ, существуя тамъ параллельно со сравнительно высоко развитой культурой. Возможно, что и оттуда онъ исчезъ

бы гораздо раньше, если бы этому не препятствовалъ культъ, со свойственнымъ ему упорствомъ, не желавшій отказаться отъ него. У другихъ народовъ, правда, исчезъ обычай ѣсть человѣческое мясо; но соотвѣтствующія ему формы культа сохранялись, пока и онѣ мало-по-малу не изгладились или не превратились въ символы.

Помимо тѣхъ случаевъ, когда люди съѣдали мясо умершихъ друзей, чтобы переселить въ себя ихъ душу, исключая этого рѣдкаго вида каннибализма, который можетъ быть названъ каннибализмомъ изъ дружбы, «поѣданіемъ изъ любви», вообще говоря, каннибализмъ является преимущественно актомъ вражды. Судя по тому, что̀ извѣстно относительно Новой Зеландіи и древней Мексики, можно предположить, что потребность въ мясной пищѣ и невозможность достать ее инымъ путемъ заставили человѣка охотиться за себѣ подобными и утолять свой голодъ ихъ кровью, жиромъ и мясомъ. Случаевъ и поводовъ къ такому обращенію съ людьми было тѣмъ болѣе достаточно, что, при мало развитой организаціи мирныхъ сношеній, уже за предѣлами семьи начиналась область чужеземцевъ и враговъ, или, какъ говорили греки, варваровъ. По отношенію къ нимъ не признавали никакихъ обязанностей; они были просто дичью, за которой можно охотиться; такъ же, впрочемъ, частью смотрѣли и европейцы на людей не бѣлой расы.

Но къ этому, древнѣйшему, быть можетъ, виду каннибализма отъ голода, вскорѣ присоединился другой видъ, основанный на «народной физіологіи» и мало-по-малу вытѣснившій первый. Въ большинствѣ случаевъ дикари, на разспросы о мотивахъ, побуждающихъ ихъ прибѣгать къ людоѣдству, отвѣчали, что участіе въ подобной трапезѣ придаетъ человѣку мужество и силу, т. е. вообще увеличиваетъ душевную энергію. Въ основѣ этого лежитъ упомянутое уже представленіе о томъ, что вмѣстѣ съ мясомъ и кровью человѣкъ съѣдаетъ и душу—носительницу всѣхъ силъ.

Желать этого побуждаетъ человѣка не только стремленіе къ увеличенію его силъ, но, особенно по отношенію къ могущественному врагу, еще и другое соображеніе. Одною только смертью врага вовсе еще не устраняется угрожающая съ его стороны опасность; напротивъ, свободная, могущественная душа внушаетъ еще больше страха послѣ смерти ея носителя, чѣмъ онъ самъ при своей жизни. Она сновидѣніями и знаменіями побуждаетъ своихъ родственниковъ къ кровавой мести и сама (Эриннія умершаго, какъ называли ее греки) мститъ по своему. По разсказамъ греческой миѳологіи, Эринніи не давали убійцѣ ни минуты покоя, пока, наконецъ, онъ, измученный, лишившійся сна, не сходилъ съ ума. Какъ же доводитъ первобытный человѣкъ свою месть до конца, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ охраняетъ онъ себя отъ враждебной, недоброжелательной души? Слѣдуя неумолимой логикѣ, онъ уничтожаетъ душу вмѣстѣ съ тѣломъ, отнимая у нея возможность дальнѣйшаго существованія. Гомеровскіе герои достигали этой цѣли тѣмъ, что отказывали павшимъ въ бою врагамъ въ почестяхъ культа, который одинъ только можетъ поддержать дальнѣйшее существованіе души. Они угрожали врагу смертью души его, хвастаясь, что они бросятъ его тѣло на съѣденіе собакамъ и птицамъ. Изъ страха передъ подобной участью, многіе народы уносятъ съ поля битвы трупы павшихъ въ бою родственниковъ, хотя бы, вслѣдствіе этого, что̀

бывало нерѣдко, растраивалась самая битва; по той же причинѣ унижался старецъ Пріамъ, царь троянскій, передъ юнымъ Ахилломъ, желая получить трупъ своего сына и оказать ему почести культа.

Но человѣкъ болѣе дикій шелъ еще дальше и думалъ, что такъ онъ вѣрнѣе обезпечиваетъ себя: онъ проглатывалъ вмѣстѣ съ кровью врага его душу и тѣмъ вполнѣ утолялъ свою жажду мести. Теперь врагъ былъ окончательно уничтоженъ, и душа его уже перестала жить; она перешла въ другую душу, въ видѣ усиленія этой послѣдней, какъ бы въ качествѣ подчиненной ей силы; теперь она уже не могла мстить: со стороны царства духовъ не грозило уже никакой опасности.

При этомъ человѣкъ съѣдалъ преимущественно сердце, этотъ сосудъ крови, заключающей въ себѣ душу. Въ Полинезіи у убитаго врага вырывали «сердце и глаза» и отдавали ихъ начальнику съ тѣмъ, чтобы онъ съѣлъ ихъ; не подлежитъ сомнѣнію, что онъ нѣкогда ихъ дѣйствительно съѣдалъ, хотя въ то время, какъ европейцы стали посѣщать Полинезію, онъ дѣлалъ только видъ, будто проглатываетъ эти органы, подававшіеся ему завернутыми въ банановые листья. Какъ извѣстно, изъ числа сѣверогерманскихъ сагъ многія сохранили слѣды временъ варварства. Такъ, существуетъ нѣсколько варіантовъ сказаній о злыхъ духахъ, демонахъ, которые выговорили себѣ въ жертву ребенка или взрослаго человѣка и затѣмъ требовали отъ него «сердце и глаза».

При ѣдѣ мяса и крови особенно сильно ощущается потребность въ приправѣ и, вѣроятно, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе то и другое можетъ быть причислено къ обычной пищѣ человѣка. Малайскія племена приправляли человѣческое мясо сокомъ одного сорта лимоновъ, и вообще вмѣсто соли употребляли всякія острыя на вкусъ травы. На сѣверѣ излюбленной приправой былъ, повидимому, медъ. Такъ, въ пѣсняхъ скандинавскихъ народовъ неоднократно встрѣчаются упреки, обращенные къ древнимъ героямъ, будто они ѣли дѣтскія или вообще человѣческія сердца съ медомъ. Существующее у нихъ сказаніе о томъ, что напитокъ изъ крови и меда былъ источникомъ поэтическаго вдохновенія, также указываетъ на подобный обычай. Подъ поэтическимъ искусствомъ, или искусствомъ скальдовъ, здѣсь, какъ и повсюду, первоначально понималась «вдохновенная» рѣчь жреца, а она находится въ связи съ древнимъ жертвеннымъ напиткомъ изъ крови и меда.

Человѣческія жертвоприношенія—не что иное, какъ каннибальская трапеза съ участіемъ божества или приготовленная исключительно для него. Насъ не должно удивлять, что подобную пищу осмѣливались предлагать, не говоря уже о низшихъ духахъ, даже божеству. Развѣ можно было отказать ему въ этомъ, не только самомъ вкусномъ но, и, конечно, въ очень грубомъ смыслѣ, въ наиболѣе духовномъ изъ всѣхъ извѣстныхъ человѣку кушаній? Напротивъ, если кто-либо имѣлъ преимущественное право требовать себѣ такого угощенія, то именно божество.

Поэтому, когда устраивается подобное пиршество въ честь бога, то божество, какъ подобаетъ ему, занимаетъ мѣсто начальника и пользуется его почетными правами. Ему, слѣдовательно, прежде всего предоставляется «кровь и глазъ» или сердце и голова жертвы, а остальное дѣлятъ между собою участники пиршества. Такъ, мексиканскіе жрецы на вершинѣ ихъ

ступенчатаго храма вынимали изъ груди жертвы сердце для божества, а тѣло сбрасывали внизъ по ступенямъ. Здѣсь его подхватывалъ принимавшій участіе въ торжествѣ народъ и, сваривъ мясо, съѣдалъ его. Такія жертвы приносились въ древней Мексикѣ ежегодно тысячами. Для добыванія ихъ устраивали настоящія охоты на сосѣдніе народы; подобной же участи подверглись почти всѣ испанцы, попавшіеся въ плѣнъ при завоеваніи Мексики. Впрочемъ, каннибалы жаловались на то, что мясо ихъ не вкусно. Они предпочитали мясо людей бурой расы и потому наложили на покоренныя племена религіозную дань, которая должна была выплачиваться человѣческими жертвами для ихъ божества. Не подлежитъ сомнѣнію, что именно ужасъ передъ этимъ культомъ настолько парализовалъ племена плоскогорья, что они выносили господство этого небольшого каннибальскаго племени; мексиканцы не сдѣлали ни одного шага къ уничтоженію этихъ жертвъ,— и въ этомъ была причина быстраго паденія Мексики. Кортесъ въ глазахъ подвластныхъ ей народовъ явился избавителемъ.

Кромѣ этихъ государственныхъ жертвъ, множество жертвъ приносилось частными людьми, общинами и корпораціями, употреблявшими для этой цѣли купленныхъ рабовъ. Подобный же обычай существовалъ и въ Перу. Тамъ задолго до торжества запасались жертвами и усердно откармливали ихъ; потому, вѣроятно, мясо бѣдныхъ испанцевъ, истощенныхъ войною, и было такъ невкусно. Часто такую жертву держали взаперти въ теченіе года. Впрочемъ, и въ другихъ частяхъ свѣта мы встрѣчаемъ подобную же утонченную жестокость. По мѣрѣ приближенія дня жертвоприношенія, обреченному на жертву оказывались все бо́льшія и бо́льшія почести, и подъ конецъ его начинали почитать, какъ бога, въ жертву которому онъ былъ предназначенъ; всѣ его желанія и порученія исполнялись съ величайшей готовностью, если только предметомъ ихъ не было его освобожденіе. Здѣсь мы снова видимъ раздвоеніе первоначальнаго представленія. Будущность души подобной жертвы можно было, очевидно, разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія. Ближайшій выводъ, который люди могли сдѣлать изъ своихъ представленій о духахъ, заключается въ томъ, что душа жертвы просто проглатывается, уничтожается божествомъ; поэтому, побѣжденныхъ враговъ и подвергали такой участи. На этомъ, однако, можно было не останавливаться: въ стремленіи представить себѣ участь, ожидавшую душу жертвы, могли быть сдѣланы и дальнѣйшія попытки къ болѣе точному представленію того. Во всякомъ случаѣ, душа теряла свою индивидуальность; но, какъ душа, она сливалась съ божественной душою: въ извѣстномъ смыслѣ про нее можно было сказать, что она сама становится богомъ. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятно, почему человѣка, обреченнаго въ жертву, еще до смерти называли именемъ того божества, съ которымъ должна была соединиться его душа, и устраивали пышныя процессіи, показывая его народу, причемъ его облекали въ одежды этого божества. Дошли-ли древніе германцы до подобнаго обычая—намъ неизвѣстно.

Прослѣдимъ этотъ процессъ нѣсколько далѣе. Когда какой-либо мексиканскій цехъ приносилъ такую жертву богу, то, конечно, весь городъ желалъ принять участіе въ торжествѣ, такъ какъ это считалось чрезвычайно благодѣтельнымъ; но всѣмъ, конечно, это было невозможно. Уча-

стіе въ жертвенномъ пиршествѣ полезно потому, что оно умилостивляетъ божество, склоняетъ его къ благодѣяніямъ по отношенію къ людямъ, даже обязываетъ его къ тому. Кто же могъ быть болѣе увѣренъ въ томъ, что имъ будутъ оказаны эти благодѣянія, какъ не тѣ, которые принимали участіе въ жертвенной трапезѣ? Но какъ добиться этого участія? Здѣсь впервые прибѣгли къ символамъ. Изъ тѣста (первоначально даже съ примѣсью крови, чтобы оставаться ближе къ дѣлу) пекли фигуру этой жертвы въ одѣяніи и со всѣми аттрибутами соотвѣтствующаго божества; съѣдая эту фигуру, всѣ желающіе могли принять участіе въ благодѣтельномъ пиршествѣ. Такая испеченная изъ тѣста фигура имѣла особое названіе— «богъ, котораго ѣдятъ».

Не подлежитъ сомнѣнію, что и древнимъ германцамъ извѣстно было нѣчто, подобное этому обычаю. Часто уже указывалось, что старинныя, неизмѣнныя формы нѣмецкихъ пряниковъ, въ видѣ всадниковъ и мужчинъ съ остроконечными шапками, представляютъ фигуры древнихъ народныхъ боговъ. Пряники эти и теперь еще употребляются, главнымъ образомъ, на празднествахъ, нѣкогда связанныхъ съ жертвенными пиршествами. Они съѣдаются тутъ же; кромѣ того, ихъ уносятъ домой для друзей, чтобы и тѣ, съѣвши ихъ, также могли принять участіе въ торжествѣ, отъ котораго ожидались благодѣтельныя послѣдствія. Слѣдовательно, и эти пряники— также «боги, которыхъ ѣдятъ», т. е. изображенія жертвъ-боговъ подобнаго же рода. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ другіе дни точно также изготовлялись изображенія жертвенныхъ животныхъ: на Рождествѣ— свиньи, въ день св. Мартина — рогъ Мартинова быка; слѣды послѣдняго обычая въ воспоминаніи до сихъ поръ еще сохранились въ Англіи.

Народные обычаи удержали и другое воспоминаніе о подобныхъ обрядахъ культа. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что и древніе германцы приносили своимъ богамъ человѣческія жертвы. Но откуда они ихъ брали? Относительно того, какъ вообще поступали народы, когда уже нельзя было болѣе хватать перваго попавшагося человѣка изъ сосѣдняго племени, разсказываетъ очень наглядно одна буддійская легенда о духѣ, который ежедневно требовалъ для себя человѣческой жертвы. Убійцамъ и ворамъ обѣщали свободу, если они отнесутъ къ извѣстному дереву сосудъ съ рисомъ; тамъ ихъ проглатывалъ злой духъ. Когда уже не стало больше воровъ и убійцъ, начали хватать во всѣхъ домахъ стариковъ, а затѣмъ и дѣтей. Извѣстно, что древніе германцы покупали рабовъ для жертвоприношеній у сосѣднихъ племенъ; неоднократно миссіонеры должны были запрещать христіанскимъ племенамъ продажу рабовъ врагамъ для такихъ цѣлей. Если, вслѣдствіе такихъ или какихъ-либо подобныхъ причинъ, языческое племя было стѣснено въ способахъ добыванія человѣческихъ жертвъ, то ему не оставалось другого выбора, какъ приносить въ жертву своихъ преступниковъ. Такимъ путемъ понятія о казни и жертвоприношеніи до того сблизились между собою, что въ представленіи народа, по крайней мѣрѣ, относительно извѣстныхъ случаевъ, они совершенно отожествились. Слѣды подобныхъ воззрѣній живутъ еще и понынѣ отчасти въ общепризнанныхъ обычаяхъ, отчасти во всякаго рода суевѣріяхъ; съ приговореннымъ къ смерти все еще обращаются, какъ мексиканцы обращались со своею жертвой-богомъ. Для него устраиваютъ своего рода пиръ или,

по крайней мѣрѣ, ему предоставляютъ за послѣднимъ обѣдомъ (Henkermahl), неограниченную свободу ѣсть и пить сколько ему угодно; отдѣльныя вещи казненнаго сохраняются на память, въ особенности, его реликвіи, въ качествѣ амулетовъ, обладающихъ сверхестественной силой. Даже съ веревкой повѣшеннаго палачи нѣкогда дѣлали выгодныя дѣла.

Если никогда вполнѣ не прекращавшійся обычай человѣческихъ жертвоприношеній и могъ измѣнить свой первоначальный смыслъ подъ вліяніемъ врожденнаго, повидимому, въ человѣкѣ отвращенія къ человѣческому мясу, то это отвращеніе должно было, несомнѣнно, обнаружиться лишь тогда, когда для жертвенныхъ пиршествъ стали употреблять мясо негодяевъ и преступниковъ. И на самомъ дѣлѣ, люди перестали принимать участіе въ такихъ жертвенныхъ трапезахъ раньше, чѣмъ они оставили самый обычай человѣческихъ жертвоприношеній. Въ человѣкѣ взяло верхъ отвращеніе, но божество ничѣмъ не показывало, что и оно хочетъ отказаться отъ своего древняго права: оно должно было получать свои жертвы. Такъ исчезли каннибальскія пиршества, и осталась только часть обряда, исключительно въ видѣ «жертвы». Евреи, правда, не приносили уже человѣческихъ жертвъ, но и они были знакомы съ такими жертвоприношеніями. Съ согласія Давида, потомки Саула подобнымъ образомъ были принесены въ жертву богу гибеонитовъ—«повѣшены предъ Іеговой». Въ такой формѣ человѣческія жертвы приносились и сѣверными германцами, по крайней мѣрѣ, богу военныхъ отрядовъ, причемъ приносимыхъ въ жертву людей вѣшали на деревья въ священной рощѣ; отсюда и названіе Одина «Hängegott».

Намъ достаточно вспомнить принципы, лежащіе въ основѣ всего обряда жертвоприношеній, чтобы понять, какъ неразрывно связано съ этимъ обрядомъ широко распространенное вѣрованіе, будто божества, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, преслѣдуютъ души и стараются поглотить ихъ. Души считались ихъ пищею, такъ какъ кровь потому именно и цѣнится такъ высоко, что въ ней заключается душа.

На островѣ Пасхи въ могилахъ начальниковъ оставляли открытыми два отверстія, и туземцы еще недавно объясняли нѣмецкимъ изслѣдователямъ, что это дѣлается съ цѣлью, чтобы душа могла спасаться отъ преслѣдованій бога Маке-маке, когда онъ проникаетъ въ могилу, желая поглотить ее. Около подобной же мысли, какъ около центра, сгруппированы и всѣ представленія египтянина о загробной жизни. Вся его забота о послѣдней сосредоточена на томъ, чтобы душу его не постигла «вторая смерть», иначе говоря, чтобы она не была проглочена, чтобы она жила! «Да живетъ душа эта!»—таково было, судя по надписямъ, пожеланіе, произносимое тѣми, которые приносили въ даръ душѣ воду и дѣлали другія подношенія, обычныя въ ихъ культѣ. Чужія, злыя божества, подстерегавшія душу съ цѣлью поглотить ее, египтянинъ представлялъ себѣ въ видѣ страшныхъ звѣрей; такъ, на картинѣ великаго суда надъ мертвыми въ Книгѣ мертвыхъ «великая поглотительница» изображена въ видѣ самки гиппопотама. Могла-ли душа спастись отъ этой поглотительницы,—въ разрѣшеніи этого вопроса и состояла обязанность суда надъ мертвыми, но и человѣкъ еще при жизни прилагалъ къ тому же всѣ свои старанія.

Въ данномъ случаѣ снова соединяются два упомянутыхъ выше различныхъ вѣрованія: согласно одному изъ нихъ, болѣе грубому, поглощеніе души божествомъ считается полнымъ ея уничтоженіемъ, а потому тѣ, среди которыхъ это вѣрованіе господствуетъ, страшатся этого поглощенія; по другому, его не только не должно опасаться, но, напротивъ, его слѣдуетъ желать, какъ почетнаго сліянія съ божествомъ. Желая спастись отъ чужеземныхъ, злыхъ божествъ, желающихъ поглотить его душу, египтянинъ вмѣстѣ съ тѣмъ надѣется попасть къ своимъ богамъ, Озирису, Ра, Пта и др., и слиться съ ними до отожествленія подобно тому, какъ въ представленіи мексиканцевъ люди, приносимые въ жертву, отожествлялись съ божествомъ. Такъ, въ Книгѣ мертвыхъ мы читаемъ, что оставшаяся въ живыхъ душа, торжествуя, говоритъ: «я — Озирисъ», «я — Ра» и т. д.

Оба эти представленія (въ связи между собою, или каждое въ отдѣльности) существовали еще въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ почти вплоть до нашего времени. Души и духовъ все еще воображали жадными до «душевной» пищи. Когда кто-нибудь умиралъ, будили всѣхъ спящихъ въ домѣ, думая, что только-что освободившаяся душа возьметъ съ собой всѣ души, временно покинувшія свои тѣла. Духи, оборачивавшіеся въ «вампировъ», увлекали за собой на тотъ свѣтъ своихъ ближайшихъ родственниковъ, высасывая изъ нихъ кровь и жизнь. Древнія народныя «правды» сохранили указаніе на то, что нѣкогда вѣдьмы или, вѣрнѣе, злые духи, которыми онѣ были одержимы, «выѣдали» людей, т. е. изъ здороваго тѣла высасывали душу.

И тѣ злые духи, которыхъ христіанство называетъ діаволами, также всегда, гдѣ только возможно, готовы захватить душу; они умѣютъ даже присвоивать ихъ себѣ обязательствами и договорами. Благочестивый Цезарій фонъ-Гейстербахъ неоднократно разсказываетъ о томъ, какъ стаи воронов—въ которыхъ сидятъ черти—собирались туда, гдѣ кто-нибудь лежалъ при смерти. Случалось также, что черти, которыми одержимъ былъ человѣкъ, покидали его на нѣкоторое время и затѣмъ сознавались заклинателю, что они сдѣлали за это время большое путешествіе въ такое-то мѣсто, гдѣ какъ разъ былъ подходящій случай захватить душу. Основываясь на сочиненіяхъ того же писателя, можно вывести заключеніе, что представленія христіанъ въ средніе вѣка вполнѣ совпадали съ упомянутыми представленіями древнихъ египтянъ лишь съ тою разницей, что здѣсь борятся между собой не Озирисъ и «поглотительница», а архангелъ Михаилъ и сатана. Благочестивые пастыри часто видѣли эту борьбу у постели умирающаго.

Замѣщеніе.

Въ человѣчествѣ непрерывно и параллельно развивались два принципа, которые въ своемъ развитіи неминуемо должны были столкнуться и вступить въ борьбу, — принципъ обезпеченія человѣческаго благополучія посредствомъ культа и принципъ освобожденія путемъ состраданія. Первый изъ нихъ, чтобы не терять увѣренности въ своемъ значеніи, долженъ былъ неумолимо строго придерживаться старины, между тѣмъ, какъ второй требовалъ разрушенія многихъ ея формъ, оставшихся далеко позади жизни,

изъ которой онѣ были нѣкогда заимствованы. Прекратить эту борьбу мирнымъ путемъ могло только откровеніе самого божества; но въ своемъ постепенно смягчающемся и облагораживающемся чувствѣ человѣкъ не могъ узнать его голоса. Онъ охотнѣе ссылался на какое-нибудь внѣшнее откровеніе, традиція котораго успокаивала его совѣсть и направляла его къ созданію другихъ, болѣе мягкихъ формъ, доставляемыхъ жизнью. Формы такихъ примиряющихъ откровеній, какъ преданій, такъ и миѳовъ, различны; но всѣ народы, достигшіе высшей и болѣе гуманной культуры, неизбѣжно должны были пережить эту революцію, и у большинства изъ нихъ сохранились о ней тѣ или другія сказанія.

Родственные намъ арійцы въ Индіи самостоятельно не дошли до того, чтобы уничтожить принесеніе въ жертву вдовы послѣ смерти ея мужа. Но у всѣхъ другихъ народовъ этотъ обычай болѣе не встрѣчается. Правда, положеніе вдовъ у нѣкоторыхъ народовъ все еще остается очень тяжелымъ въ зависимости отъ указанныхъ древнихъ воззрѣній, но смягчающее и облагораживающее вліяніе времени сказалось и здѣсь: продолжительность такого положенія имѣетъ свой срокъ. Люди облегчили себѣ свои многочисленныя обязанности по отношенію къ мертвымъ тѣмъ, что мало-по-малу привыкли ограничивать свои попеченія о нихъ извѣстными сроками; послѣ того, утѣшали они себя, души находятъ себѣ пріютъ въ другомъ мірѣ и могутъ заботиться о себѣ сами. Такое ослабленіе человѣческихъ заботъ о душахъ умершихъ было весьма полезно для вдовъ. У сѣверныхъ индѣйцевъ, о которыхъ Лоскиль разсказываетъ на основаніи собственныхъ наблюденій, вдова, согласно строгимъ древнимъ воззрѣніямъ, все еще считается собственностью умершаго, и всѣ остерегаются поэтому вступать съ ней въ какія бы то ни было сношенія. Люди ея племени смотрятъ на нее, какъ на отверженную; никто не дастъ ей и куска мяса, даже за плату. Они лишились бы всякой удачи на охотѣ, если бы сдѣлали что-либо подобное: ихъ страшитъ духъ умершаго, собственностью котораго продолжаетъ быть вдова. Но такъ какъ обязанности живыхъ по отношенію къ духу умершаго распространяются лишь на опредѣленный срокъ, то и такое отношеніе къ вдовѣ имѣетъ свой конецъ. То и другое продолжается лишь годъ; затѣмъ она становится свободной; «мужъ ея», говорятъ индѣйцы, «покидаетъ ее не ранѣе, чѣмъ черезъ годъ; тогда только душа его уходитъ на свое мѣсто». Теперь она снова можетъ одѣваться, друзья ея могутъ принимать участіе въ ея судьбѣ; теперь она можетъ уже отдать свою руку другому мужчинѣ. Довольно близко къ этому обычаю подходитъ нашъ «годъ траура»; нѣкогда жена принадлежала мужу навсегда, даже послѣ его смерти, а теперь лишь въ теченіе одного года со дня его кончины.

Гораздо бо́льшая пропасть лежитъ между древними и позднѣйшими формами исполненія обѣщаній, данныхъ божеству, т. е. обѣтовъ. Буддійское сказаніе, проникнутое уже мягкостью буддизма, говоритъ о принесеніи въ жертву ребенка, лишь какъ о крайней мѣрѣ, къ которой приходилось прибѣгать въ томъ случаѣ, когда нельзя было найти другой человѣческой жертвы для божества. Но изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ нѣчто вполнѣ противоположное, невѣроятное по своей жестокости. Каннибальское жертвоприношеніе австралійскими женщинами своихъ дѣтей во всей его суровой первобытной формѣ доказано настолько неопровержимо, что совер-

шенно напрасно было бы отрицать предположеніе о неизбѣжности подобной участи для всѣхъ первенцовъ. При необычайной распространенности въ первобытныя времена дѣтоубійства, о которомъ шла рѣчь въ другомъ мѣстѣ, это вовсе не должно насъ удивлять. Если дитя не могло остаться въ живыхъ уже въ силу матеріальной нужды, то что могло помѣшать извлечь выгоду изъ принесенія его въ жертву? Въ Библіи находимъ мы много доказательствъ того, насколько сильно распространенъ былъ въ Ханаанѣ обычай принесенія въ жертву дѣтей даже въ позднѣйшія времена. Родители, не имѣвшіе еще дѣтей, давали въ минуту бѣдствій обѣтъ принести будущаго ребенка въ жертву божеству или злому духу (демону); но какъ сильно измѣнился характеръ этихъ жертвоприношеній уже во время, непосредственно предшествовавшее христіанству, а еще больше въ христіанское время! Въ сагахъ скандинавскихъ народовъ сохранились еще довольно ясные слѣды древняго, суроваго смысла подобнаго «обѣта». Одинъ и тотъ же мрачный мотивъ повторяется во многихъ изъ нихъ. Къ молодой матери, не знающей еще о своей беременности, въ трудную минуту является духъ. Онъ обѣщаетъ ей свою помощь взамѣнъ того, что у нея есть и о чемъ она не знаетъ. Съ потерей сокровища, о которомъ ничего не знаешь, примириться легко, думаетъ женщина и соглашается; она обѣщала злому духу будущаго ребенка—но что значитъ подобное обѣщаніе?—Дитя родилось, выросло; когда наступаетъ срокъ, духъ является и уноситъ «сердце и глазъ», молодую жизнь. Это—не что иное, какъ древній обѣтъ посвященія дѣтей божеству, и можно толковать его по произволу. Библія также разсказываетъ о смерти дѣвушки, принесенной въ жертву по обѣту.

Совершенно иная судьба была у тѣхъ, которые посвящались Богу въ силу даннаго обѣта въ тѣ времена, когда скандинавскія саги переходили еще изъ устъ въ уста. Въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, особенно въ знатныхъ семьяхъ, было принято «обѣщать» Богу или одному изъ Его святыхъ кого либо изъ дѣтей; это дѣлалось для счастья всей семьи, или для устраненія угрожающей опасности, или же для обезпеченія успѣха въ необыкновенныхъ подвигахъ, причемъ за образецъ брали подобный же фактъ, извѣстный изъ разсказа о Самуилѣ. За подобнымъ «обѣтомъ» слѣдовало на самомъ дѣлѣ во многихъ случаяхъ земное благополучіе, и принесенные подобнымъ образомъ въ жертву не могли жаловаться на свою судьбу. Княжескую фамилію Славниковъ постигло горе; самый красивый ребенокъ Войтехъ-Адальбертъ заболѣлъ. Всѣ усилія спасти его были напрасны; не помогло и то, какъ гласитъ древнее жизне-описаніе, что «нянька разодрала свое блѣдное лицо кривыми ногтями»; тогда рѣшили принести ребенка «въ качествѣ умилостивительной жертвы Господу» и положили его «на алтарь святой Маріи». Этимъ «гнѣвъ Бога былъ отвращенъ». Но исполненіе этой жертвы было, дѣйствительно, очень мягкимъ. Адальбертъ, принесенный въ жертву Господу, сдѣлался Его «слугою», послушникомъ, и какъ таковой получилъ воспитаніе при дворѣ Магдебургскаго архіепископа и со временемъ вернулся на родину епископомъ. Совершенно такъ же братоубійца Болеславъ I «принесъ въ жертву» св. Эммерану своего крестника, свидѣтеля его злодѣянія, и отдалъ его въ монастырь въ Регенсбургѣ. И онъ впослѣдствіи былъ также призванъ на епископскій престолъ на родину. Въ княжескихъ семьяхъ и независимо

отъ подобныхъ поводовъ былъ вообще, обычай приносить одного изъ сыновей «въ жертву», чтобы такимъ путемъ снова воспользоваться для своей семьи тѣми огромными матеріальными жертвоприношеніями, которыя князья дѣлали аббатствамъ и монастырямъ; подобнымъ «жертвамъ» была обезпечена блестящая «карьера». Отъ такихъ жертвоприношеній можно было откупаться. Набожный графъ Генрихъ фонъ Штаде трижды «жертвовалъ» себя Божьей Матери въ качествѣ «раба» ея, и каждый разъ снова откупался драгоцѣнной церковной утварью. Такъ жестокость мало-по-малу уступила мѣсто мягкости.

Процессъ этотъ не могъ совершиться безъ тяжелой борьбы, по крайней мѣрѣ, съ обезпокоенною совѣстью. На это указываютъ у различныхъ народовъ самые разнообразные методы искупленія и сказанія о нихъ. Весь древне-еврейскій культъ не что иное, какъ подобное искупленіе. Онъ основывается на томъ воззрѣніи, что первоначально человѣкъ обязанъ былъ посвятить Богу своего первенца; изъ Библіи мы узнаемъ, каковы были въ данномъ случаѣ способы искупленія на двухъ различныхъ ступеняхъ, и какъ измѣнилось понятіе о жертвѣ въ двухъ различныхъ формахъ.

Нужно умѣть правильно понимать смыслъ народныхъ и древнихъ повѣствованій. И въ настоящее время народъ не любитъ разсказывать о былыхъ нравахъ, какъ объ отвлеченныхъ понятіяхъ; онъ предпочитаетъ облекать ихъ въ конкретную форму примѣровъ, по которымъ мы можемъ составить себѣ понятіе о развитіи этихъ нравовъ и вообще о явленіяхъ, происходившихъ въ этой области. Такъ Библія содержитъ въ себѣ чрезвычайно цѣнныя картины нравовъ древнѣйшаго времени. Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкогда Богъ требовалъ отъ человѣка принесенія Ему въ жертву первенца. Онъ ясно выразилъ Свое требованіе Аврааму, и тотъ не отдалъ своего сына въ обученіе священнику, а вооружился ножомъ и приготовился заколоть его. Тогда божество само остановило Авраама и указало ему находившееся вблизи животное, какъ замѣстительную жертву. Такимъ образомъ, высшій авторитетъ указалъ человѣку мирный исходъ изъ борьбы между противорѣчащими побужденіями его совѣсти. Никто не сомнѣвался, что нѣкогда человѣческія жертвоприношенія были волею самого Бога, но однажды божество въ своемъ откровеніи объяснило, что впредь для него въ жертвоприношеніи самымъ существеннымъ будетъ покорность человѣка Его волѣ и что, вмѣсто человѣка, слѣдуетъ приносить въ жертву животное.

Миѳы съ подобнымъ содержаніемъ существовали у грековъ и римлянъ, которые сдѣлали тотъ же шагъ въ сторону культуры, хотя, быть-можетъ, и не столь рѣшительно. Греки не только разсказываютъ о совершенно такомъ же случаѣ при принесеніи въ жертву Ифигеніи, но даже въ одномъ миѳѣ заставляютъ божество выразить свою волю тѣмъ, что оно само положило жертвенный ножъ на спину замѣстительнаго животнаго. Въ Римѣ великодушной Карнѣ приписывали изобрѣтеніе средства спасать маленькихъ дѣтей отъ стриговъ, злыхъ духовъ, предлагая имъ взамѣнъ внутренности поросенка. При этомъ она (по Овидію) говорила стригамъ: «пусть нѣжное животное замѣнитъ собой нѣжнаго ребенка, сердце за сердце, внутренности за внутренности, душа за душу!»

Итакъ, начиная съ извѣстной ступени развитія человѣческихъ чувствъ (какъ важна ихъ роль въ исторіи культуры, указываетъ именно этотъ примѣръ), божество впредь стало получать отъ людей взамѣнъ ихъ души только символическіе дары; но еврейская религія вполнѣ разсчетливо, за отказъ отъ человѣческихъ жертвоприношеній, давала божеству только всю кровь. Эта кровь замѣняла на алтарѣ человѣка и тѣмъ самымъ избавляла людей отъ самой тяжелой обязанности ихъ.

Не всѣ народы дошли до такого искупленія; нѣкоторые, въ свою очередь, не остановились на замѣнѣ человѣка животнымъ на жертвенникѣ; это происходило по мѣрѣ того, какъ общественныя и экономическія условія принуждали ихъ постоянно согласовать жизненныя потребности съ побужденіями ихъ совѣсти. Укажемъ лишь одинъ примѣръ: Китай— страна древнѣйшихъ бумажныхъ денегъ, и потому китайскій кули, по крайней мѣрѣ, во всемъ, что относится къ почитанію душъ умершихъ, вводитъ насъ положительно въ бумажный вѣкъ. Хотя плотность населенія и рано стала понуждать китайца къ величайшей бережливости, тѣмъ не менѣе, права мертвыхъ и духовъ нисколько не ограничивались; имъ еще и нынѣ кладется въ могилу безусловно все, что у нихъ было при жизни: домашняя утварь, оружіе, инструменты, животныя, люди, даже деньги— но все изъ бумаги. И это — искупленіе; здѣсь, какъ всегда, оно привело къ символамъ.

Народъ израильскій зналъ еще другой родъ искупленія, подражаніе которому мы видимъ въ христіанствѣ; оно—позднѣйшаго происхожденія и предполагаетъ уже развитіе особаго класса духовенства. Согласно болѣе новому воззрѣнію, божество не употребляетъ души въ пищу, оно не «поглощаетъ» ее, въ прежнемъ грубомъ значеніи этого слова, но дружелюбно принимаетъ къ себѣ души людей, принесенныхъ ему въ жертву. Оно требуетъ отъ нихъ не души, а скорѣе преданнаго и благочестиваго служенія. Здѣсь слѣдуетъ видѣть отраженіе прогресса соціальныхъ отношеній. Истый сѣвероамериканскій индѣецъ-охотникъ не имѣетъ понятія о рабствѣ; онъ или подвергаетъ плѣннаго врага мучительной смерти, или, даровавъ ему жизнь, разрѣшаетъ жить рядомъ съ собой, какъ равному себѣ. Номадъ, напротивъ, цѣнитъ плѣнника, какъ рабочую силу; онъ избѣгаетъ убивать подобныхъ себѣ, такъ какъ они могутъ быть ему полезны, и обращаетъ ихъ въ рабство. Этому соотвѣтствуетъ и въ культѣ «посвященіе» ребенка на служеніе Богу, вмѣсто прежняго принесенія его въ жертву. Согласно этому позднѣйшему воззрѣнію, у древнихъ евреевъ каждый первенецъ долженъ былъ быть отданъ въ храмъ на служеніе Богу. Но, какъ извѣстно, древне-еврейское духовенство составляло какъ бы замкнутую касту; въ Іудеѣ, слѣдовательно, не возможно было дѣлать то же, что дѣлали въ среднія вѣка христіанскія дворянскія фамиліи, предназначавшія одного изъ сыновей къ духовному званію: тамъ левиты посвятили себя этому служенію, искупивъ тѣмъ самымъ всѣхъ остальныхъ евреевъ.

Фетишизмъ.

Правда, уже изъ первыхъ наблюденій которыя наводили пробуждающееся мышленіе на состояніе души, у человѣка должно было составиться

представленіе, будто духу свойственно соединяться, кромѣ человѣческаго тѣла, съ другими тѣлами и предметами, также имѣющими душу. Это простое представленіе, до котораго человѣкъ дошелъ тѣмъ же путемъ, какъ и до всѣхъ своихъ представленій о мірѣ духовъ, легло въ основаніе цѣлой системы представленій, извѣстной подъ названіемъ «фетишизма». Названіе это само по себѣ не имѣетъ научнаго значенія. Заимствованное впервые португальцами въ Западной Африкѣ у чернокожихъ, которые прежде всего называли фетишемъ подвижной, но не живой предметъ, чтимый ими за его связь съ духомъ, оно почти случайно сдѣлалось общеупотребительнымъ въ наукѣ. И мы, чтобы не называть разными именами одинаковыхъ представленій, будемъ придерживаться принятаго термина.

Однако, въ дѣйствительности, въ виду того, что нѣтъ такого предмета, который не могъ бы быть названъ «фетишемъ», почти у всѣхъ народовъ земного шара существовало общее имъ представленіе, что, пока тѣло умершаго остается среди людей, или, вообще пока оно не уничтожено, находившійся въ немъ духъ все еще остается вблизи него. Хотя связь духа съ трупомъ уже не такъ крѣпка, какъ съ живымъ тѣломъ, и если онъ могъ временно — во снѣ — оставлять даже живое тѣло, то теперь онъ, конечно, еще свободнѣе; тѣмъ не менѣе, духъ постоянно возвращается къ своему тѣлу.

Это первичное вѣрованіе, безъ сомнѣнія, основано на опытѣ, въ которомъ смѣшаны безъ всякой критики субъективное и объективное, какъ это вообще должно быть свойственно первобытному человѣку. На этомъ вѣрованіи основывались различнаго рода культы, какъ, напр., почитаніе череповъ, высушенныхъ труповъ и всякаго рода останковъ въ самыхъ разнообразныхъ вмѣстилищахъ. Многіе народы носили съ собой эти святыни и сохраняли ихъ въ своихъ хижинахъ. Тамъ, гдѣ тѣла покойниковъ предавались землѣ, существовалъ обычай почитанія могилъ и кладбищъ; культъ этотъ явился вмѣстѣ съ первыми стадіями благочестивыхъ чувствъ въ человѣкѣ. Многіе народы сохранили этотъ обычай въ первоначальномъ видѣ, безъ измѣненія; у другихъ онъ измѣнился соотвѣтственно вышеуказанному ходу вещей.

Въ чистѣйшемъ видѣ оба эти культа сохранились у древнихъ египтянъ. Они такъ хорошо умѣли сберегать трупы отъ разложенія, что тѣ сохранялись въ продолженіе тысячелѣтій. Они выкапывали глубокое подземелье, опускали туда трупъ и наглухо засыпали его сухимъ пескомъ такъ, чтобы внѣшній воздухъ вовсе не могъ туда проникнуть. Надъ такой могилой устраивали настоящій домъ съ комнатами и корридорами и со всей необходимой утварью. Египтяне вѣрили, что душа предка являлась для потомковъ защитникомъ и покровителемъ, и что пока тѣло покойника сохранится, душа его останется на землѣ. Поэтому они такъ заботились о сохраненіи труповъ и желали, чтобы муміи сохранялись цѣлыми тысячелѣтіями; по той же причинѣ они постоянно посѣщали гробницы и совершали тамъ религіозные обряды. Они вѣрили, что какъ скоро душа избавилась отъ «поглотителя», то ни плотно набитый въ могилѣ песокъ, ни вода, ни вѣтеръ не могутъ препятствовать ей оставлять свое тѣло и снова возвращаться къ нему, наслаждаться прохладой водъ и тѣнью деревьевъ вблизи могилъ, посѣщать своихъ потомковъ или же носиться по звѣздному небу со свѣтила на свѣтило. Но оттуда душа уже не возвращается на землю, если тѣло предка

обратилось въ прахъ, и потомки, такимъ образомъ, лишаются покровительства ея на землѣ.

Форма этого культа, несмотря на общность основного вѣрованія, у нѣкоторыхъ другихъ народовъ сильно уклоняется отъ египетской. Вопросъ, желательнѣе-ли, чтобы душа возможно дольше оставалась на землѣ, или какъ можно скорѣе отправилась въ другой міръ, гдѣ всякія сношенія съ людьми прекращаются, и они избавляются отъ заботъ и безпокойства о ней, — этотъ исходный для культа почитанія мертвыхъ, коренной вопросъ рѣшался въ ту или другую сторону соотвѣтственно жизненнымъ условіямъ даннаго народа. Египтяне, какъ народъ, рано сдѣлавшійся осѣдлымъ и жившій въ странѣ, гдѣ климатическія условія благопріятствовали сохраненію труповъ, рѣшили его въ первомъ смыслѣ. Можно было бы отмѣтить множество посредствующихъ ступеней, но мы ограничимся лишь указаніемъ на двѣ противуположныя крайности. Народъ въ условіяхъ кочевой жизни, въ противоположность осѣдлымъ египтянамъ, могъ придти къ діаметрально противоположному рѣшенію; стремясь возможно скорѣе освободиться отъ всѣхъ обязанностей и заботъ объ умершемъ, такой народъ сразу воздавалъ покойнику все должное, чтобы потомъ быть свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ и опасеній передъ душой его. Уже въ болѣе позднее время скандинавскіе варяги, въ бесѣдѣ съ однимъ арабомъ, объясняли ему преимущества существовавшаго у нихъ обычая сожиганія труповъ тѣмъ, что такимъ образомъ душа немедленно и сразу переходитъ въ міръ духовъ. Это можетъ служить указаніемъ на то, что обычай сожиганія труповъ существовалъ въ особенности въ «героическій» періодъ исторіи народовъ.

Въ силу тѣхъ-же представленій, могилы и могильные памятники считаются мѣстопребываніемъ духовъ. Всѣ эти остатки древности во всемъ своемъ разнообразіи, начиная отъ земляной насыпи и дерева или куста на ней, и кончая каменными пирамидами, художественными гробницами и цѣнными статуями, представляютъ богатѣйшее собраніе предметовъ фетишистскаго характера, относящихся къ культу различныхъ народовъ и временъ. Изъ числа гробницъ сюда относятся священные гроты—древнія могильныя пещеры, «ложа исполиновъ», египетскія пирамиды, великій сфинксъ, индійскія пагоды, а также «башни» въ Вавилонѣ и нѣкоторыя «священныя горы». Не меньшее значеніе имѣютъ въ этомъ отношеніи предметы для обозначенія могилъ, памятники на нихъ. Сюда относятся «священные камни», камни-маниту индѣйцевъ, древне-римскія каменныя колонны (cippi) и обелиски и каменныя статуи египтянъ. Памятники эти считались не простыми изображеніями въ нашемъ смыслѣ слова, а посвящались, какъ готовое мѣстопребываніе, духамъ, которые, по крайней мѣрѣ, временно, въ праздники и т. п., дѣйствительно поселялись въ нихъ и до извѣстной степени одухотворяли ихъ. Извѣстно было даже средство для вселенія духа въ посвященный ему камень, причемъ не имѣло значенія—было-ли на немъ изображеніе человѣческой фигуры, или нѣтъ; камень поливали масломъ, и этимъ какъ-бы раскрывали его для духа; послѣ такого «помазанія», камень дѣлался настоящимъ мѣстопребываніемъ духовъ. Легко понять, что и другимъ предметамъ, и мелкимъ вещицамъ могли быть приписаны подобныя-же свойства, и ихъ носили при себѣ и даже навѣшивали на себя въ качествѣ приносящихъ счастье украшеній.

Какъ матеріалъ для памятниковъ и фетишей, съ камнемъ конкурировало дерево во всѣхъ направленіяхъ. Самымъ естественнымъ памятникомъ подобнаго рода является живое дерево; египтяне желали, чтобы ихъ гробницы были обсажены деревьями, потому что, какъ они думали, души умершихъ любятъ качаться на вѣтвяхъ. Отсюда исходитъ «культъ деревьевъ» во всѣхъ его видахъ: священныя смоковницы въ Индіи, священные дубы и липы у кельтовъ и германцевъ. Подобныя представленія послужили предметомъ и для различнаго рода сказаній, которыя сохранились для потомковъ гораздо дольше породившихъ ихъ представленій. Мы и сами еще недавно думали, будто «дикарь» въ грубой или поэтической формѣ поклоняется не духу дерева, а самому дереву; подобное смѣшеніе понятій произошло, въ дѣйствительности, гораздо раньше, когда неизвѣстный въ большинствѣ случаевъ духъ привыкли обозначать всегда извѣстнымъ именемъ фетиша. Отсюда произошло, что духи, согласно древнѣйшему представленію о нихъ, считались отдаленными предшественниками людей, и камни и деревья, какъ это ни удивительно, являлись первыми или древнѣйшими людьми. «Дикарь» еще хорошо понималъ смыслъ подобныхъ выраженій, но позднѣйшее поколѣніе могло лишь буквально понимать и передавать своимъ потомкамъ удивительное сказаніе, будто «первые люди» были деревья или будто они произошли отъ камней. Въ сущности, наши предки должны были бы передать намъ это сказаніе въ слѣдующей, соотвѣтствующей истинѣ, формѣ: люди, жившіе до насъ, или, точнѣе, духи ихъ, имѣли свое мѣстопребываніе въ деревьяхъ и камняхъ; поэтому мы говоримъ о нихъ, какъ о людяхъ, называя ихъ камнями и деревьями.

Тотъ же ходъ мыслей привелъ первобытнаго человѣка къ представленію о животномъ фетишѣ, которое наблюдается почти у всѣхъ народовъ земного шара. Змѣя является наиболѣе распространеннымъ фетишемъ; остатки культа ея сохранились еще и у нѣкоторыхъ культурныхъ народовъ, какъ, напр., почитаніе египетской Uräus, изображеніе въ видѣ змѣи римскаго genius loci и германская сказочная «Hausschlange» (домовая змѣя), а также изображеніе дракона на китайскомъ гербѣ и тому подобныя фантастическія повѣрья и изображенія. Въ Библіи есть указанія на то, что древніе думали, будто змѣи питаются пылью и, вѣроятно, по преимуществу человѣческимъ прахомъ, какъ и теперь еще въ народѣ существуетъ повѣрье, что змѣи водятся въ могилахъ. Въ подобномъ же, еще болѣе тѣсномъ общеніи съ душами умершихъ находятся дѣйствительные истребители труповъ: полинезіецъ считаетъ акулу, а малаецъ алигатора священнымъ животнымъ. У персовъ считались животными фетишами собака и пѣтухъ, у скандинавскихъ народовъ—волкъ и медвѣдь, у жителей Аттики сова, а воронъ является фетишемъ во всемъ мірѣ. Но отъ подобныхъ единичныхъ представленій не трудно было перейти къ признанію за каждымъ животнымъ возможности въ извѣстномъ или хотя бы единичномъ случаѣ сдѣлаться мѣстопребываніемъ духа обыкновеннаго человѣка или божества, Такъ у сѣверныхъ индѣйцевъ каждый родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. считаетъ одного изъ окружающихъ его животныхъ своимъ фетишемъ, и здѣсь произошло то же смѣшеніе понятій, на которое мы указывали, когда говорили о деревьяхъ и камняхъ. Если индѣецъ думалъ, что души предковъ его переселились въ вороновъ или черепахъ, то онъ могъ ска-

зать,—и дѣйствительно говорилъ,—что воронъ и черепаха — его предки. Племя, которое ворона считаетъ фетишемъ, говоритъ, что оно происходитъ отъ ворона, но это—лишь извращеніе вѣрнаго въ дѣйствительности выраженія.

Въ такомъ случаѣ воронъ называется «тотемомъ» этого племени. Если принять еще во вниманіе, что каждое племя въ конечномъ рядѣ восходящихъ поколѣній выводитъ свое происхожденіе отъ одного родоначальника и, наивно считая себя за все «человѣчество», видитъ въ немъ перваго человѣка, то и получается, такимъ образомъ, убѣжденіе, что, какъ, напр., въ данномъ случаѣ, «первымъ человѣкомъ» былъ воронъ. Такъ мингосы, дѣйствительно, утверждаютъ, что« первымъ человѣкомъ» былъ волкъ, что́ для непосвященнаго европейца звучитъ чрезвычайно странно. Тѣмъ не менѣе, и римляне также считали своей родоначальницей или, по крайней мѣрѣ, кормилицей волчицу. И въ своихъ представленіяхъ о мірѣ духовъ дикарь, распредѣляя ихъ въ восходящемъ порядкѣ, доходилъ до представленія о первоначальномъ духѣ, котораго опять-таки онъ считалъ духомъ перваго человѣка и, какъ такового, творцомъ всѣхъ окружающихъ его предметовъ, если только онъ самъ возвышался до такого умозрѣнія; на самомъ дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ подобная формулировка является отвѣтомъ на соотвѣтственные наводящіе вопросы европейцевъ. Отсюда несообразность ихъ мистическихъ воззрѣній кажется еще болѣе рѣзкой, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Такъ, ирокезы утверждали, что ихъ «великій духъ» (богъ) есть «большой заяцъ», а другіе на разспросы миссіонера — кто создалъ окружающіе ихъ предметы—съ такимъ же убѣжденіемъ отвѣчали, что это сдѣлалъ «волкъ». Миссіонеръ можетъ сколько угодно сомнѣваться въ вѣрности такого отвѣта; индѣецъ увѣренъ, что это такъ.

Но это явленіе наблюдалось не только въ Америкѣ, но и во всемъ Старомъ Свѣтѣ. Въ древнемъ Египтѣ каждое маленькое племя, каждая община имѣла своего животнаго фетиша, котораго считала своимъ божествомъ. Такъ, не говоря уже о священномъ быкѣ — Аписѣ, извѣстны были, какъ фетиши, въ Ѳивахъ — баранъ, въ Мемфисѣ—козелъ, въ Бастѣ — кошка и крокодилъ—въ Файумѣ, а также шакалъ, ибисъ, жукъ и множество другихъ. У грековъ также сохранились соотвѣтственныя изображенія или эмблемы и нѣкоторые миѳы, свидѣтельствующіе о прежнемъ существованіи такихъ же воззрѣній и у нихъ, а въ римскихъ миѳахъ прямо разсказывается о волкахъ, дятлахъ и т. п., подъ предводительствомъ которыхъ появлялись и странствовали нѣкогда многія племена.

Но къ числу фетишей могли быть причислены и обыкновенные неодушевленные предметы; отсюда объясненіе индѣйцевъ-чиппевеевъ, что они ведутъ свое происхожденіе отъ собачьей шкуры. Мы теперь знаемъ, что́ надо понимать подъ этими словами или подъ выраженіемъ онеидовъ, называющихъ себя oniota-ang—«потомками камней». Каждый камень, каждая тряпка, каждый горшокъ,—имѣлось ли на немъ изображеніе или нѣтъ,—могъ быть фетишемъ, и африканскіе дикари и до сихъ поръ считаютъ различнаго рода утварь своими фетишами. Въ Америкѣ чаще всего такую роль играла такъ называемая «волшебная калебасса», фляжка, сдѣланная изъ тыквы, которая могла вмѣстить въ себѣ любые священные предметы.

И въ этой области человѣческое мышленіе началось съ атомистическихъ

безсвязныхъ представленій въ томъ видѣ, какъ они зарождаются въ сознаніи каждаго единичнаго человѣка. Только по мѣрѣ того, какъ люди начинаютъ сообщаться между собою, объединяясь въ группы, постепенно возникаютъ болѣе общія, болѣе цѣльныя представленія; культъ человѣка получаетъ такимъ путемъ болѣе космическій характеръ, ведущій, въ свою очередь, къ религіозному умозрѣнію.

Безъ сомнѣнія, у первобытнаго человѣка не могло составиться представленія о землѣ, какъ о небесномъ тѣлѣ; она казалась ему плоскостью извѣстной величины, соотвѣтственно кругу его непосредственныхъ наблюденій или представленію о пространствѣ. Если это пространство, съ одной стороны, видимо для него замыкалось моремъ, онъ считалъ, что и съ другого, невидимаго ему конца оно ограничивалось моремъ. Земля, — онъ зналъ это по опыту, — служила послѣднимъ неминуемымъ этапомъ для всѣхъ людей; вслѣдствіе того, она являлась для него и общимъ мѣстопребываніемъ всѣхъ духовъ или, придерживаясь общепринятой терминологіи, всеобъемлющимъ фетишемъ всего міра духовъ.

Но при этомъ человѣкъ также вѣрилъ, что всѣ атмосферныя явленія, вліяніе которыхъ онъ испытывалъ на себѣ, зависятъ отъ доброй или злой воли тѣхъ духовъ, которыхъ онъ обязанъ былъ почитать, и которые свободно могли витать въ воздушномъ пространствѣ, гдѣ находятся солнце, луна и звѣзды. Эти свѣтила въ глазахъ первобытнаго человѣка, который, конечно, далекъ былъ отъ познанія ихъ состава и пространственнаго отношенія къ землѣ, представлялись простыми украшеніями ея, какъ предметъ удобства для его собственнаго существованія. Духъ могъ также свободно пребывать на солнцѣ, какъ онъ могъ безъ всякаго вреда для себя оставаться въ огнѣ, что́ необходимо долженъ былъ признавать дикарь, слѣдуя обычаю сожиганія труповъ; иначе души покойниковъ сгорѣли бы вмѣстѣ съ ними, а этого первобытный человѣкъ отнюдь не желалъ. Неизмѣримое пространство, на которое при этомъ пришлось бы подняться духу, не поражало воображенія дикаря по той простой причинѣ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о разстояніи ихъ отъ земли. Когда полинезійцы, услышавъ впервые отъ бѣлыхъ путешественниковъ, приплывшихъ къ нимъ на большихъ корабляхъ, разсказъ объ ихъ путешествіяхъ по далекимъ странамъ, они совершенно серьезно предположили, что тѣ посѣтили также солнце и луну. Почему же не могло бы составиться у нихъ представленіе и о царствѣ духовъ надъ землею, въ воздушномъ пространствѣ, на голубомъ сводѣ, на солнцѣ и звѣздахъ?

Возможно, что такъ и было; но исторически доказано, что представленіе о земномъ царствѣ духовъ возникло и было воспринято всѣми народами раньше, чѣмъ представленіе о небесномъ царствѣ, и что возникновеніе того и другого воззрѣнія было тѣсно связано съ исторіей матріархата и патріархата. Но какъ матріархатъ и связанный съ нимъ культъ матери исторически предшествуютъ патріархату, то, слѣдовательно, и земный фетишъ, въ которомъ почти всюду живетъ женское прародительское божество, является болѣе древнимъ. «Гелла» германцевъ есть праматерь боговъ; таковой же считается и Гея—земля и Деметра—«мать земля». И здѣсь опять таки духъ, въ данномъ случаѣ божество, обозначается именемъ его фетиша, подобно тому, какъ индѣецъ называетъ духъ своего предка волкомъ.

Воззрѣніе временъ матріархата вмѣстѣ съ связаннымъ съ нимъ культомъ называется «хтоническимъ» или земнымъ, въ противоположность «уранического» или небесному временъ патріархата; но первый далеко не сразу уступаетъ мѣсто второму. Египетскій Озирисъ, почти наравнѣ съ богиней Изидой, относится къ хтоническимъ бежествамъ, равно какъ и индійскій Яма, греческій Гермесъ, сопровождающій мертвыхъ въ подземный міръ, римскій Сатурнъ и др.

Но съ наступленіемъ героическаго періода въ жизни народовъ, вновь возникавшія мужскія божества селились не въ глубинѣ могилъ, а выбирали себѣ болѣе возвышенное мѣстопребываніе ближе къ горнымъ вершинамъ и небесному своду и, наконецъ, даже на самомъ небѣ. Такъ, позднѣйшіе греческіе боги возсѣдаютъ на Олимпѣ, а нѣкоторые изъ нихъ поднимаются отсюда и на небо. Изъ числа скандинавскихъ боговъ, Одинъ, богъ войны, переселяется изъ подземнаго царства Тора и Геллы въ облака, чтобы устроить тамъ «городъ мертвыхъ» — Валгаллу. Подъемъ къ «уранизму» вызвалъ обычай сожиганія труповъ и всесожженій, но это замѣчается отнюдь не всегда и не всюду. Такъ, египтяне продолжали по прежнему хоронить своихъ умершихъ въ землѣ, хотя и ихъ позднѣйшіе боги поднялись на небо, а Ра даже поселился на самомъ солнцѣ. И тутъ опять таки имя этого свѣтила, Ра, служило вмѣстѣ съ тѣмъ названіемъ и самого духа или бога, жившаго въ немъ. Египетскія изображенія боговъ представляютъ какъ бы наглядныя иллюстраціи къ исторіи дальнѣйшаго развитія фетишизма. Статуи древнѣйшихъ божествъ являются подобіемъ человѣческихъ мумій, какъ первичныхъ фетишей. Такъ, богъ Пта въ Мемфисѣ изображался первоначально въ видѣ муміи въ стоячемъ положеніи. Съ возникновеніемъ представленія о животномъ фетишѣ божество стало изображаться въ видѣ человѣческаго туловища съ головой соотвѣтственнаго животнаго, ибо духъ могъ принять не одинъ только образъ. Такъ, напр. Аммонъ, древнѣйшимъ фетишемъ котораго былъ баранъ, изображался съ бараньей головой. А когда онъ сдѣлался высшимъ божествомъ, и фетишемъ его стало солнце, то надъ головой барана стали изображать еще солнечный дискъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ начинаетъ называться сложнымъ именемъ Аммонъ-Ра.

Представленія о божествѣ.

Излагая сущность культа, мы не могли еще строго разграничить понятіе о духѣ и богѣ; съ точки зрѣнія культа, обѣ эти категоріи обозначаютъ только низшую и высшую ступень одного и того же представленія. Культъ боговъ только сложнѣе и прочнѣе культа духовъ; представленіе о духѣ и его потребностяхъ, безъ сомнѣнія, выводится изъ понятія о человѣческой душѣ. Даже наиболѣе развитый культъ свидѣтельствуетъ объ этомъ соотношеніи, которое мы теперь должны разсмотрѣть подробнѣе. Прежде всего слѣдуетъ выяснить, что наше современное понятіе о богѣ совершенно иное, чѣмъ во времена языческія, даже на самой высшей ступени его развитія, и что объектъ представленія по существу остается неприкосновеннымъ въ своей сущности, какія бы представленія ни составилъ себѣ о немъ человѣкъ, даже путемъ своихъ несовершенныхъ и

шаткихъ наблюденій. Наше понятіе о богѣ говоритъ намъ, что не можетъ быть исторіи Бога, но исторія человѣческихъ представленій о богѣ возможна, и только о ней и идетъ у насъ здѣсь рѣчь.

Въ наукѣ до сихъ поръ строго раздѣляли представленія о богѣ у цивилизованныхъ и у нецивилизованныхъ народовъ, и это, конечно, вполнѣ логично; но ученые вмѣстѣ съ тѣмъ думали, что различіе это коренится въ самомъ основаніи этихъ религій, такъ какъ религія некультурныхъ народовъ произошла отъ «культа предковъ», а религія культуры, непосредственно предшествовавшей еврейской и христіанской, коренилась въ такъ называемомъ «культѣ природы». Мнѣніе это могло считаться правильнымъ, пока, благодаря недостаточности фактическихъ знаній, полагали, что первобытное человѣчество нѣкогда находилось на высокой степени умственной и нравственной культуры и только постепенно дошло до полнаго паденія и вмѣстѣ съ тѣмъ оставило свои прежнія религіозныя воззрѣнія. Но взглядъ этотъ не выдерживаетъ критики, основывающейся на множествѣ новѣйшихъ фактическихъ данныхъ. Если нѣкоторые народы, достигшіе извѣстной степени культуры, вслѣдствіе роковыхъ случайностей, впослѣдствіи дѣйствительно одичали, то самый путь, по которому человѣчество дошло до своего культурнаго состоянія, для насъ ясенъ, и мы можемъ прослѣдить всѣ переходныя ступени его развитія, отъ низшей до высшей степени культуры. Такимъ образомъ, религіозныя воззрѣнія и культурнаго, и некультурнаго человѣчества необходимо должны имѣть связь между собою, и религію некультурныхъ народовъ слѣдуетъ считать лишь болѣе простой и менѣе развитой, чѣмъ религія культурнаго человѣка; повторяемъ при этомъ, что мы разсматриваемъ религію не по существу, а съ точки зрѣнія человѣческихъ представленій и поступковъ.

Но при всемъ томъ есть одно существенное различіе между религіозными воззрѣніями обоихъ періодовъ. Сущность заключается въ слѣдующемъ. Первобытный человѣкъ только видитъ явленія и какъ бы регистрируетъ ихъ въ своихъ религіозныхъ представленіяхъ, но и на этой первоначальной ступени область религіозныхъ воззрѣній его расширяется путемъ наслѣдственности. На почвѣ такихъ непосредственныхъ наблюденій первобытный человѣкъ, какъ мы видѣли, дальше представленія о душѣ или духѣ идти не могъ. Примыкающій къ ней культъ можно назвать культомъ душъ или духовъ. «Культомъ предковъ» онъ является только условно. Дальнѣйшее развитіе религіозныхъ представленій этого періода идетъ параллельно съ начатками соціальнаго строя. Многіе духи, какъ это бываетъ и съ людьми, забываются или перестаютъ служить предметомъ культа, такъ какъ нѣтъ никого, кто считалъ бы себя чѣмъ либо обязаннымъ имъ, и о нихъ сохраняется только смутное представленіе, какъ о толпѣ блуждающихъ духовъ.

Такое первичное представленіе о божествѣ должно было существовать, пока человѣкъ жилъ изолированно, внѣ всякой общественной организаціи. Но когда индѣйцы для военныхъ и охотничьихъ цѣлей соединяются въ группу и ради успѣшности предпріятія, несмотря на присущія имъ чувства свободы и равенства, подчиняются волѣ одного вождя, у нихъ одновременно является представленіе и о «великомъ духѣ», какъ высшемъ властителѣ. Но власть его, какъ и власть ихъ предводителя, не постоян-

ная; они призываютъ его только во время войны; въ остальное время, какъ говорили они миссіонерамъ, онъ нисколько не заботится о людяхъ. Другіе духи были въ болѣе близкомъ общеніи съ отдѣльными семьями и неизмѣнно покровительствовали имъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, становясь, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе древними, а одинъ изъ нихъ считался наиболѣе древнимъ изъ всѣхъ, первымъ. Общее значеніе такого духа зависитъ отъ значенія покровительствуемой имъ семьи. Отдѣльныя семьи кочевниковъ, подчиняя себѣ тысячи рабовъ, разростаются въ цѣлыя племена, внушающія страхъ сосѣдямъ, и боги ихъ дѣлаются могущественными богами, распространяющими далеко вокругъ страхъ и ужасъ.

Пока объектомъ наблюденія человѣка служилъ только онъ самъ, пока онъ зналъ только органы своего тѣла, которые оживляла и поддерживала какая-то невидимая сила,—онъ могъ только составить себѣ представленіе о невидимомъ существѣ, какъ носителѣ этой силы; но когда онъ сдѣлался членомъ организаціи, также повинующейся одной волѣ, онъ аналогичнымъ путемъ дошелъ до представленія о единомъ духѣ, господствующемъ надъ такой организаціей. Это не было еще чисто абстрактное понятіе, доказательствомъ чего служитъ культъ; это, въ сущности, до извѣстной степени новое представленіе о духѣ-божествѣ было создано человѣкомъ не по одной только аналогіи съ человѣческимъ духомъ, но между обоими представленіями существовала для него извѣстная историческая связь. Такъ, божествомъ побѣдоноснаго племени являлось, сдѣлавшееся могущественнымъ, благодаря усердному почитанію, семейное божество начальника, военному счастью котораго государство обязано было своимъ основаніемъ. Самъ начальникъ горделиво почиталъ это покровительствовавшее ему божество духомъ своего предка, сдѣлавшимся могущественнымъ. Если племя произошло изъ древняго рода, то всѣ съ одинаковымъ правомъ видѣли въ этомъ божествѣ своего родоначальника, а если принять во вниманіе обычное у всѣхъ варваровъ представленіе о себѣ, какъ о первыхъ и настоящихъ людяхъ, тогда становится понятнымъ странное для насъ сочетаніе идей, будто «первый человѣкъ» есть величайшій изъ боговъ.

Тѣмъ не менѣе, генеалогическая связь могла сохраниться лишь при самыхъ несложныхъ обстоятельствахъ. По мѣрѣ усложненія жизни человѣческихъ организацій и большой измѣнчивости судьбы ихъ, такая связь могла порваться тѣмъ легче, и понятіе о богѣ стало ограничиваться представленіемъ о могущественномъ правящемъ духѣ, къ которому народная масса, за исключеніемъ, быть можетъ, княжескихъ семействъ, попрежнему сохраняетъ, существовавшее въ древней сложной семьѣ, отношеніе дѣтей къ отцу. Богъ Израиля уже въ понятіяхъ древнѣйшаго времени не былъ тѣлеснымъ отцомъ народа; онъ «избралъ» народъ іудейскій «своими дѣтьми», подобно тому, какъ въ кочевомъ состояніи вождь могъ собрать вокругъ себя «сыновей» въ древнемъ смыслѣ этого слова.

Это было, такъ сказать, зачаточное понятіе о богѣ, сырой матеріалъ, не заключавшій даже признака единства, такъ какъ въ основаніи представленія о немъ не лежитъ понятіе о мірѣ, какъ цѣломъ; такое понятіе могло явиться только плодомъ углубленнаго философскаго размышленія, а въ тѣ времена господства грубой физической силы почва для зарожденія такихъ умовъ была болѣе, чѣмъ неблагопріятна, и они врядъ ли являлись часто.

И Богъ евреевъ, по древнѣйшему представленію, на которое есть указаніе въ Библіи, не былъ единымъ Богомъ; рядомъ съ нимъ признавался еще богъ сосѣдняго народа, Кемошъ, и много другихъ боговъ, въ существованіи которыхъ еврей древнѣйшихъ временъ не сомнѣвался,—но богъ Израилевъ превосходитъ ихъ своимъ величіемъ. Такъ приблизительно думалъ каждый народъ о своихъ богахъ и о богахъ сосѣдей.

По представленію человѣка, пользующагося уже извѣстнымъ опытомъ должно существовать безчисленное множество духовъ подъ землей, надъ землей и поверхъ земли; но, такъ сказать, отчетливо онъ зналъ только тѣхъ изъ нихъ, съ которыми былъ связанъ отношеніями культа. Число такихъ боговъ было также не малое; но они, въ свою очередь, подраздѣляются на божества семей, племенъ, народовъ и государствъ, которыя и пользуются различнымъ почетомъ; всѣ вмѣстѣ они образуютъ пантеонъ политеизма. Каждый изъ этихъ боговъ имѣетъ свою исторію; но это не есть, какъ ошибочно думалъ евгемеризмъ, исторія тѣхъ людей, въ которыхъ нѣкогда жилъ на землѣ духъ, сдѣлавшійся божествомъ; это скорѣе исторія самой религіозной общины, которая является носительницей даннаго представленія о божествѣ. Въ періодѣ процвѣтанія этой общины могущество божества возвышается до громадныхъ міровыхъ подвиговъ, а съ паденіемъ общины оно также низвергается въ мракъ преисподней, и тогда такому божеству грозитъ смерть и гибель, подобно душѣ, оставшейся безъ культа, если только вновь возникшая, на развалинахъ прежней, община не будетъ настолько благочестива, чтобы время до времени, напр. въ опредѣленные дни года, вспоминать о низвергнутомъ божествѣ. Такими забытыми богами являются греческій Кроносъ и римскій Сатурнъ. Арійцы, въ своемъ завоевательномъ движеніи по Индіи, отреклись отъ боговъ своей родины,—богъ Митра былъ ими совершенно забытъ; о немъ сохранилось только воспоминаніе, какъ о богѣ невоздѣланной страны, по которой нѣкогда кочевали ихъ предки. Но чѣмъ дальше проникали они, въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ, въ глубь Востока, тѣмъ все больше новые и новые боги пріобрѣтали среди нихъ славу и господство.

Въ чемъ же заключается различіе между этими богами, духами и «героями»? Въ представленіи о героѣ всегда сохраняется воспоминаніе о человѣческой душѣ въ ея индивидуальности, и исторія ея — исторія земного ея носителя. Отъ сонма духовъ божество отличается несоизмѣримымъ могуществомъ,—это главное свойство прежде всего получило дальнѣйшее развитіе въ человѣческомъ представленіи о Богѣ. Народы, стоящіе на низкой степени развитія, видятъ въ мягкости и кротости признакъ слабости, такъ какъ прежде всего преклоняются передъ силой въ ея проявленіяхъ; даже жестокость можетъ вызывать ихъ удивленіе. Не трудно, поэтому, понять, почему первичнымъ свойствомъ бога явилось именно понятіе о его могуществѣ, и еще въ Библіи сохраняются всѣ слѣды этой ступени развитія. Богъ древнѣйшихъ миѳовъ исключительно отличается своимъ могуществомъ, но, какъ дальнѣйшее развитіе этого понятія, всемогущество, вездѣсущность и всевѣдѣніе еще не являются свойствами боговъ Гомера, не говоря уже о нравственныхъ добродѣтеляхъ. И въ этомъ отношеніи они только относительно превосходятъ людей или, точнѣе, духовъ; они, по нашимъ

понятіямъ, только относительно божественныя существа, безъ всякаго признака абсолютной божественности.

Другой путь, по которому человѣкъ дошелъ до понятія о божествѣ, есть ходъ цивилизаціи. Человѣкъ некультурный наталкивался лишь на вопросы, которые непосредственно его задѣвали; то, что непосредственно касалось его, происходило и въ мірѣ духовъ, вліянію которыхъ онъ приписывалъ причину явленій и на этомъ успокаивался. Напротивъ, на извѣстной ступени культуры человѣкъ, или, по крайней мѣрѣ, единичная личность, начинаетъ интересоваться явленіями исключительно ради познанія ихъ, стараясь открыть ихъ причину. Исторія показываетъ, что въ продолженіе необозримаго періода времени человѣчество, однажды сдѣлавъ ложный шагъ въ своемъ стремленіи къ раскрытію причинности явленій, продолжало идти по этому ложному пути.

Если первобытный человѣкъ съ древнѣйшихъ незапамятныхъ временъ, какъ бы по откровенію, считалъ явленія всего окружающаго, которое непосредственно его касалось, проявленіемъ дѣятельности духовъ, то онъ могъ придти лишь къ тому выводу, что и тамъ, куда не простираются человѣческія отношенія, невидимой причиной явленій должно быть существо, подобное духу. Отсюда онъ заключилъ, что вся природа, насколько она была доступна его наблюденію, оживляется и одухотворяется присутствіемъ духовъ. Вполнѣ естественно, что человѣкъ составилъ себѣ представленіе объ этихъ духахъ по аналогіи съ существовавшимъ уже представленіемъ о человѣческой душѣ, но насколько сознательно и въ какой степени онъ продолжалъ признавать эту связь непреложной,—это зависѣло отъ общаго хода его культурнаго развитія. Такъ, поэтическая натура грека побуждала его по возможности отрѣшить образы своей поэтической фантазіи отъ всякихъ земныхъ узъ, и онъ придерживался старины только въ самомъ культѣ; культура народовъ юго-западной Азіи, напротивъ, остановилась на этомъ первичномъ представленіи. Поэтому въ Японіи и Китаѣ еще въ настоящее время господствуетъ, въ качествѣ религій, простѣйшій культъ предковъ и душъ, а въ Индіи еще твердо придерживаются ученія о переселеніи душъ, ставшее греку совершенно чуждымъ. Индусъ и буддистъ представляютъ себѣ всѣхъ духовъ, земныхъ и небесныхъ, включая сюда и высшія божества, не только аналогичными человѣческой душѣ, но думаютъ, что они, по сущности своей, и суть такія души; они жили нѣкогда въ человѣческомъ тѣлѣ, и въ періодѣ своего странствованія, переселяясь постепенно изъ одного предмета въ другой, нѣкоторые изъ нихъ могутъ снова вселиться въ человѣческое тѣло.

И на этой ступени своего развитія политеизмъ указываетъ на отсутствіе связи между явленіями; другими словами, въ человѣческомъ умѣ не явилось еще представленія о такой связи. Съ дальнѣйшимъ ходомъ цивилизаціи, человѣчество, увеличивая свой запасъ наблюденій и знаній, должно было, наконецъ, объединить ихъ въ понятіе о вселенной и, такимъ образомъ, придти къ познанію высшаго единства причинъ, дѣйствующихъ, повидимому, независимо другъ отъ друга; человѣкъ сталъ доискиваться причины всѣхъ причинъ. Отвѣтомъ на это явилось монотеистическое міросозерцаніе.

Исторія показываетъ намъ, что идея монотеизма или, по крайней мѣрѣ, близкое къ нему міросозерцаніе проявилось въ двухъ видахъ. Одинъ видъ его былъ выработанъ греческой философіей. Чѣмъ глубже греческій духъ изслѣдованія проникалъ въ сущность явленій природы, тѣмъ труднѣе становилось систематически мыслящимъ умамъ удовлетвориться господствующимъ въ народѣ міросозерцаніемъ, объяснявшимъ явленія независимымъ воздѣйствіемъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ духовъ. Самое представленіе о существованіи этихъ духовъ и боговъ сохранялось, однако, во всей своей неприкосновенности. Культъ ихъ былъ твердо установленъ, и государство ревниво оберегало его неприкосновенность отъ всякихъ попытокъ ограниченія или пренебреженія, такъ какъ подобное паденіе культа, какъ училъ опытъ многовѣковыхъ періодовъ, навлекало на народъ всевозможныя несчастія и бѣдствія. А между тѣмъ культъ продолжалъ держаться тѣхъ старыхъ формъ, которыя вытекали изъ первобытнаго представленія о душѣ. Этимъ исключалась всякая возможность связать вновь открывавшіяся причины и силы явленій природы съ многочисленными и неприкосновенными въ своихъ свойствахъ божествами. Точно также нельзя было отбросить эти старыя представленія о богахъ, какъ заблужденіе; за одно подозрѣніе въ этомъ, по ложному обвиненію, Сократъ поплатился жизнью. Государство, заботясь о своемъ самосохраненіи, дѣлало невозможнымъ такія попытки. Тогда философамъ не оставалось другого выхода, какъ, признавъ существованіе этихъ народныхъ боговъ, о чемъ свидѣтельствовалъ блестящій культъ и подробная исторія ихъ, не касаться сущности ихъ, а искать конечную причину вещей внѣ сферы этихъ боговъ. Такимъ образомъ, возникло представленіе о сверхъестественной силѣ, превосходящей все созданное, и являющейся какъ бы аналогичною человѣческой душѣ. Это уже былъ совершенно новый путь, который велъ къ познанію абсолютнаго божества; о немъ много трактуетъ философія Платона. Она справедливо опредѣляетъ абсолютное божество понятіемъ «несозданный» богъ, существованіе котораго есть необходимое условіе всякаго бытія, противоположное «созданнымъ» богамъ культа и народныхъ вѣрованій.

Воззрѣніе это—строго монотеистическое; даже христіанство не отрицаетъ бытія созданныхъ духовъ. До такого монотеизма народъ не могъ возвыситься; онъ не могъ бы удовлетворить религіозной потребности въ той формѣ, въ какой она доступна была массѣ. Къ этой первопричинѣ всего сущаго никто не могъ обратиться съ просьбами и дарами, никто не могъ получить отъ нея утѣшительной надежды на исполненіе своихъ желаній. И древніе созданные боги попрежнему остаются въ силѣ. Но культъ ихъ уже не давалъ полнаго успокоенія: предѣлы ихъ власти, большею частью, затемнявшейся смутнымъ понятіемъ «рока», должны были все больше и больше ограничиваться по мѣрѣ расширенія познанія несозданнаго бога. Такъ началось такъ называемое «паденіе язычества». Не было, конечно, недостатка въ благонамѣренныхъ попыткахъ спасти и поддержать старый культъ. Съ одной стороны, старались возстановить пошатнувшуюся вѣру въ духовъ легендами и разсказами о герояхъ; съ другой, пытались дать фетишизму раціоналистическое объясненіе или представить народныхъ боговъ какъ составныя силы одного несозданнаго бога, для чего философія поставила себѣ задачей показать генетическую связь между обѣими кате-

горіями; тѣмъ не менѣе, все неудержимо влекло къ разложенію стараго культа.

Иначе возникъ и развился монотеизмъ евреевъ; то, чего недоставало греческому монотеизму, чтобы удовлетворить религіозному чувству народныхъ массъ, рѣзко выступаетъ въ монотеизмѣ евреевъ. Главное основаніе, отъ котораго онъ исходитъ, представленіе о Богѣ-Отцѣ. Но Богъ-Отецъ, къ которому можно было обращаться съ молитвами и прошеніями, который избралъ себѣ среди всѣхъ народовъ народъ Израильскій, чтобы быть ему «Отцомъ», былъ вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ, единымъ, несозданнымъ Богомъ вселенной. Въ немъ соединились представленія о божествѣ двухъ культурныхъ періодовъ. Онъ, первопричина всего сущаго, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ существомъ, обнимающимъ всѣхъ своей отеческой любовью, принимающимъ жертвы и внимающимъ молитвамъ людей. Къ идеѣ о могуществѣ присоединились еще и нравственныя идеи; объ эти категоріи въ высшей, неограниченной степени входятъ, какъ отличительные признаки, въ понятіе о Богѣ. На этомъ же понятіи преимущественно основывается христіанское міровоззрѣніе.

«Забота о спасеніи души» въ древнѣйшемъ смыслѣ.

Уже изъ всего вышесказаннаго ясно, какое громадное значеніе долженъ былъ придавать человѣкъ, у котораго уже пробудилось сознаніе о культѣ, заботѣ о своей душѣ. Эта забота, которую мы называемъ «заботой о спасеніи души», у древнихъ народовъ исходила изъ побужденій двоякаго рода. Мысль о будущемъ,—этотъ первый мотивъ начала культурной жизни,—побуждала человѣка заботиться о своей собственной душѣ и ея дальнѣйшей судьбѣ; но каждое внѣшнее событіе, касавшееся его жизни, заставляло его думать о необходимости позаботиться и о тѣхъ духахъ, отъ вліянія которыхъ зависѣли его удачи и неудачи въ жизни.

Забота о спасеніи душъ поддерживалась такого рода побужденіями во всѣ древнія времена; но самый способъ выраженія ея видоизмѣнялся и развивался соотвѣтственно хозяйственнымъ и соціальнымъ условіямъ жизни. Она естественно только въ зачаточной формѣ существуетъ у человѣка, живущаго изо дня въ день, безъ понятія о будущемъ, и развивается въ цѣлую систему въ строго организованномъ государствѣ, какъ, напр., въ Египтѣ, этомъ древнѣйшемъ изъ всѣхъ государствъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ права души на попеченіе со стороны живущихъ, которые за это ждутъ отъ нея воздаянія, явилось постепенно выработавшееся понятіе объ обязанности дѣтей по отношенію къ родителямъ, которая простирается за предѣлы отеческой власти и земной жизни человѣка. Обязанность попеченія о душѣ лежитъ на дѣтяхъ и преимущественно на сыновьяхъ, такъ какъ при господствѣ патріархата только сыновья могли сдѣлаться правоспособными. Вмѣстѣ съ властью надъ семьей, къ сыну переходитъ и обязанность отеческаго, а затѣмъ и семейнаго культа, а если семья эта стоитъ во главѣ болѣе обширной организаціи—то и культа племени и государства, и отъ ревностнаго исполненія этой обязанности зависитъ, какъ счастье его семьи, такъ и всего государства. Благословенія или бѣдствія, вытекающія отсюда, обрушиваются на весь народъ; поэтому онъ требуетъ, чтобы глава

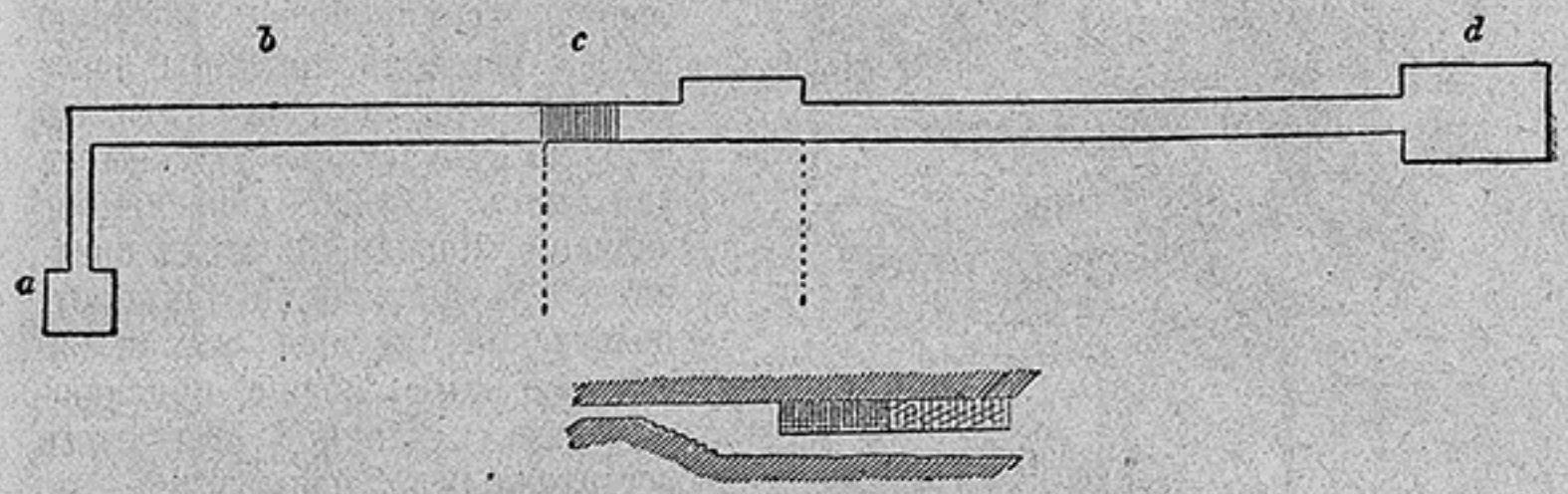
его строго исполнялъ всѣ предписанія культа. Обязанность дѣтей въ этомъ болѣе широкомъ смыслѣ является, поэтому, первоосновой всѣхъ соціальныхъ обязанностей, такъ какъ всѣ соціальныя организаціи или прямо развивались изъ семьи, или слагались по ея образцу. Сознаніе этой связи, неизмѣнно передававшееся изъ поколѣнія въ поколѣніе, и понынѣ служитъ основаніемъ соціальнаго строя старыхъ культурныхъ государствъ Восточной Азіи. Объ этомъ же древнемъ законѣ говорятъ намъ гробницы египтянъ и десять заповѣдей евреевъ. И здѣсь заповѣдь «чти отца твоего и матерь» является первой послѣ заповѣдей, устанавливающихъ поклоненіе Іеговѣ; она касается семьи, какъ древнѣйшей организаціи, а послѣдующія заповѣди постановлены для болѣе обширной мирной организаціи, образовавшейся по образцу семьи. Всѣ они безъ исключенія имѣютъ цѣлью охрану жизни и имущества, сначала, какъ можно заключить изъ разсказа о богоугодномъ «ограбленіи египтянъ», лишь въ предѣлахъ того мирнаго союза, для котораго онѣ постановлены. Заповѣди, имѣющія цѣлью установленіе такого «мира», должны имѣть приблизительно одинаковое содержаніе у всѣхъ народовъ, стоящихъ на одной же ступени культуры; и дѣйствительно, десять заповѣдей, за исключеніемъ, конечно, спеціально устанавливающихъ поклоненіе Іеговѣ, повторяются почти дословно у китайцевъ, японцевъ, буддистовъ и египтянъ. Лишь одну новую заповѣдь находимъ мы у нихъ—о запрещеніи пить вино, которое, какъ показалъ опытъ, побуждаетъ къ нарушенію мира. Кромѣ того, египтяне занялись болѣе подробнымъ толкованіемъ сущности этихъ соціальныхъ обязанностей. Подобно тому, говорили они, какъ исполненіе первой заповѣди, предписывающей почитать родителей, является вмѣстѣ съ тѣмъ исполненіемъ обязанности культа по отношенію къ нимъ, такъ и выполненіе законовъ мира по отношенію къ божеству даннаго мирнаго союза составляетъ часть его культа; здѣсь культъ уже соединяется съ моралью.

Въ этомъ воззрѣніи коренится причина обычнаго для всѣхъ древнихъ народовъ опасенія умереть, не оставивъ послѣ себя сына. Египтянинъ, не имѣвшій сына, считалъ это самымъ тяжелымъ проклятіемъ; евреямъ, индусамъ, китайцамъ и всѣмъ древнимъ культурнымъ народамъ одинаково свойственно было желаніе умереть не раньше, чѣмъ у нихъ родится сынъ. У кого не было сына, на котораго переходила бы обязанность попеченія о душѣ его, предписываемаго культомъ, тотъ не могъ надѣяться на дальнѣйшее существованіе ея, или же, согласно господствовавшему повѣрью, душа его должна преждевременно подвергнуться снова мукамъ земной жизни. На этомъ же убѣжденіи основывается столь предосудительный съ нашей точки зрѣнія обычай ужичества («левирата») у древнихъ евреевъ и индусовъ. Согласно этому обычаю, ближайшій родственникъ умершаго бездѣтнымъ долженъ подарить ему сына, и тогда душа его будетъ продолжать свое существованіе.

Сынъ является единственной надеждой и опорой культа въ тѣ времена, когда никакой другой общественной организаціи, кромѣ семьи, не существовало. Но постепенно устанавливаются новыя, болѣе прочныя формы общественнаго строя; болѣе продолжительнымъ, чѣмъ семья, является «мирный союзъ», община, народъ. Община и народъ имѣютъ также объекты культа, но культъ ихъ уже не прекращается, какъ это бываетъ въ семьѣ.

Египетскіе фараоны сами заботились о культѣ своей души, который и продолжался въ теченіе тысячелѣтій. Памятники эти сохранились до нашихъ дней, и мы съ удивленіемъ читаемъ іероглифы ихъ, свидѣтельствующіе объ этомъ богатомъ культѣ и безграничной вѣрѣ въ него. Фараоны не только при жизни строили своей душѣ дворцы, сперва въ видѣ пирамидъ, затѣмъ въ видѣ храмовъ; они давали ей въ вѣчное владѣніе роскошные сады, гдѣ она могла наслаждаться прохладою водъ и тѣнью деревъ, и устанавливали вѣчный, строго опредѣленный культъ, жертвуя на это огромныя суммы. Но только цари и могли располагать такими несмѣтными богатствами, которыхъ хватило бы на все; простые смертные могли только путемъ учрежденія религіозныхъ товариществъ,—и это, быть можетъ, первичная форма всѣхъ товариществъ вообще,—осуществить стремленіе къ спасенію души своей.

Для исполненія обязанностей культа общины, содержались на общественный счетъ служители культа, и въ желающихъ посвятить себя этому

Могильный склепъ и проходъ въ него. a—Могильный склепъ, въ который ведетъ ущелье. b — Проходъ въ него. c — Лѣстница съ приспособленіями для запиранія (внизу она представлена въ разрѣзѣ). d — Могильный склепъ.

служенію, конечно, никогда недостатка не было. Присоединить культъ своей души къ культу общины значило обезпечить ей спасеніе въ такой формѣ, въ какой оно доступно было только царямъ, благодаря ихъ поистинѣ царскимъ пожертвованіямъ. Для этого стоило только, выражаясь прозаически, при жизни пріобрѣсти право на пользованіе тѣми сокровищами, которыя накоплялись на мѣстѣ общественнаго богослуженія. Это достигалось внесеніемъ посильныхъ даровъ въ общую сокровищницу божества, т. е. ему при жизни приносились жертвы и дары, съ тѣмъ, чтобы послѣ, если можно такъ выразиться, питаться отъ его всегда полнаго стола. Такъ, въ дѣйствительности, это и представлялъ себѣ египтянинъ; съ этой цѣлью онъ покупалъ себѣ мѣсто для погребенія на мѣстѣ общественнаго богослуженія, соединяя, такимъ образомъ, свою могилу съ могилой божества, а въ могильныхъ надписяхъ онъ обращался къ прохожимъ съ просьбой помолиться за него божеству, чтобы оно не оставило покойника безъ «тысячи быковъ, тысячи гусей» и прочихъ пищевыхъ продуктовъ египетскаго стола. Онъ имѣлъ право требовать отъ божества только тѣ дары, которые онъ самъ при жизни приносилъ ему въ жертву. Если бы египетскіе жрецы, подобно буддистскимъ бонзамъ, выдавали квитанціи въ полу-

ченіи жертвъ, то души жертвователей, переселившись въ тотъ міръ, могли бы предъявлять ихъ божеству въ доказательство своего права на полученіе содержанія. Но и безъ этой формальности отношенія эти въ представленіи египтянина носили тотъ же характеръ. Такое пріобщеніе культа своей души къ общественному культу нисколько не устраняло, впрочемъ, религіозныхъ обязанностей сына, а обязанности, обусловливаемыя требованіями общаго мира, не только этимъ не ослаблялись, но, напротивъ, исполненіе ихъ являлось условіемъ принятія въ религіозное товарищество.

Этотъ ходъ развитія культа свойственъ не однимъ египтянамъ; онъ характеризуетъ повсюду извѣстную ступень общественной организаціи, хотя нигдѣ онъ не выработался въ такую стройную, послѣдовательную систему, какъ въ Египтѣ. Она имѣла даже свою особую терминологію, которую мы въ переводѣ могли-бы передать словами, но слова эти во всякомъ случаѣ могутъ имѣть для насъ только современное значеніе. Исполненіе всѣхъ предписаній культа души для предполагаемой будущей жизни ея, такъ же какъ рѣшеніе, признающее все сдѣланное для этого достаточнымъ, называется, по крайней мѣрѣ, по общепринятому переводу египетскаго термина, «оправданіемъ» души. Неоправданная душа, сказано въ «Книгѣ мертвыхъ», достается поглотительницѣ; она уничтожается или претерпѣваетъ, такъ называемую, «вторую смерть». Выраженіе это употребляется также эскимосомъ (по Кранцу) для обозначенія такого же состоянія—фактъ характерный въ этомъ отношеніи. Время до рѣшенія относительно оправданія души считалось, очевидно, временнымъ состояніемъ первой смерти. Если душа удостоилась оправданія, то она пробуждается для совершенно новой для нея жизни; египтяне называли это «избавленіемъ», «воскресеніемъ». «Оправданную» душу ждетъ вѣчная жизнь, неоправданную—вѣчная смерть.

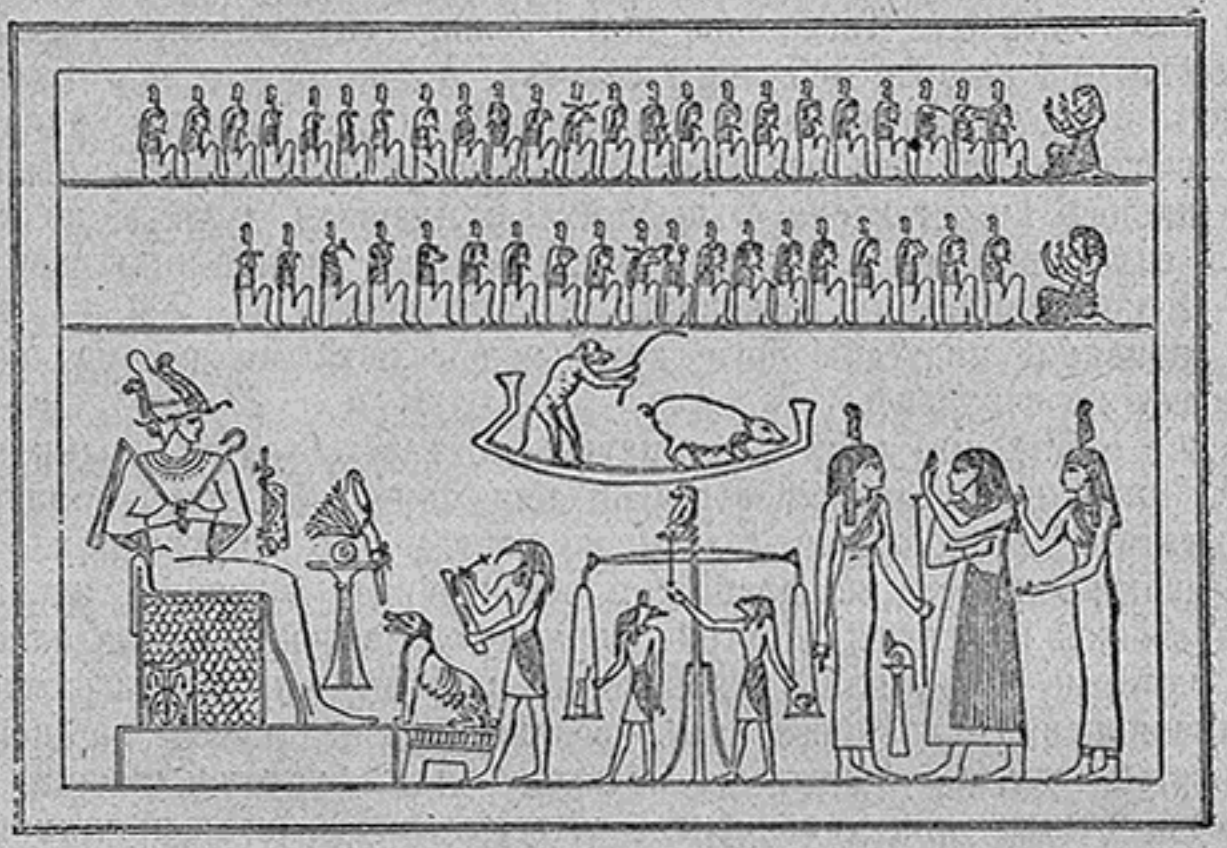

Ущелье въ 15 арш. глубиною въ скалѣ деръ-эль-Багари близъ Ѳивъ, ведущее къ гробницѣ Сезостриса и другихъ египетскихъ царей.

«Книга мертвыхъ» рисуетъ процессъ оправданія души въ видѣ сцены суда: между Озирисомъ, богомъ гробницъ, и «поглотительницей» взвѣшивается на громадныхъ вѣсахъ все, что сдѣлано для спасенія судимой души. Въ процессѣ взвѣшиванія дѣятельное участіе принимаютъ божественные прототипы «сыновей» и «жреца» (Toth); другая картина (въ верхней части

рисунка на этой страницѣ) изображаетъ, какъ умершій оправдывается передъ коллегіей изъ 42 судей.

Для «оправданія» умершаго необходимы предпосылки трехъ категорій: умершій долженъ сослаться въ свою зашиту, во первыхъ, на то, что его душѣ оказанъ былъ обычный культъ сыномъ или нанятымъ для того служителемъ культа—жрецомъ; во вторыхъ, что онъ еще при жизни, исполняя обязанности культа, накопилъ, такимъ образомъ, имущество для своей будущей жизни, и въ третьихъ, что онъ исполнялъ всѣ обязанности, лежавшія на немъ, какъ на членѣ организованнаго общества. Кто все это можетъ доказать фактами, тотъ «праведникъ» и, какъ таковой, воскреснетъ изъ мертвыхъ. Такимъ образомъ, уже въ Египтѣ понятіе о «праведности», сна-

Египетскій судъ мертвыхъ (по Шампольіону).

чала обозначавшее только внѣшній актъ оправданія получаетъ моральное содержаніе, и исполненіе соціальныхъ обязанностей считается актомъ «праведности». Точно также и въ Библіи встрѣчаются указанія, что не одно исполненіе обязанностей культа составляетъ «праведность».

Въ Индіи представленіе о судѣ за гробомъ и о состояніи оправданной души получило подобное же развитіе. Въ одномъ только отношеніи мировоззрѣніе Индіи значительно разнится отъ вышеописаннаго. Индійская система—болѣе разсчетливаго, если можно такъ выразиться, болѣе торгашескаго характера. Египетскій судья мертвыхъ рѣшаетъ категорически «да» или «нѣтъ». Душа или оправдывается, или нѣтъ,—степеней оправданія онъ не признаетъ. Неоправданная душа поглощается и перестаетъ существовать; тогда какъ воскресшая душа свободно витаетъ повсюду: она проникаетъ сквозь стѣны и закрытыя двери всюду, куда только захочетъ и гдѣ, по представленію человѣка, можетъ существовать душа. Она по свободному выбору можетъ вселиться въ звѣрей или въ небесныя свѣтила.

Такое же представленіе о состояніи оправданной души существуетъ и у индусовъ, съ однимъ только ограниченіемъ: душа получаетъ мѣстопребываніе не по свободному выбору, а, такъ сказать, по назначенію, въ зависимости отъ принесенныхъ покойнымъ даровъ для ея культа, которые въ переводѣ не совсѣмъ точно обозначаются выраженіемъ «добродѣтельныя заслуги». Отъ количества этихъ даровъ зависитъ счастье будущей жизни души и его продолжительность. Если даровъ мало, или ихъ совсѣмъ нѣтъ, то душа должна вселиться въ животное, а въ зависимости отъ изобилія ихъ она соотвѣтственно попадаетъ въ одно изъ возвышающихся другъ надъ другомъ звѣздныхъ царствъ, въ одно изъ высшихъ небесъ. Здѣсь, въ качествѣ небесной пищи, служитъ ей запасъ принесенныхъ для ея культа даровъ еще при жизни покойника, и пока запасъ ихъ не истощится, она тамъ остается. Тогда она опять должна спуститься на землю и, въ зависимости отъ высоты небеснаго царства, въ которомъ она находилась, ей опредѣляется та ступень, съ которой она снова должна начать свое «странствованіе»; ступень эта тѣмъ выше, чѣмъ значительнѣе были дары; отсюда явилось представленіе о высшихъ и низшихъ духахъ, по категоріямъ. Къ самой высшей изъ этихъ категорій, по древне-индусскому вѣрованію,—а по буддійскому воззрѣнію, къ слѣдующей за ней, — относятся высшіе, правящіе индусскіе боги, которые абсолютными духами по существу своему не считались.

Что же собственно разумѣли индусы подъ «добродѣтельными заслугами»? Къ нимъ причислялись, согласно дошедшимъ до насъ памятникамъ, стада рогатаго скота, цѣлыя селенія со всѣмъ ихъ внутреннимъ строемъ и т. п., которыми богатые правители обезпечивали будущую жизнь своей души и своихъ родителей. Другой формой обезпеченія ея являлись дары культа, которые приносились въ качествѣ жертвы или вознагражденія за жертвоприношеніе; даже послѣднее, вознагражденіе жреца за исполненіе обязанностей культа,—считалось вкладомъ для будущей жизни. Жрецы завѣдуютъ этимъ общественнымъ имуществомъ; они принимаютъ на землѣ то, что душа въ другой формѣ получитъ въ будущей жизни. Такимъ образомъ, кто при жизни богато одаряетъ жрецовъ,—въ Египтѣ дары назначались «храму», — тотъ получаетъ все это въ будущей жизни въ преобразованной для потребностей души формѣ.

Арійцы переселились въ Индію, еще будучи номадами; богатства, которыя они здѣсь пріобрѣтали, еще долгое время состояли преимущественно изъ скота; поэтому единицей обмѣна была у нихъ корова, чѣмъ и объясняется, что въ древнѣйшія времена служеніе культа заключалось въ поднесеніи «браманамъ» въ даръ коровъ. Это былъ своеобразный, но вполнѣ естественно развившійся торговый обмѣнъ. Браманы, какъ священнослужители по призванію, посвящали себя культу и имъ жили. Они всю жизнь проводили въ жертвоприношеніяхъ и моленіяхъ богамъ; никто изъ народа, по вѣрованію брамановъ, не можетъ самъ для себя совершить жертвоприношеніе; жертва тогда только будетъ принята, если при ея принесеніи сдѣлано соотвѣтственное воззваніе къ богамъ, а это умѣетъ только браманъ. Такимъ образомъ, народная масса могла найти лишь одинъ выходъ,— позаботиться, чтобы жертвы, приносимыя браманомъ по обязанности, были ся жертвами, а это достигалось тѣмъ, что и содержаніе брамапу, и пред-

меты для жертвоприношеній доставлялись народомъ. Такъ дары приносятся жрецу, чтобы купить себѣ «добродѣтельныя заслуги», которыя являются залогомъ обезпеченія для будущей жизни души. Точно такой же смыслъ имѣютъ выраженія древнихъ персовъ «купля міра», «купля неба».

Корова, такимъ образомъ, является платежнымъ средствомъ у древнихъ индусовъ; а въ культѣ она оставалась имъ гораздо дольше, такъ какъ браманъ предпочиталъ пользоваться доходами отъ священныхъ стадъ, которыя свободно могли пользоваться всѣми пастбищами, чѣмъ «взрывать желѣзомъ мать сырую землю» въ качествѣ земледѣльца. Этимъ объясняется сущность вѣрованія, касавшагося этого предмета и выраженнаго въ слѣдующей формѣ: кто на землѣ принесетъ въ даръ жрецу земную корову, тотъ въ будущей жизни взамѣнъ получитъ небесную корову, изъ которой онъ будетъ «доить все, чего пожелаетъ».

Поэтому «небесная корова» играетъ такую важную роль и въ индусскомъ культѣ, и въ индусской миѳологіи. Ей соотвѣтствовала на землѣ «жреческая корова», та реальная единица рогатаго скота, которую мірянинъ жертвовалъ браману для спасенія своей души. Такъ какъ извѣстное количество жертвъ требовалось божествомъ для себя, то и жрецъ, какъ земной его повѣренный, не ждалъ такихъ приношеній, а требовалъ ихъ именемъ божества. Такимъ образомъ, установился спеціальный браманскій институтъ. Божество, по ученью брамановъ, отмѣчало особымъ знакомъ то животное, которое оно требовало себѣ отъ человѣка. А для того, чтобы такое животное не подверглось святотатству со стороны владѣльца, къ его собственному вреду, браманы періодически осматривали всѣ стада и забирали себѣ тѣ головы рогатаго скота, которыя они признавали отмѣченными божествомъ.

Какъ мы видимъ, обязанности культа на этой ступени — своего рода подать, родственная по существу съ «десятиной» въ пользу храма, собиравшейся у евреевъ. Подобный ходъ вещей мы встрѣчаемъ почти повсюду, какъ одну изъ ступеней развивающейся культуры. Въ древнихъ культурныхъ странахъ эти правильно взимаемыя религіозныя повинности уже достигли опасныхъ для экономической жизни страны размѣровъ; то же самое мы видимъ и въ американскихъ государствахъ, достигшихъ той же ступени культуры, на которой стояли европейско-азіатскія. Въ Перу «храмы», т. е. такъ называемыя сокровищницы религіозной общины, владѣли третьей частью всей страны и поглощали третью часть рабочей силы подвластнаго народа. Такъ обстояло дѣло и въ Египтѣ, и если бы въ позднѣйшія времена тамъ не наступилъ «упадокъ» древняго благочестія, то мертвые въ буквальномъ смыслѣ вытѣснили бы живыхъ изъ страны. Да и самый этотъ «упадокъ»,—обнаружившійся сначала въ болѣе слабомъ исполненіи религіозныхъ обязанностей, а затѣмъ въ совершенной замѣнѣ ихъ простыми символами,—можно, поэтому, считать исторически обусловленнымъ невозможностью пойти на этомъ пути дальше извѣстныхъ предѣловъ. Въ Малой Азіи и въ Греціи лучшія земли оставались невоздѣланными, потому что онѣ принадлежали храму, а жрецы, завѣдывавшіе несмѣтными сокровищами храма, находили невыгоднымъ обрабатывать эти поля, считая слишкомъ ничтожнымъ доходъ, который доставляетъ земледѣліе. А рядомъ съ этимъ на государствахъ, городахъ и племенахъ еще тяготѣло бремя особыхъ ре-

лигіозныхъ обязанностей. Условія римской жизни уже не благопріятствовали существованію этихъ государствъ въ государствѣ, какими являлись храмовыя общины, еще процвѣтавшія въ Греціи, но тѣмъ строже совершался тамъ культъ государства и семьи.

Такъ какъ каждое установленіе культа должно было соблюдаться вѣчно, въ виду того, что несоблюденіе его навлекало бѣдствія на страну, то съ теченіемъ времени расходы на культъ могли только возрастать, а никакъ не уменьшаться. Установленія культа должны были увеличиваться и накопляться по мѣрѣ расширенія и укрѣпленія человѣческихъ организацій въ цѣлыя государства и соотвѣтственно развитію въ нихъ соціальной культуры. Но давало-ли такое расширеніе культа соотвѣтственное удовлетвореніе и душевное успокоеніе соблюдавшему его? Припомнимъ, что впервые побудило человѣка къ установленію культа. Онъ хотѣлъ этимъ способомъ оградить свою жизнь на землѣ отъ всякаго несчастья, отъ всего злого, которое происходитъ, какъ выражается зулусъ, «отъ мертваго брата»; всѣ бѣдствія происходятъ отъ нерасположенія духовъ къ человѣку, если онъ не склонилъ ихъ на свою сторону культомъ. Но, несмотря на всѣ культы, что на самомъ дѣлѣ видѣлъ человѣкъ? — Несчастье за несчастьемъ! Число ихъ, казалось, росло вмѣстѣ съ расширеніемъ предѣловъ организаціи человѣка. Со времени учрежденія Римской имперіи, казалось, одинъ изъ камешковъ разрушеннаго Востока докатился до береговъ Кантабріи, описавъ, такимъ образомъ, волшебный кругъ несчастій,—и бѣдствія непрерывной волной обрушивались на все тѣснѣе и тѣснѣе соединявшихся людей. Напрасно Римъ старался предупредить гнѣвъ боговъ чужихъ областей, вводя все новые и новые культы для отвращенія бѣдствій, грозящихъ людямъ; напрасно было новое постановленіе о совершеніи искупительной жертвы во время юбилейныхъ празднествъ въ честь всѣхъ духовъ, которые почему-либо оставались неумилостивленными; напрасно эти празднества повторялись все чаще и чаще; цѣпь несчастій не прекращалась, и эта погоня за новыми и новыми установленіями культа только еще больше пугала умы, какъ это всегда бываетъ съ предохранительными мѣрами противъ какой-нибудь угрожающей бѣды.

На этой почвѣ возникло два всемірно-историческихъ явленія — буддизмъ и христіанство. Мы не будемъ слѣдить за исторіей ихъ возникновенія и ограничимся только указаніемъ на тотъ переворотъ, который они произвели. Оба эти явленія раздѣлены и временемъ, и пространствомъ, и существенно разнятся въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи; тѣмъ не менѣе, они имѣютъ одно основное сходство: оба воззрѣнія являются реакціей противъ тяжко угнетавшаго человѣчество культурныхъ странъ бремени обязанностей культа, и, вмѣсто всякаго рода частичныхъ улучшеній, въ которыхъ люди искали спасенія, они предлагаютъ новый способъ окончательнаго освобожденія отъ тягостей культа путемъ искупленія.

Но только въ этомъ пунктѣ и сходятся обѣ величайшія религіозныя системы, которыя теперь преимущественно господствуютъ на землѣ; догматическая сторона обоихъ міровоззрѣній, сущность содержанія ихъ не имѣютъ ничего общаго. Есть, впрочемъ, еще одно сходство между ними: одинаково трудно въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи распознать первоначальное ихъ ядро. Буддизмъ полагаетъ искупленіе въ постиженіи «цѣпи причин-

ности» путемъ познанія. До такого познанія дошелъ Гаутама-Будда, открылъ его міру и освободилъ всѣхъ, кто вмѣстѣ съ нимъ возвысился до этого познанія, отъ матеріальнаго и душевнаго гнета тяготѣвшаго надъ ними культа. Такимъ образомъ, могъ бы произойти полный переворотъ въ міросозерцаніи человѣчества, если бы всѣ способны были возвыситься до такого познанія.

«Познаніе» это учитъ, что народное вѣрованіе, будто посредствомъ культа можно устранить несчастье на землѣ, есть заблужденіе, такъ какъ несчастье есть необходимое звено въ «цѣпи причинностей», и никто не можетъ избѣжать его, если только не разстанется навсегда съ жизнью. Что бы ни нарождалось снова и какой бы видъ оно ни принимало, оно все-таки рождается для новыхъ страданій.

Страданіе неразрывно съ земной жизнью и со всѣмъ земнымъ. Что же нужно духу, чтобы оградить себя отъ возрожденія, по крайней мѣрѣ, для земной жизни? Не жертвы и не культъ нужны для этого, а только углубленіе въ познаніе и связанное съ этимъ умерщвленіе въ себѣ всякихъ желаній. Этой высоты не достигли древніе индусскіе боги, не отрицаемые буддизмомъ; однажды въ теченіе тысячелѣтій, когда запасы ихъ культа истощаются, они должны воплощаться въ низшія земныя существа, и такія воплощенія они уже не разъ претерпѣвали въ прошломъ черезъ большіе промежутки времени. Болѣе высокую ступень представляетъ такъ называемая ступень Бодисатвы, до которой духи могутъ возвыситься путемъ «совершенствованія» и познанія. Такой духъ (Бодисатва) живетъ на самомъ высокомъ небѣ, и ему предстоитъ еще черезъ безконечный рядъ лѣтъ въ послѣдній разъ воплотиться для земной жизни, чтобы преподать людямъ законъ познанія. Такимъ образомъ, духъ достигаетъ высочайшей ступени и дѣлается Буддой. Будда больше не возрождается, а соединяется съ Нирваной, подъ которой подразумѣвается или абсолютный конецъ жизни, превращеніе въ ничто, или вполнѣ безстрастная жизнь въ совершенно иныхъ формахъ, чѣмъ земная. Только одинъ такой Будда изъ всего множества ихъ спустился на землю и воплотился въ принца Гаутаму, основателя буддизма.

Однако, не всѣ люди одарены такими высокими стремленіями. Многіе готовы довольствоваться будущей жизнью въ менѣе высокихъ небесахъ, но съ увѣренностью, что душа ихъ не подвергнется несчастной судьбѣ возродиться въ видѣ существа нижней касты или животнаго. Но и этой увѣренности, по ученью Будды, можно достичь не культомъ, а «совершенствованіемъ» человѣка. Одно изъ звеньевъ цѣпи причинностей составляютъ также человѣческіе поступки, и страданія, постигающія душу человѣка послѣ возрожденія, обусловливаются поступками его въ земной жизни. Чтобы достигнуть совершенства, нужно прежде всего творить добро всѣмъ существамъ, такъ какъ всѣ они принадлежатъ къ царству воплощенныхъ на землѣ духовъ.

Но вскорѣ древній культъ возродился и подъ этой системой; возобновить его было тѣмъ легче, что въ Индіи среди мірянъ онъ давно превратился въ простую плату жрецу за совершеніе обряда жертвоприношенія. И это оказалось роковымъ для ученія Будды: въ настоящее время буддизмъ исчезъ изъ своей родины Индіи, а въ большихъ сосѣднихъ госу-

дарствахъ онъ принялъ всѣ прежнія формы древняго культа, за исключеніемъ кровавыхъ жертвъ, которыя разъ навсегда были уничтожены.

Но если человѣкъ хотѣлъ освободиться отъ неизбѣжныхъ въ земной жизни страданій и поднять свой духъ до высшихъ ступеней, онъ долженъ былъ уйти изъ этого міра и посвятить свою жизнь размышленію для постиженія необходимаго познанія. Эти люди «не отъ міра сего», искавшіе спасенья, не были жрецами временъ культа, который больше не признавался: это были кающіеся или монахи. Люди, не задававшіеся такими высокими стремленіями, оставаясь въ мірѣ при своихъ занятіяхъ, хотѣли только обезпечить свою душу отъ жесточайшихъ страданій въ будущемъ, и старались заслужить это, творя добро. Но кто же во всемъ мірѣ болѣе достоинъ ихъ благодѣяній, какъ не святые подвижники, стремившіеся къ высшему спасенью? И они, дѣйствительно, поддерживали ихъ жизнь своими приношеніями и ждали за это спасенія для своей души; такъ снова проявился прежній культъ, только подъ новой формой.

Если историческій ходъ развитія христіанства отчасти сходенъ съ исторіей буддизма, то само христіанское вѣроученіе въ своихъ древнѣйшихъ формахъ должно было принести съ собой человѣчеству безконечно болѣе утѣшенія, и формы этого утѣшенія были гораздо постижимѣе для него, чѣмъ философское «познаніе» буддизма. Христіанство не освобождаетъ человѣка путемъ философствованія отъ тягостнаго познанія своей грѣховности, въ которой онъ видитъ причину всѣхъ бѣдъ, постигающихъ его. Напротивъ, христіанство утверждаетъ человѣка въ признаніи факта грѣха, какъ первопричины всѣхъ золъ, и въ тщетѣ всѣхъ его усилій путемъ исполненія всевозможныхъ обязанностей культа освободиться отъ грѣха и устранить изъ міра зло. Но оно вмѣстѣ съ тѣмъ освобождаетъ отчаявающагося человѣка отъ бремени гнетущихъ его обязанностей древняго культа и избавляетъ отъ тягостнаго сознанія грѣха вѣрою въ принесенную разъ навсегда за всѣхъ людей высочайшую искупительную жертву, и человѣкъ, вступая въ члены великой христіанской общины, путемъ таинства, пріобщается къ акту искупленія.

Буддизмъ заимствовалъ свои представленія о божествѣ изъ древней народной религіи. Христіанское представленіе о Богѣ было подготовлено воззрѣніями еврейства и греческой философіи. Но очень скоро христіанство усвоило себѣ старыя формы культа, и главы и учителя общинъ превратились попрежнему въ священниковъ. И какъ въ верховномъ жрецѣ буддистовъ живетъ Бодисатва, такъ и римскій первосвященникъ является «намѣстникомъ» Бога.

Колдовство.

Человѣкъ, живущій еще изолированной жизнью въ самыхъ простыхъ жизненныхъ условіяхъ, совершаетъ самъ отправленіе культа каждый разъ, когда чувствуетъ въ этомъ надобность. Установленныхъ и правильно совершаемыхъ дѣйствій культа въ этихъ условіяхъ быть еще не можетъ. Но съ укладомъ семьи и устройствомъ домашняго очага могъ уже развиться правильный домашній культъ; такъ какъ забота о домѣ и очагѣ была дѣломъ женщины, то и соблюденіе культа лежало на ея обязанности.

Здѣсь у очага женщина могла съ большой правильностью готовить свои простые обѣды, постоянно поддерживая въ себѣ вѣру, что отъ нихъ вкушаютъ и добрые духи, покровители дома. Мужчинъ устраивалъ торжественныя пиршества только отъ времени до времени, когда счастье благопріятствовало ему на охотѣ. И обязанности культа онъ исполнялъ лишь въ случаѣ чьей либо смерти, или поражавшаго его ужасомъ несчастья, или передъ выступленіемъ въ опасный походъ.

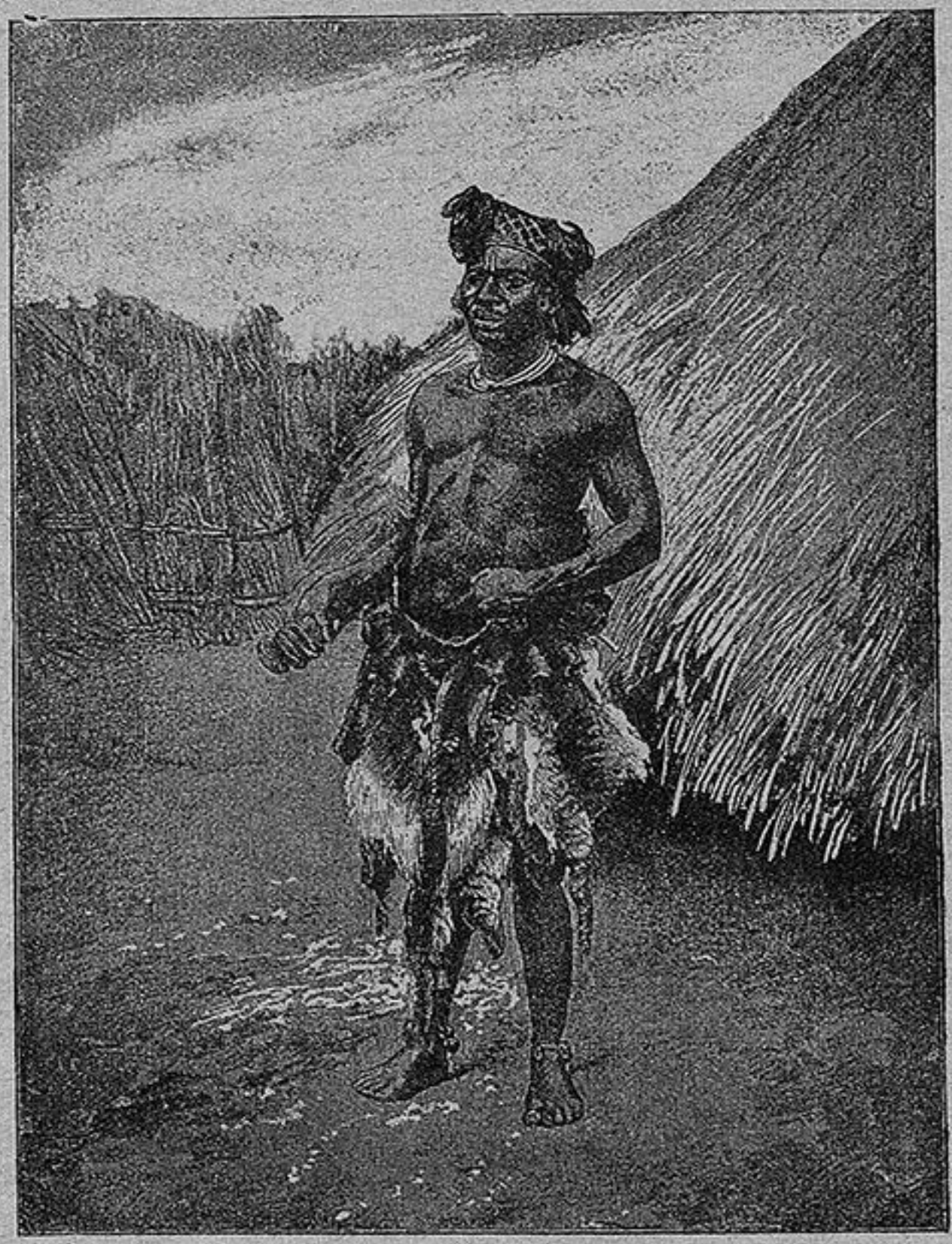
Дальше этихъ поводовъ не простирается культъ мужчины. Насколько онъ мало заботится о своемъ пропитаніи въ будущемъ, настолько же мало занятъ онъ мыслью объ умилостивленіи духовъ, чтобы они постоянно и всегда помогали въ случаѣ нужды; только отдѣльныя событія сами по себѣ пробуждаютъ въ немъ заботу о культѣ. Такъ отецъ семьи одновременно становится и служителемъ культа своего дома или жрецомъ.

Но наряду съ тѣмъ постепенно возникаетъ особая профессія жреца. Въ семьѣ бываютъ случаи, когда необходима немедленная помощь духа; на такую помощь, однако, можно разсчитывать только тогда, когда духъ постоянно пребываетъ вблизи человѣка, а этого можно достигнуть лишь непрерывнымъ служеніемъ ему. Къ такимъ случаямъ, главнымъ образомъ, относятся внезапно постигающія человѣка болѣзни, отъ которыхъ ищутъ исцѣленія у духовъ. По представленію дикаря, всѣ болѣзни, внѣшняя причина которыхъ для него темна, причиняются духами. Болѣзнь для него — не признакъ органическаго разстройства тѣла, но дѣйствительное «злое существо», которое невидимо, какъ духъ, вошло въ тѣло человѣка. Такой взглядъ на болѣзнь мы встрѣчаемъ не у однихъ дикарей: онъ господствовалъ и въ классической древности, а по отношенію къ нѣкоторымъ группамъ болѣзней онъ признавался даже и въ первомъ періодѣ христіанства, когда человѣка съ такого рода болѣзнями считали «одержимымъ бѣсомъ». Въ человѣка вселяется злой духъ, мучитъ и калечитъ его. Вылечить болѣзнь значитъ изгнать духа. Такъ какъ духъ подвластенъ только духу, а для человѣка онъ, какъ невидимое существо, неприкосновененъ, то, слѣдовательно, нужно стать къ какому-нибудь доброму духу въ такія отношенія, чтобы онъ во всякое время готовъ былъ помочь человѣку изгнать другого, злого духа.

Но такой полезный для себя союзъ человѣкъ можетъ поддерживать лишь непрерывнымъ культомъ такого добраго духа и, слѣдовательно, долженъ посвятить ему все свое время, что̀, конечно, не для всякаго возможно. Поэтому у народовъ, стоявшихъ еще на очень низкой ступени развитія, явилось въ этомъ отношеніи своего рода раздѣленіе труда. Отецъ семьи, вмѣстѣ съ другими мужчинами, занимается охотой и ни мало не заботится о своихъ богахъ, какъ и «великій духъ» о немъ, согласно мнѣнію индѣйцевъ. И только изрѣдка кто-либо изъ мужчинъ остается дома, чтобы поддерживать, для пользы всѣхъ, постоянныя сношенія съ богами. Въ благодарность за это всѣ остальные приносятъ ему часть своей добычи. Этому призванію чаще всего посвящаютъ себя люди слабые, болѣзненные, которые вынуждены оставаться дома; исполненіе этихъ обязанностей освобождаетъ ихъ, такимъ образомъ, отъ необходимости заниматься обычными работами, къ которымъ они обыкновенно физически неспособны, хотя и

ихъ занятіе, за которое они получаютъ готовое содержаніе, нерѣдко сопряжено съ лишеніями и душевнымъ напряженіемъ.

Такіе люди, подъ разными названіями, встрѣчаются почти повсюду на низшей и средней ступени культуры. Ихъ обыкновенно называютъ кол-

Колдунъ изъ Африканскаго племени Ніамъ-Ніамъ (по снимку Бухты).

дунами или жрецами-знахарями; между ними наибольшей извѣстностью пользуются «знахари» у сѣверныхъ индѣйцевъ, «піайи» у караибовъ, «фетисеросы» и «ганги»—въ Западной Африкѣ и «шаманы»—въ Сѣверной Азіи. Какъ показываетъ названіе ихъ у индѣйцевъ, они пользуются культомъ и связаннымъ съ нимъ вліяніемъ на духовъ преимущественно въ виду того, чтобы лечить больныхъ отъ мучащихъ ихъ болѣзней; такимъ обра-

зомъ, они, какъ служители культа, являются жрецами, а какъ цѣлители людей—врачами.

Пріемы, къ которымъ они прибѣгаютъ, удивительно сходны, по своей сущности, у всѣхъ народовъ; повсюду они обусловливаются вполнѣ одинаковымъ первобытнымъ воззрѣніемъ. Колдунъ долженъ прежде всего имѣть

Ганги, т. е. колдуны, врачи и жрецы, въ праздничной одеждѣ (Западная Африка). (По Фалькенштейну „Afrikas Wesküste—Западный берегъ Африки“).

въ своемъ распоряженіи духовъ, обязанныхъ ему помощью, за оказываемый имъ культъ, и при ихъ содѣйствіи поставить діагнозъ—находится ли въ больномъ духъ и какой именно, а если нѣтъ, то въ чемъ причина болѣзни; затѣмъ онъ долженъ узнать отъ нихъ, какими средствами можно изгнать болѣзнь. Все это открываютъ ему духи, которые или сами вселяются въ него, или же его душа оставляетъ тѣло и присоединяется къ

нимъ. Если въ больномъ дѣйствительно заключается духъ, то задача знахаря состоитъ въ томъ, чтобы изгнать его и удалить въ такое мѣсто, откуда онъ не могъ бы вернуться.

Методъ этотъ, если признать основную предпосылку его, настолько логиченъ, что онъ безъ всякихъ заимствованій долженъ быть одинаковъ на всемъ земномъ шарѣ; но внѣшнія формы его все-таки могутъ казаться намъ странными, главнымъ образомъ, потому, что духи эти воплощены въ очень невзрачныхъ фетишахъ, каковы камешки, кости, когти, черепки и т. п. мелкія вещицы, и даже, какъ, напримѣръ, въ Азіи, куклы, представляющія собой древнія изображенія боговъ. Всѣ эти фетиши колдунъ носитъ въ мѣшкѣ, который онъ всегда долженъ имѣть при себѣ, такъ какъ навѣщаетъ больныхъ на дому.

Европейцы, обратившіе вниманіе только на цѣлебное примѣненіе этихъ вещей, назвали ихъ «лекарствами», а мѣшокъ, въ которомъ помѣщаются эти фетиши—«лекарственнымъ». Призванный къ больному, колдунъ прежде всего открываетъ свой таинственный мѣшокъ и вынимаетъ оттуда фетишей. Затѣмъ онъ приступаетъ къ главному,—онъ ищетъ «вдохновенія», которое въ данномъ случаѣ слѣдуетъ понимать буквально. Оно выражается въ двойномъ видѣ. Обыкновенно духъ или богъ изъ одного изъ этихъ фетишей переходитъ въ голову жреца, чтобы дать ему необходимое объясненіе, или же душа колдуна, какъ это бываетъ съ шаманами сѣверной Европы и сѣверной Азіи, должна отдѣлиться отъ тѣла, чтобы отыскать извѣстнаго духа, гдѣ бы онъ ни находился. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ собственный духъ колдуна долженъ «замирать въ судорогахъ», оцѣпенѣть, чтобы его собственныя мысли не смѣшались съ мыслями божества.

Чтобы довести себя до такого «экстаза», человѣкъ въ различныхъ странахъ пользуется различными средствами, какія ему извѣстны по опыту. Но всѣ подобныя средства сводятся, главнымъ образомъ, къ опьяненію какимъ-либо наркозомъ или оглушенію себя какимъ-нибудь дѣйствіемъ, которое выводитъ человѣка «изъ себя». Для этого употребляютъ опьяняющіе напитки, курятъ или жуютъ табакъ и другія возбуждающія травы, но лучшее средство къ тому—музыка и пляска. Какъ это ни странно, но для этой цѣли одинаково употреблялись и индѣйскій табакъ, и греческій лавръ. Въ Греціи пиѳія, чтобы привести себя въ состояніе экстаза для воспріятія духа, жевала передъ тѣмъ лавровые листья. Отсюда лавръ и въ позднѣйшее время считался предвѣщателями средствомъ, а поэтами символомъ вдохновенія.

Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ является все-таки дикая пляска и звуки шумной музыки; къ этому средству колдунъ преимущественно и прибѣгаетъ: онъ неистово скачетъ и пляшетъ со всевозможными кривляніями и дикими тѣлодвиженіями до изнеможенія, пока не потеряетъ сознанія, и тогда вдохновеніе можетъ снизойти на него. Оно можетъ проявиться двояко: если безсознательное состояніе жреца сопровождается бредомъ, то это служитъ признакомъ, что духъ вошелъ въ него и говоритъ его устами. Окружающіе жадно ловятъ эти слова, а когда колдунъ приходитъ «въ себя», они передаютъ ему его бредъ слово въ слово, и онъ истолковываетъ отвѣтъ духа. Если тѣло жреца стало безжизненнымъ, это значитъ, что духъ его витаетъ въ то время гдѣ-нибудь въ

пустынѣ, въ подземномъ мірѣ, чтобы получить нужный отвѣтъ. Тогда тѣло становится нечувствительнымъ къ огню, къ желѣзу и къ чему бы то ни было, и такія испытанія, дѣйствительно, производятся для доказательства, что душа на самомъ дѣлѣ оставила тѣло.

У лопарей и народовъ сѣверной Азіи существуетъ вѣрованіе, что больная душа должна сама разстаться съ тѣломъ, а жрецъ взамѣнъ ея приноситъ изъ міра духовъ новую душу и вселяетъ ее въ больного; поэтому тамъ принято, чтобы выздоровѣвшій отъ тяжкой болѣзни получалъ новое имя.

Во всѣхъ случаяхъ колдунъ такимъ же образомъ узнаетъ, въ чемъ состоитъ болѣзнь, и принимаетъ соотвѣтственныя мѣры, въ число которыхъ входятъ и настоящія лечебныя средства. Въ большинствѣ случаевъ болѣзнь причиняется духомъ, который вселился въ тѣло больного, и котораго надо удалить. Колдунъ тогда начинаетъ давить и сосать больное мѣсто, и изгоняетъ духа. Тогда онъ идетъ за дверь и выплевываетъ его или заставляетъ удалиться куда-нибудь въ пустынное мѣсто. Этотъ обрядъ у индѣйцевъ Сѣверной и Южной Америки, а также и въ Новой Зеландіи привелъ къ нѣкоторому фокусу. Народъ видѣлъ всѣ манипуляціи жреца для изгнанія духа, но самого духа онъ всетаки не видѣлъ! Видѣть духа можно только въ формѣ фетиша, такъ какъ самъ по себѣ онъ невидимъ, и показать его народу колдунъ могъ только въ такой формѣ. Быть можетъ, сначала онъ бралъ такой предметъ только затѣмъ, чтобы извлеченный высасываньемъ духъ перешелъ въ него; но впослѣдствіи колдунъ сталъ пользоваться имъ, какъ доказательствомъ, что онъ извлекъ изъ тѣла духъ вмѣстѣ съ его фетишемъ; такимъ образомъ, изъ тѣла больного человѣка можно извлечь все, что угодно—кость, камень, жука и т. п. Такой извлеченный изъ тѣла предметъ явно убѣждаетъ всѣхъ, что болѣзнь дѣйствительно выведена изъ тѣла, и что больной послѣ этого можетъ только испытывать боли заживленія.

Леченіе болѣзней есть лишь одна изъ формъ примѣненія на практикѣ чудесной силы, которой пользуется колдунъ, благодаря своей близости къ духамъ, обязаннымъ ему, за постоянно поддерживаемый культъ ихъ, помощью и содѣйствіемъ. При помощи духовъ, жрецъ могъ открывать тайны и предугадывать будущее. Отсюда явился оракулъ, способы дѣйствія котораго весьма различны. Съ однимъ изъ нихъ мы уже познакомились, когда говорили о «жертвенномъ гаданіи», а примѣръ другого мы только что привели при опредѣленіи состоянія «экстаза». Послѣдній способъ сохранился и на низкой, и на болѣе высокой ступени культуры. Западно-африканскій ганга вызываетъ духъ при помощи звучащаго инструмента; тотъ прямо входитъ ему въ голову и сообщаетъ предсказанія. Такого же способа придерживались и нѣкоторые греческіе оракулы, напр., дельфійскій. Здѣсь совершалось то же, что полагается необходимымъ для колдуна гораздо низшей ступени культуры. Пиѳія, какъ и первобытный колдунъ, приводилась въ состояніе опьяненія,—какимъ способомъ или чѣмъ въ данномъ случаѣ для насъ не существенно,—въ нее вселялся духъ и произносилъ ея устами слова, которыхъ она сама не сознавала. Какъ у африканцевъ присутствующіе запоминали бредъ колдуна, чтобы потомъ, когда онъ «придетъ въ себя», получить отъ него объясненіе,—такъ и прорицанія Пиѳіи записывались присутствующими для этой цѣли лицами, а другіе

были заняты переложеніемъ записаннаго въ стихи. И еврейскіе прорицатели передъ тѣмъ, какъ давать предсказанія, настраивали себя къ тому игрой на арфѣ.

Практичные римляне меньше пользовались этимъ способомъ, при которомъ, сознательно или безсознательно, субъективный элементъ имѣлъ слишкомъ большой перевѣсъ; они предпочитали чисто объективныя заявленія боговъ, сохранивъ при этомъ представленія фетишистическаго характера древнѣйшихъ временъ. Изъ животныхъ, согласно древнѣйшему вѣрованію, чаще всего становятся фетишами птицы. Если расположить къ себѣ такой духъ жертвоприношеніемъ, то онъ черезъ своего фетиша дастъ человѣку желаемое предзнаменованіе. Это вѣрованіе лежитъ въ основѣ римскаго авгуріума, т. е. предсказанія по полету птицъ, и переживаніе его сохранилось въ основѣ современныхъ народныхъ суевѣрій, напр., опасенія дотронуться до извѣстныхъ животныхъ или встрѣтить старую женщину, переходящую черезъ дорогу. Въ позднѣйшую эпоху, когда изъ Азіи была перевезена въ Европу домашняя курица, въ качествѣ священной птицы, птицегаданіе стало еще болѣе доступно; каждый могъ завести у себя такую пророческую птицу и возить ее съ собой.

Еще проще былъ повсемѣстно распространенный оракулъ — жребій. Люди думали, что если помолиться божеству, то оно приметъ непосредственное участіе въ жребіи и, такимъ образомъ, откроетъ человѣку свою волю или скрытую для него тайну. Такъ какъ люди, которые посвятили себя отправленію культа, естественно, должны были лучше знать, какъ поступать съ жребіемъ, то и стали обращаться къ жрецамъ за помощью каждый разъ, когда надо было раскрыть какую-нибудь тайну, опредѣлить неизвѣстное, чаще всего, конечно, въ случаяхъ уголовнаго суда для полученія справедливаго рѣшенія. Такимъ образомъ, жрецы черезъ своего оракула рѣшали вопросъ о виновности или невиновности обвиняемаго. Въ западной Африкѣ, гдѣ эта отрасль ихъ дѣятельности особенно развита, они знаютъ средство, какъ открыть воровъ, опредѣлить обманъ и т. п. У евреевъ также существовалъ напитокъ, которымъ пользовались для уличенія жены въ невѣрности, и который, слѣдовательно, также можно отнести къ подобнымъ средствамъ. Одно изъ такихъ средствъ,— вбиваніе гвоздей даже и въ Германіи еще отчасти сохранилось. Существованіе такого оракула выражаетъ крайне грубое представленіе о божествѣ и высокое мнѣніе жреца о своей власти, которая простирается даже на боговъ, какъ-будто они одновременно должны составлять предметъ его культа, и услуживать ему. Ганги, когда къ нимъ обращаются за открытіемъ вора, вколачиваютъ имѣющимся для этой цѣли фетишамъ гвоздь въ тѣло или заставляютъ потерпѣвшую сторону бить его, при этомъ складывая вину за причиняемыя страданія, которыя испытываетъ духъ этого фетиша, на того, кто совершилъ преступленіе. Духъ, побуждаемый чувствомъ мести, поражаетъ виновника, который, конечно, ему извѣстенъ, какой-нибудь тяжкой болѣзнью.

При помощи такого фетиша жрецъ можетъ даже предупредить совершеніе преступленія. Негръ западнаго берега Африки, передъ тѣмъ какъ отправить своихъ рабовъ съ цѣннымъ товаромъ для торговли по странѣ, ведетъ ихъ къ жрецу, который на ихъ глазахъ вбиваетъ гвоздь фетишу, поручая си-

дящему въ немъ духу отомстить за причиненное ему страданіе тому изъ нихъ, кто не оправдаетъ довѣрія хозяина. Такимъ же образомъ жрецъ является охранителемъ брака и, какъ, напр., въ Лоанго, внушая женѣ страхъ передъ местью духа фетиша, удерживаетъ ее, какъ «данную Лембой», въ повиновеніи мужу. Подобнымъ же способомъ онъ получаетъ въ свое распоряженіе особый разрядъ духовъ, при помощи которыхъ поддерживаетъ порядокъ и повиновеніе въ общинѣ, насылая ихъ время отъ времени, какъ палачей своего бога, на людей, чтобы они суровыми карами распространяли спасительный страхъ и ужасъ, главнымъ образомъ, среди женщинъ и рабовъ.

Помощь жреца, какъ посредника между людьми и божествомъ, необходима юношѣ при наступленіи возмужалости. Жрецъ ставитъ его въ болѣе близкія отношенія съ божествомъ племени и, такимъ образомъ, освобождая его отъ материнской опеки, вводитъ въ общество взрослыхъ мужчинъ. Это присоединеніе новаго члена къ обществу мужчинъ, равносильное какъ бы нарожденію новаго члена среди нихъ, жрецъ сопровождаетъ различными жертвоприношеніями божеству, знаменующими этотъ союзъ. Церемонія эта очень распространена во многихъ областяхъ Африки и, вмѣстѣ съ древней кровавой жертвой, на тѣлѣ новаго члена дѣлается знакъ племени. Обрядъ этотъ—во многихъ мѣстахъ въ формѣ «обрѣзанія»—также совершаетъ жрецъ.

Такимъ образомъ, даже на самой низкой ступени культуры обязанности жреца уже весьма обширны, и онъ пользуется тамъ большимъ вліяніемъ.

Высшія формы жречества.

Съ повышеніемъ культурнаго уровня, съ расширеніемъ жизненныхъ потребностей и упроченіемъ человѣческихъ организацій, появляется новый видъ жречества. Жрецы первой ступени культуры посвящали себя этому призванію по собственному выбору. Каждый, кто этого хочетъ или кто неспособенъ заниматься охотой, посвящаетъ свои силы отправленію культа, на пользу себѣ и другимъ. Но онъ посвящаетъ себя этому призванію не ради самихъ духовъ, которымъ онъ служитъ, а ради практическихъ цѣлей; его культъ, такимъ образомъ, выражается колдовствомъ, и подобные жрецы, по справедливости, называются «колдунами». Въ Египтѣ мы видимъ такое же раздѣленіе труда, обусловленное заботой богатыхъ людей о культѣ своей души; они оставляли для этой цѣли, какъ уже было упомянуто выше, цѣлыя помѣстья со всѣми доходами съ нихъ. Цари дарили своимъ умершимъ предкамъ плоды своихъ завоеваній, жертвуя въ ихъ пользу дань, собираемую съ чужеземныхъ народовъ, и посылая своихъ военноплѣнныхъ для работы въ ихъ владѣніяхъ. Чтобы примѣнить эти богатства для дѣйствительнаго и непрерывнаго поддержанія культа души, оставалось еще найти такихъ лицъ, которыя исключительно посвятили бы себя исполненію обязанностей культа этихъ душъ и управленію имѣніями ихъ и не занимались бы ничѣмъ другимъ. Такимъ образомъ, выбирали человѣка, извѣстнаго своею добросовѣстностью, и заключали съ нимъ договоръ, что онъ, и сынъ его, и сынъ сына его и т. д. въ нисходящемъ порядкѣ доинъ изъ потомковъ его, обязываются точно исполнять всѣ дѣйствія

культа и въ вознагражденіе за это получаютъ право пользоваться имуществомъ, посвященнымъ душѣ. Такъ возникаетъ обезпеченный и знатный классъ «жрецовъ».

Общины и области, главныя мѣста погребенія которыхъ находились подъ покровительствомъ мѣстнаго божества, такими же договорами обезпечивали для себя правильное исполненіе служенія богу и культа душъ, что̀, какъ мы видѣли, стояло въ самой тѣсной связи. Только необходимыя средства для этого доставлялись взносами и доброхотными дарами членовъ. Количество взносовъ должно было все увеличиваться, потому что каждый, кто хотѣлъ войти въ соглашеніе съ служителемъ мѣстнаго божества, чтобы онъ сталъ попечителемъ его души, долженъ былъ сдѣлать новый вкладъ, хотя опредѣленной таксы на это еще не существовало. Мѣсто жреца и хранителя культа переходило по наслѣдству изъ рода въ родъ. Если же случалось, что такая жреческая семья вымирала, то мѣсто жреца не долго оставалось незамѣщеннымъ.

Многія мѣста, посвященныя культу душъ, были такъ несмѣтно богаты, положеніе жреца было такое недосягаемо-высокое, такое почетное, спокойное и обезпеченное, что въ желающихъ посвятить себя культу душъ никогда не могло быть недостатка. Младшіе сыновья царей и вельможъ почитали за счастье занять такое освободившееся мѣсто, подобно тому, какъ въ средніе вѣка духовныя мѣста замѣщались членами княжескихъ родовъ. Съ перемѣной династіи каждая новая династія въ собственныхъ интересахъ стремилась замѣстить наиболѣе значительныя жреческія мѣста членами своей фамиліи, такъ какъ нѣкоторыя жреческія должности получали чрезвычайно важное политическое значеніе. Еще со временъ чистаго культа предковъ существовала теорія, что настоящій властитель Египта есть божественный родоначальникъ царскаго рода; не дѣйствительный король является властелиномъ, а Горъ, Пта, Ра-и, наконецъ, Аммонъ-Ра.

Видимый царь является по отношенію къ богу Аммонъ-Ра, какъ всякое «изображеніе» по отношенію къ обитающему въ немъ духу; онъ, какъ каменная статуя, только обиталище бога, «фараонъ», «великій домъ». Но таковымъ въ дѣйствительности дѣлаетъ его жрецъ этого бога и именно такимъ же образомъ, какимъ камень дѣлается фетишемъ, — «помазаньемъ». Хотя власть царя и власть жреца взаимно уравновѣшиваются, но въ большинствѣ случаевъ положеніе жреца болѣе благопріятно, такъ какъ царь является сосудомъ, который получаетъ «помазаніе» отъ его руки. Поэтому никогда не было недостатка въ желающихъ занять мѣсто жреца.

Наоборотъ, число желающихъ всегда было больше числа мѣстъ: при томъ счастливомъ положеніи, какимъ пользовались жреческія семьи, онѣ всегда имѣли многочисленное потомство. Одинъ изъ сыновей всегда былъ преемникомъ своего отца; остальные принадлежали къ числу кандидатовъ на такую должность и, во всякомъ случаѣ, имѣли преимущество передъ другими, хотя первоначально никто не могъ принципіально быть исключенъ изъ числа соискателей. Если читатель представитъ себѣ всѣ эти обстоятельства, онъ легко пойметъ, какимъ образомъ, несмотря на все это, жреческое сословіе приняло кастовый характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что и въ Египтѣ, наряду съ классомъ жрецовъ, обезпеченныхъ постоянными доходами съ пожертвованныхъ на нужды культа имѣ-

пій, существовало громадное число такихъ, которые, подобно жрецамъ низшей ступени, жили приношеніями случайныхъ кліентовъ. Въ этомъ отношеніи имъ были весьма полезны различныя практическія знанія, въ особенности искусство письма. Для занятія науками и искусствами ни одно сословіе не располагало такимъ досугомъ, какъ сословіе «помѣстныхъ» жрецовъ, и никому не приходилось такъ часто примѣнять свои знанія на практикѣ, какъ добровольнымъ жрецамъ.

Впрочемъ, и египетскіе жрецы продолжали смотрѣть на свои отношенія къ объектамъ своего культа и пользоваться ими, какъ и жрецы низшей ступени. Обращенію къ оракулу придавалось большое значеніе, и оно оказывало вліяніе даже на политику. Къ его помощи прибѣгали какъ въ области права, такъ и врачебнаго искусства. На египетскихъ памятникахъ встрѣчаются изображенія жрецовъ въ видѣ судей съ сумкой жребіевъ на груди, и рядомъ съ большими изображеніями боговъ попадаются и маленькія переносныя изображенія, которыя можно было носить къ больнымъ, какъ это дѣлалось врачевателями низшей ступени. Отдѣльныя жреческія корпораціи прославились, такимъ образомъ, своимъ искусствомъ врачеванія; соотвѣтственно тому, въ культѣ явилось раздѣленіе труда,—и объектъ культа врачевателей стали считать исцѣляющимъ божествомъ. Найденные тамъ каменные памятники свидѣтельствуютъ, что въ отдѣльныхъ исключительныхъ случаяхъ египетскіе жрецы переносили свои цѣлительные фетиши даже въ Сирію.

Въ древнѣйшихъ историческихъ памятникахъ евреевъ, какъ и въ «Книгѣ судей», мы читаемъ про священниковъ или «левитовъ», разъѣзжающихъ по странѣ, чтобы найти себѣ мѣсто при какомъ-нибудь богатомъ домѣ; но уже ко времени составленія законовъ классъ этотъ представляетъ строго замкнутую касту, которая пользуется исключительной привилегіей отправленія культа. Мірянамъ не только не предоставлялось, но даже строго запрещалось совершать жертвоприношенія безъ помощи священниковъ.

Къ этой же цѣли сознательно стремились и достигали ее жрецы Индіи. Въ древнѣйшія времена въ Индіи образовалось множество отдѣльныхъ кастъ, представлявшихъ каждая потомство жреца низшей ступени культуры, въ которомъ изъ рода въ родъ передавалось какъ званіе, такъ и профессіональное знаніе жреца-родоначальника. Такіе жреческіе роды соперничали между собой, стремясь каждый къ преимущественному господству. Наиболѣе счастливыми въ этомъ отношеніи оказались огненные жрецы и молитвенные жрецы. Первые придавали больше всего значенія огненнымъ жертвамъ, вторые считали всякую жертву недѣйствительной, если она не сопровождается соотвѣтственнымъ, точно опредѣленнымъ изреченіемъ, обращеннымъ къ божеству; а изреченія эти знали только они одни, браманы, и сохраняли ихъ въ строгой тайнѣ вплоть до позднѣйшихъ временъ. Чѣмъ больше это воззрѣніе распространялось въ народѣ и признавалось имъ, тѣмъ невозможнѣе становилось обходиться безъ посредства брамана при совершеніи какого-либо акта культа. Но главное, что̀ дало имъ перевѣсъ въ этой взаимной борьбѣ за первенство съ другими кастами, это—то, что они съумѣли захватить въ свои руки всѣ мѣста жрецовъ въ правящихъ семьяхъ, и, такимъ образомъ, въ ихъ рукахъ сосредоточились всѣ богатства культа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ они установили «жертвенную плату» за каждое совершаемое ими дѣйствіе культа, а также опредѣленный сборъ въ формѣ «жреческой коровы», на подобіе «десятины евреевъ».

Въ настоящее время всѣ эти хранившіеся нѣкогда въ строгой тайнѣ изреченія, молитвы и гимны,—но не исключительно однихъ только брамановъ,—собраны въ сборникѣ Ведъ и изданы даже вмѣстѣ съ текстомъ проклятій, которыя должны были обрушиться на голову того, кто дерзнулъ-бы записать хотя одну строчку изъ этихъ изреченій. Браманы, признавъ, такимъ образомъ, главнымъ элементомъ дѣйствій культа слово, въ противоположность шаманамъ остальной Азіи, совершенно исключили изъ культа все, что имѣло фетишистическій характеръ. И изъ того, что сохранилось, многое указываетъ на общность происхожденія обоихъ культовъ, какъ, напр., обычай проводить ученическіе годы въ уединеніи лѣсовъ и удаляться туда по окончаніи мірской дѣятельности.

Злоупотребленія брамановъ своею властью, равно, какъ и презрѣніе ихъ къ бѣднымъ, которые ничего не могли жертвовать для культа, выразившееся съ суровой послѣдовательностью даже въ ихъ гимнахъ, все это вызвало возникновеніе буддизма, какъ реакцію преимущественно противъ кастового жречества. Подобно христіанству, буддизмъ прежде всего обратился къ бѣднымъ, которые, согласно господствовавшему ученію, лишены были надежды на будущую жизнь, такъ какъ не имѣли средствъ для поддержанія культа своей души. Возникнувъ на такой почвѣ, буддизмъ, казалось-бы, совершенно долженъ былъ быть чуждъ формамъ шаманизма, тѣмъ болѣе, что буддійскіе отшельники не имѣли ничего общаго съ званіемъ жреца; но внѣшнія формы культа похожи на кобольда въ извѣстномъ сказаніи о немъ. Нѣкто, чтобы освободиться отъ него, сломалъ свой домъ и ушелъ въ другое мѣсто. Но куда-бы онъ ни приходилъ, кобольдъ встрѣчалъ его съ радостнымъ восклицаніемъ: «а я уже здѣсь». Мы познакомились съ основнымъ правиломъ шаманизма, по которому человѣкъ, для воспріятія духа божества, долженъ предварительно привести себя въ состояніе оглушенія, безсознательности. Средства для этого можно было употреблять различныя,—лишь-бы они вызвали удаленіе собственнаго духа изъ тѣла шамана. Индійскій монахъ приводилъ себя въ такое состояніе путемъ «созерцанія». Для достиженія познанія человѣкъ долженъ былъ погрузиться въ созерцательное состояніе,—познаніе тогда нисходило на него, какъ даръ божій; здѣсь старое встрѣчалось съ новымъ. Между прочимъ, одно изъ средствъ, которымъ буддійскіе монахи приводили себя въ созерцательное состояніе, состояло въ слѣдующемъ: монахъ долженъ былъ сосредоточить всѣ свои мысли на одномъ представленіи, устремить свой взоръ на одинъ изъ стоящихъ передъ нимъ цвѣтныхъ круговъ и до тѣхъ поръ смотрѣть неподвижно въ одну точку, пока не лишится чувствъ,—тогда на него нисходило познаніе.

Къ другого рода пріемамъ, также заимствованнымъ у древнихъ шамановъ, прибѣгаютъ магометанскіе дервиши: одни изъ нихъ кружатся, другіе воютъ до оглушенія, а нѣкоторые, подобно скоморохамъ, продѣлываютъ различные фокусы съ огнемъ и оружіемъ, какъ это было принято у шамановъ для доказательства, что душа дѣйствительно оставила тѣло, и оно сдѣлалось нечувствительнымъ.

Въ древней Вавилоніи существовали также касты халдеевъ и маговъ; послѣдніе перешли туда изъ Мидіи. Персидскіе жрецы зендской религіи впослѣдствіи также обратились въ замкнутую касту. Зендская религія признаетъ два начала: одинъ высшій богъ стоитъ во главѣ добрыхъ боговъ, а другой, также высшій богъ—во главѣ злыхъ боговъ; такимъ образомъ, зендскій «дуализмъ» есть, въ сущности, особая форма политеизма.

Въ Греціи жречество получило очень широкое развитіе и, соотвѣтственно разнообразію политическихъ условій, приняло самыя различныя формы. И здѣсь были кастообразные замкнутые жреческіе роды; до образованія исключительно привилегированной жреческой касты здѣсь дѣло не дошло. Старѣйшіе жреческіе роды ведутъ свое происхожденіе чуть ли не со временъ патріархальныхъ царей, и жрецы первоначально считались наслѣдниками царскаго достоинства; но они съумѣли сохранить важнѣйшія преимущества, связанныя съ этимъ наслѣдственнымъ званіемъ, и послѣ паденія патріархальнаго строя. Древне-греческіе цари были въ дѣйствительности патріархальными главами обширныхъ родовыхъ семей; послѣднія вступали въ соглашеніе съ ними относительно правового порядка, и, такимъ образомъ, образовывались свободныя общины. Возникновеніе такимъ путемъ «республиканскихъ» организацій продолжалось еще и въ историческія времена, и этимъ можно фактически объяснить, почему столь многіе жреческіе роды вели свое происхожденіе отъ первыхъ царей. Сначала, быть можетъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ, его лишили преимущественнаго права предводительствовать войскомъ, а затѣмъ и власти судьи, чтобы, въ случаѣ нужды, возложить исполненіе этихъ обязанностей на болѣе способныхъ членовъ общины. Но за нимъ по прежнему сохранилась обязанность хранителя культа всей общины въ порядкѣ прямого наслѣдованія, и община выдѣляла ему за исполненіе этихъ обязанностей часть всего имущества культа; такимъ образомъ, древняя семья сдѣлалась маленькимъ республиканскимъ государствомъ, а царь—наслѣдственнымъ жрецомъ. Когда въ какомъ либо мѣстѣ, посвященномъ культу, появлялся счастливый оракулъ и слава о немъ далеко распространялась, тамъ, благодаря множеству посѣтителей, приносившихъ дары для культа, накоплялись такія богатства, и мѣсто это достигало такого могущества, что оно становилось въ совершенно независимыя отношенія къ сосѣднимъ общинамъ. Такъ возникли независимыя жреческія государства, какія мы встрѣчаемъ въ древней Греціи. Священный миръ охранялъ эти счастливыя области, но случалось, что тщеславное выставленіе на показъ священныхъ даровъ и богатствъ, возбуждая зависть, вызывало святотатственныя посягательства. Тогда возникали «священныя» войны.

Другія жреческія общества постепенно достигали славы и богатства, благодаря умѣлому и успѣшному примѣненію къ практикѣ объектовъ ихъ культа, какъ, напр. жрецы Эскулапа, занимавшіеся преимущественно врачеваніемъ. Позднѣйшія общины и государства Греціи произошли уже не изъ древнихъ сложныхъ семей, а путемъ соотвѣтственнаго сліянія и свободнаго соглашенія, или на почвѣ колонизаціи. Въ такихъ общинахъ, кромѣ «вольнопрактикующихъ» жрецовъ, которые занимались своимъ дѣломъ, часто переходя изъ одного мѣста въ другое, существовалъ нерѣдко институтъ выборныхъ жрецовъ, отправлявшихъ служеніе

культу по порученію общины, какъ и всякую другую должность. Часто происходила такого рода комбинація: исполненіе настоящихъ дѣйствій культа поручалось наслѣдственнымъ жрецамъ, а надзоръ за нимъ и руководительство—одному изъ должностныхъ лицъ. Но на сколько обязанности культа понимались тамъ еще чисто внѣшнимъ образомъ, и какой значительный перевѣсъ имѣла объективная сторона этихъ обязанностей, показываютъ нѣкоторыя постановленія въ Аѳинахъ, ставящія исполненіе обязанностей культа въ подчиненное положеніе наравнѣ съ исполненіемъ всякой другой должности.

Мѣстами сохранились еще древнѣйшія первобытныя формы общественнаго культа. Въ нѣкоторыхъ мелкихъ и отсталыхъ общинахъ освобождались отъ обязанности попеченія объ общественномъ культѣ такимъ путемъ, что ежегодно объектъ культа отдавался по очереди одному изъ мѣстныхъ семейныхъ старшинъ на полное попеченіе; подобно тому, въ позднѣйшую эпоху «Роландъ» ежегодно переселялся въ южно-германскихъ областяхъ отъ одного крестьянина къ другому. При этомъ возможно было обойтись безъ храмовъ и жрецовъ.

Условія римской жизни исключали возможность существованія и развитія свободныхъ жреческихъ государствъ. Въ Римѣ, гдѣ всѣ стороны жизни находили выраженіе въ строго установленныхъ формахъ, признавались только три вида культа: государственный, частный и культы древнихъ народныхъ союзовъ, сохранившіеся со временъ, предшествовавшихъ основанію Рима, преемственнымъ путемъ, и находившіе себѣ выраженіе, главнымъ образомъ, въ годичныхъ празднествахъ. Эти древніе культы соблюдались особыми коллегіями; въ случаѣ смерти одного изъ ихъ членовъ, на его мѣсто избирался новый пожизненный членъ, вслѣдствіе чего въ такихъ коллегіяхъ преемственно сохранялись традиціи культа временъ отъ основанія Рима до эпохи римской имперіи. Неудивительно, поэтому, что ихъ традиціонныя обращенія къ богамъ, совершавшіяся съ разъ навсегда установленными тѣлодвиженіями и въ одномъ неизмѣнномъ темпѣ, въ концѣ концовъ перестали быть понятными кому бы то ни было; между тѣмъ точное соблюденіе всѣхъ традиціонныхъ формъ до мельчайшихъ подробностей считалось обязательнымъ для сохраненія культа.

Для соблюденія государственнаго культа существовали особаго рода коллегіи, раздѣлявшіяся, соотвѣтственно примѣненіямъ и формамъ культа; онѣ являлись государственными установленіями и служащіе въ нихъ избирались гражданами принятымъ въ то или другое время порядкомъ. Во главѣ должностныхъ лицъ также стоялъ «царь», который, какъ стволъ засохшаго дерева, являлся подобіемъ носителя царской власти эпохи древнихъ царей, какъ мы это видѣли въ греческихъ городскихъ республикахъ. И здѣсь также рѣшились изъять изъ вѣдѣнія древняго царя, сдѣлавшагося, послѣ соединенія многихъ племенъ подъ его верховной властью, какъ бы выборнымъ царемъ, — предводительство надъ войскомъ и судебную власть; но и здѣсь обязанность отправленія общественнаго культа въ честь мѣстнаго божества по праву осталась за нимъ, и никто не дерзнулъ отнять ее у него. Поэтому и во времена республики продолжали выбирать для этой цѣли «царя - жреца», ко-

торый, хотя и былъ лишенъ всякаго политическаго вліянія, но за то былъ окруженъ ореоломъ величайшей святости.

Чисто римскимъ институтомъ является, однако, установленіе общаго надзора за исполненіемъ обязанностей культа въ формѣ особыхъ государственныхъ лицъ — «понтифексовъ», во главѣ которыхъ стоялъ pontifex maximus (верховный жрецъ). Лица, занимавшія должность «понтифекса» и пользовавшіяся громаднымъ вліяніемъ, не были въ сущности жрецами. На ихъ обязанности лежало не самое отправленіе обязанностей культа, а надзоръ за надлежащимъ исполненіемъ ихъ; они только регулировали государственный и частный культъ и являлись судьями въ этой области.

Римлянинъ смотрѣлъ на общественный культъ, какъ на обязанность человѣка по отношенію къ богамъ, въ силу опредѣленнаго взаимно обязательнаго договора, заключеннаго между обѣими сторонами. Такъ какъ каждое нарушеніе договора со стороны человѣка вызывало мщеніе со стороны боговъ, то государство должно было черезъ такихъ чиновниковъ-надзирателей слѣдить за тѣмъ, чтобы въ его предѣлахъ нигдѣ не происходило подобнаго нерадѣнія къ обязанностямъ культа. Поэтому понтифексъ обязанъ былъ слѣдить за каждымъ гражданиномъ и строго надзирать за тѣмъ, чтобы онъ не пренебрегалъ своими обязанностями даже въ домашнемъ культѣ, такъ какъ наказанія, которыя насылали за это боги—неурожай, повальныя болѣзни и т. п.,—за преступленіе одного падали на голову множества людей, страдавшихъ по его винѣ.

Поэтому понтифексъ и пользовался крайне широкой властью, простиравшеюся даже на домашнія отношенія гражданъ,—что явилось впослѣдствіи главнымъ стимуломъ стремленій римскихъ императоровъ присвоить себѣ по преимуществу власть pontifex'a maximus. Основы этой власти дали имъ право и обязанность преслѣдовать христіанъ, уклонявшихся отъ отправленія общепринятаго культа, и именно эту власть унаслѣдовали отъ нихъ, послѣ паденія Западной Римской имперіи, римскіе епископы; при помощи ея они сдѣлались охранителями и властителями извѣстной части христіанства.

Нравственность и культъ.

Въ представленіяхъ религій низшей ступени культуры, въ формѣ культа или миѳологіи, одинаково отсутствуетъ притязаніе показать человѣку идеалъ нравственности. Съ точки зрѣнія культа, какъ мы уже видѣли выше, нравственность имѣла совершенно иное значеніе. Безнравственное въ нашемъ смыслѣ не являлось таковымъ для культа; онъ во многихъ случаяхъ съ неумолимой строгостью старался удержать элементъ безнравственнаго тогда, какъ общественное развитіе уже успѣло переработать его; только въ борьбѣ съ культомъ человѣчество могло подниматься съ одной ступени развитія на другую.

Въ миѳологіи и въ религіозныхъ сказаніяхъ мы не встрѣчаемъ идеальныхъ нравственныхъ образцовъ и представленій; въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, прочитавъ Гомера или исторію патріарховъ въ Библіи. Но въ этомъ отнюдь не заключаются причины сомнѣнія въ истинности

этихъ памятниковъ: ни религія миѳа, ни религія культа не являются сами по себѣ нравственнымъ ученіемъ или отраженіемъ нравственныхъ понятій, и не съ этой цѣлью онѣ возникли. Ихъ цѣль и назначеніе были совсѣмъ другія, и стремленія ихъ были обращены въ другую сторону. Греческій Олимпъ соединяетъ еще боговъ самыхъ различныхъ ступеней культуры, не исключая и самыхъ низшихъ; богъ Арей, внушительный лишь своимъ необычайнымъ ростомъ, оказывается чистѣйшимъ идеаломъ первобытнаго дикаря, поклоняющагося тому, что̀ поражаетъ его громадными размѣрами.

Мы придемъ къ совершенно иному выводу, если будемъ разсматривать религію, какъ цѣльное міросозерцаніе, во всей его совокупности. Тогда въ ней соединяются двѣ части: объективная, продуктъ нашихъ представленій о вещахъ, и субъективная, служащая нормой, опредѣляющей наши поступки и даже чувствованія и мышленіе.

Первые слѣды такой связи религіи съ нормами человѣческихъ поступковъ проявляются уже въ первобытномъ почитаніи предковъ. Содержаніе этой нормы, однако, тѣмъ бѣднѣе и скуднѣе, чѣмъ изолированнѣе живетъ дикарь; но уже и на этой ступени, какъ и впослѣдствіи, представленіе о карательной власти, которая, защищая и угрожая, стоитъ позади этого содержанія, обнаруживается на почвѣ культа. Съ понятіями о приказаніи и послушаніи человѣкъ долженъ былъ знакомиться, по крайней мѣрѣ, уже въ періодъ господства отцовскаго права (патріархата). Понятіе о приказаніи, которое онъ только тогда уважалъ, когда оно сопровождалось наказаніемъ, должно было пробудиться въ немъ извнѣ и постоянно возобновляться тѣмъ же путемъ. И только, благодаря культу, запечатлѣвалась въ его душѣ та или другая заповѣдь. Онъ не зналъ духовъ своихъ предковъ, онъ не слышалъ ихъ приказаній; тѣмъ не менѣе, онъ чувствовалъ какую-то невидимую волю надъ собой; въ случаѣ неисполненія приказанія ея, его страшили угрозы невидимой силы,—и у него явилось понятіе объ обязанности, объ обязательныхъ поступкахъ даже безъ всякаго внѣшняго побужденія.

Такъ человѣкъ узналъ первый общеобязательный «законъ». Здѣсь уже ясно выдѣляются три элемента, составляющіе основу этого понятія: санкція закона, содержаніе его и цѣль его по отношенію къ человѣку. Цѣль этого закона по отношенію къ духу мы уже достаточно выяснили въ предыдущемъ изложеніи. Санкцію этого первобытнаго закона давала идея культа или, если позволительно употребить въ этомъ смыслѣ такое выраженіе, идея религіи. Основаніемъ закона для человѣка была его забота о поддержаніи жизни, цѣль его—прежде всего земное благополучіе. Не имѣя понятія о причинности явленій во вселенной, человѣкъ видѣлъ во всѣхъ явленіяхъ, которыя онъ субъективно опредѣлялъ, какъ несчастные случаи, проявленія кары неумилостивленныхъ божествъ. Отвратить такую кару было цѣлью исполненія закона. Еще четвертая изъ десяти заповѣдей содержитъ спеціальную санкцію «долгой жизни» и «земного благополучія». Почти буквально то же самое мы читаемъ въ египетскихъ текстахъ въ ясно выраженной связи съ культомъ родителей; нѣкоторые тексты даже еще глубже выясняютъ намъ воззрѣнія первобытныхъ временъ. Они говорятъ намъ, почему строгое исполненіе обязанностей культа обусловливаетъ и долгую жизнь на землѣ; они указываютъ на первоначальную взаимную

связь обоихъ представленій, какъ она выразилась уже въ страстномъ желаніи древнихъ оставить по себѣ сына, хранителя культа. Въ египетскихъ надписяхъ мы читаемъ цѣлыя рѣчи, съ которыми египетскіе цари обращались къ своему божественному отцу, убѣждая его въ выгодности для него даровать царю долгую и счастливую жизнь, такъ какъ тогда у него будетъ сынъ на землѣ, который готовъ осыпать его богатѣйшими дарами культа.

Религія, являющаяся въ формѣ обязанностей человѣка по отношенію къ высшимъ силамъ, даетъ, такимъ образомъ, условнымъ путемъ наградъ и наказаній санкцію этому закону, но она далеко не опредѣляетъ его содержанія. Изъ этихъ наказаній, обусловливающихъ самый актъ исполненія закона, вовсе не слѣдуетъ, что гаитянину нельзя ѣсть плодовъ «мамма», а ново-зеландецъ обязанъ приносить въ жертву непремѣнно папоротникъ, что для однихъ обязателенъ постъ, а для другихъ—пиршества. Содержаніе закону даютъ экономическія условія страны, и отъ нихъ зависитъ та или иная форма его.

Основное взаимоотношеніе религіи и нравственности сохраняется, поэтому, на всѣхъ ступеняхъ дальнѣйшаго ихъ развитія; но лишь съ развитіемъ общественной жизни оно получаетъ новое широкое содержаніе. Подобно тому, какъ семейный богъ даетъ санкцію правиламъ семейной жизни, такъ и божество семейнаго союза даетъ санкцію миру, цѣли и основѣ этого союза, являясь мстителемъ за нарушеніе его; выше «царскаго мира» стоитъ «божій миръ». Изъ понятія о мирѣ, какъ охраняющемъ собственность, первая заповѣдь: не убій — именно члена твоего мирнаго союза — расширилась въ заповѣдь: не нарушай его права собственности, не посягай на жену его. Наконецъ, человѣкъ, въ дальнѣйшемъ стремленіи къ устроенію мирной жизни, возвышается до заповѣдей, косвенно обусловливающихъ миръ и предупреждающихъ нарушеніе его: не пей вина, помогай несчастному, защищай брата своего по союзу, да будутъ чувства и мысли твои исполнены благоволенія.

Всѣ эти обязанности, выяснявшіяся постепенно все шире и шире, приравнивались къ обязанностямъ культа, стояли подъ одной съ нимъ санкціей, и исполненіе ихъ входитъ въ «оцѣнку праведности» человѣка. Новое содержаніе, привходящее въ понятіе обязанности, формулируется, какъ новый «законъ»; каждый такой «законъ» исходитъ отъ божества—Ману, Ормузда или Іеговы, — и освященный его санкціей, одновременно является закономъ гражданскимъ и религіознымъ.

Божественная санкція «закона» естественно можетъ выразиться лишь путемъ откровенія, и древній міръ зналъ только одну форму его—оракула. Въ дѣйствительности, отвѣты, которыхъ ожидали отъ оракула, выражались, большей частью, въ формѣ да или нѣтъ, на предложенные имъ вопросы, но это соотвѣтствовало дѣйствительному ходу вещей: содержаніе нравственнаго закона вырабатывалось самой жизнью, и посредникъ-жрецъ испрашивалъ у божества не самый законъ, а только согласіе его взять этотъ законъ подъ санкцію своей карательной власти, простирающейся на всѣхъ людей.

На этотъ порядокъ вещей указываетъ и изложеніе древне-персидскаго «закона» Ормузда въ «Вендидадѣ». Весь законъ представляетъ діалогъ,

въ которомъ Зороастръ, жрецъ, ставитъ вопросы относительно укладовъ жизни общества и культа, а богъ Ормуздъ изрекаетъ въ отвѣтъ догматическое рѣшеніе ихъ — законы. «Какое наказаніе слѣдуетъ тому, кто провинился въ грѣхѣ «аредошъ», злонамѣренно причинивъ членовредительство?» спрашиваетъ жрецъ. «Пятнадцать ударовъ ремнемъ да будетъ возмездіемъ ему» отвѣчаетъ Ормуздъ. «Какъ долго поле, на которомъ лежалъ трупъ собаки или человѣка, должно оставаться невоздѣланнымъ?» спрашиваетъ Зороастръ. «Цѣлый годъ», отвѣчаетъ Ормуздъ: «ни одинъ маздейеснанъ (поклонникъ Ормузда) пусть не воздѣлываетъ поля, на которомъ собака или человѣкъ испустили духъ свой; пусть не орошаетъ его также въ теченіе цѣлаго года».

Отсюда видно, что въ древности, по крайней мѣрѣ, по представленію персовъ, откровеніе божества проявлялось въ изреченіяхъ оракула, который и давалъ санкцію закону, причемъ, какъ мы видѣли выше, въ отвѣтъ переходитъ всегда большая часть содержанія вопроса. Согласно значенію отвѣта оракула, какъ санкціи божества предложенному закону, скорѣе можно предположить, что жрецъ спрашивалъ: «должно ли за преднамѣренное членовредительство назначить наказаніе въ пятнадцать ударовъ?»—и божество, жребіемъ или какимъ либо другимъ знакомъ, давало утвердительный отвѣтъ; но въ приведенномъ изложеніи божество—что, въ сущности, всегда слѣдовало подразумѣвать,—само изрекаетъ правовое положеніе, которое было предложено ему для полученія санкціи.

Откровеніе еврейскаго закона, согласно тексту его, произошло двоякимъ образомъ: подробное уложеніе постановленій культа и гражданскихъ учрежденій Богъ точно такъ же открылъ народу черезъ пророковъ своихъ, но основные всеобщіе догматы мира и законы, предписывающіе человѣку исключительное почитаніе Іеговы, — Богъ Самъ возвѣстилъ съ огненной горы старѣйшинамъ народа, непосредственно, въ «десяти заповѣдяхъ». Въ этой части еврейскій законъ достигъ универсальнаго значенія и этимъ возвышается надъ всѣми другими.

Культъ, такимъ образомъ, оказываетъ громадное, глубоко проникающее воспитательное вліяніе на человѣчество и имѣетъ въ этомъ отношеніи весьма важное значеніе не на однихъ только низшихъ ступеняхъ культуры. Силою культа, которая выше всякой власти на землѣ, стали поддерживаться принятыя нравственныя понятія и охраняться ею. Это послѣднее ограниченіе представляетъ собою темную сторону культа, которая продолжала удерживать человѣка во мракѣ уже отжившихъ понятій. Такъ, когда человѣкъ уже оставилъ каннибализмъ, культъ все еще сохранялъ его въ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ взрослыхъ и дѣтей; этотъ разладъ между культомъ и жизнью долженъ былъ проявляться на каждой ступени развитія человѣческаго чувствованія и познанія.

III. Миѳологія.

Элементы ея.

Едва-ли нужно доказывать, что представленія, стоявшія въ тѣснѣйшей связи съ разсмотрѣннымъ выше культомъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ первыми проявленіями понятій о религіи.

Такъ же несомнѣнно и то, что отправленіе культа было однимъ изъ самыхъ существенныхъ средствъ для передачи религіозныхъ представленій отъ одного поколѣнія къ другому, но его отнюдь нельзя считать единственнымъ. Когда человѣкъ сталъ выражать словами и то, что не касалось минутныхъ впечатлѣній и желаній его, онъ сталъ пользоваться языкомъ и для передачи религіозныхъ представленій.

Представленія эти далеко не могли сохранить своей первоначальной формы; они все больше усложнялись, и чѣмъ туманнѣе была область ихъ, тѣмъ большее вліяніе на развитіе ихъ имѣла фантазія. Судьба души, обусловившая возникновеніе культа, давала уже богатый матеріалъ для развитія разнообразныхъ представленій. Ботокудъ, который хоронитъ покойника подъ лиственной крышей своей собственной хижины и затѣмъ даритъ ее навсегда душѣ его, а самъ со всѣмъ своимъ имуществомъ переселяется въ другое отдаленное мѣсто, можетъ составить себѣ лишь смутное представленіе о дальнѣйшей жизни души: онъ рисуетъ себѣ духовъ живущими въ уединенной пустынѣ,—и только. Житель западнаго берега Африки строитъ для духовъ своихъ предковъ отдѣльные домики въ опредѣленномъ порядкѣ, вслѣдствіе чего образуются цѣлыя улицы, деревни и города. Люди, которые являются туда для исполненія обязанностей культа, находятъ здѣсь продажу всего, что имъ нужно, — «города мертвыхъ» представляютъ собой цѣлыя торжища. Какъ непохоже, повидимому, представленіе африканца о жизни души на представленіе ботокуда! И какой богатый романъ представляетъ, напротивъ, жизнь души египтянина! Она пашетъ и сѣетъ, ловитъ рыбу и охотится, катается на священной баркѣ по рѣкѣ и возносится по голубому небесному своду до самого солнца. Чего только она ни встрѣтитъ на своемъ пути, чего только она ни переживетъ! Въ одной мѣстности мертвыхъ бросаютъ въ пустыню, расположенную къ западу, въ другой ихъ уносятъ на горы, чтобы освободить отъ нихъ долины для живыхъ, въ третьихъ ихъ на ладьяхъ спускаютъ въ открытое море. Такъ возникаютъ царства мертвыхъ «на Западѣ», въ пустынѣ, на высотѣ горъ, въ глубинѣ морей. Сколько тутъ можно придумать, вообразить и разсказать! Разсказъ есть единственная форма, въ которой первобытный человѣкъ передаетъ образы своей фантазіи. Чего только не могла пережить душа за тѣ милліоны лѣтъ, которыми индійскіе мудрецы такъ смѣло измѣряютъ ея жизнь! Отъ ничтожнѣйшаго червяка до королевскаго тигра, вплоть до царя людей, она послѣдовательно переживала жизнь всѣхъ промежуточныхъ ступеней между ними на землѣ, а тамъ въ небесныхъ сферахъ она воздымалась съ одного неба на другое, съ одного свѣтила на другое. Развѣ мало можно было

разсказать объ ея странствованіяхъ? И дѣйствительно, нѣкоторые мудрецы были одарены такой счастливой памятью, что сохранили воспоминаніе о своемъ прежнемъ существованіи. Они начинали свой разсказъ соотвѣтственнымъ указаніемъ, напр., «это было въ такомъ-то году, я пребывалъ тогда въ цаплѣ, которая жила на прибрежномъ лугу», — и затѣмъ слѣдовали всевозможныя поучительныя приключенія.

Наконецъ, человѣкъ, достигнувъ болѣе обезпеченнаго существованія, освободившись отъ наиболѣе тяжелыхъ жизненныхъ заботъ, начинаетъ раздумывать объ окружающихъ его предметахъ и ихъ происхожденіи. Вопросы, которые при этомъ зарождаются въ его умѣ, опять таки находятъ себѣ отвѣтъ, уже предрѣшенный культомъ, который ежедневно и ежечасно напоминалъ человѣку, что всѣ явленія причиняются духами, почитаемыми культомъ. Но мѣрѣ того, какъ человѣкъ научался различать явленія и анализировать ихъ, соотвѣтственно раскрывалась и расширялась въ его представленіи и дѣятельность духовъ. Отсюда все, что можно было разсказать о природѣ, можно было разсказать и о самихъ богахъ.

Такъ, накоплялся, соотвѣтственно степени культуры, а также въ зависимости отъ особыхъ склонностей и жизненныхъ условій народа, неисчерпаемый матеріалъ для разсказовъ, центральными фигурами которыхъ являлись боги и духи; при этомъ было безразлично—были-ли они дѣйствительными представленіями божества, или подъ ними подразумѣвалось то или другое лицо, надѣленное болѣе распространеннымъ именемъ бога. Совокупность всѣхъ такихъ повѣствованій о жизни и дѣятельности боговъ мы называемъ миѳологіей; она, очевидно, оказала значительное вліяніе на развитіе позднѣйшей религіи. Но не менѣе ясно и ея отношеніе къ культу. Нельзя не признать, что культъ, строго охраняя однажды установленныя формы, стоялъ въ полнѣйшей противоположности къ миѳологіи съ ея подвижностью и отсутствіемъ внѣшнихъ рамокъ. При отправленіи общественнаго культа нельзя было ни на одинъ волосокъ что либо измѣнить въ установленной жертвѣ, ни одного, хотя бы и совершенно непонятнаго, звука выбросить изъ текста изреченія, между тѣмъ, какъ въ изложеніи миѳологическихъ разсказовъ греческіе и римскіе поэты пользовались неограниченной свободой при обработкѣ и передѣлкѣ миѳовъ. При этомъ такіе люди, какъ Геродотъ, вполнѣ сознавали, что современные имъ миѳологическіе разсказы нисколько не вытекали изъ народныхъ вѣрованій и даже не соотвѣтствовали имъ, а были переложены въ наиболѣе любимую тогда форму тѣми поэтами, которые подразумѣвались подъ именемъ Гомера и Гезіода. Такимъ образомъ, то, что въ культѣ считалось бы преступленіемъ, достойнымъ смертной казни, въ изложеніи миѳовъ не только разрѣшалось, но даже поощрялось. Отсюда ясно, гдѣ мы должны искать сущность и основы народной религіи. Слѣдить за тѣмъ, какъ кто либо относится къ миѳическимъ сказаніямъ Овидія или Виргилія, не входило въ обязанности понтифекса; но онъ требовалъ соблюденія культа божества дома или рода, хотя бы его имя и не называлось ни въ одномъ миѳѣ; это составляло понятіе практической религіи.

Укажемъ еще одно недоразумѣніе, которое можетъ имѣть мѣсто при пониманіи и оцѣнкѣ миѳологіи. Мы склонны думать, что миѳологическая система, которая преподается въ нашихъ гимназіяхъ и женскихъ средне-

учебныхъ заведеніяхъ, была общимъ достояніемъ греческаго народа, и что содержаніе ея должно было имѣть для него такое же значеніе, какъ для насъ наше «вѣроученіе». И то, и другое невѣрно. Мысль о значеніи и необходимости вѣры свойственна спеціально христіанскому міровоззрѣнію. Христосъ принесъ искупительную жертву за всѣхъ людей; но каждый человѣкъ, чтобы получить отпущеніе своихъ грѣховъ и сдѣлаться участникомъ этого искупленія, долженъ, прежде всего, вѣрить въ Него; поэтому вѣра есть необходимый моментъ въ христіанскомъ міровоззрѣніи. Далеко не то мы видимъ въ язычествѣ. Очень сомнительно, чтобы понтифексъ требовалъ отъ римскаго отца семейства «вѣры» въ существованіе домашняго бога, — онъ требовалъ отъ него только исполненія установленнаго издревле культа; этимъ онъ объективно исполнялъ свою обязанность. Достовѣрно то, что для римскаго культа совершенно безразлично было— вѣрилъ-ли римлянинъ въ Аполлона, Деметру и Вакха, или въ Озириса и Сераписа, и вообще зналъ-ли онъ даже о существованіи ихъ.

Окончательная обработка миѳологическаго матеріала, на основаніи имѣющихся уже трудовъ древнихъ и новыхъ миѳологовъ и поэтовъ, для составленія полной миѳологической системы, потребуетъ еще долгаго времени и предварительныхъ трудовъ для приданія этому матеріалу связи и единства; до истеченія этого времени нельзя говорить о миѳологіи, какъ объ окончательно сведенной системѣ, заключающей миѳологическія представленія всѣхъ народовъ.

Многія, вошедшія въ эту систему сказанія были мѣстнаго происхожденья и имѣли лишь мѣстное значеніе; другія сдѣлались универсальными только потому, что само содержаніе ихъ проявлялось повсюду, какъ представленіе культа. Они могли начать складываться въ общую систему лишь съ расширеніемъ и учащеніемъ сношеній между народами, носителями отдѣльныхъ сказаній. Греческая миѳологія, блестящая и разнообразная, поразительно отличается отъ римской, однообразной и неподвижной. Подобно тому, и сама Грецiя, населенная множествомъ отдѣльныхъ независимыхъ племенъ, съ ихъ почти исключительно идеальнымъ единствомъ языка, искусства и обычаевъ, являлась поразительнымъ контрастомъ Риму, съ его матеріальнымъ единствомъ, не признававшему ничего на ряду съ собой, а лишь все подчинявшему себѣ. Грекъ, занимавшійся преимущественно торговлей, ѣздилъ въ сосѣднія страны, знакомился съ чужими народами, но не покорялъ ихъ себѣ, а только заимствовалъ у нихъ и приносилъ съ собой на родину разсказы о чужеземныхъ богахъ, мѣстные миѳы и сказанія. Между тѣмъ, римлянинъ вездѣ, гдѣ онъ ни появлялся, водворялъ свое господство и власть Юпитера; онъ оставлялъ подвластному народу его сказанія, но побѣжденные боги должны были слѣдовать за нимъ (иначе они могли бы мстить за свободу своей страны) въ Римъ, гдѣ ихъ ожидало весьма почетное, но незамѣтное существованіе.

Установить въ точности всѣ отдѣльные элементы, входящіе въ содержаніе миѳологіи, едва-ли возможно: для творцовъ миѳовъ, какими по преимуществу являлись поэты Гомеръ и Гезіодъ, но къ которымъ относятся Пиндаръ и трагики Овидій и Виргилій, не существовало никакихъ ограниченій въ выборѣ сюжета. Авторъ могъ приписать дѣйствія всякаго рода миѳическимъ героямъ и, такимъ образомъ, создать новый миѳъ. Но нѣкоторые виды

миѳовъ повторяются такъ часто, что мы разберемъ ихъ подробнѣе, тѣмъ болѣе, что мы можемъ прослѣдить тогда, какими различными путями человѣкъ доходилъ до созданія миѳовъ.

Важная группа миѳовъ содержитъ исторію самого культа даже въ индивидуализированной повѣствовательной формѣ, свойственной младенческому возрасту человѣчества. Народы, находящіеся на низшихъ ступеняхъ развитія, отчасти еще сознаютъ происхожденіе своихъ представленій о культѣ. Этимъ объясняется часто наблюдаемое въ Америкѣ отождествленіе божества съ первымъ человѣкомъ. Такъ въ Гаити важнѣйшій культъ пріурочивался къ пещерѣ, которая съ первобытныхъ временъ служила мѣстомъ погребенія; историческое сознаніе не шло далѣе этого факта. Такъ какъ духи предковъ, по мнѣнію гаитянина, всѣ имѣли свое мѣстопребываніе въ этой погребальной пещерѣ, то пока понятіе о божествѣ связывалось съ представленіемъ о духѣ предка, оно также должно было имѣть мѣстомъ своего обитанія эту пещеру. Но, какъ мы уже знаемъ, за этимъ чисто хтоническимъ представленіемъ божества возникаетъ повсюду болѣе высокое: опытъ показалъ человѣку, что божество проявляетъ себя въ дѣйствіяхъ и на землѣ, между людьми, и въ воздухѣ, на небѣ, и что оно, слѣдовательно, должно находиться тамъ. Если бы, однако, спросить гаитянина, который все еще отправлялъ культъ божества въ пещерѣ, откуда исходитъ божество, которое въ данную минуту гремитъ въ воздухѣ, то онъ долженъ былъ бы отвѣтить: оно изъ священной пещеры поднялось на воздухъ. Въ дѣйствительности, гаитянинъ въ своемъ представленіи о божествѣ не остановился и на этомъ. Быть можетъ, тутъ оказали вліяніе побѣдители-карайбы, но, какъ бы тамъ ни было, и здѣсь уже возвысились до уранизма и представляли себѣ древнематеринскій духъ пребывающимъ на лунѣ, а древнеотеческій—на солнцѣ. Что же долженъ былъ отвѣтить гаитянинъ на тотъ же вопросъ? Прежде, чѣмъ выслушать отвѣтъ его, слѣдуетъ принять въ соображеніе и припомнить слѣдующее: какъ только духъ вселился въ солнце, мы можемъ, съ нашей точки зрѣнія, назвать солнце фетишемъ его, а, какъ мы видѣли, въ такихъ случаяхъ названіе фетиша употребляется и для обозначенія пребывающаго въ немъ духа; индѣецъ, считающій фетишемъ духа своего предка ворона, называетъ просто ворона своимъ предкомъ, такъ же, какъ египтянинъ обозначаетъ именемъ Ра само солнце и бога солнца. Припомнимъ это, чтобы понять отвѣтъ гаитянина: «однажды солнце и луна вышли изъ священной пещеры». Слова эти вкратцѣ выражаютъ содержаніе древняго извѣстнаго миѳа этихъ островитянъ, которые еще показывали трещину въ сводѣ пещеры, откуда произошло это поднятіе.

Понимали ли гаитяне эту связь или нѣтъ, для насъ безразлично: въ сущности, миѳъ этотъ передаетъ исторію самого культа, а именно фактъ перехода отъ хтонизма къ уранизму. Переходъ естественно могъ совершиться черезъ промежуточную ступень животнаго фетиша; такъ, напримѣръ, Аммонъ сначала почитался въ образѣ барана, а затѣмъ солнца. Такимъ образомъ, исторія культа, относившагося сначала къ козѣ, а потомъ къ созвѣздію, могла найти себѣ выраженіе въ извѣстномъ греческомъ преданіи: коза Амальтея была перенесена на небо и сдѣлалась созвѣздіемъ. Читатель знаетъ, какъ часто повторяется этотъ типъ миѳа. Этотъ миѳъ выясняетъ

намъ сущность того, что̀ принято обозначать въ миѳологіи нѣсколько мистическимъ терминомъ «ирраціональное». Но вмѣстѣ съ тѣмъ понятно, что въ позднѣйшее время могъ потеряться ключъ къ пониманію этой формы выраженія. Человѣкъ, склонный къ мистицизму, даже намѣренно бросаетъ такой ключъ въ воду, и лишь одинъ изъ десяти остается недоволенъ объясненіемъ, которое упрощаетъ ходъ вещей. А здѣсь на помощь является поэтъ, который, передавая разсказъ, даетъ ему собственное толкованіе и такъ дѣло идетъ дальше.

И позднѣйшіе факты культа являются намъ въ этомъ своеобразномъ, но вполнѣ естественномъ пониманіи его исторіи. Часто и у многихъ народовъ встрѣчается разсказъ объ уничтоженіи или скорѣе объ искупленіи человѣческихъ жертвоприношеній. Подобные миѳы, относящіеся къ миѳамъ культа, можно было бы выдѣлить подъ именемъ «миѳовъ искупленія». Мы уже знаемъ, какимъ образомъ въ Мексикѣ было уничтожено принесеніе въ жертву дѣтей: къ дверным косякамъ привѣшивались листья съ человѣческой кровью для того, чтобы обходившая весь городъ богиня не входила въ дома жителей. Если бы пожелали объяснить, какимъ путемъ люди дошли до этого обычая, то придумали бы приблизительно такой разсказъ. Нѣкогда богиня ежегодно обходила всѣ дома города и, высасывая кровь у найденныхъ тамъ дѣтей, убивала ихъ. Въ одинъ изъ такихъ обходовъ ея кто-то взялъ человѣческую кровь и выставилъ за дверь своего дома; богиня, напившись, не вошла въ тотъ домъ, и дѣти остались живы. Тогда всѣ такъ стали дѣлать. Поэтъ, конечно, не удовлетворился бы этимъ кто-то; онъ назвалъ бы его какимъ-нибудь доисторическимъ именемъ и всему разсказу придалъ бы историческое толкованіе.

Такое преданіе сохранилось не въ Мексикѣ, а въ Римѣ Тамъ также существовало подобное явленіе изъ исторіи культа; преданіе о немъ, дѣйствительно, облечено въ форму вышеприведеннаго разсказа, который постепенно былъ связанъ съ нимъ. Въ Римѣ еще приносили въ жертву кровь и внутренности молодого вепря для «благоденствія дѣтей», и соблюденіе этого обычая поддерживалось смутнымъ преданіемъ, что въ противномъ случаѣ злые духи, «стриги» потребуютъ жизни ребенка. Кто, спрашивается, придумалъ эту благодѣтельную искупительную жертву? Отвѣтъ былъ готовъ. Богиня Карна считалась защитницей и покровительницей дѣтей. Кому же другому, какъ не ей, было изобрѣсти это средство для защиты ихъ? Такъ явился разсказъ: однажды Карна взяла молодого вепря и подала кровь и внутренность его стригѣ и пр. Этимъ былъ созданъ новый миѳъ.

Описываемый случай вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ возможность параллельнаго возникновенія нѣсколькихъ миѳовъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Лишь самый фактъ дается для миѳа исторіей, только онъ обязателенъ для поэта, но пріурочить его къ тому или другому лицу изъ области культа или историческихъ воспоминаній вполнѣ предоставлялось свободному выбору поэта. Примѣромъ послѣдняго можетъ служить римскій миѳъ о Брутѣ, пріуроченный къ вышеприведенному факту миѳа о Карнѣ. О Брутѣ въ народѣ сохранилось воспоминаніе, какъ о спасителѣ, благодѣтелѣ людей; онъ являлся, слѣдовательно, подходящимъ лицомъ, которому можно было приписать эту благодѣтельную заслугу, и, такимъ образомъ, сложился раз-

сказъ, будто злой Тарквиній требовалъ, чтобы по-прежнему приносили въ жертву дѣтей, но добрый Брутъ спасъ малютокъ отъ этой участи и освободилъ людей отъ такого варварства. Такъ въ области миѳа одинъ и тотъ же фактъ можетъ получить совершенно различное освѣщеніе и различное изложеніе.

Миѳовъ объ искупленіи вообще имѣется такъ много, что мы не можемъ вдаваться въ подробное разсмотрѣніе или даже перечисленіе ихъ; пусть читатель вспомнитъ сказаніе объ Ифигеніи, которая сначала, по повелѣнію бога, должна была быть принесена въ жертву, а потомъ, по его же повелѣнію, была замѣнена животнымъ,—и онъ увидитъ прототипъ всѣхъ такихъ миѳовъ.

Значеніе миѳовъ культа далеко не исчерпывается, однако, преданіемъ объ искупленіи, хотя это установленіе должно было оказать глубокое вліяніе на человѣка. Есть много такихъ установленій культа, которыя, благодаря его консерватизму, такъ далеко отстали отъ прогрессирующей жизни, что стали совершенно непонятны потомкамъ, которымъ нужно объяснять и даже оправдывать ихъ. Всѣ подобныя объясненія и оправданія излагаются въ принятой у древнихъ формѣ миѳологическихъ разсказовъ. Основное положеніе такихъ объясненій въ большинствѣ случаевъ очень простое: установленіе существуетъ, потому что оно полезно, и это соотношеніе объясняется примѣромъ. Образецъ такого объяснительнаго миѳа сохранила намъ исторія Ветхаго Завѣта, изложенная въ Библіи. Въ соотвѣтственномъ мѣстѣ мы выяснили отношеніе еврейскаго «обрѣзанія» къ родственнымъ формамъ культа; небольшой библейскій разсказъ объясняетъ намъ цѣль и пользу этого установленія. Циппора, жена Моисея, шла съ своимъ первенцомъ сыномъ изъ Мидіана въ страну евреевъ. На границѣ ей встрѣчается богъ страны—часто упоминаемое въ библіи явленіе, — и требуетъ жизни первенца. Циппора совершила надъ своимъ сыномъ обрѣзаніе и указала на кровь, пролитую при этомъ; тогда божество оставило мальчика въ живыхъ.

И сколько жертвенныхъ обычаевъ могли найти объясненіе въ подобныхъ миѳахъ! Разсужденіями о жертвахъ и ихъ происхожденіи занимались и индійскіе браманы, толкуя ихъ къ вящшему возвеличенію своего первостепеннаго значенія. Основываясь на положеніи, отвергнутомъ лишь буддизмомъ, будто жертвы предупреждаютъ ходъ вещей и, слѣдовательно, опредѣляютъ его, они постепенно пришли къ конечному выводу, что собственно жертва, разумѣется, лишь браманская жертва, двигаетъ міромъ,— болѣе того, что она то и привела міръ въ движеніе; отсюда уже само собой вытекало, что первая жертва равносильна акту творенія, а первый изобрѣтатель жертвы—создателю. Эта мысль и выражена въ нѣкоторыхъ браманскихъ миѳахъ, въ которыхъ разсказывается о первой величайшей жертвѣ, какъ моментѣ созданія всѣхъ существъ. Народъ съ такой необузданной фантазіей, какъ индійскій, доходилъ въ своемъ представленіи акта созданія до такихъ подробностей, что могъ въ точности указать, какимъ именно костямъ жертвы выпала на долю честь произвести на свѣтъ прародителей.

Объ охранительной силѣ жертвы и неограниченной, хотя и совершенно законной господствующей власти жрецовъ, мы также можемъ найти не

мало указаній въ соотвѣтствующихъ миѳахъ. Человѣчество, кромѣ касты жрецовъ, не было бы въ состояніи удержать землю въ ея неизмѣнномъ видѣ. Это подтверждаютъ намъ миѳы, повѣствуя о томъ, какъ земля уже не разъ намѣревалась низвергнуться въ глубину морскую, раздраженная дурнымъ хозяйничаньемъ мірянъ, что однажды она даже дѣйствительно низверглась въ бездну моря, и только одному жрецу, при помощи всевозможныхъ актовъ культа, удалось склонить ее подняться вновь. Всплывающая земля рисуется въ такихъ миѳахъ обыкновенно въ видѣ выступающаго изъ воды жертвенника, и бывшій господинъ и повелитель земли даруетъ ее въ совершенно истерзанномъ видѣ жрецу, который одинъ могъ ее спасти. Съ тѣхъ поръ все на землѣ по праву принадлежитъ жрецамъ.

Дѣйствительность, однако, далеко не подтверждаетъ этого исключительнаго права, и миѳъ рисуетъ новыя картины. Вызванная къ жизни жертвоприношеніемъ земля, конечно, принадлежала жрецамъ, но между тѣмъ, какъ они, по своему обычаю, въ типи и уединеніи проводили благочестиво дни свои, міряне, предоставленные самимъ себѣ, стали приходить въ столкновенія и обижать другъ друга; тогда жрецы увидѣли себя вынужденными вмѣшаться. Такъ, хотя люди и подчинились снова царской власти, жрецы все-таки стояли выше царей. Въ этомъ миѳѣ событія связываются съ различными полуисторическими именами.

Даже самый актъ жертвоприношенія облеченъ индусами въ миѳъ. Онъ окруженъ былъ въ глазахъ мірянина ореоломъ таинственности уже потому, что жертвоприношенія совершали исключительно жрецы; только жрецъ могъ обезпечить успѣшность жертвоприношенія при помощи необычныхъ, неизвѣстныхъ мірянамъ средствъ. По нѣкоторымъ собраннымъ въ Ведахъ изреченіямъ можно заключить, что индусы, предлагая божеству жертвенную чашу, думали, что она по заклинанію жреца невидимо возносится на небо къ божеству и оттуда съ новыми дарами и благословеніемъ возвращается обратно въ руки жрецу. Такое же представленіе логически должно было существовать и относительно жертвенныхъ животныхъ; отсюда исходитъ миѳъ, разсказывающій подробную исторію путешествія на небо козла, принесеннаго въ жертву. Очевидно, интересно было узнать, какъ козелъ этотъ, чтобы добраться до божества, проходитъ черезъ всѣ небесныя пространства и что онъ тамъ видитъ и встрѣчаетъ. Облеченныя въ повѣствовательную форму, представленія эти становятся миѳами.

Другой и весьма благодарной областью для созданія миѳовъ, является фетишизмъ, особенно, когда первоначальная сущность его представленій стала непонятна народу, а такой моментъ рано или поздно долженъ былъ наступить, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ болѣе древнимъ фетишамъ. У народовъ энергичныхъ съ завоевательными стремленіями, преимущественное господство получилъ уранизмъ, и они смотрѣли на племена, остававшіяся при почитаніи животныхъ, деревьевъ и камней, какъ на низшія существа, и вѣру въ такихъ фетишей считали простымъ, грубымъ суевѣріемъ. Они забывали, что и сами прошли эту стадію культа, и сохранившіеся у нихъ остатки этого послѣдняго объясняли не какъ переживанія его, а какъ совершенно самостоятельныя установленія, не имѣющія ничего общаго съ нимъ.

По всей земной поверхности разсѣяны въ большомъ количествѣ простые древніе фетиши въ формѣ поставленныхъ или даже обыкновенныхъ камней. Въ нихъ живетъ, по древнему представленію, душа героя или даже бога; такой камень носитъ имя живущаго въ немъ духа. Лишь въ новѣйшее время могъ возникнуть вопросъ, какимъ образомъ камень получилъ это имя, какъ могли отождествить его съ божествомъ или героемъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ миѳы, въ которыхъ жизнеописаніе героя заключается словами: наконецъ, онъ пришелъ туда то и туда то и «обратился въ камень». И камень этотъ все еще лежитъ на томъ же мѣстѣ.

Такіе вопросы, какъ, напр., какъ можно было сказать, что лавровое дерево есть нимфа? они также передѣлали на классическій ладъ, какъ нимфа стала лавровымъ деревомъ? Этимъ отвѣтъ на половину предрѣшенъ. Разсказчику уже не трудно будетъ придумать какія-нибудь объясняющія обстоятельства. Поэтическое своеобразное содержаніе «метаморфозъ» Овидія почти во всемъ объемѣ своемъ, за немногими исключеніями, исходитъ изъ этого основного вопроса: какимъ образомъ тотъ или другой предметъ или животное получили человѣческое имя и были отождествлены съ носителемъ этого имени.

Легко понять, что поэтическое творчество не придерживалось какого либо одного шаблона; не всѣ фетишистскіе миѳы построены по типу «метаморфозъ». Въ Римѣ уже въ позднѣйшія времена сохранялся каменный фетишъ Юпитера, «Юпитеръ — камень» (Jupiter — lapis), такъ же какъ и въ Дельфахъ существовалъ весьма древній «Зевсъ — камень», который, быть можетъ, по издревле сохранившемуся обычаю отличія фетишей, былъ обернутъ въ ткань. Хотя тутъ самое имя указывало на близкое соотношеніе между этимъ камнемъ и Зевсомъ, тѣмъ не менѣе, въ новѣйшее время представленіе о фетишистическомъ значеніи этого камня было совершенно утрачено; и въ блестящихъ Дельфахъ сочли бы невѣроятнымъ, чтобы когда-либо могли поклоняться, какъ божеству, такому невзрачному предмету. Соотношеніе между камнемъ и его названіемъ нашло болѣе подходящее для того времени объясненіе. Зевсъ—камень никогда не былъ настоящимъ Зевсомъ: это былъ поддѣльный Зевсъ. Зевсу угрожала опасность быть проглоченнымъ Кроносомъ. Чтобы спасти Зевса отъ гибели, взяли камень, обернули его въ пеленки и подали вмѣсто Зевса обманутому Кроносу. Отсюда и явился Зевсъ-камень.

Начало римской миѳологіи можно безъ особой натяжки связать съ культомъ первобытныхъ племенъ, жившихъ на мѣстѣ Рима до его основанія. Божества ихъ Acca Larentia, мать Ларъ и Dea Dia перешли къ римлянамъ въ образѣ женскаго фетиша—волчицы. Волкъ вообще, какъ въ Италіи, такъ и въ Греціи, наиболѣе распространенный фетишъ. И миѳъ пріурочиваетъ здѣсь совершенно различный матеріалъ къ одному и тому же представленію; оно въ дѣйствительности выражаетъ фактъ, что племя, предшествовавшее римскому народу и представлявшее союзъ мира и общаго культа изъ двѣнадцати семей, вначалѣ подверглось нападенію пясмени, представителемъ котораго является Ромулъ, а потомъ окончательно покорено было позднѣйшими римлянами.

Въ первыя времена одинаково понятно было, когда разсказывалось о «волчицѣ» или о «матери—ларъ»; тогда еще хорошо знали, что «волчица»

относилась къ «матери—лару», т. е. домашнему духу, какъ тѣло человѣка къ его душѣ. Но въ позднѣйшее время,—а римляне стали записывать сказанія много времени спустя послѣ ихъ возникновенія,—связь между обоими представленіями совершенно утратилась, и они стали двумя вполнѣ отдѣльными понятіями; такимъ образомъ, одинъ и тотъ же миѳъ разсматривался, какъ два совершенно отдѣльныхъ миѳа, а затѣмъ, путемъ новыхъ толкованій, образовалось даже нѣсколько миѳовъ.

Одинъ миѳъ разсказываетъ, что Acca Larentia была матерью двѣнадцати сыновей, съ которыми она, по семейному обычаю, устраивала ежегодно праздничное пиршество. Случилось, что одинъ изъ сыновей умеръ; тогда мать взяла къ себѣ Ромула вмѣсто сына, и съ этихъ поръ онъ также сталъ участвовать въ торжественномъ пиршествѣ. Если читатель припомнитъ все, что̀ мы говорили выше по этому предмету, ему не покажется рискованнымъ опредѣленіе, что каждый, приносящій жертву материнскому божеству, можетъ считаться его сыномъ. Въ такомъ случаѣ этотъ миѳъ, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ, что разсказчику былъ извѣстенъ слѣдующій фактъ: племя, представителемъ котораго являлся Ромулъ, не состояло ни въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ къ мирному союзу, съ его общимъ культомъ Acca Larentia; чуждое этому союзу, племя это, тѣмъ не менѣе, было принято имъ въ свою среду.

Другой миѳъ рисуетъ намъ божество,—уже и въ первомъ миѳѣ являющееся матерью людей, — еще болѣе человѣкообразнымъ, но, въ общемъ, отмѣчаетъ тотъ же самый фактъ: Ромулъ и Ремъ — не сыновья Acca, но,—что̀ часто встрѣчается въ подобнаго рода сказаніяхъ—они являются подкидышами-найденышами, которыхъ принесли Acca, и она ихъ вскормила, ставъ, такимъ образомъ, пріемной матерью ихъ.

Наконецъ, третій миѳъ, также близко связанный со вторымъ, отличается отъ него лишь тѣмъ, что онъ вводитъ имя фетиша, вмѣсто имени божества; послѣднее, впрочемъ, имѣло значеніе нарицательнаго имени. Ромулъ и Ремъ были чужими среди древнѣйшихъ племенъ Лаціума; они попали къ нимъ, какъ подкидыши, но «волчица» нашла ихъ и вскормила, замѣнивъ имъ мать.

Какъ мало, однако, римляне, добросовѣстнѣйшимъ образомъ соблюдавшіе издревле установленныя формы культа забытой богини, склонны или способны были сохранять свои преданія въ первоначальной формѣ, это доказывается все бо́льшимъ и бо́льшимъ искаженіемъ единственнаго логически допустимаго факта въ позднѣйшихъ миѳахъ. Исторически достовѣрнымъ фактомъ является паденіе доримскаго союза мира, и замѣна его новымъ римскимъ союзомъ, который, подчинивъ себѣ первый, завладѣлъ и храмовыми имуществами его и за то сталъ отправлять и связанный съ нимъ культъ. Такъ какъ «lupa» по-латыни значитъ «волчица», то миѳъ могъ кратко выразить сущность этихъ фактовъ словами: «волчица» сдѣлала римское государство наслѣдникомъ своего имущества. Но этотъ оборотъ уже выражалъ собой нѣчто до того невѣроятное для позднѣйшихъ поколѣній, что они совершенно перестали его понимать. Что волчица вскормила своимъ молокомъ двухъ младенцевъ, вмѣсто того, чтобы пожрать ихъ—это уже являлось достаточнымъ чудомъ, но такое знаменательное явленіе, какъ возникновеніе великаго римскаго госу-

дарства, и должно было сопровождаться чудесами,—а это былъ такой поэтическій, подходящій для колыбели Рима чудесный случай. Въ Римѣ еще долго сохранялось изображеніе той волчицы, хотя оно и не служило больше предметомъ культа, какъ это было нѣкогда; но оно все-таки оставалось священнымъ воспоминаніемъ, и разсказу этому вѣрили.

Но чтобы волчица при этомъ владѣла храмовыми землями и могла даже сдѣлать завѣщаніе, — этому больше не могли вѣрить! И тутъ мы встрѣчаемъ новые миѳы, которые строитъ раціонализмъ на мѣстѣ разрушаемыхъ имъ миѳовъ. Съ теченіемъ времени слово lupa стало употребляться не только въ первоначальномъ своемъ значеніи «волчицы», но и для обозначенія «публичной женщины», и тогда люди, старавшіеся растолковать этотъ миѳъ, исходили изъ второго значенія слова lupa. Вѣдь, публичная женщина можетъ иногда пріобрѣсти большія богатства, а также, если пожелаетъ, предложить ихъ потомъ государству съ условіемъ обратить ихъ на спасеніе ея души. И миѳъ этотъ получилъ, наконецъ, такое толкованіе: Acca Larentia—ужъ, вѣрно, не та старая, первобытная — была очень красивая публичная женщина, которая, наконецъ, завлекла одного богатаго пожилого человѣка и полученныя отъ него несмѣтныя богатства, завѣщала передъ смертью государству. Чтобы римляне проявили въ этомъ миѳѣ особенно широкій полетъ фантазіи—этого далеко нельзя сказать.

Но мы отклонились въ сторону. Къ фетишистическимъ миѳамъ относится особая разновидность ихъ, которую-бы можно назвать тотемными миѳами; впрочемъ, точнаго разграниченія между тѣми и другими провести нельзя. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда высшимъ божествомъ культа на самомъ дѣлѣ считалось семейное божество предводителя или властителя и фетишемъ его служило животное, то въ глазахъ чужаго народа это животное являлось какъ-бы знакомъ всего племени, тотемомъ его. Такъ арійцы, явившись въ Индію, стали называть туземныя племена мѣстнымъ фетишемъ—змѣей, какъ тотемомъ ихъ; они всѣ представлялись имъ змѣиными народами, и свои сраженія съ ними они обозначали, какъ сраженія со змѣями и змѣиными царями. Индійскіе завоеватели иногда даже умирали отъ «укушеній змѣинаго царя».

Точно такъ же и въ греческомъ миѳѣ передается разсказъ о появленіи въ Элладѣ козлинаго народа, который дѣлалъ набѣги на берега Эгейскаго моря, названнаго по его имени. Въ обозначеніи этого племени тѣмъ болѣе слѣдуетъ видѣть тотемъ, что коза, какъ фетишъ и богъ съ козлиными ногами, нерѣдко встрѣчается въ Элладѣ. Но другая форма миѳа придерживается предпочтительно этого образа и рисуетъ намъ эти набѣги, какъ опустошительное нашествіе фантастически изображеннаго чудовища Эгиды, которую нѣкогда покорило Аѳинское государство, представленное опять-таки богиней Палладой—Аѳиной. Этотъ народъ дѣйствительно долженъ былъ слиться съ другими племенами Аттики.

Тотемъ въ миѳѣ не всегда обозначаетъ цѣлый народъ; иногда онъ представляетъ собой предводителя народа, какъ это на самомъ дѣлѣ наблюдалось въ египетскихъ войскахъ, во главѣ которыхъ выступали божества въ образѣ животныхъ фетишей, и что доказывается также сохранившимся до сихъ поръ выраженіемъ, будто «орлы летѣли впереди римскихъ легіоновъ». Въ Италіи

предводителями переселявшихся племенъ являлись не только волки, но и дятлы. Змѣя, какъ наиболѣе распространенный нѣкогда фетишъ, также всего чаще является предводительницей переселенцевъ. Во многихъ сказаніяхъ говорится: тамъ, гдѣ легла змѣя, построили алтарь для новой общины.

Совершенно новый циклъ миѳологическихъ представленій, послужившихъ темой для миѳологическаго творчества, открывается съ преобладаніемъ уранических ъ фетишей. И въ томъ, что представителемъ женскихъ и материнскихъ божествъ является тогда земля, а фетишемъ отеческихъ, нарождающихся съ развитіемъ отцовскаго права божествъ—небо, мы видимъ не одно только символическое изображеніе, а вполнѣ реальную, соотвѣтствующую исторіи культа послѣдовательность. Какъ только эти заимствованныя изъ дѣйствительности представленія получили выраженіе въ миѳологіи, они послужили плодотворной основой для умозрѣнія, колебавшагося между религіознымъ и физическимъ толкованіемъ. Такъ, позднѣйшая миѳологія пришла къ выводу, что земля и небо представляютъ собой супружескую чету; слѣдовательно, всѣ вещи, вѣроятно, ихъ дѣти. Мысли эти не вытевали изъ религіознаго сознанія, связаннаго съ культомъ, и даже были чужды имъ, но, какъ новый путь для миѳологическаго творчества, онѣ оказались въ высшей степени плодотворными.

Связь небесныхъ свѣтилъ съ понятіями о божествѣ могло привести къ цѣлой системѣ представленій о нихъ, то поэтически-образныхъ, каковы басни грековъ и ихъ римскихъ подражателей, которыя они разсказывали о поѣздкахъ бога солнца, Фаэтона, то въ формѣ ученія, основаннаго на строгихъ вычисленіяхъ, которое получило свое развитіе у египтянъ и халдеевъ, то, наконецъ, въ формѣ болѣе новаго раціоналистическаго ученія, явившагося въ Индіи и въ Римѣ позднѣйшихъ временъ.

Движеніе солнца, луны и планетъ черезъ «дома» неба, созвѣздія, названныя такъ вслѣдствіе часто связывавшагося съ ними представленія о животномъ фетишѣ послужило одинаково благодарнымъ матеріаломъ какъ для романтическихъ представленій, такъ и для календарныхъ опредѣленій и астрологическихъ комбинацій. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе миѳическіе элементы получили начало отсюда, но было-бы ошибочно думать, что все миѳологическое или даже религіозное мышленіе древнихъ было направлено исключительно только на солнце и утреннюю зарю, на вѣтеръ и грозу. Если-бы религія древнихъ была исключительно только извѣстнымъ отраженіемъ астрономическихъ явленій въ душѣ первобытнаго человѣка, тогда народныя массы имѣли-бы очень смутныя представленія о религіи, что̀ далеко не согласуется съ громадными тратами древнихъ народовъ на предметъ культа.

Стремленіе придать физическое толкованіе представленіямъ культа является скорѣе признакомъ того, что они устарѣли и перестали быть понятными народу. Древніе, дѣйствительно, думали, что жрецы Эскулапа вылечиваютъ больныхъ при помощи этого бога, и что это семейное божество, какъ духъ предка этой касты жрецовъ, представляло собой фактически существующую, индивидуальную духовную личность. Лишь позднѣйшія поколѣнія, побуждаемыя сомнѣніемъ, стали искать другого объясненія этимъ фактамъ, и Павзанію кажется не совсѣмъ невѣроятнымъ откровенно высказанное ему кѣмъ-то предположеніе, что Эскулапъ собственно представляетъ собой воз-

духъ, такъ какъ воздухъ и дѣлаетъ человѣка здоровымъ. Въ Индіи и въ другихъ мѣстахъ древніе твердо вѣрили, что принесенную жертву божество беретъ къ себѣ, и что если жертва угодна ему, оно, по молитвѣ людей, посылаетъ имъ дождь въ награду. Но позднѣйшіе жрецы толковали это такъ: дымъ отъ жертвы—какъ будто приносились однѣ только жертвы всесожженія!—возносится къ солнцу и возвращается на землю въ видѣ дождя. И въ эпоху, когда старыя религіозныя понятія стали совершенно разлагаться, пытались найти объясненіе ихъ въ миѳологическихъ представленіяхъ о природѣ,—такія попытки дѣлались и въ наше время,—и, такимъ образомъ, замѣнить религію древнихъ временъ нагроможденіемъ сказокъ о природѣ на золотую колесницу миѳологіи, и этимъ путемъ дать намъ представленіе о религіи первобытныхъ временъ, совершенно чуждое ей.

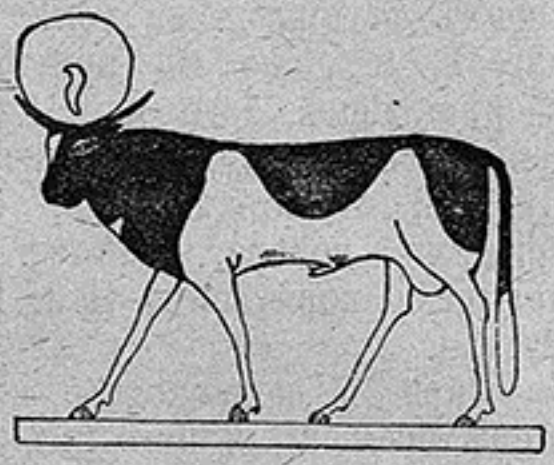
Другой часто встрѣчающійся типъ фетишистическаго миѳа возникаетъ путемъ перенесенія, характера и поступковъ фетиша въ представленіе о самомъ божествѣ. Для созданія пластическаго образа божества необходимо было прибѣгнуть къ такому пріему. Но искусство это у различныхъ народовъ получило различное направленіе, въ зависимости отъ развитія вкуса и художественнаго такта каждаго изъ нихъ.

Народы съ мало развитымъ художественнымъ чутьемъ, преслѣдуя исключительно цѣль культа, создавали болѣе или менѣе безвкусные грубые символы, причемъ у всѣхъ изъ нихъ проявлялась склонность сдѣлать человѣческій образъ настоящимъ носителемъ представленія божества, а знаки фетиша прибавлялись только для обозначенія свойствъ его. Они являлись только придаточными свойствами, или просто эмблемами. Въ какой именно формѣ придавались эти эмблемы основному образу,—это служитъ для насъ мѣриломъ степени развитія художественнаго вкуса у даннаго народа.

Въ одномъ перуанскомъ миѳѣ разсказывается, что «сыновей солнца» представляли себѣ въ видѣ человѣческихъ тѣлъ съ блестящимъ солнечнымъ диском вмѣсто лица. Вѣроятно, такой видъ имѣли изображенія въ храмѣ Куцко. Изображенія египтянъ, въ сущности, были такого же характера; египтянинъ не останавливался передъ безобразіемъ такого сочетанія, если оно отвѣчало сущности его представленія: мы не должны забывать, что его изображенія боговъ были для него преимущественно предметами культа, а не предметами искусства. Въ Египтѣ фетишами являлись не только живыя животныя, каковы Аписъ, крокодилъ, кошка и т. п., но и изображенія животныхъ фетишей, какъ, напр., весьма часто встрѣчающееся изображеніе шакала, которое, подобно римскимъ орламъ и нашимъ знаменамъ, носили на древкахъ. Боговъ, связанныхъ съ именемъ, египтянинъ изображалъ преимущественно въ видѣ человѣка, но, подобно перуанцу, съ головой соотвѣтственнаго животнаго фетиша.

Если такое божество переселялось въ небесный фетишъ, то надъ головой животнаго фетиша изображался еще знакъ зодіака. Извѣстенъ также памятникъ, который можно разсматривать, какъ изображеніе божества вообще, представляющій собою соединенное изображеніе, безъ связи съ человѣческимъ тѣломъ, змѣи, крыльевъ перепелятника и солнечнаго диска—трехъ наиболѣе распространенныхъ фетишей (см. рис. стр. 432).

Даже греческому искусству древнѣйшихъ временъ не чужды были такого рода произведенія, основанныя исключительно на представленіи о культѣ и созданныя для удовлетворенія лишь потребности культа. Но постепенно изображенія боговъ стали появляться въ такой совершенной формѣ, что художественная идея взяла верхъ надъ внутреннимъ содержаніемъ культа. Подобно тому, какъ въ египетскомъ Бубастѣ кошки считались «священными» и неприкосновенными, потому что мѣстное божество Бастъ имѣло своимъ фетишемъ кошку и изображалось съ головой кошки, — такъ и въ Аѳинахъ, гдѣ предметомъ такого почитанія и охраненія была сова, эта птица должна была считаться фетишемъ мѣстнаго божества, на что есть другія и указанія; однако, ни одинъ греческій художникъ позднѣйшей эпохи не позволилъ бы себѣ нарушить идеальную красоту Аѳины-Паллады, изобразивъ ее съ головой совы. Священная птица могла еще служить украшеніемъ шлема, или какъ «символъ» склоняться къ ногамъ богини; такимъ образомъ, художникъ давалъ новую пищу творцамъ миѳовъ для объясненія этого символа.

Аписъ. (Изъ Ebers, Aegypten, Bd. 1).

Проявленіе фетишистическихъ представленій въ миѳахъ послѣдняго рода не такъ замѣтно, какъ въ области пластики, но кое-гдѣ слѣды фетишизма въ нихъ все-таки проглядываютъ, и въ какой степени опъ обусловливаетъ собой содержаніе до сихъ поръ еще не разъясненныхъ миѳовъ, трудно, конечно, опредѣлить. Какъ типъ такого рода миѳовъ, можно привести слѣдующій индійскій миѳъ. Агни, индійскій богъ, считается духомъ фетиша огненнаго пламени,—родъ фетишизма, который связываетъ культъ арійцевъ въ Индіи съ культомъ древнихъ персовъ, а послѣдній—съ культомъ номадовъ внутренней и средней Азіи. Индійцы, какъ и всѣ въ древности, добывали огонь путемъ тренія двухъ кусковъ дерева другъ о друга, пока они воспламенятся. И тогда свѣтъ пламени разливался вокругъ. Стоитъ только отождествить, по обычному способу выраженія, самый духъ съ названіемъ его фетиша, чтобы получить миѳъ, который дѣйствительно разсказывается въ гимнахъ. Агни есть дитя родителей—кусковъ дерева — не имѣющихъ груди; едва родившись, мальчикъ пожираетъ родителей и разноситъ далеко по странѣ вѣсть объ этомъ. Безъ отношенія къ факту добыванія огня, такой разсказъ можетъ показаться достаточно чудеснымъ, чтобы послужить темой для какого-нибудь поэтическаго произведенія, въ которомъ первоначальное значеніе его совершенно утрачено.

Анубисъ (тамъ-же).

Укажемъ еще нѣкоторыя заслуживающія особеннаго вниманія группы

мѳовъ. Еще въ историческія времена четыремъ корпусамъ египетской боевой арміи не только присвоено было имя четырехъ главныхъ боговъ, бывшихъ нѣкогда верховными властителями Египта, но они продолжали по-прежнему считаться предводителями этихъ полковъ. Они появлялись въ своихъ фетишахъ на полѣ сраженія, имѣли свои переносные храмы въ лагерѣ, и даже въ критическихъ случаяхъ къ нимъ обращались за разрѣшеніемъ того или другого вопроса, подобно тому, какъ Давидъ, собираясь въ походъ, спрашивалъ своего оракула: выступать-ли мнѣ? Буду-ли я побѣдителемъ? Вернусь-ли я? Они являлись дѣйствительными вождями войска. Такимъ образомъ, египетская армія состояла изъ четырехъ корпусовъ—Пта, Ра, Аммона и наполовину чужеземнаго корпуса Сутеха.

Цари и полководцы послѣдовательно смѣняли другъ друга съ теченіемъ времени, и не одинъ изъ нихъ былъ забытъ прежде, чѣмъ имя его доходило до сосѣдей. Но божественные вожди оставались по-прежнему одни и тѣ же. Едва-ли сосѣдніе народы въ своихъ военныхъ разсказахъ и сообщеніяхъ приводили подробное перечисленіе количества войскъ во главѣ съ полководцемъ. А подъ властью царя Б? Они, что гораздо

Окрыленное Солнце.

вѣроятнѣе, говорили просто обо всей военной силѣ, какъ объ арміи Аммона и арміи Сутеха, и о тѣхъ временахъ, когда оба выступали другъ противъ друга, какъ враги и противники. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывается вообще въ древнѣйшей исторіи и въ сказаніяхъ.

Ничто такъ ясно не опредѣляетъ племя, дружину, отрядъ викинга, какъ имя и знакъ предводительствующаго божества: корабельный знакъ и знамя представляютъ остатки прежняго фетиша, получившаго значеніе соотвѣтственно позднѣйшему представленію; этимъ объясняется также, почему на такихъ знакахъ обыкновенно изображаются змѣи, драконы и хищные звѣри. Это все еще тѣ боги, которые, по древнѣйшему представленію, вели войны; и евреи также вели «войны Іеговы», а гусситы развѣ не были «воинами Бога?» И даже въ позднѣйшее время въ Греціи это было больше, чѣмъ лишь извѣстный способъ выраженія: боги не только руководили войной своими совѣтами, но и вели ихъ на свой счетъ, открывъ для этого свои сокровищницы.

При существованіи такого рода представленій неизбѣжно должна была проникнуть въ миѳъ исторія народовъ и племенъ и судьбы ихъ, особенно исторія ихъ побѣдъ и завоеваній. Это было тѣмъ болѣе неизбѣжно, что и самый культъ подъ вліяніемъ такихъ событій существеннымъ образомъ измѣнился. И въ Греціи также повсюду наиболѣе древнимъ культомъ является культъ матери-земли, а наиболѣе древними фетишами — змѣи. Послѣдніе, какъ и въ Индіи, принадлежатъ тѣмъ народамъ, которыхъ мы,

по отношенію къ позднѣйшимъ завоевателямъ, можемъ назвать коренными народами или аборигенами. И если такой позднѣйшій народъ завоевывалъ подъ предводительствомъ бога, носящаго имя Аполлона, какую либо мѣстность, то къ прежде существовавшему мѣстному культу необходимо прибавлялся культъ Аполлона, — и это служило неизбѣжнымъ поводомъ для разсказовъ, знаменующихъ собой моментъ перемѣны объектовъ культа.

Этотъ родъ миѳовъ является для насъ менѣе понятнымъ лишь потому, что къ нимъ почти повсюду примѣшивается фетишистическій миѳъ, затемняющій ихъ смыслъ. О змѣиныхъ битвахъ древней Индіи было уже упомянуто выше. Въ нихъ, безъ сомнѣнія, повѣствуется о покореніи и истребленіи арійцами первобытнаго населенія Индіи. Они содержатъ даже свидѣтельства о союзахъ. Не разъ упоминается въ этихъ разсказахъ о томъ, какъ люди уже готовы были сжечь всѣхъ «змѣй» въ лѣсу, но при этомъ каждый разъ тотъ или другой арійскій богъ спасалъ какую-либо изъ змѣй отъ гибели.

Арійскій богъ Вишну представляется въ образѣ фетиша — ястреба Гаруда; эта птица его носитъ по воздуху, являясь его «повозкой», а въ позднѣйшемъ смыслѣ—«эмблемой». Вишну — божественный предводитель явившагося лишь въ позднѣйшее время завоевательнаго племени; осѣвшія здѣсь болѣе древнія чужеземныя племена находились подъ властью Индры. Между обѣими группами не всегда царитъ міръ и согласіе; равнымъ образомъ они не всегда дѣйствуютъ сообща противъ туземнаго населенія; напротивъ, то та, то другая сторона попеременно вступаетъ во временный союзъ съ нимъ. Но Гаруда былъ нѣкогда самостоятельнымъ богомъ; впослѣдствіи онъ сдѣлался подвластнымъ Вишну. Поэма Магабгарата содержитъ объ этомъ слѣдующій миѳъ. Возница Индры, аріецъ Мантали, выбралъ себѣ въ зятья внука «змѣинаго бога» Сумукту. Но ястребъ Гаруда имѣлъ намѣреніе «пожрать» этого Сумукту—змѣю, тогда Мантали сталъ искать защиты для него у Индры, и онъ обѣщалъ Сумуктѣ долгую жизнь. Тутъ Гаруда является къ Индрѣ и доказываетъ ему, что при такомъ несогласномъ образѣ дѣйствія они оба могутъ лишиться власти. Чтобы предупредить эту опасность въ будущемъ, онъ предлагаетъ себя въ его распоряженіе, хочетъ служить ему и обѣщаетъ болѣе не заботиться о его соперникѣ Вишну. Но объ этомъ узнаетъ Вишну, приближается къ Гарудѣ, кладетъ лѣвую руку на него, и тотъ безъ чувствъ падаетъ на землю. Съ тѣхъ поръ онъ безусловно призналъ надъ собой власть Вишну и сталъ его союзникомъ.

Горъ (По Шампольону).

Подобныя же сказанія о змѣяхъ разсказывались и въ Греціи. Дельфы для первобытнаго населенія Греціи служили мѣстомъ хтоническаго культа. Еще съ той древней эпохи сохранилась старая погребальная пещера, равно какъ и женская жрица женскаго божества, которая продолжала быть посредницей оракула; жрецы Аполлона были только властителями этого мѣста. О

томъ же разсказываютъ еще слѣдующій миѳъ. Аполлонъ однажды оставилъ «страну у Олимпа», чтобы найти мѣсто для себя и для оракула. Онъ отправился черезъ Македонію и Ѳессалію въ Эвбею, оттуда—въ Беотію и, наконецъ, по долинѣ Кефисса вернулся въ Криссу. Въ той долинѣ жили флегійцы, «которые не заботились о Зевсѣ». Но у мѣстнаго источника лежалъ драконъ Пиѳонъ. Аполлонъ убилъ дракона, чтобъ на этомъ мѣстѣ основать для себя святилище.

Это не первый примѣръ перехода владѣній отъ одного обладателя къ другому, и не послѣдній, согласно указанію миѳа. Въ сказаніи о дельфійскомъ храмѣ разсказывается, что мѣсто оракула принадлежало первоначально богинѣ Геѣ, матери-землѣ, затѣмъ Ѳемидѣ; впослѣдствіи Посейдонъ получилъ долю участія во владѣніи, но онъ отдалъ свою часть Аполлону въ обмѣнъ на полуостровъ Калаврію. Позднѣе къ Аполлону приплыли изъ-за моря критскіе мужи; имъ, вѣроятно, принадлежалъ Зевсъ-камень, которымъ онъ мирно встрѣтилъ ихъ и сдѣлалъ стражами своего святилища, а они, признавъ его мѣстнымъ дельфійскимъ богомъ, воздвигли ему, какъ «братскому» союзнику, алтарь рядомъ съ алтаремъ своего Зевса. Такимъ образомъ, дорійское племя,—а это доказывается тѣмъ, что предводителемъ ихъ былъ Аполлонъ,—уничтожаетъ первобытное мѣстное населеніе, «убиваетъ дракона», но вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ мирный договоръ съ однимъ родственнымъ народцемъ и вступаетъ съ нимъ въ братскій союзъ. Отсюда Аполлонъ именуется пиѳійскимъ и дельфійскимъ. Быть можетъ, уже въ позднѣйшее время, путемъ аналогіи съ безчисленными фетишистическими миѳами, стали и этому послѣднему названію Аполлона придавать фетишистическое толкованіе,—такъ, разсказывали, что, когда Аполлонъ увидѣлъ приближающееся критское судно, онъ обратился въ дельфина и привелъ его къ берегу.

Въ до-эллинскую эпоху въ Греціи также господствовали «змѣи», какъ и въ Индіи, до завоеванія ея арійцами; они даже владѣли Олимпомъ, который, по Гомеру, является мѣстопребываніемъ позднѣйшихъ боговъ. Въ одномъ миѳѣ разсказывается, что здѣсь нѣкогда, до временъ Кроноса, господствовалъ Офіонъ, змѣиный богъ, и что только Кроносъ, побѣдивъ его въ борьбѣ, заставилъ его бѣжать оттуда. Наименованія змѣй Офисъ и Офіонъ всегда являются свидѣтельствомъ того, что сказаніе касается сѣдой старины первобытныхъ временъ. Такъ, на островѣ Саламинѣ древнѣйшимъ первобытнымъ властителемъ считалась змѣя, извѣстная подъ именемъ Офисъ. Первобытные туземные жители Кекропсъ и Эрехтей имѣли змѣиныя тѣла; Кадмъ и Гармонія, какъ повѣствуетъ миѳъ, родились змѣями. Наконецъ, гиганты, которые въ великой борьбѣ старыхъ и новыхъ боговъ стояли за первыхъ, являясь, такимъ образомъ, чисто хтоническимъ племенемъ, имѣли змѣиныя тѣла и предводитель ихъ носитъ имя Офіона.

Подобное же объясненіе приложимо и къ миѳу о распрѣ между Аѳиной и Посейдономъ, какъ о борьбѣ, происходившей изъ-за первенства въ Аттикѣ между двумя народцами, изъ которыхъ первый (Аѳина) занимался разведеніемъ оливокъ, а второй (Посейдонъ) разведеніемъ лошадей. Но очень вѣроятно, что даже большое число извѣстнѣйшихъ героическихъ миѳовъ можно отнести къ группѣ подобныхъ историческихъ миѳовъ. Борьба позднѣйшихъ организацій съ кореннымъ населеніемъ и является настоящимъ

содержаніемъ такъ называемаго «героическаго періода». Но борьба эта преимущественно направлена противъ народовъ, которые еще отличаются совершеннымъ отсутствіемъ организаціи или слабой организаціей въ видѣ материнскаго права, и у которыхъ господствующей формой культа является животный фетишизмъ. Не удивительно, слѣдовательно, если и въ миѳѣ эта борьба ознаменована такими же признаками. Повсюду, гдѣ происходили подобныя столкновенія, является индивидуализированный носитель этой борьбы и особый представитель этой воинственной эпохи. Всѣхъ этихъ отдѣльныхъ представителей миѳъ соединилъ въ одномъ образѣ Геркулеса, но фактическій ходъ событій онъ все-таки сохранилъ, а потому одинъ Геркулесъ долженъ являться дѣйствующимъ лицомъ повсюду, гдѣ происходили геркулесовскіе подвиги.

Выдающейся чертой этого героя является его ненависть къ женщинамъ; согласно миѳу, это—«мизогинъ», который стремился освободить весь міръ отъ будто-бы столь угнетающаго «господства женщинъ». Приписываемые ему боевые подвиги и «труды», безъ сомнѣнія, касаются и другихъ сторонъ жизни, но такіе подвиги его, какъ сраженіе съ быкомъ, со львомъ, съ кабаномъ, съ птицами и въ особенности съ многоголовой гидрой, у которой вмѣсто отрубленной головы выростала новая, очевидно, относятся къ борьбѣ съ коренными народами, обозначенными этими животными, соотвѣтственно характеру ихъ культа. Особенно характернымъ является изображеніе многоголовой гидры, обозначающей неорганизованныя полчища, которыя именно вслѣдствіе своей неорганизованности,—безъ общаго представителя и главы организаціи, — кажутся непобѣдимыми. Сюда можно отнести и миѳы о Тезеѣ.

Напротивъ того, циклъ миѳовъ о Діонисѣ, Вакхѣ, Деметрѣ только частью относится сюда; главнымъ образомъ эти миѳы касаются культа, изображая освобожденіе человѣка отъ человѣческихъ жертвоприношеній съ распространеніемъ болѣе новой культуры. Побѣдоносное движеніе впередъ этой новой культуры, характеризующейся разведеніемъ виноградной лозы, представлено въ видѣ тріумфальнаго шествія, въ которомъ за колесницей побѣдителя слѣдуютъ въ мечтательномъ безпорядкѣ побѣжденныя носительницы древняго уклада; эти явленія опять-таки находятся въ тѣсной связи съ историческими событіями героическаго періода.

Взаимное положеніе побѣдителей и побѣжденныхъ въ этой борьбѣ соотвѣтствовало отношенію культа неба къ культу подземнаго міра. Боги находятся наверху, на небѣ, а сыновья Геи, гиганты, осаждаютъ ихъ снизу, съ земли. Отсюда въ миѳѣ паденіе культа изображается, какъ низверженіе его въ Оркъ. Такъ, народы съ культомъ Кроноса были побѣждены, и Кроносъ былъ низвергнутъ Зевсомъ въ Оркъ. Вмѣстѣ съ нимъ были сброшены туда и титаны, и миѳъ старается даже представить этическіе мотивы такого изгнанія ихъ. Богъ, упоминавшійся только для полноты миѳологической системы, не имѣвшій на землѣ ни власти, ни культа, ни сыновей, т. е. на происхожденіе отъ котораго не ссылался ни одинъ властитель, такой богъ въ миѳѣ подвергался, подобно Урану, кастраціи.

Великая борьба, наконецъ, окончилась; первобытное населеніе побѣждено, но не уничтожено; оно вошло въ составъ новой госу-

дарственной организаціи и получило въ ней значеніе, какъ достойный вниманія факторъ. Но одновременно съ этимъ и предметъ культа примкнувшаго племени присоединялся къ сонму боговъ героическаго племени, или, говоря миѳическимъ слогомъ, онъ требовалъ себѣ мѣста на Олимпѣ. Отсюда возникаетъ новый видъ миѳа, который можно назвать рецепціоннымъ миѳомъ. Такой миѳъ имѣетъ цѣлью объяснить самъ по себѣ противорѣчивый фактъ, что хтоническій богъ причисляется къ сонму олимпійскихъ боговъ. Два наиболѣе распространенныхъ культа древнѣйшаго населенія—культъ Деметры и Гермеса. Время ихъ пощадило, и они изъ прежняго своего положенія возвысились до общества олимпійскихъ боговъ, къ которымъ и причислены, но все таки извѣстно, что настоящее мѣстопребываніе ихъ — царство мертвыхъ. И вотъ миѳъ раздѣляетъ небо и подземный міръ между Деметрой и ея дочерью, Персефоной, которая собственно представляетъ Деметру только подъ новымъ именемъ. Она супруга бога подземнаго царства, но высшіе боги потребовали отъ него, чтобы онъ только наполовину владѣлъ ею. Наполовину она принадлежитъ надземному міру, наполовину подземному, являясь, такимъ образомъ, богиней и древняго, и новаго времени. А Гермесъ, какъ вѣстникъ боговъ, долженъ вѣчно находиться на пути изъ надземнаго міра въ подземный міръ; имѣя свободный доступъ на Олимпъ, онъ, тѣмъ не менѣе, какъ богъ мертвыхъ, не долженъ забывать своей обязанности сопровождать души умершихъ въ загробное царство.

Особый видъ миѳовъ составляютъ мѣстные рецепціонные миѳы, которые разъясняютъ фактъ принадлежности одного мѣста культа нѣсколькимъ божествамъ одновременно, причемъ исторія свидѣтельствуетъ, что каждое изъ нихъ въ свое время имѣло преобладающее значеніе. Миѳъ объясняетъ эти необыкновенныя обстоятельства довольно различнымъ образомъ. Амиклея была завоевана и разрушена дорійцами; святилище Гіакинѳа, которому мѣстное населеніе поклонялось до тѣхъ поръ, сдѣлалось, поэтому, храмомъ побѣдителя Аполлона. Но амиклейцы все же хорошо помнили, что подъ колонной побѣдителя находится могила ихъ героя, и, совершая жертвоприношеніе Аполлону, они одновременно приносили хтоническую жертву въ честь Гіакинѳа. Наконецъ, побѣдитель и побѣжденный слились въ одно представленіе, и миѳъ довольно смѣло поясняетъ, что Гіакинѳъ при жизни былъ въ любовныхъ сношеніяхъ съ Аполлономъ и поэтому былъ похороненъ въ его храмѣ.—До вторженія дорійцевъ подъ предводительствомъ Аполлона, ахеяне, по свидѣтельству Павзанія, почитали бога, по имени Карнея, что значитъ «другъ дома». Побѣдитель Аполлонъ присоединилъ его имя къ своему, и нашлась поэтеса, по имени Праксиха, которая изобразила это въ миѳѣ, представивъ, что Карней былъ пріемнымъ сыномъ Аполлона и Латоны. Совершенно такъ же, какъ въ Амиклеѣ, Аполлонъ присвоилъ себѣ святилище Исменія въ Ѳивахъ, и миѳъ передаетъ, что Исменій былъ сыномъ Аполлона.

Факты подобнаго рода предшествовали, конечно, пріуроченнымъ къ нимъ миѳамъ; это доказывается тѣмъ, что содержаніе миѳовъ измѣняется въ зависимости отъ различныхъ попытокъ толкованія одного и того же факта, между тѣмъ, какъ самый фактъ, разъясняемый миѳами остается тѣмъ же самымъ. Аѳина-Паллада, прекраснѣйшая богиня Греціи, также нашла уже

предшественника при самомъ основаніи своего господства на аѳинскомъ акрополѣ; его фетишистическое имя было змѣя, а человѣческое—Эрехтей, т. е. древній житель. И въ Одиссеѣ разсказывается, что у Эрехтея былъ домъ на той горѣ, и въ святилищѣ его и поселилась богиня Аѳина-Паллада. Но Филостратъ сообщаетъ по этому поводу миѳъ, вѣроятно, древнѣйшаго происхожденія, въ которомъ взаимныя отношенія между Палладой и Эрехтеемъ объясняются весьма просто: именно Аѳина-Паллада названа матерью Эрехтея. Между тѣмъ изъ другихъ элементовъ составился миѳъ о дѣвственности столь же прекрасной, сколько и мужественной властительницы Аѳинъ, и первое объясненіе уже теряло значеніе. Поэтому новый миѳъ разсказываетъ, что Эрехтей (или Эрехтоній) родился отъ матери-земли въ образѣ змѣи, а дѣва Аѳина сдѣлалась его пріемной матерью.

И опять пластическое искусство идетъ здѣсь рядомъ съ поэтическимъ, передавая намъ въ художественномъ образѣ совокупность историческихъ фактовъ. Объяснимъ это вкратцѣ: Аѳину, вѣроятно, первоначально представляли въ фетишѣ совы, она покорила себѣ или, по крайней мѣрѣ, изгнала изъ акрополя фетишъ змѣи и убила чудовище Эгиду, которое представляло собой тотемъ козу чужеземнаго народа, — и вотъ Аѳина изображается съ совой на шлемѣ, съ извивающейся около нея змѣей и съ покрывающимъ ея грудь трофеемъ—козьей шкурой эгиды.

Объясненія разобранныхъ нами до сихъ поръ миѳовъ мы всегда находили въ области культа, хотя, коснувшись вліянія фетишизма, мы почти приблизились къ границѣ ея. Но помимо этой области, миѳъ выростаетъ и на другой почвѣ, которая, такимъ образомъ, какъ-бы пріурочивается къ миѳу; содержаніе свое такіе адоптивные миѳы черпаютъ преимущественно изъ жизни природы и людей. Хотя въ окончательной формѣ такой привитый миѳъ имѣетъ видимую связь съ кореннымъ миѳомъ и вполнѣ на него походитъ, но существенное отличіе между ними состоитъ въ томъ, что не самый предметъ культа трактуется въ такомъ миѳѣ, но совершенно постороннее, само по себѣ заслуживающее интересъ событіе или дѣйствіе. Это послѣднее приписывается тому или другому лицу изъ области культа для связи съ изображеніемъ, или же дѣйствіе намѣренно связывается съ извѣстнымъ именемъ, чтобы такимъ образомъ привлечь вниманіе слушателя. Но наибольшій интересъ, конечно, возбуждаютъ въ народѣ тѣ разсказы, которые связаны съ именемъ наиболѣе почитаемаго бога.

Такимъ образомъ, всѣ героическія сказанія извѣстнаго народа могутъ быть изложены въ формѣ миѳовъ, но по внутреннему содержанію они не будутъ представлять настоящихъ миѳовъ, т. е. разсказовъ объ объектахъ и представленіяхъ культа. Такъ, въ Одиссеѣ встрѣчаются въ высшей степени интересныя по яркости изображенія и историческому значенію картины культуры на различныхъ ступеняхъ ея развитія. Разсказъ о Полиѳемѣ рисуетъ намъ картину пастушеской жизни изъ незапамятныхъ временъ, какъ ее представляли себѣ греки; на островѣ феаковъ мы знакомимся съ придворной жизнью патріархальнаго царства въ эпоху, когда огонь и домашній очагъ давали право убѣжища; позднѣе это право перешло къ алтарю и жрецамъ. Но и этимъ картинамъ, рисующимъ дѣйствительную жизнь, придается миѳическій характеръ. Боги греческаго Олимпа являются родственниками или патронами всѣхъ

дѣйствующихъ лицъ; этимъ весь разсказъ переносится въ область миѳовъ, что́, впрочемъ, само по себѣ служитъ характерной чертой народнаго міросозерцанія того времени. Настоящій миѳическій характеръ получаетъ разсказъ, когда боги-родственники и боги-патроны выводятся, какъ отдѣльныя лица, принимающія непосредственное участье въ дѣйствіи; эту вольность поэты позволяли себѣ повсюду.

Младенческому сознанію первобытнаго человѣка свойственно не описывать явленія природы, а разсказывать. Насколько это касается явленій изъ жизни животныхъ, разсказъ является правильной и вполнѣ подходящей формой изложенія; человѣкъ при этомъ только въ одномъ отступаетъ отъ дѣйствительности, какою представляетъ ее себѣ,—животныя въ этихъ разсказахъ изображаются говорящими. Изъ такого рода сказаній о животныхъ возникаетъ цѣлый эпосъ, какъ, напр., нѣмецкій «Рейнике-Лисъ». Это—единственное добавленіе въ разсказахъ о животныхъ, для которыхъ эпическая форма является вполнѣ соотвѣтствующей содержанію.

Но если человѣкъ хочетъ о другихъ явленіяхъ природы разсказать,—а это излюбленная форма изложенія у первобытнаго человѣка,—ему приходится прибѣгать къ аналогіямъ и изображать вещи и явленія въ образѣ вымышленныхъ дѣйствующихъ лицъ. Такимъ образомъ, создается сказка о природѣ; но она опять таки обращается въ адоптивный миѳъ, какъ только разсказчикъ, чтобы привлечь вниманіе слушателей, называетъ придуманныхъ имъ дѣйствующихъ лицъ знакомыми именами изъ области культа. Въ отдѣльныхъ случаяхъ часто трудно бываетъ отличить такой адоптивный миѳъ отъ настоящаго фетишистическаго миѳа.

Мы приведемъ для примѣра эпизодъ изъ наиболѣе извѣстной русской сказки. Василиса Прекрасная имѣла злую мачиху и двухъ злыхъ сестеръ, которыя хотѣли ее сжить со свѣту. Съ этой цѣлью онѣ посылаютъ ее къ вѣдьмѣ за огнемъ. Василиса идетъ черезъ лѣсъ. Ей на встрѣчу попадается всадникъ съ бѣлымъ лицомъ, въ бѣлой одеждѣ, на бѣломъ конѣ въ бѣлой сбруѣ—свѣтаетъ. Она идетъ дальше; ей попадается навстрѣчу другой всадникъ, съ краснымъ лицомъ, въ красной одеждѣ, на красномъ конѣ—солнце восходитъ. Она такъ шла цѣлый день и, наконецъ, видитъ избушку вѣдьмы. Ей опять навстрѣчу является всадникъ съ чернымъ лицомъ, въ черной одеждѣ и на черномъ конѣ—наступаетъ ночь. Василиса приходитъ къ вѣдьмѣ и спрашиваетъ, кто былъ бѣлый рыцарь. Вѣдьма отвѣчаетъ: «это мой бѣлый день».—«А кто красный?»—спрашиваетъ Василиса.—«Это мое красное солнышко».—А черный кто?—Это моя темная ночь; всѣ они мои вѣрные друзья». Все это могло бы составить простую сказку, какія народъ сочиняетъ сотнями. Но кто же сама эта вѣдьма? Всѣмъ вѣдьмамъ вѣдьма у славянъ—баба-яга; такъ она называется и въ этой сказкѣ. Миѳологически баба-яга означаетъ собой древнее праматеринское божество; путемъ такого замѣщенія сказка обращается въ миѳъ.

Новозеландцами создана прекрасная сказка о землѣ и о небѣ и о всѣхъ твореніяхъ въ отношеніи ихъ къ человѣку, изъ содержанія которой ясно видно, что не представленія культа вылились въ эту повѣствовательную форму, а исключительно фактическія обстоятельства, какъ они восприняты были человѣкомъ, нашли себѣ выраженіе въ ней; единственной цѣлью этихъ сказокъ было развлеченіе. Новозеландецъ по цѣлымъ днямъ и недѣ-

лямъ занимается плетеньемъ покрывалъ и циновокъ; онъ исполняетъ эту работу всегда въ сообществѣ съ другими, причемъ, какъ нѣкогда и у насъ на посидѣлкахъ за пряжей, разсказываются для развлеченья сказки. Спросъ на нихъ поэтому очень великъ, и сюжетомъ ихъ можетъ служить все, о чемъ только можно разсказать, преимущественно же предметомъ такихъ разсказовъ служитъ природа. Съ такой же цѣлью была сочинена и нижеслѣдующая сказка.

Небо и земля, говорится въ сказкѣ, это—отецъ и мать, и всѣ предметы вселенной дѣти этой супружской четы. Но въ древнѣйшія времена между небомъ и землей не было никакого промежутка: небо лежало на землѣ. Такое промежуточное пространство хотѣли создать дѣти, чтобы, такимъ образомъ, имъ легче было двигаться, какъ теперь. Дѣти были культурныя растенія, употребляемыя въ пищу, рыбы, гады, дикія питательныя растенія, люди, лѣса и вѣтеръ. Всѣ они, за исключеніемъ вѣтра, составили между собой заговоръ разъединить небо и землю. Каждый изъ нихъ по очереди пытался исполнить этотъ замыселъ, но безуспѣшно; ни у кого изъ пытавшихся не хватало для этого силы. Наконецъ, очередь дошла до лѣсовъ; разросшись высоко надъ землей, они съ силой подняли кверху сопротивлявшееся ихъ напору небо, а землю придавили книзу. Такъ осталось и понынѣ,—земля покоится подъ лѣсами, а небо простирается надъ ними. Всѣ дѣти остались внизу, только вѣтеръ, который не принималъ участія въ заговорѣ, поднялся за отцомъ вверхъ; оттуда онъ спустился на землю, чтобы отомстить своимъ братьямъ за отца. Онъ особенно набросился на лѣса и опрокинулъ ихъ, а воды возмутилъ. Тогда рыбы и пресмыкающіяся пришли въ ужасъ и смятеніе; тогда-то и случилось, что рыбы спустились въ глубь морей, а гады разбѣжались по сушѣ. Съ тѣхъ поръ братья и сестры разъединились: сестры живутъ въ моряхъ, а братья—на сушѣ. Но когда море увидѣло, что гады убѣжали изъ него и что суша приняла бѣглецовъ, оно стало бушевать и бросаться на прибрежныя лѣса. Лѣса, въ свою очередь, стали мстить морю, доставляя человѣку дерево для барокъ, для рыболовныхъ багровъ и острогъ, чтобы онъ могъ преслѣдовать защищаемыхъ моремъ рыбъ. За то море стало поглощать плывущія по немъ барки. Вѣтеръ не прекратилъ своего мщенія, продолжая уничтожать дикія и культурныя растенія, но они скрылись въ нѣдра матери - земли. Такъ бушующій вѣтеръ обратилъ всѣхъ своихъ братьевъ въ бѣгство; только человѣкъ остался твердъ и непобѣдимъ и негодовалъ, что братья такъ постыдно покинули его. Поэтому онъ также сталъ ихъ врагомъ и началъ преслѣдовать звѣрей и птицъ въ лѣсу, ловить рыбу въ морѣ, выкапывать себѣ въ пищу растенія изъ нѣдръ земли, и всѣхъ своихъ братьевъ и сестеръ сдѣлалъ себѣ подвластными; только съ буйнымъ вѣтромъ онъ все еще продолжаетъ бороться.

Сказка эта такъ вѣрно передаетъ отношеніе вещей въ природѣ, что не можетъ даже быть вопроса о томъ, откуда разсказчикъ-новозеландецъ заимствовалъ сюжетъ для нея. Тутъ и слѣда нѣтъ какого либо отношенія къ культу, и не ради объясненія религіозныхъ понятій создана была эта сказка. И все таки она является намъ въ формѣ миѳа, конечно, только адоптивнаго т. е. пріуроченнаго къ существующимъ миѳическимъ представленіямъ. Фетишизмъ установилъ въ человѣкѣ основное понятіе о соединеніи представленія

о божествѣ съ предметами природы, и, говоря о «матери—землѣ», человѣкъ путемъ аналогіи доходитъ до понятія объ отцѣ и сыновьяхъ. А такъ какъ въ культѣ уже выработаны соотвѣтственныя понятія и названія, то дикій человѣкъ и заимствуетъ ихъ оттуда и этимъ придаетъ разсказу, желательную для него пластичность. Такъ, вмѣсто того, чтобы говорить о первыхъ рыбахъ или прародителяхъ рыбъ и пресмыкающихся, разсказъ ведется о «богахъ» рыбъ и гадовъ съ опредѣленными именами, независимо отъ того—существуютъ-ли въ культѣ такія представленія или они придуманы по аналогіи.

Созданіе миѳологическихъ системъ.

Особый видъ миѳологическаго творчества представляютъ попытки связать съ какой-либо общей точки зрѣнія разрозненный матеріалъ культа и миѳовъ и придать ему единство системы. Разсмотрѣніемъ этихъ попытокъ мы и займемся. Наиболѣе извѣстныя изъ нихъ связаны съ именами Гомера и Гезіода. Исходя изъ признанія особой греческой національности съ опредѣленной греческой культурой, авторы въ предѣлахъ этого круга собираютъ отдѣльно возникшія данныя культа и миѳовъ и изображаютъ это съ извѣстной общей точки зрѣнія, какъ связное цѣлое. Въ этихъ попыткахъ связать несовмѣстимое не можетъ быть исторически вѣрнаго освѣщенія фактовъ, и миѳологическое творчество оставляетъ въ нихъ реальную почву дѣйствительности. Основы культа остаются, однако, на твердой почвѣ. Основанія классификаціи могутъ быть весьма различны въ зависимости отъ исходной точки зрѣнія, съ которой человѣкъ начинаетъ разбираться въ пестрой массѣ миѳологическихъ представленій, пытаясь привести ихъ въ порядокъ. Чаще всего исходной точкой для составленія такой классификаціи служатъ представленія фетишизма, и это — наиболѣе вѣрный путь. Но въ основѣ фетишизма лежитъ въ сущности представленіе что душа человѣка остается на землѣ и послѣ его смерти, хотя фетишизмъ впослѣдствіи значительно удаляется отъ этой первоначальной мысли.

Древнѣйшіе обитатели острова Гаити уносили своихъ мертвыхъ въ горы родного острова и представляли себѣ царство духовъ на горахъ и въ пещерахъ. Вторгнувшіеся къ нимъ карайбы были морскіе разбойники, которымъ приходилось бросать мертвыхъ въ море; по ихъ вѣрованію, духи жили въ глубинѣ морей. Точно также признавали горныхъ и морскихъ боговъ. Ассирійцы, какъ объ этомъ разсказывается въ Библіи, считали боговъ евреевъ «горными богами», между тѣмъ, какъ финикійскій Дагонъ съ тѣломъ рыбы, безъ сомнѣнія, являлся морскимъ богомъ, какъ греческій Посейдонъ съ трезубцемъ. На противоположеніи хтонизма уранизму основывалось распредѣленіе боговъ по двумъ царствамъ — подземнаго и надземнаго міра. Это послужило исходной точкой для основанія системы, которая аналогичными подраздѣленіями расширялась по всѣмъ направленіямъ,—путемъ-ли внесенія въ классификацію дѣйствительно существовавшихъ въ культѣ представленій или только созданныхъ воображеніемъ по аналогіи съ существующими. Послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется возникновеніе цѣлаго ряда божествъ, которыя собственно существовали только по имени; ихъ можно отличить отъ настоящихъ только по

тому, что они не пользовались культомъ ни со стороны народа, ни со стороны государства.

Такъ возникаютъ боги подземнаго міра, горъ, морей, рѣкъ и источниковъ, боги деревьевъ и лѣсовъ, боги воздуха и неба, вѣтровъ и созвѣздій, боги камней, животныхъ и растеній.

Такія системы чаще всего вытекали изъ чисто практическихъ цѣлей. Человѣкъ, приступая къ какому-нибудь занятію или промыслу, всегда призывалъ на помощь боговъ. Занятія у первобытныхъ народовъ почти у всѣхъ одинаковы и первоначально не знаютъ раздѣленія труда. Только постепенно раздѣленіе занятій, получивъ свое начало въ различномъ образѣ жизни мужа и жены, шло все дальше и дальше и съ расширеніемъ культуры раздѣлило весь народъ на отдѣльныя группы по профессіямъ и сословіямъ. Тогда, естественно, охотники стали ждать помощи отъ своего божества, отправляясь на охоту, а кузнецы въ своемъ искусствѣ — отъ своего. Такимъ образомъ, объекты культа этихъ группъ стали богами-покровителями отдѣльныхъ профессій, и отсюда могла произойдти новая система раздѣленія боговъ. Такъ появилось божество охоты, — соотвѣтственно древности этого первобытнаго промысла, оно являлось, большею частью, еще женскимъ божествомъ, — затѣмъ богъ скотоводства, земледѣлія—послѣднее божество также, большею частью, представлялось женскимъ,—богъ войны, богъ кроваваго суда, богъ царскаго дома, города, государства и т. д. Но миѳологическая система рѣдко проводится до конца въ полной послѣдовательности развитія этихъ представленій; обыкновенно божества древнѣйшихъ временъ пріурочиваются къ промысламъ позднѣйшаго времени; такимъ образомъ, Аполлонъ, богъ, являющійся на помощь во всѣхъ бѣдахъ, является покровителемъ то пастуха, то земледѣльца, то художника. Только тамъ, гдѣ какая-нибудь профессія получила кастовый характеръ, какъ, напр., каста жрецовъ или, въ болѣе древнее время, каста кузнецовъ, о чемъ у насъ шла рѣчь въ первомъ отдѣлѣ, божество, покровительствующее этой профессіи, носитъ слѣды болѣе рѣзкой обособленности, каковы богъ индійской касты жрецовъ—Брама и египетской Тотъ, а у грековъ, — Гефестъ, богъ кузнецовъ и виночерпіевъ.

Но въ Римѣ преимущественное развитіе получила система второстепенныхъ боговъ, которые призывались на помощь въ отдѣльныхъ случаяхъ жизни—«dii indigetes». У колыбели новорожденнаго являлись эти добрые боги и богини—divi et divae, имена которыхъ соотвѣтствовали оказываемой ими помощи: Partula помогала при актѣ рожденія, Vitumnus давалъ новорожденному жизнь, Sentinus — ощущеніе, Levana принимала его, Opis ухаживала за нимъ, Runima кормила грудью. Богъ Divus nodosus помогалъ подняться стеблю хлѣбнаго растенія до перваго «узла», Volutiva ростила влагалище колоса, Patelaena открывала его.

И въ этомъ рѣзко проявляется разница между характеромъ греческаго и римскаго народовъ. Греческая миѳологія создавала все новые и новые, привлекательные поэтическіе образы, служившіе благодарнымъ сюжетомъ для поэтическихъ и пластическихъ произведеній искусства; римская система въ конечномъ результатѣ представляла собой собраніе практическихъ указаній на различные случаи жизни.

Точно также третья форма дополнительной систематизаціи всего имѣющагося запаса миѳовъ почти совершенно не находила себѣ примѣненія у римлянъ, между тѣмъ, какъ еще египтяне кое-что сдѣлали въ этой области, а греки довольно рано создали обширную систему, основанную на этомъ генеалогическомъ методѣ. Римляне въ этомъ отношеніи сдѣлали только единственный шагъ: они высшую изъ всѣхъ Юнонъ (каждая женская душа была Юноной) опредѣлили въ супруги высшему Юпитеру, «optimus maximus». подобно тому, какъ на землѣ рядомъ съ главой дома стоитъ его супруга-хозяйка.

Путемъ такой же аналогіи, боговъ обширнаго, но раздѣлявшагося на множество племенъ и общинъ народа, не трудно было сгруппировать по степени родства между собой, и притомъ въ такой формѣ, какую мы видимъ въ Библіи въ «таблицахъ народовъ».

Въ Египтѣ, насколько извѣстно до сихъ поръ, генеалогической группировки мѣстныхъ боговъ не существовало; тамъ даже не пытались выдѣлить въ отдѣльную группу хотя бы главныя божества отдѣльныхъ областей, число которыхъ было около 42. Здѣсь только во многихъ мѣстахъ группировали боговъ попарно и выдѣляли изъ всей остальной массы группу «великихъ боговъ». Послѣдніе въ различныхъ мѣстахъ группировались по различнымъ системамъ, и число такихъ избранныхъ боговъ колеблется между шестью и девятью. Какъ общій принципъ, во всѣхъ этихъ попыткахъ можно указать то, что боги господствующаго дома или племени ставились на первое мѣсто, а затѣмъ къ нимъ присоединялись имена наиболѣе распространенныхъ божествъ. Но въ различныя времена господство сосредоточивалось въ разныхъ мѣстахъ, и въ зависимости отъ центра господства являлись и соотвѣтственныя системы боговъ, и системы эти, слѣдовательно, были различны. Въ циклъ боговъ Мемфиса входятъ слѣдующіе боги и божественныя четы: 1) Пта, 2) Ра, 3) Му и Тефнутъ, 4) Себъ и Нутъ, 5) Озирисъ и Изида, 6) Сетъ и Небти, 7) Горъ и Гаторъ. Болѣе древній Ѳивскій циклъ боговъ сгруппированъ такъ: 1) Аммонъ, 2) Менте, 3) Атму, 4) Му и Тефну, 5) Себъ и Нутъ, 6) Озирисъ и Изида (Гезиръ и Гасъ), 7) Гетъ и Небти, 8) Горъ и Гаторъ. Всѣ названныя здѣсь божественныя четы суть, по всей вѣроятности, лишь мѣстныя обозначенія божественныхъ праотца и праматери; наиболѣе извѣстной въ этомъ отношеніи четой являются Озирисъ и Изида. Они принадлежатъ къ хтонической группѣ боговъ и являются общенародными, далеко распространившими свою власть богами; первыми же въ циклѣ боговъ являются боги господствующей власти. Они мѣняются въ зависимости отъ центра господства. Въ Мемфисѣ такимъ первымъ богомъ считается Пта, который соединился съ прежнимъ властителемъ Геліополиса; въ Ѳивахъ, пока они являлись средоточіемъ власти лишь надъ Верхнимъ Египтомъ,—Аммонъ.

Въ этихъ системахъ еще не проводится никакой родственной связи между богами господствующей власти и общенародными божествами; но, начиная отъ отца Себа, бога земли, перечисляемыя божественныя пары составлены на основаніи связи между родителями и дѣтьми. Въ одной изъ позднѣйшихъ системъ къ имени Аммона, съ распространеніемъ господства его и на Нижній Египетъ, присоединяется имя мѣстнаго бога Ра, а остальные боги перечисляются въ послѣдовательномъ порядкѣ, какъ

сынъ за отцомъ: Аммонъ-Ра, Монтъ, Шу, Себъ, Озирисъ и Горъ. Съ именемъ Гора, какъ сына, и именами Озириса и Изиды, какъ супружеской четы, связано особенно много миѳовъ.

Основой классификаціи боговъ у египтянъ служитъ значеніе божества въ культѣ. Этимъ объясняется то, что въ систему вносятся только избранныя божества. Теогонія Гезіода, древнѣйшая попытка грековъ въ этомъ отношеніи, имѣетъ совершенно другой базисъ для систематизаціи. Это произведеніе уже совершенно свободно отъ вліянія культа; въ немъ дѣйствительные объекты культа связываются съ представленіями, не имѣющими никакого отношенія къ нему, исключительно лишь съ цѣлью всю совокупность представленій того времени вмѣстить въ одну, кое-какъ составленную мозаичную картину. Впрочемъ, все искусство составленія ея заключается въ достаточно произвольномъ генеалогическомъ сопоставленіи, причемъ изъ области народнаго культа сюда входитъ лишь представленіе о томъ, что до господствующихъ эллинскихъ боговъ существовало множество, по большей части, чуждыхъ божественныхъ существъ, прародительницей которыхъ была Гея, мать-земля. Гея произвела на свѣтъ Урана, небо, а также океанъ и множество до-эллинскихъ божественныхъ существъ, между прочимъ Ѳемиду, Кроноса, циклоповъ, эриній, гигантовъ и нимфъ. Въ родственной связи съ моремъ находились всѣ обезславленныя фетишистическія божества, которыми въ глазахъ эллинизма характеризовалось враждебное первобытное населеніе: Гарпіи, Греи и Горгоны, между ними Медуза, Пегасъ и Хризаоръ, «золотой мечъ», полузмѣя Эхидра, собака Ортуосъ, Церберъ, Лернейская Гидра, Химера, Немейскій левъ, а также рѣчные и земные фетиши.

Всѣхъ ихъ эллины называли «прежними богами»; такъ буквально выражается Гезіодъ относительно титановъ. Въ позднѣйшее время новѣйшіе боги уничтожили старыхъ; только одна Геката, праматерь древнѣйшихъ боговъ, подобно Геѣ, которая, въ сущности, была лишь названіемъ фетиша первой, продолжала считаться богиней и въ новѣйшее время; съ покореніемъ первобытнаго населенія старые боги пали въ борьбѣ, но никогда не уничтожался вѣчный культъ прародительницы. «Никогда Кронидъ ни въ чемъ ей не противорѣчилъ и не лишилъ того, чѣмъ она пользовалась при титанахъ, прежнихъ богахъ».

Изъ низверженныхъ боговъ Кроносъ является прародителемъ позднѣйшихъ боговъ. Надъ нимъ возвышался еще отецъ Уранъ, небо, — но онъ не имѣетъ ни культа, ни сыновей на землѣ, ибо Кроносъ кастрировалъ его. Кроносъ, у котораго было много сыновей, но который желалъ остаться единственнымъ властителемъ, проглатывалъ ихъ послѣ рожденія; наконецъ, Зевсъ былъ спасенъ отъ него; онъ извергъ Кроноса и его сообщниковъ изъ группы старыхъ боговъ, низринулъ его въ Оркъ и положилъ начало господству новаго божественнаго рода.

Потомки Кроноса: Гестія, богиня всѣхъ очаговъ, Деметра, женское божество земледѣлія, Гера, жена божественнаго властителя, Гадесъ, подземный міръ, и Зевсъ—новый властитель. Тутъ уже поэту остается только привести въ связь съ новымъ властителемъ наиболѣе замѣчательные, близко соприкасающіеся между собою эллинскіе культы. Такъ, къ числу многочисленныхъ дѣтей Зевса причисляются Музы, Персефона, Аполлонъ,

Артемида, Геба, Арей, Аѳина, Тритонъ, Гермесъ, Геркулесъ. Если признаніе такой связи могло удовлетворять позднѣйшее греческое народное сознаніе, то эту связь слѣдовало принять во вниманіе и для выясненія рѣзкаго различія мѣстныхъ культовъ, что̀ и было выражено въ соотвѣтственныхъ миѳахъ о множествѣ женъ и наложницъ, а также любовныхъ связей отца боговъ. Такимъ образомъ, болѣе точное представленіе о мѣстномъ божествѣ и его божественныхъ правахъ получалось черезъ опредѣленіе происхожденія его съ материнской стороны. Можно себѣ представить, какое широкое поле здѣсь представлялось для игры поэтической фантазіи.

Подобно тому, какъ древняя каста кузнецовъ во многихъ странахъ продолжала заниматься своей прежней профессіей и, прикрѣпленная къ землѣ, имѣла мало сношеній съ господствующимъ народомъ, но тѣмъ не менѣе, благодаря своему таинственному искусству, пользовалась неприкосновенностью, сохраняя свой собственный культъ, — такъ и хромой Гефестъ, располагавшій боговъ къ громкому веселью, не могъ быть причисленъ Гезіодомъ къ роднымъ сыновьямъ Зевса. Онъ скорѣе попалъ въ семью новыхъ боговъ, въ качествѣ подкидыша, родившагося отъ Геры и неизвѣстнаго отца; какъ современные африканцы, подобно древнимъ, относятся къ кузнецамъ наполовину съ презрѣніемъ, наполовину съ уваженіемъ, такъ и этотъ богъ кузнецовъ, бывшій одновременно и виночерпіемъ, и изображаемый при этомъ чрезвычайно безобразнымъ, то изгонялся изъ Олимпа, то снова туда принимался.

Теогонія Гезіода должна была оказать значительное регулирующее вліяніе на умъ грековъ, но она все-таки не служила руководящимъ началомъ для послѣдующихъ поэтическихъ твореній подобнаго рода. Каждый новый поэтъ пытался разрѣшить эту проблему иначе, стремясь, такимъ образомъ, соединить совершенно разрозненный матеріалъ. Эти попытки систематизаціи обыкновенно не основывались ни на какой народной традиціи, что̀ доказывается ихъ полнѣйшей независимостью другъ отъ друга. Такъ, напр., Гезіодъ называетъ супругою Гефеста Аглаю, Иліада —Хариту, Одиссея—Афродиту.

Окончательный выводъ, къ которому должна была придти система, основанная также и на народныхъ представленіяхъ, мы можемъ установить на основаніи характера возникавшихъ культовъ путемъ завоеваній одного племени другимъ. Повсюду, гдѣ Аполлонъ овладѣвалъ святилищемъ какого-нибудь героя, миръ между ними заключался такимъ образомъ, что герой этотъ становился или сыномъ, или преемникомъ, или любимцемъ бога-завоевателя. Слѣдовательно, и Аполлонъ, подобно Зевсу, находится въ такихъ условіяхъ, что не можетъ явиться образцомъ цивилизованнаго супруга. Вообще греки, подъ давленіемъ этой системы, не имѣли возможности выразить этическій идеалъ въ мірѣ своихъ божествъ; Геродотъ еще за 400 л. до Р. Хр. открыто выражаетъ свое сожалѣніе о томъ, что миѳологическое творчество за 600 лѣтъ до него, со временъ Гомера и Гезіода, вступило на этотъ путь.

Примѣчанія къ III-му отдѣлу.

[1]) Болѣе чѣмъ всякое другое достояніе культуры, языкъ можно назвать результатомъ общественной жизни человѣка. И всякое мышленіе есть въ сущности общественное дѣйствіе, такъ какъ даже одинокій мыслитель говоритъ невидимымъ слушателямъ; еслибы человѣкъ не былъ общественнымъ существомъ, онъ не обладалъ бы языкомъ или ограничивался бы лишь скудными зачатками его. То обстоятельство, что мы объясняемся съ помощью звуковъ, пользуясь для этого нашими голосовыми органами, имѣетъ менѣе существенное значеніе. На самомъ дѣлѣ, борьба между языкомъ звуковъ и языкомъ жестовъ до сихъ поръ еще не вполнѣ закончена. Если языкъ звуковъ имѣетъ несомнѣнныя преимущества, какъ напр., возможность сообщенія на большихъ разстояніяхъ, то языкъ жестовъ оказывается болѣе полезнымъ, когда нужно объясняться между собою такъ, чтобы не быть услышанными другими, какъ напр., на охотѣ и т. п. Побѣду языка звуковъ, быть можетъ, приходится объяснить тѣмъ, что человѣкъ имѣетъ болѣе естественной склонности къ нему: большую или меньшую склонность выражать свои мысли и чувства звуками мы находимъ и у животныхъ. Такъ нѣкоторые попугаи вовсе неспособны заучивать слова, тогда какъ другіе съ большою легкостью запоминаютъ ихъ; съ другой стороны, обезьяны выказываютъ большее расположеніе къ языку жестовъ, чѣмъ къ языку звуковъ. Возможно, что большая склонность человѣка къ звуковому языку обусловливается прямымъ хожденіемъ и формою его лица. Эти естественныя условія, впрочемъ, только облегчали развитіе звукового языка, но сами по себѣ источникомъ его быть не могли. Источникомъ этимъ могло быть только глубокое, присущее человѣку стремленіе быть понятымъ другими: „языкъ, какъ выражается Вундтъ, имѣетъ первоначальный источникъ въ непобѣдимомъ стремленіи выражать свои представленія и чувства“. Разговорное общеніе между людьми служитъ къ установленію чувства общности; оно является главнымъ средствомъ сохраненія и поддержанія гармоніи и связи общества.

При расчлененіи языковъ мы наталкиваемся на корни, какъ на конечные элементы, не поддающіеся дальнѣйшему разложенію; они во всѣхъ языкахъ немногочисленны и въ нихъ мы узнаемъ зачатки, непосредственно вызванные къ жизни творчествомъ языка. Если намъ удастся найти истинное и первоначальное значеніе этихъ корней, мы узнаемъ для обозначенія какихъ предметовъ, дѣйствій или качествъ они служатъ, и при этомъ откроемъ путь, какимъ человѣкъ дошелъ до своего членораздѣльнаго языка. Если, напр., всѣ корни относятся къ лицамъ или конкретнымъ предметамъ, то они должны были произойти изъ звуковъ, сопровождавшихъ жесты указательнаго или описательнаго характера; если-же, напротивъ, въ нихъ выражаются подражанія голосамъ животныхъ и звукамъ природы, то звуковое подражаніе должно быть признано главнымъ источникомъ языка. Въ прежнее время мнѣнія ученыхъ раздѣлялись между двумя этими предположеніями, но теперь уже можно считать доказаннымъ, что ни то, ни другое изъ нихъ не соотвѣтствуетъ истинѣ: корни, какъ это выяснено Гейгеромъ и Нуаре, обозначаютъ различные виды человѣческой дѣятельности и произошли въ качествѣ сопровождавшихъ ихъ звуковъ. Основная идея названныхъ ученыхъ дополняется остроумными соображеніями Карла Бюхера, изложенными въ его книгѣ „Работа

и ритмъ“ [1]). На множествѣ примѣровъ онъ доказываетъ, что почти всѣ виды дѣятельности первобытныхъ народовъ и рабочихъ слоевъ нашего населенія сопровождаются шумами, которые, повторяясь съ извѣстнымъ ритмомъ, превращаются въ настоящія рабочія пѣсни, т. е. представляютъ переходъ отъ нечленораздѣльныхъ шумовъ къ членораздѣльной рѣчи. Когда опредѣленный звукъ начиналъ служить для обозначенія какой нибудь работы, то этотъ звукъ напоминалъ не только самую работу, но и всѣ связанныя съ нею вещи, при чемъ требовались лишь незначительныя измѣненія корня.

Вмѣстѣ съ началомъ дѣятельности языка начинается и борьба между творческими и охраняющими или задерживающими силами. У дикихъ народовъ эти послѣднія еще слишкомъ слабы и потокъ творчества языка, вырвавшись на свободу, течетъ неудержимо, не подчиняясь никакимъ правиламъ; послѣдствіемъ этого является множество языковъ и нарѣчій, часто преобразующихся, постоянно то обогащающихся, то оскудѣвающихъ въ составѣ своихъ словъ и въ способахъ выраженія. Замѣчательно, что творческая сила человѣка на низшихъ ступеняхъ культуры всего болѣе обнаруживается въ языкѣ. И весь строй европейскихъ языковъ исходитъ изъ темнаго до-историческаго прошлаго; съ теченіемъ времени формы ихъ скорѣе становились бѣднѣе, чѣмъ богаче. Только высшая культура придаетъ большую прочность формамъ языка, но и она не въ состояніи устранить мелкія преобразованія, которыя со временемъ становятся крупными. И между словами и выраженіями одного и того же языка, и между языками различныхъ племенъ происходитъ борьба за существованіе. Борьба эта идетъ параллельно съ политическими войнами и побѣдами, но исходъ ея не всегда бываетъ одинаковъ. Завоеватель навязываетъ покореннымъ свой языкъ, но обыкновенно это удается ему лишь тогда, когда онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ и умственнымъ превосходствомъ или значительнымъ перевѣсомъ своей численности; въ противномъ случаѣ, языкъ его исчезаетъ и лишь обогощаетъ языкъ, взявшій верхъ надъ нимъ, отдѣльными словами и собственными именами. Замѣна первоначальнаго языка другимъ ведетъ за собой неисчислимыя послѣдствія: новый языкъ придаетъ духу иное содержаніе и присоединяетъ обладателя его къ группѣ умственно связанныхъ между собою людей, которая до тѣхъ поръ далеко отстояла отъ него: онъ теряетъ духовное наслѣдіе своихъ предковъ и пріобрѣтаетъ за то новое, оказывающее глубокое вліяніе на его характеръ. У народовъ низшей культуры различные языки встрѣчаются даже въ кругу одного и того же племени. Женщины, взятыя изъ другого племени, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохраняютъ свой языкъ и, кромѣ того, отдѣльныя группы не рѣдко обнаруживаютъ наклонность къ выработкѣ особаго языка, отличающагося отъ обыкновеннаго извѣстными словами и формами. Благодаря образованію особыхъ языковъ среди племенъ и народовъ, тамъ происходитъ непрерывное развитіе языка, которое усиливается, когда сношенія съ другими народами происходятъ не постоянно и не правильно и не вынуждаютъ къ образованію точныхъ и общепонятныхъ формъ. Но и сношенія съ другими народами могутъ содѣйствовать развитію новыхъ языковъ, хотя и въ нѣсколько иномъ видѣ. Какъ скоро нѣсколько племенъ, говорящихъ на различныхъ языкахъ, соприкасаются между собою, рано или поздно обнаруживается невозможность овладѣть всѣми этими языками. Вслѣдствіе того, между ними возникаетъ борьба за существованіе, кончающаяся побѣдой какого нибудь одного нарѣчія, которое становится обиходнымъ языкомъ между всѣми этими народами. Оно при этомъ является искаженнымъ, до-нельзя упрощеннымъ и обремененнымъ множествомъ чужихъ словъ. Эти, такъ называемые lingua franca встрѣчаются во всѣхъ странахъ, гдѣ должны вступать въ сношенія между собою разноязычныя населенія: они существуютъ и въ Африкѣ, и на Малайскомъ архипелагѣ, и въ Китаѣ и проч. Къ нимъ нѣмецкіе ученые присоединяютъ и англійскій языкъ, въ основѣ котораго лежитъ нижне-нѣмецкое нарѣчіе, измѣненное и упрощенное, подъ вліяніемъ многихъ народныхъ элементовъ Англіи не-германскаго происхожденія.

(См. Schurtz, „Urgesch. d. Kultur, 471—485.)

---

[1]) Эта книга имѣется въ русскомъ переводѣ подъ упомянутымъ заглавіемъ въ изданіи О. Н. Поповой.

²) Основнымъ ощущеніемъ, выступающимъ во всѣхъ религіяхъ, можно назвать чувство зависимости, которое уже само по себѣ требуетъ извѣстнаго противодѣйствія. Эта зависимость проявляется въ двоякомъ видѣ: съ одной стороны, это—силы природы, которыми непосредственно обусловливается человѣческая жизнь и которыя слишкомъ часто выказываютъ свое превосходство въ суровомъ или жестокомъ видѣ; съ другой стороны, это—устойчивыя формы человѣчества, семья, родъ, народъ, прошедшія и грядущія поколѣнія, по отношенію къ которымъ отдѣльное лицо представляется быстро исчезающей каплей источника, отражающей лишь въ теченіе одного мгновенія блескъ солнца и великолѣпіе земли. Это—могущественныя, но не опредѣленныя силы, относительно которыхъ человѣкъ долженъ стать въ то или иное положеніе, если желаетъ охранить себя; если даже въ обычной жизни это чувство чуждо ему, то случайными несчастіями и опасностями онъ понуждается къ противодѣйствію, т. е. къ дѣйствіямъ религіознаго характера.

Первоначально объясненія явленій природы беретъ на себя религія, и эту сторону ея мы называемъ миѳологіей. Но ядро религіи заключается не въ миѳологическихъ толкованіяхъ природы; а въ дѣйствіяхъ, проявляющихся въ видѣ реакціи на всѣ потрясенія человѣческаго существованія и имѣющихъ цѣлью повліять на сверхчувственныя силы и подчинить человѣку неземныя силы. Эти религіозныя дѣйствія уже сами по себѣ облегчаютъ угнетенную душу. Но они этимъ не ограничиваются: они уничтожаютъ чувство безнадежнаго отчужденія, они превращаютъ сознаніе зависимости въ чувство обезпеченности, располагая силы, угрожающія гибелью, посредствомъ религіозныхъ дѣйствій къ дружелюбному отношенію, а другія, относящіяся безразлично,—къ дѣятельной помощи. Здѣсь мы также можемъ различить два пути развитія: мы можемъ говорить о культѣ, какъ скоро человѣкъ просто обращается съ просьбой или жертвенными дарами къ высшимъ силамъ, чтобы снискать ихъ милость и помощь; напротивъ мы можемъ называть это мистикой, когда человѣкъ вѣритъ, что въ немъ самомъ есть нѣчто неземное, способное познавать высшія силы, когда онъ стремится эту таинственную, безсознательную внутреннюю жизнь использовать для своего сознанія и этимъ путемъ подчинить себѣ и другія сверхъестественныя силы. Мистика, которая въ своихъ низшихъ формахъ проявляется въ видѣ шаманизма, магіи, ворожбы и т. п., представляетъ величайшую важность въ зачаточномъ состояніи всѣхъ религій; у культурныхъ народовъ она или облагораживается, или отступаетъ на задній планъ, но совсѣмъ никогда не изчезаетъ.

Всѣ высшія формы религіи слились изъ миѳологіи, культа и мистики въ одно цѣлое; на первичныхъ ступеняхъ, напротивъ, эти зачатки часто являются независимо одинъ отъ другого. Повсюду можно найти миѳологическіе разсказы, предназначенные лишь для удовлетворенія сомнѣній, но не оказывающіе никакого вліянія на религіозныя дѣйствія. Съ другой стороны, мы видимъ культъ, какъ непосредственное противодѣйствіе различнымъ опасностямъ и бѣдствіямъ, помимо какой либо опредѣленной цѣли и миѳологическаго толкованія; въ особенности при появленіи новыхъ, неизвѣстныхъ болѣзней часто возникаютъ прежде всего дѣйствія культа, лишенныя всякаго плана, пока постепенно выработаются установившіяся идеи о демонахъ болѣзней, съ которыми приходится имѣть дѣло. Наконецъ, мистика въ своихъ простѣйшихъ формахъ, каковы, напр., боязнь дурного глаза, также выступаетъ сперва вполнѣ самостоятельно, и часто проходитъ долгое время, прежде чѣмъ она смѣшается съ высшими религіозными обычаями и представленіями. Вообще низшія формы во многихъ случаяхъ сохраняются вполнѣ неприкосновенными рядомъ съ высшими; еще во многихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Германіи крестьянинъ набожно посѣщаетъ церковь, но не считаетъ излишнимъ прибѣгать къ нѣкоторымъ языческимъ средствамъ противъ колдовства, прибивая ихъ гвоздями къ дверямъ конюшни, вмѣсто того, чтобы обращаться къ Библіи или къ помощи пастора.

Зачатки всѣхъ религій ведутъ въ концѣ концовъ къ идеѣ божественнаго единства всего мірового цѣлаго; послѣднее, впрочемъ, можетъ быть понимаемо весьма различно и можетъ колебаться между идеей человѣчески чувствующаго, любящаго и иногда негодующаго высшаго существа и чистымъ пантеизмомъ. Миѳологія, допытывающаяся конечныхъ причинъ всѣхъ вещей, культъ, поднимающійся отъ низменныхъ и безобразныхъ понятій о божествѣ до формъ болѣе

и болѣе чистыхъ и высокихъ, мистика, изслѣдующая скрытыя силы міра и жизни, всѣ подъ конецъ приходятъ въ сознаніи къ высшему единству. На этомъ необходимомъ пути развитія отдѣльныя религіи подвинулись болѣе или менѣе въ зависимости отъ характера своихъ послѣдователей; точно также и отдѣльныя зачатки религіи развились не равномѣрно. Если въ древней Эллады преобладала миѳологическая сторона, а у индусовъ — мистика, то въ Китаѣ выдвинулось на первый планъ нравственное ученіе подъ вліяніемъ Конфуція. тогда какъ мистика Лао-тсе только отчасти нашла себѣ откликъ и быстро выродилась. Характеръ народа оказываетъ всегда глубокое вліяніе на его вѣроученіе. Еслибы въ настоящее время появилась міровая религія, которая была бы принята всѣмъ человѣчествомъ, то не далѣе, какъ черезъ сто лѣтъ, у каждаго народа была бы своя вѣра или свое воззрѣніе на всемірное ученіе. Исторія христіанства, раздѣляющагося на три вѣтви, соотвѣтственно тремъ главнымъ группамъ европейскаго населенія, весьма поучительна въ этомъ отношеніи.

(См. Schurtz, Gesch. d. Kult., 554—558).

ОТЪ РЕДАКТОРА.

«Исторія культуры» Липперта — сочиненіе настолько самостоятельное и цѣльное, что не нуждается ни въ какихъ исправленіяхъ или дополненіяхъ. Поэтому мы позволили себѣ прибавить къ тексту автора лишь немногія примѣчанія пояснительнаго характера. Съ тою же цѣлью къ 81 рисунку, помѣщенномъ въ нѣмецкомъ изданіи Липперта мы присоединили 29 рисунковъ, заимствованныхъ изъ «Urgeschichte der Kultur» (Древнѣйшая исторія культуры) Г. Шурца.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

Забота о пищѣ. Одежда и жилище.

	Стр.
Введеніе	3
Распространеніе человѣчества	5
Пища первобытнаго человѣка и преданіе объ употребленіи молока	10
Плоды и мясо	12
Первыя заботы объ обезпеченіи своего существованія	19
Древнѣйшіе виды земледѣлія	23
Утварь для приготовленія пищи	29
Земледѣльческія орудія	34
Животная пища	37
Орудія и оружіе изъ камня	43
Огонь и его ближайшее примѣненіе	53
Искусство варки и нормальныя купанья	65
Услажденіе жизни	72
Прирученіе животныхъ	86
Домашнія животныя кочевниковъ	98
Съ одной стороны вино и растительное масло, съ другой пиво и животное масло	109
Дубленіе и тканье	111
Украшенія и одежда	117
Жилища и постройки	133
Обработка металловъ и ихъ распространеніе	149
Торговля и судостроеніе	158
Примѣчанія къ 1-му отдѣлу	165

ОТДѢЛЪ II.

Общество, семья, собственность, управленіе и судъ.

Развитіе общественныхъ формъ	171
Древнѣйшая форма семьи	182
Остатки старины въ историческое время	191
Раздвоеніе дома	196
Патріархальная семья	200
Переживанія нравовъ переходнаго времени	205
Новые обычаи въ переходное время	210
Воспоминанія въ миѳахъ и сказаніяхъ	214
Позднѣйшія формы заключенія брака	216

Стр.

Полигамія. 219
Родовая и отдѣльная семья. 222
Изъ исторіи собственности 223
Рабство 231
Поземельная собственность. 246
Дворянство. 259
Древнѣйшія формы правительства 265
Новѣйшія формы государственнаго устройства и правительства. 274
Судъ. 282
Примѣчанія ко 2-му отдѣлу. 293

ОТДѢЛЪ III.

I. Языкъ, письмо и счетъ.

„Первичный языкъ“ человѣчества. 298
Языки и племена. 314
Письмо 325
Въ области чиселъ. 336

II. Область культа.

Культъ, миѳы и религія 341
Вѣра въ души и духовъ 345
Обычаи, предшествовавшіе культу 350
Посты и праздники. 352
Позднѣйшая форма культа 356
Каннибализмъ 366
Замѣщеніе. 377
Фетишизмъ. 381
Представленія о божествѣ 387
„Забота о спасеніи души“ въ древнѣйшемъ смыслѣ 393
Колдовство. 402
Высшія формы жречества. 409
Нравственность и культъ. 415

БИБЛІОТЕКА
№ 7484
КСПР.

III. Миѳологія.

Элементы ея 419
Созданіе миѳологическихъ системъ 440
Примѣчанія къ 3-му отдѣлу 445

Y 4184.

Ленсоргиз
МАГАЗИН 326
р. 10 —
10 —
8052
БИБЛИОТЕКА
М-08